РУССКИЕ РЯЗАНСКОГО КРАЯ

том 1

Русские Рязанского края

Книга издается
при поддержке Губернатора и Правительства
Рязанской области

Российская академия наук
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Русские Рязанского края

том 1

Москва «ИНДРИК» 2009

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 06-04-16127д)

УДК 391/395
Р 89

Русские Рязанского края /
Ответственный редактор С.А. Иникова. т. 1. —
М.: «Индрик», 2009 — 616 с., илл.

ISBN 978-5-91674-017-2

Монография является итогом многолетних экспедиционных исследований, проведенных авторами в Рязанском крае, а также работы в архивах и музеях. Она посвящена русской народной культуре, прежде всего сельского населения. Ее сложность и многогранность, имеющиеся в ней разновременные напластования нашли отражение на страницах книги. Первый том включает главы, в которых анализируются процессы заселения края и особенности формирования населения, представления рязанцев о соотношении общерусской и региональной истории. Главы о материальном быте — хозяйстве, жилище, одежде — дополняются исследованиями о духовно-обрядовом оформлении этих компонентов культуры. На страницах книги запечатлена богатая праздничная культура Рязанщины, освещаются процессы, которые происходили в ней в XIX — начале XXI в.

На форзаце и нахзаце карты Л.В. Беркасовой
На 2-й странице фото В. Шверова

ISBN 978-5-91674-017-2

© Коллектив авторов, текст, 2009
© РЭМ, фото, 2009
© Издательство «Индрик», 2009

Оглавление
Том 1

Предисловие (В.А. Тишков) 10

Раздел 1.
Вводная часть

Введение 12

Глава 1. История этнографического изучения русских Рязанского края *(Б.В. Горбунов)* 18

Глава 2. Этническая история *(Б.В. Горбунов)* 30

Формирование населения 31

Этнографические группы русских 42

Неславянское население 48

Татары. — Мордва. — Другие неславянские группы населения.

Глава 3. Говоры Рязанского края *(И.И. Исаев, И.А. Букринская, О.Е. Кармакова)* 56

Диалектные особенности, свойственные рязанским говорам 60

Фонетические черты

Фонетические признаки юго-западного ареала. — Фонетические признаки северо-восточного ареала.

Морфологические черты

Локальные морфологические черты.

Основные лексические черты

Глава 4. Исторические представления и самоидентификация русских Рязанского края *(А.В. Буганов)* 70

Раздел 2.
Крестьянское хозяйство

Глава 5. Крестьянское хозяйство (XIX – начало XXI в.) *(С.А. Иникова)* 90

Природно-климатическое и хозяйственное районирование

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В XIX – НАЧАЛЕ XX В. 94

Земледелие 94

Землепользование. — Обеспеченность землей. — Системы земледелия. — Пахотные орудия и тягловая сила. — Культуры и урожайность. — От посевной до уборочной. — Огородничество и садоводство.

Скотоводство 121

Обеспеченность скотом. — Корма и содержание скота.

Отношение к труду и земле 127

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ 130

Изменения в хозяйстве советского доколхозного крестьянства 130

Крестьянское хозяйство в колхозный период 135

Начало 1930-х — середина 1960-х гг.

Усадьба. — Земледелие на усадьбе. — Скот и птица. — Выплата денег.

Середина 1960-х — начало 1990-х гг.

Личное сельское хозяйство в постсоветский период (начало 1990-х — начало 2000-х гг.) 148

Землепользование. — Старое и новое. — Отношение к земле и труду на ней.

Глава 6. Промысловая деятельность рязанских крестьян и крестьянская торговля *(С.А. Иникова)* 168

ПРОМЫСЛЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX В. 170

Природно-географический и экономический факторы в промысловой деятельности 170

Неземледельческие промыслы 173

Местные промыслы. — Отхожие промыслы.

Сельскохозяйственные промыслы 194

Влияние промысловой деятельности на крестьянский уклад 197

ПРОМЫСЛЫ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД 200

Местные промыслы. — Отхожие промыслы.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ТОРГОВЛЯ 212

Глава 7. Метеорологические и фенологические наблюдения. Магия в земледелии *(С.А. Иникова)* 226

Народные метеорологи и фенологи 228

Прогнозирование и гадание о погоде и урожае (сентябрь – конец апреля / начало мая) 230

Магия, фенология и метеорология в земледельческом процессе (конец апреля / начало мая – начало осени) 273

Магия начала. — Сев зерновых культур. — Посадка огорода. — Период роста и созревания. — Сбор урожая.

Глава 8. Скотоводческая и птицеводческая обрядность *(С.А. Иникова)* 258

Обряды со скотом 260

Покровители скота

Календарная обрядность

Обряды жизненного цикла 263

Отел и ожереб. — Обряды с новорожденными телятами и жеребятами. — Обряд очищения коровы. — Ритуальная пища. — Доение.

Продажа и приобретение скота 270

Сделка купли-продажи. — Из старого двора. — В новом дворе.

Первый выгон и пастбищный период 276

Обряды, совершаемые на подворье. — Обряды, совершаемые вне подворья. — Пастбище — двор: проблемы и их решение.

Борьба с болезнями и падежом скота 281

Птицеводческая обрядность 284

Календарные обряды с птицей 284

Производственная обрядность 284

Период высиживания цыплят. — Купля-продажа.

Глава 9. Крестьянская правовая культура в символах: знаки собственности *(С.С. Крюкова)* 292

Глава 10. Питание жителей Рязанского края в XIX – начале XXI в. (повседневная и праздничная пища) *(Т.А. Воронина)* 304

Повседневная и праздничная пища в XIX – первой половине XX в. 316

Традиционное питание в XIX – начале XX в.

Утварь. — Повседневная пища. — Режим питания и застольный этикет. — Праздничная пища.

Особенности питания сельского населения в период с 1917 до середины 1950-х гг.

Повседневная и праздничная пища с середины 1950-х до начала 1990-х гг. 318

Питание сельского населения в 1990-е – начале 2000-х гг. 322

Раздел 3.
Поселения и жилище

Глава 11. Сельские поселения и жилище *(Л.Н. Чижикова)* 330

Поселения 331

Жилые и хозяйственные постройки 340

Сельское жилище в XIX – начале XX в.

Планировка дома. — Планировка жилого помещения. — Застройка усадьбы.

Изменения в сельском жилом комплексе в 1920–1930-е гг. 368

Современное жилье 370

Глава 12. Дом в обычаях, обрядах и поверьях *(С.А. Иникова)* 382

Выбор места и времени. — Строительные обряды. — Плотники и печники. — Переселение в новый дом. — Внутреннее пространство жилища и его семантика.

Раздел 4.
Одежда

Глава 13. Ткачество Рязанского края *(Т.А. Зимина)* 402

Пряжа для тканья. — Способы тканья.

Техника ткачества 407

Полотняное переплетение. — Саржевое переплетение. — Закладное ткачество. — Браное ткачество. — Сложное тканье. — Многоремизное ткачество. — Ажурное ткачество.

Ткачество на заказ и на рынок 423

Глава 14. Народная одежда *(Л.Н. Чижикова)* 428

Женская одежда 429

Рубаха. — Понёва. — Юбка. — Сарафан. — Передник. — Нагрудная одежда. — Головные уборы.

Мужская одежда 463

Верхняя одежда 465

Навесные украшения 469

Пояс. — Украшения нагрудные и шейные, височные, ручные, наспинные.

Обувь 472

Изменения в одежде сельских жителей в XX в. 475

Глава 15. Вышивка Рязанского края *(И.И. Шангина)* 490

Предметы, орнаментированные вышивкой. — Материал и цвет вышивки. — Технические приемы. — Орнамент.

Раздел 5.
Праздничная культура

Глава 16. Календарно-праздничная культура: традиции и этнотрансформационные процессы *(Л.А. Тульцева)* 508

Праздники первозимья. — Праздники зимнего солнцестояния. — Святки. — Масленица. — Праздники встречи весны. — Страстная седмица и Пасхальное сорокадневье. — Семицко-троицкий цикл. — Летне-осенние праздники.

Глава 17. Новые праздники XX – начала XXI в. *(С.А. Иникова)* 558

Альтернативные советские праздники 559

Советские государственные праздники 563

Становление советских праздников в 1920-е гг. — Советские праздники послевоенного периода.

Праздники новой России 579

Указатель населенных мест Рязанского края. Т. 1. 584

Предисловие

Для меня составляет огромное удовольствие представить читателю эту замечательную книгу — результат многолетних экспедиций и архивных изысканий коллектива ученых. Русская тематика была и остается научным приоритетом Института этнологии и антропологии РАН, где создавался этот труд. По крайней мере так было последние 20 лет, особенно с момента преобразования Отдела восточнославянской этнографии в Отдел русского народа. Приоритетность этого направления объясняется прежде всего тем, что русский народ, его язык и культура являются доминирующими в этнокультурном многообразии России. В историческом, демографическом и культурном отношении русские составляли основу российской государственности. На всех этапах истории страны они выступали главными участниками важнейших свершений: хозяйственного освоения огромных территорий, организации управления, распространения религии в форме русского православия, политического управления и культурного созидания.

Особое внимание к русской тематике в России проявилось после распада СССР, поскольку из состава исторического российского государства ушли территории, населенные в основном другими народами, а этнические русские составили более 80% жителей страны. Российские регионы, где проживают преимущественно русские, пережили глубокие трансформации, однако они сохранили основы русской культуры, традиции материальной и духовной жизни, которые уходят своими корнями в вековое прошлое. Их только нужно уметь увидеть, объяснить и поддержать. А это далеко не всегда имеет место, когда речь заходит о сохранении и развитии этнокультурного многообразия России.

Новое время политической и социальной неустойчивости, рыночной экономики, интенсивной миграции, распространения массовой культуры оказало разрушительное воздействие на русскую народную культуру. На глазах нынешнего поколения исчезли из культурного арсенала многие элементы быта, изменились отношения между людьми и их взгляд на жизнь, морально-нравственные нормы. Содержание постсоветских трансформаций носит противоречивый характер. В город и село проникла универсальная массовая культура, установки на потребительство и индивидуалистское поведение, новые межпоколенческие отношения, социальные связи и некоторые семейные нормы. Реформы носили болезненный характер и воспринимались многими людьми отрицательно, тем более что новая жизнь не устранила старые социальные проблемы, такие как плохие дороги и жилье, алкоголизм, бюрократия. Но одновременно в жизнь пришли автомобили и мобильные телефоны, благодаря чему более активными стали связи между селом и городом, между родными и близкими. В русских регионах произошел исторический поворот в сторону православной религии, были восстановлены и построены тысячи храмов и сотни монастырей. Среди населения, в том числе и молодежи, возник интерес к традициям и обычаям народа, к своему краю и его историко-культурной специфике. Многие ученые-этнографы, историки и энтузиасты-любители оказались вовлечены в этот благотворный процесс восстановления исторической памяти и возрождения культуры.

Рязанский край всегда занимал важное место в отечественной истории. В полной мере его затронули и исторические перемены последних десятилетий. С одной стороны, Рязанщина — это не столь далекая от Москвы провинция и, казалось бы, малоинтересная для любителей культурной экзотики «глубинка». Здесь нет особо примечательных «чудес природы» или исторических мест, кроме Мещёры, Старой Рязани и Рязанского кремля. Здесь не было и до сих пор нет масштабных строек и других индустриальных достопримечательностей. С другой стороны, при более внимательном и заинтересованном взгляде на этот край мы обнаруживаем его уникальность с точки зрения этнокультурного синтеза древнего населения и более поздних насельников. Здесь сложились особые комплексы русской культуры — от традиций жилища до фольклора. Здесь сохраняются многие черты, которые возникли в далеком прошлом в сфере семейно-бытовой обрядности и социальных взаимоотношений. Все это составляет бесценное наследие, которое нынешнее поколение обязано сохранить и передать потомкам.

Книга, подготовленная российскими этнографами, — труд, достойный внимания тех, кому дорога народная культура и кто хотел бы узнать о ней больше. Подлинные авторы этого исследования — не только ученые-этнографы, но и сотни простых людей, которые поделились с ними своими знаниями или просто оказали гостеприимство во время этнографических экспедиций. Данное издание, бесспорно, интересное для каждого русского человека, прежде всего предназначено им — жителям Рязанского края.

Академик В. А. Тишков

Раздел 1.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Введение

Представляемое монографическое исследование посвящено изучению народной культуры русских Рязанского края, которые в этом регионе всегда составляли и ныне составляют подавляющее большинство населения. Поскольку ее носителем в первую очередь являлось и является сельское население, то, естественно, именно оно находится в центре внимания авторов книги.

О русской деревне писали и пишут многие и много. Это вполне закономерно, ведь Россия была крестьянской страной, и сельское население в ней преобладало до начала 1970-х гг. Из русской литературы деревня предстает очень разной и многоликой. Достаточно вспомнить бунинскую «Деревню», с серой, тупой скукой и неприкаянностью деревенской жизни, и яркие, очень живые деревенские зарисовки Н.Н. Златовратского. Во второй половине XX в. целая плеяда писателей, получивших название «деревенщики», посвятила свое творчество русской деревне, взглянув на нее как на неиссякаемый источник всех тех душевных и духовных качеств, которые вкупе и составляют то, что принято называть «русской душой».

О крестьянстве и его хозяйстве писали талантливые экономисты-крестьяноведы, такие, как А. Чаянов, А. Челинцев, Н. Макаров и др. Деревня и ее культура всегда были в центре внимания ученых-этнографов. Повышенный интерес к деревне и ее проблемам, культуре возник в начале 1990-х гг. и не спадает в начале нового столетия. Связан он не только с тем, что часть населения, теперь уже небольшая, живет и работает на земле, что подавляющее большинство нынешних горожан — это крестьянские дети и внуки, но и с тем, что в эпоху социально-экономических преобразований, когда мы с тревогой и надеждой стараемся рассмотреть будущее страны, пришло понимание, что наше будущее вырастает из нашего прошлого, а оно у нас крестьянское.

Ученые выработали дефиниции понятия «крестьянин» — это мелкий сельский производитель, работающий на земле простейшими орудиями силами своей семьи с целью удовлетворения ее потребностей. Ему присуща детерминированная родом его деятельности определенная культура, включающая поведенческие и юридические нормы, рабочие навыки, знания и представления.

Многовековой хозяйственный, общественный, религиозно-нравственный опыт прошедших поколений, составляющий суть крестьянской и в целом этнической культуры, это тот бесценный багаж, который должен как эстафета, передаваться из поколения в поколение. И хотя в наш рационально-прагматичный век современному человеку далеко не все из этого багажа покажется нужным, и даже самые поэтичные обряды далекой старины сегодня утратили свое прикладное значение, каждая деталь прошлого нашего народа достойна внимания и изучения, потому что нельзя любить и уважать то, чего не знаешь.

Наверное, каждый век русской истории можно назвать бурным, наполненным катаклизмами, но, окидывая взглядом прошедшее XX столетие, придется признать, что никогда события, эпохальные по своей значимости, не были так спрессованы во времени и не действовали так неумолимо разрушительно на крестьянскую традиционную культуру.

Мы хотели зафиксировать для будущих поколений все то, что еще можно найти в рязанской деревне и в воспоминаниях людей старшего возраста, показать если не все, то хотя бы наиболее важные стороны жизни русского, а более конкретно, рязанского крестьянина. Каждой из них посвящен один из разделов нашей работы: труд на земле и весь комплекс связанных с ним представлений, оформленных в виде обычаев и обрядов; создание поселений, строительство дома для себя и своей семьи, сопровождавшееся глубоко значимой обрядностью; разнообразие одежды, служившей маркером для разных сословных и территориальных групп сельского населения; многообразие и яркость рязанской праздничной культуры, целенаправленно вытеснявшейся новыми советскими праздниками; семейная жизнь как основа бытия крестьянского мира, сопровождаемая своими обрядами; народное православие, в котором весь комплекс религиозной практики и представлений соединил черты ортодоксального православия с традиционными представлениями крестьянства; народная демонология, сохранившая древнейшие элементы и приобретшая новые черты в эпоху христианства.

По мере возможностей и необходимости мы обращались к культуре так называемой городской местности, т.е. поселков городского типа и рабочих поселков, жители которых обычно являются выходцами из окрестных селений и продолжают сохранять теснейшую связь с деревней. Безусловно, город, особенно в XX в., оказывал сильное влияние на деревенскую жизнь. После 1917 г. культурное наступление пролетарского города на крестьянскую деревню стало одним из направлений политики советской власти. Авторы некоторых глав обращались к теме городской культуры, но в целом она осталась вне сферы нашего исследования в силу того, что в ее создании всегда была велика степень участия профессионалов, она более включена в единое информационное пространство, более стандартизирована.

Изучая крестьянство, мы не могли не коснуться повседневной жизни тех сословий, с которыми крестьянство постоянно контактировало и которые в разной степени оказывали на него влияние. Экономический быт помещичьих крестьян во многом зависел от экономического положения, образования, характера их владельцев-помещиков. Часто и сохранность народной культуры во многом определялась отношением к ней помещиков. Промысловые крестьяне постоянно вступали в более или менее тесные отношения с купечеством, а некоторые по роду занятий и бытовому укладу смыкались с купцами 3-й гильдии и даже переходили в купеческое сословие. Очень велика была роль белого и черного духовенства. Представители духовного сословия самым непосредственным образом были включены в жизнь народа и оказывали влияние на уровень его религиозности и духовно-обрядовую сферу жизни.

Поскольку Рязанский край имеет сложную историю заселения (в ней участвовали славянские племена вятичей и кривичей, взаимодействовавших с автохтонным финно-угорским населением, а с XVI в. на его территорию хлынул поток служилых людей из Московского государства, в последующие века на рязанские земли помещики привозили из других мест своих крестьян), народная культура края очень разнообразна и имеет региональные особенности. Выявление этих особенностей, связанных с заселением, тоже входило в число наших задач.

Несмотря на традиционализм, изначально присущий крестьянству, оно не могло пройти сквозь века в неизменном состоянии. Крестьянство XIX — первой половины XX в. и сельское население второй половины XX — начала XXI в. — это люди, принадлежащие разным эпохам. Шагнув в индустриальную эру, сельское население быстро утрачивало свои крестьянские характеристики, а вместе с ними и крестьянскую традиционную культуру, сформировавшуюся в другую эпоху и совсем другими по характеру, знаниям, глубине религиозности и миросозерцанию людьми. Однако в культуре сельского населения появлялись и новые элементы, сформировавшиеся сравнительно недавно, уже в XX в. С изменениями в экономике села, в его социальной структуре, в традиционном образе жизни, трансформировалось и сознание, менялись ценностные ориентиры сельчан. Народная культура, являющаяся в книге предметом исследования, включает не только элементы, уже получившие

статус традиции, но и те, которые пока не прошли апробацию временем и вызваны к жизни сегодняшними реалиями.

В нашу задачу входило выявление этих самых реалий: социально-экономических, политических, религиозных, которые формировали культурный облик русских края в XX в. — начале XXI в. Решение этой задачи позволит выяснить этнокультурный потенциал населения Рязанского края, играющего немаловажную роль в этноконсолидационных процессах.

За всю историю Рязанщины ее территориально-административные границы неоднократно менялись, хотя независимо от их конфигурации хозяйственные и культурные связи населения сохранялись. Исходя из этого, под «Рязанским краем» мы подразумеваем территорию, включавшую Рязанскую губернию и те восточные и юго-восточные земли, которые были присоединены к ней в 1920-х гг.

Хронологические рамки монографии охватывают XIX в. — начало XXI в., хотя документальный материал по некоторым темам позволяет делать экскурсы в XVIII в.

В основу исследования положен полевой материал авторов, к сбору которого некоторые из них приступили еще в середине 1990-х гг. Наиболее активно экспедиционные работы в Рязанском крае велись с 2002 по 2006 гг. Некоторые главы, в силу отсутствия архивного и опубликованного материала, написаны исключительно на уникальном полевом материале. В справочном аппарате глав авторы делали отсылки только на архивные и опубликованные источники.

Естественно, что нашими информаторами были прежде всего люди старшего возраста. Чтобы выявить включенность в народную культуру людей среднего возраста и подростков 15–16 лет, была разработана этнографическая анкета, содержащая вопросы, затрагивающие разные стороны культурной, религиозной и экономической жизни населения сельской и городской местности. В анкету были включены вопросы разных типов: закрытые, открытые и предполагающие несколько неальтернативных ответов, что сближает ее с формализованным интервью. Уже сам процесс заполнения анкет выявил важный аспект бытования народной культуры: ее носителями в современном обществе являются почти исключительно женщины. Для обработки было отобрано 222 взрослых и 379 подростковых анкет. Несмотря на небольшой массив, они объемны по количеству информации. Результаты анкетирования перепроверялись и уточнялись в ходе интервьюирования.

Основные комплексы рукописных документов по этнографии Рязанского края XIX в., использованные в монографии, находятся в архиве Русского географического общества (РГО), в фонде Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева Российского этнографического музея, в коллекции материалов Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), хранящейся в архиве Института этнологии и антропологии РАН. Документы за начало XX в. представлены в фонде Общества исследователей Рязанского края Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. Более поздние этнографические материалы, собранные в начале 1960-х гг. Рязанским отрядом Комплексной экспедиции Института этнографии РАН, хранятся в архиве Института этнологии и антропологии. Кроме этого, авторы привлекали рукописи и коллекции экспонатов из местных (городских и сельских) краеведческих музеев. Очень широко в работе использованы документы Государственного архива Рязанской области.

В качестве источника в процессе работы над монографией привлекалась местная периодическая печать: «Рязанские губернские ведомости», «Рязанские епархиальные ведомости» и др., а также губернские и уездные периодические издания 1920-х гг.

Полевой, документальный и анкетный материал позволяет адекватно и полно представить на страницах книги народную культуру русских Рязанского края.

Иллюстративный материал собран в музеях и архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Рязани и Рязанской обл., в частных коллекциях и подготовлен к публикации С.А. Иниковой. Указатель населенных мест Рязанского края составлен С.А. Иниковой.

Авторский коллектив выражает благодарность за помощь в работе и предоставленную возможность для фотосъемки экспонатов сотрудникам Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника «Рязанский кремль», Рязанского художественного музея, Касимовского краеведческого музея, Ряжского краеведческого музея, Спасского историко-археологического музея, Сапожковского краеведческого музея, Скопинского краеведческого музея, Кадомского краеведческого народного музея, Народного музея «Русская изба» в с. Кочемирово Кадомского р-на, Музея К.Э. Циолковского в с. Ижевское Спасского р-на, Музея-усадьбы Семеновых-Тян-Шанских в дер. Гремячка Милославского р-на, Чаплыгинского и Данковского краеведческих музеев (Липецкая обл.), Центра народного творчества Шиловского р-на, Центра этнокультурного воспитания Ухоловского р-на.

Особую благодарность за всемерную помощь авторы книги выражают сотрудникам Государственного архива Рязанской области и его директору Т.П. Синельниковой.

Поддержка и помощь в экспедиционной работе были оказаны работниками отделов культуры: Пителинского, Касимовского, Сараевского, Кадомского, Шиловского, Шацкого, Новодеревенского районов.

Большая помощь в проведении экспедиций по Рязанской обл. была получена от директора банка «Вятич» В.А. Катунина и ЗАО «Трест № 7» (г. Рязань).

К сожалению, невозможно перечислить всех тех людей, которые помогали нам во время экспедиций, принимали нас в своих домах, уделяли нам свое время и делились воспоминаниями — наших информаторов. Без них этот труд не был бы создан. Эти русские люди, прежде всего старшего поколения, и являются героями нашей книги.

Об авторах:

Институт этнологии и антропологии РАН:
А.В. Буганов, Т.А. Воронина, С.А. Иникова, И.А. Кремлева, С.С. Крюкова, С.В. Кузнецов, Т.А. Листова, Х.В. Поплавская, Л.А. Тульцева, Л.Н. Чижикова

Институт русского языка РАН:
И.А. Букринская, И.И. Исаев, О.Е. Кармакова

Институт мировой литературы РАН:
Е.А. Самоделова

Российский этнографический музей:
Т.А. Зимина, И.И. Шангина

Государственный архив Рязанской области:
Т.П. Синельникова, Д.Ю. Филиппов

Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник:
И.Г. Кусова

Рязанский государственный педагогический университет:
П.В. Акульшин

Рязанский областной институт развития образования Администрации Рязанской области:
Б.В. Горбунов

Фото В. М. Бармыкина

ГЛАВА 1

История этнографического изучения русских Рязанского края

Научное изучение обрядов, обычаев, хозяйственного быта русского населения Рязанского края началось в XVIII в., хотя и ранее эти вопросы затрагивались в трудах иностранных путешественников, посещавших в разное время Россию и побывавших в Рязанском крае[1]. В созданном в 1744–1745 гг. и впервые опубликованном в 1793 г. «Лексиконе Российском» историк В.Н. Татищев привел некоторые сведения по интересующему нас региону[2]. Более систематические материалы по хозяйственному быту были изложены в ответах корреспондента Вольного экономического общества из Переславль-Рязанской провинции[3]. Автор ответов попытался выделить хозяйственные зоны на территории провинции и особенности их хозяйственного быта, описать агрикультуру и несельскохозяйственные занятия населения. Несмотря на сжатость изложения, эти материалы дают представление о крестьянском хозяйстве второй половины века.

Особый интерес к народной культуре появился в связи с патриотическим подъемом, вызванным Отечественной войной 1812 г. Русская просвещенная часть общества, большинство представителей которой не были связаны с наукой, открывала для себя свой собственный народ. Первая половина XIX в. была в большей степени временем накопления материала, хотя и в этот период появлялись исследования научного характера. Среди ученых приоритет в изучении русских Рязанского края принадлежал диалектологам. В это время в Трудах Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете был опубликован целый ряд работ о рязанских говорах. Начало было положено статьей И. Ляликова «Записка о наречиях между крестьян Рязанской и Калужской губерний в селениях Спасского, Серпейского и Жиздринского уездов». Затем в Трудах этого Общества и в журналах «Вестник Европы», «Маяк» появились другие работы на эту тему. Авторами их были М.Н. Макаров, А. Дмитревский, Н.И. Надеждин[4]. Особенно следует выделить работы М.Н. Макарова, который выступил не только как диалектолог, но и как этнограф. В «Письме из Мещоры (Отрывок из путешествия)» он несколькими штрихами, мастерски обрисовал особенности быта русской мещеры. Собранные им предания русского населения разных губерний, в том числе Рязанской, были даже изданы отдельной книгой[5].

В этот период, когда этнография еще не выделилась в особую отрасль науки и в стране не было этнографических научных учреждений и обществ, публикации такого рода появлялись преимущественно на страницах толстых литературных и общественно-политических журналов и газет, рассчитанных на широкую публику, интерес которой особенно привлекали народные предания и песни[6]. Учитывая особенности читательской аудитории, редакторы подбирали материалы с некоторым налетом развлекательности. Однако для современных исследователей они являются бесценным источником.

Целый ряд статей по этнографии с записями преданий, календарных праздников и свадебных обрядов был опубликован в 1840-е гг. в неофициальной части «Рязанских губернских ведомостей» и прибавлениях к ним[7]. Их авторы — это главным образом сельская интеллигенция, священники, ежедневно наблюдавшие жизнь, досуг и быт крестьян. В № 15

«Рязанских губернских ведомостей» за 1852 г. была опубликована программа И.И. Срезневского по собиранию «образцов народного языка и словесности», которая, несомненно, способствовала укреплению интереса к народной культуре.

С основанием осенью 1845 г. Императорского Русского географического общества (РГО) и созданием в его составе отделения этнографии, изучение культуры русского народа приобрело более глубокий, целенаправленный и систематический характер. Активным членом Общества, а с 1848 г. руководителем отделения этнографии РГО, был уроженец с. Нижний Белоомут Зарайского у. Николай Иванович Надеждин (1804–1856 гг.). В начале 1846 г. он выступил на одном из заседаний Общества с докладом «Об этнографическом изучении народности русской», опубликованным в «Записках Императорского Русского Географического общества» (СПб., 1847. Кн. 2), в котором Надеждин попытался теоретически обосновать задачи этнографии как самостоятельной науки. Содержание этнографии, по его мнению, составляло изучение «народностей» — «естественных разрядов в человечестве». Он ратовал за систематическое собирание этнографических материалов и их критическое осмысление, с тем чтобы выделить элементы культуры, свойственные непосредственно русскому народу, и сформировавшиеся под влиянием других народов. В 1847–1848 гг. на места, в том числе в Рязанскую губ., Общество разослало весьма обстоятельную программу для собирания этнографических сведений. Из Рязанской губ. было прислано 25 ответов из 11 уездов[8]. Их авторами были большей частью священники, сельские учителя, грамотные крестьяне: И. Зелятров и Е. Соловьев (Михайловский у.), И. Добротворцев, Н. Ловцов и П. Крылов (Рязанский у.), Г. Аназатров (Скопинский у.), М. Надеждин (г. Михайлов), И. Стахиев и И. Амфитеатров (Скопинский у.), Ф. Селезнев (Зарайский у.), В. Рудинский и Мельников (Данковский у.), Д. Лебедев (Пронский у.), Г. Кротков (Спасский у.), Я. Фортинский (Касимовский у.) и др. Сами ответы представляли обстоятельные описания внешнего вида жителей и говоров ряда сел, жилища, одежды, календарных и семейных обрядов, семейного уклада и экономического быта, мирских сходов, примет и гаданий, разного рода народных игр и состязаний, народной медицины и др. Некоторые рукописные материалы дополнялись цветными и черно-белыми рисунками. Большинство присланных рукописей содержит описания южновеликорусских компонентов народной культуры. Большая их ценность состоит в том, что в них зафиксированы элементы традиционной культуры рязанского крестьянства дореформенной эпохи. Из рязанских материалов в «Географических известиях», издававшихся РГО, был опубликован очерк А.В. Головина о женском костюме Пронского у., а в «Этнографическом сборнике» РГО — статья М. Ремезова об обычаях в г. Зарайске и Зарайском уезде[9]. И позже рязанские этнографические материалы печатались в серийных и периодических изданиях РГО[10].

В 1847–1848 г. появилось серьезное исследование, автор которого обратил внимание на развитие промысловой деятельности среди крестьян Рязанского края и попытался показать ее зависимость от количества и качества главной производительной силы крестьянского хозяйства — земли, охарактеризовать основные неземледельческие занятия[11].

В конце 1850-х гг. вышла в свет блестящая работа помещика Зарайского у. бытописателя В.В. Селиванова «Год русского земледельца»[12]. В канве годового календарного цикла сельскохозяйственных работ зарайских крестьян ее автор дал весьма полное и всестороннее описание всего комплекса народной культуры этой местности. Пожалуй, Селиванову, как никому другому, удалось показать специфику крестьянского уклада, при котором работа на земле являлась образом жизни.

В 19-м томе «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба», посвященном Рязанской губ. и вышедшем в свет вслед за книгой Селиванова, большое место занял этнографический блок. Сведения, помещенные в нем, составляют свод знаний того времени о населении Рязанской губ. Ряд сюжетов в этом томе посвящен подробному описанию традиционных трудовых занятий рязанских крестьян, жилых и хозяйственных построек, одежды и обуви, пищи русских жителей Рязанской губ.[13].

Отрывочные сведения по этнографии Рязанского края, собранные в первой половине века, содержатся в известных трудах И.М. Снегирева, И.П. Сахарова и А.В. Терещенко и представляют собой первые попытки обобщить материалы по этнографии русского народа[14]. Много фактических этнографических данных о жителях Рязанского края содержится в известном труде А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Рязанские этнографические материалы имеются и в «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. В частности, одна из глав вводной статьи к словарю посвящена рязанскому диалекту[15].

В пореформенное время тематика этнографических работ и публикаций значительно расширилась, хотя большинство их по-прежнему носило описательный характер. Они были посвящены народным преданиям и легендам, семейным, главным образом свадебным, обычаям и обрядам, народным юридическим обычаям (крестьянское самоуправление, общественное землевладение и переделы земли, семейные разделы, организация артелей и др.), промыслам[16]. Время от времени статьи по этнографии появлялись в «Календарях» Рязанской губ. Самое большое количество публикаций в 1860–1870-е гг. посвящено народным юридическим обычаям, что было в русле веяний того времени. Довольно много работ по рязанской этнографии публиковалось в научной периодике Москвы, Петербурга и Казани.

Начало новому этапу этнографических исследований Рязанского края было положено созданием в 1884 г. Рязанской ученой архивной комиссии (РУАК), работавшей по 1918 г. Деятельность комиссии в этом направлении выразилась в публикации работ рязанских историков и этнографов в «Трудах» и других изданиях РУАК[17]. В начале 1908 г. на заседании комиссии была создана этнографическая подкомиссия, задача которой состояла в разработке программы и методов сбора именно этнографических материалов. Такая программа была создана и опубликована в 1908 г.[18].

В 1880-е гг., учитывая стойкий интерес читателей к народной культуре, статьи и заметки по рязанской этнографии продолжали появляться в губернской периодической печати — «Рязанских губернских ведомостях» (с 1890 г. этнографические материалы практически исчезли с ее страниц), «Рязанском листке», «Рязанском вестнике», «Рязанской жизни», «Рязанских епархиальных ведомостях». Публикации в этих изданиях, порой очень обстоятельные, посвящены весьма широкому кругу вопросов по традиционной материальной, соционормативной и духовной культуре рязанских жителей. Часть этих публикаций представляет этнографические описания или сообщения, сделанные представителями сельской интеллигенции, священниками, часть — написана учеными, в том числе членами РУАК. Многие публикации преследовали вовсе не научные цели. Так, священники очень часто писали в «Рязанские епархиальные ведомости» о народной культуре и религиозности главным образом в целях борьбы с дохристианскими обрядами, ритуалами и представлениями, интеллигенция на страницах светских изданий иногда обличала народное невежество. И все же описания различных элементов традиционной культуры в этих публикациях нередко содержат обширную и полезную для этнографов информацию[19].

В 1891–1892 гг. этнографический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) разослал по губерниям Центральной России программу сбора этнографического материала, и в Общество стали поступать сообщения от корреспондентов из Рязанского (села Вышетравино, Дягилево, Кузьминское, Константиново, Новоселки, Федякино), Пронского (села Красное, Насилово), Сапожковского (с. Путятино) уездов. Они содержали сведения по верованиям, аграрному календарю, семейным обрядам, одежде и жилищу. Ныне эти материалы хранятся в архиве Института этнологии и антропологии РАН.

С 1889 г. этнографический отдел ОЛЕАЭ начал издавать первый российский этнографический журнал «Этнографическое обозрение» под редакцией вначале Н.А. Янчука, затем — В.В. Богданова. В «Этнографическом обозрении», получившем широкое распространение, был напечатан ряд работ по этнографии Рязанского края; некоторые исследования включали материалы ОЛЕАЭ, поступившие от рязанских корреспондентов[20].

В 1890 г. стал выходить еще один российский этнографический журнал «Живая старина» под редакцией В.И. Ламанского, который выпускало Отделение этнографии РГО. В нем также печатались работы по этнографии Рязанского края[21].

Материалы, публиковавшиеся в «Этнографическом обозрении» и «Живой старине» свидетельствуют, что в конце XIX — начале XX в. этнографическое изучение территории Рязанской губ. некоторыми авторами уже велось посредством экспедиционных («экскурсионных», как тогда говорили) исследований, хотя таковых еще было крайне мало.

В 1898–1901 гг. Рязанская губ. оказалась в поле зрения Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. В ответ на вопросы «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России», разработанной в Бюро, из Рязанской губ. было прислано 37 рукописей из девяти уездов от 27 сотрудников. В их числе были: В.К. Влазнев и Д. Шишлов (Зарайский у.), Ф.Е. Кутехов (Егорьевский у.), Н.С. Кабешкин (Пронский у.), В.В. Чепурин (Скопинский у.) и др. Эти материалы ныне хранятся в Российском этнографическом музее в Петербурге (Ф. 7. Оп. 1. Д. 1431–1467). Они очень разнообразны по содержанию и включают описания жилища, одежды, хозяйственных построек, календарных и семейных праздников, верований, тексты народных песен и заговоров, разного рода народных игр и др.

Работы по этнодиалектологии и некоторым вопросам традиционной духовной культуры печатались в изданиях Отделения русского языка и словесности Академии наук (ОРЯС) и в «Русском филологическом вестнике»[22].

Статьи и публикации по этнографии Рязанского края появлялись и в других научных центральных и местных изданиях того времени. Они были посвящены народному песенному творчеству, диалектологии, исследованию народных промыслов, агрикультуры, различным аспектам традиционной духовной культуры. Отметим вышедший в это время первый труд В.В. Воробьева по антропологии великорусского населения Рязанской губ. и работу А.А. Шахматова «Южные поселения вятичей», в последней, в частности, обосновывается южный путь заселения славянами Рязанской земли[23].

В связи с развитием земской деятельности в «Вестнике Рязанского губернского земства» и в других земских изданиях появляется цикл статей и заметок, большая часть которых была посвящена описанию и истории развития традиционных промыслов. На страницах «Вестника» освещались вопросы крестьянской грамотности, общинной трудовой взаимопомощи и пр.[24].

С 1884 по 1917 гг. вышло более 150 публикаций по этнографии русского населения края, которые охватили широкий спектр тем. По объему это намного превзошло все, что делалось в области этнографического изучения Рязанщины в предыдущее время.

В конце XIX — начале XX в. было положено начало сбору этнографического материала путем организации экспедиций. Эти полевые исследования носили преимущественно эмпирический характер, не имели программы и обоснованной стратегии, но их итогом стало формирование коллекции РУАК, а в начале XX в. — коллекции Кустарного музея Рязанского губернского земства. Этнографические части этих коллекций легли в дальнейшем в основу фонда и экспозиции Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.

Исследования конца XIX — начала XX вв. базировались главным образом на положениях господствовавшей в то время в российской этнологии эволюционистской школы. Представители этой школы основывались на том, что этнография, изучая быт отдельных народов, стремится отыскать законы развития человечества «на низших ступенях культуры».

В 1917–1922 гг. этнографические исследования были почти приостановлены из-за трудностей, вызванных гражданской войной, и из-за структурной перестройки научных учреждений. На страницах местной печати постоянно появлялись заметки и письма с мест, в которых сообщалось — обычно с осуждением — о различных сторонах традиционного уклада жизни рязанских крестьян, расценивавшегося как пережиток прошлой эпохи, наследие царизма. Тем не менее, эти публикации могут служить источником для

современных исследователей, так как многие содержат ценную информацию. Лишь две работы — Н.Н. Дурново и Б.М. Соколова, посвященные рязанской диалектологии, были напечатаны в научных изданиях[25].

В 1920 г. было образовано Общество исследователей Рязанского края (ОИРК), одним из направлений деятельности которого стало этнографическое изучение Рязанщины. Его руководителям удалось привлечь к работе очень большое число корреспондентов на местах, в письменном виде отвечавших на разработанные Обществом вопросники, иногда описывавших собственные наблюдения. В уездах и даже отдельных селениях создавались филиалы ОИРК. Среди членов Общества были и выдающиеся этнографы Н.И. Лебедева, М.Д. Малинина, А.Г. Данилин, Б.А. Куфтин, проводившие с 1920 по 1931 г. на территории Рязанской губ. планомерные экспедиционные исследования. В 1921 г. по инициативе П.П. Ефименко в Рязанском краеведческом музее был организован этнографический отдел, который долгие годы возглавляла М.Д. Малинина. В результате этнографических экспедиций, организованных ОИРК, были сформированы богатые коллекции народной одежды, кружев, вышивки, предметов быта и утвари. Собранные Обществом рукописи краеведов-энтузиастов и ученых, описанные А.А. Мансуровым[26], ныне находятся в Научном архиве Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.

Общество занималось публикацией этнографических работ в серии «Труды Общества исследователей Рязанского края», и издавало журнал «Вестник рязанских краеведов»[27]. Члены ОИРК в 1920-е гг. публиковались, кроме специальных изданий, в рязанской периодической печати[28]. В связи с весьма пестрым составом краеведов, входивших в ОИРК, их материалы и публикации сильно разнятся по качеству. Одни, преимущественно ученые и сельская интеллигенция, руководствовались научными целями, а другие описывали отдельные явления народной культуры в целях борьбы со старым бытом.

В 1929 г. Общество было ликвидировано, а вместо него образовано Рязанское бюро краеведения (РБК), являвшееся подразделением Центрального Бюро краеведения и просуществовавшее до 1934 г. Оно продолжило работу, начатую ОИРК по сбору и публикации этнографического материала, но деятельность РБК была менее успешной, чем его предшественника.

Ряд этнографических экспедиций по Рязанской губ. был организован Музеем Центрально-Промышленной области (г. Москва), директором которого был В.В. Богданов. Этнографический подотдел музея с 1926 г. возглавлял С.П. Толстов. В этих экспедициях принимали участие этнографы Центрального музея народоведения, 1-го МГУ, Этнологического отделения Государственной академии материальной культуры. Экспедиционные отряды возглавляли Н.И. Лебедева и Б.А. Куфтин. На базе Музея ЦПО было организовано два этнологических совещания (1926 и 1927 гг.), обобщившие результаты проделанной полевой работы, в частности, на территории Рязанской губ. Материалы совещаний были опубликованы[29].

В период с 1926 по 1930 г. выходил журнал «Этнография» — единственный в то время всесоюзный периодический научный этнографический печатный орган, на страницах которого опубликовано несколько рязанских этнографических материалов — главным образом, отчеты об этнографических экспедициях и персоналии. С 1931 г. стал выходить журнал «Советская этнография», в котором публиковались некоторые материалы по рязанской этнографии.

Главный акцент в исследованиях, особенно со второй половины 1920-х гг., делался на изучении материальной культуры (поселения, жилище, одежда, ткачество, утварь, орудия труда и др.) и социально-экономических аспектах жизни села. Комплекс этих тем в трудах по рязанской этнографии разработан весьма основательно. Изучение сельского быта стало в это время частью внеклассной работы в рязанских школах[30].

К 1932 г., когда началась кардинальная организационно-структурная, кадровая и идеологическая перестройка отечественной этнографии, «исследовательские задачи были унифицированы и сводились к изучению доклассовых общественно-экономических формаций,

их пережитков у народов СССР, а также разработке проблемы первобытного коммунизма»[31]. В результате государственной политики резко сократилось количество научных учреждений, проводивших этнографическую работу; сузилась тематика исследований. Совершенно прекратились экспедиционные исследования и была свернута этнографическая работа краеведов-энтузиастов на местах. В школах прекратили свою деятельность краеведческо-этнографические кружки. В 1934–1941 гг. были опубликованы лишь четыре работы, где содержались сведения по этнографии Рязанского края[32].

Возобновление изучения этого региона в послевоенное двадцатилетие (1946 — середина 1960-х гг.) связано с организацией филологическим факультетом МГУ этнодиалектологических экспедиций. Их итогом (и также итогом этнодиалектологических исследований предыдущих десятилетий) стал ряд трудов и составление «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы»[33].

В 1960–1963 гг. в пяти районах (Кадомском, Ряжском, Милославском, Кораблинском, Шацком) Рязанской обл. регулярные экспедиционные исследования проводил Рязанский отряд Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством Г.С. Масловой. В числе исследователей были: Н.И. Лебедева, Г.С. Маслова, А.В. Сафьянова, Г.А. Носова, И.М. Семашко, Н.С. Полищук, Д.М. Коган. По специально разработанным программам этнографы предприняли обширное комплексное исследование социально-бытового и культурного уклада сельских жителей Рязанской обл. с учетом произошедших к этому времени социальных изменений в обществе. Основные темы этих исследований: комплекс народной одежды, жилище, календарная и семейная обрядность, пища и утварь. Материалы экспедиций хранятся в архиве Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

В это же время был опубликован целый ряд крупных этнографических трудов, в которых рязанская этнография занимала значительное место. Здесь необходимо назвать, прежде всего, вышедший в трудах Института этнографии АН СССР «Восточнославянский этнографический сборник» (М., 1956), где опубликованы работы: Е.Э. Бломквист — о крестьянских постройках, Н.И. Лебедевой — о прядении и ткачестве, Г.С. Масловой — о народной одежде русских, украинцев и белорусов. В этом же ряду отметим работы: О.А. Ганцкой, Н.И. Лебедевой, А.С. Парниковой — о материальной культуре крестьян-великоруссов; А.С. Бежкович, С.К. Жегаловой, А.А. Лебедевой — о хозяйстве русских крестьян; Н.И. Лебедевой, Г.С. Масловой — о крестьянской одежде; В.И. Чичерова — о зимнем периоде народного календаря[34].

В это время в центральных и местных изданиях появился целый ряд работ, касавшихся различных аспектов этнографии Рязанского края. Особо отметим монографическое исследование о с. Кораблино Рязанского р-на, в котором блок этнографических материалов занял заметное место[35].

В следующий период — с середины 1960-х по 1970-е гг. — интенсивность этнографического изучения Рязанской обл. заметно снизилась. Экспедиционная деятельность на этой территории ограничивалась регулярными полевыми исследованиями в ходе диалектной и фольклорной практики студентов факультета русского языка и литературы Рязанского пединститута и эпизодическими исследованиями, которые проводил филологический факультет МГУ. Это обусловило значительное количество публикаций по рязанской этнодиалектологии. Научным событием стало издание фундаментального словаря говора дер. Деулино Рязанского р-на, созданного в результате многолетних экспедиционных исследований Института русского языка АН СССР[36]. Собственно по этнографии края было опубликовано небольшое количество работ[37]. Это явилось следствием того, что в этнографии происходила смена поколений, а полевые материалы, собранные в предыдущее время, уже в основном были опубликованы.

В числе работ этого времени отметим опубликованные статьи по проблеме состояния религиозности колхозного крестьянства и кандидатскую диссертацию научного сотрудника Института этнографии Л.А. Тульцевой[38].

В этот период были опубликованы крупные труды по этнографии русских, в которых материалы по рязанской этнографии заняли значительное место. В числе таких работ — фундаментальный историко-этнографический атлас «Русские»[39].

На 1920–1970-е гг. приходится деятельность крупного ученого-этнографа, уроженки Рязани Наталии Ивановны Лебедевой (1894–1978 гг.), которая много сделала для изучения Рязанского края. Для ее научных исследований был характерен комплексный подход к изучению этнографических явлений в связи с данными археологии, истории, топонимики, лингвистики и других дисциплин. Создав новые научные направления в изучении народной материальной культуры и этногенеза восточных славян, она оказала большое влияние на формирование целой плеяды ученых-этнографов.

1980–1990-е гг. характеризуются новым всплеском активности ученых. В первое десятилетие этого периода экспедиционные исследования вели главным образом Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник и факультет русского языка и литературы Рязанского пединститута (в рамках фольклорной практики студентов). С середины 1990-х гг. активные экспедиционные исследования в Рязанской обл. вели специалисты Отдела русского народа Института этнологии и антропологии РАН.

4–8 декабря 1994 г. в пос. Солотча под Рязанью была проведена научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Н.И. Лебедевой. В июне 1995 г. в с. Выползово Спасского р-на состоялся I Конгресс этнографов и антропологов России. Проведение этих представительных научных мероприятий на Рязанской земле активизировало интерес рязанских краеведов и ученых РАН к этнографическому исследованию края. Все это обусловило появление большого количества публикаций, прежде всего работ, посвященных традиционной духовной культуре, религиозности и народному искусству, и в меньшей степени освещающих вопросы традиционной материальной культуры[40].

С 1992 г. Рязанский областной научно-методический центр народного творчества издает этнографические труды местных исследователей и ученых из Москвы в серии «Рязанский этнографический вестник»[41]. Блок словарных статей по этнографии занимает значительное место в вышедшей в 1995 г. «Рязанской энциклопедии» (2-е изд. в 3-х томах в 1999, 2000, 2002 гг.) и в подготовительных материалах к ней.

Во второй половине 1980-х гг. и особенно в 1990-е гг. впервые после периода 1920-х гг. этнографические знания стали активно использоваться в учебно-воспитательном процессе в средней школе и во внеклассной работе.

Настоящий труд подводит определенный итог этнографическому изучению Рязанского края и в то же время дает прочное основание для дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Сведения имеются в записках испано-арабского купца Абу Хамида ал-Гарнати, путешествовавшего по Оке через земли Рязанского княжества в 1150 г. и 1153 г.; в записках путешественников XVI–XVII вв., — С. Герберштейна, А. Олеария, Я. Рейтенфельса, К. де Бруина; книге П.С. Палласа, описавшего свое путешествие по разным провинциям России в XVIII в.

2 *Татищев В.Н.* Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский // *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1983.

3 Ответы Переславльской провинции Рязанского // Труды ВЭО. 1767. Ч. VII.

4 *Ляликов И.* Записка о наречиях между крестьян Рязанской и Калужской губерний в селениях Спасского, Серпейского и Жиздринского уездов // Труды ОЛРС. 1818. Ч. 12; *Дмитревский А.* Провинциальные слова Касимовского уезда // Сочинения в прозе и стихах. Труды ОЛРС. 1822. Ч. 1; *Макаров М.* Краткая записка о некоторых простонародных словах Рязанского, Пронского, Скопинского, Михайловского, Ряжского и Спасского уездов Рязанской губернии, с объяснением их значения и с некоторыми замечаниями об их обрядах, одежде и прочее // Там же. 1820. Ч. 20; [*он же*]. Несколько слов особенных и употребляемых в разных

областях России // Вестник Европы. 1826. Ч. 151. № 21/22; о*н же.* Краткий словарь народных речений // Маяк (СПб.). 1844. Т. 18. Кн. 35 (Смесь); кн. 36 (Смесь); *Надеждин Н.И.* Великая Россия // Журнал военно-учебных заведений. 1838. Т. 13. № 51.

5 *Макаров М.* Письмо из Мещоры (Отрывок из путешествия) // Сочинения в прозе и стихах. Труды ОЛРС. 1828. Ч. 7; [он же] Русские предания. Одна книжка, изданная М.Н. Макаровым. М., 1838.

6 Извлечение из записки о поездке в Пронск и село Кайдаково // Вестник Европы. 1822. Ч. 127. № 21; *Макаров М.* Путешествие из Рязани в Радонежский монастырь // Там же. 1827. Ч. 152. № 2; *Ляликов Ф.* Курганы, древние могильные насыпи и укрепления Рязанской губернии // ЖМВД. 1837. Ч. 25. № 8; [*Воздвиженский Д.Т.*] Исторические и археологические достопримечательности по Рязанской губернии // Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света на 1827 год. 1827. Ч. II. Кн. 3. Июнь; Описание города Раненбурга и округа его, Рязанской губернии // Там же. 1826. Ч. III. Кн. 1. Июль, ч. IV. Кн. 1. Октябрь, ч. IV. Кн. 2. Ноябрь; *О-л-а.* Русская песня. (Из собрания рязанских простонародных песен) // Литературная газета. 1840. 11 сентября. Стб. 1645–1646.

7 О древних городках, городищах и урочищах в Рязанской губернии // РГВ. 1839. 16 июня (Прибав.); *А.П.* Каменные крестцы (Рязанское предание) // Там же. 1846. 24 августа (Неофиц. часть); *Макаров М.Н.* Рязанские предания // Там же. 1846. 20 апреля; Первое мая // Там же. 1844. 6 мая (Прибав.); Святки в Рязани // Там же. 1844. 8 января (Прибав.); Свадебные и другие обряды и поверья Михайловского уезда // Там же. 1846. 13 апреля; *Пискарев А.* Новый год у рязанских простолюдинов // Там же. 1846. 3 января (Офиц. часть); о*н же.* Слова и выражения, употребляемые рязанским простонародьем // Там же. 1847. 19 июля, 26 июля (Неофиц. часть); *Соколов П.* Поверье многих из наших простолюдинов о существовании домового, который будто бы имеет влияние на разводимый в хозяйстве скот, в особенности на лошадей // Там же. 1848. 14 февраля (Неофиц. часть); *он же.* «Понедельник тяжелый день» (Одно из поверий наших простолюдинов) // Там же. 1847. 29 ноября и др.

8 АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 1–25; *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1916. Вып. 3.

9 [*Головин А.В.*] Полный наряд крестьянки в Пронском уезде Рязанской губернии // Географические известия, издаваемые от Русского Географического общества. СПб., 1848. Вып. 5; *Ремезов М.* Некоторые обычаи в г. Зарайске и уезде // Этнографический сборник, издаваемый Императорским РГО. СПб., 1862. Вып. 5 (Смесь).

10 *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. (Записки РГО. Т. XXXIX).

11 Промышленность государственных крестьян Рязанской губернии // ЖМГИ. 1847. Ч. XXV; 1848. Ч. XXVI.

12 *Селиванов В.В.* Год русского земледельца. Зарайский уезд Рязанской губернии. М., 1856–1857.

13 [*Баранович М.*] Рязанская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1860. Т. 19.

14 *Снегирев И.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1837–1838. Вып. 1–4.; *Сахаров И.П.* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб., 1841, 1849. Т. 1–2. Кн. 1–8; *Терещенко А.В.* Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 1–4.

15 *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х томах. СПб., 1866–1869; *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. СПб., 1863–1866.

16 *Ермаков В.* Историко-статистическое описание города Данкова. Предрассудки, праздники, поверья, областное наречие и пословицы граждан // Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868; Народное сказание о происхождении села Дягтяного // РЕВ. 1875. № 16, 18, 19, 20, 23, 24 и др.; О народных обычаях // Енисейские губернские ведомости. 1871. 16, 23, 30 октября; [*Шейн П.В.*] Русские народные песни, собранные П.В. Шейном // ЧОИДР. 1869. Кн. 4; [*Селезнев В.*] свящ. Этнографические сведения о Рязанской губернии. Народные юридические обычаи, существующие в Зарайском уезде Рязанской губернии, собранные действительным членом Статистического комитета священником Селезневым. Рязань, 1871; *Давыдова С.А.* Кружевной промысел в Рязанской губернии // Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1881. Вып. 7; Несколько слов о касимовском кожевенном и канатном производстве // Русский мир. 1871. 10 ноября.

17 *Добролюбов И.В.* Меры по искоренению невежества и суеверий в духовенстве и народе, предпринятые преосвященным Симоном,

архиепископом Рязанским // Журнал заседаний РУАК за 1884–1885 гг. Рязань, 1885; *Проходцев И.* Предбрачные обычаи и убытки в Рязанской губернии // Труды РУАК. 1893. Т. VII. Вып. 6; 1895. Т. X. Вып. 1; о*н же.* Могильник из местности «Закопище» близ села Дегтяного, Спасского уезда // Там же. 1914. Т. XXVI. Вып. 1; *Мансуров А.* К вопросу о древнем населении Мещёрского края // Там же. 1897. Т. XII. Вып. I; *Солодовников Д.Д.* Материалы для изучения народного творчества Рязанской губернии // Там же. 1913. Т. XXV. Вып. 1; о*н же.* Народное творчество Рязанской губернии // Там же. 1916. Т. XXVII. Вып. 1; *Селиванов А.* Хлыстовская ересь в с. Карине, Зарайского уезда // Там же. 1887. Т. II. № 5.

18 Высочайше утвержденная Рязанская Губернская Ученая Архивная Комиссия обращается с покорнейшей просьбой ко всем лицам, интересующимся стариной, записать в местности, где они проживают, сведения по прилагаемой при этом программе… Рязань, б/г.; Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1908 год. Рязань, 1910.

19 Село Ильицыно Зарайского уезда // РГВ. 1889. 12, 16 августа; Приметы, существующие у крестьян северных уездов Рязанской губернии относительно перемен погоды // Там же. 1886. 2 августа; Промыслы сельского и городского населения Рязанской губернии // Там же. 1886. 18 октября; Село Курово Зарайского уезда // Там же. 1889. 25 ноября; *Мансуров А.* Кустарные промыслы в Касимовском уезде // Там же. 1888. 26, 29 октября; Кустарное производство кружев в Рязанской губернии // Рязанский листок. 1892. 30 января; Народные прозвища // Там же. 1899. 8 апреля; Деревенская жизнь // Рязанский вестник. 1913. 12 февраля; Д. Парахино Касим. у. Быт и нравы // Там же. 1913. 18 декабря; Михайлов. Школа рукоделия // Там же. 1914. 15 июля; «Бабушки». С. Долгинино Ряз. у. // Рязанская жизнь. 1913. 12 июля; Народные поверья и обычаи в Пронском уезде // РЕВ. 1888. № 7; *Светлов И.*, свящ. Религиозно-нравственное и бытовое состояние прихожан Преображенского, Егорьевского уезда (корреспонденция) // Там же. 1889. № 5; Обычай дарить друг другу яйца в праздник Пасхи // Там же. 1900. № 8; *Сапфиров*, свящ. Из религиозно-нравственной жизни народа (корреспонденция из с. Малахова Касимовского у.) // Там же. 1889. № 9 и др.

20 *Ушаков Д.Н.* Материалы по народным верованиям великорусов // ЭО. 1896. № 2/3; Городцов В.А., Броневский Г.П. Обычаи во время эпидемии // Там же. 1897. № 3; Мендельсон Н. Из наблюдений в Зарайском уезде Рязанской губ. // Там же. 1899. № 1/2.

21 *Семенова О.П.* Праздники Рязанской губернии Данковского уезда // Там же. 1891. Вып. IV; *она же.* Смерть и душа в поверьях и рассказах крестьян и мещан Рязанского, Раненбургского и Данковского уездов Рязанской губернии // Там же. 1898. Вып. II; *Рудинский Н.* Знахарство в Скопинском и Данковском уездах Рязанской губернии // Там же. 1896. Вып. II; *Диттель* [*И.*] Сборник рязанских областных слов, составленный Диттелем // ЖС. 1898. Вып. II; Чернышев В.И. Этнографические заметки по Зарайскому уезду Рязанской губ. // Там же. 1903. Вып. IV и др.

22 Материалы для изучения великорусских говоров / Под ред. А.А. Шахматова // Сб. ОРЯС. СПб., 1903. Вып. 8. Т. 73. № 5; *Миллер В.Ф.* Исторические песни русского народа XVI–XVII вв. // Там же. 1915. Т. 93; *Гришкин И.С.* Образцы говора села Леки Егорьевского уезда Рязанской губернии // Там же. 1920. Т. 95. № 1; *Добровольский В.Н.* Культ зернового хлеба в поверьях крестьян Рязанской губернии // Известия ОРЯС. СПб., 1906. Т. XI. Кн. 4; *Шахматов А. А.* Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Там же. 1913. Т. 18. Кн. 4; *Будде Е.Ф.* К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора // Русский филологический вестник. Варшава, 1892. Т. 27. № 2, Т. 28. № 3; *Васильев Л.Л.* К характеристике сильно-акающих говоров // Там же. 1907. Т. 58. №4 и др.

23 *Воробьев В.В.* Материалы к антропологии великорусского населения некоторых уездов Рязанской губернии. М., 1897; *Шахматов А.А.* Южные поселения вятичей // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1907. № 16.

24 *Орлова М.* Вышивание по полотну в селениях Михайловского уезда // Вестник РГЗ. 1912. № 4; *Приокский.* Что читает крестьянин Рязанской губернии. Из анкеты народного учителя // Там же. 1913. № 7/8; *Поповская А.* Кустарное производство сарпинки в дер. Алексеевой Касимовского уезда // Там же. 1912. № 7; *она же.* Некоторые данные о кулечно-рогожном промысле в Касимовском и Спасском уездах // Там же. 1914. № 1; *она же.* Трудовая помощь в Михайловском уезде в голодный год. Из личных воспоминаний // Там же. 1914. № 4; *Петров В.* Мещёрский край (Этнографический очерк) // Там же. 1914. № 1; *Гауэнер М.* Отхожие промыслы в Рязанской губернии // Там же. 1916. № 4/5.

25 *Дурново Н.* Диалектологические разыскания в области великорусских говоров // Труды Московской диалектологической комиссии. М., 1917. Вып. 6; 1918. Вып. 7; *Соколов Б.М.* К вопросу о дифтонгическом произношении «t» и «o» в южнорусских говорах // Русский филологический вестник. 1917. Т. 28. № 3/4.

26 *Мансуров А.А.* Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1928–1930. Вып. 1–4 (Труды ОИРК. Вып. XV, XXII, XXVI, XXXIX); *он же.* Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1933. Вып. 5 (Труды РБК. Вып. 7).

27 В качестве примера можно привести следующие работы: *Данилин А.Г.* Крестьянская одежда района «Богословщины» Рязанской губернии. Рязань, 1927 (Труды ОИРК. Вып. IX); *Говоров Н.В.* Материалы по истории быта Рязанского края. Рязань, 1928 (Труды ОИРК. Вып. XVII); *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму Рязанской губернии. Рязань, 1929 (Труды ОИРК. Вып. XVIII); *Мансуров Д.А.* Заметки по народному быту. Рязань, 1930 (Труды ОИРК. Вып. XXVI); *Китайцев И.А.* Опыт исследования набойки в Касимовском уезде // Вестник рязанских краеведов (Касимов). 1923. № 2; *Куфтин Б.А.* Задачи и метод изучения крестьянского жилища Рязанской губернии. Краткая инструкция // Там же (Рязань). 1925. № 2; *Бакулин В.Д.* К вопросу о гранях и метах // Там же (Рязань). 1925. № 4; *Ильинский В.Н.* Скопинская волость (того же уезда) Рязанской губернии. Краткий естественно-исторический и общественно-экономический очерк, проработанный и редактированный В.Н. Ильинским. Скопин, 1929 (Скопинское Общество изучения местного края. Вып. 3); *Федоров А.Ф.* Свадебный обычай. По сообщению А.И. Назарова из его наблюдений в дер. Бессоновка Спасского уезда Рязанской губернии. Спасск, 1927 (Труды Спасского отделения ОИРК. Вып. 1) и др.

28 *Воскресенский Н.В.* Знахарство в Рязанской губернии по данным анкеты Губбюро секции врачей Союза медсантруд 7-му Губсъезду // Рабочий клич. 1925. 24 июля; *Малинина М.Д.* Как живут крестьянки в Мещёре. От ухвата — в сельсовет // Деревенская газета (Рязань). 1928. 8 марта; *Селиванов А.В.* Отхожие промыслы в экономике крестьян Рязанской губернии в прошлом и настоящем // Наше хозяйство (Рязань). 1926. № 1/2 и др.

29 Вопросы этнологии Центрально-Промышленной области. Этнологические исследования и материалы. М., 1929.

30 *Бабкин М.* Школьно-краеведческая работа в Михайловском уезде // Вестник рязанских краеведов (Рязань). 1925. № 1; Краеведение и школа. Хроника // Там же (Касимов). 1924. №3, 4.

31 *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998. С. 191, 203, 219, 256, 257.

32 *Гринкова Н.П.* Очерки по истории развития русской одежды (поясные украшения) // СЭ. 1934. № 1/2; *Кулаковский Л.* Музыкально-этнографические заметки // Советская музыка. М., 1940. № 8; *Селищев А.М.* О языке современной деревни // Труды Московского института философии, литературы, истории. М., 1939. Т. V; Рязанские вышивальщицы. Рязань, 1939 и др.

33 *Алтачева Г.А., Вертутина Ю.И.* Лексика жилища и говоров трех сел Рязанской области // Уч. зап. РГПИ. Рязань, 1955. Т. 12; *Руделев В.Г.* Названия жилых и хозяйственных построек в некоторых южновеликорусских (рязанских) говорах // Там же. 1958. Т. 21; *Чумакова Ю.П.* Лексика, связанная с обработкой конопли и шерсти, прядением и ткачеством в районе «Богословщина» Рязанской области // Там же. 1959. Т. 25; *Жбанкова Т.С.* Названия кушаний в рязанских говорах // Там же. 1962. Т. 30; *Орлова В.Г.* Говоры северо-восточной части Рязанской области // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР. 1948. Вып. 3; Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1957.

34 Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры в XIX — начале XX вв. М., 1956 (Труды ИЭ. Т. 31); *Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Парникова А.С.* Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей (XIX — начало XX вв.) М., 1960 (Труды ИЭ. Т. 57); *Бежкович А.С., Жегалова С.К., Лебедева А.А., Просвиркина С.К.* Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. М., 1959; *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX вв. как материал к этнической истории народа // СЭ. 1956. № 4; *Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX веков. Очерки по истории народных верований. М., 1957 (Труды ИЭ).

35 Рязанское село Кораблино. История, экономика, быт, культура, люди села // Уч. зап. РГПИ. 1957. Т. 18.

36 Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969.

37 *Пармон Ф.М., Соловей Н.В., Кибиткина Т.А.* Пластическое и композиционное своеобразие рязанского народного костюма // Сб. науч. трудов Московского технологического института легкой промышленности. М., 1979; Песни Рязанского края / Сост. Л.М. Куковская. Рязань, 1968; *Пушкина С.И.* Песни с. Секирино Скопинского райо-

на Рязанской области // *Руднева А.В., Щуров В.В., Пушкина С.И.* Русские народные песни в многомикрофонной записи. М., 1979; *Маслова Г.С.* Изменение традиционного рязанского народного костюма за годы Советской власти // СЭ. 1966. № 5.

38 *Тульцева Л.А.* Календарные религиозные праздники в быту современного крестьянства (по материалам Рязанской области) // СЭ. 1970. № 6; *она же.* К вопросу о новом и традиционном в современной обрядности русских (по исследованиям Рязанской области) // Полевые исследования Института этнографии за 1977 год. М., 1979; *она же.* Религиозно-бытовые пережитки у русского сельского населения (по материалам Рязанской области). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.

39 *Лебедева А.А.* Северо-западные, западные и южные губернии центра (Псковская, Новгородская, Костромская, Калужская, Тульская и Рязанская) // Крестьянская одежда населения Европейской России. XIX — начало XX в. Определитель. М., 1971; *Маслова Г.С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978; *она же.* Одежда // Народы Европейской части СССР. Т. 1. М., 1964; *Мерцалова М.Н.* Поэзия народного костюма. М., 1975; *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979; Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. Середина XIX — начало XX в. М., 1967.

40 *Гилярова Н.Н.* К вопросу типологии свадебных песен Рязанской Мещёры // Проблемы стиля в народной музыке. Сб. науч. трудов. М., 1986; *она же.* Народная музыкальная культура Мещёры. Автореферат дис. ... канд. искусствоведения. М., 1986; *Морозов И.А.* Из рязанского этнодиалектного словаря: «Похороны таракана» // ЖС. 1996. № 4; *Плешакова В.В.* Мотивированные названия обрядовых действий в говоре д. Деулино Рязанского района Рязанской области (дополнения к деулинскому словарю) // Лингвистическое краеведение Рязанской области. Сб. науч. трудов. Рязань, 1995; *Самоделова Е.А.* Жанр приговорки (предсказки) и проблема игры в свадьбе (на материалах Рязанской области) // Традиционные формы досуга: история и современность. Сб. науч. трудов. М., 1996. Вып. 7; *Сахарова О.М.* Геометрический орнамент в рязанском народном костюме и предметах быта (вышивка) // Труды РИАМЗ. Сб. статей. Рязань, 1998; *Тульцева Л.А.* Община и аграрная обрядность рязанских крестьян на рубеже XIX–XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989; *Большова С.И.* Народная одежда Рязанской области и приемы ее декорирования // Эстетические основы народного искусства и художественных промыслов. М., 1992; *Ивлева Л.М.* «Весна–лето» в системе весенней календарной обрядности Рязанщины // Экспедиционные открытия последних лет. СПб., 1996; *Панкова Т.М.* К вопросу об историческом освоении русского народного костюма и коллекции народной одежды как средства музейной коммуникации // Труды РИАМЗ. Сб. статей. Рязань, 1998.

41 В Рязани в серии «Рязанский этнографический вестник» вышли следующие работы: *Панкова Т.М.* Рязанский традиционный народный костюм (1992); *Гилярова Н.Н.* Музыкальный фольклор Рязанской области (1992); *Самоделова Е.А.* Рязанская свадьба. Исследование местного обрядового фольклора (1993); *Горбунов Б.В.* Традиции русских народных игр военно-прикладного характера в Рязанском крае (1993); *Маслова Г.С.* Из истории восточнославянской этнографии. О жизни и творчестве Наталии Ивановны Лебедевой (1994); *Чумакова Ю.П.* Лексика традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» Рязанской области (1995); *Лебедева Н.И.* Научные труды. Т. 1–2 (1996); *Поплавская Х.В.* Паломничество и странноприимство в Рязанском крае (1998); Православие и народная культура Рязанской области (под. ред. С.А. Иниковой) (2001); *Морозов И.А., Слепцова И.С., Гилярова Н.Н., Чижикова Л.Н.* Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь (2001); *Тульцева Л.А.* Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов, обычаев и поверий рязанских крестьян (2001); *Мельничук Г.А.* История и ревизские сказки шацкого села Кермись (2004); *Бабурин А.В.* Рязанский топонимический словарь (названия рязанских деревень) (2004); *Осипова Е.П.* Язык рязанского костюма. Наименования элементов народной одежды в рязанских говорах (2004); *Горбунов Б.В.* Этнография Рязанского края. Библиографический указатель (2005).

ГЛАВА 2

Этническая история

Формирование населения

Этнографические группы русских

Неславянское население

Татары. — Мордва. — Другие неславянские группы населения.

Формирование населения

Рязанская область расположена в центре Русской (Восточно-Европейской) равнины. Площадь ее составляет 39,6 тыс. кв. км. Северная часть области — левобережье Оки — включает юг Мещёрской низменности. Рельеф здесь всхолмленный, в понижениях много болот и озер. На северо-западе располагается система великих озер Центральной Мещёры — Великое, Ивановское, Шагара, Дубовое и ряд других, которые соединены между собой реками и протоками. В западной части области находятся отроги Среднерусской возвышенности с характерным овражно-балочным рельефом. Восточная часть ее представляет собой холмистую равнину с несколькими меридионально вытянутыми возвышениями (самая крупная — Окско-Цнинский вал) и понижениями (долины рек Цна и Мокша). Юг области занимает северную часть Окско-Донской равнины.

Территория Рязанской обл. к северу от Оки входит в подзону смешанных лесов лесной зоны, к югу от Оки — в подзону широколиственных лесов. Крайний юг области находится в зоне лесостепи. На левобережье Оки преобладают подзолистые, на правобережье — серые оподзоленные почвы, оподзоленные черноземы и черноземы. В Мещёрской низменности широко распространены торфяно-болотные почвы, в поймах Оки и ее притоков — пойменно-луговые.

Климат Рязанского края* умеренно-континентальный, с теплым летом (средняя температура июля +19°С) и умеренно холодной зимой (средняя температура января –11,5°С). Среднегодовое количество осадков составляет около 500 мм.

Главная водная артерия области — река Ока в ее среднем течении, с хорошо развитой долиной и широкой поймой, с многочисленными старицами и старичными озерами. Наиболее крупные левые притоки Оки — Пра, Гусь, Унжа, правые — Вожа, Проня, Пара, Мокша (с левым притоком р. Цна). На крайнем юге области берут начало реки Лесной Воронеж, Становая Ряса, Мокрая Табола, Качуровка — притоки Дона, протекающего здесь же в своем верхнем течении.

Заселение территории нынешней Рязанской обл. началось в эпоху верхнего палеолита, когда человек осваивал центральную часть Русской равнины. Полагают, что заселение бассейна среднего течения Оки в эпоху верхнего палеолита проходило с юга, из Подонья[1]. Местные верхнепалеолитические памятники немногочисленны (стоянки Шатрище 1, Шатрище 2, Ясаково в Спасском р-не, Ялтуново Польное в Шацком р-не).

В мезолите человек расселился на территории нынешней Рязанской обл. по долинам рек Ока, Мокша, Цна и в озерной Мещёре. Мезолитические стоянки и кремнеобрабаты-

* Исторически территория Рязанского края включает современную Рязанскую обл. и сопредельные земли бывших уездов Рязанской губ. — Егорьевского и Зарайского, Данковского и Раненбургского. Основная часть Рязанского края территориально находилась в эпоху средневековья в составе Рязанского великого княжества.

вающие мастерские располагались главным образом на мысах, краевых участках и останцах первых надпойменных террас рек и озерных котловин, на дюнообразных всхолмлениях и пойменных гривах. Несмотря на некоторые различия в технике изготовления кремневых орудий, общие черты культуры дают археологам основание отнести мезолитическое население Среднего Поочья к культурно-хозяйственной зоне охотников, рыболовов и собирателей Восточной Европы [2].

Памятники эпохи неолита в Рязанском крае весьма многочисленны, что свидетельствует об интенсивном освоении этой территории людьми. Хозяйство неолитических племен Среднего Поочья основывалось на рыболовстве, охоте и собирательстве.

Ранний неолит Рязанского края представлен памятниками *верхневолжской* культуры, которую сформировали местные мезолитические племена при участии племен лесостепной зоны. Развитый и поздний неолит представляют памятники *рязанской* и *волосовской* культур. Носители рязанской культуры, ареал которых охватывал бассейны среднего течения Оки, нижнего течения Мокши, центральную и южную части Мещёры, входили, наряду с носителями ряда других культур (льяловская, балахнинская и др.), в обширную культурно-историческую общность лесного неолита Восточной Европы с так называемой *ямочно-гребенчатой керамикой* [3]. Памятники волосовской культуры сконцентрированы в северной и восточной частях края. Полагают, что и волосовскую культуру сформировали в Волго-Окском междуречье и Верхнем Поволжье племена, генетически связанные с культурно-исторической общностью, имевшей ямочно-гребенчатую керамику [4]. Существует, однако, и точка зрения о ее прикамском происхождении [5]. Носители рязанской и волосовской культур вступали в интенсивные контакты — в результате проходила активная взаимная диффузия различных компонентов их культур [6].

На рубеже III–II тысячелетий до н. э. в лесную зону Восточной Европы, в том числе на территорию нынешней Рязанской обл., стали продвигаться с юга и юго-запада племена — из Среднего Поднепровья (*фатьяновская культура*), из лесостепного Среднего Подонья (*срубная культура*), стоявшие на более высокой, чем местное население, стадии социального развития. Они были знакомы с допашенным земледелием в подсечно-огневой форме, с животноводством, с выплавкой меди и бронзы, у них наблюдались признаки разложения первобытно-родового уклада. Местное население заимствовало у пришельцев приемы изготовления и употребления металлических изделий, навыки земледелия, некоторые элементы орнаментации керамики. Движение пришлых племен проходило волнами и продолжалось, как считают археологи, вплоть до конца II тысячелетия до н. э. С приходом племен фатьяновской и срубной культур в Среднем Поочье началась эпоха бронзы, продолжавшаяся до начала I тысячелетия до н. э.

В связи с определенными палеогеографическими изменениями (остепнение территории) пришлое население продвигалось, главным образом, по долинам Оки, Цны, Мокши и шло в озерную Мещёру. Контакты этих групп населения друг с другом и с местным населением вызывали сложные этнокультурные процессы, приведшие к формированию ряда общностей, которые выделены на основании археологических источников. Самой крупной из них, ареал которой включал всю территорию Окского бассейна, частично — Верхнее и Среднее Поволжье, являлась *поздняковская* культурно-историческая общность [7].

В числе памятников поздняковской культуры выявлены бронзовые и медные орудия труда, оружие и украшения. Вместе с тем большую часть орудий труда поздняковцы изготавливали из камня посредством его высококачественной обработки. В их хозяйстве сочеталось допашенное земледелие и развитое животноводство, сохраняли существенное значение охота и рыболовство. Полагают, что поздняковские племена оказали большое влияние на распространение производящей экономики в Волго-Окском междуречье [8].

С начала I тысячелетия до н. э. в Восточной Европе начинается эпоха раннего железа. Большая часть нынешней Рязанской обл. в этот период и в начале раннего средневековья была населена племенами *городецкой* культуры. Эта культура получила свое название по

городищу, расположенному у с. Городец Спасского р-на Рязанской обл. Ареал городецкой культуры включает территорию среднего и нижнего течения Оки, бассейнов Мокши, Цны и Суры, правобережье Волги от устья Оки до нынешнего Саратова.

Городецкая культура сформировалась на огромной территории в результате сложных процессов смешения разноэтничных групп позднего бронзового века [9]. Абсолютное большинство исследователей связывает носителей городецкой культуры в этническом отношении с предками поволжских и окских финнов [10]. К финским памятникам относятся и грунтовые рязано-окские могильники I тысячелетия н.э. [11]. Они локализуются в основном в пределах нынешней Рязанской обл. Самые ранние из рязано-окских могильников датируются II–III вв., наиболее поздние — IX–X вв. Как убедительно показал А.Л. Монгайт, население, оставившее рязанские могильники, автохтонно и связано с населением, оставившим памятники городецкой культуры [12]. Население, оставившее рязано-окские могильники, в этническом отношении было родственно, по мнению большей части исследователей, летописным мурому, мещере и мордве [13].

У этого населения сложилась оригинальная система лесного животноводства и земледелия. В социальном плане у них имело место интенсивное разложение первобытно-общинных отношений — имущественное расслоение, выделение слоя хорошо вооруженных воинов.

Во второй половине I тысячелетия н.э. в южные районы нынешней Рязанской обл., где рязано-окские могильники неизвестны, продвигались из бассейна среднего течения Дона племена, родственные носителям *салтовской* культуры [14]. В этническом отношении эти группы принадлежали к аланской общности.

В бассейне р. Протвы, правого притока Оки, судя по русским летописям, проживало балтское племя *голядь* («...и шелъ Святославъ и взя люди Голядь, верх Протве...» [15]). В.В. Седов считает, что на протяжении всего I тысячелетия в Поочье имели место интенсивные контакты балтов и носителей городецкой культуры, их культурное взаимовлияние [16]. Г.П. Смолицкая отмечает «значительный ареал» гидронимов балтского типа в районе «Рязанской стороны» — «по течению р. Оки от р. Осетра до р. Прони, по самой р. Проне» [17]. Впрочем, имеется мнение об отсутствии в Среднем Поочье элементов балтской традиции.

Финские памятники, датируемые самым концом X — началом XI в., на территории Рязанской обл. мало исследованы. Керамика верхних слоев городищ и селищ в Мещёре, в бассейнах Цны, Мокши и касимовского течения Оки близка к керамике рязано-окских могильников. Кроме этого, среди находок курганных могильников этого времени на означенных территориях присутствуют предметы с финскими и славянскими чертами [18]. Исследователи в большинстве своем не рискуют связывать их происхождение с каким-то определенным славянским племенем.

Освоение славянами территории Среднего Поочья началось в IX в. Сходство керамики местных раннеславянских памятников этого времени (селища возле селений Борки, Шумашь и Дубровичи, Алекановское поселение, Алекановский грунтовый могильник и др.) с керамикой *роменско-боршевской* культуры, локализуемой на Верхнем Дону [19], дает археологам основание полагать, что первоначально славяне проникали в Среднее Поочье из бассейна Верхнего Дона. А.Л. Монгайт считал, что вначале проникновение славян в среду финского населения было связано с торговыми контактами и ранние славянские поселения в Среднем Поочье представляли собой торгово-ремесленные фактории или поселки на Окском торговом пути [20].

Массовое заселение славянами Среднего Поочья относится к концу X–XI в. В это время сюда в поисках более благоприятных условий для жизни направилось несколько переселенческих потоков. Первоначально исходным регионом славянской колонизации бассейна Среднего Поочья был ареал боршевского Верхнего Подонья [21]. Целый ряд исследователей придерживается точки зрения о вятичской принадлежности боршевцев [22]. В то же время существуют мнения о принадлежности боршевских племен к северянам [23]. В.В. Седов

полагал, что «вопрос о племенной принадлежности населения, оставившего памятники боршевской культуры, ныне не может быть решен окончательно» [24]. В более поздней работе он отметил, что «современные изыскания свидетельствуют, что носителями боршевской культуры были славяне, вышедшие из разных праславянских племенных образований», и что «племена боршевской культуры — новообразование раннего средневековья, название которого не дошло до нас» [25].

Некая общность донских славян оказалась в конце X в. на пути передвижений и грабительских набегов печенегов и вынуждена была оставить свои земли на Дону. Анализ всего комплекса письменных, археологических и этнографических источников позволил ученым предположить, что несколько позднее западная и центральная части территории нынешней Рязанской обл. были заселены представителями крупного восточнославянского племенного союза *вятичей*, которые продвигались из бассейна верхнего течения Оки, освоенного вятичами в более раннее время [26]. Территория западной и центральной частей нынешней Рязанской обл. составляла крайнюю юго-восточную окраину всего ареала вятичей. Отметим при этом характерные известия летописей — Львовской: «Вятичи, иже есть Рязанци»; Ермолинской: «Вятичи… прозвашеся Рязаньци»; Тверской: «Вятичи и до сего дне еже есть Резанце» [27]. П.Н. Третьяков характеризует вятичей как «основное население Рязанской земли» [28]. Приведем вместе с этим точку зрения В.В. Седова, который считает, что в рязанском Поочье «вятичи появились сравнительно поздно, судя по курганным материалам, в основном уже в XII в.». Прежде, по его мнению, Рязанская земля «была освоена славянским населением, вынужденным оставить земли на Дону» [29].

Важнейшими компонентами культуры вятичей, которую они принесли с собой в Среднее Поочье, были пашенное земледелие, высокоразвитые животноводство и ремесла. Ремесло у них было в значительной степени отделено от сельского хозяйства.

Полагают, что вятичи находились на несколько более высоком уровне социально-экономического развития, чем финские племена Среднего Поочья [30]. Существует и точка зрения, согласно которой окские финны находились примерно на том же уровне развития, что и пришедшие сюда славяне [31].

Считается установленным, что уже в X в. в Волго-Окском междуречье финские племена — *мурома, мещерá, весь, меря, мордва* — проживали в отдельных районах чересполосно со славянским населением [32].

Преобладает точка зрения, согласно которой финские племена были большей частью ассимилированы пришедшими славянами, и лишь небольшая часть их оказалась вытесненной в бассейн нижнего течения Оки. Процессы ассимиляции местного финского населения славянами проходили постепенно, но с нарастающей интенсивностью. Это объясняется относительной многочисленностью пришельцев-славян и малочисленностью, а также рассредоточением на огромной территории местных финских племен и, по-видимому, все же несколько более высоким уровнем общественного развития переселенцев. Окские финны оставили «в наследство» славянам отдельные черты в антропологическом облике, огромную топонимическую и гидронимическую номенклатуру (названия рек, озер, урочищ, селений и т. п.), элементы в традиционной обрядности и материальной культуре.

Мещёрскую низменность и муромское (нижнее) течение Оки заселили представители другого восточнославянского племенного союза — смоленские *кривичи* [33]. Они продвигались в северную и северо-восточную части нынешней Рязанской обл. (вплоть до Старой Рязани) из Волго-Клязьминского междуречья, освоенного ими ранее. В.П. Даркевич считает, что «кривичская колонизация в район Рязани» осуществлялась по двум направлениям: а) непосредственно из Смоленской земли — с верховьев Днепра по его левым притокам на Угру, затем — в бассейн верхней Оки и далее в бассейн Москвы-реки; б) из освоенных кривичами Ростовского, Суздальского, Юрьевского ополий — на Муром и Рязань [34]. Кривичи двигались небольшими группами, селились чересполосно с местными финнами, вступали с ними в тесные хозяйственные, брачные и другие отношения. А.Л. Монгайт считал,

что ассимиляция кривичами местных финских племен проходила медленнее, чем в регионе вятичской колонизации [35]. По-видимому, ассимиляционные процессы здесь растянулись на несколько столетий. Интересно в этом отношении наблюдение Н.И. Лебедевой и Н.П. Милонова над топономикой края: «...русские названия господствуют целиком, не перемешиваясь с другими, южнее р. Прони и западнее Пары. К северу от р. Пры и к востоку от Пары много нерусских названий...» [36]. По данным Т.А. Алексеевой, в средневековье в физическом облике местного населения «славянский» компонент был невелик, а в середине XX в. он стал явно преобладать над финским [37].

В.П. Даркевич осторожно отмечает, что «по-видимому, и поляне приняли активное участие в заселении Рязанского региона, двигаясь через земли радимичей, по Соже к Смоленску и далее на восток, а также вверх по Днепру, сквозь территории дреговичей и кривичей». И именно с ними он связывает южнорусскую топонимику Рязанской земли (Переяславль, Трубеж, Лыбедь, Белгород, Льгов, Воино, Торческ и др.) [38].

Н.И. Лебедева наметила членение Рязанской губ. на три части, исходя из типа понёв, которое, по ее мнению, «совпадает с данными археологии о трех славянских группах, принявших участие в образовании русских Рязанской губ.: вятичей, кривичей и племен Подонья»: а) «характеризуется синей клетчатой понёвой, соединенной с шерстяным туникообразным нагрудником, охватывает бассейн Оки, Осетра, Прони, р. Ранова и отдельными островками спускается к югу, является общей с Тульской и Калужской губ., совпадает с территорией распространения вятичских семилопастных подвесок, отчего и может быть названа „вятичской“»; б) «характеризуется тяжелыми понёвами* с 2 основами и одной, тканными на 4 подножках с „бральниками“... со сложными узорами („жмеями“ в Парахине и „челноками“ на Курше), носимыми с холщевыми нагрудниками, распространена к северу от Пры в Мещёрском крае, проходит по Елатомскому, Кадомскому, Сасовскому у., Тамбовской губ., что говорит о наличии здесь древних славянских групп, не утерявших своей специфики в XIX в.»; в) «характеризуется наличием черных клетчатых и красных клетчатых понёв, носимых с черными шерстяными нагрудниками и плащами-„кодманами“, связана с верховьями Дона» [39]. Позднее Н.И. Лебедева и Г.С. Маслова отмечали, что в северной части Рязанской губ. «прослеживается общность с населением Смоленщины, которая в каких-то чертах, возможно, восходит к кривичской культуре», имея в виду особенности комплекса одежды: холщовые нагрудники, желтики, носовчики, холщовые мужские шлыки, крой «по-топорному» мужской и женской одежды, шерстяные оборы, рубашки с прямыми поликами, пришитыми по утку. В западной части губернии они усматривали «общность с основным западноокским районом» в комплексе женской одежды: синяя клетчатая понёва, рубашка с косыми поликами, суконные нагрудники, рогатые головные уборы, украшения из бисера и перьев, видя в нем «элементы, восходящие, по-видимому, к вятичской культуре». Они также считали, что в южной части губернии «прослеживаются древние общие элементы с группами русского населения на Дону... черная шерстяная туникообразная одежда (сукман, кодман) и красная клетчатая понёва, что может быть связано с движением по Дону древнего населения в Рязанскую землю». [40]

И летописные, и археологические материалы не содержат прямых указаний на вооруженные столкновения славян с финнами и балтами в ходе заселения первыми Среднего Поочья, вследствие чего сложилось мнение о мирном, по преимуществу, характере славянской колонизации этих земель [41]. Впрочем, В.А. Городцов считал, что между вятичами и финнами сложились крайне враждебные отношения [42].

До середины XI в. вятичи жили относительно обособленно от других восточнославянских племен и земель. В то время как в других русских землях складывались и развивались государственные образования, у вятичей еще господствовали общинно-родовые отношения. Так, летопись отмечает, что вятичи «живяху в лесе яко же и всякий зверь», «и браци не бываху въ них, но игрища межю селы», «умыкаху жены собе», «имяху же по две и

* Понёва — поясная женская одежда, надевавшаяся поверх рубахи.

по три жены», «аще кто умряше, творяху тризну» [43]. Управляли вятичами родо-племенные вожди. Имена двух из них — Вятко и Ходота — названы в летописи [44].

Со второй половины XI в. территория современной Рязанской обл. и сопредельные земли постепенно прочно включаются в сферу власти киевских князей: в 1054 г. по завещанию киевского князя Ярослава Мудрого его сын Святослав получил во владение Черниговское княжество: «...Чернигов и всю страну въсточную и до Мурома» [45]. Так земля вятичей и территории, заселенные кривичами, были включены в состав Черниговского княжества.

После этого с середины XI и в течение XII в. в Среднее Поочье несколькими волнами двинулся мощный поток переселенцев из южнорусских земель. Эти переселенцы принесли с собой на новое место южнорусские названия рек (Трубеж, Лыбедь, Дунайчик и др.) и населенных пунктов (Переяславль, Вышгород, Белгород, Воино и др.) [46]. Движение этих переселенцев было органически связано с распространением феодальных отношений вширь, с включением Среднего Поочья в систему межкняжеских отношений. Вскоре на эту территорию в числе других земель Волго-Окского междуречья распространяется понятие «Русская земля».

В XII — первые десятилетия XIII в. имело место широкое перемещение славянского населения из Рязанской земли в лесостепную область Донского бассейна [47].

Эти социально-экономические процессы обусловили довольно быстрое «размывание» племенной принадлежности местных славян и органичную интеграцию всех племен в составе древнерусской народности. Мощным консолидирующим фактором было и постепенное с нарастающей интенсивностью распространение среди славян христианства.

Образование в конце первой трети XII в. Муромо-Рязанского княжества, где стольным градом был Муром, способствовало усилению внутренней славянской колонизации его территории. В середине XII в. Рязань (Старая) становится центром самостоятельного Рязанского княжества. Славяне интенсивно включали в хозяйственный оборот новые земли, основывали города и сельские поселения. Особенно густо был заселен бассейн среднего течения Прони, где начинались черноземные плодородные почвы. В XI — первой трети XIII в. летописи и другие письменные источники упоминают 25 городов и крупных поселений в пределах Рязанского княжества: Коломну, Ростиславль, Осётр, Борисов-Глебов, Ольгов, Ужеск, Опаков, Казарь, Переяславль, Рязань, Добрый Сот, Белгород, Новый Ольгов, Исады, Воино, Пронск, Дубок, Воронеж, Кадом, Тешилов, Колтеск, Мценск, Елец, Тулу, Ижеславль.

В дальнейшем несколько веков формирование населения Рязанского края определялось главным образом двумя факторами: а) тем, что земли по правобережью Оки, начиная с территорий, расположенных южнее современного Ряжска, вплоть до конца XVII в. представляли собой большей частью нераспаханные и слабо освоенные черноземы, весьма перспективные в хозяйственном отношении, и б) тем, что и Рязанское княжество, существовавшее с середины XII в. по 1521 г., и Рязанская земля в XVI–XVII вв. занимали важное стратегическое положение — здесь на протяжении столетий находилась значительная и важная часть пограничья Руси со Степью.

Период с 1237 г. и до конца XIV в. отмечен тяжелейшим ордынским игом. Археологические исследования показали, что жизнь в более чем 80% рязанских селений после ордынского разорения 1237–1239 гг. замирает на много десятков лет [48]. Хозяйственное разорение селений и городов, систематические набеги ордынцев, истребление и угон в неволю большого числа людей и переселение уцелевших в лесистые и потому более безопасные земли левобережья Оки, искусственное насаждение ордынцами соперничества между русскими князьями существенно сдерживали процессы внутриэтнической консолидации русского народа. С последней трети XIV в. ситуация качественно изменяется. Все чаще в летописях появляются известия о том, что рязанское войско дает отпор ордынцам. 11 августа 1378 г. на Рязанской земле на берегу р. Вожи состоялось большое сражение московско-рязанского войска под руководством великого князя Дмитрия Ивановича с ордынской

ратью мурзы Бегича, в котором ордынцы потерпели первое крупное поражение на Русской земле. В 1380 г. в крайних южных пределах Рязанского княжества на Куликовом поле состоялась битва, имевшая огромное историческое значение. Разгром войска Мамая соединенными полками из различных русских земель впервые продемонстрировал эффективность объединения народных сил в борьбе с вековым врагом и способствовал укреплению этнического и религиозного самосознания.

Все это привело к оживлению жизни в рязанских селениях, концентрации населения в лесных и частично — в лесостепных районах, к восстановлению старых и возникновению сотен новых сельских поселений и десятков городов. Летописный «Список русских городов» («А се имена всемъ градом руским далним и ближним»), датируемый концом XIV — началом XV в., называет 30 рязанских городов («А се города резаньские»): «Резань старая на Оце, Новый городок Ольгов на усть Проне, Пронеск, Торческ, Воино, Шилов, Старый Львов, Глебов, Зареческ, Переславль на Трубеже, Михайлов, Перевитеск, Шипино, Ростиславль, Венев, Тешилов, Крилатеск, Неринеск, Кулатеск, Рославль Польский, Свинеск, Новогородок на Осетре, Бобруеск, Дубечин, на Плаве Микитин, Вердерев, Ломихвост, в верх Дону Дубок, Корнике, Урюпеск» [49]. М.К. Любавский, исследовавший актовые материалы XIV–XV вв., сделал вывод об интенсивном заселении Рязанского края в это время разными группами населения [50].

Немалую роль в усилении внутренней колонизации, в том числе в хозяйственном освоении территорий, играли монастыри, строительство которых продолжалось и в период ордынского ига. Только в XIV в. в Рязанском княжестве было основано не менее девяти монастырей. Монастыри являлись опорными пунктами обороны от степняков и в освоении новых земель, хозяйственными центрами округи, средоточием духовной жизни населения.

Первые шаги делала хозяйственная колонизация в крайних южных районах Рязанского княжества и далее к югу, за его пределами, где лежали громадные массивы нераспаханных черноземов. В результате сфера влияния Рязанского княжества упрочилась в имеющих важное значение землях водораздела Оки и верхнего Дона, распространилась на верховские волости и на территорию бассейна Цны [51].

В самом конце XIV и в XV в. движение русского населения за Оку, в крайние южные пределы Рязанского княжества и в Дикое поле интенсивно росло. Несмотря на опасность нападений ордынцев, рязанские поселенцы спускались по Дону, оседали по его притокам — Тихой Сосне, Хопру, Битюгу, постепенно выдвигались далее на юг, в степи. Опорным пунктом в этом колонизационном движении был г. Пронск — центр удельного княжества [52]. Успехи внутренней колонизации, отчетливо проявившиеся к началу XVI в., отразил в своих записках С. Герберштейн, отметивший, что «среди всех княжеств и областей московского государя первое место по богатству почвы и изобилию во всем присвояет себе Рязань» [53].

Постепенная политическая консолидация русских земель в XV в. в ходе преодоления феодальной раздробленности, формирования единого Русского государства с центром в Москве, напряженной общенародной борьбы с Ордой, движение населения на Юг, в Дикое поле, интенсивная внутренняя колонизация территории Волго-Окского бассейна усиливали процессы этнической консолидации ядра великорусской народности. В орбите этих процессов постоянно находилась Рязанская земля, которая в течение XV в. все в большей степени включается в сферу зависимости от Москвы.

К концу XIV — началу XV в. относится, по-видимому, формирование локальной общности рязанских казаков. Под 1444 г. Никоновская летопись сообщает о битве на Листани (ныне р. Листвянка в 30 км от современной Рязани), где сразились объединенное войско московского великого князя с вторгшейся в пределы Рязанского великого княжества глубокой осенью этого года конницей ордынского царевича Мустафы. В битве, кроме войска великого князя Василия Васильевича, которое возглавлял кн. Василий Оболенский, приняли участие мордва «на ртах (лыжах. — *Б.Г.*) с сулицами и с рогатинами и с саблями, а *казаки рязаньскиа* (курсив наш. — *Б.Г.*) также на ртах с сулицами и с рогатинами и с саблями

з другиа стороны… и много татар избиша и самого царевича Мустофу убиша и князей с ним многих татарских избиша» [54].

Приведенное летописное известие является вообще первым в истории письменным упоминанием о русских казаках. Фигурирующих в этом летописном фрагменте «казаков рязаньских» относят к вольным казакам, проживавшим в лесостепных пространствах Дикого поля вблизи пределов Рязанского княжества [55]. По-видимому, общность рязанских казаков является одной из самых древних локальных групп русского казачества.

На ранних этапах истории рязанских казаков основным компонентом в их формировании явились *бродники* (бродни) — сравнительно немногочисленные группы остатков древнеславянского населения в Диком поле, сохранившиеся после вторжений Орды и разбросанные дисперсно на обширной территории. В XIV — первой половине XV в. состав бродников пополнялся беглецами из коренных русских земель [56]. Бродники являлись вольными людьми, обладавшими отличными воинскими качествами, которые приобретались и совершенствовались в постоянной борьбе с ордынцами. Л.В. Черепнин полагал, что в образе жизни бродников было немало общего с новгородскими ушкуйниками [57].

Другим источником пополнения рязанского казачества были беглые крестьяне, холопы, посадские, мелкие дети боярские из центральных районов Руси. С распадом Золотой Орды и особенно во второй половине XV в. приток беглых на южные окраины Русского государства, в частности на «Резанскую украину», усилился [58].

С утратой в 1521 г. самостоятельности Рязанским великим княжеством в состав Московского государства оказались включены все коренные русские земли. Сложились политические условия для окончательной этнической консолидации ядра русского народа (великороссов). Вместе с этим еще долго сохранялись представления об исторических частях Русского государства — отдельных русских землях, население которых обладало комплексом особенностей в традиционной народной материальной и духовной культуре. В частности, от Коломны и далее на юг, включая верховья Дона, т.е. на большей части земель бывшего Рязанского великого княжества, простиралась область «рязанских городов» [59]. Это понятие, первоначально неофициальное, но широко употреблявшееся, обозначало название обширной территории, единство внутри которой определялось «или в историческом воспоминании, или в реальных условиях жизни» [60].

В области «рязанских городов», куда входили Переяславль-Рязанский, Зарайск, Коломна, Михайлов, Перевитеск, Пронск, Серебряные Пруды, Венёв, Гремячий, Ряжск, Сапожок, Песочня, Шацк, Епифань, Скопин, Данков, Печерники с округами [61], существовали районы со своими этнографическими особенностями населения, хозяйственными комплексами, собственными исторически сложившимися географическими названиями.

Северные и восточные районы Рязанского края в XV–XVII вв. населяли группы финских (мордва, мещера) и тюркских (касимовские татары, татары-мишари) народов. В XV–XVII вв. археологи фиксируют резкое возрастание, в сравнении с домонгольским временем, числа русских сельских поселений в Мещёре, в бассейнах Цны и Мокши, в том числе не только вблизи рек, но и на водоразделах, что свидетельствует об освоении русским населением под сельскохозяйственные угодья новых земель, в том числе занятых до этого финнами [62]. В договорной грамоте рязанских князей Федора и Ивана Васильевичей 1496 г. отмечается: «…а что наши села в мордве на Цне… а что моа мордва деленаа по Цне…» [63]. На укреплениях Большой засечной черты несли службу значительные по численности подразделения служилых татар и мордвы [64].

В области «рязанских городов» сложилась своеобразная социальная структура, обусловленная тем, что все рязанские города в XVI–XVII вв. представляли собой военные центры, крепости на границе и в приграничье Дикого поля, абсолютное большинство населения в них составляли служилые люди по прибору — стрельцы, пушкари, затинщики, городовые казаки, казенные плотники и кузнецы, засечные сторожа, ямщики и др. Они, помимо основного своего занятия — государевой службы, занимали ведущие позиции в сферах

ремесла и торговли [65]. Черносошное население и в городах, и в сельской местности здесь составляло не более 5–7% [66]. При этом служилых людей в рязанских городах постоянно не хватало из-за их систематической убыли в боях с крымскими татарами и ногайцами. Только в XVI в. отмечено не менее 36 крупных набегов в пределы Рязанской земли конницы кочевников численностью от 5 до 100 тыс. сабель [67]. Население края вело с ордынцами постоянную тяжелую борьбу. Это была подлинно народная война, в ней участвовали все жители края, она пронизывала жизнь и быт населения. Все это заставляло правительство, испытывавшее острую необходимость в защите южных и юго-восточных рубежей государства, выдвигать сюда большое количество служилых людей по прибору и мелких дворян и детей боярских из центральных уездов государства, которых здесь наделяли значительными земельными дачами. Активно на службу в область «рязанских городов» правительство привлекало волжских, донских и даже запорожских («черкасов») казаков. Об этом свидетельствуют многочисленные записи в рязанских писцовых книгах [68] и данные исследователей [69]. В итоге земли к югу от Оки уже в конце XVI в. были отмечены высокой концентрацией мелкопоместного землевладения.

В обыденной жизни все группы служилых людей и члены их семей вступали между собой и с коренным населением Рязанской земли — русскими, и также с мещерой, мордвой и татарами — в систематические контакты и разного рода связи: хозяйственные, семейно-брачные, торговые, служебные, бытовые и пр. Все это обусловило активное протекание в Рязанском крае интенсивных этнобъединительных процессов — ассимиляции русскими иноэтничных групп и внутриэтнической консолидации различных по происхождению групп русских.

С середины XVI в. из Рязанской земли началось мощное движение населения в южном направлении — новый этап освоения лесостепной и степной части Восточно-Европейской равнины русскими. Это движение протекало в ожесточенной борьбе с Крымским ханством, Ногайской ордой и стоявшей за ними Османской империей, которая затянулась вплоть до конца XVIII в. Решение государственной задачи защиты южных рубежей России, помещичья и монастырская колонизация и стихийная вольная деятельность народа по освоению громадных массивов нераспаханных черноземов Дикого поля шли параллельно, были взаимообусловлены и имели одним из результатов дальнейшее расширение этнической территории русских.

Успешное противоборство с Крымом и ногаями было возможно лишь при твердой опоре на местное население, которое в районах к югу от Оки было относительно малочисленным. Поэтому правительство сквозь пальцы смотрело на приток в этот важный в военном плане и перспективный в экономическом отношении регион беглых из центральных уездов, из которых нередко рекрутировались воины в гарнизоны рязанских городов-крепостей. С другой стороны, правительство, заинтересованное в скорейшем заселении Дикого поля, вплоть до конца XVI в. искусственно сдерживало на этой территории процессы закрепощения [70]. Имеется точка зрения, согласно которой сдерживание закрепощения в землях, расположенных южнее Оки, осуществлялось правительством до 1680-х гг. [71]. Все это способствовало притоку сюда переселенцев из других русских земель, особенно из центральных уездов. Потоки переселенцев из центральных уездов увеличивались в неурожайные и голодные годы. Так, «Летописец русский» сообщает, что в 1561 г., когда «бысть глад велик в Можайске, да на Волоке, в ыных во многих городех», то «много множьство разыдеся людей из Можайска и из Волока на Резань, и в Мещеру...» [72].

Хозяйственное освоение Дикого поля, в свою очередь, зависело от эффективности системы обороны южных рубежей государства. В 1560-е гг. было завершено строительство укреплений Большой засечной черты, простиравшейся южнее Оки от мещёрских до брянских лесов на 600 верст, в том числе Рязанская, Венёвская, Кадомская, Ряжская и Шацкая засеки проходили по территории Рязанского края. В середине — конце XVI в. здесь основывается целый ряд городов-крепостей — Ряжск (1557), Шацк (1553), Епифань (сер. XVI в.), Печерники (1570-е гг.), Скопин (1597), Сапожок (1605), Данков (1563) и

восстанавливаются старые крепости — Пронск (1535), Михайлов (1546–1551), Городенск (Венёв) (сер. XVI в.). В 1571 г. складывается система сторожевой и станичной службы — пограничная охрана и разведка на южных и юго-восточных рубежах. В 1636 г. правительство предприняло реконструкцию укреплений Большой засечной черты. В 1658 г. было завершено строительство Белгородской и в это же время — Тамбовской черты, частично проходивших по южным и юго-восточным землям Рязанского края. В итоге во второй половине XVII в. крупные подразделения крымской конницы смогли прорваться в пределы Рязанского края лишь дважды — в 1656 г. они приходили под Шацк, в 1673 г. — подошли к Зарайску.

Создание глубоко эшелонированной обороны на южных и юго-восточных рубежах Русского государства имело громадное значение для хозяйственного освоения русскими южных лесостепных районов и для результативного протекания этноконсолидационных процессов. Русские на осваиваемых землях составляли абсолютно преобладавшую часть населения.

Сдвиг русского населения на юг в XVI–XVII вв. был обусловлен прекращением к этому времени феодальных войн на Руси, быстрым ростом населения и увеличением его плотности на бедных суглинистых почвах Волго-Окского междуречья, резким увеличением вследствие этого потребности в сельскохозяйственной продукции, оживлением экономики. При этом в XVII в. существовало два потока передвижения населения: один — из Рязанского, Пронского, Ряжского, Данковского, Сапожковского, Скопинского, Шацкого, Мещёрских уездов на территории бассейнов верхнего и среднего Дона и Воронежа; другой — из центральных уездов в Рязанскую землю [73].

Этнический состав этих переселенцев из Среднего Приочья на Дон и Воронеж был сложным, он являлся результатом взаимодействий раннего славянского населения, впитавшего древний финский субстрат, с поздними русскими мигрантами, в составе которых было немало выходцев из московских и западных уездов [74]. Выходцы из московских, владимирских и других центральных уездов особенно большое участие приняли в заселении Мещёрской стороны [75]. В районах выхода переселенцев леса даже в конце XVIII в. занимали огромные площади, что способствовало успешности побегов [76]. В XVI–XVII вв. в Рязанском крае, одном из важнейших земледельческих районов того времени, проходили процессы интенсивного смешения разнородных групп пришлого населения с коренными жителями этого региона.

К концу XVII в. население Рязанского края составляло, согласно поуездным итогам переписи 1678 г., около 205 тыс. человек, в том числе: в Данковском у. — 3 тыс., в Касимовском у. — 10 тыс., в Ряжском у. — 34,5 тыс., в Рязанском у. — 123 тыс., в Шацком у. — 35 тыс. человек [77].

В самом начале XVIII в. имело место два относительно крупных перемещения населения из пределов Рязанской земли. В 1702 г. большая часть рязанских казаков по решению Петра I была переселена в низовья Дона [78]. В.Н. Татищев называет цифру — «более 15 тысяч казаков» [79]. Эта группа рязанских казаков была последней из волн, органично вошедших в состав донского казачества. Примечательно в этом отношении, что современные донские казачьи говоры сохраняют множество диалектных слов рязанского происхождения [80]. Оставшиеся казаки были переведены в сословие однодворцев. Часть мещеры в начале XVIII в. из северных районов нынешней Рязанской обл. переселилась на юго-восток — на земли нынешних Тамбовской, Пензенской и Саратовской областей [81]. В XVIII в. некоторые дворяне, получившие земли на юге Рязанской губ., на черноземах бывшего Дикого поля, по своей инициативе стали переселять собственных крестьян из центральных уездов на эти плодородные земли, снижая этим аграрное перенаселение и хозяйственно-социальную напряженность в центральных районах империи [82].

На протяжении XVIII в. численность населения, проживавшего на территории будущей Рязанской губ., последовательно возрастала. Наглядное представление об этом дает нижеследующая таблица.

Таблица 1. Динамика численности населения Рязанского края в XVIII в.

Годы	1719 г.	1744 г.	1763 г.	1782 г.	1795 г.
Численность населения	517 030	584 752	597 344 (по другим сведениям 688 784)	857 455	916 866
Прирост населения	—	13,1%	2,2%	24,5%	6,9%

Таблица 1 составлена по кн.: *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 68, 161.

Большинство населения Рязанского края в XVIII в. были крепостными крестьянами. В течение всего столетия их доля в общем количестве крестьян составляла 70% и более (см. табл. 2). Этот процент был значительно выше, чем в более южных, интенсивно заселявшихся в это время территориях. По-видимому, такое положение явилось реакцией на то, что в XVI–XVII вв. вследствие пограничного положения Рязанского края правительство административными мерами сдерживало на этой территории процессы закрепощения.

Таблица 2. Доля крепостных крестьян в общем количестве крестьян

Годы	1719 г.	1744 г.	1763 г.	1782 г.
% крепостных крестьян	70,7%	74,4%	73,1%	70%

Таблица 2 составлена по кн.: *Кабузан В.М.* Указ соч. С. 60, 125.

В первой половине XVIII в., как и в предыдущее время, на территории Рязанского края существовало два потока переселенцев: один — из Рязанского края в более южные регионы, другой — из центральных уездов в Рязанский край. В начале XVIII в. Рязанская провинция стояла на третьем месте после Московской и Калужской провинций по числу переселенцев из нее — 34 902 человека. В 1730-е гг. Рязанский у. находился на третьем месте по числу вышедших переселенцев после Московского и Суздальского уездов. При этом из общего числа переселенцев 38,6% приходилось на беглых, 61,4% — на долю легальных, большую часть которых составляли переводившиеся владельцами на новые места помещичьи крестьяне. В то же время Рязанская провинция находилась на третьем месте после Тульской и Калужской губерний по притоку населения — 3,6%. К середине XVIII в. территория будущей Рязанской губ. была в основном уже заселена, в значительной степени освоена и население отсюда перемещалось к югу, хотя из центральных уездов сюда прибывало еще немало новоселов [83].

Прирост населения в Рязанской провинции между 1-й и 2-й ревизиями составил 13,1%. Это был третий показатель в Центрально-земледельческом регионе после Тамбовской (33,8%) и Тульской (16,6%) провинций [84].

На протяжении первой половины XVIII в. доля русских на территории Рязанской губ. составляла около 99%. В Касимовском у. проживало заметное количество татар: по 1-й ревизии — 17,1% (4398 человек), по 2-й — 16,3% (4543 человека), по 3-й — 6,4% (3897 человек), по 5-й — 5,1% (4322 человека). В Кадомском у. татары по 2-й ревизии составляли около 2% (442 человека), мордва — свыше 2% (445 человек). В Шацком у. по 2-й ревизии отмечено небольшое количество малороссов [85]. Там же проживало значительное число мордвы и татар.

В XVIII в. в Рязанском крае интенсивно протекали процессы внутренней колонизации. Этому в немалой мере способствовало образование в 1778 г. Переяславль-Рязанской губ. Власти силами местного управления и армии впервые стали уверенно контролировать передвижения населения. Во второй половине XVIII в. доля русских в общей численности населения Рязанского края составляла, по оценочным сведениям, порядка 87–91% [86].

Динамика численности населения Рязанской губ. в XIX — начале XX в. представлена в таблице 3.

Таблица 3. Динамика численности населения Рязанской губ. в XIX — начале XX в.

Годы	1811 г.	1838 г.	1851 г.	1863 г.	1885 г.	1897 г.	1.1.1914 г.	1916 г.
Численность населения (в тыс. чел.)	1087,7	1241,7	1308,5	1418,3	1784	1802,2	2773,9	2363,4
Прирост %	–	14,2%	5,4%	8,4%	25,8%	1,2%	53,8%	-14,8%

Таблица 3 составлена по публикациям: *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956. С. 29, 44, 90; *Яцунский В.К.* Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. № 1. С. 215.

Как видно, на протяжении XIX — в начале XX в. численность населения Рязанской губ. последовательно возрастала. Невысокий прирост населения в 1830–1850-е гг. был обусловлен частыми неурожаями, случавшимися в этот период (в 1833–1834, 1838–1840, 1843–1846 гг.) и эпидемией холеры 1848 г., которая унесла в Рязанской губ. жизни 13 477 человек [87]. Убыль населения к 1916 г. была вызвана трудностями Первой мировой войны.

В 1858 г. на территории Рязанской губ. проживало: потомственных дворян 8226, личных — 1847; духовенства 18 965 человек, в том числе монашествующих 449, священно- и церковнослужителей 18 002, штатных служителей при архиерейских домах 504; купечества 1786 человек; почетных граждан 167; мещан и цеховых 55 135 человек, «рабочих» — «низший и беднейший разряд городских жителей» — 3614 человек; крестьян государственных 445 990, помещичьих — 791 432, военно-конских заведений — 51 425 человек, посессионных — 1480; воинских чинов, в том числе отставных нижних чинов 7678 (при них 6887 жен и вдов), бессрочно-отпускных 1007 человек, несущих действительную службу — до 35 тыс. человек. Таким образом, крестьяне составляли самую многочисленную когорту населения — 91,6%, в том числе крепостные — 56,1% населения [88].

К началу XX в. крестьяне составляли 93%, мещане — около 4%, духовенство — около 1%, дворянство — около 1%, купечество — около 1% населения [89].

При том, что численность жителей Рязанской губ. последовательно возрастала в XIX — начале XX в., этот регион, особенно в последней трети XIX в., являлся местом оттока значительной части населения. На январь 1897 г. уроженцы Рязанской губ., проживавшие вне ее границ, составляли 344,9 тыс., а уроженцы других губерний, проживавшие на ее территории, — 51,1 тыс. человек. Баланс миграций — 291,8 тыс. За 1897–1916 гг. из Рязанской губ. переселились за Урал 49,9 тыс. жителей [90]. В 1902 г. в Москве проживали 94,8 тыс. (12,3%) переселенцев из Рязанской губ. [91]

По результатам 1-й Всероссийской переписи населения 98,54% рязанцев принадлежало к православному вероисповеданию и разговаривало на «великорусском наречии» [92].

Этнографические группы русских

В составе русского народа с ярко выраженной общностью самосознания, языка и культуры постоянно существовали и сегодня существуют этнотерриториальные подразделения — региональные, областные, локальные, историко-культурные, конфессиональные и другие, которые возникли в разное время и в силу различных причин.

На территории Рязанской обл. ощутимые различия в традиционной культуре, быте, языке наблюдаются в основном между русским населением, проживающим к югу от Оки, и русскими, расположившимися к северу от нее [93]. Эти различия соответствуют

этнокультурным комплексам южных великорусов и великорусов переходной среднерусской зоны. Для населения южнорусской зоны — от правобережья среднего течения Оки по воронежское Подонье включительно (вся правобережная часть современной Рязанской обл., Тамбовская, Липецкая, Воронежская, Пензенская области) — характерна восточная или рязанская группа говоров южнорусского наречия (к северу от Оки идет полоса среднерусских говоров) [94], многодворные селения, наземный срубный дом на низком подклете или вовсе без подклета, поставленный параллельно улице, под четырехскатной соломенной крышей; четырехугольный открытый посередине двор, амбар, мазанка, погреб вынесены на улицу перед домом или позади двора на огород, южнорусская планировка избы, отсутствие бань; комплекс женской одежды с легкой клетчатой понёвой и рогатой кичкой, преобладание полихромного геометрического орнамента тканей, лапоть вятичского (московского) типа и ряд других особенностей. В различных сторонах традиционной народной культуры населения среднерусской зоны органично сочетаются южнорусские и севернорусские компоненты, «сплавленные» и «переработанные» в ходе исторического развития на местной основе, — женский комплекс одежды с сарафаном и кокошником или тяжелые, особого тканья «мещёрские» понёвы, мордовский тип лаптя; дом срубной конструкции с двускатной крышей на подклете средней высоты, поставленный перпендикулярно улице, среднерусская планировка избы; четырехугольный двор, на котором расположены амбар, погреб, сарай, малодворные селения и другие особенности.

В ходе длительных и сложных процессов формирования населения Рязанского края сложилось многообразие форм и особенностей его народной культуры, в которых отражаются своеобразие и связи различных по происхождению групп этого населения, восходящие как к ранним историческим эпохам, так и к действию социально-экономических факторов позднейших времен. Важнейшие особенности традиционной культуры населения Рязанского края — одежда, жилище и комплекс свадебных обрядов — обстоятельно рассмотрены в историко-этнокультурном аспекте Л.Н. Чижиковой. Она пришла к выводу, что это население сложилось главным образом из южнорусского и среднерусского субэтнических компонентов, на основе которых «происходила этнокультурная консолидация, способствовавшая выработке общерусских черт в культуре с преобладающим южнорусским или среднерусским компонентом, по-разному выраженным в отдельных сферах бытовой культуры»: в говорах и одежде «доминировали южнорусские черты», в жилище «отмечаются типы, свойственные южнорусским и среднерусским постройкам», в комплексе свадебных обрядов «при преобладании среднерусских довольно часто наблюдаются и южнорусские реалии», при этом в северных районах Рязанского края сильнее выражены черты культуры, характерные для среднерусского комплекса, а «в отдельных элементах культуры русских проявились древние этнические связи с финно-уграми» [95]. Рязанская календарная обрядность в связи с этнокультурной историей края исследована Л.А. Тульцевой, которая пришла к выводу, что в ней прослеживается сочетание западнорусских, южнорусских, северно-среднерусских, восточнофинских и древних балтских компонентов [96].

В то же время в результате длительных и сложных консолидационных и ассимиляционных процессов местных и пришлых славянских, финских, тюркских и балтских групп населения, привносивших различные культурные традиции, на территории Рязанского края сложился ряд мелких, разных по происхождению локальных групп русских. Эти группы отличаются особыми самоназваниями и названиями, своеобразием элементов в различных сферах народной культуры.

В заокской части Рязанской обл. — в Клепиковском, части Касимовского и Спасского районов — исследователи выделяют этнографическую группу *русской мещеры*. Рязанскую мещеру исследовали Б.А. Куфтин, Н.И. Лебедева, М.Д. Малинина, Г.С. Маслова.

Мещера представляет собой локальную группу русских, которая сформировалась к XVI в. в результате ассимиляции славянами в Среднем Поочье большей части летописной мещеры — аборигенного финского населения. В конце XVII — начале XVIII в.

большая часть мещеры переселилась из северной части Среднего Поочья на территории будущих Тамбовской, Пензенской и Саратовской губерний [97].

Вплоть до середины XX в. население Мещёры сохраняло особенности в элементах традиционной народной культуры — в орнаменте и расцветке женской одежды, в убранстве жилища, в быту, «цоканье» в говоре [98], в которых исследователи обычно усматривают связи с финно-уграми.

В составе русской мещеры еще недавно выделяли несколько локальных групп: *боляки*, проживавшие северо-восточнее р. Пры и по ее истокам среди болот и озер, *тумаки* и *жадоба* — в Тумской округе. Собственно *мещеряки* проживают в бассейне среднего и части верхнего течения р. Пры до Спас-Клепиковской гряды. Н.И. Лебедева отмечала среди мещеры еще одну группу — это жители с. Парахино Касимовского у. и его округи, известные как *жмеи* [99].

Локальной группой русских Рязанской обл. являются *куршаки*, которых соседи называли также «литвой», «литвой головастой», «литвой некрещеной». Куршаки проживают в бассейне р. Нармы и ее левого притока р. Курши в селениях Ветчаны, Сергеевка, Иванково, Борисково, Андроново, Култуки, Курша, Малахово (ныне Клепиковского р-на).

Куршаки имеют ряд особенностей в традиционной культуре и языке, локальное самосознание, что служит основанием для выделения их в особую этнографическую группу. По данным Б.А. Куфтина, Н.И. Лебедевой, В.Т. Ванюшечкина, традиционная женская одежда куршаков «целиком входит в южновеликорусский понёвный комплекс»; для женского костюма всех куршацких селений характерна браная красная понёва с ромбическим орнаментом, особый орнамент фартуков (бранье шерстью на определенных участках), особая техника сложного узорного тканья, известная литовцам и удмуртам. У куршаков бытовали лапти мордовского типа, черные повилы *, встречавшиеся у мордвы-мокши, марийцев и чувашей, плетеные оборы **, сближающие куршаков с белорусами и литовцами. Для куршаков характерен «цокающий» и «чокающий» говор. Лексика куршаков, в основе славянская, имеет параллели с лексикой литовцев и финно-угорских народов. Куршацкая соха очень близка к литовской сохе. Н.И. Лебедева отмечала, что куршаки, подобно католикам, «на кладбищах кресты ставят в головах покойников» [100]. И.Е. Лахерма по итогам своей экспедиции отметил, что физический облик куршаков указывает на то, что они являются «обрусевшими литовцами» [101].

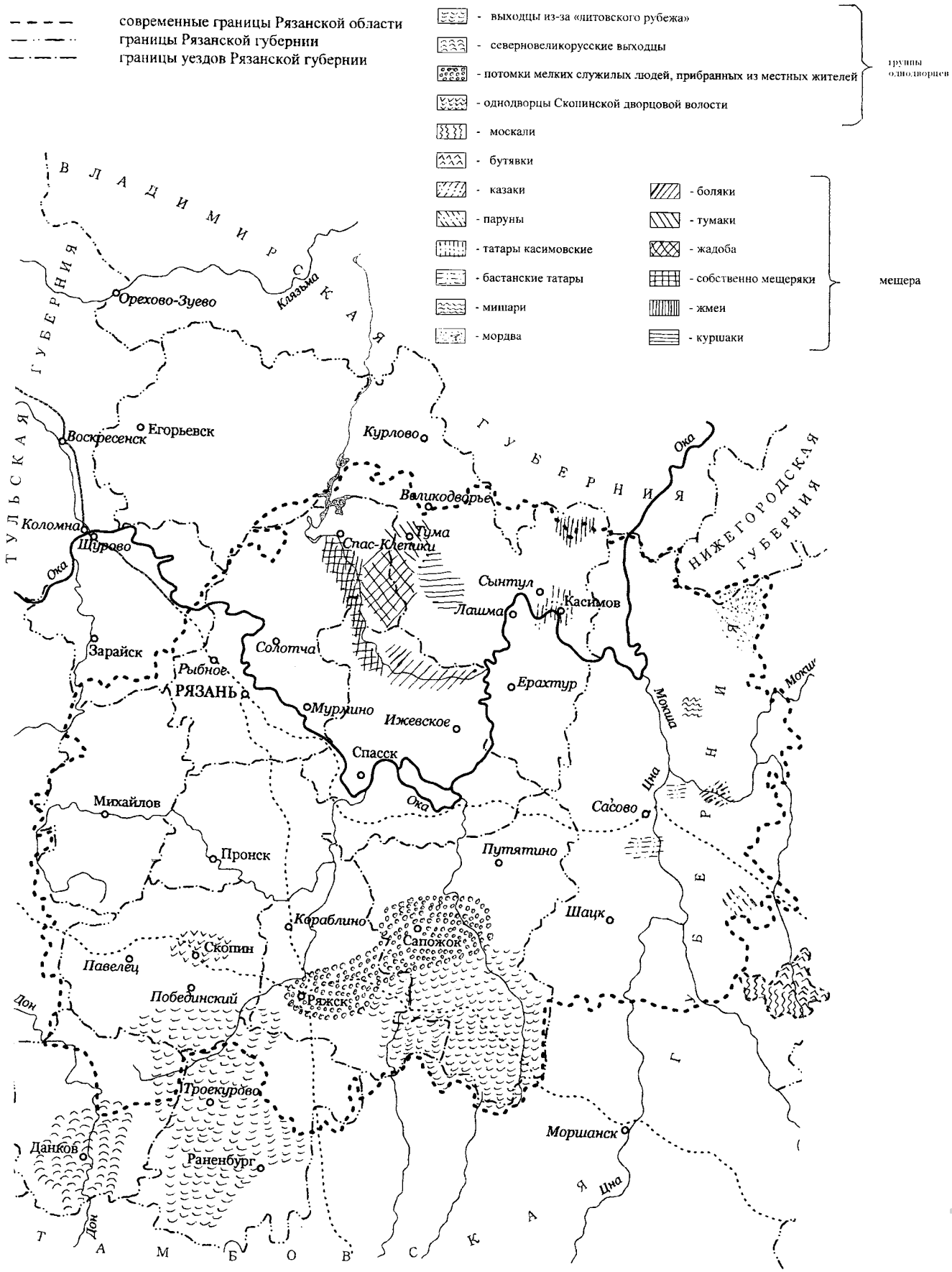
Основными занятиями куршаков были хлебопашество, животноводство, лесные промыслы (охота, заготовка дров, в прошлом — бортничество, углежжение, смолокурение и пр.).

По вопросу о происхождении куршаков нет единой точки зрения. Большинство исследователей считает, что куршаки являются потомками литовских воинов, плененных и поселенных в мещёрской глубинке в период противоборства рязанских князей с Литовским великим княжеством в XIV–XV вв. Эти поселенцы, в составе которых был, скорее всего, значительный белорусский компонент, смешались здесь с местным финским (мещера, мордва), славянским и тюркским населением. В результате такого сложного синтеза сформировался оригинальный культурный комплекс куршаков. В то же время некоторые исследователи считают, что куршаки — потомки древних корси, голяди и других балтских племен, сильно ассимилированные финнами и славянами. В частности, Н.И. Лебедева отмечала наличие аналогов куршанской понёвы «в тканях куршаков в Прибалтике», бытующий этноним «литовцы», их особенный орнамент и пр. и считала, что «все это ставит вопрос, не являются ли куршаки потомками литовской родовой группы, оторвавшейся от основной массы и ушедшей далеко на восток» [102].

М.Д. Малинина дает интересное сопоставительное описание физического типа мещеряков, куршаков и боляков. Так, среди мещеряков «чаще всего можно встретить темноокрашенных, среднего или даже ниже среднего роста, худощавых, с угловатыми

* Повилы или онучи — холщовые или шерстяные обертки для ног, надевавшиеся с лаптями.

** Оборы — шнурки, обычно свитые из конопляных или льняных нитей, которыми повилы (онучи) крепились на ноге.



Карта-схема. Расселение этнографических групп русских на территории Рязанского края.
Составитель Б.В. Горбунов

формами тела, с выдающимися скулами, с черными миндалевидными глазами, черными прямыми волосами, острым носом и матово-смуглым оттенком кожи». Куршаки — коренастые, приземистые, «с толстым носом, узкими щелевидными глазами серого цвета, выдающимися скулами и русой растительностью». Боляки — «белокурые», у них «прямые волосы, светло-голубые глаза, широкий нос, тонкие губы». «Все эти черты, — заключает она, — заставляют в них находить сходство с белорусами». Среди боляков «очень распространен» тип, «отличающийся высоким и стройным телосложением, красивым овалом лица, ясным взглядом серых глаз, русой окладистой бородой и тонким прямым носом». Она же описала ряд элементов материальной культуры этих групп — одежду, жилище, хозяйственные постройки [103].

На юге Рязанской обл., в ряде селений Сапожковского, Путятинского, Кораблинского, Скопинского, Ряжского, Милославского, Ухоловского, Новодеревенского, Сараевского районов островками проживают потомки *однодворцев* или, как их еще называли, «крестьян четвертного права». Много потомков рязанских однодворцев проживает в Чаплыгинском (бывш. Раненбургском у.) и Данковском районах Липецкой обл.

Эта группа образовалась из людей, несших дозорную и сторожевую службу на южных границах: детей боярских и служилых людей «по прибору». В основном они были выходцами из севернорусских, западных и среднерусских уездов. Правительство предоставляло им за службу участки земли на поместном праве. С созданием регулярной армии при Петре I часть их, прежде всего из числа детей боярских, вошли в дворянское сословие, и данные им земли при Екатерине II были закреплены за ними на вотчинном праве. Те, кто не имел права перейти в дворянство или не хотел служить, были обложены подушной податью, но земли остались у них в подворном владении. Хотя земля не являлась их собственностью, но они продавали ее таким же однодворцам, передавали по наследству. В число однодворцев попадали и мелкие дворяне, имевшие вотчинную землю и крепостных крестьян. В итоге однодворцы составили особый разряд государственных крестьян «четвертного права».

Относительная замкнутость, возникшая вследствие особого сословного положения однодворцев — промежуточного между крестьянами и мелкими дворянами, — значительная степень эндогамности, существовавшая у них по этой причине, привели к тому, что однодворцы обособились от окружающего населения, у них консервировались своеобразные черты их традиционной культуры, быта, языка. Так, у них бытовали особенности в женской одежде — сарафан либо полосатая юбка, рубаха с отложным воротником с прямыми поликами, пришитыми по утку, особые виды головного убора — большей частью на основе кокошника, специфические поселения — беспорядочные в плане, оригинальные черты жилища и усадеб — так называемый двор-крепость с заборами, окружающими усадьбу и выходящими на улицу, и др. Однодворческий говор характеризуется «аканьем», «кагоканьем» и мягким окончанием глаголов на «-ть» [104]. Со временем однодворцы сформировались как особая локальная культурно-историческая общность русского народа.

Н.И. Лебедева выделяет в соответствии с преобладанием у однодворцев Рязанской губ. определенных комплексов одежды три группы, различные по происхождению. Первая группа — «выходцы из-за „литовского рубежа“». У них бытовала рубаха с прямыми поликами, с откладным большим воротником, полосатая шерстяная юбка — «от поясницы до ног 77 дорог», белый шушпан, кокошник, лапти мордовского типа и янтарные бусы. Это жители ряда селений Сапожковского у., расположенных между р. Вердой и р. Парой в степной части уезда: Сысои, Борец, Ламино, Назарьево, Высокое, Таптыково, Максы, Мордово, Муравлянка, Напольное, Бычки, Телятники, Сараи, Паники, Кривское (сюда же она относит однодворцев, «рассеянных по всему Скопинскому уезду и по Раненбургскому»). Вторая группа — «северновеликорусские выходцы», потомки пушкарей, стрельцов. У них, наряду с первым комплексом, бытовали прямые шелковые сарафаны на лямках, кисейная рубаха с рукавами, пришитыми по основе к основному полотнищу, с пышным рукавом в сборку, кисейный фартук, бострог — нагрудник из парчи на лямках, кокошник с позатыльником, лапти московского типа, янтарные бусы. Это жители пригородных слобод г. Данко-

ва и селений по Дону от границ губернии до с. Воейково, селений Ягодное, Кочуры, Долгое, Теплое, Малинки, Самодуровка и части с. Домочи (Данковский у.). Третья группа — потомки мелких служилых людей — солдат, казаков, «прибранных» в основном из местных жителей. Поэтому у них бытовал местный костюм: рубахи с косыми или прямыми поликами, клетчатые понёвы, черные шушпаны, надеваемые через голову, запоны, лапти мордовского типа, рогатые головные уборы. Это жители частей сел Песочня, Морозовы Борки, пригородных слобод г. Сапожка и г. Ряжска [105].

Выделяют группу «коннозаводских крестьян» Скопинского у., которая сформировалась из однодворцев, привлеченных для работы на конных заводах Скопинской дворцовой волости [106].

Несмотря на некоторое сокращение численности русского населения относительно общего числа проживающих в области, оно составляло и составляет абсолютное большинство (см. табл. 4).

Таблица 4. Соотношение русских с общей численностью населения

	1859	1970	1979	1989	2002
Численность	1 420 194	1 382 629	1 329 988	1 295 324	1 161 447
% к остальному населению	98,3	97,9	97,4	96,1	94,6

Таблица составлена по кн.: Рязанской области 60 лет. Юбилейный сборник. Рязань, 1997. С. 13 (Госкомстат РФ); Рязанская область в цифрах. Рязань, 2002. С. 30 (Госкомстат).

Своеобразием в историко-этнографическом и диалектном отношениях отличается население территории Богословщины, которая в настоящее время включает 26 селений: в Захаровском р-не — селения Плахино, Пупкино, Дермелеево, Дербень, Кресты, Колесня, Липки, Добрые Пчелы, Зеленая Поляна, Грачевка, Попадьино, Захарово I и Захарово II, Захаровские Дворики, Орельево, Катагоща, Погореловка, Остаповка, Жокино, Воронка, Городецкие Выселки, Гладкие Выселки; в Рязанском р-не — села Высокое, Подлесное, Глинищи; в Михайловском р-не — с. Хавертово. Богословщина располагается в центре территории, ограниченной реками Ока, Проня и Осётр, — основного ядра Рязанского княжества в XII–XIV вв., откуда происходит основная масса археологических памятников рязанских вятичей. До секуляризации 1764 г. эта территория являлась вотчиной Свято-Иоанно-Богословского монастыря. Сам монастырь первоначально располагался на территории Богословщины и был перенесен на нынешнее его место между 1553 и 1628 гг. из-за опустошительных набегов крымских татар и ногайцев.

На протяжении нескольких веков население Богословщины было объединено общностью экономических, юридических, социальных условий жизни в рамках одного феодального владения, что обусловило их обособленность от окружающего населения, долго сохранявшуюся и после секуляризации монастырских владений. Отмечают, что и в первой трети XX в. среди местных жителей сохранялась большая степень эндогамности, широко бытовало самоназвание «богословщина», единство говоров, содержащих сгусток многочисленных своеобразных и архаических языковых черт, которые исследователи объединяют в диалект южнорусского наречия [107].

Отметим четыре небольшие историко-культурные группы русских, проживающие в Сасовском р-не. *Москали* — жители «окающих» селений — дер. Новое, с. Салтыково, дер. Каменка и др. с округами. Полагают, что это потомки переселенных сюда князем Салтыковым в первой четверти XVII в. крепостных из Владимирской земли. У них долго сохранялся особый «москальский» костюм. *Бутявки* — жители сел Пичкиряево, Матвеевское, Боковой Майдан — с типичным южнорусским «акающим» говором, потомки «тамбовской вольницы», жившей в тамбовских лесах и «состоявшей из самых разнообразных элемен-

тов», сохранявшие много оригинальных черт народной праздничной культуры. В с. Шевали-Майданы проживают потомки беглых крестьян, называемые в округе *казаками*. *Паруны* с цокающим говором проживают в дер. Шафторка[108].

В начале XXI в. культурные особенности этих групп практически утрачены.

Из представителей славянского населения следующей за русскими группой являются украинцы: 1959 г. — 8668 человек (0,6%), 2002 г. — 12 671 человек (1,03%).

Заметную этническую группу в Рязанской обл. составляют белорусы. Они насчитывали: в 1959 г. — 2890 человек (0,2%), в 2002 г. — 3500 человек (0,28%).

Неславянское население

Татары. В современной Рязанской обл. проживает несколько групп татар. Самой многочисленной из них являются *касимовские татары*. Они представляют собой субэтнос татар Поволжско-Уральского региона. Проживают главным образом в г. Касимове и Касимовском р-не Рязанской обл. Самоназвание *кэчим татарлар* или *кэчим халкэ* произошло от названия Касимова, бывшей столицы Касимовского царства. Разговаривают касимовские татары на особом говоре казанского диалекта татарского языка, испытавшем влияние мишарского диалекта татарского языка. Верующие касимовские татары исповедуют ислам суннитского направления.

Формирование касимовских татар проходило в рамках Касимовского царства (ханства), существовавшего с середины XV в. до 1681 г. и находившегося в вассальной зависимости от Русского государства.

Касимовское царство представляло собой удельное княжество, созданное московскими великими князьями для татарских ханов и султанов, перешедших к ним на службу. Оно включало территорию по р. Оке с Городцом Мещерским и прилегавшей округой (северо-восточная часть современной Рязанской обл.), которая до прихода сюда служилых татарских ханов была населена мордвой, мещерой, русскими, отчасти татарами.

Впервые эта территория была пожалована Василием II Темным около 1450–1456 гг. Касим-хану, сыну золотоордынского хана Улу-Мухаммеда, брату казанского хана Махмутека. По имени Касим-хана Городец Мещерский в 1471 г. получил название Касимов. Цари и царевичи назначались в Касимовское царство по усмотрению московских государей из высшей татарской знати, принявшей русское подданство.

Владетели Касимовского царства, связанные родственными узами с крымскими и казанскими ханами, играли важную роль в сложной дипломатической игре московского правительства в ходе противоборства с Казанью и Крымом. Некоторые касимовские цари и царевичи — Касим-хан, Шах-Али (Шигалей), Симеон Бекбулатович (Саин-Булат) — оставили заметный след в истории Русского государства.

Со взятием Казани и присоединением Казанского ханства в 1552 г. к Москве стратегическое значение Касимовского царства упало. Делами его сначала фактически, затем де-юре стали ведать московские воеводы, а касимовские цари и царевичи постепенно перешли на положение служилых землевладельцев.

Касимовское царство в период расцвета включало в свой состав земли позднейших Касимовского, Кадомского, Елатомского, Шацкого, Темниковского уездов. Его границы неоднократно и в довольно широких пределах изменялись. До 1486 г. царством правила казанская династия, в 1486–1512 гг. — представители крымской династии, в 1512–1573 гг. — родственники астраханских ханов, затем во главе его стояли представители родов казахских и сибирских ханов.

Население Касимовского царства в этническом отношении было неоднородным. Здесь наряду с русскими и татарами проживали мишари (*можары*), мордва, *бессермяне*. В документах XVI в. упоминаются *башкирцы*, *ногаи*.

Господствовавшие элиты Касимовского царства — ханы, султаны, сеиты, беки, уланы, мурзы, тарханы, «казаки», сложившиеся из различных тюркоязычных племен и групп — именовались «татарами». Собственно эта социальная верхушка царства и составила общность, из которой впоследствии сформировались касимовские татары. Внутри «татар» существовали кланы, основанные на прошлом родовом делении, — ширины, барыны, аргыны, кыпчаки, джалаиры. В большинстве своем эти кланы были общими с кланами казанских татар.

Касимовские татары подразделялись на три этнографические группы — «*ак аймак*» (белый аймак), «*кара аймак*» (черный аймак) и «*кара зыбыннар*» (черные зипуны).

С середины XVII в. началась интенсивная христианизация касимовских татар. Принявшие христианство быстро обрусели. В XVIII в. большая часть служилых касимовских татар была переведена в сословие однодворцев и приписана к работам по заготовке корабельного леса в ведомстве Адмиралтейств-конторы.

Традиционным хозяйственным занятием касимовских татар было пашенное земледелие — выращивание ржи, овса, ячменя, чечевицы, отчасти — пшеницы, проса. Важное место в хозяйственном комплексе занимали животноводство, птицеводство, пчеловодство.

Нехватка плодородной земли обусловила широкое распространение у касимовских татар разного рода ремесел и промыслов, в том числе отхожих. С середины XVIII в. это ремесленное производство переросло в мануфактурное. Изделия мануфактур татарских купцов из Касимова поставлялись во многие районы Юга России. Касимовские купцы в XIX — начале XX в. проникли в сферу торговли и обслуживания Петербурга и Москвы, на железнодорожный транспорт; они интенсивно торговали в Казахстане и Средней Азии. Имел место отток касимовских татар в Казанскую и Уфимскую губернии. Все это привело к постепенному уменьшению их численности: в 1795 г. насчитывалось 5999 человек, в 1887 г. — 4616, в 1917 г. — 4413 человека [109].

В результате обособленности в их разговорном языке и традиционной культуре появилась специфика. Также им присуще двойное самосознание — общетатарское и локальное.

В 1920–1930-е гг. в Касимовском у. (р-не) существовала широкая образовательная сеть, выпускались газеты на татарском языке. В дальнейшем татарские школы были расформированы, перестали издаваться газеты, ослабли культурные связи с Казанью. В среду касимовских татар широко проник русский язык. В то же время родной язык сохранялся в семейно-родственном общении. В настоящее время функционируют воскресные школы, где преподавание ведется на татарском языке, новый импульс получило распространение ислама, сохраняется этническое самосознание касимовских татар, имеет место существенная степень эндогамии.

Среди касимовских татар выделяется группа *бастанских (сасовских) татар* [110]. Сегодня они проживают в селах Бастаново, Теньсюпино, Тархань, Алешино, Большой Студенец Сасовского р-на и численность их еще недавно (1996 г.) составляла, по нашим данным, около 300 человек. Говорят они на бастанском говоре касимовского наречия татарского языка.

По ряду особенностей народной культуры бастанцы сближаются с *сергачской* группой мишарей. В формировании этнокультурного облика бастанцев значительную роль сыграли татары-мишари и ногайская родовая группа *илей*. Как считают исследователи, они занимают переходное положение между субэтносами мишарей и касимовских татар [111].

В Ермишинском, Сасовском и Кадомском районах проживают представители сергачской (северной) этнографической группы *татар-мишарей* — субэтноса волго-уральских татар [112]. Помимо Рязанской обл. они расселены в Мордовии, Чувашии, Татарии, в Нижегородской, Пензенской, Ульяновской и Тамбовской областях. Татары-мишари принадлежат к общности поволжско-уральских татар, составляют их субэтнос, разговаривают на западно-мишарском диалекте татарского языка. Мишари, проживающие в Рязанской обл., говорят на цокающем говоре этого диалекта [113]. Верующие татары-мишари исповедуют ислам суннитского направления.

По мнению большинства исследователей, татары-мишари ведут свое происхождение от тюркоязычных племен кыпчаков, булгар, буртасов [114]. Существует мнение, что татары-мишари — это «отатарившееся» финно-угорское племя мещеры [115].

Становление мишарской этнической общности проходило в рамках Касимовского царства на основе консолидации ясачной части его населения, у которого сложилось особое самосознание [116].

В хозяйственном комплексе татар-мишарей ведущее место принадлежало земледелию. Огородничество и садоводство были развиты слабо. Большое место в хозяйстве занимало животноводство, главным образом коневодство, овцеводство, разведение крупного рогатого скота, птицеводство (разведение гусей), пчеловодство. В XIX в. и вплоть до 1930-х гг. было развито отходничество в районы предпринимательского земледелия на период жатвы, на лесоповалы, прииски, на фабрики и заводы. К концу XX в. татары — касимовские и мишари — проживали в основном в Касимовском, Елатомском районах [117]. Численность татар (без разделения на касимовских, мишарей и др.) в Рязанской обл. составляла: в 1959 г. — 4334 человека (0,3%), в 2002 г. — 5569 человек (0,45%).

Мордва. Выше говорилось о том, что до прихода славян всю территорию нынешней Рязанской обл., за исключением крайних южных земель, ее населяли племена восточно-финской культурно-языковой общности — в том числе предки современной мордвы. В Рязанской обл. и в сопредельных землях сохранились многочисленные топонимы (с. Мордово Сараевского р-на, с. Мордвиновка Ухоловского р-на, деревни Мордвиново Клепиковского и Сасовского районов, дер. Мордвино-Поливаново Рязанского р-на, с. Перкино и с. Киструс Спасского р-на, пгт. Елатьма, с. Ерахтур, пгт. Ермишь, с. Ибердус, с. Кермись, пгт. Лашма и др.) и гидронимы (р. Ока, р. Мордвес, р. Мордовка, р. Мокша, р. Цна и др.) мордовского происхождения [118].

Как уже говорилось, славянская колонизация привела к постепенной ассимиляции мордвы. Этому процессу способствовало развитие феодального землевладения, закабаление свободных общинников, включение мордовской знати в состав привилегированных сословий, интенсивная христианизация мордвы, начавшаяся в XVI в.; во второй половине XIX в. и в XX в. — многочисленные смешанные браки. Переяславль-Рязанский был одним из важных центров, откуда шла миссионерская деятельность среди мордвы, особенно при рязанском архиеп. Мисаиле (1651–1655). Мордва из податных сословий активно привлекалась в состав служилых людей «по прибору», направлявшихся на Рязанское пограничье с Диким полем нести сторожевую, гарнизонную и походную службу.

К середине XIX в. уровень ассимиляции мордвы на территории Рязанского края был весьма велик, и этот процесс продолжался с нарастающей интенсивностью. Показательны в этом отношении следующие сведения. В 1859 г. подворная перепись в Шацком у. зафиксировала 10 666 человек мордвы. Всероссийская перепись населения 1897 г. отметила в том же уезде 204 человека, говоривших на мордовских языках [119]. По результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г. все жители Шацкого у. показали себя русскими [120]. Такая динамика отразила процессы ассимиляции мордвы, поскольку численность населения уезда за счет естественных факторов в этот период существенно возросла. Приток мордвы из Мордовии, Пензенской обл. наблюдался в 1960-е и 1990-е гг.

В Рязанской обл. численность мордвы составляет, по данным 2002 г., 7252 человека (0,6% населения области). По-видимому, эти официальные данные не отражают истинного положения. Наши исследования показывают, что примерно две трети мордвы, проживавшей на территории Рязанской обл., особенно в прошлые годы, записывали себя русскими.

Большинство рязанской мордвы составляет *мордва-мокша*. По данным переписи 1989 г., 64% из них считали родным мокшанский язык [121]. Рязанская мордва расселена в основном в восточных, пограничных с Мордовской республикой районах — Ермишинском, Кадомском, Сасовском, Шацком. Нам известно только одно селение, большей частью населенное с 1950-х гг. мордвой — с. Ногино в Рыбновском р-не. В остальных случаях мордва

расселена дисперсно. Динамика численности мордвы в Рязанской обл. в целом положительна: 1959 г. — 2889 человек (0,2%), 2002 г. — 7252 человека (0,6%).

Рязанская мордва практически не исследована в этнографическом да и в других отношениях. Имеется лишь небольшая обобщающая статья Н.Ф. Мокшина в «Рязанской энциклопедии» [122].

Другие неславянские группы населения. Кроме названных, в Рязанской обл. традиционно проживают небольшие группы цыган (1597 человек в 1989 г.; 2165 — в 2002 г.). Среди цыган различают четыре этнокультурные группы, проживающие компактно: *кутляры* — в пос. Дягилево в черте Рязани, *молдаване* — в пос. Шумашь Рязанского р-на, *крымцы* — в пос. Строитель в черте Рязани, *кэлдерари* — в пос. Мирный в черте Рязани. Цыгане живут замкнутыми общинами, у них высокая степень эндогамности. Заняты в основном в мелкой розничной торговле. Женщины-кутляры — профессиональные гадалки.

Небольшими по численности являются группы молдован (2002 г. — 1133 человек) и чувашей (2002 г. — 1284 человек).

В Рязанской обл. проживают группы евреев (1970 г. — 2058 человек, в 2002 г. — 636), немцев (1054 человека в 1989 г., 1571 — в 2002 г.), армян (в 2002 г. — 4458 человек), поляков (в 2002 г. — 339 человек). Убыль количества евреев обусловлена двумя факторами: интенсивной ассимиляцией их русскими, отъездом части евреев в 1990-е гг. в Израиль и другие страны. Увеличение количества немцев почти в полтора раза обусловлено актуализацией их самоидентификации в связи с активной помощью, оказываемой им со стороны ФРГ. Значительное увеличение количества армян вызвано тяжелым экономическим положением в Армении. В Рязанской обл. армяне заняты в сфере бизнеса, держат небольшие кафе, торговые, ремесленные заведения, работают строителями и др.

В последние годы в Рязанской обл. существенно выросла численность проживающих здесь азербайджанцев (1777 человек в 1989 г. и 2939 — в 2002 г.), есть небольшое количество лезгин, аварцев, чеченцев, грузин. Увеличение численности выходцев из Азербайджана и из республик Северного Кавказа обусловлено распадом СССР и нелегким экономическим положением в этих регионах. Азербайджанцы, грузины и выходцы с Северного Кавказа заняты главным образом в сфере розничной торговли, в основном на рынках, слабо ассимилируются, образуют свои землячества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Грехова Л.В.* Памятники эпохи палеолита и мезолита // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970. С. 19 (Труды ГИМ. Вып. 44).

2 Археологическая карта России. Рязанская область / Авт.-сост. *Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко.* М., 1993. Ч. 1. С. 16; Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989. С. 19–92.

3 *Брюсов А.Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

4 Археологическая карта… С. 19; Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. Т. 2. С. 10–51.

5 *Бадер О.Н.* Стоянка Бор II и предананьинское время в Прикамье // СА. 1954. Т. 20; *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

6 *Цветкова И.К.* Памятники рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. С. 132–139.

7 *Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. С. 146; Археология СССР. Эпоха бронзы… С. 131–135.

8 История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 1. Предпосылки становления крестьянства. Крестьянство рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI–V тыс. до н.э. — I тыс. н. э.). М., 1987. С. 153–158.

9 *Смирнов А.П., Трубникова Н.В.* Городецкая культура // Археология СССР: Свод археологических источников. 1965. Вып. 1–14. С. 5–7.

10 Археологическая карта… С. 23; *Мокшин Н.Ф.* Мордва // Народы Поволжья и Приуралья. М., 2000. С. 188, 330.

11 *Ефименко П.П.* Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1. С. 59–60; Древности мордовского народа. Саранск, 1941; *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 71–78; *Смирнов А.П., Трубникова Н.В.* Указ. соч. С. 14, 15, 17, 18.

12 *Монгайт А.Л.* Указ. соч. С. 72–76.

13 Археологическая карта… С. 26.

14 *Плетнева С.А.* Откочевий кгородам. Салтово-маяцькая культура // МИА. 1967. № 142.

15 Ипатьевская летопись // Русские летописи. Рязань, 2001. Т. 11. С. 240.

16 *Седов В.В.* Рязано-окские могильники // СА. 1966. № 4. С. 96–102; *он же.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 224.

17 *Смолицкая Г.П.* Картографирование гидронимии Поочья // Топонимия Центральной России. М., 1974. С. 64.

18 Археологическая карта… С. 27.

19 *Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Древнерусские поселения на Дону // МИА. 1948. № 8.

20 *Монгайт А.Л.* Указ. соч. С. 85–87.

21 *Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Указ. соч.; *Монгайт А.Л.* Указ. соч. С. 121–127; *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. С. 205, 366.

22 См.: *Голубовский П.В.* История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1881. С. 4–7; *Грушевський М.С.* До питання про разселення вятичів // Записки Наукового товариства ім Шевченка. Львів, 1910. Т. XCVIII. С. 5–9; *Шахматов А.А.* Южные поселения вятичей // Известия Академии наук. Серия VI. 1907. Т. 16. С. 720–723; *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М., 1953. С. 240, 241; *Третьяков П.Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 101; *Монгайт А.Л.* Указ. соч. С. 122–124, 127, 129; *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. К истории населения Верхней и Средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981; *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 259; *Москаленко А.Н.* Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж, 1965. С. 152–158 и др.

23 *Багалей Д.И.* История Северской земли. Киев, 1882. С. 13–15; Н.П. Барсов полагал, что территория Верхнего Подонья была освоена совместно вятичами и северянами. См.: *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 77, 157.

24 *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 142 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья. ИА).

25 *Он же.* Славяне в раннем средневековье. С. 205.

26 *Монгайт А.Л.* Указ. соч. С. 121–128; *Никольская Т.Н.* Земля вятичей…; *Седов В.В.* Восточные славяне…

27 Львовская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 42; Ермолинская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 4–4 об.; Летописный сборник, называемый Тверскою летописью // ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. С. 23.

28 *Третьяков П.Н.* Восточные славяне и балтийский субстрат // СЭ. 1967. № 4. С. 114.

29 *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. С. 336.

30 См.: Очерки по истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма у народов СССР. III–IX вв. М., 1958. С. 841–852; *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. 1968. № 152. С. 154–170; *Горбунов Б.В.* Русские Рязанской области // Рязанская энциклопедия. Рязань, 2000. Т. 2. С. 274.

31 *Мокшин Н.Ф.* Мордва Рязанского края // Рязанская энциклопедия. Рязань, 1999. Т. 1. С. 633.

32 *Александров В.А., Тишков В.А.* Начало русской истории (X–XIV) // Русские. М., 1997. С. 13 (сер. «Народы и культуры»).

33 *Монгайт А.Л.* Указ. соч. С. 122; *Седов В.В.* Восточные славяне… С. 158, 189. Карты 34, 36; *Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю.* Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 18. А.Л. Монгайт считал, что вятичская и кривичская колонизация проходили одновременно. А.В. Чернецов и И.Ю. Стрикалов полагают, что кривичи пришли в бассейн Оки раньше, чем вятичи.

34 *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 25.

35 *Монгайт А.Л.* Указ соч. С. 117–121, 136, 139.

36 *Лебедева Н.И., Милонов Н.П.* Типы поселений Рязанской области // *Лебедева Н.И.* Научные труды. Рязань, 1996. Т. 1. С. 179 (РЭВ).

37 *Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии // СЭ. 1971. № 2. С. 57.

38 *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Указ. соч. С. 25–26.

39 *Лебедева Н.И.* <Народная одежда Рязанской губ.> // *Лебедева Н.И.* Этнологические материалы. Рязань, 1997. С. 119–120 (РЭВ).

40 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX века // *Лебедева Н.И.* Научные труды. Рязань, 1996. Т. 2. С. 172 (РЭВ).

41 *Александров В.А., Тишков В.А.* Указ. соч. С. 14.

42 *Городцов В.А.* Древнее население Рязанской области // Известия ОРЯС. СПб., 1908. Т. XIII. Кн. 4.

43 Повесть временных лет / Подг. текста, перевод статьи и комментарии *Д.С. Лихачева.* СПб., 1996. С. 11.

44 Там же. С. 10, 103.

45 Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 469.

46 Топонимический словарь Рязанской области. Рязань, 2001. Вып. 1. С. 44–45.

47 *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. С. 367–368.

48 Археологическая карта России. Рязанская область. М., 1993–1996. Ч. 1–3.

49 Воскресенская летопись // Русские летописи. Рязань, 1998. Т. 2. С. 318.

50 *Любавский М.К.* Образование основной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. С. 4–7.

51 *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 226–228.

52 *Александров В.А., Тишков В.А.* Указ. соч. С. 14.

53 *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 133.

54 Патриаршая или Никоновская летопись. Воспроизведение текста с издания 1901 г. // ПСРЛ. М., 1965. Т. XII. С. 61–62.

55 Казачьи войска. Справочная книга Императорской Главной квартиры. М., 1992. Репринт. изд. С. 5.

56 *Загоровский В.П.* История Воронежского края от А до Я. Воронеж, 1982. С. 40–41.

57 *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 358.

58 *Корецкий В.И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 267.

59 *Александров В.А.* Освоение евразийского континента и расширение многонационального Российского государства (середина XVI–XVII век) // Русские. С. 23.

60 *Платонов С.Ф.* Очерки истории смуты в Московском государстве в XVI–XVII вв. М., 1937. С. 3.

61 *Зимин А.А.* Состав русских городов XVI в. // Исторические записки. М., 1955. Т. 52; Опись русских городов 1678 года // Русские летописи. Рязань, 1998. Т. 3.

62 Археологическая карта… С. 35–36.

63 Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М., 1978. С. 14.

64 Разрядная книга 1474–1598 гг. М., 1966. С. 527.

65 *Шиманский М.* Рязанский уезд в конце XVI и начале XVII в. по писцовым книгам. Рязань, 1911.

66 Там же.

67 *Горбунов Б.В.* К вопросу о направлениях экспансии Крымского ханства на южнорусскую «украину» в XVI в. // Проблемы новой и новейшей истории Востока. Материалы межвузовской науч. конф. М.; Рязань, 1993.

68 *Анпилогов Г.Н.* Рязанская писцовая припрaвочная книга XVI в. М., 1982. С. 122, 184, 187, 198, 217, 218, 219, 220, 221, 223, 224; Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. Рязань, 1898. Т. 1. Вып. 1. С. 175, 206–207, 229; Там же. Рязань, 1904. Т. 1. Вып. 3. С. 786, 798, 807, 941, 871–874.

69 Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1861. Кн. 8. Отд. 3. С. 444; *Епифанов П.П.* Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. 1. С. 339–340, 351; *Шиманский М.* Указ. соч. С. 21; *Епифанов П.П.* Войско // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 239; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII века. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 11.

70 *Загоровский В.П.* Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI — начало XVIII в.) // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 9; *Горбунов Б.В.* Социально-экономическое развитие Юга Русского государства во второй половине XVI в. (по материалам Рязанского края) // Труды РИО. Рязань, 1997. Вып. 1. С. 82–85.

71 *Александров В.А.* Указ. соч. С. 34.

72 Летописец русский. Рукопись конца XVII в. // ЧОИДР. 1896. Кн. 3. С. 9.

73 *Александров В.А.* Указ. соч. С. 34; *Булыгин И.А.* Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII в. // Исторические записки. 1953. Т. 43. С. 131–149; *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (по материалам южных уездов России). Воронеж, 1974. С. 63–64; *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века. (Численность, сословно-

классовый состав, размещение). М., 1977. С. 155, 160; *Германов Г.* Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии // Записки РГО. 1857. Т. XII. С. 228–266; *Новосельский А.А.* К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на Юге Московского государства в первой половине XVII в. // Исторические записки. М., 1945. Т. 16. С. 58–64; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 163, 302, 303, 410, 413; *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII вв. Тамбов, 1990. С. 45, 48, 51, 85, 86, 88; *Загоровский В.П.* Указ. соч. С. 6–7, 14, 20.

74 *Чижикова Л.Н.* Рязанский край в общем комплексе южнорусской региональной общности // Этнография и фольклор Рязанского края. Материалы Российской науч. конф. к 100-летию со дня рождения Н.И. Лебедевой. Рязань, 1996. С. 7 (РЭВ).

75 *Зеленин Д.К.* Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. С. 309.

76 *Водарский Я.Е.* Указ. соч. С. 160–161.

77 Там же. С. 200, 202, 208, 210.

78 Казачий словарь-справочник. М., 1992. Т. 3. С. 49.

79 *Татищев В.Н.* Лексикон Российский исторический, географический и гражданский // *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1983. С. 318.

80 Словарь русских донских говоров. В 2-х томах. Ростов-на-Дону, 1991. Т. 1. С. 5.

81 *Шмелева М.Н.* Русские // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 58.

82 *Власова И.В.* Расселение и численность русских в эпоху Российской империи (конец XVIII — начало XX века) // Русские. С. 36.

83 *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 82, 88, 95; *Яцунский В.К.* Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. № 1. С. 198.

84 *Кабузан В.М.* Народы России… С. 94.

85 Там же. С. 95–96, 243.

86 *Александров В.А.* Этническая история русского народа в период существования феодальных центров (XIII–XIV вв.) // Русские. Этнотерритория, численность и исторические судьбы (XII–XX вв.). М., 1999. Т. 1. С. 62.

87 *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963. С. 26, 27.

88 [*Баранович М.*] Рязанская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1860. Т. 19. С. 137–162.

89 История одной губернии: очерки истории Рязанского края 1778–2000 гг. Рязань, 2000. С. 81–82.

90 *Яцунский В.К.* Указ. соч. С. 210.

91 *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) Статистические очерки. М., 1956. С. 137.

92 Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения 1897. СПб., 1905. Т. 25.

93 *Шмелева М.Н.* Указ. соч. С. 58.

94 *Мороховская О.Н., Сумникова Т.А.* Русский язык и его диалекты // Народы Европейской части СССР. М., 1964. Ч. 1. С. 149–152.

95 *Чижикова Л.Н.* К этнокультурной истории Рязанского края // ЭО. 1996. № 3. С. 79–91.

96 *Тульцева Л.А.* Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. Рязань, 2001. С. 242–247 (РЭВ. Вып. 30).

97 *Шмелева М.Н.* Указ. соч. С. 60.

98 *Куфтин Б.А.* Материальная культура русской мещеры. М., 1926. Ч. 1 (Труды Гос. музея ЦПО. Вып. 3); *Малинина М.Д.* Быт рязанской мещеры. Путеводитель по выставке. Рязань, 1927; *она же.* Очерки рязанской мещеры // Вестник рязанских краеведов. 1925. № 3; *она же.* Вопросы изучения материальной культуры северной части Рязанской губернии (Мещёры) // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. М., 1929; *Маслова Г.С.* Этнологические материалы по изучению района озер Мещёрской низменности // Там же; *Сидоров В.Н.* Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 1; *Аванесов Р.И.* Очерки диалектологии рязанской мещеры // Там же.

99 *Малинина М.Д.* Очерки рязанской мещеры. С. 3; *Лебедева Н.И.* Прошлое Рязанского края по данным изучения одежды конца XIX и начала XX века // *Лебедва Н.И.* Этнологические материалы. С. 117.

100 *Куфтин Б.А.* Указ. соч.; *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 461–532 (Труды ИЭ. Т. XXXI); *Лебедева Н.И.* Духовная культура рязанских крестьян // *Лебедева Н.И.* Научные труды. Рязань, 1996. Т. 2. С. 86 (РЭВ.); *Ванюшечкин В.Т.* К истории рязанской мещеры и о поселениях на реке Курше // Уч. зап. РГПИ.

Рязань, 1961. Т. 28. Историко-краеведческий сборник; о*н же.* К вопросу о финно-угорских элементах в лексике мещерских говоров // Советское финно-угроведение. М., 1975. № 3. С. 179–183; *он же.* Языки говоров поселений по р. Курше. Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1961.

101 *Лахерма И.Е.* Отчет о поездке в Рязанскую губернию // ЭО. 1916. № 1–2. С. 46.

102 *Лебедева Н.И.* Прошлое Рязанского края... С. 117.

103 *Малинина М.Д.* Очерки рязанской мещеры. С. 3; *она же.* Вопросы изучения материальной культуры... С. 122–125.

104 *Зеленин Д.К.* Великорусские говоры... С. 239.

105 *Лебедева Н.И.* <Народная одежда Рязанской губ.> С. 120–121. См. также: *Лебедева Н.И.* Вопросы этнологического изучения южных уездов Рязанской и Тульской губерний (бассейн Дона) // *Лебедева Н.И.* Научные труды. Рязань, 1996. Т. 1. С. 97–98 (РЭВ); *Она же.* Материалы по народному костюму Рязанской губернии // Там же. С. 117–118.

106 *Власова И.В.* Группы русских южной зоны и Центра // Русские. С. 112.

107 [*Баранович М.*] Указ. соч.; *Чумакова Ю.П.* Лексика традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» Рязанской области. Рязань, 1995 (РЭВ); *она же.* Об одном архаичном диалекте Рязанской области // Уч. зап. РГПИ. 1958. Т. 21.

108 *Нефедов Г.В.* Диалектологическая экспедиция МОЛГУ // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР. М.; Л., 1947. С. 70, 71, 73; *Гилярова Н.Н.* Музыкальный фольклор Рязанской области. Рязань, 1994. С. 20–27 (РЭВ); *она же.* О песенном обиходе нескольких сел Сасовского района // Этнография и фольклор Рязанского края... С. 47–50.

109 Итоги десятелетия советской власти в цифрах. 1917–1927 гг. М., 1927. С. 126.

110 *Исхаков Д.М.* Татарская этническая общность // Татары. М., 2001. С. 21.

111 Там же.

112 Там же. С. 14, 19–20.

113 Там же. С. 14, 16, 20; *Рамазанова Д.Б.* Татарские диалекты // Татары. С. 28.

114 *Мухамедова Р.Г.* Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М., 1972. С. 16–17; *Исхаков Д.М.* Татарская этническая общность. С. 20.

115 *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 30–31; *Толстов С.П.* Итоги и перспективы этнологического изучения национальных групп Нижегородской губернии. (Мордва, мари, мишари) // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. Этнологические материалы и исследования. М., 1929. С. 158.

116 *Исхаков Д.М.* Татарская этническая общность. С. 21; *он же.* Этнополитические и демографические процессы в XV–XX веках // Там же. С. 110, 137.

117 *Исхаков Д.М.* Татарская этническая общность. С. 12–13.

118 Топонимический словарь Рязанской области. 2001. Вып. 1; 2002. Вып. 2.

119 *Козлов В.И.* К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР // СЭ. 1961. № 4. С. 63.

120 *Козлов В.И.* Расселение мордвы — эрзи и мокши // СЭ. 1958. № 2. С. 50.

121 Рязанской области 60 лет. С. 13.

122 *Мокшин Н.Ф.* Указ. соч. С. 633–634.

ГЛАВА 3

Говоры Рязанского края

Диалектные особенности, свойственные рязанским говорам

Фонетические черты

Фонетические признаки юго-западного ареала. — Фонетические признаки северо-восточного ареала

Морфологические черты

Локальные морфологические черты

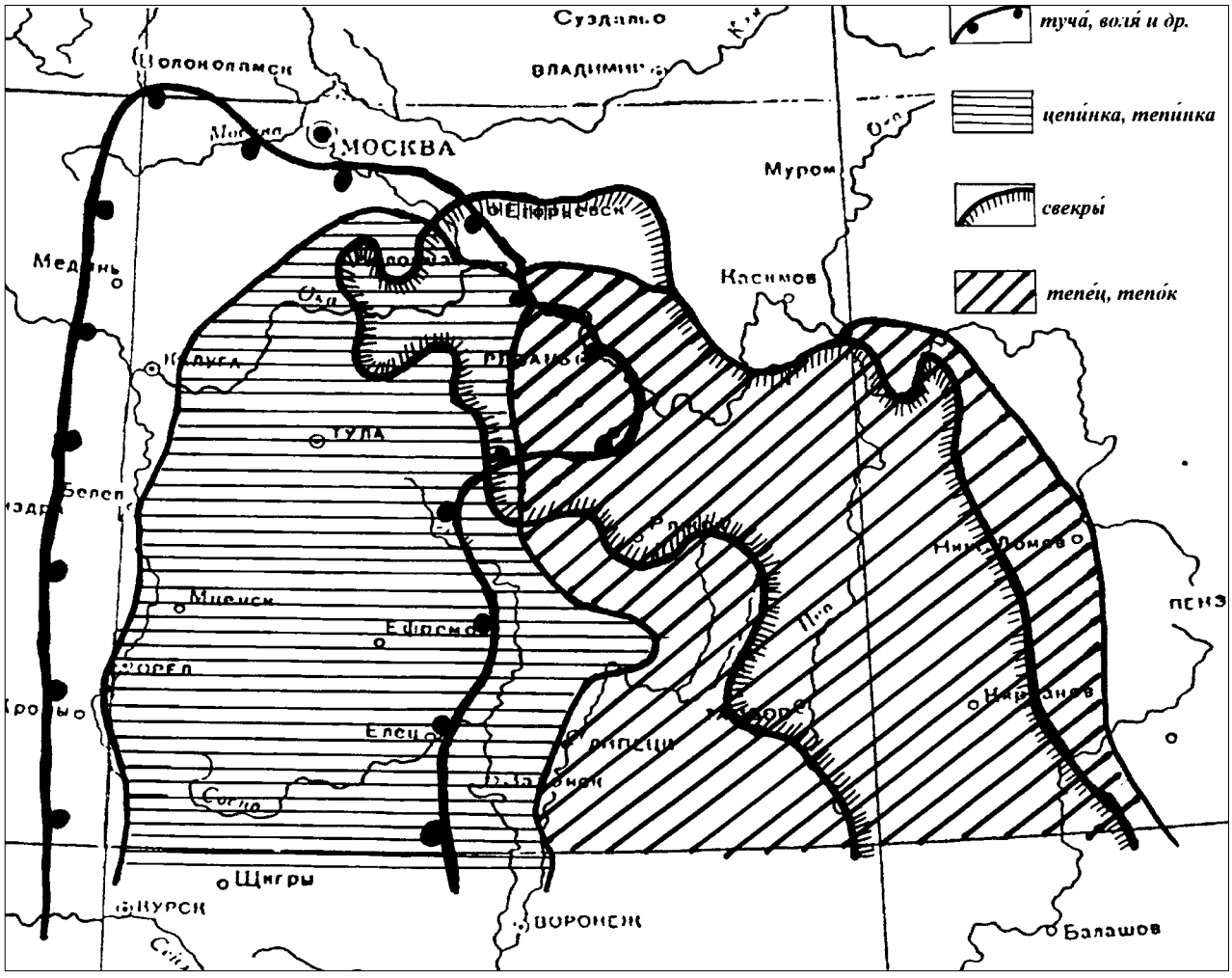
Основные лексические черты

Говоры Рязанской земли относятся к так называемым первичным, или материнским говорам. Первичными называются говоры, распространенные на территории раннего восточнославянского заселения, на которой образовалась русская народность и сложился русский язык. Серьезное лингвистическое изучение рязанских говоров началось еще в XIX в. Но самый значительный вклад в исследование описываемых говоров был внесен членами Московской диалектологической комиссии, начавшей свою деятельность в 1904 г.: А.А. Шахматовым, Е.Ф. Будде, Р.И. Аванесовым, а позднее, в середине XX в., — В.Н. Сидоровым, И.А. Оссовецким, Т.Ю. Строгановой, О.Н. Мораховской, В.Г. Орловой, О.Г. Гецовой, С.С. Высотским и др.[1]. Этими учеными созданы работы, в которых представлены черты рязанских говоров на разных языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом. Важным этапом в развитии отечественной диалектологии явился лингвогеографический труд «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (1957), а впоследствии сводный «Диалектологический атлас русского языка» (1986, 1989, 1996, 2004), позволившие рассмотреть рязанские говоры в сопоставлении с другими говорами русского языка[2]. На территории современной Рязанской обл. для составления «Диалектологического атласа русского языка» было обследовано 193 населенных пункта. Обследование велось в 1940–1960-е гг., поэтому атлас отражает языковой срез середины прошлого века. Эта работа показала, в частности, что говоры Рязанской обл. и — шире — Рязанского края не представляют собой отдельного, самостоятельного диалектного образования.

Лингвистов, как и историков, всегда интересовало то, какие племена и на каком этапе участвовали в формировании рязанских диалектов. При этом исследователи отмечают, что эти говоры неоднородны и нельзя выделить собственно рязанские языковые особенности, т. е. такие, которые встречаются только в Рязанском крае и больше нигде.

До сих пор вызывает споры вопрос о происхождении говоров этой территории, поскольку она осваивалась в разное время разными славянскими племенами. По мнению В.В. Седова, «основные массы славянского населения в конце X — начале XI в. вынуждены были оставить эти земли (Донской регион. — *Примеч. авторов*) и переселиться в рязанское Поочье, где расселение донских славян достаточно фиксируется археологией. В XI–XII вв. вятичи постепенно расширили свои территории по Оке, освоив бассейн реки Москвы, и в рязанском Поочье смешались с донскими славянами. Мысль о заселении славянами Рязанской земли с двух сторон — с запада по Оке и с юга из Донского бассейна — была высказана еще А.А. Шахматовым. В настоящее время она находит археологическое подтверждение»[3].

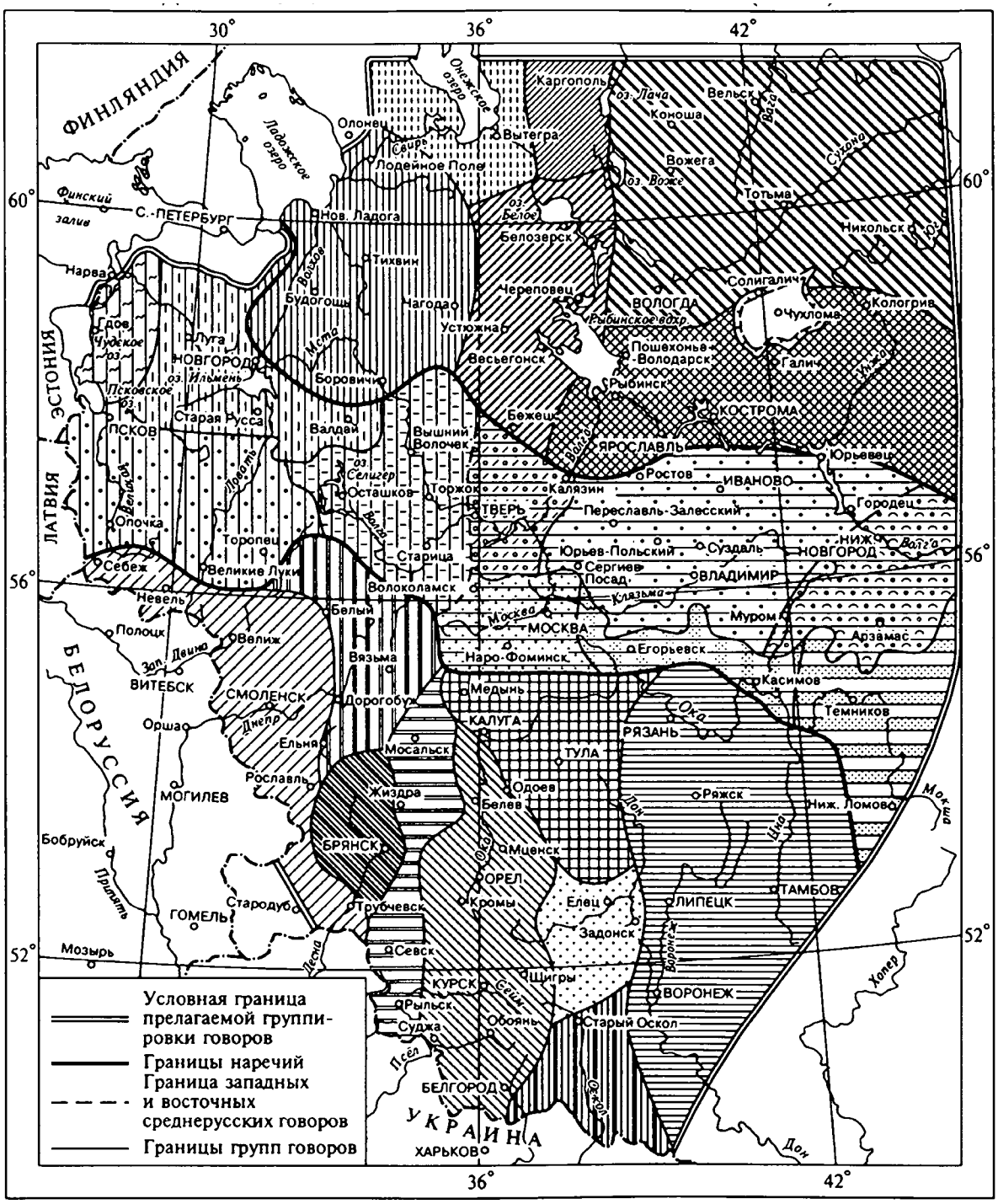
Точка зрения археологов о двух основных направлениях заселения Рязанской земли нашла поддержку у современных лингвистов. Так, С.Л. Николаев, исследовавший раннее диалектное членение восточных славян, отмечает: «В районе Рязани совмещение в современных говорах явлений, предположительно являющихся «верхнедонскими» и



Карта 1. Изоглоссы славян Верхнего Дона и вятичей (Составлена на материале публикации: *Николаев С.Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 37). Картограф И.А. Букринская

«вятичскими» <…> обычно проявляется в сосуществовании тех или иных форм в одном и том же говоре или чересполосице на небольших участках территории» [4]. На лингвистических картах наглядно видно, как изоглоссы языковых явлений, идущие с разных сторон, совмещаются вокруг Рязани. Приведем в качестве иллюстрации карту, демонстрирующую это совмещение (см. карту № 1). На ней показаны черты, которые с большой долей вероятности можно связать с языком славян Верхнего Дона: архаическая форма И. п. ед. числа существительного *свекры,* названия *тепе́ц, тепо́к* в значении ‘бьющая часть цепа’, а также явления, восходящие к племенному языку вятичей: наличие конечного ударения у существительных типа *туча́, воля,* название *цепинка* в значении ‘бьющая часть цепа’ (см. карту). Более подробно изоглоссы, гипотетически связанные с племенными языками славян Верхнего Дона и вятичей, описаны С.Л. Николаевым [5]. Ученые предполагают, что именно названные племенные языки сформировали основные черты южного наречия русского языка [6].

Карта диалектного членения русского языка показывает, что по Рязанскому краю проходит граница, отделяющая южнорусское наречие от среднерусских говоров (см. карту № 2). При этом большая часть рязанских говоров включается в состав Восточной (Рязанской) группы, куда входят также говоры Тульской, Тамбовской, Липецкой, Воронежской областей, юго-восточной части Московской и западной части Пензенской областей. А небольшая северо-восточная часть, расположенная между г. Егорьевском и г. Касимовом, относится к восточным среднерусским акающим говорам.



Карта 2. Диалектологическая карта русского языка. (Из кн.: *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970. Приложение)

При описании лингвистического ландшафта мы используем группировку русских говоров, составленную К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой на основе материалов, собранных по единой Программе для составления уже упомянутого «Диалектологического атласа русского языка»[7].

Назовем диагностические признаки, которые противопоставляют, с одной стороны, южное наречие и входящую в него большую часть рязанских говоров и, с другой стороны, северное наречие, среднерусские говоры и входящую в них небольшую северо-восточную часть Рязанщины. Итак, южные черты (Ю.): наличие фрикативного (щелевого) [γ]: [γ]*усь* [γаγóч'ит'] — северные и среднерусские черты (С. и Ср.): [г] взрывной (смычный): [г]*усь* [гагóч'ит]; Ю.: [т'] в окончании 3-го лица ед. и мн. числа глаголов: *он несе*[т'], *они несу*[т'] — С. и Ср.: [т] в тех же позициях: *он несе*[т], *они несу*[т]; Ю.: распространение слова *дежá* в значении 'деревянная посуда для теста из ржаной муки'– С. и Ср.: употребление слова *квашня* в том же значении [8]. Обычно яркие диалектные черты «бросаются в уши» человеку, владеющему другим говором или литературным языком, и подчас служат поводом, чтобы подшутить и посмеяться. Так появляются дразнилки, частушки, прибаутки.

А у нас в Рязани γрибы с γлазами:
Их ядять, а они γлядять,
Их кушають, а они слушають.

Диалектные особенности, свойственные рязанским говорам

Следует особо оговорить тот факт, что описание строится на диалектных материалах, собранных в основном в середине XX в. В связи с этим какие-то явления могли утратиться в современных говорах или сохраниться лишь в реликтовом виде.

Фонетические черты. Вся территория южного наречия русского языка и среднерусских акающих говоров объединяется аканьем, т. е. произношением гласных типа [а] и/или [ъ] (краткий гласный, средний между [а] и [ы]), которые произносятся в безударных слогах на месте */а/* и */о/* после твердых согласных, например: *дом, дамá, дъмавóй; трáвы, травá, тръвянóй*. В безударных позициях происходит неразличение (нейтрализация) гласных /а/ и /о/ после твердых согласных: в первом предударном слоге произносится [а], а в остальных безударных [ъ]: [мълакó] (*молоко*), [сърафáн] (*сарафан*) и т. д. На территории северного наречия и окающих среднерусских говоров в безударном положении гласные **о** и **а** различаются: [молокó], [сарафáн]. (Системы аканья и оканья даны здесь в упрощенном виде.)

Еще одна черта, общая для Рязанского края, — произношение нелабиализованного гласного на месте /у/ в предударных или заударных слогах: *м*[ъ]*жыки, óк*[ъ]*нь, фáрт*[ъ] *к.*

Как уже говорилось, важным признаком, отделяющим северное наречие и среднерусские говоры от южного наречия, является противопоставление говоров с [г] смычным и [γ] щелевым. Такие диалекты различаются не только фонемами /γ/ и /г/, но и их отношениями. В северных говорах и литературном языке звонкая фонема /г/ противопоставлена глухой /к/. Это видно в слабой позиции на конце слова: *но*[г]*а–но*[к]. А в южнорусских говорах отношения другие: пару по глухости-звонкости составляют /γ/–/х/, /к/ звонкой пары не имеет: *но*[γ]*а–но*[х]. Такое соотношение [γ]– [х] нашло отражение даже в особенностях рифмы у Сергея Есенина — уроженца с. Константиново Рязанской губ:

Затуманились лощины,
Серебром покрылся *мох* [мох].
Через прясла и овины
Кажет месяц белый *рог* [рох].

В литературном языке последнее слово произносится так: [рок], рифма получается неточной, а у поэта точная. Это не единственный пример: подобных рифм в стихах Есенина очень много.

Традиционным рязанским говорам свойственно произношение [х], ([х']) или [хв] ([хв']) в соответствии с литературным [ф] ([ф']): [х]*а́ртук, кон*[х']*е́ты*, [хв]*а́ртук, кон*[хв']*е́ты*. Во многих говорах названное явление сохранилось лишь в отдельных словах, при этом достаточно часто диалектный вариант сосуществует с литературным: *У нас многие старухи хадили в сарафа́нах, а на смерть блюли панёвы… Атец умер, мне мать сарахва́н до шасти нидэ́ль ни дава́ла надява́ть.* (Здесь и далее примеры взяты из материалов «Диалектологического атласа русского языка» и Словаря дер. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.[9]).

В большей части говоров Рязанщины на месте литературного *щ* ([ш'ш'] долгий мягкий *ш*) произносится долгий твердый звук [шш]: *я*[шш]*ик*, [шш]*у́ка* или реже [шч]: *я*[шч]*ик*, [шч]*у́ка*. Как правило, такое произношение сосуществует с литературным.

Карты «Диалектологического атласа русского языка» позволяют говорить и о других лингвистических явлениях, характеризующих разные группы рязанских говоров. Как уже говорилось, территория Рязанского края делится на два основных ареала: юго-западный и северо-восточный — говоры вокруг Касимова и восточнее линии Касимов–Шацк. Условная граница между этими ареалами проводится на основе типов яканья. В юго-западном ареале распространено ассимилятивно-диссимилятивного яканье, а в северо-восточном — умеренное. Другие явления будут описаны ниже, при этом следует иметь в виду, что границы их распространения не всегда строго совпадают.

Фонетические признаки юго-западного ареала. 1. Прежде всего стоит говорить о различных типах ассимилятивно-диссимилятивного яканья*. Наиболее ранним из существующих сегодня типов южнорусского предударного вокализма является диссимилятивный. Основное свидетельство в пользу такой точки зрения — известные случаи распадения диссимилятивного яканья до сильного, однако нет примеров образования диссимилятивного яканья из сильного. В самом простом виде принцип диссимиляции основан на расподоблении гласных ударного и предударного слога: перед гласным нижнего подъема [а] может быть только гласный ненижнего подъема**. В говорах с диссимиляцией скажут [пл'а̲шу̲́], но [пл'и̲са̲́т'] или [пл'э̲са̲́т']. Перед ударным [а́] не может быть безударного [а], здесь произнесут только [и] или [э]: [к-с'астр'э], [у-с'астр'ы], [с'астро́й], но [с'истра́] или [с'естра́]***. Говоры с таким типом вокализма расположены в основном на западе и юго-западе Европейской части России.

В результате разложения диссимилятивного вокализма могут возникать модели, осложненные принципом ассимилятивности или умеренности. Эти типы сочетают диссимиляцию с зависимостью гласного первого предударного слога от качества следующего согласного (твердость или мягкость). Одной из основных типологических черт Восточной

---

* Яканье — особенность произношения гласного в первом предударном слоге после мягких согласных. Общее название этого явления — яканье — появилось благодаря тому, что в некоторых говорах гласные е, о, а могут совпадать в предударном слоге после мягких со-гласных в звуке [а]. Здесь скажут [в'ад́у́], [н'ас́у́], [пл'аш́у́]. Диалектологи и краеведы в прошлом использовали орфографическую запись для передачи «особенностей народной речи», что обязывало их записывать такие примеры в виде вяду, нясу, пляшу, то есть через букву «я».

** Характеристика русских гласных основывается на трех «китах»: ряд, подъем и лабиальность. «Ряд» — движение языка в процессе артикуляции по горизонтали, т. е. вперед–назад, «подъем» — его движение по вертикали, т. е. вверх–вниз, «лабиальность» — участие губ в образовании звука, таких гласных два — [о] и [у]. Каждый гласный принадлежит определенному ряду: переднему — [и], [э], среднему — [ы], [а] или заднему — [у], [о]. А по степени подъема языка к нёбу гласные делятся на три группы: верхнего подъема: [и], [ы], [у], среднего подъема: [э], [о] и нижнего — [а].

*** Не во всех говорах действует именно такая (Жиздринская) модель диссимилятивного яканья. Есть говоры, в которых как «нижние» гласные оцениваются еще некоторые гласные, не только [а]. Подробнее см.: Русская диалектология. М., 2005.

(Рязанской) группы говоров является именно ассимилятивно-диссимилятивное яканье, которое сочетается на территории Рязанского края с умеренно-диссимилятивным.

Говоры северо-восточного ареала характеризуются умеренным яканьем, в котором нет зависимости предударного гласного от ударного (см. ниже).

2. На территории распространения ассимилятивно-диссимилятивного яканья отмечены диалекты с различением *е* и *ѣ (ê)*, *о* и *ѡ (ô)*, т. е. с семифонемным вокализмом: *от*[э]*ц* — *л*[*ê*]*с*, *л*[и͡е]*с*, *г*[о]*д* — *к*[*ô*]*т*, *к*[у͡о]*т)*[*]. Говоры с рефлексами старого ѣ ([и], [и͡е], [ê]) и ѡ ([у͡о], [ô]) образуют здесь небольшие разбросанные ареалы.

3. Еще одна изоглосса, очерчивающая компактную территорию по обеим сторонам среднего течения Оки, — отсутствие перехода [е] в [о] после мягких согласных: *бе*[р'е]*за*, *с*[в'é]*кла*, [с'é]*стры*, *ка*[т'é]*нок*, [м'é]*рзла*. Северная граница этого ареала — стык современных Владимирской, Московской и Рязанской областей. Южный предел — территория вокруг Ряжска. Отсутствие перехода е>*о* известно и в других местах, но говоры Рязанского края единственные, где это явление представлено последовательно в различных морфологических позициях.

4. На территории Рязанщины отмечено [е] на месте [а] между мягкими согласными под ударением: *гр*[é]*зь*, *гул*[é]*ли*, *оп*[é]*ть*. Но надо заметить, что распространено указанное явление не везде и касается отдельных слов. Самый обширный его ареал — говоры рязанской Мещёры западнее Касимова, на остальной территории известны лишь небольшие ареалы.

5. Описываемым говорам свойственна яркая диалектная черта — смягчение *к* после предшествующего мягкого согласного (так называемая прогрессивная ассимиляция): *Ва́нькя, ба́нькя, то́лькя, чайкю, де́вочкя* и т.д.: *Жили мы бядно́, жила́ в рабо́тницах и <u>в нянькях</u> сиде́ла. <u>Ва́лькя</u> масты* (сени) *ни вымыла. <u>Ду́нькя</u>, ни пришёл мой <u>Сирёнькя</u>*?

6. В рязанских говорах произношение твердого ***в*** в различных позициях: перед согласными в начале слова, в середине слова и на конце слова — отличается от литературного. В этих случаях произносится [ў] *у*-неслоговой или губно-губной звук [w]: [ў]*сех*, [ў]*дова* или [w]*сех*, [w]*дова; пра*[ў]*да*, *тра*[ў]*ка* или *пра*[w]*да*, *тра*[w]*ка; столо*[ў], *домо*[ў] или *столо*[w], *домо*[w]. *<u>Дялоў</u> многа за льном была. Пакойник на пиредней <u>лаўки</u> стаить*. Территория распространения данного явления меньше описываемого юго-западного ареала: оно несвойственно говорам вокруг Рязани и южнее ее (вплоть до южной границы Рязанской обл.). В современных говорах диалектное произношение обычно сосуществует с литературным.

7. В пределах юго-западной части рязанских говоров расположены небольшие разорванные ареалы, где в соответствии с твердыми литературными согласными [ш], [ж] отмечается произношение мягких [ш'], [ж'] или полумягких [ш˙], [ж˙]: [ш']*апка*, [ж']*ить*, [ш']*ея; но*[ж']*ичек*. Это явление в настоящее время носит реликтовый характер, вероятно, раньше оно было распространено шире.

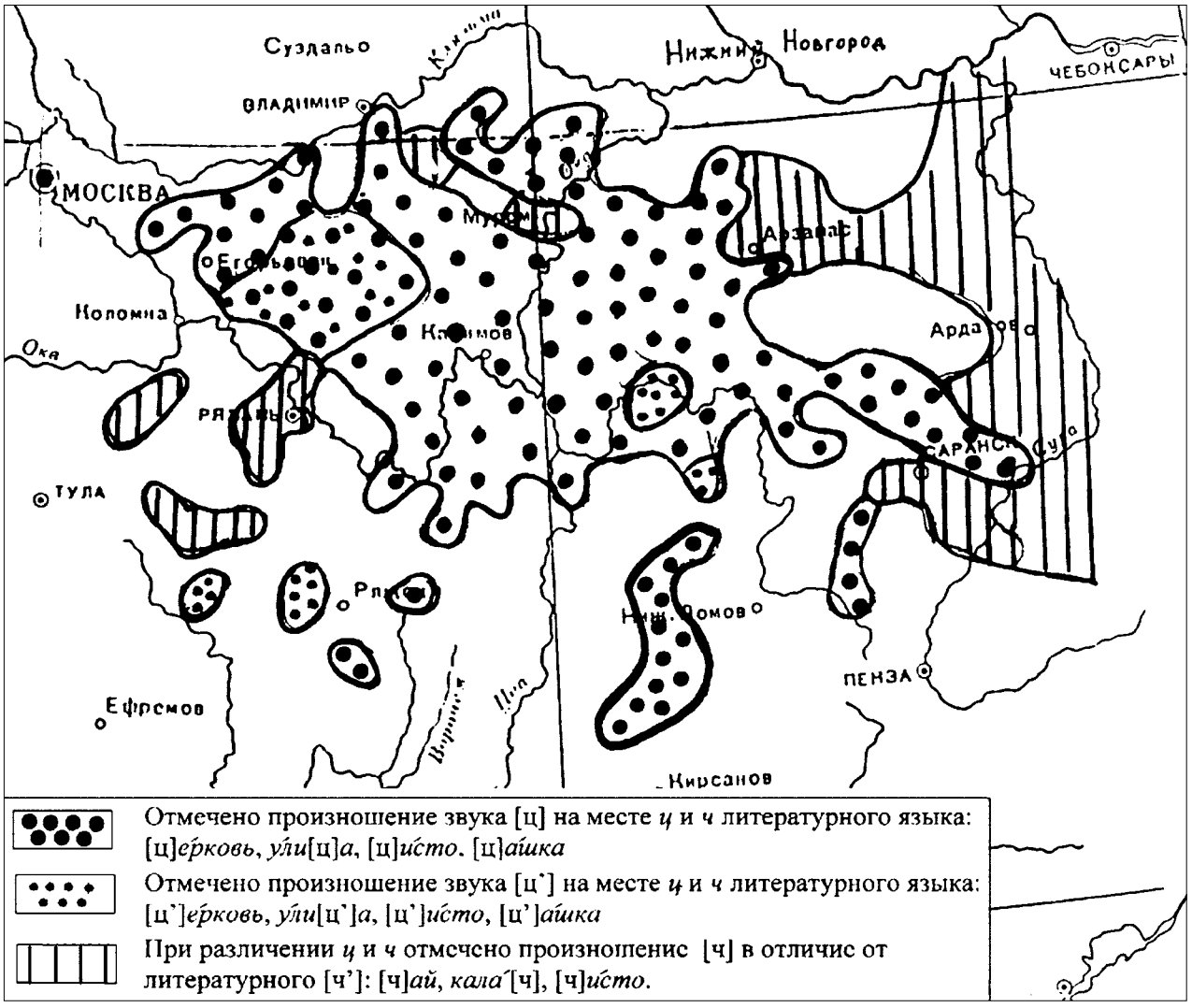
Фонетические признаки северо-восточного ареала. 1. Как уже говорилось, говорам северо-востока присуще умеренное яканье, которое характеризуется зависимостью предударного гласного от качества последующего согласного. Так, перед мягкими согласными произносится гласный [и] или [э], перед твердыми — [а]: [б'ил']*е́ть*, [б'эл']*е́ть*– [б'ал]*о́к*.

2. Характерной диалектной чертой является неразличение аффрикат — согласных [ц] и [ч'].

Известно четыре типа неразличения аффрикат в русских говорах: мягкое цоканье, т.е. произношение мягкого звука [ц'] вместо литературного [ч'] и [ц]: [ц']*ай* — *улиц*[ц']*а*, твердое цоканье — произношение твердого звука [ц] вместо литературного [ч'] и [ц]: [ц]*ай* — *ули*[ц]*а* и ана-

[*] В литературном языке выделяется пять гласных под ударением в независимом положении (это т.н. «фонемы», инвариантные единицы): /и/, /у/, /э/, /о/, /а/.

Современный русский литературный язык и большинство говоров имеют пятифонемный вокализм. Но в других русских говорах различных территорий может быть не только 5, но 6, 7 и даже 11 фонем (как, например, в слободском говоре Харовского р-на Вологодской обл.).



Карта 3. Распространение цоканья. Картограф И.А. Букринская

логичные типы чоканья, при которых произнесут [ч']*ай* — *ули*[ч']*а* или [ч]*ай* — *ули*[ч]*а**. Касимовское цоканье является твердым. Граница цоканья проходит западнее Касимова и включает северную часть области (см. карту № 3).

Существует несколько теорий возникновения цоканья в русских говорах. Одна из них принадлежит А.А. Шахматову, который считал цоканье в русских говорах следствием мазурения, т. е. польской по происхождению чертой. А.А. Шахматов предполагал, что севернорусы, пробиваясь через территорию современной Белоруссии, встретили на своем пути ляшские племена, в которых *č (ч), ž (ж), š (ш)* изменялись в *c (ц), z (з), s (с)*, а мягкие *c' (ц'), z' (з'), s' (с')* произносились шепеляво [10]. Эта теория была подвергнута критике Р.И. Аванесовым; доказано, что цоканье древнее мазурения, кроме того, шепелявое произношение свистящих, свойственное мазуракающим говорам, отсутствует в подавляющем большинстве цокающих говоров [11].

А.А. Шахматов допускал возможность «заимствования» цоканья из финских диалектов. Здесь он отдавал дань взглядам И.А. Бодуэна де Куртенэ, но никак не ком-

* На территории Центра Европейской части России есть два района компактного расположения говоров с твердым цоканьем. Один из них — говоры на территории русского крайнего северо-запада от Нарвы до Смоленска (вокруг Пскова, Острова и Опочки), другой — говоры в междуречье Оки–Клязьмы и Теши–Мокши. Север и северо-восток (севернее линии Вытегра–Череповец–оз. Кубенское–Кологрив–верховье Горьковского водохранилища–Ветлуга) в основном занят говорами с мягким цоканьем.

ментировал такую возможность развития аффрикат. Гипотеза о финно-угорских истоках цоканья укреплялась в работах А.М. Селищева: факты замены свистящих звуков шипящими (в том числе *ц>ч*) названа «шоканьем», а замена шипящих свистящими (в том числе *ч>ц*) — «соканьем». Однако пути развития цоканья в исследованиях Селищева остались невыясненными [12].

Возможность финского влияния на диалект словен и кривичей в доисторический период видел также и Р.И. Аванесов, а вслед за ним В.Г. Орлова. Р.И. Аванесов предполагал, что, сформировавшись на западе и северо-западе, мягкое цоканье было распространено и на другие территории, заменившись в части говоров твердым цоканьем. Распространение цоканья в говорах, граничащих с финскими племенами, может свидетельствовать в пользу этой теории. В то же время Р.И. Аванесов считал, что мещёрское цоканье, которое образует островной ареал на севере Рязанской обл., могло сформироваться и самостоятельно [13].

С.Л. Николаев исследовал историю возникновения и развития аффрикат в восточнославянских языках. С его точки зрения, системы с неразличением *ц* и *ч* (т. е. с *цоканьем*) возникали в процессе исторического развития языка, независимо от финно-угорского влияния в говорах, восходящих к племенным языкам кривичей и словен [14]. В Рязанском крае цоканье могло появиться в связи с переселением кривичей на восток (так называемый «кривичский пояс», о котором см. ниже).

Мещерский ареал сформировался в непростых исторических и этнографических условиях. Эта территория была занята восточнофинскими племенами, освоена славянами (вятичами и кривичами) — все это, без сомнения, сказалось на формировании лингвистической специфики края, поэтому однозначно объяснить возникновение цоканья здесь очень сложно.

3. На этой территории зафиксировано особое произношение мягких переднеязычных *т', д', с', з'*.

В касимовских говорах артикуляция мягких зубных свистящих согласных [с'], [з'] сдвинута в альвеолярную область, что вызывает акустический эффект шепелявости ([с'ш']*éно*, [з'ж']*има́*). Мягкие зубные смычные *т', д'* также получают дополнительную характеристику: свистящий или шипящий призвук: [т'с'о́т'с'а] или [т'ш'о́т'ш'а] (тётя), [д'з'а́д'з'а] или [д'ж'а́д'ж'а] (дядя).

4. В описываемых говорах распространено произношение [х] на месте литературного [ф] в форме Род. п. мн. ч. существительных на конце слова в окончании и в финали основы (*столо́*[х], *коро́*[х]). Говоры с такой диалектной особенностью занимают территорию севернее Касимова и вокруг него, а также по течению рек Цны и Мокши.

5. Упомянем еще одно явление, которое известно на самом севере Рязанской обл. Это произношение заднеязычного [х] или его звонкой пары [γ] на месте предлога *в* перед губными согласными: [х] *поле,* [γ] *баню.*

Морфологические черты. Перечислим особенности, присущие большинству говоров Рязанского края.

1. В них распространено окончание *-е* в Р. п. существительных ж.р. 1-го склонения: *у жене, у сестре*; при этом во многих говорах эта форма сосуществует с литературным вариантом. *У сястре́ муш по́мяр. Вясно́й тяпло́, из рике́ ни выла́зить наро́т.*

2. Описываемым говорам свойственно упрощение системы склонений существительных: переход существительных женского рода 3-го скл. типа *печь, грязь, соль* в 1 скл.: Дат. п. *по грязе́, к пече́;* В. п. *но́чу, грязю;* Тв. п. *грязей, но́чей;* Пр. п. *в грязе́, в пече́. Нада выравнять пот* (под) *ф пиче́.*

К лашаде́ не патхади; Мы тут фсе в грязе́ утапаим. Фсё ф краве́; хлеп с со́лей; угла́дей вышивал; с гармо́ний хадил; зярно́ малатили лашадёй; фсю но́чу ждал; купил со́лю; ша́лю патиряла. Как правило, сохраняются и литературные варианты. В акающих говорах в заударных

слогах не различаются звуки [и] и [е], поэтому говорить о наличии окончания *-е* в Д. и Пр. падежах можно только если на него падает ударение. Степень разрушенности 3-го скл. в говорах разная, однако полной утраты его не произошло.

3. Существительное *мать* имеет во всех падежах основу с элементом *-ер*: И.п. ед. ч. *ма́терь, ма́теря*, в Вин. и Тв. п. окончания, свойственные сущ. 1-го скл.: В.п. *матерю;* Тв. п. *матерей. Дитю ма́тирю ня так жалка, как ма́тири дитя.*

4. Существительное *свекровь*, как уже говорилось, в Им. п. сохраняет древнюю форму *свекры*: *Ну я на свякры ни паулиде́ла, па любе́* (по любви) *шла.*

5. Существительное *мышь* в рязанских говорах перешло в мужской род: *серый мышь* либо при сохранении женского рода в продуктивный тип склонения (1-е скл.): *серая мыша. Мышу заγрыс кат'е́нак.*

6. Одной из основных морфологических категорий существительных в славянских языках является род. В русском литературном языке сущ. ср. и муж. р. относятся к одному типу склонения (2-е скл.). В рязанских же говорах сущ ср.р. с безударными окончаниями склоняются как сущ. женского рода 1-го скл.: И. *ста́да*, Р. *ста́ды*, Д. *ста́де*, В. *ста́ду*, Тв. *ста́дой*, Пр. *о ста́де*. Например: *бис се́ны пло́ха, падашёл к ста́де, про́су-ту се́яли, кату́ у́ху атγрызла крыса, еγо́ се́най завалила.* Прилагательные согласуются с этими существительными тоже в форме женского рода: *духавитая ма́сла, в этай пла́тьи, здаро́вья мая плаха́я, адна́ яичка, мяса была́ фку́сная. Йаво́ бы да тре́тий ста́ды даблюсть* (сохранить), *па тре́тий ста́ди то́лькя мяса прибавляицца* (о теленке). Существительные с ударным окончанием сохраняют свою принадлежность ко 2-му скл., но при этом могут согласовываться с прилагательным женского рода в И. п. и В. п. *бальша́я сяло́,* реже в Пр. п. *в бальшо́й сяле́.*

Во многих говорах окончания 1-го скл. у сущ. ср.р. с безударными окончаниями встречаются только в В. п., например: *молвит славе́чку, се́мю пасе́яли, фсю по́лю баранить, про́суту се́яли, на расшире́нью падала́, се́ну убира́ли* и др. А в остальных падежах эти существительные имеют окончания 2-го скл. Получается, что в этих говорах существительные ср.р. с безударными окончаниями имеют смешанный тип склонения.

Для рязанских говоров, как и для многих других, характерно склонение сущ. ср. рода на *-мя* без наращения элемента *-ен-*: И. *имя*, Р. *ими*, Д. *па ими*, В. *имю*, Тв. *с имем, имей*, Пр. *аб ими.*

7. В склонении мн.ч. сущ. также есть отличия от литературного языка. Более широко, чем в литературном языке, распространены формы мн. числа сущ. с суффиксом *j-*: И. п. *воло́сья, пе́нья, дво́рья, голосья, окунья, бара́нья* и др.; Р.п. *воло́сьев, пе́ньев, дво́рьев, голо́сьев, окуньёв. Заве́л нас на баравыи γрыбы, ани стаять, как ма́слиники, мы йих ф карма́нья. Спа́ли до́лγа, качатья* (петухи) *пе́рваи крича́ли.*

Отмечено окончание *-а* в И. п. мн. числа у сущ. женского рода 3-го скл., реже 1-го скл.: *лошадя, площадя, скатертя, пыля, церквя, матеря, дочеря, деревня, яблоня, шуба́*: *О́кны аткрыть: дабре́* (очень) *пыля лятять. Он ра́ньшы кажа́ сабира́л, из йе́тих кажо́ф ани тава́р де́лали.* А в Р. п. мн. числа окончание *-ов*: *ягодов, ба́бушков, дере́внев, па́шнев, ко́зов. Бидаку́ра ста́ла ко́шка птичкяф-та ла́вить* (ловит).

8. В конце основы перед окончанием Тв. п. мн. числа существительных, как и у прилагательных, произносятся мягкие заднеязычные согласные: *то́нкими ниткими, яркими кра́скими.*

9. Распространена архаичная форма кратких прилагательных мн. числа *сыти, ра́ди. А мы-та ра́ди на пако́с е́хать.*

10. Личные местоимения в Р. и В. п. имеют окончанием *-е.*: *у мене́, без тебе́, от себе́; вижу тебе́, себе́, спросил мене́. У мине́ фсе дакуме́нты йесь.* В Д. и Пр. п. отмечены местоимения с основой *тоб-, соб-: к тобе́, о тобе́, к собе́, о собе́*: *Чем ко́рму каро́ви ни хвата́ить, лу́ччи сабе́ ни хвата́ить.*

11. В ряде рязанских говоров употребляются указательные местоимения со сложной основой: *энтот, энта, энто, энти. Остановилась у энтого дома* (у того); *Вон энти избы* (те).

12. Для рязанских диалектов характерно выравнивание основы в формах настоящего времени глаголов типа *печь, беречь*: *пеку, пекёшь, пекёт, пекём, пекёте, пекут; могу, мóгет, мóгешь, мóгем, мóгете, могут*. Во многих говорах они сосуществуют с литературными формами. Реже отмечен другой тип выравнивания основы: *печý, печёшь, печёт, печём, печёте, печýт; мóжу, мóжешь, мóжет, мóжем, мóжете, мóжут*. В говорах, расположенных вокруг Касимова, южнее и восточнее его, тенденция к выравниванию глагольных основ проявляется более последовательно.

13. На описываемой территории распространены особые формы инфинитива: *плесть, гресть, идить, итить. Штó тёти Арини дéлать, за γрыбóм итить иль за яγадай.*

14. Наряду с постфиксом *-ся* употребляется постфикс *-си*: *умылси, взялси, родилси, боисси, боялси*, в ряде мест он является ударным: *взялси, родилси. Карóвы нет — с усáдьбай пращáйси.*

15. Отмечены причастные формы с суффиксом *-мши: взямши, копáмши, разýмши*, причастия от глаголов на *-ать, -ить* с суф. *-т-: поломáтый, отдáтый, вскопáта.*

Локальные морфологические черты. Речь пойдет о языковых особенностях, распространенных лишь на части территории Рязанского края. В говорах северной части рязанской Мещёры, а также в западной части Рязанской обл. (граница проходит западнее Рязани, на юге включает Ряжск) отсутствует конечный *т* в окончаниях 3-го лица ед.числа глаголов: *он стáне, игрáе, хóди, нóси, несé, берé* и в некоторых формах мн. числа: *они хóдя, они сидя*. Некоторые исследователи связывают южнорусские говоры, в которых отмечено особое распределение форм с отсутствием конечного -т в ед. и мн. числе у глаголов 1-го и 2-го спряжения, с племенным диалектом вятичей [15].

Рассмотрим языковые черты северо-восточной части говоров Рязанщины — говоров вокруг Касимова, севернее и восточнее его. Им свойственны следующие диалектные особенности:

1. Окончание *-уй* в Тв. п. ед.ч у сущ. ж. р. 1-го скл.: *пáлкуй, бáбуй.*

2. Окончание *-ох* в Р. п. мн.ч. сущ.: *домóх, местóх, ягодох.*

3. Окончание *-ей* в Р. п. мн.ч. у сущ. с основой на *ц*: *пальцей, зайцей, месяцей.*

4. Форма местоимения 3-го лица мн. ч. *оны* (при сосуществовании с *они*).

5. Односложные архаические формы личных местоимений в Р. и В. п. *мя, тя, ся* при сосуществовании с *меня, тебя, себя. Тонь, у тя мáзи нет ад бальнýшак.*

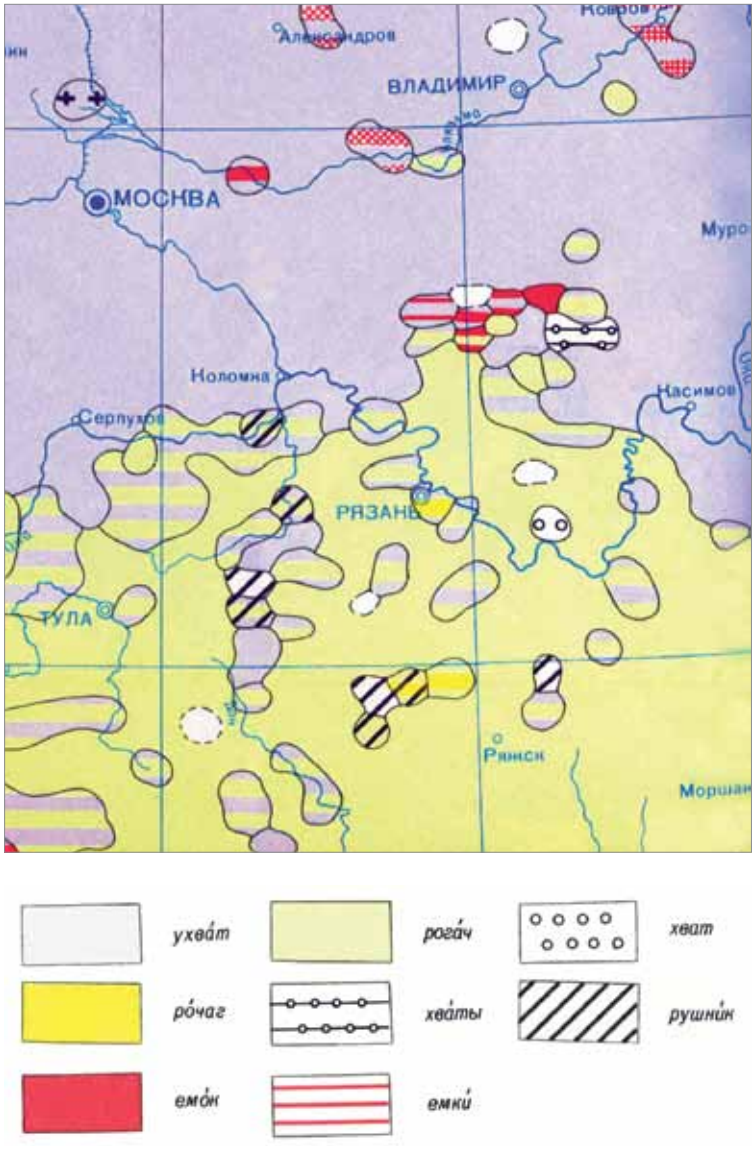
6. Выпадение интервокального *-j-* с последующим стяжением гласных в формах прилагательных и глаголов: *молоды* (молодые) девки, *чужы, глухи, крáсны, знашь* (знаешь), *знат* (знает), *рабóтат* (работает), *рабóтут* (работают), *дéлут* (делают) и др.

7. Выравнивание основ в настоящем времени в глаголах: *прóсю, дрéмю, сыпю, прóсишь, дрéмешь, сыпешь* и др. *Йа хóдю пакóйникаф абмывáю, йа ни γрéбываю.*

Основные лексические черты. Богатейший материал по лексике Рязанского края собран в различных научных центрах страны: Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва), Институте лингвистических исследований РАН (СПб.), Рязанском государственном педагогическом университете. На материале говора дер. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл. (на р. Пре — левом притоке Оки) создан однотомный словарь современного русского народного говора. Работа над ним велась коллективом сотрудников Института русского языка в течение ряда лет. Диалектологи подолгу жили в деревне, чтобы понять специфику говора и определить тонкие оттенки в значении слов. Словарь является дифференциальным, т. е. в нем отражены только те слова или значения слов, которые не совпадают с литературными. Каждая словарная статья снабжена большим количеством примеров, поэтому словарь дает представление о фонетических и морфологических особенностях местного языка. Он был издан в 1969 г. и является образцом лексикографического описания говора. Рассматривая лексические черты рязанских говоров, следует сказать, что мы перечисляем лишь основные особенности, которые получили

отражение на картах «Диалектологического атласа русского языка».

Прежде всего, назовем слова, свойственные всем рязанским говорам. Здесь распространены два основных названия для участка земли, на котором находится дом с хозяйственными постройками и огород, — *усадьба* и *поместье*: *Йета пам<u>е́стья</u> гасуда́рству ну́жна — стро́йкя*. В традиционном говоре известны такие слова, как *цеп* в значении ‘орудие для ручного обмолота’, *око́сье* ‘название ручки косы’; *нива* ‘участок земли, поле’, *хресте́ц* ‘малая укладка снопов’, *одо́нок, одо́нье* ‘большая укладка снопов’: *И пшаницу в <u>адо́ньйу</u> кладу́ть, рига* — название постройки для сушки снопов, которое в части говоров сосуществует с названием *овин: А адо́ньи ста́вють край <u>рыгу</u>*; *икры* — ‘льдины’: *Хошь <u>икры</u> плыву́ть, а хто ска́жыть — ба́рки плыву́ть; вёдро* — ‘хорошая погода’: *Йесли <u>вёдра</u> будить, пайдём стох мята́ть*; *пого́да* — ‘плохая погода’,: *На за́втряшний день ска́жуть па ра́диву: <u>пагу́да</u>. А гля́нишь — день харо́шый; понёва* — ‘юбка из пестрой домотканой ткани’, *за́пон, за́понка, занаве́ска* — фартук, *шу́шка, шушпа́н, шушу́н* ‘верхняя женская домотканая одежда, обшитая по вороту и рукавам кантом’; *жерёлок, жерёлка, ожерёлок* ‘старинное женское украшение’ [16], *салома́т(д)а* ‘каша из муки’, в ряде говоров делают из гречневой муки: *Е́та <u>салама́да</u> ис крупяной муки; кула́га* ‘род кушанья из муки и воды с различными добавками’, *ча́пля, ча́пельник* названия сковородника, а в цокающих говорах — *ца́пля, ца́пельник*; *ко́чет, кочето́к* ‘петух’: *Семь кур у ниё и <u>качато́к</u>*; *муравли* ‘муравьи’, а на западе Рязанской обл. и в этом значении отмечено название *комари;* похожая изоглосса очерчивает распространение слова *маха́тка* в значении ‘глиняная посуда для молока’, а на остальной территории отмечено слово *горшо́к*. Глагольная лексика: *воло́чить* наряду с *боро́нить* и *боронова́ть*; *брать, драть* ‘убирать лен с поля’: *Сначала лён <u>бирёшь</u>, патом бьёшь, а патом стелишь*; *гре́бовать* в значении ‘брезговать’: *Йисть* (ест) *хорошо, ничем ни <u>гре́буить</u>;* употребляется выражение *песни играть* в значении ‘петь песни‘ *Ана рыга́ицца как <u>песни играить</u>*; *курлыкают, курлычут* в значении ‘квакают’ (о лягушках).



Карта 4. Названия ухвата. (*Из кн.*: Диалектологический атлас русского языка. Минск, 1997. Вып. 3. ч. 1. Карта № 30)

Многие диалектные слова перешли в пассивный словарь жителей деревни, это связано с рядом факторов: ушли и уходят из обихода сами реалии, которые они называют, местные слова вытесняются литературными синонимами под влиянием СМИ, на разрушение традиционных говоров действует миграция населения.

Теперь охарактеризуем лексические изоглоссы, противопоставляющие юго-западные го-

воры Рязанского края (Р.) северо-восточным (касимовским — К.): как уже говорилось, Р. присуще название *дежá*, а К. — *квашня*; Р. *рогáч* — К. *ухвáт*; Р. *корéц* ‘название ковша’ — К. *ковш: Тады ф старинý были карцы*; Р. *котýх* — К. *хлев* ‘название постройки для скота’; Р. *люлькя*, реже *колыбка* ‘колыбель’ — К. *зыбка*; Р. *стёжка* ‘тропинка’ — К. *тропá, трóпочка*: *А в Мищéри трóпацка, а у нас дарóга, стёшка*; Р. *гутáрить* ‘разговаривать’ — К. *бáять: Там па-мищéрски гутáрють;* Р. *кричать* ‘плакать по покойнику’ (реже употребляются глаголы *выть* и *голосить)* — К. *вопить* (наряду с литературным *плакать*); Р. *зеленя* ‘всходы зерновых культур’ — К. *óзимь, озимя*.

Как видно из всего приведенного материала, северные и северо-восточные рязанские говоры имеют свои лингвистические особенности. Скорее всего, этот факт связан с историческими причинами, с тем, что на их формирование оказал в свое время влияние племенной язык кривичей. Лингвисты (Р.И. Аванесов, Ф.П. Филин, С.Л. Николаев и др.) писали о том, что в земли, расположенные в междуречье Оки и Клязьмы, переселялись южные кривичи с западных территорий [17]. Этому не противоречат и археологические данные [18]. На ряде карт «Диалектологического атласа русского языка», в том числе лексических, прослеживается так называемый «кривичский пояс» — изоглоссы явлений, отмеченные на южнопсковской территории и идущие узкой полосой по Тверской обл. до Москвы и далее в Волго-Окское междуречье, захватывая в основном говоры Владимирской обл. Пучок кривичских лексических изоглосс проходит и по северо-востоку Рязанского края. Это говоры вокруг Касимова и севернее, граничащие с владимирскими. Для них характерно наличие слов *цепéц, цепник* в значении ‘деревянная бьющая часть цепа’, названий с корнем *стой-* (*стóйка, стоянка)* ‘малая укладка снопов зерновых культур’, слово *одéнье* в качестве названия большой укладки снопов. Итак, северо-восточные рязанские говоры по многим признакам (например, цоканье, шепелявое произношение переднеязычных согласных) противопоставляются остальным говорам Рязанского края, что, вероятнее всего, связано с миграцией южных кривичей на восточные земли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Шахматов А.А.* Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Известия ОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 4; *он же.* Рец. на кн.: Евгений Будде. К истории великорусских говоров. Казань, 1886 // Сборник ОРЯС. СПб., 1898. Т. 66. № 2; *Будде Е.Ф.* К истории великорусских говоров: Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896; *Аванесов Р.И.* Очерки диалектологии рязанской Мещеры. I. Описание одного говора р. Пры // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 1; *Сидоров В.Н.* Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры // Труды и исследования по русской диалектологии. 1949. Т. 1; *Оссовецкий И.А.* К диалектологии говоров Рязанской области // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР. М., 1949. Вып. 5; *Орлова В. Г.* Говоры северо-восточной части Рязанской области // Там же. М.; Л., 1948. Вып. 3; *она же.* К итогам диалектологического изучения Рязанской области // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. 1949. Вып. 8; *Высотский С.С.* О говоре д. Лека: (по материалам экспедиции 1945 г.) // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 2; *Высотский С.С.* Работы Е.Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР. М.; Л., 1949. Вып. 6; *Строганова Т. Г.* К изучению говоров междуречья Оки–Клязьмы // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1957. Т. 7; *Мораховская О.Н.* Соотношение типов яканья в говорах Рязанской Мещёры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. М., 1963. Т. 3; *Гецова О.Г.* О произношении ударного *О* разного происхождения в говоре с. Катагощи Захаровского района Рязанской области // Там же. М., 1959. Т. 1.

2 Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1957; Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под общей ред.

Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986; вып. 2: Морфология. М., 1989; вып: 3. Синтаксис. Лексика. Ч. 1. М., 1996; ч. 2. Лексика. М., 2005.

3 *Седов В.В.* Восточнославянская этноязыковая общность // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 8; *Шахматов А.А.* Введение в курс истории русского языка. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг., 1916.

4 *Николаев С.Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 37.

5 Там же. С. 37–42.

6 *Трубачев О.Н.* Из истории лингвистической географии восточнославянского освоения // Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII). М., 2002. С. 5; *Седов В.В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 262–265.

7 *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970. Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947.

8 *Касаткин Л.Л.* Русские диалекты // Русские. М., 1997. С. 80–106 (сер. «Народы и культуры»).

9 Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.

10 *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

11 *Аванесов Р.И.* Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ. 1947. № 9.

12 *Селищев А.М.* Соканье и шоканье в славянских языках // Slavia. 1931. Ročník X. Sešit 4.

13 *Аванесов Р.И.* Очерки диалектологии…

14 *Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.

15 *Николаев С.Л.* Раннее диалектное членение… С. 41.

16 *Осипова Е.П.* Язык рязанского костюма. Наименования элементов народной одежды в рязанских говорах. Рязань, 2004.

17 *Аванесов Р.И.* Вопросы образования русского языка… С. 128; *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972. С. 60; *Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов… С. 138–140.

18 *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 189.

ГЛАВА 4

Исторические представления и самоидентификация русских Рязанского края

В главе речь пойдет об исторических представлениях жителей Рязанского края XIX–XX вв. Нас интересует, что они помнили и знали о событиях, фактах, личностях дореволюционного и советского прошлого, каким образом хранили информацию об этих событиях, как их оценивали и воспринимали, так или иначе переосмысливая услышанное, увиденное и пережитое. На формирование коллективных представлений о прошлом несомненное влияние оказывают вновь приобретенные, в том числе и книжные знания. Разумеется, сами представления, в свою очередь, испытывают воздействие господствующей идеологии, политической конъюнктуры, массовых стереотипов и т. д., поэтому практически любой исторический факт искажает реальность, являясь ее субъективной интерпретацией.

В современной историографии под исторической памятью чаще всего понимают одно из измерений индивидуальной и коллективной (или социальной) памяти — как память об историческом прошлом, по сути — символическую репрезентацию прошлого [1]. Формирование исторических представлений и памяти — не только сложнейший механизм передачи опыта и сведений о прошлом. Глубина и насыщенность исторической памяти самым прямым образом влияет на этническое самосознание, мироощущение народа, является важнейшим компонентом самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом.

Память о героических событиях, выдающихся деятелях и ярких достижениях питает национальную гордость, патриотизм и гражданское самосознание. И напротив, воспоминания о бесславных войнах, социальных невзгодах, репрессиях вызывают отчужденное отношение к стране и государству.

Исторические представления связаны с национальным самосознанием в двух аспектах. Во-первых, историческая память, сам факт ее наличия свидетельствует об определенном уровне развития самосознания этноса. Общность представлений о прошлом является одним из элементов этнического, а на определенной стадии — национального самосознания. Во-вторых, исторические представления служат источником для изучения характера и специфики национального самосознания.

Самосознание любого народа включает в себя различные компоненты: религиозный, патриотический, этнический, социальный, некоторые другие формы осознания групповой общности. В исторической жизни этноса они постоянно взаимодействуют. Более того, своеобразие этноса или то, что принято называть национальным характером, определяется устойчивым во времени сочетанием этих компонентов.

С образованием Русского централизованного государства этнические и государственные интересы его жителей стали восприниматься в единстве. Этноним «русские» теперь указывал и на этническую принадлежность основной массы населения страны, и на общность, осознающую себя единым по вере народом единого государства. Многие века этноним «русский» был почти синонимом слова «православный». Четкое осознание причастности к православной вере проявлялось в мирное время (общепринятое обращение к собравшимся на

сельских сходах было: «православные»), но особенно — во время войн и вооруженных конфликтов. В эти периоды идентификация по религиозному признаку выражалась еще более отчетливо. Конфессионим выполнял функции этнического определителя русских.

Вплоть до середины XIX в. быть русским, судя по историческому фольклору, ранней лубочной литературе, другим источникам, означало быть верным православной церкви и царю. К концу XIX в. общество становится более светским, и поиск идентичности русского человека идет главным образом в сфере его принадлежности к богатой, сильной стране (безусловно, при сохранении православного характера государственности).

В XX в. — веке социальных катастроф, ломки векового уклада и попыток создания «новой исторической общности» — менялись взгляды людей на общество, власть, роль и характер государства и т. д. Для осуществления тех или иных преобразований (в данном случае не столь важно, революция это или реформа) преднамеренно создавались совершенно искаженные представления о предшествующей истории. Раз нужна новая культура, значит, старая никуда не годилась. Соответственно, строительство «нового общества» окрашивалось в тона безудержного социального оптимизма. В советский период русская идея была деформирована, ибо единое народное сознание представляло опасность для власти.

С распадом СССР многие люди лишились привычного ощущения себя гражданами великой державы, обострились межэтнические противоречия. Вакуум в духовной сфере привел к поискам новой идентичности, которые, думается, невозможны без обращения к традиционным, апробированным исторической жизнью этноса формам.

Анализ исторических представлений поможет понять, каким образом идентифицирует себя современное население Рязанщины. Как и в любом другом регионе, региональная рязанская история переплеталась в сознании людей с общегосударственной, личная и групповая память вписывались в контекст истории страны, так называемой *Большой истории.*

В ходе экспедиционной работы в 1990-е — начале 2000-х гг. нашими информаторами были, главным образом, лица пожилого возраста — очевидцы событий первой половины XX столетия. В формировании картины прошлого у людей, родившихся в первой трети XX в., существенную роль продолжает играть устная традиция — ведь их знания, особенно в молодости, почерпнуты большей частью из широко бытовавших в деревне рассказов старших односельчан. На вопрос: «Откуда Вы это знаете?», обычно следует ответ: «Ну, это известно, и дед, и отец рассказывали». Кроме того, довольно часто наши пожилые информаторы склонны различать источники исторической информации: первое — «от стариков слышал», второе — «при нашей памяти было», о третьем — «в книжке читал».

Вышесказанное гораздо менее характерно для представителей среднего и молодого поколения, обучавшихся в советской школе и испытавших на себе сильнейшее воздействие средств массовой информации. Устная традиция все более утрачивает свою некогда определяющую роль в складывании исторических знаний.

Коллективная историческая память — так же, как и индивидуальная — имеет свои гендерные характеристики. Память женщины чаще всего представляет собой историю частной жизни, историю семьи. Мужская коллективная память, что важнее для нашей темы, в гораздо большей степени сохраняет «историю героев», события в жизни государства и т. п. Мужчины точнее в локализации места событий, их хронологической последовательности, хорошо ориентируются в географии (женщины обычно не придают этому значения). Исследователи гендерного аспекта исторической памяти [2] сходятся в том, что память женщин — эмоциональнее и рефлексивнее (иногда — со склонностью к морализации), а мужчин — логичнее, согласованнее, событийнее. Как пример «мужского» варианта памяти приведем запись рассказа одного из рязанских старожилов, сделанную в 1989 г.: «Обучили в 1915 г., в 16-м в зиму на фронт, товарищи легли, в 16-м воевали при царе, в 1917 — я за партию большевиков».

Трудности реконструкции «народной версии» истории связаны в основном с тем, что в воспоминаниях информаторов воссозданию целостной картины мешает «забытое» со временем. Кроме того, обрушившийся мощный поток информации в постсоветский период, непривычный для людей, воспитанных на идеологически дозированной информации,

довольно часто приводит к неуверенности в оценках прошедших событий. Один из наших собеседников, прочитавший в газете о расстрелах крестьян в 1930-е гг., недоумевал: «Что же это такое? У нас выселяли, притесняли, но не расстреливали… читаю газеты — то не верю, то верю, Бог его знает».

В памяти жителей Рязанского края отложились многие пласты и эпохи отечественной истории. Большинству наших информаторов свойственно представление об исконности расселения русских на территории Рязанщины. О том, что был дославянский период в истории региона, упоминают лишь местные краеведы. Один из них характеризует этногенез населения края следующим образом: «Мордовские племена приняли славянские имена. В основе — русские, плюс мордва, татары, монголы».

Отметим живучесть древней эпической традиции на рязанской земле. Обращение к трудам корреспондентов ОИРК 1920-х гг. свидетельствует, что легенды и предания о богатырях, разбойниках и кладах перешли в XX в. В 1920-е гг. жители дер. Аксёново Рязанского у. связывали свое происхождение с именем богатыря Аксена, а жители с. Борец Сапожковского у. с именем сильного человека — борца, жившего когда-то на горе, названной в честь него [3].

Старики с. Мелехово Касимовского у. передавали, что бывший на месте их села городок раньше был «гнездом» разбойника Мелехи, имевшего брата Тереху, который жил в с. Терехово. У братьев был топор, которым они в случае нужды перебрасывались (на расстоянии 30 верст). Этот общий для эпоса типологический мотив был довольно широко распространен. В Касимовском у. в народе была жива легенда о Добрынине острове. В четырех верстах от с. Рубецкое существовал остров «Добрыня», а между дер. Сидорово и с. Токарево — гора «Володина». Там жили богатыри Добрыня и Володя, которые также перебрасывались топорами. Добрыня со своей шайкой грабил купеческие суда, идущие вниз по Оке. Благополучно миновавшие Добрыню приставали у с. Малеево и служили благодарственные молебны, поэтому первоначально Малеево называлось «Молебново» [4].

Название «Борыкиной дороги», разграничивавшей Тамбовский и Козловский уезды и известной по архивным данным с XVII в., связывали с именем атамана Борыки. Название с. Инякино Спасского у. возникло по имени разбойника Иняки, жившего в той же местности [5], и т. д. Сохранилась, разумеется, и память о рязанском «вельможе» Евпатии Коловрате и его «полке». В конце 1920-х гг. в Мосоловской вол. Спасского у. были уверены, будто бы он жил на Урсовском городке [6].

Памятной эпохой для жителей края оставалось ордынское нашествие. По наблюдениям известного собирателя фольклора Н.Я. Аристова, на Рязанской земле, особенно близ Касимова, «издавна ходили предания о нашествии татар» [7].

Многие местные топонимы население Рязанского края возводит к временам нашествия монголо-татар. Название с. Киструс Спасского р-на жители объясняют тем, что когда-то напал на эти места хан Кис, но ему дали отпор, и он бежал как трус. Другие придерживаются версии, что бежал местный вельможа Кис, когда напали татары. Река Жрака в Михайловском р-не по одному преданию потопила (сожрала) татарского князя, по другому — в ней утонул конь хана Батыя. Название р. Мечи, на берегах которой состоялась битва с монголо-татарами, произошло от меча, «брошенного Дмитрием Донским в воду после схватки» (дер. Бражкино Рыбновского р-на) [8]. В районе г. Скопина осталось также немало топонимов, связанных со знаменитой Куликовской битвой 1380 г. и с именем князя Дмитрия Донского, например села Дмитриево, Секирино, Побединка и др. Любопытно предание о происхождении названия г. Скопина: на месте города раньше были болота и дремучие леса, и люди укрывались там от ордынских погромов. Образовывались «скопища» народа, откуда, мол, и название «Скопин» [9]. Рядом с монастырем во имя Димитрия Солунского и с. Дмитриево расположен «прощеный» колодец, около которого, по преданию, Дмитрий Донской и его воины перед битвой по русскому обычаю просили друг у друга прощения (см. т. 2. с. 310–311). Рядом с с. Кельцы того же уезда (района) еще в 1920-е гг. показывали камень, на котором сидел Дмитрий Донской перед походом.

В с. Селезеново Спасского у. рассказывали, что когда «хан покорил рязанское войско и взял Старую Рязань, то по его приказу к христианским крестам были прибавлены магометанские полумесяцы, которые сохранились до сих пор» [10]. В 1920–1930-е гг. продолжали бытовать исторические предания и песни о борьбе русских с Ордой. Здесь же, на Старо-Рязанском городище, была записана народная песня «Басурманов рать несметная, на пути в Торчин град, все пожгла село Селезеново. Кто в полон попал, кто на поле пал. Был великий плач на Вереюшке об убитых братьях, сестрах, родном батюшке...» [11]. Как видим, эта песня — местного происхождения; события, в ней воспетые, происходили непосредственно в Селезенове. Тем самым рязанский контекст был вписан в общерусскую историю, что, несомненно, способствовало длительному и устойчивому бытованию данного фольклорного произведения.

В Ряжском у. передавали предание о крепости, защищавшейся от монголо-татар, а при впадении р. Пры в Оку показывали захоронения славян и татар [12]. В 20 верстах от Рязани, недалеко от селений Ходынино и Баграмово (ныне это Рыбновский р-н), в 1378 г. Дмитрий Донской сражался с монголо-татарами на р. Воже. В конце 1920-х гг. рассказы о битве широко бытовали в тех местах, жители показывали большие курганы при с. Ходынино и соседней дер. Сидоровка, а также следы укреплений вблизи Полтева, Сидоровки и Шишкина [13]. В начале 1990-х гг. удалось зафиксировать лишь некоторые фрагментарные воспоминания.

В наши дни о нашествии монголо-татар рассказывают жители с. Ижеславль Михайловского р-на, с. Терехово Шиловского р-на, сел Большие и Меньшие Можары Сараевского р-на. Около с. Чернава Милославского р-на (бывшего Скопинского у.) есть местечко «Беседки», где, как уверяют жители, Дмитрий Донской собирал военный совет (беседу) и принял окончательное решение переправиться через Дон и биться с татарами.

Память о противостоянии ордынскому завоеванию работает на поднятие значимости региона в русской истории. Руководство Рязанской обл., журналисты, краеведы напоминают жителям о том, что Рязань приняла на себя главный удар монголо-татар, что Старая Рязань — единая братская могила. Битва за Старую Рязань, как и вся борьба с ордынцами на территории края, раздвинула рамки местной рязанской истории до масштабов общерусских.

После освобождения от ордынского ига слово «татарин» для всех русских, особенно в южных регионах, продолжало оставаться обобщенным наименованием врага, степного кочевника. Но в большей степени восприятие этнонима «татары» зависело от межэтнических отношений в той или иной местности. Характерен в этом отношении пример Касимовского р-на.

В 1152 г. Юрий Долгорукий основал Городец Мещерский, который через два с лишним столетия был разрушен татарами. В 1471 г. великий князь Василий Темный отдал Городец в удел татарскому царевичу Касиму, чтобы тот защищал от кочевников русские пределы. С того времени получило свое название с. Темирево Елатомского у. — от имени татарского темника Темира, будто бы поселившегося там при Василии Темном. О татарах помнили в с. Парахино Касимовского у., где соседние курганы назывались «татарскими могилами» [14]. В 1681 г. Касимовское царство было окончательно присоединено к Русскому государству.

Наши собеседники, жители Касимовского р-на, все без исключения знают о том, что «был такой Касим». Поскольку с момента обоснования Касима в их краях начинается эпоха мирного соседства, насчитывающая более пяти веков, то и в сознании людей постепенно утверждалась мысль о мирном характере взаимоотношений двух народов. О набегах татар сохранились самые отрывочные сведения, им не придается существенного значения: «Ну... когда это было...». Отголоском стародавних дней можно считать бытующее среди русских представление о татарах, как о «более воинственном», нежели сами русские, народе. Ныне никто из информаторов не упоминает о каких бы то ни было случаях вражды, конфликтах между русскими и татарами (характерно замечание директора одной их мест-

ных школ: «Татары — народ замечательный, дружелюбный, всегда приглашали меня на свои праздники»). Специфика истории региона привела к трансформации традиционного этнического стереотипа, явилась стабилизирующим фактором воздействия на межнациональные отношения. Заметим, что данная ситуация довольно схожа с сибирской, где восприятие этнонима «татары» как наименования врагов также коренным образом изменилось в результате многолетнего дружеского сосуществования. В сознании местных русских даже утвердилось представление о мирном характере присоединения Сибири [15].

Информаторы из г. Касимова рассказывают, что русские и татары активно торговали. Татары «покупали лошадей на колбасу, мясо», в период НЭПа «продавали лошадей, лук меняли на хлеб». До революции русские иногда «ходили к татарам работать на земле». Татары «жили побогаче», большинство из них были торговцами. По слегка ироничному замечанию одного из старожилов, они «всегда любили более элегантный труд». Некоторая часть (наиболее зажиточная) татарского населения приняла православие, что также можно рассматривать как укрепляющий фактор межэтнического взаимодействия. Процесс ассимиляции татар шел довольно медленно; лишь в 1930-е гг. «татары уже говорили по-русски». В настоящее время практически все татарское население в данном районе двуязычно, чисто татарских селений не осталось.

Воспоминания о прошлом Рязанского края группировались вокруг крупных исторических личностей. Для большинства жителей вплоть до событий 1917 г. воплощением национального и государственного могущества, вероисповедной идентичности оставались русские монархи. С ними были связаны те или иные вехи местной истории.

В конце XIX — начале XX в. корреспонденты Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева сообщали об интересе, который проявляли к Ивану Грозному жители Рязанской губ. Например, в Егорьевском у. «многие крестьяне рассказывают про Ивана Грозного» [16]. В Зарайском у. ходило предание о том, что с. Спас Дощатый получило свое начало с того времени, как Иван Грозный приказал выстроить здесь церковь во имя Спаса из досок от речных судов. Эта местность так поразила его своей красотой, что он воскликнул: «Се Фавор наш русский!» [17].

О частых посещениях Иваном Грозным тех мест на Оке долго помнили и в с. Дединово Зарайского у. [18]. По местным преданиям, село было образовано в XV в., когда после новгородского погрома сюда из опального города сослали много семейств. Доказывали это тем, что здешние улицы, дальние от центра селения (оно раскинулось почти на 5 верст), назывались «Верхними и Нижним концами» — соименно с улицами Новгорода. Показывали также сохранившиеся следы строительства сосланными новгородцами землянок, в которых они вначале жили [19].

В Дединове, богатом на исторические воспоминания, рассказывали также о соколиных охотах царя Алексея Михайловича и, конечно же, о кораблестроительной верфи 1667–1670 гг., строительстве на ней первого русского военного корабля «Орел», сожженного Стенькой Разиным [20].

Заметный след в памяти жителей Рязанского края оставил Петр Великий. Об императоре и его деяниях, судя по сообщениям корреспондентов Этнографического бюро, в Рязанской губ. ходили разнообразные рассказы [21]. В начале XX в. в дер. Ушмор Рязанского у. сохранялось предание о пребывании Петра I в близлежащем с. Гостилово (того же уезда), его охоте на соколов на острове оз. Великое, названном поэтому «Соколкой», и на полуострове, названном «Стрелицей». В с. Ловцы Зарайского у. ходили рассказы о неудачной попытке Петра I назвать село именем «Макары», и долгое время это название считалось ругательным по отношению к ловчанам. По преданию, в с. Алешня Рязанского у. в полуверсте от с. Лужки существовал дом Нарышкина, где будто бы скрывался Петр Великий во время царствования Софьи [22].

В уже упоминавшемся с. Дединово над главными дверями старинной каменной церкви св. Троицы, построенной в 1700 г., был высечен на камне государственный герб, по бокам которого изображены лев и единорог. На шести крестах церкви красовались металлические

венцы, подножием крестов служили полумесяцы. Знаки эти, по преданию, даны церкви Петром I в память его пребывания здесь и посещения этой церкви, а венцы над крестами и полумесяцы под ними служили символом торжества христиан над мусульманами по случаю взятия Петром I турецкой крепости Азов. Здесь же рассказывали, как Петр I, занимаясь кораблестроением, сделал макет судна для местных крестьян [23].

И даже на рубеже XX–XXI вв. наши собеседники старшего возраста рассказывали о «домике Петра I» на берегу Оки, о том, что царь был в Касимове, брал камень для строительства и оставил там свой бот.

Как для всех русских людей, жителям Рязанщины остался памятен 1812-й Великий год России. Уже в канун войны в Рязанской губ. «все считали Наполеона антихристом, находили на это указания в Апокалипсисе, и все ждали страшных бед и конца мира» [24]. В своих воспоминаниях Василий Дмитриевич Барков, уроженец Рязанского края, описывал, как в с. Ермишь (тогда Темниковского у. Тамбовской губ.) в 1812 г. ожидали французов: «народная скорбь была ужасная, страх обуял все души. Общий голос народа твердил: это последние времена, наступает преставление света. В великом Наполеоне зрели антихриста» [25].

Фольклор, устные рассказы о 1812 г. продолжали бытовать на Рязанщине в XIX–XX вв. Устойчивый интерес крестьян к Отечественной войне 1812 г. подтверждают сообщения, поступавшие в Этнографическое бюро кн. В.Н. Тенишева из Рязанской губ. В Егорьевском у., например, деревенские жители более, чем другими историческими сюжетами, интересовались 1812 годом [26]. В 1920 г. в с. Рыбное Рязанского у. были записаны исторические песни «Как поехал наш царь Александр свою армию смотреть», «Разорена путь дорожка от Можая до Москвы», «В двенадцатом году объявил француз войну», «Ты Россия, ты Россия, мать Россейская земля» [27].

В исторической памяти рязанских жителей о дореволюционном периоде российской истории традиционно большое место занимали и продолжают занимать войны. Воспоминания о победоносных сражениях укрепляли убеждение в непобедимости России, ее государственном величии, поднимали самооценку народа, способствовали росту позитивной идентичности.

В Этнографическое бюро кн. В.Н. Тенишева приходили сообщения об интересе крестьян к А.В. Суворову, М.Д. Скобелеву и др. В Зарайском у. те крестьяне, которым корреспондент Бюро указывал на неудачную Крымскую войну, «объясняли такой исход ее несовершенством оружия, с которым русским приходилось сражаться с хорошо вооруженными войсками союзников, а также недостатком в знающих и способных командирах» [28].

Многие наши нынешние информаторы «по наслуху» от отцов и дедов, старших членов семей рассказывали о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., русско–японской и Первой мировой войнах. Прямая преемственность межпоколенной передачи устной традиции видна из следующего рассказа: «отец рассказывал, как дед с туркой воевал… дед рассказывал, как бил прикладом в русско-турецкую войну. Тогда ничего не было, только пуля. Дед сильный был, брали сильных на войну. Если два сына, то одного берут, другого оставляют».

В с. Пеньки Пителинского р-на в 1970-е гг. на основании воспоминаний и легенд, сохранившихся в памяти местных жителей, был составлен альбом выдающихся людей села. В нем, в частности, повествовалось, что в селе жил прославленный воин, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Арсений Глухов, награжденный Георгиевским крестом. В память о его заслугах в местной церкви Преображения Господня был поставлен образ св. Арсения, который располагался слева от алтаря. Сакрализация образа воина — защитника Отечества несомненно способствовала устойчивости местной исторической памяти.

По словам информаторов, долгое время в деревнях ходили разговоры о русско-японской войне: в одном селе «барин Раевский участвовал в войне, был фельдфебелем», в другом бывшего фронтовика «звали Мукден, потому что воевал под Мукденом» и т. д. По сохранившимся воспоминаниям, в 1914 г., в самом начале Первой мировой войны, имел место небывалый и, вероятно, последний искренний всплеск монархических настроений. Однако последующий ход войны, неудачи на фронте неизбежно вели к падению авторитета Николая II.

Постепенно в окопах теплое, почти родственное «царь-батюшка» сменилось уничижительным «Николашка». Довольно типичный солдатский разговор конца войны приведен в воспоминаниях ее участников — рязанцев:

«— У нас в части настроение неважное у солдат. Никто не хочет воевать. Все так норовят домой сбежать.

— И у нас то же самое. За что воюем? Кому нужна эта война?

— Буржуям и помещикам. Мужику от нее один разор и больше ничего» [29].

Большинство сегодняшних пожилых информаторов знает о событиях Первой мировой от своих дедов, воевавших на германском фронте. Те часто рассказывали «отдельные случаи из военного времени», о Брусиловском прорыве, о трудностях со снаряжением, продовольствием в армии. Солдаты, побывавшие в плену, отмечали, «какие порядки у немцев, как там работали, сравнивали — порядки, дисциплина у них лучше». У современных жителей старшего поколения Первая мировая война вспоминается главным образом в связи с семейными преданиями о пребывании кого-то из членов семьи в немецком плену.

В ходе самой войны, да и позднее в народе были распространены следующие объяснения ее причин: поругались цари или спорят цари, кто выставит больше войска. Некоторые убеждали, что «точно и сейчас никто не знает» о причине. Схожее с первыми двумя, но более пространное объяснение причин начала войны удалось услышать в конце 1980-х гг. от информатора, который сам принимал участие в военных действиях. Приведем его полностью: «Первой напала Германия. Играли в Петергофе два царя — наш и германский. Повздорили. Германский царь сказал, что я открываю войну. Вот она и началась... Просто капитал. Повздорили... и все. Как сосед с соседом... а люди ложатся (погибают. — *А.Б.*). Вон, у меня сын так лег. И с турком также. До самой революции так и было — капитал с капиталом...».

В приведенном выше толковании причин войны переплелись традиционные воззрения и веяния нового времени. Если мотив ссоры двух царей был вполне привычен крестьянскому сознанию*, то объяснение Первой мировой войны как противоборства «капитала с капиталом» вряд ли было органичным для крестьянского мировоззрения начала XX в.; скорее всего, было заимствовано из политического лексикона того времени или представляет собой еще более позднее осмысление.

По мнению некоторых наших собеседников, помнивших предреволюционные годы, существовала прямая связь между Первой мировой войной и Октябрьской революцией: «Революция 17-го года произошла из-за войны». Воспоминания стариков — современников революции убеждают, что о февральских и октябрьских событиях 1917 г. было мало известно в народе. В восприятии этих бурных лет уживались самые полярные суждения.

С одной стороны, даже в канун революции среди российских крестьян продолжали бытовать верноподданнические представления о царе-батюшке. Государственное устройство мыслилось однозначно в форме монархии, причем монархии абсолютной («Нельзя земле без царя стоять»). С другой стороны, в конце XIX — начале XX в. народные взгляды на русских самодержцев достаточно быстро трансформировались, все более отдаляясь от безоговорочного почитания. Если образ царя в фольклорных текстах еще сохранял абстрактный мифологизированный характер (правда, уже в фольклоре XIX в. мифологичность была скорее стилистической жанровой особенностью, позволявшей придерживаться обобщенного фольклорного прототипа), то в реальной жизни верховный носитель власти оценивался взвешенно, а порой и критически.

Размыванию традиционных взглядов способствовало (разумеется, в числе прочих причин) проникновение в деревню либеральных и революционно-демократических идей. Один из наших информаторов припомнил нередкий для тех лет случай агитации: «Студент из Москвы приехал на каникулы в Елатьму: „Мужики! Как будем царя прогонять?“ Мужики не

* Во время Крымской войны 1853–1856 гг. в народе «сказывали.., будто наш император Николай не согласился французского за ровню считать» (*Станюкович К.М.* Кириллыч // Русский военный рассказ XIX–XX вв. М., 1988. С. 306).

стали с ним разговаривать, и он уехал» [30]. Несомненно, сказывалось и расшатывающее влияние отходничества на мировоззрение деревни: много мужиков, особенно северных и западных уездов, сезонно или по несколько лет работали в Москве и Петербурге.

Потеря привычных ориентиров ощущается в воспоминаниях о военной службе жителя Раненбургского у. Гр. П. Кревских: «Свергли царя. Рабочие приходили к казармам. Солдаты шли в демонстрации. Митинг. Солдаты ничего не понимали. После вернулись в казармы, поели. Солдаты собрались повзводно в своих комнатах и стали горевать, кто же теперь будет управлять народом, Россией. Немцы нас разобьют и подчинят своей власти. Мы будем у них батраками, подчиняться им, работать на них. От своих дедов, отцов и матерей, школьных учебников и в школах нас учили, что царь — это помазанник Бога. Бог на небе, а царь на земле. Каждая власть от Бога, ей и нужно беспрекословно подчиняться. Больше мы ничего не понимали и не знали. Народ сверг царя, Божьего помазанника. Как же это так? Это грех непростительный. На том свете мы за это будем мучиться в Аду вечном. Кто теперь-таки заменит царя? Кто будет управлять Россией? По вечерам рассуждали о царе, почему его свергли, если он Божий помазанник?» [31].

Другие современники событий быстрее отказывались от «груза прошлого». Отец нашего информатора видел царя во время приезда монарха в Рязань. По возвращении в деревню рассуждал: «Какой это царь? — Замухрышка». В их доме, «как водится», висела фотография царя с семьей, «но приходившие люди говорили: „Зачем эту фотографию держите?“, потому что царя не любили». Менее осведомленным (а их было большинство) [32] революционная эпоха запомнилась тем, что «портреты царей стаскивали», а уже «когда Ленин сказал — все открылось советское».

Мало понятной для солдатской, а тем более крестьянской массы, оставалась политическая ситуация в стране. В деревне после Февральской революции [33] никто не разбирался, кто такие большевики, меньшевики, эсеры и кадеты. Когда один из наших собеседников спросил своего брата об этом, тот ответил: «Большевики, так как они большие — за богатых, а меньшевики, — их меньше — за бедняков». Старик, служивший в 1917 г. в армии, вспоминал: «У нас в роте — кто за какую власть хотел».

Подобного рода доводы (порой диаметрально противоположные и взаимоисключающие), не отраженные в газетах, листовках, были довольно широко распространены в то время в народе. Это подтверждает Д.С. Лихачев, который слышал их в дни своей молодости и «запомнил совершенно отчетливо»: большевики победили отчасти потому, что они (по представлениям толпы) хотели больших перемен, чем меньшевики, которые якобы предлагали их значительно меньше. По мнению Лихачева, в данном случае вновь проявилось столь свойственное русским крайнее легковерие, которое в сочетании с предпочтением крайностей во всем «часто вызывало и вызывает до сих пор появление в нашей истории десятков самозванцев, а в 1917 г. привело и к победе большевиков» [34].

В канун Октябрьской революции наибольшим авторитетом из политических партий пользовались эсеры, поскольку они «обещали землю». Однако после принятия Декрета о земле в народном сознании утверждается мысль о том, что землю дали большевики: «мы поделили… и земля по едокам пошла».

Жителям Рязанщины остались памятны первые послереволюционные годы. Гражданскую войну вели «против помещиков за землю» (это объяснение часто звучало в 1920-е гг., да и позднее). Данную точку зрения подтверждают фольклорные записи о том периоде. Например, В.И. Чапаева, как народного героя, «любили за смелость, за простоту… за то, что он стоит за землю, за свободу» [35].

Уже позднее советской историографией была навязана официозная версия установления Советской власти в Рязани — быстро, мирно и без кровопролития. В дневнике И.И. Проходцева (историка, активного члена Рязанской ученой архивной комиссии, в период с 1915 по 1917 г. — правителя канцелярии рязанского губернатора) разворачивается абсолютно иная картина, фоном которой было непонимание основной массой населения происходивших событий, разгул низменных страстей, воинственное бескультурье, атмосфера страха [36].

Судя по сохранившимся воспоминаниям современников, крестьянские восстания в 1917–1918 гг. имели в губернии довольно широкое распространение: они прокатились в Пронском (особенно), Сапожковском, Михайловском, Рязанском, Спасском, Сасовском, Зарайском уездах и в южных: Ряжском и Раненбургском. Вооружившись ружьями, вилами, топорами, крестьяне громили волостные советы, избивали представителей советской власти. Продвигались восставшие по линиям железных дорог. Для подавления мятежей вызывали подмогу из Москвы [37].

В Елатомском у. в декабре 1917 г. к власти пришли эсеры и меньшевики. Местная помещица Мария Андреевна Попова, которая «всем владела в Елатьме», на свои средства содержала белогвардейские отряды. По свидетельству ее тогдашних противников — большевиков Е.И. Кузьмина, Д.П. Панкратова, И.К. Царева, всех белогвардейцев уничтожили, но «купчихе-миллионерше Поповой удалось убежать только за счет богатого подкупа азеевского татарина, который вывез ее из Елатьмы за золото, переодев в татарское платье» [38]. Сегодняшние елатомские старожилы дополняют картину: «Мария Андреевна укатила на Гуд, Выксу, за ней началась погоня, догнали, произошла стычка, убили некоторых, ее саму уже в Москве прихватили… народ жалел, хорошая была барыня».

Другие старики, участники тех событий, повествуют о том, как в 1918 г. «по селам раздали винтовки крестьянам», что «в гражданскую войну воевали с Сасово. Они не признали советскую власть, мол, это — наша собственность. Нет — это государственное» и т. д.

Период НЭПа запечатлелся в памяти как время, когда «землю дали, луга дали». В деревнях «пекли хлеб из отбельной муки», появились товары, зашумели базары. В Елатьму на ярмарки, которые собирали до 10 тыс. человек, приезжали китайцы «с картинами». Жительница с. Дединово Зарайского у. М.П. Немова вспоминала, что «как только появился НЭП, откуда все взялось». Жизнь улучшилась. В селе приезжие из Коломны и даже из Москвы «пооткрывали лавки и трактиры даже с музыкантами… над площадью стоял гул от множества голосов… в губернии всего стало много, а покупать опять было не на что, получилось затоваривание; правда, хлеба было вдоволь» [39]. Современные нам сельские жители, вспоминая НЭП, говорят, что тогда «слава была, а таперича, как говорится, зачахла».

Самый глубокий след в сознании местных жителей оставила эпоха коллективизации. В Рязанской губ. (тогда — Рязанском округе Московской обл.) колхозы начали возникать в конце 1920-х гг. Апогей коллективизации пришелся на несколько месяцев начала 1930 г. Процесс вступления крестьян в колхоз формально имел добровольный характер: «кто идет, кто —не хочу». Однако на деле нежелающим создавали такие невыносимые условия, что люди были вынуждены вступать.

«Врастание» в колхозы в Рязанском округе (как, впрочем, и в других регионах), несмотря на открытое проявление недовольства, протесты, а в некоторых селениях и восстания, не приняло масштабы новой, после гражданской, братоубийственной войны. По-видимому, дело не только в мощи и изощренности огромной карательной машины, но, прежде всего, в крайней психологической усталости населения от социальных катаклизмов.

И все же по краю прокатилась волна открытых массовых выступлений против власти и ее политики [40]. Крестьянские выступления продолжались и летом 1930 г., однако положение в деревне постепенно стало стабилизироваться. Сплошная коллективизация завершилась в Рязанском крае только в 1935 г.

Обращение к оперативным сводкам ОГПУ выявляет различное отношение к коллективизации (как, впрочем, и сейчас) разных слоев деревенского люда. Если значительная часть батраков и бедняков воспринимала колхоз как выход из нищеты, то для более состоятельных и трудолюбивых крестьян (кулаков и середняков по тогдашней терминологии) это время стало истинной трагедией. Вот отрывок из воспоминаний директора Рязанского архива С.Д. Яхонтова, арестованного в 1929 г.: «Началась беспощадная, насильственная ломка старого деревенского быта. Результат этой борьбы — переполненные тюрьмы с октября и ноября 1929 г. Посидев четыре месяца, я понял, что большинство „тюремных“ — хозяйственные люди, отстаивавшие и личную свободу, и свой быт… Лодырей не встречал я среди них… Все это народ не преступный, в большинстве не отдававший себе отчет: в чем же их вина?» [41].

Рассказы об «эпохе колхозов» активно бытуют в рязанской деревне по настоящее время. Практически каждый из опрошенных нами сельских жителей на вопрос о коллективизации либо поделился воспоминанием, либо высказал суждение. Жительница Елатьмы, до войны проживавшая в с. Ардабьево Касимовского р-на, с уважением отзывалась о поступке тогдашнего председателя колхоза Ф.В. Закаречкина. Узнав, что на следующий день будут раскулачивать, он «сообщил односельчанам: весь хороший люд –– скрывайтесь. Тем, кто пришел к нему за помощью, выдал середняцкие справки. Многие успели уехать. Из оставшихся никто не выдал председателя».

Другая наша современница дает следующую оценку событиям начала 1930-х гг.: «Это была волна — трудолюбивых людей на север ссылать». Многими местными жителями осознается неправомерность отнесения к кулачеству среднезажиточных крестьян: «Три лошади — уже кулак»; «Два дома раскулачили… фактически ни за что… это были трудяги, никого не нанимали»; «Если лошадь есть, пашут, работают — значит кулак… какой кулак он?»

В уже приводимых воспоминаниях М.П. Немовой повествование о тех годах окрашено в самые эмоциональные краски: «Как дошла до описания о раскулачивании, даже и писать не хочется… У нас отобрали все. Делегатки из бедноты описывали все, что в сундуках, куда-то вывозили и после уже были слухи, многое растащили по себе. А ведь сколько было зажиточных семей, куда все это делось, сколько добра?! Это было зимой 1929/30 г. Забрали священников, кулаков (а какие кулаки, труженики с 1917 г. трудились без наемного труда?)» [42].

Разумеется, сохраняются, особенно на фоне отмирания деревенского уклада в наши дни, и противоположные оценки. Бывшие жители с. Малая Алешня Ряжского р-на о жизни в местном колхозе рассказывают в самых теплых словах. После того, как в конце 1920-х гг. пятью семьями там была образована коммуна «Коминтерн», «стали жить лучше других, весело; был хор, оркестр струнных инструментов, футбольная команда, роскошные сады». Праздник Октябрьской революции «коммунары» называли — «наш престол» (см. с. 567–568).

Многие говорят, что хотя временами и было голодно, но жили весело, работали как на себя, хотя на трудодни ничего не получали. И как «золотой век» русской деревни люди вспоминают брежневское время.

И все же спустя семьдесят лет можно, пожалуй, констатировать, что эпоха коллективизации получила в сознании крестьян преимущественно отрицательную оценку. Крестьянин дер. Скобелево Касимовского р-на, разговорчивый и дотошный старик, отвечая на вопрос о коллективизации, обошелся одним словом: «Та-ра-рам» [*]. Даже прокоммунистически настроенные информаторы признают, что коллективизация — «страшный перегиб».

Большинством сельского населения четко понималось и понимается, что именно с появлением колхозов постепенно народ стал утрачивать чувство хозяина своей земли, то чувство, которое веками культивировалось в русском крестьянине и являлось существенной органичной частью его натуры. С тоской вспоминают, как «раньше работали — с душой, трудолюбиво, честно». Ведь после «эпохи колхозов» последовала вторая волна раскрестьянивания — в конце 1950 — начале 1960-х гг. (см. с. 142–145) Начался сильный отток селян в города, молодежь не желала причислять себя к крестьянству. По мнению некоторых, в итоге «добили крестьянина, земля не нужна стала». Самый пожилой из наших собеседников «в прошлом году ездил за реку, смотрел покосы, думал, сердце не выдержит».

Рассказам о коллективизации почти неизменно сопутствуют сетования на закрытие и уничтожение церквей, преследования верующих. В с. Дединово «до раскулачивания, примерно в 1922 г., разграбили все церкви, именно разграбили, иначе не назовешь… А колокольня-то была шатровая, было предание, что она была построена до Ивана Грозного» [43].

---

[*] Вспоминается похожий случай из экспедиции 1986 г. в Вожегодский р-н Вологодской обл. В дер. Тинготома три порознь опрошенные пожилые женщины на вопрос о колхозах реагировали одинаково –– отмахивались, не входя в детали, и говорили: «Катастрофа». Через некоторое время то же самое слово было услышано от единственного в деревне старика. Старик этот считался грамотным и умным мужиком, поскольку служил на флоте и многое повидал. Он и принес с собой непривычное для крестьянского уха слово «катастрофа», которое стало употребляться остальными жителями этой маленькой северной деревни применительно к коллективизации.

Вспоминают, как в деревнях проводили антирелигиозные диспуты. Священники, «в большинстве враждебно настроенные против советской власти», и некоторые из крестьян защищали церковное учение. Работники райкома партии выступали против церковников, «масса народа с большим вниманием слушала эти споры».

В начале 1990-х гг. бывшая жительница Ардабьева вспомнила, что когда уже перед Великой Отечественной войной разрушали церковь Владимирской Божьей Матери, «народ вышел с вилами». Несмотря на это, «колокол свалили», но уцелевшие иконы «растащили по избам» (аналогичные рассказы бытуют фактически в каждом из селений, где разрушали приходскую церковь). В помещении ардабьевской церкви открыли клуб, в котором «комсомольцы два года плясали… сделали насмешку — разыгрывали венчание». Вскоре «люди не выдержали и начали их колотить». В результате клуб закрыли; через год, в 1941 г. он вновь начал функционировать.

По свидетельству елатомского краеведа А.А. Александровского, при снятии крестов и колоколов с церквей собирались тысячи людей; «когда активисты, коммунисты и комсомольцы сжигали в Елатьме церковные архивы, население воспринимало это с величайшею болью».

Власть сознательно делала ставку не только на крестьянскую бедноту, но и на нетерпеливую, более склонную к переменам радикальную молодежь, которая, безусловно, преобладала среди сельских активистов, уполномоченных, «безбожников». Один из наших собеседников, тогдашний молодой комсомолец, вспоминал: «Председатель колхоза Марков заплатил нам — Аполлонычу-баптисту, Горькову и мне — пять тысяч за то, чтобы сняли крест с церкви», что и было сделано. В тот момент всем троим было всего по 17–25 лет.

Показательно, что жена информатора при его рассказе крестилась и повторяла: «Ироды проклятые». Другие случаи также показывают, что до наших дней в деревнях сохраняется отрицательное отношение к людям, проводившим на местах борьбу с религией. В газете «Православный Раненбург» приведен случай раскаяния одного из таких активистов. В 1935 г. закрыли храм св. Александра Невского в с. Соловыя, через два года сбросили кресты и колокол. «Тот, кто разрушил храм, перед смертью, когда ему предложили пригласить священника, сказал: „Я бы и не против, но так как я прожил жизнь басурманина, таким я и уйду в другой мир“» [44].

Коллективизация явилась переломным моментом: в 1930-е гг. в бедах деревни все чаще обвиняли коммунистов: «Разве это власть..? Дерет беспощадно. Сперва драла с господ, теперь стала драть с мужиков». Могли исполнить частушку: «Кто сказал, что Ленин умер? Я вчера его видал: без порток, в одной рубахе, пятилетку выполнял» [45].

В наши дни, особенно среди стариков, встречаются оценки сравнительного характера, сопоставление «царского» и советского времени: «Раньше к земле удивительное отношение, красота, церкви». Свой рассказ о прожитых годах наш информатор подытожил: «Тяжело и при царе, и при советской власти», затем сразу добавил: «Пятьдесят восьмая — подлая статья». Ощущение несправедливости сохраняется и поныне. Недоумевают, как местному крестьянину в 1934 г. дали 10 лет за комментарий к убийству С.М. Кирова: «За правду расстреляли!»; другого осудили на пять лет, поскольку он заступился за сына ранее репрессированного односельчанина; еще один наш собеседник сокрушался, что его мать посадили, когда та выразила недовольство по поводу отсутствия выходных, и т. д. Пожилой крестьянин, вовсе не склонный к критике коммунистического времени, тем не менее признает: «Тогда НКВД — вторая власть, а может первая. Против лома нет приема. Они творили, что хотели».

Приведем два высказывания, в которых, на наш взгляд, отразилась двойственность народного отношения к советской власти. Старик-крестьянин в конце XX в. говорил: «Советскую власть сначала приняли — дали землю, в разных местах на сохе пахали, налог — уже тяжеловато, потом, после колхозов — отвернулись». Другой рассказчик подчеркнул: «Несмотря ни на что (т. е. даже после коллективизации. — *А.Б.*), к Советской власти все равно хорошо относились».

В первой оценке очевидно стремление человека, не порвавшего с крестьянской традицией, разобраться во взаимоотношениях народа и власти, прежде всего с точки зрения решения главного для крестьянства вопроса — вопроса о земле. Второе мнение, на наш взгляд, больше отражает фактор времени, естественный ход событий. В 1920–1930-е гг. выросло, получило образование и было подготовлено к трудовой деятельности новое поколение — в основном дети рабочих и крестьян. Они в максимальной степени испытали на себе влияние революции и коммунистических идеалов. Это были самые дееспособные члены общества, которые уже к концу 1930-х гг. осознавали себя советскими людьми. Да и для более старшего поколения советская власть постепенно становилась своей.

Довольно противоречивы суждения жителей Рязанщины о роли И.В. Сталина в коллективизации и в Великой Отечественной войне, да и в истории страны в целом. Как точно заметил один из рязанских краеведов, «в сознании людей того времени это (имеется в виду Сталин. — *А.Б.*) — было все. Изменение отношения происходит только сейчас».

Среди наших современников наряду с типичными односложными высказываниями о том, что «при Сталине был порядок», встречаются попытки осмысления иного рода: «При Сталине мы были рабы, трудолюбиво, честно работали, поэтому в городах было много еды». Некоторые в духе традиционных народных представлений уверяли, что «Сталин не виноват, это около него свили гнездо всякие проходимцы… ну как и сейчас».

Крупнейшим событием общенационального масштаба в советский период явилась Великая Отечественная война. Разумеется, ее участники часто вспоминали, как шли в бой с кличем: «За Родину, за Сталина!», однако войну, по мнению большинства опрошенных, выиграл народ под руководством командования. Особенно памятны имена Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева и других военачальников. Некоторые наши собеседники высказывали суждения об их взаимоотношениях: «Рокоссовский с Жуковым были, похоже, товарищами»; «Жуков со Сталиным совещались»; «Один Жуков не боялся Сталина». В последней формулировке нетрудно уловить еще одну характерную особенность массового сознания. Со времен былинной Руси народный вожак, полководец нередко противопоставлялся верховному правителю. Илья Муромец представал в фольклоре защитником князя Владимира от вражеских набегов, мудрость М.И. Кутузова и расторопность М.И. Платова выгодно отличали их от растерявшегося Александра I и т. д. Не удивительно, что один из наших информаторов со всей определенностью уверял, что «Сталин из Москвы не выезжал, Жуков — на фронте все время».

Наибольшим почитанием пользуется у современных жителей маршал Жуков. Сохранившийся в исторической памяти образ Жукова, как и фольклорный Суворов, сочетает в себе полководческое искусство и демократизм поведения [46]. По словам крестьянина-участника войны, Жуков «объезжал все фронты в простой шинелишке». В данном случае налицо прямая преемственность образа Жукова от великих полководцев прошлого — А.В. Суворова, М.И. Кутузова, М.Д. Скобелева.

Жители Рязанщины довольно часто и охотно рассказывают о патриотизме земляков — солдат и офицеров, о народных настроениях в период войны. Наш собеседник вспоминал, что о начале войны он узнал через 8 часов на городской площади и сразу отправился в военкомат. Когда его признали негодным к строевой службе и «оставили до особого распоряжения», ему «было горько и обидно», так как «было большое желание идти отслужить». Слушая объявление о начале войны, многие шумно возмущались, что «немцы поступили подло… В армии, хотя и встречались отдельные пораженческие настроения, паники не было — наша армия была предана Родине».

По многочисленным свидетельствам, на фронте и в тылу «паники не было, что немец возьмет… народ никогда не принимал насильственной войны, поэтому фашизм не мог прижиться». Безусловно, случались на войне капитулянтские настроения, дезертирство и предательство, да и просто обычное приспособленчество. Но если задуматься о факторах победы в Великой Отечественной войне, то следует признать, что роль важнейшего из них сыграл дух того самого довоенного поколения, о котором мы уже упоминали особо. Даже из

непродолжительных бесед с его представителями становится очевидным, какой внутренней стойкостью обладали эти, по характеристике ученого А.А. Зиновьева, психологические, идеологические и романтические коммунисты [47]. Именно их поколение и выиграло войну, победило самого страшного и сильного врага в истории человечества.

По воспоминаниям старейшей жительницы г. Ряжска, в тылу во время войны «работали на износ, пытаясь достичь все больших результатов. У нас была цель спасти и не дать умереть нашим сыновьям и мужьям с голоду. Работали мы не только днем, но и ночью, иногда не спали сутками. Уставали так, что казалось — вот-вот упадешь и больше не встанешь. Нас согревала и воодушевляла мысль о том, что там, на войне близкие нам люди, и мы им нужны» [48]. Крестьянки старшего поколения рассказывают, как на себе пахали, так как лошадей забрали на фронт. Излишне говорить, что известие о капитуляции фашистской Германии и окончании войны привело «к таким радости и ликованию, что описать трудно и почти невозможно». В рассказах о тех днях отчетливо проявились гендерные особенности исторической памяти. Большинство женщин предпочитают передавать эмоциональную окраску момента — безудержную радость, а потом плач, а мужчины сдержаннее и информативней вспоминают обстоятельства Победы.

Память о войне живет на Рязанщине и в наши дни. 9 мая 1999 г. в эфире «Радио России» журналистка Маргарита Лянге обратилась к школьникам с предложением рассказать — за что их родные получали награды в годы Великой Отечественной войны. Результат превзошел все ожидания. Редакция получила почти 17 тыс. писем, полтора года лучшие истории еженедельно звучали на «Радио России» в программе «История боевой награды». В разных регионах эта акция памяти приняла форму фестивалей, конкурсов и конференций, где-то даже открылись школьные музеи. Много писем было прислано из Рязанской обл. [49].

До сегодняшнего дня в Рязани массово празднуют День победы 9 мая. Жители гордятся вкладом Рязанщины в общенародную победу, тем, что среди рязанцев много Героев СССР, а администрация области «держит марку» и культивирует эту гордость.

Первые послевоенные годы были, по общему мнению наших информаторов, самыми тяжелыми. Колхозники С.С. Жижов, Н.И. Букреев, А.С. Николаев оставили воспоминания о жизни в рязанской деревне тех лет, засухе в 1946–1947 гг.: «Крестьяне жили суррогатами и лебедой. Пекли „лебединые лепешки“. Если в лебеду добавляли побольше ржаной муки (1:1), то выпекали „хлеб“, и это уже считалось действительно хлебом, вкус которого, правда, забыли за годы войны». В полях находили гнилую картошку, оставшуюся с осени. Эти картофелины в народе звали — ковырки, деруны, лейтенанты, офицерики, квадрашки, ландушки и др. Когда и этого не было, делали муку из желудей, но после еды «сначала вздувался живот, потом опухали руки и ноги» [50].

Восстановительная работа кипела, и постепенно, «через два года все поправилось». Характерно высказывание нашего информатора — бывшего фронтовика. Демобилизовавшись 4 июля 1946 г., он «отдохнул, и отдохнувши» (как он выразился), вышел на работу менее чем через месяц. Отдыхать пришлось немного, а, скорее всего, и не было такой возможности — прийти в себя после долгих военных лет.

Принципиальный поворот к лучшему, по мнению многих наших информаторов, произошел с середины 1960-х гг., а в 1970-е — «хорошо обустроились люди, словом, сложилась нормальная жизнь на селе, стало много молодежи, построено достаточное количество школ и клубов». Рассказывают, что техники стало много на полях, «дома новые, мебель… дети изо рта пряника не вынимали». Одним словом, «в брежневский застой потихоньку жить можно было». В наши дни, как считают старики, тоже «жить можно, да работать никто не хочет… семейный подряд, аренда — некому, молодежи нет… А вообще сбивает людей с толку телевидение…»

Исторические взгляды, которые мы попытались охарактеризовать, входили составной частью в самосознание, формировали идентичность населения Рязанщины. Это подтверждают и результаты этносоциологического исследования, проведенного в 2002 г.

в городской (в основном в поселках городского типа) и сельской местности (см. с. 15). Приведенные данные характеризуют некоторые аспекты проявления исторической памяти и самосознания рязанцев в современных условиях.

На вопрос «Кем Вы себя осознаете?» нами были предложены несколько вариантов ответов — русский, россиянин, православный, рязанский житель, житель какого-то определенного села, города, другое. Памятуя о том, что сознание людей, как правило, многоуровнево и различные виды сознания могут сосуществовать, респондентам предлагалось распределить свои ответы по значимости. Выяснилось, что в группе ответов, поставленных на первое место, прежде всего русскими себя осознают 56%, православными — 24%, россиянами — 10,7%, рязанскими жителями — 8% и жителями какого-то села или города — 1,3% ответивших.

В группе ответов, поставленных на второе место, приоритеты распределены следующим образом: 38,8% осознают себя православными, 26,5% — русскими, 16,3% — рязанскими жителями, 14,3% — россиянами и 4% — жителями определенного села, города и т. д. Таким образом, в вопросе самоидентификации большинство опрошенных рязанцев в начале нового тысячелетия на первое место выдвигают свою этническую принадлежность, а потом — конфессиональную.

Постепенно конфессионим «православный» возвращает свое былое значение. На тему идентификации приведем мнение 83-летнего информатора: «Обычай мы должны соблюдать. Раз русский, значит православный. Мои родители были верующими. Есть ли Бог, нет — мы не знаем, но так нам дано судьбой — мы должны верить. Не нами заведено, не нам отменять! Я не верую, но православный, потому что крещеный. А „россиянин“ — придуманное, русский есть русский, татарин — татарин».

Как мы уже отмечали в начале работы, память о прошлом практически всегда выстраивалась вокруг ярких личностей. В этом убеждает изучение национального самосознания русских в историческом аспекте [51] — чем больше народных героев сохраняется в сознании людей, тем оно устойчивей, тем крепче сама народная жизнь.

Самыми выдающимися людьми России за всю ее историю, по мнению жителей Рязанского края, являются: на первом месте — Петр I, на втором — полководец Жуков, далее следуют Суворов, Кутузов, Ленин, Сталин [52].

Отдельно были проинтервьюированы старшеклассники. Самыми крупными личностями российской истории стали те же персонажи, с той лишь разницей, что в шестерку упомянутых школьниками лидеров вошел, причем поставлен на почетное второе место, почти сравнявшись с Петром I, бывший в тот период президентом России В.В. Путин. У взрослого населения он имел меньший рейтинг, но среди современных общественных и исторических деятелей вышел на первое место.

Из русских царей и цариц, кроме Петра, в анкетах взрослого населения чаще других упоминаются Екатерина II, Николай II, Александр II и Иван Грозный. Старшеклассники обнаружили те же предпочтения, добавив к перечисленным Алексея Михайловича, Елизавету Петровну, Петра III, Павла I, Александра I, Николая I, Александра III.

Региональное рязанское самосознание [53] наших респондентов опирается на имена знаменитых земляков. В анкетах их было названо более 50. Самыми выдающимися людьми Рязанского края признаны: на первом месте — поэт С.А. Есенин, второе-третье места были отданы Феофану Затворнику и физиологу И.П. Павлову (Феофана Затворника чаще называли жители городской местности), совсем немного отстал К.Э. Циолковский. У старшеклассников выявились те же приоритеты, причем «отрыв» Есенина от остальных гораздо значительнее, нежели у взрослых респондентов.

Самое непосредственное отношение к народному самосознанию имеют те образы и символы, которые дороги русским, с которыми они ассоциируют свои национальные чувства. В историческом фольклоре XVI–XIX вв. четко прослеживались поэтические олицетворения Русской земли, Русского государства. Это и *Россиюшка*, и *мать-сторонка*, и *Москва — всей Рассеюшке красота*. Москва в народном сознании была православной столицей русских, общегосударственным символом.

Нашим респондентам был задан вопрос: «Что значит для Вас Москва?» 45,7% неальтернативных ответов жителей городской и сельской местности вполне соответствуют тому, как ответили бы их предки: «Москва — это столица России, сердце и гордость всей страны». В 13% ответов отмечена роль Москвы всего лишь как административного центра. Формулировка «город, высасывающий средства из всей страны», встречается в 28,3% неальтернативных ответов, и 8,7% ответов характеризуют Москву крайне отрицательно, как средоточие пороков, город-монстр.

Анализируя полученные результаты, следует иметь в виду, что активизация национальных символов всегда происходила в периоды общественных потрясений, войн, критических моментов в жизни государства (это и отразилось в историческом фольклоре, прежде всего в военно-исторических песнях). Несомненно, позитивным надо считать тот факт, что Москва, как традиционный символ российской государственности, все-таки свои позиции сохраняет.

В этническое самосознание входят и представления о типичных чертах своей общности. Положительными чертами характера русских людей жители городской и сельской местности назвали доброту, потом щедрость (городская местность) и гостеприимство (сельская местность) [*], на третьем месте у жителей городской местности «расположились» широта души и трудолюбие, а у сельчан — простота и трудолюбие. Именно эти качества формируют в глазах современных рязанцев позитивную идентичность, наличие которой является непременным условием функционирования любой общности.

Для сравнения приведем некоторые характеристики из обследований народной жизни, предпринятых в конце XIX в. Русский народ — «храбрый и образованный», он «хитрее, знает, как воевать, обойтить, подобраться ловчее». К тому же «нет веры сильнее нашей», «русский народ друг за друга помрут, а все-таки неприятелю не дадутся» [54].

Таким образом, сила России заключалась не только в государственной мощи и богатстве, но и в людях, ее населявших — пусть и не очень образованных и повсюду опаздывающих, зато бескорыстных, щедрых, храбрых, готовых друг за друга живот положить, никому не поддающихся, весь мир кормящих [55].

Очевидно, что типичные черты любой общности определяются характером ее культуры. На протяжении многих столетий Россия была православной крестьянской страной, а наш народ — народом-христианином (крестьянином), как он сам прозвал себя. Никакой другой народ в мире не называл себя по вере, только русские. Даже сегодня большинство россиян — это или крестьяне, или их дети, или их внуки. И обретение норм, навыков, других элементов этого потерянного мира часто оказывается открытием заново самих себя. Один из наших информаторов, человек советского склада, о своем отце-крестьянине высказался следующим образом: «Отец прожил 73 года, слова „черт“ не произнес. Носитель деревенской культуры — искренней».

Главными отрицательными качествами признаны пьянство, лень и зависть. Причем, если пьянство и лень имеют в анкетах жителей городской и сельской местности примерно одинаковые показатели, то зависть как негативную черту больше отмечают у своих соседей сельчане.

Сравнение самооценок жителей Рязанского края (в отношении «своих», местных особенностей, черт характера и качеств) с таковыми же общерусскими выявляет практически полное их совпадение. Подавляющее число ответов (более 70%) на вопрос «Есть ли у жителей Вашего селения черты характера, отличающие их от русских вообще?» свидетельствует об отсутствии таковых. Это, на наш взгляд, наряду со многими другими факторами, несомненно, свидетельствует об осознании рязанцами общерусского единства, а также осознании своего прошлого и современности как части истории и общественной жизни всей России.

* Понятия щедрость и гостеприимство, безусловно, различаются, однако, думается, если учесть разницу в городском и деревенском быте, респонденты имели в виду в общем-то одно и то же.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См., например: *Репина Л.П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5; *Савельева И.М.* Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. М., 2005; *Кознова И.Е.* Исследование памяти крестьянства как способ познания феномена исторической памяти // Историческое знание и интеллектуальная культура. Материалы науч. конф. М., 2001.

2 См., например: Мужской сборник. Вып. 2. «Мужское» в традиционном и современном обществе. М., 2004; *Пушкарева Н.Л.* Андрогинна ли Мнемозина? (Гендерные особенности запоминания и исторической памяти) // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001. С. 274–304.

3 *Мансуров А.А.* Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 34 (Труды ОИРК. Вып. XXII).

4 Там же. С. 16; в с. Старая Рязань также ходила легенда о богатырях, перебрасывавшихся общим топором (рукопись 1900-х гг.). См.: Там же. Рязань, 1930. Вып. 3. С. 24 (Труды ОИРК. Вып. XXVI).

5 Там же. Рязань, 1928. Вып. 1. С. 5 (Труды ОИРК. Вып. XV); вып. 2. С. 8; вып. 3. С. 7.

6 Там же. Вып. 2. С. 27.

7 *Аристов Н.Я.* Предания об исторических событиях и лицах // Исторический вестник. 1880. Кн. 3. С. 15.

8 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Рязань, 1930. Вып. 4. С. 9 (Труды ОИРК. Вып. XXXIX).

9 Там же. Вып. 3. С. 25.

10 *Королев Т.М.* Село Селезеново Спасского уезда и его прошлое в народном предании // Вестник рязанских краеведов. Рязань, 1923. № 1. С. 21.

11 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 3. С. 37.

12 Там же. Вып. 4. С. 24.

13 Там же. С. 33.

14 Там же. С. 5.; вып. 3. С. 33, 38.

15 См., например: *Миненко Н.А.* История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. Новосибирск, 1986. С. 29–30.

16 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1429.

17 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 3. С. 10.

18 *Шаблин А.А., Кочетков С.А.* Дединово — село морское. Рязань, 1996. С. 20, 21.

19 *Влазнев В.К.* Описание сел Белоомут, Ловцы, Любичи, Дединово Рязанской губернии // ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 260. Л. 23–23 об.

20 *Шаблин А.А., Кочетков С.А.* Указ. соч. С. 148–211, 221 и др.

21 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1428.

22 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 3. С. 26, 41; вып. 4. С. 22.

23 *Влазнев В.К.* Указ. соч. Л. 23 об.

24 [*Лелонг А.К.*] Воспоминания Анны Козьминичны Лелонг // Русский архив. 1913. № 6. С. 796.

25 [*Барков В.Д.*] История Василия Дмитриевича Баркова, потомственного почетного гражданина. СПб., 1902. С. 21–22.

26 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1429. Л. 6.

27 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 31.

28 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1429, 1467, 1449.

29 Воспоминания к 20-й годовщине Великой пролетарской революции о 1917–1818 годах // ГАРО. Ф. 3611. Оп. 2. Д. 3. Л. 27.

30 Как тут не процитировать Ф.М. Достоевского: «А между тем всего хуже, что народ уже увидел и заметил разрыв с ним интеллигентной молодежи русской, и худшее тут то, что уже назвал отмеченных им молодых людей студентами. Он давно их стал отмечать, еще в начале шестидесятых годов: затем все эти хождения в народ произвели в народе лишь отвращение. „Барчонки“, говорит народ…» (*Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. В 30-ти томах. Л., 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 23).

31 [*Кревских Г.П.*] Из воспоминаний о военной службе Кревских Гр. Павл. январь 1917 г. — ноябрь 1920 г. Рукопись // Чаплыгинский краеведческий музей (Липецкая обл.).

32 Например, манифест об отречении Николая II от престола был опубликован лишь в одной газете — «Рязанская жизнь». Позже, 15 марта 1917 г. манифест был напечатан также в качестве приложения к «Рязанским губернским ведомостям» от 4 марта. См.: Рязанская вивлиофика. Исторический альманах. Рязань, 2000. Вып. 1 С. 73.

33 *Трибунский П.А.* Февральская революция в Рязани глазами ее противника // Рязанская вивлиофика. Вып. 1. С. 69–74; *он же.* События Февральской революции в г. Рязани // Региональный компонент в гуманитарном образовании: тезисы докладов межрегиональной научно-практической конф. 18–19 декабря 1997 г. Рязань, 1997. С. 36–38.

34 *Лихачев Д.С.* Раздумья о России. СПб., 2001. С. 47.

35 Русский советский фольклор / Антология. Л., 1967. С. 56.

36 *Гольцева Г.К.* И.И. Проходцев и его дневники 1917–1919 гг. // Рязанская вивлиофика. С. 83–84.

37 Кулацкие восстания в Рязанской губернии. 1918 г. По воспоминаниям современников // ГАРО. Ф. 3611. Оп. 2. Д. 7. Л. 2, 4, 8.

38 Воспоминания к 20-й годовщине... Л. 353.

39 *Немова М.П.* Село Дединово Луховицкого района Московской области (бывшей Рязанской губернии Зарайского уезда) // Краеведческие исследования. Рязань, 2001. С. 149.

40 Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения. Документы и материалы. М., 1998. С. X, XI.

41 Воспоминания С.Д. Яхонтова о его пребывании в рязанской тюрьме (1929–1930) // ГАРО. Ф.2798. Оп. 1. Д. 96. Кн. 14. Л. 50, 19.

42 *Немова М.П.* Указ соч. С. 150–151.

43 Там же. С. 151.

44 Православный Раненбург. 2003, декабрь.

45 Цит. по: *Гуревич А.Я.* История историка. М., 2004. С. 80; в фондах ИРЛИ сохранились и другие бытовавшие на Рязанщине частушки про Ленина: «Вставай Ленин, бери вилы / Рой колхозные могилы»; «Сидит Ленин на лугу, ест собачью ногу / Ах, какая гадина советская говядина»; «Вставай Ленин, вставай лысый / Из колхоза бегут рысью» (РО ИРЛИ. ФА. Колл. 47. П. 5. Л. 21).

46 В годы Великой Отечественной войны и по ее окончании в народе продолжали бытовать предания о Суворове, об Отечественной войне 1812 г., о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. См., например: Войны кровавые цветы. Устные рассказы о Великой Отечественной войне. М., 1979. С. 187–191; Русский фольклор Великой Отечественной войны. М., 1964. С. 50, 53–54.

47 *Зиновьев А.А.* Посткоммунистическая Россия. М., 1996. С. 294.

48 Коллекция краеведческих материалов // ГАРО. Ф. 5069. Оп. 1. Д. 775. Л. 6.

49 История боевой награды. Всероссийская акция памяти. М., 2002. С. 76–77; см. также с. 65.

50 ГАРО. Ф. 5039. Оп. 1. Д. 545. Л. 1.

51 *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 399–530.

52 Схожие результаты выявлены и в этносоциологических обследованиях на общерусском материале. См., например: *Левинсон А.Г.* Массовые представления об «исторических личностях» // Одиссей. Человек в истории. М., 1996; *Бойков В.Э.* Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социологические исследования. 2002. № 8; *Савоскул С.С.* Локальная идентичность современных россиян (опыт изучения на примере Переславля-Залесского) // ЭО. 2005. № 3.

53 О соотношении местной локальной и общерусской идентичности см.: *Савоскул С.С.* Указ. соч.

54 *Оболенская С.В.* Народное чтение и народный читатель в России конца XIX в. // Одиссей. Человек в истории. М. 1998. № 2. С. 224.

55 Там же. С. 223–224.

Раздел 2.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ГЛАВА 5

Крестьянское хозяйство (XIX – начало XXI в.)

Природно-климатическое и хозяйственное районирование

Сельское хозяйство в XIX – начале XX в.

Земледелие

Землепользование. — Обеспеченность землей. — Системы земледелия. — Пахотные орудия и тягловая сила. — Культуры и урожайность. — От посевной до уборочной. — Огородничество и садоводство.

Скотоводство

Обеспеченность скотом. — Корма и содержание скота.

Отношение к труду и земле

Крестьянское хозяйство в советской и постсоветской деревне

Изменения в хозяйстве советского доколхозного крестьянства

Крестьянское хозяйство в колхозный период

Начало 1930-х — середина 1960-х гг.

Усадьба. — Земледелие на усадьбе. — Скот и птица. — Выплата денег.

Середина 1960-х — начало 1990-х гг.

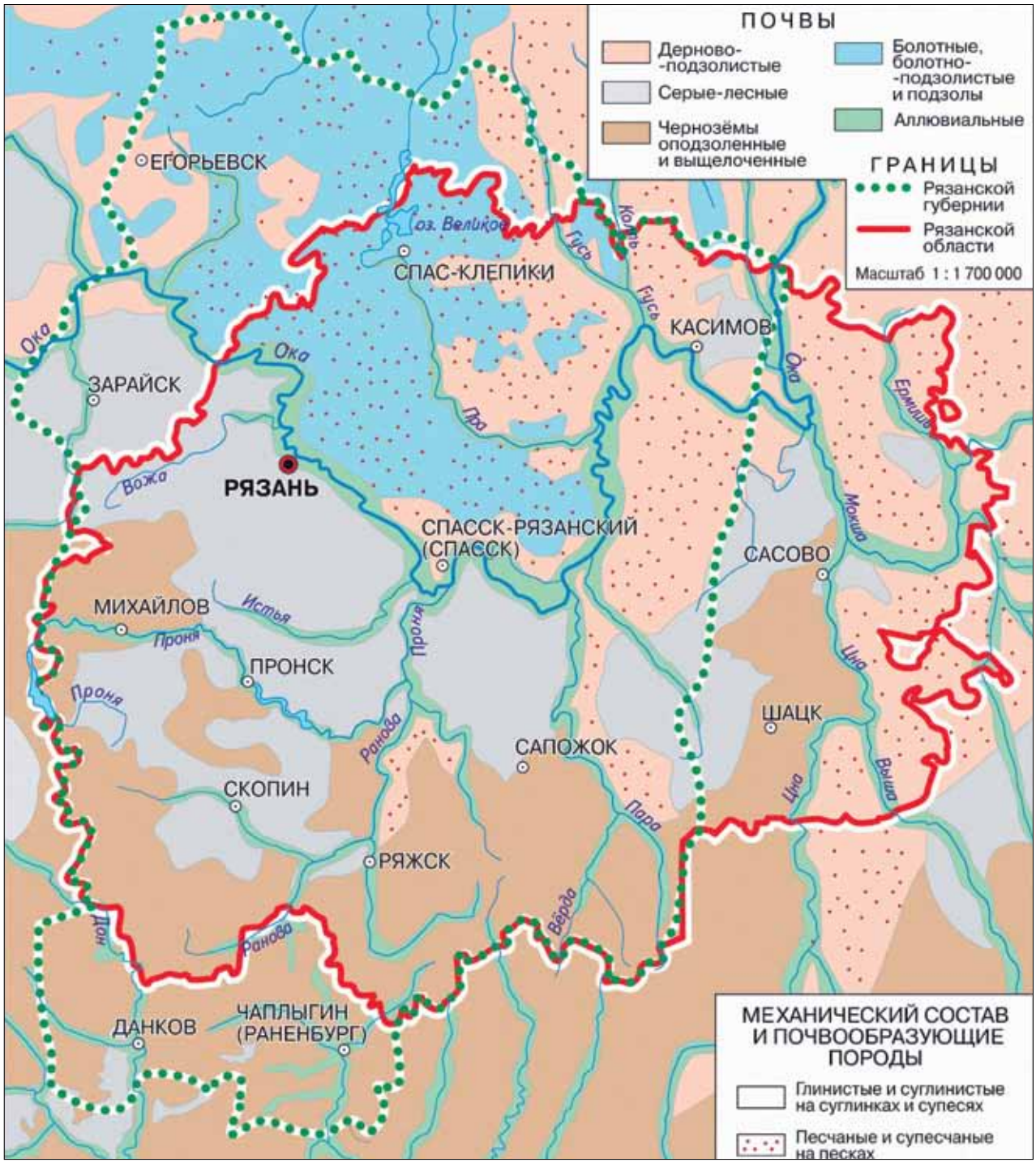
Личное сельское хозяйство в постсоветский период (начало 1990-х – начало 2000-х гг.)

Землепользование. — Старое и новое. — Отношение к земле и труду на ней

Крестьянство в России сформировалось как сословие сельскохозяйственных производителей феодального общества с присущим ему особым социально-экономическим укладом, под которым понимаются не только производительные силы, производственные и социальные отношения сообщества, но и весь созданный на их основе культурно-идеологический комплекс [1]. Традиционная крестьянская культура — это часть крестьянского патриархального уклада. Вся жизнь русского крестьянина от рождения и до смерти была связана с землей, которая кормила и поила, которую так и принято было называть: «мать-сыра земля», «матушка-кормилица». Известный ученый академик Л.В. Милов в качестве главных особенностей деятельности человека в земледелии отметил «почти полное отсутствие контроля непосредственного производителя над ходом „производственного процесса“» — роста и созревания сельскохозяйственных культур — и то, что многовековой опыт предшествующих поколений в этой области, являющийся основой народной агрикультуры, «предстает перед каждым поколением крестьян-земледельцев в императивной форме обычая и традиции» [2]. Эти особенности в основном и определяли менталитет и образ жизни крестьянина. Невозможность контролировать «производственный процесс», практически полностью зависевший от природы (особенно в климатических условиях России) и в несопоставимо меньшей степени — от вложенных усилий и стараний земледельца, и эта «императивность» предопределили тот вынужденный консерватизм, который был характерен для крестьянства. Любое нововведение было большим риском, и рисковал крестьянин не только своим имуществом, но и жизнью всей своей семьи.

Трудоемкость процесса земледелия требовала огромной затраты физических усилий многих людей и предопределила необходимость ведения хозяйства большим коллективом на основе семейной кооперации, т.е. патриархальной семьей. Замкнутость производственного цикла в рамках семьи и общины, жесткая привязанность крестьянина к определенному месту и натуральный характер хозяйства способствовали воспроизведению традиционной культуры и бытовой стороны жизни в полном объеме каждым последующим поколением в той же императивной форме, что и агрикультурный опыт. Постепенное разрушение крестьянско-потребительского хозяйства неизбежно вело к разрушению соответствующей ему культуры и в конечном итоге — к исчезновению самого крестьянства. Нельзя говорить о культуре русского народа, крестьянской в своей основе, о ее судьбе и судьбе этничности, не касаясь хозяйственной стороны крестьянского уклада и процесса его разрушения, приведшего в конечном итоге к исчезновению целого сословия.

Природно-климатическое и хозяйственное районирование. Земля являлась главной производительной силой крестьянского хозяйства, и от ее качества и количества в первую очередь зависело состояние земледелия. Рязанский край, расположенный



Карта-схема распределения почв на территории Рязанского края. Картограф О.В. Гаврилов

в центре Европейской России, включал и Нечерноземье, и Черноземную зону*. Исследователи Рязанской губ. обычно выделяли три района**, которые М. Барановичем в томе

* Рязанщина в рамках губернии включала черноземные Данковский и Раненбургский уезды, и ее относили к Центрально-Черноземному району России. После 1954 г., когда южная часть губернии отошла к Липецкой обл., ее относили то к Центральному району, то к Нечерноземью.

** Встречается также разделение губернии на черноземные и нечерноземные округа (Промышленность государственных крестьян Рязанской губернии // Журнал Министерства государственных имуществ. 1847. Ч. XXV) и выделение четырех районов (*Селиванов А.* Отхожие промыслы в экономике крестьянина Рязанской губернии в прошлом и настоящем // Наше хозяйство. 1926. № 1/2. С. 22).

«Материалов для географии и статистики России...», посвященном Рязанской губ., названы Мещёрской, Рязанской и Степной сторонами [3], что соответствует лесной зоне в северной части, переходной к лесостепи в центральной и лесостепи на юге губернии. В Мещёрскую сторону входили Егорьевский, Касимовский и заокские части Рязанского и Спасского уездов. Рязанская сторона включала Зарайский, Михайловский, Пронский, южные части Спасского и Рязанского уездов. А Скопинский, Ряжский, Сапожковский, Данковский и Раненбургский уезды — это уже Степь*.

Этому делению соответствует распределение почв по территории: «Жирная черноземная почва самых южных оконечностей губернии, по мере приближения к Проне, перемешивается все более и более с глиной и становится тяжелой и вязкой. За Проней уже заметно преобладание глины, слой чернозему становится все тоньше с приближением к Оке, так что местами почва превращается в чистую глину, у берегов же реки перемешивается с песком. Наконец, за Окой почва песчаная, во многих местах встречаются и сыпучие пески, а далее на север — земля боровая, покрытая болотами и моховыми кочками» [4]. На самом деле, рязанские черноземы по качеству значительно уступали черноземам настоящей степи, начинавшейся южнее границ Рязанской губ., и относились к оподзоленным и выщелоченным. К центру они переходили в серые-лесные и дерново-подзолистые почвы, а за Окой на севере губернии лежали местами дерново-подзолистые, но большую часть занимали бесплодные болотно-подзолистые и песчаные почвы Мещёрской низменности. Но и внутри этих зон почва по составу и качеству была крайне неоднородна, так что не только два рядом находившиеся селения могли вести свое земледельческое хозяйство в различных природных условиях, но и две улицы одного селения имели под своими огородами совершенно различную почву. Подробная почвенная карта Рязанского края напоминает лоскутное одеяло.

В ходе нескольких административно-территориальных преобразований в советское время часть северной территории губернии и большая часть черноземного юга были отрезаны, и в результате Рязанская губ. в XIX в. и Рязанская обл. в XX в. имеют различную конфигурацию (см. карты на форзаце т. 1 и нахзаце т. 2.). Наибольшая протяженность губернии с севера на юг в XIX в. была 305 км, а с запада на восток — 188 км [5]. Аналогичные современные показатели Рязанской обл. составляют: около 220 км и около 250 км [6]. В климатическом отношении северная часть губернии в XIX в., безусловно, сильнее отличалась от южной, чем это можно наблюдать сейчас. Специалисты выделяют три основные агроклиматические зоны и одну подзону на территории современной области, различающиеся по преобладающим почвам, температурам и осадкам**.

Умеренно-континентальный климат с теплым летом и умеренно холодной зимой, с устойчивым снежным покровом в целом благоприятствовал и благоприятствует земледелию в Рязанском крае, но вместе с тем, для него, особенно его южной части, характерно неустойчивое увлажнение. Рельеф Рязанского края, несмотря на овражно-балочный характер в западной части и несколько возвышенный в восточной, тоже благоприятен для ведения земледелия.

Климатические, почвенные и географические особенности каждой из трех частей Рязанского края предопределили хозяйственную деятельность проживавшего там населения. В середине XIX в. М. Баранович писал, что в Степной стороне, где тяжелые почвы и обрабатываемые площади больше, земледелие поглощает все время крестьянского населения. Это полностью земледельческая часть губернии, промыслов нет [7]. В северной части Ряжского, Сапожковского и Скопинского уездов, на юге Спасского, Михайловского и Пронского уездов, хотя в основе экономики лежало земледелие, но урожаи хуже, а наделы земли меньше, и часть населения была вынуждена заниматься промыслами, которые в середине XIX в. были подспорьем земледелию.

* Эти уезды входили в зону лесостепи, но поскольку леса там были вырублены еще в XVIII в., то за ними среди населения прочно закрепилось название «степь».

** Первая зона соответствует лесной полосе, вторая — переходная от лесной к лесостепной, третьей зоне, с более теплым и сухим климатом, присущи характеристики лесостепи. Во второй зоне по климатическим особенностям выделяется подзона — на территории Милославского и западных частей Скопинского и Михайловского районов (См.: Агроклиматические условия Рязанской области. Рязань, 1989. С. 13, 21).

Чем ближе к Оке, тем более развиты промыслы, так как Ока была хорошим путем для сбыта продукции и давала работу на баржах и лодках. Население неплодородного левобережья Оки было вынуждено искать заработки на стороне. Уже в середине XIX в. в Заочье сельское хозяйство, по словам М. Барановича, являлось подспорьем промысловой деятельности [8].

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Земледелие

Землепользование. По ревизии 1858 г. 91,6% населения Рязанской губ. принадлежало к крестьянскому сословию. Самую большую группу — 61,3% от всего числа крестьян обоего пола — составляли помещичьи крестьяне (сюда же входили и дворовые люди). Государственных крестьян разных категорий в Рязанской губ. было 38,5%, остальные — это посессионные крестьяне, приписанные к заводам [9].

В сословную группу государственных крестьян входили те, кто никогда не знал крепостной зависимости, и те, кто еще в начале XIX в. выкупился или был отпущен на волю (отдельные сельские общества и целые селения), и потомки *однодворцев*, которых было принято называть *крестьянами четвертного права* или *четвертными*, в то время как всех остальных государственных крестьян именовали *казенными* или *душевыми*. За службу на порубежных рязанских землях государство в XVI–XVII вв. давало однодворцам землю на поместном праве по четвертям (т.е. полдесятины в каждом из трех полей при трехполье). Потеряв в течение XVIII в. ряд своих привилегий, они влились в число государственных крестьян, но сохранили особенности в землепользовании.

В большей или в меньшей степени землепользование и хозяйственную деятельность всех этих групп определяла сельская община — сообщество хозяйств-дворов. При *общинно-душевом* уравнительном землепользовании община имела право владения и пользования землей, закрепленной по обычно-правовым нормам за каждым селением. Это право она передавала своим членам, причем было не важно, принадлежит земля общине на праве пользования или собственности (если крестьяне выкупились из крепостной зависимости с землей, как в с. Дединово или с. Ижевское, или вышли после 1861 г. из числа временно-обязанных). Каждый мужчина, рожденный в общине, имел право на получение от нее земли.

В помещичьих имениях вся земля обычно делилась между владельцем и его крестьянами пополам, хотя существовала тенденция роста барской запашки [10]. Приходящуюся обществу часть община делила по *тяглам* — брачным парам (муж и жена), т.е. в тягле присутствовала ревизская душа, но только ею был работник, способный к выполнению земледельческих работ. Сколько десятин земли получало каждое тягло, столько же оно было обязано обработать на своих лошадях и своим инвентарем на поле помещика. В оброчных имениях крестьяне выплачивали с тягла оброк. К концу 1850-х гг. в заокских уездах появилось значительное число помещичьих имений, в которых тяглые крестьяне платили оброк и отбывали барщину [11]. Те (в основном неженатая молодежь и старики), кто не нес тягла, работали в своем хозяйстве на свой двор, свою семью или на стороне. Для семьи было очень важно, чтобы у нее были тягла, но и были *затяглые* (не несущие тягла), так как без последних, по словам зарайского помещика В.В. Селиванова, «двор никогда не разбогатеет» [12].

У государственных казенных крестьян земля делилась поровну по числу мужчин, внесенных в ревизские сказки при последней переписи населения, т.е. по числу душ, поэтому этих крестьян и называли душевыми. Община отвечала за исправную уплату своими членами всех податей и исполнение повинностей. У тех, кто был не в состоянии это делать, по решению *схода* — собрания всех домохозяев — могли забрать *душевой надел* и на какой-то срок передать его другому лицу. Община у владельческих и казенных крестьян периодически проводила *переделы* — перераспределение пахотной земли.

Однако надельная пахотная земля использовалась индивидуально только пока шли сев, созревание и уборка, а луговая — до окончания сенокоса. Потом на этой земле все селение — и владельческих, и казенных крестьян — сообща пасло скот. Пастбища всегда были в общем пользовании.

Усадебная земля (под домом, хозяйственными постройками, конопляником, огородом) или *поместья, позёмы* при общинно-душевом землепользовании в одних селениях никогда не переделялась, в других периодически частично перераспределялась по душам. В 1880-е гг. в некоторых селениях стали переходить к подворному пользованию усадебной землей*, тем более что и ст. 110 «Положения о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях» 1861 г. предполагала установление потомственного пользования усадебной землей и переход ее к наследникам [13].

Такая общинно-уравнительная система землепользования господствовала в селениях государственных казенных и владельческих крестьян. В обществах последних, особенно в барщинных поместьях, роль общины умалялась произволом помещика.

Существенно отличалось землепользование в общинах четвертных крестьян, в основном проживавших в Данковском и Раненбургском уездах и в меньшем числе — в Скопинском, Сапожковском и Ряжском уездах. Они пользовались пахотной землей на *подворно-наследственном* праве. Среди них было небольшое число тех, чьи предки владели землей на вотчинном праве, как и дворяне после указа 1731 г., приравнявшего дворянские поместья к вотчинам. По какой-то причине эти предки потеряли дворянское звание и перешли в разряд государственных крестьян четвертного права [14]. Четвертные крестьяне могли передавать землю по наследству, в том числе по женской линии. Вдова или дочь наследовали только в том случае, если не было наследников-сыновей, но если земля перешла к женщине, то оставалась за ней даже в случае выхода ее замуж в другое селение или за представителя не крестьянского сословия. В таких случаях говорили об «уходе земли из села замуж» [15]. В первой половине XVIII в. однодворцы продавали свои земли дворянам и горожанам, считая себя ее собственниками, но в 1766 г. эта практика законодательно была прекращена, поскольку государство рассматривало четвертных крестьян только как пользователей государственной землей. Однако немного позже сделки с землей опять возобновились, но осуществлялись в основном внутри своей сословной группы [16].

Особая форма землепользования, сохранявшаяся у крестьян четвертного права, оказала большое влияние на их менталитет. Они осознавали, что являются не такими, как другие представители крестьянского сословия, что их предки могли стать (обычно эта возможность преувеличивалась) дворянами или даже были ими. Потомки однодворцев из с. Пиковы Рясы Раненбургского у. «доподлинно» знали, что «когда-то были дворянами и землей пожалованы за службу на поместном праве». Они долго хранили данные предкам жалованные грамоты. Некоторые их соседи-помещики, не уклонившиеся от службы, как предки пиковцев, сохранили дворянство. Однако и потомки «разжалованных» вспоминали, что «еще лет 70 назад» (т.е. в 1810-е гг.) у иных было более десятка крепостных, но у большинства по одному или по два [17]. Старики дер. Бабино того же уезда в 1880-е гг. рассказывали, что лишились дворянства «за неявку на службу» и что еще к началу 1840-х гг. имели 12 человек крепостных [18]. Четвертные крестьяне избегали родниться с «барскими» и заключали браки почти исключительно в своей среде (села Бычки, Кривское, Телятники, Сараи Сапожковского у.) [19]. И эти представления среди них сохранялись в 1950–1960-е гг. (см. т. 2. с. 58, 88, 95–96). Причиной высокой степени эндогамности, несомненно, было опасение «ухода земли из села замуж».

---

* В с. Голожехово Раненбургского у. барин дал крестьянам по 4 саж. усадьбы на ревизскую душу. После реформы 1861 г. где-то в 1870-м году крестьяне взялись перемерить усадьбы: «…показалось, что не у всякого по 4 саж. на душу (случалось, распахивали иные чужие усадьбы — захват). Поравняли опять по 4 саж. на душу» (ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 130. Л. 22 об.). В с. Дмитриевский Боровок того же уезда после «воли» разделили по душам по 3 саж. на душу. У кого было больше, отрезали в пользу тех, у кого не хватало до нормы, или заставляли заплатить за излишек деньги. В начале 1880-х гг. решили всем дать усадьбы по 10 саж. ширины и 80 длины, независимо от числа душ, прирезая недостающее в поле (ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 150. Л. 5 об.).

При четвертном праве на землю крестьянину принадлежал не какой-то постоянный, закрепленный за ним участок пашни, а доля в общем владении общины. Определенная доля могла быть и в сенокосных угодьях, но часто сенокосы делили по ревизским душам или по дворам. Величина этой доли оставалась неизменной, но периодически происходило перераспределение участков земли между членами общины, чтобы из-за разности качества никому не было обидно. Именно из-за того что в случае семейного раздела у четвертных крестьян делилась только их доля земли, а не весь земельный фонд общины, как у государственных душевых, четвертные были особенно не заинтересованы в дроблении семей. Число сложных неразделенных семей у четвертных крестьян в 1858–1859 гг. на 3,5% было больше, чем у государственных душевых, в то время как средняя численность их семей была больше всего на 0,4% [20]. Пастбища, луга и лес в основном находились в общинном владении и распределялись по ревизским душам, но иногда — пропорционально доле пахотной земли (по четвертям), редко — по дворам [21].

Количество земли под усадьбами у четвертных было разное. По мере разделения семей новые семьи захватывали землю на выгонах, потом они стали получать ее от общины, а так как выгонная земля считалась в общем пользовании, то новые дворы наделялись ею поровну, хотя и это правило не всегда соблюдалось. В результате в селениях четвертных крестьян усадьба могла быть 5–10 саж. и 3–5 дес. [22]. В 1870–1880-е гг. в некоторых селениях четвертных, где были сильные настроения общего передела всех земель, усадьбы уравняли подворно или переделили по душам*.

В среде крестьян четвертного права Рязанской губ. в течение XIX в. шел процесс превращения подворно-наследственного землепользования в душевое, за что ратовали те, чьи предки распродали свои доли. По переписи 1849 г. в Рязанской губ. было 287 селений (и столько же общин), в которых проживали потомки однодворцев (45 175 душ обоего пола), из них уже тогда 56 селений перешли на общинно-душевое землепользование, а 55 — на смешанное, т.е. общинная земля (выморочные наделы четвертных и выкупленные обществом земли переселенцев), которая делилась по душам, составляла 44% и больше общей площади владений [23].

На протяжении XIX в., особенно в пореформенную эпоху, в смешанных селениях постоянно возникали конфликты между душевыми крестьянами и четвертными, упорно отстаивавшими свое подворно-наследственное право. Такой конфликт в с. Истобное Раненбургского у. начался в 1851 г. и в 1859 г. исчерпан не был: 44 дома, желавшие остаться на четвертном праве, жаловались, что душевые «ходят по посеянной ржи уже взошедшей, топчат оную, намереваются все старыя полевыя признаки попортить. Другия уже раскопали и те четвертные участки все без изъятия поделить по душам [хотят]» [24]. В с. Голожохово того же уезда в конце 1860-х гг. группа «душевиков» — тех, кто хотел передела четвертной земли по душам — устроили террор четвертным односельчанам: дело доходило до драк, «душевики» «портили посевы, увозили телят и семена у четвертных, чтобы этим принудить их к переделу» и добились-таки своего [25].

Одновременно некоторые общины (число их не велико) с уравнительно-душевым землепользованием при возможности переходили на подворно-участковое (с. Ижевское Спасского у., с. Большие Можары Сапожковского у., Вороновские Выселки и Ефремово Пронского у.) [26].

Земля, купленная крестьянами индивидуально, была в личной собственности купившего, и община не должна была притязать на нее, хотя такие случаи все же были. В дер. Айкановка Сапожковского у., например, после 1861 г. один из крестьян купил землю, а при очередном переделе надельной пахоты общество отобрало у него эту землю и поделило ее по душам [27]. К концу века площадь купчей земли увеличилась, причем покупали как отдельные крестьяне, группы, так и целые сельские общества. Были случаи, когда сельские общества разных селений покупали землю сообща. Крестьяне селений Нагайское, Гремячка,

* Так, в с. Кузовлево Раненбургского у. в 1870 г. решили переделить усадьбы по душам с тем, чтобы на душу было 9 саж. (ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 130. Л. 26 об.).

Дубровщина, Сергеевка, Храповка Ряжского у. купили 460 дес. пашни, луга и леса за 67 тыс. руб., взяв ссуду в Рязанском крестьянском банке. Купленную землю сначала поделили по наличным душам во всех селениях и ежегодно распределяли пашню и луг между общинами в соответствии с числом душ [28].

При общинно-уравнительной форме землепользования все платежи раскладывались в зависимости от количества земли (земельных наделов), приходившейся на каждый крестьянский двор. При четвертном — поземельные платежи, оброчная подать, земский сбор, государственный, поземельный, лесной налоги раскладывались пропорционально количеству принадлежавшей каждому двору земли, а подушная подать выплачивалась по числу ревизских душ в каждой семье. Рядом указов в 1880-е гг. подушная подать была отменена и заменена косвенными налогами*.

Полные или *коренные* переделы пахотных земель «с ломкой меж» в селениях с общинно-уравнительным землепользованием обычно производились вскоре после ревизий, луга делили ежегодно. Решение о переделе принимал сход всех домохозяев, который выбирал несколько понимающих толк в земельных делах человек, руководивших переделом. Обычно общество оплачивало им один рабочий день [29]. Принципы и сам процесс разверстки пахотной земли у владельческих и государственных крестьян был одинаков. Земли в каждом поле с помощью *сажени***, *тычины* (3 саж.) или *веревки* (10–12 саж.) разбивали на десятины (сороковые*** или на тридцатые****) или просто участки: *клинья, коны, жеребья, дележи* и распределяли по качеству почв и удаленности от селения на несколько разрядов. Земля могла быть поделена по качеству и отдаленности на три-пять участков, а могла и на 18, как в дер. Старое Батурино Зарайского у., или 27, как в Никольской пригородной слободе Пронского у. [30].

Всех, претендовавших на землю (ревизские души или тягла), делили на равные группы — *выти******, *службы, осьмоки*. Число душ в выти было произвольное, но во всех равное. Лишние души, не вошедшие в выти, обычно назывались *завытными*, в некоторых селениях Раненбургского у. — *умётом*. По числу вытей делили землю каждого разряда, а потом по жребию распределяли эти участки между вытями. Каждая выть опять разделяла участки и жеребьевкой распределяла их между группами входивших в нее крестьян. И наконец эта группа — 10–12 человек — вновь делила полученные участки по качеству, числу людей и распределяла по жребию [31]. В некоторых селениях раздел земли был еще более дробным. Если кому-то при разверстке все же доставался участок похуже, то ему давали 2–3 руб. серебром или на участке другого разряда давали самую лучшую делянку. В.В. Селиванов отметил, что хотя такое деление неудобно, «но по совести и праву оно справедливо в высшей степени» [32]. В переделе земли у владельческих крестьян обычно принимал участие помещик или его управляющий, которые часто выступали и инициаторами передела. Полосы земли в Рязанском крае называли *загонами, загоньями, жеребьями* или *полосами*.

Особенность процесса переверстки земли при подворно-наследственном пользовании заключалась в том, что вначале определяли количество саженей в каждом поле, приходящихся не на душу или тягло, а на десятину владения (т.е. десятина считалась долей), и нарезали

---

* Первоначально с 1 января 1883 г. подушная подать была отменена с отдельных разрядов податного населения (мещан, безземельных крестьян, дворовых и т.д.). С 1 января 1887 г. ее отменили со всех разрядов податного населения, кроме Сибири (*Василенко Н.* Подушная подать // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1898. Т. XXXIV. С. 128).

** Сажень — мера длины, может быть «маховая сажень» — 1 м 76 см и «косая сажень» — 2 м 48 см. В данном случае — палка длиной в 3 арш.

*** Сороковая десятина — имеет в длину 80 саж., а в ширину 40 саж.

**** Тридцатая (казенная) десятина — имеет в длину 80 саж., а в ширину 30 саж.

***** Выть, сформированная по территориальному принципу из улиц, из частей или концов селения и образованная для раздела пашни или луга, становилась постоянной хозяйственно-организационной единицей и существовала как хозяйственная единица и после передела. Так, арендатор дальних земель одной из общин Мураевенской вол. в течение 9 лет обязан был выставлять каждой выти, а всего их 10, ведро водки. То же самое делал и кабатчик [*Златовратский Н.* Пустынская община (Рязанской губ.) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880. Т. 1. С. 167].

полосы в каждом поле в соответствии с числом долей, числившихся за всеми дворами. Каждому домохозяину давали во всех полях то число полос земли разного качества и удаленности от селения, которое соответствовало закрепленным за ним долям [33].

Кроме коренных, были еще и частичные переделы: если в селе в одних семьях произошла значительная убыль, то с них снимали часть надельной земли — *сваливали, скидывали* и *навaливали, накидывали* на того, у кого было прибавление мужских душ. Если доход с земли едва покрывал, а то и вовсе не покрывал податей, община принудительно заставляла сильные дворы брать наделы. У помещичьих крестьян с не имевшего возможности нести тягло его снимали и по жребию или воле помещика налагали на затяглового, передавая новообразованному тяглу надел [34].

В результате такого способа деления для крестьянского землепользования была характерна чересполосица, мелкость загонов и их длинополосность. Обычно ширина загонов в 1880-е гг. у казенных и бывших помещичьих крестьян была 1–5, реже 7 саж., но встречались селения, где ширина полос была от двух аршин* до одной сажени**. В с. Аграфенина Пустынь Рязанского у. «поравнение» земли по качеству доходило до того, что полосы получались шириной в борону и даже в два-три лаптя. Поскольку обрабатывать надел в одну душу было просто невозможно, то «однодушников» собирали группами и на них кидали один жребий, а они потом сами «равнялись» [35]. Длина загонов обычно колебалась от 60 до 80 саж., но могла быть 25–30. У домохозяев селений с подворным землепользованием бывало по семь-десять загонов в каждом поле, каждый шириной 1–1½ саж. на десятину владения при длине в 80 саж. [36].

Часто, особенно в многолюдных и многоземельных южных селениях, поля могли быть удалены на 5–10 и даже 15–25 верст; и в страдную пору, когда дорог каждый час, крестьянину приходилось метаться между своими загонами, раскиданными в разных местах.

В 1860–1880-е гг., когда власть помещика уже не довлела над крестьянами, они имели возможность разверстывать землю не только по душам или тяглам, но и устанавливать новые принципы, которые казались им более удобными и справедливыми. Среди общин Спасского, Сапожковского, Касимовского и Егорьевского уездов*** в эти годы в среднем в 68% общин в ожидании новой ревизии земля была разверстана по старому принципу: по ревизским душам. Следующую значительно меньшую группу — 21,7% — составили общины, делившие землю по работникам и тяглам. В некоторых общинах для работников даже устанавливались возрастные ограничения: с 18 до 60 лет (дер. Александровка Сапожковского у.) или с 20 лет до 60 (дер. Ванчур, с-цо Завидовка Сапожковского у.) [37]. После смерти держателя надела землю отдавали старшему по возрасту безнадельному работнику. По тяглам земля обычно была разверстана у бывших помещичьих крестьян там, где не было переделов или они были проведены сразу после освобождения. Особенно популярен этот принцип был в Касимовском у. Селений, деливших землю по наличным мужским душам, было мало.

Несмотря на стремление крестьян к соблюдению справедливости «в высшей степени», как писал В.В. Селиванов, даже ценой создания условий, в которых трудно было нормально хозяйствовать (чересполосица, узость полос и т.д.), они не решались разверстать землю по действительно справедливому принципу — по едокам. Однако, понимая, что семья с большим женским составом и одним душевым наделом никогда не выберется из нужды, в дер. Екатериновка Сапожковского у. в 1862 г. общество решило давать на единственного работника в семье два надела (или две души), а в дер. Поляки в 1882 г. и в с. Самодуровка (Ухоловские Выселки) Сапожковского у. в 1881 г. во время передела решили прибавлять таким семьям земли сверх положенного количества [38]. Заслуживает внимания попытка учесть при разделе количество душ и едоков, предпринятая в 1887 г. крестьянами одной из общин с. Морозовы Борки Сапожковского у.

---

* Аршин — мера длины, равная 0,71 м.

** В дер. Албушево Пронского у. ширина полос была от 2 арш. до 1 саж., в с. Алпатьево Зарайского у. — от 2 до 10 арш. (ГАРО. Ф. 29. Оп. 60. Св. 4. Д. 15. Л. 28; оп. 60. Св. 3. Д. 2. Л. 1 об.).

*** Взяты именно эти уезды, потому что по другим отсутствует обобщающий материал, который был положен в основу подсчета (Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Скопин, 1890. Т. VIII. Вып. II. Спасский уезд. С. V; Рязань, 1890. Т. IX. Вып. II. Сапожковский уезд. С. IV; Рязань, 1890. Т. VII. Вып. II. Касимовский уезд. С. V; Рязань, 1887. Т. V. Вып. II. Егорьевский уезд. С. XI).

Они решили давать один душевой надел земли на трех едоков и производить свалку и навалку через каждые три года, но так, чтобы в течение 9 лет загоны не менять [39].

Луга по всей губернии обычно делились ежегодно, хотя в редких общинах раздел происходил раз в 3–5 лет или одновременно с пашней [40]. Само деление покосов на участки в каждом селении совершалось тем же способом, что и раздел земли. Вначале распределяли участки между вытями (*колами* в с. Шарик Шацкого у., осьмаками или десятками). Далее эту делянку (*делёжку* в Мураевенской вол.) могли косить сообща и потом делить по душам сено или ее делили на более мелкие участки по числу душ, и каждый двор косил причитавшуюся ему часть. В дер. Марково Рязанского у., например, от четырех душ выставлялся один косец. Если семья имела однодушный, двухдушный или трехдушный надел, то она объединялась с такими же семьями и выставляла косца, но те семьи, кто не косил, платили косцу 3 руб. Затем они делили сено между собой. Если несколько дворов арендовали покос, то тоже косили сообща, а потом делили сено: сначала верхи копен — плохое сено, потом остальное. Раздел лугов каждый раз начинался с общей молитвы. Писатель Н. Златовратский, наблюдавший жизнь общины с. Аграфенина Пустынь, отмечал, что ежегодно перед разделом все крестьянское общество молилось на каждом лугу перед прикрепленной на столбике иконой [41].

Частота переделов пашни во многом зависела от ее доходности. Если доход от нее не покрывал налоги, то переделы производились часто, чтобы согласовать размер налога с изменяющимся экономическим положением крестьянина [42]. У четвертных крестьян переверстки земли были значительно реже, чем у других категорий. С конца 1870-х гг. среди рязанских крестьян шло затухание уравнительно-передельной практики. Рост стоимости земли в 1880-е гг. и ренты, получаемой от нее, расширение найма и сдачи в аренду сделали частые переделы ненужными. Обычно им сопротивлялись зажиточные крестьяне, сосредоточившие в своих руках в виде аренды наделы отходников и переселенцев. В 1880-е гг. в их руках иногда находилось до 45% наделов [43]. Противниками переделов выступали и те крестьяне, которые удобряли свою землю, а поскольку для этого надо было иметь скот, то опять же в числе противников оказывались более состоятельные хозяева. Крестьяне с. Нарышкино Раненбургского у., объясняя представителю Рязанской земской управы позицию односельчан в отношении переделов земли, говорили, что «кто в силах жил раньше, тот ее угондобил (удобрил. — *С.И.*) хорошенько, а у другого совсем плоха, даже выпахалась. Например, 11 не желают передела, потому что землю хорошо удобрили» [44]. Для передела требовалось $^{2}/_{3}$ голосов домохозяев, но в селах с развитым отходничеством было невозможно собрать сход из-за отсутствия людей. Затухание передельной практики отчасти было связано и с тем, что крестьяне ждали очередную ревизию и изменений в налогообложении.

Процесс затухания проявился не только в отсутствии переделов, установлении больших сроков между ними (обычно устанавливались на 9, 10 лет, редко на 20 лет, а часто сроки не устанавливались вовсе), но и в том, что крестьянские сходы постановляли делить только неудобряемую пашню, а удобряемая закреплялась за владельцем. Неудобряемую, обычно дальнюю *запольную* землю практически во всех обществах делили или ежегодно, или через два–четыре года [45]. Для того чтобы в хозяйственной деятельности старательных крестьян появилась хотя бы какая-то стабильность, в 1893 г. было запрещено производить переделы ранее 12 лет с момента последнего.

Указом от 9 ноября 1906 г. крестьянам было разрешено беспрепятственно выходить из общины, а 14 июня 1910 г. последовал новый указ, по которому все домохозяева тех общин, где не было переделов со времени перехода на выкуп, признавались собственниками выкупленной ими земли. И.В. Чернышев собрал материал по 40 крестьянским обществам из пяти уездов Рязанской губ., и по его сведениям указом 9 ноября воспользовались в 31 обществе 885 дворов. Полосы 640 дворов, разбросанные в разных полях, просто закрепили за ними. Еще 184 двора вышли на отруба и пять — на хутора. Наибольшее количество отрубников (107 из 184) оказалось в Егорьевском у. Жителями этого уезда были и все пять хуторян. Следует отметить, что в Егорьевском у. земледелие играло незначительную роль. Из 885 дворов, после закрепления за ними земли, 29 сдали ее в аренду, а 79 — продали, т.е. 12% и не собирались вести хозяйство в новых условиях землепользования. У тех, кто продолжил трудиться на земле, в способах ведения хозяйства ничего не изменилось, т.е. новая форма землепользования никак не повлияла

на методы хозяйствования, тем более что выгоны, луга и леса даже при выделении на отруба и хутора все равно оставались в общинном пользовании. Свой выход из общины крестьяне объясняли по-разному, но лишь четверо мотивировали его желанием вести независимое от общины хозяйство [46]. Это означает, что подавляющее большинство крестьян были вполне удовлетворены существовавшей системой земледелия и менять ее не собирались.

Обеспеченность землей. Среди центральных земледельческих губерний Рязанская занимала одно из первых мест по плотности населения, которая постоянно росла*. Производительные силы земли все меньше соответствовали числу проживавших на ней людей, т.е. шел процесс аграрного перенаселения. Чтобы удовлетворить потребности населения в продовольствии, с конца XVIII в. постоянно распахивали новые земли. В конце XVIII в. пашня в Рязанской губ. занимала 45,9%, а к 1887 г. она составляла 55,9% [47]. Но при всем том на протяжении XIX в. и в начале XX в. размер крестьянского душевого надела неуклонно сокращался. К сожалению, исследователи, писавшие об этом, брали разные показатели обеспеченности крестьян разных категорий землей: количество надельной земли на двор, тягло, ревизскую душу; одни считали всю имевшуюся землю, другие только пашенную, поэтому цифры оказываются несопоставимы. Тем не менее попытаемся все же установить количество земли, на котором хозяйствовали рязанские крестьяне.

Если сравнить размеры земельной площади на двор и душу в разных уездах, то очевидна парадоксальная закономерность: чем хуже была земля, тем меньше ее было. Правда, при меньшем размере надела и худшем его качестве владельческие крестьяне левобережной стороны Оки имели больше сенокосов (см. табл. 1).

Таблица 1. Обеспеченность землей помещичьих крестьян. 1858 г.

Уезды	Число всех барщинных и оброчных крестьян муж. пола	Количество тягол	Число дворов	Обыкновенный поземельный надел (в десятинах и саженях)			На душу всех угодий
				усадебной земли на двор	на тягло		
					пашен	сенокосов	
Егорьевский	30 814	12 326	8804	867 саж.	3 дес. 223 саж.	2 дес. 290 саж.	2 дес. 1200 саж.
Касимовский	43 366	17 346 ½	12 390	1328 саж.	4 дес. 266 саж.	1 дес. 1400 саж.	3 дес. 600 саж.
Рязанский	41 417	16 567	11 834	1221 саж.	4 дес. 1032 ½ саж.	2 дес. 1343 ¼ саж.	
Спасский	30 586	12 234	8739	1553 саж.	5 дес. 787 саж.	2 дес. 648 саж.	
Зарайский	29 038	11 615	8297	1018 ½ саж.	4 дес. 1118 саж.	1 дес. 103 саж.	2 дес. 332 саж.
Михайловский	25 871	10 348	7392	1521 саж.	6 дес. 600 саж.	2223 саж.	2 дес. 1800 саж.
Пронский	23 270	7757	5817 ½	1180 саж.	6 дес. 258 саж.	1620 саж.	2 дес. 1200 саж.
Ряжский	30 493	12 197	8712	1338 саж.	4 дес. 628 саж.	1733 саж.	1 дес. 2300 саж.
Сапожковский	31 487	12 595	8996	2062 саж.	6 дес. 600 саж.	1834 саж.	2 дес. 1800 саж.
Скопинский	14 439	5776	4125	1620 саж.	6 дес. 1390 саж.	1825 саж.	2 дес. 2100 саж.
Данковский	31 210	10 163 ½	7260	1877 саж.	6 дес. 700 саж.	2087 саж.	2 дес. 1900 саж.
Раненбургский	31 210	12 484	8917	1760 саж.	6 дес.	1564 саж.	2 дес. 1800 саж.
Итого	357 400	141 401	101 283 ½	1439 $^{5}/_{12}$ саж.	5 дес. 633 $^{1}/_{12}$ саж.	1 дес. 386 $^{1}/_{6}$ саж.	2 дес. 1521 $^{7}/_{12}$ саж.

Таблица 1, с внесением структурных изменений, взята из кн.: [*Баранович М.*] Рязанская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1860. Т. 19. С. 172.

Известный историк академик И.Д. Ковальченко считал, что для выяснения реальной обеспеченности землей помещичьих крестьян надо исходить из количества ее на

* В 1838–1839 гг. на 1 кв. версте проживало 34,5 человек, в 1897 г. — 45,1, а в 1924 г. — 65 человек.

ревизскую душу, а не на тягло. Он высчитал этот показатель на 1859 г. только для барщинных крестьян. Получившиеся цифры рисуют следующую картину: по Касимовскому у. — 2,40 дес., Рязанскому — 1,40 дес., Сапожковскому — 2,10 дес., Скопинскому — 2,30 дес. пашни. И.Д. Ковальченко пришел к выводу, что наделы барщинных крестьян с конца XVIII в. и до конца 1850-х гг. в Рязанской губ. сократились на 45%. В 1859 г. размер пахотного надела у оброчных крестьян колебался от 1,3 дес. в Ряжском у. до 2,2 дес. в Заочье, а в южных уездах местами доходил даже до 2,6 дес. В целом по губернии он составлял 2 дес. на душу. Оброчные крестьяне в основном проживали в заокской части края. Некоторое уменьшение пашни в общинах помещичьих крестьян произошло в результате реформы 1861 г., когда у них отрезали 7,3% земли, хотя в большей степени в эти отрезки попали луга и пастбища[*] [48].

К сожалению, мы не обнаружили аналогичных сопоставимых данных по государственным казенным крестьянам. Как пример мы можем рассмотреть обеспеченность землей крестьян «характеристических» (т.е. характерных для каждого уезда) селений, обследованных в 1843 г.

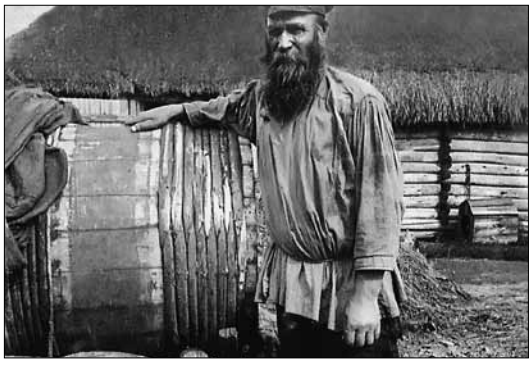
Таблица 2. Обеспеченность землей государственных крестьян на примере отдельных селений

Название селения и уезд	Всей земли (пахотной, луговой, выгонной и лесной) на душу в дес.	Только пахотной земли на душу в дес.
Сапожковский у., с. Коровка	3,5	1,5
Зарайский у., дер. Луховичи	4	1,6
Раненбургский у., с. Ломовое	2,5	1,9
Раненбургский у., с. Путятино	9	6,1
Данковский у., с. Бигильдино	6	5,5
Данковский у., с. Новоникольское	5,5	5,2
В среднем	5	3,6

Таблица 2 составлена по материалам ГАРО. Ф. 264. Оп. 3. Св. 8. Д. 55. Л. 5, 16, 24, 27 об., 29, 30.

Как видно из таблицы, разброс в размерах земельных участков был очень большой: были малоземельные селения и многоземельные, поэтому средние цифры по губернии, которыми приходится оперировать, не отображают всей полноты картины. По материалам ревизии 1858 г. у крестьян четвертного права в пересчете на душу приходилось 4,8 дес. земли (не известно, всей или только пахотной) [49]. В целом по губернии за последние 20 лет XIX в. (с 1880 по 1900 г.) размер пахотного надела на мужскую душу сократился на 22,7% [50].

Для удовлетворения потребностей крестьянской семьи в хлебе и корме для скота, т.е. для нормального ведения хозяйства, надо было, чтобы надел в черноземной полосе на одного едока был 5 дес., а урожай с него составлял 65 пудов озимых (ржи, пшеницы), 50 пудов яровых[51]. Таких размеров землевладения не было ни в одном рязанском селении.



Крестьянин. Данковский у., с. Никольское. Фото конца XIX – начала XX в. (Музей-усадьба Семеновых Тян-Шанских в дер. Гремячка Милославского р-на)

* По Положению об освобождении крестьян 1861 г. в каждой губернии был установлен высший и низший размер надела. Если он был ниже нормы, то прирезали или устанавливали пониженные повинности, если выше, то отрезали в пользу помещика. Выкупать надел имели право только пашенные крестьяне (не дворовые), попавшие в последнюю перепись 1858 г., т.е. числящиеся ревизскими душами. За надел платили выкупные платежи, а пока не вышли на выкуп, платили помещику оброк, равный выкупу, и с 1861 по 1863 г. отбывали барщину. Если отказывались от выкупного надела, то помещик должен был дать им ¼ высшего надела даром.

Вести полноценное хозяйство, имея 3–4 дес. на всю семью, по мнению самих крестьян, было просто невозможно. В 1880-е гг. крестьяне с. Костино Рязанского у. говорили, что при однодушном наделе нельзя прожить без сторонних заработков, и даже нет возможности и смысла держать лошадь, так как она себя не окупит, поэтому в их селе 16 хозяйств — почти все «однодушники» — не стали держать лошадей [52]. Крестьяне с. Истобное Раненбургского у. в те же годы высказывали мнение, что только при трехдушном наделе можно заниматься исключительно земледелием: и лошадь можно прокормить, и самим быть сытыми, и «дела будет на все лето» [53]. Однако жители с. Зенкино того же уезда полагали, что с трехдушного надела двух лошадей и корову прокормишь с трудом, а одной лошади для ведения хозяйства мало, зато четырехдушный надел достаточен для 10–12 взрослых и детей, двух лошадей и коровы [54]. Это означает, что для успешного ведения хозяйства в семье должно было быть четыре ревизские души, а если учесть, что ревизии производились приблизительно через 20 лет, то очевидно, что семья должна быть неразделенной. Система наделения землей по ревизским душам сдерживала семейные разделы и до некоторой степени тормозила процесс разрушения крестьянского потребительского хозяйства.

Отчасти недостаток пашни компенсировался купчей землей и арендой. Количество купчей земли у крестьян до 1861 г. было очень невелико. М. Баранович писал, что в 1858 г. государственные крестьяне имели в личной собственности (видимо, он имел в виду купчую землю) 38 846 $^{4}/_{8}$ дес. удобной земли и 23 609 $^{6}/_{8}$ дес. леса [55]. Прикупали землю и некоторые разбогатевшие помещичьи крестьяне. После реформы земельный рынок значительно расширился. Многие помещики продавали земли крестьянам, а чаще крестьянским обществам или купцам, а последние мелкими участками крестьянам. Размер покупаемого участка варьировал от нескольких десятин до нескольких сотен десятин*. В 1877 г. крестьянам принадлежало на правах собственности 105 410 дес., а в 1887 г. — 275 297 дес., причем размер помещичьих земель за это десятилетие сократился на 14,4%, а размер крестьянских купчих земель увеличился на 10,6%, т.е. напрямую или через посредников дворянская земля переходила главным образом в руки крестьян [56]. В 1906 г. крестьянство на праве собственности владело 404 120 дес. земли. Из этого числа крестьянские общества имели 85 676 дес., товарищества крестьян — 104 590 дес., в индивидуальной собственности находились 213 854 дес. [57].

Лишившись даровой рабочей силы, дворяне Мещёрской и отчасти Рязанской стороны сворачивали свои хозяйства и сдавали земли в аренду за деньги, а сами уезжали на службу в уездные города и Рязань. Те землевладельцы центральных и южных уездов, которые имели собственную запашку, сдавали крестьянам в аренду лишнюю землю частично за деньги, а частично за отработки, часто — исполу, т.е. когда урожай делился пополам, а семена могли быть только арендатора или землевладельца или того и другого пополам. Крестьянам было выгоднее заплатить за аренду отработками, чем деньгами, а землевладельцам были нужны рабочие руки. Крестьяне оказывались в положении арендаторов и сельскохозяйственных рабочих одновременно. Так, 38 домохозяев-крестьян с. Большое Село Пронского у. брались обработать 192 дес. земли, засеять и убрать урожай, а семена и урожай поделить пополам с помещиком. Еще 13 хозяев этого села снимали пашню за деньги и за работу по расчистке земли из-под леса [58]. Аренда могла быть рассчитана на один посев (яровой или озимый), на один или несколько севооборотов (севооборот — три года).

Однако постепенно от феодальной аренды исполу или за отработки помещики переходили к сдаче земли за деньги, тем более что рынок труда сельскохозяйственных рабочих постоянно рос, и их труд ценился дешево. Аренда десятины в 1880-е гг. в денежном выражении под озимые стоила 10–12 руб., а под яровые — 8–10 руб. Обследование Рязанской земской управы, проведенное в 1915 г. в Данковском у., свидетельствовало, что сдача земли в аренду происходила только за деньги, без отработок [59]. Переход к капиталистической аренде означал

* В с. Березово Пронского у. 66 хозяев после реформы 1861 г. купили 400 дес. пашни, а общество дер. Ванчур Сапожковского у. в 1880 г. купило 590 дес. земли (ГАРО. Ф. 29. Оп. 60. Св. 4. Д. 14. Л. 1 об.; оп. 63. Св. 22. Д. 16. Л. 40).

укрепление связи крестьянского хозяйства с рынком, так как земледелец должен был продавать всю или часть продукции с арендованной земли, чтобы компенсировать арендную плату за нее. Крестьяне также арендовали землю и за счет средств, доставлявшихся членами семьи, работавшими на стороне.

Реформа 1861 г. разрушила тесную связь крестьянского хозяйства с помещичьим. Безусловно, помещики жили за счет эксплуатации крестьянского труда, но они были заинтересованы в том, чтобы хозяйство их крестьян было в порядке. Пусть даже в собственных интересах, но помещик выполнял роль патрона, который худо-бедно, но не даст своему крестьянину помереть с голоду, ссудит хлебом на прокорм или семенами в неурожайный год, а то поможет лесом в случае пожара. Священник Селезнев, описывая обычаи Зарайского у. на рубеже 1860–1870-х гг., отметил большое влияние помещиков на жизнь и обычаи простого народа (см. т. 2. с. 615–617, 627) и то, что крестьяне, принадлежавшие богатому и важному помещику, испытывали чувство превосходства над другими, принадлежавшими менее именитым господам [60]. Видимо, это чувство и было результатом большей уверенности в защите и поддержке, которую они получат от своего господина. Но даже небогатые мелкопоместные помещики все равно поддерживали своих крестьян и находились с ними в отношениях, которые выходец из рязанских дворян А.Д. Галахов охарактеризовал пословицей: «Свой своему поневоле друг» [61]. После реформы крестьянам не на кого стало надеяться, их хозяйство оказалось более уязвимо для всякого рода катаклизмов.

Для крестьян «воля» стала тем рубежом, который разделил их жизнь на две половины: «раньше» и «теперь». И это «раньше» в большинстве случаев рисовалось в радужных красках всеобщего довольства: «Лес был, луга — степь бесконечная. Хлеба — невпроворот: скирды гнили в 1812-м-то году, когда француза в полон брали» (с. Пителино Раненбургского у.) [62]. И «раньше» противопоставлялось «теперь»: «До воли жилось лучше, потому у нас было много лугу и был свой лес, скота у нас было много, а теперь нас стеснили наделом, то хоть скота не имей…» (с. Летово Рязанского у.); «До воли урожаи были лучше, потому земля была хороша. Сеяли в разных местах; родилась хорошо греча, а теперь земля выделена в одном месте, местами плохая попадается. Самая лучшая земля отошла к помещику» (с-цо Николаевское Раненбургского у.); «…а теперь земля хуже, к тому ж прибавляются еще разделы — они тоже много губят. Прежде сеяли пшеницу, а теперь она не родится» (с. Чешуево Рязанского у.). И «погоды стали суши», и «урожаи стали хуже», — жаловались крестьяне [63]. Очень редко они вспоминали о том, что раньше много приходилось работать на барина, и свое не успевали вовремя посеять и убрать [64]. За полученные в ходе реформы земли крестьянам еще пришлось выплачивать очень обременительные выкупные платежи. Экономическое ухудшение условий хозяйствования для бывших владельческих крестьян (а это 60,6 % всех крестьян) и усиление неуверенности в завтрашнем дне стали одной из причин, по которой крестьяне, уже не надеявшиеся на помещиков, стремились подстраховаться побочными заработками.

Системы земледелия. На правобережье Оки в центральных и особенно южных уездах в конце XVIII в. прочно утвердилось трехполье, которое характеризуется наличием озимого, ярового полей и не занятого посевами пара* или *гулевого поля*. Трехпольная система предполагала обязательное удобрение земли.

Обычно в тех районах, где были еще не занятые земли, с трехпольем могли сосуществовать и другие, архаические системы земледелия. В Заочье, которое было менее заселено, где еще во второй половине XVIII в. были массивы неразмежеванных земель, существовала *подсечно-огневая* система**. В «Топографическом описании Рязанского наместничества» конца XVIII в. сообщалось, что в Касимовском у. пашенной земли «довольно», но так как

* При трехполье происходила постоянная смена участков под озимые и яровые культуры: там, где были озимые, на следующий год весной сеяли яровые, яровое поле шло под пар, на котором на следующий год в конце лета сеяли озимые.

** При подсечно-огневой системе вырубали участок леса, сжигали его и, распахав землю, сеяли на нем какое-то время, а потом забрасывали и ждали, когда она вновь превратится в лес.

она неплодородна, то через 10 лет ее забрасывают и ждут, пока она зарастет лесом, который затем вырубают и выжигают. Расчищенное от леса под пашню место там называлось *деревком, сечей*. В Егорьевском у., по словам автора «Топографического описания», хлеб родился только «по новым росчистям». В этих двух уездах и в Сапожковском у. подсечная система, правда на небольших площадях, существовала и в 1880-е гг. О земледелии Спасского у. сообщалось, что пашенной земли «много лежит впусте, принуждены будучи ее переменять». Видимо, для Спасского у. этого времени была характерна *переложная* (*залежная*) система земледелия*. В уездах с плодородными почвами — Скопинском, Сапожковском, Данковском, Раненбургском — к концу XVIII в. пахотной земли хватало, но пустой уже не было, а в Пронском у. ее уже было недостаточно [65]. И тем не менее в материалах, относящихся к 1850-м и 1870-м гг., часто встречаются упоминания о нови, а обследование 1887 г. показало достаточно большие для малоземельной губернии массивы залежей, особенно в Касимовском у. — 7851 дес., Рязанском — 2429 дес., Сапожковском — 1634 дес., а всего по губернии — 15 164 дес. [66]. Видимо, это были дальние земли, которые какое-то время не обрабатывались и заросли кустарником.

В Егорьевском, Касимовском и Рязанском уездах в 1860-е и 1880-е гг. встречалась «переложная пашня в пять лет», а в одной деревне — в 10 лет. На самом деле это не было перелогом в классическом значении, так как для перелога характерно отсутствие строгого деления пашни и соотношение регулярной пашни и залежи как 1:5. В указанных случаях поле делили на пять или 10 частей и по очереди ежегодно засевали одну из частей, а остальные были паром. При такой системе каждое поле переложной пашни отдыхало четыре года или девять лет [67]. Судя по всему, это был тот самый улучшенный перелог, который с целью продления отдыха земли еще в XVIII в. предлагал ввести известный агроном А.Т. Болотов. Он считал, что за несколько лет плодородие почвы должно было восстановиться лучше, чем на паровом поле при трехпольной системе [68]. Видимо, крестьяне пришли к тому же выводу опытным путем, тем более что в перелог пускались дальние земли, которые было невозможно удобрять, а зачастую и просто нечем. Крестьяне с-ца Никольское Сапожковского у. в 1880-е гг. при трехполье засевали пар не полностью: «Много загонов остаются незасеянными еще на год (погулять, как выражаются крестьяне), чтобы потом получить удовлетворительный урожай» [69]. Очевидно, такой продленный пар использовался как пастбище или сенокос и таким образом крестьяне решали две проблемы: восстановления плодородия земли и получения корма для скота.

Широкое распространение во второй половине XIX в. получило *пестрополье*. Обычно его устраивали на дальних землях, куда не гоняли скот, поэтому было не важно, чем засеяно поле и будет ли посеянное убрано одновременно. После 1861 г., когда размежевывали помещичьи и крестьянские угодья, таких дальних земель оказалось много. На них сеяли, не соблюдая какого-либо севооборота, даже «хлеб по хлебу», не удобряя их из-за дальности, и соответственно получали низкие урожаи. Пестрополье в с. Пиковы Рясы Раненбургского у. периодически использовалось как сенокос, а зажиточные крестьяне в 1880-е гг. хотели разбить его на несколько полей (ввести многополье), но что из этого получилось — не известно. К сожалению, скудная информация не позволяет сделать вывод о том, что «пестропольная трава», упоминаемая в хозяйственном описании Пиковых Ряс, — результат высева кормовых трав [70].

В 1914 г. Рязанская земская управа задалась целью выявить передовые хозяйства губернии: дворянские и крестьянские, которые ввели у себя многополье с посевом трав, внесением искусственных удобрений и черным паром. Таких оказалось очень мало: по два-три в каждом уезде, и только в Рязанском таких крестьянских хозяйств оказалось 10. В сообщении из Скопинского у. указывалось, что три передовых крестьянских хозяйства «прогрессируют с помощью земства и землеустроительной комиссии» [71]. Видимо, и в остальных уездах передовые хозяйства существовали за счет поддержки земств как показательные.

В начале XX в. в Санской, Юштинской и Тереховской волостях Спасского у., спе-

* Переложная или залежная система земледелия характеризуется использованием земли в течение нескольких лет под посев, а потом на какой-то период (3–5 лет) ее использовали как пастбище или сенокос, а затем вновь распахивали.

циализировавшихся на выращивании картофеля, при трехполье большая часть парового поля засаживалась картофелем, т.е. по сути была превращена в *занятый пар*. Такое стало возможно в силу особых обстоятельств, характерных для этих волостей: обилие прекрасных лугов и соответственно — скота и навоза, которым удобряли поля под картофель [72]. Отступления от трехполья свидетельствуют о попытках крестьян интенсифицировать земледелие. Но эти попытки, судя по тому, что сотрудники Рязанской земской управы акцентировали внимание на каждой из них, были явлением не частым. Известно, что в 1889 г. дер. Чичкино Рязанского у. от трехполья перешла к четырехполью. До 1917 г. в Рязанской губ. было всего две крестьянские общины, которые перешли на многополье [73].

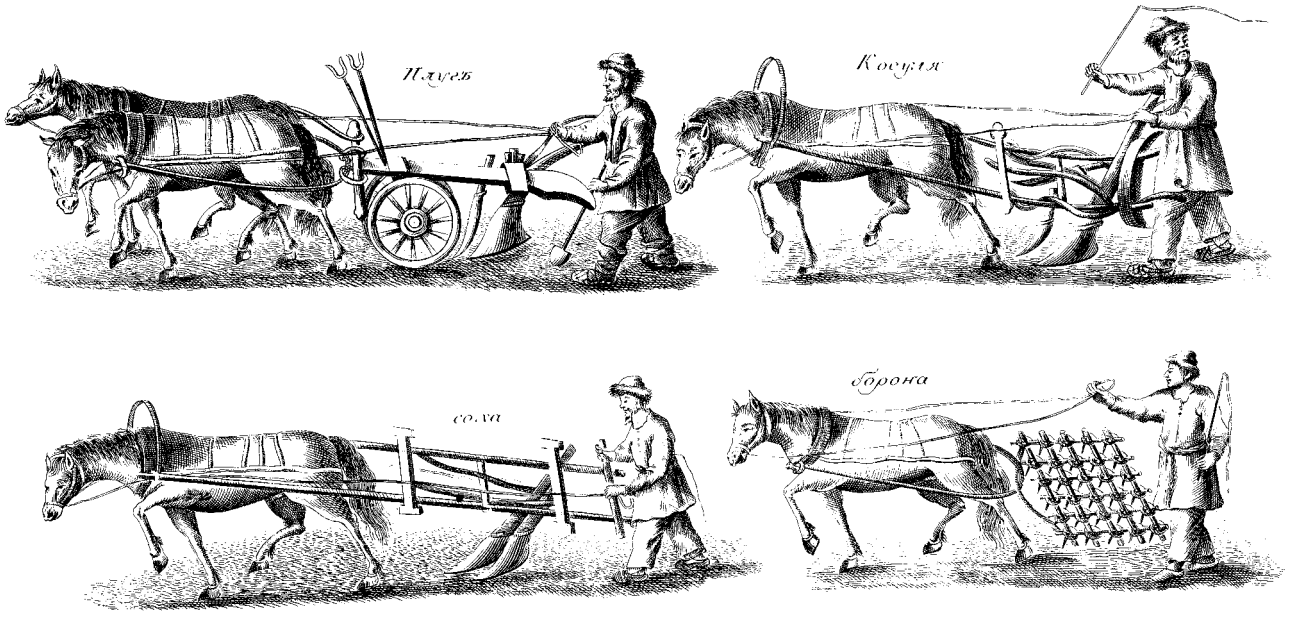
В 1880-е гг. в отдельных селениях можно было встретить двуполье и однополье. В дер. Приютовка Сапожковского у. был двупольный севооборот: первый год на одном поле сеяли рожь, на втором был пар; на второй год на первом поле сеяли яровое, а второе опять паровало; на третий год оба поля засевались яровыми. Потом опять все повторяли, но посев ржи и пар и все остальное меняли местами [74]. Получалось, что после трех-четырех посевов каждая половина поля отдыхала по два года. К сожалению, не известно, удобряли пар или нет. В дер. Борисовка Раненбургского у. один год сеяли рожь, два года подряд овес, а на четвертый — оставляли землю под паром. Нечто подобное отмечено и в дер. Александро-Прасковинка Сапожковского у.: там один год сеяли рожь, на другой засевали все овсом и другими яровыми, а на третий год все оставляли под паром, который удобряли. В селах Рыкова Слобода и Коростово Солотчинской вол. Рязанского у. и в селениях по Оке Зарайского у., где поля заливала полая вода, велось однопольное хозяйство без пара, засеваемое яровыми [75]. Обращает на себя внимание тот факт, что система земледелия не зависела от формы землепользования.

Пахотные орудия и тягловая сила. Сельскохозяйственные орудия, использовавшиеся рязанскими крестьянами во второй половине XVIII — начале XX в., соответствовали традиционной трехпольной системе земледелия. Они были просты в изготовлении и дешевы. Деревянные части крестьяне делали сами, а железные выделывали сельские кузнецы. По всей Рязанской губ. была распространена двузубая соха, и только в Рязанском и Касимовском уездах — однозубая [76].

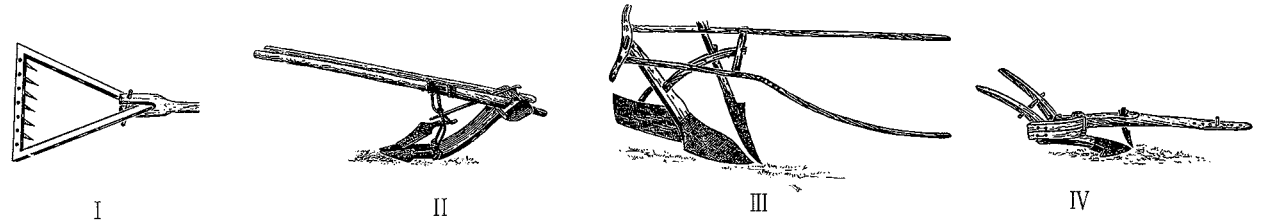
М. Баранович отметил, что, несмотря на разность почв на севере и юге губернии, повсеместно использовалась соха, хотя она приспособлена для легких песчаных почв и земель с неглубоким слоем чернозема. Распахивать сохой целину было чрезвычайно трудоемко, но таких земель в первой половине XIX в. оставалось мало. В 1820-е гг. раненбургские купцы и мещане, арендовавшие у однодворцев и помещиков землю под огороды, осенью нанимали воронежских крестьян-украинцев поднимать новь плугом на волах. В Шацком у. практика найма пришлых крестьян с плугами для поднятия целины сохранялась в начале 1900-х гг. [77]. В середине XIX в. в крестьянских хозяйствах Ряжского, Данковского и Раненбургского уездов плуги хотя и встречались, но были очень большой редкостью. К концу XIX в. соха оставалась главным пахотным орудием, хотя все чаще стал встречаться ее усовершенствованный тип — *косуля*. В качестве разрыхляющих орудий использовались деревянные бороны с деревянными и реже — железными зубьями.

Распространенность плужной пахоты расценивалась современниками как признак прогресса в земледелии, но Рязанская губ. в этом вопросе сильно отставала от соседней Владимирской. По словам одного из земцев, занимавшегося этим вопросом в конце XIX в., в Рязанской губ. «сплошь и рядом» есть селения, в которых «в глаза не видели не только плужной пахоты, но и самого плуга» [78]. По опросам, проведенным земством, 88% пахало сохой, 5% — косулей и столько же *оралкой* и только 2% — плугом [79]. Последний был более распространен на черноземных и суглинистых почвах. Главной причиной сложившейся ситуации являлся недостаток у крестьян средств: плуг стоил в три раза дороже сохи.

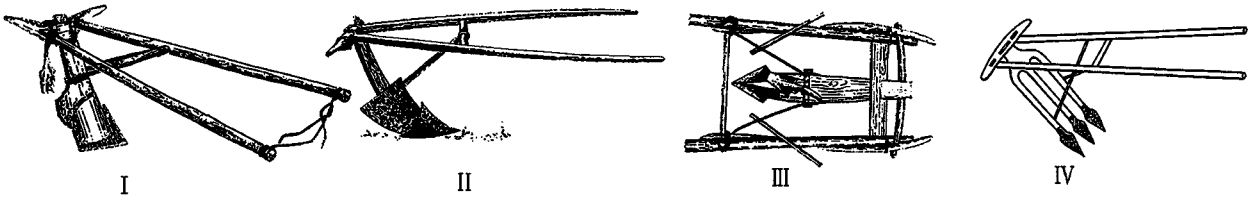
О сколько-нибудь заметных изменениях в сельскохозяйственных орудиях можно говорить только применительно к началу XX в., и то они скорее касались Степной стороны. В с. Перехваль Данковского у. железные плуги в 1912 г. даже начали вытеснять соху [80]. В целом же по губернии в 1910 г. насчитывалось 19 800 плугов [81].



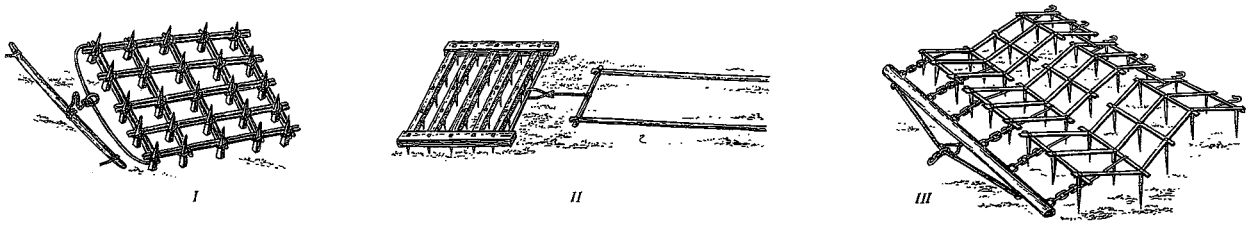
Пахотные орудия 2-й половины XVIII в. Гравюра. (Труды ВЭО. 1767. Т. VII)



Виды пахотных орудий. Середина XIX в.: I. Рало; II. Соха; III. Косуля; IV. Плуг.



Виды сох. Конец XIX – начало XX в.: I. Однозубая; II. Однозубая усовершенствованная; III. Двузубая; IV. Многозубая.



Виды разрыхляющих орудий. Конец XIX – начало XX в.: I. Борона деревянная с деревянными зубьями; II.Борона деревянная с железными зубьями; III. Борона железная.

[Из кн.: Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – начало XX в.) М., 1967. Карта 1–3].

Сев повсеместно производили вручную. Некоторые зажиточные хозяева, имевшие большое количество надельной или купчей земли, а также крестьянские товарищества покупали сеялки, но в 1910 г. по губернии их было всего 1400 штук [82].

В Степной стороне во многих селениях применяли *каток* для укатывания земли после посева. Каток был сделан из дерева в виде бочки и имел в середине ось. Его употребляли, чтобы сохранить влагу в почве и выровнять поверхность и тем самым подготовить ее для уборки урожая косой.

Появившиеся на крестьянских полях редкие машины не могли внести каких-либо существенных изменений в привычную систему земледелия, но у зажиточных крестьян было стремление к приобретению более совершенных орудий и машин.

Полноценное хозяйство не могло существовать без достаточной тягловой силы. Обеспеченность лошадьми в значительной степени была показателем производительных возможностей крестьянского двора. Крестьяне с. Пиковы Рясы Раненбургского у. считали «полным хозяином» того, кто имел трех лошадей, и говорили, что «двухлошадные тоже еще крестьяне полные, а однолошадные — уже плохие жители, нуждающиеся» [83]. Обычно двум-трем однолошадным дворам приходилось сопрягаться для полевых работ, чтобы одновременно пахать и боронить, так как, по словам крестьян, в одиночку на одной лошади редко кто работал [84].

Уже в начале 1860-х гг. были селения, в которых 10, 13 и в редких случаях даже 30% хозяйств не имели лошадей, хотя в других селениях таких дворов были единицы [85]. Во второй половине XIX в. число безлошадных хозяйств быстро росло*. Мы взяли выборочно четыре уезда, входившие в разные природо-почвенные зоны (Мещёра, Рязанская сторона, Степная сторона), и в каждом по три волости, чтобы выяснить возможности крестьян в начале 1890-х гг. для самостоятельного ведения хозяйства.

Таблица 3. Количество безлошадных и однолошадных дворов в процентном отношении к общему числу дворов. 1891 г.

Название волостей	С одной лошадью число дворов в %	Без лошади число дворов в %	Дворов, не способных полноценно работать
Егорьевский уезд			
Нечаевская вол.	56,5	21,6	78,1
Колычевская вол.	62	15	77
Парыкинская вол.	58,9	16,1	75
Зарайский уезд			
Апонитищенская вол.	28,7	17,4	46,1
Григорьевская вол.	17	18,4	35,4
Луховическая вол.	31,4	18,4	49,8
Скопинский уезд			
Маклаковская вол.	31,4	11,9	43,3
Казинская вол.	24,9	17,4	42,3
Чернавская вол.	32,6	14	46,6
Спасский уезд			
Городковическая вол.	22	14	36
Рясская вол.	32,6	11,2	43,8
Ижевская вол.	26,8	34,7	61,5

Таблица 3 составлена по материалам ГАРО. Ф. 29. Оп. 67. Д. 1, 2, 8, 9.

Как видно из таблицы, процент дворов, не способных вести полноценное крестьянское хозяйство, был очень высоким. Часто проблема заключалась даже не в том, что крестьяне не могли купить лошадь или прикупить вторую, а в том, что они не могли их содержать. Од-

* По данным военно-конских переписей в Центрально-Черноземной области в целом по Рязанской губ. за 1891 г. безлошадных дворов было 28,9%, а в 1893 г. — 35,7% [*Смирнов В.Ф.* К вопросу об оскудении Рязанской губернии. Рязань, 1926. С. 11 (Материалы к плану народного хозяйства Рязанской губернии. Вып. 2)].

нако обращает на себя внимание тот факт, что самый высокий процент однолошадных и безлошадных дворов был во всех трех волостях Егорьевского у. и в Ижевской вол. Спасского у., большая часть населения которых занималась местными и отхожими промыслами. В таких селениях было принято, чтобы оставшиеся вести хозяйство женщины нанимали работника с лошадью, так что безлошадность может быть свидетельством не только обнищания, но и потери частью крестьян интереса к исконно крестьянскому занятию, переориентацией их на внеземледельческие заработки.

Культуры и урожайность. Для крестьянского натурального потребительского хозяйства характерен широкий набор выращиваемых культур, которыми оно должно было обеспечить себя. Почвенно-климатические условия губернии предопределили выращиваемые на ее территории культуры. В «Топографическом описании Рязанского наместничества» конца XVIII в. отмечено, что в южной части — Степи, где земля «отменно плодородна», и в центральной части — Рязанской стороне — «сеют всякаго рода хлеб, как-то рожь, пшеницу, овес, ячмень, горох, просу и сему подобный хлеб, а в Мещёрской стороне, хотя всякой же хлеб почти сеют, но редко и сам третий родится; лучшее произрастание сего края хмель» [86]. Хотя автор «Топографического описания» одной строкой указал все культуры, не все они возделывались по всей территории и не в равной мере. Пшеницу озимую и яровую даже на плодородных землях юга в крестьянских хозяйствах сеяли мало, хотя, видимо, больше, чем это было позже, во второй половине XIX в. Крестьяне дер. Шишкино Рязанского у. в начале 1880-х гг. говорили: «Прежде сеяли пшеницу, а теперь нет, потому [что] не родит». О том, что пшеницу прежде сеяли, говорили и жители с. Чешуево Рязанского у. и жители с. Зенкино Раненбургского у. В некоторых селениях продолжали сеять «загончик» на навозной земле, но мало (деревни Катино, Урусово того же уезда) [87]. Пшеницу сеяли в Зарайском, Спасском, а местами и в Касимовском уездах, но главным образом в помещичьих хозяйствах. Пшеница требовала хорошо удобренных почв, была капризна, хотя в урожайные годы давала большую прибыль. Но крестьянин не хотел рисковать и предпочитал сеять то, что давало более стабильные урожаи.

Крестьянским хлебом была рожь, которую выращивали в Рязанской губ. повсеместно. Она практически являлась единственной озимой культурой. В Мещёре иногда сеяли и яровую рожь, но хороший урожай она давала, только если в мае шли дожди [88].

Первое место среди яровых культур во второй половине XIX в. в целом по губернии занимал овес. В Заочье его посевы были не велики, а на всей остальной территории края он являлся товарной культурой, хотя в одних уездах его сеяли больше, в других меньше. В 1914 г. 54,1% всех надельных земель было занято овсом [89].

Большие посевы гречихи были в Заочье, а поскольку она является хорошим медоносом, то там же было хорошо развито пчеловодство. В 1860-е гг. в Егорьевском у. во многих селениях Нечаевской вол. гречиха была единственной яровой культурой. В Парыкинской вол. гречиха преобладала ($^{9}/_{16}$ ярового клина), хотя там сеяли немного овса и льна. В Маливской вол. были селения, в яровом клине которых преобладал овес [90]. В черноземных уездах — Раненбургском, Данковском, Скопинском, — а также в Ряжском, Сапожковском и части Пронского в первой половине XIX в. тоже широко культивировали гречиху. Особенно была известна так называемая раненбургская гречиха [91]. В Зарайском у. ее сеяли не много, главным образом на запольной (дальней и неудобряемой) земле [92]. Однако к середине века урожаи начали падать, и в 1870-е гг. ее посевные площади сильно сократились. В Мураевенской вол. Данковского у. в первой половине XIX в. гречиха занимала 30% ярового поля, а в конце 1870-х гг. только 5–10% [93]. Падение ее урожайности было связано с изменением климата вследствие вырубки лесов. «Или Бог наказал, или же климат изменился» [94], — гадали земледельцы с. Сергеевский Боровок Раненбургского у., где раньше гречиха давала прекрасные урожаи. К концу века и в начале XX в. по-прежнему много ее сеяли в Егорьевском и Касимовском уездах.

В первой половине XIX в. просо не было распространенной культурой. В Зарайском у. его сеяли мало и преимущественно на нови [95]. В сведениях по Данковскому у. за

1864 г. ни в одном из описанных селений не указан посев проса: везде $^{2}/_{3}$ овса и $^{1}/_{3}$ гречихи [96]. В середине века в более значительных количествах просо сеяли в Мещёре на распаханных залежах и лесных росчищах или на распаханном лугу [97]. К концу XIX в., а особенно в начале XX в. оно получило распространение, так как было более устойчиво к засухам, чем гречиха. В с. Журавинка Раненбургского у., по сообщению сотрудника Рязанской земской управы, просо в 1880-е гг. занимало большую часть ярового клина в безлошадных хозяйствах [98]. Логично предположить, что безлошадному не надо было кормить овсом лошадь и он сеял просо. Однако даже зажиточные крестьяне очень скудно кормили лошадей овсом, который прежде всего шел на продажу. Жители Зенкина тоже отметили, что «кто победнее, на просо налегает», тогда как крестьяне побогаче сеяли больше овса [99]. Видимо, для бедных хозяйств проблема заключалась не в рыночной выгодности культуры, а в получении хотя бы минимума продуктов для семьи, и они из хлебных злаков предпочитали просо, потому что «пшено для каши выгоднее, нежели гречневая крупа… — как писал В.В. Селиванов. — Пшено спорее круп» [100]. В начале XX в. в яровом клине просо занимало второе место после овса.

С конца 1870-х гг. рязанские крестьяне стали все больше сеять чечевицу, которая давала неплохие урожаи. Ячмень сеяли мало. В Зарайском у. его называли *житарь* [101].

Во второй половине XIX в. началось победное шествие по Рязанской земле картофеля. В 1760-е гг. картофель («потетесы» или «тартофели», как его тогда называли) в Рязанской провинции среди крестьян был практически не известен [102]. В первой половине XIX в. картофель сажали главным образом на огороде, да и то в небольшом количестве. В 1864 г. в Егорьевском у. в редких селениях в яровом клине указан картофель [103]. Среди крестьян еще в первой половине XIX в. существовало известное предубеждение против этой культуры: старухи говорили, что в картофеле будто бы находили кровь и есть его — грех [104].

В большом количестве картофель выращивали помещики, особенно те, кто занимался винокурением, крахмальным и паточным производством. В с. Исады и расположенной вплотную к нему дер. Аргамаково Спасского у. посадки картофеля появились благодаря помещику И.И. Кожину. Ранее, по словам стариков, записанным в 1919 г. этнографом М.В. Сергиевским, этой культуры здесь совсем не знали [105].

Заметное место в яровом клине крестьянских наделов картофель начал занимать в 1880-е гг.: в одних местах он превращался в товарную культуру, а в других — в основной продукт крестьянского стола и отчасти шел на корм скоту. Выращивание картофеля приобретало товарный характер там, где были крахмальные, паточные и спиртзаводы [106], на которые крестьяне сбывали его. В 1880-е гг. крестьянам Шумашской вол. Рязанского у. было выгоднее сдавать картофель на крахмальные и спиртзаводы и покупать зерно и муку, поэтому он начал вытеснять даже рожь [107]. В начале XX в. в Инякинской и Желудевской волостях Спасского у. картофелем засаживалось все яровое поле, а в Санской, Юштинской и Тереховской волостях того же уезда им засаживали даже пар [108]. В Солотчинской и Шумашской волостях картофель занимал 61,5% ярового клина [109]. Аналогичный процесс шел и в с. Ижевское Спасского у., где этот овощ потеснил посевы льна, овса и проса. Самыми «картофельными» были Егорьевский, Касимовский, Спасский уезды, заокская часть Рязанского. Там под ним в 1914 г. было занято 29,6% ярового поля. И если широкий размах его выращивания в Спасском у. был обусловлен концентрацией там большого числа крахмальных заводов (34), то в «картофельном» Егорьевском таких предприятий не было, и картофель имел исключительно продовольственное и кормовое значение. В Скопинском и части Сапожковского уездов эта культура занимала 18,4%. Мало его сажали в Пронском, Зарайском, Раненбургском, Ряжском уездах и в южных частях Рязанского и Сапожковского уездов [110]. Распределение культур по уездам демонстрирует таблица № 4.

Из волокнистых и масличных полевой культурой был лен. В XIX в. его преимущественно сеяли в Заочье, где он имел товарное значение. Значительные посевы льна в Заочье обслуживали нужды сетеплетения, которым занимались женщины во многих селениях Мещёры. В 1910-е гг. пуд льна стоил 3–6 руб., и многие крестьянки продавали по три–семь пудов

волокна [111]. В правобережной части, особенно в южных уездах, культивировали коноплю или *пеньку*, хотя местами были небольшие посевы и льна. Качество льняного волокна ценилось выше, но конопля давала его больше. Льняное и конопляное масло в большом количестве шло в пищу в посты.

Таблица 4. Распределение озимого и ярового полей и пашни под яровыми посевами (в процентах). 1909 г.

Название уездов	Соотношение полей		Овес	Просо	Греча	Картофель	Чечевица	Лен	Конопля	Проч. культуры
	озимое	яровое								
Егорьевский	52,5	47,5	21,7	0,7	46,6	22,2	–	8,3	–	0,5
Касимовский	51,7	48,3	41,4	9,3	20,3	23,9	0,1	3,2	0,2	1,6
Рязанский	50,1	49,9	73,4	6,7	5,5	7,1	5,1	0,4	0,2	1,6
Спасский	50,5	49,5	62,6	10,0	4,8	19,4	1,1	0,6	0,1	1,4
Зарайский	53,7	46,3	76,0	3,3	1,5	4,1	13,2	0,2	0,1	1,6
Михайловский	48,1	51,9	82,8	3,5	0,9	9,0	2,6	0,2	0,1	0,9
Пронский	49,8	50,2	84,7	6,3	0,2	3,4	3,6	0,1	0,1	1,6
Ряжский	48,8	51,2	81,5	10,2	0,6	5,8	0,4	0,2	0,2	1,1
Сапожковский	47,7	52,3	74,4	9,8	1,5	10,4	1,5	0,2	0,2	2,0
Скопинский	49,2	50,8	79,0	7,8	2,0	7,2	1,6	0,8	0,3	1,3
Данковский	46,2	53,8	72,7	9,0	2,6	11,6	1,0	0,8	0,2	2,1
Раненбургский	48,1	51,9	78,3	12,8	0,8	5,4	0,4	0,8	0,3	1,2
По губернии	48,9	51,1	76,2	8,4	2,4	8,5	2,2	0,6	0,2	1,5

Таблица 4 опубликована в кн.: Экономический обзор Рязанской губернии. 1909 год. № 1. Рязань, 1909. С. 27.

Несомненно, специализация на какой-то полевой культуре, пользовавшейся рыночным спросом, позволяла смягчить последствия малоземелья, вела к более интенсивному использованию земли и способствовала преодолению натурального характера хозяйства, развитию товарно-денежных отношений в рязанской деревне. Наиболее успешным хозяевам и целым селениям специализация давала возможность перейти к расширенному воспроизводству: арендовать или покупать земли, приобретать усовершенствованный инвентарь и даже машины.

Урожайность в Рязанской губ., даже в плодородных уездах, не была высокой. В конце XVIII в. для Касимовского, Егорьевского, Спасского уездов обычными были урожаи сам-три; для Пронского — сам-четыре; в Михайловском и Скопинском уездах они поднимались до сам-пять. Сравнительно высокой урожайностью отличались Ряжский у. — сам-девять; Сапожковский у. — сам-десять. В хорошие годы в Данковском и Раненбургском уездах она тоже доходила до сам-десять. Высокие урожаи давали удобренные илом почвы на левобережье Оки. В 1850 г., когда везде был недород, в приокском с. Шумашь Рязанского у. овес дал сам-двадцать [112].

В 1880-е гг., помимо гречихи, крестьяне отмечали снижение урожайности по всем культурам, что в сочетании с уменьшающимся размером душевого надела вело к сокращению зерна на душу населения: в 1814 г. озимого хлеба на одну душу сельского населения собирали 21,6 пуда, а в 1913 г. всего 12,2 пуда [113]. По показаниям крестьян дер. Шишкино Рязанского у., в 1880-е гг. только 20 дворов их села могли дожить на своем хлебе до нового урожая, да и то при наличии купчей земли. Покупать хлеб начинали кто с Рождества, а кто с Пасхи. Это подтвердили и жители сел Раменки и Летово того же уезда [114]. В черноземном Раненбургском у. в Зенкине три четверти хозяев начинали покупать хлеб с Пасхи, а в Ломовом не более трети хозяев обходились своим хлебом, остальные покупали с Рождества. В с-це Николаевское даже при трехдушном наделе и 10 едоках, одной лошади, телке, трех овцах хлеба хватало только до Покрова [115].

Этим показаниям из Раненбургского у., кажется, противоречат материалы «Экономического обзора Рязанской губернии» за 1909 г., в которых сообщалось, что крестьянские

хозяйства Раненбургского, Данковского и Ряжского уездов произвели излишек хлеба, а крестьяне Сапожковского, Скопинского, Спасского уездов покрыли собственные потребности. И только в остальных уездах собрали зерна меньше количества, необходимого для прокормления крестьянской семьи [116]. Урожаи очень сильно колебались по годам и по уездам. При сборе с крестьянских земель среднего урожая не хватало 3 млн. пудов хлебных и приварочных продуктов*, но оставалось в качестве излишка около 6 млн. пудов овса [117].

Падение урожайности одни объясняли поздним подъемом паров, на которых пасли скот до окончания сенокоса, или говорили, что поздний подъем пара связан с необходимостью прежде обработать взятую под заработок землю; но другие, и их было большинство, видели причину снижения сбора зерна в плохом удобрении земли [118].

Паровая система предполагала обязательное унавоживание пашни во избежание выпаханности земли. В XIX в. рязанские крестьяне удобряли только паровое поле. Редко в отдельных местах зажиточные клали навоз под яровые: просо и гречиху. В среднем на десятину надо было внести 2400 пудов навоза, которые могли быть получены от шести голов крупного рогатого скота. Однако по Рязанской губ. в середине XIX в. на одну паровую десятину приходилась всего одна голова крупного скота, от которой можно было получить в год всего лишь 400 пудов навоза** [119].

Особенно нуждалась в навозе земля Заочья. Там крестьяне старались удобрять равномерно все поле, в том числе и дальние загоны. Для удобрения иногда использовали торф («болотную землю»), смешивая его с навозом [120]. В Скопинском, Сапожковском, Данковском и Раненбургском уездах пашню удобряли мало: ближние земли и слабые места, а в двух последних часто и не удобряли вообще. Но даже в этом случае можно было рассчитывать хотя бы на посредственный урожай. Крестьяне с. Климово и дер. Жабино Раненбургского у. в 1880-е гг. признавались, что никогда не удобряли землю навозом, так как весь навоз уходил на топку и на удобрение огородов и конопляников [121]. Многие крестьяне в вечной погоне за копейкой продавали навоз по 10–15 коп. за воз. Навоз стал до некоторой степени эквивалентом денег. Помещики либо скупали его у крестьян, либо, сдавая им в аренду земли, обязывали вывезти на нее определенное количество навоза. Крестьяне дер. Ремизовка Сапожковского у. брали у помещицы ржаную солому для топлива и овсяную на корм, а весной возвращали навозом: за воз ржаной соломы — пять возов навоза, за воз овсяной — 10 навоза. Крестьяне дер. Отрада Сапожковского у., занимая у землевладельцев деньги, проценты платили навозом: за 10 руб. в качестве процентов отдавали 10 возов навоза [122].

Своевременному и достаточному удобрению полей мешали и переделы надельной земли. Крестьянам было невыгодно систематически удобрять надел, который не сегодня-завтра перейдет к другому хозяину. Обычно за несколько лет до ожидаемого передела они прекращали унавоживать пашню. Эта практика существовала и в середине, и в конце XIX в. Сами крестьяне так и объясняли: «навоз весь не вывозят, потому что земля в передел идет» (Салтыковская вол. Раненбургского у.), что первые шесть–семь лет после передела удобряли, а впредь «не будут вывозить до нового раздела» (Новотишинская вол. Раненбургского у.). Крестьяне с. Перехваль Данковского у. имели как четвертные наделы, которые не переделяли, так и душевые, и удобряли только наследственно-четвертные [123].

Удобренная земля так высоко ценилась, что жители дер. Кареево Пронского у., ежегодно перераспределяя пашню, разрешили тем, кто ее удобрял, пользоваться ею 10 лет. А крестьяне дер. Арсеново Пронского у. постановили в 1883 г., что в случае передела каждый домохозяин имеет право выбрать из всей земли, которой он пользовался, ¼ дес. и оставить ее себе [124].

Обычно навоз на паровое поле вывозили в Петровский пост — в *петровки*, иногда в мае после сева яровых. В Зарайском у. вывоз навоза на пар во время Петровского поста назывался *навозницей*, а если период поста был короткий, то начинали возить с Русальской недели (неделя после Троицы). Хозяева сохой расчерчивали поле на клетки — *лешили* десятину, а потом на каждую вываливали кучу навоза [125]. Навоз разбрасывали по десятине и запахивали.

* К приварочным продуктам относили просо, гречиху, картофель.

** По данным начала 1920-х гг. лошадь давала 500 пудов навоза, корова при пастьбе — 600 пудов, а при стойловом содержании — 800 пудов (РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 56. Л. 91).

От посевной до уборочной. Естественно, что в северные и южные уезды губернии, отстоящие друг от друга на 300 км, весна приходила не одновременно. В северных уездах она начиналась в среднем на 10 дней позже, чем в уездах центральной части губернии, и еще позже по сравнению с южными уездами. В конце XVIII в. в Касимовском, Егорьевском, Зарайском и других уездах под яровые пахали с конца апреля или с первых чисел мая. По данным корреспондентов Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева, крестьяне Егорьевского у. начинали пахать с 25–30 апреля по ст. ст. В Пронском у. выезжали на поля 10–20 апреля. В с. Ижевское Спасского у. при посеве яровых работа тянулась с 23 апреля (Егорий) до 22 мая (Константин и Елена) по ст. ст. [126].

По наблюдениям метеоролога Н.П. Коломийцова, даже в соседних уездах сев яровых начинался не одновременно и амплитуда колебаний сроков начала и окончания посевной была значительной [127]. Это связано с тем, что прогрев земли зависит не только от широты, на которой расположен участок, но и от состава его почвы и рельефа, поэтому даже в пределах одной местности готовность разных участков земли к севу может существенно различаться. Искусство народных метеорологов и фенологов в том и заключалось, чтобы на основании местных примет уловить момент готовности земли к севу (см. гл. 7). Дату начала полевых работ назначал мирской сход, и посевная начиналась одновременно, чтобы так же одновременно потом убрать урожай и освободить поля под пастбище для скота.

Поскольку весной часто не хватало времени и рук, чтобы несколько раз вспахать, то под яровые местами *пахали зябь* или *метали* с осени, а весной перепахивали и сеяли. Вспашка зяби к концу XIX в. и в начале XX в. получила широкое распространение в южных хлебородных уездах. Многие крестьяне оценили преимущества зяби в борьбе с сорняками и засухой, от которых страдала Степная сторона. В северных Касимовском и Егорьевском уездах под зябь пахали низменные места, где весной пахать сыро [128]. Тормозило внедрение зяблевой вспашки отсутствие выпасов для скота, так как *жнитво* до глубокой осени использовали под пастбище. У некоторых крестьян существовало предубеждение против зяби: по их мнению взметанная осенью земля потом (на третий год) даст хуже урожай ржи, чем никогда не паханная осенью (Зарайский у.) [129]. Не пахали зябь часто и там, где все мужчины уходили в отход или где по жнитву раскладывали вылеживаться лен.

Обработка земли под яровые зависела от почвы и от культуры: под овес пахали и боронили два раза, под просо обычно три раза, но нередко, если были рабочие руки и время, то четыре и даже пять раз, под гречиху — три раза. После сева семена запахивали и боронили. Посеяв просо, через пять-семь дней землю обычно перепахивали или, как говорили в Зарайском у., *ломали*, а в Чернаве — *перепаивали*. Отдельные хозяева «ломали» поле через несколько дней и после посева овса [130].

В.В. Селиванов, а вслед за ним М. Баранович писали о методе сева овса по непаханому полю с последующим запахиванием и забораниванием, а спустя несколько дней — *двоением*. Этот метод использовали в случае засушливой весны или при необходимости провести сев в очень сжатые сроки. Он получил название *сеять по пожарищу*. О севе *по пожару* упоминается и в материалах обследования крестьянских хозяйств в 1887 г. Так, в с. Путятино Раненбургского у. овес сеяли после схода снега «по пожару», редко перед тем даже взметывая. Через два-четыре дня, а если холодно, то через неделю перепахивали. В этом селе таким же образом сеяли и просо [131]. В 1760-е гг. в соседней Тамбовской губ. существовал метод сева яровых, прежде всего овса, по выжженному бывшему озимому полю. Выжигая остатки стерни, крестьяне таким образом очищали почву от сорняков [132]. Видимо, изначально стерню сжигали и в Рязанской губ., но потом практика ее выжигания прекратилась, а название осталось*.

Обработку почвы под озимый хлеб начинали в июне тоже одновременно всем селением. Первая вспашка — это запахивание навоза; затем в июле делали вторую с начала обработки паров вспашку с сохой с бороной — двоили. Как писал В.В. Селиванов, до Ильина

* В.В. Селиванов высказывал предположения, что метод заимствован из степных губерний, где жнивье перед севом действительно сначала сжигали, или что выражение «по пожарищу» — это искаженное «по пожатищу», т.е. по сжатому полю (*Селиванов В.В.* Год русского земледельца. Зарайский уезд Рязанской губернии. Рязань, 1887. С. 18).

дня (20 июля ст. ст.) земля должна быть передвоена [133]. Часто перед вывозом навоза и его запашкой делали *взмёт* — мелко (8–10 см) пахали верхний слой одной сохой без бороны, и в этом случае его считали первой вспашкой, запахивание навоза — второй, а следующую вспашку называли *троением*. После сева зерновые запахивали и боронили или *волочили* землю.

В середине XIX в. пар подымали до сенокоса. Однако в 1880-е гг. в подавляющем большинстве селений это делали после сенокоса или частично до него, а частично после, поскольку во многих селениях скот в это время негде было пасти, кроме как по пару. После сенокоса его перегоняли на скошенные луга.

Сев крестьяне производили своими семенами. Это отметил еще в 1760-е гг. сотрудник Вольного экономического общества. Рязанские земледельцы полагали, что «от привезенных, хоть и свежих, урожая, против домашних, не бывает». Единственное исключение делалось для конопли, семена которой, привезенные из других мест, давали такие же урожаи, как и местные [134]. Сортировку семян крестьяне обычно не производили и не старались, как писал корреспондент Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева из Скопинского у., использовать на семена лучшее зерно, так как считали, что если Бог пошлет урожай, то и из плохих семян родится много хлеба [135]. Но все же существовали приемы их предварительной очистки. Осенью по селениям Зарайского у. ходили крестьяне-подсевальщики с *грохотами* и за небольшую плату с их помощью очищали зерно от семян сорных трав (см. с. 195). Там же, видимо, в основном в помещичьих хозяйствах, от головни выдерживали семена пшеницы в *квасах* — растворе извести и золы. В Раненбургском у. в целях борьбы с головней было принято перед посевом пропускать просо через огонь, и бывали случаи, когда по неосторожности его даже сжигали. В том же уезде крестьяне пытались мыть зерно в холодной воде, чтобы пораженные головней зерна всплывали. Но все эти методы не всегда оправдывали ожидания. В 1880-е гг. крестьяне дер. Горюшки, не удовлетворившись результатами промывания семян, начали покупать привозные у купцов в Раненбурге [136].

Для удобства сева поле разделяли прямыми линиями, раскладывая пучки соломы. Эти полосы назывались *лехами*. В с. Маклаково Скопинского у. существовала примета: если сеятель пройдет такую леху, не обсеяв ее, то это к покойнику [137] (видимо, на чью-то долю не засеял). В с. Кочемирово Темниковского у. в качестве *лешек* хозяин протап-

Севалки начала XX в.: а) из бересты. Кадомский р-н, с. Кочемирово (НМРЗ); б) из дощечек. Сараевский р-н, с. Можары. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Крюк – коса с грабельками. Сараевский р-н, с. Меньшие Можары. Начало XX в. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

тывал тропинки по полю. В Малом и Большом Ардабьеве Касимовского у. поле *лишили* длинными палками, которые втыкали в землю на равном расстоянии вдоль противоположных сторон загона, и когда сеяли, шли от палки на одной стороне к палке на другой стороне.

Сеяли из *севалки* или *сявка*, сделанных из луба, тонкой осиновой доски, а если их плели из лыка, то тогда могли назвать *кузовком*, *кошелкой*. В севалку входил пуд (16,38 кг), а то и полтора семян. Ее вешали на лямке или полотенце на шею или лямка шла через плечо по груди наискосок. Обычно сеяли одной рукой, но хороший сеятель мог рассевать и двумя руками: налево и направо, что в крестьянской среде считалось свидетельством особого мастерства. Сеяли, как правило, взрослые женатые мужики («в силе»): молодежи и старикам такое ответственное дело не доверяли, но в конце XIX в., а особенно в начале XX в. в связи с ростом отходничества, мобилизациями мужского населения на войны начала века, это правило уже не соблюдалось: пахали и сеяли не только старики, но и подростки, а в Заочье — даже женщины.

На тридцатую десятину в среднем по губернии высевали: ржи 9–10 мер, овса 16–20 мер, гречихи 9–12 мер и 2 меры проса [138]. Высев в южных уездах был немного больше, чем в северных, так как крестьянам черноземных уездов приходилось все время упорно бороться с сорняками, а чем гуще был засев, тем меньше сорняков. В период созревания крестьяне несколько раз пропалывали просо, а в некоторых местах обрабатывать его приходилось по пять–шесть раз. В Заочье пропалывали также лен.

Рожь обычно начинали убирать с Казанской (8 июля ст. ст.) или с Ильина дня. В с. Никуличи Рязанского у. говорили: «Ни мы Илью не дожидаемся, ни нас Илья не дожидается» (т.е. завтра будут рожь жать) [139]. После озимых начиналась уборка яровых, прежде всего овса. Уборочная в Ижевском Спасского у. — родном селе краеведа В.Д. Бакулина — тянулась до 16–20 августа и «лошади, и люди теряли в весе значительно» [140]. Если все домохозяева убрали свои загоны, а кто-то припоздал или еще не начинал, то общество смотрело, в чем дело, и решали, как поступить: если в семье что-то случилось, то устраивались *помочи*, если причина была в отлучке хозяина, то считали, что он должен нанять вместо себя работника, а если задержка случилась по нерадению, то, невзирая на несжатые загоны, общество выгоняло скот на жнивье [141].

На протяжении XVIII и XIX вв. уборочными орудиями были серпы и специальные косы с приделанными к ним грабельками, получившие название *крюк*. Конные косилки, а тем более жнейки перед революцией 1917 г. были большой редкостью в крестьянских хозяйствах. В Мещёре для уборки хлебов использовали преимущественно серп, а в Рязанской и Степной сторонах серп и косу-крюк. Даже в северной левобережной части Рязанского у., которая относилась к Заочью, хлеб убирали серпом, а в южной правобережной — косой [142]. В Заочье жали даже овес, который на всей остальной территории косили. Такое территориальное разделение в использовании серпа и косы, видимо, сложилось под влиянием того, что в Заочье большая часть мужского населения в летний период была на промыслах. Мужики возвращались на покос, так как работа косой считалась исключительно мужской, а сразу после покоса,

часто не дожидаясь уборочной, опять уходили. А поскольку уборка хлеба ложилась на плечи женщин, то они работали серпами. Однако в начале XX в. женщины Мещёры все больше начинали работать крюком.

На территории южнее Оки использование серпа или крюка часто зависело от обстоятельств: если рожь полегла, то ее жали, а если уродилась не густой и не высокой, то косили крюком [143], хотя было немало селений, где рожь и просо предпочитали жать и в 1920–1950-е гг. В целом совершенно определенно просматривается тенденция вытеснения серпа косой. При кошении за косцом шли две вязальщицы. Скашивание давало больше соломы, так как коса срезала стебель ниже, чем серп, и крестьяне с. Телятники Сапожковского у. именно этим и объясняли переход от серпа к косе [144]. Однако с другой стороны, после кошения на поле оставалось меньше растительных остатков, которые удобряли почву.

Чисто скосить и сжать было делом чести. Оставленная нескошенной гривка вызывала шутки и смех. В с. Маклаково Скопинского у. она называлась «вдовьей долей» [145]. В Ижевском уже в 1950-е гг. над таким косцом смеялись и говорили, что он оставляет «бороду»*.

Просо жали слегка недоспевшим, иначе оно могло, как говорили, «вытечь» из кисти. Снопы, которые вязали женщины, складывали в *хрестцы* (*христушки* в с. Полтевы Пеньки Темниковского у.), но днем их обычно разбирали, чтобы хорошо просохли. В Ижевском так делали три зари. В некоторых местах считали, что хлеб на полях сушится зарницами (с. Кумино Скопинского у.) [146]. Обычно в хрестце было 13 снопов, но могло быть 15, 17, а в копне — четыре хрестца. Снопы укладывали крестом колосьями к центру, комлями наружу, а сверху ставили последний сноп, чтобы он прикрывал кладку. В куршацких селениях Малахово, Андроново Касимовского у. был другой тип кладки и сверху сноп не ставили. В селениях Бутыльской вол. Касимовского у. снопы ржи составляли в *становушки*: по кругу, а верхушки их соединялись в центре. Так они лучше просыхали. Гречиху, обладающую толстыми стеблями, сушили, прислонив с двух сторон под наклоном к *зародинам* (козлам) (дер. Акулово Касимовского у.) или составляли под наклоном по два снопа (дер. Бутылки Касимовского у.).

Копны складывали в большой *омёт, обмёт* (с. Бычки Сараевского р-на, Чернава Милославского р-на). В Шацком у. копны ржи и овса складывали в *одонье* — в каждом было от семи копен и больше. Оно было круглое, у́же снизу и расширяющееся к середине, а затем опять сужающееся кверху. Просо и гречиху складывали в *кладушки*. В некоторых местах одоньем называли только немолоченый хлеб, а омётом — солому после обмолота. Иногда омёт называли *скирдом*. Лен и коноплю дергали руками. Лен составляли в *шишки*, т.е. стебли стояли с наклоном к центру вверх семенными коробочками.

Яровая солома шла на корм скоту; грубая ржаная — на подстилку корове, но ее также часто использовали в качестве корма, ею же в южной части края топили печи. На большей территории Рязанской стороны и повсеместно в Степной стороне ржаной соломой крыли дома и в шутку называли ее «ильинским тёсом» [147].

В XVIII в. сушка в *овинах* (см. с. 366) практиковалась шире, чем в XIX в. Сотрудник Вольного экономического общества отметил, что в овинах сушили рожь и гречиху, а все остальное молотили сырым [148]. Во второй половине XIX в. на большей территории Рязанского края молотили все хлеба *сыромолотом* или, как говорили, *с поставу, с солнышка* или *по морозу*. Просушивали снопы на солнце на *току* (расчищенном, утрамбованном месте для молотьбы), а если считали, что зерно все же сыроватое, то после обмолота его досушивали на печи. Овины для сушки снопов в конце XIX — начале XX в. были распространены в Егорьевском и Касимовском уездах, встречались они местами в Рязанском, Сапожковском и Спасском [149]. Но и там в жаркую погоду молотили «исключительно сыромолотом» и только в дождливую —

* Повсеместно у русских было принято оставлять последние хлебные колосья несжатыми, завязывать их узлом и класть в пучок кусок хлеба (см. с. 252). Говорили, что оставляют «бородку» свв. Илье, Николаю или Христу, но иногда бородка предназначалась для нищей братии и, видимо, на вдовью долю. В 1950-е гг. случайно не скошенные колосья уже по аналогии называли «бородой».

Молотьба хлеба цепом. Касимовский у. Фото В.М. Машечкина не позднее 1914 г. (РЭМ. Фототека)

с овина[150]. Отказ от сушки в овинах был обусловлен несколькими причинами: во-первых, на рынке лучше шло зерно без запаха дыма, во-вторых, для просушки требовалось большое количество дров, которые по мере вырубки лесов дорожали, и, в-третьих, распашка лугов вела к тому, что крестьяне все больше переводили свой скот на кормление соломой, а если она была продымленной, скот плохо ее ел.

Самым широко распространенным способом обработки злаков и масленичных культур была молотьба вручную *цепом*, состоявшим из скрепленных ремнем двух палок — длинной палки-рукоятки и короткой. В хорошую погоду молотили на току у дома, в сырую погоду или в зимнее время — в риге (*рыге*). Однако было принято молотить не сразу все, а приберегать часть хлеба до конца зимы в одоньях. Среди крестьян существовала поговорка: «Что не молочено, то цело» [151] и, кроме того, считалось, что скот лучше кормить свежеобмолоченной соломой.

Такой архаический способ молотьбы, как *охлестывание*, когда пучком колосьев или целым снопом били о край бочки, козлы, скамейку, стол, обычно применяли, чтобы получить семена для озимого посева и *старновку* (солому с неразбитым стеблем) для *свясел*, которыми связывали снопы ярового хлеба. В Касимовском и Рязанском уездах охлестыванием иногда молотили лен, а в Темниковском у. (часть Кадомского р-на) — просо.

Молотьба телегой, в которую была запряжена лошадь, встречалась в Данковском и Раненбургском уездах и применялась почти исключительно для обмолота проса. В Заочье лен часто молотили *вальком*[*] [152] или дубовой палкой — *колотушкой*, а в селах Большое и Малое

* Валёк — деревянная плоская или округлая плашка с ручкой для стирки или выглаживания белья.

Обработка льна в ступе. Касимовский у. Фото начала XX в. (Касимовский краеведческий музей)

Мялка для обработки льна и конопли. Кадомский р-н, с. Кочемирово. 1-я половина XX в. (НМРИ). Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Лопата для провеивания зерна. Кадомский р-н, с. Кочемирово. 1-я половина XX в. (НМРИ). Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Ардабьево и Ибердус Касимовского у. таким же методом молотили просо.

Молотилки начали появляться в крестьянских хозяйствах в 1860-е гг. Чаще их покупали совместно на несколько дворов. Большинство молотилок было кустарного производства. Их выпускали кустари г. Сапожка, сел Канино, Смыково, Чучково, Меньшие Можары Сапожковского у., а поскольку первая такая молотилка была сделана в Смыкове, то все они получили название «смыковок»*. Кустари, в отличие от крупных промышленников, прежде чем продать молотилку, обучали обращению с ней, инструктировали покупателя, и это играло большую роль в привлечении последних.

В.П. Семенов в самом начале XX в. писал: «...крестьяне Среднерусской черноземной области почти бросили молотьбу цепами и работают молотилками, преимущественно сапожковскими. Можно сказать, что таким переворотом крестьянское хозяйство нашей

* «Смыковка» — это усовершенствованная в 1856 г. крестьянами И. Казаковым и Т. Хохловым модель английской молотилки, привезенной смыковским помещиком Кошелевым из Москвы. «Смыковка» в отличие от исходного образца была передвижной. В окрестностях г. Сапожка к концу XIX в. существовало более 120 крестьянских мастерских, изготовлявших конные молотилки и веялки (конные и ручные), просорушки и пр. Обследование 1911 г. показало еще большую цифру — до 200 хозяйств было занято изготовлением машин (Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под. ред. В.П. Семенова. СПб., 1902. Т. 2. С. 251; *Орфенов А.* Кустарное производство сельскохозяйственных машин в Рязанской губернии // Вестник РГЗ. 1912. № 1. С. 13).

а)

б)

На току. Спасский у., с. Ижевское: а) молотьба хлеба ручной молотилкой; б) после молотьбы. Фото И.С. Филатова 1902 г. (Музей К.Э. Циолковского в с. Ижевское Спасского р-на)

области обязано главным образом сапожковским кустарям» [153]. Но, похоже, В.П. Семенов все же преувеличил распространенность молотилок, во всяком случае, в Рязанской губ. Сведения о распространенности молотьбы машиной очень противоречивы. Так, по одним данным в Данковском у. 54% молотьбы в крестьянских хозяйствах совершалось машинами, в Зарайском — 52%, Раненбургском — 49%, Скопинском — 47%, Ряжском — 46% и Михайловском — 43%, а в Касимовском у. только 24%, Рязанском — 19% и Егорьевском — 16% [154]. По другим — из 668 показаний, собранных земством по всей губернии, только в 49 случаях работали молотилкой [155]. Это всего 7,3% опрошенных. В начале 1880-х гг. в Бахмачеевской вол. Рязанского у., где занимались почти исключительно земледелием, у крестьян встречались ручные и конные молотилки, веялки, но в основном молотили все же цепами [156]. Корреспондент Рязанской земской управы из с. Куплиям Егорьевского у. сообщал в 1915 г.: «В нашем крае стали появляться молотилки, веялки. Таковыя часть покупают, часть берут напрокат в г. Егорьевске» [157]. В 1910 г. в крестьянских хозяйствах губернии было 8600 конных молотилок [158], это приблизительно одна на 32 хозяйства, хотя, конечно, можно предположить, что одной молотилкой молотило если не все село, то хотя бы его часть, так как существовала практика, когда товарищество крестьян покупало молотилку и пускало ее в работу по селу, иногда вместе с лошадьми, получая плату деньгами и зерном.

В Ижевской вол. Спасского у. встречались ручные молотилки, удобные для обмолота небольшого количества хлеба, однако работа *вертельщиков* была сравнительно дорога: 80 коп. — 1 руб. 20 коп. в день.

После обмолота зерно провеивали. Невозможно выделить районы, где преобладал определенный способ веяния. Часто веяли *с лопаты*, т.е. подкидывали зерно вверх специальной лопатой. В с. Ибердус Касимовского у. об этом способе веяния говорили — *лопатить*. Часто веяли мерой, иногда *поставнёй* — большой деревянной чашкой. На земле расстилали *торпище* или *веретье, воспище* — грубую ткань из конопли или льна. При веянии хлеба в Клепиковском и в Касимовском уездах старухи дули «в ту сторону, откуда ветер» и махали рукой, чтобы вызвать его. В Рязанском у., когда веяли зерно, ветер пытались вызвать свистом [159].

Очень трудоемкой и длительной была обработка льна-*моченца* и конопли. После обмолота семени, стебли расстилали на лугах (чаще стелили лен) или выдерживали в воде (в пруду, озере, реке). Затем их сушили, мяли мялками и толкли в деревянных ступах, чтобы снять кострику, чесали гребенками.

Огородничество и садоводство. Кроме полевого земледелия, крестьяне занимались приусадебным земледелием. Часть усадьбы была отведена под *огород* или *овощник, огуречник*, на котором росли огурцы, морковь, лук, репа, редька, капуста. Иногда всему селению по числу душ нарезали грядки у пруда или реки на особенно плодородной земле, где выращивали огурцы и капусту. Посадки картофеля на усадьбе обычно называли *картовником* или так и говорили — «на усадьбе». К концу XIX в., когда картофель стал полевой культурой, рядом с домом его сажали в основном для того, чтобы подкапывать для стола в течение лета. Большую часть усадьбы, особенно в южных уездах, занимал *конопляник*, а в некоторых селениях еще и табак.

Огородничество, как самостоятельная отрасль сельского хозяйства, ориентированная на рынок, традиционно развивалось по рекам Оке, Ранове, Прони, Хупте и в окрестностях городов, прежде всего Рязани, Ряжска, Сапожка, Скопина, Раненбурга. Лучшая репа выращивалась в Зарайском у., а огородники с берегов Прони снабжали Москву и Петербург капустой, под Раненбургом на *бахчах* разводили арбузы и огурцы. Но занимались торговым огородничеством в этих районах главным образом мещане и купцы, реже помещики [160].

Среди крестьян товарное огородничество раньше всего появилось в Заочье. Там на усадьбах в *хмелевниках* еще в XVIII в. выращивали на продажу хмель. Хмелевники были также почти во всех селениях по Оке: с. Горетово и дер. Алпатьево, села Любичи, Сельцы, Пощупово, Солотча и пр. Качество хмеля было невысоким из-за скудного удобрения, так как крестьяне вынуждены были тратить много навоза на удобрение полевых земель. Хмель

скупали купцы и мещане и везли в Москву и Петербург, сами крестьяне возили его в степные районы и меняли там на хлеб. В середине XIX в. цены на хмель совсем упали, и хмелевники были окончательно заброшены [161].

Среди крестьян торговое огородничество весьма широко развилось во второй половине XIX в. Огородничеством занимались селения, расположенные вдоль железных дорог в Ряжском у., на выращивании капусты и огурцов специализировались некоторые селения Зарайского, Рязанского, Спасского уездов. Неизвестный автор «Записки о сельскохозяйственной инициативе», составленной в 1902 г., обратил внимание на то, что крестьянская предприимчивость в значительно большей степени проявлялась в приусадебном хозяйстве, чем в полеводстве [162]. Усадебная земля воспринималась крестьянами как собственная, так как даже в случае «поравнения» от нее могли отрезать какую-то часть, но основная территория усадьбы все равно оставалась за крестьянским двором. Если огородничество принимало торговый характер, то крестьяне не жалели навоза. В Раненбургском у. огороды навозили ежегодно, внося в землю по 5–10 возов навоза на квадратную сажень [163]. Жители с. Пиковы Рясы Раненбургского у. в 1880-е гг. на десятину усадьбы вывозили со скотного двора по 200 возов навоза (у кого три лошади, одна–две коровы), это при том, что полевую землю не удобряли вообще. Они выращивали лук, считая его «выгодной» культурой, и говорили, что усадьба дает в хороший год 150–200 руб. дохода [164]. Иногда крестьяне пытались ввести на огородах трехполье, как это сделали жители дер. Луховичи Зарайского у., занимавшиеся торговым овощеводством [165].

Ряд волостей Спасского у. специализировались на выращивании картофеля, а селения Исадской вол. того же уезда — еще в первой половине XIX в. — на луке, причем там культивировался особый сорт — спасский — с пониженной влажностью. Еще до крестьянской реформы часть крестьян с. Исады были проданы (старожилы говорят, проиграны в карты) помещиком и переселены в дер. Урядино Касимовского у., в которой до сих пор существует Исадский конец. Переселенцы из Исад на новом месте продолжали выращивать лук на продажу.

В дер. Кутуково Исадской вол. на рубеже XIX–XX вв. луком засевали все яровое поле и даже часть озимого. Под него многие арендовали землю. «Культура лука в поле, поглощая все рабочие силы семьи, дает заработок, составляющий видную часть годового бюджета» [166], — сообщал автор «Записки о сельскохозяйственной инициативе». Среди крестьян Исадской вол. были такие, кто не только выращивал лук, но и скупал его у односельчан, а потом крупными партиями сбывал купцам. Продукция крестьянских хозяйств этой волости отправлялась не только в Москву и Петербург, но и в Англию.

В Сапожковском у. жители с. Сысои специализировались на выращивании моркови и большую часть ее сбывали в окрестных селениях, усадьбы которых были заняты коноплей. Коноплю скупали купцы для конопачения стругов, витья веревок, для изготовления рыболовных сетей. В селах этого уезда большая часть усадеб была засеяна коноплей. «Ухляны» (ухоловские купцы) по хорошей цене скупали моченец, называемый в тех местах *конопь*. Они сбывали его на фабрики в подмосковное Щелково. В селах Большие и Меньшие Можары у «ухлянов» были приемные пункты — лавки, куда крестьяне сдавали коноплю. Товарное значение имело и семя. Конопь давала очень хорошую прибыль. В южных районах эту культуру стали высевать и в яровом клине. Очень много конопли выращивали в Елатомском у. Тамбовской губ. (ныне Сасовский р-н), где был развит веревочный промысел.

Табак считался приусадебной культурой. Торговый характер табаководство имело только в Ряжском, Раненбургском и Сапожковском уездах. В Ряжском у. в некоторых селениях под него отводили участки вдоль рек и устраивали плантации. В одной из крупнейших табаководческих волостей — Троице-Лесуновской — в конце XIX в. выращиванием табака занимались 1047 дворов. В 1880-е гг. в с. Благие Раненбургского у. в среднем с огорода получали 25 пудов табака [167]. Ни одна культура не давала такого дохода на единицу площади, как табак. Жители с. Просечное Раненбургского у. считали, что от табака земля не портится, «хоть табак на табак сей ежегодно», хотя под него обильно навозили землю. Поскольку наблюдалось падение урожаев пшеницы, гречихи, то крестьяне этого села с 1870-х гг. обратили на табак особое внимание, тем более что спрос на него рос. Все население Просечного, включая де-

тей, занималось этой трудоемкой культурой. Сбывали его торговцам-фабрикантам из Ельца. Как заметил представитель Рязанской земской управы, жители Просечного очень дорожили усадьбой и старались увеличить ее размер [168]. В годы войны и революции из-за недостатка рабочих рук площади табака сократились.

Приусадебное садоводство было развито главным образом в Зарайском, Рязанском и Спасском уездах. Особенно культивировались яблоки. По количеству яблок, привезенных для продажи в Москву в 1912–1914 гг., Рязанская губ. занимала второе место после Тульской. Жители с. Дединово Зарайского у. осенью возили яблоки на воскресные базары в Егорьевск. В Зарайском у. садами славилось еще с. Озерицы [169]. В с. Исады Спасского у. почти при каждом доме был «фруктовый сад с различными сортами яблок и груш» [170]. Своим садоводством Исады и соседнее Аргамаково обязано последнему владельцу исадского имения И.И. Кожину, который был большим знатоком в садоводстве и популяризировал это направление хозяйства среди крестьян [171]. Из Спасского у. яблоки (антоновка, анисовка, любский, бель, аркат, боровинка, грушовка и др.) отправляли в Рязань, Москву, Коломну, Касимов. На общественной земле в Исадах устроили более 10 питомников, которые раньше называли «школами». Молодые деревья осенью продавали на базарах.

Другим селом, известным своими садами, было Ижевское и его волость. Ижевцы продавали яблоки свежие, моченые, сушеные, в виде пастилы, цукатов. Во многих хозяйствах яблоки были своего рода разменной монетой. В Ижевском был еженедельный базар и там на яблоки меняли грабли, лапти, лопаты и деревянную посуду и т.д. В урожайные годы яблоками кормили скот [172]. В Ижевском тоже были питомники — «школы» плодовых деревьев, саженцы выращивали на продажу. Если кто-то заказывал партию саженцев, то садовод сам их сажал, прививал, а в случае гибели саженцев бесплатно заменял. В Спасском у. хорошие сады были в с. Троице-Пеленицы. Сады были в Пощупово, Костино, Новоселках.

Выращивая на рынок монокультуры, крестьяне обычно отказывались от привычного набора овощей, обеспечивавших потребительское хозяйство. Такие хозяйства преодолевали традиционный натуральный характер, так как часть продуктов им приходилось покупать или обменивать.

Скотоводство

Крестьянское хозяйство не могло полноценно существовать без скота, который снабжал семью продуктами питания, сырьем для изготовления одежды, а лошадь была единственной тягловой силой. Крестьяне говорили, что «без скотины мужик — лучше беги (из деревни. — *С.И.*)...», «без лошади приходится сбирать и хлебом и дровами» (т.е. ни вспахать, ни дров привезти) [173]. Помимо этого, скотный двор являлся поставщиком удобрения, без которого на большей части Рязанского края невозможно было получить даже средний урожай. Во многих селениях южных уездов губернии высушенным навозом (*кизяком*) топили печи. М. Баранович так и писал: «Главная цель содержания скота: получение навоза и в летнее время молока. Мясная пища почти неизвестна крестьянам...» [174]. Старейшая жительница с. Вослебово Скопинского р-на, в начале 2000-х гг. вспоминая единоличное (доколхозное) время, говорила: «У кого скота не было, у них и земля была все время мертвая, и они сами мертвые, и в домах холод был».

Но при всей важности скотоводства Рязанская губ. не относилась к числу губерний, где эта отрасль хозяйства была развита. В середине XIX в. автор «Военно-статистического описания Рязанской губернии» барон Фон Гейхель писал: «Скотоводство незначительно. Хлебопашцы, устрашаемые частыми падежами, не обращают особого внимания на эту существенную часть сельского хозяйства» [175]. Проблема заключалась не в том, что крестьяне не обращали внимания на скотоводство. В Рязанском крае оно не могло получить значительного развития в силу малоземелья и острого недостатка лугов и пастбищ.

Обеспеченность скотом. Количество скота в хозяйстве напрямую зависело от количества земли. Как указывалось выше, только трехдушный надел позволял содержать лошадь, корову и пару овечек, а чтобы обзавестись еще и второй лошадью, нужен был четырехдушный надел, правда, надо учитывать, что величина надела в разных селениях могла значительно варьировать. Лучше обеспеченные землей крестьяне четвертного права имели и больше скота, чем бывшие помещичьи и государственные душевые крестьяне. Это хорошо видно из нижеследующей таблицы.

Таблица 5. Количество скота на одно хозяйство у крестьян разных категорий. 1880-е гг.

Наименование сословной группы	Раненбургский у.		Данковский у.	
	лошади	крупный рогат. скот	лошади	крупный рогат. скот
Бывшие помещичьи крестьяне	1,2	2,6	1,4	2,5
Бывшие государственные крестьяне а) на душевом наделе	1,3	2,9	1,3	2,6
б) на четвертном	2	4	1,8	3,3
в) смешанное душево-четвертное владение	1.5	3,1	1,6	2,9

Таблица 5 составлена на основании данных, приведенных в кн.: *Гурвич И.* Экономическое положение русской деревни. М., 1941. С. 27.

Распределение скота по уездам (табл. 6) демонстрирует вполне понятную закономерность: земледельческие районы были лучше обеспечены лошадьми, а «промышленный» север, где меньше занимались земледелием, но было больше лугов, лучше обеспечен рогатым скотом. Овец держали не много: по две-три на двор, хотя были хозяйства с 15-ю и даже 30-ю овцами (вместе с молодняком). Свиней разводили в основном для себя, так как кормить их для продажи было дорого.

Таблица 6. Распределение скота по уездам. 1858 г.

Название уездов	Число лошадей	Число рогатого скота	Число овец		Число свиней	Число коз
			простых	тонкорунных		
Егорьевский	27 675	49 160	69 455	–	5787	–
Касимовский	28 742	50 484	50 482	90	50 482	–
Рязанский	43 793	25 400	105 100	1400	24 070	241
Спасский	31 110	21 880	48 213	–	18 297	45
Зарайский	51 200	20 000	101 400	–	1900	–
Михайловский	24 978	12 189	29 763	4837	7423	37
Пронский	18 949	8970	51 297	–	7700	–
Ряжский	47 000	26 000	36 000	780	28 000	1500
Сапожковский	51 200	25 800	103 100	570	77 120	–
Скопинский	24 008	24 008	72 024	–	16 016	175
Данковский	55 996	13 950	89 180	310	6472	685
Раненбургский	41 812	18 803	82 530	1420	8628	109
Итого	446 493	296 644	838 544	9147	251 895	2792

Таблица 6 опубликована в кн.: [Баранович М.] Рязанская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1860. Т. 19. С. 225. Уезды сгруппированы нами по трем районам: Мещёра, Рязанская и Степная стороны.

По единогласному свидетельству крестьян, после реформы 1861 г. количество скота в их селениях начало сокращаться. Этот процесс шел по нарастающей, особенно перед Первой

мировой войной, и продолжался вплоть до 1922 г. Единственно, в эти годы увеличилось поголовье коз и в народе появилась пословица: «Коза — корова бедняка» [176].

Корма и содержание скота. В середине XIX в. луга в губернии занимали всего $^1/_9$ ее площади [177], и распределены они были очень неравномерно. После реформы 1861 г. часть лугов и выпасов была отрезана в пользу помещиков. Самые лучшие заливные луга были сосредоточены в долине Оки по ее левому берегу. Массивы заливных лугов, расположенные по другим крупным рекам, были значительно меньше по размеру и хуже по урожайности и качеству травы. В центральной и северной частях края местами встречались хорошие суходольные луга, в то время как на юге и юго-западе лугов было очень мало и трава на них быстро выгорала. В Заочье крестьяне косили и так называемые *амшары* — болота, покрытые мохом и скудной травой. Также там широко использовали лесные покосы. В первой половине XIX в. в Заочье еще существовала практика «захватищ» лугов. В Верейской и Ершовской волостях были неразмежеванные лесные массивы и лесные луга, которые захватывали ближайшие селения и, расчистив луговины (*кружки* или *остожья*), пользовались ими из года в год [178].

В топографическом описании Егорьевского у. 1864 г. наряду с ежегодными покосами чуть ли не во всех селениях упоминаются *двухтретные*, т.е. покосы, отличающиеся особо скудной травой или расположенные между полями, которые скашивали два раза в три года, встречались и суходольные *однотретные* покосы, которые косили один раз в три года. Например, дер. Бруски Поминовской вол. имела хороших ежегодных сенокосов 8,5 дес., похуже, двухтретных — 3 дес., и совсем плохих однотретных — 18,6 дес. [179]. Двухтретные покосы были и в Зарайском, и в Данковском уездах [180].

В Рязанском крае в среднем одна десятина луга давала 100 пудов сена [181], хотя отличие между разными их категориями было огромное. Так, приокские пойменные луга в районе Дединова (Зарайский у.) и Ижевского (Спасский у.) давали в хороший год с десятины 300–350 пудов, в посредственный — 200 пудов, а в Касимовском у. урожайность окских пойменных лугов была всего 132 пуда; с заливных лугов по другим рекам в хороший год можно было получить 150–200 пудов. Болотно-заливные луга Мещёры давали 70–80 пудов, а на самих болотах с десятины накашивали всего 60–70 пудов. Столько же давали и суходольные луга [182].

Оголодавший за зиму скот, особенно в южных районах, иногда выгоняли на луга на старую траву, так как кормить его было нечем. Крестьяне Белоомута и других приокских сел Зарайского у. весной косили для скота *старицу*, но потом, когда трава вырастала, ни один из них, по словам корреспондента Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева из этого же села, уже не брал косы до Петрова дня, когда начинались покосы, даже если жара угрожала уничтожить всю траву. Крестьяне верили, что если начать косить раньше этого срока, то на следующий год трава не родится* [183]. В определенный момент луга *закрывали*, *заказывали* или *запускали*, т.е. прекращали пасти на них скот или даже огораживали изгородью из жердей. В Степной стороне луга заказывали около 6–9 мая (9 мая ст. ст. — Никола вешний), в других частях края с Троицы [184], но, конечно, смотрели на качество травы и погоду. После этого скот пасли на пастбище, если оно было, и на паровом поле. После сенокоса его опять перегоняли на луга и поднимали пары. Это время было самое голодное: трава на лугах еще не отросла, а на пастбище она была уже съедена. После уборки озимых и яровых пасли по жнивью (*ржищу* после уборки ржи и *овсянью* после уборки ярового клина) и *отаве* (отросшей после покоса траве), и в это время скот отъедался. В сентябре–октябре, если почва затвердела от ночных заморозков, скот пускали на озимые.

К концу XIX в. во многих селениях часть выпасов была либо распахана, либо отведена под усадьбы умножающегося населения. Вспоминая время до 1861 г., крестьяне с. Истобное Ра-

* Возможно, такое мнение и существовало, но другой корреспондент из окских сел отмечал, что сенокос начинался за неделю-две до Петрова дня (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1440. Л. 7). Скорее всего, где-то придерживались традиционных представлений, а где-то стали руководствоваться, прежде всего, практическими соображениями.

Метание и огораживание стогов. Касимовский у., с. Увяз. Фото В.М. Машечкина 1916 г. (РЭМ. Фототека)

ненбургского у., государственные и бывшие помещичьи, отмечали, что раньше пар зарастал травами настолько, что его нанимали под гурты, т.е. на нем откармливали пригнанный откуда-то скот: «Своего скота на пару не пасли — было много выгонов, вокруг села был лес и там тоже пасли скот. В настоящее время распахали все, что только можно было распахать» [185]. В некоторых селениях, особенно в Степной стороне, из-за плохих пастбищ скот приходилось даже в пастбищный период прикармливать дома [186]. В начале XX в. выгоны в Рязанской губ. занимали 3,8% общей площади земли, причем сюда входили выгоны, находившиеся в числе надельных земель и принадлежавшие владельцам [187]. Значительно лучше выгонами были обеспечены крестьяне Заочья.

Покос обычно начинался с Ивана Травного (24 июня ст. ст.) или с Петрова дня (29 июня ст. ст.). В Пронском у. старались начать его до Петрова дня, потому что «до Петрова дня в сене бывает пуд меду, после Петрова дня — пуд навозу» [188]. Выезжали косить все вместе, так как делили луга по мере скашивания, и закончить работу надо было одновременно, чтобы через несколько дней (обычно во второй половине июля) выгнать на них скот. Скошенное сено хранили в стогах или в продолговатых скирдах с двускатным верхом. Стога огораживали, и они стояли в лугах, а сено привозили к дому по мере надобности.

Если во второй половине лета трава успевала отрасти, то бывал второй укос — косили отаву, однако чаще ее съедал скот. Отава по качеству была хуже, чем трава первого укоса, но и ее ценили. Улучшением лугов крестьяне практически не занимались.

На каждую мирскую единицу раскладки в селениях, например, Рязанского у. приходилось 45 $^{2}/_{5}$ пуда сена (за счет заокской части уезда с лесными сенокосами), а в черноземном Раненбургском у. — всего 6 ½ пуда. В то время как для прокормления одной лошади в течение семи месяцев стойлового периода надо было иметь 150 пудов сена [189]. В Данковском и Раненбургском уездах на одну голову крупного рогатого скота в среднем приходилось на один день стойлового периода один фунт сена [190].

Проблемы с сеном были даже в пойменных районах. Побывавший в 1899 г. в с. Дединово Н. Мендельсон отметил, что в этом селе на душу приходилось всего ¾ деся-

тины луга и крестьяне (с одним-двумя наделами) вынуждены были покупать сено в кредит у кулаков. В 1898 г. урожай трав был средний, и дединовцы покупали сено в кредит по 50–60 коп. за пуд [191]. Корреспондент из Белоомута отмечал, что в 1897 г. своего сена жителям села хватило только до Масленицы, а большинство с Рождества кормило скот покупным. Крестьяне Белоомута после Покрова косили по льду отаву [192]. И это при том, что сено с окских заливных лугов вывозили на продажу. «В Москве всегда больше всего спрос на дединовское сено, — писал житель Дединова Н. Мансуров. — Более миллиона пудов сена ежегодно крестьянами-арендаторами отправляется в Москву» [193]. В целом по Ловецкой вол. Зарайского у. при хорошем урожае вывозили в Москву по Оке и железной дороге 2 млн. пудов сена [194], часто в ущерб собственному скоту.

Недостаток сена компенсировали соломой. Безусловно, соотношение сена и соломы в рационе скота зависело от зажиточности хозяйства, но лошадь всегда старались кормить лучше, чем корову*. Особенно хорошо шла овсяная солома, похуже — просяная, но в бедных хозяйствах, а в неурожайные годы и во всех остальных ржаная солома становилась основой питания крестьянского скота. Солому резали, запаривали, по возможности посыпали мукой и этим кормили лошадь и корову. Овцам давали исключительно солому. С февраля лошадям начинали прибавлять сена, хотя старались сберечь его до начала полевых работ. Но нередко сена вообще не было, и, как говорили крестьяне с. Таптыково Раненбургского у.: «Сена совсем скот не видит, перед пахотою порежут соломки да посыпят (посыпали мукой, отрубями. — *С.И.*), вот и корм» [195]. Овсом, который занимал в Рязанском крае первое место по площади посева среди яровых, редко кто кормил своих лошадей даже в рабочую пору, разве что те хозяева, которые занимались извозом [196]. Овес почти весь шел на рынок. Корове сено доставалось в основном в период отела, хотя в селениях, где занимались молочным животноводством, коров в основном кормили сеном. Травосеяние в крестьянских хозяйствах появилось в конце XIX — начале XX в., но распространялось оно очень медленно.

Крестьяне арендовали у помещиков и купцов жниву, отаву, выгоны и луга. Условия аренды были самые разные: отработки в виде земледельческих работ, вывоз навоза с помещичьего скотного двора на поля, набивание ледника в конце зимы льдом и пр., а также — денежная оплата [197].

Крестьяне часто были вынуждены работать на помещика за сено и солому. В дер. Соха Пронского у. они убирали помещичьи луга из третьей части и на всю деревню выходило 200 копен сена. Делили его потом по числу косцов. Так же и крестьяне дер. Верхнее Салыково и дер. Терновая Погореловка того же уезда косили помещичьи луга из $^{1}/_{3}$ части и на косца приходилось до 25–30 пудов сена. Всем обществом крестьяне с. Журавинка Ряжского у. брались скосить 285 дес. луга, получая за работу каждую четвертую копну [198].

Там, где выращивали в больших количествах коноплю и били из семени масло, скот подкармливали жмыхом. Жмых или *колоб* был ходким товаром на базаре. Его продавали для скота владельцы маслобоек. Духовенство с. Чучково Сапожковского у. даже собирало доброхотные пожертвования прихожан жмыхом, и за совершение такой требы, как венчание, жених обязан был «доставить установленное количество жмыху», который предпочитался даже деньгам [199].

Из-за недостатка кормов в XIX в. была распространена практика, когда крестьяне считали более выгодным продавать лошадей в начале стойлового периода и вновь покупать весной, хотя весной цены на них были выше [200].

В с. Ижевское Спасского у., где молочное скотоводство носило товарный характер, после сенокоса, приблизительно с 20 июля, и до начала зимы весь рогатый скот содержался на 16 хуторах. На этих хуторах (5–6 верст от села) в складчину тремя-пятью хозяевами были построены избы и при каждой двор с навесом, все это огорожено плетнем для загона скота на

* В 1910 г. в северных уездах в зимнем корме лошади сено составляло 90%, а солома — 8%; в южных сена 30%, а соломы 50%. В рационе коровы в северных уездах 80% сена и 16% соломы, а на юге — 25% сена, 55 % соломы (*С.С.* Обеспечение кормами скота в Рязанской губернии в 1914–1915 г. // Вестник РГЗ. 1914. № 8. С. 17–18).

ночь. Самый малый хутор состоял из пяти-шести изб, а некоторые имели по два десятка таких строений. На каждом хуторе жили по нескольку старух. Там содержали главным образом молочный скот, который давал очень большие удои. Зажиточные крестьяне, у кого было по 30–40 коров, держали их там до первого снега. Вечером с ночевкой приходили хозяйки, доили коров, поили телят, наполняли бидоны молоком вечерней и утренней дойки. Ежедневно на хутора за молоком приезжали молоковозы и отвозили его на молочные заводы, которых в Ижевском было несколько [201]. В с. Аргафенина Пустынь Рязанского у., жители которого тоже занимались молочным животноводством, взрослый скот пасли на пастбищах, а около усадеб были отгорожены небольшие выгоны для мелкого скота и телят, которые паслись без пастуха. Эти выгоны так и назывались — *телятниками* [202].

На большей территории Рязанского края, кроме Заочья и северной части Рязанской стороны, скот содержали в холодных плетневых дворах (*катухах*), накрытых навесом из соломы, иногда дворы клали из самородного камня. Но даже там, где скотные дворы были рубленые, они все равно были недостаточно теплыми, так как их делали без потолка и не утепляли. Некоторым спасением был медленно перегорающий толстый слой навоза, который не убирали зимой и который рос под коровой, так что к весне она «упиралась рогами в крышу». Кормить и доить коров заводили в дом. Естественно, что в холодных дворах животным надо было больше корма.

В дом в холодное время забирали телят, ягнят, свинью с поросятами, и крестьянская изба, наполненная людьми и животными, превращалась в Ноев ковчег. Священник из Зарайского у. Селезнев, однако, считал, что такая практика отчасти сложилась не только от бедности крестьян, не имевших возможности поставить хороший сарай для скота, но и потому, что в доме легче надзирать за ним и сразу оказать ему помощь в случае заболевания. На основе собственных наблюдений Селезнев утверждал, что урон среди молодняка в крестьянских хозяйствах меньше, чем в помещичьих (правда, у крестьян и скота было намного меньше) [203].

Современники характеризовали крупный рогатый скот рязанских крестьян как мелкий, худой, неудойный, а лошадей — как малорослых, но выносливых [204]. Особенно неказисты и малоудойны были коровы Заочья. При таком содержании и корме скот и не мог быть иным. Только на окских заливных лугах сформировался особый тип обыкновенной русской коровы, улучшившей свои формы и повысившей удойность за счет очень хорошего корма — красная приокская или *пойменка*. В пойме Оки не менее 20–30% стада составлял красный приокский скот [205]. В Ижевском была распространена симментальская порода. Здесь коровы были предметом гордости хозяек, их было принято даже чистить, чего в других местах не делали [206].

М. Баранович сожалел, что крестьяне не заводят общественных быков, чтобы улучшать породу [207]. Нельзя сказать, что наиболее передовые крестьяне не пытались завести породистый скот или улучшить местный. Рязанское земство имело земские конюшни, в обязанность которых входило предоставление крестьянам породистых жеребцов для улучшения породы лошадей. Возможно, со временем это дало бы свои плоды. Специалисты печатали статьи на тему правильного содержания скота в «Рязанских губернских ведомостях», но малоземелье и бедность сводили на нет все попытки. Крестьяне с. Верхнее Наследничье Касимовского у. делали неоднократные попытки улучшить породу скота, но безрезультатно, так как кормов всегда не хватало, не было и теплых хлевов [208]. Очень показательна в этом смысле история, произошедшая в с. Инякино Спасского у. После разгрома помещичьих имений в 1917 г. крестьяне разобрали по дворам господский скот: хороших коров симментальской породы и орловских лошадей. Однако, «попав на крестьянский двор, где их встретила холодная зима и неправильное кормление, они (коровы. — *С.И.*) постепенно из года в год подыхали…» [209] и через несколько лет этот скот полностью исчез.

И общественных быков крестьяне заводили, правда не для улучшения породы, а для удобства, так как держать быка-производителя только для своего хозяйства было очень невыгодно. К числу общественных относили так называемых *мирских быков*, которых покупали и кормили всем миром, в порядке очередности содержали во дворах. К этой категории причисляли и тех частных быков, которых хозяева выпускали в стадо за плату, получаемую от

общества, или, если пастбище было арендованным, то за освобождение от уплаты за их выпас [210]. Интересная практика была в с. Чернава Скопинского у. Там пастуха нанимали с условием, что в стаде будет его бык, но ему за *огул* коровы каждый хозяин платил немного деньгами и давал пуд овса для поддержания сил животного. В селе было несколько стад и у каждого пастуха — свой бык.

Стадо формировалось по территориальному принципу. В с. Аграфенина Пустынь каждые 100 домов составляли «стадное общество», которое нанимало пастуха и подпаска, кормило их. Таких обществ и стад в селе было четыре [211]. На рубеже XIX и XX вв. в Дединове было пять стад, насчитывавших в летнее время не менее 2 тыс. голов молочного скота. Некоторые держали по две и три коровы и сдавали молоко предпринимателям, имевшим молочные заведения [212].

Качество корма и содержания определяли и продуктивность крестьянского скота. В среднем по губернии удойность коров была 50 ведер в год (по другим источникам — 60–70), а в пойме Оки 100 ведер. Удойность коров в Дединове доходила до 150 ведер. В Ижевском были коровы, дававшие по 30 л молока в день. Из селений поймы Оки перед Первой мировой войной вывозили до 1 млн. 700 тыс. пудов молочных продуктов. Из Зарайска отправляли в Москву молоко, а Касимов поставлял в столицу сыры [213].

В Ижевской и Ловецкой волостях было не только молочное производство. В XIX в. там составлялись артели богатых крестьян-прасолов, которые закупали степной скот, пригоняли на арендованные после первого укоса окские луга и на них откармливали его. Там же разводили свиней, выпаивая поросят сывороткой с молочных заводов, а в Спасском у. свиней выкармливали *бардой* и картофелем. Товарный характер сельского хозяйства и занятия промыслами в этих районах наложили сильный отпечаток на крестьянское население, которое было зажиточнее остального сельского населения и стремилось к усовершенствованиям в своих хозяйствах.

Отношение к труду и земле

Большая неразделенная семья (см. гл. 18) — это основа крестьянского патриархального хозяйства. Она представляла собой сообщество единомышленников, вместе производивших и потреблявших полученный продукт, небольшая часть которого шла на продажу. В основе разделения труда в этом сообществе лежал половозрастной принцип. Каждый его член в разные периоды своей жизни выполнял какую-то функцию, хотя в определенных пределах существовала взаимозаменяемость. Забегая немного вперед, отметим очень высокий процент занятости членов крестьянской семьи в сельскохозяйственном труде, которую показала перепись 1926 г. Работать крестьяне начинали обычно с 10-летнего возраста и заканчивали тогда, когда уже были физически неспособны к труду, поэтому соотношение работавших и иждивенцев в крестьянском сословии было 61,4% к 38,6%, в то время как во всех остальных группах населения оно было обратным [214]. Несомненно, такая ситуация была характерна и для более раннего периода.

В.Д. Бакулин писал: «Мальчики и девочки 6–8 лет начинали помогать родителям. Весной и летом мальчик 7–8 лет ехал в ночное под покровительством дяди или старшего брата, а в 10–11 лет — самостоятельно с двумя–тремя лошадьми». На заре они пригоняли лошадей в село и большинство детей тут же отправлялись на работу — подгонять лошадей при возке навоза и снопов. В 16–17 лет парень уже был полным работником [215]. Корреспондент ОИРК из Дубровской вол. Касимовского у. писал, что дети с 10–12 лет волочат землю, водят пастись лошадей, участвуют в работах по посадке картофеля, возят снопы и копны, гребут на сенокосе, а с 14–15 лет они самостоятельно исправляют крестьянские работы, кроме сева, которому их учат с 18–20 лет [216].

Крестьянских детей отличало очень ответственное отношение к работе, так как перед глазами был пример родителей. В родительской семье автора письма в «Крестьянскую газету» из дер. Соловачево Ряжского у. было трое детей, и он, Тимофей, самый старший. Ему было всего 8 лет, когда отец сказал: «Сынок, нужно кому-нибудь ити в работники или стадо стеречь наниматси». Мальчик отправился «стеречь стадо коров в подпаски [в] чужую деревню

с Пасхи до Покрова ценою 8 руб., [чтобы] помочь родителям». С этих пор каждый год Тимофей то стерег стадо свиней, то нанимался к односельчанам или к помещику в работники, ходил в отход с крестьянином, занимавшимся починкой ведер. Когда он принес отцу 15 руб. за последнюю работу, отец встретил его словами: «„Вот сынок стал помогать мене". Я рад был етому, что мене родители похвалили», — вспоминал Тимофей Андреевич спустя годы [217].

В конце XIX — начале XX в. нередко за сохой или плугом можно было видеть и старика лет 60–70. Нетрудоспособные старики, которых часто считали лишним ртом, по мере сил все равно помогали по дому, плели лапти на всю семью, подкладывали корм скоту, старухи присматривали за детьми, птицей, вязали носки. В Зарайском у. бытовала поговорка: «Есть старик — так бы убил, а нет старика, так бы купил» [218]. Корреспондент из Дубровской вол. Касимовского у. отмечал, что «точного времени перехода из одного возраста в другой в крестьянской работе установить нельзя, так как крестьянская работа не знает переходных возрастов, а работает тот, кто есть в семье, кто может работать, и нередко старик 60–70 лет является единственным работником в семье, где молодежь и взрослые ушли на заработки или же их совершенно нет…» [219].

В семье, как рабочем коллективе, очень важно было правильное соотношение полов, так как существовало довольно жесткое разделение хозяйственных работ на мужские и женские, но на территории Мещёры, где мужское население уходило на заработки, многие тяжелые «мужичьи» работы выполняли женщины. Известный диалектолог М. Макаров, побывавший в Мещёре в первой трети XIX в., был поражен тем, что мещёрские крестьянки «ездили в очередь с подводами; сами занимались молотьбою хлеба, городьбою, рубкою и возкою дров, даже пашнею», но больше всего ему понравилось «смелое их обращение с лошадями» [220]. Об этих особенностях трудовой деятельности женщин Заочья, которая, по словам наших современниц, сохранялась и в советское время, писали краеведы В. Петров, Л.П. Чекина, М.Д. Малинина [221]. В Мещёре даже рождение девочки воспринималось более благожелательно. Там говорили: «И девоцка — не щепоцка, за окошко не кинешь» [222], т.е. и она будет не лишняя в семье. Однако данные нижеследующей таблицы свидетельствуют о том, что большая часть работ по обработке пашни все-таки осуществлялась мужчинами (возможно, стариками) и подростками мужского пола, хотя степень участия женщин и подростков-девушек в этих работах в Заочье была несравненно выше, чем на остальной территории.

Таблица 7. Половозрастное распределение крестьянских работ (в процентах). 1914 г.

Название	Районы	Работники	Работницы	Полуработники*	Полуработницы
Пахота	Заокский	59	34,5	6,5	–
	Предокский	69,3	1,0	29,7	–
Бороньба	Заокский	7,0	–	70,5	22,5
	Предокский	21,0	–	78,2	0,8
Сев	Заокский	64,9	35,1	–	–
	Предокский	93,8	6,2	–	–
Посадка картофеля	Заокский	–	4,2	47,9	47,9
	Предокский	–	27,5	12,5	60,0

Таблица 7 опубликована в: *С.С.* К вопросу об обработке яровых полей в Рязанской губернии в 1915 году // Вестник РГЗ. 1915. № 1. С. 17.

Общеизвестно, что любовь и привязанность крестьян к земле — это те качества, которые характеризуют само понятие «крестьянин», что для него «обработка земли — это средство к жизни и образ жизни, а не предпринимательская деятельность ради прибыли» [223], — как писал американский этнограф, один из основоположников социоантропологии

* К полуработникам относили подростков.

Роберт Рэдфилд. Иными словами, это та бескорыстная любовь, которая сродни сыновьему чувству, которая превыше выгод и расчетов. Но в конце XIX в. бóльшая часть крестьян, хорошо знакомых с рынком и арендой, мечтавших прикупить землицы и, может быть, даже обзавестись молотилкой, побывавших хотя бы раз где-нибудь на заработках, безусловно, уже знала, «что почем» в этой жизни. Это не значит, что они перестали любить землю, но с этой любовью вполне уживалось осознание ее реальной стоимости в денежном выражении, а к представлениям о Божьей земле примешивалось желание стать ее безраздельными собственниками. И эту новую сторону в отношении крестьян к земле подметила этнограф и помещица Данковского у. О.П. Семенова-Тян-Шанская, которая в конце XIX — начале XX в. писала: «…в силу ли привычки или известной наследственности, не берусь решать, — крестьяне любят землю. По крайней мере большинство из них (даже из поживших в городах) никому так не „завидствует“, как владельцам земли… Народ все-таки считает „капитал“ чем-то более шатким, чем земля, чем-то, что может скорее, чем земля, выскользнуть из рук…» [224].

Но вместе с рассуждениями о собственности на землю и капитале среди крестьян, по наблюдениям Семеновой-Тян-Шанской, бытовало «неуважение к интенсивному труду», и запросы их были крайне ограниченны: «Каждый мужик, когда он обеспечен своим урожаем до нового урожая, ложится на печку и ничего не делает», им «и не надо ничего кроме хлеба и тепла (теплой печи. — *С.И.*) и „хозяйки“, которой можно помыкать»; и это в то время, когда крестьянин мог бы пойти и заработать много больше, чем имел [225]. Можно, конечно, списать это высказывание на счет некоторой предвзятости, свойственной помещикам в отношении их крестьян, но об этом же свидетельствовали и другие современники из других губерний. Странным, на первый взгляд, образом в сознании многих крестьян вместе с очень ответственным отношением к работе на земле уживалось чувство недоброжелательства к тем, кто день и ночь трудился на ней, кто пытался завести какое-то новшество и разбогатеть или «завести в доме другой порядок, с некоторым улучшением». Такой крестьянин часто встречал не просто непонимание, а противодействие односельчан и домочадцев, упреки в барстве, желании стать не как все остальные и слышал в свой адрес высказывания, вроде: «…чем ты нас лучше, погоди — сравняешься с нами ужó…». Те, кто побогаче, жаловались на зависть односельчан [226]. Нельзя отрицать того, что осуждение частью крестьян упорного труда с целью жить лучше, удовлетворить какие-то потребности, выходившие за рамки минимальных, может быть оправданием собственной лени или действительно — обыкновенной завистью. Но на наш взгляд, это, в большей мере, естественная и, скорее всего, даже неосознанная реакция крестьянского мира на рост потребностей, которые изнутри разрушали традиционный единообразный крестьянский уклад, стимулировали развитие предпринимательского характера крестьянского хозяйства и имущественное расслоение деревни.

Крестьянское традиционное хозяйство, основанное на труде семьи, целью которого являлось производство продукции для семейного потребления, принадлежало к доиндустриальной эпохе. В силу экстенсивного характера для его нормального функционирования было необходимо большое количество земли, скота и большой семейный коллектив. Аграрное перенаселение, характерное для Рязанской губ., неблагоприятное соотношение пахотной и пастбищно-луговой земли, препятствовавшее содержанию необходимого для трехполья количества крупного скота, подтачивали и разрушали саму основу крестьянского хозяйства. И этот закономерный процесс разрушения быстро набирал силу в XIX в., так же как процесс втягивания крестьянских хозяйств в товарно-денежные отношения, особенно после реформы 1861 г. Производство рыночной продукции: овса, овощей, молочных продуктов, узкая специализация отдельных хозяйств и целых селений способствовали преодолению традиционной натуральности и формировали у крестьян новые запросы, которые разрушали крестьянский уклад.

Во второй половине века существовали регионы (Исадская и Ижевская волости Спасского у., Ловецкая вол. Зарайского у. и др.), где крестьянский мелкотоварный уклад существенно потеснил крестьянско-потребительский. Увеличение площадей купчей и

арендованной земли, приобретение отдельными крестьянами и крестьянскими товариществами сельскохозяйственных машин, интенсификация земледелия, характерные для конца XIX — начала XX в., — все это свидетельствовало о стремлении к расширенному воспроизводству, несовместимому с самой сутью традиционного крестьянского хозяйства, существовавшего на грани выживания.

Результатом потери частью крестьянских дворов возможности вести полноценное хозяйство стала пауперизация деревни и рост отходничества. Частично крестьяне вливались в ряды пролетариев, т.е. по существу меняли свой социальный статус. Все эти процессы и явления свидетельствовали о раскрестьянивании рязанской деревни. Природно-географический фактор — разница в плодородии земель Заочья, Рязанской стороны и Степной стороны, разная удаленность уездов от промышленных центров и крупных городов предопределили разные темпы и специфику раскрестьянивания.

Капитализация и пауперизация крестьянского хозяйства меняли отношение крестьянина к земле и нарушали воспроизводство всего духовно-обрядового комплекса, так или иначе связанного с земледельческим трудом.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Изменения в хозяйстве советского доколхозного крестьянства

26 октября (8 ноября) 1917 г. Второй Всероссийский съезд Советов принял Декрет о земле, наметивший основные положения по этому вопросу, а 27 января (9 февраля) 1918 г. был принят Основной закон о социализации земли [227], отменивший частную собственность на землю, ее недра, леса и объявивший все это государственной собственностью. Право пользования землей переходило к трудовому народу. Она была распределена между сельскими общинами, коммунами, артелями, совхозами и учреждениями, также был создан государственный резервный фонд. После принятия этих документов переделы были проведены в 66% общин России, из них по едокам землю разделили 88% общин, по наличным мужским душам 9%, по работникам 2% и 1% по ревизским душам. В Рязанской губ. крестьянам поступило 776 021 дес. бывших частновладельческих земель, причем не только помещичьих и купеческих, но и крестьянских. Преобладало общинно-уравнительное землепользование [228]. Тот факт, что в большинстве случаев земля была разверстана по едокам, до некоторой степени раскрывает крестьянскую психологию: пока земельный фонд каждой общины был ограничен закрепленными за обществом землями, крестьяне, за редчайшим исключением, даже не пытались делить его по едокам. Но как только количество земли во владении общины возросло, ее члены тут же перешли к разделу по этому принципу.

В первой половине 1920-х гг. на едока в среднем приходилось по одним данным 1,26 дес., по другим — 1,32 дес. земли [229], хотя, как отмечалось выше, для нормального ведения хозяйства в черноземной полосе должно было приходиться 5 дес. Малоземелье ликвидировано не было, но крестьяне получили право в особых случаях арендовать землю в резервном фонде. На помещичьих землях (лучших по качеству) государство старалось создать совхозы и коммуны. Кроме того, во время передела некоторые селения сумели захватить земли больше положенного, в ущерб соседям. Распределенная земля была закреплена на 22 мая 1922 г., и поравнение прекращено, хотя крестьяне многих селений остались недовольны. Так, в Зарайском у. жители дер. Соколово после раздела имели на едока по 0,7 дес. (250 едоков на 180 дес. земли), а в соседних селах Тросна и Маслово — по 2 дес. На жалобу первых в газету «Беднота» инструктор по крестьянским письмам их же и упрекнул: «Вы были, видимо, недостаточно настойчивы в вашем стремлении получить землю в момент распределения бывшей частновладельческой земли, которая досталась вашим соседям» [230].

Жители пригородных слобод Сапожка жаловались, что жители слобод Кукуевской, Дунай и Большая Дорога пытались захватить лучшие земли и оттеснить более слабые Табачную и Верховенскую слободы [231]. В с. Романовы Дарки Сапожковского у. на едока приходилось 2,5 дес., а с-це Роговое Пронского у. — 1,5 дес. земли. Средний размер земли на двор по Раненбургскому у. был 5,9 дес. [232].

Передельно-уравнительная система продолжала действовать и в 1920-е гг., однако у нее находилось все больше противников [233]. Там, где земля осталась по-прежнему поделенной по старым ревизским душам (по 10-й ревизии 1858 г.), т.е. фактически закреплена подворно, никакой уравнительности быть не могло: у одиноких было по четыре-пять наделов, а у многосемейных — один-два [234].

Передел земли стимулировал разделение больших семей. Число крестьянских хозяйств в 1923/24 г. (476 тыс.) оказалось на 20,1% больше, чем в 1916 г., в то время как численность сельского населения к 1924 г. по сравнению с 1916 г. выросла только на 13%. Дробление семей вело к сокращению числа рабочих рук в крестьянском хозяйстве:

Таблица 8. Число душ обоего пола на одно хозяйство по годам:

1917	1920	1922	1923	1924
6,4	5,96	5,71	5,44	5,2

Таблица извлечена из материалов РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2004. Л. 24. В «Сборнике статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923» (М., 1924) приводятся немного отличные цифры.

Государство пыталось подвести крестьян к пониманию необходимости интенсификации земледелия. Борьба за модернизацию сельского хозяйства велась по нескольким направлениям: пропаганда многополья, использование более передовых сельскохозяйственных орудий, внедрение новых сельскохозяйственных культур, развитие продуктивного животноводства.

Местные власти по указанию Наркомзема и Наркомпроса проводили мероприятия вроде «Недели красного пахаря», в течение которой массово устраивали лекции, экскурсии в показательные хозяйства, организовывали просветительные кампании на страницах газет. Комсомольцы показывали театрализованные суды над трехполкой или безудойной Буренкой, ставили спектакли, главными действующими лицами которых были снопы и овощи (см. с. 572). Агрономы выезжали в деревни перед посевной и учили крестьян отсортировывать семена, протравливать их формалином [235].

В 1920-е гг. преобладающей системой земледелия по всей стране оставалось трехполье, хотя результаты пропаганды многополья сказались уже в 1922 г. Л.В. Третьяк приводит данные, свидетельствующие об успешном внедрении многополья: площади под ним с 624 дес. в 1920 г. увеличились до 75 тыс. дес. в 1924 г., хотя эти цифры вызывают некоторое сомнение [236]. Многие крестьяне, по замечанию корреспондента «Крестьянской газеты», очень недоверчиво относились к новшествам, в особенности касающимся многополья [237]. Главным аргументом его противников было малоземелье и недостаток пастбищ, вынуждавшие крестьян пасти скот на парах. Правительство же, в свою очередь, как раз и надеялось решить проблему кормов за счет многополья. Дальноземелье было еще одним препятствием, тормозившим введение каких-либо новшеств. Иногда попытки нововведений встречали тихое упорное сопротивление, а иногда дело доходило до открытых конфликтов «традиционалистов» и «новаторов». Старикам, пережившим за свою жизнь не один голодный год*, было очень страшно решиться на кардинальные изменения. Типична зарисовка, оставленная

* Неурожайными и, следовательно, голодными во второй половине XIX в. в Рязанской губ. были 1867, 1872, 1892, 1897, 1898, 1905, 1906 годы [*Еферина Т.В.* Социальные проблемы крестьянства и модели социальной поддержки населения (вторая половина XIX — конец XIX в.). Саранск, 2003. С. 49]. За 16 лет (с 1890 по 1905 г.) в Пронском у. недород наблюдался 11 раз (Рязанский вестник. 1905. 12 ноября).

в 1925 г. крестьянином с. Семион Ряжского у. Он сообщал в «Крестьянскую газету», что на собрании его односельчане решили перейти на многополье, но «старики-землеробы, узнав о сем, пали в панический ужас от этого, говоря „голодная смерть грозит нам“». И когда молодое поколение, поддерживавшее идею многополья, разъехалось на отхожие промыслы, старики и «сотни четыре баб» «спели похоронную песнь многополью», причем в случае попытки выделить четвертое поле они угрожали прогнать сторонников многополья палками [238]. Жители с-ца Роговое после долгих колебаний в начале весны 1923 г. все же решили перейти на четырехполье и на собрании оформили протокол решения, но когда вышли в поле делить, «нашлись ярые защитники старины» и в результате община осталась на «трехполке». Земля у них была поделена на 12 лет [239].

В дер. Каменка Кораблинской вол. Ряжского у. в 1925 г. крестьяне перешли на четырехполье и, засеяв одно поле клевером, с тех пор «кормили лошадей во дворе»: хозяин стал спокойнее и лошадь сытнее; некоторые даже «пустили лишний скот» в зиму [240]. В 1920-е гг. были отдельные селения, которые переходили даже на восьмиполье (дер. Ларино Рязанского у.).

Местные власти старались использовать удобный момент, чтобы вынудить крестьян изменить систему земледелия. Перехода с. Ижевское Спасского у. на четырехполье в 1923 г. удалось добиться после вмешательства волисполкома: когда в 1921 г. жители села, вернувшиеся из города из-за разрухи, стали требовать внеурочного нового передела, им разрешили произвести его при условии введения многополья [241].

Некоторые хозяева с. Вослебово Скопинского у. пробовали ввести занятый пар и сеять по нему кормовые травы, улучшающие почву, главным образом вику, но между крестьянами этого села и других селений бытовало стойкое убеждение, что в таком случае земля плохо отдохнет и на следующий год колос будет тощим: не больше пяти–шести зерен. Как говорили: «С одного вола две шкуры не дерут» (с. Большие Можары Сапожковского у.).

В печати и в выступлениях агрономов велась пропаганда зяби и раннего подъема паров. Жители с. Большие Полянки Пронского у. под влиянием публикаций в газете «Беднота» попробовали сделать ранний взмет и увидели его преимущества. После этого некоторые большеполянцы вопреки требованиям общины стали стараться поднять пар не в конце июня, а раньше, даже в мае, не дожидаясь общественного решения. Естественно, что такая самодеятельность создавала проблемы для выпаса стада. Как писал один из жителей Больших Полянок: «И каждый стремится обогнать друг друга, из-за чего бывают общественные неприятности вплоть до штрафов». В Скопинском у. в 1923 г. ранний взмет паров делали на 90% всей пашни, в Раненбургском на 74%, а в Ряжском только на 25%, Шацком на 20% всей площади [242].

В годы Первой мировой войны, революции и разрухи состав и качество сельскохозяйственного инвентаря в большинстве крестьянских хозяйств мало изменилось. Безусловно, зажиточные хозяйства приобретали усовершенствованный инвентарь, после разгрома помещичьих имений орудия и сельскохозяйственные машины частично были расхищены и обосновались на крестьянских подворьях, но по данным 1924 г. по-прежнему главным пахотным орудием оставалась соха. По губернии последних было в 5,4 раза больше, чем плугов (273 тыс. сох и 51 тыс. плугов) [243]. Оживление промышленности во второй половине 1920-х гг. способствовало выпуску усовершенствованного инвентаря и машин, но из-за сравнительно высокой стоимости далеко не каждый середняк имел возможность их приобрести. Кроме того, при малоземелье приобретать технику было нерентабельно, и это тоже было сдерживающим моментом. Дальнейшее распространение получила практика покупки дорогостоящих орудий и машин товариществами.

Открытые по губернии пункты проката (в 1920 г. 165 пунктов) продолжали деятельность, начатую до революции земскими складами. Крестьянам за умеренную плату давали на время плуги, сеялки, веялки-сортировки, жнейки, соломорезки, культиваторы и т.д., но многие пункты не имели и половины необходимого в хозяйстве набора орудий и машин.

Изменения в этой сфере, несомненно, происходили. Многие информаторы, вспоминая доколхозную жизнь в своем селении, говорили, что во второй половине 1920-х гг.

у них, у соседей, в их проулке появилась сеялка, молотилка или плуг. «Советская власть началась, купили плуг», — рассказывала жительница с. Ардабьево Касимовского р-на. «До революции плуг считался редкостью, а сейчас в с. Инякино их насчитывается около 20% по сравнению с сохой», — писал корреспондент ОИРК из этого села. Там же появились конные молотилки. В хозяйствах крестьян-отходников Касимовского у., имевших больше материальных возможностей, встречались одноконные плуги, а крестьяне дер. Сергеевка Спасского у., организованно поделившие имущество помещика, использовали не только плуги и пружинные бороны, но и веялки, молотильные машины. Корреспондент из дер. Успеновка Сасовского у. отметил улучшение орудий, но связал это с пребыванием в немецком плену некоторых односельчан, познакомившихся там с другой агрикультурой. Возможно, и это сыграло какую-то роль. Во всяком случае, в Успеновке появились плуги, сеялки и веялки, сортировки [244].

В то время, когда в одних селениях уже работали машинами, из других с радостью сообщали о появлении усовершенствованной сохи — косули (с. Нагорное Ряжского у.), а в третьих вообще ничего не изменилось (с. Дубровка Касимовского у.) [245]. В 1929 г. во время празднования Дня урожая в некоторых селениях Рязанщины показали агитационное представление — похороны сохи (см. с. 572). В с. Собчаково Спасского р-на в ходе представления торжественно похоронили соху и цеп, а одна крестьянка прокомментировала: «Соху похоронили, а трактора еще нет» [246]. Действительно, с похоронами сохи явно поспешили, так как она еще долго использовалась и на колхозных полях.

В самом начале 1920-х гг. часть земли лежала незасеянной, так как не хватало семян и рабочих рук. С 1923 г. положение изменилось к лучшему и почти все брошенные земли стали распахивать. Обычный набор выращивавшихся ранее культур сохранялся и в 1920-е гг.

Государство пыталось внедрить в крестьянские хозяйства новые культуры и более продуктивные сорта уже известных, прежде всего пшеницу и кормовые травы, корнеплоды. По всей губернии начали действовать опытные станции и поля, на которых крестьянам демонстрировали преимущества правильного севооборота или выращивание новых культур и новых сортов.

С этими целями в с. Петрово Ряжского у., расположенное около железной дороги, привезли вагон семенной кубанской пшеницы. Людям меняли рожь на пшеницу из расчета два ведра ржи — одно ведро озимой пшеницы. Но как часто бывает, кто-то не подумал, что климатические условия и почвы на Кубани и в Рязанской губ. существенно отличаются, и смельчаки, посеявшие кубанские семена, остались без урожая. Идея была дискредитирована, и до создания колхоза крестьяне больше не делали попыток сеять пшеницу.

Крестьянским хлебом в 1920-е гг. по-прежнему оставалась рожь. В голодном 1922 г. в целом по губернии рожь занимала 56,7% пашни, овес и просо по 16%, картофель 6,3%, остальное гречиха, бобовые, масличные. Очень сильно выросли посевные площади под просом, хотя до революции они значительно уступали посевам овса. Несмотря на то, что в южных Ряжском, Скопинском, Раненбургском уездах овес лидировал, отрыв был небольшим. Просо приобрело очень большое продовольственное значение [247]. В эти годы начали быстро расти сократившиеся было площади под картофелем, особенно в Рязанском, Спасском, Сасовском и отчасти Скопинском и Раненбургском уездах, а в Зарайском, Спасском, Касимовском уездах сложилась ситуация, когда картофель стал постепенно вытеснять и просо. Сильно сократились в южных уездах полевые посевы конопли, зато возросло ее возделывание на усадьбах. Сократились посевы табака, который с плантаций почти полностью переместился на усадьбы, но география его возделывания расширилась. Он по-прежнему оставался рыночной культурой.

В 1920-е гг. в хозяйствах некоторых крестьян, как в с. Спешнево Ряжского у., в яровом клине появились новые культуры: мак, чечевица, подсолнух, горох и даже кормовые травы: вика с овсом. В с. Инякино Спасского у. в 1928 г. на общественном, видимо, показательном участке стали сеять клевер и вносить минеральные удобрения, а на огородах некоторые крестьяне начали выращивать турнепс и кормовую свеклу [248]. У информатора из с. Темгенево

Елатомского у. (Сасовский р-н) отец еще в 1920-е гг. уходил пастухом на Кавказ пасти овец и оттуда привез семена помидоров. Их называли «бзника». Сельчане «раскушали и развели». В 1920-е гг. помидоры появились не только в Темгеневе, но приживались они с трудом.

Правительство пыталось стимулировать переход на многополье и внедрение в севооборот новых культур предоставлением льготы по единому сельхозналогу. Так, Ляпуновка Раненбургского у. получила льготу в 266 пудов по единому сельхозналогу за введение подсолнечника, но другие селения вопреки ожиданиям не последовали ее примеру [249].

Несмотря на прибавку надельной земли, использование некоторыми крестьянами новых орудий и машин, увеличение поголовья скота, в 1920-е гг. многие по-прежнему не могли обойтись своим хлебом до следующего урожая [250], тем более что государство изымало из крестьянских закромов значительную часть продукции.

В 1920-е гг. главной фигурой советской деревни стал середняк: деревня «осереднячилась», и сократившееся было за годы революции и гражданской войны поголовье скота, особенно свиней и овец, с 1923–1924 гг. начало расти [251]. Поскольку рубль был неустойчив, то в случае появления у крестьян денег они вкладывали их в покупку скота. Периоды ажиотажного спроса на скот сменялись периодами массовых распродаж, подхлестнутых разными слухами. Весной 1924 г. крестьяне активно скупали скот, но прошел слух, что за каждую корову в хозяйстве надо будет осенью заплатить в счет продналога по 5 пудов хлеба, и народ начал срочно продавать коров, и цены на них упали [252].

С ростом поголовья скота кормовая проблема стала еще острее, чем до революции. Советская власть смогла лишь частично решить вопрос с лугами и выпасами. В начале 1920-х гг. крестьянам за определенную плату разрешали косить казенные луга или арендовать лесные покосы, но постепенно цены росли, находились какие-то причины, чтобы отказать просителям. Увеличение посадок картофеля в 1920-е гг., видимо, было связано с тем, что его стали скармливать скоту.

В начале 1920-х гг. было создано «Госмолоко» (позже преобразованное с «Маслоцентр»). Эта организация обратила внимание на Рязанскую губ., как главного поставщика молочных продуктов в Москву. Корреспондент из дер. Сергеевка Спасского у. в 1925 г. отметил значительное увеличение у крестьян поголовья коров, причем старались покупать животных симментальской породы [253]. Это же наблюдалось и в других селениях по левобережью Оки.

Цифры бюджетов крестьянских хозяйств разных экономических групп показывают очень низкие доходы, получаемые от хозяйств, и очень низкий уровень расходов. Только в группе зажиточных, бюджет которых колебался от 300 до 400 руб. в год на двор, появляется статья расходов «на культурные потребности» в 5 руб. [254]. Бюджет бедняка был настолько мал, что не давал возможности потратить не то что на культурные потребности, но и на хозяйство. Один из таких малоземельных (3 дес. на троих взрослых и новорожденного ребенка) и безлошадных сообщал в «Крестьянскую газету», что его доход от земли 50 руб., а расход 40 руб. 50 коп. «Ну, как же я проживу с этими девятьми рублями пятьдесят копейками? Мне ведь надо кормить жену и мать-старуху, а также где брать на корм корове? Поэтому в деревне без побочных заработков одной землей да еще без лошади жить нельзя в деревне никак» [255], — делал вывод этот крестьянин.

Социализация земли и ее передел по едокам, с одной стороны, сгладили расслоение деревни, но, с другой, притормозили процесс развития товарности части крестьянских хозяйств. Рост посевов проса и посадок картофеля при уменьшении посевов товарных культур (овса, табака, конопли) свидетельствовал о том, что крестьянские хозяйства в большей степени, чем раньше, были нацелены на самообеспечение, т.е. их потребительский характер усилился.

И это при том, что в 1920-е гг. в хозяйстве рязанской деревни происходили существенные изменения: быстро шел процесс перехода на многополье, у части крестьян появились улучшенные сельскохозяйственные орудия, больше стало сельскохозяйственных машин. В борьбе за модернизацию сельского хозяйства весь крестьянский опыт, в котором было накоплено много полезного, рассматривался как проявление невежества.

Перепись 1926 г. показала, что 59,3 % населения деревни — это дети и молодежь до 25 лет [256], т.е. самая восприимчивая ко всему новому часть общества. Печать тех лет, лекторы, школа, наряду с просвещением, популяризацией научных знаний, формировали несвойственный крестьянству волюнтаристский взгляд на природу и землю как объект, который надо подчинить и заставить давать урожаи.

Большая часть проблем, которые существовали в деревне до 1917 г., не были ликвидированы в 1920-е гг. Мелкие крестьянские хозяйства не могли обеспечить растущее население городов продовольствием и стать достаточным источником накопления средств для индустриализации. Правительство взяло курс на создание крупных коллективных и советских хозяйств.

Крестьянское хозяйство в колхозный период

Начало 1930-х — середина 1960-х гг. После коллективизации, как известно, крестьянская надельная земля — пахотная и луговая — была обобществлена, так же как тягловый скот, крупный сельскохозяйственный инвентарь и техника. Крестьянам были оставлены приусадебные участки, на которых они могли вести личное подсобное хозяйство. В истории крестьянского двора колхозной эпохи М.А. Безнин выделил два периода: 1930-е — середину 1960-х гг., когда в урезанном виде крестьянский двор продолжал «крестьянствовать», и с середины 1960-х гг., когда после нескольких реформ колхозник превратился в «рабочего с огородом», т.е. крестьянин стал получать за свой труд деньги, было введено пенсионное обеспечение по старости, и его хозяйство действительно превратилось в подсобное [257]. Выделение этих двух периодов не вызывает возражений, хотя последствия реформ сказались не сразу после их проведения. М.А. Безнин совершенно справедливо отметил, что личное хозяйство, которое велось советским крестьянством, генетически продолжало традиции российского крестьянства, и нас в данном случае интересует, насколько эти традиции нашли продолжение в рязанской колхозной деревне, каким образом колхозная эпоха повлияла на крестьянское хозяйство и крестьянский менталитет.

Усадьба. По сути дела усадебное хозяйство, которое всегда особенно ценилось крестьянином и в ведении которого он проявлял свою предприимчивость, перешло в наследство колхознику советского времени. Правда, с подворья исчезла лошадь, часть орудий и после 1935 г. сократились размеры усадьбы. В том году II Всероссийский съезд колхозников-ударников принял новый Примерный устав сельхозартели. Устав регламентировал размер приусадебного участка: от 25 до 50 соток (без земли под жилыми постройками), в отдельных районах до 1 га [258], и количество на крестьянском подворье скота и птицы*.

Размер нарезавшейся колхознику усадьбы (в дозволенных границах) зависел не от качества земли, а от ее наличного количества: в одних густонаселенных деревнях и селах нарезали 25 соток, в других — а таких было большинство — 40 и редко — до 50 соток. В 1950-е — начале 1960-х гг., когда многие колхозы преобразовали в совхозы, у людей отрезали усадьбы, так как совхозным рабочим было положено иметь не более 30 соток. Тем, кто работал в лесничестве или сфере обслуживания, сельским учителям и врачам давали по 15 соток (включая землю под жилыми постройками), поэтому в каждой семье обычно старались, чтобы кто-нибудь из ее членов работал в колхозе или совхозе.

На примере Нечерноземья М.А. Безнин показал, что «история крестьянского двора колхозной эпохи — это история постоянной борьбы крестьян за землю, а точнее

* Были выделены четыре района, и для каждого существовала строго определенная норма скота в личном хозяйстве колхозника и неограниченное количество птицы (Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927–1935. М., 1957. С. 532). Рязанская обл. попала в первую категорию, и колхознику разрешалось иметь на подворье одну корову, две головы молодняка крупного рогатого скота, одну свиноматку с приплодом, до 10 овец и коз.

за расширение приусадебного землепользования» [259]. В 1939 г. после выхода постановления «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» прошла волна изъятия излишков. В 1950–1960-е гг. периодически, выборочно по стране проходили проверки размеров усадеб. В Рязанской обл. в 1953 г. такие проверки были проведены в 1205 колхозах, самовольное превышение норм обнаружено в 358, выразившееся в 108 га прихваченной в личное пользование земли. В 1965 г. были проведены контрольные обмеры 10 822 участков и из них в 966 обнаружены излишки земли [260].

Устав закрепил введенное еще в 1930 и 1931 гг. исчисление вложенного в коллективное хозяйство труда в трудоднях*. Только выработка минимального числа трудодней давала крестьянам право иметь приусадебный участок. Как вспоминают информаторы старшего поколения, работали, жилы тянули, только чтобы не забрали землю. Усадебная земля превратилась в своего рода узду, надетую на крестьянина, в средство поощрения и наказания. Жители с. Ардабьево Касимовского р-на вспоминали, что стоило выказать любое недовольство работой, им говорили: «Не пойдешь на работу — усадьбу отрежем». В малоземельном с. Секирино Скопинского р-на, и не только в нем, передовикам в качестве поощрения давали в поле прирезок под картофель.

В колхозах перед войной и в 1940–1950-е гг., по словам бывших колхозников, «работали за палочки». В Заочье, где урожаи были низкие, часто так и было, но на остальной территории по 150–300 граммов зерна (стакан, полтора стакана) на трудодень колхозы все-таки начисляли, а иные время от времени давали и по 1–2 кг. В 1937 г. в Центрально-Нечерноземной зоне в среднем на двор дали из колхоза 14,6 ц зерна и 149 руб., хотя средние цифры чаще вводят в заблуждение, чем проясняют ситуацию. Судя по опросам, в рязанских колхозах до войны выплат деньгами вообще не было. В 1955 г. в с. Кораблино Рязанского р-на на один трудодень давали 1,5 кг зерна и 3 руб. 40 коп. (в деньгах того времени это очень маленькая сумма) [261]. Если колхозник вырабатывал 320–340 трудодней в год, то при таких расценках трудодня этого количества зерна ему хватило бы для себя и для скота, но если в семье были нетрудоспособные (старики и дети), то количество зерна на едока естественно сокращалось, а надо учитывать, что до конца 1950-х гг. в рационе преобладали зерновые продукты. Кроме того, зерно было ходким товаром на сельском рынке, поэтому как только появлялись излишки, крестьяне старались продать их и получить столь необходимые для жизни деньги.

Выплаты по трудодням колхозник получал натурой в конце года после сдачи колхозом всех поставок государству и уплаты всех налогов, хотя по Уставу 1935 г. колхозы должны были производить предварительное авансирование своих членов. Чтобы прожить, заплатить налоги и купить самое необходимое, крестьянская семья должна была «добрать» недостающую часть.

Земледелие на усадьбе. После коллективизации усадьба превратилась в основной источник средств существования крестьянской семьи. Для большей части личных хозяйств до конца 1950-х гг. — начала 1960-х гг. характерно выращивание широкого набора культур, обеспечивавшего потребности семьи: овощи, картофель, конопля и зерновые, которые колхозники стали сеять на усадьбе.

В подавляющем большинстве селений зерновой монокультурой в личном хозяйстве стало просо, как самое неприхотливое и урожайное (зерно для бедных: «кто победнее, на просо налегает»). Значительно реже крестьяне на своих усадьбах сеяли рожь и еще реже — пшеницу. Судя по опросам, зерновые обычно занимали четвертую часть земли, две четверти — картофель и остальное — овощи. Если соотношение менялось, то в пользу картофеля, хотя встречались хозяйства, где зерновыми засевали половину земли. В Секирине на огородах сеяли просо до начала 1960-х гг., по 5 соток из 20. В дер. Александро-Прасковинка Сапожковского р-на усадьба была

* Первоначально в колхозах всем членам в основном выплачивали поровну. В июне 1930 г. Колхозцентр принял решение о переходе к оплате по трудодням, а в 1931 г. были разработаны принципы начисления трудодней: за легкую работу — 0,75 трудодня, за среднюю — 0,8, тяжелую — 1 трудодень, требующую высокой квалификации — 1,5 (История крестьянства СССР: История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2. С. 236).

40 соток, 10 из них засевали просом. Многие в этой деревне сеяли даже пшеницу. В Бычках Сараевского р-на в личных хозяйствах сеяли ячмень и пшеницу, остальное — картофель и овощи. В дер. Урядино Касимовского р-на еще в 1950-е гг. две части усадьбы засаживали картофелем, а третью засевали рожью и просом. Крестьяне придерживались определенного севооборота, меняя местами просо и картофель. Сорта злаков обычно были теми же, что и в колхозе.

Прекращали сеять зерновые в тех колхозах, в которых регулярно давали на трудодни достаточно зерна, чтобы хватило семье и скоту, но выдачи зерна были очень нестабильны. В 1959 г. в Рязанской обл. на трудодни крестьянам выдали от 500 до 900 кг зерна, а в последующие годы в два раза меньше [262]. В совхозах, где платили зарплату, прекратили сеять на огородах зерновые в одних местах еще до войны, но в годы войны возобновили эту практику, а в других — после отмены карточной системы в 1946 г. На вопрос, а насколько эти посевы решали продовольственную проблему, большинство людей старшего возраста отвечают, что это так — «на суп да детям на кашу». Собранное с 5–10 соток просо лишь отчасти могло что-то решить*. О.М. Вербицкая пишет, что в целом по стране с 1946 по 1950 г. росли продажи зерна, полученного с приусадебного участка, так как колхозникам стало хватать заработанного ими на трудодни, и делает вывод, что крестьяне выращивали зерно на продажу [263]. Информаторы старшего поколения Рязанщины этот вывод не подтверждают. Из разговоров с ними складывается впечатление, что упорное возделывание рязанцами зерновых на огородах скорее объяснялось страхом перед голодом, который рязанская деревня пережила на памяти этих людей в начале 1920-х, 1930-х гг. и в 1946–1947 гг., чем расчетом на продажу. Посевы воспринимались как своего рода страховочный фонд, тем более что и в магазинах с продуктами было очень плохо, и только в южных районах края если появлялись излишки зерна, полученного на трудодни (а не со своего огорода), то их продавали.

Пока сеяли на своих усадьбах зерновые, хозяйки старались освятить зерно в церкви или сами кропили его святой водой, следили за погодными приметами и ориентировались на традиционный сельскохозяйственный календарь (см. гл. 7).

Почти повсеместно на огородах до войны выращивали коноплю, хотя и в меньших размерах, чем раньше. Волокно использовали для ткачества, а семя шло на масло. После войны ее посевы быстро пошли на убыль, некоторые продолжали сеять на семя, а волокно шло на паклю, веревки, хотя в отдельных селениях еще ткали холсты для полотенец. При таком интенсивном использовании земли огороды щедро унавоживали.

До войны не всякий колхоз давал лошадь, чтобы крестьяне могли вспахать усадьбу. В войну и после войны тяглового скота не хватало даже для работы на колхозных полях. Чтобы решить проблему, особенно в войну, женщины собирались по шесть человек, впрягались в соху или плуг и пахали друг у друга по очереди и сразу же сажали или сеяли. Та, которой пахали, кормила всех. Если в семье были мужчины или много молодежи, то копали усадьбу всей семьей лопатами. Случалось, что вспашку делали на коровах. В 1960-е гг. в колхозах и совхозах для вспашки частных огородов стали давать лошадь, а иногда и трактор.

На своих усадьбах крестьяне старались придерживаться традиционной обработки почвы. Через несколько дней после посева проса «ломали поле». Просо за лето три–четыре раза пропалывали. На озимые осенью пускали гусей или привязывали бычка, чтобы они объели всходы, особенно если была угроза, что последние пойдут в трубку. Урожаи на своих участках из-за более тщательной обработки земли были выше, чем в колхозах.

Убирали урожай в основном серпами, молотили цепами или вальками, а потом провеивали на ветру. Для получения семян, как и прежде, молотили охлёстыванием о кадушку, скамейку. Просо *отталкивали* (обдирали в ступах, см. илл. с. 317) и получали пшено. Рожь и пшеницу вместе с зерном, полученным на трудодни, обычно перемалывали в муку на колхозной мельнице, хотя некоторые, если зерна было немного, перемалывали его дома старинными жерновами.

* Даже по явно заниженным продовольственным нормам, принятым в ходе продразверстки в 1919 г., на едока в год было необходимо 12 пудов зерна (196,56 кг) и 1 пуд крупы (16,38 кг) (История крестьянства СССР: История советского крестьянства. М., 1986. Т. 1. С. 112).

Если говорить о сельскохозяйственном инвентаре, которым крестьяне работали на своих участках, убирали урожай, и о последующей его обработке, то был сделан шаг назад по сравнению с единоличным хозяйством доколхозного периода. Обработать таким инвентарем землю, часто при отсутствии лошади, можно было благодаря небольшой площади усадьбы и интенсивному труду семьи. Да и коллективные хозяйства, до войны и даже до середины 1950-х — начала 1960-х гг., слабо оснащенные техникой, выживали за счет внеэкономического принуждения своих членов и их полударового труда, за счет изъятия у них в случае недопроизводства в коллективном хозяйстве необходимой части продукции для сдачи ее государству.

Колхозное крестьянство было поставлено в такие условия, когда оно должно было продавать часть произведенной продукции на рынке, чтобы получить деньги для уплаты налогов и приобретения самого необходимого. Однако были хозяйства и селения, которые продавали не излишки, а целенаправленно работали на рынок. К ним, прежде всего, относятся те села, которые ранее специализировались на выращивании монокультур. Они продолжили свою деятельность, хотя, безусловно, в меньших размерах.

В работу на рынок втягивались и новые селения, в которых ранее не было товарного земледелия. Между селениями возникало стихийное разделение производства и рынков сбыта. Всё с. Темгенево Сасовского р-на на 25 сотках сажало исключительно картофель и отказалось от выращивания на огородах даже лука. Им приносили его из с. Каверино Шацкого р-на и меняли на картофель, так как жители Каверина в больших количествах сажали лук. Они продавали его в Сасово на рынке и возили по селам. По Кутуковской горе (селения Кутуково, Устрань, Исады, Аргамаково Спасского р-на) при колхозах в личных хозяйствах продолжали преимущественно сажать лук. И сами колхозы тоже специализировались на луке. В Кутукове был сушильный завод, принимавший лук от населения, заготконторы. Селения около городов выращивали зелень и поставляли ее на рынки. В с. Льгово, расположенном около Рязани, делали теплицы, закрывали их остекленными рамами и выращивали раннюю зелень. В с. Перкино Спасского р-на уже в конце 1940-х гг. выращивали огурцы и возили их в Москву. В Спасском р-не на выращивании огурцов специализировались села Троица и Огородниково. Выращиванием огурцов в открытом грунте (на ночь их закрывали, а под утро в случае заморозков жгли костры из соломы) приблизительно с конца 1940-х гг. занялось население с. Бычки Сараевского р-на. Их сбывали в основном через торговую кооперацию, сдавая на приемный пункт, открытый в Бычках, редко кто возил продавать на рынок в Сараи. Огурцы выращивали не по всему селу, а на одном конце, за избыток влаги получившем название «Озерок». Крестьяне, ранее засевавшие часть усадьбы зерном, перестали его сеять, считая более выгодным покупать на рынке, а половину земли заняли под огурцы, вторую половину — под картофель и прочие овощи. Сажали по 40 грядок и за лето снимали 5 тонн. Лук выращивали в с. Сысои Сараевского р-на и возили продавать его по селениям района и в Моршанск.

Снижение сельскохозяйственного налога и размеров обязательных поставок государству в 1953–1954 гг., а с 1 января 1958 г. их полная отмена стимулировали деятельность таких мелкотоварных хозяйств.

Село Исады, известное своими прекрасными садами, занимавшееся также выращиванием лука, взялось за огурцы, которые оказались более выгодной культурой. Некоторые называют конкретную дату: 1956 г. Дед Исака из числа исадских староверов съездил куда-то, увидел, как выращивают ранние огурцы и какую выгоду это приносит. Дед Исака был не только разбирающимся в огородничестве крестьянином, но и предпринимателем по натуре. Его усадьба одним концом выходила к Оке, и он вначале попытался выращивать на рынок морковь, наладив особую систему ее полива из реки и последующее хранение до весны в ямах. Дед Исака первым взялся за выращивание ранних огурцов, объяснив своей соседке, что с лука она возьмет прибыль один раз в конце сезона, а с огурцов многократно в течение всего лета. В Исадах усадьбы были по 20–25 соток, поэтому когда все село вслед за ним занялось огурцами, люди стали нещадно вырубать сады, перестали сажать картофель и капусту и сократили посадки лука. Выращивать огурцы начали и жители почти соединившейся с Исадами дер. Аргамаково. Ранние огурцы высаживали в грунт под компрессную

бумагу (пленки не было) 16 апреля, а первый сбор был 12 июня. Постепенно в «огуречный бизнес» втянулись соседние Кутуково и Устрань, хотя там лук долго сохранял ведущие позиции. Первые огурцы, пока они были дорогими, возили на рынок в Рязань и Москву, а потом сдавали на заготовительные пункты.

В Исадах ранние помидоры начали сажать почти в те же годы, что и огурцы, но вначале только одна улица. Их так и называли «помидорники», а потом, с начала 1960-х гг., за ними последовали и остальные. У жителей Исад было по 2–3 тыс. кустов помидоров. Однако, по общему мнению, огурцы отдачу давали быстрее и ими занимали бóльшие площади.

Специализироваться на овощах обычно начинали те селения, где был комбинат по засолке огурцов или консервный завод, как в с. Огородниково или с. Троица Спасского р-на. Даже при низких закупочных ценах крестьяне считали выгодным сдавать туда продукцию, так как собственный труд особенно не ценили, и люди были рады каждой копейке, из которых при значительном количестве продукции получались вполне приличные суммы.

После революции, и особенно после коллективизации, все с. Новое Еголдаево Ряжского р-на занялось выращиванием моркови. Они привозили морковь в с. Петрово и другие селения того же района, продавали и меняли на картофель, так как сами его не выращивали: два ведра картофеля — одно ведро моркови; возили продавать ее в Ряжск на рынок и сдавали на консервный завод. С конца 1950-х гг. некоторые селения Рыбновского р-на занялись выращиванием капусты на продажу. Рыночной культурой, как и до революции, был табак. Его выращивали в селах Сысои и Бычки Сараевского р-на, в с. Петрово Ряжского р-на.

По сути дела крестьяне вышеперечисленных селений, трудясь в социалистическом коллективном хозяйстве, на своем подворье превращались в мелкотоварных производителей, личные хозяйства которых были ориентированы на рынок. Выращивая одну или две культуры, такие хозяйства вынуждены были большую часть необходимой семье сельскохозяйственной продукции покупать на рынке или в других селениях. М.А. Безнин считает, что товаризация хозяйства свидетельствует об изменении его крестьянской сущности и процессе раскрестьянивания. А.В. Гордон, наоборот, полагает, что «даже значительные поставки на рынок не изменяли природу крестьянского хозяйства, если его члены добивались улучшения своего потребления» [264]. «Улучшение потребления» — это и есть преодоление натуральности и выход из режима существования на грани выживания, т.е. изменение потребительской сущности крестьянского хозяйства. Работа не ради удовлетворения самых насущных потребностей семьи, а ради получения прибыли и ее накопления неизбежно меняет отношение крестьян к земле и своему труду, так как мерилом всего становятся деньги. При колхозном строе личное хозяйство колхозника и совхозного рабочего, поставленное на рыночную основу, оказалось в таких условиях, когда прибыль просто не могла быть потрачена на расширенное воспроизводство: его потребительский характер был узаконен Примерным уставом и всем советским законодательством. Колхозники-предприниматели вкладывали солидные прибыли в строительство домов, а позже в покупку втридорога машин, большая часть прибыли уходила на помощь детям, уехавшим в города.

Скот и птица. В колхозное время товарное скотоводство не получило особого развития в связи с тем, что поголовье скота на подворье было строго регламентировано. Сельсоветы устраивали постоянные проверки, чтобы люди не держали скота больше положенного: «Если корова и стельная телка, то сельсоветские будут ходить, пока одну не сдашь» (с. Агро-Пустынь). И в Ижевском, хотя все население сдавало молоко на молокозавод, все равно не разрешали держать двух коров. В Урядине, где «жили поросятами», некоторые отдавали вторую свиноматку кому-нибудь из старших родственников, кто уже сам не держал скота. Но были селения, где руководство вполне терпимо относилось к тому, что на частных подворьях поголовье скота превышает норму. Так, в с. Муратово Шиловского р-на все держали по две коровы, много скота было во дворах в с. Шатрище Спасского р-на.

Люди обычно планировали, сколько поросят или овечек надо продать, чтобы заплатить все налоги, сдать в заготконтору бычка, чтобы купить обувь и одежду и пр., или сдать его в колхоз и получить зерно и солому. Жительница дер. Урядино рассказывала: поросят «выхолим — продадим,

баранчика зарежешь — продашь». Выращивание и продажа скота для большинства было самым приемлемым путем получения реальных денег, не требующим таких хлопот, как выращивание и продажа ранних помидоров или огурцов. На стол колхозного крестьянства и совхозных рабочих мясомолочные продукты поступали почти исключительно со своего подворья. Молоко с ферм обычно давали только дояркам.

До 1960-х гг. практически все, часто даже одинокие люди, держали коров, излишки молока сдавали на молокозаводы, но в селениях Исады, Аргамаково, Кутуково, после того как там начали выращивать огурцы, сложилась практика, когда корову держали на двоих, троих и были случаи, что и на шестерых. «У одной из Аргамакова дочь решила было взять корову на троих, а мать ее: „Чо?! А где мы на троих-то свое молоко искать будем?!“ А потом и на восьмерых некоторые держали». Неделю держал один дом, неделю другой, но молоко каждый день делили на оба дома. Хозяева подбирались так, чтобы доверяли друг другу. У людей, занимавшихся огурцами, просто не было времени в одиночку заготовить корове сено, дважды в день доить ее.

В селениях по Оке и другим рекам, где были заливные или хорошие суходольные луга, молочный скот, как и раньше, отличался высокой удойностью. Женщины Агро-Пустыни регулярно раз-два в неделю носили на рынок в Рязань молоко, творог, сметану — это 21 км. Вся южная часть области, где на трудодни давали больше зерна, занималась выращиванием поросят, особенно в 1950-е гг. В Заочье свиней кормили картофелем, крапивой и мякиной. Жители некоторых селений держали свиноматок и снабжали живыми поросятами соседние селения, где было не принято заниматься разведением свиней. Хозяева из Урядина и Китова Касимовского р-на продавали поросят на рынке в Туме или возили по селам, а затем, набрав приличную сумму, ехали в Сапожок, Шилово, как говорили, в «степь», за мукой. В Туму за поросятами ездили и ходили жители селений бывш. Касимовского у., а ныне Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл. Если в селе или где-то поблизости был молочный или крахмальный завод, спиртзавод, то крестьяне покупали за копейки, а иногда брали бесплатно отходы: обрат, мезгу, барду. Обычно там, где было молочное скотоводство, параллельно развивалось и свиноводство, так как часть снятого молока шла поросятам. Иногда местные рынки были настолько переполнены, что, как говорят информаторы, выгоднее было самим съесть поросенка, чем продать. Из-за низких цен на местных рынках поросят возили продавать в Рязань и Москву, в г. Гусь-Хрустальный и г. Меленки Владимирской обл.

Большинство крестьян и не пытались держать лишний скот, так как, по их признанию, «дай Бог одну-то (корову. — *С.И.*) прокормить, да хоть пару овечек». По-прежнему остро стояла проблема кормов. Все луга перешли колхозам и совхозам, но часто даже им приходилось привозить корма из других регионов. Выпасы для частного стада были малы. Колхозы выделяли своим членам участки, обычно расположенные в самых неудобных местах — овраги, болота. Но были и такие хозяйства, которые вообще не давали никаких покосов.

В большинстве случаев сохранялся тот же принцип деления покосов, что и до коллективизации: делянками — паями или сеном после совместного скашивания травы. Обычно размер пая зависел от числа выработанных трудодней, но в отдельные периоды были случаи, когда давали равные паи подворно всем колхозникам или, наоборот, только тем, у кого были коровы. Овец обычно в расчет не принимали. Вначале высчитывали, сколько площади покоса приходится на трудодень, потом размеряли участки саженью и распределяли их жребием по бригадам. А уже потом бригада делила между собой в зависимости от числа трудодней. Между участками делали брод (*бродили межу, делали салтык)*, т.е. протаптывали или прокашивали стежку, кидали жребий, кому какой участок, и ставили столбики с фамилиями или делали какие-либо меты на земле. В с. Шарик Шацкого р-на вначале рассчитывали число саженей на двор, потом выделяли участки на каждые 10 дворов. Они вместе косили и делили копнами поровну. В 1970–1980-е гг. в с. Бычки Сараевского р-на и в с. Петрово Ряжского р-на тоже косили вместе, ставили одинаковые копны и распределяли их по жребию.

В некоторых колхозах очень тщательно проверяли, чтобы никто не накосил себе больше, чем установлено правлением. Так, в с. Ижевское после покоса каждый стог обмеряли в объеме и подсчитывали, чтобы в нем было не более 2200 кг.

Особенно ценился первый укос, который в с. Шатрище Спасского р-на называли *руном*, «там каларе́й (калорий. — *С.И.*) больше», объясняли информаторы. Колхоз обычно разрешал косить отаву, но делали это после окончания всех сельхозработ, т.е. в октябре, а то и ноябре, когда уже трава покрывалась инеем. Высохнуть полностью она не могла, поэтому ее подсаливали и использовали в первую очередь. Иногда частное стадо пасли по жнивью, но чаще на нем выпасали колхозный и совхозный скот.

До принятия сентябрьским Пленумом ЦК КПСС постановления о развитии сельского хозяйства в 1953 г. не все колхозы давали колхозникам сено и солому на трудодни. После выхода постановления коллективные хозяйства были обязаны выдавать своим членам на трудодни 10% сена и соломы и 20% отавы от накошенного в колхозе [265]. Они практиковали выдачу 10% от сена, скошенного каждым колхозником, т.е. каждую 10-ю копну. Причем часто давали из процента косить самые неудобные и труднодоступные места и в нерабочее время. Но и эти проценты, как правило, имели верхнюю планку. В Агро-Пустыни Рязанского р-на в колхозе (до 1960 г.) 10% первого укоса не должны были превышать 1,5 т, зато отаву разрешали косить из 50%. Была распространена практика уезжать зарабатывать процент на покосах в тех колхозах, где были хорошие луга, а косцов не хватало. Многие ездили в Ижевское и подряжались косить на колхоз из третьей копны, а в хороший год и исполу. Но и там при обилии травы самим членам ижевского колхоза и совхоза все равно не давали сена столько, чтобы хватило и на корову, и на овец.

Широко была распространена практика, когда сено и солому давали за сданного бычка, овцу, свинью. В дер. Вердерево Скопинского р-на за бычка совхоз расплачивался возом ржаной соломы, возом овсяной и еще зерном, но денег не платил. А в с. Чернава Милославского р-на за сданного бычка колхоз давал в конце 1930-х гг. два воза соломы и три мешка хлеба, да на трудодни воз соломы — этим и кормили скот. Жительница с. Кермись Шацкого р-на вспоминала: «Телочка выпоим, сдадим, а за него дадут уголок. А этого мало. Пойдем накосим понемножечку в овраге, а кто-нибудь донесет и заберут. В Кучере давали покос. Накосим, копну поставим. Придет комиссия и обмеряет копну, чтобы она не больше была того, что ей причитается за сданного телка. А если больше, то везут лишнее на ферму. Покупать сено — денег нет. Пошли с племянницей в лес накосить, крались, сидели во ржи, чтобы не увидели».

Судить, насколько бедно или, наоборот, богато было селение кормами, можно по тому, собирали женщины для скота *выполки* (*сор*) или нет. Некоторые наши пожилые собеседницы даже не слышали о таком: сена, соломы хватало (с. Восход Кадомского р-на, с. Ибердус Касимовского р-на, дер. Поярково Михайловского р-на). Если в Заочье и восточной части области где-то собирали сор, где-то нет, то в центральной и южной частях края сбор выполок на колхозных полях был повсеместной общепринятой практикой. Правда, бывало, что своих коров и овец кормили выполками, а сено и солому, заработанные на трудодни, продавали в другие селения. Прополка проса, а позже кукурузы считалась очень выгодной работой, и женщины брали с собой детей, чтобы нарвать как можно больше повители. Обычно каждый собирал сор в отдельную кучу, но бывало, как в Бычках: сор складывали в одну кучу, а потом делили поровну.

Детям ежедневно давали задание нарвать мешок травы. Современные сельчане вспоминают свое детство: «Отец нам даст задание, вот столько нарвать нам сору. Вот мы и рвали. Где хочешь найди, на тележках возили, около дома сушили. С колхоза никакого сена не давали. Как хочешь, так и корми корову… Летом мы не бегали, не отдыхали, а только этим занимались» (с. Строевское Путятинского р-на). Крестьяне из южных районов ездили в селения по Оке за сеном. В Чернаве весной в поле собирали *падинки́* — солому, упавшую из скирда, когда ее брали для фермы. В с. Вослебово Скопинского р-на колхозницы в обед ходили с серпами подкосить по кустам. Одна из них рассказывала, как идут назад с вязанками, а объездчик нагоняет их. Обругал матом, отобрал у них серпы, но потом все-таки вернул, и благодарные женщины еще купили ему четвертинку водки. И самым обычным делом было воровство колхозного сена, комбикорма, соломы: «Бывало, работаешь в колхозе, где снопик унесешь, где чего».

Сенной промысел был весьма развит и в советское время, особенно на левобережье Оки. Колхозники, имевшие мало скота, подряжались косить из процента, получали на трудодни сено и солому или делянки под покос, а потом продавали его. Продавать ездили

из Урядина в Погост, Забелино, возили зимой на салазках. Селения Клепиковского р-на покупали сено у колхозников с. Ялмонть. Из Аргамакова и Исад за сеном ездили в Ижевское Спасского р-на, в Санское и Терехово Шиловского р-на и в лесную Мещёру. «Как мы огурцами, помидорами занимались, а они сено косили и сеном жили», — рассказывали информаторы из с. Исады. Село Ибердус продавало сено в Касимове и пос. Лашма. В с. Шатрище сена было вволю, а отаву давали косить по снегу вообще без нормы. Жители Шатрищ успевали заготовить себе и на продажу. Много обычно накашивали жители с. Восход (Полтевы Пеньки) Кадомского р-на и ездили продавать сено в Сасове. К ним в село приезжали покупатели из Ермишинского р-на. В Ряжском р-не с сеном было плохо, но жители Поплевина, имея хорошие луга, даже продавали излишки. Сеном торговали и крестьяне дер. Поярково Михайловского р-на, а покупали его жители Михайлова, которые держали коров. Жители Старого и Нового Батурина ездили за сеном на базар в Дивово, куда его привозили из сел Сельцы и Константиново. В некоторых селениях еще до войны начали выращивать кормовую свеклу, турнепс, а позже тыкву и кабачки для коров и свиней. Некоторые засевали часть усадьбы викой с овсом — *зеленкой*.

До середины — конца 1950-х гг. скот содержали по-прежнему в холодных дворах, и только после уменьшения налогового бремени начали строить теплые хлевы. Информаторы старшего поколения вспоминают, что плетневые дворы почти не защищали от холода, и утром корова стояла вся заиндевевшая, а на ее спине сидели, пытаясь согреться, куры. Пока были холодные дворы, как и до революции, зимой коров заводили в дом для кормления и доения, туда же брали и молодняк. Там, где традиционно было развито молочное животноводство, где были заливные луга, хозяйки считали делом чести, чтобы, как говорила жительница с. Орехово Спасского р-на, «весной на пастбище ее выгнать, она была облинятая», а если не облиняла, значит слабая и «ее могут [в стаде] и задавить, и затолкать, и позор хозяйке». Несмотря на достаток сена, коровам давали картофель и свеклу «для тела и для молока». В южных районах от кормления запаренной соломой весной коровы шатались, и их отправляли на пастбище на старую траву, как только сойдет снег.

Во многих селениях продолжали держать общественных или мирских быков. В Секирине Скопинского р-на до войны и после общественного быка (купленного сообща) держал у себя на дворе один хозяин, а остальные скидывались ему на корм и оплачивали пастуху его выпас. Старого быка меняли в колхозе на молодого. Точно такой же порядок содержания мирского быка был в дер. Акулово Клепиковского р-на. Распространена была практика, когда кто-то имел собственного быка и пускал его в общее стадо, и хозяин каждой покрытой коровы платил хозяину быка (с. Шарик Шацкого, с. Бычки Сараевского районов).

По мере становления колхозов получала распространение практика, когда колхоз бесплатно давал в частное стадо своего быка, и пастухи или хозяева по очереди загоняли его на ферму. Часто коров (свиней) приводили на ферму, предварительно внеся в контору плату, но чаще договаривались на ферме «за бутылку». В дер. Заулки Кадомского р-на был общественный хряк, которого предоставлял колхоз. И он же давал на него комбикорм ответственному лицу — жительнице деревни. Хряк жил у всех по очереди, а эта женщина выдавала корм тому, у кого он находился.

После Пленума ЦК КПСС в декабре 1959 г. правительство взяло курс на сворачивание подсобного хозяйства, и в первую очередь на сокращение поголовья скота в личных хозяйствах. Крестьян вынуждали резать скот или сдавать его в колхозы. Это коснулось и Рязанской обл., но в памяти наших собеседников этот период не оставил о себе каких-то сильных воспоминаний, в то время как выплата первой зарплаты в колхозе или образованном из колхоза совхозе оставила яркий след в памяти людей старшего возраста.

Выплата денег. Хотя по уставу колхозникам полагались кроме натуральных еще и денежные выплаты, но на деле все обстояло иначе. В конце 1940-х гг. всего 27,1% колхозов Рязанской обл. распределяли денежный доход между колхозниками [266]. Только богатые колхозы могли позволить себе периодически в конце года к натуральным выплатам приплачивать и немного

деньгами. Реформы середины 1950-х — первой половины 1960-х гг. были нацелены на подъем сельского хозяйства, повышение заинтересованности крестьян в труде в коллективном хозяйстве и в улучшении их экономического и социального положения. В марте 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о ежемесячном авансировании колхозников, обязавшее колхозы ежемесячно выдавать не менее 25% денежных доходов общественного хозяйства. Однако и в первой половине 1960-х гг. в Рязанской обл. главным источником поступления денег в семейный бюджет колхозника было собственное хозяйство: от колхоза люди получали 25–35% всех денежных поступлений, хотя в других областях в это же время из коллективных хозяйств выплачивали 50% [267]. Тем не менее, доля натуральных выплат на трудодень в колхозах все-таки уменьшалась, а денежных — увеличивалась.

В 1950-е — начале 1960-х гг. прошло несколько волн преобразований колхозов в совхозы, и вчерашние крестьяне превращались в сельскохозяйственных рабочих, получая за свой труд зарплату. Переход на денежную оплату стал важной вехой в процессе раскрестьянивания российской, и в частности рязанской, деревни.

Многие из наших собеседников вспоминали о тех эмоциях при получении первой зарплаты, которые тогда буквально захлестывали людей. Информатор из дер. Урядино Касимовского р-на на вопрос, а помнит ли она, как получила первую зарплату, ответила: «Неужели не помню! С такой радостью! Тогда у нас был председатель колхоза Князьков Николай Иванович. И тут образовался совхоз. Собирает он собрание и на этом собрании говорит: „Теперича я не председатель колхоза, а директор совхоза. Отрабатываем мы месяц, получаем мы деньги“. Все не верили: „Не может быть, Николай Иванович, этого не может быть!“ — „Может быть“. Отрабатываем мы месяц, и что ж вы думаете? Дают нам 12 рублей. „Неужели нам 12 рублей дали?“ Год прошел — отпуск дали. За отпуск 12 рублей дали. „Ой, бабы, не работали, а дали нам 12 рублей“. Все в магазин. Тогда, помню, пряники и грибочками были, и всякие фигурками. Все в фартуки понабрали, по килу пряников». Другая женщина из этой деревни прежде всего тоже вспомнила о пряниках: «Мы получали получку, по килу пряников купляли». Пряники, которые можно было по целому килограмму покупать каждую получку, были своего рода олицетворением довольства. И позже, говоря о «застойных» брежневских временах, о которых деревня вспоминает как о самом благополучном периоде, женщины говорили о том, что «дети пряник изо рта не вынимали» (дер. Аверкиево Клепиковского р-на).

Мужчины отмечали первую зарплату иначе. Один из них вспоминал, как в с. Бычки Сараевского р-на после объявления о зарплате народ хлынул в бухгалтерию, собралась очередь: «Выходит бухгалтер и говорит: „Получайте на доброе здоровье и зарабатывайте“. И получили деньги, идем в Телятники в магазин. Там Ленка Сударькова была. Покупаем на троих бутылку. Перешли речку на свою [сторону], сели, выпили, а больше уж — деньги жалко! Тут мы начали ребятам покупать хромовые ботинки, и вот какой-то материал был — с начесом, штаны с начесом и портфеля, а до этого в школу ходили с холщовыми сумками».

Объявили, что колхоз будет платить зарплату: «И правда, месяц проходит. О! зарплату получать! Все бегом в правление. Все радовались: то за палочки, а то деньги получать. Все галдели. И пошло, пошло. То спичек коробку не на что купить, а то, пожалуйста. Пойдешь сахарку купишь или что еще понравится. Тут стали повеселее» (с. Ижеславль Михайловского р-на). «На Пасху, на Светлый день шли работать на скотный двор, — вспоминала жительница с. Агро-Пустынь Рязанского р-на то время, когда начали платить деньги. — Вот как реагировали. (А до этого не ходили?) Боже сохрани! Если заставляли, то конечно шли, так как могли отнять усадьбу. А когда стали платить, то сами шли».

Современному человеку, да еще горожанину трудно понять, как это — жить без денег: «В колхозе при Хрущеве стали деньги давать, а то ни на керосин, ни на что не было» (с. Морозовы Борки Сапожковского р-на). Жительница с. Кермись Шацкого р-на вспоминала: «Мы готовы были горы своротить, чтобы дал кто-то копеечку». И позже, когда прибавили, «работали не покладая рук, чтобы получить 50–60 руб. Тогда уже стало можно что-то купить» (дер. Спасск Шацкого р-на).

Выплата денег настолько была нова, необычна, что некоторые были просто ошеломлены и даже напуганы, были и слезы: «Потом стали на деньги переходить. Ой, тут столь-

ко шума было. Испугались все, все испугались. Оказалось, за деньги-то лучше нам было»; «Мы боялись: как будем? То ведь давали хлеб на трудодни, а то как мы будем? А оказалось, дело лучше. Стали хлеб возить, хлеб печь. Готовой» (с. Озерки Милославского р-на). «Перевели нас на деньги, мы плакать стали: ой, теперь мы пропали! И комбайн пригнали, опять все плакать стали: ой, теперь нам делать нечего, мы ничего не заработаем. А год-два прошли: какие мы дураки! Какая легкота!» (с. Кочемирово Кадомского р-на).

Ранее натуральная оплата в конечном итоге через торговлю частично тоже превращалась в деньги, но при этом соблюдалась характерная для крестьянского уклада черта: эквивалентом вложенного труда был продукт, и прежде всего зерно.

Когда стали платить деньгами и уменьшать натуральные выплаты, очень многие начали сокращать поголовье скота. Пожилая женщина из с. Телебукино Касимовского р-на, оценивая колхозное (до начала 1960-х гг.) и совхозное время, отметила, что при колхозе «было подворье очень богатое в каждом дворе. Корова почти в каждом дворе была, овцы, поросенок. (А когда стали деньги давать, меньше живности стали держать?) Постепенно стали [сокращать]… Когда зерном давали, можно было скот держать». То, что сокращение количества скота связано с появлением у людей денег, отмечали информаторы и из других селений. В Ижевском половина села входила в колхоз, а половина — в совхоз. Оба хозяйства очень сильные. В совхозе платили деньги, а в колхозе давали зерно, правда там с 1952 г. периодически приплачивали и деньгами, а в совхозе выписывали по льготной цене зерно. И хотя можно было услышать выражения вроде: «Да он в совхозе. Он каждый месяц зарплату получает!», никто особенно в совхоз не рвался.

На сокращении поголовья скота, безусловно, сказался и декабрьский Пленум 1959 г., но после принятия в ноябре 1964 г. постановления Бюро ЦК КПСС и Совета министров РСФСР «Об устранении необоснованных ограничений подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих» поголовье скота все равно постепенно продолжало сокращаться. Большую роль, видимо, сыграло и устойчивое представление о невыгодности содержания скота на покупном, пусть даже выписанном по льготной цене, корме. Старейший житель с. Меньшие Можары Сараевского р-на говорил: «В каждом доме была корова, скотина, но как Никита Сергеевич перевел от трудодня на денежную оплату, скотина на селе исчезла». У него был оклад 60 руб., и он выразил удивление, как это на них покупать корм корове?! Одно дело, когда корм дают, а другое — покупать. Крестьянин не привык платить деньги за то, что можно было получить за работу (а раньше за отработки), а поскольку свой труд мало ценился, то получить почитай что задаром. Для крестьянского менталитета, сформировавшегося в условиях натурального хозяйства, когда труд каждого члена семьи невозможно вычислить в деньгах и конечный продукт часто просто обменивался на другой продукт или услугу, характерно особенное отношение к деньгам — не просто бережливое, а как к чему-то, наделенному чертами сакрального. Именно деньги выполняли коммуникативную функцию между этим и «тем светом» в некоторых народных обрядах (см. т. 2. с. 187–188, 318, 515).

Сокращение скота в хозяйствах произошло также потому, что отпала необходимость выкармливать его на продажу, чтобы получить какие-то деньги. Большинство наших собеседников говорили о том, что с началом денежных выплат просто исчезла необходимость вести большое хозяйство. В этом заключается некоторый парадокс: в то время, когда с личного хозяйства сняли ограничения (1950-е гг.) и можно было свободно разводить свиней или держать по две коровы (тем более что в колхозах стали давать корма) и торговать молочными продуктами, а вдобавок еще получать денежную зарплату, очень многие просто не захотели развивать хозяйство с целью получения дополнительной прибыли. Можно, конечно, считать это результатом огромной усталости, накопившейся у крестьян за годы жизни в колхозной деревне. Можно увидеть в этом и результат многолетней борьбы советской власти с «частнособственническими инстинктами» мелкого производителя, но выше мы обращали внимание на то, что для традиционного крестьянства характерно осуждение тех, кто стремился разбогатеть и выделиться на общем фоне. Возможно, этот фактор сыграл не последнюю роль и в данных обстоятельствах.

Селения, где до этого существовал мелкотоварный уклад, продолжили свою деятельность в прежних размерах, и только отдельные хозяйства завели вторую свино-

матку, очень редко кто — вторую корову, а специализировавшиеся на выращивании на продажу овощей не имели возможности расширить свое хозяйство из-за дефицита земли. Безусловно, вопрос о влиянии денег на крестьянское хозяйство нуждается в дальнейшем изучении, но судя по опросам населения переход на денежную оплату труда прежде всего и наиболее сильно повлиял на хозяйства с традиционным крестьянским потребительским укладом.

Переход на денежную оплату напрямую затронул некоторые стороны крестьянского хозяйственного быта. Колхозники повсеместно перестали сеять на своих усадьбах зерновые, расширяя главным образом посадки картофеля. В колхозах и совхозах строили пекарни и многие сочли более удобным покупать готовый хлеб, чем печь самим: «В магазине все продукты появились, хлеб стал вволю. Была своя пекарня и на рубль пять буханок купишь» (дер. Урядино Касимовского р-на).

Пастухи частного стада вместо зерна и яиц стали требовать от хозяев оплаты деньгами, сумма которых росла по мере уменьшения поголовья скота. Однако и желающих нанятся в пастухи становилось все меньше. В некоторых селениях уже в 1960-е гг. их невозможно было найти. В с. Старый Киструс Спасского р-на последний раз пастуха нанимали в 1964 г., в дер. Чевкино того же района — в 1968 г.; а в с. Шарик Шацкого р-на, где традиционно занимались разведением овец, в 1960-е гг. уже не могли нанять овечьих пастухов. Жительница Шарика вспоминала: «Как совхоз пошел и перестали наниматься. Колхоз был — нанимались. (А почему при совхозе не стали?) Да потому что все при своих деньгах стали. Какая ему нужда идти гонять за какие-то копейки». Пасти овец по очереди всем показалось неудобным и их довольно быстро свели. Вместе с пастухами исчезали связанные с их наймом обычаи и элементы календарной и хозяйственной обрядности, действующим лицом которых был пастух. Хозяева стали пасти скот по очереди.

По вопросу о том, изменилось ли отношение к труду после преобразования колхоза в совхоз или когда в колхозе стали платить деньги, мнения наших собеседников разделились. Большинство утверждало, что люди работали так же хорошо, как и раньше, с полной отдачей. В меньшинстве оказались те, кто, как старейшая жительница с. Кермись, говорили, что хотя в совхозе стало лучше, но работать стали хуже: «Деньги испортили, да как испортили! Очень испортили… Раньше бежишь работать ни за чего, а бежишь работать. Делаешь, как и дома. Кое-как не делаешь. А сейчас чего!?» Старые и в колхозе и в совхозе хорошо работали: «Привыкли. Работаешь и тянет тебя делать как надо, а они (молодые. — *С.И.*) шаляй-валяй, лишь бы день прошел, а деньги все равно получу». Все, невзирая на возраст и привычку, работали хорошо там, где руководство стимулировало заинтересованность колхозников и совхозных рабочих в конечных результатах труда.

Коллективизация отбросила крестьянское хозяйство назад, затормозила развивавшиеся в нем процессы, но не смогла полностью заглушить их. Представленный совхозами и колхозами, игравший главную роль государственно-кооперативный уклад сосуществовал с крестьянским потребительским и развивавшимся в отдельных селениях крестьянским мелкотоварным укладами, которые существовали на личном приусадебном участке.

Середина 1960-х — начало 1990-х гг. Новый период, начавшийся с середины 1960-х гг., ознаменовался не только стабильной выплатой колхозникам денежной зарплаты и пенсий, но и вступлением аграрного сектора экономики в новую эпоху механизации и химизации сельского хозяйства. На полях из года в год появлялась новая техника, в землю вносились минеральные удобрения, был взят курс на создание агропромышленных комплексов. «В совхозе одна техника была. Бывало, глянешь на поле: идут комбайны. Это корабли идут по полю — восемь! И все идут и все молотят. Урожаи стали хорошие. Стали добавлять удобрения… Какие хранилища настроили! Какая благодать была в совхозе, все прям стало хорошо», — с восторгом рассказывала пожилая женщина из Старого Киструса.

Наряду с селениями, жители которых уменьшили свои хозяйства после реформ 1950-х — начала 1960-х гг., были селения, которые продолжали работать на рынок. Очень силь-

ное влияние оказывала близость Москвы. Туда везли свежие овощи, соленые огурцы и капусту, мясо и птицу.

Настоящая революция в товарном овощеводстве произошла после появления полиэтиленовой пленки. Сельчане стали делать теплицы и парники из пленки. Под парниками устраивали примитивные печи и снизу прогревали землю или развешивали лампы, ставили вентиляторы, гнавшие теплый воздух, тем самым сдвигая сроки продажи первых огурцов на майские праздники. Кроме навоза стали использовать минеральные удобрения. «Мы все на них надорвались. Вот эти дома все построили. Все трассы мы объездили. Ведь мы вот огурцы посодим, мало их вырастить. Это вот надо на попутной до трассы довезть, до основной дороги, там какую-то машину поймать. Хорошо до Москвы попадешь, а то ведь довезут до кольцевой до выезда, до Рязани, а там еще на перекладных. А там-то ведь под прилавком валяемся: дождь, не дождь. Да какая у нас будет здоровья, Господи!» — говорила пожилая женщина из дер. Аргамаково Спасского р-на. Но несмотря на описываемые трудности, занимались огурцами все: и стар и мал. 1970–1980-е — это самые «огуречные годы», как говорят жители Кутуковской горы. В 1980-е гг. на полученные за сезон деньги можно было купить машину. Один *выбор* помидоров с огорода давал в среднем 20 ящиков по 30–35 кг. За Исадами был маленький аэродром, и самолет-«кукурузник» несколько раз в неделю отвозил помидоры в Рязань. Это было выгодно, пока туда не стали возить болгарские овощи. В Старом Киструсе издавна плели сети, занимались свиноводством, а с 1960-х гг. начали заниматься еще и луком. Усадьбы были всего 30 соток (при совхозе). Часть усадьбы засаживали картофелем, чтобы кормить свиней и для себя, часть луком, а между грядками с луком сажали свеклу. Когда лук набирал силу, свекла была еще маленькая. Лук собирали в конце июля — в начале августа. С участка иной год получали тысячу рублей. Да свеклы потом снимали тонны три-четыре. Жители с. Истодники, деревень Новое и Старое Батурино и др. Рыбновского р-на выращивали на рынок капусту. Человек семь-восемь брали вагон и возили ее даже в Магнитогорск, Ростов, Ейск, Запорожье, Таганрог.

Чтобы увеличить огороды, жители малоземельного с. Льгово Рязанского р-на, начавшие выращивать на продажу редис, вырубили сады и, застраивая село новыми домами, стихийно, глядя один на другого, выдвигали их вперед, сужая тем самым улицы. И сейчас по тем боковым улицам, где после войны свободно разъезжались две телеги, не могут разъехаться две легковые машины, а есть переулок, который превратился в узенькую пешеходную тропинку между заборами.

Теперь уже частные огороды весной пахали трактора, редко где копали лопатой или работали на лошади. Очень часто трактор делал вспашку огородов поперек, невзирая на границы, и скандалы при возобновлении меж превратились в массовое явление.

В 1970–1980-е гг. стало значительно лучше с кормами, можно было выписать комбикорм в колхозе или совхозе по льготной цене. Жители вспоминают, что в эти годы скот кормили купленным в магазине хлебом, и тем не менее по мере роста денежных доходов в колхозах и совхозах поголовье коров, овец сокращалось, продолжался процесс перехода на поочередный выпас скота самими хозяевами. Появилось много семей, состоявших из одного-двух стариков, которым уже было в тягость заниматься коровой, поэтому вместо коров в рязанских селениях все больше появлялось коз. Однако свиноводство сохранило свои позиции, и некоторые селения продолжали работать на рынок. Кормили свиней картофелем и мякиной, которая оставалась на полях после обмолота зерна комбайнами. Людям разрешали собирать ее, и колхозницы с. Восход Кадомского р-на тут же отметили это событие частушкой:

Пашаницу за границу,
А картошку на вино,
А колхознику мякину
И бесплатное кино.

Вряд ли кто станет оспаривать устоявшееся мнение, что коллективизация, превратившая крестьянина-хозяина в подневольного колхозника-поденщика, разрушила его связь с

землей, крестьянский жизненный уклад и постепенно уничтожила, казалось бы, его нерушимую любовь к земле. На наш взгляд, главный удар по крестьянскому миру был нанесен не самим обобществлением земли, уничтожением мет и ломкой меж, разделявших наделы. Земля колхозов и совхозов — это в основном тот же самый земельный массив, который испокон веку был закреплен за селением и каждый рожденный в нем воспринимал эту землю как свою. Это сознание, что колхозная земля принадлежала каждому, работавшему на ней, очень долго сохранялось. Все наши собеседники старшего возраста свидетельствуют, что работали до войны и после, приблизительно до конца 1960-х гг., на колхозных полях, часто вручную, с той же полной самоотдачей, как если бы работали на своем поле. Бывшая колхозница, старейшая жительница с. Кермись Шацкого р-на вспоминала: «Господи! Ведь мы тогда работали, все руками выбирали, ведь земля-то тогда не оставалась заросшая, ни клочка не оставалось… Пахалось всё и подсолнушками засажено было и картошку сажали, всё и овес сеяли. Бывало, мы подростками граблями собирали его, вязали… Она матушка-земля-то не оставалась, кормилица наша, не ухожена». Свидетельством этого традиционного отношения к земле была аграрная обрядность, постепенно угасающая, но отдельные ритуалы которой совершались на колхозных полях до 1950 — 1960-х гг. Пожилые женщины потихоньку святили святой водой семенное колхозное зерно, ходили весной — в начале лета крестным ходом по полям, оставляли на Вознесение обрядовую выпечку — лесенки на зеленях, устраивали моление о дожде, кропили посевы водой из святых источников, завязывали последний несжатый пучок колосьев (делали бородку), и т.д. В культурном отношении колхозная деревня первой половины XX в., несомненно, являлась преемницей деревни доколхозной.

Огромный удар по крестьянскому менталитету и отношению к труду был нанесен тем обстоятельством, что рабочей ячейкой на колхозном поле стала не семья, а производственная бригада. Такая организация труда в корне подорвала основной принцип традиционного крестьянского хозяйства — семейную трудовую кооперацию. Отчасти этот принцип реализовался в приусадебном хозяйстве, но «крестьянствовали» на своей усадьбе главным образом женщины, подростки и старики. В 1950 г. по стране женщины затратили на работу в своем хозяйстве 56,3% всего времени, отработанного всей семьей на подворье, старики 22,6%, а подростки 8,6%, т.е. всего 87,5%. В то время как работа мужчин в личном хозяйстве составила 12,5% [268]. Есть и другие данные: по РСФСР в 1950-е гг. мужчины затрачивали на свое приусадебное хозяйство не более 4–8,5% общегодового бюджета рабочего времени, а женщины — от четверти до трети. Надо еще учесть, что женщины занимались своим хозяйством и в свободное время [269]. И в доколхозной деревне огородом, скотным двором в основном занимались женщины, старики и подростки, а взрослые мужчины выполняли преимущественно тяжелые полевые работы, но и остальные члены семьи тоже принимали участие в полевых работах на своем наделе (см. табл. 7). В колхозной деревне многолюдная семья оказалась ненужной для ведения личного хозяйства, так как само хозяйство было ограничено размерами усадьбы и определенной численностью скота, а после того как в колхозах начали платить деньги, личное хозяйство действительно превратилось в подсобное [270]. В колхозной деревне многолюдность отдельно взятой семьи перестала быть залогом успешного проведения всего цикла сельскохозяйственных работ и на колхозном поле, особенно после механизации труда. И если община являлась сообществом крестьянских дворов (т.е. хозяйствующих семей), то колхоз — сообществом производственных бригад, что совершенно противоречило сущности устройства крестьянского мира. С переходом на выплату пенсий по старости (в 1960-е гг.) многодетная семья перестала играть также и роль главного гаранта спокойной старости. Это сказалось не только на рождаемости, но и на усилении миграции молодого поколения в города: родители, если и не поощряли отъезд, то не особенно удерживали своих детей. Понятно, что миграция сельской молодежи в города была обусловлена целым рядом причин: аграрное перенаселение, пропаганда новых ценностей, низкий уровень жизни в деревне по сравнению с городом, но внутри самой семьи исчез важный сдерживавший миграцию фактор — хозяйственная необходимость.

Крестьянин всегда был производителем и одновременно потребителем произведенного им продукта. После коллективизации, хотя зависимость конечного результата от вложенного труда существовала, но у крестьянина отчуждалась подавляющая часть произве-

денной им продукции, а то, что оставалось производителю, не покрывало его потребностей. Это был наихудший вариант поденщины, который не мог не оказать разрушающего воздействия на отношение к труду, земле и на нравственность в целом.

Сохранявшееся долгое время в сознании крестьян представление о «своей земле», в том числе колхозной, и неприятие несправедливого, с точки зрения крестьянина-производителя, принципа отчуждения произведенного продукта породили такое явление, как воровство, которое стало настоящим бичом колхозной деревни. Крестьянина толкала на воровство не только нужда, но и традиционное потребительское отношение к произведенному продукту. И очень многие пожилые собеседники, говоря о воровстве в коллективном хозяйстве, подчеркивали, что брали «свое», т.е. выращенное ими на их земле. Со временем исконно крестьянское отношение к труду исчезло, а представление о моральной дозволенности воровства общественного или государственного достояния прочно укоренилось в колхозах и совхозах.

Реформы 1950-х — начала 1960-х гг. совпали со сменой поколений: уходили из жизни те, кто успел похозяйствовать до колхозов, кто был носителем крестьянской культуры и психологии. Результатом всего этого стало быстрое угасание с 1960-х гг. народной культуры, теснейшим образом связанной с земледельческим трудом. И в связи с этим хотелось бы обратить внимание еще на один фактор, сыгравший очень большую роль в этом процессе — это наступление индустриальной эпохи в сельском хозяйстве.

С середины — конца 1960-х гг. все основные этапы земледелия были механизированы, даже личные огороды теперь пахал трактор, на поля вывозилось очень много минеральных удобрений, широко применялась химия для обработки посевов, шла механизация ферм. Земледелец все больше превращался в придаток машины. Индустриальная эпоха в принципе несовместима с идеологией традиционного крестьянского хозяйства, и весь накопленный веками опыт предшествовавших поколений, оформленный в виде обряда и обычая, оказался совершенно не нужен в новых условиях. Сравнивая отношение к земле раньше (1920–1930-е гг.) и в 1970–1980-е гг., мужчина из дер. Урядино Касимовского р-на очень точно сформулировал главное отличие: «Он (отец. — *С.И.*) выйдет утром, землю берет, попробовал, тепла она или холодна. Он знал уже, потому что он из ней не вылазил. Не как мы: трактора тут, тут это, скорей, да давай, да быстрей. Только посеял, план сдал и пошел. А там так не делали». Вступление в индустриальную эпоху уже не юридически, а фактически завершило отчуждение земли от крестьянина.

Процесс утраты крестьянского уклада включал все эти составляющие и в основном завершился приблизительно в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Говорить о сельском хозяйстве даже на приусадебном участке, как о крестьянском, применительно к более позднему периоду, на наш взгляд, нельзя. Крестьянства как такового уже не было, хотя отдельные элементы крестьянской культуры, этики и психологии еще долго сохранялись и обнаруживаются в начале 2000-х гг. Общего у сельского жителя и крестьянина остался только характер работы — на земле, и характер проживания — в сельской местности. Называть в последующий период сельского жителя крестьянином можно с большой долей условности.

Личное сельское хозяйство в постсоветский период (начало 1990-х — начало 2000-х гг.)

Землепользование. В начале 1990-х гг.* была сделана попытка путем приватизации производственных фондов (техники, помещений, скота, земли) колхозов и совхозов провести «деколлективизацию» и создать крестьянско-фермерские хозяйства** и параллельно новые

* См. кн.: *Никольский С.А.* Аграрный курс России. М., 2003. С. 217–228.

** Термин «крестьянско-фермерские хозяйства» прочно утвердился в литературе, хотя понятия «крестьянский» и «фермерский» несовместимы, так как эти типы принадлежат к разным эпохам и разным укладам.

формы крупных хозяйств: кооперативы и акционерные предприятия разных типов. Имущество колхозов и совхозов, а также вся закрепленная за ними земля были поделены на доли или паи, которые получили их бывшие члены. Величина пая зависела от количества земли, но в одних хозяйствах Рязанской обл. всем работавшим и пенсионерам давали равные паи, в других смотрели на стаж работы. Тем, кто обслуживал колхозников и совхозных рабочих, учил их детей и т.д., обычно земельную долю не давали, хотя при реорганизации некоторых хозяйств они получали неполный пай.

Фермерами захотели стать немногие. Они взяли свои доли техники и земли и доли своих родственников и начали хозяйствовать. Остальные сельчане отдали свои доли в аренду во вновь организованные на базе прежних колхозов и совхозов СПК (сельскохозяйственные производственные кооперативы), ООО (общества с ограниченной ответственностью), ОАО (открытые акционерные общества), которые по старой памяти все продолжают называть колхозами и совхозами. Реорганизация коллективных и советских хозяйств, лишившихся в одночасье государственной поддержки, проведенная в приказном порядке, привела к их развалу. Большая часть фондов оказалась расхищена, техника распродана, скот пошел на убой, а люди на протяжении 1990-х гг. или ничего не получали, или получали буквально копейки. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. положение в ряде хозяйств улучшилось, появились отдельные хозяйства, где люди получают вполне приличную и стабильную зарплату, но значительно больше таких, которые по-прежнему находятся в полном упадке.

В 1990-е гг. в связи с развалом экономики перед сельскими жителями оказалось два пути: развивать, расширять свое хозяйство (приусадебное или фермерское) или бежать из деревни, тем более что дорога в Москву была накатана не одним поколением. Последний путь решения проблем оказался для многих более привлекательным, и отток населения — самого работоспособного возраста, который постоянно шел из Рязанской обл., — превратился в поток. В сельской местности набирал силу процесс депопуляции, так как и в предыдущие десятилетия молодежь активно уезжала из рязанских сел и деревень, и их население вступило в 1990-е гг. уже сильно постаревшим. Между переписью 1989 г. и 2002 г. за счет естественной убыли и миграции население городской местности сократилось на 3,4%, а сельской — на 19,1% [271]. К началу 2000-х гг. в Рязанской обл. появилось много селений, которые наполняются народом в летний дачный период, а осенью пустеют. Несколько пожилых женщин, обычно остающихся зимовать в таких селениях, практически никакого хозяйства не ведут. Для части сельского населения, главным образом мужского, характерна маятниковая миграция. Они работают, чаще всего в Москве, вахтовым методом, многие — в охранных предприятиях, небольшое хозяйство ведут их семьи.

Такая демографическая ситуация привела к тому, что исчезла проблема с землей, на которой можно вести личное хозяйство. В начале 1990-х гг. каждый сельчанин имел право на получение в собственность, кроме земельной доли, участка до 1 га. И многие, в условиях развала экономики, отсутствия зарплаты, воспользовались этим правом, тем более что с процедурой выделения 1 га проблем не возникало. Некоторые сажали картофель, сеяли зерно на фураж, но многие взяли участки на всякий случай и так и не начали их обрабатывать. В эти же годы в городах и городской местности раздавали участки под картофель, создавались новые садово-дачные кооперативы. Горожане покупали дома в сельской местности и приступали к выращиванию овощей. Ведением личного подсобного хозяйства (ЛПХ) в 1993 г. занимались 60% горожан. Площади ЛПХ в целом увеличились на 40%. В 1993 г. в ЛПХ сельчанами и горожанами по Рязанской обл. было произведено 79% картофеля, 87% овощей, 43% мяса, 27% молока и 43% яиц. [272]. Такое массовое занятие сельским хозяйством было вызвано исключительными обстоятельствами и для многих горожан было явлением временным: по мере улучшения экономической ситуации люди сокращали или вовсе сворачивали свои хозяйства.

В сельской местности в 1990-е и в начале 2000-х гг. существовало несколько типов личных хозяйств: потребительские, мелкотоварные и товарные фермерские. Хотя можно встретить различные переходные формы, так что иногда трудно идентифицировать принадлежность хозяйства к тому или иному типу.

Работа конными граблями. Путятинский р-н, дер. Отрада. Фото С.А. Иниковой 2004 г.

Скотный двор. Кадомский р-н, с. Кочемирово. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Всё хозяйство — три овечки. Путятинский р-н, с. Строевское. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Потребительские хозяйства рассчитаны на удовлетворение потребностей семьи. В рязанских селениях много дворов, в которых проживают пожилые одинокие женщины, и некоторые из них выращивают овощи и выкармливают поросят для себя и городских родственников, но много и таких, которые свели свое хозяйство к нескольким грядкам овощей или засаживают небольшую часть усадьбы около дома картофелем. Распространена практика, когда одинокие женщины отдают свою землю соседям. Никакой платы за это никто не берет, но предполагается, что соседи дадут мешок-два картофеля или угостят молоком, а если у них есть техника, то вспашут те самые несколько грядок. Потребности пожилых людей минимальны и денежная часть дохода поступает в их бюджет в виде пенсии.

Другой тип потребительского хозяйства ведут люди среднего и относительно молодого (около 30 лет и за 30) возраста, имеющие более высокие запросы и силы на их удовлетворение. Большинство официально числится в СПК или ООО, работает в социальной сфере, но их зарплата мала. Некоторые не имеют работы и, соответственно, денежных поступлений. Они производят больше продукции, чем нужно для семьи, с тем чтобы продать скупщикам бычка или поросенка и закрыть брешь в своем бюджете. Потребительские хозяйства, несмотря на некоторое сходство с крестьянскими, таковыми все же, по нашему мнению, не являются. В 1990-е гг. и еще в начале 2000-х вся страна существовала на грани выживания, занималась выращиванием картофеля на своих участках, часть продукции реализовывалась на рынках и через скупщиков, но от этого крестьянами люди не стали. Работоспособное население обычно рассматривает большое личное хозяйство как явление временное и, как только появляется стабильный заработок, сокращает его. Опросы людей в Рязанском и Захаровском районах в 1993 г., т.е. в самое кризисное время, показали, что для 53% респондентов работа в ЛПХ носит вынужденный характер и в случае, если бы им обеспечили стабильный заработок по основному месту работы, они бы не стали заниматься подсобным хозяйством; 35% ответили, что все равно не отказались бы от него [273]. В с. Агро-Пустынь Рязанского р-на, известного молочным животноводством, к перестройке (середине 1980-х гг.) на одном из

Большое потребительское хозяйство. Спасский р-н, с. Исады. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

концов села оставалось 34 коровы, но в 1990-е гг. после распада совхоза все опять завели коров, и к 2006 г. там насчитывалось 150 голов, но многие, у кого по две-три коровы, хотели бы сократить хозяйство. В Больших и Меньших Можарах Сараевского р-на после развала колхозов люди, почти 10 лет не получая денег, жили своим подворьем, на котором развели много скота. Потом долги колхоза заплатили представители Свято-Данилова монастыря (Москва) и создали акционерное предприятие ООО «Можары». Наемные рабочие — жители Можар — в 2005–2006 гг. стали получать зарплату, не очень большую, но стабильную и быстро сократили количество скота. И такая картина наблюдается повсеместно: статус «рабочего с огородом» вполне устраивает современных сельчан.

В начале 2000-х гг. многие из тех, кто взял 1 га, хотели бы отказаться от земли, мотивируя тем, что нанять технику дорого и нет уверенности, что урожай удастся реализовать. Но поскольку прежде чем отказаться от участка, надо оформить его в собственность через регистрационную палату, а стоит это немалых денег и занимает много времени, то для сельчан проделать эти операции крайне затруднительно. Эта многочисленная категория населения не собирается расширять свои потребительские хозяйства.

Существует группа хозяйств, представляющих переходное состояние от потребительского к мелкотоварному: одни имеют собственную технику, купили лошадей, другие нанимают пахать и косить; кроме своего огорода обычно засевают и засаживают дополнительный участок в 1 га, иногда прихватывают огороды родственников или не имеющих хозяйства соседей. В таких хозяйствах сравнительно много скота, предназначенного для продажи, и земледелие обслуживает нужды животноводства. Они не собираются становиться фермерами и обычно объясняют существование большого хозяйства необходимостью выучить и поставить на ноги своих детей, реже — предстоящим строительством или покупкой крупной вещи. Некоторые говорят, что если бы была нормальная работа, то они уменьшили бы хозяйство.

Возможно, хозяйств, производящих на продажу, было бы больше, если бы было куда сбывать продукцию: на рынок самостоятельно трудно пробиться, заготконтор давно нет, закрылись расположенные в сельской местности перерабатывающие заводы. Раньше население с. Строевское Путятинского р-на излишки картофеля сдавало на завод. Жительница Строевского так оценивала его закрытие: «Вот сейчас завод не идет, и нам всем по рукам-то стукнуло, поэтому сейчас все огороды побросали. Раньше-то, бывало, каждая бабуля, она посодит огород 40-то сотков. Она себе оставит на еду, а это все сдаст в завод. И какую копейку получит. Я б посадила картошку, но куда ее девать?» Скупщики платят половину продажной цены, но еще и обвешивают, обманывают.

Раньше в сельской местности было много молокозаводов, сейчас они есть не во всех районных центрах. Скупкой молока и его последующей продажей на молокозаводы занимаются частные предприниматели. В тех селениях, где традиционно занимались молочным животноводством, прежде всего на заливных лугах по Оке, существуют маленькие, не зарегистрированные предприятия, хозяева которых скупают у населения молоко (в среднем по 8 руб. литр в 2006 г.) и сами его перерабатывают в приспособленных для этого сараях и банях. Такие предприятия оснащены минимумом техники. В неделю в среднем перерабатывается 500 л молока. Продукты в виде сметаны, масла (и то и другое в 2006 г. по 150 руб. кг) и творога поставляются в Москву и Рязань. Работают в таких цехах исключительно члены семьи, обычно муж и жена, и при минимальных затратах прибыль получается хорошая. Эти предприятия не расширяют свою деятельность из опасения привлечь внимание заинтересованных инстанций. Односельчан обычно удовлетворяют и цена, и стабильность сбыта, хотя летом, когда наплыв дачников, сбыть молоко в своем же селении не проблема.

Мелкотоварный уклад по-прежнему представлен хозяйствами, которые и раньше специализировались на выращивании овощей и на молочном животноводстве. Сейчас появилась возможность расширить производство, но большая часть населения в силу возраста уже не может активно заниматься хозяйством, хотя все равно старается засадить луком, огурцами или редисом хотя бы часть огорода и что-то продать скупщикам хотя бы за половину рыночной цены. Пожилая жительница дер. Аргамаково Спасского р-на говорила о 2000-х гг.: «Кутуково, Исады, Яр — у нас эта вот гора (Кутуковская гора. — *С.И.*) заколдованная. Ведь вот сейчас уж сил не будет, и все равно все будут копаться. Землица маленько подойдет. Кто по-современному, теплицы уже сейчас подготавливает, мы ж по-старинному — попозже будем». Некоторые семьи среднего и молодого возраста приобретают технику, современный укрывной материал и, прихватывая дополнительную землю, увеличивают объемы производимой продукции. Обычно у них есть транспорт, и они либо сами продают на рынках, либо отвозят скупщикам в Рязань, где цена выше, чем на месте. Работающие на рынок учитывают пожелания покупателя. Сейчас в селениях с товарным овощеводством используют голландские семена капусты и семена огурцов-гибридов, так как они не горчат и выглядят красивее, дают бóльшие урожаи: «Гибриды вроде как пораньше и покрасивше они, чтобы их продать» (с. Исады Спасского р-на). Эта категория овощеводов, работающих на рынок, кроме навоза, использует покупные удобрения и пестициды, в то время как сельчане, ведущие потребительское хозяйство, используют только навоз и обычно вручную обирают колорадских жуков и гусениц, иногда используют старинные традиционные приемы, по их мнению способствующие плодоношению и росту.

Огороды-капустники. Рыбновский р-н, дер. Новое Батурино. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Сортовые семена овощеводы покупают в Москве, а в начале 2000-х в с. Троица Спасского р-на местный предприниматель открыл палатку, где, кроме семян, продает пленку, удобрения. Еще одна его торговая точка, обслуживающая селения по Кутуковской горе, в с. Кутуково. Степень товарности хозяйств во многом зависит от удаленности от трассы и рынков сбыта, от сложившейся традиции. Селения Истодники, Новое и Старое Батурино и др. Рыбновского р-на по-прежнему и в начале XXI в. специализируются на выращивании капусты и возят ее в основном в квашеном виде в Москву, в свежем виде продают скупщикам. На огородах в 20 соток жители этих селений высаживают по 2–3 тыс. кочанов.

В селениях около г. Михайлова некоторые держат три-пять коров и занимаются переработкой молока в творог, сметану, сами продают продукцию в Михайлове. По-прежнему молочным животноводством и свиноводством на рынок занимаются там, где есть крахмальные или спиртзаводы. Жители дер. Вердерево Скопинского р-на берут на заводе барду для скота и даже не занимаются заготовкой сена. Себестоимость молока получается очень низкой, что позволяет им сбивать на рынке цены на него. У них есть специально приспособленные мотоциклы, у которых вместо колясок — ящики с прикрученной флягой. Во флягу кладут комбикорм и заливают на заводе горячей бардой, запаривают. Этим кормят и свиней. Комбикорм покупают в созданном на базе совхоза ОАО.

В с. Рождествено Скопинского р-на многие хозяйства держат по две коровы и торгуют молочными продуктами в Скопине. Луга у них не заливные, но хорошие и косят в основном с помощью техники. Среди мелкотоварных хозяйств в начале 2000-х гг. идет процесс дифференциации: на общем фоне выделяются более сильные, имеющие технику, и, возможно, из их числа со временем появятся хозяйства предпринимательско-товарного типа. Потенциал современных личных хозяйств в большей степени зависит не от числа членов семьи и половозрастного соотношения, а от оснащенности техникой.

Встречаются товарные хозяйства, которые не имеют никакого официального статуса и ведутся на нескольких огородах родственников и соседей, но по технической оснащен-

ности и масштабам производства приближаются к фермерским. В с. Бычки Сараевского р-на одно такое хозяйство развернулось на восьми огородах, каждый по 50 соток. Супруги — люди среднего возраста — взяли их у своих родственников и выращивают на продажу скот и картофель. Для скота они сеют ячмень, сажают морковь, кабачки. Хозяйство очень хорошо оснащено техникой, нанимают только комбайн для уборки и обмолота ячменя, а во время уборки картофеля нанимают за деньги и за картофель односельчан. Хозяева планируют купить комбайн и после этого выделить пять земельных долей (свои и родственников) одним куском (это 40 га), но зарегистрировать свое хозяйство как фермерское не хотят.

Большое товарное хозяйство. Сараевский р-н, с. Бычки. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Первые фермерские хозяйства в области возникли в 1990 г., их было всего 14. В начале 1990-х гг. они быстро появлялись и также быстро исчезали, но при всем том число их в целом росло и в 2000 г. насчитывалось уже 2412, а в 2005 г. — 2463 фермерских хозяйства. В среднем на одно такое хозяйство приходится 44,5 га угодий, из них 38 га пашни, хотя некоторые фермеры скупают и арендуют земельные доли и обрабатывают до 600 га. Преобладают фермерские хозяйства семейного типа, очень малолюдные: один–два человека трудоспособного возраста, остальные члены семей работают в других сферах и иногда, чтобы продержаться, вкладывают в хозяйство заработанные на основной работе деньги. Больше всего фермерских хозяйств в Ухоловском, Рязанском и Михайловском районах. Есть предприниматели (в Скопинском, Клепиковском районах), которые имеют фермы и в значительном количестве выращивают скот для мясоперерабатывающих предприятий Рязанской обл. и Москвы, для рынка, но не все имеют статус фермеров. Обычно этим занимается кто-то один из семьи, а остальные члены работают в бюджетной сфере или в СПК.

Частный предприниматель-свиновод. Скопинский р-н, с. Вослебово. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

К сожалению, мы не располагаем данными, чтобы судить, сколько хозяйств из этого числа можно считать успешными, но судя по результатам поездок по области, таких фермеров пока не много. Большинство тех, с кем довелось беседовать, сожалеют, что взялись за это дело, некоторые в 2004–2005 гг. свернули

свои хозяйства. Практически все жаловались на высокие цены на горючее и низкие закупочные цены на зерно, на невозможность приобрести новую технику и внести в землю нужное количество удобрений, на проблемы с кредитами. Техника в фермерских хозяйствах в основном куплена в колхозах и совхозах, часто списанная и отремонтированная. Поскольку удобрений вносится недостаточно, то зерно идет не как продовольственное, а как фуражное по совсем низким ценам. Закупочные цены на фуражную пшеницу в 2005–2006 гг. были 2,5 руб.–2,3 руб. за килограмм, а солярка стоила 17 руб. за литр. Затраты труда у фермеров высокие, а отдача не соответствует вкладу. В период уборочной такие хозяйства иногда пользуются наемной рабочей силой. В методах и приемах ведения товарных фермерских хозяйств, кроме нескольких примет и расхожих суеверий, обнаружить что-то от традиционной агрикультуры нам не удалось.

Старое и новое. В современной рязанской деревне элементы крестьянской агрикультуры в начале нового столетия еще можно найти в хозяйственной деятельности людей старшего, реже среднего возраста, обычно ведущих потребительские хозяйства. В 1990-е и в начале 2000-х гг. под влиянием кризисных явлений в экономике деревни произошел некоторый вынужденный возврат к истокам, вспомнились какие-то, существовавшие еще на памяти современных жителей приемы хозяйствования. Внешне это выглядело как «окрестьянивание». Наряду с тракторами и иной техникой на частных участках обычной стала картина, выхваченная как будто из далекого прошлого: пахарь, понукая лошадку, идет за сохой, окучивая (*прорезая, пропахивая*) или выпахивая картофель. В 1990-е гг. в селениях быстро росло поголовье лошадей. Мужчины мастерили самодельные легкие сохи или где-то доставали плуги. Даже там, где в селении есть несколько владельцев тракторов, подряжающихся за плату обрабатывать огороды, некоторые — особенно при маленьких разме-

Выпахивание картофеля сохой. Касимовский р-н, дер. Урядино. Фото С.А. Иниковой 1998 г.

рах участка — предпочитают нанимать лошадь, так как это обходится дешевле*. Иногда пашут трактором, а сажать нанимают лошадь с сохой.

В начале 2000-х гг. лошадей в рязанских селениях стало заметно меньше: много проблем с заготовкой кормов, некоторые сочли более выгодным купить мотоблоки или маленькие трактора и отказались от лошадей и, кроме того, оказалось, что вместе с лошадью возродилась и профессия конокрада. Встречаются хозяйства, в которых хозяева в целях экономии или по каким-то другим причинам сами впрягаются в соху или плуг и окучивают картофель.

Современная соха для окучивания картофеля. Клепиковский р-н, дер. Фомино. Фото С.С. Крюковой 2002 г.

В дер. Александро-Прасковинка Сапожковского р-на с начала 1990-х установился порядок, существующий и в начале нового столетия: СПК выделил населению двух лошадей, каждую из которых содержат шесть–семь дворов. Люди заготовляют им сено и зерно. Каждый из этих дворов в течение 10 дней держит лошадь у себя на подворье и кормит ее. Если кому-то из членов этих хозяйств надо обработать огород или что-то привезти, то он берет ее, независимо от того, у кого она находится на постое. В этой практике явно просматриваются отголоски традиции содержания мирских быков, которые до сих пор, хотя и редко, но встречаются в рязанских селениях.

Окучивание картофеля «на себе». Клепиковский р-н, дер. Андроново. Фото С.А. Иниковой 2005 г.

В дер. Урядино Касимовского р-на и в начале 2000-х гг. считают более удобным всем обществом покупать и содержать быка, чем гонять коров на ферму в соседнее с. Китово. Держит общественного быка один двор, а хозяева коров платят ему за уход (в 2006 г. по 30 руб. в месяц) и дают для быка сено и картофель. Когда в деревне было 40–50 коров, то для быка собирали по 150 кг сена, а в начале 2000-х гг. коров осталось мало, и в 2007 г. планировали собирать сена по 300–400 кг. Периодически старого быка сдают в колхоз, а оттуда берут молодого.

Иногда общественным считают быка или барана, у которого есть хозяева, но они пускают его в общее стадо, а за это получают от общества какую-нибудь льготу или плату. В с. Кочемирово Кадомского р-на, где до сих пор еще держат овец, в стаде один *не выложенный* (не кастрированный) частный баран. В пастбищный период этого барана берет к себе и кормит тот, к кому он сам вечером зайдет. Овец пасут по очереди столько дней, сколько

* Вспахать и нарезать грядки, а после посадки завалить картофель землей в с. Кермись Шацкого р-на в 2006 г. стоило 1 тыс. руб. В дер. Поярково Михайловского р-на вспашка 10 соток стоила 400 руб., нарезка грядок и запашка — еще 350. В Морозовых Борках Сапожковского р-на только простая вспашка трактором одной сотки стоила 30 руб. Очень дорого оценивали вспашку и нарезку грядок в селениях Рыбновского р-на, занимающихся выращиванием капусты: обработка одной сотки обходилась в 100 руб., а весь огород — 2 тыс. руб.

у каждого овец, и на сходе решили, что хозяева овец ничего хозяевам барана не платят, но разрешают им один раз пропустить свою очередь. Раньше, в 1980-е гг., в селе был общественный баран, которого покупали сообща, и пастух загонял его к себе.

Обычной стала практика, когда частники, занимающиеся скотоводством, держат быка или хряка (*креха*) и берут за случку плату*. Распространение получило и искусственное осеменение частного скота на фермах.

По обследованию 1994 г. у почти половины семей в сельской местности скот отсутствовал [274]. Количество скота в 2000-е гг. продолжало сокращаться. В некоторых селениях оставалось по одной-две коровы или ни одной. В Аргамакове в 2006 г. было две коровы, а в середине 1980-х гг. — 200. В Александро-Прасковинке было 200 коров, а осталось две. В с. Орехово Спасского р-на в колхозное время в частном стаде было 2800 коров, в 2006 г. — 80 голов. Трехлитровая банка молока осенью там стоила 36 руб., а зимой 45 руб. В с. Восход Кадомского р-на в том же году было 90 коров на 500 жителей. Хозяйки коров рассказывали, что летом сбыт за счет дачников, а в другое время молоко сдают скупщику, так как односельчане предпочитают покупать его в магазине, хотя там оно дороже.

Последние 10–15 лет существования колхозов и совхозов сельчане получали или выписывали корма по льготной цене и, по их собственному признанию, тогда было где украсть или взять за бутылку. Оказавшись лишенными такой возможности, люди предпочли отказаться от содержания скота. Многие говорят, что нет сил самим накосить, а нанять косилку дорого, что надо иметь полное хозяйство: лошадь, технику и куда-то сбывать продукты, только тогда можно заводить корову. В начале 2000-х гг. некоторые частные предприниматели и акционерные общества занялись сенным промыслом: косят, сушат и прессуют сено на продажу, и их клиенты считают выгодным покупать эту продукцию. Хорошая корова даже при покупном корме дает в год доход в 15–20 тыс. рублей при условии,

Подворье. Спасский р-н, с. Старый Киструс. Фото С.А. Иниковой 2005 г.

* Плата за случку с быком стоила в 2006 г. от 300 до 800 руб., за случку свиньи с хряком платили от 800 до 1500 руб., т.е. выплачивали стоимость поросенка, или после опороса через пару недель отдавали поросенка.

что есть куда сбыть молоко. Точно так же многие сельчане говорят о невыгодности содержать свиноматку, но, по словам других, продажа трех поросят окупает весь затраченный на ее кормление комбикорм, а поросят обычно бывает от 10 до 15 штук. Позиции сторонников и противников ведения личного сельского хозяйства во многом определяются их индивидуальным настроем и видами на будущее, а не только объективными обстоятельствами.

На сенокосе. Касимовский р-н, с. Телебукино. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Проблем с участками для сенокоса сейчас нет: очень много заброшенных, залуженных земель. В основном действует принцип: кто первым захватил, тот и скосил. Некоторые, чтобы захватить хорошие участки, начинают косить в конце мая. В с. Кочемирово Кадомского р-на жители стихийно поделили участки для сенокоса и ежегодно косят каждый свой. Иногда, чтобы не было недоразумения, приезжают за неделю до покоса и прокашивают с двух сторон. Жители Вослебова рассказывали, что приехали на свое место просто посмотреть траву, так как косить было еще рано, а там кто-то уже начал. Они поспешили скосить, но сено пропало из-за дождей. Чтобы впредь такого не было, теперь стараются пораньше обкосить участок, чтобы показать, что он занят. Обычно серьезных конфликтов из-за лугов не возникает, и только однажды житель с. Пеньки Пителинского р-на рассказал, что, когда обнаружил свой участок скошенным, а сено — убранным в копны, в назидание сжег пять из них.

Новой в рязанском селе стала ситуация, когда часть домов принадлежит дачникам. В с. Ардабьево Касимовского р-на в начале 2000-х гг. им принадлежала $^{1}/_{5}$ домов. Среди дачников много выходцев из этого же села, приезжающих в отчий дом или в 1990-е гг. купивших один из опустевших домов. Очень часто местное население называет их «москвичами», потому что подавляющее большинство — это жители Москвы и Подмосковья. Некоторые пенсионеры остаются зимовать в селе и, случается, даже заводят небольшое потребительское хозяйство.

В современной деревне присутствие дачников стало в значительной степени хозяйственно стимулирующим и организующим фактором. Дело в том, что вокруг дачников складывается определенная хозяйственная структура, направленная на их обслуживание. Дачники в некоторых селениях превратились в главных потребителей сельскохозяйственной продукции, причем не только во время своего пребывания в селе, но очень часто по договоренности они приезжают осенью за мясом, которое берут по более высокой цене, чем скупщики, за картофелем.

Продажа молока дачнице. Скопинский р-н, с. Вослебово. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Отношение к земле и труду на ней. Анкетирование населения, проведенное в 2002 г., показало, что 56,9% опрошенных сельчан были против передачи земли в частную собственность, за — 36,7%. Противники аргументировали свою позицию тем, что богатые скупят всю землю, а остальные превратятся в батраков, что земля — это общее достояние и вообще грех продавать землю. Сторонники были уверены, что у собственников земли появится чувство хозяина и они будут работать на ней лучше, чем раньше.

Однако это чувство у подавляющего большинства сельчан работоспособного возраста так и не появилось, потому что они просто не захотели становиться ее собственниками. В 2004–2006 гг. не продавали землю в Рязанской обл. там, где пока не было на нее покупателей. Одни обладатели земельных долей продавали их акционерным предприятиям и фермерам, сразу решив для себя, что земля им не нужна: «Хотят нам впихнуть эту землю, чтобы мы за нее еще и платили. А так как мы лопатой ее не сможем, зачем она мне нужна? Только налог за нее платить и репьи потом обирать еще» (с. Кермись Шацкого р-на). Другие выжидали и оформлять пай на себя не хотели, обычно мотивируя приблизительно одинаково: «Паи лежат мертвым капиталом. Они не отмежеваны. И продавать мы боимся. Продать — это всегда можно. Сейчас ведь выкупи*, ведь это таким нас налогом обложут, а чтобы эту землю обработать, это нужна техника, сколько силы нужно. А где ее взять?» (дер. Аргамаково Спасского р-на). Трудно представить русского крестьянина, заявляющего, что земля ему не нужна. Некоторые, у кого есть куры и поросенок, не продают паи по той причине, что за них арендаторы (СПК, акционерные предприятия и фермеры) дают 200–300 кг зерна, очень редко — 500 кг, хотя есть такие, кто ничего не дает.

Нельзя сказать, что все продают свои земельные доли с легкой душой. У старшего поколения еще остается такое чувство, что земля и работа на ней — это завет предков, что труд на ней невидимыми нитями связывает их с предшественниками; у них в душе присутствует тщетно подавляемое ощущение чего-то нехорошего, за что деды бы по головке не погладили. «Вот мы продали землю свою, — сейчас бы встал старик, он бы нам бы…», — говорил пожилой житель дер. Урядино Касимовского р-на.

90-летний старик на своем огороде. Ряжский р-н, с. Петрово. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Одинокие старики, которым уже не нужно никакое хозяйство, часто из последних сил ухаживают за своим огородиком, потому что им, как говорила старейшая жительница с. Кочемирово Кадомского р-на, «не хочется глядеть на бурьян»: «Я б два мешка картошки купила и не стала мучиться, а только мне глядеть неохота». Для них характерно осознание того, что земля не должна зарастать, что в этом есть какое-то даже нравственное преступление перед памятью ушедших поколений, которые эту землю расчищали и пахали. Пожилая женщина из с. Исады Спасского р-на, у которой нет хозяйства, засеяла огород люцерной и объяснила: «Чтоб тынто не рос. А эту люцерну-траву… Коз люди держуть, придуть скосють и возьмуть, кто коз держить. Жалко землю, чтоб она не зарастала… Я детей уговариваю. Прошлый год дедушка умер (ее муж. — *С.И.*), он был в силе, он покрепче нас и всё сажали: картошку, боле половины картошку. И уж прошлую лету-то я детей уговорила. Я говорю: „Ну, очень-то страшно, папа ваш умер и вы сразу: ничего сажать не надо“. Ну, картошку сажали». У старшего поколения боль сер-

* Довольно распространено представление, что те деньги, которые взимаются при оформлении земельной доли в собственность (геодезическая съемка, размежевание, оформление документов), это выкуп земельной доли.

Радуга. Кадомский р-н, с. Восход. Фото С.А. Иниковой, 2006 г.

дечную вызывают заросшие поля, некошеные луга. В ответ на вопрос, а не жалко ли, что все зарастает травой и лесом, у жительницы с. Кермись вырвался прямо-таки крик души: «Жалко!? Мне не то что жалко, а даже страшно. Вот я 12 лет в МТС проработала в тракторной бригаде, и все поля исхожены нашими ногами. И вдруг я как глянула и так прямо обомлела: и первополе лесом заросло, и все бурьяном заросло. Куда ж наш труд-то?! Его угробили!!! Я прямо глядеть не могу». Вот это ощущение «угробленного» труда и «угробленной» жизни, оставшейся в прошлом и навсегда заслоненной ныне разросшимся бурьяном, не покидает старшее поколение, которое еще хранит крестьянскую любовь и привязанность к земле.

Люди среднего поколения и те немногие молодые, кто собирается оставаться и дальше в селе: одни — потому что им нравится жить в сельской местности, другие — потому что некуда ехать, хотят получать от земли отдачу, чтобы устроить свою жизнь безбедно и комфортно. Желание совершенно естественное для современного человека, но совершенно не вписывающееся в традиционный крестьянский менталитет. На вопрос, почему у многих исчезла любовь к земле, женщина средних лет так и ответила: «Потому что отдачи от нее не получаем. Москвичи приезжают и ухмыляются над нами. Сидели за одной партой. Они приезжают на девятках и черт знает на чем, а мы в дерьме сидим. Так неужели я скажу своему сыну: оставайся!» (с. Кермись).

Большинство родителей, даже тех, у кого хорошее налаженное хозяйство, не хотят, чтобы дети продолжили их дело: «Здесь делать нечего… А работать в этом сельском хозяйстве, которое тоже… Всё под Богом: уродилось, не уродилось, поросеночка купил, он сдох». Действительно, и в век технического прогресса земледелие в меньшей степени, чем какая-либо другая отрасль хозяйства, зависит от усилий человека, и всегда остается большая доля риска. Естественно, что такая позиция родителей передается детям. Безусловно, сельские дети помогают родителям на огороде, во время сенокоса, но их помощь не идет ни в какое сравнение с полноценным трудом крестьянских детей и подростков. Некоторые родители и не скрывают, что не приучали детей к сельскому труду с тем, чтобы они больше времени уделяли урокам, поступили учиться и остались в городе. Семьи руководителей

акционерных сельскохозяйственных предприятий в основном живут в районных центрах и в Рязани. Один из них, чье хозяйство является лучшим в Путятинском р-не, на вопрос, хотел бы он, чтобы его дочь осталась в селе и потом продолжила его дело, рассмеялся и сказал: «Я что, враг своему ребенку?» Это означает, что исчезает, а скорее уже исчезла, преемственность поколений земледельцев. Современная наука сделала ненужным опыт прошлых поколений, и земледелию можно просто научиться, как любой другой профессии. Работа на земле уже давно перестала быть образом жизни, в который крестьяне органично включались с раннего детства.

Имущественное расслоение, которое идет среди сельчан, становится причиной недоброжелательного отношения к тем, кто выделяется на общем фоне. Их не любят не за какие-то человеческие качества, а за то, что они хотят быть богатыми. О таких можно услышать: жлоб, кулак, «за сотню сам удавится и другого удавит» и т.д. В с. Кермись Шацкого р-на на заборе человека, имеющего крепкое хозяйство, которое нельзя назвать даже мелкотоварным, написали «кулак». Зависть и неуважение к чужой собственности, о которых писала О.П. Семенова-Тян-Шанская, как проявления уравнительной крестьянской психологии, сохраняются в современной рязанской деревне. Поэтому не удивительно, что среди отрицательных черт характера, присущих, по мнению самих сельчан, русскому человеку, наиболее часто называют именно зависть, хотя в городской местности чувство зависти респонденты ставят на третье место среди самых распространенных отрицательных черт.

Процессы, идущие в рязанской деревне, как, впрочем, и по всей России, далеки от завершения. Несомненно, сильное влияние на них будут оказывать внешние факторы и прежде всего государственная политика, но с уверенностью можно сказать, что крестьянство, как сословие мелких сельскохозяйственных производителей, ведших свое хозяйство силами семьи на грани выживания с помощью простейших орудий, для которого работа на земле была образом жизни, сошло с исторической арены, унеся вместе с собой богатейший пласт народной культуры. Никакие реформы, имеющие целью «окрестьянивание» сельского населения, не способны вернуть то, что уже давно утрачено не только и даже не столько в силу воли политиков, но прежде всего в силу неумолимого исторического процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О понятии «уклад» подробнее см.: Многоукладная аграрная экономика и российская деревня. М., 2001. Раздел 1.

2 *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 31.

3 [*Баранович М.*] Рязанская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1860. Т. 19. С. 455.

4 Там же. С. 168.

5 Там же. С. 21.

6 Рязанская область // Рязанский энциклопедический словарь. Рязань, 2000. Т. 2.

7 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 165.

8 Там же. С. 165–166.

9 Подсчитано по материалам, приведенным в кн.: [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 137.

10 В середине XIX в. в тех барщинных хозяйствах, владельцы которых увеличивали свою запашку, шло сокращение количества тягол при прежней или большей занятости крестьян на господском поле. Сдерживали образование новых тягол и те помещики, в имениях которых иссяк резерв земли [*Ковальченко И.Д.* Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века: К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства. М., 1959. С. 75, 143, 154; *Семенов П.П.* Мураевенская волость (Рязанской губ.) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880. Т. 1. С. 89].

11 *Ковальченко И.Д.* Указ. соч. С. 66.

12 *Селиванов В.В.* Год русского земледельца. Зарайский уезд Рязанской губернии. Рязань, 1887. С. 12.

13 ПСЗ. СПб., 1863. Т. XXXVI. Законы 1861 г. С. 249.

14 Потомки однодворцев еще в 1880-е гг. хранили документы, свидетельствующие о том, что их

предки владели землей не только на поместном, но и на вотчинном праве [*К.М. П-в.* Четвертное землевладение (По данным Рязанской статистики) // Русская мысль. 1886. Кн. 2. С. 45].

15 *К.М. П-в.* Указ. соч. С. 56.

16 Там же. С. 46–47. В 1882 г. почти все четвертные общества постановили отказывать в выдаче увольнительных свидетельств тем, кто продаст свою землю на сторону (там же. С. 57).

17 ГАРО. Оп. 62. Св. 20. Д. 137. Л. 3.

18 Там же. Д. 138. Л. 42.

19 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 6. Л. 2.

20 Подсчитано по таблицам 1 и 3 в гл. 18. С. 15–17. Указанные в таблицах селения: Сараи, Кривское, Паники, Борец – это села крестьян четвертного права.

21 *К.М. П-в.* Указ. соч. С. 51. Также см.: ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 138. Л. 39 об.; оп. 63. Св. 22. Д. 14. Л. 3 об., 35.

22 *К.М. П-в.* Указ. соч. С. 55–56.

23 *Гурвич И.* Экономическое положение русской деревни. М., 1941. С. 20.

24 ГАРО. Ф. 264. Оп. 4. Св. 15. Д. 99. Л. 30 об.

25 Там же. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 130. Л. 41.

26 Там же. Оп. 60. Св. 4. Д. 20. Л. 9; Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Скопин, 1890. Т. VIII. Спасский у. С. 373; ГАРО. Ф. 29. Оп. 63. Св. 22. Д. 16. Л. 1 об.; оп. 60. Св. 4. Д. 24. Л. 35–36.

27 ГАРО. Ф. 29. Оп. 63. Св. 22. Д. 19. Л. 120.

28 Там же. Оп. 60. Св. 4. Д. 26. Л. 1 об.

29 *Златовратский Н.* Пустынская община (Рязанской губернии) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880. С. 163.

30 ГАРО. Ф. 29. Оп. 60. Св. 3. Д. 8. Л. 3; д. 10. Л. 3.

31 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 238; *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 11.

32 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 11.

33 *К.М. П-в.* Указ. соч. С. 54.

34 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 238.

35 *Златовратский Н.* Указ. соч. С. 161.

36 *К.М. П-в.* Указ. соч. С. 54.

37 ГАРО. Ф. 29. Оп. 63. Св. 22. Д. 19. Л. 104, д. 24. Л. 3 об.; д. 16. Л. 39.

38 Там же. Д. 19. Л. 57; д. 21. Л. 1, 21.

39 Там же. Д. 17. Л. 23.

40 Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Рязань, 1890. Т. VII. Вып. II. Касимовский уезд. С. 8 (дер. Алексеево Касимовского у.), 61 (Бутыльская вол.), 345 (Китовская вол.); ГАРО. Ф. 29. Оп. 63. Св. 22. Д. 17. Л. 18.

41 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 19. Д. 125. Л. 61 об.; *Златовратский Н.* Указ. соч. С. 163, 167.

42 *Гурвич И.* Указ. соч. С. 92.

43 Там же. С. 94.

44 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 138. Л. 59 об.

45 Там же. Оп. 60. Св. 3. Д. 10. Л. 3 (Никольская пригородная слобода Пронска); св. 4. Д. 14. Л. 21 (Давыдовские Выселки Пронского у.).

46 *Чернышев И.В.* Община после 9 ноября 1906 г. (по анкете Вольного экономического общества). Пг., 1917. Ч. 1. С. 65, 71, 72.

47 И.Д. Ковальченко указывал, что к 1861 г. пашня занимала 56,9% (*Ковальченко И.Д.* Указ. соч. С. 29). Во второй половине века площадь пашни увеличивалась, но по материалам официальной земельной статистики в 1887 г. под пашней было 55,9% земель (Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. СПб., 1902. Вып. 1. С. 35).

48 *Ковальченко И.Д.* Указ. соч. С. 143, 175, 144.

49 Подсчитано по данным, опубликованным в кн.: [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 240.

50 Подсчитано по данным «Материалов учрежденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 года по 1900 год благосостояния сельского населения средне-земледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России», опубликованным в кн.: *Смирнов В.Ф.* К вопросу об оскудении Рязанской губернии. Рязань, 1926. С. 6.

51 *Огризко З.А., Шмакова В.Т.* Крестьяне-отходники Рязанской губернии в конце XIX и в начале XX века // Историко-бытовые экспедиции 1951–1953. М., 1955. С. 143.

52 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 19. Д. 125. Л. 29.

53 Там же. Св. 20. Д. 134. Л. 1.

54 Там же. Д. 130. Л. 34.

55 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 171.

56 Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Вып. XXXV. Рязанская губерния. СПб., 1897. С. 6.

57 *Осипов В.В.* Экономическая география Рязанской губ. Рязань, 1925. С. 61.

58 ГАРО. Ф. 29. Оп. 60. Св. 3. Д. 11. Л. 1 об.–2.

59 Там же. Оп. 76. Д. 1.

60 [*Селезнев*], свящ. Этнографические сведения о Рязанской губернии. Народные юридические обычаи, существующие в Зарайском уезде Рязанской губернии, собранные действительным членом статистического комитета священником Селезневым. Рязань, 1871. С. 17.

61 *Галахов А.Д.* Записки человека. М., 1999. С. 35.

62 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 135. Л. 18 об.

63 Там же. Св. 19. Д. 125. Л. 77; св. 20. Д. 150. Л. 13; д.

125. Л. 41; д. 130. Л. 34; д. 150. Л. 25; д. 135. Л. 18 об.

64 Там же. Д. 138. Л. 9, 21.

65 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1877а. Л. 12, 21, 47; Главнейшие данные поземельной статистики… С. 16, 18.

66 *Семенов П.П.* Указ. соч. С. 127; Главнейшие данные поземельной статистики… С. 16, 18.

67 Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – начало XX в.). М., 1967. С. 20; ГАРО. Ф. 264. Оп. 3. Св. 28а. Д. 226. Л. 1012 об., 1031, 1079; св. 28б. Д. 226б. Л. 146; св. 28г. Д. 226е. Л. 291 об.

68 *Милов Л.В.* Указ. соч. С. 62.

69 ГАРО. Ф. 29. Оп. 63. Св. 22. Д. 17. Л. 10.

70 Там же. Оп. 62. Св. 20. Д. 137. Л. 6 об.

71 Там же. Оп. 127. Д. 4. Л. 14 об., 16, 17.

72 Там же. Оп. 116. Д. 3. Л. 29 об.

73 Рязанская губерния в сельскохозяйственном отношении. По сведениям, полученным от корреспондентов за 1889 г. Рязань, 1890. С. 9; *Осипов В.В.* Указ. соч. С. 87.

74 ГАРО. Ф. 29. Оп. 63. Св. 22. Д. 18. Л. 24.

75 Там же. Оп. 62. Св. 20. Д. 150. Л. 49; оп. 63. Св. 22. Д. 17. Л. 14; ф. 264. Оп. 3. Св. 28 г. Д. 226е. Л. 314, 322.

76 Русские. Историко-этнографический атлас…. Карта 3.

77 *Авилкин Ф.С.* Летопись села Шарик. (Рукопись). С. 8 // Городская библиотека г. Шацка.

78 Некоторые данные для характеристики техники земледелия в крестьянских хозяйствах Рязанской губернии. Рязань, 1907. С. 7.

79 Там же. С. 8.

80 *Аносов Н.* Перехваль. Летопись родного села. Рукопись // Чаплыгинский краеведческий музей (Липецкая обл.). С. 21.

81 *Осипов В.В.* Указ. соч. С. 88.

82 Там же. С. 89.

83 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 137. Л. 6.

84 Там же.

85 Там же. Ф. 264. Оп. 3. Св. 28 б. Д. 226 а. Л. 64, 21, 138 об., 190 об.; д. 226б. Л. 395 об., 403 об.

86 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1877а. Л. 3 об.

87 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 19. Д. 125. Л. 13, Л. 41; св. 20. Д. 130. Л. 34; д. 131. Л. 9, 17.

88 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 108.

89 *С.С.* Война и сельское хозяйство в Рязанской губернии // Вестник РГЗ. 1915. № 1. С. 9.

90 ГАРО. Ф. 264. Оп. 3. Св. 28а. Д. 226. Л. 3, 11, 218 об., 879, 1012 об., 1031, 1079.

91 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18991. Л. 47; [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 109.

92 *Селиванов. В.В.* Указ. соч. С. 20.

93 *Семенов П.П.* Указ. соч. С. 49.

94 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 150. Л. 45.

95 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18991. Л. 47.

96 ГАРО. Ф. 264. Оп. 1. Св. 25. Д. 162 а.

97 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 109.

98 ГАРО. Оп. 62. Св. 20. Д. 137. Л. 7.

99 Там же. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 130. Л. 34.

100 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 55.

101 Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина. В 2-х томах. Л., 1983. Т. 1. С. 201.

102 Ответы Переславльской провинции Рязанского // Труды ВЭО. 1767. Ч. VII. С. 61. (Название работы воспроизведено дословно. Провинция называлась Переславль-Рязанской).

103 ГАРО. Ф. 264. Оп. 3. Св. 28а. Д. 226.

104 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 21.

105 *Сергиевский М.В.* Материалы этнографических работ в Рязанской губернии. 1919 г. // АИЭА. Колл. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об.

106 К началу Первой мировой войны в Рязанской губ. было 44 винокуренных и 72 крахмальных завода (*С.С.* Указ. соч. С. 11).

107 *Григорьев В.* Статистика земледельческого хозяйства Рязанского уезда // Юридический вестник. 1885. Т. XX. Кн. 2. С. 343.

108 ГАРО. Ф. 29. Оп. 116. Д. 3. Л. 29 об.

109 *Кудряков М.* Производство картофеля в Рязанской губернии // Вестник РГЗ. 1912. № 11/12. С. 51.

110 *С.С.* Указ. соч. С. 11.

111 *Петров В.* Мещёрский край (Этнографический очерк) // Вестник РГЗ. 1914. № 1. С. 38.

112 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1877а. Л. 21, 47, 56 об., 74, 83, 92, 101, 110; [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 179.

113 *Селиванов А.* Отхожие промыслы в экономике крестьянина Рязанской г. в прошлом и настоящем // Наше хозяйство. 1926. № 1/2. С. 16.

114 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 19. Д. 125. Л.13, 21, 77.

115 Там же. Св. 20. Д. 130. Л. 34; д. 137. Л. 13–13 об.; д. 150. Л. 13.

116 Экономический обзор Рязанской губернии. 1909 год. Рязань, 1909. С. 34.

117 *Осипов В.В.* Указ. соч. С. 82.

118 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 150. Л. 1 (с. Верхний Якимец Раненбургского у.), 25 (с. Добрая Надежда Раненбургского у).

119 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 184.

120 Там же. С. 185.

121 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 135. Л. 5.

122 Там же. Оп. 63. Св. 22. Д. 19. Л. 36; д. 18. Л. 11 об.

123 Там же. Оп. 60. Св. 3. Д. 11. Л. 23; д. 12. Л. 7 об.; Некоторые данные для характеристики техники земледелия… С. 33; *Аносов Н.* Указ. соч. С. 19.

124 ГАРО. Ф. 29. Оп. 60. Св. 4. Д. 14. Л. 15; д. 17. Л. 11.

125 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 31–32.

126 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1877а. Л. 12; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1428, Л. 13; Д. 1443. Л. 5; [*Бакулин В.Д.*] Как работали в старину. Из записок местного краеведа Бакулина В.Д. Рукопись // Музей К.Э. Циолковского в с. Ижевское Спасского у.

127 *Коломийцов Н.П.* Сельскохозяйственный метеорологический очерк Рязанской губернии за 1897–1898 сельскохозяйственный год. М., 1899. С. 38–39.

128 Некоторые данные для характеристики техники земледелия… С. 25–26.

129 *Селиванов. В.В.* Указ. соч. С. 18.

130 Там же. С. 14; *Григорьев В.* Указ. соч. Т. XX. Кн. 2. С. 341.

131 *Селиванов. В.В.* Указ. соч. С. 18; [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 181; ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 142. Л. 23 об.

132 *Милов Л.В.* Указ. соч. С. 63.

133 *Селиванов. В.В.* Указ. соч. С. 37.

134 Ответы Переславльской провинции… С. 62.

135 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1463. Л. 30.

136 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 97–98, 20; ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 130. Л. 25 об.; д. 138. Л. 66.

137 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1463. Л. 29.

138 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 190; ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 130. Л. 25 об.

139 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XX. № 493. 0397/1.

140 [*Бакулин В.Д.*] Указ. соч.

141 *Златовратский Н.* Указ. соч. С. 171.

142 Материалы для оценки пашни Рязанской губернии. Рязань, 1906. С. 37.

143 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 39.

144 ГАРО. Ф. 29. Оп. 63. Св. 22. Д. 13. Л. 18.

145 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1463. Л. 30.

146 Там же. Д. 1456. Л. 32.

147 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XXI. № 30. 0461. Л. 189.

148 Ответы Переславльской провинции… С. 58–59.

149 Некоторые данные для характеристики техники земледелия… С. 21.

150 Там же. С. 22; Материалы для оценки пашни Рязанской губернии. С. 43.

151 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 111.

152 Некоторые данные для характеристики техники земледелия… С. 17–18.

153 Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под. ред. В.П. Семенова. СПб., 1902. Т. 2. С. 251.

154 Некоторые данные для характеристики техники земледелия… С. 17.

155 Материалы для оценки пашни Рязанской губернии. С. 43.

156 *Григорьев В.* Указ. соч. Т. XX. Кн. 2. С. 342.

157 ГАРО. Ф. 29. Оп. 76. Д. 29. Л. 20 об.

158 *Осипов В.В.*Указ. соч. С. 89.

159 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XX. № 493. 0285.; 0286/1, 0287/2 (дер. Павлово, с. Бусаево Рязанского у.); НА РИАМЗ. Д. 1622. Л. 18.

160 *Китлов Н.* Значение сушки овощей для развития огородничества в пределах Рязанской губернии // Вестник РГЗ. 1916. № 4/5. С. 10; Промыслы сельского и городского населения Рязанской губернии // Правительственный вестник. 1888. 13 октября. С. 2.

161 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18979; д. 1877а. Л. 16 об.; ГАРО. Ф. 264. Оп. 3. Св. 28а. Д. 226.

162 ГАРО. Ф. 29. Оп. 116. Д. 3. Л. 29 об.

163 Там же. Оп. 62. Св. 20. Д. 130. Л. 25 об.

164 Там же. Д. 137. Л. 6.

165 Там же. Ф. 264. Оп. 3. Св. 8. Д. 55. Л. 16.

166 Там же. Ф. 29. Оп. 116. Д. 3. Л. 29 об.

167 Там же. Оп. 62. Св. 20. Д. 131. Л. 52.

168 Там же. Д. 140. Л. 2, 2 об.; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 343. Л. 31.

169 *Осипов В.В.* Указ. соч. С. 95; ГАРО. Ф. 29. Оп. 116. Д. 3. Л. 30.

170 ГАРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1344. Л. 15.

171 *Сергиевский М.В.* Указ. соч. Л. 2 об.

172 *Мосалов И.А., Бакулин В.Д., Агурейкин С.А.* К истории с. Ижевского Рязанской обл. Спасского р-на. Рукопись. 1972 // Музей К.Э. Циолковского в с. Ижевское Спасского у. С. 81.

173 *Григорьев В.* Указ. соч. Т. XX. Кн. 1. С. 134.

174 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 223.

175 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16-д. Д. 18991. Л. 53.

176 *Иванов А.В.* Естественно-исторический очерк Зарайского уезда // Труды Зарайского краевого музея. Зарайск, 1927. С. 78.

177 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 201.

178 *Григорьев В.* Указ. соч. Т. XX. Кн. 2. С. 331 прим.

179 ГАРО. Ф. 264. Оп. 3. Св. 28а. Д. 226. Л. 664.

180 Там же. Св. 28 б. Д. 226а. Л. 14 об., 22, 64; оп. 1. Св. 25. Д. 162а. Л. 2, 7 об., 30, 77 об.

181 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 203.

182 Отчет Рязанского губернского земельного управления за 1923/24 год // РГАЭ. Ф. 478.

Оп. 5. Д. 2004. Л. 19; *Поспелов Н.А.* К вопросу о пойменском скоте. Рязань, 1925 (Труды ОИРК. Вып. IV).

183 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1448. Л. 11.

184 Там же. Д. 1463. Л. 29; [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 203.

185 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 134. Л. 1.

186 Там же. Оп. 60. Св. 3. Д. 10. Л. 7 об.; оп. 62. Св. 20. Д. 138. Л. 59, 62 об.; д. 131. Л. 56.

187 Материалы для оценки выгонов Рязанской губернии. Рязань, 1907. С. 5.

188 Цит. по: *Тульцева Л.А.* Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. Рязань, 2001. С. 219 (РЭВ. Вып. 30).

189 *Григорьев В.* Указ. соч. Т. XX. Кн. 2. С. 331.

190 *Гурвич И.* Указ. соч. С. 27.

191 *Мендельсон Н.* Из наблюдений в Зарайском уезде Рязанской губ. // ЭО. 1899. № 2. С. 385–386.

192 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1448. Л. 11.

193 *Мансуров Н.* Село Дединово Рязанской губернии, Зарайского уезда (Медико-санитарный очерк). М., 1900. С. 19.

194 Ловецкая волость Зарайского уезда. Рязань, 1927. С. 10.

195 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 138. Л. 9.

196 *Григорьев В.* Указ. соч. Т. XX. Кн. 2. С. 332.

197 ГАРО. Ф. 29. Оп. 60. Св. 3. Д. 11. Л. 13; св. 4. Д. 33. Л. 18.

198 Там же. Св. 3. Д. 11. Л. 8, 9 об., 14 об.; св. 4. Д. 33. Л. 18.

199 Там же. Оп. 63. Св. 22. Д. 25. Л. 16 об.

200 Там же. Оп. 62. Св. 20. Д. 130. Л. 35 (с. Зенкино Раненбургского у.); д. 145. Л. 17 (дер. Аннинская того же уезда); РГВИА. Ф. 846. Оп. 16-д. Д. 18991. Л. 56.

201 [*Бакулин В.Д.*] Указ. соч.

202 *Златовратский Н.* Указ. соч. С. 162.

203 [*Селезнев*], свящ. Указ. соч. С. 2–3.

204 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 220, 222.

205 *Поспелов Н.А.* Указ. соч. С. 14.

206 *Горелова М.Ф.* Воспоминания. Рукопись // Музей К.Э. Циолковского в с. Ижевское Спасского р-на.

207 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 223.

208 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. VIII. № 200. Л. 24.

209 Там же. Кн. IX. № 210.

210 *Семенов П.П.* Указ. соч. С. 124; *Златовратский Н.* Указ. соч. С. 165.

211 *Златовратский Н.* Указ. соч. С. 164.

212 *Мансуров Н.* Указ. соч. С. 20.

213 Отчет Рязанского губернского земельного управления… Л. 15.

214 История крестьянства СССР: История советского крестьянства. М., 1986. Т. 1. С. 321.

215 [*Бакулин В.Д.*] Указ. соч.

216 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. VII. № 160. Л. 46–47.

217 РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 2. Л. 165. Орфография оригинала.

218 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С.12.

219 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. VII. № 160. Л. 46–47.

220 *Макаров М.* Письмо из Мещоры (Отрывок из путешествия) // Сочинения в прозе и стихах. Труды ОЛРС. М., 1828. Ч. 7. С. 72.

221 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. VIII. № 198. Л. 3. Материал краеведа Л.П. Чекиной опубл. в газ. «Красный восход» (Касимов). 1923. № 12; *Петров В.* Мещёрский край (Этнографический очерк) // Вестник РГЗ. 1914. № 1. С. 22–23; *Малинина М.Д.* От ухвата – в сельсовет. Как живут крестьянки в Мещёре // Деревенская газета (Рязань). 1928. 27 февраля.

222 *Малинина М.Д.* Указ. соч. С. 4.

223 Цит. по: *Гордон А.В.* Тип хозяйствования – образ жизни – личность // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 113.

224 *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. С. 99 (Записки РГО по отд. этнографии. Т. XXXIX).

225 Там же. С. 103.

226 Там же. С. 95; [*Селезнев*], свящ. Указ. соч. С. 2.

227 Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 17–19, 406–409.

228 *Чернышев И.В.* Сельское хозяйство довоенной России и СССР. М.; Л., 1926. С. 52; Отчет Рязанского губернского земельного управления… Л. 6.

229 *Осипов В.В.* Указ. соч. С. 65; *Третьяк Л.В.* Особенности аграрного землепользования в Рязанской губернии (1920-е гг.) // Аграрные технологии в России IX–XX в. XXV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы. М., 1996. С. 143.

230 РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 525. Л. 2.

231 Там же. Оп. 2. Д. 57. Л. 204 об.

232 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 1706. Л. 25 об.; РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 54. Л. 17; *Никитин Н.П.* Статистико-экономическое описание волостей Раненбургского уезда Рязанской губернии. Рязань, 1920. С. 9.

233 РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 46. Л. 122.

234 Там же. Л. 355–355 об.

235 Больше внимания корове // Красный Восход. 1925. 12 февр.; *Соли Л.* Суд над трехполкой // Советская деревня (г. Рязань). 1924. 13 дек.;

РГАКФД. Празднование Дня урожая и коллективизации в Еголдаево. Рязанский округ. 1929 г. Совкиножурнал. № 68/247; НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XX. № 495; *Общественник.* Святая кадушка пригодилась для полезного дела // Коллектив (Скопин). 1925. 13 мая.

236 *Третьяк Л.В.* Указ. соч. С. 145.

237 РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 524. Л. 4.

238 Там же. Л. 6.

239 Там же. Оп. 2. Д. 54. Л. 17.

240 Там же. Оп. 3. Д. 524. Л. 3.

241 *Мосалов И.А., Бакулин В.Д., Агурейкин С.А.* Указ. соч. С. 131.

242 РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 524. Л. 19; Л. 21 об. (с. Спешнево Ряжского у); д. 525. Л. 12 (с. Выжелес Спасского у); *Осипов В.В.* Указ. соч. С. 89.

243 Отчет Рязанского губернского земельного управления... Л. 9.

244 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. IX. № 210; кн. XI. № 270; НА РИАМЗ. Д. 878. Л. 4.

245 НА РИАМЗ. Д. 878. Л. 3; НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. X. № 233.

246 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XX. № 495.

247 Отчет Рязанского губернского земельного управления... Л. 6, 7.

248 РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 524. Л. 21; НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. IX. № 210.

249 РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 45. Л. 41.

250 Там же. Оп. 3. Д. 521. Л. 47 (с. Лопатино Скопинского у.).

251 Отчет Рязанского губернского земельного управления... Л. 12, 15.

252 РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1. Л. 213.

253 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XI. № 270.

254 Там же. Кн. VIII. № 200. Л. 22 об.; кн. XI. № 270.

255 РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1. Л. 222.

256 История крестьянства СССР: История советского крестьянства. М., 1986. Т. 1. С. 318.

257 *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. М; Вологда, 1991. С. 224.

258 Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927–1935. М., 1957. С. 531.

259 *Безнин М.А.* Указ. соч. С. 91.

260 Там же. С. 92–93.

261 История крестьянства СССР: История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2. С. 378;

также подсчитано по материалам, опубликованным в кн.: Рязанское село Кораблино (история, экономика, быт, культура, люди села) // Уч. зап. РГПИ. Рязань, 1957. Т. XVIII. С. 132, 133.

262 *Безнин М.А.* Указ. соч. С. 169–170.

263 *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992. С. 76.

264 Там же. С. 230; *Гордон А.В.* Указ. соч. С. 130.

265 О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Постановление Пленума ЦК КПСС 3–7 сентября 1953 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8. С. 315.

266 Там же. С. 175.

267 *Безнин М.А.* Указ. соч. С. 181.

268 История крестьянства СССР: История советского крестьянства. М., 1988. Т. 4. С. 176.

269 *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 67.

270 Об этапах превращения личного хозяйства в подсобное подробно см.: *Безнин М.А.* Указ. соч.

271 Численность и размещение населения Рязанской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Рязань, 2004. Т. 1. С. 7.

272 *Семин А., Дибиров А.* Региональная политика в отношении личных подсобных хозяйств // АПК: экономика, управление. 1995. № 3. С. 37, 38.

273 Там же. С. 38.

274 Там же. С. 37, 38.

ГЛАВА 6

Промысловая деятельность рязанских крестьян и крестьянская торговля

ПРОМЫСЛЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Природно-географический и экономический факторы в промысловой деятельности

Неземледельческие промыслы

Местные промыслы. — Отхожие промыслы.

Сельскохозяйственные промыслы

Влияние промысловой деятельности на крестьянский уклад

ПРОМЫСЛЫ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Местные промыслы. — Отхожие промыслы.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Промысловая деятельность существовала издавна и была закономерным результатом разделения труда и выделения ремесел, требующих профессиональных навыков. Обычно в селе были люди, обслуживавшие нужды своих односельчан и достигшие в своих занятиях определенного мастерства: кузнецы, шорники, портные, валяльщики и др. По мере роста населения, вследствие усиливавшегося малоземелья и ухудшения качества земель, земледельческая деятельность части крестьянских хозяйств даже в Центрально-Черноземном районе, не говоря уже о Нечерноземье, давала все меньше средств, обеспечивавших прожиточный минимум крестьянской семьи. Различными промыслами начинали заниматься не отдельные крестьяне, а целые деревни и волости. Промысловая деятельность в значительной мере ускоряла втягивание деревни в товарно-денежные отношения и способствовала разрушению крестьянского патриархального уклада. И в то же время развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве и расширение рынка рабочей силы втягивали в промысловую деятельность все большее число людей.

Понятие «промысел», «промысловая деятельность» применительно к крестьянству означает любую его деятельность вне собственного сельского хозяйства по добыванию средств существования. Промыслы рязанских крестьян включали не только изготовление каких-то товаров для крестьянских нужд, но и работу на фабриках и заводах, в прислугах, батраках и т.п. Промысловая деятельность крестьян изменяла образ жизни, менталитет и повседневный уклад каждой семьи, селения и всего крестьянского сословия. Мы постараемся выявить факторы, влиявшие на ее развитие, на выбор ее видов, проанализировать, каким образом она воздействовала на жизнь крестьянина и его семьи, какие именно процессы инициировала и какие последствия имела.

Традиционное деление промыслов на местные и отхожие, которого мы будем в дальнейшем придерживаться, вполне обосновано, но с определенными оговорками. Некоторые промыслы действительно носили исключительно местный или отхожий характер, но многие виды деятельности в один период развивались как местные, а в последующий — превращались в отхожие или наоборот. Иногда один и тот же промысел в одном селе мог быть и местным, и отхожим. Формальным критерием, по которому принято разделять их, является взятие паспорта, дававшего право на уход далее 30 верст от места жительства*.

---

* При отлучке с места жительства по своему уезду не далее 30 верст выдавался письменный вид (разновидность паспорта); далее 30 верст, но на срок менее полугода выдавались двух-трехмесячные и так далее билеты; если дальше 30 верст и на срок свыше полугода, то выдавали плакатные паспорта (Устав о паспортах и беглых // Свод законов Российской империи издания 1857 года. СПб., 1857. Т. 14. Ст. 112, 118, 141).

ПРОМЫСЛЫ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Природно-географический и экономический факторы в промысловой деятельности

Мы уже писали о природно-хозяйственном районировании Рязанского края: о скудных почвах Мещёры и не очень плодородных почвах северной части Рязанской стороны, и о черноземах Степи, благоприятствовавших ведению земледельческого хозяйства (см. с. 93).

Во второй половине XVIII в., а тем более к середине XIX в. в лесных и малоземельных уездах — Егорьевском, Касимовском, Спасском, части Рязанского и Зарайского — уже невозможно было прокормиться только от земли. Население — государственные и помещичьи оброчные крестьяне, более независимые в своей хозяйственной деятельности, чем барщинные крестьяне черноземной полосы, — издавна занималось разного рода промыслами: местными и отхожими. А «в лесных местах дерут лубья, драть, лыки и так заготовляются к зиме для продажи: и для того от семей определяются на сие заготовление особые работники, а прочие с самой весны, даже до осени, от семей бывают на струговых работах из найма, которые от земледелия бывают свободны… иной делает бочки, кадки, а другой скупает воск, хлеб, всякое мясо, и отвозя в другие места продает и тем в безнужном пропитании и в платеже оброков всякой себя содержит» [1], — сообщалось в 1767 г. корреспондентом Вольного экономического общества из Переславль-Рязанской провинции.

В земледельческих Скопинском, Ряжском, Сапожковском, Данковском и Раненбургском уездах в первой половине XIX в. у населения не было досуга, чтобы заниматься чем-то другим, кроме своего хозяйства, «потому что обработка 15 и 20 десятин земли пахоты и сенокоса, причитающихся в сих уездах на трехдушное семейство»*, как писал современник, занимала «все летнее и осеннее время его, без исключения» [2].

В середине века в Раненбургском у. все работоспособное население было занято в сельском хозяйстве и только $^{1}/_{10}$ его часть имела время, чтобы заняться промыслами и ремеслами, в то время как в нечерноземном и малоземельном Егорьевском у. было достаточно $^{1}/_{10}$ части населения, чтобы выполнить все необходимые сельскохозяйственные работы [3].

В силу ограниченной емкости местного потребительского рынка и рынка рабочей силы, уже в XVIII в. крестьянам Мещёры приходилось искать заработки в уездных городах, Рязани и Москве, в южных степных губерниях. Автор «Топографического описания Рязанского наместничества» отметил в конце XVIII в., что жители Касимовского у. имеют «ремесло топорное и отходят по паспортам для строения домов и на стругах по Оке доходят до Москвы и Нижнего Новгорода», а плотники Егорьевского у. уходят «в степные места и на Дон» [4].

В Рязанской стороне в Зарайском у. крестьяне нанимались к купцам и мещанам, скупавшим на Украине рогатый скот «в немалом количестве», откармливавшим его на арендованных пойменных лугах и перегонявшим потом в Москву и Петербург. Некоторые крестьяне шли в извоз и ездили в Саратов за солью и рыбой [5]. В Михайловском у. в конце XVIII в. они нанимались к купцам и возили хлеб в Москву, Коломну, Зарайск, Рязань, а небольшое число их ходили на заработки в Воронежскую и Тамбовскую губернии. Некоторые крестьяне Пронского у. уходили в степные города [6].

В Степной стороне крестьяне были на барщине, и уйти в отход могли либо затяглые (не несшие тягло), либо тяглые в зимний период, более свободный от работ. Отхожие промыслы в этом районе и в середине XIX в были еще развиты слабо по сравнению с северной и центральной частью губернии. Но даже здесь в конце XVIII в. плотники Данковского у. в поисках работы уходили в Воронеж [7], а некоторые крестьяне Раненбургского у. нанимались на сенокос в Воронежскую и Тамбовскую губернии [8]. Однако в Ряжском у., например, где в это время на местах развивалось производство колес, телег и прочих изделий из покупного леса, отходничества еще не было [9].

* Трехдушное семейство — семья, в которой три ревизских души и, соответственно, три надела.

Реформа 1861 г. ускорила процесс втягивания деревни в рыночные отношения, усугубила проблему малоземелья и стимулировала расслоение крестьянства. М. Гауэнер, исследовавший вопрос о соотношении между величиной пашенного надела и числом уходивших на промыслы в 1880-е гг., убедительно показал их прямую связь: чем меньше площадь пашни в уезде, тем больше процент отходников [10].

Капиталистическое развитие экономики после реформы способствовало возрастанию роли денег, которых у подавляющего большинства крестьян, ведших хозяйство на грани выживания, постоянно не хватало: $^{3}/_{4}$ дохода от крестьянского полевого надела и приусадебного хозяйства было в натуральном выражении, но и $^{1}/_{4}$ его часть, имевшая денежное выражение, поступала в бюджет только в октябре–декабре после продажи части продукции [11]. Доходы от занятий промыслами для многих крестьян во второй половине XIX в. все больше превращались в основной источник средств существования.

К сожалению, цифры, показывающие численность крестьян, занимавшихся промыслами по уездам и губернии в целом, полученные в результате обследований 1880-х гг. и помещенные в разных исследованиях, сильно отличаются*. Наиболее достоверными, на наш взгляд, являются данные, полученные в ходе переписи крестьянских промысловых хозяйств 1912 г. Обработчики переписи сделали группировку по числу хозяйств, члены которых заняты промысловой деятельностью, и по числу крестьян обоего пола, состоящих в этих хозяйствах, но при таком подсчете правильнее говорить не о числе непосредственно занятых промыслами (в кустарной работе участвовала вся семья, отходничеством занимались ее отдельные члены), а о числе пользовавшихся доходами от сторонней деятельности.

Таблица 1. Вовлеченность крестьянских хозяйств в промысловую деятельность. 1912 г.

Название уезда	% хозяйств, занятых промыслами от общего числа хозяйств	% крестьян обоего пола, состоящих в хозяйствах, занятых промыслами, от общего числа крестьян уезда
Егорьевский	62,8	59
Касимовский	10	10
Рязанский	11,2	12
Спасский	6,2	6,7
Зарайский	7,2	5,2
Михайловский	11,5	20
Пронский	2,5	2,5
Ряжский	1,8	2,0
Сапожковский	3,9	8,5
Скопинский	6,5	6,6
Данковский	1,6	1,7
Раненбургский	6,6	7,0

Таблица 1 составлена по материалам, опубликованным в кн.: Сведения о кустарных промыслах по Рязанской губернии. Данные переписи крестьянских хозяйств, занимающихся кустарными промыслами, произведенной в 1912 г. Рязань, 1915. Вып. I. С. 290–291, 298–299.

Виды промысловых занятий населения прежде всего зависели от тех природных богатств и географических условий, которые были характерны для региона. Естественно, что проживавшие в лесной зоне должны были заниматься разработкой леса: смолокурением, рубкой дров,

* Эти отличия в цифрах из-за разных принципов подсчета исчисляются не десятками или сотнями, а даже тысячами, поэтому мы отказались от их использования. Произвести подсчет крестьян-промысловиков трудно в силу того, что кустарными промыслами обычно занимались не один-два человека, а вся семья, включая детей, но в такой семье могли быть и уходящие на сторонние заработки, которые, возвращаясь, включались в семейные кустарные промыслы. Наиболее достоверными являются данные об отхожих промыслах, так как велась официальная регистрация всех взятых крестьянами паспортов.

Шинование (надевание железного обода) тележного колеса. Рязанская губ. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Тележное колесо. Кадомский р-н, с. Кочемирово. 1-я половина XX в. (НМРИ). Фото С.А. Иниковой. 2006 г.

заготовкой лык и т.д. или выделывать деревянные и лыковые изделия. По данным обследования 1910 г., в Мещёре на каждые 10 тыс. человек приходилось 136,1 кустарей, занимавшихся обработкой дерева, а в Степной стороне — всего 13,7 [12]. Большую группу промысловиков в лесной части составляли бондари: Спасский и Егорьевский уезды давали 74,5% всех бондарей [13]. До полумиллиона деревянных берд для крестьянских ткацких станов выделывали в год почти исключительно крестьяне Поминовской и Нечаевской волостей Егорьевского у. В 1840-е гг. в обществах Поминовском, Хохлевском, Нечаевском с числом 5037 душ, было 1419 бердовщиков, это 28% мужского населения [14]. Село Шостье Касимовского у. специализировалось на производстве крупных деревянных изделий: саней, телег, тележных колес и т.д. Промысловиков лесной зоны отличала довольно узкая специализация и выполняемые ими работы требовали если не знаний, то хотя бы навыков. В лесной заокской части губернии процветал плотницкий промысел. В 1880-е гг. в Егорьевском, Касимовском и Рязанском (прежде всего в его северной части) уездах проживало 68,5% всех плотников губернии.

Местность вдоль рек Оки и отчасти Прони была зоной бурной промысловой деятельности, свя-

занной с судоходством. Мужское население сел и деревень, расположенных по берегам, а зачастую и на достаточном удалении, нанимались бурлаками, грузчиками на пристани и рабочими, набивавшими кули мукой, зерном, много крестьян были заняты подвозом зерна к пристаням.

В приречной зоне Оки (Зарайский у.) и на р. Гусь (Касимовский у.) в нескольких селениях занимались судостроением: строили струги, лодки, плоскодонные барки, которые ценились за прочность [15]. Промысел упал после развития пароходства. В селениях по Оке занимались промысловым рыболовством.

Крестьянское население северо-запада и запада Рязанской губ. в своей промысловой деятельности тяготело к крупным промышленным центрам — Москве, Коломне, Егорьевску. Крестьяне Зарайского, Михайловского, Егорьевского и Рязанского уездов в значительно большем числе уходили на фабрики и заводы, чем из других более отдаленных районов. Так, из Михайловского у., как самого близкого к Москве, уже в 1844 г. уходили на работу за пределы губернии 1362 человека [16], а из Сапожковского, Раненбургского и Данковского уездов вместе взятых по паспортам на заработки отправлялось всего 106 человек [17]. В Егорьевском и Рязанском (в заокской части) уездах в конце XIX в. были сосредоточены 21 ватная фабрика и 17 бумаготкацких [18], и, естественно, большая часть населения этих регионов была связана с бумаготкацким и бумагопрядильным производством. Многие крестьяне уходили на работу на фабрики или обслуживали их, подвозя дрова, сырье, а также брали работу на дом. Часть населения Зарайского у. также уходила на бумаготкацкие фабрики Егорьевска и Московской губ. [19]. В конце XIX в. даже портные зарайских сел Белоомут и Ловцы начали работать на московские фирмы готового платья. Близость Москвы, требовавшей большого количества рабочих рук, служила стимулом для развития отхожих промыслов Рязанской губ.

Там, где были чугунолитейные, стекольные, винокуренные или крахмальные заводы, хозяйственная жизнь окрестного населения так или иначе была связана с этими местными промышленными центрами.

В Рязанской стороне было много плотников, овчинников; Пронский у. давал самое большое число отходников-конопатчиков; а в Михайловском у. крестьянки многих селений занимались плетением кружев и вышивкой. Пронский и Михайловский уезды занимали первое место по извозу: михайловские извозчики везли хлеб в Москву, а пронские — подвозили его к пристани в с. Перевлес и обслуживали чугунолитейный завод в с. Истье этого же уезда. Однако промыслы Рязанской стороны не имели такой четко выраженной специализации, как промыслы Мещёры или приокского района.

И еще в меньшей степени можно говорить о специализации Степной стороны. Там были селения, занимавшиеся шерстобитным делом, производством глиняной посуды (в Скопинском и Сапожковском уездах), добыванием строительного камня или камня для жерновов (в Данковском у.), селения, жители которых работали в каменноугольных шахтах (в Скопинском и Данковском уездах) [20]. Но поскольку крестьяне Степной стороны включились в промысловую деятельность позже других, то, не имея необходимых профессиональных навыков и хорошей репутации, им пришлось занять наиболее низкие ступени в промысловой иерархии. Южные уезды давали наибольшее число чернорабочих, кроме того, это был район крупного помещичьего хозяйства, которому после 1861 г. требовалось большого количества наемных рабочих рук, поэтому там очень быстро развивались батрачество и поденщина.

Неземледельческие промыслы

Местные кустарные промыслы. Местными кустарными назывались промыслы, продукция которых вырабатывалась вручную в условиях домашнего производства. Она обычно была рассчитана на удовлетворение невзыскательных потребностей крестьянского населения и городских низов. В Рязанской губ. кустарные промыслы были сосредоточены почти исключительно в сельской местности, поэтому их с полным правом можно назвать крестьянскими.

Для местных кустарных промыслов характерно определенное половозрастное разделение труда, т.е. какие-то простейшие операции могли выполнять дети, что-то делали женщины, а более тяжелая работа выполнялась мужчинами. В промысловой сфере, как и в сельскохозяйственной, крестьянская семья выступала как кооперация производителей.

Весь производственный процесс от приобретения сырья и до реализации продукции мог находиться в руках самого кустаря или реализацией занимались скупщики, но в XIX в., особенно во второй его половине, все большее распространение получала система, при которой хозяева предприятий или посредники, торговцы выступали организаторами производства, раздавая крестьянам сырье или заготовки и забирая готовую продукцию. При такой организации в некоторых отраслях, например, в ткачестве, рогожно-кулечном промысле, кустарное производство приобретало характер простой рассеянной мануфактуры. В соответствии с типом организации производства решались вопросы приобретения сырья и сбыта.

Доступность сырья играла первостепенную роль в кустарных промыслах, так как только тогда они приносили доход, когда сырье было даровое или очень дешевое. Подорожание сырья часто становилось главной причиной угасания промысла. Впрочем, бывали случаи (как с производством гребней и гребенок), когда относительно высокая стоимость сырья и трудности его добывания покрывались за счет высокого спроса на продукцию. Процветание деревоперерабатывающего производства в Мещёре было предопределено как раз близостью сырья и его дешевизной. В заокских уездах в 1760-е гг., «где более лесов, там жгут смолу и уголье, а где лесов меньше — жгут одно уголье, кому сколько для себя надо и частью на продажу» [21], — сообщалось корреспондентом Вольного экономического общества об экономическом быте Переславль-Рязанской провинции. В Заочье лесные участки были в наделе государственных крестьян, но бóльшая часть принадлежала казне и помещикам. Промышлявшие разработкой леса или переработкой древесины крестьяне покупали делянки у казны или частных владельцев.

В Егорьевском и Касимовском уездах, где плетение лаптей развилось в солидный промысел, обычно подбиралась группа мужиков-*лапотников* (*лаптёжников*), которые складывали капиталы и покупали у помещика десятину липового леса. С молодых деревьев драли лыки, а со старых — луб; дрова шли в пользу помещика. С одной десятины можно было надрать до 300 пучков лык и столько же луба [22]. В первой половине XIX в. лыки в большом количестве также продавали на базаре в с. Починки Егорьевского у., куда их привозили из Муромского у. Владимирской губ. крестьяне с. Дубровка Касимовского у. Из воза лык получалось до 300 пар лаптей, каждая из которых стоила 5–6 коп. [23]. Иногда заготовку лыка брали в свои руки купцы, откупавшие лес и нанимавшие крестьян драть лыко, а затем этим же крестьянам и раздававшие или продававшие его для изготовления изделий. Крестьяне с. Шарик Шацкого у. подряжались после сева вместе с женами и детьми уезжать в лес драть лыко*, пока еще оно легко отходило от древесины. Располагались на поляне «табором» и жили там неделю, «делали балаганы от комаров, в них спали, варили пищу — сливуху из пшена и картошки» и всей семьей драли лыко. Пучок (50 трубок) стоил 3–5 коп., пуд корья тальника — 5 коп. [24].

Дубовая кадушка. Владимирская обл. Гусь-Хрустальный р-н, дер. Часлицы. Конец XIX – начало XX в. Фото С.А. Иниковой 2008 г.

* Шацкий у., входивший тогда в Тамбовскую губ., славился своими лапотниками, изготовлявшими *писаные* лапти, очень аккуратно сплетенные из тонких полос лыка.

Для деревообрабатывающих промыслов обычно требовалась определенная порода дерева: посуду, ложки резали из липы, бочки, ушаты делали из дуба, так же как и полозья саней, а веретена вытачивали на токарных станках из березы. В с. Увяз Касимовского у. большинство крестьян-кустарей выделывали лотки и корыта, за что и получили название *лотошников*. Поскольку в конце XIX — начале XX в. цены на лес поднялись и не каждый год можно было найти на месте разрабатывавшийся участок если не липы, то хотя бы березы, лотошники стали уходить в поисках работы в Могилевскую и Витебскую губернии [25].

Кооперацию промысловиков разных губерний демонстрирует способ, которым решалась сырьевая проблема, стоявшая перед кустарями-*гребенщиками* Поминовской вол. Егорьевского у. Рязанские кустари выделывали гребни и гребенки из кленовой древесины, заготовки которой в виде лопаток они ежегодно в большом количестве закупали у крестьян с. Шиповка Калужской губ. Представители поминовских гребенщиков в Рождественский пост ездили в Шиповку и заказывали там до 25 тыс. заготовок. Шиповцы, в свою очередь, закупали кленовую древесину в западных губерниях. Выделанные заготовки они доставляли в Калугу, а потом на плотах по Оке в с. Малива Егорьевского у. Там эти лопатки распределяли по жребию между заказчиками. В 1880-е гг. гребенщиков и бердовщиков из дер. Неклюдово Касимовского у. кленовыми заготовками из Брянского у. (до 100 тыс. штук) снабжал нижегородский предприниматель.

Такие промыслы, как гончарный, кирпичный, камнеломный, возникали там, где залежи глины и камня находились на надельной земле селений. Обычно крестьяне пользовались глиной и камнем бесплатно, но в конце XIX в. за разработку камня им приходилась платить своему обществу небольшие деньги. Если земли с залежами глины или камня арендовали крестьяне из других селений, то сумма платежей увеличивалась. Крестьяне с. Морозовы Борки покупали глину возами в соседней дер. Глинище. В г. Скопине и селениях

За ткацким станом. Работа на хозяина. Егорьевский у., дер. Тараканово. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Мальчик-шпульник за работой. Рязанская губ. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Корневое, Пупки, Ермолово, Вослебово крестьяне сами добывали глину и изготовляли посуду, которую возили продавать в степные губернии. На посуду всегда был спрос, и даже в безлесном Раненбургском у. в с. Большая Карповка три семьи делали горшки и имели горны на своей усадьбе [26].

Крестьяне, работавшие дома на предпринимателей — мелких хозяйчиков или солидных фабрикантов, получали сырье от них. Наиболее развитым, «капитализированным» из такого рода промыслов был ткацкий. Начало ему положили крестьяне-ткачи дер. Акатово Егорьевского у. Хлудовы, ткавшие на ручных станках пояса, кушаки, ткань нанку. Причислившись в 1824 г. к московскому купечеству, И.И. Хлудов начал раздавать работу ткачам-*мастеркам*, а после открытия бумаготкацкой фабрики в 1845 г. в Егорьевске [27] раздача крестьянам основ и ниток для тканья нанки получила широкий размах, и уже через год автор «Военно-статистического описания Рязанской губернии» счел нужным отметить, что в Егорьевском у. в домах крестьян ткут нанку из основ, получаемых от московских купцов [28]. Очень быстро этот промысел приобрел характер рассеянной мануфактуры с определенным разделением труда: в ткачестве существовали специальности ткачей, намотчиц, шпульниц, прядильщиков, сновальщиков, красильщиков. Между хозяином фабрики и ткачом существовал посредник, а то и не один, и именно этих посредников со временем стали называть мастерками. Хозяин выдавал мастерку материал для раздачи и станки под залог. Крупные мастерки имели свой штат мелких мастерков [29], и каждый получал процент с аршина вытканной пряжи (от 1 до 1½ коп.). Материал выдавался крестьянам по весу, и также по весу принималась готовая ткань.

Производством нанки и сарпинки занимались почти во всех волостях Егорьевского у., в деревнях Голышово и Алексеево, а затем и по всей Алексеевской вол. Касимовского у. Ткачеством зарабатывали на жизнь и крестьяне-надомники в Рязанском, Спасском

Торговля мочалами. Касимовский у., с. Тума. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

уездах. В Зарайском у. система раздачи заказов существовала в Сенницкой, Кругловской, Беспятовской, Луховической волостях[30]. Производимый зарайскими ткачами тик вывозили в Среднюю Азию.

Тканьем полубархата в первой половине XIX в. занимались крестьяне дер. Луховичи Зарайского у. Четверо крестьян, выступавших в роли мастерков, получали основы полубархата от купцов г. Коломны, а наемные односельчане ткали в специально выстроенных избах-фабриках на 120 станов. И еще 80 станов было установлено в крестьянских избах[31].

Крестьяне, занимавшиеся кулечно-рогожным промыслом, также получали материал от скупщиков и сдавали им свою продукцию. Эти скупщики брали от крупных предпринимателей, которые нуждались в таре, большие заказы, закупали мочало оптом в Нижнем Новгороде на ярмарке и по воде везли в Касимов и в Спасский у. до пристани в с. Шилово. Кустари иногда покупали у скупщиков мочало за деньги, но чаще брали под продукцию. В Касимовском у. скупщики каждую субботу на базаре в Туме в своих лавках выдавали материал и принимали изделия. Те, у кого не было лошадей, чтобы привезти мочало и увезти изделия, пользовались услугами комиссионеров, развозивших сырье по кустарям и забиравших продукцию. В Мосоловской вол. Спасского у. скупка мочальных изделий находилась в руках купцов Чуевых. В 1915 г. их бухгалтер, рассорившись с патроном, организовал артель по производству рогожных кулей и раздавал на дом работу 6 тыс. крестьян в 15 деревнях[32].

На московские фирмы готовой одежды с начала 1880-х гг. работали крестьяне-портные сел Верхний и Нижний Белоомут, Дединово Зарайского у., где в 1910-х гг. проживало 81,3% всех портных губернии. На эти же фирмы в начале XX в. начали работать и жители с. Сельцы Рязанского у. Портные шили вручную и на швейных машинках, получая от хозяев уже выкроенную по городской моде одежду, в основном мужскую верхнюю, хотя до этого они шили одежду русского покроя (армяки, кафтаны, поддевки и т.п.) и ходили по селениям либо уходили на заработки в Москву[33].

Вязание сетей. Рязанский у., дер. Шебаево. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Плетение кружев. Рязанская губ. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Кустари сетевязального промысла Егорьевского, Рязанского, Спасского уездов и в меньшей степени Касимовского у. традиционно работали на своем сырье — использовали льняную пряжу, произведенную в своем хозяйстве или купленную в соседних селениях. В Заочье и во второй половине XIX в. были самые большие посевы льна. Однако во второй половине века этот промысел все больше оказывался в руках *раздатчиков*, распределявших между кустарями фабричную пряжу под работу. Они организовали свои конторы в Спас-Клепиках Рязанского у. и в самой Рязани, развозили заказы по селениям. Это был преимущественно женский промысел: только в Рязанском у. им было занято 3 тыс. женщин, в Егорьевском — 4–5 тыс., в Спасском (Киструсская вол.) — около 1 тыс. женщин [34]. Если плели из фабричных ниток, то сети назывались *сеткой, готовкой*, а из своих — *бреднями*. Раздатчики собирали продукцию и платили за сажени в зависимости от величины ячеек.

Во второй половине XIX в. промысловая деятельность все больше капитализировалась, и даже только что возникшие промыслы быстро оказывались в руках скупщиков, как случилось с вышивальным делом в Михайловском у. Организатором его в 1880-е гг. выступила помещица с. Подлесное С.П. Казначеева. Она открыла школу, в которой обучала крестьянок вышивке, а после обучения они получали от школы материал, нитки и работали на заказ, зарабатывая за зиму по 50–60 руб. Тут же появились торговки-скупщицы, раздававшие материю и нитки. Те, кто работал на них, получали меньше — 30–40 руб., но для крестьянок это было удобнее, так как требования, предъявляемые к их продукции, были ниже и скупщица обычно была из своего же селения, а в школу надо было еще ехать [35].

В том же уезде скупщицы держали в своих руках кружевной промысел, которым в 1880-е гг. занимались до 10 тыс. крестьянок, но в начале XX в. из-за низких заработков произошло его падение [36]. Этот промысел, правда не в таких размерах, существовал и в Скопинском, Рязанском и Раненбургском уездах. Преимущественно на своем сырье работали чулочницы пригородных слобод Раненбурга, однако большинство из-за невозможности сбыть вязаные чулки, варежки и перчатки на местном рынке сдавали продукцию не только своим, но и приезжим скупщикам из Скопина. Были и такие торговцы, которые раздавали бумажные нитки и собирали продукцию в обмен на ткани [37].

При работе на хозяина кустари иногда получали не только материал, но и инструмент

Изготовление гребней. Егорьевский у., дер. Лосево. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

или его наиболее сложные и дорогостоящие детали. Ткачи Егорьевского у. деревянные части стана делали сами, ремизы, челноки покупали, а металлические берды им давали хозяева. Оборудовать ткацкий стан, получивший название *самолет* и отличавшийся от крестьянского, стоило 20 руб. — сумма немалая. Швейные машинки портным выдавали фирмы, на которые работали кустари. Орудия кулечно-рогожного промысла обычно крестьяне делали сами или заказывали плотникам, но иногда их за деньги продавали скупщики.

Занятиям кустарными промыслами в домашних условиях крестьяне обычно отводили время, свободное от земледельческих работ, т.е. с осени и до весны. В летнюю пору ткачи-кустари, например, занимались хозяйством, а ткачеством с 15 сентября и до 15 апреля или до 29 июня, т.е. до сенокоса. Однако были селения, где ткацкая работа не прекращалась и в летнюю пору, например, в дер. Алексеево и окрестных селениях Касимовского у.[38]. Самая работа для гребенщиков Поминовской вол. Егорьевского у. была осенью и зимой, но желание заработать для семьи лишнюю копейку было так сильно, что «и летом, вечернею порою, — отмечал неизвестный автор, видимо сам

Гребень и гребенка. Спасский р-н, с. Старый Киструс. Начало XX в. (Школьный музей с. Киструс). Фото С.А. Иниковой 2006 г.

наблюдавший эту картину, — всегда увидишь, под навесом ворот, гребенщика, который, сидя на скамье, подложив под себя ручку лопатки, прорезывает зубья в ней пилою» [39]. Если в семье были лишние рабочие руки или члены семьи, которые не могли уже заниматься земледельческим трудом, то они занимались промыслами и в весенне-летнее время. В Колесниковской вол. Касимовского у. в деревнях Чечево и Рогачево, где ткали из мочала кули, одни крестьяне занимались этим в свободное от полевых работ время, а другие, в основном старухи и дети, — круглый год [40]. Зимой взрослое мужское население возвращалось с отхожих промыслов, и тогда вся семья бралась за выделывание кулей.

В Рязанском крае были селения, жители которых работали на помещичьих предприятиях или обслуживали их. Крестьяне Парахинской вол. Касимовского у. до 1861 г. в качестве барщины рубили дрова в лесных дачах своего помещика Мальцева и возили их на его стекольные заводы, а также отрабатывали на них определенное число дней. После отмены крепостного права рубка дров для заводов Мальцева превратилась в местный промысел, которым занимались целыми семьями с ранней весны до Петрова дня [41]. Однако многие помещичьи предприятия, как чугунолитейный завод в с. Мосолово (или Масалово) Спасского у., закрылись, и мосоловским крестьянам, не имевшим земли, пришлось заняться рогожно-кулечным промыслом, которому они посвящали и зиму, и лето.

Очень редко у кого из крестьян были особые помещения для кустарных работ. Безусловно, для изготовления кирпича, производство которого было распространено по всей губернии, крестьянам приходилось строить специальные сараи длиной в 20 саж. с одной или двумя печами или оборудовать под кирпичное производство риги. Эти сараи, в которых формовали и сушили кирпич, громко называли кирпичными заводами. Горны обычно располагались за селением. Их топили для обжига кирпича в складчину, так как дрова были дороги [42].

Формование кирпича. Касимовский у., с. Погост. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Изготовление валенок. Рязанский у., с. Селезнево. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Если требовалась большая площадь для выделки крупных деревянных изделий, то кустарь работал в сарае, риге. Валяльным промыслом в Мещёре обычно занимались в банях, так как нужна была печь, но в южной Степной стороне, где бани были редкостью, и даже в центральной Рязанской стороне весь технологический процесс любого производства, требующего распаривания, вымачивания, высушивания, обычно проходил в избе. Занятие промыслами меняло привычный ритм и распорядок жизни крестьянской семьи, да и само жилище, превращаясь в производственное помещение, меняло свой традиционный интерьер.

Тесная изба, наполненная взрослыми и детьми, а в зимнее время еще и мелким скотом, становилась еще меньше от расставленных ткацких станов, чанов с замоченными овчинами или корытами с глиной. В крестьянских избах из-за отсутствия форточек было очень душно. Если это был дом гончара, вся его семья участвовала в производственном процессе: женщины и старшие дети подвозили глину и кололи дрова, в их обязанности входило разминать ее прямо на полу ногами. По стенам по всему периметру под потолком шли полки — *грядки*, на которых сушилась посуда, из-за этого избы были очень сырыми. Подсушенные на грядках изделия потом составляли досушивать на протопленную печь.

Современник, побывавший в доме кустарей, ткавших из мочала кули в одном из селений Колесниковской вол. Касимовского у., так описывал их жилище: «…дом каждого домохозяина представляет из себя небольшую фабрику с ее кладовыми, — он весь уставлен самыми примитивными ткацкими станками, убран мочалой, из которой ткутся кульки, и изготовленными кульками — предметами своего производства» [43]. Станы, предназначенные для изготовления рогож, были большими (рогожа в длину 3½ арш. и

Гончар за работой. Рязанская губ. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Изготовление кулей. Спасский у., с. Мосолово. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

в ширину 2½ арш.). Такой стан стоял поперек избы. Станы для кулей были небольшими. Ткали стоя, отчего очень уставали ноги, волокна попадали в дыхательные пути [44]. Портные работали, сидя с поджатыми ногами на специальном высоком настиле — *катке*, занимавшем часть помещения. Иногда мастерская отделялась перегородкой. Работа в душной, тесной избе, обычно с дешевым некачественным сукном сказывалась на легких. Медики отмечали распространенность среди портных туберкулеза; часто они угорали от утюгов, наполненных раскаленными углями [45].

Много места в доме занимали ткацкие станки-самолеты, на которых ткачи-кустари ткали нанку, сарпинку, тик. Один-два станка ставили в избе, а если их было больше, то в специальном помещении. Стан крепился к стене и занимал половину и без того маленькой крестьянской горницы. Изучавшая ткацкое производство в дер. Алексеево Касимовского у. А. Поповская писала: «Вот изба Зверковых: 7×8 арш. с отгороженной печкой; в избе помещается 2 стана, между которыми стоит маленький, в 1 ¼ арш. стол; у двух стен скамьи для сиденья; две люльки для маленьких детей; на полу мальчик лет 9-ти на колесе мотает бумагу и для прохода взрослого человека не остается места. А между тем, в такой избе помещается три взрослых женщины, пять детей и иногда двое мужчин» [46]. С землей «управлялась» свекровь, а снохи ткали сарпинку, видимо не отрываясь на полевые работы. У другого крестьянина этой деревни в избе размером 12×8 арш. стояли три стана, а в семье было пять человек. В следующей избе размером 7×7 арш. жили девять человек, но работников — сам хозяин и его 15–16-летняя дочь. Старшие дети помогали мотать шпульки [47].

Для семей, занимавшихся кустарными промыслами, были характерны высокий уровень занятости и интенсивный труд. Свободное от работ время, в которое бы раньше

крестьянская семья отдыхала или неспешно всяк занимался своим делом, для кустарей превращалось в период напряженного, а то и просто изнурительного труда. Портные Зарайского и Рязанского уездов работали семьями, включая детей 10–11 лет. В расчете на помощь родители часто не пускали их в школу. Отец-портной не спал ночей, чтобы успеть к сроку, а с ним — вся семья. У портных не было воскресений, они работали часто даже в праздники. По этому поводу священник с. Сельцы Рязанского у. сетовал, что храм по воскресеньям пустует [48]. Засиживаясь ночами за работой при свете лучины или керосиновой лампы, портные пели о своей «портновской» жизни:

С панидельника, братцы, до субботы,
Ай, нам нисносная партным работа.
И день и ноченьки мала партны спять.
День и ноченьки мала партны спять,
Придеть праздник — праздник Воскресенье,
Ай, нас отпустять партных на веселье,
Мы пойдем-ка все, все с горя в кабак,
Мы пойдем-ка все, все с горя в кабак… [49]

Женщины в селениях по р. Проне (села Чулково, Тырново и Карповское, дер. Кулаково), заранее приготовив нитки, не спали ночи, чтобы успеть связать и продать снасти до наступления полой воды, когда начнется самый лов рыбы. Не было отдыха и у чулочниц пригородных слобод Раненбурга, о которых автор статьи о чулочном промысле писал, что «трудно представить себе слободскую не только женщину, но и маленькую 7–8-летнюю девочку без чулка в руках, — она как будто и родилась со спицами и клубком шерстяной пряжи в руках» [50].

Вдевание мочала в берда. Спасский у., с. Мосолово. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Ткачи дер. Алексеево Касимовского у. работали по 15–16 часов в душном помещении и в 40 лет выглядели как старики. Касимовский рогожник работал по 15–18 часов, на сон отводил 4–5 часов. Маленькие кули поручали ткать даже детям обоих полов с 10–12 лет. Интересную деталь подметил современник в Спасском у.: родители, занимавшиеся изготовлением рогож и кулей, женили своих сыновей исключительно на девушках, знакомых с этим же промыслом. И, видимо, не случайно: с непривычки молодой женщине было бы очень трудно включиться в эту работу. Уже в 1950-е гг. нашу собеседницу, родом из дер. Александровские Выселки Путятинского р-на, сватали в семью, в которой ткали кули. Она наотрез отказалась, сказав родителям: «Выйдешь, да там по всей ночи кули заставят ткать».

Просиживать за работой дни и ночи напролет крестьян вынуждали низкие расценки на их изделия. За весь сезон (170, 200 дней) напряженной работы хороший ткач (ткачиха) получал 80–90 руб., средний и плохой 50–60 руб. Недельный заработок мужчины дер. Алексеево Касимовского у. составлял 2 руб. 50 коп. — 5 руб., женщины — 1 руб. 20 коп. — 3 руб., в то время как на фабрике мужчины-ткачи зарабатывали до 25 руб. в месяц [51]. Но даже эту плату кустари не всегда могли получить от мастерков деньгами, так как последние старались расплатиться провизией и мануфактурой — той же нанкой или сарпинкой. Кроме того, раздатчики сырья и мастерки нещадно обвешивали кустарей.

Хороший мастер-бердовщик из Поминовской вол. в год мог сделать 200 штук толстых деревянных берд и 150 — тонких, и заработок его мог составить от 30 до 100 руб. и даже выше. Хороший мастер-гребенщик из той же волости вырезал в день не более пяти гребней и гребенок, а их цена колебалась от 5 до 60 коп. Тысяча веретен стоила около 5 руб. [52]. Невысокие цены бердовщики и гребенщики компенсировали количеством и жили достаточно зажиточно, а жители дер. Неклюдово Касимовского у. благодаря этим заработкам даже прикупили земли [53]. Копеечные доходы давало изготовление простого деревянного инвентаря: лопат, грабель, плетение корзин и вершей для лова рыбы. Только работая всей семьей, можно было набрать небольшую сумму денег.

Летом расценки на кустарную продукцию были выше, чем зимой, когда было много свободных рабочих рук и рынок насыщен продукцией. Мосоловские кустари в летний период получали за 100 кулей 8 руб. 50 коп., а в начале зимы — 7 руб. 75 коп., потом 7 руб. Низкие заработки вынуждали рогожников искать работу в с. Ухолово Ряжского у. и г. Моршанске Тамбовской губ., где были рогожно-кулечные фабрики [54].

В 1880-е гг. сетевязальный промысел давал хороший, с точки зрения крестьянок, доход. Женщины и девушки зарабатывали дома около 20 руб. в год. В 1910-е гг. заработок понизился (8–10 руб. в год), и плетением занимались безземельные бобылки, которым некуда было податься [55]. Годовая прибыль кирпичника составляла всего 20–25 руб. [56].

Очень низко оплачивалась работа на винокуренных и крахмальных заводах, расположенных в имениях помещиков. Зимой крестьян можно было нанять на эти заводы за барду, которая шла на корм скоту, с приплатой в 5–9 руб. На сахарных заводах крестьяне работали зимой за 6–8 руб. [57], но поскольку в это время года в своем хозяйстве работы было мало, то люди соглашались и на такие деньги.

Свою продукцию крестьянам было выгодно сбывать самим, и они возили ее на ближайшие базары, по селениям, продавая за деньги или обменивая, и даже в «степь» — южные уезды Рязанщины и в Воронежскую, Тамбовскую губернии, на Дон, но во второй половине XIX в. товар все чаще отдавали скупщикам, иногда из своих же крестьян. Торговцы, раздатчики, мастерки ездили собирать готовую продукцию по селениям или крестьяне сами привозили и сдавали ее в конторы, обычно расположенные в крупных селах.

Заработки, получаемые от различных местных промыслов, сильно варьировали. Одни давали неплохой доход, как деревообрабатывающие промыслы, другие не всегда позволяли крестьянам свести концы с концами. Доходы зависели и от числа работников в семье, и от того, сами они реализовали продукцию или через скупщиков. Современники единодушно отмечали тяжелые условия труда кустарей и его интенсивность, но в оценке их экономического положения расходились во мнениях, возможно, в силу собственной

Изготовление зубьев для грабель. Рязанский у., дер. Измайлово. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Плетение корзин. Рязанская губ. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Семья крестьян-рогожников около своего дома. Спасский у., с. Мосолово. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

субъективности. Однако, если бы местные промыслы не приносили прибыли, вряд ли бы крестьяне стали так упорно ими заниматься. Бесспорно то, что значительно больше экономических выгод давали отхожие промыслы.

Отхожие промыслы. Отхожие промыслы вырастали из местных, когда рынок сбыта становился мал или цены на продукцию и рабочие руки падали. Одни крестьяне отходничали в пределах своей губернии, другие в поисках заработка забредали в самые отдаленные уголки России. Самыми массовыми были плотницкий, бондарный, а до 1870-х гг. еще и бурлацкий промыслы. Отхожим плотничеством больше всего занимались крестьяне Заочья (прежде всего Егорьевский у., северная часть Рязанского, меньше Касимовский и Спасский уезды), хотя эта профессия была распространена повсеместно в Рязанской губ. У жителей других

губерний даже сформировался образ рязанца — с извечным плотницким топором за поясом сбоку, отсюда и шутливое прозвище — «рязань косопузая».

Славу самых лучших бондарей за пределами Рязанской губ. снискали себе мастера-отходники из с. Ижевское. Выражение «ижевский бондарь» служило «лучшей рекомендацией для мастера», так же как «егорьевский бердовщик» [58]. Ижевцы держали эту отрасль в своих руках и заняли лучшие места на рынке труда за пределами губернии, поэтому долгое время в других селениях бондарство было местным промыслом. После крестьянской реформы, в связи с быстрым ростом промышленности в южной части России и ростом потребности в их изделиях, бондари из других селений также начали уезжать в южные города, главным образом в Астрахань и Баку. К концу 1880-х гг. 88,2% всех бондарей губернии промышляли за ее пределами [59], т.е. сам промысел приобрел характер почти исключительно отхожего.

Много крестьян уходили работать портными, овчинниками, шерстобитами, и значительно меньше было отходников, занимавшихся на стороне красильным, ведерным промыслами или работавших каменщиками. С 1860-х гг. развился такой промысел, как отход на торфоразработки, в который к концу века оказались вовлечены тысячи людей.

Для отхожих промыслов, как и для местных кустарных, существовало определенное время, но только если для местных этим временем была осень–зима, то время занятий отхожими промыслами определялось их спецификой. В.В. Селиванов, наблюдая жизнь помещичьих крестьян, писал, что отходники возвращались домой к Благовещению, с которого начиналась подготовка к полевым работам [60]. Он не указал, чем промышляли эти отходники, но для барщинных крестьян другого времени, кроме зимы, и не было. Правда, некоторые семейства, по словам того же Селиванова, даже зимой, отправляя своих членов на заработки, нанимали кого-нибудь вместо них отбывать барщину [61]. В пореформенное время в отход чаще уходили в весенне-осенний период или на весь год. Крестьяне, работавшие в соседних губерниях, возвращались домой на самое горячее покосное время и уборку хлебов. Те, кто уходил далеко или не мог оставить свою работу, обычно сдавали свой надел исполу или их жены нанимали работников, а в Мещёре крестьянки зачастую сами пахали, сеяли и косили. «Наши плотники, обыкновенно, отправляются на три „походки“ в год, но некоторые идут и в „годовую“. Первая походка считается с четверга первой недели Великого поста и до Страстной недели (5 недель); вторая — с Фоминой недели и до Петрова дня (весенняя); третья — с Успеньева дня до Введения (20 ноября — осенняя). В „годовую“ же отправляются среди Великого поста и живут до Николина дня (до 5 декабря). Остальное время все живут дома» [62], — писал В. Петров о плотниках Мещёры. Если же попалась хорошая работа, то возвращались домой перед Рождеством. Некоторые мужчины не бывали дома по нескольку лет [63], но в основном отхожие плотники — 65,7% из опрошенных — возвращались домой на летние работы. В то время как из фабрично-заводских рабочих на летние работы возвращались 40% [64], т.е. связь крестьян-плотников с хозяйством оставалась более крепкой, чем крестьян, приобщившихся к заводскому и фабричному труду. Практически такой же распорядок работы был и у каменщиков: на время покоса и уборки хлебов они на две недели возвращались домой [65].

Бондари собирались артелями и, если им еще предстояло заготовить материал, уходили иногда с осени, а чаще — в Великий пост. Возвращались домой в октябре–ноябре [66]. Бурлаки отправлялись в Муром, Нижний Новгород, Казань и Саратов на больших лодках, «лишь только очистится от льда Ока», или шли сухим путем в Моршанск и Калугу [67]. Возвращались домой обычно с окончанием навигации: кто к Покрову, кто заговенью на Филипповский пост (14 ноября), а бурлаки с. Гавриловское Спасского у. старались вернуться к Введению (21 ноября) — престольному празднику этого села. Овчинники уходили с осени, когда начинали резать скот и для скорняков была работа, а возвращались в феврале–марте. Красильщики материи работали двумя сроками: с 14 сентября (после сева озимых и уборки полей) и до Рождества, а также с марта по 15–20 июня. Портные летней и осенней одежды — *кафтанщики* — брались за иглу после полевых работ. В конце осени и зимой — работа для *тулупников*. Артели крестьян нанимались на торф на период с 9 мая по 6 августа. Среди портных были такие, кто уходил с осени на сторону, причем даже в Полтаву, Екатеринослав, и шил простонародные костюмы, но большинство ходили по своему уезду, порой удаляясь в соседние [68].

Обычно в поисках работы крестьяне-отходники шли в какое-то место, прослышав, что там есть спрос на их руки и хорошие заработки, но их расчеты не всегда оправдывались: иногда это место оказывалось занято, и им приходилось идти дальше и дальше. Но для строительных специальностей такой рынок труда, как Москва и Московская губ., был практически ненасыщаем. 80% плотников Рязанской губ. шли именно туда [69], хотя остальные 20% расходились очень далеко по стране: в Сибирь, Польшу, на Кавказ. Шацкие плотники-отходники предпочитали уходить на Дон, Хопёр. Причем обычно все селение начинало ходить в какое-то одно место из года в год. Плотники из с. Кермись Шацкого р-на ездили плотничать в Хабаровск, Крым. Плотники с. Печины побывали на заработках в Красноярском крае, Иркутской губ., Амурской обл.

Ижевские бондари начали отходничать, видимо, в самом начале XIX в. При обследовании села в 1843 г. было отмечено, что почти все его жители «расходятся по сторонам», хлебопашеством занимаются 60- и 15-летние [70]. В начале XX в. в Ижевском половина мужского населения от 16 до 45 лет уходила или на одно лето, или на два-три года, правда, это были не только бондари, но и плотники. В начале XX в. 50% бондарей шли в Астрахань и прикаспийские города, остальные в приволжские города, в Ростов, Одессу, Херсон, в Бессарабию и на Кубань, на нефтяные и цементные заводы. В Астрахани и прикаспийских городах они делали тару, полутарки и бочонки для рыбы, на Кавказе и в Бессарабии бочки и бочонки для вина, в южных городах кадки, ушаты, посуду.

Бурлаки, не нашедшие себе работу в пределах губернии, уходили на Цну и Волгу [71]. Крестьяне с. Гавриловское из года в год бурлачили на р. Свири и Северодвинском канале, на р. Шексне и, конечно, на Волге.

Красильщики, в основном выходцы из Палищинской вол. Касимовского у., добирались до Кавказа, Сибири, Крыма, бывали в Бессарабии и Польше. У них было принято дважды одно место не посещать, так как окрашенные ими ткани и вещи, особенно если работали с холодной водой, очень сильно линяли. Овчинников и шерстобитов все дальше от дома гнал недостаток сырья, тем более что в начале XX в. стало очевидным сокращение поголовья овец. Шацкие овчинники, которых на рубеже XIX и XX вв. в этом уезде было 3417 человек [72], ходили артелями с подводой и лошадью в Пензенскую, Саратовскую и даже Астраханскую губернии. С начала 1900-х гг. стали по железной дороге ездить в Сибирь, где заработки были выше. Все население двух соседних сел Пронского у. — Дурное и Семенск — занималось битьем шерсти. Валяльщики из с. Дурное уходили в Область Войска Донского на полгода, а иные и на год с семьями, а из с. Семенск — в Тамбовскую губ. и отчасти в Воронежскую, население которых в большом количестве разводило овец [73]. Рынок заказов был поделен между жителями этих двух селений. Шерстобиты *били шерсть*, т.е. обрабатывали ее для дальнейшей переработки, валяли бурки и полости. С распространением во второй половине XIX в. машин-шерстобиток этот промысел начал быстро падать.

В Москве местом найма крестьян-отходников разных специальностей, в особенности каменщиков и плотников, была Рогожская застава: там, подолгу ожидая работы, мужики, предварительно написав цену на подошве сапога, как со слов своих родителей рассказывают пожилые жители с. Льгово Рязанского р-на, ложились на землю соснуть часок-другой. Подрядчики ходили между лежащими и, если цена их устраивала, будили спящего пинком по сапогу.

Поодиночке крестьяне и крестьянки ходили наниматься в города прислугой, легковыми извозчиками, рабочими на заводы и т.п. Представители таких профессий, как портные, валяльщики, ведерники (чинившие ведра), обычно ходили по двое: один был мастер, а другой — ученик, подмастерье. Большинство же отходников собирались в артели от 3 до 15 человек.

Работа в артели требовала не только хороших профессиональных навыков, но и умения трудиться в коллективе, привычки к тяготам странствий. «Уже с 14 лет мальчик приучается к топору и идет в далекие плотничные заработки, часто забираясь к Каспийскому, Черному и Белому морям или к Уральскому хребту, а в последние годы даже в Иркутскую губернию и Среднеазиатские владения», — писал В. Петров. Плотничество, по его словам, передавалось от отца к сыну, и «у хорошего плотника и дети всегда почти бывают хорошими плотниками» [74]. В бондарном

промысле самостоятельно ходить *на путину*[*] начинали с 18–19 лет, редко с 16. Парни были уже обученные: «если не мастера первой руки, то второй и третьей руки обязательно» [75]. Заканчивали ходить на путину по обстоятельствам: кто-то в 40–55, а кто-то в 60 лет — или, как говорили, «оставались стариковать» дома, но перед этим отец обязательно приобщал к промыслу старшего сына, который должен был заменить его. Какое-то время они ходили вместе, и сын усваивал «все порядки путины и артельных отношений» [76]. Шацкие овчинники начинали *ходить в овчины* тоже с молодости со старшими родственниками. Некоторые тулупники брали учеников — мальчиков лет 13, отданных им на два-три года за пищу, которые потом из учеников переходили в разряд подмастерьев. М. Баранович причину «преданности» бурлачеству населения, жившего по Оке, видел не только в «сподручности» этого промысла, но и в его простоте, не требующей обучения [77].

Обычно артели формировались из родственников и соседей. Артелью можно было взять большой и лучше оплачивавшийся заказ, артельно было выгоднее снять жилье и более безопасно добираться до места и жить среди чужих людей. И дух коллективизма, видимо, играл здесь не последнюю роль. Из своей среды артельщики выбирали *старшого, артельного,* а у шацких овчинников — *атамана.* Артельный выступал как представитель артели в переговорах с подрядчиком, отстаивал ее интересы. Но часто артель сама брала подряд без посредников, сама себя содержала, т.е. жила «по себе», ее члены были сами себе хозяева — *дольщики,* а артельный (старшой) в этом случае брал на себя функции распорядителя: искал заказ, сам договаривался с заказчиком, следил за правильностью расчета. Плату могли делить в соответствии с квалификацией, но были артели (обычно три–семь человек), где все были равны и делили плату поровну [78]. Большие артели каменщиков состояли из подрядчика и 5–15 рабочих и были на харчах у подрядчика. При большом заказе подрядчик брал часть денег вперед на прокорм рабочих [79].

Глава артели скорняков-овчинников на свои деньги покупал сырье — овчины. Выделывала их артель, и каждый ее член получал известную, заранее определенную долю из дохода от производства, в соответствии с уровнем мастерства и опыта. Члены артели не были наемными рабочими. Атаман — это руководитель производства, распорядитель и эконом. Если все члены артели в равной мере вкладывали средства, то это уже было товарищество [80]. Артели овчинников иногда создавались на короткое время, пока отходники шли до места, а далее члены ее расходились по селениям по одному-два человека и работали на заказ. Шацкие овчинники, например, ездили маленькими артелями, состоявшими из родственников, все необходимое везли на лошади. «Наши все ездили в одно место в Бобров Воронежской обл. Один брат в одной деревне, другой — в другой. Работали поодиночке», — рассказывала старейшая жительница с. Шаморга Шацкого р-на. Артели красильщиков состояли из двух-пяти сборщиков, собиравших по окрестным селениям всякое тряпье для окраски и потом разносивших окрашенное, и одного мастера, который окрашивал материал. В XIX в. портные иногда тоже ходили маленькими артелями по трое-четверо, особенно если отправлялись далеко.

Создание артелей у бондарей диктовалось проблемой обеспечения и доставки к месту материала. Заготовить заранее древесину поодиночке было не под силу, поэтому артель формировалась задолго до ухода на заработки. Но поскольку бондари, так же как плотники или овчинники, уходили из года в год, то артели становились постоянными неформальными организациями крестьян. В первой половине XIX в. часть бондарей после вскрытия реки и Ижевского озера отправлялись партиями с заготовленным сырьем — дубовой клепкой — в Казань, а оттуда по Волге в Астрахань и другие города. Другая часть добирались до места пешком, а заготовки или вещи везли на подводах. Краевед В.Д. Бакулин, дед которого занимался бондарством, писал, что к концу века зимой мужики объединялись в артели и приготовляли *трость* — бондарную клепку из дуба и обручи для бочек. «С Крещения до Масляной начинался и шел отъезд на путину. Подкармливали лошадей, готовили кибитки, нагружали их „струментом“ и провизией на две — на три недели. На одной повозке складывались пять-шесть человек, ехали шагом, присаживались на воза изредка, а больше шли пешком две-три недели

* «Путина», в данном случае, означает отход, отъезд из дома на работу. Дровосеки Парахинской вол., уходившие на промысел, тоже употребляли это слово.

Изготовление обручей для бочек и кадок. Рязанская губ. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Кузнец за работой. Рязанская губ. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

в Новочеркасск, Ростов, Таганрог и Одессу...» [81]. Свой промысел в Ижевском развили кузнецы, которые специализировались на изготовлении инструмента для бондарей и плотников. На окраине села подальше от домов располагалось 10 кузниц.

К концу XIX — началу XX в. богатые крестьяне-бондари из своих же ижевцев стали сами организовывать бондарное производство на местах потребления продукции. Они набирали односельчан в артели, численность которых доходила до 300 человек.

Артели бурлаков собирал приказчик или артельщик, которому хозяева давали деньги для раздачи задатка старым надежным бурлакам. Артельщик ездил по селам, подбирая новых работников, а старым, известным ему, зимой ссужал деньги в долг, заранее закрепляя их таким образом за хозяином. Часто артельщиком становился один из крестьян села, и, чтобы наняться в бурлаки, за новенького кто-нибудь должен был попросить и распить с артельщиком «косушку» водки. Договор оформляли в волостном правлении заранее, но если нанятый бурлак заболевал, то за него шел кто-нибудь из его родственников. Жалованье молодым и старым согласно *ряде* (договору) платили одинаковое, так как все были в одной лямке, но при расчете «хозяин старичкам-бурлакам, которые хорошо выполняли работу, прибавлял за усердную работу по рублю или по два денег, что считалось честью для бурлаков...» [82]. Среди бурлаков, работавших на судах, были более высоко оплачивавшиеся *водоливы* и самый низший класс — *сходочные* бурлаки. Кроме своих непосредственных обязанностей, на пристанях, где останавливалась их баржа, бурлаки нанимались разгружать и нагружать другие суда.

В отличие от бурлаков, плотники договаривались с подрядчиком «на совесть» и редко кто заключал письменный договор, брал расчетную книжку. Их часто неправильно рассчитывали или, придравшись к работе, платили меньше обещанного. Правда, как рассказывали жители куршацкого с. Малахово Клепиковского р-на, их мужики-плотники такие случаи пресекали самосудом, иногда очень жестоким.

Широкое распространение среди крестьян черноземных уездов во второй половине XIX в. получили торфяные работы. Во-первых, они не требовали умения, во-вторых, как объясняли в начале 1880-х гг. крестьяне с. Голожохово Раненбургского у., появилось много безлошадных и однолошадных, которые уже не могли, как раньше, наниматься к помещикам на поденные и сдельные работы, поэтому «если у одной лошади два работника, то один из них дома, а другой работник ходит на [торф]» [83]. Ходить туда было выгодно, так как там «деньги вперед дают, задаток порядочный „перекрыться“ им легче, а по копейкам-то на подати сбирать не больно ладно, да и хлеб здесь подорожал» [84], — говорили крестьяне. Задаток, полученный крестьянином от артельщика, выручал в тяжелый момент, но в то же время закабалял его.

Хотя еще М. Баранович отмечал, что «трудовая копейка, добытая в семье, всегда в ней остается, между тем как, зарабатывая на стороне, крестьянин редко приходит домой с деньгами, а очень часто возвращается ни с чем» [85], но отхожие заработки были значительно выше, чем местные, и тем привлекали все большее число крестьян. Годовой заработок ведерника составлял от 60 до 120 руб. «Походочный» заработок плотника, т.е. когда работали тремя сроками, возвращаясь домой, составлял в год 140–160 руб., а годовой — 160–200 руб. Работая на подрядчика, плотники имели возможность подработать на стороне в выходные и праздничные дни [86]. Мелкие артельные дольщики зарабатывали всегда больше, чем жившие у подрядчика. Мелкая артель всегда работала на себя, всегда сдельно и работала усерднее, иногда зарабатывая по 15 руб. на человека в неделю [87]. Впрочем, многое зависело от рыночной конъюнктуры и мастерства плотников, которое обычно оценивалось по тому, откуда родом были артельщики: высоко ценились егорьевские, кузьминские (с. Кузьминское Рязанского у.), касимовские, а среди последних — тумские (из с. Тума и окрестных селений) плотники. Заработок раненбургских плотников, например, был значительно ниже: за работу со Святой (Пасхальной) недели и до Филиппова заговенья (на Рождественский или Филипповский пост) с коротким возвращением на сенокос хорошему плотнику платили 70 руб., среднему — 55–60 руб., а «поплоше» — 40 руб. [88]. В основном плотники южных уездов — Данковского и Раненбургского — работали недалеко от дома.

Большие артели каменщиков брались строить церкви, заводы, усадьбы и запрашиваемая цена зависела от сложности и объема работ [89]. Небольшие артели строили крестьянские

избы. Денег вперед они не брали, но хозяева обязаны были кормить их, а по воскресеньям и праздникам поить водкой, иначе заказчик рисковал, «что изба его будет сложена без достаточного старания и усердия» [90]. На кладку избы уходила одна-две недели и стоило это 15–25 руб.

Результат работы бондарей во многом зависел от урожая, улова, добычи. Большинство их работали сдельно, и получали они больше, чем нанявшиеся на срок, обычно на год. Об этом свидетельствуют нижеприведенные цифры.

Таблица 2. Распределение зарплаты бондарей по видам найма и годам.

Годы	«Сроковые» за год	Сдельные за 6 месяцев
1890	150–200 руб.	100–300 руб.
1900	180–300	100–350
1910	200–350	250–400

Таблица 2 составлена по материалам рукописи: Мосалов И.А., Бакулин В.Д., Агурейкин С.А. К истории с. Ижевского Рязанской обл. Спасского р-на. Рукопись. 1972 // Музей К.Э. Циолковского в с. Ижевское. С. 121.

Заработок бурлаков за весь период навигации в среднем, по одним сведениям, составлял 78–80 руб., а по другим за три-четыре месяца бурлак зарабатывал от 100 до 150 руб. [91]. Красильщики за два сезона (за две ходки) зарабатывали от 200 до 400 руб., но бывало и так, что не зарабатывали ничего. Средний заработок (с задатком) на торфяных работах составлял 40–50 руб. [92]. В Китовской вол. Касимовского у. были портные, которые в год зарабатывали 70–75 руб., и подмастерья-подростки — 10–35 руб.

Как видно из этих цифр, заработки отходников разных специальностей значительно различались. В пересчете же на одну душу мужского населения все неземледельческие заработки в 1900 г. по Рязанской губ. составляли не более 9 руб. [93].

Бродячая или просто неустроенная жизнь, конечно же, была тяжела, особенно если продолжалась она не месяц или два, а полгода, год, а у некоторых этот период растягивался чуть ли не на всю жизнь, и связь с семьей поддерживалась короткими наездами домой на Пасху, Рождество и покос да деньгами и подарками, посылаемыми детям и жене. Мастера таких специальностей, как скорняки, портные, шерстобиты, обычно жили и питались у тех, кому выделывали овчины, валяли сапоги или полости, шили тулупы. Заказчикам это было удобнее и выгоднее, поскольку такие мастера брали дешевле, чем те, кто жил самостоятельно на своих харчах [94]. Некоторые арендовали баню или сарай, в которых не только работали, но и спали и бывали случаи, что и угорали. Трудились сутками, чтобы быстрее выполнить заказ и идти в следующий дом, в следующее селение, где была потребность в их услугах.

Ведерники, в основном выходцы из Сапожковского у. (особенно с. Канино) и отчасти из Ряжского у., ходили по селениям парами и чинили ведра, появившиеся в крестьянском обиходе с 1860-х гг. На больших рынках они покупали два-три листа железа, брали с собой четырехгранный лом, ножницы, молоток и замазку, сделанную ими. Ведерники шли от селения к селению, оповещая о своем приходе криком: «Нет ли ведер починять», и иногда уходили за сотни верст от дома. Починка ведра стоила 8–15 коп. Когда материал заканчивался, ведерники шли на ближайший базар и опять покупали железо. Продвигаясь по сельским дорогам, ведерник тащил на себе или вез на легкой двухколесной тележке два–три пуда железа. Бытовая неустроенность и плохая пища были следствием строжайшей экономии, чтобы, не дай бог, много не проесть из своего заработка. Ломоть хлеба и квас, а то и просто вода были повседневной пищей, а в праздник — водка да селедка и крынка молока. Современник отмечал, что в деревне и купить-то что-либо очень трудно: «В деревне накормят скорее „Христа ради“, чем продадут что-либо из съестного, особенно горячей пищи» [95].

Очень часто в случае, если отходники были на харчах подрядчика, то кормил он их впроголодь, а при расчете выставлял за содержание большие суммы. А поскольку подрядчик обычно давал часть денег вперед, уйти от него было нельзя. Хозяйские харчи в артелях плотников, как правило, состояли из каши, щей, фунта говядины из расчета на 10 человек, а в пост фунта

растительного масла и обязательного кваса [96]. Иногда с плотницкой артелью дольщиков ехала жена одного из них в качестве стряпухи, и тогда быт и питание были более налаженными [97].

«Рабочий день бондарей и кузнецов дома и на путине начинался в час ночи и продолжался от 15 и до 16 часов. На сон уделяли 5–6 часов» [98]; «это был для многих — труд каторжанина, отрешенного от семьи» [99], — писал В.Д. Бакулин. Рабочие, нанятые хозяином на срок, жили обычно на хозяйских харчах, а сдельные питались «от себя» (за свой счет). Жили в бараках, нанимали кухарку, скидываясь ей по 73 коп. в месяц, а иногда и уборщицу. У каждого хозяина бондарного промысла был свой кабачок, в котором после получки рабочие, пристрастные к алкоголю, пропивали заработанные деньги за один воскресный день [100]. Некоторые бондари, найдя хорошую работу, брали с собой семьи и обживались на новом месте, а свой надел сдавали в аренду за подати или с приплатой небольшой суммы деньгами.

Провиант бурлакам в пути (обычно соленую рыбу, хлеб) поставлял хозяин, а готовили еду во время остановок они сами. Бурлаки-коноводы вели суда вверх по рекам, при этом многие имели своих лошадей, и бывало, что в бурлаки подряжались далеко не бедные крестьяне, имевшие по 9–10 лошадей. Но большинство нанимались сходочными бурлаками — самыми низкооплачиваемыми, работавшими на судах и тянувшими лямку там, где лошадям было трудно пройти. В Рязанской губ. судоходство с помощью «тяглецов» практиковалось мало [101]. Обычно в лямке ходили те, кто нанимался за пределами губернии. Бурлачество было физически очень тяжелым промыслом и многие возвращались больными [102].

Такой же тяжелой была работа на торфе. Рабочие и работницы жили в бараках, на хозяйских харчах, за которые потом у них высчитывали из заработка, работали в холодной воде и грязи. Этот промысел очень вредно отражался на здоровье: «Многие из возвратившихся с торфяных работ, как говорят, — писал сотрудник Рязанской земской управы, обследовавший в начале 1880-х гг. с. Большая Карповка Раненбургского у., — нажили себе всякие болезни и больше ходить на работы не могут» [103]. И все больше в этот промысел втягивались девушки. В начале XX в. в Рязанском у. были селения, где все свободное от хозяйства женское население с 12 лет и до старости уходило на торф. Священник из с. Глебово Рязанского у. сообщал: «Уже подряд пять лет женщины в нашем селе за летние месяцы на разработке торфа получают по 48 рублей, а девочки и подростки по 3–4 рубля в месяц. Торфяная работа очень тяжелая, хуже каторжной, а для девочек и подростков прямо невыносимая. Но на нее идут очень охотно, ввиду хорошего заработка, не требующего знания, а только физической силы» [104]. Целью девушек была покупка новой шали, фабричной материи на передник, бисера, позумента и кожаных туфель или валенок, которые были доступны только состоятельным крестьянам.

Возвращение отходника в родную деревню после нескольких месяцев отсутствия всегда воспринималось им самим, его семьей и соседями как событие. Красильщики Касимовского у., имевшие в отходе самые высокие заработки, отличались особым пристрастием к куражу и свое возвращение обставляли как праздник: со станции железной дороги в Спас-Клепиках такой мужик нанимал тройку, да с колокольцами, проезжал деревни с гармошкой и песнями: как говорили в народе, «зело угобжался» [105]. Зато бурлаки, изрядно обтрепавшись за время, проведенное в лямке и на баржах, никогда не приходили домой засветло, чтобы никто из соседей не увидел их в таком виде. Они отсиживались где-нибудь за селом до темноты и только потом задами пробирались домой, чтобы на следующий день появиться перед сельчанами отмытыми и чисто одетыми [106].

«Новый синий кафтан, новые сапоги и шапка — лучшия доказательства его зимней деятельности, трудов и бережливости» [107], — писал в середине XIX в. В.В. Селиванов об отходнике, вернувшемся к весне с заработков. Стремление отходника «щегольнуть пред своими деревенскими товарищами по возвращении домой» отмечал и М. Баранович [108]. Но не редки были случаи, когда возвращавшегося домой крестьянина в пути обворовывали или он, забыв, каким трудом заработаны деньги, пропивался до нитки. А некоторые вели в Москве разгульную жизнь и приходили домой налегке с пустыми руками. В Ижевском до сих пор передают рассказ об одном таком непутевом мужике, который, вернувшись ни с чем домой и не зная, как ему предстать перед женой, из сеней, не проходя в горницу, крикнул ей: «Тебе что надо: молодца или золотца?» Жена сразу догадалась, о чем речь, и ответила: «Молодца, молодца».

Сельскохозяйственные промыслы

Сельскохозяйственные промыслы были распространены по всей Рязанской губ., но в Заочье они не были явлением массовым, как в южной черноземной части. Сельскохозяйственные промыслы также могли быть местными и отхожими.

В 1880-е гг. в Рязанской губ. было 18 920 батраков, нанимавшихся на год или какой-то период, и 4190 поденщиков, плата которым исчислялась по дням. По числу наемных сельскохозяйственных рабочих (батраков и поденщиков) лидировали Ряжский и Сапожковский уезды [109]. В Ряжском было развито табаководство, которое требовало большого числа рабочих рук. Много батраков было в Раненбургском и Скопинском уездах. Батрачество было более распространенной формой найма, чем поденщина.

Обычно с осени или зимой управляющие имениями нанимали на следующий сезон крестьян, раздавая «лошадным» деньги под заработок: под *гнездо, пару* или *круг*. Гнездо (пара, круг) — это две десятины: одна в озимом поле, другая в яровом. За их полную обработку, уборку и доставку на хозяйский двор урожая крестьянин получал 9–11 руб. (Рязанский у.). В случае выдачи задатка общая сумма оплаты труда была меньше, чем при найме в сезон [110]. Получая из года в год деньги вперед, крестьянин постоянно был должен помещику и из года в год отрабатывал эти деньги.

В южных уездах крупные землевладельцы нуждались в рабочих. В Раненбургском у. только в с. Зенкино человек 40 нанимались к помещику за 9 руб. обрабатывать круг [111]. Некоторые помещики соглашались отдать в аренду крестьянам землю или пастбища только при условии, что те наймутся к ним работать. В таком случае обработка одной десятины ржи стоила 8 руб., а овса — 6 руб. [112]. Батрак за летний период зарабатывал 25–35 руб., а если он нанимался на год, то от 30 до 60 руб. [113]. Обычно батрак жил на хозяйских харчах и нередко при найме еще что-нибудь себе выговаривал из верхней одежды [114]. Зимой труд таких наемных рабочих оплачивался дешевле, так как предложений было больше, чем летом.

Скрытой формой найма была отработка крестьянином взятого взаймы зимой у землевладельца хлеба. Крестьянин «„в благодарность“ должен сжать десятину ржи за каждую заемную четверть» [115].

К своим односельчанам идти в постоянные батраки крестьяне не любили. По словам современника, работая на своих, батрак чувствовал сильное давление, поэтому ему легче было смириться со своим ничтожным положением, работая на помещика, так как между последним и крестьянином всегда существовало неравенство. Но таких крестьянских хозяйств, где бы постоянно работали батраки, было мало. В промысловых селениях, вроде Ижевского, было принято нанимать батраков на год или какой-то период, если все мужчины семьи уходили на промыслы. В батраки в село приходили наниматься крестьяне Федотьевской вол. Спасского у. и Чучковской вол. Сапожковского у., из с. Лубяники Касимовского у.

В большинстве крестьянских хозяйств батрак был на положении члена семьи, питался за одним столом с хозяевами и получал еще жалованье и лапти. Сроки найма были от Рождества до Рождества или от Пасхи и до Пасхи. Заработок батрака в крестьянском хозяйстве Ижевского в 1860-е гг. был 30–40 руб., в 1880-е гг. — 35–60 руб., в 1890-е гг. от 60 до 100 руб. в год [116].

Вообще в самой системе найма работника крестьянским хозяйством было много разных нюансов, и далеко не всегда наем означал, что хозяйство зажиточное. Случалось, что работник оказывался зажиточнее нанимателя. Наняв батрака с лошадью или *задворного работника* (как говорили в южной части Рязанского у.), сам хозяин надела, не имевший лошади, шел в батраки к другому (обычно помещику), чтобы заработать на оплату задворного работника (10–15 руб. за надел на одну душу) и подати. Иногда, не имея средств на оплату вспашки участка, безлошадный хозяин сдавал его в аренду исполу, и в этом случае арендатор земли оказывался одновременно и наемным рабочим. Наем сельскохозяйственных рабочих довольно часто осуществлялся без денег, за часть урожая, которая шла рабочему в качестве оплаты.

Среди рязанских крестьян, особенно девушек, был распространен наем на работы на промышленные огороды в качестве батрачек. Такие огороды обычно были рядом с горо-

дами, и их продукция предназначалась для городского рынка. Вокруг Скопина, Ряжска были огороды предприимчивых мещан, купцов и помещиков, и женское население из окрестных селений нанималось батрачками с весны и до осени, проделывая за копейки ежедневно по 3–8 км туда и столько же обратно. Много народа уходили батраками на огороды в Московскую губ. Обычно нанимались со Святой и до Покрова (1 октября ст. ст.) или до заговенья на Филипповский пост. На огороды часто уходили женщины с мужьями и подростки, главным образом девушки 15–16 лет. Заработок взрослого составлял 40–60 руб. за сезон [117].

Наряду с батраками и поденщиками, в Рязанской губ. были крестьяне, нанимавшиеся на выполнение определенных операций в цепи сельскохозяйственного производства, требующих навыков и квалификации, а иногда даже специального оборудования. В середине XIX в. по селениям Зарайского у. осенью ходили крестьяне с *грохотами** — *подсевальщики*. С помощью грохота, который подвешивали на трех веревках, зерно очищали от сорных трав. Одни семена сорняков (тарицы, куколя) проскакивали через ячейки, а другие (семена головни) скруживали: кружили грохот и сорные семена собирались на поверхности к центру [118]. От подсевальщика требовалось определенное мастерство, чтобы сделать это быстро и качественно.

С 1860-х гг. в рязанских селениях появились молотилки. Это были приводимые в действие лошадьми машины, которые производились крестьянами Сапожковского у. и в нескольких селениях Ряжского у. Эти молотилки получили свое наименование «смыковки» по названию с. Смыкова, где их начали делать. Иногда конную молотилку покупало одно зажиточное хозяйство, но большею частью молотилка принадлежала артели крестьян. «Несколько крестьян соглашаются обыкновенно между собою приобрести молотилку, определяя при этом условия пользования ею. Каждый молотит свой хлеб в поле, не перевозя его на гумно, — сообщал корреспондент «Правительственного вестника». — Если пайщики успеют обмолотить свой хлеб, то молотилку пускают в заработки другим» [119]. Но вскоре стали возникать артели, которые приобретали молотилки специально для работы на стороне, а не в собственном хозяйстве. Владельцы молотилки начинали ездить с ней по своей губернии и в соседнюю Тамбовскую, в Область Войска Донского. Расценки на работу, по сообщению «Правительственного вестника», были низкие — 10 коп. за обмолот копны, провеивание зерна и укладывание соломы в омет [120]. Кроме молотилок, крестьяне-кустари Сапожковского у. производили шерстобитки, просорушки. В 1880-е гг. в с. Михеи Сапожковского у. 25 семей делали молотилки и ездили с ними в степь с июля по ноябрь; в с. Морозовы Борки три двора делали молотилки и шерстобитки, и еще пять домов ездили работали с ними, и пять дворов ездили с шерстобитками. В с. Новокрасная Слобода того же уезда молотилки делали 10 домов, нанимавших 10 рабочих, и еще 15 человек ездили с молотилками в степь. Из с. Покровское Ряжского у. 10 человек ездили с одной молотилкой и работали на ней [121]. В конце XIX в. — начале XX в. у зажиточных крестьян или нескольких соседей появились маслобойки, которые они устанавливали на усадьбе и били масло из конопляного и льняного семени. В с. Полтевы Пеньки обычно за эту работу брали жмыхом — *колобом*, который продавали потом на базаре на корм скоту.

К очень распространенным сельским промыслам относилось пастушество. В некоторых селениях из года в год в пастухи нанимались свои же односельчане, обычно беднота или увечные, но часто скот пасли пришлые. Свои пастухи могли питаться как дома, так и у людей, а пришлые — всегда у людей. Чистый заработок за лето составлял 15–25 руб. Если стадо большое, то пастух брал подпаска — родственника или мальчика за 2–3 руб. в сезон — и платил ему из своих денег.

В дер. Павлово и с. Бусаево Рязанского у. овец и свиней в начале XX в. пасли даже женщины, которых называли *пастушихами* [122]. В селах Глядково и Темгенево Елатомского у. (ныне Сасовский р-н) некоторые пастухи уходили пасти скот на Северный Кавказ. Отец нашей собеседницы из Темгенева до женитьбы уходил на Северный Кавказ и оттуда привозил деньги и топленое сало в бурдюках. Оттуда он первым в селе привез семена помидоров. Потом

* Грохот — большое сито с металлической сеткой.

стал пасти в Темгеневе и брал двух подпасков. Денег платили мало, в основном давали зерно, часть которого пастух продавал на базаре.

В с. Аграфенина Пустынь Рязанского у. большая часть мужского населения занималась пастушеством. Там насчитывалось до 300 пастухов. «Весной очень многие обитатели отправляются на отхожие промыслы: мужчины и мальчики-подростки обыкновенно идут в пастухи верст за 70–60. Молодые парни живут большею частью дома, приучаясь вести хозяйство. Девицы отправляются в Москву в сады, огороды в качестве чернорабочих и живут целое лето, исключительно для того, чтобы обрядить себя» [123], — писал корреспондент ОИРК об этом селе. Современные жители села так и говорят, что у них все были пастухи, и в округе их так и называли.

Часть крестьян в покосное время нанимались косцами в селения по Оке, где были хорошие луга. На покос в с. Белоомут Зарайского у. в конце XIX в. обычно приходили косцы из Пронского у. Они были известны своим мастерством и брали дешевле других. На покосе мужчина с лошадью мог заработать от 2 до 3 руб. в сутки, без лошади, работая косцом — от 1 до 2 руб. Женщины и девушки, ворошившие и сгребавшие сено, в сутки зарабатывали 15–50 коп., а дети 11–12 лет за то, что возили копны к стогу, получали 10–25 коп. [124]. В с. Ловцы ежегодно во второй половине XIX в. на две недели или месяц артелями приходили жители с. Колыбельское Раненбургского у. Они брали круг — 100 саж. в длину и 100 в ширину — и подряжались скосить и убрать сено за 15 руб. Заработок по крестьянским меркам был не плохой [125]. Однако многие предпочитали получить за работу сено.

В соседнем с. Дединово, у кого не было своих косцов, нанимали пришлых. Крестьяне, желавшие наняться, останавливались на берегу Оки, устраивали настоящий табор, варили себе обед на кострах [126]. Потом, когда их нанимали, перебирались в луга, ставили там шалаши. Ту же самую картину можно было наблюдать около Ижевского: «В начале июня в Ижевское съезжалось несколько сот издольщиков. Обычно в это время можно было видеть на восточном берегу озера повозки — двухколесные (одры), стреноженных лошадей, а вечером костры, на которых готовился незатейливый ужин или кипятилась вода для чая». Возле костров собирались группы крестьян, приехавших снимать сенокосы, они обсуждали результаты дневных поисков и условия, на которых подрядились косить. Одни сняли исполу, другие за $^1/_3$ или за $^1/_4$ урожая трав. Выгодность или невыгодность становилась понятна только по окончании работы, так как трава на разных участках была разной. Косцы «приезжали в ижевские луга семейным порядком: два-три косца-мужчины, одна-две женщины-сгребальщицы и один-два мальчика — копенника и уборщика лошадей, которых у такого табора было от шести до восьми штук вместе с жеребятами. Убранное сено они валяли на три равных стога: два хозяину и третий себе за уборку. В те годы Ижевская волость убирала своими силами не более половины заливных лугов, другая половина убиралась из доли *пополамщиками*...» [127]. Пополамщики или издольщики приходили из сел Федотьево, Новики, Орехово, Песочня, Боровое Спасского у., из с. Лубяники Касимовского у. и селений Чучково и Уша Сапожковского у. Одни нанимались и брали сено для своего скота, а другие сразу же везли его продавать.

В 1915 г. жители Дединова на сенокос нанимали как косцов, так и сенокосилки. За сенокосилку они платили 10–12 руб. за десятину, а косцам за ручную работу до 13 руб. за десятину. Поденная работа женщин и детей оплачивалась в 70 коп и до 1 руб. в день. Тем, кто метал сено в стога, платили от 5 до 7 руб. в день [128]. В Белоомуте на сенокосе в 1915 г. мужчина с лошадью получал в день 3 руб. — 3 руб. 50 коп., метальщик сена (без лошади) — 2 руб., косец в день — 3 руб. Гребчиха сена в день получала 50–60 коп. [129].

Занимаясь сельскохозяйственными промыслами, крестьяне выполняли хорошо знакомую и привычную работу, которая не оказывала на их жизненный уклад такого сильного влияния, как несельскохозяйственные промыслы. Подработка в чужом хозяйстве позволяла решить какие-то проблемы собственного хозяйства, но часто заработок поступал в натуральном выражении, и крестьянину приходилось часть его реализовывать на рынке, кроме того, обычно он был значительно ниже, чем заработок, полученный в результате несельскохозяйственной промысловой деятельности.

Влияние промысловой деятельности на крестьянский уклад

Судя по свидетельствам современников, в конце XVIII и в первой половине XIX в. промыслы в основном играли роль придатка к земледелию, источника, из которого крестьяне черпали дополнительные средства, чтобы вложить их в свое хозяйство, поправить его, если оно оказалось расстроено, или содержать его на должном уровне. Современник, изучавший промыслы государственных крестьян Рязанской губ., отметил в 1840-е гг., что у крестьян северной части, несмотря на бесплодные почвы, «нет примера, чтобы селение бросило свою землю». Наоборот, поля обрабатывались тщательно, «даже с большим старанием, нежели в плодородных уездах» [130]. В конце 1850-х гг. М. Баранович, описывая бурлачество, также подчеркнул, что промысел поддерживал «благосостояние значительной массы населения», и земледелие не страдало, так как в семьях всегда оставалось «достаточное число рабочих» [131].

Осознание своего предназначения сохранялось у большинства крестьян и в начале XX в., и свои занятия промыслами они воспринимали как нечто временное, характеризуя сложившуюся ситуацию следующим образом: «От сохи на время» [132]. Однако у части крестьян, из года в год не занимавшихся или почти не занимавшихся земледелием, связь с землей постепенно ослабевала, и заботы о ней уже не имели той первостепенной важности, как раньше, изменялись взгляды человека на мир и свое место в нем.

После крестьянской реформы на заработки уходили не только члены экономически слабых семей. Вполне состоятельные и даже зажиточные семьи отправляли лишние рабочие руки (и лишние рты) на заработки в Москву и Петербург [133]. Практика отходничества становилась все более массовой, а из хозяйств с одно-двухдушными наделами в отход пошли уже не лишние, а даже единственные в семье работники, оставляя хозяйство на жену. «С 15-ти и до 50 лет мужчина являлся только гостем в своем доме, приходя „на межень“ (с Петрова дня 29 июня и до Успенья), Рождество, на Пасху. Более зажиточные иногда оставались дома на „мясоед“, но с наступлением Великого поста, кроме баб да стариков, никого, бывало, не встретишь в деревне» [134], — писала краевед Л.П. Чекина о населении Мещёры. Впрочем, из этой части губернии всегда был большой отток населения, и, возможно, кто-то сочтет, что ссылка на Мещёру не убедительна. Но в таком случае стоит прислушаться к суждению сотрудника Рязанской земской управы, проводившего в 1887 г. обследование нескольких сельских обществ с. Большая Карповка Раненбургского у. В одном обществе он отметил, что на торф часто со двора уходили все, кроме баб, нанимавших работника для обработки земли; а в другом обществе: «В доме редко остаются два работника; даже если есть мальчик лет 14-ти, кроме работника, то последний уходит, пашет мальчик» [135]. По замечанию этого же сотрудника, нанятый работник так не старался обработать землю, как если бы это делал сам хозяин, поэтому и урожаи становились хуже.

В Зимаровской вол. (с позже соединившейся с ней Благовской вол.) Раненбургского у. в 1875 г. зафиксирован 121 отходник. В 1897 г. там было взято 540 паспортов, в 1900 г. — 581, а в 1901 г. — 707 [136]. Это $^1/_5$–$^1/_6$ всего взрослого населения волости. Добывание денег вне своего крестьянского хозяйства в 1880-е гг. стало явлением обычным для крестьян всех частей Рязанского края, и в масштабах всей губернии этот процесс был еще более впечатляющим. В 1844 г. по губернии насчитывалось 2846 крестьян-отходников, в 1857 г. их число возросло до 47 187 [137]. В 1887 г. по всей губернии отходникам было выдано 267 512 паспортов, а на рубеже XIX и XX вв. ежегодно крестьяне брали до 300 тыс. паспортов [138]. По данным В.П. Семенова, среди среднерусских черноземных областей по отходничеству Рязанская губ. стояла на первом месте, а за ней шли Тульская, Тамбовская, Пензенская, Орловская [139]. В 1916 г. исследователь отхожих промыслов в Рязанской губ. М. Гауэнер писал, что «трудно встретить взрослого крестьянина, который, по крайней мере, раз в год, хотя бы на короткий срок, не отправлялся на отхожий промысел» [140]. Возможно, поток отходников был бы еще больше, если бы промышленность развивалась быстрее и могла тут же поглощать всех желающих. В 1910-е гг. крестьянин из Егорьевского у. так и написал: «Все бы ушли, да не берут» [141]. Увеличение числа отходников по губернии служит наглядным свидетельством кризиса полуфеодальной системы хозяйства и

быстро набиравшего силу процесса раскрестьянивания. Промыслы, с одной стороны, поддерживали хозяйство, не обеспеченное должным количеством земли и скота, а с другой, подрывали его, причем не только экономическую, но и его духовную основу.

Процесс отрыва от земли был характерен, хотя и в меньшей степени, также для тех, кто занимался промысловой деятельностью на месте. В Зарайском у. в 1840-е гг. ткачеством круглый год занимались 1510 человек, исключительно в зимнее (свободное от полевых работ) время всего 20 человек [142]. Посетившая дер. Алексеево Касимовского у. А. Поповская писала в 1912 г., что земледелием там занимались почти исключительно женщины, мужчины же участвовали в покосе и молотьбе, ненадолго отрываясь от своих ткацких станов, и делала вывод: «Земля мало интересует алексеевских крестьян, так как слишком мало они от нее пользуются» [143]. Но ведь и в 1840-е гг. земля Заочья не была щедрой к земледельцу, а поля обрабатывались тщательно, как отмечал современник, значит, что-то изменилось не в земле, а в отношении земледельцев к ней.

Алексеевские крестьяне не были каким-то исключительным случаем. Аналогичным примером могут служить портные с. Беломут Зарайского у. В 1910 г. 306 дворов и, соответственно, семей этого селения (из 1105 дворов) занимались портновским промыслом. Из них у 53,6% по разным причинам (отделившиеся от семей, пришлые, отказавшиеся от надела) не было земельного надела*, а 38% не имели коров. «Покосом, заготовкой дров, огородничеством большинство портных не занимается и все время сидит за „томительной, надоедливой работой“» [144], — писала исследователь этого промысла Е.А. Олюнина, т.е. эти жители Белоомута уже только формально принадлежали к крестьянскому сословию. Многие крестьяне пригородных слобод г. Раненбурга свою землю, в том числе четвертную, сдавали в аренду, а сами занимались промыслами [145]. В меньшей степени отрывали от земли сельскохозяйственные промыслы, в особенности если они были местными.

Совершенно закономерно, что если интересы части крестьян лежали вне сферы крестьянского хозяйства, то происходило и изменение в их мировоззрении. Жизненный и хозяйственный опыт прошлых поколений, представавший перед земледельцем «в императивной форме обычая и традиции» (см. с. 91), утрачивал свою императивность. Открывался путь для пересмотра всего багажа знаний и представлений, доставшегося от предков и многие столетия передававшегося почти в неизменном виде.

Промысловые крестьяне были несравненно более тесно связаны с рынком, с городом и, как отмечал еще в 1840-е гг. автор очерка о промыслах государственных крестьян Заочья, «довольства у них гораздо более, нежели у крестьян многоземельных селений южных уездов» [146]. Имея больше средств, они могли в большей степени удовлетворять свои возросшие личные потребности. Наиболее ярким примером может служить с. Дединово. Его жители, не имея хлебопашества, «кормились» с торгов, подрядов и рыбной ловли, которую вели от Коломны до Новгорода (Нижнего), закупая рыбу по всем ватагам, ходили на стругах в работы по р. Оке, продавали сено. Они, по замечанию автора «Топографического описания Рязанского наместничества», «на деревенских жителей совсем не похожи, а более походят на городских торговых людей» [147]. В.В. Селиванов обратил внимание, что в промышленных заокских селах «некоторые крестьянские дома имеют вид совершенно городских построек» [148]. Следом за ним М. Баранович отметил, что в Динове, Любичах, Белоомуте, а также Кузьминском, Вышгороде, Ижевском «промышленные жители этих сел отличаются в домашней жизни склонностью к обычаям, принятым горожанами» [149].

В селениях, жители которых занимались отхожими промыслами, более высокий уровень благосостояния проявлялся и в переходе на одежду, сшитую из фабричных материалов, в отказе от ношения лаптей. Пожив в городе, отходники перенимали городские вкусы. На рубеже XIX–XX вв. О.П. Семенова-Тян-Шанская обратила внимание, что пределом мечтаний крестьянского парня было возвращение домой «„московским чистяком“, в жилете,

* В с. Белоомут, хотя и мало, но все-таки сеяли яровые, а большая часть душевой надельной земли была занята лугами, сено с которых белоомутские крестьяне продавали.

„пиджаке“, калошах и даже брюках», хотя раньше «костюм парней не имел такого значения, как теперь…». Собственно, молодежь обоих полов и рвалась на заработки именно потому, что в деревне стали обращать большое внимание на костюм, и девкам, по словам Семеновой-Тян-Шанской, нравились парни в жилетке и пиджаке, в сапогах бутылками [150]. Молодежь в семьях портных из Белоомута, особенно девицы, очень следили за одеждой и считали необходимым к замужеству иметь ротонду на меху, пальто, саки ватные и летние. Эти семьи питались скудно, но много тратили на одежду [151].

Интерьер жилища семьи портного. Зарайский у., с. Белоомут. Фото 1914 г. (Из кн.: *Олюнина Е.А.* Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губ. М., 1914)

Корреспондент ОИРК из Пронского у. отмечал, что, когда после голода 1891 г. молодежь ушла на заработки в города, в пронской деревне появились каменные дома, городские наряды и самовары, а житель с. Шарик Шацкого у. вспоминал, что после того как его односельчане-овчинники стали ездить по железной дороге в Сибирь, «стал изменяться и облик деревни»: самотканые холщовые изделия сменились покупными, появилась кожаная обувь, но главное — появились плуги [152]. Даже в небогатых домах портных Белоомута обстановка скорее напоминала городскую мещанскую, чем крестьянскую.

Занятие промыслами сказывалось не только на благосостоянии, но и на уровне грамотности: в северных промышленно-промысловых уездах, где связь с городом была теснее, процент грамотных среди населения был выше, чем в южных: в Зарайском у. 48,6%, в Рязанском 43,5%, Касимовском 39,9%, Спас-Клепиковском 38%; в южных — Скопинском 28,3%, Раненбургском 28% [153].

М. Баранович попытался обрисовать образ «промышленника» Заочья: «боек, словоохотлив, сметлив и удал; любит щегольнуть своей одеждой, речью и занятием; заботится об удобствах в жилище и в пище; наряжает свою жену…» [154]. Это то, что сразу бросалось в глаза. Баранович отметил и негативные черты: «промышленник» усваивает несвойственные крестьянству плохие привычки, отвыкает от семьи, часто превращается в безнравственного типа. Неизвестный автор, скрывшийся под инициалами Н.Ч., писал о вредном влиянии на народную нравственность городской, фабричной и заводской жизни, пожив которой отходник приносил к себе в деревню «долю дурного влияния» [155]. Рассказы вернувшихся о московском довольстве [«жалованье там большое и ходят (одеваются) там хорошо и всего там много, чай, питье, еда не такие как в деревне» [156]] увлекали простодушных людей, и им хотелось приобщиться к этой необыкновенной, «легкой» городской жизни, а не копаться всю жизнь в земле, и, возможно, в этом желании не последнюю роль играло то обстоятельство, что многочисленное крестьянство — основа Российского государства — находилось в самом низу социальной лестницы и у все большего числа его представителей появлялось желание подняться хотя бы на ступеньку выше.

Гласный Раненбургского уездного земства, помещик Зимаровской вол. Н.С. Волконский, хорошо знавший жизнь крестьян, отметил, что в конце XIX — начале XX в. отходничество, прежде всего молодых людей, сказалось на строе крестьянской семьи и общественной жизни села. Хотя отходники вкладывали свои деньги в хозяйство, но со временем они начинали смотреть на свои заработки как на «нечто такое, что принадлежит им одним и прочим членам семьи принадлежать не должно». Между ними и стариками возникали конфликты, и в результате «главные добытчики семьи» либо совсем уходили, либо начинали «верховодить по-своему» [157]. Основанную на общем труде семейную собственность разлагала собственность индивидуальная. И даже снохи, у которых сыновья работали по хозяйству и ходили на заработки, выражали недовольство тем, что их деньги шли на общие нужды, тогда как у других

снох дочери работали только на себя (на приданое) [158]. И это недовольство заканчивалось семейными разделами. В с. Сельцы Рязанского у. в начале 1900-х гг. в семьях портных нежелание молодых жить со стариками привело к тому, что были случаи, когда общество заставляло отделившихся сыновей «платить престарелым отцам определенную сумму денег» [159]. Отходники, не бывавшие дома по несколько лет, часто совершенно отбивались от семьи. Но и женщины — их жены, выполнявшие по хозяйству мужскую работу или сами уходившие на заработки, получали бóльшую, чем это было принято в патриархальной крестьянской семье, самостоятельность, хотя преувеличивать ее тоже не стоит. Безусловно, нельзя ставить в прямую зависимость количество выданных населению паспортов и количество семейных разделов, так как все было значительно сложнее, но связь между тем и другим все же просматривается: среди губерний европейской России Рязанская губ. лидировала как по числу выданных паспортов, так и по числу разделов на 1 тыс. жителей [160].

Если в селении оказывалось несколько семей, где верховодили «добытчики», то это сказывалось и на деятельности схода. Патриархальные взгляды земледельца, по словам Н.С. Волконского, не находили «отклика в воззрениях бойкого добывальца нового времени» [161]. Житель с. Ижевское и краевед В.Д. Бакулин считал, что именно сильно развившийся отхожий промысел уничтожил в 1870-е гг. ижевскую самоуправляющуюся общину, так как интересы жителей села на стороне перевесили интересы «домашние» [162]. Устраиваясь на новых местах, ижевцы-отходники начали продавать свои наделы, закрепленные в собственность, и тем самым развалили общину.

Все негативные последствия промысловой деятельности, прежде всего отхожих промыслов, осознавались старшим поколением, которое пыталось хотя бы как-то приостановить этот процесс. В южной части края к 1880-м гг. отходничество стало уже совершенно привычным, заурядным явлением, но в зажиточных селениях, как, например, с. Пиковы Рясы Раненбургского у, где было мало безлошадных, «сторонний заработок» был «в особенном непочете» и из зажиточных семей никто не уходил [163].

Степень развития промысловой деятельности была показателем уровня экономической деградации традиционного крестьянского хозяйства, которое было уже не в состоянии функционировать за счет имевшихся производительных сил. Промыслы, в конечном счете, изнутри подрывали крестьянский уклад, весь строй крестьянской жизни, вовлекая крестьянство в капиталистические товарно-денежные отношения, разрушая патриархальную семью, расширяя кругозор сельских жителей и формируя у них новые запросы и представления, характерные для иных социальных слоев, прежде всего городских. Смена социального статуса крестьянина и его превращение в рабочего (даже если формально он оставался приписанным к какому-то сельскому обществу) часто были итогом его занятий промыслами. Отходничество было самой прямой и торной дорогой процесса раскрестьянивания.

ПРОМЫСЛЫ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Промысловая деятельность рязанского крестьянства продолжалась и в советский период. Она претерпела существенные изменения, хотя в целом сохранялось традиционное распределение промыслов по природно-географическим зонам, и существовала преемственность между теми промыслами, которые были в данной местности до революции, и теми, которыми продолжали заниматься в Рязанском крае после 1917 г. На протяжении XX в. одни промыслы исчезали, другие возникали, но в целом шел процесс угасания этого вида крестьянской деятельности.

Первая мировая война, а затем революция и разруха очень негативно отразились на промыслах. Были нарушены, а то и просто разрушены сложившиеся и отлаженные хозяйственно-организационные механизмы: возникли большие трудности с сырьем и проблемы с транспортом, отсутствовала твердая валюта, были национализированы промышленные предприятия, от которых кустари получали работу и сырье. Подавляющее большинство

крестьян-отходников, до этого по нескольку лет работавших на фабриках и заводах, вернулись в родные деревни. Оживление промысловой деятельности началось после окончания гражданской войны, когда страна стала преодолевать разруху, и особенно после перехода к новой экономической политике (НЭП)*. Главной причиной возобновления промыслов являлось сохранявшееся малоземелье. Не имея возможности увеличить получаемый от земли доход, крестьяне опять уходили на сторону в поисках заработка или искали подработку на месте.

После коллективизации крестьяне, как и прежде, получали продукт в натуральном выражении, причем только в конце года, и количество его было недостаточно для проживания семьи, поэтому проблема поиска сторонних источников для пополнения скудного бюджета колхозного крестьянина оставалась острой до середины 1950-х — начала 1960-х гг.

Местные промыслы. Осенью 1925 г. было проведено сплошное обследование кустарной промышленности Рязанской губ. Оно показало, что кустарные промыслы оставались преимущественно сельскими: в сельской местности проживали 95,4% всех кустарей губернии. Промыслами занимались 39% крестьянских хозяйств, причем это только учтенные кустари[164].

Правительство пыталось направить кустарную деятельность крестьян на путь кооперации в форме артелей, которые от дореволюционных отличались полугосударственным характером. Государство, вместо хозяев предприятий и торговцев, выдавало кустарям сырье и забирало на реализацию их продукцию или часть ее. В 1923 г. больше всего артелями в Рязанской губ. были охвачены промыслы по обработке дерева (200 артелей и 52 240 человек)[165]. Поскольку лапти оставались самым распространенным видом обуви и в них в 1920-е гг. была обута часть Красной Армии, очень много возникло артелей лапотников, так как в этом случае было легче получить сырье и даже государственные заказы. Широкое распространение, особенно в пойменных районах, получили молочные артели. Артельщики сел Дубровка и Свинчус Касимовского у., например, скупали у населения молоко, делали масло и сыр и продавали в Москве и Рязани[166]. Создавались артели пимокатов, сетевязальные, рогожно-кулечные и др.

Однако в 1920-е гг. параллельно с артелями существовали и традиционные формы организации промыслов. Скупщики оставались в тех отраслях кустарного производства, которые были ориентированы на выпуск потребительской продукции для населения. Часто в одном селении были и кооперированные кустари, и кустари, работавшие сами по себе, и работавшие на торговцев.

Главной проблемой было добывание сырья и сбыт продукции. Иногда крестьянам удавалось купить его через посредников или купить бракованное сырье на фабриках. Несмотря на всевозможные законы, пресекавшие нетрудовую деятельность, торговки и скупщики, занимавшиеся скупкой продукции кустарей и ее последующей перепродажей, окончательно исчезли только к середине — концу 1950-х гг. вместе с промыслами, когда в продаже появились промышленные товары.

В 1930-е гг. подавляющее большинство кустарей вошли в кооперативы. Те, кто пытался работать индивидуально, были обложены очень большими налогами. По этой причине многие просто отказались от своих занятий. Некоторые продолжали работать нелегально. К концу 1930-х гг. и в войну большинство артелей было закрыто или перепрофилировано на выпуск необходимой стране продукции. И только отдельные объединения кустарей просуществовали до 1980-х гг.

Многие артели по своей организации повторяли тип мануфактуры: простейшие станки, поставленные в одном помещении, при этом часть операций выполнялась на стороне надомницами. В Морозовых Борках Сапожковского р-на до 1954 г. была ткацкая артель, расположенная в специальном помещении, где на станках женщины целый день ткали дорожки, ковры, полотенца. А на дом другим женщинам давали разматывать нитки. В с. Меньшие

* Новая экономическая политика принята X съездом РКП (б) весной 1921 г. Она заключалась в отмене продразверстки и замене его с осени 1921 г. продовольственным налогом, в допущении различных форм собственности, частного предпринимательства и рыночных отношений. Сворачивание НЭПа началось в конце 1920-х гг.

Валяльщик валенок. Рязань, пос. Мирный. Фото Е.Н. Каширина 1986 г.

Можары Сараевского р-на в это же время (с 1933 г.) работала такая же швейная и ткацкая артель. Те, кто числились в ней официально и работали в цеху, в колхозе не состояли. Передовики можаровской артели получали по 200–300 руб. в месяц, а мера картофеля в 1950-е гг. стоила 100 руб. Из артели раздавали по окрестным селениям на дом вышивать уже сшитые рубахи-украинки, платили сдельно.

Валянием валенок занимались очень многие сельские жители Клепиковского р-на. До и после войны во многих селениях были артели. После их закрытия промысел продолжал существовать как индивидуальная кустарная деятельность. Валяльщики работали на заказ и на рынок. Поскольку приблизительно до 1970-х гг. валенки были основным видом зимней обуви в сельской местности, то этот промысел был распространен повсеместно. Постепенно кожаная теплая обувь начала вытеснять валяную.

В селениях по Оке в 1930-е гг. были созданы артели, занимавшиеся изготовлением из тальника корзин: кошелок для кормления скота, торфушек (для торфоразработок), санных кошелок и даже легкой мебели. Центрами лозоплетения были Рязанская, Касимовская, Ловецкая, Ерахтурская, Пителинская волости. Только в Рыковой Слободе 300 дворов плели изделия из тальника. В с. Льгово Рязанского р-на часть артельщиков все лето жили на островах на Оке,

Плетение вершей для лова рыбы. Спасский р-н, с. Ижевское. Фото Е.Н. Каширина 1965 г.

заготовляя лыко. Ввиду наличия дарового сырья и простоты изготовления, корзиноплетение стало промыслом для многих некооперированных кустарей. И очень часто занимались им не мужчины, как раньше, а женщины. Спрос на эту продукцию был, так как корзины всегда были нужны в хозяйстве. В с. Ижевское Спасского р-на еще в 1960-е гг. некоторые семьи плели на продажу верши для рыбной ловли. Жителей с. Старый Кадом Кадомского р-на окрестное население называло «кошелочниками», так как все село до начала 1990-х гг. плело кошелки (корзинки) и возило продавать свою продукцию в Ермишь, где их хорошо брали садоводы. Жительница с. Петрово Ряжского р-на после войны, глядя на соседей, сама научилась плести корзины, «несушки» (гнезда) для кур, гнезда для гусей, кормовые кошелки для скота и ходила пешком за 7 км продавать их в Ряжске. Тем и жила. Плетением корзин на продажу или по заказу животноводческих ферм в начале 2000-х гг. еще занимаются в дер. Кочемары Касимовского р-на. Практически в каждом селении есть человек, который может сплести корзину по просьбе односельчан. В 2006 г. это стоило 30–40 руб.

Специалист по изготовлению корзин. Клепиковский р-н, с. Малахово. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Плетеные из лозняка «гнезда» для кур-несушек. Ряжский р-н, с. Петрово. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Кооперированный рогожно-кулечный промысел долго сохранялся в Мосолове (бывш. Спасского у.). В старообрядческих Александровских Выселках Путятинского р-на в 1940–1950-е гг. и даже в начале 1960-х гг. многие семьи еще ткали кули из лыка, использовавшиеся в качестве тары для соли, рыбы, и сдавали их в Шилово.

Сетевязальный промысел, широко распространенный в Касимовском у., продолжал существовать и в 1930-е гг. Головная контора была в Касимове. В войну члены артели чинили сети, потом ее участницы начали вязать кофты из хлопчатобумажной пряжи. После войны большинство этих артелей прекратили существование. Сети до конца 1940-х гг. вязали все девушки дер. Фролово Клепиковского р-на. Сетевязальный промысел долго процветал в Киструсе. Это было традиционное для этих мест женское занятие. В 1930-е гг. из неорганизованных кустарей была создана артель. Она состояла из надомниц, которым выдавали нитки и расчетную книжку, а немудреный инструмент — вилка — у каждой был свой. Рядом с Киструсом расположено с. Ужалье, известное своими рыболовецкими артелями, да и в других селениях по Оке было много рыбаков. Но в самом Ужалье сетевязальный промысел был развит значительно слабее. Киструс обслуживал их потребности в снастях. С сокращением рыболовства на Оке от изготовления бредней перешли к мешкам для картофеля, потом — хозяйственным авоськам.

До конца 1950-х — начала 1960-х в Рязанской обл. существовал крестьянский кустарный гончарный промысел. В Скопине гончарство стало отраслью промышленного производства, но как промысел оно существовало в Шацком, Касимовском и Сапожковском

а)

б)

в)

Изделия гончаров: а) барыни. 1990-е гг., б) канунник. 1960-е гг. Сапожковский р-н, дер. Александро-Прасковинка; в) глиняный умывальник. Касимовский у. Начало XX в. (Касимовский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2003, 2006 гг.

районах, где им занимались и до революции. В Сапожковском р-не в с. Морозовы Борки после войны гончарным промыслом почти прекратили заниматься, но некоторые еще какое-то время делали кирпич, и дома в селе построены из своего кирпича. До войны в рядом расположенной дер. Александро-Прасковинка недолго работал горшечный завод, но дело не пошло и он закрылся, а население Александро-Прасковинки продолжало, как и до революции, изготовлять посуду, свистульки и куколбарынь, коней, медвежат, выделывать дымоходы. На Покров в тех краях традиционно устраивали свадьбы, и гончары старались к этому времени наделать тарелок, потому что на свадьбах было принято подавать гостям не из одной миски, а «кусковое» — в отдельных тарелках, а в магазинах посуды не было. В тех семьях, где были мужчины, почти все делали горшки, хотя в войну гончарным промыслом занимались женщины. Горнов на все село было три, каждый вместимостью в 400 штук. Их сооружали сообща и обжигали по очереди или несколько гончаров совместно.

Глиняную посуду из Александро-Прасковинки на маленьких тележках-одёриках, рассчитанных на 100 горшков, сами гончары и члены их семей возили на дальние расстояния: за 25–35 км в Сараи, Ухолово, в Тамбовскую обл. в Юрьево (80 км). В Тамбовской обл. держали много коров и там хорошо брали крынки для молока. Продавали изделия за деньги, но могли обменять и на продукты. Возили в Песочное, где был крахмальный завод, и там меняли у рабочих свои изделия на мезгу (отходы крахмального производства) для скота. В 1950-е гг. в колхозе за плату стали давать лошадь, потом машину. У всех уже были места, куда ездили из года в год, и знакомые, у кого ночевали. За ночлег и хранение горшков обычно платили деньгами. Все гончары работали в колхозе.

Лучшим, по общему признанию, мастером был Кондрашов Тимофей Андреевич (1913 г. рождения) или по уличному — дядя Тимоха. Тимофей Андреевич, кроме посуды, горшков под

цветы и дымоходов, делал барынь и продавал их с присказкой: «Барыня с перебором, ночевала под забором». С этих игрушек он и начинал мальчишкой свою промысловую деятельность: наделал барынь и свистулек, продали, и мать купила ему рубаху из фабричного материала. По словам Т.А. Кондрашова, нужда заставляла делать горшки: «Трудодни были, палочки запишут, а дети? Харчи надо. Горшками занимались», а побросали промысел, как стали в колхозе деньгами платить. Хотя это была не единственная причина: в конце 1950-х гг. упал спрос на глиняную посуду, так как в продаже появились кастрюли, фаянсовая посуда и многие стали пользоваться керогазами, потом — электроплитками; кроме того, по собственному признанию гончаров, промысел задавили налоги.

Известный гончар Т.А. Кондрашов. Сапожковский р-н, дер. Александро-Прасковинка. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

В советское время широкое распространение получил вязальный промысел, которым во многих селениях занималась женская часть населения. Они вязали на продажу носки, варежки, платки. В с. Шаморга Шацкого р-на при колхозах мужики перестали «уходить в овчины» и подработка легла на плечи женщин. Женщины не только вязали шерстяные изделия, но и ткали шерстяные онучи. Своего сырья не хватало, хотя все держали помногу овец, поэтому шерсть скупали в окрестных селениях. Продавали свою продукцию на базаре в с. Конобеево, а с онучами ездили в соседнюю Мордовию, где местное население очень долго в будни носило лапти.

Вязанием шерстяных платков в 1960-е гг. подрабатывали женщины с. Бычки Сараевского р-на. Платки возили в Москву и носили по домам, предлагая жильцам за 15 руб. А на вырученные деньги покупали московские продукты: баранки, батоны, колбасу. В с. Зимарово Новодеревенского р-на разводили тонкорунных овец и многие вязали кружевные платки — *вязанки* и продавали на рынках в Ряжске и Богоявленске (Тамбовская обл.).

В некоторых местах стихийно возникали нетрадиционные, новые для тех селений занятия. В дер. Акулово Клепиковского р-на в войну и после войны подрабатывали витьем веревок. Лен выращивал колхоз, и люди потихоньку ночью ходили дергать его, обрабатывали и делали веревки, которые возили продавать на базаре в с. Путятино, а оттуда везли домой зерно, муку. Даже мешки начали ткать на продажу из колхозного льна.

В 1960-е гг. в с. Льгово Рязанского р-на появился новый промысел: изготовление венков, предназначенных для украшения могил на Пасху. До войны несколько женщин этого села делали на продажу цветы из крашеной стружки для пасхальных куличей и икон. После войны, когда в рязанских селениях появился обычай носить на Пасху на кладбище венки из бумажных цветов и вешать их на кресты, льговцы начали делать такие венки. Летом жители села выращивали зелень, редис для Рязани, а зимой изготавливали венки. Этот промысел постепенно захватил почти все село. Закупали альбомы для рисования, которые прокрашивали в разные цвета, бочками покупали в Рязани парафин, заказывали на заводе формы для выбивания цветов и листьев. Производителей стало так много и продукцию выпускали в таком большом количестве, что рязанский рынок оказался переполнен, и некоторые начали возить венки в соседние области. В конце 1980-х гг. многие льговцы стали делать их из цветной фольги. Такие венки были удобны для перевозки. Предприимчивые кустари поехали по России, захватывая все новые рынки. Однако во второй половине 1990-х гг. на оптовых базах Москвы в большом количестве появились китайские искусственные цветы, которые не выгорали и не теряли вид

Жительница с. Льгово перед Пасхой торгует в Рязани цветами и венками. Фото С.А. Иниковой 2008 г.

от дождей. Льговский промысел начал быстро падать, но некоторые и в этой ситуации нашли выход и закупают оптом китайские цветы в Москве, а на месте делают венки к Пасхе и продают их в Рязани.

К числу местных промыслов надо отнести собирательство. Это занятие было традиционным для северной части края. В лесной части области в Касимовском и Клепиковском районах в советское время добывали в лесу живицу (пос. Семеновка, дер. Малый Мутор и др.), собирали грибы и ягоды. Информатор из дер. Фролово Клепиковского р-на вспоминала: «Мы жили, наша деревня, ягодами. Начинается весна, начинаются ягодки: земляника. Два дня за ягодами, с коровами встаем, на третий — на базар в Клепики идем. Начинали с земляники, клюквой кончали. Клюкву набирали, вот, Барская деревня, село, а вправо болото „Золотое дно“. Мы его так и называли. Клюква. Набирали мер по 20. Таскали, на чердак рассыпаем, а зиму на базар. Хранилась. Как суббота, день с ветерком, достаешь, провеиваешь из решета. Она заморозится и на рынок прямо в мешке». Возили и на рынок в Рязань по узкоколейке. Собирали чернику, ежевику, бруснику, голубику, грибы: «Это копеечки, но в колхозе-то палочки». В Малом Муторе Касимовского р-на было две грибоварни, и все сдавали грибы. И сейчас на дому два приемных пункта. Жители дер. Уляхино Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл. (бывшая Парахинская вол. Касимовского у.) с появлением в лесу ягод и грибов ходят за ними как на работу: одни сдают в приемные пункты, другие сами торгуют вдоль дорог или возят в Рязань. На продаже грибов специализируются селения, стоящие на трассе в Путятинском р-не. В хороший год продают на 20 тыс. руб.

До революции, как говорилось выше, крестьяне подрабатывали на помещичьих заводах, расположенных в имениях, или обслуживали их. Национализированные в годы революции чугунолитейные, стекольные, винокуренные, крахмальные, сушильные и прочие заводы возобновили свою работу в 1920-е — начале 1930-х гг. Как и раньше, часть окрестного населения работала на этих предприятиях, но теперь уже не периодически в свободное от земледельческих работ время, а постоянно, круглогодично, однако в семье обязательно один из супругов или кто-то из членов семьи был колхозником. Это правило соблюдалось повсеместно, иначе колхоз урезал усадьбу до 15 соток и, случалось, не позволял выгонять корову в общее стадо. На чугунолитейный завод в р.п. Лашма Касимовского р-на большая часть рабочих приходила из окрестных селений и даже с другого берега Оки из сел Ибердус, Тимохино, Гиблицы. В Ряжском р-не многие жители селений, расположенных вдоль железной дороги, например Петрово, Большая Алешня и др., работали железнодорожниками. В Скопинском р-не практически в каждом доме кто-нибудь работал в шахте: «Много народа на шахте. Как девка подрастает, так на шахту» (с. Секирино Скопинского р-на). В шахте платили за смену 4 руб., а в колхозе на трудодень давали всего 200–300 граммов зерна. Шахты одну за другой начали закрывать с 1970-х гг., по мере того как они вырабатывались. После открытия автоагрегатного завода около Скопина и стекольного в Скопине, силикатного завода около с. Корневое туда хлынул поток молодежи, которая влилась в ряды рабочих, продолжая жить в своих селах. По месту жительства они были сельчанами, а по месту работы — рабочими. Эта ситуация сохраняется и в начале 2000-х гг.

Занятие промыслами, как и раньше, меняло обычный крестьянский ритм жизни и весь уклад. В советское время труд крестьян-промысловиков был не менее, а может быть даже

еще более напряженным, чем до революции, так как советскому крестьянству приходилось совмещать промысловую деятельность с работой в колхозах и совхозах. Заниматься сетевязанием или валянием валенок, перепоручив земледельческую работу другому члену семьи, как это часто случалось раньше, было нельзя, потому что в советское время быть колхозником только формально, а заниматься чем-то другим было невозможно. Хотя кустарная артель не подчинялась правлению колхоза или руководству совхоза, колхозному крестьянину и совхозному рабочему могли запретить состоять в ней, если это ущемляло интересы коллективного или советского хозяйства. Жительницы Старого Киструса Спасского р-на вспоминали, что, если человек начинал безответственно относиться к основной работе, у него грозились отнять «книжку сетевязалинскую», т.е. членскую книжку сетевязальной артели. «Вот из-за книжки больше и работали, держались за это», — говорили они.

Для занятий кустарными промыслами обычно оставались вечер и ночь. Многие отказывались от этой работы именно потому, что просто не хватало сил, тем более что состоявшим в артели надо было тоже выполнять план, иначе их могли исключить. Информатор из Ижеславля вспоминал о своей матери, которая ночами сидела плела кружева: «Другой раз скажешь: „Мам, ложись спать“. — „Ох, милый сынок, мы все в долгу“». Работали в течение всего года, когда было время. Керосина не было, при «гасике» — фитильке, в полумраке. «Мне кружева всю горбяшку протерли», — говорила наша собеседница из дер. Николаевка Михайловского р-на, которая начала помогать матери плести кружева с 8 лет.

По словам жительниц Киструса пожилого и среднего возраста, хозяйственные авоськи вязали день и ночь. Все женщины работали в колхозе, а после его реорганизации в 1960-х гг. в совхозе, так даже в обеденный перерыв, в любую свободную минуту все вязали: «Женщина брала с собой на работу обвозить (обвязывать крючком. — *С.И.*) и вязать. Бывало вот за палец привяжуть, за ногу. Отдых и все сидять вяжуть. У нас вот этим жили… И у нас не было ни выходных, ни проходных. А зимой тут уже все собираются, сидики (посиделки. — *С.И.*) и все вяжуть». Точно так же протекала жизнь женщин и девушек с. Шаморга Шацкого р-на, вязавших на продажу носки. «Не ленися. Носки вывезешь, продашь. С работы придешь, опять за вязание берешься», — вспоминала жительница села послевоенные годы. Вся жизнь женщин Шаморги, как в начале века чулочниц Раненбурга (см. выше), проходила со спицами в руках.

Вечерами женщины и девушки собирались друг у друга и, когда все было переговорено, пели. В большие религиозные праздники все-таки не работали, и все нарядное женское население вываливало за ворота и в непривычной праздности проводило время на лавочках.

Семья крестьян-кустарей по-прежнему выступала как единый производственный коллектив, и доход был общим. В таких семьях дети очень рано начинали помогать взрослым. Наш собеседник из Ижеславля вспоминал, как в детстве ему хотелось побегать на улице, а он сидел и наматывал на коклюшки нитки. Вязанием сетей, а потом авосек, мешков под картофель в Новом и Старом Киструсе занимались все: от детей до глубоких старух, и даже мужчины в иных семьях брались помогать женам. На вопрос, обращенный к пожилой женщине из Киструса, во сколько лет она начала вязать сети, она со смехом ответила: «Я, наверно, только родилась и уж вязала. Наверное, в колыбке давали вязать». Это, конечно, шутка, но в 7 лет она уже вязала наравне со взрослыми. Дети Киструса в 1960–1970-е гг. летом не бегали по улицам и не играли в куклы: они собирались на улице или у кого-нибудь в доме и вязали авоськи. Выросшие дети, уехав в Рязань или другие города области, во время приездов к родителям брали работу с собой, чтобы помочь, и тоже сидели дома вязали сетки. Дети гончаров из Морозовых Борков Сапожковского р-на, по воспоминаниям жителей села, летом бегали как будто в высоких башмаках, так как глина, которую они месили ногами на полу избы, въедалась в кожу. В семьях жителей Льгова, которые делали венки к Пасхе, в 1980–1990-е гг. дети обязательно участвовали в изготовлении цветов. Их отпускали гулять после выполнения определенной нормы, а ближе к Пасхе школьные классы пустели, так как школьники вместе с родителями, которые брали перед праздником отпуска, сидели за работой, чтобы сделать побольше венков.

Безусловно, промыслы давали доход, но величина его зависела от многих обстоятельств. Гончарный промысел большого достатка не давал, но позволил школьному учителю из

с. Петрово Ряжского р-на, параллельно с основной работой занявшемуся изготовлением горшков, до войны купить гармонь, а после войны, когда был дефицит посуды, заработать на 50 пудов хлеба и себе на костюм. Пожилая женщина из с. Чернава Милославского р-на, по ночам валявшая валенки, с гордостью говорила, что благодаря этому промыслу ее четверо детей не собирали в поле мерзлую картошку, как другие. Промыслы давали крестьянам возможность заплатить налоги и купить муки, что-то из одежды. Доходность промыслов в 1950-е гг. и позже была значительно выше, чем до войны и в 1940-е гг., видимо, это стало результатом повышения покупательной способности сельского населения. В сетевязальной артели в 1970-е гг. выполнение нормы давало заработок в 105 руб. Это были большие деньги. Сетевязальный промысел и выращивание на продажу с 1960-х гг. лука позволили людям построить хорошие дома. «То тут у нас были такие хибарки плохонькие, а с 60-го, за 15 лет все село обновилось, и стали такие дома. И на сетках, и на луке, и на скотине», — говорила жительница Старого Киструса. В 1989 г., как рассказывала наша собеседница из Льгова, она выдавала дочь замуж и деньги от цветов в тот год, потраченные на приданое и свадьбу, составили 5 тыс. руб. В этом селе «на зелени и венках» жители построили очень хорошие дома и почти все семьи купили в те годы машины.

Исчезновение кустарных промыслов — это вполне закономерный процесс, который был предопределен улучшением экономического положения села, переходом на денежную оплату труда в колхозах, вследствие чего у людей отпала острая необходимость в побочных заработках. Кроме того, развитие промышленности и рост производства товаров массового потребления вытеснили с рынка кустарные изделия. Кустарное производство не соответствовало духу новой индустриальной эпохи, наступившей в сельском хозяйстве.

Отхожие промыслы. После гражданской войны и разрухи, по мере оживления экономической жизни в городах, особенно с середины 1920-х гг., в поисках заработка опять возобновился поток крестьян за пределы Рязанской губ. В числе отходников преобладали вообще не имевшие посева или с посевом до 0,1 дес., за ними следовали те, кто имел от 0,1 дес. до 2 дес. Чем больше был посев, тем больше работы было в своем хозяйстве и больший доход оно давало [167]. Несмотря на увеличение наделов, Побединская вол. Скопинского у., например, в 1920-е гг. не могла прокормиться своим хлебом даже в урожайный год. Корреспондент «Крестьянской газеты» из с. Петрушино этого же уезда сообщал в 1925 г., что крестьяне живут отхожими промыслами: 90% отходников уходят на торфоразработки, а остальные в Москву и на угольные рудники. На заработанные деньги крестьяне старались запастись хлебом [168]. Временем ухода на заработки более чем для половины крестьян (57,5%) был весенне-летний период, т.е. эта часть сельского населения не участвовала в земледельческих работах [169]. Бюджетные описания крестьянских хозяйств за 1925–1926 гг. показали, что в среднем каждый взрослый мужчина в год $^{1}/_{5}$ часть своего рабочего времени затрачивал на работу вне хозяйства. В бюджете крестьянского хозяйства в 1920-е гг. доход от отхожих промыслов составлял 53,5%. По числу отходников Рязанская губ. стояла на первом месте в СССР [170].

В организации отхожих промыслов в советское время произошли существенные изменения. Государство через комиссариаты (потом через министерства), ведомства и центры взяло на себя руководство вербовкой крестьян на работы в разных отраслях народного хозяйства. В 1925 г. руководство страны объявило о взятии курса на индустриализацию. Одно за другим начали открываться старые предприятия и появляться новые, вся страна превратилась в большую стройку. Деревня стала главным источником рабочей силы. Вербовщики ездили по селениям и набирали плотников, каменщиков, чернорабочих, лесорубов, шахтеров. Подрядчиками обычно выступали государственные предприятия и организации. С ними же имели дело и формировавшиеся на местах артели и отдельные отходники. Только небольшая часть плотников и каменщиков подряжались работать в частном секторе. Основной поток шел в Москву и область, меньше в Рязань. Жительница дер. Николаевка Михайловского у. рассказывала, что ее отец и брат и другие мужчины деревни уходили каждый год в Москву на стройки ломовыми извозчиками. Строительство шло огромное, многие устраивались на работу в Метрострой.

Крестьяне-чернорабочие во время обеденного отдыха. Рязань. Фото 1920-х гг. (ГАРО. Фототека)

Механизация производства, непрерывный производственный процесс на промышленных предприятиях, ужесточение трудовой дисциплины сделали просто невозможным возвращение рабочих в деревню на время страды, Пасху или Рождество. Вчерашние крестьяне брали к себе семьи и оседали на новых местах. Из этого контингента формировалось население советских городов и рабочих поселков. Во время Отечественной войны многие семьи, отправив мужчин на фронт, вернулись к себе в деревню.

После коллективизации, поскольку всеобщая паспортизация 1933 г. не распространилась на сельское население, крестьяне не могли уйти на заработки без разрешения и справки из правления колхоза, которая заменяла отсутствующий у колхозников паспорт. Судя по воспоминаниям людей, обычно колхозы, особенно левобережной части края, отпускали своих членов в отход «на помочный заработок».

Наибольшее число отходников традиционно давала Мещёрская сторона. Из-за низких урожаев и высоких норм обязательных поставок сельскохозяйственной продукции государству в мещёрских колхозах до конца 1950-х — начала 1960-х гг. обычно не давали не только денег, но и зерна. С собственной усадьбы крестьяне в изобилии получали только картофель, и сторонние заработки были единственным источником средств существования. Как и раньше, среди мещёрских отходников преобладали плотники, уходившие небольшими артелями — по пять-шесть человек; иногда они брали в обучение подростка, которому платили 20% заработка взрослого. После войны, особенно в 1950–1960-е гг., когда в рязанской деревне началось активное строительство в колхозах, совхозах и частном секторе, часть плотников, даже тех, кто сезонно ходил на заработки, стали предпочитать работать недалеко от дома.

Жители деревень вокруг с. Палищи (бывш. Касимовский у., ныне Гусь-Хрустальный р-н Владимирской обл.) продолжали заниматься красильным промыслом, но если до

революции и в 1930-е гг., *уходя в краску*, они окрашивали в однотонные цвета разное тряпье, то после войны взялись *тереть* ковры и штамповать узоры на полотенцах и скатертях. Ковры с изображением цветов, оленей, трех богатырей рисовали типографскими красками по трафарету, а деревянной *колотушкой*, на одной стороне которой по контуру рисунка была набита тонкая металлическая полоска, штамповали цветы и петухов. Группами по трое, состоявшими обычно из родственников, разъезжались колхозники на несколько месяцев по стране: в Белоруссию, на Украину, по городам и весям России и даже в Сибирь. Сняв квартиру и взяв патент, мужчины терли ковры, а женщины (жены и дочери), демонстрируя образцы, собирали заказы и материал заказчиков в городах (по женским общежитиям, квартирам) и сельской местности, т.е. *ходили в сборку*, а потом развозили готовую продукцию. Когда в свободной продаже в Москве появились ткани (бязь, байка, атлас), то *красили* стали закупать их рулонами и делать ковры дома, а потом возить продавать готовые изделия. Промысел был очень выгодный, и в конце 1960-х — начале 1970-х гг. в дер. Часлицы скупать у красилей их продукцию, а затем где-то сбывать ее стал колхоз. Однако к концу 1970-х промысел угас, так как в продаже появились недорогие ковры фабричного производства, кроме того, по словам информаторов, «всё забросили, уж стали денежки давать в колхозе».

Жители селений, в 1920-е гг. входивших в Парахинскую вол. (бывш. Касимовский у., ныне Гусь-Хрустальный р-н Владимирской обл.), в советское время продолжали заниматься рубкой дров, только этот когда-то местный промысел превратился в отхожий, и поездка на заработки стала называться путиной, а руководитель артели — бригадиром.

Колотушки для нанесения рисунка на ткань. Владимирская обл. Гусь-Хрустальный р-н, дер. Часлицы. 1950–1970-е гг. (Школьный музей в дер. Перово того же района). Фото С.А. Иниковой 2008 г.

Рисованные ковры – продукция красилей. Владимирская обл. Гусь-Хрустальный р-н, дер. Часлицы. 1960-е гг. (Школьный музей в дер. Перово того же района). Фото С.А. Иниковой 2008 г.

Не только мужчины, но и женщины, оставив со стариками маленьких детей, ездили в Архангельскую, Костромскую, Ивановскую и др. области. Мужчины валили лес, а женщины и подростки обоих полов рубили сучья, пилили и кололи дрова. Жили обычно в ближайших к месту работы селениях на квартирах, реже в лесу в бараках, питались своими харчами, взятыми из дома или купленными в Москве по пути к месту работы. Старшее поколение

вспоминает, что дома заранее сушили в печи вареный, иногда даже приготовленный с мясом картофель, который брали с собой и потом только добавляли кипяток и ели. На обратной дороге набирали в Москве пшена и муки.

В поисках заработков до войны и вскоре после нее пильщиками дров на предприятия нанимались и рязанские крестьяне из южных районов. Отопление до войны было печным, фабрики работали не только на угле, но и на дровах, которые надо было пилить. Тогда между пильщиками была популярна песня (на мотив песни из кинофильма «Веселые ребята») с такими словами: «Любят пилку рязанцы и брянцы, / И пилку любят татары и мордва» (с. Большие Можары Сараевского р-на).

Главное условие, которое отходники должны были неукоснительно выполнять, — это возвращение домой к Петрову дню, т.е. к началу покоса. Правление колхоза в с. Льгово Рязанского р-на передавало с посыльным повестки женам отходников, и все мужчины, уходившие работать каменщиками (*кладчиками*), являлись в указанный срок, иначе корову ослушника не пускали в общее стадо, не давали делянку покоса, и следующий раз правление могло не выдать справку. Да и потом, когда уже были паспорта, к сенокосу возвращались, так как правление имело право урезать и без того маленькие во Льгове усадьбы. Льговские кладчики ходили на заработки по области и в Подмосковье до начала 1990-х гг., т.е. до ликвидации колхозов и совхозов, которые были основными заказчиками работ.

В с. Малахово Клепиковского р-на к Петрову дню женщины приезжали на лошадях в Туму встречать мужей-плотников. Отгуляют праздник — и на покос. В одних селениях мужики опять уходили на заработки (*в ходку, походку*) осенью, после окончания всех работ, а в других — сразу после покоса, не дожидаясь сева озимых.

Главной производственной силой в селениях с традиционным отходничеством, как и раньше, были женщины. В Клепиковском и Касимовском районах и той части последнего, которая отошла к Владимирской обл., яровые и часто озимые в колхозах сеяли женщины. «Мы мужиков не трогали. Они работали по своей специальности (плотниками. — *С.И.*), как говорится. Некоторые мужчины пахали, но как-то не то, как женщины. Женщины лучше», — рассказывала старейшая жительница дер. Бутылки Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл. «Мужуки у нас до этого (пахоты и сева. — *С.И.*) не касались», — подтверждала пожилая женщина из дер. Уляхино того же района.

Еще большее распространение, чем до революции, с 1920-х гг. получил отход на торф. Всего в 1925 г. по СССР на торф уходили 68 540 человек, из них рязанцев — 37 440 (54,6%), большинство составляли женщины. Торфяники ехали от каждого селения артелями. В 1920-е гг. артельщик получал в Центральном управлении по торфоразработкам разрешение на набор артели. Существовала негласная практика, в соответствии с которой каждый, кого он принимал в нее, неофициально платил ему 20 коп.[171]. Жительница с. Кермись Шацкого р-на рассказывала: «Каждый год еще вербовали на торф девчонков, и все уезжали зарабатывать наряду». Ехали в Московскую и Владимирскую области. Жительница с. Чернава Милославского р-на вспоминала, как в 1926 г. в 13 лет хотела пойти под Москву на торф, а ее по возрасту не брали, и матери пришлось подарить вербовщику тканье (полотенце). Заработок составлял всего 20–30 руб., так как много высчитывали за питание. Условия на торфоразработках по-прежнему были очень тяжелыми. В 1930-е гг. в девичьих частушках дер. Муняки Старожиловского р-на пелось о любви, на пути которой встало «болото», разлучившее с милым[172].

Практика вербовки на торф существовала и после войны. «В войну туда ездили по повесткам, как заключенные, а тут сами. Сыро. Постарше девок на машины, а по 15–16 лет на сушку», — делилась воспоминаниями информатор из дер. Фролово Клепиковского р-на. Перестали массово уходить на торф в конце 1950-х гг.

В довоенное время в отход ходили овчинники из присоединенного к Рязанской губ. Сасовского у. Их путь лежал в овцеводческие районы: в Тамбовскую, Воронежскую, Саратовскую губернии (области), в Донской и Кубанский округа, на Волгу и в Сибирь[173]. Закрытие после революции винодельческих и рыбозасолочных заводов сильно ударило по бондарному

промыслу. В Ижевском была создана артель, делавшая бочки для местного рынка, но поскольку он был очень узким, то и промысел быстро пришел в упадок. Несколько бондарей в селе были и после войны, но главным образом они чинили «кадушки, ведрушки».

На протяжении 1990-х гг. и в начале 2000-х в связи с развалом коллективных и советских хозяйств, потерей рабочих мест или невыплатой зарплаты сельское население области, прежде всего мужское, срывалось с мест и ехало на заработки, чаще всего в Москву, с тем чтобы по возможности уже и не возвращаться в село. Оценивая сложившееся положение, сельчане часто проводят параллель между традиционным для Рязанщины отходничеством и современной ситуацией.

Главной причиной существования отходничества в любой исторический период была невозможность прожить в сельской местности только за счет земли. Массовый отток вчерашних земледельцев на заработки в города в 1990-е и 2000-е гг. и та легкость, с которой они порывали с землей, отчасти были подготовлены сложившейся в крае традицией отходничества. Отходники «нового времени», имеющие семьи в сельской местности, помогают им материально, но, за очень редким исключением, не вкладывают деньги в расширение своего хозяйства. От окончательного переселения в города многих из них удерживает только отсутствие перспектив на приобретение жилья на новых местах.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Торговля являлась неотъемлемой частью хозяйственной жизни деревни. Крестьянину было необходимо периодически выступать то в роли продавца, то — покупателя, так как только торговля обеспечивала превращение натурального продукта или произведения кустарного промысла в денежный эквивалент. Покупал крестьянин не только утварь, инвентарь, что-то из одежды, красный и щепетинный товар*, скот, но и хлеб, муку, сено, а по мере преодоления натуральности хозяйства и его специализации также и некоторые овощи.

Путем торговли осуществлялся товарообмен между промысловой Мещёрой и земледельческой Степной стороной, между Рязанской губ. и другими губерниями. Через Рязанщину шли поставки хлеба, прогон скота в Москву и далее в северную столицу. Губерния имела такой удобный водный путь, как Проня и Ока с пристанями в с. Перевлес Пронского у., в селах Шилово и Борки Спасского у.

Крестьяне земледельческих уездов торговали преимущественно хлебом, а Мещёрской стороны — изделиями из дерева, дегтем, углем, лыком и пр. Согласно данным о торговле государственных крестьян, в 1840-е гг., в Мещёре ею занимались 588 человек, в Рязанской стороне — 245, а в Степной стороне — 57 [174], так что Заочье уже в первой половине века можно было назвать не только промышленной, но и торговой частью губернии.

Для некоторых крестьян торговля превращалась в самостоятельный вид промысла, иногда очень доходного. Среди них были предприимчивые люди, которые, имея несколько рублей, начинали мелкую торговлю и постепенно разворачивались и становились крупными торговцами и иногда даже переходили в купеческое звание**. Часть крестьян обслуживали нужды торговли: они подвозили товар на ярмарки и базары, к пристаням или возили зерно гужом в Москву и Петербург; нанимались к купцам скупщиками или сидельцами в лавках, обслуживали торговый люд на постоялых дворах и в трактирах, в селах при пристанях сдавали купцам свои амбары под хлебные склады.

---

* Красный товар — шелковые и бархатные ткани, платки. Щепетинный (щепетильный) товар — мелкий товар: иголки, нитки, шпильки, пуговицы, тесемки, духи, помада и т.п.

** В качестве примера можно указать на крестьянина с. Каргашино Тамбовской губ. (ныне Рязанская обл.) Е.О. Ананьева. Мальчиком он был взят в дом сасовского купца Ланцова, который приобщил его к коммерческой деятельности. Ананьев имел в с. Кобяково лавку и кирпичное производство (*Жидкая Н.Я.* История села Пичкиряево. Рукопись // Сасовский краеведческий музей).

Торговля деревянными изделиями в базарный день. Спасск. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Наибольшее число крестьян в 1840-е гг. вело торговлю мелочным крестьянским товаром* — 384 человека, 140 человек торговали горшками, 100 — золой и только 77 — хлебом, остальные — разными изделиями, лошадьми, рогатым скотом и т.д. Однако для крестьянской торговли было характерно отсутствие жесткой специализации. Торговец из крестьян, не имея определенных обязательств и договоров с партнерами, был более свободен в выборе товара и места, чем купец, и действовал больше по обстановке, чем по какому-то предварительному расчету или договоренности. Такой торговец, как писал современник, отправлялся в южные уезды за хлебом, но по пути мог передумать и накупить «на сельских базарах коров и овец, если цены на них покажутся ему выгоднее» [175]. Скот потом перепродавался в других местах или его гнали на продажу в Москву.

Торговцы хлебом из крестьян скупали зерно, муку в южных уездах Рязанской губ., в Тульской и Тамбовской губерниях и перепродавали на рынках Московской губ. или в Заочье. Цены в Егорьевском у. на хлеб в 1840-е гг. были в два раза выше, чем в Данковском. Некоторые торговцы имели по 9–10 лошадей и разворачивали весьма широкую деятельность.

Особенно оборотистые крестьяне брались торговать даже шелковыми тканями, платками, лентами, запрещенными для крестьянской торговли, тем самым вызывая жалобы гильдейского купечества. Касимовские купцы, продававшие хлеб, сапожный товар, дуги и оглобли, в 1796 г. жаловались на крестьян, торговавших аналогичным товаром в Касимове. Жалобы купцов в 1806 г. были вызваны тем, что крестьяне дер. Самылово скупали в Касимове зерно, перерабатывали его на солод, а потом пускали в розничную торговлю. Крестьянская торговля свежим и соленым мясом, привозной рыбой в первой половине XIX в. составляла конкуренцию купеческой. Чтобы оградить гильдейское купечество от не в меру предприимчивых крестьян, в 1824 г. правительство обложило крестьянскую торговлю более высокими, по сравнению с купеческой,

* Понятие «мелочный товар» очень широкое. Под него подпадали лыки, луб и изделия из них, деревянная посуда и т.д.

Конский базар. Раненбург. Фото начала XX в. (Чаплыгинский краеведческий музей)

пошлинами [176]. Тем не менее, это не остановило торговцев из крестьян. Когда в конце XIX — начале XX в. были сняты ограничения, наложенные на торговлю некупеческих сословий, крестьяне смогли шире развернуть свою деятельность в этом направлении.

Самой популярной до революции 1917 г. была ярмарочная торговля, которая велась в уездных городах и крупных селениях, а также в самой Рязани. Наряду с ярмарками, в Рязанской губ. в конце XVIII и в XIX в. устраивались и базары.

На всех торгах продавали приблизительно одно и то же, хотя некоторые имели и специализацию: одни ярмарки были известны большим наплывом купцов с красным товаром, другие — провиантом, третьи — лошадьми. В силу того, что Мещёрский край не обеспечивал себя хлебом, сюда, особенно по санному пути, «степняки» (или «степные») привозили хлеб. Зимой на базарах в селах Ерахтур, Гусь, Тума Касимовского у. бывало по 1,5 тыс. человек, а на Петровскую ярмарку (28 и 29 июня) в Ерахтур в конце XVIII в. приезжало до 3 тыс. продавцов и покупателей. Купцы привозили мелочный товар, крестьяне — хлеб, деревянные изделия и инструменты. А на ярмарки в с. Дубовое и Якимец Раненбургского у. съезжались соответственно до 2 и 4 тыс. человек [177]. В селах Якимец Раненбургского и Бокино Ряжского уездов, а также в г. Зарайске были лучшие конные ярмарки. Лошадей туда приводили из Тамбовской и Воронежской губерний [178]. Сама Рязань была центром товарообмена севера и юга губернии. Две ежегодные большие ярмарки в губернском городе в конце XVIII в. собирали большое число торгового люда с самыми разными товарами [179]. Всего в то время в Рязанской губ. проводилось 50 ярмарок, из них в уездных городах и Рязани — 19, а в селах — 31. Еженедельные базары (обычно один день в неделю) устраивались в 23 селах, четырех уездных городах и самой Рязани (один-три дня в неделю).

В течение XIX в. с развитием товарно-денежных отношений число ярмарок сильно возросло. Судя по «Сведениям о базарах и ярмарках по Рязанской губ.», составленных в 1894 г., в губернии ежегодно проходило 178 ярмарок, на которых в том году было продано товаров на сумму 1 219 111 руб. Самыми продолжительными были три ярмарки в Рязани — каждая не менее недели; больше всего ярмарок устраивалось в Мещёре: в Егорьевском у. их было 35, а в Касимовском — 27 (вместе с уездными городами) [180]. Как и веком ранее, подавляющее большинство ярмарок (141) проводилось в торговых селах, т.е. прежде всего они были рассчитаны на сельчан. Были селения, в которых в течение года их было по три (села Тума Никольская Касимовского у., Зачатье или Остров Егорьевского у.,

Толпино Ряжского у., Большое Коровино Михайловского у., Ижевское Спасского у., Сараи Сапожковского у., Нижний Белоомут Зарайского у.), а в с. Ухолово Ряжского у. — четыре. Из селений, в те годы входивших в состав Тамбовской губ., а ныне в Рязанскую обл., крупным торговым селом было Сасово. Помимо еженедельных базаров, раз в году в Петров день (29 июня ст. ст.) там проходила ярмарка, на которую приезжали из Кадома, Шацка, Касимова, Елатьмы. В 1860 г. в Сасове было 150 человек купцов всех гильдий, прежде всего 3-й, многие из которых вышли из крестьянского сословия.

Базар на Сенной площади в Рязани. Фото начала XX в. (Архив Е.Н. Каширина)

Торговцы из крестьян и купцов колесили по ярмаркам и базарам, торопясь обернуться с товаром и поспеть на очередной торг. И хотя широко известна пословица «Не обманешь — не продашь» и обвесы и обмеры были самыми заурядными явлениями торговой жизни, но вместе с тем на ярмарках и базарах складывалась определенная этика отношений продавцов и покупателей. Так, «степные» (крестьяне Пронского, Михайловского и других уездов на правобережной стороне Оки) привозили на рынок в с. Палищи Касимовского у. хлеб и муку. Приезжие ставили возы с товаром на базарной площади, и покупатели-крестьяне приторговывали себе воз или два муки или овса, давали задаток от 50 коп. до 1 руб. «Степной» запрягал лошадь в воз, и покупатель увозил его в свою деревню, чтобы ссыпать в амбар. И так продавец отдавал несколько возов разным крестьянам, увозившим товар иногда за 6–8 верст. Продавец оставался на базаре ждать лошадей и деньги за хлеб. Покупатель, ссыпав в свой амбар хлеб, пригонял лошадь и привозил деньги. По уверению современника, не было случая, чтобы «степной» был обманут мещёрским жителем. По его словам, и «степные» сильно не обвешивали, редко более 25 фунтов [181].

Каждая ярмарка собирала не только торговцев и покупателей, но и большое число тех, кто и не думал что-либо продавать или покупать, а приходил просто развлечься. Ярмарка для деревенского люда была праздником, ради которого надевали лучшие одежды и запрягали лошадей в нарядную сбрую, не считали за грех выпить и закусить в чайной, потратить пару копеек, чтобы побаловать детей свистулькой, пряником или леденцом. Ярмарочная площадь была местом для гуляния, общения, где можно было набраться новых впечатлений, которые потом надолго становились предметом обсуждения. А если учесть, что ярмарки были приурочены к церковным праздникам и разворачивались обычно рядом с храмами или под стенами монастырей, то крестьяне старались еще и совместить душеполезное паломничество с возможностью что-то прикупить для хозяйства или просто любопытства ради потолкаться среди толпы.

Воспоминания о ярмарках, на которых люди старшего поколения побывали в детстве, стали одними из самых ярких и радостных страниц их жизни. Житель с. Конобеево Шацкого у. вспоминал, как в их село на ярмарку, устраивавшуюся на летнюю Казанскую (8/21 июля), приезжали крестьяне и торговцы даже из других губерний, а «ближние выезжали все на лошадях, даже те, кто не собирался ничего покупать». Торговали тем же самым, что и на базаре каждую пятницу, но во время ярмарки устраивали «карусели с коньками, играла музыка», ставили балаганы и жарили всякие изделия из теста, «распивали вино». Люди уезжали на ярмарку на целый день, и кто победнее, чтобы не тратиться в чайной, брал с собой «чугунок молодой пшенной каши» на обед [182].

В торговом с. Дединово Зарайского у. в 1920-е гг., как и прежде, в течение года проводились две ярмарки. Одна — на престольный праздник Казанскую летнюю — с каруселями, вафельщиком, готовившим тут же вкусные вафли, с завсегдатаем всех ярмарок шарманщиком с попугаем, воздушными шарами и «всевозможными свистульками». Другая — на Рождество Богородицы (8/21 сентября), на которую «приезжали из Зарайска, Коломны, ставили палатки,

обтянутые брезентом. Торговали одеждой, дорогими сукнами, обувью фабричного производства, с Волги привозили на барже арбузы… даже до революции, ставили движок и освещали у палаток электрическими лампочками. Получалось как улица, а народу понаезжало очень много. Чего только не было, чем только не торговали. Карусели работали и вечером… Играет гармонист или музыкальный ящичек» [183], — писала жительница Дединова М.П. Немова.

Большое число народа собиралось в Дединове на базары по пятницам: «Привозили продукты: мясо, соленую рыбу, селедку, сушеные грибы, баранки, наложенные на брезент, в телегах муку, репу, овес». Весов не было и всё мерили мерами*, полумерами и четверть-мерами, ягоды отмеряли кружками. На базарной площади были даже крытые торговые ряды [184]. После посещения базара «мужички посиживали и в трактире; там тоже были сделки, [приходили] покалякать и послушать, что пишут в газетах» [185]. Зимой в Дединово привозили обозы дров и хлеба, так как ни того, ни другого своего не было. Приезжало до 400–500 подвод и даже более [186].

Большие базары во второй половине XIX — начале XX в. были в Кузьминском Рязанского у. По словам очевидцев, с этими базарами могли соперничать разве что базары в с. Белоомут (по четвергам) и в с. Дивово (по пятницам). Старожилы Кузьминского вспоминали: «Сюда приезжали и приходили изо всех окрестных деревень и сел, в том числе с заречной стороны — селецкие, белоомутские и шехминские**. И чем только не торговали — скотом и птицей, мукой и крупой-велигоркой, селедкой и солью, грибами и ягодой, лесной и садовой, горшками, лаптями, корзинами, санками, дубовыми кадушками и бочками, деревянными расписными ложками…» [187]. Набор товаров был очень разнообразен: буквально все, что необходимо для крестьянской жизни.

Торговля ситами. Рязань. Фото начала XX в. (РЭМ. Фототека)

Кроме ярмарок и базаров, существовали и другие виды торговли. Так, купцы, мещане и богатые крестьяне обзаводились лавками в больших селениях и не только вели в них торговлю, но и превращали их в конторы по скупке крестьянской продукции. Они нанимали штат поверенных из числа бойких мужиков, и те, разъезжая по селениям, скупали по поручению хозяев у крестьян и мелких помещиков зерно, коноплю, скот. В с. Высокое Сапожковского у. 20 домов занимались скупкой и последующей продажей купцам конопли-моченца [188]. Существовали целые села, как Борец Сапожковского у. или Ухолово Ряжского у., где большая часть населения так или иначе была втянута в торговлю. В Ухолове крестьяне-скупщики — поверенные купцов — за свою проворность и пронырливость получили название *шмырей* [189]. В сельских лавках допускался безденежный обмен крестьянских продуктов на необходимые изделия фабричного производства или другие продукты.

Предприниматели из числа крестьян могли осуществлять многоступенчатые торговые операции. В Касимовском, Михайловском, Пронском и Рязанском уездах некоторые жители, получившие название *пепельников*, скупали у крестьян золу из печей и продавали ее на стекольные, зеркальные и поташные заводы своей губернии, а михайловцы возили золу во Владимирскую губ. Продав там свой товар, такой предприниматель покупал посуду, стекло, деготь,

* Мера — емкость для измерения жидких и сыпучих тел, обычно объемом 26,24 л, но могла быть и меньшей емкости. Часто мерой называли ведро.

** Селецкие, белоомутские и шехминские — крестьяне из сел Сельцы и Шехмино Рязанского у. и с. Белоомут Зарайского у.

Торговля шайками. Касимовский у., с. Тума. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Шорный и дужный ряд. Спасск. Фото 1913 г. (РИАМЗ. Фототека)

Торговля гончарными изделиями. Касимовский у., с. Тума. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

лес и затем перепродавал у себя дома [190]. Крестьяне Раненбургского у. зимой возили продавать хлеб в Мещёру, а там набирали деготь, деревянные изделия и везли их в Тамбов и Воронеж [191]. Многие жители с. Телятники Сапожковского у. возили в Касимов хлеб, а оттуда привозили доски, кадки и пр. [192]. Крестьяне с. Лом Касимовского у., прежде чем отправиться в Казанскую, Самарскую, Уфимскую губернии, где они нанимались работать мельниками и крупянщиками, шли в дер. Мотказино Касимовского у. и закупали там «целые кипы полотен липовых решет и сит и несли их на горбу чуть не за тысячу верст в Поволжье, продавали их там хозяевам крупянок…», а затем сами подряжались из этих полотен делать решета [193]. Крестьяне Скопинского и Ряжского уездов привозили на горшечные заводы в Скопине глину, добытую ими в местах жительства, и меняли ее на горшки. Эти горшки везли в Тамбовскую и Воронежскую губернии и там меняли на хлеб, холст, яйца и даже арбузы. За воз горшков можно было получить воз ржи. Это все они потом продавали по пути или уже на базарах Рязанской губ. [194]. Гончары и сами развозили свой товар, но особенно далеко от дома старались не уходить, меняя свою продукцию на зерно: за крынку или махотку брали столько ржи, сколько в них войдет.

Развозная и разносная торговля была очень широко распространена в сельской местности. Некоторые крестьяне-торговцы скупали, а чаще брали в кредит произведения кустарных промыслов у своих же односельчан и возили продавать их иногда за сотни километров. Бердами, производившимися в Поминовской вол. Егорьевского у., торговали исключительно сами егорьевцы. Они брали берды, веретена, гребни, а иногда и нанку. На подводе помещалось до 2,5 тыс. изделий. Свой товар такой торговец вез в степь, на Дон, Урал или на Кавказ. Там у него уже были «давнишние приятели», которые ждали его и принимали радушно, давали не только ночлег, но «безденежно и сала, и круп, и курицу» [195]. Доход от такой поездки выражался в очень солидной сумме — 300 руб. ассигнациями.

Часто жители селений, специализировавшиеся на выращивании лука, картофеля или имевшие сады, считали более удобным и выгодным сбыть свою продукцию в соседних деревнях и селах, чем везти на базар. Ее обменивали, реже продавали за деньги. В.В. Селиванов в середине XIX в. наблюдал, как огородники ездили по деревням и выкриками «по лук, по лук» созывали покупателей. Сельчане спешили к ним кто «с грошем, кто с пятаком, кто с яйцом для покупки и вымена лука» [196]. Обменом лука на хлеб занимались жители с. Кутуково Спасского у., а крестьяне соседнего с. Исады возили и носили по селам яблоки. Такой обмен свидетельствовал о том, что у крестьян на руках было мало денег, т.е. товарно-денежные отношения в селе даже в начале XX в. не были еще достаточно развиты для перехода на исключительно денежную торговлю.

В советское время, особенно начиная с 1930-х гг., ярмарочная торговля приобрела характер обмена товарами между городом и деревней: предприятия вывозили на продажу свою продукцию, а колхозы — свою. Крестьянская частная розничная торговля продолжала существовать на рынках, причем прежде всего — городских, так как теперь она была ориентирована преимущественно на удовлетворение потребностей в продуктах городского населения.

Рязанские крестьяне возили на городской рынок поросят, гусей, баранину, молочные продукты, овощи, а на сельских рынках продавали еще и зерно, муку, сено, изделия промыслов. М.А. Безнин, анализируя рыночную торговлю крестьян Нечерноземья (включая Рязанскую обл.), отметил очень большое число наименований товаров в 1950-е гг. и быстрое их сокращение к середине 1960-х гг. [197]. Видимо, сворачивание крестьянской торговли связано не только с ростом государственной торговли через магазины, как считает Безнин, но и с тем, что после перехода на денежную оплату труда у колхозников исчезла необходимость продавать часть продукции. Кроме того, в этот период крестьяне начали сворачивать свои личные хозяйства. В это же время очень широко развернулась сеть заготовительных контор, и многие пожилые информаторы говорят, что, несмотря на низкие закупочные цены, сдавали туда свою продукцию, так как это было проще и легче, чем везти ее на рынок.

До рынка, расположенного в районном центре или даже в Рязани, колхозникам и совхозным рабочим очень часто приходилось ходить с тяжелыми мешками и корзинами пешком. В Москву добирались на поездах и попутных машинах. С 1950-х гг. установилась практика, когда в колхозе стали давать машину, чтобы люди могли съездить на рынок, но они оплачивали шоферу дневную зарплату и бензин. Обычно машину брали несколько человек. Их выгружали на рынке, и машина уходила, а они, продав свой товар, возвращались поездом, автобусом с мешками, наполненными крупами, вермишелью, колбасой и баранками, батонами, и даже оцинкованные корыта и ведра везли из Москвы, так как все это было в дефиците. Немного позже появилась возможность вызывать машины с московских рынков, поэтому жители одного селения старались ездить на один и тот же рынок и поддерживать добрые отношения с его администрацией. Жительница с. Агро-Пустынь Рязанского р-на говорила: «В Москве на Рогожском рынке все агропустынские торговали поросятами. Этим жили», а жители Исад, Кутукова, Аргамакова облюбовали в Москве Ждановский рынок.

Машину с рынка колхозники оплачивали в зависимости от количества багажных мест, а не от их веса, поэтому для таких поездок они стали шить специальные огромные мешки. Наполненные огурцами, мешки жителей из селений по Кутуковской горе весили до 100–110 кг. Их соседи с противоположного берега Оки прозвали эти мешки «кутуками», да и их хозяев за глаза называли так же.

В 1990-е гг. попасть на рынки Рязани и особенно Москвы стало невозможно: не пускали нанятые перекупщиками люди. Часто они останавливали машины с продукцией еще на подъездах к Москве и заставляли очень дешево продавать весь товар или ехать назад, а были случаи, когда просто вываливали груз на землю. В начале 2000-х гг. ситуация улучшилась, но ездить и торговать могут те, у кого есть свои машины, так как нанимать очень дорого и невыгодно. Пользуясь такой ситуацией, с 1990-х гг. перекупщики сами ездят по селениям и скупают продукцию значительно дешевле ее рыночной цены.

Сельские базары в советское время были в основном в тех же селениях, где и до революции проводились еженедельные торги. Под базары, которые устраивались в выходные дни, отводили площади на центральных усадьбах. На сельских базарах обычно весь товар

а)

б)

в)

Сельский базар. Сапожковский р-н, с. Морозовы Борки: а) вид базарной площади; б, в) продавцы и покупатели. Фото Е.Н. Каширина 1968 г.

раскладывали на земле, весов ни у кого не было, и крестьяне взвешивали мясо на старинных *безменах*, а зерно, картофель, лук, ягоду и т.д. продавали ведрами, кружками, банками.

В 1990-е гг. сельские рынки были захвачены городскими торговцами, торговавшими привозной (турецкой, польской, китайской) одеждой и предметами массового спроса. В Ижевском, например, стихийные «тряпишные» базары в эти годы тянулись вдоль главного «проспекта», и местами выплескивались в ответвляющиеся от него переулки. В начале 2000-х гг. в крупных селах, поселках установлены один или два базарных дня, и приезжие городские торговцы стараются успеть попасть со своим товаром в разные селения. Для торговли отведены

Современный продуктовый и промтоварный рынок. Рязань. Фото С.А. Иниковой 2008 г.

специальные места или они установились стихийно. Однако с сельских базаров практически исчезла торговля сельскохозяйственной продукцией. Объехав немало сел, только в Ижевском мы увидели торговлю мясом и молочными продуктами на специально оборудованном рынке. Мясо продавал фермер, а остальное — несколько пожилых женщин, еще держащие коров.

Торговля на городских рынках в советское время велась только за деньги, а на сельских базарах до конца 1950-х гг. случаи обмена не были редкостью. Особенно меновая торговля была популярна в годы Великой Отечественной войны и вскоре после нее. Жительница с. Чернава Милославского р-на вспоминала, как в начале 1950-х гг. она очень выгодно выменяла на валенки 10 мешков картофеля.

Меновые отношения иногда практиковали и колхозы Заочья и Степной стороны. «Степняки» привозили колхозное зерно и меняли его на лес, который находился в угодьях некоторых колхозов. В 1990-е гг., особенно в первой половине, СПК и ООО (бывшие колхозы и совхозы) из южных районов и других областей меняли в Клепиковском р-не зерно на доски, но в те годы эту не новую форму торговли стали называть только что появившимся в обиходе словом «по бартеру». В те же годы, и даже еще в самом начале 2000-х гг., в Рязанскую обл. с Кубани, из Ставрополья и Поволжья на грузовых машинах привозили зерно, подсолнечное масло, арбузы и меняли на картофель.

Приблизительно до конца 1960-х гг. очень широко была распространена такая традиционная форма торговли, как поездки крестьян-торговцев по селениям с целью продажи продукции за деньги, реже — обмена ее на другие необходимые продукты. Жители Исад, Аргамакова и Кутукова Спасского р-на меняли лук на рожь, пшеницу, а также и на картофель, который они почти не выращивали. За картофелем ездили в с. Шатрище этого же района и через Оку в с. Пустополье Шиловского р-на. Исадские и аргамаковские привозили и зеленый лук; и «вот они под окно подойдут: „Кому стрелиц, кому стрелиц?!“ Продавали», — рассказывала жительница с. Шатрище. Жители с. Устрань Спасского р-на тоже выращивали лук, а в соседней Фатьяновке были яблоневые сады, и они менялись «баш на баш». Большую кружку вишни можно было выменять на яйцо. Жители с. Бычки Сараевского р-на возили лук по своему району и продавали за деньги или меняли на хлеб. За одно ведро лука давали два ведра зерна. Из с. Новое Еголдаево Ряжского р-на по селам носили морковь, огурцы и меняли на картофель: два ведра картофеля — одно ведро моркови. В Клепиковский р-н, по словам информатора из дер. Фролово, колхозники из «степи» привозили зерно, полученное ими на трудодни. Под «степью» в данном случае подразумевали Шиловской р-н. В с. Малахово Клепиковского р-на «степняками» назвали жителей Михайловского и Сараевского районов, которые тоже привозили зерно и муку. Крестьяне, имевшие свиноматок, развозили по своему и соседним районам поросят. Такая практика продажи поросят встречается и в начале 2000-х гг. Между селениями существовало определенное территориальное разделение рынков сбыта, причем часто уходившее корнями в далекое прошлое.

Широкое распространение в советское время получила торговля на станциях железных дорог. Для некоторых селений такая пристанционная торговля становилась источником благосостояния. Продавали ведрами сырой картофель, в основном проводникам поездов, вареный картофель с огурцами, оладьи, молоко — пассажирам. В 1990-е гг. и в начале 2000-х пожилые жители селений, расположенных около автомобильных трасс, летом и в начале осени с утра до вечера просиживают у дороги, продавая ягоды, лук, огурцы, картофель, молоко, грибы. Проезжая через селения, можно видеть выставленные у дороги напротив домов табуреты, на которых лежат в качестве образцов продаваемые овощи и фрукты, в то время как сами продавцы, поглядывая в окна, занимаются дома своими делами.

Торговля на местах — в селах и деревнях — в 1990-е — начале 2000-х гг. приобрела и новые черты. В связи с тем, что подавляющая часть населения не держит коров или вообще какой-либо скот, очень многие пенсионеры вообще не имеют хозяйства, а летом в большом количестве приезжают дачники, внутренний рынок сбыта сельскохозяйственной продукции значительно расширил свои границы за счет включения в число покупателей представителей этих групп*. Кроме того, торговля на местах приобрела в большей степени сезонный характер (в основном в дачный период). Этот факт является одним из ярких показателей социально-экономических изменений, происшедших в сельской местности, в результате которых большая часть населения, живущая там постоянно или сезонно, либо никогда не имела, либо фактически утратила связь с землей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ответы Переславльской провинции Рязанского // Труды ВЭО. 1767. Т. VII. С. 76–77. (Название работы воспроизведено дословно. Провинция называлась Переславль-Рязанской).

2 Промышленность государственных крестьян Рязанской губернии // ЖМГИ. 1847. Ч. XXV. С. 137.

3 [*Баранович М.*] Рязанская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1860. Т. 19. С. 340.

4 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1877а. Л. 13, 22.

5 Там же. Л. 28 об.

6 Там же. Л. 57.

7 Там же. Л. 101 об.

8 Там же. Л. 110 об.

9 Там же. Л. 92 об.

10 *Гауэнер М.* Отхожие промыслы в Рязанской губ. // Вестник РГЗ. 1916. № 4/5. С. 40.

11 *Селиванов А.* Отхожие промыслы в экономике крестьянина Рязанской г. в прошлом и настоящем // Наше хозяйство (Рязань). 1926. № 1/2. С. 19.

12 *Гауэнер М.* Указ. соч. С. 43.

13 Подсчитано по данным: Промыслы сельского и городского населения в Рязанской губернии // РГВ. 1886. 18 октября. С. 3 (Неофиц. часть).

14 Промышленность государственных крестьян… С. 199.

15 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1877а. Л. 12 об.; Ответы Переславльской провинции… С. 74.

16 Промышленность государственных крестьян… С. 142.

17 Там же. С. 139.

18 Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под. ред. В.П. Семенова. СПб., 1902. Т. 2. С. 256.

19 *Доливо-Добровольская В.А.* Ткацкое производство. СПб., 1913. с. 32–33.

20 Промыслы сельского и городского населения… С. 3.

21 Ответы Переславльской провинции… С. 66.

22 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 351.

23 Промышленность государственных крестьян… С. 179.

24 *Авилкин Ф.С.* Летопись села Шарик. Рукопись // Городская библиотека г. Шацка.

* Ранее часть продукции на внутреннем рынке реализовалась среди учителей, медперсонала, культработников.

25 *Успенский П.* Из Касимовского уезда // Вестник РГЗ. 1912. № 6.

26 ГАРО. Ф. 29. Оп. 63. Св. 22. Д. 17. Л. 16 об.; оп. 62. Св. 20. Д. 133. Л. 15 об.; [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 342.

27 *Токмаков И.Ф.* Историко-статистическое описание города Егорьевска (Рязанской губернии) с уездом. М., 1901. Ч. 1. С. 53, 45.

28 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16-д. Д. 18991. Л. 63.

29 Кустарный ткацкий промысел и его нужды в Зарайском уезде // Вестник РГЗ. 1912. № 10. С. 56.

30 Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1881. Т. 7. С. 1095.

31 ГАРО. Ф. 264. Оп. 3. Св. 8. Д. 55. Л. 16 об.

32 РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 521. Л. 65.

33 Подсчитано по данным кн.: Ловецкая волость Зарайского уезда. Рязань, 1927. С. 13; *Олюнина Е.А.* Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губ. М., 1914. С. 65–66.

34 *Гауэнер М.* Указ. соч. С. 49.

35 *Орлова М.* Вышивание по полотну в селениях Михайловского уезда // Вестник РГЗ. 1912. № 4. С. 32–35.

36 [*Пономарев Н.В.*] Подсобные к земледелию промыслы и производства. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1903. С. 36.

37 *Вигилев П.* Чулочный промысел пригородных слобод в г. Раненбурге // Вестник РГЗ. 1914. № 10. С. 58.

38 *Поповская А.* Кустарное производство сарпинки в дер. Алексеевой Касимовского уезда // Вестник РГЗ. 1912. № 7. С. 33.

39 Промышленность государственных крестьян… С. 206.

40 *Клычков М.* Из Касимовского у. // Вестник РГЗ. 1912. № 8. С. 93.

41 *Рябцев И.Г.* Историко-статистическое и археологическое описание с. Парахино Касимовского уезда Рязанской губернии и храма с приходом. М., 1898. С. 6–7.

42 ГАРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1344. Л. 63–63 об.

43 *Клычков М.* Указ. соч. С. 93.

44 *Поповская А.* Некоторые данные о кулечно-рогожном промысле в Касимовском и Спасском уездах // Вестник РГЗ. 1914. № 1. С. 94–97.

45 *Клиров П.* Из Рязанского уезда // Вестник РГЗ. 1912. № 6. С. 59–60.

46 *Поповская А.* Кустарное производство сарпинки… С. 33.

47 Там же. С. 34–35.

48 *Олюнина Е.А.* Указ. соч. С. 70, 76, 108; НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XVII. № 402. Л. 3 об. (с. Сельцы Рязанского у.).

49 *Грушин Е.Ф.* Этнографические очерки. Шилово, 2005. С. 39. Запись песни сделана в 1901 г.

50 *Вигилев П.* Указ. соч. С. 56.

51 ГАРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1344. Л. 25–25 об.; *Поповская А.* Кустарное производство сарпинки… С. 34–35.

52 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 347.

53 *Мансуров А.* Кустарные промыслы в Касимовском уезде // РГВ. 1888. 26 октября.

54 ГАРО. Ф. 29. Оп. 63. Св. 22. Д. 19. Л. 58 об., 62 об., 64 об.

55 *Петров В.* Мещёрский край (Этнографический очерк) // Вестник РГЗ. 1914. № 1. С. 35.

56 ГАРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1344. Л. 63–63 об.

57 *Гурвич И.* Экономическое положение русской деревни. М., 1941. С. 55.

58 ГАРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1344. Л. 29.

59 *Гауэнер М.* Указ. соч. С. 49.

60 *Селиванов В.В.* Год русского земледельца. Зарайский уезд Рязанской губернии. Рязань, 1887. С. 1.

61 Там же. С. 110.

62 *Петров В.* Указ. соч. С. 33.

63 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 67; *Клычков М.* Указ. соч. С. 93; *Милонов Н.П.* Из истории отдельных районов поймы Оки и Рязанской Мещёры. Рязань, 1952. С. 36, 37; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 101. Л. 47 об.

64 *Гауэнер М.* Указ. соч. С. 45.

65 *Семенов Д.П.* О кирпичных постройках в нестепных черноземных местностях России // Сельское хозяйство и лесоводство. ЖМГИ. 1879. Ч. CXXX. № 1. С. 23.

66 *Бакулин В.* Кустарные нужды // Вестник РГЗ. 1912. № 1. С. 71.

67 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 93.

68 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 137. Л. 8 об.; д. 136. Л. 5 об.; ф. 7. Оп. 1. Д. 1344. Л. 11 об.

69 *Гауэнер М.* Указ. соч. С. 44.

70 ГАРО. Ф. 264. Оп. 3. Св. 8. Д. 55. Л. 9 об.

71 Промышленность государственных крестьян… 1848. Ч. XXVI. С. 187.

72 Кустарные промыслы Тамбовской губернии. Составлено по сведениям, полученным от добровольных корреспондентов. Тамбов, 1900. С. VII.

73 ГАРО. Ф. 29. Оп. 60. Св. 4. Д. 16. Л. 4 об., 12 об.

74 *Петров В.* Указ. соч. С. 21.

75 [*Бакулин В.Д.*] Как работали в старину. Из записок местного краеведа Бакулина В.Д. Рукопись // Музей К.Э. Циолковского в с. Ижевское Спасского р-на.

76 Там же.

77 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 93.

78 *Семенов Д.П.* Указ. соч. С. 22–23.

79 Там же. С. 23.

80 Кустарные промыслы Тамбовской губернии… С. XX–XXI.

81 [*Бакулин В.Д.*] Как работали в старину…

82 *Марьюшкин.* Бурлачество. С. Гавриловское Спасского у. // НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XV. № 360.

83 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 130. Л. 23 об.

84 Там же.

85 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 339.

86 ГАРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1344. Л. 53 об.

87 *Петров В.* Указ. соч. С. 33.

88 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 135. Л. 15 об.

89 *Семенов Д.П.* Указ. соч. С. 23.

90 Там же. С. 22.

91 ГАРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1344. Л. 30 об.

92 Там же. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 136. Л.5 об.

93 *Смирнов В.Ф.* К вопросу об оскудении Рязанской губернии. Рязань, 1926. С. 8 (Материалы к плану народного хозяйства Рязанской губернии. Вып. 2).

94 *Савин М.* Из Касимовского у. // Вестник РГЗ. 1912. № 8. С. 97.

95 ГАРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1344. Л. 2.

96 Там же. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 135. Л. 15 об.

97 *Сенин Ф.П.* Печины: легенда, прошлое, настоящее. Рукопись. 1999 // Городская библиотека г. Шацка.

98 [*Бакулин В.Д.*] Как работали в старину…

99 *Бакулин В.Д.* Ижевская волость. Рязань, 1928. С. 26 (Труды Ижевского отд. ОИРК. Вып. 1).

100 *Мосалов И.А., Бакулин В.Д., Агурейкин С.А.* К истории с. Ижевского Рязанской обл. Спасского р-на. Рукопись. 1972 // Музей К.Э. Циолковского в с. Ижевское Спасского р-на. С. 74–75.

101 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 94.

102 *Марьюшкин.* Указ. соч.

103 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 133. Л. 15 об.

104 *Гауэнер М.* Указ. соч. С. 54.

105 *Петров В.* Указ. соч. С.33–34.

106 *Марьюшкин.* Указ. соч.

107 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 1.

108 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 339.

109 ГАРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1344. Л. 13.

110 *Григорьев В.* Статистика земледельческого хозяйства Рязанского уезда // Юридический вестник. 1885. Т. XIX. Кн. 1. С. 733–734.

111 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 130. Л. 37 об.

112 Там же. Д. 150. Л. 24.

113 *Гурвич И.* Указ. соч. С. 53.

114 ГАРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1344. Л. 13 об.

115 *Григорьев В.* Указ. соч. С. 743.

116 *Мосалов И.А., Бакулин В.Д., Агурейкин С.А.* Указ. соч. С. 121.

117 Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Скопин, 1882. Т. II. Раненбургский уезд. С. 265.

118 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 97–98.

119 Внутренние известия // Правительственный вестник. 1874. № 229. С. 2.

120 Внутренние известия // Там же. 1874. № 199. С. 3

121 ГАРО. Ф. 29. Оп. 63. Св. 22. Д. 16. Л. 36 об.; д. 17. Л. 24 об.; д. 13. Л. 26 об.; оп. 60. Св. 4. Д. 28. Л. 3.

122 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XX. № 493. 0243. Л. 15.

123 Там же. № 483. Л. 2 об.

124 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1448. Л. 13.

125 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 134. Л. 10 об.

126 *Немова М.П.* Село Дединово Луховицкого района Московской области (бывшей Рязанской губернии Зарайского уезда) // Краеведческие исследования. Рязань, 2001. С. 141.

127 *Мосалов И.А., Бакулин В.Д., Агурейкин С.А.* Указ. соч. С. 142.

128 ГАРО. Ф. 29. Оп. 76. Д. 29. Л. 28 об.

129 Там же. Л. 44 об.

130 Промышленность государственных крестьян… Ч. XXV. С. 147.

131 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 93.

132 *Савин М.* Указ. соч. С. 96 (Китовская вол. Касимовского у.).

133 *Огризко З.А., Шмакова В.Т.* Крестьяне-отходники Рязанской губернии в конце XIX и в начале XX века // Историко-бытовые экспедиции 1951–1953. М., 1955. С. 148.

134 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. VIII. № 198. Материал краеведа Л.П. Чекиной опубл. в газ. «Красный восход» (Касимов). 1923. № 12.

135 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 133. Л. 15 об.–16.

136 *Волконский Н.С.* Мнение о нуждах сельскохозяйственной промышленности и мерах к удовлетворению их // ГАРО. Ф. 29. Оп. 116. Св. 5. Д. 3. Л. 17.

137 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 340.

138 Россия. Полное географическое описание нашего Отечества… С. 260.

139 Там же.

140 *Гауэнер М.* Указ. соч. С. 39.

141 Там же.

142 Промышленность государственных крестьян… Ч. XXV. С. 197.

143 *Поповская А.* Кустарное производство сарпинки… С. 33.

144 *Олюнина Е.А.* Указ. соч. С. 63, 64, 86.

145 *Вигилев П.* Указ. соч. С. 56.

146 Промышленность государственных крестьян… Ч. XXV. С. 147.

147 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1877а. Л. 21 об.

148 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 70–71.

149 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 403.

150 *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. С. 112, 42 (Записки РГО по отд. этнографии. Т. XXXIX).

151 *Олюнина Е.А.* Указ. соч. С. 94.

152 *Мансуров А.А.* Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. 1930. Вып. 3. С. 30 (Труды ОИРК. Вып. XXVI); *Авилкин Ф.С.* Указ. соч.

153 *Селиванов А.* Отхожие промыслы в экономике крестьянина… С. 26.

154 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 135.

155 *Н.Ч.* Значение кустарной промышленности в народной экономике России // Дело. 1874. № 10. С. 54.

156 *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Указ. соч. С. 112.

157 *Волконский Н.С.* Указ. соч. Л. 17 об.–18.

158 [*Селезнев*], свящ. Этнографические сведения о Рязанской губернии. Народные юридические обычаи, существующие в Зарайском уезде Рязанской губернии, собранные действительным членом статистического комитета священником Селезневым. Рязань, 1871. С. 11.

159 *Олюнина Е.А.* Указ. соч. С. 95.

160 *Весин Л.П.* Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. 1886. № 7. С. 130; 1887. № 2. С. 121.

161 *Волконский Н.С.* Указ. соч. Л. 18 об.

162 *Бакулин В.Д.* Ижевская волость… С. 23.

163 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 137. Л. 6.

164 Подсчитано по: [*Селиванов А.З.*] Кустарная промышленность Рязанской губернии и ее основные нужды. Рязань, 1926. С. 18 (Материалы к плану народного хозяйства Рязанской губернии. Вып. III); там же. С. 13–14.

165 РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2004. Л. 28.

166 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. VII. № 160. Л. 48.

167 *Селиванов А.* Отхожие промыслы в экономике крестьянина… С. 22.

168 РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 521. Л. 66.

169 *Селиванов А.* Отхожие промыслы в экономике крестьянина… С. 23.

170 *Он же.* Экономика крестьянских промысловых занятий в Рязанской губернии и социальная их природа. Рязань, 1930. С. 4 (Труды ОИРК. Вып. XXVII).

171 РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 525. Л. 5 (дер. Кикино Скопинского у.).

172 РО ИРЛИ. ФА. Колл. 47. П. 17. Л. 113; П. 21. Л. 19.

173 [*Селиванов А.З.*] Кустарная промышленность Рязанской губернии… С. 33.

174 Промышленность государственных крестьян… С. 151.

175 Там же. С. 152.

176 *Филиппов Д.Ю.* Купечество города Касимова конца XVIII — начала XX века. Дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 1998. С. 82, 83; *Рындзюнский П.Г.* Гильдейская реформа Канкрина 1824 года // Исторические записки. М., 1952. Т. 40. С. 123–125.

177 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1877а. Л. 12 об.

178 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 220.

179 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1877а. Л. 39 об.

180 Подсчитано по данным: Сведения о базарах и ярмарках по Рязанской губ. за 1894 г. // ГАРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 848.

181 *Петров В.* Указ. соч. С. 23.

182 *Авилкин Ф.С.*Указ. соч.

183 *Немова М.П.* Село Дединово… С. 148.

184 Там же. С. 144.

185 Там же. С. 145.

186 *Мансуров Н.* Село Дединово Рязанской губернии, Зарайского уезда (Медико-санитарный очерк). М., 1900. С. 18.

187 *Башков В.П.* «Плачет где-то иволга». Константиновские этюды. М., 1986. С. 151.

188 ГАРО. Ф. 29. Оп. 63. Св. 22. Д. 22. Л. 14 об.

189 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 341.

190 Там же. С. 353.

191 ГАРО. Ф. 29. Оп. 62. Св. 20. Д. 142. Л. 16 об.

192 Там же. Оп. 63. Св. 22. Д. 13. Л. 18.

193 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. V. № 108.

194 Промышленность государственных крестьян… С. 159; [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 351.

195 Промышленность государственных крестьян… С. 156; [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 352.

196 *Селиванов В.В.* Указ соч. С. 35.

197 *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. М.; Вологда. 1991. С. 150–151.

ГЛАВА 7

Метеорологические и фенологические наблюдения. Магия в земледелии

Народные метеорологи и фенологи

Прогнозирование и гадание о погоде и урожае (сентябрь – конец апреля / начало мая)

Магия, фенология и метеорология в земледельческом процессе (конец апреля / начало мая – начало осени)

Магия начала. — Сев зерновых культур. — Посадка огорода. — Период роста и созревания. — Сбор урожая.

Результат крестьянского труда даже в благоприятных почвенно-климатических условиях и при более или менее высокой культуре земледелия всегда зависел от капризов природы, а уж тем более при низком агротехническом уровне, который был характерен для рязанской деревни. Успешное окончание земледельческого года для крестьянина было вопросом не просто важным, а жизненно важным, так как итогом его было воспроизведение средств жизнеобеспечения.

Страх перед поздними и ранними заморозками, градом, отсутствием дождей весной и в начале лета, дождливой погодой во время сенокоса и жатвы — вот главный стимул, заставлявший крестьянина замечать и сопоставлять природные явления, причем часто отстоящие друг от друга на значительном временном отрезке; выстраивать цепочку взаимосвязей между ними, тревожно ждать подсказки от каких-то ему самому неведомых мистических сил, которые таинственным образом укажут, что лучше посеять и когда. Крестьянину важно было узнать, не только урожайным или неурожайным будет грядущий год, но и для какой из культур в наступающем году будут наиболее подходящие климатические условия.

Несомненно, что собранная многими поколениями информация о явлениях природы и связях между этими явлениями, накапливаясь веками, должна была содержать значительное рациональное зерно. Часть этой прогностической информации носила стратегический характер, определяя общее направление хозяйствования в течение длительного времени, другая часть была рассчитана на ближайший период — один-два дня, и была необходима для текущей хозяйственной деятельности. Одни метеорологические и фенологические наблюдения были привязаны к датам церковного календаря, часто оформлены в виде поговорок и служили ориентирами для подготовки, начала и окончания отдельных видов земледельческих работ, т. е. составляли *народный аграрный календарь*; другие не имели временно́й привязки, а констатировали природное явление и его последствия для хозяйства и служили для выверки той или иной календарной даты.

Наряду с совершенно правильными наблюдениями и выводами, подтверждаемыми наукой, в народной метеорологии и фенологии присутствовали приметы и гадания, которые невозможно объяснить с позиций здравого смысла.

Крестьянину было не под силу понять всю сложность процессов, происходящих в атмосфере, в живой природе, поэтому нередко бывало, что приметы подводили или приводили к взаимоисключающим выводам. Но, даже опираясь на вековые, проверенные опытом народные знания, все равно невозможно было быть уверенным в конечном положительном результате. Эти знания позволяли лишь частично скорректировать ожидаемые негативные последствия, поэтому в своей хозяйственной деятельности крестьяне также уповали на помощь высших сил и широко использовали магические средства, призванные воздействовать на природу и обеспечить урожай.

Вся народная календарная обрядность насыщена *продуцирующей* (производящей) *магией*. Собственно, вся она была обращена к природе с тем, чтобы стимулировать ее

плодоносящие силы (см. гл. 16). Однако существовали некоторые коллективные обряды и большое количество индивидуально совершаемых ритуалов, которые, даже будучи приурочены к датам церковного календаря, были непосредственно связаны с насущными потребностями земледелия, т. е. носили производственный характер. Именно производственная земледельческая магия и является предметом нашего исследования.

Аграрный календарь и часто не связанные с ним погодные приметы, фенологические наблюдения, а также христианские обряды и магические ритуалы теснейшим образом переплетались и составляли единый культурный пласт в системе традиционного хозяйствования. Поскольку его невозможно разделить на отдельные составляющие без ущерба для раскрытия темы, необходимо рассмотреть все эти элементы традиционной культуры в комплексе и на протяжении всего календарного года.

Безусловно, аграрный календарь имел сезонное деление, но исходя из целевых задач, на решение которых были направлены приметы, наблюдения, гадания и обряды, год можно разделить на два неравных по продолжительности периода. Первый — с сентября до конца апреля — начала мая. В это время делались как долгосрочные метеорологические прогнозы на весну и лето, так и предпринимались попытки определить возможный результат земледельческого труда; совершались также некоторые превентивные магические ритуалы, направленные на обеспечение будущего урожая на своем поле и огороде. Второй — с конца апреля — начала мая до начала осени, когда крестьянин непосредственно занимался земледелием (севом и посадкой, выращиванием и уборкой). В этот период, наряду с календарем, очень большую роль играли не привязанные к определенным датам наблюдения за природой, и все этапы аграрно-производственного процесса сопровождались магическими ритуалами.

Безусловно, границы между этими двумя периодами размыты, так как посев и посадка, а затем уборка не были единовременными актами. Но прежде чем приступать к их рассмотрению, хотелось бы сказать о тех людях, которые были хранителями этого огромного культурного пласта, вобравшего в себя знания и религиозные переживания, чувственные ощущения и особую интуицию, рациональное и иррациональное.

Народные метеорологи и фенологи

Корреспондент Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева из Скопинского у. писал в 1899 г., что среди крестьян «стремление к приобретению знаний мало развито. Крестьяне говорят: „Наши деды и прадеды жили так, были живы и сыты, и нам-то чего особо умудряться?“». Автор этого сообщения имел в виду научные знания, но несомненно, что каждый хозяин и хозяйка имели определенный набор знаний, полученный от предшествовавших поколений, и собственный опыт. Крестьяне примечали прилет ласточек, «курлыканье» лягушек, воронье карканье, и, как писал далее корреспондент Этнографического бюро, «эти приметы многими принимаются в соображение при исполнении разных сельскохозяйственных работ» [1].

Однако не все жители рязанской деревни в равной степени обладали знаниями сельскохозяйственных примет, обрядов и ритуалов: на общем фоне всегда выделялись знатоки, которые становились в своем селении консультантами и советчиками. Другое дело, что с конца XIX, а особенно в начале XX в. общий уровень существенно понизился, а число знатоков уменьшилось. Владелец поместья в с. Исады Спасского у. и «культурный хозяин» В.Н. Кожин отмечал в 1915 г., что в годы его молодости (1870-е гг.) еще встречался тип умных, наблюдательных мужиков-пахарей, знавших, до какого времени надо вспахать, а до какого передвоить. «…теперь, — писал он, — этот тип крестьянина либо совсем исчез, либо исчезает, я, по крайней мере, такого рода стариков больше уж не встречаю» [2]. Этот тип крестьянина действительно потихоньку исчезал, но все равно в селе в первой половине XX в. всегда находился один или несколько таких мужиков, на которых равнялись остальные хозяева. Жительница дер. Софиевка

Милославского р-на вспоминала, что у них в доколхозной деревне был такой примерный хозяин, и, по ее образному выражению, «все смотрели к ним в огород». Он мог поехать сеять даже в праздник, а на вопрос односельчанина отвечал: «День год кормит. Посмотри на небо. Оно в ребристых облаках. Сеять надо». Информатор из дер. Урядино Касимовского р-на рассказывала о своем деде, который мог уже собраться сеять и лошадей запрячь, но потом вдруг передумать: «Сегодня не едем: не с той стороны ветер [подул]».

Жительница дер. Дунино Клепиковского р-на вспоминала, что в 1930-е гг. в дер. Каверино, откуда она родом, был мужик, который хорошо знал погодные приметы и был своего рода деревенским консультантом в вопросах начала сева тех или иных культур. «Бабы, — говорил он, — с Луковицы ветер. Давайте на огородах картошку сажать». Луковицей называли дер. Пансурово (в народном произношении — Панцырева) и прилегающий к ней лес. Оттуда, по выражению деревенского метеоролога, дул «родимый» ветер, теплый; «пустым» он называл холодный ветер со стороны Москвы. Другая жительница дер. Дунино рассказывала о старичке Ване, который в 1940–1950-е гг. жил в ее родной дер. Морозово. Утром поднятой вверх рукой он определял, откуда ветер, и шел к «бригадирке»: «Надя, сегодня лен сейтя, ветер отсюда. Просо не сейтя. Урожая не будя». «Бригадирка» прислушивалась к его советам и сама его спрашивала: «Братка Ваня, ну, когда мы будем [сеять гречиху]? Акулина* скоро».

По воспоминаниям информаторов старшего поколения, еще в 1920–1950-е гг. встречались старики, которые не только следили за погодой, но иногда для удовлетворения собственной любознательности вели записи и на протяжении нескольких десятилетий проверяли народные приметы. Старика Савонькина из с. Большие Можары Сараевского р-на так и называли — «опытник», и к его советам прислушивались агроном и председатель колхоза — люди более грамотные, но менее опытные. В этом отношении любопытна небольшая зарисовка из жизни рязанской деревни 1930-х гг.: в дер. Самарино Ряжского р-на прислали агронома. Идет он по деревне, а старик около своего дома молотит зерно. Он с ним разговорился. Подходит сын старика, а тот ему говорит: «Давай скорей зерно убирай, дождь будет». Агроном спрашивает, откуда он знает. «А видишь, бык привязан, ревет куды? Дождь обязательно будет». Агроном засмеялся: «Ну, на кой тут нужен агроном, когда всё быки предсказывают!»

Этот тип знающих «мужиков-пахарей», о котором писал В.Н. Кожин, просуществовал приблизительно до конца 1960-х гг., хотя отдельные его представители изредка встречались и позже. Он исчез не только потому, что научная метеорология утверждала свои позиции, а колхозам и совхозам сверху спускали различные указания и инструкции. С механизацией земледельческого труда, с появлением новых сортов сельскохозяйственных культур и новых технологий изменились все сроки работ, да и климат тоже все больше отличался от прежнего. После того как с конца 1950-х — начала 1960-х гг. люди перестали сеять на своих усадьбах зерновые, в рязанской деревне просто не осталось объекта приложения знаний и опыта этих «мужиков-пахарей».

Значительно дольше просуществовал в рязанской деревне тип «приметливой» старухи, которая делилась с односельчанами знаниями примет и магических ритуалов, совершаемых, прежде всего, при посадке и уборке огородов, традиционно являвшихся сферой приложения женского и детского труда. Очень часто современные знатоки «огородной магии» сообщают, что свои познания в этой области они получили не от родителей, а от какой-нибудь известной в селе бабушки, которая щедро раздавала советы — что, как и когда сажать на огороде.

Надо признать, что большинство современных сельских жителей Рязанской обл. либо вовсе не знают примет и магических ритуалов, либо познания их очень скудны. Старшее поколение обычно называет определенный, повторяющийся в разных районах, набор особенно врезавшихся в память поговорок и примет, касающихся погоды, но тут же информаторы оговариваются, что ныне все это уже не совпадает, так как климат сильно изменился, и сейчас по радио и по телевизору сообщают более точные прогнозы. Некоторую путаницу

* Речь идет об Акулине-гречишнице (мц. Акилина — 13/26 июня), когда обычно сеяли гречиху.

в приметы внес переход страны (с 1919 г.) с юлианского на григорианский календарь с разницей в 13 дней, и многие информаторы сетуют, что теперь вообще не поймут, к какому времени относить старинные приметы.

Пожилые жительницы рязанских селений свое незнание обычно объясняют тем, что огородом занимались матери или свекрови, а они уезжали на разработку торфа или работали с утра до ночи в колхозе. Многие говорят, что их матери сами уже мало что знали и все делали «спросту»: «Мать простая была. Это ведь такие, которые продувные [что-то делают]» (с. Кочемирово Кадомского р-на). Часто даже без объяснений говорят: «Мы — советские», — полагая, что этим уже все сказано, или: «Это старые знали, а мы уж бросили. Мы уже в Советском Союзе [жили] по-другому» (дер. Четаево Касимовского р-на).

Некоторые, прежде всего это касается воцерковленных (регулярно посещающих церковь и старающихся следовать всем ее предписаниям) женщин, рассматривают приметы и выполнение магических действий на своем огороде как колдовство и не хотят принимать к сведению подобную информацию. Они говорят: «У Бога все дни одинаковы. Если Господь уродит, в любой день посади», «Все в сундуке, да у Бога в руке» (с. Канино Сапожковского р-на) или: «Бог не ворожил, лучше нас жил» (дер. Аверкиево Клепиковского р-на).

Но есть и другая категория хозяек, чаще среднего возраста, правда, среди них встречаются и женщины весьма преклонных лет, которые, наоборот, прислушиваются, кто что посоветует, с удовольствием применяют на практике различные магические приемы, о которых услышали по радио или узнали из газет, журналов и календарей: «Сейчас календари есть всякие, в газетах печатают, когда что сажать. Да и сами уже все знают» (с. Чернава Милославского р-на).

В 1990-е гг. произошел всплеск интереса к народным приметам и «огородной магии», и люди черпали информацию не только из СМИ, но и начали припоминать, как и что делали их матери и бабушки. По этому поводу жительница с. Строевское Путятинского р-на выразила свое удивление: «Сейчас все стали такие приметливые, сейчас все такие стали научные! И откуда что взялось!?»

Особой популярностью во второй половине 1990-х гг. пользовался «лунный календарь». Раньше жители некоторых селений Рязанского края (а когда-то, возможно, эта практика имела самое широкое распространение) при начале сева и посадки смотрели на фазы луны, но народный лунный календарь отличался от современного, который редакции некоторых районных газет несколько лет подряд печатали на страницах своих изданий в феврале-марте. Многие жители рязанских селений и дачники пробовали следовать ему, и экземпляры «лунного календаря» нередко можно было встретить в их домах. Поскольку никакой разницы в результатах большинство не увидело, то интерес к нему упал, но некоторые по привычке продолжают смотреть на луну. «Я сама гляжу: луна растет — надо сажать, сеять. Наверное, где-то прочитала. Мама так не говорила», — признавалась пожилая жительница с. Царево Ермишинского р-на.

В начале 2000-х гг. очень многие пожилые женщины бросили свои огороды, так как уже не было сил, да и нужды их обрабатывать: живут одиноко, получают пенсию, и дети из города снабжают продуктами. Передать свой опыт и знания, которыми они еще владеют, просто некому, так что этот, теперь уже далеко не такой мощный, пласт народной культуры может быть окончательно утерян.

Прогнозирование и гадание о погоде и урожае (сентябрь — конец апреля / начало мая)

Главным смыслом и целью знания и использования на практике всех метеорологических и фенологических примет и гаданий было, что само собой разумеется, получение урожая или хотя бы готовность к последствиям в случае его отсутствия. Подавляющая часть всех примет

и гаданий приходилась на зимне-весенний период, хотя земледелец уже с осени задавался вопросом, какой будет зима: снежной или нет, суровой или мягкой, потому что от этого зависело, как перезимуют озимые, много ли влаги будет весной и урожайным или голодным будет год. Первые прогнозы делались во время уборки лука: оделся он хорошо, одежек много — зима будет суровая (Касимовский и Ермишинский районы). Если с осени куры начнут рано линять, то и зима будет ранняя [3]. О холодной зиме свидетельствовало большое количество рябины. На Покров (1/14 октября), с которого в народном календаре начиналось первозимье (см. 510), смотрели, «откель ветер: если с Севера, зима будет холодная» (дер. Кочемары Касимовского р-на); Покров теплый — зима теплая и наоборот (дер. Аргамаково, с. Исады Спасского р-на). Крестьяне с. Черная Слобода Шацкого р-на судили о предстоящей зиме по тому, откуда подует ветер в день мчч. Платона и Романа (18 ноября / 1 декабря). Жители с. Кончаково Зарайского у. в 1860-е гг. по внутренностям зарезанных животных судили о предстоящей зиме [4]. Сельчане Ермишинского р-на и сейчас говорят, что первый снег выпадает за 40 дней до зимы [5], а такое случается и в октябре. Но другая, приуроченная ко дню Введения во храм Богородицы (21 ноября / 4 декабря) и бытовавшая в северных и южных районах края примета — «Введение ломает ледение» — вносила уточнение, что еще в это время возможны оттепели (дер. Михалково Новодеревенского р-на, дер. Урядино Касимовского р-на). На Егория осеннего (Георгия Победоносца — 26 ноября / 9 декабря), если были морозы, то предполагали, что на Николу зимнего (свт. Николай Чудотворец — 6/19 декабря) озера и реки уже возьмутся прочным льдом, способным выдержать лошадь и сани: «Егорий с гвоздем, Никола с мостом».

День свт. Спиридона (12/25 декабря), известного в народе как Спиридон-солнцеворот, в Касимовском, Кадомском и Пителинском районах еще известен под названием «Повороты» — поворот с лета на зиму, период зимнего солнцестояния. В народе объясняли, что «это медведь одну лапу отсосал, повернулся на другой бок и сосет другую, ползимы прошло» (дер. Урядино).

Особую роль в предсказании погоды и в гаданиях о будущем урожае играли 12 дней Святок. В народной традиции это особенное время, когда граница между земным и потусторонним мирами тонка и проницаема, когда сама природа и неведомые силы могли дать земледельцу подсказку. Многочисленные звезды на небе под Рождество одним обещали обилие ягод, грибов или орехов в лесу, а для других это была верная примета, что наступивший год в целом будет урожайным (Касимовский, Спасский районы); некоторые связывали обилие звезд с грядущим урожаем гороха (дер. Самуиловка Касимовского у.). В селениях Большие и Малые Пекселы Касимовского р-на наблюдали: если от Рождества до Нового года небо было звездным, то огурцы в наступающем году надо сеять рано, а если небо звездное после Нового года, то лучше сеять поздно [6].

Считалось, что каждый из 12 дней Святок соответствует по порядку одному из 12 месяцев в году, и погода в определенный святочный день показывает погоду соответствующего месяца. Если, скажем, пятый день Святок солнечный, но ветреный, то май будет солнечным и ветреным, шестой день морозный — июнь будет жарким и т. д. (с. Новопанское Михайловского р-на, с. Чернава Милославского р-на, с. Темгенево Сасовского р-на и др.).

Была распространена практика определения погоды под Новый год с помощью лука. Его разрезали пополам и разбирали на 12 чашечек, каждая из которых соответствовала месяцу, иногда в них насыпали немножко соли, а утром смотрели: в какой чашечке собрался сок, тот месяц будет дождливым или снежным (с. Секирино Скопинского р-на, дер. Бахметьево Новодеревенского р-на и др.)

Повсеместно в Рязанском крае была распространена примета: иней на Святки — к большому урожаю. Но в отдельных селениях делали уточнения, иногда взаимоисключающие: «Если иней до Святок, то будет урожай трав. Если иней от Рождества до Крещения, то будет урожай хлебов» (Старожиловский и Ермишинский районы); «Когда иней до Рождества на ветках, то хлеб будет хорош, если после Рождества, то хлеб плохой» (дер. Шелковая Старожиловского р-на) [7]. В Чернаве, обнаружив на Святки иней, крестьяне говорили, что

будет хороший урожай овса, а в дер. Михалково — урожай картофеля. «Какой 6 января иней на деревьях, таков и цвет на хлебе», — отмечали в Ермишинском р-не [8]. Информаторы подчеркивают, что не просто иней, а только синего цвета сулит урожай (с. Стублё Михайловского р-на). Некоторые указывают конкретный день, когда надо было ожидать инея, обычно это Новый год. Информатор из с. Демкино Чаплыгинского р-на (ныне Липецкая обл.) предупредила, что следует отличать его от тонкого слоя снежной пыли, нанесенного сипугой*, иначе можно обмануться в прогнозах.

С помощью инея высшие силы могли подсказать земледельцу, на какой злак будет урожай. Чтобы узнать это, надо было в ночь на Рождество воткнуть в ворота, которые в традиционной культуре рассматривались как место контакта двух миров, колоски ржи, проса, овса и в течение всех Святок смотреть: на каких колосках больше инея, на тот злак будет урожай (с. Тимошкино Шиловского р-на).

А рыбаки, между тем, загодя пытались определить, каков весной будет разлив Оки и, следовательно, лов рыбы. Еще до Рождества они смотрели, выметал налим икру или нет, если да, то надо ждать раннего разлива, а величину его определяли по количеству воды в стакане (меньше половины, больше половины), оставшейся от насыпанного в него на Крещение и растаявшего за сутки снега (села Дединово, Любичи, Белоомут, Ловцы Зарайского у.) [9].

В Скопинском у. верующие напряженно ждали снегопада на Крещение после возвращения с *Иордани*** как залога будущего урожая [10]. Собственно, снегопад в любой день зимы радовал земледельца, так как «если зима малоснежная, жди летом засуху» (Ермишинский р-н) [11]. Крещенская ночь и следующий день, по устоявшемуся мнению, всегда отмечены усилением мороза. «На Хрещение зима и след хрестит», — писал корреспондент ОИРК из Пронского у. [12]. И сегодня на Крещение всегда ждут понижения температуры. Как предзнаменование грядущих сильных морозов воспринималось северное сияние (дер. Волынь Рязанского у.) [13].

Усиление мороза в зимнее время предвещали и ярко-красный закат, и дым, идущий из печной трубы столбом вверх, и писк синицы с утра, и крик совы, зато чириканье воробьев и шум леса считались в Ермишинском р-не верными признаками оттепели [14].

Не удовлетворяясь прогнозами о будущем урожае, которые делались по звездам, инею и снегу, в период Святок рязанские крестьяне гадали о будущем урожае и другим образом. С вечера 31 декабря было принято, как писал В.Н. Добровольский в начале XX в. и как подтверждали корреспонденты ОИРК в 1920-е гг., чисто подмести избу, положить на стол хлеб, помолиться всей семьей, а утром искать зерно: то, которое найдешь, на эту культуру и будет урожай [15]. Вспоминая годы своей молодости в доколхозное время, многие информаторы рассказывали об этом новогоднем гадании, широко распространенном среди русских, и подчеркивали, что зерно искали именно под столом. «Мама, бывало, под Старый Новый год скажет: „Мой пол. Завтра будем смотреть, какие зерна под столом, какой будет урожай“. А я говорю: „А кто их бросит, если я пол вымою?“ — „А кто не бросит, а должны быть там“» (с. Большие Можары Сараевского р-на). Откуда зерно могло взяться, если пол чисто выметен или вымыт и его случайное попадание под стол исключено? Конечно, уповали на Господа, которому с вечера молилась вся семья перед столом-престолом и иконами, что он даст подсказку и подбросит ночью желанное зернышко, хотя, несомненно, в дохристианские времена роль подсказчика отводилась духу предка, обитавшему под передним углом. В с. Увяз Касимовского у. в 1920-е гг. таким же способом гадали утром в Чистый понедельник [16] (первый день Великого поста).

Забегая вперед, скажем, что такой же подсказкой божественных сил считалось гадание по *кресту*, выпеченному из теста на Средокрестье (в среду на четвертой неделе Великого поста). Крест, как христианский символ и церковный атрибут, так же как икона или святая вода, имеет высокий сакральный статус и обладает в представлении народ, особыми свойства-

* Сипуга — метель из снежной пыли, стелющаяся по земле.

** Иордань — прорубь, вырубаемая во льду на реке или озере с целью освящения воды в полночь на Крещение.

ми, в том числе и прогностическими (см. т. 2. с. 422–429). Поэтому в конце XIX в. в с. Лебяжье Раненбургского у., а в начале 1930-х гг. в с. Кораблино Рязанского р-на, когда хозяйки выпекали кресты, на противень сыпали зерна овса, проса, ржи, гороха, «и эту пышку (заготовку из сырого теста. — *С.И.*) на эти зерна садят», а потом смотрят, какое из зерен сгорело, а какое нет. На то зерно, которое не сгорело, и будет урожай [17].

«Первой ритуально-временной границей между зимой и весной» было Сретение Господне [18] (2/15 февраля) или «Встретенье», как чаще всего говорили в народе. Это был важный день в определении погоды на всю весну. Информаторы и сейчас отмечают, что в этот день зима с летом встречаются: «Солнце на лето, весна на мороз», и если в этот день хорошая погода, то весна будет хорошая [19], — говорили и сейчас говорят сельчане. Жительница с. Старочернеево Шацкого р-на пояснила: «Сретенье — это Божья Мать встретила Христа, а на земле лето с зимой встречаются»*. В с. Меньшие Можары информатор рассказывал: «Ежели на Сустретенье Господь с Богом встречается и погода хорошая, то погода будет хорошей». Жительница с. Секирино Скопинского р-на говорила: «Встречная была нынче сурьезная, холодная, значит весна нескоро». Широко известна во множестве вариантов примета, что если на Сретенье метель, жди затяжной зимы и корма может не хватить: «...переметет метель дорогу и корм выметет» (с. Тимошкино Шиловского р-на), или: «На Сретенье метель — объедки (остатки корма. — *С.И.*) клади на поветку» (с. Малое Ардабьево Касимовского р-на).

В Клепиковском, Михайловском, Новодеревенском районах к Сретенью относили примету, которую в большинстве мест края связывали с днем прмц. Евдокии (1/14 марта), хотя одна дата отстоит от другой на месяц: «На Сретенье курочка воды напьется (т. е. будет оттепель), то на Егория коровка травы наестся». Хотя второй месяц зимы отличается сильными метелями, среднемесячная февральская температура все же немного выше январской, и в Пронском у. февраль называли «бокогреем»: «корове бок греет и воду подпускает». С Василия Постного (прп. Василий — 28 февраля / 12 марта) крестьяне начинали прибавлять лошадям корма, готовя их к предстоящей пахоте [20].

Сретенская примета о курочке, видимо, себя оправдывала, так как была весьма распространена. Возможно, небольшое февральское подтаивание способствует уплотнению поверхности снежного покрова и препятствует быстрому таянию снега весной, что может оказаться губительным для озимых при весенних возвратных холодах или может привести к недостатку влаги в почве. Хотя, с другой стороны, оттепели зимой снижают количество воды в снеге [21]. В с. Большая Алешня Ряжского р-на по погоде на Сретенье судили о лете: «Если на Встретенье солнце, то лето будет жаркое».

Во многих селениях Рязанского края, в том числе в северных Клепиковском, Касимовском районах, до сих пор на Евдокию смотрят, напьется ли курочка воды, если да, то к Егорию будет трава. А в с. Чернава Милославского р-на и с. Зимарово Новодеревенского р-на курочка, напившаяся или помывшаяся под порогом, обещала еще и хороший урожай огурцов. По сути, тот же смысл имеет и другая примета, приуроченная ко дню св. Евдокии: если в этот день тепло, то будет ранняя весна, рано появится трава, поэтому корм скоту «тремя рожками сваливай, корми досыта». Если в этот день метель перемечает через дорогу, то, наоборот, экономь корм, «одним рожком сено сваливай» (дер. Алтухово Клепиковского р-на).

По наблюдениям современных метеорологов, снеготаяние в Рязанском крае начинается 14–18 марта [22], но март — месяц коварный; в марте еще возможны морозы и метели, поэтому говорили: «Месяц марток — надевай двое порток» (Ермишинский р-н) [23] или «Вот марток — надевай пять порток» (с. Большие Можары Сараевского р-на). В дер. Алтухово замечали, что порой «на Евдокию собака сиднем западает», т. е. бывают такие снегопады, что сидящую собаку может занести.

* Священник, 350-летний старец Симеон Богоприимец принял на руки младенца Христа, с которым Богородица пришла в Иерусалимский храм на 40-й день после его рождения, чтобы принести Богу жертву за свое очищение.

На Алексея Божьего человека (17/30 марта) днем солнце начинает ощутимо греть, и талые воды соединяются в стремительно несущиеся ручьи. В с. Малахово Клепиковского р-на говорили, что на Алексея «камень разгорается — с гор вода потечет». Если же в этот день не текли ручьи, то делали вывод, что весна будет затяжной (с. Большая Алешня). В дер. Кочемары Касимовского р-на отмечали, что если в этот день мороз, «то в Москву съездишь и на лошадях назад приедешь, дороги еще хорошие и постоят еще какое-то время». Слишком интенсивный сход снежного покрова тревожил земледельца: хорошо, если «останется ледок постом», значит, земля будет долго держать влагу (дер. Аргамаково Спасского р-на).

Где-то еще зимой, а чаще в начале весны, крестьяне пытались по внешнему виду дороги делать прогнозы о будущем урожае. В Старожиловском р-не в 1930-е гг. заключали: если она была «ямой, то просá не будут урожайные, если буграми, то урожай проса. Если дорога ровная, то урожая не будет» (дер. Шелковая) [24]. Провалившиеся в марте пешеходные дорожки сулили жителям с. Петрово Ряжского р-на урожай овса. В других местах лед на дороге расценивался как залог будущего урожая на все культуры (с. Заборово Новодеревенского р-на). Жители селений по Оке Зарайского у. смотрели на проезжие дороги зимой [25], а жители дер. Аргамаково — на поверхность пешеходных дорог в начале весны, и если проезжие дороги «пупом» и пешеходная «дорожка выпуклая, когда снег садится, — к урожаю, а выемкой — к голоду». В дер. Кочемары Касимовского р-на ту же самую примету формулировали по-другому: «Если дорога выбьецца, то будут помирать людццы». Возможно, конфигурация поверхности дорог как-то и зависела от количества снега зимой и, соответственно, позволяла судить о количестве влаги весной, хотя, как нам кажется, в большей степени внешний вид ее поверхности зависел от интенсивности использования. Стоит обратить внимание на то, что именно дороге, которая является символом движения не только в пространстве, но и во времени — движения в будущее, приписывались прогностические свойства. Видимо, предполагалось, что дорога несет в себе частицу информации о таинственном грядущем, жизненно важном для тех, кто по ней ходит и ездит.

О первом весеннем месяце говорили: «Март — кривые дороги», т. е. когда во второй половине марта идет таяние снега, вскрытие рек и ручьев, то случается, что прямой дорогой не проедешь [26].

Для прогнозирования погоды весной существовала такая примета: если во время таяния снега в воздухе толкутся насекомые (комары-толкуны появляются в первых числах апреля), значит, весна будет холодной [27].

Полая вода, по мнению рязанцев, идет за неделю до или неделю после Благовещения (25 марта / 9 апреля). О приближении начала половодья, по мнению жителей Ряжского у., свидетельствовал крик филина и совы [28]. Бытописатель и помещик Зарайского у. В.В. Селиванов в середине XIX в. отмечал, что крестьяне смотрят: если на Благовещение день солнечный, то «быть грозному лету, а ежели гроза, то быть… перемочкам, пару и непременным следствием всего этого — урожаю». Пасмурный день не сулит хорошего урожая [29]. Если на Благовещение выпали осадки — независимо снег или дождь, то год будет грибным, — говорят жители Малахова. По всему Рязанскому краю по погоде на Благовещение судили о лете: солнце в этот день сулило жаркое, пожарное лето. Правда, в деревнях Алтухово и Аверкиево Клепиковского р-на та же примета приурочена к Светлому воскресенью. В некоторых местах замечали, какой будет следующий после Благовещения день: если хмурый со снегом, то жди урожая, а если без снега и веселый, то будет неурожай [30].

Уже через пять дней после Благовещения, на Марию Египетскую (1/14 апреля), говорили, что если вода подо льдом не держится, значит, началось половодье (Спасский, Касимовский и др. районы). И действительно, по данным метеоролога из Гиблицкой вол. Касимовского у. 5–14 апреля обычно начиналось половодье [31].

С приближением мая и сроков сева крестьяне начинали прислушиваться, не прогремит ли первый гром и с какой стороны. Ранний гром считался предвестником хорошей весны [32]. В Скопинском и Раненбургском уездах крестьяне в конце XIX в. говорили, что

первая туча и гром с теплой стороны обещают урожай хлебов, а с холодной — голодный год [33]. В Чернаве Милославского р-на первый гром ждали с запада, так как там Иерусалим, а если с востока — год для земледельца будет плохой [34]. В Сапожковском у. в с. Путятино считали, что первый гром с юга предсказывает урожайный год, с запада — средний урожай, а с востока и севера — неурожай [35]. По данным рязанского метеоролога и фенолога Н.С. Яхонтова, в мае, когда как раз начинаются грозы, и в последующие летние месяцы в крае господствуют западные, южные и юго-западные ветры, приносящие теплый атлантический воздух [36].

День св. Георгия Победоносца или Егория вешнего, как его называли в народе, — (23 апреля / 6 мая) был очень важной вехой земледельческого календаря рязанских крестьян. Обычно на следующий день начинали пахать под яровые и говорили: «До Егория не спеши, а с Егория не лежи» (дер. Аргамаково Спасского р-на); «На Егория резвая соха, а на Николу (9/22 мая) — ленивая соха» (с. Царево Ермишинского р-на); «Ягорий — резвая соха» (с. Черная Слобода Шацкого р-на). Можно предположить, что чем южнее, тем более вероятно, что Егория назовут «ленивой сохой», так как пахоту можно было начинать, не дожидаясь этой даты. В более южной Саратовской губ. Егория действительно называли «ленивой сохой» [37]. Тем более непонятно то обстоятельство, что так же называли Егория в дер. Четаево северного Касимовского р-на.

В народном аграрном календаре между днями Егория и Николы была еще одна дата, очень почитаемая рязанскими земледельцами, — день блгвв. князей Бориса и Глеба (2/15 мая). Если на Егория было рано пахать и сеять, то не дожидаясь Николы вешнего, полевые работы начинали 2/15 мая. В народе говорили: «Борис и Глеб — сей хлеб». А так как церковь праздновала их еще раз 24 июля / 6 августа, то тут же добавляли: «Борис и Глеб — жни хлеб» [38] (см. с. 552).

Крестьяне сопоставляли наблюдения весеннего периода и прогнозировали, каких же результатов им ожидать летом. Приметы выстраивались в цепочку, которая связывала отправную точку наблюдения с конечным результатом. Вернемся немного назад к той самой курочке, которая, напившись на Евдокию, обещает, что и конь или корова на Егория наедятся травы. Чтобы это обещание оправдалось, к Егорию должен сформироваться достаточный травяной покров, т. е. среднесуточная температура воздуха должна превысить 10 градусов. Другая, особенно распространенная в Клепиковском и Касимовском районах примета гласит, что «если на Егория лист в полушку, значит на Ильин день (Илья Пророк — 20 июля / 2 августа) рожь в кадушку». Иногда разворачивание листа на березе не связывают с какой-то определенной календарной датой, а просто говорят: «Лист в полушку, на Ильин день хлеб в кадушку» (дер. Самуиловка Касимовского р-на). Береза разворачивает лист 28 апреля–5 мая при среднесуточной температуре 10 градусов [39], т. е. разворачивание березового листа в полушку (самая маленькая монетка) совпадает с появлением на пастбищах травы, на которой уже можно выпасать крупный скот. Именно при такой температуре начинается активный вегетационный период озимой ржи. Если связать концы этой цепочки, то получается, что результатом подтаивания снега на Евдокию является уборка хорошего урожая ржи на Ильин день.

Если на Егория будет трава, т. е. достаточно потеплеет, то на Николу уже будет тепло и появятся комары: «Егорий с кормом, Никола с комарами» (с. Кочемирово Кадомского р-на, села Царево и Савватьма Ермишинского р-на).

В дер. Кочемары и с. Ардабьево Касимовского р-на по погоде на Егория вешнего судили, на какой яровой злак будет урожай, чтобы засеять им большую площадь полевой земли: «Если на Егория морозу нету, роса, то сей просà. А мороз — сей овес»; в Самуиловке того же района формулировали немного по-другому: «Если на Егория мороз, то сей гречиху и овес, а если роса, то сей просà». В ходу была еще одна примета, связанная с этим днем: «На Егория дуб одевается — конь наедается» (с. Высокие Поляны Пителинского р-на). Никаких разъяснений, когда и чем наедается конь, нет.

Появление листьев на дубе обычно совпадает с похолоданием, которое образно называют «морозом». Если то и другое случилось на Егория, то народная мудрость

рекомендует сеять овес («мороз — сей овес»), на него будет урожай, и, соответственно, конь будет сыт овсом.

В мае часто бывают похолодания: «Придет май, коровке (или коню. — *С.И.*) корму дай, да на печку полезай» (с. Демкино Чаплыгинского р-на, с. Тимошкино Шиловского р-на и др.). Доказано, что поздняя прохладная весна более способствует получению хорошего урожая, чем ранняя и теплая. Холодная погода в мае препятствует преждевременному цветению растений и тем самым предотвращает урон от возможных заморозков [40]. И в народе говорили: «Май холодный — год хлебородный». Похолодания в мае ждали в те дни, когда начинала цвести черемуха, это приблизительно 14 мая (самое раннее цветение — 5 мая, а позднее — 21 мая). В Аргамакове полагали, что после расцветания черемухи морозов уже не будет и можно все сажать и сеять.

Гадания о том, что лучше сеять, на какую культуру будет урожай, продолжались вплоть до самого сева. Жители с. Муняки Старожиловского и с. Увяз Касимовского районов в 1920–1930-е гг. наблюдали: «если сморчки сильные, то и просá будут сильные» [41]. Запел соловей в голом лесу — урожая можно не ждать [42].

С помощью примет и гаданий крестьяне пытались выяснить, какой сев лучше производить: ранний или поздний. В Старожиловском р-не в 1930-е гг. ближе к началу земледельческих работ смотрели по жукам, видимо, майским: если личинки у них под передними ногами, то лучше сев ранний, если под задними — поздний [43]. В дер. Малые Пекселы Касимовского у. время сева загодя определяли по весу первых трех яиц, снесенных курами после зимнего перерыва: если первое тяжелее, то сев хлеба надо начинать рано, если второе, то производить средний по срокам сев, и если третье яйцо тяжелее, — поздний сев [44].

Весенний празднично-аграрный комплекс был насыщен коллективными аграрными обрядами, призванными воздействовать на природу и просыпающуюся после зимы землю (см. с. 525–536). Индивидуальные магические ритуалы, направленные исключительно на свою полоску земли и свой огород с целью решения конкретных производственных задач, были немногочисленны. Те из них, которые должны были увеличить плодородие земли — *спор*, совершались главным образом в Великий четверг на Страстной неделе и на Пасху. Так, чтобы поднять урожайность своего огорода, в Тимошкине в Великий четверг выносили со двора на огород «три навильника навоза» (три раза на вилах приносили навоз), а в Кочемарах, чтобы потом хорошо росла рассада, некоторые считали необходимым утром в этот день немного покопаться на грядке; в с. Малахово Клепиковского р-на с той же целью знающие женщины в Великий четверг выгребали золу из печи или брали песок из подпола так, чтобы никто не видел, и на рассвете или накануне поздно вечером разбрасывали золу или песок в рассаднике, где вскоре должны были сеять рассаду. В пасхальную ночь в Малахове пожилые женщины обходили свои усадьбы с ладаном и свечой, а некоторые обкатывали всю усадьбу, включая огород, пасхальным яйцом. В с. Ерахтур Касимовского у. (Шиловского р-на) на Пасху после службы в церкви, независимо от погоды, хозяйки выходили на огород и обливались между грядками, как бы передавая земле часть своей силы, побуждая ее к плодоношению.

Магические ритуалы, направленные на обеспечение урожая какой-то конкретной культуры и совершавшиеся загодя, могли быть приурочены к разным датам календаря. В Чистый понедельник (первый день Великого поста), когда все женское население рязанских селений каталось с гор на донцах от прялок, чтобы лен был длинный [45], в Тимошкине, чтобы обеспечить будущий урожай огурцов, на огород бросали лапти, возможно, чтобы огурцы были такого же размера или чтобы они хорошо завязывались (вязались), как эти плетеные (вязаные) лапти [46]. Жители дер. Пекселы в 1920-е гг. в традиционное мытье полов в Чистый четверг перед Пасхой вкладывали магический смысл: тем самым они пытались в будущем очистить посевы проса от сорняков [47] и т.д.

С приближением земледельческих работ различные гадания и прогнозирование будущего урожая уступали место конкретному определению сроков и выбору дней для их начала, выверке фенологическими наблюдениями и применению на практике целого комплекса магических приемов, призванных обеспечить будущий урожай.

Магия, фенология и метеорология в земледельческом процессе (конец апреля / начало мая — начало осени)

Магия начала. Начало любого дела, а тем более такого ответственного, как пахота и сев зерновых, посадка огородов, по мнению крестьян, должно быть обязательно удачным, так как оно определяло весь дальнейший ход работы и могло сильно повлиять на результат. Магия *зачина*, магия *первого* (*инициальная*) вообще характерна для русской традиционной культуры. Поскольку все произрастающее в поле и на огороде имело свои сроки, то понятие «начала», применительно к земледельческим работам, не было одноразовым. Оно распадалось на множество «начал», и каждое из них обставлялось соответствующим образом: начало пахоты, начало сева каждого из яровых злаков, начало посадки огорода в целом и каждого овоща в отдельности. Несомненно, такая ритуально-обрядовая детализация свидетельствует о том огромном значении, которое русский земледелец придавал всем этим работам.

Прежде всего, крестьяне старались заручиться Божьим благословением и покровительством высших сил. Весной, обычно во время обхода домов причтом на Пасхальной неделе, крестьяне святили семена для ярового сева*. В с. Тума «под стол кладут сено, а в переднем углу на лавке рассыпают по холсту или насыпают в дойники зерна, — описывал в конце XIX в. этот обряд корреспондент ОЛЕАЭ, — и на эти зерна ставят иконы, которые священники носят с собою по избам» [48]. В зерно обычно ставили запрестольную икону Богородицы. В приходе с. Лебяжье Раненбургского у. при обходе домов священником староста выносил на улицу стол, ставил воду и зерно. После молебна священник бросал «овес горстями на все стороны», а мужики подставляли полы или шапки, ловили зерна и уносили их домой, а потом сеяли «на своих полосах вместе с другими зернами» [49]. В с. Большое Ардабьево освященное во время обходов на Пасху зерно называли *служенным* и, добавляя в обычное, использовали как семенное. Иногда помимо освящения семян на Пасху некоторые с этой же целью ходили в церковь на Егория вешнего, на Николу, особенно если это были престольные праздники. Уже в советское колхозное время пожилые крестьяне старались освятить семена для засева на своих усадьбах.

Ближе к началу земледельческих работ коллективно выбирался *первый пахарь*, который начинал пахоту. Это должен был быть всеми уважаемый добродетельный человек, который при всем народе получал через священника Божье благословение. В с. Константиново Рязанского у. первого пахаря выбирали на Красную горку. «После молебна избранный крестьянин прикладывается к иконам и подходит под благословение священника, — писал корреспондент ОЛЕАЭ. — Когда подойдет время пахать, он едет в поле, молится Богу и проводит несколько борозд» [50]. То же самое, только на Пасху, происходило в с. Григорьевское Зарайского у. Выбранный *запашчик* получал от священника кусок хлеба и два яйца, которые съедал на пашне, а остатки хлеба крошил в семена [51]. В с. Бусаево Рязанского у. священник благословлял *засевальщика*, он же был и первым пахарем. Никто из хозяев не имел права выехать пахать прежде него.

Первую запашку обычно производили в праздничный день, приближенный к началу работ. Поскольку она носила ритуальный характер, пахарь делал всего несколько борозд. Засевальщик из Бусаева проезжал с одного конца поля на другой через все полосы всего один раз [52]. Судя по экспедиционным материалам, в Рязанском крае этот обычай в начале 1920-х гг. уже не встречался.

В каждой семье заранее происходили выборы своего засевальщика, того, кто первым бросит в землю горсть зерна. Им становился тот (независимо от пола и возраста), кому доставалась монетка или крестик, запеченные в ритуальной выпечке — пышках, крестах, — изготовлявшейся в одних селениях на Введение или Благовещение, в других — на Крещение или Средокрестье.

* Освящали небольшую часть зерен каждого вида, а потом их смешивали с остальным семенным зерном.

Крестьяне уповали на помощь и милость Божью, поэтому молебны об урожае и, смотря по погоде, о дожде или *вёдре* (солнечной, сухой погоде) служили в церквах и на полях всю весну и лето. Участвуя в коллективных обрядовых действиях, каждый член общины экстраполировал их будущий результат на свое хозяйство, на свою полоску земли.

Большое значение придавалось дню, в который надо начинать сев в поле, высев семян на рассаду или посадку огорода. Он должен был быть *легким* и благоприятным. Время, поделенное на часы и дни недели, беспрерывно и монотонно текущее из прошлого в будущее, для русского крестьянина не было одинаковым по своим качествам. Как в течение суток были часы или минуты, пригодные или непригодные для начала какого-то определенного дела, так и дни недели и сами недели различались по своим свойствам.

В числе дней, наилучших для начала работы в поле и на огороде, в 1920-е гг. корреспондент ОИРК из Бусаева называл вторник, четверг и субботу [53]. Эти представления прочно держатся до сих пор: вторник и четверг везде считаются лучшими днями для начала любого дела. Суббота в некоторых селениях получила название *вшивого дня*, так как раньше по субботам всегда топили и мылись в банях. В дер. Отрада Путятинского р-на, например, субботу считали неблагоприятным днем для посадки картофеля: «будет шелудивым», а в дер. Михалково Новодеревенского р-на — для высадки на грядки рассады капусты.

По всему Рязанскому краю *тяжелым* днем считали понедельник. Автор статьи в «Рязанских губернских ведомостях» в 1847 г. отмечал, что по этой причине крестьяне никогда не начинают сев в этот день. Один из них сказал: «Пожалуй, посей в понедельник, так и будешь бесхлебник» [54]. Почти 80 лет спустя корреспондент ОИРК из Касимовского у. отмечал, что в этот день недели у них в с. Шостье не засевают [55]. Эти представления о понедельнике как тяжелом дне для начала сельскохозяйственных работ сохранялись в колхозное время. Некоторые председатели колхозов под разными предлогами старались перенести начало посевной на другой день недели. Жительница с. Устрань Спасского р-на вспоминала: «У нас председатель, Михаил Иванович, ни рожь жать не начнет, ни покос не начнет, ни посевную не начнет в понедельник. Никогда не начинал». Эти представления бытуют среди старшего поколения сельских жителей и в начале XXI в.

Однако хотя и редко, но встречается другое мнение. Так, в с. Бетино Касимовского у., если верить корреспонденту ОИРК, понедельник, наряду с субботой, в 1920-е гг. считался подходящим днем для начала пахоты [56]. О том, что это благоприятный день, посвященный бесплотным небесным силам и Михаилу Архангелу, неоднократно в конце 1990-х — начале 2000-х гг. приходилось слышать от пожилых воцерковленных женщин, которые недавно узнали об этом от священников.

Наряду с понедельником во многих местах тяжелыми днями называли среду и особенно пятницу [57]. «Всем известно, — писал корреспондент ОИРК из с. Мервино Рязанского у., — что в пятницу пахать грех» [58]. Пятница отмечена таким трагическим событием, как смерть Иисуса Христа. «Грех работать, когда человека хоронят. Так и это. В пятницу Спасителя хоронили, похороны были. Любая пятница, в любую пятницу очень тяжело что-нибудь делать», — говорила пожилая жительница с. Ветчаны Клепиковского р-на. Особое отношение к этому дню недели является еще и реминисценцией на почитание вмц. Параскевы Пятницы и связанные с этим днем запреты на некоторые виды работ, прежде всего женских.

Вместе с тем, в начале 2000-х гг. неоднократно в разных районах доводилось слышать прямо противоположное мнение, что среда и пятница являются лучшими днями для высадки рассады и посадки огорода, так как это «женские» дни, т. е. их названия являются существительными женского рода; в то время как «мужские» дни имеют, соответственно, окончания мужского рода: понедельник, вторник, четверг. По признанию самих информаторов, эти представления появились после многочисленных публикаций в периодических изданиях, и многие вдруг начали сажать огород в «женские» дни, полагая, что женское начало должно способствовать лучшей урожайности. Пожилая женщина с. Колыбельское Чаплыгинского р-на рассказывала, что ее дочь где-то прочитала про существование «мужских» и «женских»

дней, а раньше такого никогда не было: «Приехала моя Валя: „Мам, надо обязательно в мужской день капусту рубить“. И Таня-хожалка (соцработник. — *С.И.*) тоже говорит: „Мужской день — это понедельник, вторник, четверг, а женские — среда, пятница“. Уже пошли другие люди, уже другие науки. И вот начали». Однако представления о «мужских» и «женских» днях на территории Рязанского края все-таки были, но, видимо, они не имели такого широкого распространения, как в начале 2000-х гг.

В некоторых местах Рязанщины издавна существовал обычай высаживать на грядки капустную рассаду в среду и пятницу. В этом случае, как говорили, она хорошо завьется в вилок (дер. Урядино Касимовского и дер. Шакино Клепиковского районов), и связывали этот обычай с тем, что среда и пятница — *сухие*, т. е. постные дни. Капуста, как известно, в большом количестве употреблялась в посты, и, видимо, высадка рассады в постный день должна была подчеркнуть благочестивые намерения хозяйки и способствовать получению хорошего урожая капусты в расчете на грядущие посты.

Кроме среды и пятницы, выделяли и некоторые другие дни недели, маркированные событиями новозаветной истории и праздниками православной церкви, установленными в их честь или в память святых. Уважение верующих к событиям и лицам переносилось на тот день недели, в который выпадал праздник. В этот день нельзя были ничего начинать сеять и сажать. Происходила персонификация этих дней и наделение их особыми качествами.

Запрет на работу в день праздника Благовещения, когда архангел Гавриил принес Деве Марии весть о предстоящем рождении ею от Святого Духа богочеловека, настолько свято соблюдался и до сих пор соблюдается многими пожилыми сельчанками (говорят: «Девка косу не плетет, птица гнезда на вьет»), что день недели, на который в текущем году пришелся этот праздник, практически во всех обследованных нами селениях считается днем, запретным для посадки огорода, а раньше и для засева полей: «Нельзя землю ворочать» (с. Пятаково Сасовского р-на). Информаторы обычно называют его *благовещенским днем*.

В некоторых селениях Клепиковского р-на (куршацкие селения Малахово, Борисково, Ветчаны и др.) не сажают огород в тот день недели, в которой были Сороки (день памяти 40 мучеников — 9/22 марта). Правда, в народе этот праздник связывали, прежде всего, с прилетом 40 птиц, знаменующих торжество весны над зимой, наступление весеннего равноденствия. Все посаженное в этот день недели на огороде птицы непременно уничтожат, «повытаскивают из грядок». Существует и такое мнение: посадив в этот день недели огурцы, больше 40 штук не получишь (дер. Култуки Клепиковского р-на). В 2005 г. в дер. Андроново Клепиковского р-на информаторы старшего поколения сетовали, что Сороки и Благовещение пришлись на легкие дни: вторник и четверг, благоприятные для посадки, и осталась одна суббота, а время поджимало. Вот и пришлось нарушить все запреты.

В Ветчанах некоторые придерживаются мнения, что нельзя ничего сажать и на Иоанна Богослова — 8/21 мая: «Он правая рука Господа. Он по его руку правую сидит. В этот день не сажают ничего. Если посодишь — все градом убьет», и при этом приводят примеры из прошлого своего села, когда у не соблюдавших этот запрет односельчан все посеянное выбило градом.

Девять недель после Светлого Христова воскресения (семь от Пасхи до Троицы и две после Троицы) подразделяются на благоприятные и неблагоприятные для посадки огорода. Мы не можем с уверенностью сказать, существовали или нет эти представления раньше применительно к полевым работам. В ряде районов особенно неблагоприятной считали вторую от Пасхи — *Фомину неделю*, на которой все посаженное на огороде обязательно пойдет в «лохмушки», в «махры». Во многих местах по этой же причине ничего не сажали и не сеяли на восьмой — *Русальской неделе*[*]. В том или ином селении объявить «гнилой» или «железной» могли седьмую или пятую недели и т. д. Мы попытались систематизировать

* Русальская неделя начиналась с понедельника или вторника после Троицы и заканчивалась в воскресенье Русальским заговеньем, т. е. заговеньем на Петровский пост.

материал, чтобы установить, какие же из этих недель наиболее часто упоминаются в качестве благоприятных и неблагоприятных в разных климатических зонах, и должны признать, что никакой закономерности здесь не было. Поскольку информаторы называли не одну, а несколько недель, то у них всегда была возможность скорректировать сроки посадки огорода в зависимости от погоды и даты Пасхи (ранняя, поздняя). Раньше единым было мнение, что нельзя начинать сев и сажать огород на *Пасхальной неделе*.

В середине XIX в. В.В. Селиванов отмечал твердую уверенность крестьян в том, что если нарушить этот запрет, удачи не будет, а если соблюсти, то «Господь пошлет дождей во время, и поздний сев бывает лучше раннего» [59]. Но в начале XX в. в случае необходимости крестьяне все же выезжали в поле после обхода их селения причтом с иконами, однако все равно не раньше, чем на третий день после Пасхи.

Сеять или сажать в праздники и воскресенья в основном воздерживались, однако в конце XIX — начале XX в. этот запрет уже жестко не соблюдался, и в случае необходимости крестьяне выезжали после того, как закончится служба в церкви. Хотя были такие грозные дни, например, Казанская летняя или Ильин день, в которые не только не начинали жатву, но вообще не работали в поле. Вместе с тем, нередко встречаются рекомендации какие-то из огородных культур посадить или посеять на Троицу или Духов день, но в этом случае обычно хозяйки выбирают время между заутреней и обедней.

Дни недели в представлении народа могут быть маркированы не только событиями новозаветной истории, но также особыми явлениями природы. Например, повсеместно очень благоприятным для начала сева и посадки считался тот день недели, в который весной был самый большой разлив полой воды. Видимо, природа, проявив свою мощь в какой-то день недели, сообщала ее этому персонифицированному дню. Случается, что пик половодья приходится на воскресный день, как это было в 2005 г. в с. Большая Алешня Ряжского р-на, и жительница села рассказывала: «Я сажала помидорчики, но только уж поздно, после восьми. Это обедня отошла, к концу день».

В конце XIX и первой половине XX в. среди рязанских крестьян сохранялись представления о влиянии фаз луны на произрастание злаков и овощей. Корреспондент Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева из Скопинского у. отмечал в 1898 г., что, по мнению крестьян, дожди в основном идут при новолунии и ущербе, поэтому сев хлебов надо производить в это время [60]. В начале XXI в. информатор из с. Собчаково Спасского р-на рассказывала, что мать учила ее ничего не сажать в первый день новолуния, а подождать два-три дня. То же самое нам довелось услышать от жительницы с. Кочемирово Кадомского р-на. Она, не выждав, чтобы «обошлось немного», посадила на новолунии капусту, и та у нее «зачервивела» и «обкилела»*. Существует и такое мнение, что хорошо все сажать на полной луне, будет урожай, а на убывающей («под исход луны») надо сажать только то, что должно расти в земле: картофель, свеклу и т. д.; на «растущей луне» хорошо посеять зерновые, огурцы, — все, что должно расти над землей. Однако некоторые хозяйки полагают, что на исходе месяца сажать и сеять вообще ничего нельзя (с. Секирино Скопинского р-на).

Выбрав день для начала сева или посадки, надо было в течение его выбрать еще и нужный момент, и в этом вопросе важное значение придавалось подувшему ветру, набежавшим облакам или стаду овец, вернувшемуся в селение с пастбища, и т.д. В этом отношении интересен рассказ, записанный корреспондентом ОИРК в 1920-е гг. в с. Дубровка Касимовского у.: крестьянин поехал в поле сеять гречиху и увидел плывущего по реке на плоту старика-святого, своего покровителя. «Старик крикнул крестьянину, чтобы он подождал сеять, так как еще пока не время. Потом, отъехав несколько сажен, сказал, что можно начинать сеять. Крестьянин его послушал. Гречиха вышла на славу». В заключение автор сделал вывод, что «этот рассказ говорит о том, что в представлении крестьян для посева гречихи

* «Обкилела» — т. е. корни покрылись килами. Кила — заболевание капусты, вызванное грибком, внешне проявляется в виде мелких и крупных вздутий — кил.

важно выбрать удачно не только день и час, но даже минуту» [61]. Этот вывод, исходя из представлений рязанских земледельцев, в большей или меньшей степени справедлив применительно к любой сельскохозяйственной культуре.

Сев зерновых культур. Земледельческие работы — обычно в конце апреля — начинались после того, как почва достаточно прогреется и подсохнет. О прогреве почвы для пахоты и сева судили по сжатому в руке и брошенному комку земли. Если он рассыпался, то земля готова. Землю также прикладывали к щеке, чтобы почувствовать, насколько она согрелась. Многие вспоминают, что старики садились на землю без порток и, в зависимости от собственных ощущений, решали — пора или нет начинать земледельческие работы. Мнению такого специалиста доверяло все общество: «Был старик. И вот, бывалочи: „Где же Алексей? Где он?“ Он, бывало, портки сымя и садится на землю: „Выезжайтя! Пора“» (с. Чернава Милославского р-на).

Посевная хлебов в трудовом ритме крестьянской семьи и всего сельского сообщества была не только очень напряженным, но и необычайно ответственным периодом. Еще в начале XX в. процесс сева воспринимался как некое священнодействие: человек засеменял зерном мать-сыру землю. От сеятеля требовалась ритуальная *чистота*, поэтому накануне сева он мылся в бане, надевал чистое белье и воздерживался от супружеских отношений (дер. Александро-Прасковинка и с. Большие Можары Сапожковского и с. Петрово Ряжского уездов). Перед тем как ехать пахать и сеять яровые или озимые, вся семья земледельца, включая детей, обязательно молилась дома перед иконами. В Егорьевском у. в XIX в. была поговорка: «Богу помолясь, паши не боясь» [62]. И позже, в начале XX в., вспоминая свое детство, старейшая жительница с. Строевское Путятинского р-на рассказывала: «Мама лампадку зажигает, и мы все стоим молимся Богу, чтоб уродилось. Богу помолимся, мать скажет: „Ну, благослови тебя Господь“. И он, отец, идет, а лошадь у него уже запряженная стоит, и он едет сеять». На столе во время моления обычно лежал хлеб. Корреспондент ОИРК из с. Мервино Рязанского у. сообщал в 1920-е гг., что у них в селе принято во время моления в передний угол ставить еще и *севалку* с зерном (берестяной короб, из которого сеют на пашне), а в него — икону. Как помолятся, ехали в поле и с собой брали маленького мальчика или девочку, которые начинали засевать: бросали в землю первую горсть семян* [63].

В день сева зерновых, как при свершении любого очень важного дела: переходе в новый дом, свадьбе, отъезде в дальний путь, как при отеле коровы или опоросе свиньи, ничего не давали из дома, чтобы не отдать *спорину* — удачу, успех в деле. Корреспонденты ОИРК из сел Ерахтур и Увяз Касимовского у. подчеркивали, что взаймы не дают даже самому близкому, «иначе хлеб не родится», и в этот день за ужином не начинали резать целый хлеб, опасаясь неурожая [64].

Сеятелю обычно давали с собой *благовещенскую просфору* (*просвирку*) или выпеченный на Средокрестье крест, кусок освященного пасхального *кулича* или символ плодородия — куриное яйцо [65]. На пашне он молился на все четыре стороны и съедал часть выпечки сам, часть давал лошади и иногда остатки крошил в семенное зерно или на землю. С.А. Токарев полагал, что эти действия можно рассматривать как жертвоприношение земле [66]. После окончания сева в Мервине участники его делали яичницу и съедали ее на пашне [67].

Первыми обычно в Рязанском крае сеяли овес и горох. Овес начинали сеять сразу после Егорьева дня, но при этом во многих местах следили за тем, чтобы заквакали лягушки, а в лесу у корней деревьев и на гнилых пнях появились красные козявки [68]. В Малом Ардабьеве Касимовского р-на говорили, что «лягушки заквакали — земля расступилась», т. е. готова к севу. По всему краю известна поговорка: «Сей овес в грязь, будешь князь», т. е. земля должна быть достаточно увлажненной. В период прорастания семенам овса требуется 60% воды от их веса. И в дальнейшем овсу нужна влага, поэтому справедлива еще одна поговорка: «Лягушка

* К сожалению, автор не уточнил, всегда ли в его селе сев символически начинали дети, которых принято считать безгрешными, «ангельскими душками», или во время выборов в семье засевальщика (см. выше) им досталась пышка с крестом или монетой.

квачет, овес скачет» (с. Маклаково Скопинского у. [69], с. Малахово Клепиковского р-на). Лягушки, как известно, квакают перед дождем, который и способствует быстрому росту овса.

Посев гороха на левобережье Оки обычно начинали с прилетом первых ласточек в начале мая. В Пекселах Касимовского у. перед тем, как пахать и сеять горох, впереди сохи бросали шубу, чтобы горох хорошо разваривался [70], хотя обычно шуба, так же как вообще шерсть и сами овцы, символизировала богатство, множественность.

Ячмень, который в Рязанском крае сеяли в очень малом количестве, был ранней культурой, но если сев поздний, то старались приурочить его к Троицкой субботе или ко времени цветения калины [71].

После овса и гороха сеяли более теплолюбивое просо. В дер. Ряссы Новодеревенского р-на в 1930-е гг. время посева проса определяли по тому, обвалился или нет лед на колодцах (видимо, на срубах внутри), и еще смотрели, выглянули или нет птенцы из скворечников [72]. Жители с. Увяз Касимовского у. [73] и с. Пятаково Сасовского у. при единоличном хозяйстве старались посеять просо в тот день недели, когда был самый сильный разлив реки. Выбирая момент для начала сева, крестьяне с. Константиново Рязанского у. в конце XIX в. руководствовались своими наблюдениями, сделанными в Светлое воскресенье: если в этот день вёдро было до обеда, то и просо нужно сеять до обеда, если вёдро после обеда, то и посев проса следует производить после обеда [74]. Мужики слободы Захупта близ г. Ряжска старались выехать сеять просо затемно, пока бабы не затопили печи и из труб не пошел дым, надеясь тем самым избежать появления на посевах головни* [75]. Скорее всего, причиной ее появления считался дым из труб, так как если раздавить образованное головней темное утолщение на стебле или кисти, оттуда, как дым, вылетает темная пыльца (споры гриба), но, возможно, крестьяне видели некую связь между затопленной печью и почерневшим от головни, как бы сгоревшим, зерном.

Просо в отличие от других злаков прорастает медленно, а за это время успевают хорошо развиться и укрепиться сорняки, прополка которых очень трудоемка, поэтому во время сева особенно актуализировалась задача магического очищения будущих посевов от сора, над решением которой некоторые начинали трудиться еще в Чистый четверг (см. выше). Накануне сева обычно опять чисто мели или мыли полы в доме [76] и особенно строго соблюдали требование, чтобы засевальщик был чистым и ехал сеять в чистой одежде. В дер. Аргамаково Спасского у. мужики сеяли просо в чистых белых подштанниках, но и это, по словам информаторов, не спасало от сорняков.

Закончив сев проса, крестьяне приступали к севу льна в поле и конопли на огородах. В Константинове, по сообщению корреспондента ОЛЕАЭ, сев льна производили «на царя Константина» (21 мая / 3 июня) [77]. В один день с царем Константином (римским императором) церковь празднует и его мать — царицу Елену, которую в других губерниях называли «льяницей», но в Рязанском крае нам это прозвище не встретилось.

Лен сеяли, прежде всего, на волокно (хотя из его семян получалось хорошее масло), из которого женщины ткали холсты, поэтому магические обряды, совершаемые при посеве льна, были направлены на получение качественного длинного и белого волокна. В Рязанской губ. был широко распространен обычай устраивать весной ближе к севу (на Пасху, Красную горку, а чаще — Духов день) мирские молебны об урожае и крестные ходы по полям, а после них катать дьячка, дьякона или даже священника по вспаханному полю перед севом льна, чтобы лен был гуще и волокнистее; иногда им за это платили деньги (с. Тума Касимовского у., с. Лебяжье Раненбургского у.; села Слемские Борки и Белоомут Зарайского у.) [78]. Е.Г. Кагаров считал этот обычай остатком древнего магического обряда сочетания жреца со жрицами на поле с целью стимуляции плодоношения земли [79].

Сев льна обычно сопровождался ритуальными действиями с яйцами. Вареное яйцо — целое или раскрошенное — клали в короб с семенами; яйца давали сеятелю с собой, и на пашне он подбрасывал их вверх, а потом съедал. В с. Бетино Касимовского у. эти действия объясняли

* Головня — болезнь растений, прежде всего злаков, вызываемая паразитическими грибами, образующими большое число спор с темным содержимым.

желанием, «чтобы лен уродился хорошим» [80]. Иногда подбрасывание яиц совершали не во время сева, а позже, например, в Пекселах — в Петровское заговенье (следующее после Троицы воскресенье), чтобы лен родился высоким [81]. В селениях Большое Ардабьево и Большой Мутор Касимовского у. сеятель съедал два яйца по возвращении домой, чтобы лен родился чистый и белый, как яйца [82], а в с. Тимошкино Спасского у. скорлупки от освященных на Пасху яиц он разбрасывал по первой борозде. Аналогичные действия с яйцами совершали и в других уездах Рязанской губ. В дер. Шемякино Касимовского у. еще в начале XX в. сеятель льна засевал поле, сняв портки и подштанники [83], возможно, это был акт продуцирующей магии, но возможно, нагота должна была разжалобить лен, и он после этого лучше уродится *. Н.И. Лебедева в своих полевых материалах, собранных в Рязанской обл. (без указания конкретного места), зафиксировала обычай сеять лен без порток: «Старик берет свиту** и скидает штаны и рассевает без них лен. Идет в свите: лен родится подлиннее — предмет имеет длинный рост и лен будет длинный» [84].

Поедание яиц на пашне перед севом льна. Касимовский у., дер. Шемякино Фото В.М. Машечкина 1914 г. (РЭМ. Фототека)

Сев льна без порток. Касимовский у., дер. Шемякино. Фото В.М. Машечкина 1914 г. (РЭМ. Фототека)

Особых примет и ритуалов с посевом конопли, которую считали менее ценной культурой, чем лен, но в Рязанском крае она была более распространенной, не зафиксировано, кроме обычая крестьян Зарайского у. сеять ее на пятой и седьмой неделях после Пасхи и воздерживаться от сева на шестой [85].

Гречиха по срокам сева — последняя из яровых зерновых культур и, по мнению крестьян, самая капризная. Более-менее значительные площади она занимала в Заочье. На остальной территории ее сеяли не много. Сев гречихи обычно начинали на Акулину-гречишницу (13/26 июня) или *акулинки*, но также сигналом к началу сева гречихи служил полетевший пух одуванчика или тополя.

Для сева этой культуры, как уже говорилось выше, было особенно важно, по мнению земледельцев, правильно выбрать момент. Старейшие жители дер. Кочемары Касимовского р-на и с. Стублё Михайловского р-на вспоминают, что раньше, при единоличном хозяйстве, сеять ее выезжали попозже вечером, когда уже темнело. Во время сева, как считалось в Заочье, должен дуть легкий южный ветерок, иначе урожая не жди. Хорошо сеять гречиху, когда на небе густые облака — будет урожай [86].

---

* Известны случаи, когда при посеве льна женщина раздевалась на пашне в надежде, что «лен, глядя на ее наготу, сжалится над ней... и получше уродится» (*Максимов С.В.* Нечистая, неведомая сила. М., 1993. Т. 2. С. 468–469).

** Свита — мужская и женская крестьянская верхняя одежда из домашнего сукна, халатообразная или на крючках, со сборами по спинке или вставными клиньями, расширяющими полы, длиной обычно до щиколотки.

Озимую рожь сеяли во второй половине августа — начале сентября. На семена для озимого сева шло зерно только что собранного урожая, которое обычно святили на Первый медовый (1/14 августа) и Второй яблочный (6/19 августа) Спасы, реже на Успение Богородицы (15/28 августа) или на Фрола и Лавра (18/31 августа). Существовала поговорка: «Озимый хлеб сеять хоть в зóлу, но в пóру» [87], хотя на практике в очень засушливые годы посев переносили на сентябрь [88].

Посадка огорода. Комплекс всевозможных примет, наблюдений и ритуалов, связанных с огородничеством, сохранился значительно лучше, чем аналогичный комплекс, связанный с полевым земледелием. Это обусловлено тем, что огород и после коллективизации оставался той территорией, на которой земледелец продолжал вести традиционное крестьянское хозяйство. Кроме того, огородничеством занимались женщины, являющиеся, как известно, наиболее традиционалистски настроенной частью населения.

Трудно согласиться с мнением С.А. Токарева, полагавшего, что хозяйственная магия не органична для восточных славян и «обращение к силам сверхъестественным было делом не таким частым» [89]. Весь процесс непосредственной работы на земле, каждый его этап сопровождался магическими ритуалами, и это особенно очевидно в огородничестве.

Еще до того как начинались основные огородные работы, хозяйки сеяли в рассадниках семена, главным образом, капусты, кое-где — табака, а с 1920-х гг. еще и помидоров. Семена капусты на рассаду лучше всего, как всегда считалось, сеять в Великий четверг, чтобы мошка ее не ела. В дер. Самуиловка Касимовского р-на некоторые и поныне сеют на рассаду если не в Великий, то в любой другой четверг. Но поскольку Пасха и, соответственно, Великий четверг могут быть очень ранними* или слишком поздними для высева семян, то больше ориентировались на погоду и во многих местах высевали на Егория (села Большие и Меньшие Можары, Бычки Сараевского р-на, с. Вослебово Скопинского р-на, с. Кочемирово Кадомского р-на). В Пекселах Касимовского у. старались посеять семена в тот день недели, когда тронулся лед [90]. В дер. Шакино Клепиковского р-на самым удачным для сева семян на рассаду считали момент появления вечером на околице вернувшегося в село стада, тогда капуста будет крупная, а хозяйки дер. Култуки того же района в тот момент, когда пастухи пригоняли овец и распускали стадо по селению, замачивали семена огурцов для будущего посева.

Основная работа на огородах начиналась после окончания работ в поле и достаточного прогрева почвы — ближе к концу мая. Информаторы отмечают, что раньше все сажали значительно позже, чем теперь. При посадке огорода, как и при других земледельческих работах, первичными ориентирами были даты церковного календаря. День Егория вешнего, служивший отправной точкой в череде полевых работ, в огородничестве не играл особой роли. Для огородных культур было еще слишком холодно, к тому же в это время шел сев яровых хлебов. Более значимой датой календаря был день Николы вешнего. В одних местах картофель сажали до него, но чаще — после, так как до Николы, по убеждению многих, бывают заморозки. В тех селениях, где престольный праздник приходился на май, его обязательно включали в аграрный календарь. Например, в селах Корневом и Секирине Скопинского у. престольными праздниками был день блгвв. князей Бориса и Глеба (2/15 мая), и там картофель старались посадить, если позволяла погода, до этой даты. Арина-рассадница (5/18 мая), на которую было принято высаживать рассаду в грунт, не была широко известна в Рязанском крае, хотя о ней вспоминают информаторы из некоторых селений Клепиковского, Касимовского, Сараевского районов. Семена теплолюбивых огурцов и редьки часто сажали на Троицу и Духов день. В с. Канино Сапожковского р-на огород начинали сажать со дня прп. Пахомия Великого (15/28 мая), о котором говорили: «Вот Пахом с теплом подошел, теперь можно всю рассаду высаживать». Ориентиром для посадки последних огурцов, которые шли

* В.В. Селиванов писал, что в Зарайском у. в середине XIX в. семена на капустную рассаду сеяли в Великий четверг даже если еще холодно: «разрывают снег, заранее приготовляют гряду и рассаду все-таки сеют» (*Селиванов В.В.* Год русского земледельца. Зарайский уезд Рязанской губернии. Рязань, 1887. С.5).

на засолку, был день равноапп. Елены и Константина или *Лёльки* — по выражению информаторов из с. Тимошкино Шиловского р-на (21 мая / 3 июня), а в Сасовском р-не их сажали на Обретение (Третье обретение главы Иоанна Предтечи — 25 мая / 7 июня). Самой последней сажали репу, в некоторых селениях, таких как Путятинские Выселки Раненбургского у., это делали ближе к Петрову дню (29 июня / 12 июля).

Раньше посадку той или иной культуры старались приурочить к определенным неделям из девяти, следующих после Пасхи. Некоторые придерживаются этого правила и в начале 2000-х гг. Ориентируясь на святцы и подобрав ближайшую благоприятную неделю, хозяйки обязательно сверяли свой выбор с бытовавшими в селении приметами и с результатами собственных наблюдений. Поскольку среднесуточные температуры, необходимые для посадки различных огородных культур, существенно отличались (от 6–8 градусов для капусты до 14–15 градусов для огурцов), то для каждой из них существовали и свои сроки и приметы.

Фенологические приметы, касавшиеся сева одной и той же культуры, в разных местах, даже расположенных на одной широте, могли существенно отличаться, так как разные по качеству почвы прогреваются в разное время. Жительницы с. Строевское Путятинского р-на считали, что земля для посадки огорода прогрелась, если в верхнем слое появились дождевые черви. В дер. Аргамаково Спасского р-на ждали, когда на смородине и крыжовнике распустятся листочки. В Пителинском и Ряжском районах одни сажали картофель, когда цветет черемуха, другие смотрели, чтобы лист на березе распустился с копейку. В дер. Борисково Клепиковского р-на некоторые до сих пор ориентируются на величину березового листа и говорят, что, когда при посадке картофеля листик небольшой, урожай будет хороший, «а когда в пятак, проработаем за так», т. е. вовремя не посадишь и ничего не получишь. В Сасовском р-не картофель сажали, когда зацветали яблони.

Главной приметой для посева семян огурцов и редьки был полетевший пух одуванчиков и тополей. И даже если в селении было принято делать это в определенный день, например, в Троицкую родительскую субботу, как в с. Высокие Поляны Пителинского р-на, то все равно смотрели, полетел или нет пух одуванчиков. На летящий пух ориентировались в Михайловском, Клепиковском, Ухоловском и др. районах. Одуванчик в Рязанском крае цветет и пускает по ветру семена с середины мая по начало июня. Температура земли, воздуха и влажность в это время оказываются достаточными для прорастания семян одуванчиков и быстрого роста слегка проращенных семян огурцов.

Однако старые женщины Тимошкина, специализировавшегося на выращивании огурцов на рынок, не доверяя приметам, пытались определить срок их посадки тем же способом, каким старики определяли срок сева в поле: они садились обнаженным задом на землю.

Даже установив сроки и сверив их с фенологическими приметами, хозяйки старались начать работы в тот день недели, в который весной был наибольший разлив полой воды [91] (с. Муняки Старожиловского р-на, с. Красное Пронского у., дер. Борисково Клепиковского р-на). Жители с. Царево Ермишинского р-на до сих пор вспоминают советы своей односельчанки: «У нас, бывало, бабка Ксения, упокойница, скажет: „Ой, ныне какая вода-то сильная шла. В этот день надо огурцы сажать“».

Для многих важно было подгадать посадку овощей к моменту, когда на небе появятся большие облака. «Небо чистое — это пустой день», — вспоминала информатор из с. Ижевское Спасского р-на слова своей матери. В дер. Кочемары Касимовского р-на жила такая же, как в Цареве, всезнающая старуха, которая, увидев на небе облака, говорила соседкам: «Иблака, ой, надо огурцы сажать. Иблака пошли, иблака». Каждой хозяйке приходилось выбирать ту комбинацию календарных дат, благоприятных недель, дней недели и примет, которая казалась ей наиболее подходящей. Правда, со временем таких хозяек становилось все меньше, а сроки все в большей степени определялись приездом детей из города или выделенной из колхоза для вспашки огородов лошадью (позже — трактором). Последние десятилетия XX в. в огородном календаре прочные позиции заняли даты, получившие название: «на майские» (1 мая и 9 мая).

Огороды пахали или «копали под скрябку» (под лопату) мужчины, а начинали засаживать старшие в семье женщины-хозяйки. К женщине предъявлялось то же требование, что и к засевальщику-мужику: она должна была быть чистой. Некоторые наши собеседницы говорили, что они сами и сейчас придерживаются этого правила: «Когда что сажаешь, надо самой быть чистой. Если ты сама чистая сажаешь или там сеешь, все будет чисто, без сорняков. Сорняки будут, но не столько» (с. Большая Алешня Ряжского р-на). Такие параллели между ритуальным поведением мужчины-сеятеля и женщины, засаживающей огород, совершенно очевидны на протяжении всего производственного периода.

Информаторы старшего возраста говорят, что и сейчас, начиная сажать огород, они обязательно надевают чистые платок и передник. При посадке в грядки капустной рассады платок должен быть белым, чтобы и капуста была такая же белая (с. Полтевы Пеньки Кадомского р-на [92], Клепиковский, Ряжский и др. районы). В дер. Урядино Касимовского р-на раньше, кроме белого платка, женщины надевали под сарафан нарядную белую с кружевом *подставу*[*], а подол сарафана подтыкали под пояс, так чтобы подстава была видна, и в таком виде сажали капусту в грядки.

Перед посадкой огорода было общепринято (как перед началом любого серьезного дела) попросить благословение у Господа, прочитать какую-нибудь известную молитву, перекреститься. Жительница с. Малахово Клепиковского р-на вспоминала, как бывало ее свекровь выйдет в огород, грядки три перекрестит, а потом скажет: «Господи, благослови, людей первых останови (имеется в виду воров. — *С.И.*), а мне, последней, помоги», и потом уже молча сажала. Некоторые женщины говорят, что у них есть свой покровитель: святой или ангел-хранитель, которого они призывают на помощь, когда идут сажать. Жительница с. Новопанское Михайловского р-на рассказывала, что она всегда просит помочь свв. Бориса и Глеба: «Ой, девки, милаи, как же он помогае! Я вот капусту… я ей разу не полила. Никто не поверя. Только с усердием [молилась]. Я даже прослезилась. Говорю: „Мне воду таскать некому. Господи, Глеб-Борис, уроди мне, грешной“». Другая собеседница из с. Темгенево Сасовского р-на рассказала, что всегда обращается за помощью к прп. Серафиму Саровскому. Многие призывают свт. Николая Чудотворца. Неоднократно информаторы говорили, что, идя на огород, они обязательно скажут: «Ангел мой, пойдем со мной». В конце 1990-х в некоторых сельских церквах стали продавать небольшие молитвословы для сельских хозяев, в которых собраны молитвы для выращивания огородных культур, против вредителей и рекомендации, кого из святых призывать на помощь. И верующие теперь часто говорят, что покровителем огородов является евангелист Лука, и они молятся ему.

Некоторые пожилые женщины, отправляясь сажать огород, и сейчас берут с собой освященную в церкви благовещенскую просфору, реже *коливо*[**], обладающие, по традиционным народным воззрениям, особой благодатной силой и воздействующие на плодородие земли. В пятницу на первой неделе Великого поста верующие дер. Аргамаково и сел Исады и Кутуково Спасского р-на специально ходили пешком в церковь в с. Срезнево Шиловского р-на (в 1990-е гг. начал действовать храм в с. Исады) и приносили оттуда освященное коливо, которое потом по щепотке раздавали своим родным и соседям. Они разбрасывали его на своих огородах после вспашки, приговаривая: «Зародись на всех стоящих, молящих, поющих, на всех старцев, на всех нищих». Некоторые придерживаются этой традиции и в начале 2000-х гг. В с. Петрово Ряжского р-на коливо разбрасывали по посадкам картофеля. В с. Устрань Спасского р-на посадка лука, который еще в 1980-х — начале 1990-х гг. в больших количествах выращивали на продажу, сопровождалась определенным обрядом: на огород выносили хлеб, соль, яйцо, складывали все это на грядку и молились на все четыре стороны, говорили: «Зароди, Господи, на всех православных». Когда три ряда посадят, то в грядку закапывали оставленное от Пасхи яйцо.

* Подстава — нижняя часть рубахи, которая выполняла роль нижней юбки.

** Коливо или кутья — обрядовая пища, состоящая обычно из зерен пшеницы, сваренных с медом или сахаром. В пятницу на первой неделе Великого поста в церквах идет служба в память вмч. Феодора Тирона, во время которой освящают коливо.

В некоторых селениях взятую с собой на огород просфору женщина, прежде чем приступить к работе, съедала (так же как пахарь съедал на пашне что-нибудь из ритуальной выпечки или яйцо) (с. Захарово Захаровского р-на, с. Темгенево, дер. Аргамаково). Многие клали ее на грядку, а некоторые закапывали просфору в начале грядки и оставляли ее там или после посадки огорода выкапывали и забирали домой (с. Нармушадь Шиловского р-на). Существует мнение, что грех не только закапывать освященную просфору, но даже класть на землю; достаточно просто держать ее в кармане (с. Старочернеево Шацкого р-на).

Практически все известные нам магические ритуалы, совершавшиеся на огородах, касались самых необходимых для крестьянского стола овощей: капусты, огурцов и картофеля, в меньшей мере — лука. Они имели, прежде всего, характер *имитативной магии*, предполагающей возникновение сходства не связанных между собой явлений. Белое яйцо, положенное в рассадник [93], белый платок на голове женщины, высаживавшей капустную рассаду, должны были способствовать тому, что капуста вырастет белой, а если в начале грядки ставили еще и большой чугун или ведро (или ими накрывали первый кустик капусты), накрытые белым платком или холстом (это делали практически повсеместно), то вилки должны вырасти еще и очень крупными.

В Пекселах Касимовского у. в 1920-е гг., когда шли сажать огурцы, привязывали к ноге длинное круглое полено и тащили его до огорода или брали с собой, чтобы огурцы были длинные и прямые [94], а в с. Бычки Сараевского р-на еще в 1950-е гг. между огуречных грядок некоторые оставляли тяжелую ось от тележных колес, чтобы огурцы были такие же «сильные».

Для получения крупного картофеля необходимы были облака на небе, и желательно кучевые. Если облаков во время посадки было мало, то в с. Терехово Шиловского р-на женщины сетовали: «Ой, чой-то мало облаков. Не плянистая будеть картошка» (т. е. будет мало клубней на одном корне). В с. Большие Можары Сараевского р-на, когда при посадке картофеля на небе появлялись кучевые облака, говорили: «Картошка будет обломянная» (крупная, отборная). И хотя некоторые рационалисты говорят: «Не смотри на тучи, навоза клади кучи» (с. Ижевское Спасского р-на), иногда в магических действиях оказывается вполне рациональное зерно. Так, большие кучевые облака предвещают теплую погоду и грозовые дожди, что, бесспорно, благотворно действует на посаженные овощи и будущий урожай. А обилие на небе облаков, обещающих «сильный» урожай огурцов, предотвращает пересыхание семян.

Поскольку предполагалось, что какова хозяйка, засаживавшая огород, такова будет и продукция этого огорода, то первые луковицы в с. Устрань еще в 1980-е гг. всегда поручали посадить самой полной в семье женщине. Это же касалось посадки картофеля. А в с. Морозовы Борки Сапожковского р-на первой начинала сажать его многодетная женщина, при этом приговаривая: «Родись родистая, плодистая, такая как я». В с. Дегтяные Борки Ухоловского р-на считают, что закончив сажать картофель, надо обязательно присесть хотя бы на пять минут на грядку, и особенно хорошо, если на ней посидит тучный человек, тогда картошка будет такая же крупная. В с. Чернава Скопинского р-на толстая женщина, севшая на грядку после высадки капустной рассады, должна была сказать: «Родись такая капуста», а в дер. Кочемары Касимовского р-на она должна была задрать юбку и соприкоснуться с землей обнаженным задом, т. е. как бы передать ей часть своей женской силы. Видимо, это не только ритуалы имитативной магии, но и остатки архаических оргиастических обрядов, когда-то совершавшихся с целью стимуляции плодоносящих сил земли.

Магические ритуалы часто сопровождались приговорами, которые на деле являются заклинаниями. Так, посадив капустную рассаду, говорили: «Капусту я посадила белую, чтоб такой ты, вилок, был белый и большой» (с. Малахово Клепиковского р-на); «Не будь голенаста, а будь пузаста, не будь стара, будь молода» [95], а закончив сажать картофель, приговаривали несколько раз: «Ботва в оглоблю, а картошка в колесо» (с. Ижеславль Михайловского р-на), «Картошка, уродись мне и добрым людям» (дер. Михалково Новодеревенского р-на).

Магические средства защиты посадок касались почти исключительно капусты, как, видимо, самого легко уязвимого овоща. Очень широко в Рязанском крае распространен обычай сажать первый корень капустной рассады вместе с крапивой, которая в народной традиции обладает *апотропейными* (защитными) и, вместе с тем, продуцирующими свойствами. Одни информаторы говорят, что она обжигает мушек, которые обычно уничтожают рассаду (дер. Карпово Клепиковского и с. Царево Ермишинского районов), и переманивают с капусты червяков (гусениц), особенно если произнести приговор: «На крапивку червяшок, а капустка — в корешок» (дер. Часлицы Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл., бывш. Касимовский у.); другие полагают, что крапивы боится мороз, так как она обжигает его, а в мае — начале июня бывают заморозки на почве (с. Дегтяные Борки). В Клепиковском р-не в куршацком с. Ветчаны вместе с крапивой втыкали еще и очищенную от коры липовую палочку, чтобы капуста была такая же белая, хотя очищенная липовая палка (*лутошка*) считается в Рязанском крае оберегом от нечистой силы и колдунов, также рядом втыкали желтый цветок лютика. Чтобы сберечь капустную рассаду от кур, в с. Демкино Чаплыгинского р-на первый ее кустик сажали «зажмуркой», видимо, чтобы куры ее не увидели и не клевали.

Помидоры появились на огородах рязанских крестьян сравнительно недавно: в 1920–1950-е гг., и люди осваивали их выращивание без специальных примет и «помидорных» магических ритуалов, правда, к ним стали применять общие для всех огородных работ в каждой местности запреты и рекомендации, как то: не сажать в благовещенский день или, наоборот, высаживать на какой-то благоприятной неделе по Пасхе и т. д.

Каждый раз, завершив посадку той или иной культуры, а потом всего огорода, по словам женщин старшего возраста, они, перекрестившись по русской традиции, обращаются к Господу: «Господи, народи, Бог, на всех православных, хожих и прохожих, народи такой урожай, как на небе облака» (дер. Шакино Клепиковского р-на); «Зароди, Господи, на Божью долю» (с. Покровское Ухоловского р-на); «Господи, благослови. Уроди, Господи, на малых ребят, на брюхатых баб, на православных людей» (с. Дегтяные Борки того же района), т. е. просят не именно для себя, а для всех нуждающихся, на весь православный мир, рассчитывая, что Бог услышит и даст большой урожай. Раньше об этом просил и каждый сеятель, завершив работу в поле. В.В. Селиванов отмечал бытовавшее в середине XIX в. среди крестьян Зарайского у. мнение, что сеять такую культуру, как горох, надо близ проезжих дорог, «чтоб прохожие и проезжие могли им пользоваться», а «за это Господь вознаградит большим урожаем» [96]. Урожай, выращенный с Божьей помощью, рязанские крестьяне расценивали как данный не только им за их труд, но и на всех нуждающихся, поэтому-то и считалось грехом отказать нищему в куске хлеба. Это представление, очень высоконравственное по своей сути, хотя и редко, но еще встречается среди сельских жителей. Информатор из с. Устрань Спасского р-на рассказывала, как у ее соседки кто-то выкопал три кошелки картошки, и она, обнаружив пропажу, уже хотела заругаться, но муж ей строго сказал: «Не ругайся. А как садим-то!? „Зароди на всех“. Может, им потребовалось!? Пусть они едят».

Период роста и созревания. После проведенного сева в поле и посадки огорода земледелец напряженно вглядывался в небо, ожидая дождя или вёдра. Избыток и недостаток влаги могли свести к нулю все его усилия. Еще весной крестьяне смотрели: «Если ольха распустится раньше березы, лето будет хорошее» [97] или «Если береза вперед распустится, то лето будет сухое, а если осина — то мокрое» [98]. Крестьяне с. Ардабьево Касимовского р-на полагали, что хлеб, пироги, испеченные из ржи и даже пшеницы, созревавших при ненастной погоде, будут темными, а при ведренной — белыми. Дожди были особенно нужны до Ивана Травного и в конце августа, перед севом озимых. А вот с Петрова дня и до Казанской или до Ильина дня, когда был самый разгар сенокоса и уборки хлебов, была нужна хорошая погода. Но часто природа преподносила сюрпризы, и дожди шли, когда их не ждали. По этому поводу в Рязанском крае корреспондентом ОИРК была записана шутка: Бог велел Илье Пророку: «Пошли дождь, где просят», а тот не расслышал и послал дождь, где косят.

А когда Бог велел ему: «Пошли дождь, где ждут», пророк опять неправильно понял указание и послал дождь, где жнут [99].

В весенне-летний период земледельцы с тревогой следили за появлением на горизонте грозовых туч. Градобитие — не очень частое природное явление в Рязанском крае, но и одного-двух случаев в округе хватало, чтобы рассказы о них передавались из уст в уста на протяжении нескольких поколений. При первых раскатах грома в разных уездах, а позже — районах, крестьяне выкидывали из домов серпы и топоры, где-то помело или веник, сковороды, ложки или вербу, а первенец в семье для прекращения начавшегося града должен был надкусить градину. Хорошим оберегающим средством считалась богоявленская (крещенская) вода, и некоторые предусмотрительные крестьяне, по сообщению В.В. Селиванова, еще с весны зарывали на своих полях склянки с этой водой, и, по его словам, часто бывало так, что эти поля оставались невредимы [100].

Летние погодные приметы направлены на выяснение прогноза на текущий или ближайший день: «Если летом во время восхода солнца стоит духота — вечером будет дождь»; «Если лес шумит без ветра — будет дождь»; «Если поле шумит — будет ясно»; «Если летом ветер дует с юга или запада — к ненастью, с юго-запада — ненастье затянется долго»; «Высокая и круглая радуга — к вёдру, пологая — к ненастью»; «Если утром много выпадает росы — будет жаркая погода» и т. д. [101]. Крестьяне делали прогноз и по цвету солнца, говорили, что если солнце утром красное, то будет дождь. Известно, что влага в воздухе способствует набуханию частиц пыли, которые усиливают красный цвет. Если молодой месяц крутой, можно ведро повесить — к «мочливой» погоде, а пологий — к сухой (Сараевский р-н). К дождю куры высыпают на улицу, и ветер дует с юго-востока (Егорьевский у.) [102]. Если туман низко стелется по земле — погода будет сухая, а если туман высоко — жди дождя. Крестьяне следили за поведением насекомых, земноводных, птиц, животных. Муравьи закрывают входы в муравейник, пчелы возвращаются в улей, лягушки прыгают по суше или жаба выползла на траву, ласточки летают низко, стадо разревелось к вечеру, лошадь фыркает или свинья визжит — все это предвещает дождь [103] (Ермишинский, Сараевский районы). Многие из этих примет известны среди сельских жителей и в начале нового столетия.

Даже летом, когда наливался колос и, казалось бы, уже можно было с уверенностью судить об урожае, крестьяне Зарайского у. присматривались, появились или нет грибы и много ли их, так как обилие грибов в лесу предвещало обилие хлеба. Видимо, для того и другого требовались одинаковые климатические условия, так же как урожай ржи, по наблюдениям крестьян того же уезда, всегда сопровождался урожаем картофеля. Большое количество мух летом предвещало урожай гречихи [104]. О количестве клубней картофеля на кустах гадали по числу зернышек в стручках акации (с. Секирино Скопинского, с. Большие Можары Сараевского районов). Буйное цветение рябины во многих местах считалось залогом того, что уродится хороший крупный картофель (с. Темгенево Сасовского, с. Большие Можары Сараевского районов).

В период созревания урожая каждый крестьянин и крестьянка старались сделать все возможное, чтобы вырастить и сохранить посеянное и посаженное на своих полосках земли в поле и на огороде. Среди жителей куршацких селений Култуки и Ветчаны сохранились воспоминания о существовавшем у них еще в 1920-е гг. обычае приглашать батюшку отслужить мирской молебен и обойти поля на Егория или в Троицкую субботу, а после обхода покатать его *на зеленях* (озимых посевах ржи), приговаривая при этом, «чтобы ржица была такая-то хорошая». В те же годы девушки из Малого и Большого Ардабьева Касимовского у. на Петров день ходили на засеянные льном загоны и втыкали в землю длинные прутья, приговаривая: «Уродись, лен, как эта тычина, будь белый, как белина». В с. Терехово Шиловского р-на его старейшая жительница рассказала о том, что уже в колхозное время до войны, когда просо стали сеять на своих огородах, с целью защиты его посевов от воробьев старухи на заре обнаженными обегали огороды. Эти действия вполне вписываются в магическую практику славян [105].

Как и при посадке огорода, в период созревания овощей большинство магических действий было направлено на грядки с капустой и огурцами. Капусту периодически посыпали золой, взятой из печи в Великий четверг (повсеместно), или пылью, взятой с проезжей дороги (дер. Старое Батурино Рыбновского р-на), чтобы не было гусениц. Чтобы капуста завилась в вилки, в с. Березово Шиловского р-на на Петров день кочан накрывали платком и нагими обегали капустные грядки, в с. Кутуково Спасского р-на на Казанскую у него заламывали нижний лист, а в с. Нарма Ермишинского р-на после обедни в день св. Ильи женщины шли на огород и, крестясь, ходили между грядками, размахивая над капустой снятыми с голов платками, при этом приговаривая: «Илья-пророк, завей вилок, как белый платок!» [106].

Что касается огурцов, то здесь главной проблемой было слабое цветение или большое количество пустоцвета. Если огурцы плохо цвели, то в Тимошкине и Константинове Шиловского р-на девочек отправляли на огород побегать вокруг грядок обнаженными. В Тимошкине еще в 1970-е гг. в предупреждение пустоцвета рано утром, до света, некоторые старухи нагие обегали огуречные грядки, а то и весь огород. И с этой же целью в этом же селе было принято первые огуречные цветки бросать в колодец: «Придешь — полколодца цвятков». То же самое делали и в известном своими огурцами с. Троица (с. Троице-Пеленицы) Спасского р-на. В селениях на севере бывшего Касимовского у., а ныне южной части Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл., в колодец бросали первые пустоцветы. Видимо, изначально это была жертва какому-то божеству.

Для предупреждения пустоцветов в с. Увяз Касимовского у. в 1920-е гг. женщины срывали первые цветки и бросали их в овечье стадо, когда вечером оно возвращалось в село [107], а в с. Секирино Скопинского р-на и с. Озерки Милославского р-на их кидали перед стадом еще в 1980-е — начале 1990-х гг. В однодворческом с. Бычки Сараевского р-на первые огуречные цветки овцам давали съесть. Стадо овец, как отмечалось выше, символизировало множественность и предполагалось, что и огурцов будет много. В с. Троица некоторые и в начале 2000-х гг. для повышения урожайности закапывали в огуречные грядки березовые веточки, которыми украшали дома на праздник Троицы.

Магические ритуалы продуцирующего характера сочетались с апотропейной магией, особенно накануне дня Ивана Травного. В с. Малахово Клепиковского р-на вечером на Ивана Травного, когда активизируется нечистая сила и колдуньи портят поля и огороды, хозяйки обходили, а некоторые обходят и сейчас, свои усадьбы (дом с огородом и посадками картофеля) со свечой и иконой, чтобы все лучше росло; а «чтобы никто не пришел и спор не взял», кроме свечи и иконы, некоторые брали еще нож и держали его лезвием вперед. В старину, по воспоминаниям людей старшего возраста, мужики в ночь на Ивана Травного караулили поля от колдунов, которые делали заломы и вынимали спор (см. т. 2. с. 557–558).

Среди населения бытовало представление, что огород можно сглазить, позавидовав буйному росту овощей, поэтому в с. Большая Алешня Ряжского у. еще в начале XX в. на ограду вешали старые лапти. Старейшая жительница села объясняла этот обычай так: «Человек, увидев лапти, удивится: зачем их навешали? а про огород забудет».

Общеизвестно, что июль — самый теплый месяц лета, среднемесячная температура которого на два градуса выше июня и августа [108]. Потепления всегда ждали на Троицу или Духов день, обычно приходившиеся на конец июня. Считали, что оно держится до Ильина дня, когда «Илюшка пустит в воду ледушку» (Клепиковский, Касимовский районы) или «Олень в воду насс...» (Шиловский, Ряжский районы). С августа начинается не только снижение среднесуточных температур, но и световой день становится ощутимо короче. В дер. Самуиловка Касимовского р-на и сейчас говорят: «Петр и Павел час убавил, а Илья Пророк два уволок».

И хотя до настоящих холодов было еще далеко, в Рязанском крае широко известна поговорка: «Первый Спас — бери рукавицы про запас» (Происхождение Честных древ Животворящего Креста Господня — 1/14 августа). Правда, некоторые говорят, что после Третьего (Спас Нерукотворный — 16/29 августа), а не Первого Спаса в иные годы бывают заморозки и надо запасаться рукавицами.

Сбор урожая. Уборка зерновых была физически очень тяжелым периодом в хозяйственной деятельности крестьянской семьи, поскольку жатва озимых, а затем яровых хлебов* по времени практически совпадали с покосом трав, и у крестьян не было возможности хоть немного передохнуть.

Хотя рязанцы в сроках уборочной, как и при начале земледельческих работ, ориентировались на святцы, но прежде всего начало уборки зерновых зависело от климатических условий лета и степени зрелости хлебов. Фенологических примет, определявших начало уборочной, видимо, было мало. Собственно, в них и не было особой необходимости. Зрелость зерна определяли на вид и вкус; кроме того, обычно несколько раз подкашивали пучки колосьев и оставляли их на пару дней, чтобы посмотреть, дозреет зерно или нет. Только в Раненбургском у. уборку яровых связывали с поспеванием крушины и окрашиванием ее ягод в темно-красный цвет (с. Зимарово).

Озимые в разных местах жали с середины июля и в благоприятные годы их уборку завершали к Ильину дню. Как только заканчивали жатву озимых, начинали косить яровые: со второй половины июля и, как самый крайний срок, до Успенья Пресвятой Богородицы (15/28 августа). Опасно было дать перестоять хлебу, особенно просу, которое начинало сильно сыпаться. В с. Кочемирово Кадомского р-на считали, что его надо постараться убрать до Успенского поста (1/14 — 14/28 августа). По этому поводу говорили: «Ой, ой! Успенский пост! Ветра пойдут, [просà] выхолощет».

До начала жатвы в южной части края озимую рожь обычно *зажинали* к празднику Петра и Павла (29 июня / 12 июля), севернее — к Казанской. Этот снопик молотили, хлеща о кадку или скамейку, мололи и из зерна пекли к праздникам пышки, так что о его зрелости можно было судить и по готовому продукту. Считалось, что до того момента, пока не посеяны озимые, т. е. зерно нового урожая не попало в землю, из него получается белая мука (с. Строевское Путятинского р-на).

Первой зажинала женщина, известная своей благочестивостью. К сожалению, не сохранилось никаких сообщений, каким образом ее выбирали. Л.А. Худзинская писала, что *зажинщица*, предварительно перекрестившись, нажинала только один снопик. Автор, не уточняя, в какой момент и для чего, отметила, что зажинщица прятала серп под фартук [109]. Скорее всего, она это делала до начала работы, чтобы серп не сглазили и он хорошо жал, не резал руки. В Дмитровском у. Московской губ., например, считалось: как пройдет зажин, так пройдет и жатва, поэтому зажинщица должна была все делать быстро и без травм [110]. Обычай поручать пожилой женщине с легкой рукой первой начинать жатву сохранялся в некоторых колхозах еще в 1950-е гг.

Как и для сева, для начала жатвы существовали легкие и тяжелые дни. В качестве легких краевед Л.А. Худзинская отмечала вторник, четверг и особенно субботу [111] (с. Бусаево Рязанского у.). Перед уборкой хлебов каждая семья, как и перед севом, молилась и дома, и в поле: перекрестятся, попросят Божьего благословения, но все-таки начало жатвы обставлялось не так торжественно, как начало посевной.

Первый сжатый на своей полосе сноп в представлении крестьян обладал особыми свойствами: его клали вниз при укладке снопов в одонье, полагая, что он отгоняет мышей; его колосья давали поклевать курам [112], видимо, чтобы водились (с. Демидово, дер. Никито-Поляны Шацкого р-на). Во время жатвы женщины с. Лубяники Касимовского у. искали двойные колоски и скармливали их овцам, чтобы те котились двойнями.

Рязанские крестьянки своими покровителями считали свв. бессребреников Космy и Дамиана**, которых обычно объединяли в один женский образ *матушки Кузьма-Демьяны*. В.В. Селиванов, отмечая необычайную популярность этих святых у женской части населения зарайских деревень, писал: «Чуть ли не всякая баба, в какое бы то ни было время, что бы ни зачинала, за какую бы работу ни садилась, всегда перекрестится и промолвит: „Кузьма-Демьян

* В Заочье преимущественно жали серпом, южнее Оки в основном косили, особенно яровые хлеба. С конца XIX в. *крюк* — коса с грабельками — вытеснял серп.

** Православная церковь чтила память бессребреников Космы и Дамиана, в Риме пострадавших (1/14 июля), и бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана Асийских (1/14 ноября). Осенние девичьи посиделки во многих местах начинались с 1/14 ноября и назывались Кузьминки, Кузьма-Демьян и т. д. (см. с. 511). По времени к жатве приближена дата празднования другой пары святых — 1/14 июля. Скорее всего, что в народе их не различали.

матушка, помоги мне работать!“» [113]. Этих святых, день памяти которых (1/14 июля) близок к началу жатвы, тем более призывали на помощь жницы. Корреспондент ОИРК из дер. Малые Пекселы Касимовского у. в 1920-е гг. сообщал, что в первый день жатвы, нажав по снопу, жницы ели блины и яйца и говорили: «Кузьма-Демьяна, приди к нам, сама десята, есть, а потом помогать жать» [114]. Информатор из Клепиковского р-на вспоминала, что перед тем, как ехать убирать урожай, они всей семьей садились за стол обедать и говорили: «Помоги, Кузьма-Демьяна, пожать рожь нам» (дер. Карпово). Традиция призывать на помощь этих святых сохранялась среди пожилых женщин до тех пор, пока жали вручную.

Заканчивая жать или косить, на каждом *загоне* (полоса полевой надельной земли) повсеместно оставляли последние несжатые колоски, которые скручивали и завязывали узлом. В него ввязывали или под него клали хлеб с солью. В Зарайском у. в середине XIX в. оставленные несжатыми колосья называли *козой*. По описанию В.В. Селиванова, она представляла собой подобие игрушечной беседки: колосья со связанными верхушками располагались по кругу, диаметр которого был не более аршина; внутри этой «беседки» все чисто выпалывали, а в центре ее оставляли хлеб с солью. Бабы молились на четыре стороны. Та, которая делала «козу», садилась к ней лицом и через голову назад бросала все отданные ей жницами серпы. По тому, как каждый из них упал, их хозяйки гадали о будущем. Если учесть, что пучок несжатых колосьев служил обиталищем духа поля, а хлеб с солью был жертвой ему, то гадание перед жертвенником, да еще с помощью серпов, которыми сжато это поле, несомненно, было вопрошанием этого духа о судьбе жниц. В середине XIX в. гадание имело уже шуточный характер [115].

Возможно, «коза» было узколокальным названием, потому что все наши информаторы называли оставленные пучки колосьев *бородкой*. В некоторых селениях, как, например, в дер. Софиевка Милославского р-на (Скопинского у.), бородку оставляли в самом начале загона, а в с. Токарево Шацкого р-на — в начале и в конце [116]. В дер. Большой Мутор Касимовского у. в 1920-е гг., когда дожинали рожь, бабы жарили и ели на поле яичницу, а в пучок несжатой ржи ввязывали кусок черного хлеба и говорили: «Ныне пожалися, а на лето, Господь, зароди больше того» [117]. Архаический обряд жертвоприношения покровителю поля в XX в. осмысляли как благодарность Иисусу Христу, покровительствовавшему земледельцу, а также Илье Пророку за то, что «он хлеб градом не побил» (с. Мервино Рязанского у.) [118]. В Большом Ардабьеве пучок колосьев оставляли на бородку Николаю Угоднику [119]. Большинство пожилых жителей рязанской деревни уже не помнят или не знают, кому именно их матери или они сами оставляли колоски, хотя этот обряд совершался кое-где на колхозных полях еще в 1950-е гг. Среди тех, кто удержал в памяти имя «адресата», подавляющее большинство называют Иисуса Христа, и только в Милославском и Чаплыгинском (бывш. Раненбургском) районах вспомнили об Илье Пророке. В с. Секирино Скопинского р-на последние колоски оставляли «Илье на бородку и Христу на дорожку». В некоторых местах уже после войны бородкой стали называть случайно оставленные после уборки колосья (с. Высокие Поляны Пителинского р-на).

В.В. Селиванов обратил внимание и на то, что колосьями, «выжатыми из середины козы», жницы обматывали ручки серпов и шли домой, или делали из них снопик и, надев на палку, торжественно несли в село [120]. В 1920-е гг. в дер. Большой Мутор существовал обычай по окончании жатвы завязывать конец серпа пучком проса, «чтобы зимой нос не зяб» [121]. Информатор из с. Кочемирово Кадомского р-на вспомнила, что еще после войны одна из жниц их бригады, закончив жатву на колхозном поле, завязывала узел из колосьев несжатой ржи, а они втыкали в него свои серпы и молились на все четыре стороны. В с. Восход (бывш. Полтевы Пеньки) того же района серпы втыкали в последний сжатый сноп. Информаторы расценивали эти действия как знак окончания жатвы. Очевидно, во всех этих случаях речь идет о трансформированном обряде *женитьбы серпа*, который в конце 1920-х гг. в Московской обл. был зафиксирован и описан А.Б. Зерновой*. Серп был не только орудием труда, но и обладал некоторым сакральным

* Обряд женитьбы серпа заключался в следующем: его обматывали горстью колосьев, чтобы они прилегали к острию, «как бы с него стекали», и концом серпа несколько раз покалывали землю. Другой вариант: несжатый пучок колосьев наматывают на серп, вращая его, пока он не окажется вплотную к земле; потом рывком этот пучок с корнями выдергивают (*Зернова А.Б.* Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // СЭ. 1932. № 3. С. 32, 33).

статусом, имел некую магическую связь со своей владелицей [122]. Видимо, поэтому нельзя было жать чужим серпом, и было принято метить их даже в одной семье, чтобы не перепутать.

Окончив уборку, жницы ложились на землю и катались по ниве на спине с боку на бок, приговаривая: «Жнивка, жнивка (иногда: «нивка, нивка». — *С.И.*), верни мою силку» или «Жнивка, жнивка, возьми свою дубинку, а мне отдай мою силку» (с. Малахово Клепиковского р-на); «Жнива, моя жнива, отдай мою силу. Я тебя жала, силу потеряла» (с. Тимошкино Ши-

Катание по жниве. Касимовский у., дер. Шемякино. Фото В.М. Машечкина 1914 г. (РЭМ. Фототека)

ловского р-на). Этот старинный обычай долго сохранялся в колхозной рязанской деревне. И до сих пор нередко встречаются женщины, даже средних лет, которые по традиции после уборки картофеля на своем огороде катаются по земле с этим приговором.

В Рязанской губ. существовал поощряемый помещиками обычай, когда крестьянки с песнями приносили на барский двор последний сноп с барского поля и для них устраивалось угощение (см. т. 2. с. 616). В старину крестьяне с. Кулики Шацкого у. последние колосья клали в *крестец* и оставляли его в поле [123].

О существовании в 1920-е гг. каких-то обрядов (в семьях или в селениях) с последним снопом информаторы припомнить не смогли. После войны возродился и долго держался (до 1970–1980-х гг.) обычай устраивать праздник в честь первого, а где-то — последнего снопа, особенно если колхоз выделял продукты для коллективного застолья. Информаторы старшего поколения помнят, с каким торжеством сноп, наряженный в платочек, юбку и кофту, с песнями и плясками приносили в село.

Во время уборки тех или иных полевых культур крестьяне делали выводы, что уродится на следующий год. Жители с. Кончаково Зарайского у. считали, что если был хороший урожай конопли, то на следующий год будет хороший урожай ржи. Крестьяне Скопинского у. речь вели о конопле раннего сева: если она хороша в этом году, то на будущий год будет хороша рожь только раннего сева [124].

Основная работа на огородах раньше проходила в сентябре — начале октября. Сейчас стараются все убрать к концу августа, пока у родных, приехавших из города, не закончился летний отпуск. Большинство магических ритуалов, совершаемых на заключительном этапе

огородных работ, связано с уборкой картофеля, который в Рязанском крае называли «вторым хлебом» и с конца XIX в. сажали не только на огороде, но и в яровом клине.

Судя по материалам Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева и воспоминаниям информаторов старшего поколения, картофель обычно начинали копать после *Ивана Постного* (день Усекновения главы прор. Иоанна Предтечи — 29 августа / 11 сентября) (Чаплыгинский, Спасский, Ермишинский и др. районы) и старались закончить до Рождества Богородицы (8/21 сентября). В с. Секирино Скопинского и с. Нармушадь Шиловского районов считали, что даже если «картофки» выкопаешь в начале сентября, то ссыпать в погреб все равно надо после Иванова дня, иначе они сопреют. Однако существовали и другие сроки. В дер. Кочемары Касимовского р-на, например, полагали, что копать раньше Рождества Богородицы нельзя: не сохранится до следующего урожая. В дер. Дунино Клепиковского и дер. Четаево Касимовского районов картофель копали еще позже — на *Славущую* (Воскресение словущее — 13/26 сентября). В дер. Михалково Ряжского у. (а потом Новодеревенского р-на) крайним сроком для уборки картофеля был Дмитриев день (Обретение мощей свт. Димитрия Ростовского — 21 сентября / 4 октября), который в приходе являлся престольным праздником.

Благовещенский день, традиционно считающийся в Рязанском крае запретным для начала сева и посадки, в с. Демкино Чаплыгинского р-на оказался в числе благоприятных для уборки картофеля. Надо было хотя бы символически в день недели, на который пришлось Благовещение, ссыпать в погреб немного выкопанного картофеля, и тогда весь он хорошо сохранится до следующего урожая.

Копали картофель всей семьей: и мужчины, и женщины, но некоторые ритуалы, связанные с окончанием работы, выполнялись женщинами и были направлены на то, чтобы обеспечить урожай на следующий год, передать земле часть своих сил. Эти ритуалы, как и при посадке картофеля, также заключали в себе элементы имитативной магии. Жительница с. Кочемирово Кадомского р-на вспоминала, как в 1930-е гг. ее старшая по возрасту соседка обязательно помолится и «перемёкнется» (кувыркалась вперед через голову. — *С.И.*) и скажет: «Слава Богу, убралась. Чтоб прожить и еще чтобы перемёкнуться». В дер. Заулки того же района кувыркались и приговаривали: «Дай Бог, чтобы на следующий год с меня выросла»; особенно хорошо, если это делал человек дородный, тогда и картошка на следующий год будет крупная. Некоторые наши собеседницы среднего возраста и даже 16–18-летние девушки признавались, что следуют этому обычаю и сейчас. Известно, что крестьяне Кочемирова «перемёкивались» и после сенокоса, а возможно, и после уборки зерновых.

В 1930-1940-е гг. кувыркались и в Секирине и говорили, что это «с отделкой», т. е. с завершением основной, самой тяжелой работы на огороде. Позже перестали кувыркаться, а «просто на землю упадут: „Слава Богу, управились“». В с. Благие и дер. Бахметьево Новодеревенского р-на и в начале XXI в. некоторые после уборки картофеля валяют по земле самого полного в семье человека, чтобы и на следующий год все уродилось. На своих огородах многие хозяйки оставляют последний куст картофеля.

В конце сентября — начале октября убирали капусту. Некоторые женщины дер. Самуиловка Касимовского р-на стараются срубить ее на убывающей луне, чтобы она потом не сохла, но насколько это представление традиционно, установить не удалось.

Все работы по уборке и перевозке урожая должны были быть закончены к *Сдвиженью* (Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня — 14/27 сентября). Информаторы говорят, что на Сдвиженье «последняя копна с поля сдвигается» (с. Темгенево Сасовского р-на). На памяти информаторов из с. Меньшие Можары Сапожковского у. существовал обычай брать на Сдвиженье по одному снопу ржи, овса и проса и беречь их до Крещения, когда во время обхода домов причтом их выставляли во двор. Батюшка служил молебен, кропил снопы, а после их «стравливали» (скармливали) скоту, чтобы в новом году был урожай на эти злаки.

Примет, касающихся прогнозов погоды на первую половину осени, видимо, и раньше было мало, так как в это время года, особенно после уборки урожая, погода уже не играла существенной роли для хозяйственной деятельности крестьянина. Говорили, что летающая в сентябре паутина — к вёдру, а если «бабье лето» (с 1 по 21 сентября по ст. ст.) ненастно, то вся осень будет

ясная, и наоборот, если вёдрено, то осень будет ненастной[125]. Хозяйственный год закончился, и все помыслы земледельца были опять устремлены вперед, навстречу надвигавшейся зиме.

Безусловно, представленный материал о традиционной метеорологии, фенологии и земледельческой магии — это лишь небольшая часть богатейшего пласта культуры рязанского крестьянства, в котором оказались спаяны воедино особое сакральное время (для посадки и уборки), силы природы (разливы, облака, ветер, дождь и т. д.), высшие силы (Бог, святые), покровительствующие и помогающие земледельцам, и сам человек с его физической и духовной сущностью.

Метеорологические и фенологические приметы в виде поговорок и наблюдений имели исключительно прикладной характер, поэтому часто речь в них шла не о погоде как таковой, а о результатах воздействия этой погоды и связанных с ней природных явлений на хозяйство[126]. В подавляющем большинстве они бытовали среди крестьян и других губерний Центральной России, но, строя прогнозы и определяя сроки, рязанские земледельцы обычно ориентировались не на одну, а на несколько примет, привязанных к конкретной местности с ее климатическими, географическими и почвенными условиями, поэтому в такой связке любая общеизвестная среди русских примета приобретала региональное звучание.

После коллективизации, а особенно с развитием материально-технической базы колхозов и совхозов, развитием науки традиционные знания метеорологии и фенологии становились все менее востребованными, пока не перешли в область воспоминаний.

Магические ритуалы и обряды, совершавшиеся в поле и на огороде в процессе труда земледельца, можно оценивать с разных позиций: как проявление слабости человека и его желания мобилизовать себе на помощь все сверхъестественные силы и средства; как свидетельство пристрастия русского народа ко всякого рода суевериям; можно попытаться найти в некоторых из них глубоко спрятанное рациональное зерно. И каждая из этих позиций имеет право на существование. Но в земледельческой производственной магии есть еще один очень важный аспект, который обычно ускользает от взгляда современного человека. Тяжелый, рутинный труд земледельца (и крестьянина, и крестьянки), оформленный магическими ритуалами и обрядами, превращался в некое священнодействие на земле, в акт единения с ней и произрастающим на ней, в осознание своего не только физического, но и духовного соучастия в процессе плодоношения, своей неразрывной связи с землей. И только в этом контексте могло возникнуть то особенное отношение к земле, характерное для человека традиционной культуры. Это было нечто большее, чем восприятие земли только как своей кормилицы, подательницы всевозможных благ. С отказом от крестьянского образа жизни и утратой крестьянского менталитета, частью которого и была приверженность магическим обрядам и ритуалам, земля стала восприниматься как простое средство производства, объект приложения труда.

Народная метеорология, фенология и земледельческая магия значительно дольше сохранялись на индивидуальной усадьбе, где сельские жители и в советское время вели крестьянское хозяйство. Некоторые элементы «огородной магии» бытуют в рязанской деревне и в начале XXI столетия. Это связано еще и с тем, что огородом занимались и занимаются женщины, которые в силу гендерных особенностей оказались более включенными в традиционную культуру, чем мужчины.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1462. Л. 2.

2 *Кожин В.Н.* Село Исады на Оке-реке. (Выдержки из истории хозяйства). Рязань, 1915. С. 9.

3 [*Баранович М.*] Рязанская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1860. Т. 19. С. 106.

4 АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.

5 *Горбунов Б.В., Федулин Г.И.* Этнография Ермишинского края. Ермишь, 1997. С. 89.

6 *Мансуров А.А.* Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1928. Вып. 1. С. 10 (Труды ОИРК. Вып. XV).

7 РО ИРЛИ. ФА. Колл. 47. П. 20. № 26–28.

8 *Горбунов Б.В., Федулин Г.И.* Указ. соч. С. 90.

9 *Мансуров А.А.* Указ. соч. 1930. Вып. 3. С. 41 (Труды ОИРК. Вып. XXVI).

10 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1467. Л. 12.

11 *Горбунов Б.В., Федулин Г.И.* Указ. соч. С. 90.

12 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XIX. № 465. Л. 2.

13 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 284. Л. 3.

14 *Горбунов Б.В., Федулин Г.И.* Указ. соч. С. 89–90.

15 *Добровольский В.Н.* Культ зернового хлеба в поверьях крестьян Рязанской губернии // Известия ОРЯС. СПб., 1906. Т. XI. Кн. 4. С. 111; НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. III. № 72 (с. Которово Касимовского у.).

16 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 28.

17 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 50. Л. 25; РО ИРЛИ. ФА. Колл. 47. П. 10. № 36. Л. 44.

18 *Тульцева Л.А.* Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. Рязань, 2001. С. 73 (РЭВ. Вып. 30).

19 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2358. Л. 14 (с. Чернава Милославского р-на).

20 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XIX. № 465. Л. 2.

21 Агроклиматический справочник по Рязанской области. М., 1966. С. 53.

22 Там же. С. 19.

23 *Горбунов Б.В., Федулин Г.И.* Указ. соч. С. 90.

24 РО ИРЛИ. ФА. Колл. 47. П. 20. № 27–28.

25 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 3. С. 41.

26 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XIX. № 465. Л. 4.

27 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 10; *Яхонтов Н.С.* Материалы к плану народного хозяйства Рязанского округа. Рязань, 1930. Вып. 1. С. 77.

28 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 3. С. 30–31.

29 *Селиванов В.В.* Год русского земледельца. Зарайский уезд Рязанской губернии. М., 1887. С. 1–2.

30 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. IV. № 85 (запись сделана в Рязани).

31 *Щербаков А.В.* Средние выводы за 25 лет метеорологических наблюдений в Гиблицкой волости Касимовского уезда. Касимов, 1935. С. 11 (Труды Гиблицкого отд. ОИРК). По данным «Агроклиматического справочника по Рязанской области», средняя дата схода снежного покрова в первом агроклиматическом районе (север области) приходится на 13 апреля, во втором районе (западная и центральная часть области) — на 8–10 апреля, а в третьем (южном районе) — на 2–7 апреля (см.с. 53).

32 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 284. Л. 3 об.

33 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1456. Л. 31; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 50. Л. 2 об.

34 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2358.

35 Там же. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 147. Л. 2.

36 *Яхонтов Н.С.* Указ. соч. С. 70.

37 *Агринский К.Ф.* Русские народные приметы о погоде и их значение для практической метеорологии и сельского хозяйства. Саратов, 1899. С. 164.

38 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XX. № 495. Сер. VII. Л. 19 об.

39 Агроклиматический справочник… С. 72, 122; Приложение: Календарь природы Средней полосы России (1880–1998 гг.) в кн.: *Стрижев А.Н.* Календарь русской природы. М., 2000; *Яхонтов Н.С.* Указ. соч. С. 77.

40 *Гэмфред В.Дж.* Народные приметы и парадоксы погоды. М.; Л., 1926. С. 17; *Яхонтов Н.С.* Указ. соч. С. 30.

41 РО ИРЛИ. ФА. Колл. 47. П. 20. № 26; НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. II. № 48.

42 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 9.

43 РО ИРЛИ. ФА. Колл. 47. П. 20. № 27–28.

44 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 9.

45 Там же. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 13 (Труды ОИРК. Вып. XXII).

46 *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Лапти // Славянские древности. М., 2004. Т. 3. С. 79. Авторы отмечают украинский обычай бросать на огород во время цветения огурцов лапти с приговором, чтобы огурцы вязались так же густо, как сплетены лапти.

47 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 9.

48 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 146. Л. 4 об.

49 Там же. Д. 50. Л. 24 об.

50 Там же. Д. 149. Л. 4.

51 *Соколов И.* свящ. Село Григорьевское Зарайского у. // Труды РУАК. Рязань, 1910. Т. XXIII. Вып. 1. С. 48.

52 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XII. № 292. Л. 6 об.

53 Там же.

54 *Соколов П.* Понедельник тяжелый день (Одно из поверий наших простолюдинов) // РГВ. 1847. 29 ноября. С. 241. (Неофиц. часть).

55 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 46.

56 Там же. С. 7.

57 Там же. С. 46 (с. Шостье Касимовского у.), с. 26 (дер. Акулово Касимовского у.); НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XII. № 292 (с. Бусаево Рязанского у.).

58 НА РИАМЗ. Д. 878. Л. 8.

59 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 3.

60 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1463. Л. 29.

61 НА РИАМЗ. Д. 878. Л. 2–2 об.

62 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1436. Л. 7.

63 НА РИАМЗ. Д. 878. Л. 8 об.

64 Там же. ЭА ОИРК. Кн. IV. № 83; Кн. II. № 48.

65 РО ИРЛИ. ФА. Колл. 47. П. 20. № 29 (дер. Шелковая Старожиловского р-на); *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 19 (дер. Волчкарь Касимовского у.), 37 (с. Которово Касимовского у.).

66 *Токарев С.А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М.; Л., 1957. С. 77.

67 НА РИАМЗ. Д. 878. Л. 8 об.

68 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 18.

69 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1463. Л. 28.

70 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 9.

71 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 19.

72 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XXI. № 32.

73 Там же. Кн. IV. № 98.

74 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 149. Л. 4 об.

75 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XI. № 268.

76 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 9 (дер. Малые Пекселы Касимовского у.).

77 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 149. Л. 4 об.

78 Там же. Д. 146. Л. 4 об.; д. 50. Л. 24; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1453. Л. 16.

79 *Кагаров Е.Г.* Заметки по русской мифологии // Известия ОРЯС. 1919. Т. 23. Кн. 1. Оттиск. С. 5.

80 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. I. № 5. Л. 2 об.

81 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 9.

82 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. II. № 36. Л. 13.

83 РЭМ. Фототека. Колл. 3185-8/2. Надпись на фотографии.

84 *Лебедева Н.И.* Духовная культура рязанских крестьян. Полевые материалы 1923–1965 годов // *Лебедева Н.И.* Научные труды. Рязань, 1996. Т. 2. С. 189 (РЭВ).

85 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 21.

86 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XXI. № 31. Сер. VI. 08/298/6. Л. 197 об.

87 Там же. Кн. XIX. № 465.

88 *Коломийцов Н.П.* Сельскохозяйственный метеорологический очерк Рязанской губернии за 1897–1898 сельскохозяйственный год. М., 1899. С. 9, 20–21.

89 *Токарев С.А.* Указ. соч. С. 139.

90 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 9.

91 РО ИРЛИ. ФА. Колл. 47. П. 20. № 26; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 150. Л. 17 об.

92 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 8096. Л. 22 об.

93 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 9 (дер. Малые Пекселы Касимовского у).

94 Там же. Так же см.: НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. I. № 8.

95 *Тульцева Л.А.* Указ. соч. С. 211.

96 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 19.

97 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 3. С. 31 (Ряжский у.).

98 Народные предсказания погоды // Рязанский вестник. 1912. № 103. С. 3.

99 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Рязань, 1930. Вып. 3. С. 34–35.

100 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 38.

101 Народные предсказания погоды. С. 3.

102 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1429. Л. 13.

103 *Горбунов Б.В., Федулин Г.И.* Указ. соч. С. 89–90.

104 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 21, 28.

105 *Агапкина Т.А., Валенцова М.М., Топорков А.Л.* Нагота // Славянские древности. М., 2004. Т. 3. С. 357.

106 *Тульцева Л.А.* Указ. соч. С. 222, 224, 228.

107 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 29.

108 *Яхонтов Н.С.* Погода Рязанской губернии за год // Наше хозяйство. Рязань, 1923. № 3. С. 18.

109 Там же.

110 *Зернова А.Б.* Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // СЭ. 1932. № 3. С. 32.

111 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XII. № 292. Л. 7.

112 *Морозов И.А.* Зажинать и отжинаться // ШЭС. С. 160.

113 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 105.

114 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 16.

115 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 50.

116 *Морозов И.А.* Указ. соч. С. 161.

117 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 23.

118 НА РИАМЗ. Д. 878. Л. 10.

119 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 22.

120 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 50.

121 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 23.

122 *Зернова А.Б.* Указ. соч. С. 32.

123 *Морозов И.А.* Указ. соч. С. 161.

124 АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 9. 1864 г.; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1463. Л. 29.

125 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 66, 71.

126 *Руднев В.В.* Этнометеорология (К вопросу изучения традиционных народных знаний) // СЭ. 1990. № 4. С. 44.

ГЛАВА 8

Скотоводческая и птицеводческая обрядность

обряды со скотом

Покровители скота

Календарная обрядность

Обряды жизненного цикла

Отел и ожереб. — Обряды с новорожденными телятами и жеребятами. — Обряд очищения коровы. — Ритуальная пища. — Доение.

Продажа и приобретение скота

Сделка купли-продажи. — Из старого двора. — В новом дворе.

Первый выгон и пастбищный период

Обряды, совершаемые на подворье. — Обряды, совершаемые вне подворья. — Пастбище — двор: проблемы и их решение.

Борьба с болезнями и падежом скота

птицеводческая обрядность

Календарные обряды с птицей

Производственная обрядность

Период высиживания цыплят. — Купля-продажа.

Мерилом богатства и благополучия крестьянского двора наряду с землей всегда был скот. Недаром по всей Руси известна пословица: «Скот — крестьянский живот». Разведение домашней птицы, безусловно, играло меньшую роль, но невозможно представить крестьянское подворье без кур и гусей. За многие века рязанские крестьяне выработали рациональные (насколько это позволяла система хозяйствования и уровень развития знаний) приемы содержания и разведения домашнего скота и птицы. Однако, как и в земледелии, в силу зависимости от многих объективных обстоятельств и в силу религиозного типа мышления, крестьяне старались подкрепить рациональные методы магическими — обрядами *продуцирующей* (производящей) и *апотропейной* (защитной) магии, соблюсти все запреты и предписания, чтобы обеспечить благополучие скотного и птичьего двора, его сохранение и приумножение, т. е. добиться, чтобы скот и птица *водились* на их подворьях.

А.Ф. Журавлев отметил присутствие в славянской культуре такой категории как *вод*, т. е. переменчивой удачи в разведении скота, представления о которой носили «заметный сакрализованный характер» [1]. Вся обрядовая скотоводческая и птицеводческая культура нацелена на обеспечение во́да.

Календарная обрядность, которая по своей сути являлась аграрной, в значительно меньшей мере была связана со скотоводством. К определенным календарным праздникам было приурочено ритуальное *закармливание* скота обрядовым печеньем, мирские молебны и освящение его, обряды первого выгона в поле. К датам календаря привязаны отдельные магические ритуалы, различные запреты и гадания о приплоде. Календарные скотоводческие обряды выполнялись как коллективно, так и индивидуально, причем вторые явно преобладали. Птицеводческие обряды, в силу меньшей значимости их объекта, совершались крестьянами только индивидуально на своем подворье.

Отдельные аспекты календарной скотоводческой обрядности будут рассмотрены в контексте праздничной культуры в гл. 16, поэтому мы, обратив внимание на календарные обряды, ритуалы и гадания, сосредоточим внимание на первом выгоне скота на пастбище и на окказиональной обрядности, не связанной с календарем. Последняя касалась непосредственной деятельности по разведению и сохранению скота, купле-продаже и получению конечного продукта. Эту обрядность условно можно назвать производственной.

В крестьянском хозяйстве на первом месте по значимости всегда была лошадь, однако в конце XIX в. быстро росло число безлошадных дворов. Не имея возможности купить и содержать лошадь, крестьяне всегда старались, чтобы хозяйство не осталось без коровы, о которой жители Зарайского у. говорили: «Корова — мать наша, — поит и кормит» [2]. Это отношение к корове сохраняется до сих пор, и, молясь о ее здоровье, хозяйки просят: «Дай, Господи, доброго здоровья моей матушке, моей кормилице, моей коровке» (с. Секирино Скопинского р-на). После коллективизации и исчезновения с подворий лошадей значение коровы в хозяйстве еще больше выросло, и не держала ее редкая сельская семья. В силу этого бо́льшая часть скотоводческой обрядности связана с жизненным циклом коровы.

Постепенное сокращение частного поголовья крупного рогатого скота шло с 1960-х гг., а в 1990-е гг. место коровы на индивидуальном подворье заняла коза — животное, выгодное в содержании, особенно для малолюдной семьи, но не настолько любимое сельчанами, как корова. Некоторые, например, жительницы Секирина, отзываются о козе как о нечистом животном, так как творогом из ее молока не разговляются. Раньше коз редко кто держал, поэтому для рязанской деревни это животное не традиционное, и обрядов, связанных именно с козой, нет. С ней совершают почти те же ритуалы, что и с коровой или овцами.

Овец раньше держали в каждом хозяйстве для получения как мяса, так и шерсти, но уже в 1990-е, а особенно в начале 2000-х гг. не в каждом селении можно было вообще найти овец, поэтому овцеводческая обрядность быстро исчезает.

Многие рязанские селения специализировались на разведении свиней, и сейчас обычно одного-двух поросят откармливают к зиме, а некоторые держат и свиноматок. Однако среди старшего поколения часто встречается представление о свинье как грязном и грешном животном, причем оно обусловлено не какими-то неприятными особенностями этого животного, а тем, что Христос выгонял бесов в свиней или в свиней обращаются колдуньи.

Если говорить об отношении крестьян к скотине, то, безусловно, несмотря на привязанность к своей корове, козе или лошади, хозяева всегда руководствовались и руководствуются прежде всего практическими соображениями, и раздумья на тему о существовании души у скота крайне редко кого тревожат. Иногда можно услышать высказывания, что «у любого скота есть душа, только у них она не вечная», поэтому грех ругаться на них матом (с. Чернава Милославского р-на). Но как, имея такие представления, пускать под нож обладателя души, пусть даже и не «вечной»?! Наверное, поэтому такие мысли приходят к тем, кто уже давно в силу возраста не держит никакой скотины.

ОБРЯДЫ СО СКОТОМ

Покровители скота. Покровителями домашнего скота и лошадей в Рязанском крае считались прп. Власий (11/24 февраля), вмч. Георгий Победоносец, в народе известный как Егорий (вешний — 23 апреля / 6 мая и осенний — 26 ноября / 9 декабря), мчч. Фрол и Лавр (18/31 августа). Мало кто из людей старшего возраста помнит, что некогда покровителем свиней был свт. Василий (1/14 января), и никто из наших информаторов уже не знал, что когда-то в Рязанском крае в качестве покровительницы овец почиталась прмц. Анастасия, прозванная в народе «овчарницей» (29 октября / 11 ноября), в день которой в начале XIX в. производились расчеты с овечьими пастухами [3].

Дни этих святых были отмечены молебнами в церквах и у часовен, на выгонах и во дворах, освящением скота и лошадей, предоставлением лошадям отдыха, угощением пастухов и закармливанием скота обрядовой выпечкой. Культ Егория раньше существовал в Егорьевском у., и этот святой очень почитался в прилегающих Зарайском и Рязанском, а также в Касимовском уездах и северной части Спасского уезда. Он считался покровителем всего скота, но в особенности — лошадей. На территории районов, образованных на месте этих уездов, долго соблюдалась приуроченность первого выгона скота на пастбище к Егорию вешнему. До 1929 г. [4] во многих селениях в Егорьев день около церкви или на выгоне батюшки служили молебны и освящали лошадей, а на следующий день крестьяне выезжали на них пахать. Было принято в этот день подрезать лошадям гривы и хвосты. Во второй половине XX в. хвосты на Егория подрезали коровам, но определенно сказать, что этот ритуал появился после исчезновения с подворий лошадей или он совершался над коровами и раньше, невозможно. В дер. Урядино Касимовского р-на просвирки, взятые на Егория из церкви, подвешивали в сарае над лошадью и коровой. Во дворах крестьяне старались повесить иконки св. Георгия Победоносца. Общерусскими можно считать представления о Егории — повелителе волков, которые не могут зарезать никакую скотинку без разрешения святого. Эти представления встречаются и в Заочье, и

в южном Чаплыгинском р-не (бывш. Раненбургском у.).

В ряде селений Клепиковского р-на (населенные пункты, раньше входившие в Тюковский приход) среди людей старшего возраста бытуют представления о покровителе скота св. Егории-Власии, память которого чтят 6 мая: ставят свечи, заказывают молебны о скотине. Некоторые информаторы утверждали, что в их церкви была такая икона. Такое же представление встретилось нам среди старшего поколения бывшей Палищинской вол. Касимовского у., а ныне Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл. Оказалось, что в Ильинском храме с. Палищи, который никогда не закрывался, рядом висят две иконы: свв. Власия и Георгия. Информаторы именуют мало известного в тех местах св. Власия Егорием-Власием, а изображенного на соседней иконе святого («мужчину с копьем») — Георгием Победоносцем.

Иконы свв. Власия и Георгия Победоносца. Владимирская обл., Гусь-Хрустальный р-н, храм с. Палищи. Фото С.А. Иниковой 2008 г.

Поскольку после коллективизации лошади исчезли из частных хозяйств, Егорий был несколько потеснен Власием, которого современные жители Рязанского края считают покровителем не только коров, но и свиней, и овец. Ему заказывают молебны, если корова не покрывается, а также перед отелом. Информаторы говорят: «Об скотине обрекаешься, [служишь] молебен св. Власию, когда скотина заболела или молочка сбавила. Св. Власий по скотине»; «Если коровы болеют, падают, надо чаще Власию свечки ставить» (с. Чернава). По словам информатора из с. Высокие Поляны Пителинского р-на, Власий — «скотиний бог».

Свв. Егорий и Власий (в Тюковском и Палищинском приходах как Егорий-Власий) в качестве покровителей скота известны по всей территории Рязанщины, но все же Егорий более популярен в северных, восточных и юго-восточных районах, а Власий — в южных и юго-западных.

Покровители лошадей мчч. Фрол и Лавр известны главным образом там, где в храмах были посвященные им престолы или обетные праздники. Видимо, в XIX — начале XX в. в некоторых местах Рязанской губ. покровителем лошадей считался и свт. Николай Чудотворец. Например, в дер. Чинур Касимовского у. в 1920-е гг. на Николу вешнего лошадей кропили святой водой, а потом катали на них ребятишек[5].

Календарная обрядность. Календарные скотоводческие обряды в основном имели характер продуцирующей и апотропейной магии. Особенно ими был насыщен период от Рождества до Крещения. Чуть ли не повсеместно в Рязанском крае на Рождество пастухи ходили по домам *посевать* — заходили, бросали в дом несколько горстей зерна и произносили пожелание, касавшееся разведения скота: «На севущее, на плодущее, третье на здоровье. Чтоб ягнята и телята взбрыкивали», или: «На полу телятоk, под лавкой ягняток, на лавке ребяток» (с. Парсаты Шацкого р-на) и т. п.

Поскольку пастух в представлении русских наделялся особыми качествами, то к этим благопожеланиям относились очень серьезно. Зерно (овес, просо, рожь и др.), которое пастухи кидали хозяйкам в фартук или по всей избе, хозяева потом подсыпали в пищу скоту и птице. Зерно было символом богатства, плодородия и символизировало множественность. Подразумевалось,

что как много зерен, так же много должно быть скота у хозяев [6], но, возможно, пастух передавал зерну еще какое-то особенное качество, способствующее плодовитости скота*.

Магические качества приписывались и детям-христославам, которые первыми приходили на Рождество в дом славить Христа. В Ермишинском, Пителинском, Шацком и других районах детей-славильщиков усаживали на шубу, вывернутую мехом наружу, чтобы овцы хорошо водились или чтобы они «были шерстистые».

В некоторых селениях Шацкого у. замечали: если Рождество выпадет на постный день, то коровы будут давать мало молока, а если на скоромный — то много. На Рождество хозяйки смотрели на небо, и если оно было туманное, то говорили, что коровы будут «молочистые» (удойные).

В течение всех Святок повсеместно существовал запрет на прядение шерсти и делание заплаток, так как, по мнению крестьянок, это плохо скажется на качестве овечьей шерсти: она будет неровного цвета, а то и вовсе начнет лезть.

Иней на Святки, особенно накануне Нового года, обещал не только хороший урожай хлебов (см. с. 231–232), но и хороший приплод свиней (с. Увяз Касимовского у.) [7]. В дер. Малые Пекселы Касимовского у. в новогоднюю ночь к дверям овчарни еще в 1920-е гг. ставили двурогие вилы, чтобы овцы приносили двойни, к дверям свинарника — грабли, чтобы свиньи приносили по многу поросят, а к коровьему хлеву — широкую деревянную лопату, чтобы телята были «широкие» и крепкие [8].

На Крещение повсеместно хозяйки кропили скотные дворы богоявленской водой, подливали ее в пойло скоту, рисовали кресты на дверях сараев, чтобы защитить скот от нечистой силы. Очень разнообразна была крещенская обрядовая выпечка, обычно изготовленная в форме фигурок животных и предназначенная в первую очередь для скармливания скоту. В разных селениях пекли «коней», «колобашки», «коровок» и «овечек», «кресты» из ржаного теста (см. с. 522–523). Часть выпечки, сбрызнув святой водой или смешав с зерном, давали скотине, остальное съедали сами хозяева [9]. Печенье должно было благотворно повлиять на продуктивность и плодовитость скота, уберечь от сглаза и болезней. Иногда во время скармливания примечали, как поедалось угощение, и в зависимости от этого решали, будет та или иная скотина жива и здорова или лучше ее зарезать, продать [10].

Поедание ритуального печенья скотом — это акт символического оплодотворения [11]. Этот ритуал и связанные с ним представления характерны для такой ранней формы религии, как *тотемизм* **. Поедание изображений животных людьми в глубокой древности должно было «закрепить связь рода со своим тотемом» [12], но, видимо, позднее такая совместная трапеза могла символизировать сопричастность людей и животных одному общему хозяйству и шире — одному роду. Этот подтекст особенно явственно прочитывается в технологии изготовления печенья в Малых Пекселах: ежедневно с первого дня Рождества и до Крещения хозяйки оставляли по две ложки щей или супа и на второй день Крещения на этой закваске делали тесто и выпекали фигурки домашних животных. Эти фигурки ломали, перемешивали с зерном и давали скотине между утреней и обедней [13]. Нечто подобное бытовало еще в 1960-е гг. в с. Канино Сапожковского р-на: хозяйки собирали с Рождества до Крещения все крошки со стола, а потом, сбрызнув богоявленской водой, давали скоту [14]. Нельзя, конечно, исключить и того, что символическое трапезничанье людей и животных с одного стола в период между Рождеством и Крещением — это отголосок представлений о рождении Христа в хлеву среди домашних животных, но в народном обряде может быть не один, а несколько смысловых стержней.

---

* Во время совершения обряда первого выгона скота на пастбище в селениях Касимовского р-на пастух должен был своей рукой отломить кусочек от буханки хлеба, обмакнуть его в соль и отдать хозяйке для скармливания корове или овце.

** Тотемизм — форма религии, характерная для родоплеменного строя, заключается в вере в происхождение разных групп, составляющих племя, от разных животных или растений; в таинственное родство каждой со своим тотемом и в возможности магического воздействия на него. Подробнее см.: *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М., 1990. С. 51. Обращает на себя внимание тот факт, что на большой территории Рязанщины женским головным убором была рогатая кичка (см. с. 458). Г.С. Маслова высказала осторожное предположение, что рогатые головные уборы, «возможно, являлись подражанием рогам животных» [*Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 670 (Труды ИЭ. Т. XXXI)].

В современной рязанской деревне на Крещение хозяйки используют обыкновенный хлеб, смоченный святой водой, который скармливают скоту.

Ритуальную выпечку для скота изготавливали на Средокрестье в форме крестов [15], на Вербное воскресенье в виде круглых пышек — «ярушек» или «овечек», предназначавшихся именно овцам, чтобы они дружно ходили домой, чтобы приносили ярочек (дер. Малые Пекселы Касимовского у.) [16]. В Шацком р-не в с. Большое Агишево на Вербное воскресенье специально печенье не пекли, а брали просвирки в церкви, и потом в севальник сыпали зерно, крошили эти просвирки и давали животным, чтобы не было потери скота. Ритуальное печенье для него изготавливали и в дни св. Власия, мчч. Флора и Лавра.

В первый день Великого поста — Чистый понедельник — примечали, кто придет в дом первым, и если это был мужчина, говорили, что в хозяйстве будут плодиться телки́, барашки, если женщина, то телочки да ярочки.

В рязанской деревне было принято повсеместно утром в Светлое воскресенье давать домашним животным вместе с зерном крошки кулича, чтобы скот лучше водился и плодился. Этот обычай сохраняется и в наши дни. Хозяйки считают, что скотинке тоже надо разговеться, но свиньям пасхальный кулич обычно не дают, так как это животное нечистое (с. Собчаково Спасского и дер. Поярково Михайловского районов).

К календарным датам были приурочены некоторые сугубо трудовые процессы, связанные с уходом за скотом. В с. Красное Пронского у. в Вербное воскресенье *лекчили* (кастрировали) поросят и барашков, а в Пронском, Шацком, Рязанском уездах, а затем районах в этот день метили овец [17]. В с. Кочемирово Кадомского р-на овец метили в Чистый или в Великий, четверг на Страстной неделе. Если весной овец стригли по погоде в марте-апреле, то осеннюю стрижку в одних селениях делали перед Успением Богородицы (15/28 августа) (с. Кочемирово), а в других — в Зарайском у. — на Семенов день (прп. Симеон Столпник — 1/14 сентября) [18]. Основная часть календарной скотоводческой обрядности все-таки приходилась на зимне-весенний период, предшествующий появлению приплода.

Обряды жизненного цикла

Предписания и магические действия, направленные на предупреждение бесплодия у скота, зафиксированы только применительно к коровам, хотя, возможно, раньше они распространялись на овец и свиней. Корова, которая не *обыгралась* (не покрылась), оставалась *яловой*, т. е. крестьянская семья лишалась приплода.

Некоторые полагали, что съеденный коровой во время отела послед обязательно станет причиной ее яловости (дер. Дунино Клепиковского р-на). Однако встречается и противоположное мнение: современные хозяйки сел Кочемирово и Восход Кадомского р-на, наоборот, считают, что, съев послед, корова «быстрее придет в охоту» и покроется. Раньше этого мнения придерживались и староверы с. Высокие Поляны Пителинского р-на, а также некоторые жители с. Большие Можары Сараевского р-на.

В дер. Михалково Новодеревенского р-на, чтобы корова не яловела, ей давали что-нибудь съесть из подола хозяйки. Подол, фартук, прилегающий к женскому лону, должен был пробуждать в животном желание иметь потомство. В этой же деревне с той же целью корову поили рассолом кислой капусты*.

Общепринято прекращать доить корову за 40 дней до отела, но некоторые женщины с. Собчаково Спасского р-на старались сделать это на растущей луне, видимо, чтобы молоко в вымени потом прибывало, как луна, но ни в коем случае не на ущербе.

* Капуста в культуре восточных славян имела некоторое отношение к браку и родам: кочан капусты ставили на стол после свадьбы перед родителями нечестной невесты; чтобы разродиться, роженица, раздвинув ноги, вставала над раскаленным камнем, который поливали отваром капусты (*Усачева В.В.* Капуста // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 461).

Отел и ожеребь. Появление приплода всегда было очень важным моментом в хозяйственной жизни крестьянского двора. Повсеместно распространено мнение, что в этот день ничего нельзя давать из дома, но некоторые считают, что не следует не только давать, но и брать у других, и не один, а три дня, чтобы не нанести ущерб здоровью скота и «чтобы не было потери в хозяйстве» (дер. Иванково Клепиковского р-на). В силу значимости для крестьянина коровы и лошади, обрядово-магическое оформление имели только отел и в меньшей степени — судя по воспоминаниям — ожеребь. Применительно к *окоту* овец и *опоросу* свиней никаких особых обрядов, кроме вышеуказанного запрета что-либо давать из дома, не зафиксировано.

Повсеместно распространено представление, что, если корова съест свой послед, у нее выпадут зубы и, кроме того, ее молоко долго нельзя будет пить, поэтому хозяева старались не пропустить момент отторжения последа. Чтобы он вышел быстрее, обычно корове дают выпить воду с сахаром — «послаже». В Пекселах Касимовского у. в коровьем последе искали «маслечко», которое давали ей съесть с кусочком хлеба, полагая, что от этого молоко будет жирнее [19]. Опытные хозяйки деревень Уляхино и Парахино Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл. (бывш. Касимовского у.) считают, что молоко будет жирнее, если корова съест послед, хотя в настоящее время, доверяя советам ветеринаров, все же стараются «укараулить» его.

Коровий послед, как и человеческий (см. т. 2. с. 126–127), даже после его отторжения, был магическим образом связан с коровой и теленком, поэтому через него недоброжелатели или какие-то темные неведомые силы могли нанести вред здоровью обоих. Целью последующих действий с последом было сохранение здоровья теленка и плодовитости, удойности коровы. С кобыльим последом, судя по отрывочным материалам, в каждом данном селении делали то же самое, что и с коровьим последом.

Все действия с ним можно свести к нескольким вариантам. В Рязанском крае было очень широко распространено закидывание или подвешивание его куда-нибудь повыше. Возможно, это делалось для того, чтобы послед не съели собаки, а возможно, чтобы теленок или жеребенок тянулись вверх и выросли высокие, крупные. В конце XIX в. крестьяне с. Красное Пронского у. кобылий послед в корзине подвешивали на дерево [20], а некоторые хозяйки с. Ерахтур Шиловского р-на уже в 1950-е гг. подвешивали коровий послед в корзине к сушилам*. Чаще всего его просто бросали на поветь (сарай для инвентаря или сена) на расклевывание птицам (некоторые селения Ухоловского, Новодеревенского, Скопинского, Милославского, Сараевского, Пителинского, Кадомского, Сапожковского районов). В с. Демкино Чаплыгинского р-на считалось, что даже птицы не должны растащить послед, поэтому его наматывали на палку, которую затем затыкали внутри *катуха* (сарая для скота) под крышу, где он и истлевал.

В некоторых селениях послед оставляли в каком-то определенном ритуально значимом месте. В дер. Самуиловка Касимовского р-на знающие хозяйки еще лет 50 назад относили послед за селение на перекресток дорог и бросали его там. В с. Стублё Михайловского р-на, с. Заборово и дер. Михалково Новодеревенского р-на полагали, что лучше всего послед оставить на рубеже между полями. В Стублё говорили, что тогда теленок будет крупным. Это мнение разделяли и некоторые хозяйки с. Демкино. В с. Нармушадь Шиловского р-на послед выносили на межу между огородами и там закапывали. Как известно, перекресток и рубеж (межа) — это места, где обитают духи (а в православной интерпретации — нечистая сила) (см. т. 2. с. 503–505). Оставляя коровий послед в этих местах, хозяева откупались от них. Послед в данном случае выступал в качестве заместителя теленка, которого после этого не должны были коснуться порча и болезни.

Не совсем понятен обычай, существовавший в дер. Бахметьево Новодеревенского р-на, — кидать послед на чужой огород. Можно предположить, что таким образом хозяева пытались ввести в заблуждение злых духов, чтобы они не искали новорожденного теленка на этом подворье, а шли к соседям.

* Сушила — балки под потолком сарая, на которых раскладывали недосушенное сено.

В современных рязанских селениях действия с последом сводятся почти исключительно к закапыванию его в навоз или реже — в землю. Этот обычай возник намного позднее, чем два вышеописанные, и окончательно вытеснил их сравнительно недавно — уже в XX в.*.

Захоронение последа в навозе встречается значительно чаще, чем в земле, по той причине, что телята появляются обычно в конце зимы — начале весны, когда земля еще мерзлая и закопать послед в навоз проще и легче. В с. Пеньки Пителинского р-на и дер. Михалково Новодеревенского р-на послед закапывали в землю именно в том месте, где корова отелилась.

В однодворческом с. Бычки Сараевского р-на коровий послед убирали со скотного двора, перебрасывая через ворота, а уже затем закапывали в навоз. Ворота, как известно, это граница между своим двором и внешним миром, между этим и иным мирами, т. е. место их контакта. В скотоводческих обрядах ворота часто фигурируют как место ритуальных действий. Перебрасывание последа через ворота могло когда-то осмысляться как жертвоприношение духам, а возможно, поднимание последа вверх над воротами должно было способствовать росту теленка. Козий послед в с. Большая Алешня Ряжского р-на перебрасывали через крышу сарая (так же как яички кастрированных поросят), а потом зарывали.

Большинство информаторов считают, что нельзя, чтобы послед съела собака: это очень плохо для здоровья коровы и теленка. Жительница с. Канино Сапожковского р-на вспоминала, что ее мать всегда говорила: «На дорогу и на собак не накидаешься. Будешь кидать, и все больше будет помирать скотина». Однако в ряде селений (села Собчаково Спасского, Царево Ермишинского, Нармушадь Шиловского районов) довелось услышать, что нет ничего страшного, если послед съест собака. В Дегтяных Борках Ухоловского р-на даже примечали: если послед съест кобель, то на следующий год у коровы будет телок, а если съест сука, то родится телочка.

Во многих местах после отела корову кропят святой водой, дают немного попить для здоровья и от сглаза. Обычно также ей приносят ломоть хлеба с солью. В с. Восход (бывш. Полтевы Пеньки) Кадомского р-на в 1960-е гг. от «оглазки» корову сразу после отела окуривали [21], но чаще это происходило через несколько дней после отела, перед началом употребления молока в пищу.

В селах Большое и Малое Ардабьево Касимовского р-на довольно долго (до 1950–1960-х гг.) сохранялся обычай корове-первотелке надевать на рога «венец», сделанный из лоскута ткани, с завернутым в него ладаном, с которым она ходила какое-то время. Пожилые женщины говорят, что это делали от сглаза, так как первый раз отелившуюся корову очень легко испортить.

Обряды с новорожденными телятами и жеребятами. Над теленком сразу после появления на свет совершались некоторые ритуалы апотропейного свойства: его кропили святой водой, читали какую-нибудь молитву, а в дер. Дмитриево Клепиковского р-на от сглаза посыпали вдоль спины солью. После этого заносили в дом и совершали обряды, символизирующие приобщение новорожденного к дому, к хозяйству (главным образом — в селениях северных и восточных районов Рязанской обл.).

Символом дома и центром притяжения крестьянской семьи традиционно была печь. Недаром крестьянский двор еще называли «дым». В с. Кочемирово Кадомского р-на теленка подносили к челу печи, крестили его головой ее устье и читали при этом «Отче наш».

* Возможно, подвешивание последа и оставление его на перекрестке и меже являются элементами архаического похоронного обряда. А.К. Байбурин отметил параллели в действиях с человеческим последом и погребением трупа (*Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. С. 42). Никаких данных о том, как человеческий послед хоронили в раннюю эпоху, до перехода к трупоположению, нет, но можно предположить, что с последом и ранее совершали те же действия, что и с покойником. Если учесть сходство многих скотоводческих обрядов с обрядами, совершавшимися над людьми (см. ниже), в том числе захоронение трупов скота во время эпизоотий и трупов людей во время эпидемий, то можно предположить, что на ранней стадии развития человеческого общества существовало сходство и между обрядами с человеческим последом и последом скота. Безусловно, это только гипотеза, которую мы считаем себя вправе высказать.

Нынешние пожилые жительницы села объясняют, что делали это, «чтобы жил, прижилси, вырос, Бог благословил бы». В дер. Урядино Касимовского р-на новорожденного теленка прислоняли к печному заслону и говорили: «Как заслон от печки не отходит, так и теленок от дома не отходи». В с. Ветчаны Клепиковского р-на приговаривали: «Как ты, печка, здоровая, чтобы ты (теленок. — *С.И.*) был крепкий» или желали теленку быть таким же гладким, как печка. Аналогичные ритуальные действия совершали в селениях Шиловского р-на, а из обследованных селений южной части Рязанской обл. — в с. Бычки. В южных и юго-западных районах к печке обычно прислоняли купленного поросенка (см. ниже).

Этот ритуал с печью несомненно основан на *имитативной* магии (возникновение сходства не связанных между собой явлений): теленок должен вырасти большой, как печка. Об этом свидетельствуют и приговоры. Многие обряды, направленные на установление магической привязанности скота ко двору, совершались с печью* — недвижимой и неотъемлемой частью дома — или с печным заслоном. Однако стоит обратить внимание и на такую деталь: поднесение и прикосновение животного (телка, поросенка) к печи рассматривалось как получение им некоего благословения свыше (см. информацию из Кочемирова), а в Бычках трехкратное прикладывание к печи купленного поросенка так и называлось — *благословить поросенка*.

В обычае прислонять к печи новорожденных или приобретенных домашних животных можно увидеть аналогию с обычаем *перепекать* в печи больных детей **. «Перепекание» ребенка символизировало его второе рождение (см. т. 2. с. 599), т. е. это был обряд инициации (посвящения). Поднося теленка к устью печи или прислоняя к заслону, его таким образом, возможно, не только привязывали к дому, приобщали к хозяйству, но первоначально еще и посвящали в члены рода (семьи в узком значении). Видимо, до появления печи нечто аналогичное совершали перед или над открытым очагом. В пользу этого предположения свидетельствует обычай, зафиксированный в с. Малахово Клепиковского р-на. Там было принято проносить купленного поросенка над жаром (раскаленными углями), положенным в сковороду. Современные жители села истолковывают эти действия как снятие сглаза, порчи, т. е. очищение огнем. Прообразом сковороды с жаром в этом ритуале, скорее всего, являлся открытый очаг. Ритуал с печью уходит своими корнями в очень глубокую древность.

Право юридической собственности семьи на скот фиксировалось клеймом, метой (см. с. 294–295), а ритуал, совершавшийся около печи, устанавливал право иного свойства — право символического родства, особой связи с семьей. Эта идея мистической связи людей и их домашних животных прослеживается в вышеописанной «совместной трапезе» на Святки и в других обрядах и представлениях, о которых речь пойдет ниже. Некоторые обряды, совершаемые со скотом, обнаруживают параллели с обрядами, совершаемыми над людьми, а методы лечения скота от сглаза и порчи во многом идентичны методам лечения людей.

Повсеместно считалось, что новорожденного теленка, жеребенка, поросенка, как и ребенка, нельзя никому показывать, правда, сколько дней — это уже на усмотрение хозяйки, но самое малое — три дня. Чтобы теленок был крепкий, ему первый раз давали столько молока, сколько он выпьет (с. Студенки Новодеревенского р-на). В Сараевском, Путятинском районах было принято поводить по «сурнушке» (мордочке) теленка куском сала, «чтобы он не скабежливый был (т. е. не брезгливый. — *С.И.*), все пил, не перебирал».

К сожалению, очень мало сведений сохранилось о ритуалах, совершаемых с новорожденными жеребятами. Судя по материалам XIX в., было принято на несколько дней вешать им на шею «связанный из палочек крестик на обрывочке, чтобы лихой не повредил» (Зарайский и Пронский уезды) [22]. Одна из старейших жительниц дер. Софиевка Милослав-

* И не только скота. В Спасском у. жених дарил невесте перед венчанием шубу, которой предварительно обводил вокруг печной трубы с приговором: «Как труба от печи не отходит, так и ты (невеста) не отходи от двора» [*Мансуров А.А.* Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1930. Вып. 3. С. 24 (Труды ОИРК. Вып. XXVI)].

** Обряд перепекания хилых, плохо растущих детей заключался в том, что такого ребенка на хлебной лопате помещали несколько раз в устье умеренно горячей печи, т. е. как бы допекали, доделывали.

ского р-на, вспоминая свое детство, рассказывала, как невольно оказалась свидетельницей ритуала, который совершала в 1920-е гг. их соседка. Кобыла этой соседки ожеребилась где-то в лугах, и муж привез домой новорожденного жеребенка. Женщина разделась, распустила волосы и обошла вокруг жеребенка, а потом покаталась по земле. По словам нашей собеседницы, у этих соседей лошади были очень хорошие, а этот «жеребенок — как налитой». Наготе в народной традиции приписывалась отгоняющая, оберегная сила, и в данном случае своими действиями хозяйка, видимо, старалась отогнать от жеребенка нечисть (болезни, порчу).

Обряд очищения коровы. Понятие о нечистоте коровы после отела, безусловно, прежде всего, связано с употреблением ее молока в пищу. Период нечистоты измеряется удоями, исходя из трех доений в день: 6 (два дня), 9 (три дня) или 12 удоев (четыре дня) и т. д. В с. Лихунино Касимовского у. в 1920-е гг. такой период растягивался на 14 дней [23]. Если корова съедала послед, то продолжительность этого периода увеличивалась до шести недель (40 дней — срок женской нечистоты после родов). В дер. Аргамаково Спасского р-на в таком случае молоко несли святить в церковь и только после этого начинали его пить.

С.А. Токарев обратил внимание на существование некоторой аналогии в представлениях о послеродовой нечистоте и обрядах очищения коровы и женщины [24]. Очистительные обряды перед употреблением молока, а в ряде мест они совершались сразу после отела (селения Кадомского, Сасовского районов), заключались в обмывании коровы водой с добавлением святой воды или в окроплении ее святой водой. «Корове сурнушечку, вымячко, ножки, хвостик вымою, а потом святой водой», — рассказывала информатор из дер. Дунино Клепиковского р-на. В с. Тюково Клепиковского р-на некоторые умывают корову ее же молоком, а потом кропят святой водой. Во многих местах было принято окуривать ее ладаном.

По сообщению корреспондента Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева в конце XIX в. в Зарайском у. для окуривания коровы использовали изношенный лапоть [25]. Традиция окуривания из лаптя до недавнего времени сохранялась в дер. Отрада Путятинского и с. Пятаково Сасовского районов, где хозяйки специально для этого сберегали лапти. Кроме ладана, в него клали волосы, срезанные у всех детей в семье, и ниточки от одежды каждого ее члена, иногда мох, которым проконопачен дом. В Пятакове две женщины становились по разные стороны от коровы и три раза передавали друг другу лапоть, при этом одна из них говорила: «Кури, кури, бабка. Кури, кури коровку. Кури, окуривай, чтобы свет глаз не было», — т. е. чтобы сглаза не было, как объяснила информатор. Похожий текст произносили при окуривании коровы из лаптя в Дмитровском р-не Московской обл. Исследователь А.Б. Зернова считает окуривание из лаптя наиболее древним способом очищения животного, связанным с жертвоприношением домовому: лапоть обычно приносили ему в жертву, в лапте же его часто переносили на новое место жительства [26]. В начале 2000-х гг. никто из опрошенных информаторов из лаптя уже не окуривал: для этого чаще использовали консервные банки, старые сковородки. Жительница дер. Михалково Новодеревенского р-на считает, что «после [окуривания] и молоко вкуснее, и скотине-то легче».

Семантика волос очень разнообразна, но в данном случае — это «множественность, богатство, изобилие и счастье» [27]. Забегая вперед, скажем, что в Рязанском крае было принято первое снесенное курицей яйцо покатать по голове ребенка и пожелать, чтобы она снесла столько же яиц, сколько волос на голове. Можно предположить, что у коровы, окуренной ладаном и детскими волосами, должно было быть еще так же много телят. Нити, вытянутые или отрезанные от одежды («шаболики», как их обычно называют), в славянской обрядности часто использовались как обереги от сглаза [28]. Обращает на себя внимание тот факт, что отрезают волосы у всех детей, а «шаболики» берут от одежды всех членов семьи, т. е. семья выступает как сообщество, каждый член которого каким-то образом причастен к обряду и его объекту.

В некоторых селениях Рязанского края, например в с. Демкино Чаплыгинского р-на, на памяти пожилых информаторов корову никогда не окуривали. Часто хозяйки вместо окуривания или в дополнение к нему давали корове кусок хлеба, смоченный святой водой. В начале 2000-х гг. этим в основном и ограничиваются.

Коз вообще не принято окуривать. Обычно перед употреблением молока им дают хлеб со святой водой. Большинство молодых женщин, если они живут отдельно от матерей и свекровей, никаких специальных очистительных обрядов над коровой или козой не совершают. «Молодежь ныне и святой водой-то не помоют», — сетуют пожилые женщины. Однако и в молодых семьях в течение нескольких дней после отела или окота молоко все же не пьют, ссылаясь на неприятный вкус.

Ритуальная пища. Несмотря на то, что после отела корова считалась нечистой, по воспоминаниям информаторов, раньше их матери или они сами всегда запекали молозиво на сковороде. Получавшееся блюдо называли «яишницей», которую оно внешне напоминало. Многие объясняют употребление молозива тем, что время было голодное, и никто из информаторов не считал это блюдо ритуальным. Только в Шацком р-не в с. Черная Слобода информатор вспомнила, что загустевшее на сковородке молозиво резали ножом несколько раз по одному месту крест-накрест, чтобы корова при доении отдавала все молоко. И в Отраде «яишницу», прежде чем резать, крестили ножом несколько раз, не придавая своим действиям какого-то магического значения. В с. Студенки Новодеревенского р-на «яишницу» ели ложкой и говорили, что ее грешно резать ножом и вообще нож нельзя опускать в молоко — «отрежешь молоко».

Обряды с кашей, сваренной из первого удоя (после очищения коровы), совершались в некоторых селениях южных районов еще в 1960-е гг. В с. Новое Еголдаево Ряжского р-на из молока первого удоя варили кашу (первоначально пшенную, а потом из любого зерна) и ели ее не только сами, но и давали телку [29]. В с. Секирино Скопинского р-на в те же годы сваренную из молока первого удоя кашу *молили*, т. е. втыкали в нее ложки опять же всех членов семьи, крестили ее и желали здоровья корове, потом ели сами, а некоторые кидали ложку каши телку в молоко. Молили кашу и в с. Озерки Милославского р-на. В с. Заборово Новодеревенского р-на еще в 1950-е гг. варили из первого удоя кашу, ели ее и угощали теленка, и все это называлось *телка поднимать*. Судя по названию, эту кашу, видимо, когда-то перед тем как есть, поднимали вверх к потолку, чтобы теленок рос большой. Точно так же бабка-повитуха на крестинах поднимала кашу, чтобы ребенок рос большой. На памяти наших информаторов кашу из первого удоя уже не поднимали. В дер. Аргамаково Спасского р-на первый после очищения коровы удой молока полностью отдавали теленку.

Доение. В народе существовало особое отношение к молоку, как и к хлебу, который нельзя выбросить, даже крошки. Относительно молока крестьяне никогда не употребляли слово «пить»: они его «ели», обычно накрошив в него хлеб. Молозиво, которое не допивал теленок, нельзя было просто куда-то выплеснуть. Его отдавали поросятам или курам, но не собаке (с. Ерахтур Шиловского р-на). В дер. Софиевка Милославского р-на считали грехом дать коровьего молока даже щенку, так как собака — животное нечистое.

Удойность коровы и ее поведение во время доения в представлении крестьян зависели не только от ее кормления, состояния здоровья и характера, но и от очень многих внешних факторов. В с. Затишье Рязанского у. хозяйки не давали огонь в *махотку*[*], так как корова убавит молока [30]. Существовала некая связь между поведением хозяев и удойностью их коровы; например, нельзя было хлеб в молоко резать ножом — «молоко отрежешь», надо было его ломать. Корова могла начать «брухаться» (бодаться) во время доения, если семейство, употребляя молоко, будет стучать за столом ложками (дер. Ряссы Новодеревенского р-на) [31]. Некоторые считают, что нельзя никому продавать молоко вместе со своей банкой. Надо перелить его в банку покупателя, иначе люди могут «унести» у коровы все молоко (дер. Михалково того же района).

В Рязанском крае кормов для скота всегда не хватало, за исключением ряда селений, расположенных по Оке (см. с. 123). Коровы давали мало молока, поэтому часто крестьянки

* Махотка — глиняный горшок для молока. При отсутствии огня в печи крестьяне ходили к соседям и просили дать им жара — горящих углей, чтобы разжечь у себя в доме печь или прикурить. Жар давали в какой-нибудь плошке или сковородке.

старались поднять надои с помощью магических средств. Услыхав первый гром, они спешили омыть подойник водой, и тогда корова будет давать в него больше молока (дер. Волынь Рязанского у.) [32]. В дер. Чернышовка Милославского р-на женщины старшего поколения рассказывают, что мамы и бабушки учили их бросать коровий послед в речку против течения, с тем чтобы молоко притекало к их корове так же, как речка несет послед к кинувшей его женщине. Корова обязательно прибавит удои, если давать ей *непиту́ю*[*] подсоленную воду с брошенным в нее угольком (с. Старочернеево Шацкого р-на).

Много хлопот доставляли хозяйкам коровы, которые отказывались спокойно стоять во время доения. Существовало довольно много способов успокоить животное. Чтобы корова не брыкалась, струйку молока из правого соска надо было направить на левое копыто задней ноги, а левого соска — на правое копыто, т. е. как бы положить крест на задние ноги (дер. Михалково). Некоторые женщины после отела на всякий случай трижды обводят последом вокруг задних ног коровы — «путают» ее, чтобы потом не брыкалась. То же самое можно сделать и обыкновенной веревкой во время доения, при этом три раза прочитав «Отче наш» или «Богородицу», а некоторые просто делают движение рукой без веревки, как будто путают ноги, и читают «Богородицу». Здесь явственно видно разложение магического ритуала, упрощение действия и вместе с тем усиление его символического смысла. Опутывание задних ног коровы последом после отела довольно широко распространено в Рязанском крае. В с. Петрово Ряжского р-на, чтобы животное стояло спокойно, на его шею наматывали полотенце, которое когда-то висело на иконе во время венчания.

Успокоить корову можно, набросив ей на крестец мужские кальсоны (с. Дегтяные Борки Ухоловского и с. Малахово Клепиковского районов) или положив снятый с головы неразвязанным платок[**] и при этом сказав: «Стой под молоком, как под быком» (с. Ерахтур Шиловского р-на). В этом действии очевиден мотив коитуса. Наша собеседница, долгие годы заведовавшая фермой в Малахове, рассказывала, что специально держала на работе мужские ношеные кальсоны (надо, чтобы в них мужчина спал с женщиной) и неоднократно использовала их, когда какая-нибудь корова не давалась доиться. Результат, по ее словам, был самый положительный. Можно с этой же целью использовать намоченный в холодной воде льняной мешок.

Пожилая жительница с. Черная Слобода Шацкого р-на рассказывала, что в хозяйстве ее родителей была корова, которая во время доения каждый раз начинала испражняться. Мать пошла к старику-знахарю, и он велел пойти взять воду в том месте, где сливаются две реки (или ручья), корову поставить так, чтобы одна ее половина была на огороде по ту сторону калитки, а другая — во дворе по эту сторону калитки, т. е. чтобы корова находилась на границе «своего» и «чужого» пространства (ни здесь и ни там) и в этот момент никому не принадлежала, и спрыснуть ее надо было водой, взятой в таком же пограничном месте (ни в этой речке и ни в той).

Во время доения, по мнению информаторов, коровы особенно подвержены сглазу. Жительница с. Колыбельское Чаплыгинского р-на рассказывала, как еще ребенком в такой момент подошла к матери и, глядя на молоко, сказала: «„Мам, как много!“ А мать кричит: „Отойди от меня, такие слова не говори. Не удивляйся мне тут. Уйди от меня. Плюнь вон там через левое плечо“». В с. Демкино того же района, чтобы во время доения никто не сглазил корову, в подойник сыпали немножко соли, особенно когда шли доить на выпас, где любой мог подойти и заглянуть в него. Если кто приходил за молоком в праздники, тоже надо было всыпать в крынку, банку немного соли, чтобы его не отняли у коровы (дер. Урядино Касимовского р-на). В Рязанской обл. и в начале 2000-х гг. широко бытуют рассказы о том, как односельчанки-колдуньи забирали молоко у коров (см. т. 2. с. 558–559). Не каждая хозяйка рискнет дать его соседке, если у нее нехорошая репутация.

---

* Непитая вода — это вода, взятая рано утром из колодца, речки или родника до того момента, как ее почерпнет еще кто-то. Обычно использовалась знахарками в лечении.

** Видимо, предполагалось, что узел на платке закрепит, зафиксирует положение коровы, которая не будет двигаться.

Если все же корову сглазили и удои упали, а то и вовсе пропали, следовало ночью пойти с пустым ведром к реке и по пути до самой воды повторять фразу: «Буренка удой потеряла». У воды размахнуться ведром крест-накрест, как будто крестишь поверхность реки, и, зачерпнув, идти домой, повторяя: «Буренка удой нашла», и этой водой попоить корову и обмыть ее (дер. Михалково Новодеревенского р-на). Чтобы корову не сглазили и не отобрали молоко, некоторые хозяйки привязывали на рога ладан и *чертогонную траву* (синеголовник) (с. Дегтяные Борки). Для снятия сглаза и повышения удойности коров умывали наговоренной знахарками водой с уголька или давали наговоренной соли и т.д.

В Рязанском крае и в начале 2000-х гг. бытуют заговоры на увеличение удоя (на отмыкание ключей), на увеличение съема сметаны, и хозяйки, еще держащие коров, переписывают их друг у друга, хотя эти же женщины любят повторять, что «у коровы молоко на языке». Особенно эти заговоры популярны в куршацких селениях Клепиковского р-на (Малахово, Култуки и др.).

Продажа и приобретение скота

Сделка купли-продажи. Очень много различных запретов и предписаний было связано с куплей-продажей скота. Продавая животное, хозяин, сделав что-то неправильно, мог «продать» вместе с ним и успех, который сопутствовал ему в разведении и содержании не только этого вида домашних животных, а вообще всей живности на подворье. Деньги выступали неким гарантом перехода к новому хозяину положенной (дозированной) части во́да и сохранения у продавца всего остального. Поэтому главное правило в деле приобретения домашнего животного или птицы: ничего нельзя давать или брать даром. Даже собственным детям нельзя отдать даром на развод цыпленка. Надо взять или дать за него хотя бы копеечку. О существовании некой магической связи между проданной скотиной и заплаченными за нее деньгами свидетельствует поверье, в начале XX в. бытовавшее в с. Спасское Скопинского у.: если деньги за проданное животное изжарить в печи, то это животное у нового хозяина захиреет и погибнет [33].

Сделка купли-продажи, как и многие другие важные дела крестьянской жизни, должна была совершаться в *легкий* день. Повсеместно старались не покупать и не продавать скот в *тяжелый* день — в понедельник, а многие распространяли этот запрет на среду и пятницу*. В некоторых селениях в число запретных для купли-продажи скота дней входил еще и *благовещенский день*, т. е. тот день недели, в который было Благовещение. В дер. Четаево Касимовского р-на бытовало мнение, что хорошо покупать скот, особенно поросят, на растущей луне: они будут хорошо расти. В день покупки коровы, овцы или поросенка ничего из дома не давали и не дают даже близкому человеку.

Встретившиеся в Рязанском крае представления о пространственных ограничениях в совершении сделки со скотом были связаны исключительно с рекой. Это был важный рубеж, разделяющий пространство надвое: на свою сторону и чужую. Как текучая вода может унести болезнь (см. т. 2. с. 598), так она может унести и вод у продающего животное. Поэтому крестьяне опасались отдавать скот, особенно коров, за реку: «можно вообще навсегда остаться без коров» (Чаплыгинский р-н). Однако считалось, что покупать скот за рекой очень хорошо (с. Малахово, дер. Дмитриево Клепиковского р-на). В с. Тимошкино Шиловского р-на полагали, что поросята, купленные за рекой, «в повод шли лучше». Если же продаешь скотину на своем берегу реки, то надо продавать в селения, расположенные вверх по течению, чтобы «не уплыла», а покупать в селениях вниз по течению (села Меньшие Можары, Бычки Сараевского р-на).

Повсеместно существовало представление, что нельзя продавать матку с приплодом (корову с теленком или свинью с поросятами). В этом случае заведомо известно, что больше никогда никакая живность на подворье водиться не будет.

* В некоторых местах, например в с. Насилово Пронского у., понедельник, среда и пятница считались настолько «тяжелыми к разведению скота» днями, что даже если в эти дни зарезать скот, мясо будет неприятным на вкус (АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 150. Л. 17 об.).

Для того чтобы скотина хорошо *велась* (водилась, плодилась), очень важно было правильно подобрать масть. Считалось, что покровитель дома, хозяйства — «хозяин», или, как его еще называли, «дворной», «домовой» (см. т. 2. с. 538–539), покровительствует той скотине, которая ему нравится, и мучает не пришедшуюся ко двору. «Скотина и кошка с собакой должны быть ко двору, — говорила жительница с. Чернава Милославского р-на. — Если хозяин не залюбит скотину, он ее загоняет, измучает. Утром она потная. Выбирать скотину надо под шерсть. Чуешь, какая скотина ведется дома, такую и надо брать». Поскольку внешне дворной и домовой похожи на хозяина дома и имеют такой же цвет волос, то крестьяне старались покупать коров и лошадей либо под цвет волос хозяина дома, либо той масти, которая у них была раньше и хорошо водилась. Некоторые хозяйки, когда шли покупать корову, приглашали с собой дворного, чтобы помог выбрать. В с. Новопанское Михайловского р-на весь год берегли благовещенскую просфору, а на следующее Благовещение смотрели, какого цвета в середине червячок: такого цвета надо покупать корову.

Судя по рассказам информаторов, покупать коров предпочитали у частных лиц и на фермах, возможно потому, что больших скотных ярмарок в советское время не было, да и на рынке скорее подсунут что-нибудь бракованное. Мелкий скот покупали на базарах и брали с частных подворий, а часто владельцы свиноматок возили и носили продавать поросят по селениям.

Продавец или покупатель, как указывал А.Ф. Журавлев, в процессе сделки выступали как антагонисты [34]: первый был заинтересован оставить у себя в хозяйстве весь вод, и тогда у покупателя скотина или не приживется, или будет какой-то ущербной; а второй — забрать у старого хозяина вод вместе с животным, и в этом случае продавец лишится способности разводить этот вид скота, а то и вовсе уже ничего не заведет. Эта разность интересов превращала обычную сделку купли-продажи в поединок продавца и покупателя.

Как свидетельствуют материалы конца XIX — начала XX в., продавец обязательно вместе с лошадью давал уздечку, на которой лошадь и вели на новый двор [35]. Это правило распространялось на коров и овец. Жительница с. Пеньки Пителинского р-на вспоминала, что когда она покупала корову, то ей поводок не дали, и пришлось вести ее на своей веревке. В этом она видит причину того, что корова потом не ходила в стаде. Редко встречаются исключения, когда покупатель должен был взять купленное животное на свой повод (с. Нармушадь Шиловского р-на).

Несмотря на то что обычно продавец давал свой поводок, в некоторых местах было принято возвращать покупателю из уже заплаченных денег 15–20 коп. или рубль, как говорили — *на поводок*, чтобы купленная скотина хорошо прижилась у нового хозяина. Корреспондент Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева из с. Маклаково Скопинского у. сообщал в конце 1890-х гг., что продавец коровы или лошади «всегда обязан дать какую-либо мелочь на поводок» [36]. Этот обычай до недавнего времени (1980-х гг.) соблюдался жителями Спасского, Шацкого и Чаплыгинского районов.

В Рязанском крае был распространен обычай передавать и брать поводок не голой рукой*, а обернув ее полой одежды [37]. Делалось это для того, чтобы коровы или овцы (в зависимости от того, кого продают) у продавца не перевелись, а у покупателя купленная скотина прижилась. Старшее поколение вспоминает, что они сами так покупали корову, редко — овцу. Правда, некоторые выражали сомнение в действенности этой меры. «Если хозяин, какой продает, хитрый, то хоть чем возьми, от него не заведешь», — говорила жительница с. Большое Агишево Шацкого р-на. В с. Темгенево Сасовского р-на этот обычай объяснили тем, что «это для приметы, чтобы совсем весть корову, а то не приживется, а это, вроде, ты своей полой поведешь». Информатор из с. Стублё Михайловского р-на рассказывала, что руку обертывали полой не тогда, когда брали поводок, а когда после расчета за корову покупатель давал продавцу рубль, который предназначался на свечку в церкви. Продавец должен был добавить от себя еще рубль и поставить ее св. Власию.

* Голая рука символизировала бедность, поэтому ею, например, нельзя было сметать со стола крошки — денег не будет (НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XX. № 495. Сер. VII. 020. Л. 12).

Нередко продавец, желая продемонстрировать отсутствие каких-то коварных замыслов, демонстративно не подходил к корове после того, как ему отдали за нее деньги. И если поводок (*обратку*) на корову надевал сам покупатель, как это чаще и было во второй половине XX в., то передавать его из полы в полу было уже бессмысленно.

При покупке коровы кроме обратки продавец обычно давал еще и махотку для молока, а в Скопинском у. в конце XIX в. — доильник [38]. Приблизительно с 1960-х гг. вместе с коровой стали давать стеклянную банку. Этот обычай до недавних пор бытовал массово, но в 1990-е — начале 2000-х гг. коров «для молока» покупали редко, поэтому и обычай быстро уходит в прошлое. Продавцы из Пителинского и Чаплыгинского районов кроме поводка и горшка для молока давали покупателю с собой еще и буханку хлеба. В Шацком (с. Черная Слобода) и Спасском (с. Собчаково) районах корову обязательно продавали недоеную. Считалось, если хозяйка подоит ее перед продажей, то молоко останется у старых хозяев, а у новых его не будет.

Обычно крестьяне просили продавца не жалеть о проданной скотинке, иначе она будет тосковать, кричать и бегать к старому хозяину [39].

Еще в 1970–1980-е гг. был распространен обычай закреплять сделку совместной выпивкой — *выставлять магарыч*. Обычно во время распивания водки, а чаще самогона, продавец и покупатель желали друг другу, чтобы у одного водилось, а у другого не перевелось, т. е. подтверждали взаимное расположение и отсутствие злых намерений.

Из старого двора. Момент, когда деньги уплачены и скотина по существу уже перешла в собственность покупателя, но еще находится на территории продавца, был самым эмоционально напряженным для обоих. Каждая из сторон старалась уследить, чтобы каким-либо колдовством ей не был нанесен ущерб. Старый хозяин был кровно заинтересован, чтобы у него осталось хоть что-то от проданной скотины. Он норовил выщипнуть у нее клочок шерсти, а новый хозяин должен был постараться не позволить ему это сделать, и, по возможности, еще прихватить с собой из-под ног купленной коровы (овцы, поросенка) немного навоза или соломы, чтобы она прижилась на новом месте (селения Мелехово и Степаново Касимовского у.) [40]. Информатор из с. Тимошкино Шиловского р-на вспоминала, как ее мать, продавая поросят, всегда старалась незаметно выдернуть хоть пару волосиков, а про себя говорила: «Племя, оставайся дома».

Оставить у себя вод в целом или только «молоко», «телят» можно было, если продавец прикасался с каким-то приговором к проданной корове или шлепал ее как бы невзначай на прощание. Жительница дер. Аргамаково Спасского р-на рассказывала, как она ходила с матерью покупать корову и мать ей наказывала: «Пойдем покупать корову, девка, ты гляди, чтобы со двора гоним, ты гляди, чтоб хозяйка не стукнула». В противном случае, по ее словам, корова будет давать мало молока.

В момент вывода со двора нельзя было ничего оставить, даже навоз, если корова вдруг начнет испражняться. В этом случае новая хозяйка должна была подставить фартук и унести его с собой. Вспоминая, как она боялась этого момента, жительница с. Морозовы Борки Сапожковского р-на рассказывала: «Как это тах-то? Я буду под г… подставлять [подол]?! Ты мне разрешишь? И я не разрешу, правда? Я только молила Бога: „Господи, не дай Господи, чтоб она ср… Ой, не дай Бог!“». У нее все обошлось, и она вывела корову со двора без всяких осложнений. Но если такое случалось, продавец мог заставить вытряхнуть навоз и расторгнуть сделку, как это и бывало в жизни наших информаторов (с. Петрово Ряжского р-на).

Обычно хозяин не разрешал покупателю ничего брать, кроме поводка, чтобы не было ущерба для его хозяйства [41]. Правда, в некоторых местах, например в с. Белоомут Зарайского у. в конце XIX в. или в современном с. Канино Сапожковского р-на, чтобы корова не тосковала по дому, продавец разрешал взять с собой земли около ворот [42] или немного соломы из-под ног животного.

При покупке поросенка где-то продавец категорически запрещал брать из «гнезда» немного соломы, и покупатель старался сделать это незаметно: прихватить вместе с поросенком хотя бы пару соломинок; а где-то это считалось в порядке вещей, и продавец не возражал. Но даже в последнем случае некоторые из наших собеседниц высказывали мнение, что с их

стороны было бы нехорошо, бессовестно взять что-то лишнее: «Поросенка берут за ножку и прихватывают соломку, а я что-то совестилась»; «Хорошо из-под ноги коровы взять соломы, но мы покупали тах-то уж, совесть… не брали ничего» (дер. Аргамаково).

Информатор из куршацкого с. Малахово Клепиковского р-на вспоминала, как в молодости мать говорила ей, что если она будет продавать какую-либо скотину или что другое, то обязательно нужно про себя сказать: «Ты спросту, и я тебе даю спросту, а если не спросту, то на изворот». Тогда, если у покупателя были какие-то плохие замыслы, они против него и обернутся.

Для продавца было очень опасно, если покупатель, выводя животное со двора, невзначай резко рванет за поводок. Этим движением он «выдернет скотину» со двора, и у старого хозяина она перестанет водиться. Если продавец замечал такое за покупателем, то сделка тоже расторгалась.

Выводить скотину со старого двора надо было через калитку, а не в ворота (через них выносят покойника). В дер. Акулово Дубровской вол. Касимовского у. покупатель выводил корову со двора, расстелив свой пояс, чтобы, переступив через него, она забыла прежнего хозяина [43]. Ни в коем случае нельзя было выводить животное задом. Два мужика пришли в одно село покупать корову, им дом указали. Договорились. «Покупатели пошли к воротам, а дед с бабкой шепчутся: „Дед, кого будем продавать: молоко или телят?“ А мужики услыхали. Корова им пондравилась и решили взять. Зашли в дом, дали деньги. А хозяева: „Ой, мы сейчас вам дадим веревочку“. — “Мы за корову вам заплатили, мы возьмем сами, без вас“. А они ушлые были, приметили, что в сарае есть калитка, дверца в огород. Они эту дверцу открыли, один снял с себя ремень, забратал корову и задом вытолкал ее. Он дал знать, что вы знаете, и мы знаем» (с. Ижевское Спасского р-на). Бывало и такое, что продавец выщипнет клок шерсти, а покупатель заметит и отомстит. Один такой покупатель взял привязал корову за рога к телеге, да как стегнул лошадь, «она корову таскмя вытащила» . И все: «стащил все со двора», т. е. забрал вод (с. Меньшие Можары Сараевского р-на).

Точно так же как нельзя выводить корову со двора задом, нельзя было опускать задом в мешок приобретенного поросенка, иначе у продавца не будут водиться. Жительница с. Царево Ермишинского р-на рассказала о скандале, свидетельницей которого она стала: «А один взял, может без хитрости, а может с хитростью, кто его знает, и сажает его (поросенка. — *С.И.*) задом в мешок. Этот продавец, у которого он взял, как схватил у него этого поросенка и говорит: „Я тебе сейчас прямо по морде нахлыщу“. Надо мордочкой совать». По мнению сельчан, «порядочные люди никогда задом не опустят» (с. Ерахтур Шиловского р-на).

Покупая поросят на базаре или у приезжих торговцев, жители с. Секирино Скопинского р-на замечали, где сидит продавец: если на колесе, то это считалось колдовством, и кто в этом разбирался, у такого хозяина не брал.

Лишившись в результате продажи во́да, вернуть его можно было, только прибегнув к помощи знахарки или колдуньи. Старейший житель с. Меньшие Можары вспоминал, как продал в с. Васино (того же района) двух поросят и после этого уже не мог развести свиней. «Знающая» женщина ему посоветовала зайти в сарай, где у него были поросята, и сказать: «Я иду и сейчас поросенка приведу». Потом пойти к тому, кому продал, взять у них хотя бы одну соломинку и сказать: «Я у тебя взял, себе принес», — и идти, ни с кем не разговаривая, принести соломку к себе. Но наш собеседник сделать это постеснялся и свиньи у него так и не водились. Судя по всем этим рассказам, таинственный вод мог заключаться даже в одной соломинке, в одной шерстинке, вырванной из шкуры животного. Его было легко лишиться и трудно вернуть.

Ритуалы, совершавшиеся по дороге в новый двор, возможно, когда-то широко известные рязанским крестьянам, сохранились в памяти некоторых жителей селений по р. Курше (Клепиковский р-н). Знающие хозяйки из Дмитриева, Андронова, Малахова и др., когда вели купленную скотину домой, то по пути на всех перекрестках перебрасывали вперед через голову животного три раза палку со словами: «Вот твое угожие», чтобы скотина забыла старый двор и не скучала по старой хозяйке. А когда подходили к землям своего селения, то

заламывали веточки кустиков в сторону селения и говорили: «Вот твое поле, вот твоя граница». В дер. Кочемары Касимовского р-на опытные хозяйки уже в начале 2000-х гг. советовали молодым во избежание сглаза привязывать к рогам купленной коровы цветную тряпочку и по пути в свой двор всю дорогу приговаривать: «Глядите не на корову, а на тряпочку».

Когда корову переводили из старого двора в новый, животное несколько раз пересекало границы: сначала — старого двора, потом новых для животного земель того селения, куда его ведут, и, наконец, подходило к границе (воротам), отделявшей от всего остального пространства новый двор, который должен был стать его новым местом жительства. Все эти поэтапно пересекаемые границы как бы отрезали прошлое, которое корова должна была забыть.

В новом дворе. Приобретение коровы, а раньше и лошади, не было рядовым событием в крестьянской жизни. Пока кто-то из семьи, обычно двое, ходили покупать, в доме ждали их возвращения. Приведенную корову обязательно кто-нибудь из домашних выходил встречать за ворота. В с. Тимошкино Шиловского р-на все находившиеся дома члены семьи встречали ее с печным заслоном, на котором были хлеб и соль, а в с. Бычки Сараевского р-на корову, как и будущего члена семьи — молодую после венчания, встречали с иконой. Да и вообще перевод коровы со двора во двор очень напоминал перевод невесты из родной семьи в семью жениха (из одного рода — в другой).

Вводили ее во двор, как и выводили, не через ворота, а в калитку. В Рязанском крае был широко распространен обычай при вводе новой скотины стелить в калитке пояс, фартук или веревку, поводок. Этот обычай сохранялся и в конце XX в. В дер. Акулово Касимовского у. в 1920-е гг. его объясняли тем, что корова будет знать новый дом, а старый забудет, а в с. Увяз того же уезда, когда скотина переступала через расстеленный пояс, хозяйка говорила: «Не отходи от меня, моя скотинушка, как пояс не отходит от меня» [44]. В этих двух объяснениях раскрывается двоякая семантика пояса, на которую указывал А.К. Байбурин [45]: расстеленный пояс является границей между старым двором и новым, перешагнув его, животное забудет старое место жительства и будет знать новое; с помощью пояса устанавливается связь между новой хозяйкой и животным, которое так же будет при ней, как ее пояс. Причем, если в первом случае пояс вполне мог заменяться веревкой, поводком, то во втором — это обязательно должен быть хозяйский пояс, фартук. Если во двор вводили корову, овцу или козу, уходом за которыми занимались исключительно женщины, то веревку или пояс в воротах расстилала хозяйка, в то время как перед лошадью веревку клал и вводил ее во двор хозяин, причем в 1920-е гг. в Рязанской губ. был отмечен обычай специально для этого надевать длинную одежду, например поддевку [46].

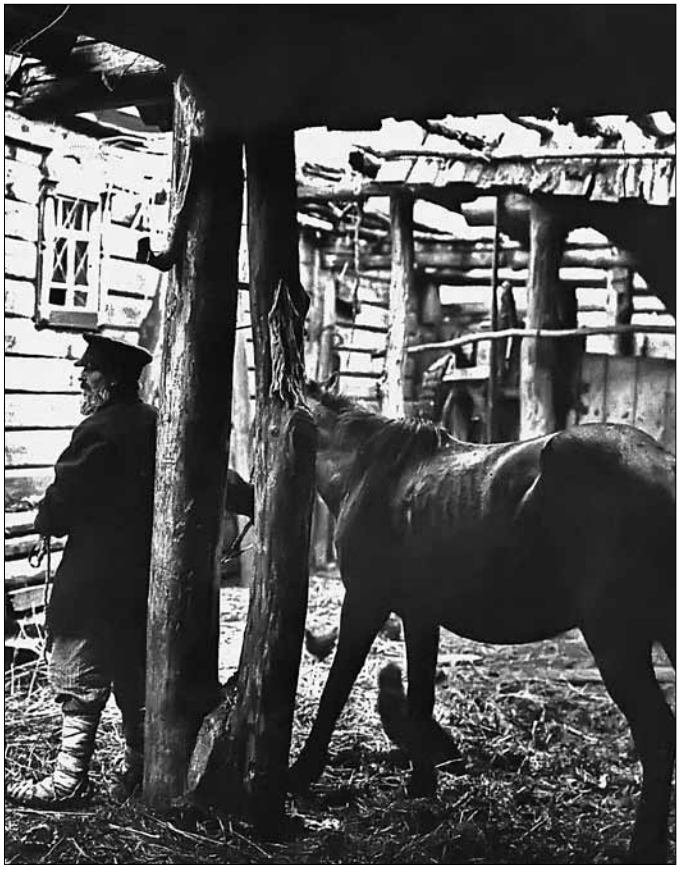
В дер. Шакино Клепиковского р-на, чтобы купленная корова не скучала и не пыталась убежать на старое место, при вводе ее во двор расстилали чистое, желательно новое («не тертое») полотенце, через которое корова должна была переступить, т. е. новизна полотенца маркировала начало новой жизни животного на этом подворье. Потом это полотенце привязывали в хлеву, где оно висело три дня. В Шацком р-не (села Черная Слобода и Мариновка) в калитке клали осиновый прут, чтобы прежние хозяева по корове не скучали и в новом доме она хорошо велась. Осине, как известно, приписывались апотропейные свойства. Иногда, чтобы снять с купленного животного сглаз или наговор (вдруг старый хозяин что-то такое сделал), втыкали в воротный (средний) столб косырь* (с. Ижевское Спасского р-на).

При вводе во двор купленной овцы или козы обычно клали веревочку или пояс, а в дер. Самуиловка Касимовского р-на еще недавно, когда вели во двор новую козу или овцу, расстилали в калитке шубу. Выше мы уже говорили, что шуба (овчина) символизировала хороший вод овец, увеличение их количества (как много шерстинок, чтобы так же много было овец). При вводе во двор купленных лошади или коровы считалось очень хорошим признаком, если они начнут «испражняться или мочиться», а лошадь еще и заржет [47].

Сразу после пересечения границы двора совершались обряды, символизировавшие приобщение скотины ко двору, к хозяйству и направленные на то, чтобы она забыла

* Косырь — большой, тяжелый нож для щепания лучины.

старое место. Часто, особенно в северных районах, встречается ритуал обведения животного вокруг столба во дворе. В с. Увяз Касимовского у., после того как купленное животное ввели во двор и три раза обвели против солнца вокруг столба (чтобы скотина знала свой двор), ее ударяли задом о столб, приговаривая: «Вот тебе столб, вот тебе двор», или прислоняли к воротному столбу со словами: «Не знай родину, а знай приводину». С этой же целью отрезали от хвоста немного волос и клали под пятку ворот [48]. С небольшими вариациями то же самое делали в 1960-е гг. в с. Нармушадь Шиловского р-на.



Купленную лошадь обводят во дворе вокруг столба. Касимовский у., с. Увяз. Фото В.М. Машечкина 1914 г. (РЭМ. Фототека)

Хозяин лошади, предварительно закрыв все ворота, обводил ее вокруг столба, при этом стегал прутиком и приговаривал: «Ведись, ведись, лошадка! ... хозяин — я, я!» [49]. В с. Парсаты Шацкого р-на купленную овцу прислоняли к столбу головой, а поводок, на котором ее привели, вешали на этот столб, опять же чтобы она хорошо прижилась в новом дворе. К этому способу прибегали также, если скотина бегала с пастбища мимо дома. Поскольку в 1980–1990-е гг. у многих дворы были уже перестроены и столбов не было, то некоторые, как, например, в Ижевском, обводили корову или овцу вокруг телеграфного столба у дома.

Обычно поводок, на котором привели скотину, привязывали или клали в каком-то ритуально значимом месте. В с. Пеньки Пителинского р-на его накручивали вокруг печной трубы на чердаке, в с. Чернава Милославского р-на просто закидывали на потолок (чердак), а в дер. Аргамаково Спасского р-на бросали на сушила в сарае и хранили до первого выгона в поле, чтобы вывести корову со двора на этом же поводке и снова закинуть его на сушила. В с. Большая Алешня Ряжского р-на и с. Малахово Клепиковского поводок привязывали около стойла коровы, чтобы ее не тянуло на старое место.

Очень разнообразны действия с купленными поросятами: где-то поросенка прислоняли к воротам своего двора с приговором: «Не знай родину, а знай приводину» [50] (дер. Шемякино Касимовского у.); где-то — заносили в дом и в мешке обводили вокруг ножки стола или прислоняли пятачком к печке и говорили, что «печь никуда, и парсучок (поросенок. — *С.И.*) никуда» (дер. Аргамаково); а иногда прислоняли и к печи, и к столу со словами: «С печь толщины, со стол длины» (с. Секирино Скопинского р-на) или прямо в мешке слегка били о печку и приговаривали: «Расти на 10 пудов или на 12 пудов. Будь крепкий, как печка» (дер. Борисково Клепиковского р-на). В дер. Михалково Новодеревенского р-на надо было занести купленного поросенка в дом и, держа мешок с покупкой на себе, на спине покататься по полу с боку на бок, а затем выпустить поросенка под стол, чтобы он рос большой, как стол.

В Рязанской обл. был широко распространен обычай представлять новую скотину дворному или домовому и просить принять и любить ее. В с. Сново-Здорово Шацкого р-на говорили: «Хозяин, хозяин, принимай скотинку», а в с. Темгенево Сасовского р-на, когда купленное животное заводили в сарай, то просили «хозяина» полюбить скотинку и быть с ней.

Купленного поросенка прислоняют к воротам. Касимовский у., дер. Шемякино. Фото В.М. Машечкина 1914 г. (РЭМ. Фототека)

Случалось, что многократные попытки завести у себя на подворье корову или свиней оказывались безуспешными, и тогда, покупая новое животное, хозяйка, обычно по совету опытной односельчанки или знахарки, пыталась ввести или внести животное во двор каким-то особым способом. В некоторых местах считалось, что если ввести корову во двор задом, то она непременно приживется (с. Новопанское Михайловского р-на, с. Демкино Чаплыгинского р-на). В этих действиях, видимо, кроется попытка обмануть злые силы, которые, увидев следы, направленные со двора, а не во двор, не поймут, что корова вошла, а не вышла, и не будут ее преследовать. Однако такой способ мог негативно отразиться на хозяйстве того, у кого куплена скотина: «Говорили, если какой хитрый [покупатель], корову или овцу приведет, задом заведет во двор, но тогда продавец не заведет себе» (дер. Аргамаково).

Обеспечить жизнеспособность купленного поросенка, если до этого все предыдущие животные один за другим подыхали, можно было следующим образом: надо было разрезать дно мешка, в котором его принесли, так, чтобы он выпал на пол или на печную заслонку (с. Кочемирово Кадомского р-на, с. Бычки Сараевского р-на). В с. Вослебово Скопинского у. принесенного с базара поросенка пропускали через брючину мужских штанов, и если он сразу пролазил, то считали это хорошим знаком. Совершенно очевидно, что эти действия символизировали рождение поросенка и для него новое подворье и новые хозяева становились уже не «приводиной», а «родиной».

Собственно, сам акт покупки и привод в новый двор расценивались как начало новой жизни, своего рода второе рождение, после которого животное может стать другим. Жители рязанских селений рассказывают истории о том, что корова, не дававшая молока или не покрывавшаяся в одном хозяйстве, оказавшись проданной в другое, начинала хорошо доиться и давать телят.

У русских, в том числе в Рязанском крае, было принято *перекупать* детей, если в семье они умирали (см. т. 2. с. 143, 599). То же самое делали со скотом: с поросятами, телятами и даже был случай — со взрослой коровой (дер. Аргамаково Спасского и с. Большие Можары Сараевского районов). Если скотина не велась, то в момент привода купленного животного надо было, чтобы кто-то из домашних вышел навстречу, за копеечку перекупил его и сам занес, завел в дом или во двор.

Первый выгон и пастбищный период

Очень важным и ответственным моментом был первый выгон скота на пастбище. Его магико-ритуальное оформление должно было обеспечить благополучие, здоровье и невредимость скота на весь пастбищный период.

Для выгона, как и для приобретения скота, существовали те же самые легкие и тяжелые дни. Представления о благовещенском дне как неблагоприятном для первого выгона во второй половине XX — начале XXI в. бытовали в Касимовском, Клепиковском, Кадомском районах. В день выгона скота повсеместно из дома ничего никому не давали. Это правило продолжают соблюдать даже молодые хозяйки.

На большей части территории края, особенно в южных районах, из-за недостатка кормов скот часто выгоняли вскоре после схода снега на старую траву. Однако в северной и восточной частях и некоторых селениях центральной части края даже во второй половине XX в. по возможности все же старались приурочить если не сам выгон, то хотя бы его обряды, ко дню Егория вешнего. В северной части бывш. Касимовского у. (Демидовская, Бутыльская волости), отошедшей к Владимирской обл., скот могли выгнать на пастбище за неделю до Егорьева дня, но 6 мая совершали все обряды так, как будто это действительно первый день выгона.

В селах Малахово, Ветчаны и других куршацких селениях Клепиковского р-на и в начале 2000-х гг. старались выгонять скот на Егория, но в 2005 г. эта дата пришлась на пятницу, поэтому выгоняли позже. Их жители считают неподходящими для выгона в стадо дни недели, на которые пришлись Благовещение и Сороки (40 мучеников — 9/22 марта).

Обряды первого выгона скота распадались на две части: совершаемые индивидуально на своем подворье и коллективно на выгоне.

Обряды, совершаемые на подворье. Раньше в семьях было принято накануне выгона молиться всей семьей о благополучии скота. Жительница дер. Дунино Клепиковского р-на, вспоминая довоенное время, рассказывала, как у них на Егория первый раз выгоняли скот в поле: «Хлебушка поставим и перед иконой помолимся. Вербушка тута. Хлеб ели, целый хлеб ставили. Лампадку зажигали. Скотине давали хлебушек, святой водой польем». В селениях Егорьевского у. на стол ставили икону Георгия Победоносца [51]. Хозяйка, которой предстояло выгонять свой скот, должна была хотя бы немного обмыться и надеть чистую одежду.

До сих пор некоторые пожилые женщины куршацких селений стараются соблюсти старинные обряды первого выгона скота, которые еще в 1970–1980-е гг. исполнялись на многих подворьях. Наша собеседница из Малахова, до конца 1990-х гг. державшая корову, в день *запуска* (выгона) всегда выводила ее во двор, клала на землю печной заслон и крошила на него «картошечки, хлебушка, четверговской золицы»; и пока корова ела, она три раза против солнца «обкатывала» ее вареным яйцом и приговаривала: «Какое-то яичко круглая, такая-то ты, моя коровка, будь круглая, на запуски ходи». После этого брала в руку нож или топорик. «У нас топорик маленький; и идешь, топорик в руке лезвием вперед, — рассказывала информатор. — У коровы хрестец. На заду касаешься топориком, как крестик делаешь. И спереди так же топориком между рог и говоришь: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа“». В начале 2000-х гг. вместо топора или ножа стали чаще брать кадильницу и окуривать корову ладаном. Некоторые обходят ее с замком и ключом, а потом запирают замок и вешают его в сарае, где стоит корова, со словами: «Вот тебе место твое, твой покой». В с. Тимошкино Шиловского р-на замок клали в воротах, когда выгоняли скот со двора.

Для того чтобы скотина знала свой двор, во многих селениях принято в день выгона расстилать в воротах пояс или веревку, раньше — *обору*[*]. Некоторые предварительно носят пояс на себе (дер. Михалково Новодеревенского р-на, с. Малахово Клепиковского р-на). В одних селениях пояс (веревка) лежит три дня, а потом его вешают в сарае над стойлом, в других — пояс лежит до вечера и, заходя во двор после пастбища, корова вновь переступает через него (дер. Михалково).

В куршацкой дер. Култуки Клепиковского р-на на воротах перед выгоном коровы вешали чистую скатерть или новое полотенце, а в дер. Борисково в воротах, через которые животное выходило на улицу, у верей (воротных столбов) клали два топора лезвиями друг к другу и расстилали обору. В соседнем с. Ветчаны, когда гнали корову в поле первый раз, то брали землю с отпечатком ее следа и кидали во двор, чтобы она хорошо ходила домой.

В наши дни повсеместно сохраняется обычай выгонять скот первый раз в стадо вербой — освященной, если есть церковь, а чаще неосвященной. Ею обычно крестили скотину, а затем слегка хлестали с приговором: «Хлыщ, хлыщ, хлыщ. Вербушка вон, коровка в дом» (с. Секирино Скопинского р-на); «Вербохлест, бей до слез. Люби стадо, ходи домой»

* Обора — плетеная веревочка, которая крепилась к лаптям и охватывала ногу поверх онучей.

(дер. Алтухово Клепиковского р-на). После выгона в одних селениях вербу приносили назад и кидали на крышу (с. Секирино); затыкали в скотном дворе, над воротами или ставили под иконы (Шацкий, Михайловский, Милославский, Ухоловский, Касимовский, Сапожковский, Спасский, Сасовский, Путятинский районы); в других — ее втыкали в землю в поле (деревни Дунино, Алтухово Клепиковского р-на), около дороги, по которой гнали корову (дер. Дмитриево Клепиковского р-на). В дер. Четаево Касимовского р-на хозяйки, проводив на пастбище корову, на обратном пути отламывали веточки можжевельника и втыкали их во дворах, а вербу ставили к иконам. Вербой маркировали то место, которое скотина должна хорошо знать: либо пастбище, либо двор. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. многие перестали оставлять освященную вербу в поле, так как священники говорят, что это грех.

Верба в славянской мифологии была символом плодовитости, здоровья и быстрого роста [52], отсюда обычай стегать освященной вербой детей, молодежь в Вербное воскресенье и скотину во время первого выгона в стадо*.

Обычно тот, кто гонит скот в стадо, по пути читает какую-нибудь молитву из тех, что знает. В с. Темгенево Сасовского р-на если корову гонит хозяйка, то читает «Богородицу», а если хозяин, то — «Отче наш».

Обряды, совершаемые вне подворья. Целью коллективных обрядов, совершавшихся около церкви, часовни и на выгоне с участием пастуха, было получение Божьего благословения и передача пастуху каждым хозяином и всем крестьянским сообществом власти и ответственности за скот.

В Клепиковском р-не выгону стада на пастбище предшествовала *случка* (селения Тюковского сельсовета) или запуск (селения Малаховского сельсовета): дня за два-три до выгона в поле стадо коров собирали за селением, и хозяева следили за ними, чтобы животные не бодались, приучали их после проведенной в хлеву зимы мирно ходить в стаде. В дер. Самуиловка Касимовского р-на это называлось *припасать* коров.

Раньше случать коров начинали на Егорьев день, но с 1970-х гг. стали стараться приурочить к майским праздникам (к 1 Мая или к Дню Победы), когда у людей есть несколько выходных. На третий день, когда уже окончательно выгоняли скот на пастбище, хозяева сбрасывались по рублю и вместе пили-гуляли прямо около стада.

Поскольку выгон обычно бывает после Пасхи, во многих селениях Клепиковского р-на пожилые женщины *христосили* около стада, т. е. пели пасхальный тропарь. В Тюкове и сейчас христосят с зажженными свечами в руках.

После закрытия церквей и сноса часовен хозяева собирались на моление там, где раньше священники святили скот. Утром в день сгона хозяева скота из дер. Кочемары Касимовского р-на приходили на то место, где когда-то была часовня, ставили стол, а на него большую икону свт. Николая и клали принесенные каждым кусочки хлеба с солью и деньги. Одна из женщин «служила», т. е. читала молитвы «Отче наш», «Верую», «Богородицу» и кропила принесенный хлеб за неимением святой — непитой водой. На собранные деньги эта же женщина потом заказывала в церкви молебен Власию, Егорию, Богородице, Спасителю, Николаю Чудотворцу. На остальные покупала свечки и ставила всем святым. «Освященный» ею хлеб с солью каждый хозяин забирал с собой, возвращался домой и давал своей корове, затем обходил ее с иконой и гнал на выгон вербой. В некоторых селениях раньше пастух обязательно сам отламывал куски хлеба, макал их в соль и раздавал хозяевам для их скота (дер. Урядино и пгт. Лашма Касимовского р-на).

На выгоне в Кочемарах раньше пастух, а теперь любой мужчина (пасут по очереди сами хозяева) обходит все стадо с иконой Николая Чудотворца или Казанской Божьей Матери.

* Возможно, обычай оставлять вербу в поле связан не только с желанием, чтобы скотина не бегала с пастбища домой, но и с представлением о вербе как хорошем средстве против градобития. Освященную вербу обычно выкидывали из дома, чтобы остановить град (Михайловский и Клепиковский районы). На Тамбовщине, граничащей с Рязанским краем, вербу специально сажали в поле для предохранения посевов от града.

Приблизительно так же этот обряд совершается и в других селах Касимовского р-на: в Урядине кто-либо из хозяев обходит стадо не только с иконой (обычно Богоматери «Купина Неопалимая»), но и с буханкой хлеба; в Ардабьеве — с хлебом, солью, иконой и свечой и т.д.

В куршацких селениях Клепиковского р-на пастух обходил стадо против солнца с образом св. Георгия Победоносца, иногда — Николая Угодника или Богородицы, с зажженной свечой и при этом обкатывал стадо яйцом. По словам информаторов, раньше пастух читал еще специальную пастушью молитву, чтобы скотина не разбегалась, «грудушком ходила» и чтобы волки ее не трогали. Последним, знавшим эту молитву, был пастух из дер. Култуки. На старости лет, когда он уже не нанимался пасти, его все равно приглашали обойти стадо и прочитать чудодейственную молитву. «Молодой обкатывает, а отец с яйцом в руке идет и читает молитву», — рассказывала его дочь. В записях у одной из пожилых женщин Култуков удалось обнаружить пастушью молитву, и есть основания предполагать, что это именно та, о которой шла речь: «Святой Егорий, Власий, святой граф, помилуй нас, помилуй нашу скотинку. Где она ни ходит, где она ни бродит, хлеба-соли покушает, водицы запьет. Пей-напевайся, ешь-наедайся, никого не убойся, никого не устрашися. Никто к тебе не подойдет за сто сажен, за сто верст. Отколь ты шел, туда ступай. Солнышко за лесок, а ты, коровка, ко двору поближе. Аминь. Господи Владыка, Боже мой, ты спас ее, умножил стадо патриарха Якова. Спаси мое стадо ото всех заветов дьявола».

В этой молитве произносящий ее обращается не только к покровителям скота, но и к лешему, которого называет «графом». Скот в этой части Рязанского края обычно пасли в лесу, и потому кто лучше хозяина леса мог уберечь его. Дочь пастуха вспомнила, что отец относил в лесок хлеб и соль, но что он там говорил или делал, осталось неизвестным. Обращает на себя внимание и такой момент: старый пастух читал этот заговор с яйцом в руке, хотя обкатывал стадо молодой пастух. Е.Н. Елеонская отмечала, что яйцо в подобных апотропейных пастушьих обрядах часто выступает как дар (жертвоприношение) защитникам скота [53]. Женщины во время обкатывания стада яйцом шли за пастухом и пели «Христос воскресе, смертью смерть поправ». Все это проделывали и когда пастуха уже не нанимали. Какой-нибудь мужчина нес икону, свечу и вербу, а женщины обкатывали яйцом и христосили.

Традиция обхода стада с иконой и совершения каких-то ритуалов на выгоне, видимо, существовала не повсеместно или не везде сохранилась. В дер. Отрада Путятинского р-на стадо с иконой никто не обходит, и информаторы не помнят, чтобы этот ритуал совершали в доколхозной деревне, так же как не помнят этого и жители с. Демкино Чаплыгинского р-на и с. Новопанское Михайловского р-на.

В день выгона скота хозяева несли пастуху яйца, хлеб, пироги, блины. В каждом селении существовала своя такса: сколько и чего надо ему дать в соответствии с количеством скота. В дер. Дунино Клепиковского р-на еще в 1980-е гг. в день выгона пастуху за каждую корову приносили яйцо, но давали особенным образом: не в руки, а катили по земле, чтобы скотинка бегала и была крепкая. Жители с. Кочемирово Кадомского р-на рассказывают, что пастуху приносили и сейчас приносят хлеб, стакан соли и два-три яйца (сырых или вареных) и это называется *сгоном*. В дер. Самуиловка Касимовского р-на, где еще в начале 2000-х гг. нанимали пастуха, ему давали те же продукты, завязанные в полотенце, и называли это приношение *пастушнёй*. Пастушню принимала мать или жена пастуха, которая с раннего утра сидела в центре деревни около сохранившейся маленькой часовенки. (илл. т. 2. с. 245) В это время сам пастух собирал стадо по всей деревне и гнал его на выгон.

В Сасовском р-не пастух ходил заранее по дворам и *метил череда*, т. е. смотрел, сколько каких животных будет у него в стаде, а хозяева давали ему яйцо и деньги (кроме положенной платы), но уже на пастбище ему ничего не приносили. Этот же обычай существовал в Шацком р-не в селах Кермись, Купля, Шаморга. В тех селениях, где сейчас пасут по очереди сами хозяева, люди несут и отдают узелки с яйцами, хлебом и солью тому, кому выпала очередь пасти стадо в первый день или кто «служит». Женщина из дер. Кочемары, которую сейчас приглашают «послужить», рассказывала: «Я читала, а они по привычке несут, несут яйца. Целое ведро. Я говорю: куда мне? Отдали неимущим».

Пастбище — двор: проблемы и их решение. Для хозяина скотины было важно, чтобы она знала свой двор, всегда возвращалась в него, но и не бегала из стада домой. Очень часто начало пастбищного периода приносило хозяйкам большие проблемы: скот отказывался заходить в свой двор, бегал по селению, а иногда убегал за несколько километров. Магические способы, с помощью которых, как некоторые считали, можно добиться желаемого результата, весьма разнообразны.

В Старом Киструсе Спасского р-на еще до начала пастбищного периода в Великий четверг некоторые перекликали свою скотину у печной трубы: один должен сидеть на печи* и спрашивать (выкликать): «Коровушка дома?», а другой — стоять у печи и отвечать: «Дома». — «Овечки дома?» — «Дома», и так всю скотину и птицу.

В Касимовском р-не считалось, что тот, кто гнал корову на выгон, должен обязательно возвращаться домой тем же путем, никуда не заходить, пройти во двор в ту же калитку, через которую вышла корова или овцы (деревни Четаево и Урядино Касимовского р-на). Хозяйка, в точности повторяя путь, пройденный ее скотом, как бы закрепляла этот маршрут в памяти животных.

Некоторые ритуалы, направленные на магическое прикрепление скота к дому, ко двору, в основе своей повторяли или перекликались с действиями, совершаемыми с приведенными во двор только что купленными животными. Самым распространенным способом заставить скотину ходить домой был расстеленный в воротах в день первого выгона пояс или веревка, шуба или осиновый прут, но если положительного результата не последовало, этот ритуал можно было несколько раз повторить. Широко практиковалось и заметание назад во двор следов выгнанного за ворота скота.

В Ермишинском и Сасовском районах корове или овцам, которые не знали своего двора, в любой день перед выгоном в стадо давали хлеб на печной заслонке, полагая, что после этого они будут связаны со своим двором, как заслонка с печью. В Пителинском р-не в с. Пеньки корову, которая не ходила с пастбища домой, вводили на двор задом, а в с. Малахово Клепиковского р-на знающая бабушка советовала тем, у кого овцы бегали мимо двора, прежде чем загнать их в хлев, придержать первую и слегка стукнуть ее по заду дверью со словами: «Здесь твой дом, здесь твой гурт, здесь твой хозяин». Таким овцам перед выгоном путали передние ноги, а выгнав их за ворота, развязывали (с. Темгенево Сасовского р-на). С той же целью можно было положить к воротным столбам немного состриженной с овец шерсти (дер. Малые Пекселы Касимовского у.) [54] или сжечь клочки шерсти со лбов в печи (с. Кочемирово Кадомского р-на). В дер. Борисково Клепиковского р-на был еще такой способ для коров и овец: «Затиешь блины-то, тесто (это вот сейчас мы в кастрюлях, а раньше в дежах), ты скажи: „Как удоры (местное название днища дежи. — *С.И.*) стоят крепко, так и ты, коровка Малышка, заходи ко двору крепче“. И дай ей полизать блинное тесто». Подтекст этих ритуалов вполне понятен.

Реже случалось, что скотина бегала с пастбища домой и оставалась голодной. Знахарка из дер. Алтухово Клепиковского р-на, к чьим советам многие прислушивались, в начале 2000-х гг. рекомендовала тем, у кого корова убегает с пастбища, провожая ее в стадо, кидать впереди нее палочки и при этом говорить: «Иди к скоту, иди к скоту». В том же районе в куршацких селениях было принято в таких случаях «запирать» скотину в стаде. Для этого надо взять замок, пойти в поле, где пасется стадо, и три раза обежать вокруг своей и находящихся рядом с ней коров, каждый раз возвращаясь на исходное место, и при этом приговаривать: «Как замок крепко запирается, так запрись, моя (кличка коровы), в стаде с коровами крепко-накрепко». По словам информатора, «очень точно помогло, на 100 процентов» (с. Малахово).

Обрядность, связанная с первым выгоном скота и пастбищным периодом, значительно больше была развита и лучше сохранилась в северных и восточных районах Рязанского края, по сравнению с южными и западными районами.

* Информатор объяснила, что правильно, как ее учили, надо выкликать в печную трубу, но можно и сидя на печи.

Борьба с болезнями и падежом скота

При отсутствии или слабом развитии ветеринарии заболевания скота, в том числе повальные болезни (эпизоотии), были в рязанской деревне явлением нередким и в XIX в., и в первой половине XX в. Обычно крестьяне объясняли их Божьим наказанием за собственные явные и тайные грехи. Краевед Л.А. Худзинская отмечала в 1920-е гг., что крестьяне боялись работать в праздники именно из опасения, что в наказание что-нибудь произойдет с их скотиной, и если что-то действительно случалось, то они говорили: «Вот, Господь меня наказал» [55]. В случае повальных болезней скота было принято каяться, давать коллективные обеты святым и из поколения в поколение, из года в год отмечать эти обетные праздники (см. гл. 27).

Из сознания современных рязанцев почти исчезли представления о собственной вине, собственном грехе как главной причине болезней скота или вообще отсутствия во́да в хозяйстве. Только дважды в разговоре на эту тему с современными сельчанами довелось услышать ссылку на одну и ту же недавно прочитанную ими книгу (видимо, из тех, которые сейчас широко продаются в церковных лавках) о наказании потомка за грех предка (воровал церковные деньги) именно тем, что у него погибали коровы.

Очень часто причину болезней скота крестьяне видели в злом умысле колдунов или людской зависти и как ее следствии — в сглазе, а также связывали с «плохим» местом (см. с. 384), на котором скот болеет и дохнет. Эти представления и ныне широко распространены в рязанской деревне. Кроме перечисленных причин, гибель скота раньше объясняли еще тем, что он «не ко двору, домовой не полюбил» (с. Бусаево Рязанского у.) [56], но современные сельчане не склонны перекладывать вину на «хозяина».

Болезни и гибель домашних животных — это и есть результат и одновременно показатель отсутствия во́да в хозяйстве, это аномальная ситуация, которую крестьяне пытались устранить разными способами. Вышеописанные обряды содержали некоторые элементы апотропейной магии (косырь, воткнутый в воротный столб, осиновый прут в подворотне и т. д.), призванные защитить скот, и *картической* (очистительной) магии (окуривание ладаном, кропление святой водой и т. д.), направленной на снятие порчи и сглаза.

В качестве апотропеев и раньше, и в современной рязанской деревне широко используются атрибуты православного культа: иконы (любого святого, ангелов или распятие), свечи (от великого стояния в Чистый четверг или от пасхальной службы), ладан, освященная верба, святая вода.

Одним из самых распространенных оберегов скотного двора от возможного посягательства колдунов и завистников был и остается осиновый кол, а также сделанные из щепок или липовых палочек крестики, воткнутые по всем углам сарая. Такие крестики или кол, а то и все вместе особенно широко используют в Мещёрской стороне. В начале 2000-х гг. у директора одной из школ

Икона и распятие выполняют роль оберегов в скотном дворе. Клепиковский р-н, дер. Алтухово. Фото С.А. Иниковой 2002 г.

Клепиковского р-на подряд от разных, но вполне очевидных причин пало несколько коров. Местная знахарка объяснила это завистью односельчан и порекомендовала вбить по периметру двора и в центре осиновые колья, что и было сделано.

В сараях часто втыкают пучки синеголовника, обычно называемого *чертогоном* или *чертополохом*. В с. Строевское Путятинского р-на на Ивана Купалу рвали татарник и вешали от колдунов по углам скотного двора. В дер. Урядино Касимовского р-на и с. Малахово Клепиковского р-на, чтобы скотина водилась, хозяева выпускали во двор живого ежа или закапывали его. Еж в славянской традиции являлся оберегом от злых духов и сглаза [57].

Для борьбы с болезнями скота применялись особые способы захоронения павших животных. Обычно их закапывали за селом в определенном месте (скотомогильнике). Если на одном подворье коровы или поросята дохли в течение какого-то времени один за другим, т. е. «скот не стоял», то в таком случае в Рязанском крае было принято зарывать павшее животное во дворе или в воротах. Видимо, полагали, что вместе с трупом со двора стаскивают и вод, поэтому следующее приобретенное животное тоже гибнет[*]. В 1920-е гг. в Скопинском у. даже павших лошадей закапывали во дворе, и у некоторых в короткое время подворье превращалось в скотомогильник [58]. В с. Исады Спасского у. в те же годы лошадь закапывали в воротах «непременно головой во двор», а в недалеко расположенной дер. Соболевая в воротах хоронили только двужильную лошадь[**], иначе, по народному поверью, она уведет за собой 12 лошадей, которые после нее будут в этом хозяйстве [59]. В с. Ерахтур Шиловского р-на до войны павших животных, даже коров, телят, не просто хоронили во дворе, а стоя, чтобы остальные «стояли», «не падали». В селениях Эммануиловка Шацкого, Строевское Путятинского и Четаево Касимовского районов уже в 1970-е гг. и даже в 1990-е гг. были случаи захоронения мертвых поросят в воротах. Закапывая павшее животное в пограничном месте, с одной стороны, со двора уносили болезнь, но с другой — вод за пределы двора не выносили.

Чтобы прекратить эпизоотию, последнее павшее в селении животное тоже хоронили особым образом. В Пронском у. в середине XIX в. с этой целью корову вытаскивали со двора через проломленный на заднем дворе плетень задними ногами вперед. Делалось это, видимо, для того, чтобы запутать демона болезни, который на тот момент пребывал в этом животном, чтобы он не нашел дорогу назад. Также павшую корову зарывали вместе с живой кошкой или собакой [60]. В с. Алешино Рязанского у. вместе со скотиной зарывали двух живых кошек [61], а в с. Константиново Рязанского у. мертвое животное кидали в яму с привязанными к нему и скованными за лапы кошкой и собакой [62]. Возможно, в этом обряде кошка и собака выступали как проводники духа болезни из этого мира в мир иной. Но, возможно, они рассматривались как жертвы этому самому духу. Во время эпидемий в Рязанском крае тоже по-особенному хоронили последнего умершего от эпидемической болезни человека. Когда в 1894 г. в с. Белоомут Зарайского у. свирепствовала холера, знающие люди советовали для прекращения болезни зарыть в могилу вместе с покойником живую кошку [63].

Радикальным средством против повальных болезней скота было опахивание села. В Рязанском крае этот обычай был очень широко распространен. Сохой проводили борозду вокруг селения, которая обычно замыкалась в круг. Глубина борозды, видимо, особого значения не имела, так как была символической. Борозда отделяла жилое пространство сельской общины (дома, скотные дворы) от остальной земли. Современники, описывавшие этот обряд, делали вывод, что борозда проводилась для того, чтобы нечистый дух, болезнь, Коровья смерть не перешли ее, если обряд опахивания осуществлялся как превентивная мера. Он мог совершаться ежегодно и быть приурочен к календарным датам, чаще всего к заговенью перед Петровским постом (например, в с. Терехово Шиловского р-на). Если же этот обряд совершался после появления в селении первых признаков заболевания, то целью его было изгнание болезни за очерченный сохой круг.

* В пользу такой трактовки свидетельствуют представления, что очень опасно тушу скотины, забитой для скупщиков мяса, волоком вытаскивать со двора: можно все стащить. Надо или продать скотину живьем, или расчлененную тушу вынести со двора самим хозяевам (Касимовский р-н).

** Двужильная лошадь — это лошадь, у которой «переход от шеи к холке, в мышках, раздваивается» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. М., 1994. Т. 1. Ст. 1039).

Опахивание селения с целью предотвращения эпизоотии. Касимовский у., дер. Шемякино. Фото В.М. Машечкина 1914 г. (РЭМ. Фототека)

Опахивание обычно совершалось в ночное время, чаще в полночь, или очень рано утром — затемно. Участниками его были целомудренные девушки и вдовы, одетые в белые, чистые рубахи, с распущенными волосами, а иногда также парни и старики. Во время совершения обряда в ход пускались различные средства: запугивание злых духов шумом, визгом, словесные угрозы, заклинания, магические действия (сечение, перепахивание земли, вбивание кольев на перекрестках, заметание борозды и т. д.), иногда заранее выкапывали яму, в которую должны были зарыть то животное, которое попадется по пути, полагая, что это и есть Коровья смерть.

Аналогичный обряд, совершавшийся при эпидемиях, судя по рязанскому материалу, почти ничем не отличался от опахивания при эпизоотиях, если не считать того, что в последнем случае участники опахивания иногда несли икону св. Власия и выкрикивали угрозы в адрес Коровьей смерти. Об опахивании писали довольно много, в том числе и в Рязанском крае [64], поэтому мы не будем подробно останавливаться на этой теме.

Если опахивание производилось в целях борьбы с эпизоотией, то после него часто совершался другой, очень распространенный среди русских обряд очищения скота с помощью *живого огня*, добытого старинным способом: трением двух кусков сухого дерева друг о друга. Предварительно в селе везде гасили огонь, затем живым огнем зажигали костры из можжевельника и прогоняли между ними весь скот, как, например, было в Пронском у. в середине XIX в., в Белоомуте во время сибирской язвы в 1878 г., в 1880–1890-е гг. в селах Окаёмово Рязанского у. и Старая Рязань Спасского у. Иногда скот прогоняли через прорытый в высоком берегу реки тоннель, в котором был разведен костер (с. Константиново Рязанского у.) [65]. Можжевельник считался хорошим средством от нечистой силы и колдунов, поэтому веточки его хранили в доме, на скотном дворе, но этот метод действительно мог помогать в борьбе с эпизоотией, так как можжевельник обладает свойствами антисептика.

В Рязанском крае последние случаи опахивания селений во время эпизоотий были в 1920–1930-е гг., хотя в Клепиковском и Шиловском районах опахивание, приуроченное к календарным датам, совершали еще в 1950–1960-е гг. В 1960-е гг. в с. Кочемирово Кадомского р-на был случай опахивания отдельного подворья, на котором скот «не стоял». Жительница Кочемирова рассказывала, что ее соседка, у которой погибал скот, вместе со своей сестрой ночью опахивала двор: «Она надела на себя лошадиный хомут, а энта за плугом ходила. Она везет яво, плуг-то, она немного яво в землю, опахивала двор, чтоб не колела скотина». К сожалению, подробности этого ритуала остались неизвестны.

Скотоводческая обрядность, судя по материалам, относящимся к XIX–XX вв., сохраняла элементы, уходящие своими корнями в глубокую древность. Просматривающиеся в ней следы тотемизма проявлялись в скармливании животным ритуальной выпечки, в формах приобщения новорожденного или купленного животного к крестьянскому двору и семье, а также в явном сходстве обрядов, совершавшихся со скотом, с обрядами, совершавшимися с людьми.

В Заочье, где животноводство традиционно играло бóльшую роль, чем в южной части края, скотоводческая обрядность была более развита и лучше сохранилась к началу XXI в. К югу от Оки, где скотоводческая обрядность была развита значительно слабее, она быстрее утратила привязку к календарю и коллективные формы.

Эти различия связаны не только с разными природно-хозяйственными условиями, но и отчасти с особенностями заселения этих территорий. В развитой скотоводческой обрядности куршаков и жителей Касимовского р-на проступают черты, сближающие их с русскими северо-западных территорий. Условному делению Рязанского края на две зоны в основном соответствует и распределение культов покровителей скота Егория и Власия.

ПТИЦЕВОДЧЕСКАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Сохранившиеся в птицеводстве до начала XXI в. обряды, запреты и предписания касаются почти исключительно кур. Зафиксированные отдельные ритуалы, связанные с разведением гусей, позволяют предположить, что раньше существовала и узконаправленная «гусиная» обрядность, ныне основательно забытая.

Под водом в птицеводстве прежде всего понималось ежегодное многочисленное пополнение птичьего двора, поэтому большая часть ритуалов с птицей была направлена на решение этой задачи. На будущее высиживание наседкой цыплят были спроецированы обряды, приуроченные к датам календаря и совершаемые загодя. Выведение потомства было и в центре окказиональной (условно назовем ее производственной) обрядности, ориентированной на жизненный цикл птицы. Значительно меньше была развита обрядность, связанная с ее куплей-продажей, и практически не зафиксированы ритуалы апотропейного характера.

Различные ритуалы с птицей совершались исключительно на крестьянском подворье и исключительно женщинами.

Календарные обряды с птицей

В Рязанском крае покровителями кур считались свв. Косма и Дамиан (1/14 ноября). В народе их почитали как «матушку Кузьму-Демьяну», и еще в середине XIX в. крестьянки, собираясь сажать курицу на яйца, просили «матушку» зародить цыплят и обещали к осени заре-

зать «ей» курочку и петушка [66]. Старшее поколение помнит, что до войны на Кузьму-Демьяна

обычно резали петуха и курицу или одного петуха и готовили на обед. На *Кузьминки* во многих селениях начинались посиделки и девушки воровали кур, чтобы к вечеру приготовить лапшу и угостить парней (см. с. 511). Раньше этот день, не повсеместно, но во многих селениях, считали «куриным праздником». Косточки зарезанных и съеденных в этот день кур не выбрасывали, а складывали в мешочки и в одних селениях подвешивали к печи (с. Парсаты Шацкого р-на), а в других — подвешивали под куриный насест с приговором: «Сколько косточков, столько, Кузьма-Демьян, дай цыплочков» (села Эммануиловка и Старочернеево того же района, селения Михайловского и Скопинского районов и др.).

Некоторые современные верующие женщины, ссылаясь на духовную литературу, в качестве покровителя домашней птицы называют св. Трифона (1/14 февраля), хотя, возможно, в этой роли он был известен в Рязанском крае и раньше. Во всяком случае, еще в конце 1960-х гг. Л.А. Тульцевой удалось записать в Михайловском р-не легенду о Трифоне — покровителе домашней птицы [67]. В дер. Часлицы Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл. (бывш. Палищинской вол. Касимовского у.) в заговоре, направленном на разведение кур, упоминаются некий св. Мамон и св. Власий.

Большая часть обрядов, ритуалов и примет была приурочена к календарным праздникам, прежде всего к Святкам, Великому четвергу и Пасхе. Звездное небо в ночь на Рождество обещало рязанским хозяйкам, что в наступающем году их куры будут хорошо нестись или, как говорили, куры будут *ноские*. На протяжении Святок птицу, как и скот, закармливали зерном, которое посевали пастухи (см. выше), крошками обрядовой выпечки, просто крошками хлеба, смоченными богоявленской водой, с тем, чтобы куры и гуси лучше плодились, а куры еще и несли яйца. В один из дней Святок хозяйки с. Большое Агишево Шацкого р-на сталкивали кур с насеста, полагая, что после этого они не будут ходить летом на огород и портить грядки; а в с. Кочемирово Кадомского р-на кур, чтобы они не клевали друг друга, на Крещение кормили всех вместе с печного заслона. В Великий четверг или на Пасху ранним утром женщины кормили кур в обруче, который мог символизировать гнездо или «свой» двор, чтобы, как говорили в одних местах, они не ходили нестись в чужой двор, в других, — «чтобы курочки водились, чтоб наседки садились».

Однако лейтмотивом всей птицеводческой календарной обрядности являлись действия, призванные побудить птицу сесть на гнезда и насиживать яйца. Эти ритуалы имитативной магии заключались в присаживании — на подушку, лавку, скамейку, на корточки. Так, в первый день Рождества, чтобы куры в будущем садились на яйца, первых детей-славильщиков, приходивших в дом, усаживали на подушку или на лавку ближе к переднему углу (Шацкий, Скопинский уезды). В с. Завидное Шацкого р-на на подушку усаживали только девочек, «чтобы курушки водились» (не петухи). С той же целью в с. Студенки Новодеревенского р-на пришедших в дом в Великий четверг девочку или женщину сажали в передний угол за стол.

В этот день или рано утром на Пасху во многих селениях помелом, граблями или метлой хозяйки сталкивали кур с насеста, чтобы они не засиживались, а садились насиживать яйца (Милославский, Спасский, Сасовский и др. районы). Однако жительницы Строевского Путятинского р-на, считая недостаточным просто согнать кур с насеста в Великий четверг, там же в курятнике сами трижды присаживались на корточки. Тот же самый ритуал совершали в этот день знающие хозяйки с. Лубяники Касимовского р-на, но только при этом они держали курицу в руках и имитировали куриное квохтанье, как будто показывая ей, как надо садиться на гнездо.

В селениях куршаков Клепиковского р-на в первый день Пасхи, придя домой после посещения кладбища, хозяйка садилась на лавку и должна была немного поерзать на ней, чтобы ее наседки так же хорошо садились на гнезда (дер. Борисково). Некоторые считали, что еще лучше немного посидеть на лавочке на самом кладбище и принести оттуда для кур крошки кулича (с. Малахово). Посещение кладбища и сидение на лавочке, видимо, должно было способствовать тому, что куры будут сидеть на гнездах спокойно, никуда не убегая, как спокойно («прочно») лежат мертвые. Раньше, по всей видимости, эти действия сопровождались каким-то приговором.

Производственная обрядность

Период высиживания цыплят. Действия, аналогичные ритуальному присаживанию, в случае необходимости могли совершаться не только в определенные календарные даты, но и в любое другое время. В Касимовском у. в с. Тума (ныне Клепиковский р-н) еще в конце XIX в. бытовало представление, что куры будут хорошо нестись, если на судней лавке (где готовили пищу) посидит священник [68]. Священно- и церковнослужителей в Рязанском крае было принято для урожая катать по земле, вспаханной под посев льна, или по зеленям (всходам ржи) (см. с. 249, т. 2. с. 672). Видимо, их благотворное влияние распространялось и на домашнюю птицу. Крестьяне вообще приписывали им, как служителям мистического культа, особые качества, стимулирующие плодородие и плодовитость.

Подобные представления продолжали бытовать в Заочье и в начале 2000-х гг. Жительница дер. Дунино Клепиковского р-на рассказывала, что у нее не велись куры, не садились на яйца, и односельчанка посоветовала ей пригласить батюшку и каким-нибудь образом усадить его в передний угол. Когда ее навестил знакомый священник, она предложила ему сесть за стол выпить чаю. Поскольку гость упорно отказывался, ссылаясь на то, что уже пил чай, нашей собеседнице пришлось признаться: «Я говорю: „Батюшка, знаешь чо? У меня ведь куры не ведутся. Мне сказали, чтоб Вы сели за стол в передний угол“. — „Матушка, да я где хошь сяду. Где еще сесть?“ Но все равно куры не садятся на яйца».

Хозяйки из дер. Софиевка Милославского р-на сами еще осенью, когда выбирали последний куст картофеля на своем огороде, присаживались на землю и говорили: «Как я плотно сижу, так чтоб у меня наседка плотно сидела».

В некоторых селениях Сасовского, Сапожковского и Сараевского районов весной ждали, когда в небе покажется гусиный клин; и тогда хозяйки быстро хватали горсть земли и бежали раскладывать ее по куриным гнездам (с. Темгенево) или нагребали в подол всякий сор с земли и затем высыпали его у себя на дворе (с. Морозовы Борки), а хозяева гусей брали горсть соломы и относили ее в уже приготовленное для гусыни гнездо (с. Большие Можары). Возможно, пример перелетных птиц, вернувшихся на родину, чтобы вывести потомство, должен был и у домашней птицы возбудить аналогичное желание, или предполагалось, что гусыня выведет так же много гусят, как птиц в небе.

Яйца, предназначенные под наседку, должны быть свежие. Однако весной куры несутся плохо, и часто яиц от своих несушек не хватает. В.В. Селиванов в 1850-е гг. писал, что в Зарайском у. было принято ходить по дворам и просить у соседок «курочку да кочета», т. е. яйца под наседку. Собрав их «непременно» за пазуху, вечером, после захода солнца, хозяйка складывала яйца в шапку, молилась Богу, садилась с шапкой на лавку и просила «матушку Кузьму-Демьяну» зародить цыплят. После этого она шла класть яйца под курицу [69].

А.Б. Зернова, исследовавшая птицеводческую обрядность Дмитровского края, обратила внимание на то, что раньше даже не полагалось сажать курицу на яйца из своего хозяйства. Однако на момент проведения ею обследования (1928–1930) сбор яиц по соседям уже рассматривался как колдовство [70]. В современной рязанской деревне большинство женщин считают, что яйца под наседку никому вообще давать нельзя, иначе куры в хозяйстве переведутся. Типичным является мнение: «Хоть кто проси, а не давай» (с. Строевское). Как говорят в с. Большая Алешня Ряжского р-на, если дашь — «с руки сымешь». Информатор из Малахова рассказывала, как она пошла к соседке — молодой женщине, торгующей на рынке яйцами, и попросила продать ей десяток, но только свежих. На вопрос, почему обязательно свежих, ответила, что хочет посадить наседку. «Иди, нет тебе никаких яиц», — грубо выпроводила ее соседка. «Как обварила меня. Я и пошла. Как обварила меня», — жаловалась наша собеседница.

Жительницы с. Архангельское Милославского р-на и с. Пеньки Пителинского р-на полагают, что этот запрет должен распространяться только на людей из другой деревни: «Через поле отдашь курицу, яйца, и куры водиться не будут» (с. Пеньки), а в своем селе можно и дать. В дер. Самуиловка Касимовского р-на этот запрет распространяется и

на односельчан, живущих через дорогу. Дорога между двумя порядками домов, как и поле, а скорее всего межа между полями разных селений рассматривались как границы, разделяющие людей на «своих» и «чужих». Передавая чужим яйца, а также и саму птицу, можно навсегда отдать «вод».

Те, кто все же допускает передачу яиц в чужие руки, обычно говорят, что надо давать в обмен или лучше за деньги, хотя бы за символическую плату. Последнее даже надежнее. Или можно дать после того, как собственные куры уже сели на яйца.

По поводу всех нынешних предосторожностей 100-летняя жительница дер. Борисково Клепиковского р-на сказала: «Сегодня уж все сумасшедшие стали. „Ты отнимешь, да ты примешь". Чего они боятся?! У кого раньше были пестрые, то и берешь таких. Это, пожалуй, ко двору, а это не ко двору». В ее время давали и не боялись.

Яйца под наседку собирают со всех гнезд в течение нескольких дней, невзирая на дни недели, но среди части хозяек существуют представления о «женских» и «мужских» днях *. Жительница с. Ветчаны Клепиковского р-на по совету знакомой из другого села собирает яйца под наседку только по средам, объясняя тем, что это «женский» день и из яиц вылупятся курочки.

Для успешного усаживания наседки на яйца надо было правильно выбрать день и время. Во многих местах Рязанского края существовал и существует запрет сажать курицу на яйца в благовещенский день и в понедельник. Повсеместно старались сделать это в легкий день: вторник, четверг, субботу. Но в некоторых селениях представление о благоприятных днях расходится с общепринятым. Так, в с. Канино Сапожковского и с. Студенки Новодеревенского районов считают, что сажать наседку лучше всего с четверга на пятницу. В с. Тимошкино Шиловского р-на яйца под курицу подкладывали в среду и пятницу (постные дни), хотя такого понятия, как «женский» день, информаторы не знают. Старейшая жительница с. Малое Ардабьево Касимовского р-на сказала, что она всегда сажала курицу на яйца в «женские» дни: среду и пятницу, чтобы выводились курочки. На вопрос, а можно ли положить яйца в субботу, она ответила, что «суббота — это мужик» и будут одни петухи. В Терехове Шиловского р-на яйца подкладывали только в «мясные дни», так как это скоромная пища.

Обычно все хозяйки хотят, чтобы у них выводились курочки, а не петухи, и у некоторых есть свои секреты, как этого добиться. Одни отбирают для высиживания яйца с тупыми носиками, покруглее, другие — поменьше размером, полагая, что из них вылупятся курочки. Из яиц с острыми носиками вылупляются, по мнению женщин, петушки. Интересно отметить, что, определяя пол будущего ребенка по форме живота беременной женщины, обычно тоже говорят, что если живот круглый — будет девочка, а если вытянутый вперед, «огурчиком» — мальчик. Другие смотрят яйцо на просвет: если «ямка» — воздушный мешочек — находится сбоку, то считают, что из яйца вылупится курочка.

В дер. Урядино Касимовского р-на как деревенский анекдот рассказывают историю об одной женщине, которая очень хотела, чтобы у нее, как и у ее соседки, выводились «курушки с хохоликами». Соседка научила ее, перед тем как класть яйца под курицу, занести их в избу и каждым яйцом дотронуться до потолочной балки. По рассказам односельчанок, в тот год курица этой хозяйки, в точности выполнившей все указания, вывела одних петухов, но с «хохоликами».

Во многих районах Рязанской обл. женщины старшего поколения кладут яйца под курицу, вынимая их из мужской шапки. Они говорят, что еще их матери советовали им делать именно так, потому что это удобно и не побьешь яйца. В Самуиловке и Строевском несколько женщин объяснили, что это делается для того, «чтобы были хохлатки, молодки», и шапка передает яйцам тепло. В дер. Аргамаково Спасского р-на еще в 1950-е гг. некоторые хозяйки, перед тем как идти подкладывать яйца, по-особому наряжались: они повязывали

* Представления о «женских» и «мужских» днях, видимо, существовали в Рязанском крае и раньше, но они не были распространены. После появления различных календарей, статей в периодических изданиях эти знания стали достоянием многих.

на голову платок концами вверх и что-нибудь наматывали на колени, чтобы курочки были хохлатые и мохноногие и было чем потом похвастаться перед соседками. Многие женщины подкладывают яйца из фартука, решета (села Терехово, Тимошкино) или большой чашки, но объясняют это исключительно удобством и не придают этим действиям какого-то магического смысла.

Подкладывать яйца под наседку надо было либо утром, либо вечером. Почему вечером — можно объяснить вполне рационально: дело к ночи, и курица не убежит, а посидит и обвыкнется на гнезде. В большинстве случаев информаторы уточняли, что делать это надо, когда стадо входит в село (Касимовский, Ермишинский, Чаплыгинский, Спасский и др. районы). Стадо, особенно овечье, заполнившее деревенскую улицу, символизировало множественность, и этого момента специально ждали, «чтобы было больше цыплят» (дер. Дмитриево Клепиковского р-на), тогда «вывод будет хороший» (с. Царево Ермишинского р-на).

Жительница с. Устрань Спасского р-на, вспоминая свое детство, пришедшееся на 1920-е гг., рассказывала: «Мать насаживала курицу, а у нас мужука не было, шапки не было. „На супроти, — скажет, — поди, дедову шапку неси“. Пойду: „Баб Нат, давай дедову шапку курицу нам насаживать“. Яйцы положим, 17 яиц, непарны чтоб были яйцы. Вот вечером стаду гонят, пускають. На гору подымешься, увидишь коровы заходють в село (меня заставят глядеть): „Мам, коровы идут“. Мать хоп под курицу. Курица уже сидить».

В понимании утреннего времени такого единства мнений нет: одни говорят, что не просто утром, а когда в печи сильный огонь (дер. Алтухово Клепиковского р-на) или когда утром жар в печи разваливается: «Как жар развалился, так чтобы и яйца развалились» (деревни Борисково и Култуки Клепиковского р-на). Один раз довелось услышать, что лучше класть яйца ближе к полудню и желательно в ветреную погоду (с. Демкино Чаплыгинского р-на), а в с. Морозовы Борки Сапожковского р-на наиболее подходящим считают обеденное время — середину дня, «чтобы яйца на две половинки разлупались и цыплок целый [был]».

В с. Чернава Милославского р-на, прежде чем переложить яйца из шапки в гнездо, хозяйка сама должна была присесть над ними, как курица. В соседнем с. Озерки некоторые женщины старались перекладывать в гнездо не по одному яйцу, а осторожно вываливать все сразу, тогда цыплята выведутся одновременно.

Практически все сельчанки, невзирая на возраст и уровень знания обычаев и традиций, подкладывают под курицу, гусыню, индюшку нечетное число яиц. Под курицу, в зависимости от ее размера, кладут от 15 до 21 яйца. Подавляющее большинство затрудняются хоть как-то объяснить этот обычай, но иногда можно услышать ссылки на то, что все четное — это для покойника, положишь четное число яиц, и либо ничего не получишь, либо цыплята потом все погибнут. В некоторых селениях считают, что и в курятнике надо держать четное число кур и одного петуха, чтобы в сумме получался нечет (села Ерахтур и Тимошкино Шиловского р-на).

Способов повышения продуктивности домашней птицы сохранилось мало, хотя возможно, что их и было не много. Широко был распространен обычай самое первое снесенное молодкой яйцо покатать по головке ребенка и при этом сказать: «Снеси, курочка, столько яичек, сколько у Ванечки волосиков» или «Сколько волосиков, столько яичков».

Купля-продажа. Различные запреты и правила приобретения и продажи домашней птицы в основном повторяли все то, что касалось и скота. Прежде всего, ничего не отдавать и не брать даром. Так же как нельзя продавать матку с приплодом, нельзя продавать наседку с цыплятами. У нашей собеседницы — женщины средних лет из дер. Четаево Касимовского р-на — курица вывела на стороне цыплят и привела во двор. Мать этой женщины стала просить отдать их ей, но та, как она потом рассказывала, категорически отказала, сказав: «Мам, не отдают! Ты понимаешь или нет?!» И пояснила: «Наседку с цыплятами ни в коем случае не отдают. И продать нельзя. Цыплят одних, без наседки, можно отдать, а с наседкой нельзя. Можешь всю скотину вывести». Однако бывало, что, продав даже одних молодок или одну курицу, хозяйка уже не могла развести птицу. Одной такой женщине старая односельчанка

посоветовала пойти на рынок и купить там курицу вместе с кошелкой (с. Чернава). Видимо, кошелка осмыслялась как гнездо, место, где плодится птица.

Нельзя продавать домашнюю птицу, как и скот, через реку (с. Малахово Клепиковского р-на, с. Исады Спасского р-на) и особенно вниз по реке: уплывет вся живность со двора. А некоторые считают небезопасным для хозяйства продавать кур в другие селения через поле (с. Пеньки Пителинского р-на). Лишиться птицы можно и если продашь курицу в плохие руки. Жительница дер. Дунино Клепиковского р-на, у которой перестали водиться куры, сетовала: «Раньше куры хорошо водились, полный палисадник цыплят был. А вот продала кур мужику... Мужику кур ни в коем случае нельзя: тяжелая рука! Они их секут, а мы им продаем».

При совершении купли-продажи птицы противостояние продавца и покупателя было не таким сильным, как при продаже скота. Имеется единственное свидетельство о магическом действии, приуроченном к самому моменту совершения сделки: если продавец гуся (возможно, это распространялось на всю птицу) выдернет у него из хвоста перо, то покупатель никогда не разведет у себя гусей (дер. Акулово Касимовского у.) [71]. Жительница Исад, которая всю жизнь занималась разведением гусей на продажу, признавалась, что она всегда, перед тем как ехать на рынок, выдергивала у каждого по три пера, чтобы у нее не перевелось.

Встречаются представления, что нельзя опускать купленную курицу в мешок задом — это колдовство (с. Секирино Скопинского р-на) или можно продать курицу так, что она у новых хозяев не будет нестись, например, если тихонько приговаривать: «Вам курочка, а мне яички» (с. Большая Алешня Ряжского р-на). Однако большинство людей, покупая и продавая птицу, не обращают внимания, как и куда ее посадить и что сказать.

Купленную курицу или гуся некоторые приносили домой и, как это делали с поросенком, прямо в мешке обводили вокруг ножки стола (с. Секирино) или кормили с печного заслона с приговором: «Заслон от печи не отходит, и кура (или петух) от дома не отходи» (с. Устрань Спасского р-на).

Каких-то ныне бытующих апотропейных обрядов, связанных с птицей, не обнаружено. Когда-то в Рязанской губ. было принято вешать в сарае, где находились куры, черепок или осколок кувшина с горлышком и ручкой, которые называли *куриным богом*, которому «молятся куры» (с. Большое Ардабьево Касимовского у.) [72]. В Егорьевском у. считалось, что куриный бог предохраняет кур от хищных птиц и болезней [73]. Обнаружить куриного бога в сегодняшней рязанской деревне не удалось. Некоторые информаторы помнят, что когда-то в их детстве в сарае висело горлышко от кувшина или камешек с дыркой. Жительница с. Темгенево Сасовского р-на говорила, что еще недавно у нее самой в сарае висел камешек с дырочкой, но он потерялся, а другого такого она найти уже не смогла. В дер. Уляхино Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл. (бывш. Касимовский у.) еще в 1970–1980-е гг. некоторые женщины за неимением камешка или горлышка кувшина подвешивали в курятнике горлышко обычной стеклянной бутылки.

В современной деревне поголовье птицы, как и скота, сильно сократилось. Далеко не у всех есть желание заниматься ее разведением, тем более что в сельских магазинах практически всегда есть яйца и куриное мясо. Многие жалуются, что куры не хотят садиться на яйца, а если и выведут цыплят, то большой урон наносят хищные птицы, крысы, хорьки и т.д. Некоторые приобретают мини-инкубаторы или покупают в конце весны — начале лета бройлерных инкубаторных цыплят, которых в течение года пускают на мясо и не оставляют на развод. Среди тех, кто еще разводит птицу, лишь часть женщин старшего возраста стараются придерживаться традиционных предписаний и обрядовых действий, связанных с птицеводством.

Скотоводческая и птицеводческая обрядность, еще достаточно широко бытовавшая на крестьянском подворье в первой половине XX в., к концу столетия оказалась почти утраченной. Причины этого кроются, прежде всего, в постепенном разрушении традиционного

крестьянского уклада, которое пошло особенно быстро после преобразований в аграрном секторе в конце 1950-х — начале 1960-х гг. По времени эти преобразования совпали с уходом из жизни поколения, воспитанного в традиционной культуре в досоветской деревне. Это тоже сказалось на темпах угасания этой обрядности.

Побуждающим моментом к передаче и воспроизведению скотоводческих и птицеводческих обрядов каждым последующим поколением была огромная значимость и ценность скота и птицы в глазах крестьянина. Под воздействием борьбы с «частнособственнической идеологией», урбанизации, атеистической пропаганды и т. п. у новых поколений сельчан происходила переоценка традиционных крестьянских ценностей. Кроме того, для новых поколений, воспитанных советской школой, все эти ритуалы, запреты и предписания утратили свою актуальность в силу их религиозно-магического содержания.

Значительную роль в исчезновении скотоводческой и птицеводческой обрядности сыграло и то обстоятельство, что в результате обобществления лошадей в период коллективизации, а затем сильного сокращения численности скота и птицы в частных хозяйствах с начала 1960-х гг. постепенно с подворий исчезли сами объекты этой обрядности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Журавлев А.Ф.* Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. М., 1994. С. 10.

2 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1450. 41.

3 [*Макаров М.Н.*] Русские предания. Одна книжка, изданная М.Н. Макаровым. М., 1838. С. 19–20. М.Н. Макаров уже тогда записал информацию об Анастасии-овчарнице со слов «памятливых старушек».

4 В 1929 г. были запрещены моления вне культовых зданий (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 35. Отд. 1. Ст. 353).

5 *Тульцева Л.А.* Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. Рязань, 2001. С. 133 (РЭВ. Вып. 30).

6 *Журавлев А.Ф.* Указ. соч. С. 15–16.

7 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. II. № 48. Л. 1 об.

8 *Мансуров А.А.* Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1928. Вып. 1. С. 10 (Труды ОИРК. Вып. XV).

9 *Тульцева Л.А.* Указ. соч. С. 67; НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. X. № 236. Л. 3; АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360. Л. 90; Д. 2361. Л. 74.

10 *Тульцева Л.А.* Указ. соч. С. 68.

11 *Зернова А.Б.* Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // СЭ. 1932. № 3. С. 37; *Тульцева Л.А.* Указ. соч. С. 66; *Журавлев А.Ф.* Указ. соч. С. 14.

12 *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М., 1990. С. 70.

13 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. I. № 21. Л. 2.

14 *Тульцева Л.А.* Указ. соч. С. 67.

15 Там же. С. 98–99; АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2361. Л. 73 об.

16 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. I. № 8; № 21. Л. 2.

17 *Морозов И.А.* Скотину выгонять // ШЭС. С. 380; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 150. Л. 21.

18 *Селиванов В.В.* Год русского земледельца. Зарайский уезд Рязанской губернии. М., 1887. С. 114.

19 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. I. № 8.

20 *Тульцева Л.А.* Указ. соч. С. 130.

21 Там же. С. 79.

22 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 3. Также см.: *Тульцева Л.А.* Указ. соч. С. 130.

23 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. I. № 24. Л. 6.

24 *Токарев С.А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М.; Л., 1957. С. 57.

25 *Журавлев А.Ф.* Указ. соч. С. 46.

26 *Зернова А.Б.* Указ. соч. С. 44–45.

27 *Толстой Н.И., Усачева В.В.* Волосы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 420.

28 *Валенцова М.М.* Нить // Славянские древности… М., 2004. Т. 3. 402–403.

29 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356а. Л. 76.

30 НА РИАМЗ. Д. 878. Л. 15.

31 Там же. ЭА ОИРК. Кн. XXI. № 31. 0300.

32 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 284. Л. 3 об.

33 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XX. № 493. Л. 1 об.

34 *Журавлев А.Ф.* Указ. соч. С. 59.

35 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1463. Л. 5 (с. Маклаково Скопинского у.); НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. II. № 48 (с. Увяз Касимовского у.).

36 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1463. Л. 11.

37 Там же. Д. 1428. Л. 13 (Егорьевский у.); НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. IV. № 77. Л. 2 об. (дер. Степаново Касимовского у.).

38 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1463. Л. 5.

39 Там же. Д. 1453. Л. 15 (с. Белоомут Зарайского у.).

40 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. I. № 3; кн. IV. № 77.

41 Там же. Кн. II. № 48 (с. Увяз Касимовского у.).

42 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1453. Л. 14.

43 *Мансуров А.А.* Указ. соч. С. 26.

44 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. II. № 43, 48.

45 *Байбурин А.К.* Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992. С. 8–9 (МАЭ. Сб. XLV).

46 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XXI. № 30. 032/01. Л. 182 об.

47 *Журавлев А.Ф.* Указ. соч. С. 75.

48 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. II. № 48; РЭМ. Фототека. Колл. 3185-10/1. Надпись на фотографии.

49 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XXI. № 30. 032/01. Л. 182 об.

50 РЭМ. Фототека. Колл. 3185-11. Надпись на фотографии.

51 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1436. Л. 6.

52 *Толстой Н.И., Усачева В.В.* Верба // Славянские древности. Т. 1. С. 334; *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 2. С. 504–505.

53 *Елеонская Е.Н.* Сельскохозяйственная магия. М., 1929. С. 4–5.

54 НА РИАМЗ. ЭА. ОИРК. Кн. I. № 8.

55 Там же. Кн. XII. № 292. Л. 7 об.

56 Там же. Кн. XX. № 495. 0183/2. Л. 8.

57 *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 48.

58 *Левинсон Р.* Суеверие лошадей загубило // Коллектив (Скопин). 1925. 23 сентября.

59 *Сергиевский М.В.* Материалы этнографических работ в Рязанской губернии. 1919 г. // АИЭА. Колл. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 45, 52.

60 АРО. Р. 33. Оп. 1. Д. 23. Л. 10 об.

61 *Городцов В.А., Броневский Г.П.* Обычаи во время эпидемий // ЭО. 1897. № 3. С. 185.

62 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 149. Л. 3 об.

63 АРЭМ. Ф.7. Оп. 1. Д. 1449. Л. 50–51.

64 *Журавлев А.Ф.* Охранительные обряды, связанные с падежом скота, и их географическое распространение // Славянский и балканский фольклор. М., 1978. С. 78–91; *он же.* Домашний скот в поверьях… С. 99–142; *Померанцева Э.В.* Роль слова в обряде опахивания // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 27–34; *Островский А.Б.* Обряды деревенской общины в ситуациях бедствия // Материалы по этнографии. СПб., 2002. Т. 1. С. 128–143; *Тульцева Л.А.* Указ. соч. С. 76–79.

65 АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 23. Л. 10 об.; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1449. Л. 50–51; НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XI. № 255. Л. 3–3 об.; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 149. Л. 3 об; *Городцов В.А., Броневский Г.П.* Указ. соч. С. 186; *Ушаков Д.Н.* Материалы по народным верованиям великорусов // ЭО. 1896. № 2/3. С. 175.

66 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 104–105.

67 *Тульцева Л.А.* Трифонов день русского месяцеслова: к проблеме структурно-ритуализированных календарных пограничий // Этнос и религия. М., 1998. С. 131.

68 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 146. Л. 4 об.

69 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 104–105.

70 *Зернова А.Б.* Указ. соч. С. 49.

71 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. II. № 42. Л. 5.

72 Там же. № 36. Л. 10.

73 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1436. Л. 6.

ГЛАВА 9

Крестьянская правовая культура в символах: знаки собственности

«Слышалось: — На меня шесть лаптей да пол-лаптя! — где они пол-лаптя-то? — Откуда взять? — Где? Чать у меня полдуши есть? — Да где ты его возьмешь, пол-лаптя-то? — Мы с Корягой в один лапоть войдем — у него тоже полудушевая есть! — Ну, входите! — Коряга! Иди со мной в лапоть! — Ладно! Отсекай! Подкашивай тяпок *» [1].

Эти строки принадлежат Н.Н. Златовратскому, писателю и великолепному знатоку русской деревни, чьи произведения можно поставить в один ряд с лучшими научными этнографическими исследованиями быта и хозяйства крестьян XIX в. Содержание процитированных реплик человеку непосвященному может показаться бессмыслицей. Это голоса крестьян одной из центральных губерний России, подхваченные «на лету» автором и донесшие до нас живое дыхание деревни — ее разговор, имеющий особый смысл и значение: беседа крестьян происходила во время передела земли в одной из общин. Проведение границы между наделами представляло собой своеобразный искусный ритуал, сопровождавшийся тщательным измерением участков и установлением специальной метки. Крестьянская культура обладала своим, особенным, сложным языком в прямом и переносном смысле, и постижение даже его азбучного уровня сравнимо с разгадыванием запутанного ребуса.

До сих пор область юридического быта русских крестьян XIX–XX вв., так называемое обычное право, продолжает оставаться в некотором смысле terra incognita. Несмотря на накопившийся огромный пласт разнообразной литературы и солидные научные труды, основанные на тщательной проработке массива источников, многие аспекты правоотношений либо вовсе выпали из поля зрения, либо мало привлекали внимание исследователей. Одним из них является символика правовой культуры русских крестьян в конце XIX — начале XX в. В центре внимания нашей работы лишь небольшой сюжет этой практически не затрагиваемой и почти не освоенной современной отечественной наукой темы (исключение составили немногочисленные описания 1920-х гг. и работы археологов и историков), а именно — знаки собственности в русской деревне [2]. «Девственность» историографии XX в. отчасти компенсируется наблюдениями и исследованиями в прошлом веке, рассыпанными в дореволюционной периодике и отдельных изданиях. Чрезвычайно интересны в этой связи и иные источники — историческая память самих носителей крестьянской культуры, жителей рязанских сел, словоохотливых и открытых для общения, а также архивные и вещественные собрания провинциальных музеев.

Мир вещей, принадлежавших крестьянину (имеется в виду его имущество — земля, орудия труда, домашняя утварь, скот и прочие предметы), включал в себя систему графических обозначений. Геометрические и иные изображения наносились почти на все предметы крестьянской движимости и недвижимости. Вопрос о происхождении этих знаков, распространенных по-

---

* Тяпóк — метка в виде прокошенного креста или круга, отделяющая одну делянку от другой; обычно делалась в начале полосы.

всеместно не только у русских, но и у других народов, до сих пор остается открытым. Еще в XIX в. археологами было зафиксировано наличие разнообразных клейм на славянской керамической посуде XI–XIII вв., и это явление, замеченное вначале по находкам древних сосудов, вызвало споры среди исследователей. В то же время этнографы, изучавшие крестьянский быт XIX в., обнаружили на земельных наделах и хозяйственно-бытовых предметах крестьян большое количество мет, сходных по форме с древними славянскими символами. Уже тогда, в XIXв., в объяснении причин возникновения этих символов сложились спорные точки зрения: одни авторы приписывали им символический, религиозный смысл, другие рассматривали их как авторские клейма мастеров, третьи считали их знаками собственности [3].

В 1920-е гг. благодаря энтузиазму краеведов, собиравших сведения о наличии знаков собственности в деревнях, материал о полевых и луговых *метах* крестьян пополнился. Частично он был опубликован в местных изданиях [4]. Значительная доля информации, собранной в Рязанском крае, осела в фондах Рязанского краеведческого музея (ныне Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника). В 1940-е гг. и позже символические изображения рассматривались вновь преимущественно на примере археологических находок. Основные версии появления этих знаков на территории расселения славян, сформулированные в дореволюционной историографии, были перечислены и подытожены Б.А. Рыбаковым и впоследствии А.Л. Монгайтом [5]. Авторы указывали на их возможную двоякую роль: они могли быть и знаками собственности, и магическими символами, связанными с древними верованиями. В более поздней работе, опубликованной в 1981 г., Б.А. Рыбаков обратил внимание на особое ритуальное значение глиняной посуды с донными солярными знаками у протославян: «подземное ночное солнце» изображали на погребальных сосудах [6].

Установить непосредственную преемственность между древней пиктографией славян и крестьянскими метками конца XIX — начала XX в. проблематично. Внешнее сходство геометрических фигур еще не дает оснований для вывода об их семантической аналогии. Начиная с XIV в. клейменая керамика почти полностью исчезла, а знаки на бытовых вещах, полях и лугах в рязанской деревне бытовали до 1930-х, а в некоторых местностях и до 1960-х гг. Можно лишь предположить, что традиция подобного выделения своей собственности имеет древние корни. В законодательных памятниках Древней Руси, начиная с «Русской Правды», встречаются указания и на наличие знаков собственности, и на различные меры по защите владельческих прав. Так, согласно «Русской Правде», «пятна» налагались на лошадей. Воры, посягнувшие на лошадь с «пятном», наказывались особенно сурово, почему они и старались уничтожить старые метки и наложить свои. Описания подобных деяний сохранились в летописных источниках начала XII в.: «холопи бояр Нестора и Петра Борисовичей кони Мстислава покраша в стаде и пятна на них восклали» [7].

Земельные владения жителей древней и средневековой Руси выделялись естественными границами в виде деревьев, рек, ям и оврагов, а также особыми искусственными межевыми знаками. В письменных источниках имеются упоминания о камнях, на которых высекались изображения в виде корон, крестов, черт. Кроме того, есть указания на *грани*, нанесенные на столбы и деревья. В писцовых межевых книгах XVI в. территория, пожалованная Владимиру Ляпунову, описывается со ссылками как на естественные, природные «указатели» границ, так и на искусственные знаки: «в поле на столбе грани подле его яма по праву земля помесная Володимера Ляпунова ево жеребью села Исад (ныне с. Исады Спасского р-на. — *С.К.*) а полеву земля вотчинная евож… а от столба и отъ ямы прогонною дорожкою на столбе грани жъ что столб стоит… у большой рязанской дороги подле его яма…», «а от ясеня и от ямы вниз тем же лашком на вязу грани, что вяз стоит за речкою…», «а от дуба прямо межою едучи мордовскою дорожкою… речкою… в верх на олхе старая грань» [8].

Того, кто повредит или уничтожит межевые знаки на великокняжеских, боярских или монастырских землях, согласно Судебнику 1497 г., должны были бить кнутом. Уложение 1649 г. за подобные действия предусматривало телесное наказание и даже тюремное заключение. Строгие меры в отношении нарушителей границ были зафиксированы и в российском законодательстве второй половины XIX в.: в крестьянских волостных судах виновные «сверх

вознаграждения владельца за вред и убытки» подвергались аресту на время от одного до трех дней [9]. Более того, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1871 г., истребление меж и других знаков каралось заключением в тюрьму на срок от четырех до восьми месяцев или денежным взысканием до 500 руб.

Во второй половине XIX в. крестьянские меты имели, прежде всего, прикладное значение, являясь знаками собственности. Они несли в себе информацию о владельце вещи, служили своеобразным идентификационным кодом, имеющим непростую, исторически наслаивавшуюся и изменчивую, смысловую и функциональную нагрузку. Сведения, заложенные в таких символах, имели двойное коммуникативное значение. С одной стороны, они помогали хозяину опознать свою вещь среди других, т. е. служили средством коммуникации между владельцем и предметом его собственности, с другой стороны, были необходимы в регулировании многолинейных внутрисемейных и межсоседских правоотношений.

Одновременно когда-то в этих знаках, возможно, был заключен и сакральный смысл; они устанавливали некую особую, невидимую связь между предметом и его собственником и таким путем легализовали его власть над ней. Некоторым образом начертание символов на различных видах собственности перекликается с древним обрядом «наложения руки на предмет владения», свойственным не только русскому, но и римскому, германскому и древнегреческому праву [10]. Так, например, в древнерусском праве купля-продажа сопровождалась заключением обычно-правового договора с непременным прикосновением будущего владельца к приобретаемому имуществу. Если собственник терял, а затем находил эту вещь в руках другого, то он вновь схватывал ее со словами «се — мое» [11]. Аналогичное «немое» установление права собственности происходило при продаже лошади, когда необходимым условием договора была передача уздечки из рук в руки. В этой связи вспомнается название тамги — меты северных манси — «катпос», которое переводится как «знак руки» [12].

В памяти опрошенных старожилов Рязанской обл. меты играли исключительно практическую роль. Они узаконивали право владельца и наглядно демонстрировали окружающим принадлежность вещи тому или другому хозяину. Жители современной рязанской деревни объясняли символические изображения на предметах движимого и недвижимого имущества неграмотностью населения: «Кто фамилию — одну букву поставят, кто имя. А кто — тогда неграмотные — были крестик какой-нибудь. На серпе я на ручке крестик делала» (с. Демушкино Сасовского р-на).

Отношение к собственности было самым серьезным, что вполне объяснимо: хозяйственно-имущественное обеспечение крестьянского двора было непременным условием его физического выживания и материального благополучия. Понятие о «своем» и «чужом» прививалось в крестьянской семье и среде (общине) с раннего возраста. Представления о собственности (как и сама собственность), о границах между дозволенным и недозволенным «наследовались» младшим поколением от старшего прежде всего в семье, о чем свидетельствует рассказ жительницы с. Ласицы Сасовского р-на: «Я однажды с пожара принесла чашку разбитую красивую, а бабушка сказала: „Отнеси. Нельзя брать чужое. Это грех тебе будет“. И мы не брали». Запретные нормы подпитывались религиозными чувствами и страхом наказания свыше за грех. «Чужую межу задеть — грешно», — таковы были морально-этические представления крестьян со слов жительницы с. Ерахтур Шиловского р-на.

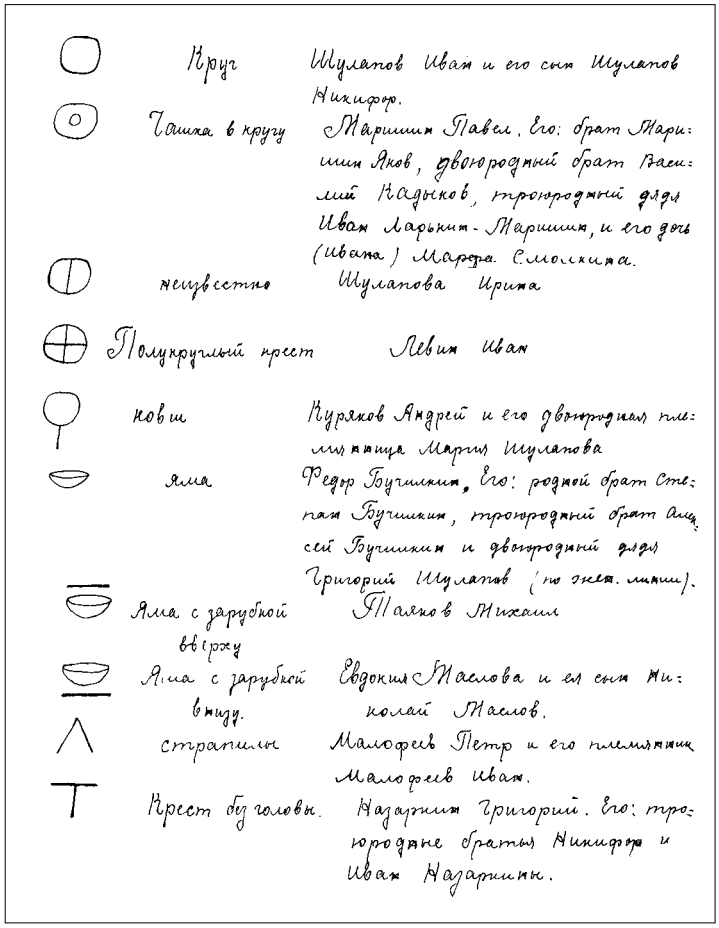
По мере своего взросления человек постепенно погружался в мир знаков и символов. По литературе прошлого века известны описания обрядов приобщения подраставшего поколения к знаниям об окружающем мире. В частности, И.И. Иллюстров привел обычай, по которому при межевании земельных участков и установке межевых столбиков одному из присутствовавших подростков давали по пяти розог, ломоть хлеба с маслом и золотой — 15 коп. с тем, чтобы это событие надолго осталось в памяти. В другой местности сечение подростков у границ земельных угодий имело свое название — «памятковый прочухан» [13].

Старожилы Сасовского р-на, в основном 1920-х гг. рождения, особенно хорошо помнят межу между земельными наделами (загонами) и различные ситуации, связанные с нарушением этой границы. Старейшая жительница Ласиц вспоминала о том, как вместе со снохой

(сестрой мужа) они отправились в поле и не угадали свой участок, после чего вернулись домой и были вынуждены оправдываться перед свекром, славившимся серьезным нравом: «Да нет, тятя, мы не сжали, мы загон свой не угадали. Ты уж нас прости. Если мы чужую-то межу сожнем, то скажут: „Ой, Шилина бабы чужой участок сжали, ха-ха“. Все будут над нами смеяться». Как известно, смех в крестьянской культуре был не только признаком веселья, но и одним из средств наказания — осмеяния в глазах общественности. В данном случае невольное посягательство на землю соседа могло повлиять на репутацию рода, имевшую огромное значение в крестьянском социуме. Другие ситуации, связанные с намеренным вторжением на чужую территорию и собственность, имели еще более серьезные последствия, о чем свидетельствует практика самосудов в деревне. В частности, одним из действенных и весьма суровых способов наказания за воровство был и остается поджог: украденное сено поджигали, в результате чего скотина вора оставалась без кормов и была обречена.

Каждое крестьянское хозяйство имело свою мету отличительной формы, которая передавалась по наследству. Если двор делился, то прежний знак переходил к выделившейся семье с добавлением к нему каких-либо особых отличительных деталей, а его первоначальный, основной вариант оставался у наследника старой усадьбы. Такая сегментация хорошо прослеживается на примере полевых мет жителей с. Ерахтур: у крестьян с одинаковыми фамилиями легко уловить сходство в их семейных знаках. Девушка, выходившая замуж, приобретала мету семьи мужа. При вторичном замужестве она ее теряла. Зять, принятый в дом, также менял знак собственности своей семьи: он принимал и передавал по наследству семейную мету жены.

По наблюдениям этнографов прошлого века, передача знака собственности происходила в соответствии с обычно-правовой практикой наследования всего имущественно-хозяйственного комплекса крестьянского двора по мужской линии по старшинству. Как можно заметить по списку жителей Ерахтура, в 1920-е гг. здесь сохранялся прежний порядок: среди 70 фамилий, имевших знаки собственности, встречается лишь одна женская. Наличие общесемейной меты подтверждает выводы исследователей о специфичности понятия собственности у крестьян, заключавшегося в общем владении имуществом двора и пользовании единым хозяйственно-имущественным комплексом и, напротив, слабом развитии личной, индивидуальной, частной собственности.



Меты на крестьянских полях. Касимовский у., с. Которово
Рис. М.Н. Цветаева 1926 г. (НА РИАМЗ. ЭА ОИРК)

Мета каждой семьи имела свое нехитрое имя, почерпнутое крестьянами из близкой и знакомой им повседневности: «вилы», «стропилы», «колодезь», «куриная лапа», «дуга», «ухват» и др. Процесс нанесения символа назывался *пятнанием, клеймением, зазначиванием, отзначиванием*. Отсюда возникли и понятия, вызванные изменением знака собственности после выдела или раздела крестьянской семьи: «отпятнание», «распятнание», «отклеймение» и др. [14]. В современной

деревне эта архаичная терминология, упоминавшаяся еще во времена «Русской Правды», к сожалению, утрачена. Опрошенные информаторы не реагировали на термин «мета», в их разговорной речи более распространенными являются производные от него глаголы «помечать», «примечать», «метить», «заметить», выражение «делать знак».

Обилие знаков в конце XIX — начале XX в. на самых разнообразных вещах позволяет говорить именно о системе обозначений, которая охватывала движимые и недвижимые имущественные ресурсы двора: земельные угодья; скот и птицу; орудия труда; утварь. В 1920-е гг. в Рязанской губ. меты еще можно было наблюдать на земельных владениях: луговых, полевых, пашенных, огородно-садовых, бортнических. Это позволило краеведам составить описание мет, *рубежей, граней, межей, уконов*, т.е. условных знаков, которыми выделялись границы тех или иных земельных угодий.

В.Д. Бакулин, председатель Ижевского отделения Общества рязанских краеведов, обследовал в 1920-е гг. Спасский, Михайловский, Елатомский уезды Рязанской губ. и Меленковский у. Владимирской губ. По его наблюдениям, грани натесывались на деревьях, на пнях, на столбах, указывая направление межей и рубежей. Рубежи выделялись у оврагов, ручьев, рек и тогда они назывались *живыми рубежами*. На пашне для отделения полей оставлялся рубеж в виде непаханой полосы в сажень или полторы шириной. Межи проводились сохой с углублением в две пропашки. Мету (или *знамя*) клали на деревьях топором, натесывая или нарубая на толщину коры, слегка захватывая древесину. В лугах на дерне мету клали тоже топором. На пашне на конце загонов, ближайших к дороге или тропе, пропахивали сохой во всю ширину загона и на две-три сажени длиной (высотой) [15]. В.Д. Бакулиным были также зафиксированы формы этой условной письменности. На основании собранного материала он сделал вывод о приблизительном единообразии знаков для сравнительно большой области.

Воспоминания о гранях сохранились в памяти старожилов Михайловского р-на. Жительница с. Новопанское рассказывала об установлении границ при распределении земельных участков в 1930-е гг.: «Когда колхоз начался, тут все обрадовались, вот теперь у нас земли-то сколько будет. Отделяли участки — грань поставили. Грань это называлось».

В селах Ласицы и Демушкино Сасовского р-на межа представляла собой невспаханную полосу земли — «межа была травой обращенная». Одна из жительниц с. Демушкино рассказывала о единоличном хозяйстве: «Тогда-то были до того настырные все и домышленные. У кажнаго былó, может, по пяти — по шести загончиков: и хорошая, и плохая, и средняя, и никуды не годная. Загны метили по-старинному. Каждый свою примечает. Межи были. Межа была ровная. Распускали по меже полынь. У кого-то колушки стояли». Межой отделяли свои участки пахотной земли. Там же некоторые крестьяне устанавливали колышки с насечками. Между садами ставили «горотьбу» жердями. В с. Ерахтур, по воспоминаниям информатора о доколхозной жизни, в качестве метки дед вырубал землю на «загоне» и «на десятине». Десятину отмеряли на лугах в Петров день и тогда же ставили мету.

В с. Поляки Шиловского р-на на лугах вырезали квадраты дерна, на огородах ставили колышки, а полевой надел отделяли межой. В с. Борок того же района до 1930-х гг. вырезали на полях знаки из дерна, после коллективизации на покосах устанавливали «столбушки» и писали на них мелом. До середины 1960-х гг. в Шиловском р-не на семейных наделах для картофеля еще можно было встретить колышки, на которых стояли надписи фамилий, выполненные химическим карандашом, и одновременно насечки каких-то знаков.

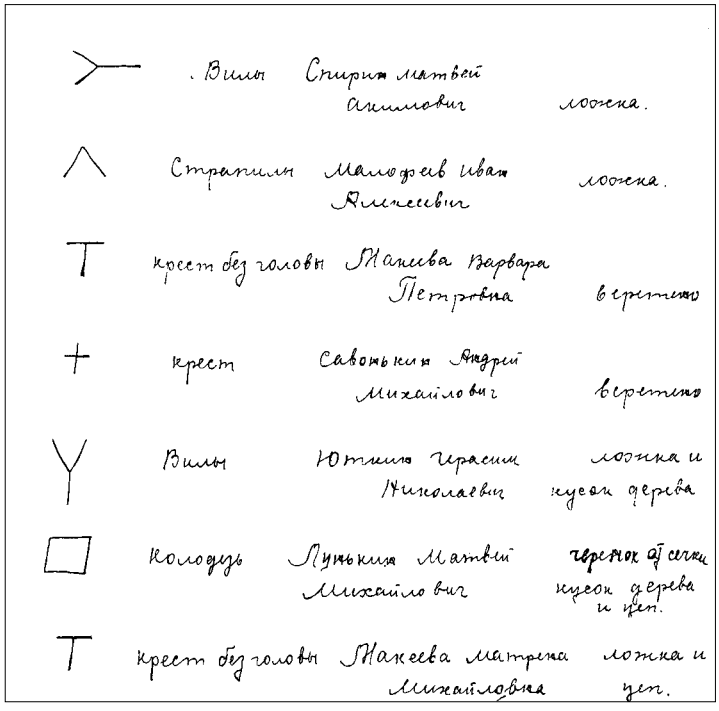
В Новопанском распределенные с помощью жребия сенокосные угодья разграничивались прокосами: «Сенокос делили, жребий бросали. Старший бросал. Кепку снимает, бросает. На бумажках писали. В колхозе прокашивали. Где прокосит — „целик“ называется». В с. Тюково Клепиковского р-на участки отгораживали колышками, на которые вешали тряпочки: «Десять процентов от сенокоса выделял колхоз. Дележи были, жребий бросали между собой косцы. Нам в основном сзади дома был. Вбивали колышки, тряпочку вешали. Испокон веков косили мы тут».

В некоторых селах еще совсем недавно практиковалось установление границ. Глава администрации с. Высокие Поляны Пителинского р-на рассказывал: «Сенокос для

скота личного подворья выделяет СПК. Дирекция выделяет людей (агроном, бригадир, объездчики и от населения один-два человека. Выезжают в луга, вбивают колышки (вешки), бросают жребий. Отмеряют саженью паи по соответствующему количеству скота, бригадир или объездчик сворачивает номерки и уже в селе хозяева скота тянут жребий. Тянули жребий три-четыре года назад. Но все равно каждый год идет обмер, перепись. Каждый придерживается своего сенокоса».

В настоящее время даже в тех селах (главным образом крупных, с населением более 1 тыс. человек), где жители продолжают держать скотину, острого дефицита в сенокосных угодьях не возникает, и жители пользуются когда-то выделенными колхозами площадями или косят на свободной земле. Сегодня нет необходимости в отграничении сенокосных участков, поскольку за последние 10–15 лет поголовье скота в колхозах и в частных домохозяйствах либо вовсе уничтожено, либо значительно сократилось. В дер. Фомино Клепиковского р-на, где на все село осталось всего две коровы, комментируют сложившуюся ситуацию следующим образом: «Сенокос — ставят колья, привязывают тряпочку. Такие дележи были лет 20 назад. А сейчас иди и коси».

Среди разновидностей земельных владений и рубежей до сих пор сохраняет свою значимость граница между огородами. Приусадебные участки являются для сельских жителей важнейшим, иногда единственным источником пополнения семейного бюджета: выращиваемые овощи идут как для собственного потребления, так и на продажу. Поэтому в некоторых селах между огородами сохраняется «горотьба» (дер. Аверкиево Клепиковского р-на), в других роль разделительной линии играет кустарник (с. Ласицы Сасовского р-на), но чаще всего в этой роли выступает межа. В представлениях сельчан межа до сих пор сохраняет статус неприкосновенности, и посягательство на нее провоцирует возникновение конфликтных ситуаций между соседями. Межевые споры, имеющие сезонный характер и обостряющиеся в весенний период посадки огородов, всегда были присущи повседневному быту крестьян. Причина их устойчивого бытования связана не столько с какими-то материальными потерями в результате нарушения земельной границы и эксплуатации межевой земли соседом, сколько с оскорблением чувства собственника, вызванного самовольным вторжением в рубежи его «епархии».



Меты на предметах крестьянского быта. Касимовский у., с. Которово. Рис. М.Н. Цветаева 1926 г. (НА РИАМЗ. ЭА ОИРК)

В прошлом крестьяне «помечали» не только земельные владения, но также орудия производства и утварь: на них делали зарубки разной формы. В собраниях музеев было выявлено огромное количество таких знаков на гребнях и донцах прялок, рубелях, вальках, ткацких челноках, катушках для нитей, веретенах, серпах, коровьих колокольцах, посуде. Широкое бытование мет на орудиях производства служит косвенным доказательством большой роли коллективного начала в крестьянской среде: в стремлении пометить свои орудия труда для поиска среди чужих отражается традиция совместных работ. Информатор из с. Тюково вспоминала: «Для человека челнок, чтобы его побыстрее найти, свою вещь на посиделках, ставили метки. У меток форма разная. Вдруг обнаружится пропажа. У каждой женщины был свой знак.

Они повторяли на каждом предмете те же самые метки… У бердов тоже были такие меточки, потому что берда по окончании работы они складывали в одно место. Вот у меня самопряха, там тоже меточки… Мужчины тоже метили орудия труда… Топор, когда ходили в отход, косу». По воспоминаниям стариков, в начале 1920-х гг. уже помечали лишь косы и серпы: «Соху не метили. Косари свою косу метили, какой-нибудь железкой высекали». В с. Кошибеево Сасовского р-на рассказывали, что хозяйка узнавала свой серп по ручке: метку на ней ставили в виде зарубок или красили.

Любопытным является упоминание о том, что мужчины метили семейным знаком свои, «мужские», орудия производства, женщины — свои. Очевидно, что в такой дифференциации проявилось разделение трудовых функций по половому признаку. Можно лишь предположить, что прежде таким образом женщины и мужчины отграничивали собственную сферу магического влияния на результаты трудовой деятельности, «программировали» свой код успеха. Неизвестно, оставляла ли женщина свои особенные знаки на вещах, составлявших ее собственность (на приданом). Старожилы не смогли припомнить подобной практики. По сведениям, собранным в прошлом веке И.Т. Соловьевым, прежде право наложения знаков принадлежало домохозяину и переходило к жене лишь после его смерти, но уже в 1880-е гг. женщина имела такую возможность в отношении своего имущества и при его жизни [16].

Помечали и предметы домашнего обихода. В частности, традиция семейной коллективной трапезы из общей посуды, сохранявшаяся до 1950-х гг., сопровождалась индивидуализацией столовых приборов: в 1920-е гг. в семье жительницы Новопанского «замечены были ложки. Букву начертят. Буквы знали». Кроме того, распространенным явлением вплоть

а) б) в)

Полотенца с метами владельцев и дарителей. 1-я половина XX в.:
а) Раненбургский у., с. Истобное (Чаплыгинский краеведческий музей); б) Раненбургский у., с. Ломовое (Чаплыгинский краеведческий музей); в) Данковский у., с. Хрущево-Подлесное (Данковский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2004 г.

Гребень с именем владелицы. Конец XIX — начало XX в. (Сасовский краеведческий музей). Фото С.С. Крюковой 2000 г.

до 1960-х гг. было нанесение меток на полотенца и салфетки: «На полотенцах и салфетках тоже оставляли метки. Инициалы. Я — владелец. И платочки с инициалами, что, мол, это мое. Дарили парням с инициалами девушек» (с. Завидово Чучковского р-на).

Домашний скот и птица также подлежали «инвентаризации»: у лошадей высекали знак на подкове или выжигали клеймо; коровам царапали рога (делали запилы) или на ухо ставили бирочку (с. Тюково); телятам надевали приметную веревку; овцам вырезали особым способом уши или пришивали разноцветные «шаболики» — кусочки ткани, ленты (с. Ласицы, с. Демушкино) или нитки — «серьги» (с. Высокие Поляны); гусям надрезали или пробивали насквозь перепонки лапок; цыплятам обрезали или разрезали ноготь; курам наносили на перья краску. Животных, принадлежавших одному семейству, часто метили разными знаками. По рассказам старожилов, в начале XX в. лошадей и коров чаще всего уже не помечали, в этом не было необходимости: их и так отличали по естественным, природным знакам (окраске шерсти и наличию особых пятен). Пастух обычно знал меты домашних животных всех жителей селения, в котором он нанимался пасти скот. Он вел собственный учет скотины путем нанесения на длинный шест пометок о числе животных от каждого двора, чтобы затем правильно рассчитать плату за выпас.

В тех селах, где жители продолжают держать в хозяйствах мелкий рогатый скот и птицу, сохраняется традиция его помечать: «Раньше овечек метили, а сейчас они остались только в двух дворах. У меня такой дырокол есть, прокалываю ушко и завязываю ленточку. Мечу и сейчас. Овцы в стаде. Коз не мечу. Караулим поочередно стадо. Кур я не крашу, а вот у уток (и индюшек) под крылышки вешаю ленточки… Гусей тоже метили. К ножке тряпочку пришивали, кто прорезал лапку, кто ноготки подрезал. Скотину не помечаем. Раньше, когда у нас были гуси, мы красили гусей. Их было много и у каждого стадо было большое. Овечек тоже. Бант привязывали, на хвосте что-то оставляли» (с. Новопанское Михайловского р-на). В дер. Аверкиево Клепиковского р-на метить уток и кур не принято, но овцы регулярно проходят эту процедуру. Информатор из этой деревни рассказала: «За неделю до Благовещения, с 1 апреля по 7-е. В течение недели. Мы с мужиком обстрижем и бантик привязываем. Бантик я привязываю. Он держит шерстку, а я привязываю. А то ухо возьмем отрежем. Кто левое ушко отрежет, кто правое. Каждый год разные метки, но одинаковые для всех овечек. Уток и курочек не принято метить».

Деталь ткацкого стана с инициалами. Кадомский р-н, с. Кочемирово. 1-я половина XX в. (НМРИ). Фото С.А. Иниковой 2006 г.

На орудия труда и утварь отличительные знаки наносили в виде геометрических линий (косых и прямых крестов, кривых линий, дуг, колец и пр.) и букв. Буквы означали имя или фамилию владельца. По рассказам информаторов, крестьяне, объединявшиеся в плотницкие артели, метили свои инструменты начальными буквами своих фамилий или даже прозвищ (пгт. Шилово). Так, одного из плотников называли «Рябой», поэтому он и ставил букву «Р» на своем инструменте.

На некоторых донцах прялок чертили полное имя хозяйки и дату (вероятно, изготовления донца). В собрании Шиловского краеведческого музея имеется донце, изготовленное Петром Захаркиным из с. Борок Шиловского р-на, украшенное резьбой и подаренное им невесте. На донце вырезаны надпись («Кого люблю тому дарю на память»), дата (1902 г., 15 января) и инициалы невесты (Е.И.). Следует отметить, что на орнаментированных резьбой или росписью прялках специальные знаки обычно отсутствуют: в них не было необходимости, поскольку подобные произведения и так были приметные, легко отличимые от других.

Надписи на предметах крестьянского быта порой содержат удивительные свидетельства о метаморфозах повседневности русской деревни. Так, наш собеседник из г. Рязани сберег полотенце матери, Марии Антоновны Живовой (Живова — ее девичья фамилия), уроженки дер. Макеенки Касимовского у. Рязанской губ. Она ткала и вышивала его для приданого. На полотенце стоят буквы «М.А.Г.Ж.», что означает Мария Антоновна гражданка Живова. Столь любопытная аббревиатура в лаконичной форме отразила проникновение в крестьянскую среду в 1920-е гг. новой гражданской лексики.

Донце прялки с инициалами и датой изготовления. Касимовский у. Конец XIX – начало XX в. (Касимовский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2003 г.

Особую группу составили предметы с изображениями православного креста, который явно имел апотропейное значение. Роль оберега носили и знаки на дне посуды. Крестьяне ставили кресты на дне горшков, кувшинов, бочек — ими освящалась и посуда, и пища, приготовленная или хранившаяся в ней [17]. Скорее всего, такая посуда предназначалась для ритуальных блюд.

На отдельных вещах крестьянского быта нанесено по две меты, что было, скорее всего, следствием перехода ее от одного владельца другому. Иногда на одном предмете сочетались разные по смыслу и функциям знаки. Так, вероятно, магическое значение имели рисунки женщины с поднятыми руками на детской зыбке и крылатого коня (или волка) на резце. Вместе с тем на этих же вещах нанесены метки в виде креста и засечек, напоминающие обычные знаки собственности.

Информаторы упоминали немаловажный факт: скотину метили в Вербное воскресенье («на Вербину») или, по некоторым данным, за неделю до Благовещения (дер. Аверкиево). Объяснить причину выбора именно этого дня в году они не могли. Вместе с тем, по этнографической литературе известно, что в народных представлениях верба обладала магическими плодоносящими, целительными и оберегающими свойствами [18]. Поэтому наряду с имущественно-правовым смыслом этого обряда видится иное, сакральное значение, присущее когда-то этому обычаю, но утраченное со временем. Аналогичные ассоциации возникают и в связи с описанием раздела луговых угодий: в с. Ерахтур десятину отмеряли на лугах в Петров день и тогда же ставили мету. Вероятно, с земельной метой, вырезавшейся из дерна, связан и интересный обряд присяги, зафиксированный этнографами у крестьян Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерний в XIX в. Во время земельных конфликтов в некоторых местностях было принято, чтобы присягавший крестьянин, защищавший свое право на спорный надел, обходил межу с иконой в руках и куском дерна на голове со словами: «Если земля эта мне не принадлежит, то пусть она меня и закроет». В некоторых местностях этот обряд трансформировался в хождение по меже с иконой на голове [19].

Меты играли еще одну важную роль: они использовались в практике крестьянского судопроизводства в качестве судебного доказательства. Сохранились материалы волостных судов 1860–1870-х гг., которые свидетельствуют, что в ходе следственных процессов об украденном имуществе его хозяина определяли по знакам. Одно из таких расследований зафиксировано в книге записей решений волостного и третейского судов Воейковской вол. Данковского у. за 1868 г. Согласно описанию, крестьянин с. Воейково Василий Ульянов обратился с жалобой на то, что в прошлом году у него пропала белая овца, а «пред Михайловым днем он узнал эту овцу у крестьянки Настасьи Григорьевой, узнал по мете, почему просил эту овцу возвратить» [20]. Судьи, выслушав прения обеих сторон и выяснив, что мета обнаруженной овцы совпадает с метами остальных овец истца, вынесли приговор о возвращении овцы В. Ульянову. Подобная следственная практика применялась крестьянами повсеместно. Так, по заявлению крестьянина одного из сел Архангельской губ., у него пропали бревна, нарубленные и помеченные им и оставленные в лесу. По свидетельству старосты и понятых, после осмотра хозяйства подозреваемого у него было найдено два дерева с «пятнами» истца (знак «XI») и бревна со стесанными знаками [21]. Уничтожение знаков собственности рассматривалось волостными судами как преступление. Следует заметить, что законоположения второй половины XIX в. предусматривали весьма строгие меры наказания за повреждение мет: виновные в их порче помимо возмещения ущерба владельцу подвергались аресту (от одного до трех дней) [22].

Знаки собственности «участвовали» не только в крестьянском правосудии, но и практически во всех имущественных сделках крестьян (купле-продаже, договорах, найме и т. д.), где происходило какое-либо отчуждение, движение имущества. В некоторых местностях России при передаче недвижимой собственности другому хозяину крестьяне передавали и бирку с клеймом этой собственности. Во время аренды земли крестьянин-арендатор устанавливал свой знак на временном владении. Все жители деревни обычно знали юридические знаки каждого из своих соседей. В первую очередь такой информацией владел пастух, который нес особые обязательства перед крестьянским обществом при найме домашнего скота. Если корова или другое животное погибало, он должен был представить хозяину кожу животного с ушами и клеймами [23].

В XIX в. Е.Т. Соловьевым была замечена прямая зависимость между материальной ценностью имущества и метами: чем меньший интерес они представляли собой для вора, тем реже на них налагали знаки [24]. С.В. Пахман также указывал на значение мет как предохранительной меры против похищения и присвоения чужой собственности [25]. Однако, по сохранившимся материалам, обычай помечать веретена и серпы — вещи, которые вряд ли привлекли бы внимание вора, сохранился до 1920-х гг. Практика массового клеймения была связана в большей степени с устойчивой традицией сочетания общественного и частного, коллективного и индивидуального в образе жизни крестьян, с естественной прагматической необходимостью нахождения своего орудия труда или домашнего животного среди прочих, нежели с намерением оградить крестьянский двор от воровства.

Меты представляют собой интереснейший, уникальный источник, весьма ценный для реконструкции имущественных и социальных коммуникаций в русской деревне. Отношение к знакам собственности было зеркалом правовой культуры, морально-этических взглядов крестьян, их менталитета. Утрата этой знаковой системы на протяжении XX в. была связана не только с ростом грамотности крестьян, научно-техническим прогрессом и модернизацией их производства и быта, но и с иными процессами: исчезновение мет шло параллельно с процессом постепенной ликвидации собственности и прежних представлений о ней в ходе коллективизации и последующего развития русской деревни. Современное бытование остатков мет в виде знакового выделения птицы или крупного и мелкого рогатого скота не носит системного характера. Локальное применение старого способа обозначения собственности имеет сугубо практическое значение распознавания своего имущества среди чужого. Сакральный смысл древних обозначений растворился в истории и остается лишь предметом научных интерпретаций и реконструкций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Златовратский Н.Н.* Деревенские будни (Очерки крестьянской общины) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX в. М., 1987. С. 337.

2 Несравненно полнее исследована знаковая культура народов Севера. Одной из последних публикаций на эту тему является статья Е.Г. Федоровой «Тамги северных манси (по материалам второй половины 1970-х — начала 1990-х годов)» (Символы и атрибуты власти. СПб., 1996. С. 229–316).

3 *Савельев А.* Остатки старинного межевания в России // Древняя и новая Россия (СПб.), 1878. № 6; *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России. СПб., 1877. Т. 1; *Ефименко П.* Юридические знаки // ЖМНП. 1874. № 10–12; *Соловьев Е.Т.* Знаки собственности в России. Историко-археологический очерк. С приложением 6720 знаков. Казань, 1885.

4 *Бакулин В.Д.* К вопросу о гранях и метах // Вестник рязанских краеведов (Рязань), 1925. № 4; *Смирнов П.М.* Полевые меты Рузского района // Московский краевед. М., 1927. № 1; *Мансуров А.А.* Старо-рязанские и пронские клейма // СА. М., 1946. № 8.

5 *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 163, 175–182; *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 284–290.

6 *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 234.

7 *Ефименко П.* Указ. соч. С. 74.

8 *Кожин В.Н.* Село Исады на Оке-реке. (Выдержки из истории хозяйства). Рязань, 1915. С. 2.

9 *Соловьев Е.Т.* Указ. соч. С. 42, 59, 63.

10 *Филиппов А.Н.* Учебник истории русского права. Юрьев, 1912. Ч. 1. С. 39–40.

11 Там же. С. 40.

12 *Федорова Е.Г.* Указ. соч. С. 302.

13 *Иллюстров И.И.* Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. СПб., 1910. С. 229.

14 *Пахман С.В.* Указ. соч. С. 48, 51.

15 *Бакулин В.Д.* Указ. соч. С. 20–21.

16 *Соловьев Е.Т.* Указ. соч. С. 122.

17 *Воронина Т.А.* Утварь (XII–XX века) // Русские. М., 1997. С. 410.

18 *Тульцева Л.А.* Календарные праздники и обряды // Там же. С. 630.

19 А.А. Левенстим указывал, что прежде это была официальная форма присяги по земельным делам, подробно описанная в Уложении Алексея Михайловича 1649 г. См.: *Левенстим А.А.* Присяга на суде по народным воззрениям // Вестник права. СПб., 1901. Июнь. С. 21.

20 *Земцов Л.И.* Волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002. С. 122.

21 *Ефименко П.* Указ. соч. С. 66.

22 *Соловьев Е.Т.* Указ. соч. С. 63.

23 *Пахман С.В.* Указ. соч. С. 50.

24 *Соловьев И.Т.* Указ. соч. С. 142.

25 *Пахман С.В.* Указ. соч. С. 50.

ГЛАВА 10

Питание жителей Рязанского края в XIX — начале XXI в. (повседневная и праздничная пища)

Повседневная и праздничная пища в XIX — первой половине XX в.

Традиционное питание в XIX – начале XX в.

Утварь. — Повседневная пища. — Режим питания и застольный этикет. — Праздничная пища.

Особенности питания сельского населения в период с 1917 до середины 1950-х гг.

Повседневная и праздничная пища с середины 1950-х до начала 1990-х гг.

Питание сельского населения в 1990-е — начале 2000-х гг.

Представления народа о своей национальной специфике нередко связаны с питанием, сохраняющим, с одной стороны, наиболее традиционные черты, а с другой, поддающимся заимствованиям и новациям, как и другие компоненты материальной культуры[1].

Русская кухня отличалась разнообразием продуктов, используемых для приготовления повседневных и праздничных блюд, и их рецептурой. Принято считать, что свой окончательный вид и известность она приобрела к концу XIX в.[2]. Неповторимое своеобразие и колорит отечественной кухне придавало бытование, наряду с общерусскими, региональных и местных кулинарных традиций[3].

В формировании системы питания жителей Рязанского края принимали участие потомки автохтонного населения, русские переселенцы, в числе которых был служилый люд, государственные и крепостные крестьяне[4]. А то обстоятельство, что в XIX — первой половине XX в. численность сельских жителей превышала число горожан, обусловило и общий характер рязанской кухни — она была преимущественно крестьянской. Отдельные названия кушаний, домашней утвари и посуды составляли значительную тематическую группу диалектных слов в рязанских говорах[5].

Характеризуя традиционное питание жителей Рязанщины, прежде всего надо сказать, что набор исходных продуктов в XIX и в первой половине XX в. целиком определялся тем, что давало зерновое земледелие, животноводство и окружающая природа. Несмотря на изменения, происходившие в питании населения после революции 1917 г. и коллективизации, приблизительно до середины — конца 1950-х гг. в основе своей оно оставалось традиционным в силу того, что крестьяне получали в колхозах плату за свой труд натурой, а на своих 40 сотках приусадебной земли продолжали вести традиционное крестьянское хозяйство (см. с. 136–138). Во второй половине 1950-х и в начале 1960-х гг. многие колхозы были преобразованы в совхозы, в которых сельскохозяйственные рабочие получали зарплату. С начала 1960-х гг. зарплату начали платить и в колхозах. Крестьянин все больше превращался в сельскохозяйственного рабочего. Естественно, что менялся и традиционный уклад жизни. У людей появилась возможность больше продуктов покупать в магазинах. Все это не могло не сказаться на наборе и качестве блюд в рационе рязанских сельчан. Следующей вехой стали 1990-е гг., которые были ознаменованы разрушением коллективных хозяйств, резким ухудшением демографической ситуации в сельской местности (см. с. 148–149, т. 2. с. 37–39). Наряду с появившимися полутоварными и немногочисленными товарными хозяйствами, часть населения, главным образом старшего возраста, постепенно сворачивала свои хозяйства, предпочитая покупать продукты в магазинах. Исчезновение из рациона традиционных блюд шло параллельно с проникновением в русскую кухню новых, заимствованных блюд.

Исходя из этих объективных обстоятельств, влиявших на питание русского населения Рязанского края, в работе выделены три хронологические периода.

Повседневная и праздничная пища в XIX — первой половине XX в.

Традиционное питание в XIX — начале XX в.

Утварь. Способ приготовления пищи имел очень большое значение не только для подбора рецептуры блюд, сказывался на их вкусовых качествах, режиме питания, но и определял подбор утвари. Как и по всей России, русские Рязанского края использовали для приготовления пищи духовую (русскую) печь, которую в лесных северных и восточных районах топили дровами; в центральных районах дрова были привозными, поэтому кто-то (по состоятельности) топил дровами, кто-то хворостом, а кто-то и кизяком с соломой; в южных районах почти исключительно печь топили соломой и кизяком.

Универсальность этого типа кухонного очага определила и основные особенности тепловой обработки продуктов, свойственные вообще русской кухне в целом, — *варку, тушение, запекание* и реже — *пряжение* (обжаривание в кипящем масле) и *жарку*, что было характерно и для рязанской кухни.

Для приготовления еды в каждом крестьянском хозяйстве имелся определенный набор домашней утвари. Чернолощеная и поливная глиняная посуда, изготовленная на гончарном круге, была практически в каждом доме. Центры ее производства существовали в с. Спас-Клепики Рязанского у., в селениях Морозовы Борки и Александро-Прасковинка Сапожковского у., дер. Выркова Касимовского у. и др.[6]. В Скопинском у. мастера-горшечники работали в г. Скопине, селениях Гремячка, Павелец, Красный Городок, Стрелецкая Дубрава, Новые и Старые Кельцы, Лопатино, Кремлево, в деревнях Новиково и Вороновка[7]. В Александро-Прасковинке посуду, цветочные горшки в значительном количестве производили еще в 1950-е гг., потом производство быстро пошло на убыль.

Глиняные горшки. Скопин. 1-я половина XX в. (Скопинский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2005 г.

В с. Петрово Ряжского р-на, где в XIX в. гончарного промысла не было, посуду стали изготавливать только в начале 1920-х гг., переняв опыт у скопинских умельцев. Наибольшая активность петровских гончаров пришлась на период НЭПа и 1940-е гг. На гончарном круге делали *ягольники* — горшки для молока, *масленки* для хранения топленого сливочного масла, *махотки* для приготовления детской каши, жаровни, *караваешницы*, в которых выпекали каравайцы, кувшины, блюда, тарелки, чайные кружки и блюдца. Готовую продукцию продавали в Ряжске и в окрестных селениях — Новое Еголдаево, Дегтяное, Самарино, Поплевино, Чернава и др.[8]. В 1928 г. в с. Демидово Шацкого р-на была организована кооперативная артель из 30 потомственных гончаров. Она просуществовала до 1945 г., а потом была переведена в с. Чучково[9]. Домашняя утварь и посуда постоянно восполнялись за счет местных центров их производства. На селе продолжали пользоваться глиняной посудой еще в 1960-е и даже в 1970-е. гг., хотя спрос на нее сильно упал, так как в магазинах появилась недорогая посуда фабричного производства.

Горшки употребляли для варки и подогрева блюд: маленький горшок для приготовления еды для детей емкостью один литр назывался *пекша* или *пикашек*, а горшок в два раза меньше — *полпекша*.

Корову доили в *дойник* и процеживали молоко в горшок с широким горлышком — *банку*. Для его хранения использовали обливные и черные горшки емкостью 1,5–3 л — *махотку, мастюжку, долгонький*, которые покупали у горшечников на базарах или когда они приезжали

в село. Маленькая *черепушка* служила для хранения масла и сметаны. *Кубышку* использовали для сбивания масла или хранения конопляного масла.

В большой *корчаге* затирали квас или брагу. В горшках с двумя ручками носили в поле воду и квас. В глиняном *поставке* разносили на праздниках брагу, а подавали к столу в кувшинах с одной ручкой [10] (с. Демидово Шацкого р-на). В хозяйстве имелись кувшины, а также блюда для еды, *жарехи* для жарки картофеля, тарелки и кружки для питья.

Из деревянной посуды следует отметить плоские тарелки, в Сасовском у. называвшиеся *мисами*, разнообразные ложки, чашки — *ставцы*, некоторые из них назывались *бражными*; *корцы*, которыми черпали и из которых пили воду. Из дерева делали крупногабаритную утварь для обработки и хранения продуктов. В ступе, выдолбленной из цельного куска

Корыто ночевка для просеивания муки. Кадомский р-н, с. Восход. Конец XIX – начало XX в. (Школьный музей в с. Восход)

Деревянная тарелка миса. Конец XIX – начало XX в. (Сасовский краеведческий музей)

Деревянная утварь для воды. Кадомский р-н, с. Кочемирово. I-я половина XX в. (НМРИ)

Решето с сеткой из лыка. Кадомский р-н, с. Кочемирово. I-я половина XX в.

Деревянная шайка. Клепиковский р-н, с. Тюково. I-я половина XX в. (Школьный музей в с. Тюково)

Ковш деревянный для сыпучих продуктов. Кадомский р-н, с. Кочемирово. I-я половина XX в.

Фото С.А. Иниковой 2002–2006 г.

Сбивание масла в пахтульке. Шацкий р-н, с. Желанное. Фото С.А. Иниковой 1995 г.

дерева, толкли пшено, для чего пользовались пестом, имевшим разные названия: *пихалень, пихтель, питкель, пяткиль, толкач*. Муку обычно просеивали через решето в небольшое деревянное корытце — *ночевку*. Тесто для выпечки хлеба, пирогов и блинов ставили в небольшой кадушке — *деже, дежке, хлебнице, квашне* и накрывали куском домотканого холста — *дежником*[11].

В *ушатах* и ведрах переносили воду. Были кадки, предназначенные для хранения капусты, огурцов, корыта для рубки капусты, солонки (*солонички*). Изготовляемые в 1920-е гг. местными кустарями дер. Жданово Касимовского у. чаши для еды называлась *калганами,* отчего местных жителей тоже прозвали «калганами» [12].

Сливочное масло сбивали в глиняных горшках сосновой колотушкой с загнутыми концами — *колотовкой, мутовкой* или *билкой*. Деревянная маслобойка — *пахтулька* появилась относительно поздно, в начале XX в.

В деревянных ларях богатые и зажиточные крестьяне хранили муку в амбарах, бедняки хранили ее в кадушках или холщовых мешках. В ходу была плетеная из лыка утварь для хранения зерна, сбора грибов и ягод. Во всех домах были решета: в тех, что победнее — с дном, сделанным из тонких лыковых полосок, а в тех, что побогаче — из металлической сетки.

Колотушка для сбивания масла. Кадомский р-н, с. Кочемирово. 1-я половина XX в. (НМРИ). Фото С.А. Иниковой 2006 г.

В каждом доме имелись *чугуны*, которые ставили в печь при помощи *рогачей*; кочерга; *чапельник* или *сковородник*; чугунная сковорода для выпечки блинов и пышек, металлический *половник* для жидких блюд. Чугуны, рогачи до сих пор в ходу в тех семьях, у кого в доме есть русская печь, а на дворе много скота, так как хозяйки считают более удобным зимой варить большое количество картофеля, греть воду для пойла в печи.

Зажиточные крестьяне с 1890-х гг. начали пользоваться медными самоварами, а вместе с ними и фарфоровыми чайниками и чашками с блюдцами для питья чая или заваривания трав (дер. Волынь Рязанского у.) [13], которые хранили в застекленном шкафу или *горке*. Но в целом, по сообщению корреспондентов ОЛЕАЭ, в эти годы в Рязанском или Сапожковском уездах редко у кого можно было встретить самовар и чашки [14]. Обычная кухонная посуда стояла на *судней лавке* или *суднице* поближе к печи [15].

Необходимую утварь приобретали на местных ярмарках, базарах и торжках (илл. с. 216–218). Зерно мололи вручную на каменных жерновах или отдавали на мельницу.

Повседневная пища. Традиционная пища различалась по составу и количеству блюд. В обычные дни питание было более простым, хотя и достаточно калорийным, чтобы удовлетворить потребность работающих крестьян в углеводах, белковой пище и витаминах. Та еда, что готовили в праздники, была более разнообразной, обильной и вкусной, она позволяла отвлечься от повседневных забот, отдохнуть и набраться сил.

Питание главным образом зависело от материального достатка крестьян. Например, богатым крестьянам запасов зерна, муки и других продуктов хватало на весь год, а зажиточным — до Масленицы или Пасхи, а потом приходилось покупать. У бедных недостаток продовольствия сказывался уже к Николе зимнему (6/19 декабря), и нередко зиму и особенно весну они проводили впроголодь (Егорьевский у.) [16].

Зерновое земледелие, развитое на территории южнее Оки и менее развитое на ее левобережье, тем не менее обусловило широкое использование зерновых и прежде всего хлеба и мучных изделий, названия которых очень разнообразны и многочисленны в рязанских говорах [17]. Главным хлебным злаком была рожь, которую перерабатывали на муку. До середины XIX в. в Рязанской губ. широко сеяли гречиху, но в связи с вырубанием лесов и изменением климата ее урожаи сильно сократились. К 1880-м гг. в центральных и южных частях края ее вытеснило пшено, но в северной части гречиху продолжали сеять в значительном количестве (см. с. 108–109). Просо, гречиху перерабатывали на крупу.

Хотя на случай неурожая существовали «мангазеи» — общественные склады зерна, которыми распоряжались выборные старосты [18], но этого зерна не хватало и в неурожайные годы к муке крестьянам приходилось подмешивать различные суррогаты [19]. В одном случае это была березовая кора (Шацкий у.), в другом — мякина, желуди, лебеда (Темниковский у., ныне Кадомский р-н) [20].

Ржаной хлеб из кислого теста был основой крестьянского стола. В зависимости от качества муки хлеб назывался *пушной* или *мякинный* — из плохо очищенного зерна и непросеянной муки, *решетный* — из муки, просеянной через решето, *ситный* — из муки, просеянной через сито.

Хлеб пекли *заварной*, типичный для южнорусских губерний. Для его приготовления ржаную муку сыпали в кипяток, через 2–3 часа клали квасную гущу и замешивали мукой. Заварной хлеб на вкус был сладковатый и меньше черствел [21]. Хлеб из пшеничной муки появлялся в большие праздники только у богатых крестьян.

Для приготовления хлеба с вечера ставили опару: ржаную муку обычно просеивали через решето в ночевку, добавляли немного воды, замешивали и заквашивали *накваской* — небольшим сырым куском теста, оставшимся от предыдущей выпечки, квасной или пивной гущей, утром добавляли еще муки. Большие *караваи* или *ковриги* формовали в круглой форме или руками и сажали на деревянной лопате в печь. Выпекали чаще всего на поду, отсюда название *подовый* хлеб [22]. В Рязанской губ. слово «каравай», помимо основного значения «непочатый, цельный хлеб», означало пресный хлеб или лепешку [23].

Крестьяне относились к хлебу как к святыне. В народе сложилось почтительное отношение не только к хлебу как к Божиему дару, но и к квашне, к дежнику, которым ее накрывали, к лопате, на которой хлеб сажали в печь, и т.д. Хлеб нередко замешивали на освященной воде, а перед тем как сажать его в печь, читали молитвы, осеняли крестом. Крестьяне называли хлеб ласково: «хлебушек», «батюшка», «кормилец». В народе бытовала поговорка: «Хлеб на столе — стол престол; хлеба ни куска, стол — доска» [24]. Хлеб ели в течение всего дня: на завтрак, обед и ужин.

В Егорьевском у. перед уходом из дома на отхожие промыслы в Москву, Егорьевск, Коломну клали на стол хлеб, ставили соль, зажигали свечи и молились об успешном завершении дела [25]. Хлеб на стол клали перед первым выездом на пашню, первым выгоном скота и т.д.

Помимо хлеба в будни пекли большие по размеру пироги, но они не занимали столь важного места, как, к примеру, в питании жителей северных губерний [26], и были преимущественно безо всякой начинки.

Огромное значение в ежедневном питании жителей Рязанского края имели жидкие и густые каши из разных круп, которые варили на молоке (в постный день на воде). В Михайловском и Зарайском уездах говорили: «Каша — мать наша; не перцу чета — не порвет живота» [27]. Особенно любимой была пшенная каша, сдобренная маслом: она была достаточно калорийным блюдом.

Обработанное домашним способом в ступе просо, как писал В.В. Селиванов, не отличалось хорошим качеством: «Хорошее пшено выделывается на мельницах, где сперва шелуху с проса обдирают жерновами, а самое зерно отталкивают в толчее. Лучшее пшено имеет цвет желтоватый, дурного же качества пшено бывает гораздо бледнее. Пшено для каши выгоднее, нежели гречневая крупа, несмотря на то, что пшено в продаже дороже. Чтоб сварить крутую кашу из пшена, достаточно насыпать полгоршка, тогда как круп гречневых надобно всыпать по меньшей мере три четверти горшка. Пшено спорее круп» [28].

Очень вкусной каша получалась из *хрушки* — крупы крупного помола: «Смелешь, высеешь мягкую крупу, остается хрушка» (с. Пощупово Рыбновского р-на). Более мелкие отсевки или *дыль* шли на приготовление блинов и пышек.

Характерным для рязанской кухни был *кулеш* — жидкая пшенная каша, сваренная вместе с картофелем и заправленная луком, пережаренным с салом или растительным маслом. Кулеш считался первым блюдом, но если его варили покруче, то он вполне мог сойти и за второе блюдо. Разновидностью кулеша был *черепенник* из гречневой муки. В него добавляли яйца и масло, клали накваску и выпекали на сковороде в печи.

Гречневая крупа разделялась на обыкновенную и мелкую, известную под названием «смоленской». Для крупяных запеканок имелось несколько названий: *кашник, крупяник, пшенник, лапшевник, рисвенник*.

Из пшенной муки часто пекли блины. Муку для них особенно тщательно просеивали через сито и *полуситок*, ставили опару в *блинице* на накваске. Такие блины, испеченные на сковороде, получались довольно толстые [29]. Перед подачей на стол блины хорошо сдабривали конопляным маслом, которое получали из семян конопли при помощи деревянной маслобойки. Особенно обширные посевы конопли были в районе Скопина и Ухолова. Из овса готовили толокно, которое смешивали с водой, молоком, квасом, ягодами.

В повседневный рацион входили и мясные блюда, но их доля была невелика, во-первых, потому что даже для средне-зажиточного крестьянина мясо не было обычной будничной пищей, во-вторых, большая часть года приходилась на посты. На мясном бульоне чаще варили щи с капустой и похлебки с картофелем и крупой. Когда ели первое, то мясо вынимали и разрезали на деревянной доске и ели как самостоятельное блюдо. В будни было не принято жарить мясо.

Крупный рогатый скот резали в ноябре, овец и свиней — в течение года. Мясо клали в кадку и солили, добавляя чеснок. Нутряное свиное сало топили или засаливали в горшочках. Постные части туши назывались *любина*. В начале XX в. из нее делали тушенку и заливали жиром. Но особо лакомой пищей считалась *ветчина* из свинины (сало с мясной прослойкой). Ее натирали солью и подвешивали в прохладном месте. Когда она покрывалась желтоватым налетом, то считалась готовой к употреблению. «Ветчину в амбаре повесят, без разрешения матери не дадут, и то больше на праздник ели», — вспоминала старейшая жительница Пощупова. Реже ветчину коптили. Мясо домашних животных дополнялось дичью, поскольку многие крестьяне любили поохотиться в ближних лесах на «красную птицу», т.е. на диких уток (ходили «за утвою»), зайцев и кабанов [30].

В крестьянских хозяйствах держали кур и гусей, особенно там, где были водоемы, но уток разводили мало. В пищу шло мясо птицы и яйца.

Рыболовство было традиционным промыслом в Рязанском крае. Еще во времена Ивана IV в Зарайском у. существовали «дворцовые рыбаки», поставлявшие свежую рыбу для нужд царского двора. В конце XIX в. ловлей рыбы занимались многие, особенно крестьяне тех селений, которые располагались поближе к Оке и ее притокам. Для совместной ловли рыбы они создавали также самостоятельные артели численностью до 30 человек [31], которые уходили на промысел после вешнего разлива и возвращались за одну-две недели до Петрова дня (29 июня / 12 июля), когда начиналась сенокосная пора, а после вновь отправлялись на промысел до заморозков. Пойманную живую рыбу содержали в садках и выгодно продавали скупщикам из Москвы [32].

Из мелкой рыбы варили уху, крупную рыбу жарили или засаливали и подвешивали в амбарах, где она вялилась несколько дней. У жителей селений по берегам рек и озер рыба всегда имелась в запасе.

Изобилия молочных продуктов на столе рязанских крестьян никогда не было. Кормов хватало только там, где были заливные луга, и пойменный скот давал хорошие удои. В тех местах некоторые держали по две-три коровы и сдавали молоко скупщикам или сами возили продавать творог, сметану, масло на рынок. На остальной территории коровы давали молока мало. Свежее парное молоко пили редко. По большей части оно шло детям и для сбора сливок на масло: его оставляли на скисание и потом с кислого молока снимали сливки, из которых сбивали масло. Снятое молоко хранили в кадушках. Сливочное масло перетапливали, берегли и добавляли в каши, а пахту использовали для выпечки. Сметану оставляли для праздничных блюд. Творог, а тем более сыр, для себя делали редко и не многие.

На продажу крестьянки готовили *укупку*. Для этого молоко ставили в печь, доводили до кипения, пока на нем не появлялась толстая пенка красноватого цвета. Молоко остужали, заквашивали свежей сметаной, и оно делалось густым, наподобие ряженки. Укупка была очень вкусная и считалась деликатесом.

Повседневный рацион крестьян Рязанской губ. включал блюда из овощей, которых ели больше, чем в северных губерниях[33]. Этому способствовало огородничество, рассчитанное прежде всего на удовлетворение собственных потребностей в овощах. Особенно выделялись Ряжский, Скопинский и Сапожковский уезды[34]. В отдельных селах были свои замечательные огородники, которые выращивали овощи на продажу. Так, в с. Путятино Сапожковского у. морковь, капусту, лук возили продавать на ст. Назарово. Картофель сдавали помещику Чернышеву, у которого был крахмальный завод (продолжал работать и в 1960-е гг.)[35]. В с. Ловцы Зарайского у. для посадки капусты бедные крестьяне арендовали у богатых клочки земли — «грядки», а полученный урожай выгодно продавали на местных базарах и в с. Белоомут, а также везли в Москву, Коломну, Егорьевск[36].

Крестьяне выращивали репу, огурцы, редьку, брюкву (местное название — *талька*), капусту, свеклу, хрен. Репу и брюкву парили в печи и ели как отдельное блюдо. Большое значение в питании имела тыква, из нее готовили кашу, жарили, запекали.

Свежая капуста шла на щи. На зиму ее солили целыми кочанами (вилками) или половинками, чередуя с нашинкованной. Для лучшего вкуса и запаха добавляли яблоки сортов анис и антоновка.

К концу XIX в. картофель превратился в одну из главных сельскохозяйственных культур, особенно в северной части края. Его сажали не только на огороде, но и в яровом клине в поле. Картофель называли «вторым хлебом». Старожилы вспоминали: «Хорошие сорта были — без воды варится и без сала жарится». Картофель ели в виде пюре, добавляя яйца, молоко и масло, чаще «в мундире», а также делали кисель. Иногда уже отварной картофель поджаривали на жаровнях. В голодные годы из картофеля делали оладьи.

В Рязанской губ. климат позволял выращивать фрукты и ягоды. В селах по Оке в Зарайском у. (Дединово, Любичи, Ловцы) у каждого крестьянина имелись плодовые яблоневые деревья, крыжовник, малина, красная смородина и клубника. Были популярны следующие сорта яблок: антоновка, штрифель, бельфлер, славянка и др. Яблоки ели свежими или моченными. Часть урожая яблок и ягод продавали на местном базаре, но чаще яблоки продавали перекупщикам, которые отправляли их в Москву, Коломну и Егорьевск. Большие сады зажиточных крестьян давали доход от 500 до 1 тыс. рублей.

Большим подспорьем в питании были грибы и ягоды, которые собирали в лесах, особенно в Мещёре. Их заготавливали для себя, а также продавали. В лесах и на полях собирали землянику и клубнику — в *долгонькие* горшочки или кувшинчики, а грибы — в кошелки и лукошки. Сбор грибов был женским и детским занятием. В пищу шли дубовики, подосиновики, подберезовики, опята, лисички, масленишники, рыжики, синюшки, волнушки, грузди. Грибы солили, жарили и сушили. Остальные грибы рязанцы называли «собачьими» и считали их непригодными для употребления в пищу[37].

Крестьяне ели также кисели, но в прошлом они были не такие жидкие, как современные, а более плотной консистенции. Часто варили молочный кисель, а также кисель из ржаной или овсяной муки, и ели в горячем или холодном виде с маслом, жиром, сметаной,

медом и т. п. Для приготовления ржаного киселя ржаную муку разводили водой, заквашивали *прибегом* и оставляли на четверо суток. После этого воду сливали и оставшуюся гущу заваривали кипятком. Так же варили и овсяный кисель. Очень любили *картовный* кисель: отваривали картофель, остужали, толкли, пока он не делался плотным. Его ели в холодном виде, поливая сверху растительным маслом.

Самым популярным напитком был квас из ржаной муки, он имелся почти в каждом крестьянском доме. Рецепт был нехитрым: кипятили воду, варили ржаную муку до загустения, разводили ее водой, добавляли *накваску* — кусочек кислого теста и ставили на один-два дня в теплое место. В квас добавляли отруби, и они плавали на поверхности, отчего говорили — «квасок с мошками». Если квас получался чересчур кислым, то его разводили водой, но сахар не добавляли. Квас пили и отдельно, и «внакладку», т.е. делали из него окрошку, которую тоже называли *квасом*.

В конце XIX в. получил распространение чай, известный под названием «китайской травки». Редко его пили вприкусу с сахаром [38], чаще к чаю подавали мед, особенно там, где занимались пчеловодством — в селениях на берегах Оки, и там, где сеяли гречиху — в Рязанском, Спасском, Касимовском, Егорьевском уездах.

Режим питания и застольный этикет. Как и у всех русских крестьян, у сельского населения Рязанского края было принято трехразовое или четырехразовое питание — в зависимости от времени года. Весной, когда начинались работы в поле, крестьяне вставали в 3–4 часа утра, легко перекусывали, а в 9 часов возвращались к завтраку. Обычно ели отварной картофель, ржаной хлеб, а если картофеля не было, то кулеш из пшена, а иногда в конце весны готовили *тюрю* или *муру* из накрошенного в воду хлеба с растительным маслом. В Егорьевском у. такое кушанье за простоту приготовления называли *щипцы-рванцы*. После завтрака пили чай. В 12 часов на обед подавали щи из свежей капусты с грибами, вареный картофель, квас с редькой, в конце обеда — пшенную кашу. В 4 часа пополудни пили чай и съедали по ломтю ржаного хлеба с солью [39]. Ужинали тем, что осталось от обеда.

Обед на сенокосе. Касимовский у., с. Увяз. Фото В.М. Машечкина 1916 г. (РЭМ. Фототека)

Короб из лыка для продуктов. Кадомский р-н, с. Восход. (Школьный музей в с. Восход). Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Режим питания менялся в июне в сенокосную пору, когда вставали и ложились спать раньше обычного. Жители дер. Бармино Егорьевского у. в разгар сенокоса собирали артель и, приехав на место, устраивали «табор», поскольку приходилось жить по две-три недели; выбирали место для костра, на котором женщины по очереди готовили пищу. На работу вставали около 6 часов утра и шли ворошить скошенное сено, а после этого возвращались в стан. Завтрак состоял из кулеша, сваренного из пшена со свининой или салом, и чая. В 11 часов все возвращались к готовому обеду и ели тот же суп, щи или окрошку с огурцами, кашу. Пообедав, мужчины отдыхали, а женщины отправлялись собирать ягоды и грибы. В 2 часа дня снова шли на работу. Около 4–5 часов вечера шли *полдневать*: ели тот же кулеш и пили чай. После *полдневa* работали до темноты и возвращались в сумерках на ужин [40].

Осенью и особенно зимой вставали позднее, соответственно менялся и режим питания. На завтрак ели отваренный в кожуре (в «мундире») картофель — *рассыпушку*, а *на заедку* — пшенный кулеш, молочную кашу, ржаной хлеб. На обед в час дня ели щи, пшенную, реже гречневую кашу, ржаной хлеб или пироги без начинки. В полдник ставили самовар. На ужин ели щи или суп, тюрю из молока с хлебом, кашу, хлеб.

Питание детей разного возраста тоже имело свои особенности. Маленьких детей кормили грудным молоком до одного-двух лет. В это время их прикармливали коровьим молоком из небольшого рожка, сделанного из соска коровы, давали размоченный в воде ржаной хлеб с сахаром (Зарайский у.) [41]. Постепенно вводили прикорм из баранок с сахаром, жеваных и завернутых в холщовую тряпку в виде соски, манной, гречневой, пшенной молочных каш. С появлением первых зубов ребенку давали грызть баранки и хлебные корочки. В возрасте трех лет еду малышу подавали в отдельной чашке, приучали пользоваться ложкой [42].

Большую роль играл крестьянский застольный этикет. За его соблюдением всеми членами семьи следил старший в доме, или *большак*, являвшийся «представителем семейного коллектива в общине» [43]. При совместной трапезе за столом каждый член семьи имел определенное место в соответствии с его статусом в семье. Самое почетное место — ближе к переднему углу — занимал большак, около него ближе к двери — его жена — *большуха*. С другой стороны от большака садился старший сын, на котором лежала обязанность управлять хозяйством; около него (против света) садились младшие дети, на скамьях и по углам — подростки — *подросли* и женщины.

Крестьянские семьи были большие. В Егорьевском у. обычная семья среднего достатка могла состоять из 16 человек [44]. В Елатомском у. еще перед Первой мировой войной встречались семьи по 30–40 человек, поэтому устраивали не один, а четыре стола; детей кормили после взрослых [45].

Пищу готовила чаще всего свекровь, остальные женщины помогали ей «обряжаться» по хозяйству. Одна из них — *дневальная* подавала на стол ложки, хлеб, нож, меняла блюда. Такая *стряпшая* за столом занимала место поближе к печке или ела стоя [46]. Информаторы старшего возраста вспоминают, что «порядок в доме был строгий. К столу шли, когда подходило положенное время. Без отца никто не начинал есть. Вот, к примеру, мясо подадут в ставе, отец стукнет ложкой по краю блюда, и тогда приступали к еде. Или подаст другой знак: накренит чуть ложку, значит, можно есть» (с. Пощупово Рыбновского р-на).

Когда вся семья садилась за стол, большак трижды крестил хлеб ножом со словами «Господи, благослови!», разрезал его и раздавал всем по куску. За столом следили, чтобы ни одной крошки не упало на пол. Крестьяне старались не макать хлебом в соль, чтобы не подражать Иуде Искариоту [47].

В целом, совместная трапеза, помимо утилитарной, имела много функций, но, что особенно важно, она скрепляла семейные связи.

Праздничная пища. Понятие праздника в сознании жителя Рязанского края ассоциировалось не только со свободным от тяжелого физического труда временем, но и с обильной трапезой и вкусными блюдами. Поэтому в преддверии любого праздника заранее начинали запасать съестные припасы, покупать недостающие продукты. На праздники дом наполнялся ароматами жареного мяса, яичницы с ветчиной, холодца, запахами свежевыпеченных пирогов, оладий, плюшек, блинов из пшенной муки и пышек, драчён, щедро сдобренных топленым маслом. Желанным блюдом был кашник — круто сваренная пшенная каша на молоке, топленом масле и яйцах, которую ставили в чугуне в печь, где она хорошо запекалась и подрумянивалась до ярко-желтого цвета. Готовый кашник нарезали кусками и подавали к столу.

В Зарайском у. особенно много пекли пирогов с начинкой из творога, капусты, каши или без начинки: «Достоинство пирогов зависит от достатка хозяина: кто позажиточней, тот имеет пироги из пшеничной муки. Но по большей части пироги пекут из ржаной муки, просеянной несколько раз через сито, пекут также из яшной муки, но эти скоро черствеют. Пироги пекут из кислого теста и сдобные, но главная забота, чтоб их было как можно более. Пироги имеют форму продолговатую и бывают длиною от половины до трех четвертей аршина» [48].

Пироги и пирожки, начиненные творогом, капустой, картофелем или яйцами и чем-нибудь еще, имели соответствующие названия: *собник* — пирожок с любой начинкой, *колдуны* — жареные пирожки, *сатник* — пирожок с картофелем, *калинник* — пирожок с калиной, *вывертушки* — сдобные пышки из кислого теста и т.д. [49].

Своеобразным символом праздника, судя по воспоминаниям старшего поколения, были *пышки*. Для их приготовления с вечера ставили опару, а утром формовали в небольшие круглые лепешки и ставили в печь: «Душистые, пышные! Кажется, что сейчас такого запаха нет!» (с. Пощупово).

Из пшена, истолченного в ступе или размолотого на жерновах, делали также *драчёну*, которая, в отличие от северных губерний, где так называли свадебный пирог [50], бытовала в рязанских говорах под разными названиями: *драчона, драчёна, дарачёна, драцона, драчёнка, драчённики* *. В качестве основных компонентов она включала тертый вареный картофель, сваренное на воде пшено, много свежих яиц. Сначала выпекали в печи блин, вынимали и густо смазывали всю поверхность взбитым яйцом и снова помещали в печь. Драчёна получалась очень пышная и нежная на вкус. В с. Романовы Дарки Щацкого р-на драчёну делали из молочной пшенной каши с добавлением хорошо взбитых яиц, ее осторожно выкладывали ложечкой на сковороду и жарили на масле. *Картовной драчёной* в Заочье называли мятый вареный картофель в виде пюре, запеченный на сковороде с яйцами или без них. Ее ели в холодном виде, иногда вместо хлеба к первому блюду. Сытную драчёну готовили и в качестве обрядовой еды [51].

Часто пекли тонкие блинчики из кислого и пресного теста, которые называли *каравайцами, каравайчиками, тончиками, блинцами, листиками* и т. д. [52].

Среди мучных блюд популярны были также *саламата (саламат), кваша* и *кулага*. Саламату, сходную по рецептуре с аналогичными блюдами в других регионах [53], готовили из поджаренной и заваренной кипятком ржаной муки, ели с конопляным маслом или с растолченным конопляным семенем. Квашу делали из солода, который смешивали с фруктами и запекали в печи. Для приготовления кулаги ржаную муку и солод заваривали кипятком, смешивали с ягодами калины и парили в печи (с. Романовы Дарки) [54].

Из мясных блюд очень любили яичницу с ветчиной и кишки, начиненные кашей. Для этого кишки животного перемывали, выворачивали жиром вовнутрь, начиняли гречневой кашей, отваривали или поджаривали в печи [55].

Помимо ржаного или овсяного киселя, праздничным напитком считалась брага. Для ее приготовления густо замешивали ржаную муку, клали хмель и сыпали *лузгу* — шелуху от проса. Готовое тесто клали в чугуны и ставили в печь, где оно прело до утра. Утром выкладывали тесто в кадку и заливали его кипятком. Всю кадку обкладывали слоем соломы. У кадки было отверстие,

* Слова «драчёна, дрочена, дрочень» — производные от глагола «дрочить (драчивать)» — вздымать, подымать, вздувать — означали род взбитой с мукой и молоком яичницы (омлета). Была икорная, картофельная, замешанная на яйцах и др. драчёны (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского словаря. В 4-х томах. М., 1989. Т. 1. С. 495).

через которое забродившую жидкость сливали в деревянный бочонок и заквашивали гущей от кваса, добавляли хмель с сахаром [56]. В Зарайском у., по словам В.В. Селиванова, «чтобы встретить и прилично провести праздник, как подобает всякому православному, дней за пять или еще за неделю во всех дворах прихода начинают варить брагу. Та брага хороша, которая густа да липка, сладка и хмельна. Брагу в нашем краю варят белую и красную» [57]. Современники отмечали, что в праздники крестьяне много денег тратили на водку, которую в больших количествах производили на винокуренных заводах в дворянских имениях*, и пир длился по нескольку дней [58].

В праздничные дни было принято приглашать близких и дальних родственников, соседей и всех щедро угощать. Привечали как званых, так и незваных гостей. В Зарайском у. среди традиционных праздничных блюд была солонина, свинина, ветчина или говядина с хреном, студень из свиных или говяжьих ног, щи со свининой, говядиной или солониной, *жировая* или молочная лапша, пшенная крутая каша, сваренная на молоке или с маслом, жареная баранина, свинина или говядина. Кисель варили из ржаных круп (*мудрой*) или овса, который ели с молоком.

Перед обедом хозяин подносил гостям по стаканчику браги, перед щами другой, перед кашей третий, перед жарким четвертый и т. д. По окончании обеда гости вставали, молились Богу и говорили хозяевам: «Спасибо за хлеб, за соль!», на что хозяева отвечали: «Не прогневайтесь!» или же: «Не бессудьте, какова хлеб-соль была!» [59].

Среди праздничных дней выделялись Масленица и Пасха. На Масленице повсеместно пекли блины, часто ходили в гости. Угощение состояло из блинов двух сортов, *пшенника*, огурцов, а в домах зажиточных крестьян можно было встретить и рыбу. Корреспондент ОЛЕАЭ писал из Пронского у.: «Масляница до пятницы тиха, только и разница от предыдущих дней в том, что крестьяне пекут блины и катаются с гор вечерами. В пятницу почти каждый уходит на базар купить рыбки, водки, кренделькoв» [60].

Особенно тщательно крестьяне готовились к Пасхе, приглашали много гостей. В.В. Селиванов писал: «С четверга Страстной недели начинаются приготовления к празднику. Мужик едет за вином в кабак, да за мясным на базар; бабы варят брагу, все забывается, одно помышление о встрече Светлого дня Воскресения» [61].

В Егорьевском у., например, закупали пуд мяса, пуд пшеничной муки, пуд баранок. Обязательно пекли сдобные куличи — *паски* из пшеничной муки в высоких цилиндрических формах, но чаще в простой хлебной форме. Как и повсюду, луковой шелухой красили яйца. Освященным куличом и яйцами разговлялись после многодневного поста. Остальные блюда ели не сразу: сначала пили чай, выпивали немного водки, потом к столу подавали пирог из пшеничной муки и кислое молоко (простоквашу). Праздничный обед включал щи с мясом, молочную лапшу, холодец, или *стюдень*, гречневую кашу с молоком. Вечером пили чай, простоквашу, ели пироги и нарезанную ветчину. Детей баловали конфетами и пряниками.

Среди угощений на Рождество Христово выделяется особенное блюдо из свиных кишок в виде сарделек. Их начиняли пшенной или гречневой кашей, перевязывали через определенные промежутки конопляной нитью, потом кругами укладывали на противень и ставили в печь. В кишках было много жира, которым пропитывалась каша. Варили молочную лапшу.

Форма для изготовления творожной паски. Сасовский р-н (Сасовский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2003 г.

* Большую роль в экономике Рязанской губ. играли винокуренные «заводы», на которых делали «хлебное вино», как тогда называли водку. В середине XIX в. таких заводов было 28, они сосредоточились в семи уездах. Наибольшее их число находилось в Сапожковском у. Лучшим винокуренным предприятием считался «завод» Бородина в с. Баловнево Данковского у. В Зарайском, Рязанском, Егорьевском, Касимовском у. винокуренных заводов не было совсем (История одной губернии: очерки истории Рязанского края. 1778–2000. Рязань, 2000. С. 44).

На многие календарные праздники выпекали обрядовое печенье, которое ели сами, скармливали скоту или с которым совершали обряды в поле (см. гл. 16).

В каждом селе, помимо основных праздников церковного календаря, отмечали и местные. Корреспондент ОЛЕАЭ из с. Лебяжье Раненбургского у. писал, что престольные и «все без исключения двунадесятые праздники свято почитаются народом… крестьяне, конечно, готовятся к таким дням, варят, парят и пекут всего лишнего. После службы отправляются обедать. Гости все почти соберутся и начинается угощение» [62]. Среди рязанских крестьян было очень развито гостеприимство.

В целом, в XIX — начале XX в. существовало строгое разделение на повседневную и праздничную пищу, что позволяло своевременно делать запасы и контролировать расход продуктов. Повседневное питание рязанских, как и всех русских крестьян было простым. Поговорка «Щи да каша — пища наша» как нельзя лучше отражала основу питания в будни. В праздничной еде преобладали жирные блюда, выпечка и хмельные напитки. Для рязанской кухни характерно большое число блюд из пшена и их разнообразие. Застольный этикет в будни выражался в особой церемонии рассаживания членов семьи, в уважительном отношении к хозяину дома, а в праздничные дни предпочтение отдавалось гостям — близким и дальним родственникам, друзьям и соседям, что в целом соответствовало традиционным нормам поведения русского крестьянина.

Особенности питания сельского населения в период с 1917 до середины 1950-х гг. Многократные мобилизации большой части мужского населения и лошадей, разрушение торговых связей с городом, недостаток инвентаря и т.д., имевшие место еще в годы Первой мировой войны и продолжавшиеся после Февральской, а затем Октябрьской революций 1917 г., основательно подорвали сельское хозяйство. Неурожаи 1920-х гг. еще больше ухудшили положение. И все это сильно отразилось на качестве и количестве потребляемой населением пищи. Многие крестьяне вынуждены были добавлять к муке лебеду, *дуранду* (жмых после отжима семян подсолнечника), картофель, щавель, так что эти добавки превращались в основную часть изготовляемого продукта. В с. Черная Слобода Шацкой вол. Сасовского у. к муке примешивали свеклу, редьку, вику, чечевицу, а в период с 1920 по 1923 г. вместо хлеба употребляли лепешки из картофеля с примесью просяной муки, лебеды, трав, молотого овса, жмыхов [63]. Люди старшего поколения вспоминают, что весной на полях невозможно было найти конский щавель (*конятник*), так как его весь выбирали ребятишки, посылаемые матерями. Из-за недостатка настоящего чайного листа и его дороговизны обычно заваривали сухой ягодный лист, листья вишни, сушеную морковь, яблоки, малину, землянику и свеклу, липовый цвет. Иногда, как, например, в Скопинском у., чай делали из хлебных корок, а самодельный кофе — изо ржи. В 1924 г. в продаже появился более дешевый, чем чай, суррогатный чайный напиток [64]. Из-за нехватки сахара стали делать пастилу из сока свеклы с сушеными яблоками.

С середины 1920-х гг. началось улучшение экономического состояния деревни, тем более что количество земли в хозяйствах после Октябрьской революции заметно увеличилось. До коллективизации крестьяне продолжали вести традиционное хозяйство: возделывать те же зерновые и огородные культуры, что и раньше, но вместе с тем в некоторых селениях стали выращивать помидоры (с. Половское Спасского у.), которые получили широкое распространение только перед войной. Некоторые кроме ржи начали сеять еще и пшеницу. С ее появлением из пшеничной муки стали делать такое популярное блюдо, как лапша: «Насеют дыль, замесят тесто и раскатывают в большие круги. Круги клали на овчинную шубу. Тесто там захряснет, сделается сухим. Его разрезали на кусочки и полоски. Мы, дети, очень любили отщипывать от кругов края — они были такие вкусные!» (с. Пощупово Рыбновского р-на). Но пшеничные лапша, хлеб и др. долгое время не были в деревне обычной пищей.

Качество питания продолжало во многом определяться материальным положением крестьян. В с. Ильинское Скопинского у. по данным на осень 1928 г. семья зажиточного крестьянина из пяти человек в будни по утрам пила чай с сахаром и хлебом, на обед ели *квас* — окрошку

с яйцами, огурцами и мясом, борщ с мясом, на ужин ели то же, что и на обед. В воскресные дни блюда были те же, но на обед еще готовили жареный картофель со свининой.

В семье середняка, состоящей из шести человек, в день потребляли 6 фунтов хлеба, 1,5 фунта гречневой крупы, $^1/_8$ фунта картофеля, 1 фунт капусты, семь огурцов, 2 фунта мяса, одну бутылку молока, ¼ фунта коровьего масла, два яйца, ¼ фунта соли. По будням на завтрак ели картофель, хлеб, на обед — щи без мяса, картофель, хлеб, на ужин то, что на обед. В воскресные дни на завтрак ели картофель с хлебом и солью, на обед — борщ с курятиной, картофель с хлебом и солью, на ужин — то, что и на обед.

Семья бедняка, состоящая из семи человек, в будни по утрам ела картофель и хлеб, квас, на обед — щи без мяса, картофель, хлеб, на ужин ели то же, что и на обед. Трапеза в воскресные дни не отличалась от будничной. В день семья потребляла в среднем 18 фунтов хлеба, ½ меры картофеля, 2 фунта капусты, две бутылки молока [65].

Праздничная пища практически не изменилась. Например, в Скопинском у. в 1929 г. гостей угощали окрошкой со студнем, жирными мясными щами, молочной лапшой, пшенником, каравайцами. После обеда отдыхали, а потом снова посылали «позыватого» за гостями или сами отправлялись в гости. Основным угощением был *курник* — курица, запеченная в тесте. Верхнюю корку разламывали руками, доставали курицу, разламывали ее и раскладывали на хлебе («ломали курник»). Стол вновь заставляли мясом, ветчиной, курятиной, студнем, каравайцами, пшеничным хлебом. Почетным гостям подавали по паре испеченных яиц. В будни крестьяне очень экономили продукты, чтобы на праздничном столе было изобилие. Многие пожилые женщины вспоминают, с каким нетерпением раньше ждали праздника именно из-за застолья.

В годы Первой мировой войны, после введения «сухого закона», и в 1920-е гг. рязанскую деревню захлестнуло самогоноварение, на которое тратилось много зерна и свеклы. Самогон стал основным праздничным напитком.

После создания колхозов в 1930-е гг. на приусадебной земле, выделяемой колхозникам, крестьяне продолжали сеять просо, рожь, так как выдаваемой осенью на трудодни платы натурой не хватало. Поэтому в домах долгое время сохранялись ступы и толкачи для переработки пшена, жернова, маслобойки.

Картофель продолжал играть существенную роль в питании, а его посевные площади расширились. Его выращивали как в колхозах, так и на приусадебных участках для собственных нужд [66].

В 1920-е гг. в Рязанской губ. проводились просветительные кампании по повышению удойности коров, колхозникам предоставляли возможность купить по льготной цене племенных телок. Эти кампании дали результаты: с повышением удойности коров крестьяне стали потреблять больше молока. Первый сепаратор в области появился в 1929/30 г. [67], хотя, конечно, очень долгое время ими пользовались единицы.

Отталкивание пшена пехтелем в деревянной ступе. Рязанский р-н, с. Затишье. Фото Е.Н. Каширина 1970 г.

Семья колхозника за чаем в саду. Ряжский р-н. Фото 1934 г. (РГАКФД)

После коллективизации совершенно новым явлением стала организация широкой сети общественного питания во время полевых работ (на полевом стане), специального питания для детей в яслях, детских садах, на детских площадках и в школах [68]. Хотя хлеб по-прежнему выпекали дома, но в некоторых крупных селах и деревнях, приближенных к районным центрам, а также там, где были созданы совхозы, появились общественные пекарни.

Во время Великой Отечественной войны (1941–1945), когда все работали для фронта, с продуктами было очень трудно, и после нее, в результате неурожайных лет, часто блины и пироги выпекали из мерзлого картофеля, натертого на терке. Полученную массу (*трыху*) отжимали, добавляли немного муки и пекли (деревни Дмитриево и Андроново, с. Малахово и др. Клепиковского р-на).

В послевоенное время начался трудный восстановительный период по возвращению страны к прежнему довоенному уровню экономики. Карточная система, введенная в начале войны, была отменена в 1946 г. Отмена непомерных натуральных налогов на продукцию приусадебного хозяйства в 1953–1958 гг. способствовала тому, что часть продуктов стала идти на стол самих колхозников, и это позволило улучшить качество питания.

Повседневная и праздничная пища с середины 1950-х до начала 1990-х гг.

Последствием реформ, проведенных в советской деревне в 1950-е и начале 1960-х гг., было превращение крестьянства в сельскохозяйственный пролетариат [69] и как его следствие — изменение традиционного уклада жизни, в том числе и питания.

Семья колхозников за обедом. Милославский р-н, с.Боршевое. Фото А. Линденберга 1960 г. (АИЭА. Фототека)

У людей после перехода в колхозах на денежную оплату труда появились небольшие, но все-таки деньги. Кроме того, в конце 1950-х гг. в Рязанском крае начинает быстро развиваться огородничество, которое достигло значительных размеров в последующие десятилетия. Связи с городом, прежде всего с Москвой, на рынках которой рязанцы сбывали лук, огурцы и помидоры, способствовали появлению на столе этой части сельчан «московских» продуктов, которые очень ценились в деревне: белые батоны, бублики и сушки, колбаса и даже сосиски. «В школу придешь, на перемене сушку московскую достанешь, грызешь, а все одноклассники нам завидуют: „Ишь, кузёмские, совсем московские стали“», — рассказывала женщина из с. Кузёмкино Шиловского р-на, посещавшая школу в с. Ерахтур. Ее семья, как и все жители Кузёмкина, специализировалась на выращивании помидоров.

Для приготовления еды в домашних условиях все больше стали использоваться покупные продукты. Перед праздниками, семейными торжествами многие ездили в районные центры, Рязань и Москву за продуктами, так как ассортимент в сельских магазинах был крайне скуден. Хотя некоторые продукты в эти годы стали более доступны даже на местах, например, манная, рисовая, полтавская, гречневая, пшенная крупы; овсяную и кукурузную крупы продавали в виде хлопьев. Большим спросом стали пользоваться выпускаемые предприятиями отечественной пищевой промышленности полуфабрикаты, концентраты, кондитерские и другие изделия.

По сравнению с прошлым в пищевом рационе появилось больше макаронных изделий (макароны, рожки, вермишель, лапша). Их добавляли в первые блюда, а также отваривали и, хорошо сдобрив маслом, подавали к столу как самостоятельное блюдо или в качестве гарнира. Интересно, что традиционную драчёну стали делать в виде пирога из макарон, запеченных с пшенной или рисовой кашей и залитых яйцами. Питание, по традиции, было трехразовым: завтракали в основном дома, обедали дома или на работе в столовой, ужинали дома.

В 1950-е гг. в Рязанской обл. стали переходить на отопление углем, которым невозможно растопить русскую печь из-за отсутствия у нее поддувала. В связи с этим в домах массово начали делать небольшие печки, которые топили углем для обогрева, а многие приспосабливали их для приготовления пищи. Распространение получили керогазы, а с 1960-х гг. — электроплитки. Глиняная посуда была не пригодна для приготовления пищи на плите или керогазе, и ее сменила алюминиевая, а позже и эмалированная кухонная утварь. В конце 1960-х гг. в крупных селениях появились газовые плиты, работавшие на баллонном газе.

Тем не менее, русскую печь обычно старались сохранить и периодически использовали, особенно зимой, для выпечки хлеба, пирогов. Хотя в 1950–1960-е гг. пекарни получили широкое распространение и часто колхозы во время полевых работ выдавали колхозникам печеный хлеб, некоторые считали, что домашний вкуснее, поэтому пекли дома, но уже не на поду, а в железных прямоугольных формах (с. Заборово Новодеревенского р-на). В качестве закваски чаще стали использовать покупные дрожжи. Бытование русской печи способствовало сохранению традиционной выпечки.

Пироги по сравнению с прошлым стали чаще выпекать из пшеничной муки и начинять мясом или капустой. Пекли также *творожники* типа ватрушек (с. Романовы Дарки Шацкого р-на). Толстые кислые блины пекли из пшеничной, пшенной или гречневой муки без яиц. Для них делали пшенный кулеш, который варили как пшенную кашу, только пожиже. Вместо кулеша иногда клали натертый на терке вареный картофель, а потом муку, соль и воду. Некоторые добавляли и яйца. Каравайцы — тонкие блинчики — замешивали на пшеничной муке, яйцах, молоке или сыворотке и жарили на сковородке. Из густо замешенной гречневой муки, яиц и масла пекли на сковороде черепенники. Для драчён варили молочную пшенную кашу, взбивали яйца, клали ложкой на сковороду и жарили на масле.

Чай с сахаром стали пить только после войны. Кофе почти не пили, но какао, которое было популярно в общепите, постепенно стало появляться и дома. Через общепит на столы сельчан попали перец, горчица и уксус, которые раньше в сельской местности были мало известны. Практически исчезло конопляное масло, но больше стали употреблять подсолнечное.

Кухонная утварь в сельском доме. Рязанский р-н, с. Затишье. Фото Е.Н. Каширина 1970 г.

В области стали уделять внимание садоводству. В связи с этим в сети кооперативов была налажена промышленная заготовка некоторых продуктов, например, консервировали в виде компотов вишню, яблоки. Засаливали также на продажу капусту, огурцы, грибы. Действовали молочные заводы, на которых делали сыр, масло и др. [70].

В 1960–1980-е гг. праздничная пища по-прежнему отличалась от повседневной большим количеством мясных и рыбных блюд. На праздники, гражданские и церковные, подавали на стол обильную выпечку. К праздникам варили брагу из сахарной свеклы. Ее рубили на мелкие кусочки, запаривали и ставили в чугунах в печь на двое суток. Сливали сусло, процеживали и заквашивали дрожжами. Через полдня брага была готова к употреблению. Некоторые добавляли сахар.

В 1980-е гг. на праздничном столе появились салаты с майонезом, колбаса, котлеты, которые раньше готовили только к свадьбе (с. Заборово). Постепенно шло нивелирование пищевого рациона города и деревни, следствием которого была потеря многих традиций, присущих рязанской кухне в прошлом. Появился общий стандартный набор блюд. Отчасти это связано с тем, что практически в каждой сельской семье были близкие родственники, жившие в городе и приезжавшие на праздники в деревню, привозившие продукты, новые рецепты и вкусовые пристрастия. Этому также способствовала и разветвленная сеть предприятий общественного питания.

Изменение питания отразилось и в повседневной бытовой лексике. Молодежь стала пользоваться современными названиями, а старшее поколение чаще употребляло местные названия блюд и утвари. По наблюдению диалектологов, в рязанских диалектах

местные названия кушаний и утвари бытовали параллельно с общенациональными наименованиями. История подобных слов прямо отражает процессы социальной перестройки рязанской деревни. Многие кушанья перестали или почти перестали включаться в меню современной семьи, уступив место другим блюдам, поэтому их названия вышли из употребления[71].

Питание сельского населения в 1990-е — начале 2000-х гг.

Смена политического строя в начале 1990-х гг. сопровождалась и изменением экономических отношений в стране. Эти годы отмечены кризисом экономики. Лишившись работы и заработка, многие горожане и сельчане занялись подсобным хозяйством, снабжая себя продуктами. Однако отток части работоспособного населения в город привел к запустению многих селений и сворачиванию стареющими жителями своих личных хозяйств. Параллельно шел процесс появления полутоварных и небольшого числа товарных личных хозяйств, работавших на рынок. Естественно, что разное экономическое положение жителей села сказывалось не только на возможностях по приобретению импортной кухонной утвари из тефаля или тефлона, но и на ассортименте и качестве потребляемых продуктов. Пожилые жители села, подавляющее большинство которых — это одиноко живущие женщины, получая пенсию, предпочитают покупать продукты, вплоть до яиц и молока, в магазинах.

В сельских магазинах (там, где есть население), принадлежащих частным лицам, в продаже практически всегда есть хлеб, кондитерские, молочные, мясные, рыбные изделия и другие продукты. Туда, где нет магазинов, приезжают передвижные частные автолавки.

Выпечка хлеба в русской печи. Ермишинский р-н, с. Царёво. Фото С.А. Иниковой 2004 г.

Деревянные лопаты для посадки хлеба в печь. Кадомский р-н, с. Кочемирово (НМРИ). Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Приготовление блинов. Клепиковский р-н, с. Ветчаны. Фото С.А. Иниковой 2005 г.

Как и прежде, жители Рязанской обл. очень много потребляют хлеба и мучных изделий, как в будни, так и в праздники. Предпочитают по-прежнему «черный» хлеб, испеченный из смеси ржаной и пшеничной муки разных сортов. Наряду с заводским покупают хлеб, выпускаемый частными предприятиями. Некоторые пожилые женщины продолжают печь хлеб дома, особенно в зимнее время, когда топят печь.

Из традиционных блюд наиболее популярными остаются «свойская» лапша, т.е. приготовленная в домашних условиях, блюда из пшена, блины, блинчики: *тончики* (с. Студенки Новодеревенского р-на), каравайцы (Ряжский и Скопинский районы). Готовые блинчики чаще едят без начинки, смазав маслом или макая в сметану, некоторые кладут мясную начинку, творог или кашу. Пожилые женщины еще кое-где пекут пышки из ржаной или пшеничной муки наподобие овсяного печенья. В Шиловском р-не их называют *кокурками*.

Пожилые люди до сих пор предпочитают готовить пшенную кашу с тыквой, распаривая ее в печи и добавляя картофель и сало: «Напаришь — очень вкусно!» (с. Малый Сапожок Сапожковского р-на). Готовят также традиционный кулеш в качестве первого блюда.

Первые блюда в основном готовят на мясном бульоне — варят наваристые щи, борщ, суп-рассольник, гороховый суп. Делают щи и без мяса с картофелем и капустой, но отдельно готовят к нему *пережарку* — поджаривают лук, морковь, свежие помидоры или томатную пасту, кладут свежую или сухую зелень, сметану; для густоты добавляют в щи мятый картофель. Некоторые хозяйки делают чесночный суп с куриными окорочками.

Из холодных первых блюд любят *квас* — окрошку из домашнего кваса, свежих огурцов, зеленого лука, редиса, вареного яйца, укропа. Некоторые предпочитают окрошку с мясом или колбасой, заправляют сметаной или майонезом, а иногда добавляют кипяченое холодное молоко. Летом кладут много зелени, а зимой — нарезанный мелкими кусочками холодец и репчатый лук. Пожилые люди в окрошку кладут вареный мятый горох (Сапожковский р-н). Окрошку стали делать и на кефире.

По сравнению с дореволюционным периодом жители Рязанской обл. едят много блюд из мяса и рыбы. Гарниром к ним служит рисовая, пшенная, гречневая каша или картофель

в разных видах. Мясо стали чаще жарить на сковороде. Популярно жаркое, которое иногда называют *подливкой*: мясо рубят на мелкие кусочки, варят, добавляют лук, морковь, перец горошком, лавровый лист, помидоры, а в конце — обжаренную до коричневого цвета муку.

Холодец стали делать не только в праздничные дни, но и в будни, особенно в зимний период. Паштеты закатывают в стеклянные банки, для чего 1 кг свиной печенки, 10 луковиц пропускают через мясорубку, добавляют в фарш 10–12 яиц, солят по вкусу, тщательно перемешивают и тушат 2,5 часа, периодически помешивая. Остужают, раскладывают по баночкам, сверху кладут жир, лавровый лист, черный перец горошком.

Колбаса, сосиски, сардельки перестали быть принадлежностью праздничного стола. Их отваривают и подают в обычные дни с гарниром — картофельным пюре, макаронами, гречкой.

Сельчане покупают готовый свиной и говяжий фарш, из которого делают котлеты, бифштексы, полуфабрикаты хранят в холодильниках, которые есть практически у всех. Для приготовления пельменей и вареников пользуются металлической формой, но ввиду большой занятости на работе хозяйки предпочитают хранить их в замороженном виде и при необходимости быстро отваривают и подают на стол.

По-прежнему очень любят ветчину, но появились новые способы ее приготовления. Так, например, ее засаливают в рассоле, для чего натирают ветчину солью и чесноком, укладывают в эмалированную кастрюлю или ведро, через сутки заливают водой и добавляют соль. Чтобы определить количество соли, бросают яйцо: если оно всплывет, то рассол готов. В рассоле ветчина хранится около месяца и получается очень нежной. Для длительного хранения ее перекладывают в холодильник. По другому рецепту свежую ветчину сворачивают рулетом, завязывают ниткой, отваривают в соленой воде с луковой шелухой в течение 10–15 минут, остужают, натирают солью и красным перцем. Ветчина по вкусу напоминает буженину.

Рыба очень популярна, из нее готовят рыбный суп, жарят, отваривают, тушат, делают под маринадом, запекают со сметаной или с майонезом. Но свежей рыбы в продаже мало. Ее мало едят даже в селениях, расположенных по Оке и другим рекам. Чаще покупают в магазинах замороженные рыбные полуфабрикаты.

Молоко, сметана, творог, кефир, ряженка или *варенец,* масло, сыр — неотъемлемая часть повседневного рациона. Коров в селениях осталось мало, поэтому молоко обычно раскупают свои же односельчане. В Рязанской обл. очень любят топленое или *томленое* молоко. В 1990-е гг. в продаже появился йогурт импортного и отечественного производства, ранее не свойственный русской кухне. Его особенно полюбили дети, благодаря добавлению к основной творожистой массе различных сладких, фруктовых и других пищевых добавок.

Фрукты и овощи — обязательная часть повседневного и праздничного рациона. Из овощей больше всего сажают картофеля. Торговое огородничество, характерное для селений Спасского, Рязанского, Рыбновского и некоторых других районов, еще сохраняется, но в меньшем размере, а где-то практически исчезло, особенно там, где не хватает рабочих рук и трудно сбыть продукцию.

В Шацком р-не, как и прежде, выращивают яблоки и возят исключительно в Москву, а также вишню, которую здесь культивировали еще в XIX в. Из Рыбновского р-на капусту возят на продажу в Москву и даже в Архангельск и Мурманск.

На столе сельчан, особенно у кого есть дети, можно увидеть импортные фрукты. Стали культивировать некоторые экзотические для Рязанщины растения. Из зеленых плодов физалиса, похожих на помидоры, варят варенье, их также засаливают. Корень топинамбура, или земляной груши, натирают на терке и делают салаты с зеленым луком, майонезом, растительным маслом. Его также сушат, размельчают и добавляют в первые и вторые блюда при диабете. Некоторые стали выращивать баклажаны, перец. Из них делают овощное рагу или добавляют в другие блюда.

Очень распространено консервирование овощей и фруктов «под крышку». Помидоры и огурцы обычно закатывают с уксусом или лимонной кислотой. Популярными стали домашние консервированные салаты из зеленых помидоров. Заготавливают также болгарский перец целиком или фаршируют морковью, луком и другими овощами, кабачковую и баклажанную икру.

Ягоды и грибы до сих пор являются существенным добавлением к столу и источником витаминов в зимнее время. Много земляники, черники, клюквы собирают в Мещёре (Клепиковском и Касимовском районах). Из ягод варят варенье или просто перетирают с сахаром, добавляют в пироги, варят компоты. Бруснику обычно замачивают на зиму и потом едят в сыром виде, начиняют пироги. Клюкву стараются заготовить в виде варенья, компотов или замораживают, используя потом для приготовления морсов. Грибы чаще сушат и используют для приготовления супов, вторых блюд, для начинки пирогов; их также солят и маринуют.

Праздничное застолье в семье сельских жителей. Касимовский р-н, дер. Четаево. Фото С.А. Иниковой 2005 г.

Приблизительно в 1980-е гг. в кухне русского населения Рязанского края появились в большом количестве заимствования из национальных кухонь других народов России. Жители Касимовского р-на, где наряду с русскими проживают татары, кое-что переняли у соседей, например, выпечку из слоеного теста. Для этого замешивают тесто из муки с добавлением яиц, соды, соли и раскатывают лепешку, нарезают ее в виде хвороста, но больше по размеру, и жарят в кипящем масле. Пекут также *леваши* — лепешки треугольной формы в виде чебурека: для теста замешивают муку на маргарине, добавляют сахарный песок, соль, соду, начиняют изюмом. *Переписы* и *беляши* с начинкой из мяса жарят в масле. Из татарской кухни позаимствованы печеные пироги из пресного теста с лимоном или яблоками. Поскольку в районе много смешанных браков, то и татары стали варить борщ, печь дрожжевые пироги, куличи.

Широкое распространение получили блюда кавказской (шашлык, люля-кебаб, цыпленок-табака) и среднеазиатской кухни (плов, манты, лагман, шурпа). Необходимо отметить стремление молодых хозяек разнообразить стол новыми блюдами, рецепты которых переписывают друг у друга, кроме того, в продаже появилось много кулинарных книг, рецепты новых блюд печатают в женских журналах.

Праздничная пища отличается от повседневной более разнообразным меню, более вкусными и даже жирными блюдами и выпечкой, но многие пожилые женщины отмечают сближение качества повседневного и праздничного стола и констатируют, что отчасти и из-за этого праздник потерял свою былую привлекательность.

Традиция готовить к праздничному столу первое блюдо исчезла, гостям подают, как правило, салаты, закуски и вторые блюда, ассортимент которых значительно расширился.

Холодец, заливное из рыбы, холодное отварное мясо, соленая рыба — непременная закуска к любому столу. Из горячих закусок готовят жульен с курицей и грибами, яичницу с ветчиной, жареные куриные окорочка.

Лидером праздничного стола уже давно является салат оливье. В числе любимых блюд называют сельдь под шубой, салаты из риса с консервированной рыбой или с сыром; салат из кальмаров или крабовых палочек с яйцом, грибной салат, которые в основном заправляют майонезом, получившим очень большое распространение.

К семейным праздникам жарят гусей, кур, поросят, запекают мясо. Готовят такие изысканные блюда, как мясо по-французски, шницель в ореховой корочке, жаркое в горшочке по-русски и т. д. Рыбу в основном жарят или запекают в духовке с луком, сыром и майонезом, отваривают, фаршируют. На десерт подают торты, пирожные, конфеты, фрукты, варенье. Если посмотреть праздничный стол сельской семьи, то он нисколько не отличается от стола городской семьи такого же достатка.

Среди праздничных алкогольных напитков наиболее популярны покупная водка, домашний самогон, настоянный на калгане, зверобое и других травах, отечественные и импортные вина, шампанское.

В заключение можно сказать, что питание жителей Рязанской обл. в конце XX — начале XXI в. существенным образом отличается от предшествующего периода. Несмотря на то, что сохраняются такие блюда, как, например, суп-лапша, пшенная каша, кулеш, выпечка, традиционные кушанья в настоящее время готовят редко и в основном пожилые люди. Данные этнографов совпадают с наблюдениями диалектологов, которые констатируют тот факт, что прежние названия отдельных блюд (*саламата, кваша, калина, кулага* и др.) постепенно уходят из рязанского говора, сохраняясь лишь в пассивном словоупотреблении представителей старшего поколения[72].

Несмотря на покупку продуктов в магазинах, питание пожилых людей более консервативно. Они чаще придерживаются традиционного рациона, едят обязательно первое и второе блюда, стараются не употреблять сублимированные продукты и полуфабрикаты.

Продукция своего огорода и подворья для многих жителей села, главным образом среднего возраста, по-прежнему играет главную роль.

Питание сельских и городских жителей очень сблизилось за последние 10–15 лет. Такая ситуация вполне объяснима, поскольку практически все продукты приобретаются из одного источника. Это ведет к стандартизации питания по всей стране. Кроме того, оно становится более интернациональным. Отечественные продукты питания все чаще пополняются импортными продуктами, что, с одной стороны, расширяет ассортимент повседневных и праздничных блюд, а с другой стороны, ведет к нивелированию локальных различий, свойственных русской кухне в прошлом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Арутюнов С.А.* Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001. С. 10.

2 *Похлебкин В.В.* Национальные кухни наших народов. М., 1997. С. 43.

3 *Шмелева М.Н.* Русские // Этнография восточных славян. М., 1997. С. 78.

4 [*Баранович М.*] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. СПб., 1860. Т. 19. С. 453.

5 *Жбанкова Т.С.* Названия кушаний в рязанских говорах // Лингвистическое краеведение Рязанской области: исследования и материалы. Рязань, 1995. С. 78–80.

6 *Малинина М.Д.* Техника гончарства Мещёры // Исследования и материалы Рязанского Среднеокского музея. Рязань, 1931.

7 *Ильинский В.И.* Скопинская волость (того же уезда Рязанской губернии). Скопин, 1929. С. 12, 15; *Григорьева Н.С.* Художественная керамика Гжели и Скопина в собраниях Государственного Русского музея. Каталог. Л., 1987.

8 *Тихонов К.В.* Гончарный промысел в селе Петрово Ряжского района Рязанской области в XX веке // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2000. Т. 1. С. 76–87.

9 *Сафьянова А.В.* Традиционные питание и утварь сельских жителей Шацкого и Кадомского районов Рязанской области //Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2000. Т. 1. С. 137.

10 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360. Л. 50.

11 *Жбанкова Т.С.* Названия посуды в рязанских говорах // Лингвистическое краеведение... С. 133–147.

12 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. III. №. 69.

13 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 284.

14 Там же. Д. 101. Л. 6, 16 об, 66 об.

15 Там же.

16 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1433. Л. 7, 8.

17 *Жбанкова Т.С.* Названия кушаний в рязанских говорах. С. 78.

18 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360.

19 *Липинская В.А.* Пища // Русские. М., 1997. С. 386 (сер. «Народы и культуры»).

20 *Сафьянова А.В.* Указ. соч. С. 90, 103.

21 *Липинская В.А.* Указ. соч. С. 376.

22 *Сафьянова А.В.* Указ. соч. С. 94.

23 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. М., 1989. Т. 2. С. 89.

24 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XXI. № 26. 068/05 Л. 122 об.

25 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1433. Л. 7.

26 *Воронина Т.А.* Пища и утварь // Русский Север: Этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2001. С. 377.

27 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 286.

28 *Селиванов В.В.* Год русского земледельца. Зарайский уезд Рязанской губернии. Рязань, 1887. С. 55.

29 *Сафьянова А.В.* Указ. соч. С. 90.

30 АРЭМ. Ф 7. Оп. 1. Д. 1440. Л. 2.

31 Там же.

32 Там же. Л. 7.

33 *Липинская В.А.* Указ. соч. С. 376.

34 История одной губернии: очерки истории Рязанского края. 1778–2000. Рязань, 2000. С. 43; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1433. Л. 10.

35 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360. Л. 2.

36 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1440. Л. 1–5.

37 Там же. Д. 1428. Л. 2, 12.

38 Свекло-сахарное производство зародилось в начале XIX в. в Данковском у. Первый сахарный «завод» в 1829 г. открыл Н.П. Шишков в с. Спешнево того же уезда (История одной губернии... С. 45); АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1437. Л. 33.

39 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1433. Л. 12; д. 1437. Л. 30.

40 Там же. Д. 1437. Л. 3–4.

41 Там же. Д. 1438. Л. 4.

42 Там же. Д. 1440. Л. 18, 24, 25; д. 1442. Л. 2.

43 *Прокопьева Н.Н.* Большак и большуха в русской деревне: статус и его «передача» // Материалы по этнографии. СПб., 2002. Т. 1. С. 157.

44 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1437. Л. 30.

45 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360а. Л. 18.

46 Там же. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 101. Л. 15 об.

47 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1436. Л. 2 (Егорьевский у.).

48 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 75.

49 *Жбанкова Т.С.* Названия кушаний в рязанских говорах. С. 148–164.

50 *Воронина Т.А.* Традиционная и современная пища русского населения Вологодской области // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 92.

51 *Жбанкова Т.С.* Названия кушаний в рязанских говорах. С. 148–164.

52 Там же. С. 148–164.

53 *Даль В.И.* Толковый словарь... 1991. Т. 4. С. 130.

54 Там же. С. 90.

55 Там же. С. 91–92.

56 *Сафьянова А.В.* Указ. соч. С. 92.

57 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 72.

58 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1443. Л. 43 (Пронский у.), д. 1449. Л. 19 (Зарайский у.).

59 История одной губернии... С. 86.

60 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 50. Л. 23 об.; д. 148. Л. 2; д. 150. Л. 20 об., 21; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1440. Л. 11.

61 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 4.

62 АИАЭ. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 50. Л. 22.

63 *Мансуров А.А.* Описание рукописей этнологического архива. Рязань, 1933. Вып. 5. С. 15, 18. (Труды РБК. Вып. 7).

64 Там же. С. 26.

65 *Ильинский В.И.* Указ. соч. С. 81–82.

66 История одной губернии... С. 182.

67 *Сафьянова А.В.* Указ. соч. С. 94.

68 *Дворникова Н.А.* Пища и утварь // Народы Европейской части СССР / Под ред. В.А. Александрова и др. М., 1964. Т. 1. С. 401.

69 *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992. С. 8, 28–30; *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1991.

70 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360. Л. 68.

71 *Жбанкова Т.С., Шарапова И.М.* Современные процессы в лексике рязанских говоров // Диалектная лексика Рязанской области. Рязань, 1991. С. 4–8.

72 *Жбанкова Т.С.* Названия кушаний в рязанских говорах. С. 78–80.

Раздел 3.

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩЕ

ГЛАВА 11

Сельские поселения и жилище

Поселения

Жилые и хозяйственные постройки

Сельское жилище в XIX — начале XX в.

Планировка дома. — Планировка жилого помещения. — Застройка усадьбы.

Изменения в сельском жилом комплексе в 1920–1930-е гг.

Современное жилье

Поселения

Основные типы сельских поселений Рязанского края, известные в XIX–XX вв., сложились еще в период феодализма. На их образование и развитие оказывали влияние природные факторы, история и социальный строй общества, состав и численность населения, направленность его хозяйственной деятельности и, в частности, формы земледелия и землепользования.

Возникновение и развитие поселений на просторах Центрально-Черноземного региона, в состав которого входит и Рязанский край, обусловлено сложной историей заселения этой территории. Как известно, Рязанские земли относятся к районам сравнительно ранней славянской колонизации. Разнонаправленные славянские колонизационные потоки, смешиваясь в Волго-Окском междуречье, способствовали возникновению зон компактных поселений, образованию древних рязанских городов.

Типичным примером средневекового города, хорошо изученного археологами [1], может служить Старая Рязань, ныне сельское поселение, расположенное на высоком берегу Оки. Рязань возникла в 1050–1060-е гг. Вначале это был город-крепость торгово-ремесленно-земледельческого характера. *Городище* окружали высокие валы и рвы, сохранившиеся до настоящего времени. Во второй четверти XII в. Рязань становится столицей удельного Рязанского княжества, одним из крупнейших древнерусских центров, резиденцией князя. В ней появляются монументальные постройки — храмы, боярские хоромы, оборонительные стены и башни. Создается целостная система укреплений. Рязань должны были оборонять и зависимые от нее уделы: Переяславль (упоминается в 1095 г.), Ростиславль (основан в 1153 г.), Коломну (первое упоминание в летописи 1177 г.), Пронск (1186) и другие города с окружавшими их поселениями [2].

Рязань стала местом, откуда шло расселение жителей в ближайшем Поочье. Недалеко от города по краю правого высокого берега Оки археологи обнаружили много неукрепленных селищ. Такое селение состояло из индивидуальных дворов-хозяйств, объединенных в соседскую общину — *мир, вервь*. Хозяйство крестьянина включало усадьбу с дворовыми постройками — *дворище*, поля, огороды. В тот период преобладали поселения из девяти-десяти дворов и малодворные поселения на отдельно стоящих возвышенностях, в которых беспорядочно располагались усадьбы. Господствовала прибрежно-рядовая застройка: приречно-рядовая и овражно-рядовая, при этом плотность застройки была небольшой. Дворы могли быть расположены в линию, а также и без всякого порядка, разбросанно. По мнению ученых, город и ближайшие села составляли единый хозяйственный комплекс [3].

Актовые материалы XIV–XV вв. свидетельствуют об интенсивном заселении Рязанского края. Новые селения возникали на уже освоенных и неосвоенных землях, в том числе в южных районах, опустошенных золотоордынскими нашествиями. Наиболее распространенными из них в XIII–XVII вв. были *села, погосты, деревни, починки, займища, слободы*. Активное

заселение южных степных районов продолжалось и в XVIII в. В XVIII — начале XX в. на территории Рязанского края бытовали разнообразные типы сельских поселений, многие особенности которых сложились еще в далеком прошлом.

В русских летописях слово «село» появилось в X в. В XVI–XVII вв. в селе находилось поместье феодала и дворы крестьян. К селу тяготело несколько деревень, расположенных на землях этого же феодала. Оно обычно было крупнее деревни, в нем строилась церковь. В XVIII–XIX вв. село становится административным и религиозным центром для окружающих деревень. Сельцо упоминается с XIV в. Первоначально оно состояло из одной только усадьбы феодала. Позднее в нем появляются и крестьянские дворы. Займищем в XVI в. назывался участок земли, занятый кем-либо под пашню, сенокос и т. п. Когда на нем возникал постоянный крестьянский двор, займище становилось починком. Починок — это новое поселение, возникшее на вновь освоенных землях или образовавшееся путем выселения из деревни. В результате роста населения починки превращались в деревни или села. Хутор — сравнительно позднее поселение, связанное с проникновением в деревню товарно-денежных отношений. Первоначально он состоял из одного двора. В XIX в. хутор чаще был многодворным, но небольшим поселением.

Погосты, известные с X–XI вв. как центры сельского податного округа для сбора дани с окрестного населения, впоследствии становились административными, торговыми или религиозными центрами. В писцовых книгах XVI–XVII вв. насчитывалось около 50 погостов, расположенных в Рязанском, Ряжском, Пронском, Михайловском, Егорьевском, Касимовском, Спасском уездах[4].

Вокруг рязанских, преимущественно южных, городов — Пронска, Шацка, Михайлова, Данкова, Кадома, Лебедяни, являвшихся прежде всего оборонительными сооружениями, были расположены многочисленные слободы, названия которых (Стрелецкие, Пушкарские, Казачьи, Солдатские, Беломестные) свидетельствуют о том, что их жителями первоначально были мелкие служилые люди. В XVI–XVII вв. каждая группа служилых людей, переведенных из других, обычно более северных городов, строила свои дворы обособленно, создавая поселение-слободу, имевшую земельные наделы. Некоторые из слобод сохранили свои названия до настоящего времени. Многие из них стали торгово-ремесленными поселениями, превратились в торгово-промышленные села и поселки, например, Плотницкая слобода около г. Пронска, Рыбацкая слобода в г. Рязани[5]. Слободы могли возникать также и внутри городских укреплений.

К 1860 г. все население Рязанской губ. проживало в 12 городах, 43 слободах, 777 селах, 2475 сельцах и деревнях и в 60 хуторах, поселках и пр. — всего в 3367 населенных пунктах. На каждое селение в среднем приходилось 383 души обоего пола, при этом в 370 селах имелось более 100 дворов и до 1 тыс. жителей, а в некоторых селах — Ижевском, Дединове, Белоомуте — было свыше 1 тыс. дворов и до 8 тыс. жителей[6].

Размеры поселений и плотность расположения их на местности изменялись с севера на юг. Для северных уездов (Мещёрской стороны), где было много лесов и болот и мало плодородной почвы, характерны мелкие селения. По числу дворов и жителей они в несколько раз уступали крупным поселениям южных благоприятных для земледелия степных уездов — Данковского, Раненбургского, Скопинского и др. В то же время плотность заселения в Мещёре была выше, чем в более засушливых степных уездах. Так, в Касимовском у. было 395 селений, в каждом из них в среднем — 35 дворов, тогда как в южном Скопинском у. — 169 селений и 71 двор в среднем на одно селение[7].

Существенное влияние на развитие сельских поселений оказала крестьянская реформа 1861 г., в результате которой начали изменяться земельно-собственнические отношения: помещичьи крестьяне выкупали свои наделы, богатые крестьяне получили возможность покупать землю в собственность. Реформа способствовала ускорению процесса вовлечения крестьянства в рыночные отношения. В пореформенную эпоху растет численность сел за счет других типов поселений. Село становится не только религиозным, административным, но также торговым, а нередко и промышленным центром для близлежащих деревень. В пореформенную эпоху починки и *выселки* возникали не только в результате отселения жителей из разросшихся сел и деревень, но также изредка в связи с появившейся возможностью покупки зажиточными крестьянами бывших дворянских и казенных земель.

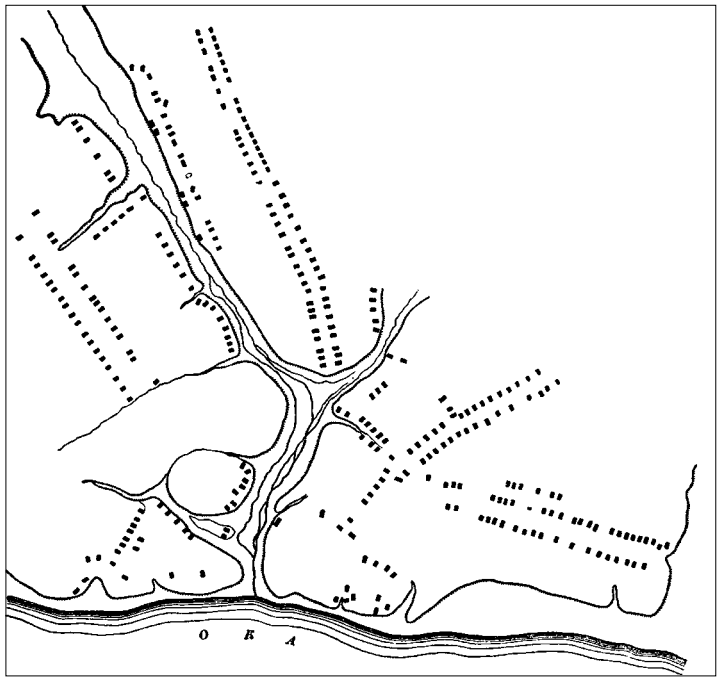
Сложившиеся в далеком прошлом традиции расположения селений на местности частично сохранялась вплоть до последнего времени. Многие старинные рязанские селения размещались в речных долинах, они жались к рекам как к главным источникам питьевой воды и водным путям сообщения. Приречные поселения, обычно отличавшиеся большей численностью населения, возникали в период бурного заселения края в XVI–XVII вв. Много подобных селений расположено на равнинах в бассейне р. Цны, в междуречье рек Пары и Рановы, Истьи и Прони, между Тумой и Касимовом. Они были вытянуты длинной линией в один или два порядка вдоль большой дороги, вдоль реки [8].

В условиях пересеченно-холмистого рельефа местности, распространенного к югу от Оки, селения строились по балкам и оврагам, где была ключевая вода. Здесь села расположены по гребням рек или по оврагам, на мысе, там, где овраг выходит к реке, или при соединении двух оврагов.

В период помещичьей колонизации (XVIII в.) происходило освоение водоразделов. Заселение водоразделов и плотность населения возрастают в пореформенное время. В одних районах происходило укрупнение старинных селений и сохранялись черты старого расселения, в других возникали новые поселения с изменением характера расселения. Укрупнение старых селений особенно заметно проходило в тех районах, где были более развиты товарно-денежные отношения, где сосредоточивались крупные торгово-промышленные капиталы [9].

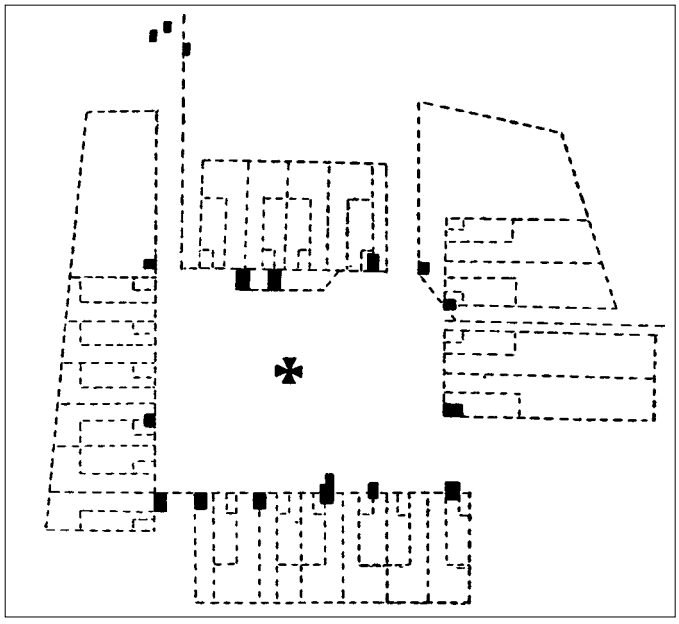
Селения со свободной застройкой дворов чаще встречались на водоразделах с пересеченным рельефом местности и в районах, удаленных от больших дорог и рек, определявших постановку домов в одну линию. А.П. Болотов, проезжая через г. Раненбург в конце XVIII в., отметил беспорядочную застройку с. Лысые Горы: «…там двор, здесь другой, инде дворов пять в кутке, инде десяток, те туда глядят, сии сюда, иной назад, другой наперед, иной боком» [10].

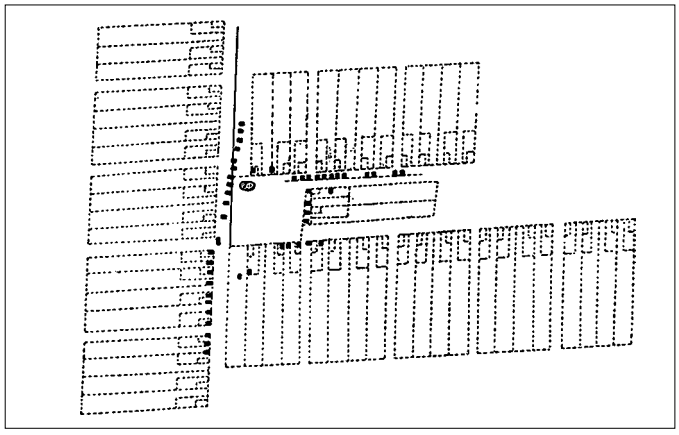
Там, где селения строились по балкам и оврагам, особенно была распространена беспорядочно-кучевая планировка: дома располагались группами, нередко на значительном расстоянии друг от друга. Эти группы домов часто размещаются по отдельным буграм, иногда объединяются в круг. Нередко усадьбы одного села размещены на отдаленных буграх, и каждая из них ограждена глубокими оврагами. Такая застройка в Рязанском крае встречается и в очень старинных селениях, ведущих начало со времени городищ XI–XII в., и в более поздних помещичьих селах. Например, это отмечается в бывших помещичьих селениях Луконетки Скопинского у., Заболотовское и Барятино Данковского у. [11]. Подобная застройка часто встречалась в бывших однодворческих селах, например, с. Воршево Сапожковского у. Здесь подворное владение усадьбами при разрастании семьи к XIX в. привело к образованию отдельных групп домов. Группами или гнездами селились в одном селе крестьяне, принадлежавшие разным помещикам, или крестьяне разных социальных категорий, например однодворцы* и помещичьи крестьяне [12].

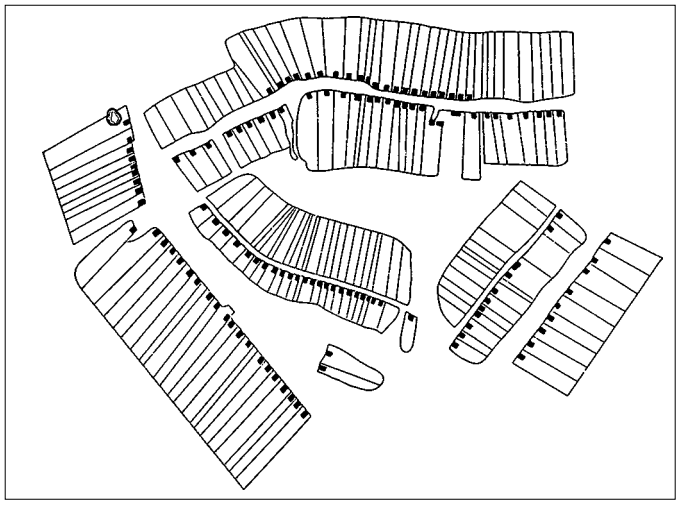


План села, образовавшегося от слияния групп домов, размещенных по отдельным буграм. Спасский у., с. Тырново. 1882 г. (Из кн.: *Лебедева Н.И., Милонов Н.П.* Типы поселений Рязанской области // СЭ. 1950. № 4. С. 125)

* Однодворцы — сословная группа, состоявшая из потомков служилых людей, несших в XVI–XVII вв. дозорную и сторожевую службу на южной и восточной границах Московского государства. Однодворцы наделялись землей подворно. Рядом указов при Екатерине II и в начале XIX в. были приравнены к государственным крестьянам.







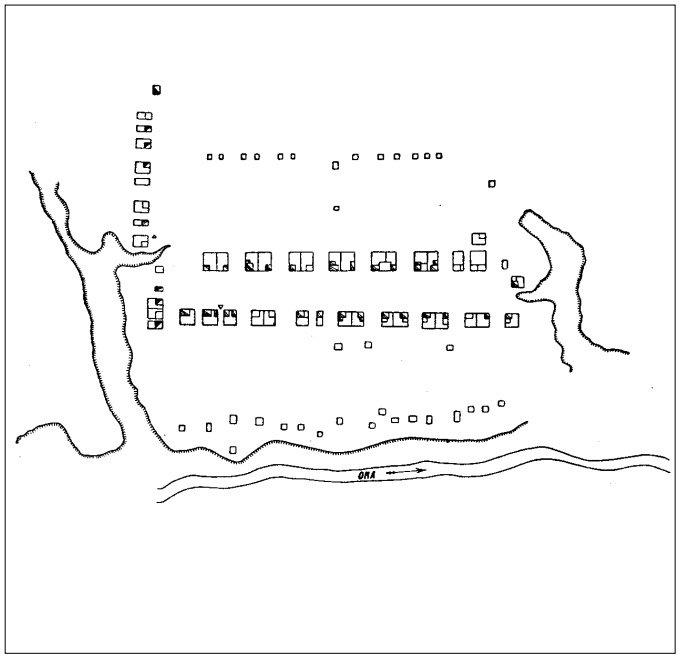
Селения с круговой планировкой:
а) заселение вокруг церкви. Егорьевский у., погост Ялмонть; б) заселение вокруг озера с концами. Егорьевский у., дер. Старо-Васильевка. 1878 г.;
в) заселение вокруг пашни. Пронский у., с. Карповское. 1861 г.
(Из кн.: *Лебедева Н.И., Милонов Н.П.* Указ соч. С. 115, 117)

Широко известны на Рязанщине и селения с замкнутой или круговой планировкой, в которых усадебные постройки размещались вокруг какого-либо центра: озера, выгона, пашни, церкви, кладбища, торговой площади. В далеком прошлом было много селений, в которых дворы располагались вокруг пашни, выгона. Моложе их села, в которых дома стоят вокруг церкви. Во многих старинных погостах дома застраивались вокруг площади, на которой были церковь, лавки, общественные амбары и сараи, кузницы, мастерские и пр.[13].

План древних погостов сохранялся в некоторых глухих селениях в XIX и даже в XX в. Такие погосты с древними названиями зафиксированы в 1925 г. по р. Пра в Мещёрском крае[14]. По мнению Н.И. Лебедевой и Н.П. Милонова, круговые поселения как один из древнейших типов были распространены на территории бывшего Рязанского княжества, преимущественно в треугольнике, ограниченном реками Окой, Проней, Осетром, а также южнее р. Прони, около Скопина и шли полосой параллельно течению Дона. Известны они и на севере Рязанского края в Егорьевском р-не и возле озер Клепиковского р-на. Карта распространения круговых селений совпадает с размещением археологических памятников древнеславянских поселений, датируемых XI–XII вв.[15].

Линейная или рядовая застройка, когда дома ставили в один или несколько рядов, а фасады ориентировали в одном направлении, была характерна не только для селений, расположенных на равнине, вдоль рек, озер и дорог. Рядовая застройка просматривается также в селениях беспорядочно-кучевого или замкнутого плана. В старых селениях дома обычно расположены не по прямой линии, а в форме дуги, кривой линии. В местностях с пересеченно-овражным рельефом ряды домов тянутся по буграм и лощинам. По мере увеличения численности населения, в результате раздела больших семей однорядные деревни разрастались за счет возникновения новых рядов строений,

располагавшихся и параллельно, и перпендикулярно, и под углом друг к другу. В XIX в., в связи с развитием товарообмена между городом и деревней, возрастает число многорядовых селений, выросших из линейных и расположенных вдоль проезжих дорог. Они становятся характерными для второй половины XIX — начала XX в. В таких селениях улица чаще всего образована двумя рядами домов, обращенных фасадами друг к другу. Но и в это время многие рязанские селения застраивались без системы, одни селения отличались теснотой и скученностью построек, в других, наоборот, улицы были разбросаны на больших площадях; нередко несколько улиц шли в самых разнообразных направлениях, образуя сложный запутанный план селения. Много селений было со смешанной застройкой, в которых прослеживались преобразования рядовых и других форм селений в уличные. Так, в селениях Ивановской вол. Раненбургского у. наблюдалась и рядовая, и уличная застройка. В с. Лебяжье и в дер. Загрядино того же уезда избы стояли в один порядок, а напротив них через дорогу были расположены *амбары, мазанки,* за ними на значительном расстоянии — *риги,* тогда как в соседней дер. Кузьминка избы построены по обеим сторонам улицы, позади них — дворы, амбары и риги [16].

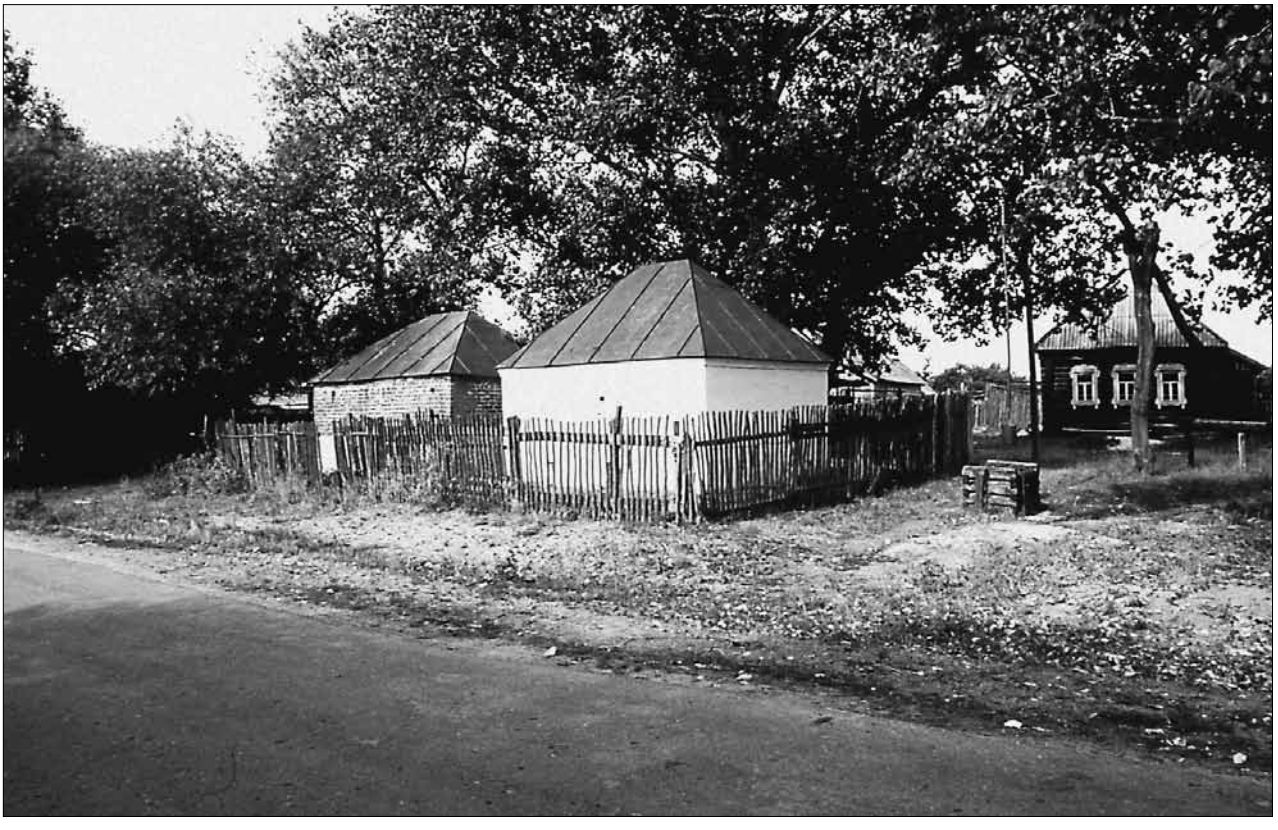


Улично-рядовой план. Хозяйственные постройки вынесены на огороды. Касимовский у., дер. Анникова. (Из кн.: *Лебедева Н.И., Милонов Н.П.* Указ соч. С. 127)

Массовое распространение селений, построенных по определенному плану с улицей между домами и промежутками (переулками) между группами (гнездами) домов, относится к XIX в. Перестройка селений по заранее намеченному плану связана с действием правительственных указов, число которых с 1722 по 1879 г. превысило два десятка [17]. Издание специальных указов об упорядоченной застройке селений было вызвано скученностью построек в сельской местности, что приводило к частым и опустошительным пожарам, которые нередко полностью уничтожали целые селения. Однако перестройка проводилась медленно. Перепланировка селений в Рязанской губ. началась в 1830–1840-х гг. сначала у государственных и коннозаводских крестьян, а после реформы 1861 г. и у бывших помещичьих крестьян [18]. В первую очередь ей подлежали выгоревшие поселения, а также расположенные у больших дорог. Примером плановой застройки может служить с. Поляны Рязанского у.: от церкви, стоящей в центре села, крестообразно отходили четыре улицы, называвшиеся *заулками,* которые, в свою очередь, пересекались с другими заулками. Всего в селе было около десяти заулков. На каждой улице через восемь изб имелся промежуток шириной около 10–12 м, называвшийся *прожогом,* так как он устраивался в противопожарных целях [19]. Несмотря на указы, многие деревни, расположенные в удалении от торговых путей, так и остались не перестроенными и сохранили следы древних форм застройки.

Деревенская улица слагалась из вытянутых в линию крестьянских усадеб, чаще прямоугольных в плане, выходивших к улице узкой стороной и непосредственно примыкавших друг к другу. Обычно по линии улицы стояли жилые дома, около них пристраивались дворовые строения. Если в северных заокских районах Рязанщины дома чаще выходили на улицу узкой, торцовой стеной, то для правобережных лесостепных районов более характерно расположение дома длинной стеной вдоль улицы. Вместе с тем встречалось и произвольное расположение дома относительно улицы.

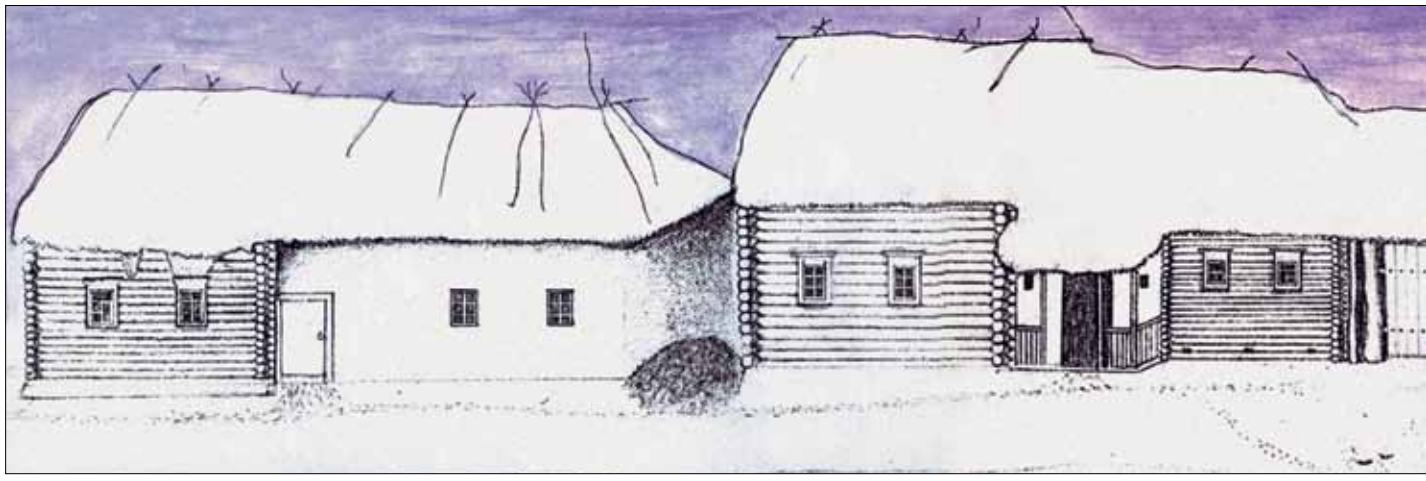
Постановка дома торцовой стеной на улицу. Касимовский у., с. Лубяники. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)



Кирпичные кладовые. Касимовский р-н, дер. Кочемары. Фото С.А. Иниковой 1995 г.

Постановка дома длинной стеной вдоль улицы. Сапожковский р-н, с. Морозовы Борки. Фото Е.Н. Каширина 1968 г.

Сельская улица. Сапожковский р-н, с. Морозовы Борки. Фото Е.Н. Каширина 1968 г.



Селение с домами, обращенными к улице длинной стеной, и дворами замкнутого типа. Пронский у., с. Красное. Рис. конца XIX в. (АИЭА. ОЛЕАЭ)

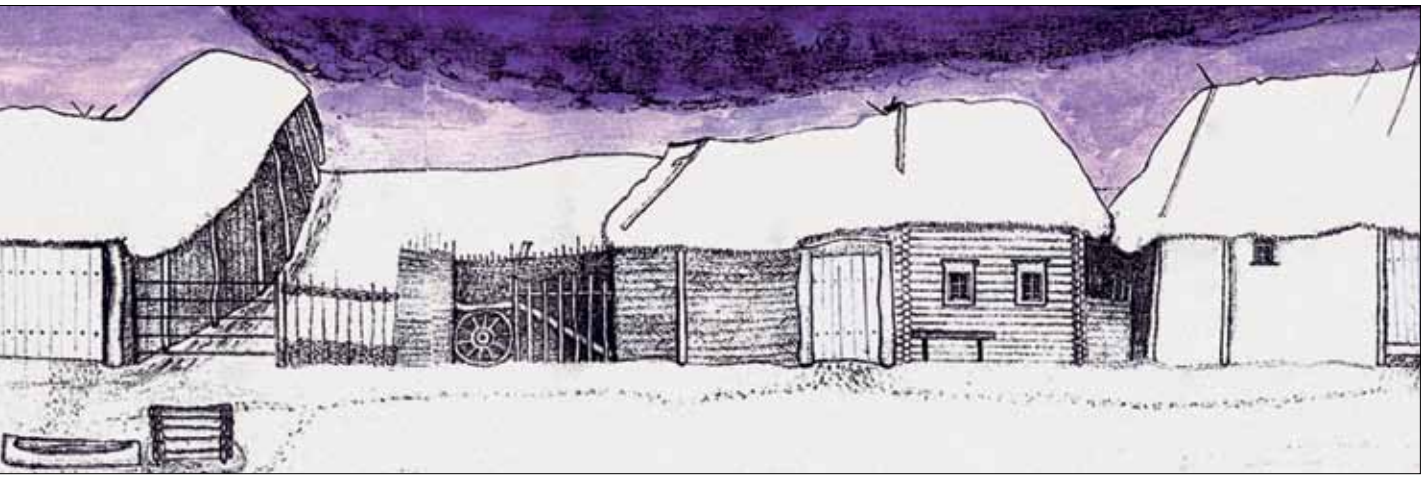
За домом и примыкавшими к нему хозяйственными постройками, составлявшими двор, на некотором расстоянии, обычно за огородом на конце усадьбы, были расположены другие хозяйственные службы: *овины, риги, половники,* сенные сараи и др., предназначенные для сушки, хранения и обмолота зерна. В некоторых селениях овины, риги, иногда амбары выносили на окраину селения в одно место. Во многих, чаще правобережных, селениях амбар, кладовую, погреб ставили перед окнами домов прямо на улице. По данным Н.И. Лебедевой, особенное нагромождение хозяйственных построек на улице, как то: амбар, кладовая, называвшаяся *выходом, погреб,* встречалось в однодворческих селах Сапожковского у. В Песочне, Кривеле, Красном Угле, Собчакове «построек на улице перед окнами домов так много, что не могут разъехаться две телеги» [20]. В селах со сложной планировкой, зависевшей от наличия речек или ручьев, болот, оврагов, встречалось самое разнообразное положение хозяйственных служб, расположенных вне дворов.

Среди крестьянских усадеб выделялись общественные постройки, которые находились в центре или на окраине селений: пожарные сараи, хлебозапасные магазины, лавки, маслодельни, смолокурни, мельницы и др. В селах центральное место занимала церковь, дома церковного причта, волостного правления, сельской буржуазии, лавки. С развитием торгово-денежных отношений в центре крупных селений возникают торговые площади с магазинами и торговыми рядами, гостиными дворами и питейными заведениями.

Благоустройство крестьянских селений всегда было на низком уровне. Их улицы и переулки были узки и тесны, а весной и осенью в распутицу просто утопали в грязи. Мало внимания уделялось соблюдению элементарных санитарных правил.

В советское время коренная перестройка социально-экономических отношений в деревне не могла не отразиться на характере сельского расселения, социально-экономической функции поселений и их размерах. В результате нового землеустройства в 1920-е гг., массовых разделов больших семей и образования новых крестьянских дворов происходило разрастание селений, застройка новых порядков домов и целых улиц. На конфискованных помещичьих и монастырских землях возникали новые крестьянские поселки; выселки появлялись также на дальних концах земель крупных селений.

Существенные изменения в характере застройки произошли в процессе коллективизации сельского хозяйства. Колхозы организовывались в большинстве случаев на базе существовавших селений. Создание совхоза нередко сопровождалось строительством комплекса новых небольших населенных пунктов на центральной совхозной усадьбе и его отделениях. При машинно-тракторных станциях и специализированных животноводческих фермах появлялись особые поселки.



По мере укрепления колхозов и совхозов в селах и деревнях начинается строительство животноводческих ферм, складов, силосных башен и траншей, школ, клубов и других хозяйственных и административно-культурных объектов. С 1950-х гг., после укрупнения колхозов главным населенным пунктом в каждом из них стал тот, где размещена центральная усадьба, именно здесь сосредоточиваются основные общественные постройки. Эти и другие мероприятия приводили к запустению многих малых селений, способствовали миграции сельского населения в город.

С начала 1990-х гг. началась смена форм собственности и хозяйствования. На базе колхозов и совхозов были организованы сельскохозяйственные производственные кооперативы, в которые вошли прежние колхозники, а в начале 2000-х началось создание сельскохозяйственных акционерных предприятий. На расселении это практически не отразилось. Малочисленные фермеры обычно продолжают жить в селе, не выселяясь на хутор.

В последние десятилетия в Рязанской обл., как и во многих других районах России, наблюдалось активное переселение сельского населения, особенно молодежи, в города. Процесс урбанизации особенно интенсивно проходил с 1959 по 1989 г.: доля горожан во всем населении области выросла с 29,4% до 65%. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., численность постоянного населения Рязанской обл. составила 1227,9 тыс. человек, в том числе в городской местности проживало 846,2 тыс. (69%), в сельской местности 381,7 тыс. человек (31%) [21].

По материалам последней переписи, население Рязанской обл. проживает в 12 городах (с населением от 5 до 500 и более тыс. человек), в 26 поселках городского типа (с населением менее 3 и до 10,9 тыс. человек) и в 2555 сельских населенных пунктах. Кроме этого, перепись зафиксировала 196 сельских селений, в которых не осталось жителей.

В Рязанской обл. преобладают малые города. Среднее число жителей, приходящихся на один такой город, — 18,6 тыс. человек. В 11 городах проживает 28,2% человек, в то время как в одной Рязани живет 71,8% горожан (521 560 человек).

Отток сельских жителей в города и естественная убыль населения повлияли на увеличение числа мелких селений (608 населенных пунктов с числом жителей 10 и менее человек). Это — вымирающие деревни, в которых в основном проживают люди нетрудоспособного возраста и где обычно отсутствует экономическая, социальная, а зачастую и транспортная инфраструктура. Более трети составляют селения с числом жителей 11–50 человек, в которых проживает 5,8% сельского населения. Вместе с тем, существует 58 сельских населенных пунктов, в каждом из которых числится от тысячи и более жителей (25,7% сельского населения области). К ним относятся и старинные крупные села, отмеченные выше, например с. Поляны Рязанского р-на (6328 человек), с. Ижевское Спасского р-на (3798 человек) [22].

Несмотря на непрерывный процесс развития и преобразования поселений, в них сохраняется много традиционного. По-прежнему большая часть селений называется селами и деревнями, в зависимости от наличия или отсутствия церкви, а также поселками. Но появились еще и поселки городского типа, по степени благоустройства и образу жизни жителей приближающиеся к городу, рабочие поселки, большая часть населения которых работает на промышленных предприятиях.

У большинства старых селений остались традиционные названия, возникшие при их основании. В старину они назывались по имени основателя или владельца (Федоровка, Давыдово, Захарово, Петрово, Александровка, Милославское, Шереметьево, Воронцово, Нарышкино, Бестужево и т. д.); по топографическому признаку или явлениям природы, характерным для этой местности (Залесье, Подвязье, Заболотье, Озерки, Лощинино, Дубровка, Березово, Солнечное, Горностаевка и т. д.); по посвящению главного престола в приходской церкви (Покровское, Рождествено, Троица, Ильинка, Преображенка, Боголюбовка, Вознесеновка, Богословское и др.). Многие современные села и деревни хранят названия старинных местных типов поселений, например, села Погост, Селищи, Балушевы Починки, дер. Дворики в Касимовском р-не; села Сельцы, Новоселки, Слободка и Ухорские Выселки в Кораблинском р-не; деревни Каменный Хутор I и Слободка в Михайловском р-не, с. Черная Слобода в Шацком р-не, деревни Кулаевы Починки и Курмановы Починки в Кадомском р-не и т. д.

Прежний социальный статус поселенцев также просматривается в названиях некоторых селений: села Стрелецкие Выселки и Пушкари в Михайловском р-не, села Казачья Слобода и Казачий Дюк в Шацком р-не, деревни Холопово в Касимовском р-не и Барское в Клепиковском р-не, с. Княжое и дер. Княгиня в Кораблинском и Путятинском районах.

Отразились в названиях, особенно на северо-востоке области, древние и более новые этнические контакты с местным автохтонным населением: г. Касимов, села Чарус, Ибердус, деревни Ахматово, Чинур, Чаур, Урдово в Касимовском р-не, деревни Ушмор, Чарсуль в Клепиковском р-не, села Савватьма, Мердушь, Свестур в Ермишинском р-не, села Шевырляй, Кермись, дер. Тархань в Шацком р-не, села Нармушадь и Ерахтур в Шиловском р-не и др.

Названия поселений, возникших или переименованных в советское время, нередко отражали политико-идеологические реалии времени: поселки Ленино, Октябрь, Маяк в Касимовском р-не, пос. Пионерский в Рыбновском р-не, поселки Красная Звезда и Ленинский, с. Красное Знамя в Михайловском р-не, поселки Пролетарский, Советский Мир, Красный Октябрь в Милославском р-не и др.

Большинство селений области расположено на тех же местах, на которых они отмечены еще в писцовых книгах XVI–XVIII вв., а в их планировочной застройке и названиях сохранились старые традиции. В современных населенных пунктах преобладает уличная планировка, которая в процессе разрастания селения превращалась в более сложные многоуличные формы: улично-квартальную, улично-радиальную и другие, нередко сложно запутанные системы улиц и переулков. Это особенно характерно для крупных, стихийно развивавшихся поселений. Кое-где встречаются, правда в значительно измененном виде, традиционные круговые (замкнутые) планы селений. Рядовая застройка чаще отмечается на окраине современных населенных пунктов, где она возникла в результате разрастания селений и так же, как и разбросанная застройка, часто вызвана пересеченным рельефом (в оврагах, в излучинах рек и т. д.).

Таким образом, современные рязанские селения прошли длительный путь развития. При всех изменениях во внешнем облике, планировочной застройке, благоустройстве современных селений многие из них, особенно те, которые основаны в далеком прошлом, хранят традиции давних времен.

Жилые и хозяйственные постройки

Как известно, жилище относится к тем компонентам культуры, развитие которых обусловлено окружающей естественно-географической средой и отражает социально-экономические условия жизни. Разнообразие природных условий края, расположенного в пределах лесной зоны — в за-

окских районах, лесостепи — к югу от Оки, сложная история заселения, пограничное положение на стыке двух крупных историко-этнографических регионов — среднерусского и южнорусского, — все это обусловило формирование здесь разных типов народного жилища, свойственных среднерусским и южнорусским постройкам. Локальные особенности в тех или иных районах края наиболее ярко были выражены в таком наиболее этническом признаке, как внутренняя планировка жилого помещения, а также в способах постановки дома относительно улицы, в форме крыши, в высотности дома, в характере дворовой застройки и др. Вместе с тем, на всей территории Рязанской губ. традиционное жилище развивалось в русле общерусской традиции.

Жилище, как и другие компоненты культуры, изучается этнографами в историческом развитии. В последние десятилетия появился ряд работ, обобщающих данные археологии по древнерусскому жилищу отдельных городищ и селений, расположенных на территории современной Рязанской обл. и смежных районов, связанных с ней исторически.

Как известно, наиболее древние славянские поселения располагались вокруг Старой Рязани в междуречье Оки, Прони и Осетра. Археологи относят их к X–XIII вв. Более ранние, VIII–X вв., близкие по культуре к рязанским славянские памятники, называемые «боршевскими», расположены на среднем Дону (близ с. Борщево Гремяченского р-на Воронежской обл.). Некоторые исследователи предполагали, что в I тысячелетии до н. э. донские славянские племена передвигались к северу вверх по Дону и оседали на приокских землях [23]. По мнению А.Л. Монгайта, славяне боршевских городищ потеснили, частью ассимилировали древнее рязанское финно-угорское население. Доказательством этого служит сходство ранней рязанской керамики с боршевской, а также сходство жилищ [24]. Водная система верховий Дона и его притоков, несомненно, способствовала ранним и более поздним (XIV–XVIII вв.) этническим связям населения среднего течения Оки, Воронежского Подонья и бассейна Цны.

В период существования боршевской культуры преобладали жилища в форме прямоугольной полуземлянки, углубленной в землю на 0,5–1,2 м, средние их размеры — 2,5–4 × 3–5 м. Стены жилищ сооружены либо в столбовой технике из плах, либо в виде сруба из тонких бревен. Дубовые срубы рублены *в обло* *. Печь стояла в заднем, чаще в правом от входа углу и устьем была обращена на вход. Стенки и свод печи-каменки возводились из камней на глине, иногда и без всякого связующего материала. Между жилищами было расположено несколько более маленьких по размерам построек, они, видимо, имели хозяйственное назначение [25].

При раскопках городищ, расположенных в бассейне средней Оки, были обнаружены несколько жилищ, датируемых второй половиной X–XI вв., а около сел Беницы и Старая Рязань найдены остатки наземных срубов и печей из глины и камня [26]. Значительно больше древних жилищ было обнаружено в слоях XII–XIII вв. В это время, по-видимому, уже преобладали наземные срубные дома. На территории Пронского городища были раскопаны остатки семи срубных жилищ, причем все они рублены в обло, размеры сторон от 3,5 до 5,5 м. Под углы срубов вкопаны столбики, иногда камни, пол глинобитный или деревянный. Большинство печей были глинобитными. Печь стояла в углу около входа и устьем была обращена к входу. Жилища расположены двумя параллельными рядами. Срубные жилища с глинобитными печами, судя по археологическим раскопкам, наиболее часто встречались и в других городищах [27].

Особенно богата археологическими памятниками, в том числе и остатками древних жилищ, Старая Рязань — бывшая столица Рязанского княжества. Многолетние археологические работы позволили ученым представить целостную картину жизни города и сельской округи в XI–XIII вв. [28]. Уже в X–XIII вв. в Рязани была развита градостроительная культура. В ходе раскопок здесь обнаружены дворы, обнесенные частоколом, тесом или плетнем. На дворах стояли избы, *клети*, хлева, мастерские, терема, различные постройки, принадлежавшие богатым и бедным горожанам. Все жилища в Рязани были наземными, пол дома иногда немного углублен в землю для сохранения тепла. Жилые помещения, а также амбары обычно возводили в срубной технике. Избы также строили и в столбовой технике: пространство между

* Рубка в обло (также в чашку, в угол) — врубание на углах сруба одного бревна в другое с остатком, т.е. на небольшом расстоянии от концов бревен.

столбами забирали бревнами. Преобладала рубка в обло и *в лапу*[*]. Предположительно, в срубных жилищах полы были глинобитными и дощатыми.

В рядовых жилищах печь чаще стояла в одном из углов северной стороны по диагонали от входа, ее устье было направлено к входу (по типу более поздней южнорусской планировки). Зафиксированы столбы, несущие высокий настил для спанья — *полати*, они были расположены между печью и противоположной стеной. Под полатями на расстоянии 0,8–1 м от пола находился еще один настил для спанья. По столбовым ямкам воссозданы неподвижные встроенные лавки для сидения, столы. В процессе раскопок было обнаружено пять больших трехкамерных домов: изба — сени — клеть или изба — сени — изба. Результаты раскопок свидетельствуют о существовании многокамерных и сложных двухэтажных сооружений с башней и галереей, которые, по-видимому, принадлежали богатой прослойке населения. Под домами устраивались подполья глубиной до 2 м для хранения овощей и продуктов. Стены их забирались досками, брусьями, бревнышками в столбовой технике или были срубными. Вне жилищ вскрыты хозяйственные ямы для хранения зерна. Эти ямы имели форму кувшина или колокола, их стены обшивали досками и обмазывали глиной. При строительстве хозяйственных сооружений чаще применяли каркасную конструкцию стен [29].

По мнению А.Л. Монгайта, рязанские жилища, относящиеся к XIV в. и к более поздним векам, были похожи на более ранние домонгольские [30]. К сожалению, у нас нет сведений о рязанских постройках XVI–XVII вв. Разумеется, с течением времени городские и сельские постройки изменялись, совершенствовалась их техника, благоустраивался интерьер. Вместе с тем, наблюдается и процесс преемственности в наземном срубном жилище. Некоторые детали его восходят еще к боршевским постройкам, затем они развиваются в рязанском домонгольском жилище. Позднее многие элементы старорязанских построек прослеживаются в традиционном жилище XIX — начала XX в.: это срубная и каркасная техника постройки дома, конструкция пола, печи, основной принцип положения печи в избе и др. Следует заметить, что отдельные детали жилища, обнаруженные в рязанских археологических памятниках, сходны с археологическими древностями, изученными в других районах России. Позднее это отразилось в формировании общерусских и общевосточнославянских черт в жилище разных районов России.

Сельское жилище в XIX — начале XX в. Окружающая естественно-географическая среда и ее изменения непосредственно влияли на состав и качество материалов, используемых в сельском строительстве. На всей территории Рязанского края вплоть до XX в., а во многих районах и в XX в., господствовало срубное строительство. В северных лесных заокских уездах на строительство шли хвойные породы дерева: ель, сосна. Дома из сосны строили и в некоторых лесостепных районах, например в Шацком, там, где сравнительно близко были расположены участки сосновых боров и доставка леса была не столь дорогой. В большинстве же лесостепных районов дома рубили из березы, осины, вербы, ольхи, изредка — из дуба. Более прочный, но и более дорогой дуб чаще использовали для фундамента и нижних венцов, а остальная часть дома строилась из более дешевых — осины, березы, вербы, ясеня.

Лес крестьяне обычно покупали в казенных или частных лесных дачах. В некоторых селах лесные участки были во владении сельских обществ, которые делили их на паи между своими членами. Материал для сруба нередко заготавливали в лесу сами застройщики, затем с помощью соседей его перевозили в деревню. Но чаще выработкой строевого леса, вывозом лесоматериалов, изготовлением срубов для изб занимались специалисты-плотники. Если хозяева владели плотничьим мастерством, они строили дом сами, но обычно нанимали плотников: местных или пришлых. В некоторых рязанских уездах плотничество было одним из самых распространенных промыслов (см. с. 186–187). Особенно славились плотники из

* Рубка в лапу — врубание на углах сруба одного бревна в другое без остатка.

а) б)

Соединение бревен в венцы: а) рубкой в лапу. Владимирская обл., Гусь-Хрустальный р-н, дер. Парахино; б) рубкой в угол. Нижние венцы сруба утеплены завалинкой. Спасский р-н, с. Старый Киструс. Фото С.А. Иниковой 2006, 2008 гг.

Егорьевского, Касимовского и северной части Рязанского уездов. Строительством дома обычно занимались в определенное время года: зимой Рождественским постом до Святок, весной после Пасхи и до покоса или начала уборки хлеба и осенью после уборки хлеба [31].

Применявшаяся на Рязанщине техника возведения сруба была типичной для всех восточных славян и известной с глубокой древности. Наиболее распространенным, как и в других районах срубного строительства, был сруб из круглых, очищенных от коры, но неотесанных бревен. В целях экономии бревна иногда рубили пополам. На углах сруба широко применялся наиболее простой и характерный для всех восточных славян способ соединения бревен в венцы — *в угол, (в чашку,* в обло*)*. Реже делали более сложную рубку угла: *в зуб, в замок*. При соединении тонких бревен в венцы нередко вырезали чаши и в верхнем, и в нижнем бревне, т.е. соединяли бревна на углах *в охряпку*. Этим способом достигалось более прочное скрепление тонких бревен по сравнению с рубкой в простой угол. Рубка на концах бревен без остатка (в лапу) стала распространяться в деревне с конца XIX в., в то время как в городах этот способ рубки применялся с древности, так как там срубные дома снаружи обшивали тесом. Для утепления сруба между бревнами закладывали мох, бересту, конопляную паклю. Пазы сруба из тонких бревен лиственного леса в южных уездах — в Сапожковском, Раненбургском и Данковском — иногда промазывали глиной. Кое-где стены избы снаружи обмазывали глиной и белили, более распространенным это явление стало в 1920-е гг.

В конце XIX — начале XX в. в связи с удорожанием строевого леса срубная техника сочеталась с другими строительными приемами, позволявшими сократить расход материала. В отдельных, преимущественно южных, районах края спорадически использовали каркасную технику возведения стен жилого дома. Основу стен составляли столбы, врытые в землю на одинаковом расстоянии друг от друга, скрепленные тремя-шестью рядами поперечных балок. Пространство между столбами заполняли различным материалом: досками, горбылями, короткими плахами, заплетали хворостом, с последующей наружной и внутренней обмазкой стен глиной. В начале XX в. кое-где, например, в Ивановской вол. Раненбургского у., в с. Подвязье Рязанского у., в с. Красное Пронского у., встречались жилые и хозяйственные постройки из *самана** [32].

* Саман — кирпич из глиносоломенной смеси или с добавлением навоза, формованный в особых деревянных формах, высушенный на солнце.

Срубный дом бедного крестьянина, снаружи обмазанный глиной. Скопинский у., с. Горлово. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Кирпичный дом богатого крестьянина. Скопинский у., с. Павелец. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

В Данковском у., где берега Дона изобиловали известковыми отложениями, в строительстве домов и хозяйственных построек широко использовали камень. Здесь каждый хозяин, начинавший строиться, сам наламывал камень, перевозил его и возводил стены, скрепляя камни раствором глины с соломенной резкой или иногда с навозом. Обилие камня позволяло ставить толстые стены дома от 0,30 до 0,80 м и стены двора не менее 0,30 м толщины, строить изгороди вокруг огорода высотой от 0,7 до 1 м и более [33].

Еще в дореформенный период в отдельных селениях губернии появились крестьянские избы из кирпича. Его использование, как наиболее огнестойкого материала, внедрялось некоторыми наиболее предусмотрительными помещиками, пытавшимися таким образом бороться с разорительными пожарами. В конце XIX в. в Рязанской, как и во многих других губерниях Черноземья, кирпичное строительство получило более широкое распространение. Это было связано как с развитием товарно-денежных отношений, так и с массовой вырубкой лесов и удорожанием лесоматериалов. По данным статистики поземельной собственности и населенных мест на 1880 г., в Рязанской губ. более всего кирпичных и каменных домов было построено в южных Данковском (4541) и Раненбургском (930) уездах, бедных лесом и часто страдавших от пожаров, особенно в засушливые годы. Если говорить о соотношении кирпично-каменных и деревянных, саманных домов, то на 1877 г. в Данковском у. первые составляли свыше 30%, в Раненбургском у., как и в Скопинском, — от 4 до 16%. В большинстве других уездов численность кирпичных и каменных домов колебалась от 124 до 427, и почти не было таких жилых строений в северных лесных уездах: Егорьевском (28) и Касимовском (70) [34].

Кирпичное строительство значительно увеличивается в начале XX в., и в некоторых селах оно вытесняет постройку домов из дерева. Так, из Данковского у. сообщали, что «в некоторых деревнях уже более половины изб кирпичные» [35]. В торговых селах Шацкого у. — Ялтуново Польное, Конобеево, Купля, Шаморга — местные богачи возводили большие, нередко двухэтажные, кирпичные дома. Много кирпичных и двухэтажных домов было построено в это время в крупном с. Ижевское Спасского у. [36]. Большой кирпичный дом был показателем благосостояния его хозяина и более надежным вложением капитала, поэтому многие отходники и торговцы старались вкладывать деньги в кирпичные дома.

Производством кирпича обычно занимались местные крестьяне или специалисты-каменщики. С этой целью два-три хозяйства объединялись, заводили горн, строили сарай для обжига кирпича и изготавливали кирпич для собственных нужд и на продажу (илл. с. 180). Строили кирпичные дома каменщики из местных или пришлых крестьян. Стены возводили в два–четыре кирпича, пустоты между кирпичами засыпали золой,

Кирпичные дома зажиточных крестьян:
а) Шацкий р-н, дер. Спасск; б) Шиловский р-н (бывш. Касимовский у.), с. Нармушадь. Начало XX в. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Резные причелины и наличники на доме купца — хозяина ватной фабрики. Клепиковский р-н (бывш. Рязанский у.), с. Екшур. Фото Е.Н. Каширина 1983 г.

щебнем, сухим навозом или заливали раствором из гашеной извести с песком. По мнению крестьян, заливка делала стены прочнее, но дом был холоднее, чем при засыпке. Большинство кирпичных домов того времени были сырыми и холодными. Из экономии кирпича сени часто делали из бревен, досок или из плетня.

Художественное оформление деревянных домов в лесостепных районах было развито сравнительно мало. Фасады дома либо вообще не имели художественной отделки, либо наличники окон, карнизные доски, *причелины* крыльца украшали несложной плоской, позднее пропильной резьбой. Мотивы узоров обычно состояли из простейших геометрических фигур в виде зубчиков, треугольников, ромбов, квадратов, крестообразных знаков, кругов, розеток, S-образных завитков и пр. Богаче украшались избы в селениях Мещёрского края. Двускатные тесовые крыши здесь нередко декорировали резными причелинами, слуховым окном с резным наличником, карниз и наличники окон отделывали резным узором в виде звезд, розеток и стилизованных зверей[37].

Резные причелины и наличники на крестьянских домах. Клепиковский р-н, дер. Дмитриево. Фото С.А. Иниковой 2005 г.

Кирпичные дома часто украшали рельефными узорами, выложенными из точеного красного кирпича в виде полуколонок, треугольников, ромбов, прямоугольников, волют*, арок. Встречались разные формы выложенных из кирпича наличников окон, карнизов и пилястр на углах зданий. Орнаментика кирпичных домов сложилась здесь сравнительно поздно, но истоки ее прослеживаются в памятниках русской каменной архитектуры XVI–XVII вв. Например, рельефные узоры в виде арок, волют, ромбов и т. п. применялись уже в строительстве древних владимиро-суздальских, рязанских, новгородских и псковских храмов.

* Волюта — архитектурная деталь карнизов, дверей, окон в форме завитка.

Как известно, русское сельское жилище в XIX — начале XX в. различалось по его вертикальному развитию: по общей высоте жилого дома, по наличию или отсутствию *подклета* и деревянного пола. В значительной степени это определялось природными условиями, влиянием этнических традиций, а также материальным положением крестьянских хозяйств.

На исследуемой территории высота жилого дома понижалась с севера на юг. В северных заокских лесных уездах Рязанской губ. — Егорьевском, Касимовском, частично в Зарайском, Рязанском, Спасском, — а также в уездах, в то время входивших в Тамбовскую губ.— Елатомском, Темниковском и Спасском, — бытовали сравнительно высокие избы на среднем или высоком подклете с деревянным полом. *Перерубы* или *переводины* пола врубали в третий-шестой венец сруба. В подклете хранили овощи, продукты питания, зимой содержали мелкий скот. Вместе с тем, в этих уездах встречались и более низкие избы без подклета с земляным или деревянным полом[38]. Эти лесные районы, граничащие с северо-востока с Владимирской и Нижегородской губерниями, были переходной зоной, где бытовали разные типы жилища.

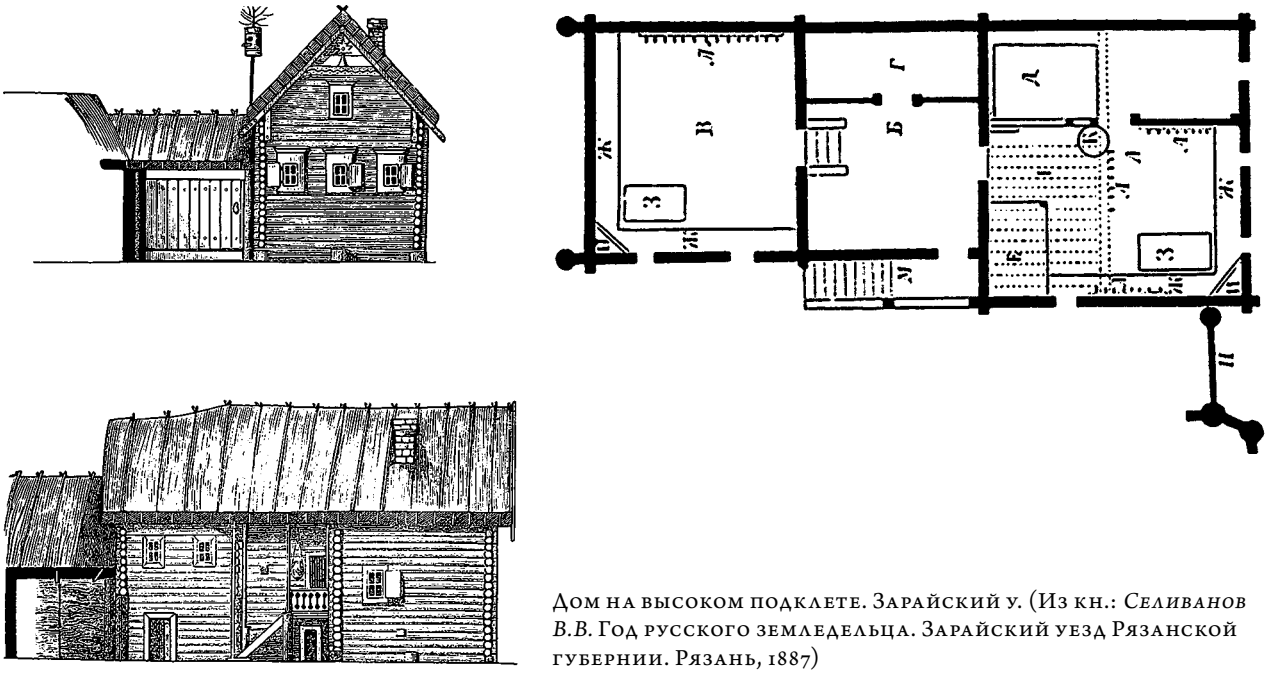
Южнее, в лесостепных районах, преобладало более низкое жилище без подклета с земляным или деревянным полом. Переводы пола нередко врубали в первый *обчинный* венец. В конце XIX — начале XX в. постепенно распространялись избы с деревянным полом, приподнятым на небольшое расстояние от земли с подпольной ямой для хранения овощей. Во многих трехкамерных домах невысокий подклет устраивали под клетью (горницей)[39].

Срубные дома не имели сплошного фундамента. Под углы и середину первого венца, называемого *подвалина*, ставили дубовые обрубки — *стулья, стояны, подвалки*, или камни, вкопанные в землю. Для прочности концы деревянных стульев, заглубленные в землю, обклеивали берестой, нередко их обжигали или смолили. Пространство между стоянами, возвышавшимися над землей на 20–30 см, забиралось плахами, кольями, досками. Как и во многих других районах Европейской равнины, на некотором расстоянии от стоянов вбивались колья, которые оплетали прутьями или закладывали досками. Все это пространство для утепления нижней части постройки засыпалось землей или навозом и называлось *завалина, завалинка*.

Под стены каменных и кирпичных домов подводились сплошные ленточные фундаменты из камня или кирпича, скрепленные глиной или известью. При строительстве деревянных домов такие ленточные фундаменты делали преимущественно зажиточные крестьяне.

По конструкции потолка и крыши в жилище Рязанского края прослеживаются общие черты с постройками многих других регионов России. В XIX в. конструкция потолка обычно поддерживалась на одной балке — *матице, матке,* — положенной поперек сруба. Позднее, в конце XIX — начале XX в., стали класть две-три матицы или балки. В срубных домах матица обычно врубалась в предпоследний венец — *подбалочник, подматошник*. В каменных, кирпичных, саманных домах матицу клали или поверх стен, или врубали в бревно, называемое *основой, верхней связью, связиной*, положенное на монолитные стены. В некоторых селах потолочные балки вставлялись в гнезда кирпичных стен. В пазы матицы забирались доски потолка — *потолочины*. В старину их делали из мелких круглых бревен или плах, положенных поверх матицы. Сверху, с чердака, потолок промазывали глиной с песком, засыпали опилками, сухими листьями, землей. Сени часто были без пола и потолка.

В XIX в. прослеживались региональные особенности в форме крыши и материале покрытия. На севере края, в полосе хвойных лесов, преобладали двускатные крыши, характерные для среднерусских и северных губерний России. Южнее Оки были широко распространены четырехскатные крыши, типичные для южнорусских губерний. С конца XIX в. двускатные крыши все больше проникали в южные уезды Рязанской губ., а четырехскатные — в северные. В Рязанском и Спасском уездах одновременно бытовали двускатные и четырехскатные крыши[40]. В северных левобережных районах с конца XIX в. распространяется трехскатная крыша. Третий скат со светелкой располагался над узкой торцовой стеной дома, обращенной к улице.



Дом на высоком подклете. Зарайский у. (Из кн.: *Селиванов В.В.* Год русского земледельца. Зарайский уезд Рязанской губернии. Рязань, 1887)

Дом на высоком подклете. Вид со двора. Касимовский у., дер. Култуки. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Старинная изба с подызбицей. Касимовский у., дер. Самуиловка. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Изба без подклета с земляным полом. Скопинский у., дер. Масальщино. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Двускатные крыши. Касимовский р-н, дер. Большой Мутор. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Форма крыши определялась ее конструкцией. Сравнительно долго во многих селениях Рязанщины, вплоть до XX в., сохранялась *самцовая* конструкция двускатной крыши. Опорой крыши здесь служили концы бревен переднего и заднего фронтонов, постепенно укорачивающиеся к нижним концам крыши. На них укладывали продольные слеги, составлявшие обрешетку крыши.

С конца XIX в. для любой формы крыши господствующей становится стропильная конструкция. В старинных срубных постройках стропила обычно врубали в верхний венец сруба, называвшийся *обвязкой, обгоном*. Позднее в срубных и кирпичных домах стропила стали врубать в поперечные балки, положенные поверх стен, обычно отступив от концов на 20–30 см. На оставшиеся концы балок клали тонкие жерди, необходимые при соломенном покрытии крыши [41].

Кровельным материалом, наиболее распространенным в Рязанской губ. в XIX — начале XX в., была солома. Существовало несколько способов соломенного покрытия. Наиболее старинным было покрытие путаной соломой, обмолоченной цепом, — *в накидку, в натруску, в разброс*. Насыпанная толстым слоем солома от озимых хлебов укреплялась сверху или длинными свитыми из соломы веревками — *притугами, перевяслами*, или жердями, иногда молодыми деревцами, попарно скрепленными на коньке крыши. С 1900-х гг. появилась усовершенствованная техника покрытия крыши путаной соломой, но пользоваться этим способом

Двускатные и трехскатные крыши со светелкой. Касимовский р-н, с. Гиблицы. Фото С.А. Иниковой 2003 г.

могли только специалисты. В этом случае кровельщик сначала делал *пелену*: плотный пучок соломы зажимал между жердью, положенной на балки, и стеной избы, и далее подобным образом крыли первый ряд крыши. После этого он крыл соломой ряд за рядом, принимая снизу охапку, подбирал ее граблями на себя, подминал ногами и счесывал солому с боков. Полагалось обойти вокруг крыши около 12 раз. Для такой крыши требовалось около 12 возов соломы. Верхушку крыши, которая получалась сравнительно прочной, нередко заливали глиной.

Наиболее простым и старым способом было покрытие соломенными снопиками *под прижимку*: снопы соломы, осторожно обмолоченной об доску — *старновку*, укладывали на обрешетник комлями вверх, прикрепляя их к жердям крыши. На каждый ряд соломы клали тонкий прут — *прижимку*. В Рязанском у. процесс покрытия крыши путаной соломой называли *крыть соломой*, а снопиками — *крыть старновкой*[42].

В конце XIX — начале XX в. во многих уездах также крыли крыши соломой *под гребенку, под щетку, в прическу*: снопы аккуратно обмолоченной соломы клали рядами, комлями вниз, колосьями вверх, их развязывали, привязывали к обрешетке крыши, а снизу подбивали специальной дощечкой — *гребенкой, щеткой*. Такая крыша служила дольше. Для большей прочности и огнестойкости солому замачивали в растворе глины — *под глинку*.

В селениях севернее Оки, где было достаточно леса, крыши в XVIII–XIX вв. крыли дранью — *дором* — наколотыми из обрубков древесных стволов досками длиной около 2 м, шириной 9–18 см. В конце XIX — начале XX в. дрань постепенно была вытеснена пиленым тесом и *дранкой*, которую также называли *щепой, лучинкой*, в Кадомском р-не — *стружкой*. Она представляла тонкие дощечки длиной 30–40 см, толщиной около 1 см. Их щепали ножом или самодельным станком. Крыши, покрытые дранкой, в начале XX в. часто встречались в северной части Рязанщины: в Егорьевском, Зарайском, Касимовском, Рязанском уездах[43].

По данным статистики конца 1870-х гг., в Рязанской губ. деревянные крыши преобладали в Егорьевском у. Там они составляли 85%, и только 14% домов было покрыто соломой. В Касимовском у. 70% жилых строений были покрыты деревом, а 29% — соломой. В Рязанском у. соответственно — 24% и 75%, в Зарайском — 18% и 81%, в Спасском — 4% и 95%. В остальных уездах, преимущественно лесостепных, дома, покрытые соломой, составляли 95 — 98% [44]. В Тамбовской губ. дома, покрытые деревом, в Темниковском у. составляли 51,9%, в Елатомском — 24,2%, южнее — в Шацком — 8,8%. В остальных уездах дома, покрытые соломой, составляли 98–99,9%. Железом было покрыто от 0,1 до 0,5% жилых построек[45].

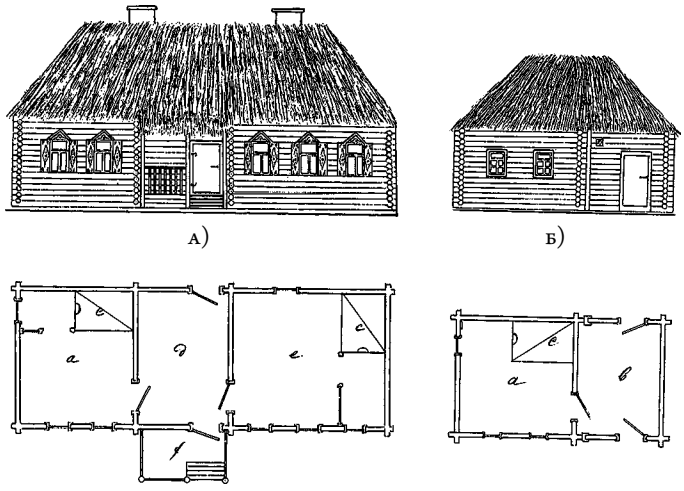
В XIX в. покрыть дом железом могли лишь очень зажиточные хозяева. Чаще такие крыши встречались в крупных торговых селах и городах. В начале XX в. число домов, крытых железными крышами, возросло.

Планировка дома. В Рязанской губ. бытовали двухкамерные и трехкамерные дома, известные на территории края с древности. Двухкамерный дом состоял из избы и неотапливаемых сеней. В трехкамерном доме, часто называвшемся *связью*[46], под одной крышей посредством сеней соединялись изба и неотапливаемая клеть (*горница, горенка, светлица*), либо две избы.

Тип двухкамерного и трехкамерного дома был характерен для жилища восточных славян. Он был широко распространен у западных славян, у неславянских народов Восточной Европы, народов Поволжья, Прибалтики, у карел. В XIX в. в южных районах Рязанщины было более распространено жилище двухкамерного плана, хотя встречался и трехкамерный тип дома в его классической для русских форме: изба — сени — клеть. Трехкамерные дома были распространены в северных лесных районах.

В XIX в. основной частью жилого дома была изба — отапливаемое помещение прямоугольной или квадратной формы, сравнительно небольших размеров — 5×5,5; 6×5,7; 7×6 м.

Изба освещалась двумя-тремя окнами. В старинной избе окна были *волоковые*, их прорубали в двух смежных бревнах в половину толщины каждого и задвигали деревянным щитком. Для пропускания света в окно вставляли рамку, затянутую бычьим пузырем. Примерно в XVIII — начале XIX в. появились *косящатые* или *красные* окна. В их проем закладывали *колоду*, срубленную из четырех обтесанных брусьев. В колоду вставляли раму для стекла, которое получило



Фасады и планы изб: а) изба зажиточного крестьянина: *а* – изба черная, *е* – изба белая, *д*– сени, *f*– крыльцо, *с* – печи; б) изба бедного крестьянина: *а* – изба, *в* – сени, *с* – печь. Рязанский у., дер. Волынь. Рис. конца XIX в. (АИЭА. ОЛЕАЭ)

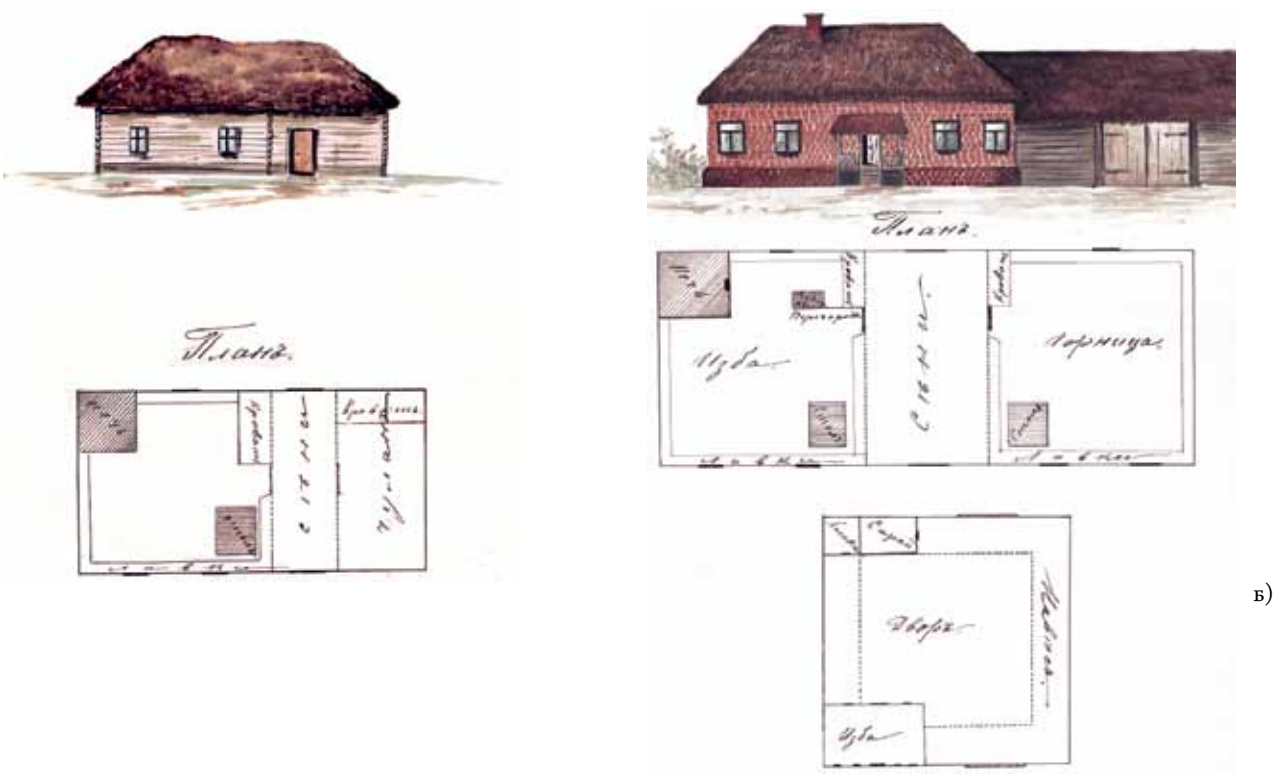
распространение в деревне лишь в начале XIX в. Старинные окна были небольшие. Они состояли из двух рам, поднимавшихся вверх или задвигавшихся вбок, одна за другую. Растворные окна, т.е. с деревянными рамами на металлических петлях, появились сравнительно поздно. Еще и в начале XX в. в Пронском, Спасском и других уездах было много окон с глухими, не раскрывавшимися рамами[47]. В середине XIX в. в длинной стене дома, выходившей на улицу, часто делали два окна: одно волоковое и одно красное, иногда — два красных или только одно волоковое. На двор чаще выходило одно волоковое окно. В курной избе оно служило для выхода дыма, а также и для наблюдения за скотом[48].

Сени или *сенцы* (*мост* — в северных районах Рязанской губ.), так же как и на других восточнославянских территориях, были хозяйственным помещением и никогда не отапливались. В состоятельных хозяйствах их строили рублеными или в столбовой технике, а в домах малосостоятельных жителей сени часто были плетневые. Если дом был построен не из дерева, то сени могли быть деревянными, плетневыми, каменными, кирпичными. В двухкамерном доме сени часто строили таких же размеров, как и избу. В бедных хозяйствах длина сеней нередко не превышала 2–3 м. Дощатой перегородкой в сенях иногда отгораживалась кладовая или чулан. Летом в сенях утраивали скамейки, стол, *подмостье* для спанья. Здесь часто обедали и спали, спасаясь от духоты и мух.

В трехкамерных домах помещение, пристраиваемое к сеням, в Касимовском, Спасском, Рязанском, Сапожковском уездах известно под термином *клеть*[49]. В Зарайском у. подобное помещение называли *светелкой, вышкой*[50]. В трехкамерных домах северных районов в доме на подклете пол клети был выше сеней, поэтому перед дверью, ведущей в клеть, делали три-четыре ступеньки. Такие дома были характерны и для центральных среднерусских нечерноземных губерний. Клеть обычно использовалась как кладовая для хранения одежды, продуктов, различного хозяйственного добра. Под клетью содержали овощи, продукты, зимой туда загоняли овец. Однако на всей территории Рязанского края более широко было известно название *горница, горенка*, при этом горницей чаще называли сравнительно более благоустроенное помещение.

Трехкамерные дома с горницей во второй половине XIX — начале XX в. постепенно распространялись и в южных районах края[51]. Горница обычно освещалась одним небольшим окном, в ней были лавки, стол, кровать или настил из досок, в переднем углу — божница с иконами. Зимой это помещение чаще служило кладовой. Здесь в сундуках и на слегах хранили одежду, овчины, шерсть, прядево, посуду, стояли кадки с мукой и другими продуктами, иногда перегородкой был отгорожен *чулан* или комната, в которой держали наиболее ценное имущество и ключ от которой хранился у старшего в семье. Летом в горнице спали, обедали, принимали гостей. Горница, отапливаемая печью, становилась постоянным жильем и тогда называлась *передней* или *чистой* избой.

Большое влияние на планировку жилого дома оказывали материальное положение крестьянской семьи и ее численный состав. В XIX в. и даже в начале XX в. в Рязанской губ. было немало неразделенных семей численностью 15–20 и более человек. По данным М. Барановича, в 1859 г. в среднем на один двор приходилось 8,5 жителей[52]. Многолюдные зажиточные семьи часто располагались в двух избах через сени, малоимущие нередко размещались в одной



а) б)

Фасады и планы домов. Рязанский у., с. Вышетравино: а) двухкамерный срубный дом, отапливаемый по-черному; б) трехкамерный кирпичный дом с замкнутым открытым двором. Рис. конца XIX в. (АИЭА. ОЛЕАЭ)

избе. Многие авторы, писавшие о рязанском жилище второй половины XIX в., подчеркивали, что дома связью строили лишь наиболее зажиточные и большие семьи. В дер. Горохово Пронского у. в 1897 г. были семьи численностью в 15–20 и даже в 40 человек. В большой семье крестьянина этого села Евтея Московцева старики спали в курной избе, для трех женатых сыновей были построены на той же усадьбе два больших дома. Обедали все вместе в одном доме: сначала старшие, потом подростки [53]. По воспоминаниям жителя с. Полтевы Пеньки Кадомского р-на., тогда входившего в Тамбовскую губ., в начале 1900-х гг. их семья, состоявшая из родителей и трех женатых сыновей с детьми, жила в одной избе *восьмерке* (8 × 8 арш.); а в те годы в их селе было еще четыре таких многосемейных дома [54].

Во многих рязанских селах во дворах многолюдных семейств, на огороде, иногда на улице против окон дома стояло по нескольку небольших построек, часто плетневых. В Рязанской губ. их называли *клетью, клеткой, хаткой*. В других южнорусских губерниях более употребимы были термины *пунька, пуня*. Клетей строили столько, сколько невесток было в семье. Каждая невестка имела свою клеть, где она хранила свое личное имущество, доставшееся ей в качестве приданого. Оно было неприкосновенно для других женщин, живших в этом доме. Клеть служила летней, а в отдельных случаях не только летней, спальней для супружеских пар. В с. Кидусово Спасского у. Рязанской губ. по местному обычаю новобрачные, несмотря на морозы, спали в неотапливаемых клетях вплоть до рождения первого ребенка. И в некоторых других селах этого уезда спать молодым в избе считалось «за стыд» [55]. В Сапожковском у. летней спальней для молодых служила *кровать* (*каравать*) — сооружение в виде плетневого помоста, укрепленного на четырех столбах (0,7 м от земли) под четырехскатной соломенной крышей [56]. Традиции всех этих построек, по-видимому, уходят в глубь веков. Так, в актовых материалах начала XVIII в., обработанных А.А. Шенниковым по Елецкому и Кромскому уездам Орловской губ., отмечаются отдельно стоявшие во дворе клети, число которых зависело от числа супружеских пар в семье [57].

В конце XIX — начале XX в. по мере усиления городского влияния, роста отходничества крестьянского населения на заработки и увеличения возможностей купить привозные лесоматериалы, наметился процесс улучшения жилищных условий. В некоторых селах возрастает число трехкамерных домов. Началось строительство домов-*пятистенков*, состоявших из двух смежных жилых помещений, разделенных капитальной стеной, — *горницы* и *кухни* (или *избы*). Сбоку кухни по торцовой (реже по длинной) стене дома пристраивались сени. В конце XIX — начале XX в. пятистенки отмечаются в Касимовском, Зарайском, Спасском, Сапожковском и других уездах [58]. Правда, в этот период строительство пятистенков было по силам только зажиточным хозяевам, и чаще всего такие дома встречались в крупных торгово-промышленных селениях и городах.

По такому плану с выделением горницы и кухни нередко возводили и кирпичные дома. При постройке кирпичного дома было выгоднее сразу ставить большой дом, чтобы позднее выделять в нем отдельные помещения для родственных семей, а также и пристраивать под одну крышу добавочные комнаты и сени.

В богатых торгово-промышленных селах в подражание городскому жилищу еще в середине XIX в. стали появляться дома с более усложненной планировкой, в которой порой трудно было проследить истоки традиционного плана. В конце 1850-х гг. В.В. Селиванов, изучавший также крестьянское домостроительство, отметил, что в Зарайском у. «есть избы в два этажа, а в промышленных селах за Окою некоторые крестьянские дома имеют вид совершенно городских построек. Там народ промышленный, а разбогатевшие промыслами и в земледельческой стороне уезда иногда выстраивают домики по образцу городских домиков небогатого мещанского сословия» [59]. В те же годы М. Баранович писал, что «есть села, как, например, Сосновка, Дединово, Любичи, Белоомут, Кузьминское, Вышгород, Ижевское и др., преимущественно в Зарайском и Егорьевском уездах, где при общем улучшении быта крестьян сельские строения приняли довольно стройный вид. Промышленные жители этих сел отличаются в домашней жизни склонностью к обычаям, принятым горожанами; здесь довольно часто встречаются двухэтажные избы и другие строения, наподобие городских домиков» [60]. К концу века таких крестьянских домов городского типа стало значительно больше.

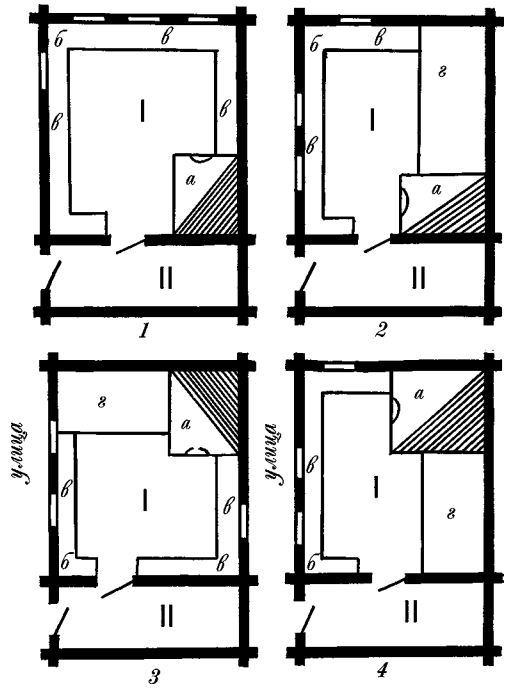
Планировка жилого помещения. В рязанских селениях, как и у русских других губерний, с давних пор установились строгие традиции в использовании внутреннего пространства жилого помещения. Внутренняя планировка избы была одним из наиболее существенных и устойчивых признаков, связанных с историей формирования населения.

Наличие большой духовой печи отличало восточнославянское жилище, а также жилище поляков, чехов, словаков, от построек народов Центральной Европы, Кавказа, Средней Азии, Сибири и др., где делали печи типа очага, камина, голландки и др. По диагонали от печи в восточнославянском жилище всегда был расположен передний угол, где висели иконы и стоял обеденный стол. В зависимости от положения печи и переднего угла, а также от направления устья печи в русском жилище выделяются четыре типа внутреннего плана избы. В XIX — начале XX в. они имели определенные ареалы: северно-среднерусский, восточно-южнорусский, западно-южнорусский и западнорусский (также украинско-белорусский) [61]. Зоны бытования типов внутренней планировки в основном совпадают с территорией расселения отдельных народов или их этнографических групп. В то же время между ними не было четких границ. В результате более поздних миграций населения существовали районы распространения смешанных типов жилища.

В Рязанском крае в XIX в. бытовали все четыре типа внутреннего плана избы, но преобладали южнорусские планы. Южнорусский план отмечается в домах, поставленных длинной стороной к улице, вход в сени был с улицы. Такое сочетание южнорусского плана избы и положения дома относительно улицы было распространено южнее Оки в Центрально-Черноземном регионе. Русская печь в этих домах расположена в дальнем от входа углу. По диагонали от печи, т. е. между дверью и передней длинной стеной,

выходившей на улицу, был расположен передний угол, где висели иконы и стоял обеденный стол. В зависимости от того, куда было повернуто устье печи, выделяются восточно- и западно-южнорусский план избы.

В жилище с восточно-южнорусской планировкой избы устье русской печи было направлено к входу, вследствие чего кухонная часть находилась ближе к входной двери. От боковой стены печи до противоположной фасадной стены избы был расположен дощатый настил для спанья — *задник, примост*, над которым устраивали полати. Восточно-южнорусский план избы был распространен в Рязанском, Михайловском, Сапожковском, Скопинском, Ряжском, Раненбургском и Данковском уездах, однако здесь отмечались и другие типы внутреннего устройства избы. Жилище с подобным планом преобладало на востоке Центрального Черноземья: в Рязанской, Воронежской, Тамбовской губерниях, в восточных уездах Тульской и в Елецком у. Орловской губ.[62].



Типы внутренней планировки жилища. XIX — начало XX в.:
1. Северно-среднерусский план;
2. Западнорусский план;
3. Восточно-южнорусский план;
4. Западно-южнорусский план
I. Изба: а) русская печь, б) передний угол, в) лавки, г) кровать, примост, пол.
II. Сени. (Из кн.: Русские. М., 1997. С. 283)

В жилище с западно-южнорусской планировкой избы при том же положении печи и переднего угла устье печи было повернуто к фасадной стене, выходившей на улицу, поэтому кухонная часть оказывалась вдали от входа, между устьем печи и фасадной стеной, а примост и полати — ближе к входной двери. Западно-южнорусский план встречался на юго-западе Рязанской губ. и преобладал на западе Центрального Черноземья: в Тульской, Орловской, Калужской и Курской губерниях[63].

На севере Рязанской и Тамбовской губерний, преимущественно в Егорьевском, Зарайском, Касимовском, Спасском, Рязанском, частично в Михайловском, Пронском, Сапожковском, Ряжском уездах, а также в уездах Елатомском, Темниковском и Спасском бытовал среднерусский план избы, распространенный в центральных и северных губерниях России[64]. Он преобладал в северных заокских районах, хотя и там во многих местах встречался восточно-южнорусский план. Среднерусский план избы связан с постановкой дома перпендикулярно к улице, дом обращен к ней узкой торцовой стеной. Здесь русская печь стояла в углу около входа и была обращена устьем в сторону, противоположную входу, т. е. к улице. Передний угол, расположенный по диагонали от печи, находился в дальнем от входа углу. Пространство от устья печи до передней стены служило кухней, здесь была сосредоточена вся кухонная утварь. В задней половине избы от печи до противоположной боковой стены дома под потолком укреплены полати, а под ними мог быть примост для спанья или кровать.

В Рязанском, Пронском и Ряжском уездах был известен западнорусский (или белорусско-украинский) тип планировки избы, распространенный на Украине, в Белоруссии, в западных русских губерниях, в Кубанской и Терской областях, а также в Карелии, в Молдавии, в Польше, на востоке Прибалтики[65]. Здесь в доме, поставленном перпендикулярно к улице, положение печи и переднего угла было таким же, как в среднерусском типе, но устье печи было обращено не к передней, а к боковой, длинной стене дома. Приготовление пищи происходило в задней части избы, между боковой стеной печи и передней торцовой стеной находился деревянный настил для спанья, над ним устраивали полати.

Как показывают археологические исследования, основные черты типов внутреннего плана жилого помещения, выделяемых в русском жилище, имеют древние традиции.

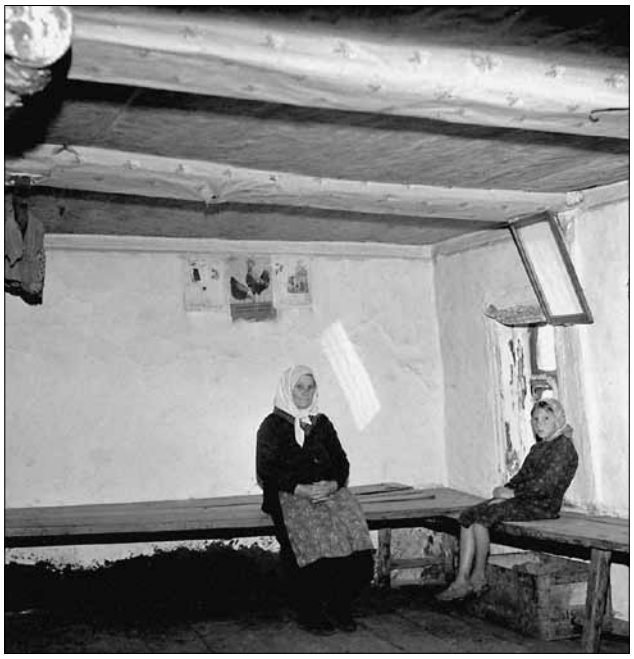
По данным П.А. Раппопорта, обобщившего археологические материалы по древнерусским постройкам, вплоть до X в. на территории расселения восточных славян преобладали жилища, в которых печь стояла в заднем от входа углу, т. е. был распространен тип планировки, который позднее стал характерным только для жилища южнорусских областей. В XI–XII вв. в полуземляночных жилищах западных районов Руси (т. е. на будущей территории Украины и Белоруссии) данная схема плана сменяется новой (впоследствии ее назовут украинско-белорусской). В этот же период в Новгороде зафиксированы дома с положением печи, которое позднее становится характерным для северно-среднерусской планировки [66]. А в юго-восточной части лесной и лесостепной зоны, в Рязанской земле, продолжало сохраняться положение печи в заднем от входа углу с устьем, повернутым к входу, — основная черта позднейшей традиционной восточно-южнорусской планировки жилища [67]. Таким образом, на исследуемой территории более древней, по-видимому, следует считать южнорусскую планировку. Она была известна здесь еще во времена Древней Руси. Позднее, в послемонгольское время, могли проявиться древние традиции местной южнорусской планировки. Возможно и вторичное усвоение их в процессе массовых миграций населения в XVI–XVII вв.

Интересно, что в древних жилищах г. Пронска, датируемых XII–XIV вв., была обнаружена иная планировка. Здесь печь стояла в углу рядом с входом, и устье ее находилось возле входа, т. е. эта планировка близка к той, которую позднее назовут украинско-белорусской [68]. Со временем украинско-белорусская планировка появляется во многих районах Рязанского края и так же, как в Тамбовской, Калужской, Орловской губерниях, распространяется в 1920–1930-е гг., постепенно вытесняя менее удобный южнорусский план избы [69].

Что касается среднерусской планировки дома, то бытование ее в северных районах Рязанского края объясняется древними связями населения с Москвой и Ростово-Суздальской землей. Для последних издавна был характерен среднерусский тип жилища. В быту населения северных районов Рязанщины было много общего с их северными соседями, в частности, здесь преобладало жилище среднерусского типа. По материалам Н.П. Милонова, граница южнорусского типа жилища начиналась несколько южнее Коломны, шла по Оке то южнее, то севернее ее течения, а затем по р. Паре до Можар [70]. Однако севернее Оки в некоторых районах встречалась также и южнорусская планировка избы, а в более южных уездах бытовала наряду с другими среднерусская планировка. Четкой границы между этими типами не существовало. Исследователи отмечали, что на протяжении XIX в., возможно и ранее, происходило продвижение среднерусского типа жилища южнее, до р. Прони [71]. Проникновение среднерусского плана жилища в южные районы, а южнорусской планировки в северную Мещёрскую сторону объясняется внутренними миграциями населения.

Народные традиции, закреплявшие в течение столетий особенности внутреннего устройства крестьянской избы, способствовали более рациональному использованию ее небольшой площади. Каждый угол, каждое место в избе имели свое постоянное назначение. Повсеместно самым почетным в избе считался передний угол, всегда расположенный по диагонали от печи. В Рязанском крае его чаще называли *передним*, иногда — *Божьим*, а в с. Троицкое Скопинского у. — *поповским*, потому что священника всегда сажали в этом углу [72], и очень редко — *красным*. В переднем углу стоял обеденный стол с выдвижным ящиком для ложек, ножей, хлеба, соли. Над столом висела *божница* с полками для икон; в богатых домах иконы могли висеть и на прилегающих к переднему углу стенах. В праздники этот угол украшали вышитыми полотенцами, вербой, искусственными цветами. В состоятельных семьях в переднем углу или ближе к нему висели лубочные картины, преимущественно религиозного содержания, иногда портрет царя или известного военачальника. В конце XIX в. украшением служило и небольшое зеркало с повешенным на него полотенцем. В переднем углу под образами всегда сидели старейшие в доме мужчины, а также почетные гости, на свадьбах — новобрачные. И во время ежедневных трапез существовал строго установленный порядок размещения семьи (см. с. 313).

В избах с южнорусским планом от двери до передней стены, выходившей на улицу (и до боковой стены в среднерусском и западнорусском плане избы), устраивали *коник* —

а)  б)

Элементы старинного интерьера (передний угол, лавки) в домах 1960-х гг.: а) Ряжский р-н, с. Новое Еголдаево; б) Милославский р-н, с. Боршевое. Фото А. Линденберга 1960 г. (АИЭА. Фототека)

широкую лавку-шкафчик для хранения посуды и съестных припасов. По стенам шли плотно прикрепленные к ним лавки. Лавку по длинной передней стене часто называли *передней*, в Касимовском у., где были избы среднерусского плана, эта лавка шла по боковой стене и называлась *долгой*. Выше окон были полки — *полицы, полавошники* — для мелкого домашнего имущества. Пространство перед устьем печи, называвшееся *чуланом*, где готовили пищу и корм скоту, считалось женской половиной. Здесь на *судней лавке* или *суднике*, под которой был устроен шкафчик — *залавок*, и на полках размещалась вся посуда и кухонная утварь: деревянные или глиняные чашки, ложки, горшки, чугуны, ушат для воды. Недалеко от печи или ближе к двери обычно стояла лохань с подвешенным над ней глиняным *рукомойником* (илл. с. 204).

Там, где было светлее, обычно ближе к передней стене, ставили ткацкий стан, а на лавке вдоль этой стены и на примосте женщины пряли и шили. Около примоста (задника) подвешивали люльку для ребенка. Для спанья использовали полати, примост, лавки, печь, пол, застланный соломой. Постельными принадлежностями вплоть до конца XIX в., а в иных местах и позднее, служили домотканые подстилки — *ватулы*[73].

Четвертую или пятую часть крестьянской избы занимала большая духовая печь, известная как *русская печь*. Еще в XII–XIII вв. во всех городищах лесостепных районов уже существовали глинобитные печи, пришедшие на смену печам-каменкам. В жилищах Старой Рязани, датируемых XII–XIII вв., обнаружены прямоугольные глинобитные печи размером 1,4 × 1,2 × 0,2 м. В раскопках Чевкинского селища недалеко от Рязани открыта глинобитная печь

Полати и боковая стена русской печи в старинной избе. Кадомский р-н, с. Кочемирово. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

размером 2 × 1,5 × 0,4 м [74]. В XIX — начале XX в. обычный размер печи был: 2–2,5 × 1,5–1,6 м, высота печи от пола была около 2 м, длина свода обычно 1,5 м, высота свода колебалась от 1 м до 1,5 м, размеры устья составляли 60 × 60 см. Общая кубатура такой печи была 6 куб. м и более. Ее большие размеры были обусловлены практическими потребностями крестьянской семьи: в печи готовили пищу, корм скоту, пекли хлеб, печью обогревали помещение, на печи спали, сушили одежду, продукты питания, в подпечке содержали кур и, наконец, большие габариты ее топки позволяли там, где не было бани, мыться в печи.

К XVIII в. сложились основные конструктивные элементы русской печи, в принципе сходные для всей территории России. Они веками отрабатывались опытным путем: усовершенствовались пропорции печей, размеры топок, материал. В XIX в. печи сооружали преимущественно из глины. Для кладки обычно приглашали специалистов-печников. Печь сооружали на деревянном основании — *опечке*. Опечек рубили из бревен или брусьев, старались приподнять от земли и поставить на деревянные обрубки или на камни. Вместе с тем в отдельных селениях Рязанского и Скопинского уездов, по данным корреспондентов ОЛЕАЭ, опечек возводили с деревянного пола. В этом случае со временем угол, где находилась массивная печь, садился, и пол становился покатым [75]. На опечке настилали *накат* из досок или горбылей, их засыпали землей, утрамбовывали глиной, иногда укладывали кирпичом и, таким образом, получался гладкий *под* печи. Задняя часть пода служила основанием свода печи, остальную часть перед устьем оставляли свободной для *шестка*, также называвшегося *загнетом, загнеткой*. Глиняный свод формовали разными способами: на под клали мешки с песком или землей, иногда длинные поленья, либо укрепляли изогнутый деревянный каркас. После первой топки печи все это сжигалось. В конце XIX в. свод нередко делали из нескольких рядов кирпича по деревянной дуге. Для возведения всего корпуса печи сооружали опалубку из досок и затем пространство между сводом печи и опалубкой забивали глиной и тщательно ее утрамбовывали.

До середины XIX в. в большинстве рязанских селений избы отапливались *по-черному*, т. е. русская печь трубы не имела, дым выходил в жилое помещение, а оттуда через дверь в сени. Кроме того, в стене за печью имелось волоковое окошечко для выхода дыма, задвигавшееся дощечкой. Во время топки печи дым распространялся по всей избе, плотным слоем висел под потолком, верхние венцы бревен покрывались черной, как смола, блестящей копотью. Находиться в избе во время топки печи было трудно, едкий дым вызывал болезни глаз и легких. Вместе с тем, многие крестьяне в с. Троицкое Скопинского у. и в других селах отмечали преимущества курных изб, считая, что они теплее, суше, не угарны, более долговечны и лучше проветриваются во время топки. Необходимо иметь в виду, что зимой во многих крестьянских избах вместе с людьми находились ягнята, поросята, телята, домашняя птица. Духота, смрад и грязь в таких избах были невыносимы, и только во время топки курной печи, при раскрытой двери в избу поступал свежий воздух [76]. «Описанная нами изба, — писал М. Баранович в 1860 г., — служит для крестьянина кухней, рабочей столовой, спальней и, вместе с тем, хлевом; и в этой-то тесноте и неопрятности, в испорченном душном воздухе и беспрестанно изменяющейся температуре, в течение продолжительной зимы, находит себе приют и отдохновение сельское население» [77].

Антисанитарные условия жизни в крестьянской избе усугублялись плохим качеством топлива. Дровяное отопление было доступно в лесной левобережной части губернии, а южнее — лишь очень состоятельным слоям населения. Большинство же крестьян за неимением дров топили печи соломой, сухим навозом, хворостом, гречишной и подсолнечной лузгой, бурьяном. В неурожайные годы крестьяне лишались не только зерна, но и топлива. Хорошим топливом считался *кизяк* — специально подготовленный навоз, перемешанный с соломенной резкой и просушенный в формах. Его научились делать примерно с середины XIX в.

«Топят у нас соломой, — писала в конце XIX — начале XX в. О.П. Семенова-Тян-Шанская из Данковского у. Рязанской губ. — Самая лучшая солома для топки — это ржаная, а овсяная и просовая гораздо хуже. Крестьяне с вечера подстилают себе солому, чтобы спать на ней. Утром солому сжигают в печи, а к вечеру подстилают свежую. Таким

образом, у крестьян получается очень гигиеничная подстилка для спанья, но ведь это только в урожайные годы. Совсем не то бывает в такие годы, когда соломы для топки не хватает (она вся идет скоту, причем иногда и крыши раскрывают, чтобы не поморить… скот). В такие годы спят на своей одежде, а печь топят сухим навозом (*котяхами*), или разным бурьяном — репьями, татарником, крапивой. В такие годы и болезней среди крестьян больше и глаза гораздо более портятся. В голодные (1891–1892) годы в двух маленьких деревушках (по 15 дворов каждая) ослепло человек около 10 от топки. Топка эта была — сухой навоз и всякий бурьян, собранный по межам, дорогам, оврагам. Дым от такой топки был… едок… Всех этих больных свезли впоследствии в город в земскую больницу, но трем из них так и не удалось вернуть зрение» [78].

Замена беструбных печей топкой *по-белому*, т. е. с трубой, началась преимущественно во второй половине XIX в., но происходила неравномерно. По данным статистических исследований 1882 г., в 11 уездах Рязанской губ. почти половину домов еще составляли курные избы: их насчитывалось 108 307, а изб, топившихся *по-белому*, было 104 455. При этом белые избы значительно преобладали в уездах Егорьевском, Зарайском, Спасском, Касимовском, т. е. в северных лесных районах, в остальных уездах еще и в начале 1880-х гг. большинство изб топилось по-черному [79]. В районах экономически менее развитых, дальше расположенных от городских и промышленных центров, курные избы сохранялись и в начале XX в. По материалам Комплексной этнографической экспедиции, еще в 1963 г. пожилые жители селений Полтевы Пеньки (ныне с. Восход) и Чермные Кадомского р-на помнили старинные курные избы, сохранявшиеся даже в начале 1920-х гг. По их воспоминаниям, такие избы перестали строить примерно с 1906–1910 гг. [80].

В конце XIX — начале XX в. часто встречались русские печи, по своему типу переходные от курной к «белой» печи с трубой, выводящей дым непосредственно на крышу. Эти печи называли *пролетными*. В домах с южнорусской планировкой от устья печи по направлению к двери устраивали горизонтальный дымоход, который выводил дым в сени. Такая труба обычно составлялась из специальных цилиндрических или конусообразных гончарных труб, вставленных одна в другую (*боров, горшки*) и укрепленных на двух жердях, идущих от печного столба до отверстия в стене, смежной с сенями. По мнению населения, такая труба являлась дополнительной нагревательной поверхностью и, таким образом, способствовала сохранению тепла в доме [81]. Подобные трубы были распространены во многих южнорусских губерниях [82].

На протяжении XX в. конструкция русской печи постепенно совершенствовалась. Зажиточные слои населения стали сооружать печи из обожженного кирпича. Бытовали комбинированные печи, в которых под и свод выкладывали из обожженного кирпича, а весь остов печи — из глины или сырцового кирпича. В 1920–1930-е гг. распространяются кирпичные печи с трубой, выведенной непосредственно через потолок избы на улицу. При этом дымоходы могли делать из самана или из досок, обмазанных глиной. Но со временем все чаще возводили печи и дымоходы из обожженного кирпича. Русскую печь стали дополнять маленькой печкой-*голландкой,* которую здесь чаще называли *грубой* или *лежанкой*.

С конца XIX в. замечается тенденция к разгораживанию площади избы легкими перегородками или занавесками. В домах со среднерусской планировкой место перед устьем печи часто отгораживали перегородкой, образуя чулан. Иногда легкой занавеской выделяли спальное место. Во многих селениях стали менять южнорусскую планировку с печью, стоявшей вдали от входа, на западнорусскую с печью в углу у двери, поскольку такое изменение плана позволяло отделить легкой перегородкой переднюю половину дома от задней — кухонной.

В пятистенных домах постепенно нарушалось традиционное расположение основных элементов интерьера и, соответственно, менялось строго функциональное назначение определенных мест. Традиционные черты старинной избы отчасти сохранялись в кухонной половине: русская печь, примост, полки для посуды, обеденный стол в переднем углу, где висели иконы, скамейки и др. В горнице (иногда и в кухне) постепенно заводили новые предметы

Русская печь и лежанка. Владимирская обл., Гусь-Хрустальный р-н, дер. Бутылки (бывш. Касимовский у.). Фото С.А. Иниковой 2008 г.

Боковая стена русской печи. Ряжский р-н, с. Новое Еголдаево. Фото А. Линденберга 1960 г. (АИЭА. Фототека)

быта: кровати, стулья, табуреты, деревянные диваны и др. Горница обычно отапливалась голландкой. Перед Первой мировой войной вошло в моду развешивать на стенах фотографии, вешать зеркало, появились на окнах цветы, занавески и прочие бытовые вещи, свидетельствовавшие о городском влиянии.

Застройка усадьбы. Важным признаком традиционного жилого комплекса считаются план застройки усадьбы, характер двора, положение дома в составе двора и по отношению к улице, способы соединения жилых и хозяйственных построек. Передняя часть сельской усадьбы, где около дома расположены хозяйственные постройки для скота, различного инвентаря, транспорта, корма для скота, топлива, называлась *двором*.

На территории Рязанского края бытовали разные типы двора и дворовой застройки. Северные уезды Рязанской и Тамбовской губерний были переходной зоной бытования *крытого* и *открытого* типов двора. Наряду с открытым здесь во многих селениях встречались или преобладали крытые дворы. В крытом дворе все хозяйственные помещения объединялись в одно целое под общей крышей и вплотную примыкали к дому. Такой двор этнографы также называют *сомкнутой* или *слитной* застройкой. Развитие этого двора было обусловлено более суровым климатом, длинными снежными зимами, вынуждавшими объединять жилые и хозяйственные постройки в одно целое. Крытые дворы были распространены в северных, в центрально-нечерноземных русских губерниях Европейской России, во многих районах Сибири [83]. В таком дворе дом обычно стоял перпендикулярно к улице, выходил на нее торцовой стеной.

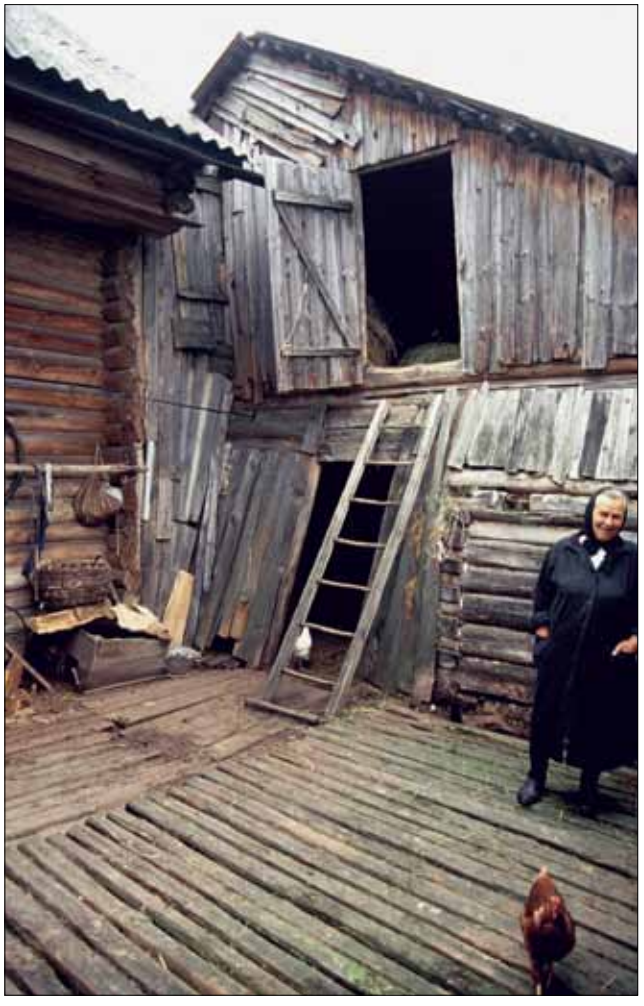
Во многих селах Зарайского, Егорьевского, Спасского, Касимовского, частично Рязанского и Сапожковского уездов крытый двор нередко был пристроен сзади дома, стоявшего торцом к улице (*однорядная связь*), встречались дворы, пристроенные сбоку дома (*двухрядная связь*). Также хозяйственные постройки могли вплотную примыкать к дому сбоку и сзади, как бы охватывая его с двух сторон — *глаголеобразная* или *охватывающая связь* [84]. По данным М.Д. Малининой, изучавшей в 1920-е гг. рязанскую Мещёру, сбоку к дому прилегал *чистый двор*, где находились телеги, сохи, бороны и пр. Сзади дома вплотную к нему примыкал *задний двор*, крытый тесом. Он занимал большую площадь и был застроен *хлевами*, *катухами* (для телят), *омшаниками* (для поросят), *конюшнями*, посредине стоял огромный *чан* для корма скотины. Под крышей двора устраивались *сушилы* для сена. Задние ворота выводили на огород, за огородом — *рига* с открытым *током*, усадьба заканчивалась *овином*, где сушили хлебные снопы [85].

На севере Тамбовщины в Елатомском у., ныне входящем в состав Касимовского р-на, по материалам Н.И. Лебедевой, крытый двор пристраивали сбоку дома. Стены

а)

двора строили из бревен, заложенных в столбы, в середине двора ставили парные им столбы, поддерживавшие стропильную конструкцию двускатной крыши. Вдоль стен находились хлевы, иногда баня и даже рига. Середина двора оставалась свободной от построек [86].

Для значительной территории Рязанского края был характерен открытый тип двора, обычно замкнутый в плане. Такой тип бытовал на обширной территории Черноземного центра в Калужской, Орловской, Тульской, Тамбовской, Курской, Воронежской губерниях [87]. Переднюю его часть занимал дом, выходивший окнами на улицу и поставленный длинной стеной параллельно улице, так что вход в сени был с улицы. В более северных районах края нередко встречались замкнутые дворы, в которых дом стоял торцом к улице и вход был со двора. Дворовые постройки в открытом замкнутом дворе были расположены за домом, они шли по периметру двора и составляли замкнутое, открытое в центре пространство. Характер расположения и состав хозяйственных построек варьировали в разных районах и в значительной степени зависели от материального достатка крестьянской семьи. Корреспонденты ОЛЕАЭ из сел Красное и Насилово Пронского у., Новоселки и Подвязье Рязанского у. в конце XIX в. сообщали, что

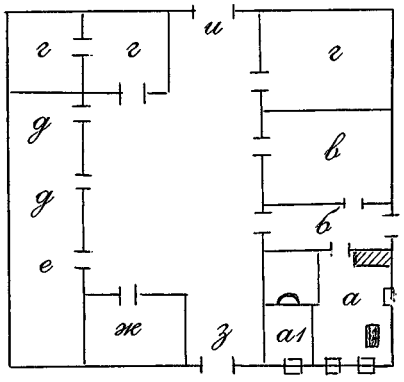


б)

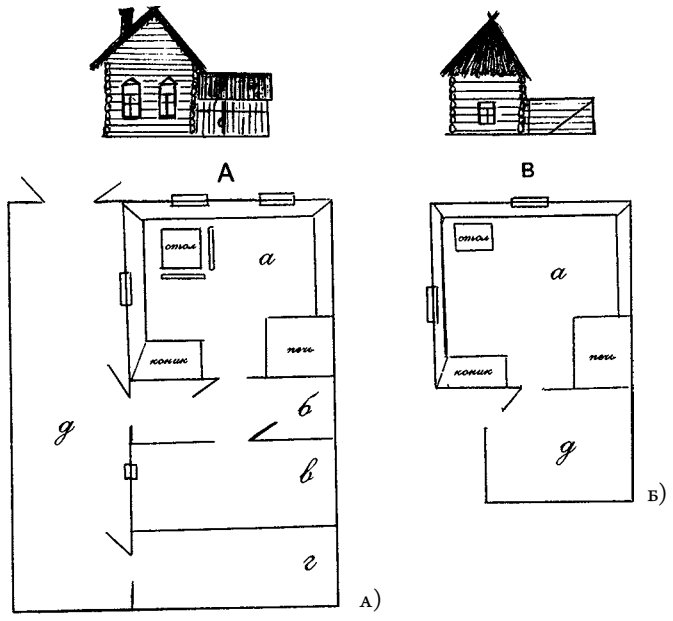
Типы открытого двора: а) Шацкий р-н, дер. Спасск; б) Клепиковский р-н, дер. Алтухово.
Фото С.А. Иниковой 2002, 2006 г.

Дом с замкнутым двором. Касимовский у. Фото конца XIX – начала XX в. (Касимовский краеведческий музей)

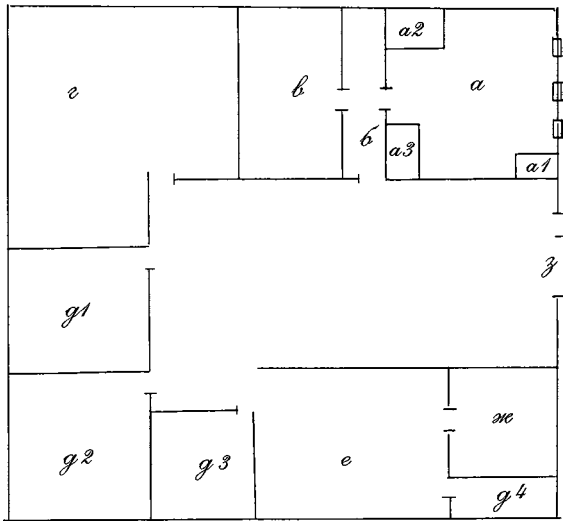
Дом с пристроенным сбоку двором. Рыбновский р-н, с. Константиново. Фото С.В. Якушевского 1953 г.



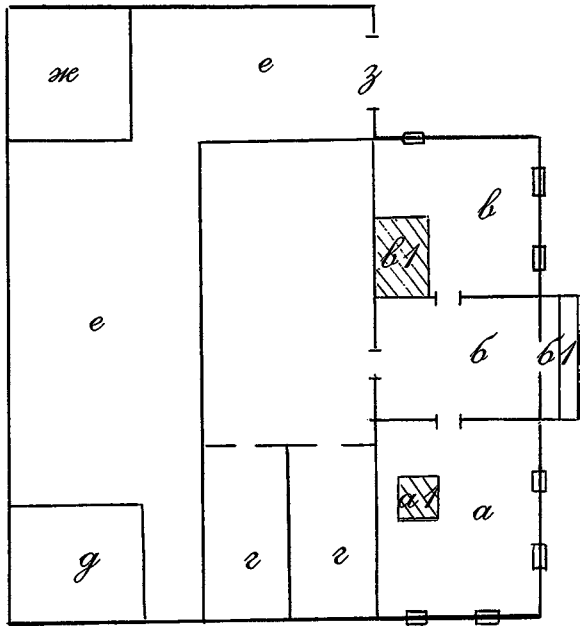
План дома с замкнутым двором. Рязанский у., с. Подвязье: *а)* изба, *а1)* чулан, *б)* сени, *в)* горница, *г)* хлевы, *д)* хатка, *е)* сарай, *ж)* мшаник, *з)* калитка, *и)* задние ворота. Рис. конца XIX в. (АИЭА. ОЛЕАЭ)



Планы крестьянских домов и дворов. Сапожковский у., с. Путятино: А) зажиточного крестьянина: *а)* изба, *в)* чулан, *г)* помещение для скота, *д)* двор, пристроенный сбоку; Б) бедного крестьянина: *а)* изба, *д)* двор, пристроенный сзади. Рис. конца XIX в. (АИЭА. ОЛЕАЭ)



План избы с замкнутым двором. Рязанский у., с. Кузьминское: *а)* изба, *а1)* стол, *а2)* печь, *а3)* кровать, *б)* сени, *в)* клеть, *г)* сарай для корма, *д1)* хлев для лошади, *д2)* хлев для коров, *д3)* хлев для овец, *д4)* хлев для свиней, *е)* навес для экипажей, *ж)* погреб, *з)* ворота с калиткой. Рис. конца XIX в. (АИЭА. ОЛЕАЭ)



Планировка избы с замкнутым двором. Спасский у., дер. Сергеевка: *а)* горница, *а1)* печь, *б)* сени, *в)* изба, *в1)* печь, *г)* холодный хлев, *д)* баня, *е)* навесы, *ж)* теплый хлев, *з)* ворота. Рис. 1925 г. (НА РИАМЗ. ЭА ОИРК)

каждый хозяин строит сараи по своему усмотрению, но хороший хозяин старается обнести ими свой двор кругом. Обычно те, кто жил побогаче, сараи ставили кругом двора, менее состоятельные застраивали две или одну сторону двора. Слева или справа от дома были ворота под двускатной крышей и навесы на столбах — *поветы*, уходившие вглубь двора, предназначенные для повозок, орудий, утвари. К дому был пристроен амбар или конюшня, иногда погреб и навесные сараи, под которыми могли быть клети или хлевы для скота. По задней стене двора снова шли навесные сараи и хлевы, а перед ними за загородкой — открытое место для выгула скота, называвшееся *денником* или *варком*. В средине двора, если позволяла площадь, стояли хатки, клети, амбар. В задней стене двора были ворота, выходившие на огород или на гумно [88]. Корреспонденты ОЛЕАЭ отмечали тесноту и грязь крестьянских дворов. «Дворы… достигают пространства не более 90–100 кв. сажень, — писал корреспондент из Скопинского у. — Подобный двор, окруженный со всех сторон постройками, служит местом накопления навоза, и этот навоз раз только в год вывозится в поля для удобрения земли. Поэтому дворы… и хлевы постоянно грязны» [89].

В зажиточных хозяйствах двор делили на передний (чистый), где под навесами, образующими с домом замкнутый четырехугольник, содержали разные хозяйственные принадлежности и службы, и задний (скотный), где были денники и хлевы или, как их еще называли, *закуты* [90].

В подобных замкнутых дворах большая часть хозяйственных построек была сосредоточена на его территории. Однако во многих селениях края, например в Ивановской вол. Раненбургского у., в с. Новоселки Рязанского у., в с. Маклаково Скопинского у. и др., часть хозяйственных построек — амбар, кладовая, клеть, погреб — ставили или перед окнами дома по улице, иногда за двором на огороде, или на гумне [91]. Кроме того, зловоние от навоза, грязь вынуждали крестьян устраивать малые дворики, окруженные сараями и навесами, где хранили повозки, топливо, имущество семьи, продукты и пр. Их располагали напротив дома или за двором на огороде. Так, в с. Виленка Михайловского у. жилые избы находились по одну сторону улицы, а хозяйственные постройки — по другую. Это лучше предохраняло имущество от

Амбары, вынесенные в одно место. Кадомский р-н, с. Кочемирово. Фото С.А. Иниковой 2005 г.

пожаров и позволяло хозяину наблюдать из окон избы за хозяйственными службами [92]. В Никольской вол. Раненбургского у. зажиточные крестьяне ставили на улице против окон дома сараи для транспорта, орудий, топлива и погреба. В сарае мужчины занимались ремеслом, а женщины обрабатывали волокно [93]. В с. Троицкое Скопинского у. на другой стороне улицы против дома ставили амбар, погреб, еще далее сараи для сена и ригу [94].

Традиция постановки некоторых хозяйственных построек — амбара, кладовой, погреба и др. — посредине или на другой стороне улицы характерна для южнорусских губерний — Тульской, Орловской, Тамбовской, на западе она бытовала, начиная от Калуги до Брянска, в жиздринском и брянском Полесье [95].

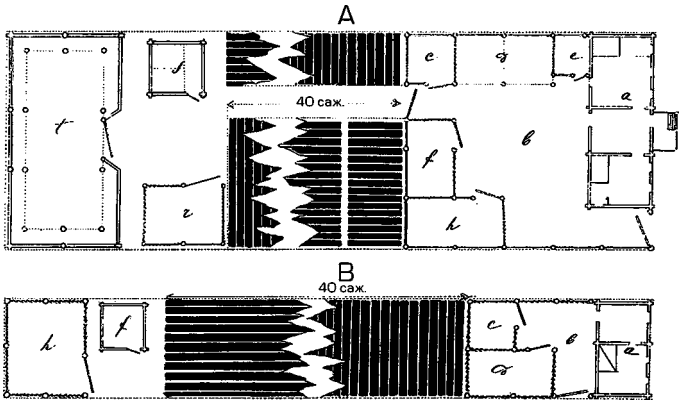
а)

б)

Сараи для сена: а) Сапожковский р-н, с. Канино; б) Ряжский р-н, с. Большая Алешня. Фото С.А. Иниковой 2002, 2005 г.

В XIX в. на юго-западе Рязанской губ. в Данковском и Скопинском уездах (в верховьях Дона) отмечен своеобразный вариант замкнутого двора, известный в литературе как *двор-крепость*. Типичный для феодальной эпохи двор-крепость бытовал в бассейне Дона почти до впадения р. Воронеж. Поскольку в этом районе близки выходы известняка, из него возводили стены хозяйственных построек, оград, иногда домов. Стены, окружавшие двор, были одновременно наружными стенами для хозяйственных надворных строений и дома, обращенного окнами во двор, вход в него — со двора [96]. Двор-крепость в Данковском у. был подробно описан Н.И. Лебедевой [97]. Все хозяйственные и жилые постройки здесь были объединены общей крышей, идущей по всем сторонам замкнутого двора, огороженного каменной стеной с навесом, вмещавшим избу, хатки, амбары, закуты для скота, погреба, а также под этим навесом держали телеги, орудия, утварь и топливо. С улицы это выглядело длинной каменной стеной, покрытой крышей. Дворы-крепости были известны и в других местах вдоль бывших военных пограничных линий Московского государства в Орловской, Калужской, Тульской, Тамбовской, Воронежской губерниях. Появление этого двора было обусловлено опасной военной обстановкой на южных окраинах Московского государства в XVII–XVIII вв. Двор-крепость, олицетворявший собой замкнутую усадьбу феодального периода с ее натуральным хозяйством, замкнутым бытом, позднее сохранялся преимущественно в богатых крестьянских хозяйствах. С начала XX в. такие дворы строили мало. Их заменяли усадьбами с более свободным расположением построек, а дом стали ставить окнами на улицу.

На значительном расстоянии от дома, за огородом устраивали *гумно*, которое являлось хозяйственным комплексом, включавшим открытый ток для молотьбы хлеба, сараи, необходимые для хранения снопов, их обмолота и просушки. Снопы перед обмолотом сушили в *овинах*, но, как явствует из Топографического описания Рязанского наместничества, составленного между 1778 и 1796 гг., они не были повсеместно широко распространены. На правобережье в Рязанском у. овинов не было, мало их отмечено и в Михайловском, Пронском, Раненбургском уездах [98].



Планировка усадьбы с замкнутым двором. Рязанский у., дер. Волынь: А) зажиточного крестьянина: *а*) изба, *в*) двор, *с,н,ғ*) хлевы, *д*) навес, *еj*) амбары, *р*) огород, *т*) рига, *ч*) половень. Б) бедного крестьянина: *а*) изба, *в*) двор, *с,д*) хлевы, *е*) огород, *н*) рига, *ғ*) амбар. Рис. конца XIX в. (АИЭА. ОЛЕАЭ)

Там, где овины были, их делали рубленными, реже плетеными. Овин строили в два яруса, в нижнем была печь, в верхнем, называемом *садило*, сушили снопы на колосниках. В Рязанской губ. преобладал *ямный* овин, в котором нижний ярус (*ямник, подовин*) находился в выкопанной яме. Ямные овины были распространены южнее Москвы[99]. В конце XIX — начале XX в. рязанские крестьяне вообще старались обходиться без предварительной просушки снопов (см. с. 115).

Для хранения снопового хлеба, мякины, половы и обмолота в плохую погоду служил большой сарай-рига. Стены риги сооружали из плетня или досок, высотой в 1,5–2 м, длина риги достигала 15–20 м, ширина — 7–12 м. Высокая соломенная крыша, в несколько раз превышавшая высоту стен, крепилась на массивных столбах — *сохах*, поверх сох — балки, в которые врубались стропила кровли. Во многих, преимущественно южных, селениях Рязанщины (а также в Тульской, Тамбовской, Воронежской, Курской губерниях) рига строилась в форме большой соломенной четырехскатной крыши, поставленной на землю. Стропила (*быки*) вкапывали в землю, а вверху их соединяли попарно. Земляной или глинобитный пол в риге плотно утрамбовывали. Такой ток служил для обмолота снопов зимой или в ненастную погоду. Летом молотили на открытом току, который устраивали рядом с ригой. В риге крестьяне держали телеги, оси, бороны, цепы и прочий инвентарь, а в летнюю жару — спали. Поскольку постройка овина или риги обходилась дорого, то иногда гумно принадлежало нескольким хозяевам, которые вместе его строили и использовали[100].

Зерно хранили в амбарах. Выбор строительного материала для амбара зависел от местных природных ресурсов и материального достатка семьи. Зажиточные хозяева предпочитали строить амбар из бревен, камня или кирпича. Рубленые амбары были в традиционном русском стиле. Помимо зерна и муки в амбаре нередко хранили одежду и разные предметы домашнего обихода. В некоторых местах роль хранилища зерна и одежды выполняли *клети, кладовые, хатки*. Стены их часто возводили из плетня, обмазанного глиной, из самана, иногда они были глинобитными, например в селах Троицкое Скопинского у., Красное Пронского у., в Ивановской вол. Раненбургского у. В начале XX в. распространились кирпичные кладовые, которые часто ставили перед окнами дома или во дворе[101].

Старинный амбар из плетня, обмазанный глиной. Сапожковский р-н, дер. Александро-Прасковинка. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

В конце XIX — начале XX в. во многих селениях в целях предохранения домашнего имущества от пожара его хранили в обширных подвалах, также называемых *выходами*. Глубина подвала нередко достигала 2 м, стены его обивали досками, обкладывали камнем, плетнем, обмазанным глиной. У зажиточных крестьян стены могли быть срубными или кирпичными. Сверху подвал перекрывался деревянным настилом и двускатной крышей,

покрытой лубом, глиносоломенной смесью или дерном. Выходы обычно стояли против окон дома, образуя порядок, параллельный порядку домов. Они бытовали также в Тамбовской, Тульской, Курской губерниях [102].

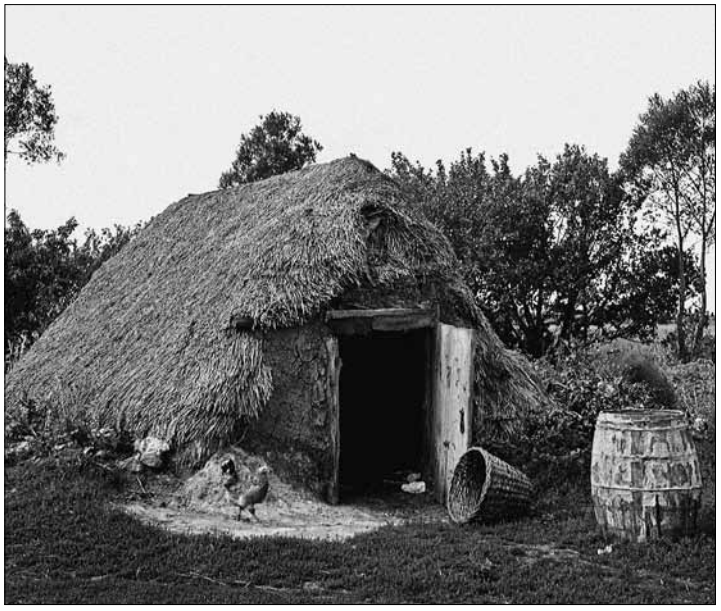
Для хранения овощей и других продуктов питания служил погреб. Яму для погреба старались вырыть в глинистом грунте. Стенки ямы оставляли земляными или обкладывали досками, камнем, кирпичом. Сверху яма, как и подвал, перекрывалась настилом с двускатной крышей. Погреб обычно устраивали во дворе поближе к дому, под крышей сарая или навеса [103].

Баня как отдельная постройка сельской усадьбы, типичная для северных и многих среднерусских губерний, на юге Черноземья, в том числе и в южных районах Рязанского края, встречалась не везде. Здесь чаще парились в русской печи, мылись дома в корыте или ушате, летом — на речке. В середине XIX в. бани бытовали в северной лесной части Рязанской губ., к северу от р. Пры и на восток от р. Рановы. Территория распространения бани совпадала с районом бытования среднерусского типа избы и двора [104]. Бани были известны и на севере Тамбовской губ. — в Елатомском и Темниковском уездах [105]. Южнее р. Пры в одних рязанских селах бани встречались спорадически, в других их не было совсем. Так, в конце XIX в. в Рязанском у. в селениях Волынь и Поляны бань не было, жители парились в русской печи, а после парения окатывали себя холодной водой во дворе. В то же время в с. Новоселки того же уезда было шесть бань у крестьян и у духовных лиц [106].

Баню стремились поставить подальше от дома: на огороде, около реки, возле пруда. В конструкциях и внутреннем устройстве рязанской бани было много общего с баней более северных районов. Преобладали небольшие срубные бани размером 4,6 × 4 м. Обычно это было низкое строение высотой 1,7–2 м.

Подвал (выход) для хранения вещей и продуктов. Сасовский р-н, с. Мыс Доброй Надежды. Фото С.А. Иниковой 2004 г.

Погреб. Ермишинский р-н, с. Царево. Фото С.А. Иниковой 2004 г.



Старинная баня. Милославский р-н, с. Боршевое. Фото А. Линденберга 1960 г. (АИЭА. Фототека)

а)

б)

Бани, топящиеся по-черному: а) Шацкий р-н, дер. Спасск; б) Сапожковский р-н, дер. Александро-Прасковинка. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

На сруб настилали потолок из горбылей или досок, сверху его засыпали землей. Дощатый или бревенчатый пол клали прямо по земле. У бедняков пол был глинобитный или земляной, перед мытьем его застилали соломой. Сбоку к бане пристраивали предбанник из досок или плетня. В более примитивных банях предбанника не было, раздевались на улице, одежду вешали на жерди, выступавшие из потолка. Соломенная крыша у бедных крестьян могла отсутствовать, ею служил утепленный потолок. Обычно бани отапливались *печью-каменкой* без трубы. Печь складывали из больших камней-валунов, поверх свода насыпали мелкие камни, часть этих раскаленных докрасна камней во время топки печи бросали железными щипцами в бочку или котел с водой, нагревая ее подобным примитивным способом. Парились на *полке́* — высокой широкой лавке, укрепленной на деревянных стояках с двумя-тремя ступенями, по стенам шли узкие лавки. После жара парной бани моющиеся нередко выбегали нагими на воздух, обливались холодной водой, а зимой катались по снегу [107].

В большинстве рязанских селений печь в бане, как и в избе, была расположена в дальнем от входа углу, устьем повернута к входу. Реже устье печи было направлено к боковой продольной стене бани. Интересно, что в северных районах Рязанской губ., где в жилище отмечается среднерусский план, в бане сохранялся южнорусский план с печью, расположенной в дальнем от входа углу. Поскольку баня в ее архаическом варианте по сравнению с жилищем была более примитивной постройкой, а, по мнению некоторых ученых, в древности жилище одновременно совмещало в себе и функции бани [108], то можно предположить, что баня сравнительно дольше сохраняла и более древнюю для этой территории южнорусскую планировку.

На протяжении XX в. бани постепенно усовершенствовались: печь-каменка заменялась глинобитной или кирпичной печью с вмазанным в нее котлом, топку по-черному сменяли печи с вытяжной трубой.

Важное значение бани в крестьянском быту отразилось в богатом фольклоре, в верованиях и обрядах. Так, например, банный свадебный обряд, характерный для Русского Севера, Поволжья и центра России, известен в Тамбовской, Пензенской и в Рязанской губерниях (см. т. 2. с. 66–67). Там, где были бани, их топили для невесты накануне свадьбы и для молодых после первой брачной ночи. Во многих местах баню считали поганой, связанной с нечистой силой, о проделках которой в бане повествуют народные сказки, пословицы и поговорки.

Изменения в сельском жилом комплексе в 1920–1930-е гг. Катаклизмы начала XX в. — революции, войны и разруха — отрицательно сказались на жизни русской деревни. Жилищные условия крестьян стали постепенно улучшаться лишь после окончания

гражданской войны и отмены продразверстки. Национализация земли, участившиеся семейные разделы, расширение свободы экономической деятельности крестьян в период НЭПа стимулировали сельское жилищное строительство.

В 1920-е гг. происходило быстрое обновление жилого фонда без значительных изменений качества жилых построек. В эти годы дома нередко строились по типу традиционных изб. Вместе с тем, многие и, прежде всего, экономически более крепкие семьи стремились внести усовершенствования в свое жилище. В северных районах Рязанского края распространилось покрытие крыш дранкой, двускатные крыши заменялись трехскатными с мезонином или светелкой. В период НЭПа дома зажиточных крестьян были перекрыты железными крышами, под жилые постройки подводились кирпичные фундаменты, стены обшивались тесом. В больших селах появилось много новых кирпичных домов. В торговом с. Ижевское Спасского у. кирпичные дома в 1927 г. составляли 47%, при этом кирпичных, крытых железом было 459 домов (39%), деревянных домов, крытых соломой — 258 (22%) [109]. Значительно больше, чем раньше, стали строить пятистенных домов. Н.И. Лебедева, обследуя в 1923 г. селения бывшего Сапожковского у., отмечала, что «новый тип дома — пятистенок — наступает на старый тип избы, пятистенков много» [110]. Изба нередко разделялась перегородками на несколько комнат, увеличивалась ее общая площадь. Традиционная русская печь стала ставиться более произвольно, иногда в середине избы. Перегородками выделяли кухню, там, где находилось устье печи; иногда прихожую или столовую при входе в дом, спальню в передней части избы. В богатых домах появилась городская мебель, хорошая посуда. Широко вошел в деревенский быт обычай вешать на окна занавески, украшать парадную комнату живыми и искусственными цветами, фотографиями, стены оклеивать обоями или газетами и картинками из журналов, плакатами [111].

В первые годы коллективизации, когда происходило переустройство социально-экономических основ крестьянского хозяйства, строительство общественных хозяйственных сооружений, на благоустройство индивидуального сельского быта обращалось мало внимания. Изменения в жилищном строительстве наметились лишь во второй половине 1930-х гг. и преимущественно в экономически крепких колхозах. В это время получает

Улица с домами, построенными в разные годы XX в. Клепиковский р-н, с. Ветчаны. Фото С.А. Иниковой 2005 г.

дальнейшее развитие тенденция разделения одного жилого помещения перегородками на ряд комнат; продолжилось строительство пятистенных домов. В жилых комнатах больше стало городских предметов домашнего обихода: мебель, фабричная посуда, патефоны, швейные машины, фотографии, почетные грамоты на стенах. В крупных селениях поблизости от фабрично-заводских центров, в рабочих поселках стали появляться радио и электричество. В результате коллективизации и обобществления наиболее крупных хозяйственных построек, тяглового скота, а с 1935 г. регламентации количества скота на подворье и величины усадьбы*, шел процесс сокращения числа дворовых построек за их ненадобностью. Со дворов колхозников исчезли конюшни, половники, риги, овины, повети, сокращалось число хлевов, амбаров, сараев [112].

Жилищное строительство было прервано Великой Отечественной войной и стало возобновляться в послевоенные годы.

Современное жилье. В современном жилище, как одном из устойчивых компонентов материальной культуры, используемом в культурно-бытовой жизни нескольких поколений людей, выявляется сравнительно длительное функционирование традиций, нередко сформировавшихся в далеком прошлом. В большей степени традиционность прослеживается в домах, построенных в первой половине XX в., но частично, передаваясь из поколения в поколение, в той или иной мере она проявляется (нередко в трансформированном виде) и в постройках, возведенных в последние десятилетия XX в.

Во многих селениях после войны, особенно там, где происходила интенсивная миграция сельского населения в город, а также в экономически слабых колхозах строилось мало новых домов и возводились они главным образом на центральных колхозных усадьбах. Наибольший процент жилого фонда во многих селах составляют дома, сооруженные в послевоенный период, особенно в 1950–1970-е гг. В 1970–1980-е гг. возросло число сельских домов, возведенных хозяйственным способом силами колхозов, совхозов и государственными строительными организациями.

Данные похозяйственных книг, обработанные этнографами в нескольких селах, представлены в следующей таблице:

Название селения	Год обследования	Число обслед. домов	Время постройки							
			До 1917	1917–1929	1930-е гг.	1940-е гг.	1950-е гг.	1960-е гг.	1970-80-е гг.	1990-е гг.
Дер. Новое и Старое Батурино Рыбновского р-на (колхоз «Россия»)	1956	437	18	86	71	73	244			
с. Устрань, дер. Бессоновка Спасского р-на (колхоз «Борьба»)	1956	352	5	114	52	73	128			
с. Полтевы Пеньки Кадомского р-на	1963	392		96	66	27	108	22		
с. Чернава Милославского р-на	2002	72	11	8			7	11	29	6

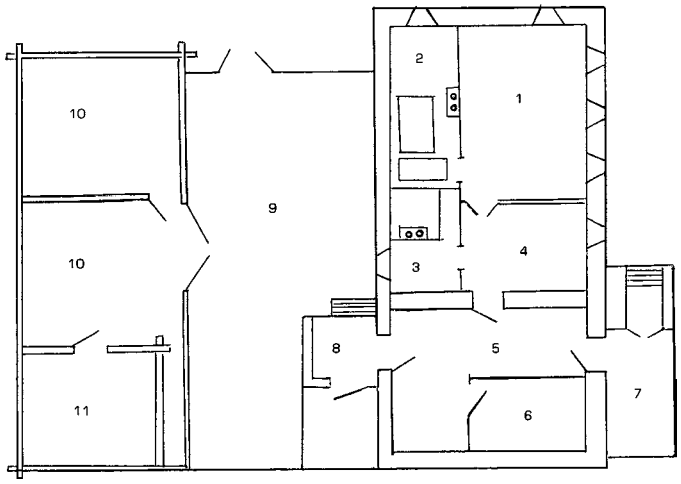
Таблица составлена по материалам: *Чижикова Л.Н.* О сельском жилищном строительстве в колхозах Рязанской области. Рукопись. 1956. Архив автора; АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ.). Оп 19. Д. 4378. Л. 36. Данных за 1960–1990-е гг. по ряду селений не имеется.

* В 1935 г. II Всероссийский съезд колхозников-ударников принял новый примерный устав сельхозартели, которым устанавливался размер приусадебного участка и допустимое количество скота.

Старые дома, модернизированные в 1970-е гг. Владимирская обл., Гусь-Хрустальный р-н, дер. Шевертни (бывш. Касимовский у.). Фото И.И. Исаева 2007 г.

Как показывают эти материалы, обследованные села, как и многие другие, интенсивно застраивались в 1920-е и 1950-е гг., особенно после изменения налоговой политики в отношении деревни в 1953–1958 гг. В экономически крепком колхозе «Россия» дома, построенные в 1950-е гг., составляли более 50% всех жилых построек колхоза, кроме того, были капитально отремонтированы почти все дома, возведенные в 1920–1930-е гг. Данные таблицы свидетельствуют, что в 1950-е гг. и в других селах было построено более трети всех домов того времени. В 1958–1960-е гг. отмечена строительная горячка и в с. Новое Еголдаево Ряжского р-на. За это время было построено и перестроено около 100 домов — это почти 25% домов села. Здесь перестраивали преимущественно старые кирпичные дома, сени обращали в кухню, а избу — в горницу, соломенные крыши перекрывали железом и дранкой [113]. К сожалению, мы не располагаем необходимыми статистическими данными о жилом строительстве в последующие десятилетия.

Большое жилищное строительство во многих селах Рязанской обл. стало возможным благодаря помощи сельским застройщикам со стороны колхозов и совхозов, районных кооперативных и строительных организаций. Многие колхозы и совхозы предоставляли застройщикам денежные ссуды, общественный транспорт для перевозки строительных материалов, выделяли на индивидуальное строительство плотников из строительных бригад. Некоторые колхозы и сельские советы помогали членам своего кооператива в приобретении строительных материалов. Но в большинстве случаев застройщикам приходилось доставать лес, кирпич, железо, шифер через спекулянтов, значительно им переплачивая. Немногие застройщики ездили на заготовку леса на север области. Крепкие хозяйства строили за свой счет дома инвалидам Отечественной войны, помогали в строительстве молодым семьям, возводили многоквартирные и одноквартирные дома специалистам сельского хозяйства [114]. Так, в конце 1970-х гг. экономически окрепший колхоз в с. Пеньки



Планировка дома, построенного в 1953 г. Рыбновский р-н, дер. Новое Батурино.: 1) зал, 2) спальня, 3) кухня, 4) прихожая, 5) сени, 6) чулан, 7) терраска, 8) крыльцо во двор, 9) открытый двор, 10) сараи, 11) конюшня (Архив Л.Н. Чижиковой)

Дом для молодых семей, построенный за счет колхоза в 1980-е гг. Сапожковский р-н, с. Канино. Фото С.А. Иниковой 2002 г.

Строительство дома из шлакобетона. Рыбновский р-н, дер. Новое Батурино. Фото 1953 г.

а)

б)

Дома, построенные в начале 2000-х гг.: а) Сасовский р-н, с. Темгенево; б) Клепиковский р-н, дер. Андроново. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Пителинского р-на застроил новыми домами из бруса и кирпича целую улицу. Кроме того, плотники колхозной бригады помогали строиться индивидуальным застройщикам. С помощью колхоза были возведены новые дома для молодых семей в с. Чернава Милославского р-на. Вновь возникшую улицу назвали «Молодежная». В пос. Пителино в 1970–1980-е гг. работал кирпичный завод, и в конце 1980-х гг. в Пителинском р-не кирпичные дома строились также силами межколхозной строительной организации. По сообщениям жителей области, в 1990-е гг. строительство сельских домов резко сократилось; в последнее десятилетие в рязанских селениях строятся преимущественно городские дачники и фермеры.

В 1950-е гг. и позднее развитие индивидуального жилища происходило на основе как создания новых строительных приемов, так и использования и дальнейшего совершенствования рациональных навыков местного жилищного строительства, выработанных на основе многовекового народного опыта.

При постройке домов, как и прежде, широко использовались местные строительные материалы. В северных районах до недавнего времени строили рубленые дома. При постройке срубных домов применяли традиционные приемы обработки и возведения

Дом фермера, построенный в начале 2000-х гг. Клепиковский р-н, дер. Андроново. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

срубов, рубки углов, последовательность рубки и сборки сруба, способы крепления потолочных балок и перерубов для пола. В безлесных южных районах области кое-где сооружали саманные и глинобитные постройки, но чаще применялись прочные и огнестойкие материалы — кирпич, на юго-западе — естественный камень, в отдельных местах — шлакобетон, а также новые материалы промышленного производства. В 1950-е гг. шлак как строительный материал становится популярным в Рязанском, Рыбновском, Солотчинском и других районах. Хорошее качество этого материала отмечали многие владельцы шлакоцементных домов: в жилых помещениях тепло и сухо, строительство их обходилось намного дешевле [115].

По мере улучшения техники сельского строительства и роста культурных запросов населения наметилась тенденция к стиранию прежних различий в высоте северного и южного жилища. В лесостепных районах дома строили значительно более высокими, чем прежде; пол приподнимали над землей на высоту фундамента, сделанного из прочных материалов. Повсюду появились различные по форме и материалу крыши. При их строительстве применялась традиционная стропильная конструкция, делались карнизы. Большинство современных домов покрыто прочными кровельными материалами — обычно железом, реже шифером. Очень редко встречаются традиционные местные кровельные материалы: так, в лесных районах — тес, дранка. В 1950-е гг. повсеместно соломенные крыши на старых домах заменялись железными [116].

В современной архитектурной отделке сельского дома творчески развиваются лучшие народные художественные традиции прошлого и создаются новые формы. Многие современные деревянные дома обшиты тесом. Широко распространена штукатурка наружных стен и побелка. Глиняную обмазку стен стали заменять облицовкой более прочными материалами: кирпичом, цементным и известковым раствором. Сохранилась и получила дальнейшее развитие традиция окрашивания стен дома и его архитектурных деталей в различные контрастные тона. В районах срубного строительства, особенно на севере области, продолжала существовать традиция украшения деревянных деталей дома (наличников, фронтонов, крылец, ве-

Дом, построенный в 1925 г., отремонтированный в начале 1990-х гг. Кадомский р-н, с. Кочемирово.
Фото С.А. Иниковой 2005 г.

Дома, купленные и отремонтированные дачниками. Клепиковский р-н, дер. Дмитриево.
Фото С.А. Иниковой 2005 г.

ранд и др.) *пропильной резьбой*. Дома, построенные из кирпича или им облицованные, украшали рельефными геометрическими узорами, выложенными из фасонных кирпичей. В домах, покрытых железными крышами, применялось традиционное для некоторых мест украшение верхних ребер крыши, водосточных желобов, крылец узорами из просечного железа. Распространялись и новые виды художественной отделки сельского дома: пластическая обработка стен выпуклыми узорными деталями, отлитыми из цементного раствора или гипса, рустовка стен, оштукатуренных известью или растворами с примесью цемента, под камень.

а) б) в)

г) д) е)

Современные дома с резными наличниками в селениях Клепиковского р-на: а) дер. Дмитриево; б) дер. Норино; в) с. Малахово; г,д) дер. Акулово; е) современный дизайн резных наличников на доме в дер. Дмитриево, построенном дачниками в конце 1990-х гг. Фото С.А. Иниковой 2005–2006 гг.

В наше время сравнительно мало применяются малоудобные старые планы жилого дома — двухкамерные и трехкамерные. В 1950–1970-е гг. широкое распространение получили трех- и четырехкомнатные дома, развившиеся, по-видимому, на базе дальнейшего усовершенствования пятистенного дома, состоявшего из двух смежных, разных по ширине комнат. Многие продолжали строить и пятистенные дома. Сбоку дома при входе в него нередко пристраивали веранду (*терраску*) с крыльцом, продолжением которой мог быть коридор с выделенным в нем чуланом. Изменились и названия комнат: в наше время это *зал, спальня, кухня, прихожая, коридор*. Появились дома с более сложной планировкой: в середине дома — теплый коридор наподобие городской передней, из которого ведут двери в разные комнаты. В основе домов этого типа прослеживается традиционная планировка трехкамерного жилища, каждая из камер которого разделена еще на две-три комнаты. Такие дома с теплой передней были зафиксированы в 2002 г. по всей области. Аналогичная

Интерьеры комнат в современных домах:
а) Касимовский р-н, дер. Самуиловка, б) Спасский р-н, с. Старый Киструс, в) Клепиковский р-н, дер. Дунино. Фото С.А. Иниковой 2002–2006 гг.

планировка дома в 1960–1980-е гг. была распространена в Курской, Белгородской, Воронежской областях, а также на Украине и в Молдавии [117].

В современных домах, отличающихся разнообразием планировки, отражено как творчество самих застройщиков, так и традиции того или иного села. Например, плотник из с. Пеньки Пителинского р-на построил себе в 1978 г. срубный дом, обитый снаружи рубероидом и пластиком. Помимо теплого коридора, зала, двух спален и кухни, сбоку пристроены ванная комната и веранда. Дом оборудован местным водяным отоплением и автономной канализацией, которая до сих пор в сельской местности в домах индивидуальной постройки встречается не часто.

Развитие многокомнатности привело к исчезновению традиционного деления пространства в интерьере жилого помещения. Его заменили комнаты с определенным функциональным использованием. Центральной частью дома обычно считается парадная комната — зал, предназначенный для отдыха семьи и приема гостей. Здесь стоит современная мебель: стенка, тахта, диван-кровать, буфет или сервант с хорошей посудой, шкафы, телевизор, музыкальный центр и др. Иногда, по традиции 1920–1950-х гг. здесь же на видном месте стоит красиво убранная кровать. В этой комнате обычно висит люстра фабричного производства, на окнах — цветы, тюлевые, ситцевые или более плотные шторы, на стенах — семейные портреты, эстампы, ковры — ворсовые, паласные, плюшевые. Последние были широко распространены в послевоенные годы. В убранстве интерьера современность часто сочетается с традиционными установками. Почти во всех домах передний угол с иконами украшен вышитыми или тюлевыми занавесками (илл. т. 2. с. 432–433). Тут же нередко находится телевизор. В некоторых селах сохраняется обычай украшения комнат узорными или вышитыми полотенцами, скатертями, самотканными из полосок разноцветной ветоши дорожками.

Остальные комнаты в доме обставлены значительно скромнее. В спальне обычно одна или две кровати, платяной шкаф, тумбочки, иногда стол. Наиболее обжитой комнатой остается кухня, которая служит и столовой: в ней обедают, готовят пищу, выполняют разнообразные домашние работы, иногда здесь спит кто-либо из старших членов семьи. В кухне чаще, чем в других комнатах, наблюдается традиционная обстановка.

Во многих селах еще сохраняет свое значение русская печь. Это обусловлено спецификой сельского быта. Многие сельские жители считают, что печь пироги, хлеб, готовить корм скоту удобнее в русской печи. Повсеместно широкое распространение получила русская печь уменьшенного размера, к которой сбоку пристроена плита, а сзади иногда — стенка (*щиток*) с вертикальными дымоходами от плиты. Некоторые сельские жители русскую печь заменили плитой с духовым шкафом с одним или двумя обогревательными щитками, которые отапливают две или три комнаты. В зале или спальне часто дополнительно ставят грубу (лежанку). Иногда в одном помещении ставят печь и лежанку.

Развитию этой тенденции способствовало расширение сети пекарен, а также использование в качестве основного топлива каменного угля, которым нельзя топить русскую печь. В последние десятилетия большим спросом стали пользоваться газовые плиты, работающие на газовых баллонах. Газовые плиты ставят в кухне, нередко в коридоре или на веранде. Широко применяется водяное отопление местного типа. Однако общий уровень санитарно-технического оборудования сельских зданий пока еще остается одной из проблем, требующих решения.

Как и прежде, в составе сельской усадьбы выделяются двор с жилым домом и хозяйственными постройками, сад и огород. В южных районах по-прежнему преобладает продольная постановка дома длинной стеной вдоль улицы, хотя появилось и немало домов, поставленных узкой торцовой стеной перпендикулярно к улице, со входом в дом со двора. Рядом с домом — ворота, ведущие во двор, перед домом — нередко палисадник, огороженный забором.

Хозяйственные постройки и огород. Шиловский р-н, с. Нармушадь. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

С сокращением количества хозяйственных построек на усадьбе постепенно менялся и план дворовой застройки. При домах, строившихся в последние десятилетия, редко (в основном в Клепиковском р-не) встречаются традиционные замкнутые дворы. В наше время распространена свободная застройка открытого двора: на некотором расстоянии от дома устроены один или несколько сараев, в которых выгорожены хлевы для скота, помещения для топлива, кормов, инвентаря и пр. Стены сараев иногда возводят из плетня, обмазанного глиной, а чаще — из досок, бревен, кирпича, крыши покрывают шифером и железом. На севере кое-где по традиции сараи примыкают вплотную к дому. Во многих, преимущественно южных, селах сохранились кирпичные и срубные амбары и кладовые, которые, как и раньше, стоят на улице в ряд против окон домов и служат для хранения продуктов, имущества, используются в качестве спальни в летнее время. Стены погреба теперь выкладывают кирпичом, заливают цементом.

Во второй половине XX в. во многих индивидуальных сельских усадьбах, в том числе и в южных районах, стали строить бани. В крупных селах имелись общественные колхозные (или совхозные) бани, где мылась значительная часть сельского населения. В настоящее время большинство их ликвидировано. Частные бани по-прежнему строят рублеными, с предбанником, крышу покрывают тесом, шифером, иногда железом. Нередко сохраняется традиционное расположение печи, полок и лавок, но чаще кирпичную печь с котлом ставят в углу у двери, топка находится рядом с дверью. Очень редко, но еще можно встретить баню, которая топится по-черному. В последние десятилетия в некоторых домах появились душевые и ванные комнаты. Они чаще встречаются в новых типовых сборных домах, построенных из готовых заводских деталей. В таких домах обычно есть автономная канализация.

Таким образом, изучение народного жилища показывает, что в XIX в. на территории Рязанского края бытовало два типа жилища — южнорусский и среднерусский. Для южнорусского типа характерен срубный дом без подклета с деревянным или глинобитным полом, поставленный параллельно улице под четырехскатной соломенной крышей, открытый двор с замкнутым или свободным расположением хозяйственных построек; южнорусская планировка избы восточного и западного варианта. Для среднерусского типа жилища типичен срубный дом на среднем или низком подклете; дом поставлен перпендикулярно к улице, крыша двускатная, крытый и открытый двор, план избы среднерусский. Анализ материалов свидетельствует, что в отдельных районах края в XIX в. бытовали оба типа жилища. Четкую границу провести трудно, и поэтому правильнее говорить лишь о преобладании того или иного из них. Южнорусский тип жилища преобладал в южных районах края, среднерусский тип — в северных левобережных районах бассейна Оки. Формирование выделенных типов жилища определялось как природными и социально-экономическими факторами, так и историей заселения этих мест. Интенсивные перемещения населения в эпоху складывания Московского государства оказывали существенное влияние на развитие жилища. При этом, как мы видели выше, одни черты в традиционном домостроении уходят корнями в домонгольский период, другие сформировались позже.

В 1900-е гг. наблюдаются изменения в традиционных формах сельского жилища, расширяется применение новых строительных материалов, усложняется планировка дома, постепенно исчезают курные печи. Эти реалии были ярче выражены в северных районах края, в крупных торгово-промышленных селах, в домах состоятельных крестьян.

В 1920–1930-е гг. и особенно в последние десятилетия XX в. развитие сельского индивидуального дома происходит как на основе формирования новых строительных приемов, новых бытовых черт в планировке и благоустройстве интерьера, так и использования рациональных навыков местного жилищного строительства, сохранения традиций во внутреннем убранстве комнат, в организации усадебного пространства, в функционировании хозяйственных построек и др. Следствием этих процессов было постепенное стирание локальных черт в жилище разных районов Рязанского края и развитие новых особенностей, которые стали типичными для многих селений России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961; *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

2 *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Указ. соч. С. 35.

3 Там же. С. 432–438.

4 *Лебедева Н.И., Милонов Н.П.* Типы поселений Рязанской области // СЭ. 1950. № 4. С. 116.

5 Там же. С. 125.

6 [*Баранович М.*] Рязанская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. СПб., 1860. Т. 19. С. 451–456.

7 Там же.

8 *Лебедева Н.И., Милонов Н.П.* Указ. соч. С. 124; География Тамбовской области. Тамбов, 1961. С. 92.

9 *Ковалев С.А.* География сельских населенных пунктов в областях Черноземного центра // Вопросы географии. М., 1953. Сб. 32. С. 79–92.

10 Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1795 гг. СПб., 1871–1873. Т. 3. С. 78.

11 *Лебедева Н.И., Милонов Н.П.* Указ. соч. С. 123, 124.

12 АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 21. Л. 2 (Рязанский у.); *Лебедева Н.И.* Предварительный отчет об этнографических работах в Сапожковском уезде Рязанской губернии летом 1923 г. // Вестник рязанских краеведов. Касимов, 1924. № 3. С. 7.

13 *Лебедева Н.И., Милонов Н.П.* Указ. соч. С. 114–119.

14 *Малинина М.Д.* Очерки рязанской мещеры // Вестник рязанских краеведов. Рязань, 1925. № 3. С. 10.

15 *Лебедева Н.И., Милонов Н.П.* Указ. соч. С. 114–119.

16 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 101. Л. 36.

17 *Введенская А.Г.* К истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XX в. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. XV. С. 77–120.

18 *Лебедева Н.И., Милонов Н.П.* Указ. соч. С. 107.

19 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 101. Л. 21.

20 *Лебедева Н.И.* Народное жилище южных уездов Рязанской губернии // НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XV. № 354.

21 Численность и размещение населения Рязанской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 1. Рязань, 2004. С. 7–8.

22 Там же. С. 7–9, 13, 55, 70.

23 *Шахматов А.А.* Очерки древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1915. С. XI; *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. С. 121–124.

24 *Монгайт А.Л.* Старая Рязань // МИА (М.), 1955. № 49. С. 19, 20.

25 *Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Древнерусские поселения на Дону // МИА. 1948. № 8. С. 14; *Раппопорт П.А.* Древнерусское жилище // Свод археологических источников. Л., 1975. Вып. Е 1–32. С. 40–41.

26 *Успенская В.А.* Древнерусское поселение Беницы // Ежегодник ГИМ за 1962 г. М., 1964. С. 222; *Даркевич В.П., Розенфельдт Р.Л.* Раскопки на городище Старая Рязань // АО. 1966. М., 1967. С. 46.

27 *Милонов Н.П.* Славянские городища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань, 1931. С. 5; *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. С. 218, 223, 226.

28 *Монгайт А.Л.* Старая Рязань; *он же.* Рязанская земля.; *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Указ. соч.

29 *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Указ. соч. С. 117–131.

30 *Монгайт А.Л.* Старая Рязань. С. 71.

31 *Селиванов В.В.* Год русского земледельца. Зарайский уезд Рязанской губернии. Рязань, 1887. С. 67.

32 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д.101. Л. 13, 36, 57.

33 *Лебедева Н.И.* Народное жилище… Л. 15.

34 Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1880. Вып. 1. С. 272–273; *Семенов Д.П.* О кирпичных постройках в нестепных черноземных местностях внутренней России // Сельское хозяйство и лесоводство. 1879. Ч. CXXX. № 1. С. 3.

35 *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. С. 8 (Записки РГО по отд. этнографии. Т. XXXIX).

36 Материалы Н.И. Лебедевой из Архива партКабинета с. Ижевское Спасского у. 1927 г. // АИЭА. Ф. Атлас Русские. Д. 5531/2. Л. 6.

37 *Малинина М.Д.* Указ. соч. С. 11–12.

38 Там же. С. 11; Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX — начало XX в.). М., 1967. Карта 20.

39 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1459. Л. 29 (Скопинский у.); *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Указ. соч. С. 81–83.

40 См. Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 22.

41 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 101. Л. 14 об. (с. Красное Пронского у.), 52 (Ивановская вол. Раненбургского у.).

42 Там же. Л. 23 (с. Поляны Рязанского у.), 52 (с. Константиново того же уезда), 59 (с. Подвязье того же уезда).

43 *Мансуров А.А.* Описание рукописей этнологического архива. Рязань, 1933. Вып. 5. С. 13, 14, 17 (Труды РБК. Вып. 7).

44 Статистика поземельной собственности… Табл. VI. С. 275–276.

45 Там же… С. 37–38.

46 *Лебедева Н.И.* Народное жилище… Л. 13, 33, 35.; АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 22. Л. 3–5 (с. Кидусово Спасского у.).

47 *Лебедева Н.И.* Жилище и хозяйственные постройки Сасовского района Рязанской области. 1951 г. Рукопись // АИЭА. Ф. Атлас Русские. № 5546. Л. 8; *Лебедева Н.И.* Выписки 1920 г. Архив краеведческого общества // Там же. № 5531/2.

48 АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 22. Л. 3–5 (Спасский у.); Д. 23. Л. 2 (Пронский у.).

49 Там же. Д. 21. Л. 2; *Малинина М.Д.* Указ. соч. С. 11–12; *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 5. С. 17, 26.

50 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 70.

51 *Лебедева Н.И.* Народное жилище… Л. 13, 33, 35.

52 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 457.

53 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. II. № 265. Л. 4–11.

54 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 4378. Л. 36.

55 АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 22. Л. 3–5; *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Указ. соч. С. 81–83 (дер. Гремячка Данковского у.); АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1459. Л. 32 (с. Маклаково Скопинского у.).

56 *Лебедева Н.И.* Народное жилище…. Л. 12–13. (Сапожковский у.).

57 *Шенников А.А.* Крестьянские усадьбы в XVI–XVII веках (средняя и южная части Европейской России) // Архитектурное наследство. М., 1962. Вып. 14. С. 66–67.

58 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1451. Л. 12; *Лебедева Н.И.* Народное жилище… Л. 7.

59 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 70–71.

60 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 403.

61 См.: Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 26.

62 Там же. Карта 26; *Лебедева Н.И.* Народное жилище… Л. 57; *Лебедева Н.И.* Сводные данные по уездам. Рукопись. 1955 г. // АИЭА. Ф. Атлас Русские. № 5531. Л. 5.

63 Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 26; *Лебедева Н.И.* Народное жилище… Л. 5–7; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 101. Л. 15 (с. Красное Пронского у.).

64 Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 26; *Лебедева Н.И.* Народное жилище… Л. 5–7; *Лебедева Н.И.* Жилище и хозяйственные постройки Сасовского района… Л. 3; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 101. Л. 21 об., 23 об. (с. Поляны Рязанского у.).

65 Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 26.

66 *Раппопорт П.А.* Указ. соч. С. 138–140.

67 *Монгайт А.Л.* Старая Рязань. С. 50–60; *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Указ. соч. С. 191, 216.

68 *Милонов Н.П.* Славянские городища… С. 34–35.

69 *Руделев В.Г.* Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в южнорусских рязанских говорах. Рязань, 1995. С. 28 (РЭВ); *Чижикова Л.Н.* К этнокультурной истории Рязанского края // ЭО. 1996. № 3. С. 83; *она же.* Жилые и хозяйственные постройки в селах Тамбовской области. XX в. // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. М., 2001. С. 324–325.

70 *Милонов Н.П.* Основные источники и приемы изучения истории сел и городов Рязанской области. Рязань, 1950. С. 22.

71 *Лебедева Н.И.* Жилище и хозяйственные постройки в верховьях Десны и в верховьях Оки. Рукопись // АИЭА. Ф. Атлас Русские. Д. 5455. Л. 7.; *Руделев В.Г.* Указ. соч. С. 29–30.

72 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 101. Л. 5 об., 6.

73 АРГО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 23. Л. 2–3 (с. Красное Пронского у.); АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 101. Л. 5–6 об. (с. Троицкое Скопинского у.), 11–11 об. (с. Путятино Сапожковского у.), 50–50 об. (с. Новоселки Рязанского у.); АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1459. Л. 29–30 (с. Маклаково Скопинского у.).

74 *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Указ. соч. С. 121–130, 146, 435.

75 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 101. Л. 4 (с. Троицкое Скопинского у.); 50, 53, 61 об. (села Новоселки, Константиново, Подвязье Рязанского у.).

76 Там же. Л. 4 об. (с. Троицкое Скопинского у.).

77 [*Баранович М.*] Указ. соч. С. 402.

78 *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Указ. соч. С. 79–80.

79 Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Рязань, 1882.

80 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ.). Оп. 19. Д. 4378. Л. 24, 38, 40, 45, 48.

81 Там же. Д. 2356 а. Л. 38 (с. Новое Еголдаево Ряжского р-на).

82 *Чижикова Л.Н.* Жилые и хозяйственные постройки… С. 323.

83 Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 33.

84 *Лебедева Н.И.* Народное жилище… Л. 41.; АРЭМ. Ф 7. Оп. 1. Д. 1451. Л. 8; *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 5. С. 24, 26, 31.

85 *Малинина М.Д.* Указ. соч. С. 11.

86 *Лебедева Н.И.* Жилище и хозяйственные постройки Сасовского района…

87 Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 33.

88 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 101. Л. 15 об. (с. Красное Пронского у.), 19 (с. Насилово того же уезда), 21 об. (с. Поляны Рязанского у.)., 50 об. (с. Новоселки того же уезда), 63 об. (с. Подвязье того же уезда).

89 Там же. Л. 7 об. (с. Троицкое Скопинского у.).

90 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XVIII. № 267 (с. Ижевское Спасского у., 1912 г.).

91 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 101. Л. 36, 36 об., 50 об.; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1459. Л. 32.

92 *Давыдова С.А.* Очерк кружевной промышленности в России. II. Рязанская губерния // Кустарная промышленность России. Женские промыслы. СПб., 1913. С. 47.

93 Методические письма. Письмо второе. Наша волость. М., 1925. Л. 19, 20.

94 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 101. Л. 7 об.

95 *Лебедева Н.И.* Жилище и хозяйственные постройки Сасовского района… Л. 19.

96 *Бломквист Е.Э.* Материалы по истории жилища придонских районов Воронежской области // СЭ. 1934. № 5. С. 67–71.

97 *Лебедева Н.И.* Народное жилище… Л. 8–49.

98 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18986. Л. 33 об., 57, 66, 111.

99 Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 13, 14.

100 АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 (Михайловский у.); АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 101. Л. 10 об. (с. Путятино Сапожковского у.), 52 об. (с. Константиново Рязанского у.); *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Указ. соч. С. 81–83; *Лебедева Н.И.* Вопросы этнологического изучения южных уездов Рязанской и Тульской губерний (бассейн Дона) // Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М., 1929. С. 113.

101 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 101. Л. 8, Л. 12 (с. Красное Пронского у.), 36, 52 об.; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1459. Л. 32.

102 *Лебедева Н.И.* Народное жилище… Л. 44; *Чижикова Л.Н.* Жилые и хозяйственные постройки… С. 328.

103 *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Указ. соч. С. 81–83.

104 *Лебедева Н.И., Милонов Н.П.* Указ. соч. С. 127.

105 Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 35.

106 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 101. Л. 7 об., 8 об., 21 об., 25 об.

107 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1459. Л. 33 (с. Маклаково Скопинского у.); АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 4378 (дер. Сумерки, с. Чермные Кадомского р-на); *Лебедева Н.И.* Жилище и хозяйственные постройки Сасовского района… Л. 7, 10.

108 *Харузин Н.Н.* Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1895. С. 11, 14–15, 25; *Харузин А.Н.* Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907. С. 119.

109 Материалы Н.И. Лебедевой из Архива парткабинета… Л. 6.

110 *Лебедева Н.И.* Предварительный отчет об этнографических работах… С. 8.

111 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Вып. 5. С. 14 (с. Раки Пронского у.), 20, 21 (дер. Мальцево, с. Барснево Касимовского у., с. Кузьминское Рязанского у.).

112 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 4378 (с. Полтевы Пеньки Кадомского р-на); Рязанское село Кораблино (история, экономика, быт, культура, люди села) // Уч. зап. РГПИ. Рязань, 1957. Т. XVIII. С. 187–189.

113 АИЭА. Ф. 47. (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356а. Л. 68.

114 *Чижикова Л.Н.* О сельском жилищном строительстве… Л. 4, 7; АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356а. Л. 68.

115 *Чижикова Л.Н.* О сельском жилищном строительстве… Л. 6, 9.

116 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 4378. Л. 19.

117 *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры. М., 1988. С. 104. Рис. 6.

ГЛАВА 12

Дом в обычаях, обрядах и поверьях

Выбор места и времени. — Строительные обряды. — Плотники и печники. — Переселение в новый дом. — Внутреннее пространство жилища и его семантика.

Жилище — это освоенное человеком пространство, выделенное из природной среды для себя и своих потомков, внутри которого проходила не только физиологическая, но и духовная жизнь человека. В силу той огромной роли, которую играло жилище, в его создании и функционировании не было ничего случайного и незначительного. Надо было построить крепкий, защищенный дом, обеспечить благополучие живущих в нем и постоянно поддерживать эти его качества.

Для создания такого жилища использовались рациональные и магические приемы: надо было правильно выбрать место и время строительства, приготовить строительные материалы, очень важно было правильно начать и закончить строительство и перейти в дом, правильно вести себя в нем, чтобы не лишиться благополучия и удачи. Кроме того, надо было постоянно заботиться о том, чтобы ни воры, наносящие урон хозяйству, ни колдуны, вредящие здоровью, духовному климату и благополучию семьи, не проникли в жилище. На выполнение всех этих задач были направлены многочисленные обряды, обычаи и запреты, складывавшиеся на протяжении веков. События XX в. сильно изменили мировоззрение русского человека, семейный и общественный уклад его жизни, отношение к традиционной материальной и духовной культуре. Безусловно, это отразилось на восприятии и отношении к жилищу, но некоторые представления не утратили своей актуальности, так как дом, его тепло, защищенность и благополучие по-прежнему остаются основой основ человеческого бытия.

Выбор места и времени. В этнографических материалах XIX в. представления рязанских крестьян о жилище и описание связанных с ним обрядов не нашли должного отражения, поэтому работа посвящена главным образом XX в. Нашими информаторами преимущественно были люди старшего и отчасти среднего возраста, которые прожили сознательную жизнь в колхозной деревне, когда место под дом выделялось правлением, лес покупали в лесхозе, а выбор дня начала строительства зависел от распорядка работ в коллективном хозяйстве. Большинство людей даже никогда не задумывались о том, как выбирать место под дом: строили там, где дали участок, или на том самом месте, где стоял старый отчий дом. Собственно, и в досоветский период место выделяла община, и выбора обычно не было, так как население росло и под новые усадьбы часто приходилось отводить даже пахотные или пастбищные земли. Тем не менее, среди людей старшего поколения сохранились представления о «плохом» и «хорошем» месте. Обычно судили об этом, уже пожив в новом доме и обнаружив, что скот не ведется, а домашние болеют. В этом случае говорили: «Не на месте мы построились». Бывший плотник из дер. Фомино Клепиковского р-на, человек далекий от суеверий, резонно заметил, что дом надо ставить там, где повыше и посуше. Вполне рациональное требование к выбору места подкреплялось для кого-то более убедительной посылкой о пребывании нечистой силы в низких местах. Старейшая жительница с. Новопанское

Михайловского р-на отметила, что плохим для строительства дома считается место в лощине, так как там «черти живут» и потом будут в доме одни невзгоды.

Повсеместно совершенно неподходящим для строительства дома считается бывшее кладбище или место, где было обнаружено даже единичное захоронение. В сельской местности, в отличие от городов, строительство на бывшем кладбище — явление маловероятное, но заброшенные могилы вне кладбища иногда обнаруживаются*. Информатор из Новопанского рассказала, что ее сын копал траншею под фундамент и нашел человеческие кости: они собрали их и закопали через дорогу, но у сына все равно начались неприятности в этом доме. Позвали батюшку, решили: «пусть он с кадилой вокруг дома походит», и стало лучше.

«Плохое место, — по словам пожилой женщины из с. Ветчаны Клепиковского р-на, — это если на этом месте кто удушился». Место может быть осквернено непотребным поведением когда-то живших там людей, причем срока давности не существует. Одни построили дом там, где когда-то жила бабка, делавшая аборты, и новой хозяйке все время слышался детский плач (с. Ерахтур Шиловского р-на). Жизни для вновь поселившихся, по мнению информатора из с. Темгенево Сасовского р-на, не будет и скот вестись не будет, если «на этом месте жил хозяин нехороший или она была волхва хорошая, колдунья хорошая». «Наверно, жили тут люди такие, вредные, вроде колдуны», — объясняла тщетность своих усилий по разведению кур жительница с. Кочемирово Кадомского р-на.

Плохим для строительства считают и то место, где раньше стоял разрушенный по злой воле людей храм (с. Новопанское). Эта точка зрения возникла недавно, поскольку традиционно место, где находился алтарь разрушившегося или перенесенного храма, отмечали установлением часовни, и оно не подлежало застройке.

В с. Студенки Новодеревенского р-на полагают, что очень плохо поставить новый дом на месте сгоревшего или на *прогарах* — проулках, специально оставленных через каждые 10 домов на случай тушения пожара, так как такой дом обязательно сгорит. Также нельзя строить дом на заброшенных дорогах.

Информаторы молодого, а иногда и среднего возраста под впечатлением телевизионных передач существование «плохих» мест объясняют наличием патогенных зон в недрах земли, которые сказываются на здоровье людей и которые чувствует скот и домашняя птица.

Можно предположить, что раньше у рязанских крестьян, как и у русских других губерний, существовали какие-то запреты на использование в строительстве деревьев, срубленных в почитаемых рощах, с какими-то внешними особенностями. Однако в XX в. таких запретов не было. Даже считая осину проклятым деревом (на ней, по преданию, повесился Иуда), за недостатком материалов ее все равно использовали для строительства, особенно в южной части края. Профессиональные плотники дер. Фомино отмечали, что для строительства лучше использовать смолистый лес, росший на пригорке, а плохими, слабыми считались деревья, из которых брали живицу**. В Кочемирове и Пеньках информаторы говорили о нежелательности рубить деревья для дома «на молоду», т. е. в тот период, когда луна начинает расти, так как в срубе бревна будет точить червь. Лучше всего делать это на полной луне — дерево будет прочнее.

Если застройщики покупали в лесхозе лес на корню, то рубили его сами и обычно Великим постом. Тумские плотники говорят, что лучше всего лес «валять» осенью, сруб рубить зимой, а устанавливать его летом.

С днем, в который начинали строительство, как и с выбором места, большинство народа особенно не мудрило. «Строили в любое время, когда из колхоза отпустят»; «Дом без разницы, в какой день строить»; «Не разбирали, в какой день начинать строить», — говорили жители селений Клепиковского р-на. На вопрос о *легких* и *тяжелых* для начала строительства

* Как известно, за кладбищенской оградой раньше хоронили умерших неестественной смертью (висельников, утопленников, опойц), так называемых *заложных покойников*, души которых, в народном представлении, после смерти не находят покоя и опасны для живых.

** Живица — смолистое вещество, выделяющееся из надреза на коре хвойных деревьев.

днях многие отвечали приблизительно одинаково: «Время было трудное. На дни (тяжелые и легкие. — *С.И.*) не смотрели» (с. Новопанское Михайловского р-на). Однако среди значительной части населения старшего и среднего возраста до сих пор сохранились представления, что в неделе существуют два дня, в которые нельзя начинать никакое дело, а особенно такое ответственное, как строительство дома. Первый из этих заповедных дней — понедельник. Даже те, кто заявляет, что «у Бога все дни одинаковы», что раньше начинали строить, когда было время, все же признают, что лучше стройку в понедельник не начинать. Вторым запретным для начала любого важного дела днем, правда не повсеместно, был тот день недели, на который пришелся праздник Благовещения. Нежелательным днем часто считают еще и пятницу. В качестве наилучшего — называют четверг. Жительница с. Черная Слобода Шацкого р-на вспомнила, что раньше старались начать строить дом «на полном месяце», по ее мнению, «наверное, чтобы дом был полный».

Строительные обряды. Видимо, освящение места перед началом строительства, особенно если оно велось там, где ранее стоял родительский дом, не считалось обязательным. И в настоящее время, несмотря на все большее число открывающихся храмов, случаи приглашения священника для освящения места весьма редки, да и строительство новых домов на селе тоже стало явлением редким.

Строительство начиналось испрошением Божьего благословения и призыванием в помощники святых. Корреспондент Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева из Зарайского у. писал в 1898 г., что при постройке жилища, когда кладут сруб, хозяин должен при укреплении первых бревен на каждом из четырех углов перекреститься и обратиться к Господу и одному из четырех евангелистов со словами: «Господи помилуй! Святой евангелист Матвей, помилуй», и далее также к Луке, Марку, Иоанну [1]. По сообщению корреспондента ОИРК, в конце 1920-х гг. при начале строительства говорили от двух до пяти раз «Господи, благослови», и плотники клали первый венец [2]. По воспоминаниям пожилых женщин, при закладке дома или укладке первых венцов во второй половине XX в. они сами, а чаще их свекрови, прочитывали какую-нибудь молитву.

При начале строительства обязательно совершались обряды, восходящие к древнейшей «строительной жертве». А.К. Байбурин отмечал, что «в архаических мифологиях» дом как бы вырастал из тела сначала человека, которого приносили в жертву и закапывали в основании будущего жилища, потом животного, обычно коня или петуха (курицы) [3]. Применительно к Рязанской губ. в сообщениях корреспондентов РГО, ОЛЕАЭ и Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева на конец XIX в. никаких упоминаний на эту тему не встречается. Жертвоприношение коня в XIX в. было явлением очень редким, зафиксированным только на Украине [4]. Тем более неожиданным было услышать рассказ жительницы с. Орехово Спасского р-на о том, что в 1960 г. при сносе дома, построенного прадедами ее мужа еще в середине XIX в., под передним углом был обнаружен лошадиный череп. А в однодворческом с. Бычки Сараевского р-на еще в середине XX в. некоторые плотники рубили петуху голову на углу первого венца будущего дома.

Видимо, к кровавой жертве со временем прибавилась и бескровная (деньги, шерсть, зерно) и какое-то время они сосуществовали, а потом первая была вытеснена окончательно. По сообщению из Егорьевского у., в конце XIX в. было принято под угол строящегося дома класть медные деньги [5]. Этот обычай хорошо известен до сих пор. Бескровная жертва на протяжении всего XX в. в Рязанском крае была распространена повсеместно. Обнаружение при разборке старого дома монет, положенных под угол родителями, дедами, в значительной мере инициировало повторение этого обряда потомками. Иногда кто-нибудь из старших родственников подсказывал, а то и давал специально приберегенный для такого случая старинный пятак со словами: «Цо, девка, я табе скажу. На табе. В узелок положи [и под дом]. Не будете по займам ходить, не будут деньги переводиться» (дер. Урядино Касимовского р-на). Иногда сами строители напоминали хозяевам, что надо бы положить монету «на счастье».

Деньги клали на первый венец в том месте, где будет передний угол, и накрывали вторым венцом, а часто — под все четыре угла, причем, например, в с. Льгово Рязанского р-на это называлось «класть крест», т. е. четыре угла дома осмыслялись как крест. При строительстве кирпичного дома деньги клали на фундамент на один или все углы. Нередко монету закладывали под одну или все потолочные балки, или на венец и под балки (многие селения Шацкого, Сасовского, Клепиковского районов). В с. Ялтуново Лесное Шацкого р-на использовали монету из приданого хозяйки. Ее закладывали под матицу, предварительно обернув шерстью: «Эт, вроди, тады будишь жыть, тады деньги у тибя будуть…» [6].

Несмотря на то, что сумма была незначительной, всего 5–20 коп., пожилые информаторы часто называют эту монету «золотым». Некоторые жители Новопанского считают, что под передний угол надо положить «целиковую» монету, например рубль, а под остальные углы можно достоинством и поменьше. В с. Сново-Здорово Шацкого р-на придерживались мнения, что монета обязательно должна быть медной, лучше, если это пятак. Иногда задача усложнялась, и хозяева старались подобрать монету именно того года, когда дом строился (дер. Шакино Клепиковского р-на).

Обычай класть в основание дома деньги чаще всего объясняют желанием жить богато, чтобы деньги не переводились (чтобы дом был «деньжистый» — с. Секирино Скопинского р-на), хотя встречаются и другие варианты. В с. Большое Ардабьево Касимовского у. в 1920-е гг., закладывая монету под угол, хозяин говорил: «Тебе изгнить, а мне подольше пожить» [7]. В дер. Карпово Клепиковского р-на деньги клали под передний угол, «чтоб гнилушков не было», а в Новопанском к обычной мотивировке — чтобы дом был «богатый, сытый», добавляли: «и чтобы не сгорел». Деньги, в представлении людей, были не только символом богатства, но и платой за благополучие в доме, правда, адресат ее был уже неизвестен.

Кроме денег, при начале строительства нередко использовали и другие предметы. Было принято обсевать углы пшеном или сыпать его и другие злаки под балки. В дер. Дивилки Милославского р-на, когда укладывали первый венец, строители говорили хозяевам: «Давайте винца, пшенца и мелочи под передний уголок», и после того, как клали под угол деньги, сыпали пшено и выпивали. В с. Большие Можары Сараевского р-на под верхние балки клали колосья и шерсть и объясняли, что будет хорошо водиться скот, а в дер. Соболевой Спасского у. — монету и колоски ржи, «чтобы водился капитал и корм» [8]. Шерсть под балку закладывали в селениях по реке Курше (Клепиковский р-н) и обсевали углы пшеном.

Шерсть, как говорили — «для тепла», обычно подкладывали под балку ближе к переднему или к печному углу (с. Высокие Поляны Пителинского р-на, с. Кочемирово Кадомского р-на, с. Малахово Клепиковского р-на и др.). Символика зерна и шерсти помимо богатства включает, как известно, еще и плодородие [9].

В с. Бычки Сапожковского у. (ныне Сараевского р-на), кроме монеты на первый венец и шерсти под балку, было принято под углы, а иногда и под балки, вкладывать написанную на бумаге молитву. Была ли это какая-то специальная молитва или одна из известных церковных — неизвестно. Вместе с монетой часто клали еще и ладан, чтобы защитить жилище от всякой нечисти (например, в дер. Аргамаково Спасского р-на).

Чаще после укладки первого венца или после того, как положат три венца и сделают перерубы (переводины) для пола, или сложат сруб до окон, реже — когда будут возведены стены (с. Секирино Скопинского р-на, с. Старый Киструс Спасского р-на, с. Строевское Путятинского р-на), хозяева устанавливали внутри будущего дома деревце. А.К. Байбурин считает, что установка деревца восходит к «мировому дереву» — центру мира, которое в строительном обряде максимально маркирует сакральное место, оно же является центром жилища [10]. Деревце на памяти наших информаторов не украшали. Только в с. Чернава Милославского р-на березку или елку убирали «лохмотками» (разноцветными лоскутами). Деревце устанавливали либо в переднем углу, либо посредине сруба. Рядом с ним под открытым небом, несмотря на погоду, ставили стол и, помолившись, угощали плотников. Сохранилось свидетельство,

что в начале XX в. в с. Исады Спасского у. некоторые вешали на «дубок» иконку и молились перед ней [11]. Зачастую кроме плотников приглашали и угощали родню и друзей, которые помогали стелить между бревнами паклю, мох или бересту.

Еще в 1960-е гг. этот обряд бытовал по всей Рязанской обл., различаясь породой деревца и местом, куда его ставили, но несмотря на широкое географическое распространение, он выполнялся уже далеко не всеми жителями селения. Об этом свидетельствуют опросы информаторов одной возрастной группы. В селениях Клепиковского р-на, славившегося своими плотниками, многие из опрошенных пожилых людей не знали о существовавшем в их крае обычае *ставить березку*. Это связано с тем, что часто сельчане не строили, а покупали готовые дома или срубы. Кроме того, строительство дома в жизни человека не было явлением многократным, поэтому, если даже какие-то обряды и совершались один или два раза в жизни много лет назад, то воспоминание о них быстро стиралось из памяти. К тому же, многие информаторы говорят, что в доме была свекровь или мать, которая «что-то там делала».

«Деревце» в XX в. чаще было просто веткой, но иногда и довольно большим (1,5–2 м) деревом. В начале 1960-х гг. в с. Романовы Дарки Шацкого р-на ставили «сокарь» (осокорь — тополь) и выпивали, чтобы, как объясняли, «изба стояла до тех пор, пока не сопреет (но не сгорела бы)» [12]. В с. Полтевы Пеньки (с. Восход) Кадомского р-на в середине будущего сруба или в переднем углу втыкали березку, «чтобы жизнь была красивая, кудрявая, как березка», накрывали стол и желали, чтобы дом не гнил, а хозяева жили в нем долго и богато [13]. Жительница дер. Дмитриево Клепиковского р-на дала интересное объяснение обряду с деревцем: березку ставят, потому «что дом растет», как и дерево, т. е. березка символизирует рост вверх и как бы проецирует это качество на дом.

В дер. Ушмор Клепиковского р-на на стол ставили «сучок рябины», чтобы жизнь была «такая же расцветающая». *Справляли рябинку* и в Новопанском, хотя поставить могли ветку любого другого дерева. В селах Стублё и Пушкари того же района, в Секирино *ставили елку* (это могла быть не только ель) для того, чтобы «хозяину жилось хорошо». В Аргамакове *делали дубок*.

Хотя во второй половине XX в. в обряде использовали разные породы деревьев, наименование того деревца, которое должно было быть, в названии обряда сохранялось. Чаще всего это береза, рябина, ель. Семантику этих деревьев современные сельчане не знают, хотя главную цель совершавшегося когда-то обряда определяют одинаково: чтобы жизнь в новом доме была счастливой. В славянской мифологии береза наделялась апотропейными (защитными) свойствами, приносила счастье и в то же время была связана с душами предков. Рябина считалась символом плодородия. Ель, как и можжевельник, часто использовалась восточными славянами в качестве оберега от нечистой силы, в славянских заговорах она выступала в роли «мирового дерева» [14].

Установленное хотя бы на непродолжительное время (потом его выбрасывали) деревце, видимо, служило и оберегом. Особенно наглядно эта его функция просматривается в строительном обряде дер. Шакино: там использовали осинку, которую втыкали в переднем углу верхушкой вниз и объясняли, что это от нечистой силы. Воткнутое в землю перевернутое деревце напоминает осиновый кол, который в тех местах вбивают по углам или в центре двора от колдунов и нечистой силы.

В 1970–1980-е гг. обряд с деревцем быстро отмирал. Главное место заняло «пиршество» строителей и за ним закрепилось название всего обряда: *березка, пить березку, ставить елку* и т. д., даже когда никакого деревца в помине не было. В с. Студенки Новодеревенского р-на, где деревце давно не ставят, угощение плотников называется *обмыть углы*.

Никакой специальной обрядовой пищи, выставлявшейся хозяевами в этот день, не зафиксировано. На столе была немудреная деревенская закуска: мясо или курица, картофель, соленья и выпивка, обычно — самогон. Во время угощения строители желали долгого житья, богатства, и чтоб дом не гнил [15] (с. Полтевы Пеньки), обмывали, «чтоб должей стоял» (с. Стублё).

Несмотря на угасание обряда, в нем могли появляться некоторые новые элементы. Так, в 1963 г. в Полтевых Пеньках был зафиксирован новый обычай, заключавшийся в том, что в начале строительства (видимо, во время угощения плотников) хозяева выходили на улицу, останавливали проезжающую машину и подносили шоферу водку [16].

Следующий важный этап в процессе строительства дома — установление потолочных балок. Развернутый вариант обряда поднятия потолочной балки — *матки*, бытовавший в 1930-е гг. в с. Чермные Кадомского р-на, зафиксирован этнографами в начале 1960-х гг. Поднимать балку хозяева приглашали человек 10 стариков-родственников. Перед началом подъема все выпивали и говорили: «Господи благослови». Затем старики поднимали балку вместе с «аржаным хлебом», привязанным к ней кушаком или утиркой. После этого все опять выпивали, а затем был обед, во время которого съедали хлеб, до этого привязанный к балке [17]. Получалось, что весь род, семейный клан принимал участие в строительстве и благословлял жилище одного из своих членов. Очевидно, что это был очень архаичный обряд, сохранившийся от эпохи родового строя. Другой информатор из этого же села уточнил, что ржаной пирог без начинки привязывали к передней балке новым кушаком, когда дом был полностью готов. Снимал его плотник, разрезал, а после этого выпивал и закусывал с хозяином [18].

Подобный обряд бытовал и в с. Демидово Шацкого р-на. Там хлеб заворачивали в шубу и подвешивали к матице, а под нее ставили стол. Плотник взбирался на матицу, рубил веревку, которой был привязан хлеб. По тому, упадет ли этот сверток на стол или скатится на пол, судили, будет ли все в доме благополучно или нет [19]. В куршацких селениях Ветчаны и Борисково Клепиковского р-на в 1960-е гг. на поднимаемую балку вешали шубу, «чтобы было в избе тепло». В соседней дер. Андроново на поднятую балку ставили выпивку, и плотники, хозяин, пришедшие помогать мужики (а сбегалась *на балку* половина деревни) выпивали и закусывали, сидя на ней. Собравшимся женщинам и детям раздавали конфеты и баранки. Символика хлеба, шубы в описанных обрядах совершенно очевидна — это благополучие и богатство. Здесь особенно интересно то, что угощались плотники и хозяин не за столом (как после укладки первого венца), а сидя на балке, т. е. таким своеобразным «застольем» они обживали верх дома, маркировали его верхнюю границу.

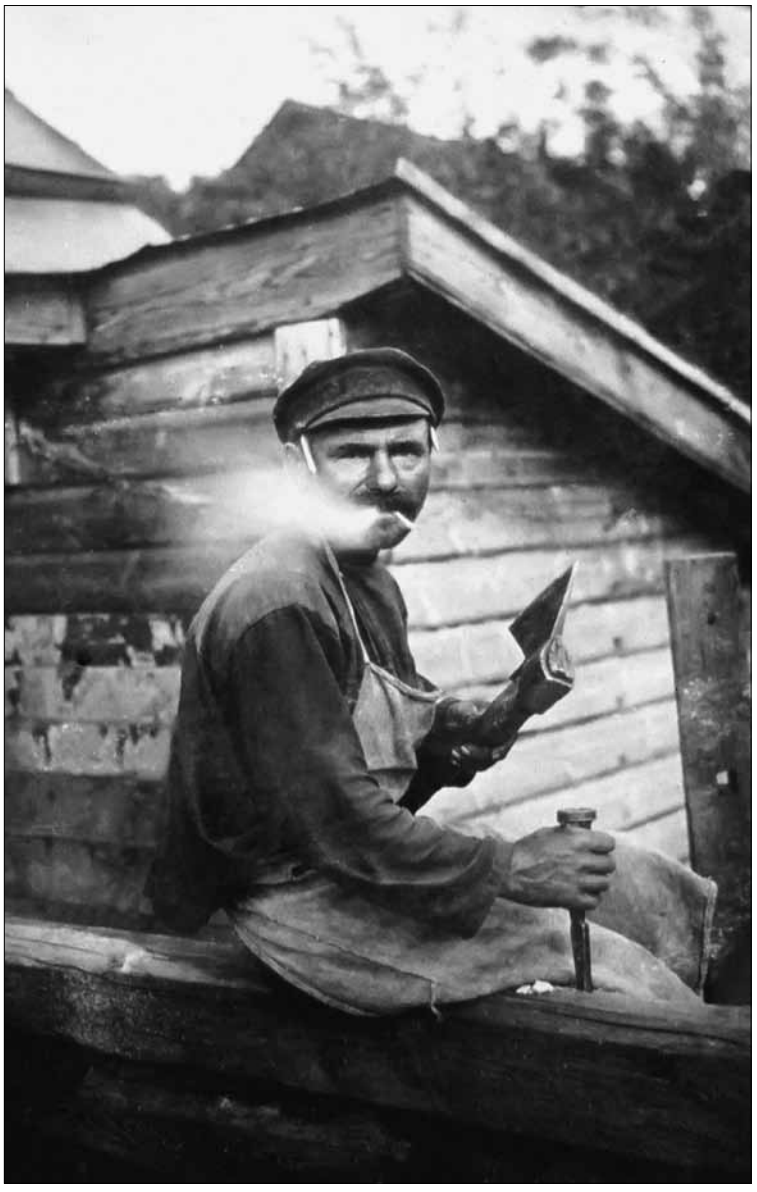
О существовании аналогичных обрядов с балкой в других районах Рязанской обл. современные информаторы уже не помнят, но известно, что они довольно широко бытовали среди русских других регионов России [20].

Никаких сведений об обрядах, связанных с покрытием кровли, в Рязанском крае в начале XXI в. обнаружить не удалось. Иногда хозяева выставляли третье угощение плотникам, когда дом был готов полностью — *с отделкой* или *с кончином*, если крышу крыли (щепой, дором или досками) тоже плотники, т. е. артель полностью выполняла всю работу от начала до конца. Иногда это третье угощение превращалось в новоселье. Угощение строителей «с начином» и «с кончином» остается обязательной частью строительного обряда и в наши дни.

Строительство нового дома было делом дорогим, поэтому многие предпочитали покупать старые дома на своз. Сведений об обрядах, сопутствующих покупке дома, в нашем распоряжении нет, за исключением короткого сообщения за 1923 г. корреспондентов ОИРК из Касимовского у. о том, что при покупке дома покупатель и продавец едят от одного куска хлеба, покупатель переносит в купленный дом горячие угли из своего старого жилища и после этого они пьют магарыч [21].

Плотники и печники. По признанию информаторов, кому довелось строить дом, для плотников и каменщиков каждый день устраивали по деревенским меркам пир, каждый день их хорошо кормили и подносили выпить. В конце XIX в. корреспондент Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева из с. Маклаково Скопинского у. отмечал, что крестьяне боятся пришлых плотников, «что они могут при постройке напустить нечистую силу, и стараются поступать и угощать плотников так, чтобы они остались довольны» [22]. Но наши информаторы побаи-

вались ссориться со строителями не потому, что приписывали им, как это было раньше, какие-то сверхъестественные способности, а из чисто практических соображений: не угодишь — и сделают что-нибудь не так, будет дом сырым или будет промерзать, а жить-то в нем не год и не два, а всю жизнь. Рассказы о мести недовольных строителей и их шутках над жадными хозяевами широко распространены среди жителей Рязанского края, но эти однотипные по содержанию истории, скорее всего, не более чем «строительные былички», передаваемые из уст в уста, хотя, безусловно, конфликты между строителями и хозяевами бывали. В Клепиковском р-не неоднократно рассказывали с небольшими вариантами историю о плотниках и жадном батюшке, который не подносил им выпить (деревни Фомино и Дунино). Плотники рассердились и сделали ему простенки между окнами без шипов*. «„Ну, батюшка, — выпили, значит, — ты теперича повторяй за нами. Мы будем играть песню: „Как у наших у попов все простенки без шипов“, — а ты, батюшка, повторяй, — „Так и надо без шипов, так и надо“. А сами смеются. „А чего смеетесь?“ — „Да хорошо ты нас угостил“». У плотников дер. Аверкиево Клепиковского р-на была такая шутка: «Попадется хозяин жадный, чурбак отпиливаешь и к матице привязываешь. Хозяин заходит и спрашивает, что такое. — „Хозяин удушился“. Догадывается угостить». В с. Новопанское Михайловского р-на, если хозяйка была жадная, то когда укладывали балку, один конец оставляли неприкрепленным, и он висел. На недоуменный вопрос хозяйки плотники отвечали, что «это хозяйка от жадности повесилась». Плотники совершали действия, похожие на описанный выше обряд с привешиванием хлеба к поднимаемой балке, только вместо него был ее провисший конец или чурбак. В структуре обряда после снятия пирога следовал обед. И здесь шуткой плотники давали понять недогадливым хозяевам, что пора ставить угощение. Возможно, некогда серьезный и ответственный обряд трансформировался в плотницкую шутку.



Плотник за работой. Ряжский у. Фото начала XX в. (Ряжский краеведческий музей)

Очень широко распространены рассказы о том, что плотники подкладывали жадным хозяевам яйца, которые со временем протухали, и в доме появлялся отвратительный запах. Однако нам не удалось найти ни одного человека, который бы сам пострадал от

* Чтобы бревна между окнами плотнее подогнать друг к другу, в них делали неглубокие отверстия и вставляли деревянные шипы, в результате бревна как бы насаживались одно на другое.

таких «шуток» или лично знал кого-то из пострадавших. Хотя один, как нам кажется, вполне реальный случай все-таки был. Правда, рассказал о нем не пострадавший, а плотник из с. Сново-Здорово Шацкого р-на: плотники из этого села (информатор называл их фамилии), не поладив с хозяином из-за денег и посчитав тухлые яйца слишком мягким наказанием, положили в выдолбленное в бревне под окном корытце дохлого котенка. Дело было осенью, и когда хозяева начали топить печь, запах стал невыносимым. Хозяева быстро согласились отдать плотникам деньги, из-за которых произошла ссора, а те убрали останки животного. Если подобные случаи и бывали, то это скорее редкие исключения, которые обрастали слухами и разносились по округе.

Среди старшего поколения бытуют и рассказы о печниках. В куршацких селениях Малахово, Култуки (Клепиковский р-н) говорили, что печники могут что-то сделать и в доме не будет тараканов. Жительница Култуков подтвердила, что когда-то она попросила печника, и тараканов в ее доме никогда не было. Рассказывают, что раньше жадному хозяину «свистуна» ставили, т. е. вмазывали в печь бутылку или горлышко бутылки, которое свистело; вставляли внутри трубы гусиное перо и дым шел не наружу, а назад в избу; печь складывали так, что она не нагревалась (с. Пушкари Михайловского р-на, дер. Самуиловка Касимовского р-на и др.). Жительница дер. Аргамаково Спасского р-на вспоминала, что, когда ей делали печь, она засомневалась, не маловато ли будет устье для большого чугуна. Печник сразу пресек всякие сомнения строгим наставлением впредь не делать их брату таких замечаний: он на нее зла не имеет, а другой бы в отместку так сложил печь, что огонь не будет раздаваться и бока не будут греться.

Все эти истории и былички распространяли, прежде всего, сами же строители, так как эти «слухи» давали им возможность требовать от запуганных хозяев хорошее угощение, при этом лишая последних возможности контролировать работу.

Переселение в новый дом. После благополучного завершения строительства дома или его покупки наступал момент переселения. Обряды, совершаемые при переходе в отстроенный и купленный дом, были почти одинаковы, хотя к вселению в уже обжитое жилище относились все-таки с меньшей ответственностью, чем в новое.

В некоторых местах считали обязательным переселиться в новый дом до Покрова (Покров пресвятой Богородицы — 1/14 октября) (селения Кадомского и Шиловского районов) и обычно старались сделать это в *легкий* день: вторник, четверг, субботу. В с. Тарадеи Шацкого р-на полагали, что лучше всего для этого подгадать время, когда гонят стадо овец, чтобы жить хорошо, так как «овцы-ти вить ани багатства» [23].

Если в новый (построенный или купленный) дом переходило не все семейство, а отселялась молодая семья, то ее обычно благословляли на переселение. Информатор из с. Романовы Дарки Шацкого р-на (ныне Путятинский р-н) рассказывала, что провожала сына в новый дом, а это было уже после войны, с «цельным хлебом», а отец — с иконой [24]. В с. Демидово Шацкого р-на хозяйка-свекровь пекла каравай и с ним провожала переселяющихся на новое место жительства [25]. Жительница с. Дегтяные Борки Ухоловского р-на говорила, что на переселение обязательно должны благословить, сказав: «Идите с Богом. Не вы первые, не вы последние». Уже в середине XX в. это соблюдалось далеко не всеми, а к концу века и вовсе забылось.

Переход в новый дом сопровождался переселением в него домового (или дворного), которого обычно называли «хозяином». Его приглашали в старом доме с хлебом-солью, кашей или кидали на чердак, на печь лапоть, а потом шли в новый дом, предполагая, что «хозяин» идет с ними, или несли его в лапте (см. т. 2. с. 539–540). В с. Троице-Пеленицы Спасского у. выходили из старой избы задом и как будто выводили за собой дворного, говоря при этом: «Дедушка-дворной, не бросай меня, береги мою скотину» [26]. Этот персонаж «низшей» демонологии, как известно, связан с культом предков, и с его переселением новое жилище получало покровителя. Кроме того, переселение на новое место своего домового символизировало преемственность жизни в новом доме.

Вера в существование домового (дворного) в Рязанском крае сохраняется до сих пор. Многие информаторы, особенно, конечно, пожилого возраста, заявляют, что в доме обязательно должен быть «хозяин», без него никак нельзя.

При переходе в новое жилище в одних селениях в дом первой запускали кошку, в других — кошку с петухом (в редких случаях — петуха и курицу, как в с. Романовы Дарки) [27], иногда петуха выпускали во двор, а кошку в дом*. Можно говорить о преобладании обряда с одной кошкой в южной, юго-западной и западной частиях региона, в то время как в северной заокской, восточной и отчасти юго-восточной преобладал обряд с кошкой и петухом. Особенности заселения и внутренние миграции способствовали тому, что в пределах одного уезда и даже одного селения часто оказывалось население из разных мест с разными культурными традициями, и это делает невозможным проведение каких-то четких границ между территориями бытования этих двух вариантов. Например, в Касимовском р-не практически во всех обследованных селениях зафиксирован обряд с петухом и кошкой, но в дер. Урядино при переходе в новый дом вперед пускали только кошку. Оказалось, что там проживают потомки переселенцев из с. Исады Спасского у., а в селениях по Кутуковской горе (Исады, Аргамаково, Устрань и др.) в новый дом первой запускали только кошку (хотя в других селениях Спасского у. широко бытовал обряд с кошкой и петухом).

Утрата отдельных элементов обряда и его угасание на разных территориях происходит не одновременно, но в начале нового столетия даже в тех районах, где раньше бытовал вариант с кошкой и петухом, уже лет 30–40 при переселении в новый дом пускают только кошку. Этого обычая придерживаются не только сельские, но и городские жители, иногда специально приобретая котенка в расчете на предстоящий переезд. В дом или в квартиру, в которых ранее уже жили люди, кошку перед вселением пускают не всегда.

Люди среднего поколения, не говоря уже о молодежи, зачастую не могут объяснить этот обычай, но информаторы старшего поколения из разных мест объясняют его приблизительно одинаково: «Кто первый взойдет, тот первый умрет» (с. Новопанское Михайловского р-на); «В новый дом вперед пускали кошку, чтобы она вперед подохла, а люди будут жить» (с.Чернава Милославского р-на); «В случае смерти прежде всех кошка помрет» (дер. Самуиловка Касимовского р-на), т. е. в новом доме непременно кто-то должен умереть. Также объясняли этот обычай и в Путятинском, Спасском районах. Жительницы сел Темгенево (Сасовский р-н) и Ветчаны (Клепиковский р-н) образно говорили: «В доме должен быть пявун и мяун». В Касимовском р-не в дер. Четаево довелось услышать, что пускают кошку и петуха, чтобы в доме была *спорина*, т. е. благополучие и удача во всем. В с. Орехово Спасского р-на вслед за кошкой и петухом кидали в избу деньги, как говорили, «чтобы велись».

Петух и курица в славянской мифологии были символами плодородия, недаром на свадьбе пекли курники, а молодым давали съесть курицу. Петух своим пением предвещал рассвет и разгонял нечистую силу. Кошка, в народном представлении — животное, существующее на грани двух миров, и в этом качестве она брала на себя болезнь, порчу, которую злые люди могли наслать на новый, еще не защищенный иконами, молитвами, различными оберегами дом. Кроме того, существовало мнение, что там, где есть кошка, есть и домовой [28] или домовой может являться в облике кошки.

По поведению петуха и кошки пытались предугадать, как будет житься в новом доме. В Аргамакове Спасского р-на, пуская в дом кошку, смотрели, куда она пойдет: если в сторону переднего угла, то хорошо, если назад — плохо. Если петух зашел и закукарекал, то в Старом Киструсе того же района говорили, что в новом доме кто-то непременно скоро умрет. В Малом Ардабьеве Касимовского р-на считалось плохой приметой, если петух заскочит на печь — это к печали, а если — кошка, то жизнь в новом доме сложится хорошо.

* Полагалось, чтобы кошка и петух переночевали в новом жилище, но во второй половине XX в. это уже не соблюдалось: хозяева заходили следом за ними.

Переселение в новый дом. Милославский р-н. Фото 1990-х гг. (Архив газ. «Мое Милославское»)

Повсеместно в Рязанском крае в новый дом первыми из вещей вносили иконы и сразу же развешивали в переднем углу. Из старого дома обязательно забирали свои *благословенные иконы*, т. е. те, которыми родители благословили на свадьбе. «Идешь с иконой и говоришь: „Господи, пошли, Господи, часу доброго и всего благополучного“», — рассказывала информатор из Новопанского. Во многих местах вместе с иконами несли в новый дом еще и хлеб-соль (с. Чернава, дер. Самуиловка, с. Темгенево) или что-то значимое, то, что А.К. Байбурин назвал «культурными символами», «которые определяют статус дома как жилого, человеческого пространства» [29].

Есть несколько сообщений об обрядах 1880-х гг., призванных обеспечить преемственность нового очага, который являлся символом обжитого жилища и семейного счастья. В Елатомском у. Тамбовской губ. в селениях между Окой и Мокшей (ныне это Пителинский р-н), если отселяется часть семейства, «хозяйка спешит вынести горшочек-другой золы из старой печи, и чем больше выгребет, тем больше вынесет счастья для новой семьи», а когда еще строят дом, в новую печь вставляют несколько кирпичей из старой [30]. А в с. Мелехово Касимовского у. в 1923 г. при покупке дома «новый хозяин приносит в него горячих углей» из своего старого дома [31]. В дер. Аргамаково Спасского р-на полагалось входить в новый дом не только с иконой, но еще с чашкой и ложкой. Кто-то, наряду с благословенным образом, брал с собой самовар, как наиболее ценный в хозяйстве или значимый в домашней жизни предмет. В с. Дегтяные Борки Ухоловского р-на еще в 1950-е гг. в дом, после того как туда пускали кошку, следом бросали поросячье корыто и только затем заходили хозяева с иконой. В с. Кочемирово Кадомского р-на и дер. Урядино Касимовского р-на при переселении в дом заносили кошку

и веник, который ставили в угол, а некоторые жители Урядина вместо веника брали с собой косырь*. Веник и косырь использовались в обрядности русских как апотропеи, но во второй половине XX в. они уже обычно воспринимались только как предметы домашнего быта. В дер. Четаево того же района в новое жилище переходили рано утром, когда еще все сельчане спали, чтобы никто не помешал и, не дай Бог, не перешел дорогу. Хозяйка замешивала в старом доме тесто для блинов, и все шли с кошкой, петухом и дежой с тестом, а в новом доме в новой печи пекли блины и ели. Все перечисленные предметы символизируют хозяйственную и духовную обжитость дома и преемственность жизни семьи в новом жилище.

Если освоение отстроенного дома велось поэтапно, с участием кошки и петуха, домового, заполнением пространства различными знаковыми предметами, прежде всего иконами, то в продаваемом жилище комплекс особенно значимых для русского крестьянина предметов оставался от старых хозяев. Это одна или несколько икон, стол и лавка, а с исчезновением из обихода лавок — табурет. Все эти предметы являются неотъемлемой частью самого сакрального места в доме — переднего угла, иными словами, дом должен продаваться с полноценным передним углом, разорение его «плохо для покупающего» (дер. Чернышовка Милославского р-на). Люди считают это аксиомой, не требующей доказательств: «Все знают, что продавать дом надо с одной иконой и столом. Все знают это правило» (с. Покровское Ухоловского р-на); «Стол — это престол, и дом без стола не покупают» (дер. Кочемары Касимовского р-на); «Продаешь дом, оставляешь стол. Надо накрыть его, буханка хлеба, соль. Икону оставляют, а то и всё, но благословение свое забирают» (с. Кочемирово Кадомского р-на). Видимо, раньше среди русских вообще было принято, продавая дом или вынужденно покидая его всей семьей, оставлять на столе хлеб, соль и воду [32] — то, что являлось, по мнению наших предков, самым необходимым для человека.

Наличие «укомплектованного» переднего угла не мешало вселяющимся принести в дом свои знаковые вещи, не только осваивая, но и таким образом «присваивая» купленное «чужое» жилище. Если же в целом сравнить вселение в новоотстроенный и купленный дом, то можно заметить, что доминанта освоения и обживания жилища вообще, начинаясь на опасной чужой территории, шла через нейтрализацию возможного зла, хозяйственное освоение пространства, к превращению его в свой «храм» со своим престолом, разорение которого при продаже дома опять переводило его в разряд опасной неосвоенной территории.

В конце XIX в. корреспондент Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева из Егорьевского у. сообщал, что при переселении иногда приглашают знахарей, чтобы они вошли в избу первыми и произнесли заклинания [33]. Что это были за заклинания, осталось неизвестным. В наше время в некоторых селениях, как, например, в с. Темгенево Сасовского р-на или еще недавно в с. Старый Киструс Спасского р-на, было принято приглашать монашку, читалку или просто старушку, которая прочитывала молитву на освящение дома. Обычно старшие в семье женщины сами кропили жилище святой водой, а у кого был ладан, еще и окуривали его. Жительница г. Сапожка, родом из пос. Купальское, рассказывала, что в конце 1990-х гг., переселяясь в новую квартиру, она вместе с дочерью прочитала «Отче наш», затем обошли квартиру: дочь с иконой, а она с горящей свечой, и там, где свеча начинала потрескивать, они читали молитву.

Купленный дом освящали обязательно. Освящение воспринималось как его духовное очищение, необходимое, чтобы начать в нем строить свою жизнь. Это было связано с тем, что часто новые хозяева не знали прежних хозяев: кто такие, чем занимались. Дом мог быть продан после смерти владельца, а после покойника во многих местах Рязанской обл. принято освящать жилище. Последние годы значительно чаще, чем раньше, стали приглашать священников освятить купленный дом.

После совершения всех обрядов переселения в новый дом, обычно в этот же день, устраивали новоселье. Было ли оно в традиции рязанских крестьян в XIX в. и в начале XX в.,

* Косырь — тяжелый нож, которым щепали лучину.

Молитва о благополучии живущих в доме. Скопинский р-н, с. Секирино. Фото С.А. Иниковой 2005 г.

сказать определенно трудно, так как сведений за этот период в нашем распоряжении нет. Пожилые женщины, вспоминая 1920–1930-е гг., говорят, что на их памяти никаких новоселий не было. Возможно, оно выросло из угощения «с кончином», на которое часто приглашали не только строителей, но и родственников. Мы можем только предположить, что эта традиция существовала, по крайней мере, среди зажиточных крестьян, но на период экономических трудностей, которыми была отмечена первая половина XX в., от нее временно отказались. После Великой Отечественной войны новоселье праздновали повсеместно. В 1960–1970-е гг. не справить новоселье считалось уже просто неприличным, это было бы «не по-людски». Жители Романовых Дарков Шацкого р-на в 1963 г. рассказывали: «При переезде в новый дом устраивается „входня“ — собирают родных, соседей, плотников и председателя сельсовета колхоза, угощают вином, блинами, мясом, селедкой. Берут белый хлеб, конфеты. Колбасы у нас мало. Особых блюд нет. Соберутся, песни поют, кое-кто из гостей подарки приносит, раньше этого не было». Из записей не совсем ясно, чего не было раньше: подарков на новоселье или вообще новоселья[34]. К тому же времени относятся записи из Кадомского р-на. Жители Полтевых Пеньков рассказали, что у них на новоселье зовут родню, соседей, угощают их. Гости несут в подарок графин, чашки. В дер. Сумерки на новоселье собирали всю родню. Готовили щи, лапшу, кашу, пироги, блины и пышки. В с. Чермные, по словам информатора, раньше новоселье «мало делали. Большею частью зажиточные. Приглашали родных. Теперь и родных, и соседей»[35].

Никаких ритуальных блюд, приготовляемых на новоселье, так же как каких-то специальных обрядов и обычаев, не отмечено, за исключением с. Бычки Сараевского р-на, где до недавнего времени обязательным считалось принести на новоселье (*входню, вхожую*) петуха или курицу. Передавая приношение хозяйке, гость приговаривал: «Живися, живися и трясися, хозяина не обижай, неси яички и больше прибавляй». Кроме слова «новоселье» и вышеотмеченных его наименований, также говорили: *входина* (с. Студенки Новодеревенского р-на), *всхожая* (с. Большие и Меньшие Можары Сараевского р-на), а в дер. Иванково Клепиковского р-на — *свято́ина*, так как его отмечали обязательно в тот день, когда освящали (приглашали священника, а чаще сами, святой водой) новый дом.

В с. Царево Ермишинского р-на перед новосельем заказывали в ближайшей церкви водосвятный молебен, брали освященную воду и затем кропили ею в доме. Приглашенные богомольные женщины — певчие — в присутствии родных и соседей совершали службу в новом доме, а потом все садились обедать.

Постепенно к новоселью стали относиться очень ответственно и устраивать его спустя небольшое время после вселения, чтобы иметь возможность лучше подготовиться. В 1980-е гг. новоселье по числу приглашенных, затратам на угощение было подобно свадьбе. В 1990-е гг. и первом пятилетии XXI в. строительство на селе почти не велось, если не считать дачников, поэтому и новоселья стали большой редкостью.

Внутреннее пространство жилища и его семантика. Представления рязанских крестьян о внутренней организации пространства дома и семантике его частей и элементов к концу XX в. сохранились в фрагментарном виде и в основном среди людей старшего поколения. Традиционные представления были привязаны к традиционному жилищу с определенным типом планировки и с русской печью. В 1950–1970-е гг. в сельской местности жилой фонд существенно обновился, причем за счет домов с новой планировкой, а старые дома в эти годы активно перестраивались (см. с. 369–377). В результате произошло перераспределение функций отдельных частей внутреннего пространства жилья; некоторые элементы, имевшие большую семантическую нагрузку, во многом определявшую поведение живущих в доме и приходящих в него посторонних, были утрачены.

Самой важной, сакральной частью дома всегда был и остается передний угол и прилегающее к нему пространство вместе со столом. Недаром в строительных обрядах деньги клали под передний угол, его значительно чаще, чем центр дома, маркировали деревцем. В Рязанской обл. передний угол изредка еще называют *святым* или *Божьим углом*, а вот такого распространенного в других регионах названия, как «красный угол», практически не употребляют. В переднем углу дома стоял стол, а над ним была божница с иконами, которую часто называют «иконостасом». На божнице кроме икон всегда находились такие сакральные предметы как Евангелие, просфоры, святая вода, освященная верба, пасхальные яйца, поминальник с перечнем умерших родственников. В Рязанской обл. божница у многих оформлена вышитыми подзорами, тюлевыми занавесками и является объектом гордости (илл. т. 2. с. 432–433).

В соответствии с русской традицией передний угол всегда располагался по диагонали к печи. Однако в начале нового столетия, когда у многих в домах уже нет русских печей, очень верующие люди считают, что главное, чтобы передний угол был ориентирован на восток. «Передний угол должен смотреть на восток. От этого его расположение зависит, а не от того, у дверей он или в другом месте», — говорила информатор из с. Чернава Милославского р-на. Жительница дер. Чернышовка того же района назвала свою избу «непряхой», так как передний угол, по ее словам, не на месте. Она говорит, что чувствует, что-то в доме не так, ведь святой угол должен смотреть на восток, молятся-то на восток, а у нее он у входных дверей и на запад, поэтому она становится молиться вполоборота, чтобы стоять не совсем спиной на восток.

Передний угол некоторым образом связан с культом мертвых, с потусторонним миром. Иногда при снятии сглаза воду, которой умывали больного, выплескивали снаружи на передний угол повыше, чтобы вода стекала по нему на землю. При проводах души на 40-й день в некоторых селениях Касимовского р-на (например, пгт. Лашма) читалка* выходила на улицу и также выплескивала стакан воды, стоявший в доме с момента смерти, на передний угол дома. В дер. Бучнево Касимовского у. существовала примета, касающаяся любого угла дома: если какая-нибудь птица сидит и долбит угол, быть в доме покойнику [36].

Велика была роль переднего угла в обрядовой жизни семьи: на лавку под иконы на расстеленную шубу укладывали принесенного из церкви окрещенного младенца; туда же сажали на свадьбе молодых после венчания, под иконы клали окончивших свой жизненный

* Читалка — женщина, читающая Псалтырь по покойникам.

путь. Пришедший в дом человек проходил в передний угол только по приглашению хозяина, и чем более уважаемым был гость, тем ближе к божнице его усаживали. По общему убеждению, ругаться около Божьего угла «не положено», это большой грех, так как там «вся святость». Крестьяне Егорьевского у., считали грехом даже ложиться спать ногами к переднему углу, к иконам [37].

Под божницей всегда стоял стол. Аналогия между столом в доме и престолом в церкви является традиционной в представлениях русских [38]. В одном из заговоров говорилось: «...в избе стоит престол, на престоле сам Господь» (пгт. Милославское). Стол, по словам жительницы Новопанского, — это Божий престол: «Мы ложимся спать, а Божья Матушка сюда приходит к нам» (в передний угол за стол. — *С.И.*), поэтому на столе на ночь нельзя оставлять грязную посуду (дер. Михалково Новодеревенского р-на). Грех бить о стол яйца, стучать по нему кулаком, садиться на него; раньше перед едой стол обязательно застилали скатертью, — рассказывала информатор из дер. Аргамаково Спасского р-на. В с. Увяз Касимовского у. в 1920-е гг. во время пожара в соседнем доме выносили стол и ставили около переднего угла набок, ножками к пожару [39], т. е. стол мог оттолкнуть, отвести пламя, как и икона Божьей Матери «Купина Неопалимая». Со столом были связаны разные приметы и суеверия, например, если на Благовещение за обедом садишься за стол с одного конца, а выходишь с другого, то не будешь знать своих загонов [40] (полосок пахотной надельной земли).

Особое значение придавали и пространству под столом. Оно, как и передний угол, было отчасти связано с потусторонним миром, с культом мертвых. Детям запрещали качать ногами под столом, говорили, что качают нечистую силу. Считали, что на нижнюю перекладину стола ставить ноги может только пастух — человек, которому приписывали дружбу с лешим и особые таинственные знания. Место под столом отчасти выполняло и прогностические функции. Так, обычно перед Новым годом (реже — перед Чистым понедельником) тщательно мели избу, а утром под столом искали зерно и по нему определяли, на какой злак в наступающем году будет урожай.

Двойственную семантическую нагрузку несла печь и пространство около нее. Сейчас у подавляющего большинства людей среднего возраста и в домах молодых семей русских печей нет, но в некоторых домах пожилых жителей они сохраняются и даже используются зимой для отопления. Печь всегда играла важную роль в жизнедеятельности обитателей дома, давая тепло и горячую пищу. Огонь в представлении народа обладал очищающей силой. Среди рязанских крестьян считалось непозволительным плевать в печку и на огонь: грешно, да и язык будет болеть или заболеешь сухоткой [41]. Зола и угли из печи, переносимые в новый дом, символизировали счастье и благополучие.

И вместе с тем, печь считалась местом нечистым. Некоторые и сейчас верят, что ведьмы, черти влетают и вылетают в печную трубу. В с. Пустотино Кораблинского р-на, перед тем как открыть заслонку и посадить хлеб в печь, ее крестили, чтобы нечистый не выскочил оттуда [42]. Во многих местах полагали, что под или за печью живет домовой. Около печи раньше не божились, не молились, не клялись. «За молитвой стоят возможно дальше от печки. Молитва у печки бесполезна» [43], — сообщал корреспондент ОИРК из с. Мервино Рязанского у. В устройстве печи, как считали жители Елатомского у., наиболее нечистым местом была пристроенная вдоль нее из дерева *казёнка*, на которой любит лежать домовой, и поэтому на казёнку нельзя класть крест и хлеб [44]. Смерть на печи считалась плохим окончанием жизни. На печи до крещения держали новорожденного младенца, так как пока с него не снят первородный грех, его нельзя укладывать в колыбель [45]. С одной стороны, это место нечистое, но с другой, крестообразную кирпичную кладку лежанки можно рассматривать как место, защищенное от нечистой силы, т. е. с какой стороны ни посмотреть, печь — подходящее место для некрещеного младенца.

Печь, которая была недвижимой, неотделимой частью дома, в этом качестве фигурировала в различных символических обрядах, связанных с приобщением к дому (к хозяйству) приобретенного, недавно появившегося на свет или плохо знающего свой двор скота:

животных кормили с печной заслонки, поводок, на котором впервые привели корову или овцу, наматывали вокруг печной трубы; новорожденного теленка или купленного поросенка прислоняли к печи (см. с. 265–266, 275); около печи вешали скорлупу, оставшуюся после вылупившихся цыплят, чтобы они не пропадали [46], и даже чтобы привязать будущую жену к дому, в Спасском у. жених перед венчанием дарил невесте шубу, предварительно обведя ею вокруг печной трубы с приговором: «Как труба от печи не отходит, так и ты (невеста) не отходи от двора» [47].

Созвучие слов «печь» и «печаль» дало начало различным представлениям и запретам, связанным с печью. Видеть печь во сне — это к печали. «Молодым не надо у печи стоять», — говорила информатор из с. Чернава. Жительница Новопанского подтвердила, что, когда к ней приезжают дети, она не разрешает им стоять у печи, да и гостей хозяева проводят от печи в горницу, чтобы «не печалиться ни хозяевам, ни гостям». В дер. Борисково Клепиковского р-на во время свадьбы никому не разрешали сидеть на печи, чтобы молодые потом не печалились. Корреспондент ОИРК из г. Пронска сообщал в 1920-е гг., что стоять у печи при проводах считается плохой приметой [48]. И сейчас говорят, что не следует этого делать, когда собираешься в путь, наоборот, надо отойти подальше и перекреститься (с. Темгенево Сасовского р-на). В дер. Филино Клепиковского р-на, если кто-то уезжал или уходил из дома, а печь в это время топилась, ее обязательно закрывали, пока человек не выйдет на улицу [49] *.

Значимым элементом внутреннего пространства дома являлась потолочная балка, которая в среднерусском плане жилища как бы отделяла переднюю часть помещения со святым углом от задней части с печью. Интересное объяснение тому, что в домах балки кладут поперек дома, а не вдоль, дал бывший плотник из с. Новопанское: «Когда колдун придет, матка его не пустит. Колдун в дверь заходит, видит, лежит балка, а если вдоль положить, то он может свободно ходить по всему дому», т. е. это невидимая граница, не преодолимая для колдуна. Если в дом приходили сваты, то они никогда не начинали сватать у двери, у печи, а проходили и садились под вторую матицу (балку) или за нее. «Если гости прошли за вторую балку, то сразу понятно, что пришли сватать», — рассказывали в Чернаве. Это же подтверждали информаторы из других селений того же Милославского и других районов. Сейчас во многих сельских домах потолок подшит так, что балок вообще не видно.

Каких-то представлений, поверий, примет, связанных с полом, в этнографических источниках не зафиксировано, если не считать сообщения конца XIX в. из с. Белоомут Зарайского у., в котором говорилось, что крестьяне стелют постель на полу всегда поперек половых досок, а не вдоль, так как считают, что домовой этого не любит [50]. Покойника было принято класть на лавку, стоящую вдоль половой доски. В наши дни широко распространен запрет подметать пол в день отъезда кого-то из домочадцев, чтобы этот человек благополучно доехал до места назначения и вернулся назад, иначе можно навсегда «вымести» его.

Важную роль в выполнении одного из главных предназначений дома — защите его обитателей — играют двери и окна. Это места контакта с внешним миром, который далеко не всегда доброжелателен к живущим в доме. Через окно в дом попадал дневной свет, через него можно было наблюдать за происходящим за пределами дома, но кроме того, оно осмыслялось и как окно в иной мир. Причем увидеть этот мир можно, взглянув в окно на улицу или наоборот, с улицы в дом, но дано это не всем. Таким образом бабка-повитуха могла увидеть судьбу только что принятого ею новорожденного. В с. Ижевское Спасского р-на существовал запрет смотреть на похоронную процессию в окно, так как это плохо для смотрящего. Возможно, предполагалось, что таким образом он может увидеть что-то такое, чего не до́лжно видеть живому, или, наоборот, его могут увидеть духи иного мира.

* В обрядности южнорусских губерний, украинцев и белорусов печь играла более позитивную роль, особенно в свадебном обряде, по сравнению с материалом, обнаруженным в Рязанском крае [см.: *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 266. (Труды ИЭ. Т. XXXI); *Чижикова Л.Н.* Баня и русская печь в быту южнорусского населения // Баня и печь в русской народной традиции. М., 2004. С. 98–100].

В Ряжском у. в засуху на окно снаружи лили воду, видимо, потому что в окне отражалось небо и этими действиями пытались вызвать дождь.

Порог дома — это граница между своим, обжитым пространством и чужим, нежилым, и сам он совмещал в себе характеристики, свойственные тому и другому. Под порогом в христианские времена хоронили некрещеных младенцев и выкидыши. Порог осмыслялся как место контакта с потусторонним миром. В дер. Ивановка Кадомского р-на, чтобы колдунья умерла, на порог клали веник, на который она «спустила» свое колдовство [51], повсеместно около порога под пятку двери знахарка выливала наговоренную воду, которой лечила сглаз, и на пороге она лечила притку (боль в пояснице). Преодоление порога во время свадебного обряда обставлялось особым образом. Иногда молодым запрещалось наступать на него, так как на пороге может быть наколдовано [52], но в некоторых местах молодая специально наступала на порог и про себя говорила: «Чтобы я была хозяйка» (дер. Борисково Клепиковского р-на). В Белоомуте запрещалось садиться на порог дома: «Сел на порог, принимай весь порок», т. е. все болезни [53]. Через порог нельзя здороваться и брать или отдавать долг.

Окна, двери, порог были объектами магических действий, направленных на защиту от нечистой силы и колдунов. Под порог закладывали иголки, за косяки втыкали ножи, иголки и другие острые предметы, клали ладан, написанные на бумаге молитвы. На дверях и окнах на Крещение рисовали кресты и т. д. На порог или входную дверь прибивали найденную подкову, причем если прибить ее на дверь концами вниз, это от колдунов, а если концами вверх, как говорят, «рюмкой», «чашей», то это на счастье: «Надо чашей, чтобы счастье удерживалось в подкове, а не выливалось из нее» (с. Кочемирово Кадомского р-на).

Среди сельских женщин старшего возраста принято на ночь крестить окна и двери, а также, уходя из дома на длительное время, крестить входную дверь или сам дом. Информатор из пгт. Ухолово рассказывала, что соседка, уезжая в Москву, просила ее: «Шура, ты хоть выйди и мой дом перекрести и скажи „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь“». Некоторые читают церковные и неканонические молитвы для защиты дома от всевозможных несчастий.

Кроме нечистой силы, у сельских бабушек, многие из которых живут одиноко, существует и вполне реальный враг — воры. Раньше не было в селах такой криминогенной обстановки, да и дома не оставались без присмотра, так как каждый был полон народа, а сегодня, не надеясь на замки, они переписывают друг у друга заговоры от воров, вроде следующих: «На горе Фене стоят сторожа — ангелы святые, Иисусу Христу правая рука. Матушка святая Богородица [на] замок замкни (имя) дом и двор, и все строения от воров» (с. Тюково Клепиковского р-на) или «У моего двора Афонская гора, Божия рука. Матерь Божия — замки, ангелы Господни — ключи. Кто мое добро [будет] красть, наведи на того страсть. Вы не ложили, вам не брать» (с. Старочернеево Шацкого р-на), хранят их в доме или читают, покидая свое жилище.

Отсутствие сколько-нибудь систематизированных материалов об обрядах и представлениях, связанных с домом, за XIX — первую половину XX в. не позволяет выделить на территории Рязанского края какие-то существенные локальные отличия, обусловленные особенностями его заселения. Исключение представляет обычай пускать в новый дом одну кошку или кошку с петухом: первый вариант преобладал в южной, юго-западной и западной частях области, второй — на территории заокской и заценской Мещёры.

Быстрое угасание обычаев и обрядов, связанных со строительством и переходом в новый дом, представлений о знаковости его элементов вызвано объективным процессом изменения социально-экономического облика рязанской деревни, особенно во второй половине XX в. На смену традиционному жилищу пришло жилье, в котором использованы новые материалы, новая планировка, современная отопительная система и т. д., поэтому некоторые обряды и представления потеряли объекты, к которым они были привязаны. Существенные изменения произошли и в сознании людей, и в результате обряды и обычаи в их восприятии практически утратили свою содержательную сторону и приобрели игровой характер. Быстрый отток населения из рязанской деревни в 1990-е гг. и прекращение строительства тоже не способствовали сохранению этой обрядности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1446. Л. 15.

2 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XII. № 292. Л. 8.

3 *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005. С. 75.

4 Там же. С. 76.

5 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1436. Л. 4.

6 *Морозов И.А.* Переходить в новый дом // ШЭС. С. 287.

7 *Мансуров А.А.* Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1928. Вып. 1. С. 22 (Труды ОИРК. Вып. XV).

8 *Сергиевский М.В.* Материалы этнографических работ в Рязанской губ. 1919 г. // АИЭА. Колл. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 51.

9 Подробнее см.: *Байбурин А.К.* Указ. соч. С. 80–81.

10 Там же. С. 74–75.

11 *Сергиевский М.В.* Указ. соч. Л. 45 об.

12 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360. Л. 47.

13 Там же. Д. 2360а. Л. 95; Д. 4378. Л. 43.

14 Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 156–158; М., 1999. Т. 2. С. 183–185.

15 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360а. Л. 108 об.

16 Там же. Д. 4378. Л. 49.

17 Там же. Л. 31.

18 Там же. Л. 25 об.

19 *Морозов И.А.* Указ. соч. С. 288.

20 *Байбурин А.К.* Указ.соч. С. 98–99.

21 *Мансуров А.А.* Указ. соч. С. 6.

22 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1463. Л. 26.

23 *Морозов И.А.* Указ. соч. С. 287.

24 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360. Л. 47 об.

25 *Морозов И.А.* Указ. соч. С. 288.

26 *Сергиевский М.В.* Указ. соч. Л. 60.

27 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360. Л. 47 об.

28 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1448. Л. 47 (Зарайский у.).

29 *Байбурин А.К.* Указ. соч. С. 134.

30 *Звонков А.П.* Очерк верований крестьян Елатомского у. Тамбовской губ. // ЭО. 1889. № 2. С. 71.

31 *Мансуров А.А.* Указ. соч. С. 6.

32 Именно так поступали духоборцы, насильно переселяемые в 1841–1845 гг. из Таврической губ. в Закавказье. Они были выходцами из Тамбовской, Воронежской, Харьковской губерний.

33 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1436. Л. 4.

34 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360. Л. 47 об.

35 Там же. Д. 2360 а. Л. 95 об.; Д. 2361. Л. 49; Д. 4378. Л. 25 об.

36 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. IV. № 97.

37 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1436. Л. 28.

38 *Байбурин А.К.* Указ. соч. С. 181; *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 169–171.

39 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. II. № 48.

40 Там же. Кн. IV. № 83 (с. Ерахтур Касимовского у.).

41 *Звонков А.П.* Указ. соч. С. 71; НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XII. № 292. Л. 7 об. (с. Бусаево Рязанского у.).

42 Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. Материалы полевой и архивной коллекции Л.М. Ивлевой. СПб., 2004. С. 102.

43 НА РИАМЗ. Д 878. Л. 8 об.

44 *Звонков А.П.* Указ. соч. С. 77.

45 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Рязань. 1930. Вып. 3. С. 9 (Труды ОИРК. Вып. XXVI).

46 Там же. С. 5.

47 Там же. С. 24. Не совсем понятно, в каком месте обводили трубу шубой, видимо, на чердаке.

48 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. X. № 242.

49 Там же. Кн. XXI. № 30.029/01. Л. 182 об.

50 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1453. Л. 13.

51 Представления восточных славян… С. 115.

52 Там же. С. 104.

53 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1453. Л. 13.

Раздел 4.

ОДЕЖДА

ГЛАВА 13

Ткачество Рязанского края

Пряжа для тканья. — Способы тканья.

Техника ткачества

Полотняное переплетение. — Саржевое переплетение. — Закладное ткачество. — Бранное ткачество. — Сложное тканье. — Многоремизное ткачество. — Ажурное ткачество.

Ткачество на заказ и на рынок

Рязанский край отличался многообразием ткачества. Здесь в середине XIX — начале XX в. были отмечены общеизвестные и локальные, встречавшиеся у местных групп русских, способы производства и орнаментации предметов тканья. Различные тканые изделия производили для удовлетворения потребностей семьи, а также на заказ, для продажи, а в дореформенной России для уплаты оброка. Практически в каждой крестьянской семье на территории Рязанской губ. простые и узорные ткани выделывали вплоть до 1930-х, а местами до конца 1940-х гг., а использовали их для изготовления одежды или бытовых предметов в некоторых селениях Скопинского и Милославского районов до начала XXI в. Правда, в большинстве селений, расположенных близ промышленных центров, домотканину не производили уже в конце XIX в.

Пряжа для тканья. В производстве тканей для собственного потребления в крестьянских хозяйствах Рязанской губ. использовали нити как домашнего изготовления (из льна, конопли и шерсти), так и покупные. Льняные нити чаще называли *портяные, холщовые, холстовые*. Как правило, они считались более ценными, чем конопляные. Для обозначения нитей из бессемянных мужских стеблей конопли («посконь»/«поскань») употребляли наименования *посконные, конопные, пеньковые*. Другой вид пряжи, вырабатываемый из женских растений конопли, называли так же, как и растение — *маченец, моченец, конопля*. Поскольку посконные нити более мягкие, чем моченец, именно их, так же как и льняные нити, использовали для тканья полотен. Нити моченца в ткачестве употребляли редко, несмотря на то что они отличались белизной. В Зарайском у. из них обычно ткали *веретья* — разновидность грубой ткани, а в Сапожковском у. — ткань для будничных *онучей*[1].

Свойства и качественные характеристики льняных и конопляных нитей определялись в ходе чесания и прядения. Пряжу рязанские крестьянки обычно получали из *кудели* — длинных гладких волокон, образовавшихся в результате чесания. Кудель насаживали на гребень и с помощью веретена, реже самопрялки, вытягивали прядево и *сучили*, т.е. скручивали его в нить. В зависимости от умений пряхи, а также от назначения, нитка могла быть тонкой или толстой, ровной или шероховатой, круто скрученной или рыхлой, гладкой или ворсистой. Из *пачеси* — мягкого волокна, остающегося после второго чесания, а также из остатков прядения женщины Рязанской губ. тоже получали пряжу, но иначе: волокно крутили между ладонями и обматывали полученную нить вокруг руки или корзины. Этот процесс, как и саму нить, называли *верчь*[2]. Верчь (нить) отличалась толщиной, мягкостью, рыхлостью, неровной поверхностью с высокой долей ворсистости.

Как и повсеместно в России, в Рязанской губ. готовые нити из конопли и льна называли *суровыми*. Они были серого цвета, поэтому для производства различного вида тканей их нередко отбеливали и окрашивали. Беление предполагало замачивание пряжи в залитой кипятком золе — щелоке и просушку на жердях. В 1920–1930-е гг. вместо щелока некоторые стали использовать хлорку (с. Кочемирово Кадомского р-на).

Прядение на самопрялках и с гребня. Рязанский у., с. Селезнево. Фото начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Прядение с гребня. Рязанский р-н., с. Реткино. Фото Е.Н. Каширина 1979 г.

Окрашивали нити растительными красителями: индиго, кальгой со щелоком для получения синего цвета, шафраном — для желто-оранжевого цвета, отваром череды — для желтого цвета, сандалом — черного, настойкой ольховой коры с железными стружками — красно-коричневого и пр. С середины XIX в. стали употреблять анилиновые красители, изменившие цветовую гамму узоров. В конце XIX — начале XX в. эта практика прочно вошла в народный быт. Однако во многих деревнях и селах, расположенных вдали от уездных и торговых центров, еще долго использовали для окраски дедовские методы и красители. Так было в селах Черная Речка, Коровка и других селениях Сапожковского у.[3].

Шерсть, широко применявшуюся в рязанском ткачестве, получали от стрижки и чесания овец. Пряжу из шерсти называли *шерсть, жичь, шерстяная* или *суконная* нить. Качество ее зависело от возраста овцы, времени стрижки, способов обработки и прядения волокна. Например, при первой стрижке овец, не достигших годовалого возраста, получали очень ценную *поярковую* шерсть [4]. Спряденные из нее нити были тонкими, ровными и мягкими. Шерсть от осенней стрижки овец, по мнению зарайских крестьян, лучше вешней подходила для прядения нитей [5]. Перед прядением шерсть обязательно разбирали руками, а чтобы получить нити хорошего качества, дополнительно вычесывали или взбивали. Например, поярковую шерсть били на шерстобитке [6]. Пряли шерсть обычно с помощью прялки и веретена. Но в Рязанском крае сохранялся и старинный способ прядения шерсти — *прядение в жилку, тянуть жилку* [7]. Шерсть, используемую при прядении в жилку, счесывали с овец гребнем и пряли с гребня же. Получаемая нить была грубой, толстой и неровной, ее называли *пряденная в жилку*.

Цвет шерстяных нитей — белый, серый и черный — зависел от цвета шерсти овцы. Для тканья цветных узоров окрашиванию подвергали белую шерсть, используя те же красители, что и при обработке конопляных и льняных нитей. Кроме того, шерсть красили раствором корня марены, получая цвета от фиолетово-красного до пурпурного, раствором коры дуба с добавлением желтого купороса — для окрашивания в синий цвет, отваром ольховой коры с добавлением кислого хлебного кваса и железных опилок, который придавал нити черный, бурый или коричневый оттенки.

В домашнем ткачестве рязанские крестьяне использовали и покупные нити: хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые. Хлопчатобумажная пряжа, называемая в народе *бумага*, появилась в крестьянских хозяйствах уже в первой половине XIX в. Со временем покупать и использовать этот материал для изготовления ткани стало более выгодно, чем выращивать лен или коноплю в собственном хозяйстве, а потом изготовлять нити. К тому же хлопчатобумажная пряжа обладала свойствами, которых недоставало льну и конопле: белизной или яркостью цвета, мягкостью, пушистостью. Поэтому бумага с середины XIX в. стала активно использоваться в деревнях.

Фабричная шерсть, называемая в Рязанском крае *шлёнка* или *гарус*, вошла в крестьянский быт со второй половины XIX в. также благодаря своим качественным характеристикам, выгодно отличавшим ее от шерсти домашней выработки. Тканье шелком встречалось в основном только в Касимовском у.

Нити любого волокна, подготовленные к тканью, могли быть *несученными* или *сученными*. *Сучение* — скручивание двух нитей в одну — производилось для увеличения прочности и толщины ткани. Например, в старинных *понёвах* основа всегда была сученая [8]. В Касимовском у. сученые нити называли также *крученые* или *сканые*.

Помимо чисто технической стороны подготовки пряжи рязанские крестьянки соблюдали различные запреты и совершали определенные ритуалы, чтобы обеспечить успех своей работе. Как и у русских других губерний, в Рязанском крае существовал запрет прясть и трепать прядево в пятницу: говорили, что руки будут болеть (с. Мелехово Касимовского у.) или запорошишь глаза Богородице (дер. Бучнево того же уезда) [9]. В Ряжске и уезде, когда девушка первый раз начинала прясть лен или коноплю, то первый напряженный клубочек она сжигала и съедала пепел, чтобы тонко прясть, а женщины, намотав первый клубок, водили им по головке ребенка и приговаривали: «Сколько у волка следищев, столько бы напрясть клубищев» или «Какая головища, такие клубища» [10]. На Святки по рязанским селениям ходила бабка Коляда — мифический святочный персонаж — и проверяла, кто сколько успел напрясть (см. с. 515).

Способы тканья. Подготовив пряжу, ткать обычно начинали Великим постом. Основным орудием ткачества в крестьянском хозяйстве Рязанщины, как и в других районах России, являлся горизонтальный ткацкий стан, или *колода*. Он имел бердо, ремизки, которые в разных местностях называли *ниты, нитченки, цепы, цапки*; подножки, два навоя — *колоды* и челнок

Ткацкий стан. Милославский р-н., с. Боршевое
Фото А. Линденберга 1960 г. (АИЭА. Фототека)

для нити утка. В Рязанской губ. был известен и вертикальный стан, состоявший из поставленной рамы с натянутыми в два ряда нитями основы. На таких станках изготавливали мешкообразные ткани с двойным слоем. По мнению этнографа Н.И. Лебедевой, возможно, некогда именно на них производили *постельки*, служившие у рязанских крестьян и одеялом и подстилкой, а в Скопинском у. — *кодманы*, одежду в виде плаща[11].

Для тканья использовали и более простые по конструкции приспособления — *дощечки, ниты, бердо*; процесс изготовления текстильных изделий с их помощью в этнографии называют *полутканьем, примитивным тканьем*.

Дощечки, или доски, представляли собой четырехугольные тонкие деревянные пластины или картонки, соединенные нитками, которые протягивали через дырочки, сделанные по углам каждой из них. С их помощью в Раненбургском, Сапожковском, Скопинском уездах изготавливали пояса. В Сапожковском (с. Можары) и Скопинском уездах их делали на трех, четырех, шести дощечках[12]. Однодворцы Сапожковского у. пояса к мужским портам ткали на двух дощечках[13]. В Данковском и Михайловском уездах дощечки применяли для тканья поясов и тесемок для обшивки понёв[14]. В районе Богословщины Михайловского у. для этой цели использовали шесть и восемь досок.

При тканье *на ниту* женщины пользовались небольшой деревянной палочкой для разделения нитей, веревочными петлями, которые привязывали к каждой нити (их называли ниты, *нитченки*), и деревянным ножом для прибивания утка. На ниту чаще изготавливали широкие пояса и кушаки в Данковском, Раненбургском, Скопинском уездах[15].

Бердо — дощечку с вертикальными прорезями — применяли для тканья поясов в Данковском и Раненбургском уездах[16].

В Рязанской губ. Н.И. Лебедевой был зафиксирован еще один способ производства ткани — *на ноге*. Так в детских играх в с. Мелехово Касимовского у. девочки ткали ткани на понёвы для кукол. Получаемая ткань была аналогична настоящей понёвной ткани, выпускаемой на станке. Девочки в определенной последовательности цепляли нити за пальцы ноги, а противоположные их концы привязывали к поясу. Затем, поочередно поднимая сначала четные, а затем нечетные нити, пропускали уток[17].

Процесс производства полотна включал две основные операции — снование и тканье. Как правило, вид переплетения, плотность ткани по основе, орнамент определялись еще при сновании в зависимости от функции, назначения, сакральной значимости будущего предмета, для которого ткали полотно. «Характер задуманной вещи, — писал о рязанском ткачестве Б.А. Куфтин, — отражается на всем ходе работы, связанной с подготовкой материала, во всяком случае, начиная с прядения, когда приготовляются нитки нужной толщины, чтобы материя получилась желаемой добротности»[18]. Например, при сновании важно было просчитать количество нитей основы. В Касимовском у. исчисление нитей производилось в *пасмах, численках, зубах*[19]. Пасмами называли пучок из десяти численок, численка включала

три зуба; в свою очередь, термин «зуб» обозначал один оборот нити в мотке. Самый добротный холст, по мнению касимовских крестьян, сновали в десять пасм, т. е. в 300 нитей основы. И если при тканье на 1 см основы приходилось шесть-восемь ниток утка, то холст, получаемый при таком раскладе, отличался тонкостью и особо ценился как мастерицами, так и на рынках среди покупателей.

Ткани без узора или с узором, раппорт которого неизменно повторялся (например, клетчатая ткань), ткали полотнами. Иначе изготавливали ткани с узорными участками. Иногда при одной заправке основных нитей станка могли вытыкать несколько узорных образцов, которые затем разрезали и пришивали или к одежде, или к предметам быта.

Среди крестьянок более ценились вещи, в которых узор вытыкался вместе с основным полотном. При изготовлении таких полотен следовало учитывать крой деталей и покрой предмета одежды, расположение узора, его размеры, орнамент, места введения цветных нитей, их количество и сочетание. По сообщению Б.А. Куфтина, женщина «должна высчитать, из скольких полотнищ и какой длины она предполагает сделать стан у рубахи. Затем размер рукавов, так, чтобы браные полосы пришлись на своем месте у основания и конца рукава, и, наконец, она должна принять во внимание и украшение поликов» [20]. Узоры воспроизводили обычно по образцам старого тканья, специальным заготовкам редко затканной ткани или по продаваемым картинкам, например, приложениям к мылу Брокара [21].

В Рязанской губ. любую ткань в виде полотнища, отреза или полосы с орнаментом называли *домотканина, точа*. Для обозначения узорной ткани, вне зависимости от техники исполнения и орнамента, могли использовать термины *натканка, затканка, перетыка*, но обычно в каждой местности были свои названия для каждого вида ткани, техники и орнамента тканья.

Техника ткачества

Полотняное переплетение. Наиболее простой вид тканого переплетения — простое полотняное переплетение. Поверхность готового изделия имела крестообразную текстуру.

В неузорных тканях простого полотняного переплетения нити основы и утка были одинаковыми по цвету, характеру крутки и обработки, по толщине. По типу волокна различали ткани льняные, конопляные, хлопчатобумажные, шелковые, шерстяные или смешанные. В разных уездах Рязанской губ. полотно из однотонных, белых или суровых, льняных нитей называли *холст, долевой холст, холстина, холстинка, холщовая ткань, холстинная ткань, полотно, полотняная ткань, точиво, портно, портяная ткань*. Если ткань была цветной, то в названии указывали цвет, например, «синяя холстинка» и т. п. Ткань из посконных нитей, а также из моченца, была известна под названиями *посконь, посконная ткань, посконный холст, конопная ткань/холст, пеньковая ткань/холст*.

Указанные термины могли применяться для обозначения качественной характеристики ткани. Так, названия, традиционно закрепленные за конопляной тканью, использовали для обозначения грубой ткани и из льняных, и из конопляных, и из хлопчатобумажных нитей. С другой стороны, тонко выделанный конопляный холст нередко называли льняным.

От степени качества и выделки холщовых и конопляных тканей зависело их назначение. Грубое суровое полотно, особенно конопляное, использовалось в повседневном быту и для изготовления подкладок к сарафанам, юбкам, верхней одежде, подоплек к мужским рубахам, нижней части женских рубах и рукавов (Касимовский у.), подкладок для женских головных уборов (Сапожковский и Данковский уезды). Из него шили рабочую и будничную одежду или ее части. В дер. Городецкое Пронского у. из толстого конопляного холста шили рукава для рабочего женского передника, на северо-востоке Касимовского у. — повседневные сарафаны [22].

Ступа для отбеливания полотна. Темниковский у., с. Кочемирово Начало XX в. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Тонкое полотно старались как можно лучше выбелить. В летнюю пору его периодически мочили в пруду, реке и расстилали на берегу на солнце. В Темниковском у. женщины еще дополнительно толкли его там же на берегу в специальных ступах. В Пронском у. [23], в заокской части Рязанского р-на и Касимовском р-не холсты расстилали по снегу (или закапывали в снег) в марте, так как считалось, что мартовская талая вода особенно хорошо отбеливает.

Отбеленную домотканину в Касимовском у. использовали при изготовлении повседневной верхней женской одежды: сарафанов, *шушпанов, навершников,* а в Сапожковском у. для такой детали праздничного костюма, как онучи [24]. Самое тонкое белое полотно, как правило льняное, употреблялось для шитья женских и мужских рубах, женских головных полотенец, элементов праздничного костюма и праздничного убранства дома.

Иногда в Рязанской губ. применение льняных и конопляных тканей различалось по местностям, а в каждой местности зависело от назначения предмета. У однодворцев Сапожковского у. будничные рубахи женщин были конопляные, а праздничные — льняные [25]. Женские рубахи из конопляного холста бытовали в Попадьинской и Плахинской волостях Михайловского у. [26], тогда как в большинстве поселений Рязанской губ. их шили из льняного холста. В Данковском у. *портянки* и онучи были пеньковые, у однодворцев Сапожковского у. — портяные, в остальных деревнях Сапожковского у. праздничные онучи делали из отбеленного конопляного холста [27]. В с. Секирино Скопинского у. женские будничные *синюшки* (верхняя одежда) шили из льняного холста, а синюшки, носимые старухами в будни и остальными женщинами в трауре, — из конопляного [28]. На северо-западе Касимовского у. для девичьих сарафанов — *подолов* предназначалась льняная ткань, а на северо-востоке этого же уезда сарафаны шили из грубой конопляной материи [29].

Окрашенные в синий, красный, реже зеленый цвета льняные и конопляные полотна применяли для пошива отдельных предметов или частей одежды. В с. Шостье и в поселениях с северо-восточной стороны г. Касимова синили конопляный холст для сарафанов, в Скопинском у. — для синюшек, в Данковском у. льняную холстину — для мужских рубах [30]. Полосы из синего и зеленого холста нашивали на *коротаи* в Данковском у. Кроме того, синее полотно широко использовалось в качестве подкладочной ткани. Полотно красного цвета употреблялось на прошвы понёв в Парахинской и Палищинской волостях Касимовского у. [31] Известно, что крашеный холст применяли в Михайловском у. для женских рубах [32].

Полотно из шерсти домашнего изготовления повсеместно в Рязанской губ. называлось *пониток, пониточная ткань, суконная ткань, сукно,* в Михайловском у. — *свойское сукно* [33].

Использование шерстяной ткани для пошива различных предметов одежды также зависело от ее качества и цвета. Из грубой ткани, нити которой были прядены в жилку, шили будничную одежду. Крестьянки Сапожковского у. кроили из нее понёвы — *шерстянки* и онучи, Скопинского у. — верхнюю одежду кодман, однодворцы Данковского у. — мужскую верхнюю одежду *тайник* [34]. В селах по р. Вязовенке Данковского у. [35] такую материю красили в красный, черный, синий цвета и шили из нее женские коротаи.

Белая шерсть во многих местах шла на изготовление зимних мужских штанов, у однодворцев Данковского у. и жителей с. Чулково Скопинского у. — на зимние онучи [36]. Тонко выделанное белое сукно использовали для шитья одежды молодых женщин, чаще всего верхней нагрудной, а также частей обрядового или праздничного костюма. В с. Курша Касимов-

ского у. из него изготавливали девичьи сарафаны, в Сапожковском у. — шушпаны, *нагрудники*, в Скопинском у. — *шушки*, в Данковском у. — девичьи *сукни* (селения Дубки, Хитрово), коротаи, свадебные *балахоны*, в Ряжском у. — нагрудники и шушки, в Раненбургском у. — шушпаны, *тоннички*, в Зарайском у. — *шушуны*[37].

Из белой шерсти в ряде уездов Рязанской губ. (Данковский, Скопинский) ткали *торочка* — полоски шириной 3–6 см, окрашенные в красно-коричневый, реже в зеленый цвета. Их использовали в качестве тесьмы для женской верхней нагрудной одежды. В Сапожковском у.[38] на станках изготавливали белые шерстяные пояса — *покромки* шириной от 9 до 13 см. В с. Песочня и селах Михеи, Красный Угол, Морозовы Борки, Собчаково их красили в красный цвет, а в пригородных слободах, в с. Одоевщина — наполовину в красный, наполовину в черный цвета.

Из окрашенной или натуральной шерстяной ткани черного цвета в Сапожковском у. шили мужские порты, в селениях куршаков (с. Малахово, с. Ветчаны, дер. Култуки и т. д.) и с. Мелехово Касимовского у., пригородных слободах Сапожковского у., в Скопинском у., а также в соседних уездах Тамбовской губ. (Моршанском, Шацком и Темниковском) — онучи[39]. Черная шерстяная ткань часто употреблялась для изготовления рабочей одежды и одежды стариков. Однодворцы Сапожковского у. из черной шерстяной ткани шили *черняк,* носимый молодежью в качестве рабочей одежды, а стариками — повседневной[40]. Из более тонкой шерсти в с. Чучково Сапожковского у., дер. Папушево Спасского у. шили понёвы — *чернятки*, на юге Касимовского и в Спасском уездах — сарафаны, в Телепневской вол. Данковского у. — нагрудники, в Раненбургском у. — шушпаны[41].

Серая и коричневая ткани шли на верхнюю одежду: *поддевки* и *халаты* — в Михайловском у., *чекмени* — в Скопинском у., на мужские порты — в Раненбургском у.[42]. В рязанских деревнях использовали и шерстяную ткань, окрашенную в синий, красный, желтый цвета. Из синей и черной шили *сукманы* и сарафаны на юге Касимовского у., *корсетки* — у однодворцев Сапожковского у., верхнюю одежду *сарафанчики* — в Данковском у., из тонкой желтой ткани — *желтики* в Михайловском (район Богословщины) и Зарайском уездах, из красной — коротаи в Данковском у.[43].

По мнению Н.И. Лебедевой, однотонная шерстяная ткань в большей степени употреблялась в восточной части Рязанской губ., поскольку именно здесь была широко распространена женская нагрудная одежда из шерсти[44].

Повсеместно в Рязанской губ. ворсистую шерстяную ткань валяли и шили из нее зимнюю верхнюю одежду.

Довольно часто в Рязанской губ. встречались ткани из неоднородных волокон. При льняной или конопляной основах в уток вводили бумажную, шелковую, покупную или домашнюю шерстяную нити; кроме того, соединяли разные виды шерсти или шерсть с хлопчатобумажной нитью. Льняная и конопляная основа позволяла увеличить прочность и долговечность материала и сэкономить более дорогую пряжу. Введение покупных или тонких нитей домашней выработки повышало качество ткани и делало ее в глазах крестьян более ценной. Белые тонкие ткани из льна/конопли с добавлением хлопчатобумажной нити шли на праздничные полотенца, скатерти, мужские и женские рубахи, женские *занавески* (передники), девичьи и женские головные повязки. Например, в Скопинском у. из них кроили женские шушки, считавшиеся «чистой одеждой», надеваемой во время похорон и траура[45]. В Сапожковском у., соединив шерсть, пряденную в жилку, и поярок, ткали материю на обрядовый пониток[46]. В Скопинском у. из шерстяных и хлопчатобумажных нитей делали праздничные женские пояса, в Ряжском — юбки[47]. Местами такие ткани могли использовать и для пошива будничной одежды. Так, в Михайловском у. с хлопчатобумажным утком шили обычные мужские рубахи[48]. При тканье шерстью по льняной или конопляной основе получали материал, также употребляемый для шитья предметов будничного костюма. В Скопинском у. из него шили шушпаны, шушки (чаще старушечьи), онучи[49].

В Рязанской губ. смешанные ткани обычно называли по наименованию одного из компонентов. Например, «льняной холст» или «конопный холст», или «полубумага», «полушерсть». В Скопинском у. пояса, тканные из шерсти и хлопчатобумажных нитей, называли *жичными*[50].

Для получения узорных тканей полотняного переплетения в основу и уток вводили цветные нити, которые группировали в полосы разного размера. В Касимовском у. такие полосы называли *трубочками*[51]. Клетчатая или полосатая ткань из льна, конопли, а также с добавлением хлопчатобумажных нитей, носила названия *пестрядь, пестрядинная, пестротканъ, пестрятина, пестрядина, пеструшка*, нередко с указанием типа клетчатая/полосатая или клетчатая/полосатая холстинка.

В целом в Рязанской губ. клетчатая пестрядина была менее распространена, чем полосатая. Чаще ткань в клетку встречалась в Касимовском у.[52]. В районе селений Курша–Парахино из нее шили верхнюю часть женских рубах, навершники, фартуки, прошвы понёв; в Тумской и Парахинской волостях, в с. Бусаево — фартуки и полотенца, в Парахинской и Палищинской волостях — сарафаны, в с. Ерахтур — фартуки. Для этого района характерна мелкая пестрядь, образованная белыми, красными, синими нитями.

Клетчатую пестрядь ткали в Рязанском и Скопинском уездах для будничных передников — занавесок, а также в Раненбургском у.[53]. В Скопинском и Раненбургском уездах клетка пестряди была крупной, составленной из синих и белых нитей; в Раненбургском у. она называлась *синяя холстинка*.

Полосатая пестрядь использовалась в Рязанской губ. повсеместно. Из грубого холста с широкими, обычно синими, полосами, называвшегося *тяжевый холст, тяжина*, шили мужские штаны. Эту же ткань употребляли в качестве подкладочного материала. Более тонкую полосатую пестрядь в Касимовском у. ткали для верха женских рубах, навершников, в Рязанском у. — для занавесок (передников), в Данковском у. — для мужских рубах и фартуков[54]. Чаще же полосатой пестрядью в Рязанской губ. украшали одежду и предметы интерьера. Кайма из красно-белых полосок располагалась на вороте, рукавах, *поликах*, оплечье, подолах женских рубах, подолах фартуков, подолах и обшлагах верхней женской одежды, краях скатертей и полотенец, нередко соединяя белое полотнище с ярким закладным или браным узором или вставкой. В Сапожковском и Касимовском уездах[55] группы цветных полосок, иногда с орнаментом, называли *рубежки*.

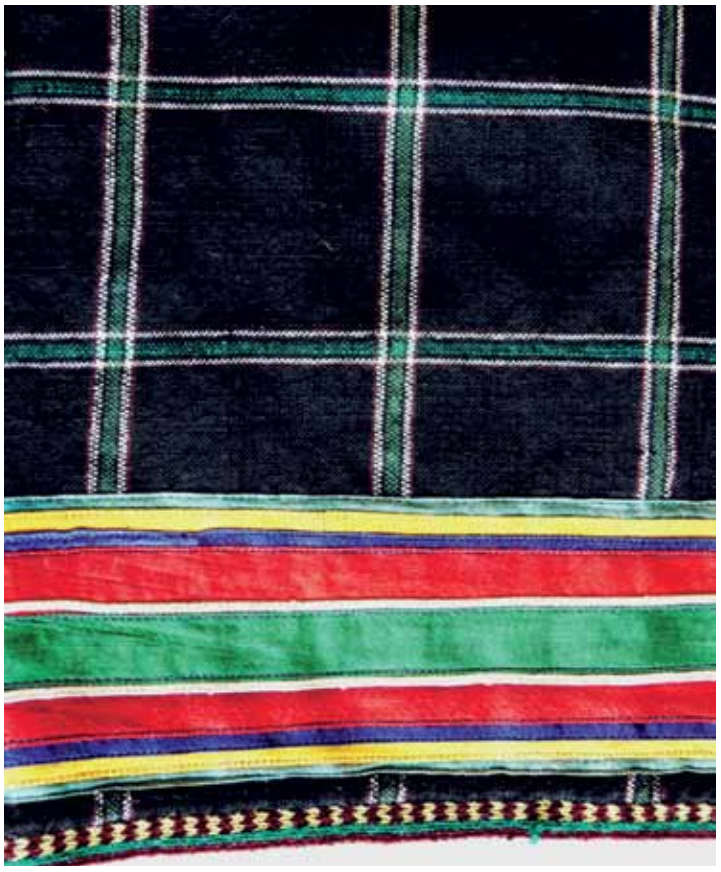
В тех местах, где пестрядь использовали для украшения одежды, знаковым являлось ее месторасположение, а также цвет и размеры. В с. Залесье Касимовского у. верхнюю часть женских рубах шили из пестряди с поперечными полосками красного, реже голубого, желтого цвета. В соседних деревнях пестрядинными были одно-два полотнища верхней части рубахи, клинья, весь рукав или только его нижняя вставка, косые полики[56]. Для навершников куршаков (селения Курша, Малахово, Ветчаны и др.) характерна пестрядь из узеньких красных и белых полосок[57]. В шушпанах из с. Большие Пекселы Касимовского у. красные полосы обычно были шире, чем белые[58]. В Рязанском у. в полосатую пестрядь включали узкие полоски зеленого, желтого, фиолетового цветов[59].

Шерстяная ткань с узором в клетку или кубиками изготавливалась в основном для понёв, поэтому за ней закрепилось название «понёвная ткань». Через определенное количество однотонных нитей, составлявших фон изделия, прокладывали полоски из шерстяных и хлопчатобумажных нитей красного, зеленого, белого, синего, голубого цветов. В Касимовском у. такой узор понёв носил название *десятины*[60]. Многообразие шерстяной клетчатой ткани достигалось за счет цвета фона, цветовой гаммы и ритма клетки. В поселениях по правому берегу Оки и на северо-востоке Касимовского у. понёвная ткань имела

Понёвная ткань. Темниковский у., с. Кочемирово. Начало XX в. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

синий фон. В верховьях Дона, на юге Рязанщины, ткали понёвную ткань с черным и красным фоном [61]. Понёвную ткань с красным фоном изготавливали в Темниковском у. Тамбовской губ. (ныне Кадомский р-н).

Своя числовая и цветовая комбинация ниток клетки понёвной ткани существовала в каждом кусте деревень Рязанской губ. В зависимости от количества и цвета нитей клетки понёвы получали названия, например, в Сапожковском у. — *белоглазка, желтоглазка, красноглазка* и т. д. По клетке можно было определить место проживания, социовозрастной статус владелицы понёвы, а также обрядовое назначение изделия. Так, для понёвной ткани в с. Одоевщина характерна клетка, образованная двумя красными, двумя белыми, двумя красными, тремя зелеными, двумя красными, двумя белыми нитями, как в основе, так и в утке. В пригородных слободах г. Сапожка цветные нити клетки располагались в следующем порядке: одна красная, три белые, две зеленые, три белые, одна красная. Из полученного полотна шили понёвы — белоглазки, предназначенные для старух и на случай траура. Если же клетку составляли три красные, две белые, четыре красные, три зеленые, две красные, три белые нити, то из этого полотна кроили понёвы — красноглазки для молодых женщин [62].



Фрагмент понёвы. Скопинский у., с. Секирино. Начало XX в. Фото С.А. Иниковой 2005 г.

Шерстяная ткань кубиками образовывалась из красных и синих полос в основе и утке. Квадраты того или иного тона или полутона располагались в шахматном порядке, поэтому рисунок называли *шашечками*, а понёву — *шашечницей*. Такую ткань изготавливали в с. Бусаево и дер. Земская, в ряде мест Тумской вол. Касимовского у. и шили из нее понёвы — *полосатки окнами* [63]. Аналогичный узор на понёвной ткани делали в с. Солоьяновка Темниковского у. соседней Тамбовской губ. [64].

Полосатый узор на шерстяных/полушерстяных тканях вытыкался в основном в виде каймы на верхней женской нагрудной одежде южных уездов, а также Зарайского у. Эти каймы представляли собой отдельные отрезы-украшения, которые пришивали к одежде, или которыми соединяли белую ткань с узорной или вставкой из другого материала. Полосы были сделаны в красно-белой гамме, с преобладанием красного цвета. Иногда включали узкие полоски зеленого, желтого, голубого и черного цветов.

Перетыка. Данковский у., с. Сурки (РЭМ. Колл. № 2349-26). Фото Т.А. Зиминой 2006 г.

Шерстяную ткань на конопляной основе с красными и синими полосами ткали крестьянки в с. Мелехово, в междуречье рек Курши и Нармы Касимовского у., а также в Елатомском у. Тамбовской губ. (ныне Касимовский р-н); использовали ее для пошива понёв [65].

Полосатыми были и шерстяные пояса, тканные на станке. В Михайловском у. их ширина определялась 15–30 нитями основы, а разноцветный узор носил название *рябушка* [66]. В Скопинском у. для женских поясов при сновании нити зеленого, желтого, голубого, красного цветов группировали в 12 полос [67]. В Данковском у. полосатые покромки ткали из синей и белой шерсти. В Пронском, Раненбургском, Рязанском, Скопинском уездах делали широкие цветные полосатые кушаки.

Ткани полотняного переплетения нередко имели фактурный узор. При использовании в основе и утке материала разной степени толщины и крутки, а иногда и состава, при большой числовой разнице нитей на 1 см в основе и утке, или за счет изменения приемов тканья получалась редкая или плотная ткань с выпуклой поверхностью, с выраженным основным или уточным настилом, с рубчиками вертикального или диагонального направления.

Слегка выпуклую с уточным настилом поверхность имели так называемые *ватолы*, из которых шили подстилки, одеяла [68]. Их основой служили конопляные нити, а утком — полосы ткани или верчь. В Касимовском у. бытовала ткань с основой из льняных/конопляных нитей, сученных из толстых прядей, и утком из шерстяных нитей. «Нитка утка более мягкая, туго не натягивается и плотно прибивается бердом одна к другой…», — сообщал Б.А. Куфтин и далее констатировал, что получаемая «ткань напоминает „плетень“» [69]. Подобную ткань изготавливали для полосатых понёв и для подподольников тяжелых браных понёв. Уточный настил в рубчик характерен для пестряди и шерстяной каймы в полоску, украшавших предметы одежды. Достигалась такая фактура за счет плотного прибивания нитей утка, что способствовало увеличению цветовой насыщенности полосы. В Данковском у., вводя при тканье полосатых покромок сученные из трех прядей нити, получали основной настил на поверхности [70]. В Раненбургском у. узкие полоски на кайме предметов одежды или быта нередко составляли перевитые хлопчатобумажные пряди черного, белого, красного цветов, выделявшиеся не только цветом, но и фактурой [71].

Саржевое переплетение. Эта техника ткачества достигается при работе на ткацком стане с тремя ремизками и тремя подножками. Фактура саржевой ткани имела характерный диагональный рубчик.

В Рязанском крае ткани саржевого переплетения производили для мужских портов, женских юбок, верхней одежды и поясов. Грубую материю с синими полосами, образованными белыми и синими нитями основы и белым утком, ткали для мужских портов в Скопинском у. [72]; называлась она, так же как и подобная ткань полотняного переплетения, — тяжина.

Саржевые ткани для женских юбок изготавливали однодворцы, проживавшие на территории Сапожковского у., в междуречье Верды и Пары, Скопинского, Данковского, Раненбургского уездов. При тканье применяли крученные вдвое шерстяные нити. В основе были нити различных оттенков красного, желтого, зеленого, а также белого и черного цветов, в утке — только красного цвета.

Нити основы еще при сновании группировали в полосы; их ширина, количество, цветовое сочетание и расположение на ткани определялись местной традицией, обрядовой значимостью и назначением будущего предмета. В Данковском у. в с. Долгое ткали юбочные полотнища с широкими красными полосами, а в с. Сурки — с узкими разноцветными полосами [73]. Яркость тканей объяснялась использованием при окрашивании пряжи анилиновых красителей, которые применяли в большинстве однодворческих сел. Однако в ряде мест, например в дер. Андреевка Сапожковского у., нити красили раствором корня марены, отчего цветовая гамма была более сдержанной, и юбки получили название *мореные* [74].

В каждой деревне существовало несколько вариантов сочетаний цветных полос тканья, отличных от тканей соседних деревень; и в названиях узоров был сделан акцент на цветовой гамме. В Сурках были отмечены узор *в три краси*, подразумевавший наличие на полотнище трех красных полос, узор *в одну крась* — одну красную полосу в обрамлении темно-

коричневых и желтых полос. Однодворцы с. Ягодное Сапожковского у. знали большее количество вариантов цветовых сочетаний; названия узоров обусловливались цветом полос, расположенных на полотнище по краям. Ткань с полосами желтого цвета по бокам называли *желчью основанная*, с полосами зеленого цвета — *зеленью основанная*, двумя красными полосами с белой по центру — *бель в красе положена*, двумя голубыми полосами с зеленой по центру — *зелень с голубью*. Если при тканье красные нити заменяли на бордовые, это свидетельствовало о том, что ткань предназначена для юбок, носимых «по печали». Узоры «голубь, желчью основанный» и «зелень красью» также отличали траурные юбки. Некоторые сочетания цветных полос получали названия по именам женщин, впервые их использовавших. В том же с. Сурки происхождение узора под названием *гулевкин* связывали с повитухой Гулевкой, а *чиликин* — с семьей Чиликиных[75].

В саржевой технике изготавливали белые шерстяные или полушерстяные ткани для верхней женской одежды в Скопинском и Михайловском уездах[76]. В Скопинском у. в с. Секирино на хлопчатобумажной основе шерстью ткали материал для шушпанов и девичьих шушек, в Михайловском у. — для *юпок*. В Скопинском у. в этой же технике делали шерстяные пояса[77].

Закладное ткачество. Основу при закладном ткачестве сновали из белых или суровых льняных/конопляных нитей. Уток прокладывали вручную отдельными отрезками разноцветных нитей. Получаемая ткань имела двусторонний геометризованный узор, контур фигур которого был образован уступами, фактуру полотняного переплетения или уточного настила. В Рязанском крае куски ткани с закладным орнаментом называли *заклады, закладка, затканка, выкладка, выклады, натыки, перетыки выкладные, перетыки с выкладами, перетычка*, а процесс их изготовления — *закладыванием, забиранием, перетыканием*. Закладами украшали мужскую и женскую одежду, принадлежащую в основном молодым, а также концы полотенец, скатертей, подзоров, как правило, праздничных.

Натыка для шушпана. Раненбургский у., с. Пителино (РЭМ. Колл. № 104-73). Фото Т.А. Зиминой 2006 г.

В XIX в. Рязанская губ. считалась одним из общеизвестных центров закладного ткачества. Здесь оно было распространено повсеместно вплоть до начала XX в. Особенно славились заклады г. Сапожка и прилежащих к нему пригородных слобод. В России за ними закрепилось название «сапожковских закладов». Известно было и закладное тканье Данковского, Касимовского, Скопинского, Раненбургского, Ряжского уездов, а также Шацкого у. Тамбовской губ. В этой технике изготовляли узорные полосы касимовские татары.

Заклады разных местностей различались по материалу, техническим приемам выполнения, цветовой гамме, орнаменту, фактуре.

Традиционными для Рязанщины были заклады с утком из шерстяных нитей домашнего изготовления или покупных, хлопчатобумажных, шелковых. Шерстяными закладами, как правило, украшали женскую верхнюю нагрудную одежду из шерсти; хлопчатобумажными и шелковыми — женские рубахи и передники, верхнюю одежду (в том числе и из шерсти), полотенца, скатерти, подзоры. Шелковые заклады были характерны в основном для Касимовского у., шерстяные — для южных уездов. В Рязанском крае встречались образцы тканья с утком из шерстяных и хлопчатобумажных нитей; последние обычно использовались для фона, а шерсть, чаще покупная, — для фигур.

Из двух способов закрепления соседних уточных нитей в Рязанской губ. распространен вариант с вертикальными зазорами в местах соприкосновения цветных отрезков, так как каждый из них закреплялся на соседних нитях основы. Если же фигуры были мелкими с нечетко выраженными уступами и диагонально направленными сторонами, зазоры практически не просматривались; такие заклады встречались в Данковском и Раненбургском уездах [78]. Во втором случае, когда соседние нити утка переплетались или закреплялись за одну нить основы, на изнаночной стороне появлялась вертикально расположенная выпуклость. Такой способ крепежа нитей характерен для тканей поселений района Курша–Парахино Касимовского у. и расположенных между г. Касимовом и г. Елатьмой [79].

По цветовому решению заклады могли быть двухцветными, выполненными в красно-белой гамме с различными оттенками красного цвета или многоцветными. Двухцветные ткани представляли собой красный рисунок на белом фоне или, что встречалось чаще, белый рисунок на красном фоне. Выполнены они были хлопчатобумажной или шерстяной нитями. В Сапожковском у. (кроме однодворцев) двухцветными закладами украшали подолы и оплечья женских рубах, нижнюю часть головного убора «сорока» и концы головных полотенец, подолы и обшлага рукавов мужских рубах, женские *запоны* [80]. В Скопинском у. красно-белыми хлопчатобумажными закладами оторачивали рукава и подолы женских рубах, шушпанов, фартуков и подолы мужских рубах [81]. В Раненбургском, Сапожковском, Скопинском, Спасском уездах красно-белые закладные полосы делали для полотенец. В Касимовском у. в с. Ерахтур красными и белыми хлопчатобумажными нитями были затканы концы головных покрывал, в с. Инякино — основания рукавов женских рубах [82]. Узорами из хлопчатобумажных и шерстяных нитей в Данковском, Касимовском, Раненбургском, Рязанском, Ряжском, Сапожковском, Скопинском уездах украшали рукава и подолы верхней женской одежды.

Перетыка. Данковский у., дер. Зеркалы (РЭМ. Колл. № 438-62). Фото Т.А. Зиминой 2006 г.

Иногда в красно-белых закладах белый уток по вертикали многократно перемежали с красным, отчего получали узоры рябью с еле просматриваемыми дырочками, вышиной не более двух нитей. Такой вариант закладов был известен в Раненбургском у. В с. Пителино этого уезда их называли *глухие заклады* [83].

В многоцветных закладах количество цветных нитей в горизонтальном ряду достигало нескольких десятков. Наиболее характерны многоцветные заклады для Касимовского и Сапожковского уездов, а также Данковского, Скопинского, Раненбургского уездов. В Сапожковском у. такие разноцветные полосы украшали подол и запястья рукавов шушпанов молодых женщин; изначально именно их называли закладами [84]. Они отличались ярким и насыщенным колоритом с преобладанием красного цвета и вставками сочных тонов золотисто-желтого, травянисто-зеленого, оранжевого, белого цветов. Их характерная особенность — отсутствие черного цвета. Об использовании природных красителей свидетельствовала теплая коричнево-красная тональность, спектр которой включал цвета от светло-терракотового до темно-сливового.

В многоцветных закладах подолов женских навершников поселений Курша–Парахино Касимовского у. на красном фоне располагались выполненные шленкой фигуры малинового, ярко-зеленого, розового, сиреневого, оранжевого, черного цветов [85]. Яркость

узоров объясняется применением фабричных красителей или использованием покупной пряжи. В шелковых касимовских закладах преобладали розовый, сиреневый, голубой, фиолетовый, малиновый и черный цвета.

В рисунке закладных тканей можно увидеть простые и сложные геометрические фигуры, конфигурации и расположение которых имели локальную привязку. Обычно кайма включала одну или три полосы закладного рисунка. Для полос сапожковских, ряжских закладов характерна равновеликость всех вытканных фигур, для шелковых касимовских — бесфоновость рисунка, для закладов других местностей — фоновая композиция с крупным и мелким узором.

Полоса узорной ткани. Касимовский у. (РЭМ. Колл. №82-4а). Фото Т.А. Зиминой 2006 г.

Чаще всего в орнаменте встречались кресты и ромбы, эти фигуры являлись исходными элементами более сложных композиций. Небольшие косые ромбы составляли центральный ряд каймы женских навершников в районе Курша–Парахино Касимовского у. [86]. Здесь же фигура, образованная соединением двух косых ромбов, называлась *стрелки*. В Сапожковском у. вытыкали крестообразные фигуры под названием *ветрянки*, ромбы с продолжающимися концами — *решетки*, ромбы с крючковидными завершениями, расположенные симметрично, — *гусары* [87].

Простые фигуры нередко соседствовали со сложными орнаментальными разработками. В Сапожковском у. фигуры дополняли гребенчатым контуром, т.е. прямыми линиями с небольшими отростками, расположенными по одну или по обе стороны. Каждая орнаментальная форма имела свое название. Ромбовидная фигура в гребенчатом обрамлении — *ковер*, две гребенчатые линии, расположенные наклонно и симметрично одна к другой, — *гребешки*, гребенчатые линии, соединенные под прямым углом, — *гребенки*, те же линии, сближенные, но не соединенные, — *разорванки*, ромбы со сторонами в виде гребней — *орепеи* [88].

Образец перетыки или заклада. Скопинский у., дер. Ляпуновка (РЭМ. Колл. №209–6). Фото Т.А. Зиминой 2006 г.

Обычно для каждого предмета одежды полагалась определенная группа фигур. Узоры *медведи*, *рогувильки*, *карты*, *круги* были характерны для подолов женских рубах; гребешки и ветрянки — для фартуков, *челноки*, *косые челноки*, карты, медведи, *кружки* — для шушпанов. Некоторые из этих фигур встречались также на запонах, головных уборах и мужских рубахах Сапожковского и Скопинского уездов [89].

Еще в 1920-х гг. в каждом поселении существовали свой рисунок и цветовая гамма узора, выполненного на деталях разного вида одежды. Например, в с. Самодуровка Сапожковского у. для шушпанов молодых женщин характерен орнамент *самопрялки*, гребешки, ветрянки, тканный синими и белыми нитями на красном фоне. В селах Черная Речка и Уда

те же гребешки и ветрянки делали обычно на темно-вишневом фоне. Фигуры челноки, косые челноки, карты, медведи, кружки, как правило небольшие по размеру, вытыкались на подолах женских шушпанов в селах Собчаково, Можары, Песочное. Крупные узоры с гребнями были свойственны для пригородных слобод г. Сапожка. Гребешки, орепья и ветрянки, выполненные красной и желтой бумагой, украшали праздничные запоны женщин пригородных слобод Сапожка и с. Самодуровка [90]. В с. Коровка на темно-малиновом фоне располагались фигуры *рогатая, стена*, орепей, *солнышко* из белой, синей, фиолетовой и розовой шерсти [91].

В Данковском у. известны заклады с растительным и зооморфным рисунком. На одном из образцов из с. Ягодное, хранящемся в РЭМ, изображено дерево, по сторонам которого находятся обращенные друг к другу птицы [92].

В Рязанском крае закладной узор на одежде нередко дополняли вышивкой и иными типами узорного тканья. В Сапожковском у. однотонный фон края закладного узора назывался *обтычка*, а цветные полоски, расположенные на нем, — *бровки* [93].

В технике закладного ткачества в Раненбургском у. изготавливали ковры [94]. По-видимому, их ткали на вертикальном ткацком стане.

Браное ткачество. Техника браного ткачества предполагает использование в ткацком стане дополнительных деталей — *бральниц*, представляющих собой дощечку или пруток. Основу браных тканей обычно сновали из льняных/конопляных нитей, в утке использовали хлопчатобумажные нити, реже шерсть, льняные и конопляные нити. Фактура ткани рельефна, степень выпуклости узора зависела от толщины нитей утка. В орнаменте браного рисунка Рязанской губ. встречаются в основном геометрические фигуры с хорошо заметными уступами. Одно- или двухцветный рисунок имеет негативное отображение на изнаночной стороне. В Рязанском крае браные ткани получили названия: *бранки, дощатые ткани, перетыки, браные перетыки, браньё, браные заткани, бранина*. Браные полосы с браным узором, от одной до трех, украшали праздничную одежду, как правило, молодых мужчин и женщин, края полотенец и скатертей.

В Рязанской губ. были известны несколько способов браного ткачества, отличительные особенности которых были обусловлены количеством бральниц и утков. Ткать могли, как говорили женщины, «в одну доску», «в две доски», «в три доски» и более. Узор ткани при этом усложнялся. Кроме того, браные образцы могли быть одноуточными, двухуточными или тканными «с поворотом»/«вперевёрт». При одноуточном тканье производили однотонную материю, рельефный узор которой был того же цвета, что и фон, и двухцветную. Такие ткани изготавливали из отбеленных льна, конопли, иногда с добавлением бумаги.

Чаще всего встречались одноуточные браные ткани, выполненные белым по белому на малом количестве бральниц. Например, белые рельефные узоры характерны для рукавов и подолов женских рубах Сапожковского у., а в сочетании с закладным тканьем, узкими цветными полосками, в том числе и черными, для оплечья женских рубах Парахинской вол. Касимовского у. и узоров Данковского у. [95]. Близ г. Касимова белые браные полосы украшали женские навершники, прошвы понёв, оплечья рукавов рубах, входивших в костюм пожилых женщин и траурный комплекс одежды молодых женщин. В композиционном строе эти полосы объединяли, как правило, белую безузорную часть с цветной каймой. Геометризованный рисунок включал ромбы, квадраты, зигзагообразные линии, косые кресты и т. д. [96].

Встречались и образцы тканья, выполненные красным по белому. Такие узоры были весьма рельефны за счет использования в утке сученых нитей и внешне напоминали вышивку гладью. Они украшали полики женских рубах [97].

Двухуточный браный узор также напоминал вышивку: нити утка ложились настилом поверх фона. Цвет основного полотна обычно был белым или серым, узора — красным, реже в утке использовались другие цвета: зеленый, синий, желтый, черный.

Сочетание кумачово-красного с белым являлось преобладающим для браного ткачества Рязанского края. По сравнению с аналогичными браными узорами северных районов России в рязанских образцах гораздо больше красного. Цветовая интенсивность возникала в основном за счет плотности и компактности узора или за счет красно-белого фона. Нити иного цвета

прокладывали обычно в виде узких полосок, окаймляющих полосы бранья; в Сапожковском у. их называли *бровки*. Такие узоры встречались в Данковском, Касимовском, Раненбургском, Ряжском уездах [98]. Лишь местами, например в однодворческих поселениях Сапожковского у., браные подолы женских рубах вытыкали и красной, и черной хлопчатобумажными нитями [99].

Красной нитью крестьянки Сапожковского у. (кроме однодворцев) сплошь затыкали рукава женских рубах и нижнюю часть запонов, а также узкие полоски подола и обшлагов рукавов мужских рубах [100]. Однодворцы Сапожковского у. украшали браньем подолы и вороты женских рубах [101]. В Михайловском у. браными были обшивки ворота и рукавов женских рубах, на нижнюю часть занавесок (передников) нашивали полосы бранья [102]. В Парахинской вол. Касимовского у. браными делали каймы женских рубах, запонов, навершников, в поселениях между Касимовом и Елатьмой — оплечья и подолы женских рубах, обшлага и подолы навершников, прошвы понёв, в северо-западных районах — подолы белых сарафанов [103]. В Данковском, Скопинском и Раненбургском уездах браными узорами украшали концы женских головных повязок и полотенец, в Скопинском и Данковском уездах — подолы мужских рубах, в Данковском у. — подолы навершников [104].

В Касимовском у., а также на примыкавших к нему с востока территориях Тамбовской губ., браные узоры на женских рубахах, их наличие, расположение, насыщенность нередко имели локальную привязку. В с. Залесье Касимовского у. и с. Потапьево Елатомского у. Тамбовской губ. браными могли быть прямые полики, в куршацких поселениях — косые полики и основания рукавов, в с. Большие Пекселы Касимовского у., с. Котелино Темниковского у., дер. Которово, с. Нарма Елатомского у. — основания рукавов и плечевая вставка за поликом, в с. Большие Пек-

Перетыка с *выкладами* для полотенца (РЭМ. Колл. № 3433-33)

Образец тканья (РЭМ. Колл. № 6683-768)

Перетыка к полотенцу. Данковский у., с. Ягодное (РЭМ. Колл. № 438-64)

Фото Т.А. Зиминой 2006 г.

селы — обшивка ворота, в с. Потапьево — подолы. Подолы девичьих рубах (кроме «горемычных») украшали браными узорами в деревнях, расположенных поблизости от г. Касимова, — Волково, Марьино, а также в с. Мелехово. В большинстве случаев полосы бранья на рукавах женских рубах располагались поперек плеча, и лишь в селениях Большие Пекселы Касимовского у. и Которово Елатомского у. узорные полосы, называемые «мышки», нашивались вдоль плеча [105].

Выпуклая и плотная фактура браного тканья образовывалась в результате пробрасывания в дополнительном зеве пучков нитей, которые в Касимовском у. называли *пасмами*. Чтобы усилить рельефность при изготовлении браных поликов женских рубах в с. Залесье Касимовского у. и дер. Потапьево Елатомского у. в уток брали сученную вдвое красную нить [106]. Если в утке была несученая красная нить, то она, переплетаясь с белой основой, давала более ровную и гладкую поверхность с полутонами. В случае использования тонких красных нитей и при частых закрепах утка в основе цветовой фон представал в виде мелкой ряби, напоминавшей кружево. Такие образцы браной ткани в Раненбургском у. называли так же, как и закладные полосы, глухими закладами [107].

Перетыка к полотенцу (РЭМ. Колл. № 3433-30).

Перетыки к полотенцам. Скопинский р-н, с. Гремячка (РЭМ. Колл. № 2357-115). Фото Т.А. Зиминой 2006 г.

Характерные для орнамента браного ткачества Рязанского края фигуры и элементы имели в каждой местности свои названия и особенности. В большинстве случаев они несложны — ромбы, косые кресты, иногда зигзагообразные крючки и т. д. Популярными элементами бранья Сапожковского у. были фигуры с гребенчатыми контурами, среди них круги, *лягушки*, *челюканы*, *баранчики* и т.д. Орнамент широких полос отличался насыщенностью крупных гребенчатых фигур с четкой прорисовкой. Более узкие полосы имели несколько размытый рисунок без гребенчатого обрамления [108]. В северной части Касимовского у. (с. Залесье) наиболее распространенной фигурой являлся ромб с продолжающимися за вершинами углов сторонами, называемый здесь *репей* [109]. Производными от репья были *обода*, *крюковины* или *крюкальщицы* и т.д. Орнамент из красных вертикальных столбиков, образованных браными стежками каждого ряда, характерен для белых нагрудников Данковского у.

В поселениях куршаков Касимовского у. на тяжелой полосатой понёвной ткани вытыкали браные узоры в виде вытянутых ромбов. Ткани с таким же узором встречались местами в соседних Елатомском и Моршанском уездах Тамбовской губ. [110].

Нередко браное тканье перемежалось с полосами полотняного и закладного переплетения, кумача

или вышивки. Сочетание закладного и браного ткачества было характерно для рукавов женских рубах неоднодворческого населения Сапожковского и Скопинского уездов. В Скопинском у. такие рукава называли «половинчатые» [111]. В некоторых случаях образцы закладного и браного тканья имели в представлении крестьян разное значение. Так, у однодворцев Сапожковского у. [112] заклады украшали женские рубахи «в малой печали», а бранье — рубахи исключительно молодых женщин

Бранье «с поворотом»/«вперевёрт» было зафиксировано в Касимовском у. Оно представляет собой вариант выборного ткачества. При тканье использовали несколько разноцветных нитей: шерстяных, гарусных, хлопчатобумажных, льняных. Фактура этой ткани имела выпуклый уточный настил, похожий на вышивку гладью. Характерный орнамент — различные комбинации ромбов, зигзаги, вертикальные столбики, косые кресты, репьи. В селениях Курша–Парахино Касимовского у. бранье с поворотом украшало оплечья праздничных рубах, запонов, каймы навершников, прошвы понёв [113]. В Тумской вол., в Спас-Клепиках в этой технике ткали полотенца [114]. Особенность этого вида бранья — полихромность узора, создаваемая разноцветьем утка и красно-белым или красным фоном.

Сложное тканье. Термин «сложное тканье» Н.И. Лебедева использовала для обозначения процесса тканья, сочетавшего элементы разных техник [115]. В Рязанском крае разнообразные варианты сложного тканья зафиксированы были практически только в северо-восточной его части, т.е. в Касимовском у., а также в соседних уездах Тамбовской губ.: Елатомском, Моршанском, Темниковском (территория современных Ермишинского, Кадомского, Касимовского, Пителинского, Сасовского, Шиловского районов). Получаемые ткани специалисты называют браными двухслойными или браными толстыми и тяжелыми, а также мешковыми [116]. Из них шили понёвы. Н.И. Лебедева называет эту технику «своеобразным сочетанием тканья на подножках с браной техникой» [117].

По технике тканья, по орнаменту, используемому материалу понёвные ткани имели локальные отличия. Б.А. Куфтин выделял два способа производства этих тканей [118].

1. Ткали на станках при двух основах с бральницами, четырех ремизках, четырех подножках и трех челноках, с особой конструкцией берда. Бердо называлось «понёшница» и отличалось от обычных большей шириной. Основу ткани составляли две толстые конопляные нитки белого цвета и две «суконные» нитки, красного и синего цветов. В ходе снования двумя ремизками захватывали все белые нити, каждой ремизкой через одну, а двумя остальными — суконные. Один челнок был с белой конопляной ниткой, другой — с красной или с синей шерстяной. Подножки нажимали поочередно: сначала четные, затем — нечетные. При первом нажиме пропускали белый уток, при втором — красный или синий уток. Мастерица так объяснила свои действия: «Сначала одну белую потоплю, ширяю белый уток внизу, потом одну красную подыму, пускаю красный уток наверху» [119]. Получалась двойная ткань: «портяная» подкладка и «суконный» верх. Обе части имели в основе своей полотняное пересечение нитей.

Соединение подкладки и верха осуществлялось в процессе бранья. Набранные для узора конопляные нити в дополнительном зеве пробрасывались шерстяным утком и потому проступали на красно-синей основе, а набранные шерстяные прокидывались конопляным утком и проступали на подкладке. В результате на изнаночной и лицевой сторонах образовывался зеркальный рисунок: красный и синий по белому и белый на красно-синем фоне. Выбор нитей узора производился каждый раз перед переменой обычного зева. В работе ткачиха обычно использовала две бральницы: одной выбирали нити, другая оставалась «подоткнутой». Такие понёвы нередко называли *братые*.

В начале XX в. этот способ тканья в Касимовском у. [120] знали лишь жительницы поселений района Парахино–Нарма. Группирование по цвету нитей основы и утка определяло цветовую гамму и узор основного фона ткани. В отмеченном районе было зафиксировано два варианта узора. В Парахинской вол. крупные горизонтальные и вертикальные полосы терракотово-красного и темно-синего цветов образовывали при пересечении цветную шашечную сетку. Ткани Прудковской и Палищинской вол. имели поперечно-полосатый фон.

Белые орнаментальные линии образовывали сочетавшиеся с фоном ткани две геометрические композиции: на центральном поле и по нижней окантовке ткани, нередко занимавшей треть всего полотнища. В основе центрального узора — ромбическая сетка, состоящая из пересекающихся диагоналей. В каждый ромб вписана отдельная фигура, а между диагоналями — целый ряд фигур. Именно название менее заметной с первого взгляда ромбической сетки тканья дало название и понёвам с таким узором — *круглянки* (в народе ромб или квадрат именовали «круг»), *поньки, зеркалами братые*. Форма фигур, расположенных по центру ромба, — крестообразная (свастическая) или меандрическая. Варианты этих фигур, сложные и простые, имели свои названия: меандр — *коситница*, прерывающийся меандр — *полукоситница*; свастика, четырехугольник с зубчиками, тканный на шесть ниток, — *конитница, кони, коневые голяшки, репья, репетница*; гребенки в виде четырехугольника — *грабельницы, гребешотницы*; четырехугольник с зубчиками внутрь — *репетница*[121]. Названия фигур нередко переносились на названия орнамента основного поля ткани и понёвы. Узор поля мог именоваться также: «по уголышкам с чернью», «по уголышкам с синью», «глазастая крупным братая»[122]. Понёвы с таким орнаментом в соседних поселениях называли «понёвы со змеями и ястребами».

Отметим, что в конце XIX в. меандрические фигуры были излюбленным орнаментом касимовских и тамбовских татар, которые, как полагала Н.И. Лебедева, появившись на данной территории в разные исторические периоды, восприняли его у местной мещёры[123].

Орнамент фризовой полосы был трехчастным: широкая лента узора по центру сопровождалась с двух сторон узкими полосками. Наиболее часто встречаются мотивы трезубца, восьмигранного медальона, прямоугольника и т.д. Узоры каймы местные крестьянки называли *с зеркальником, с подзором, с кривульками, с мышиными тропами*[124].

Узорные композиции каждого полотнища при тканье разделяли плотными участками желтого или синего цвета, выполненными двойной шерстяной ниткой в технике полотняного переплетения. Готовое полотно разрезали на куски по этим разделительным полосам. При разрезании эта часть ткани приходилась на край подола понёвы, который затем подворачивали.

2. В деревнях, расположенных в междуречье Курши и Нармы (Ветчаны, Курша, Колесниково, Малахово), в Тумской вол., по тракту Касимов–Темников и к северу от Мокши (Нарма, Савватьма, Усково Елатомского у., Токмаково Темниковского у. Тамбовской губ.), а также в селениях Салтыково, Шафторка, Каменец, Студенец, Ряньзя, относящихся к Спасскому и Шацкому уездам Тамбовской губ., был распространен другой тип двухслойного браного тканья понёв, получивших название «тяжелые браные понёвы». Внешние отличия этих понёв были обусловлены техническими особенностями тканья (ритм движения подножек), материалом и толщиной нитей основы и утка и орнаментом; остальные составляющие технологического уровня соответствовали технологическим и цветовым параметрам выше описанного типа тканья.

Так, основой ткани служили ссученные вдвойне конопляные нити, которые сновались достаточно редко. Шерстяные нити (красные, синие, белые) утка были толстые и пушистые. Белый уток мог быть не только конопляным, но и льняным и даже шерстяным. В процессе тканья сначала нажимали на 1-ю и 2-ю подножки, затем на 3-ю и 4-ю. В восточных районах распространения этого типа понёвной ткани (Тамбовская губ.), в отличие от поселений куршаков, ткачиха как можно плотнее прибивала нити утка друг к другу, чтобы нити основы были не видны. Таким образом, здесь плотность нитей утка составляла 10–15 нитей на 1 см нитей основы.

Как и в случае первого типа тканья, красный и синий уток чередовались, образуя *дороги* — поперечные полосы соответствующего цвета; как правило, более широкими были красные полосы. В эти полосы старались вписать фигуры браного рисунка. В силу большей плотности ткани в восточной части (Тамбовская губ.) набор нитей для узора производился чаще.

Поверхность ткани имела уточный настил и напоминала репс с характерными вертикальными рубчиками. Большая плотность по утку понёвных тканей Тамбовской губ. обусловливала их жесткость, тяжесть, упругость, несминаемость. Белый рисунок на лицевой стороне ткани был представлен пунктирными линиями; на изнанке цветной узор проступал более четко.

Расположение орнамента и принцип решения рисунка такие же, как и в первом типе понёвных тканей: ромбическая сетка заполняла основное поле, трехчастная композиция — кайму. Отличительные особенности графики орнамента куршацких понёв: ромбы более крупные, сильно вытянуты по горизонтали, в них вписаны меньшие ромбы. Такой узор назывался *челноки*, а понёва — «челноками братая». Высота мелких челноков обычно соотносилась с размерами узких полос (синих), высота крупных ромбов — с шириной красных полос. Цветовая гамма понёв с орнаментом челноки — красные и синие. В кайме тканей преобладали волнистые (*городковые*) линии с орнаментом кресты, ромбы, репьи.

В другом варианте орнамента понёв куршаков (понёва-*рядушка*) отсутствовала ромбическая сетка при сохранении мелких челноков на синем поле и такой же каймы [125].

Для тканей Тамбовской губ. свойственен более сложный узор. Здесь встречаются меандры, S-образные и солярные знаки. В с. Нарма (ныне Ермишинский р-н) узоры на основном поле понёв назывались *клюшница*, в с. Усково — *клепишница* [126].

Техника изготовления двухслойных тканей на понёвы-*синятки*, распространенная в восточной части Касимовского у. и в прилегающих селениях Елатомского у. Тамбовской губ. (дер. Акулово, с. Колесниково, с. Ибердус, дер. Урядино, с. Китово, дер. Кочемары, пригородные села г. Касимова, с. Телебукино, с. Лом, дер. Жданово, с. Бетино, дер. Ерденево, с. Пёт, с. Гридино, с. Веряево, с. Потапьево, с. Темирёво, между реками Ока и Пёт — с. Шостье, с. Большие Пекселы, с. Увяз, с. Инякино) [127], несколько отличается от техники изготовления в поселениях куршаков. Связано это с тем, что половина полотнища понёвы, синяя, выполнялась с помощью одного, синего, утка с ритмом чередования нажима на подножки от 1 до 4-й. Ткань получалась односторонняя, однотонная, плотная, с диагональным рельефом. Кайма, занимавшая почти половину полотнища, ткалась так же, как и ткань других тяжелых браных понёв. На красном фоне каймы с синими полосками располагалась характерная трехчастная композиция белого узора.

Фрагменты понёвных тканей сложной техники тканья. Касимовский у. Конец XIX — начало XX в. (Касимовский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2003 г.

В центральной части каймы — подольника, покромы — преобладали косые кресты — *огнивцы*, ромбы — *глазки*, ромбы с продолжающимися концами — репьи [128]. Узкие полоски включали зигзагообразные линии — *кривульки* и *городковые*. Цвета полосок чередовались. Узор центра каймы различался по поселениям. Например, в селах Колесниково, Телебукино, Шостье, деревнях Жданово и Акулово набирали узор огнивцы; в с. Ибердус, деревнях Волково и Марьино — челноки, *ушки*; в селах Колесниково, Телебукино, дер. Акулово — *развилки*, в селах Чарус и Китово — репьи и т. д. [129].

Б.А. Куфтин отмечал, что ранее бытовали понёвы, называемые *синие бранки челноками*, т.е. на синем фоне набирали орнамент челноки. Внешний вид ткани был такой же, а фактура поверхности — иная, поскольку «с изнанки виден был забор, а с лица она вся синяя, только узор, как при тканье» [130].

Относительно происхождения техники тканья браной двухслойной понёвы Б.А. Куфтин высказал две точки зрения. Он считал, что эти понёвные ткани были известны славянам, представлявшим «остатки того же самого населения, которое, некогда занимая обширную область вдоль берегов Оки, оказалось разорванным более новым потоком южной колонизации» [131], принесшим с собой окающий говор и синюю клетчатую понёву и отнесенным затем за Оку. Кроме того, Б.А. Куфтин предполагал, что обладателем этого типа понёвы было «ядро туземного населения, лишь к XIII в. становившегося заметно русским» [132].

Многоремизное ткачество. Еще один способ получения узорной ткани, известный крестьянам Рязанского края, — увеличение числа ремизок от трех и более. Такие ткани в Рязанской губ. называли *браными*, *бранина*.

Для ремизного тканья характерен геометрический узор из небольшого количества элементов, повторяющихся в различных комбинациях и сочетаниях по всей ткани или на отдельных ее участках. Рисунок поверхности ткани образован мелкими выпуклыми настилами нитей, рельефно проступавшими на фоне гладкого полотна. Ткани могли быть однотонными, обычно белыми, или красно-белыми.

В Рязанской губ. этот способ тканья не получил широкого распространения. Многоремизными обычно были ткани для скатертей, реже — для полотенец. По коллекциям РЭМ такие ткани фиксируются по Данковскому и Касимовскому уездам [133].

Ажурное ткачество. Весьма редко в образцах рязанского народного ткачества встречалось ажурное тканье с характеризующими его просветами, выполняемое с помощью бральницы. В рязанских тканях сквозные просветы в виде строчек-мережек располагались обычно между красными полосками полотняного, закладного, браного переплетения. Например, ажурные строчки украшали края свадебного столешника из с. Ерахтур Касимовского у.,

Перетыка для концов полотенца. Касимовский у. (РЭМ. Колл. № 2350-35). Фото Т.А. Зиминой 2006 г.

Образец тканья для концов полотенца (РЭМ. Колл. № 209-73). Фото Т.А. Зиминой, 2006 г.

который еще был заткан полосами красной бумаги [134]. Такими же ажурными строчками, а иногда и узорами из ромбов и крестов, украшали также концы полотенец.

Ткачество на заказ и на рынок

В Рязанской губ. с начала XIX в. существовало кустарное производство тканей на заказ, например, Егорьевский у. был известен как центр переработки льна и бумагопрядения. Крестьяне в зимнее время работали на фабриках по производству *нанки*, а многие брали заказы с фабрик на дом. Со второй половины XIX в. в ряде деревень уезда ткачество нанки становится основным занятием, в котором были задействованы все члены семьи.

В Зарайском у. появление в начале XIX в. ткацкого промысла и его распространение было связано с расцветом бумаготкацкого производства в соседних уездах Московской губ. и в Егорьевском у [135]. Местные крестьяне изготавливали полосатый *тик* и грубую *сарпинку* (хлопчатобумажная рыхловатая ткань в полоску или клетку); как правило, тканьем здесь занимались женщины и подростки (см. с. 176–177, 182). Хозяева обеспечивали кустарей ткацкими станками, пряжей и потом принимали у них готовые ткани. Производимый зарайскими ткачами тик отличался пестротой, яркостью, характерной красной уточной нитью, его вывозили в Среднюю Азию и продавали на базарах. Из этой ткани жители Бухары шили традиционные халаты; поэтому зарайский тик называли «бухарским». Сарпинку поставляли на внутренний рынок страны в основном как отделочный материал. В свободное от сельскохозяйственных работ время хлопчатобумажные ткани вырабатывали и крестьяне Касимовского, Михайловского и Рязанского уездов. Со временем этот промысел сохранился и продолжал развиваться только в Касимовском у. [136]. На изготовлении сарпинки специализировались крестьяне Алексеевской вол. Касимовского у., которые впоследствии стали сами использовать сарпинку для изготовления женской одежды: например, в с. Залесье и поселениях по р. Нарме из нее шили сарафаны [137].

В ряде волостей Егорьевского и Касимовского уездов, в также в некоторых селениях Рязанского, Спасского и Сапожковского уездов в XIX в. существовали рогожный и кулечный промыслы [138]. Изготавливали рогожи и мешковину на горизонтальном станке, называвшемся *рогожным**, из липового мочала, которое обычно поставлял заказчик. Характерная особенность изготавливаемых изделий — их длина и ширина не превышала размер рамы. Для нужд собственного хозяйства из мочала ткали рогожи, мешковину, кули, которые применяли и для изготовления хозяйственных предметов, например решет, и одежды — покрывал от дождя.

В конце XIX — начале XX в. по заказу в Касимовском у. изготавливали сложные понёвные ткани. Связано это было с тем, что набор узоров требовал особого мастерства, которым владели не все деревенские ткачихи. Уже в 1927 г. этнограф Б.А. Куфтин писал: «...последнее время находились одна-две мастерицы-понёвницы на целую округу, которые знали эту сложную технику» [139], именно у них и заказывали соседи ткани для своих понёв.

Реже рязанские крестьяне изготавливали текстиль с целью самостоятельной продажи на рынках. Как правило, продавали излишки ткани, образовавшиеся в хозяйстве. Известно, что в 1930-х гг. в г. Скопине [140] и его окрестностях женщины специально на продажу ткали целые полотнища, на которых располагались несколько одинаковых, реже различных, полос узорного тканья; на рынок они поступали в разрезанном виде.

Такой же способ производства узорных полос был характерен для так называемых *касимовских закладов* начала XIX в. Однако, по мнению Е.Г. Яковлевой [141], тонкие шелковые и шерстяные образцы закладного тканья г. Касимова являлись, скорее всего, продуктом

* Рогожный станок состоял из двух соединенных рам и берда; челнок для утка использовался редко.

Конец полотенца. Касимовский у. (РЭМ. Колл. № 82-7в). Фото Т.А. Зиминой 2006 г.

ремесленного труда. Об этом свидетельствуют и высокая, профессионального уровня, техника тканья, и стилистическое единство орнаментальных композиций. Эти заклады пришивали затем к концам полотенец, подзоров, на подолы женских рубах. В конце XIX в. шелковые заклады, подобные русским, начали выделывать касимовские татары, они отличались в основном только по цветовой гамме.

На основе рассмотренного материала можно выделить ряд признаков, характеризующих рязанское ткачество в рамках общерусской традиции. Как правило, это признаки, обнаруживаемые визуально: цветовая насыщенность и яркость, колоритность, «мажорное звучание красного цвета», геометризированный рисунок — все это присуще образцам тканья и других южнорусских районов. Некоторые детали тканого узора позволяют исследователям провести параллели с ткачеством этих областей. Н.И. Сысоева отмечает, что крестообразные мотивы ручных тканых вещей Касимовского у. встречаются также в Тамбовской и Пензенской губерниях[142]. По мнению Е.Г. Яковлевой, характерные для Рязанской обл. заклады, выполненные «в рубчик», изготавливали также в Калужской, Орловской, Пензенской, Тамбовской, Тульской губерниях[143].

К особенностям рязанского ткачества можно отнести наличие различных техник тканья, в том числе и встречаемых только на Рязанщине, и сочетание их при одной заправке основных нитей станка. Хотя многополосные композиции на женских рубахах были известны и во Владимирской, Калужской, Московской, Пензенской, Тамбовской губерниях[144], однако некоторые варианты цветовой гаммы, орнамента и фактуры изделия свойственны только тканям Рязанского края.

Имеющиеся данные дают возможность выделить на территории Рязанщины несколько районов, ткачество которых отличается на технологическом и художественном уровнях. Наиболее специфичными чертами обладают предметы тканья северо-востока Рязанской обл., т. е. бывший Касимовский и Спасский уезды и примыкающие к ним поселения соседних уездов Тамбовской губ.[145] — именно здесь было зафиксировано так называемое сложное тканье, закладное тканье шелком и т. п. Отчетливо выделяется южная часть области с центром в Сапожковском р-не. По мнению Н.И. Сысоевой, на способы изготовления и орнаментации тканей этого района оказало большое влияние «искусство узорного ткачества Севера Рязани», откуда «в XV–XVI вв. мигрировали мещеряки»[146]. Элементы северо-восточной традиции, тесно переплетенные с местными особенностями тканья (двух- или многоцветное закладное тканье), и составляют своеобразие тканых изделий Сапожковского р-на. Т.М. Панкова, классифицируя рязанские понёвные комплексы, в том числе и на основе техники изготовления тканей, помимо левобережья Оки и бассейна Цны (Мещёра) и правобережья Оки и ее притоков, выделяет территорию, охватывающую верховья реки Дон[147]. В Скопинском и Михайловском уездах наиболее часто встречается верхняя одежда, выполненная в технике саржевого переплетения. В южной части Рязанского края отличительные черты были присущи ткачеству такой социальной группы, как однодворцы. Особенно ярко это проявлялось в тканях для одежды: юбки, тканные в саржевой технике, меньшая насыщенность и красочность тканых узоров, украшавших детали костюма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Селиванов В.В.* Год русского земледельца. Зарайский уезд Рязанской губернии. Рязань, 1887. С 60–61; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму Рязанской губернии // *Лебедева Н.И.* Научные труды. Рязань, 1996. Т. 1. С. 110 (РЭВ).

2 *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в. // *Лебедева Н.И.* Научные труды. Рязань, 1996. Т. 2. С. 13 (РЭВ).

3 *Каплан Н.И.* Сапожковское узорное ткачество. М., 1958. С. 4.

4 *Селиванов В.В.* Указ. соч. С. 114.

5 Там же.

6 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 111.

7 *Она же.* Прядение и ткачество… С. 12.

8 *Она же.* Очередные вопросы изучения прядения и ткачества // *Лебедева Н.И.* Научные труды. Рязань, 1996. Т. 1. С. 121–129 (РЭВ).

9 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. IV. № 97; *Мансуров А.А.* Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1928. Вып. 1. С. 46 (Труды ОИРК. Вып. XV).

10 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XXI. № 30. 034/02, 035/02. Л. 183.

11 *Лебедева Н.И.*. Прядение и ткачество… С. 26–27.

12 *Она же.* Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки // *Лебедева Н.И.* Научные труды. Рязань, 1996. Т. 1. С. 81–92.

13 *Она же.* Материалы по народному костюму… С. 107.

14 *Она же.* Народный быт в верховьях… С. 49; *Данилин А.Г.* Крестьянская одежда района «Богословщины» Рязанской губ. Рязань, 1927. С. 9 (Труды ОИРК. Вып. IX).

15 РЭМ. Фонды. Колл. № 104, 267, 438, 1110.

16 Там же. Колл. № 104, 438.

17 *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество… С. 22.

18 *Куфтин Б.А.* Материальная культура русской мещеры. М., 1926. С. 28–29.

19 Там же.

20 Там же.

21 *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество… С. 37; *она же.* Материалы по народному костюму… С. 105.

22 *Она же.* Народный быт в верховьях… С. 58; *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С 121, 125.

23 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XIX. № 465. Л. 3 об.

24 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 123; РЭМ. Фонды. Колл. № 1125-121, 122; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 111.

25 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 105.

26 *Данилин А.Г.* Указ. соч. С. 7.

27 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 115, 107, 111.

28 Там же. С. 113; РЭМ. Фонды. Колл. № 7572-11.

29 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 123.

30 Там же. С. 119–120; РЭМ. Фонды. Колл. № 7572; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 115.

31 *Сысоева Н.И.* Рязанское народное ткачество и его современное развитие // Традиции и проблемы развития искусства современного ручного художественного ткачества. М., 1986. С. 7–8, 86–103.

32 *Данилин А.Г.* Указ. соч. С. 7.

33 Там же. С. 5.

34 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 109, 111, 113, 115.

35 Там же. С. 116.

36 Там же. С. 113, 115.

37 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 122; *Сысоева Н.И.* Рязанское народное ткачество… С. 97; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 116; РЭМ. Фонды. Колл. № 1125, 8617.

38 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 109.

39 *Она же.* Прядение и ткачество… С. 31; *она же.* Материалы по народному костюму… С. 107, 113; *Панкова Т.М.* Этнографический фонд Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника // Этнография и фольклор Рязанского края. Материалы Российской науч. конф. к 100-летию со дня рождения Н.И. Лебедевой. Рязань, 1996. С. 187–191 (РЭВ).

40 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 106.

41 *Она же.* Прядение и ткачество… С. 31; *она же.* Материалы по народному костюму… С. 109, 116; *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 119; *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях… С. 56.

42 *Данилин А.Г.* Указ. соч. С. 5; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 113; РЭМ. Фонды. Колл. № 267–194.

43 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 121; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 106; *Данилин А.Г.* Указ. соч. С. 12; *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях… С. 56; РЭМ. Фонды. Колл. № 1125-59.

44 *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях… С. 57.

45 *Она же.* Материалы по народному костюму… С. 113.

46 Там же. С 110.

47 Там же. С 113; РЭМ. Фонды. Колл. № 10263.

48 *Данилин А.Г.* Указ. соч. С. 4.

49 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 113.

50 Там же.

51 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 120.

52 Там же. С. 28–29, 120; *Сысоева Н.И.* Касимовское узорное ткачество XIX — начала XX в. М., 1963. С 18; *она же.* Рязанское народное ткачество… С. 88; РЭМ. Фонды. Колл. № 1125–117.

53 РЭМ. Фонды. Колл. № 438-130; 1125-85; 267-11.

54 *Сысоева Н.И.* Рязанское народное ткачество … С. 86; РЭМ. Фонды. Колл. № 438-132, 195, 307-20.

55 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 29; *Сысоева Н.И.* Рязанское народное ткачество… С. 86.

56 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 29.

57 *Сысоева Н.И.* Рязанское народное ткачество… С. 92.

58 РЭМ. Фонды. Колл. № 1125-121, 122.

59 Там же. Колл. № 438.

60 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 56.

61 Там же; *Панкова Т.М.* Указ. соч. С. 187–191.

62 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 108.

63 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 56.

64 *Панкова Т.М.* Указ. соч. С. 187–191.

65 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 72; *Сысоева Н.И.* Рязанское народное ткачество… С. 90.

66 *Данилин А.Г.* Указ. соч. С. 9.

67 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 113.

68 *Она же.* Прядение и ткачество… С. 27.

69 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 62.

70 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 115.

71 РЭМ. Фонды. Колл. № 209-50.

72 *Лебедева Н.И.* Систематика прядения и ткачества на территории Центрально-Промышленной области // *Лебедева Н.И.* Научные труды. Рязань, 1996. Т. 1. С. 100–103. С. 102. (РЭВ).

73 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 114.

74 Там же. С. 106.

75 *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество… С. 32–33; *она же.* Материалы по народному костюму… С. 106, 114.

76 РЭМ. Фонды. Колл. № 5867-5, 7572-11, 10263-37, 38, 39.

77 Там же. Колл. № 1110.

78 Там же. Колл. № 209, 2349.

79 *Сысоева Н.И.* Касимовское узорное ткачество… С. 14.

80 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 108–111.

81 Там же. С. 113–114.

82 РЭМ. Фонды. Колл. № 2350; *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 39.

83 Там же. Колл. № 209-36.

84 *Каплан Н.И.* Указ. соч. С. 4.

85 *Сысоева Н.И.* Касимовское узорное ткачество… С. 17.

86 Там же. С. 16.

87 *Каплан Н.И.* Указ. соч. С. 5.

88 Там же.

89 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 108, 109.

90 Там же.

91 *Сысоева Н.И.* Рязанское народное ткачество… С. 98.

92 РЭМ. Фонды. Колл. № 438.

93 *Сысоева Н.И.* Рязанское народное ткачество… С. 97.

94 *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях… С. 44.

95 *Королева Н.С., Кожевникова Л. А.* Современное узорное ткачество. М., 1970. С. 30; *Сысоева Н.И.* Рязанское народное ткачество… С. 88, 97; РЭМ. Фонды. Колл. № 2349.

96 *Сысоева Н.И.* Касимовское узорное ткачество… С. 23.

97 РЭМ. Фонды. Колл. № 6683.

98 Там же. Колл. № 104, 438, 2349.

99 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 105.

100 Там же. С. 110–112.

101 Там же. С. 105.

102 *Данилин А.Г.* Указ. соч. С. 8, 10–12.

103 *Сысоева Н.И.* Рязанское народное ткачество… С. 88; *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 123.

104 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 112, 114; РЭМ. Фонды. Колл. № 267, 438.

105 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 25, 38.

106 Там же. С. 29, 31.

107 *Сысоева Н.И.* Касимовское узорное ткачество… С. 23; РЭМ. Фонды. Колл. № 209.

108 *Каплан Н.И.* Указ. соч. С. 5.

109 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 29.

110 *Сысоева Н.И.* Касимовское узорное ткачество… С. 14; *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество… С. 37; *Панкова Т.М.* Указ. соч. С. 190.

111 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 113.

112 Там же. С. 105.

113 *Сысоева Н.И.* Рязанское народное ткачество… С. 91.

114 *Она же.* Касимовское узорное ткачество… С. 18.

115 *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество… С. 35.

116 Там же; *Сысоева Н.И.* Касимовское узорное ткачество…С. 9; *она же.* Рязанское народное ткачество… С. 87.

117 *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество… С. 35.

118 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 53.

119 Там же. С. 58–59.

120 Там же. С. 57.

121 Там же. С. 60; *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество… С. 35.

122 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 60.

123 *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество… С. 37; *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 63.

124 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 60.

125 *Сысоева Н.И.*Рязанское народное ткачество… С. 90.

126 *Она же.* Касимовское узорное ткачество… С. 9.

127 *Она же.* Рязанское народное ткачество… С. 92.

128 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 69; *Сысоева Н.И.* Касимовское узорное ткачество… С. 11.

129 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 68–69; *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество… С. 37.

130 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 68.

131 Там же. С. 73–74.

132 Там же. С. 85.

133 РЭМ. Фонды. Колл. № 1125, 9928.

134 Там же. Колл. № 2350.

135 *Доливо-Добровольская В.А.* Ткацкое производство. СПб., 1913. С. 32–33.

136 Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб. 1881. Т. 7. С. 1092–1095.

137 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 119–120.

138 Труды комиссии… С. 1097; *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество… С 3–41, с. 6.

139 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 59.

140 *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество… С. 35.

141 *Яковлева Е.Г.* Русское закладное ткачество // Традиции и проблемы развития искусства современного художественного ткачества. М., 1986. С. 71–85. С. 73.

142 *Сысоева Н.И.* Касимовское узорное ткачество… С. 25.

143 *Яковлева Е.Г.* Русское закладное ткачество. С. 80; *она же.* Узорное ткачество // Традиционная народная одежда и искусство современного костюма. М., 1983. С. 96–103. С. 103.

144 *Она же.* Русское закладное ткачество. С. 80.

145 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 52–53; *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях… С. 57; *Сысоева Н.И.* Касимовское узорное ткачество…; *она же.* Рязанское народное ткачество…; *Панкова Т.М.* Указ. соч. С. 188–189.

146 *Сысоева Н.И.* Рязанское народное ткачество… С. 96.

147 *Панкова Т.М.* Указ. соч. С. 188–189.

ГЛАВА 14

Народная одежда

Женская одежда

Рубаха. — Понёва. — Юбка. — Сарафан. — Передник. — Нагрудная одежда. — Головные уборы.

Мужская одежда

Верхняя одежда

Навесные украшения

Пояс. — Украшения нагрудные и шейные, височные, ручные, наспинные.

Обувь

Изменения в одежде сельских жителей в XX в.

Как известно, одежда, кроме основного назначения — предохранения человека от воздействия внешней среды, имеет много знаковых функций: она является показателем его половозрастной, этнической, социальной принадлежности; она может быть праздничной, будничной, обрядовой. В своеобразии одежды отражались особенности природных условий, характер хозяйственного уклада, наличие того или иного сырья, обычаи, присущие жителям данного региона. Покрой одежды, ее украшения, цветовая гамма длительное время оставались обязательными и почти неизменными для всех жителей данной социальной группы или местности. Этот консерватизм особенно был присущ крестьянскому населению, поэтому одежда сельских жителей наиболее продолжительное время сохраняла традиции прошлого, отражала специфику местной народной культуры, связь со сложной этнической историей края.

Для русской крестьянской одежды Рязанского края, преимущественно женской, характерно необыкновенное разнообразие. Расцветка и покрой понёв, рубах, нагрудников, формы кички и сороки, вариативные сочетания элементов в сложном головном уборе — все это нередко поражало самобытным своеобразием в пределах одного уезда или волости, служило признаком принадлежности женщины к определенной группе селений, поэтому основное внимание в работе уделяется женской традиционной одежде.

Женская одежда

В Рязанском крае были известны все комплексы русской традиционной одежды, выделяемые этнографами. Они формировались в разное время, отражая зависимость костюма от сложных исторических и социально-экономических процессов, протекавших в данной историко-культурной зоне. В традиционной женской одежде населения края преобладали компоненты южнорусского типа костюма, хотя прослеживаются и особенности, характерные для одежды населения центральных и отчасти западных районов России. В рязанских селах бытовали комплексы женской одежды: с понёвой, сарафаном, домотканой юбкой, юбкой из фабричных тканей.

Всю одежду крестьянка издавна делала сама, вкладывая в эту нелегкую работу свою любовь, стремление к красоте и гармонии, из поколения в поколение передавая связь с древнейшими истоками русской культуры. Домотканые материалы для изготовления одежды, заготовленные впрок, использовались еще в середине XX в., а в некоторых селениях вплоть до начала XXI в. Из льняной и конопляной пряжи ткали холст, из шерстяной пряжи вырабатывали тонкую шерстяную ткань и валяли сукно (см. гл. 13). Наряду с домашним прядением и ткачеством уже в конце XIX в. широко использовались и фабричные материалы. Из них шили мужские, а нередко и женские рубахи, брюки, женские кофты и юбки, многие виды верхней одежды и др. Покупные кумач, шерсть и бархат ярких расцветок, а также ленты, тесьма, кружево и пр.

широко использовались для украшения и отделки рубах, понёв, сарафанов, головных уборов. Отдельные детали костюма: головные уборы, обувь, мужские брюки, пиджаки и др. покупали готовыми. Однако из покупных тканей обычно шили одежду праздничную и при этом не все и не везде. Корреспонденты ОЛЕАЭ уже в 1890-х гг. отмечали наибольшее распространение фабричных материалов и покупных деталей одежды в тех селах, население которых было связано с промысловой или промышленной деятельностью, с отходом на заработки. Таких сел, судя по этим сведениям, более всего было в северо-западных и северных уездах — Зарайском, Рязанском, Егорьевском, Касимовском, а также в крупных торгово-ремесленных селах некоторых других уездов. Кроме того, повсюду наблюдались различия в тканях и отделке костюмов разных социальных и возрастных групп населения [1].

Рубаха. Основу старинного женского костюма составляла рубаха с длинными рукавами из домотканого холста — льняного (аллейного) либо конопляного. Она служила в XIX, а во многих случаях и в начале XX в., нательной и одновременно выходной одеждой. Как и повсюду у русских, рубаха была цельной или составной; она или шилась из цельных полотнищ, или состояла из двух частей: верхней (*стан, станушка*) и нижней (*подстава, подставок*), соединенных поперечным швом.

В конце XIX — начале XX в. станушку и подставу сшивали не всегда. В праздничном костюме станушка нередко выполняла роль кофты, а подставу носили в качестве нижней юбки (*подол*) под понёву. Реже встречались рубахи *суцельные, додольные,* т. е. сшитые из полотнищ ткани, идущих от ворота до подола. Их использовали в качестве обрядовых — *смертных, свадебных,* а местами их носили девушки [2].

Девушка в старинной додольной рубахе. Кадомский р-н, с. Котелино. Рис. 1963 г. (АИЭА. РОКЭ)

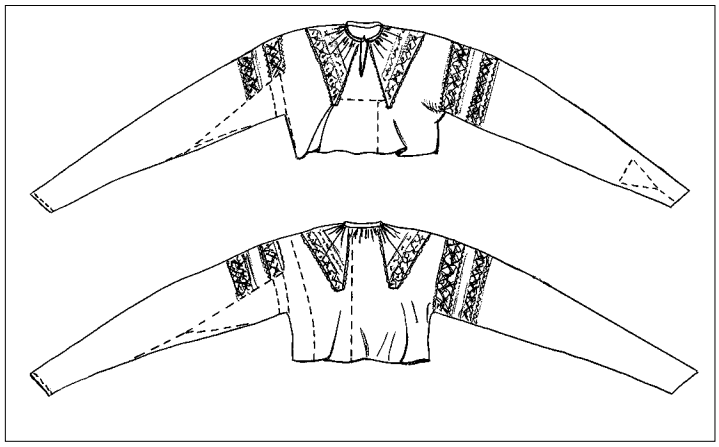
Важным устойчивым признаком, имевшим региональную локализацию, был покрой рубахи. Тип покроя определялся числом полотен и их расположением в стане рубахи, формой плечевых вставок, способом соединения рукавов с полотнищами стана и плечевыми вставками, формой воротника. Женская рубаха обычно кроилась из четырех, трех или трех с половиной полотнищ, при ширине холста 36–42 см. Древняя туникообразная женская рубаха, скроенная из трех-четырех полотнищ, перегнутых в плечевом поясе по утку с вырезом для головы и рук, изредка встречавшаяся в XIX в. на территории южнорусских губерний, в Рязанском крае не зарегистрирована. Наиболее распространенным типом женской рубахи в XIX — начале XX в. была рубаха с плечевыми вставками — *поликами,* которая типична для восточных славян, а также была известна у поляков, словаков, чехов, частично у сербов и хорватов. Появление этой рубахи исследователи относят к глубокой древности [3].

Наиболее старинной и характерной для Рязанщины была рубаха с так называемыми косыми трапециевидной формы поликами, которую обычно носили с понёвой. Она отмечается во многих селениях государственных и монастырских крестьян: в Скопинском, Раненбургском, Рязанском, Ряжском, Пронском, Спасском, Михайловском, Касимовском, Зарайском, Егорьевском, Сапожковском уездах [4]. Этот тип рубахи широко бытовал

Рубаха с рукавами в три аршина (2м 14 см) и прорезями для рук. Рязанский у., с. Рыкова Слобода. Рис. Н. Ловцова 2-й половины XIX в. (АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 24)

и в селениях Тамбовской губ., в том числе и в уездах, территория которых позднее вошла в состав Рязанской обл. (Темниковский, Елатомский, Шацкий) [5].

Рубаха с косыми поликами была наиболее характерной для населения южнорусского региона и почти не встречалась в других районах России. Вероятно, это один из древнейших типов, генетически связанный с туникообразной рубахой: основу покроя составляют полотнища, перегнутые по линии плеча по утку, а для расширения плечевого пояса в стан полотнищ вставлены косые вставки в форме трапеции. Обширный ареал рубахи с косыми поликами на южнорусской территории охватывал бассейны верхней и средней Оки, верховий Дона, значительной части Цны, частично Десны [6] и во многом совпадал с районами расселения древних племенных объединений вятичей и с путями продвижения русских на юг и юго-восток в XVI–XVII вв.



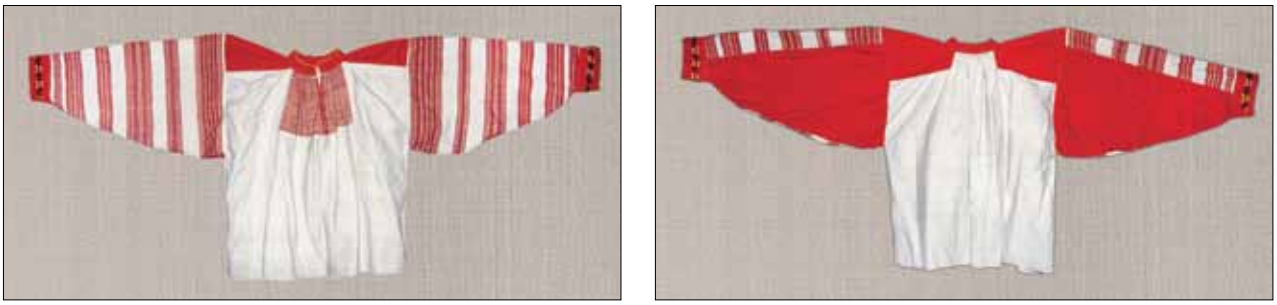
Рубаха (станушка) с косыми поликами. Конец XIX в. Рис. 1960 г. (АИЭА. РОКЭ)

Рубаха с косыми поликами: вид спереди и сзади. Спасский у. Начало XX в. (Спасский историко-археологический музей). Фото С.А. Иниковой 2004 г.

Стан рубахи с косыми поликами кроился из четырех, трех и трех с половиной полотнищ. Расположение полотнищ могло быть различным. Наиболее часто четыре полотнища располагали симметрично — два спереди и два сзади, швы приходились в центре спереди и сзади и по бокам. Так же, как и в туникообразной рубахе, полотнища по линии плеча перегнуты по утку, но на плечах в середину полотнищ врезаны трапециевидной формы полики, длинная сторона которых — около 60 см, а короткая — около 35 см. Полики расширяли плечевой пояс рубахи и выглядели большими треугольными вставками, спускающимися иногда до талии. Верхние кромки полотнищ и полики у ворота собирались в сборку на узкую полоску ткани (*обшивка, вошивка, ожерелок*). Рукав вшивался в боковые кромки полотнищ, которые суживались к запястью. В XIX в. рукава нередко делали значительно длиннее руки, и по длине они собирались горизонтальными сборками. Иногда в них ниже локтя прорезали отверстие для того, чтобы женщина при необходимости могла освободить руки, а спускавшиеся концы рукавов связывали узлом на спине [7]. Длинные узкие рукава известны и в других типах поликовой рубахи, они зафиксированы во многих южнорусских и центральных губерниях. Традиции длинных рукавов восходят к древнерусской одежде. В XV–XVIII вв. такие рукава носили и высшие сословия, и крестьяне [8].

Существует и более поздний вариант рубахи с косыми поликами. В этой рубахе было также четыре полотнища, но она состояла из одного центрального полотнища, перегнутого по линии плеч по утку, в центре был сделан вырез горловины, по бокам к нему пришиты по одному боковому полотнищу, перегнутому на плечах по утку, на боках — по основе. Таким образом, спереди и сзади получалось по два шва. На плечах между этими швами вставлены трапециевидные полики. Рукава пришиты к боковым полотнищам. Этот вариант рубахи был известен в Касимовском, Сапожковском, Спасском, Скопинском, Раненбургском уездах [9].

В украшении рубах с косыми поликами доминировал красный цвет: красная *перетыка* сочеталась с красным узорным тканьем, с вышивкой и кумачом. Из кумача, а в старинных рубахах из холста, окрашенного в красный цвет, часто шили полики.



Рубаха (станушка) с прямыми поликами: вид спереди и сзади. Данковский у. Начало XX в. (Данковский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2004 г.

В Рязанской губ. широко бытовал и другой тип рубахи: с прямыми поликами — прямоугольными плечевыми вставками, пришитыми к передним и задним полотнищам сверху параллельно утку. Полики и верхние кромки полотнищ собирали в сборки у ворота. Рукава пришивали к полику и к верхним боковым кромкам полотнищ. Стан этой рубахи чаще кроился из четырех полотнищ, расположенных симметрично. Так же, как и в рубахе с косыми поликами, ворот шили в виде невысокой обшивки ткани (*вошивка, ожерелок*). В бывших однодворческих селах Скопинского, Данковского, Сапожковского, Раненбургского уездов нередко встречались рубахи с отложным воротником [10]. Их обычно носили с домотканой юбкой и с сарафаном. В украшении рубахи этого типа также отмечается доминирование красного цвета, заполнение поликов, верхней части рукавов, подола полосками перетыки, узорного тканья, вышивкой.

Рубаха с прямыми поликами, пришитыми по утку, была характерна для центральных, северных губерний России, Сибири, бытовала в восточных и северных районах Украины, на большей части Белоруссии [11].

Женщина в старинной праздничной рубахе с прямыми поликами и в повойнике. Путятинский р-н, дер. Отрада. 1-я половина XX в. Фото С.А. Иниковой 2004 г.

Распространение этой рубахи к югу от Оки, по всей вероятности, связано с массовыми подвижками населения из центральных русских районов: во многих районах Рязанщины она была, видимо, сравнительно поздним явлением. Еще в 1920-е гг. Н.И. Лебедева наблюдала в Рязанской губ. и в брянском Полесье, как эта рубаха постепенно заменяла более древнюю рубаху с косыми поликами [12]. По воспоминаниям старых жительниц с. Романовы Дарки Шацкого р-на (1902 и 1916 гг. рождения), их матери носили рубахи с косыми поликами, а сами они надевать их стыдились и носили рубахи с прямыми поликами или более современные рубахи без рукавов, служившие в 1920-е гг. только нательной одеждой (поверх ее всегда надевали кофту) [13].

В конце XIX — начале XX в. стан рубахи, особенно праздничной, часто шили из фабричных тканей. Поскольку в селах более привлекательной считалась полная женщина (так же как и девушка), стало модным надевать две рубахи: на нижнюю с подставой еще надевали станушку, которая выполняла роль кофты. У молодых женщин праздничную верхнюю рубаху шили из шелка и шерсти ярких расцветок. Так, в с. Чернава и Милославского р-на (бывш. Скопинский у.) на Троицу молодухи и девушки надевали белую рубаху, на Духов день — красную, на Николу в первый день — розовую, во второй день — красную или бордовую [14]. В с. Новое Еголдаево Ряжского р-на было принято на первый день Троицы выходить в розовой рубахе с малиновым *запоном* (фартуком), во второй день Троицы — в красной рубахе с зеленым запоном. Строго установленное цветовое сочетание рубахи и запона называлось *парой* [15]. В некоторых селах в рубахе, сшитой из фабричных тканей, еще долго сохранялся ее традиционный покрой. По воспоминаниям старожилов в начале 1960-х гг. в Милославском, Ряжском и Кадомском районах пожилые женщины хранили рубахи с косыми и прямыми поликами «на смерть». В то же время распространившиеся в 1920-е гг. рубахи без рукавов (*голошейки*) нередко шили из домотканого или, как говорили, «свойского» материала [16].

Понёва. Поясной одеждой, надеваемой поверх рубахи, широко распространенной на территории Рязанского края, была понёва (*понька, понява*) — один из наиболее древних компонентов русской одежды, характерный в XIX в. преимущественно для южнорусских губерний.

Понёву шили в основном из домотканой легкой тонкой шерстяной ткани, вытканной на двух подножках. Преобладала темно-синяя расцветка ткани, издавна связанная с употреблением краски индиго, известной в Индии около I в. н. э. Получению красителей способствовала оживленная торговля с Индией, осуществляемая по Волге и Оке. Синяя понёва преобладала на правобережье Оки. В некоторых местах Рязанщины фон понёвы был черным, реже красным. Понёвы этих цветов связывают с потомками славянского населения верховьев Дона [17]. Распространение черных понёв в начале XX в. в военные и послереволюционные годы объяснялось недостатком анилиновых красок, которые вновь стали заменяться природными красителями [18].

Для понёвы, сшитой из тонкой шерстяной ткани, был типичен клетчатый рисунок. Понёвы не только отдельных районов, но и ближайших сел отличались своеобразным сочетанием в клетке белых, красных, зеленых, желтых нитей. Различались также размеры клеток: от 2–6 до 8–10 см.

Выделяются два типа понёвы: *распашная и глухая*. Распашная понёва — наиболее архаична. Она состоит их трех или двух полотнищ, не сшитых между собой спереди, образуемая щель закрывается передником. Распашная понёва была распространена в западной части южнорусского региона: в бассейне верховий Оки и Десны, а также на северо-востоке Рязанщины, но преобладала в Рязанском крае глухая понёва. Ее шили из трех-четырех, реже из пяти-шести полотнищ клетчатой шерсти (шириной 40–48 см) и однотонного полотнища — *прошвы* — из фабричной ткани темного цвета. Все продольно положенные полотнища, сшитые между собой по основе ткани, на талии собраны на шнур; прошва приходилась спереди и закрывалась передником.

Глухая понёва с прошвой из тонкой шерсти, преимущественно синего цвета, преобладала в XIX — начале XX в. в восточной части южнорусского региона — в Рязанской, Тульской, Тамбовской, Воронежской губерниях, в восточных уездах Орловской и Калужской губерний,

Понёва из тонкой шерсти с прошвой из холста и ситца. Касимовский у. Начало XX в. (Касимовский краеведческий музей)

Понёва из тонкой шерсти с прошвой из красного ситца. Данковский у. Конец XIX в. (Данковский краеведческий музей)

Однодворческая понёва со швами, украшенными полосами набивного ситца. Данковский у. Конец XIX – начало XX в. (Данковский краеведческий музей)

Понёва праздничная. Данковский у., дер. Гремячка. Конец XIX – начало XX в. (Музей-усадьба Семеновых-Тян-Шанских в дер. Гремячка Милославского р-на)

Подол понёвы, украшенный вышивкой. Касимовский у. Конец XIX – начало XX в. (Касимовский краеведческий музей)

Прошва понёвы, украшенная тканым узором и вышивкой. Касимовский у. Конец XIX – начало XX в. (Касимовский краеведческий музей)

Фото С.А. Иниковой 2002–2004 гг.

на юге и востоке Курской губ. [19]. Но если говорить о понёве не только глухой, но и распашной, то ареал клетчатой понёвы включал почти все южнорусские губернии в бассейнах Оки и Дона. По мнению ученых, комплекс одежды с понёвой был ведущим в период формирования древнерусской народности. Поскольку понёва была воспринята ассимилированными финскими группами, то, по-видимому, эта одежда бытовала и в период славяно-финских контактов в бассейне среднего течения Оки в X–XIII вв. [20]

Праздничные понёвы молодых женщин выделялись богатством и разнообразием украшений, различавшихся по композиционному расположению, технике исполнения и колориту. В глухой понёве наиболее часто украшали бордюр по подолу, составленный из полос ярких тканей, преимущественно красного цвета, поверх которых нашивали ленты, полоски бархата, позумента, кружева, шелковую тесьму, блестки, бисер, дополненные вышивкой. Край подола оторочивали узким плетеным пояском (*мутоузом*) красно-оранжевого цвета. В нарядных понёвах ширина украшенного бордюра доходила до 40–50 см [21]. В некоторых местах аппликацией и вышивкой украшали и вертикально идущие соединительные швы полотнищ. В понёве из Данковского у. три черных в красно-белую клетку полотнища на боках проложены широкими полосами из домотканой красной шерсти, переходящих в широкий бордюр по подолу; швы, соединяющие полотнища понёвы с вставками из красной шерсти, украшены разноцветной вышивкой. Яркую звучность этой понёвы дополняют короткий расклешенный нагрудник, составленный из полос шерстяной ткани красного и черного цвета, а также рукава рубахи, отделанные кумачовыми вставками с вышивкой [22]. Похожие украшения понёвы в форме вертикальных полос, выложенных из красного сукна или шелка, с нашитыми на них лентами и позументом, известны также в соседнем Новосильском у. Тульской губ. и в некоторых других районах [23]. Необыкновенно красочное, великолепное узорочье праздничных понёв Рязанской и других южнорусских губерний свидетельствует о тонком вкусе крестьянских мастериц, о связи народного искусства с наследием предшествующих поколений. Характерное для большинства понёв цветовое сочетание черного поля с яркими красно-оранжевыми нашивками и узорами являлось как бы символом земли и солнца.

В XIX — начале XX в. понёва была одеждой замужних женщин. Однако первоначально ее надевание символизировало совершеннолетие девушки. В старину девушки ходили в одной длинной рубахе, подпоясанной поясом, позднее они стали надевать передник, сарафан или юбку. Когда девушке исполнялось 14–16 лет на нее торжественно надевали понёву, приурочивая этот обряд к какому-либо весеннему церковному празднику или к именинам девушки. Этот старинный обряд, совершавшийся в присутствии близкой родни, проходил по сходному сценарию во многих южнорусских губерниях и был неоднократно описан в литературе и в архивных источниках. Отметим, как проходил он, например, в Карловской вол. Сапожковского у. в 1880-е гг.: крестный отец просил девушку войти в разостланную на полу понёву сначала по-доброму, а потом с помощью кнута. Девушка почти всегда вначале отказывалась: «хочу вскочу, хочу не вскочу». Крестная мать ее уговаривала: «вскочи моя дитятка, вскочи моя ягодка». Заканчивалось это тем, что девушка вскакивала в понёву [24]. После этого она считалась невестой, и ее могли сватать. Д.К. Зеленин видел в этом обряде пережитки половозрастной инициации [25]. Во второй половине XIX — начале XX в. ношение девушками понёвы до свадьбы не везде соблюдалось, чаще этот вид одежды служил признаком замужества. Поэтому обряд надевания понёвы стал совершаться в процессе свадебного ритуала: при сватовстве, а чаще на девичнике (см. т. 2. с. 71). Эти разностадиальные варианты обряда, по-разному исполняемые в тех или иных селах, сохранялись на памяти информаторов старшего поколения даже в 1960-е гг. Так, в селениях Романовы Дарки Шацкого у. и Пустотино Ряжского у. обряд с понёвой совершался при исполнении девушке 15–16 лет, а в с. Новое Еголдаево Ряжского у. — на девичнике перед венчанием [26].

Девушка с помощью матери заготавливала понёвы для своего приданого, число их зависело от зажиточности семьи, а также от мастерства и усидчивости девушки. В хорошей семье полагалось положить в приданое шесть-семь богато украшенных понёв, у сироты было обычно четыре понёвы, у бедной девушки две-четыре. Молодая во время свадьбы меняла несколько понёв, их она надевала и в первые дни замужества. Яркость клеток и украшений понёвы зависели от возраста женщины. Старые женщины носили понёвы с менее заметной клеткой и без украшений. Во время работы ее подол нередко подтыкали спереди под пояс (*кульком*) [27].

Многофункциональность этого вида одежды нашла отражение во множестве определений к слову «понёва»: *добрая, ряженая, укладная* — т.е. праздничная; *рядушка, ходильная, хожалая* — будничная; *посвятная* — предназначенная для церковных праздников; *горемычная, по горю, последняя*, т.е. траурная [28].

Если в XIX в. глухая понёва с прошвой была самым распространенным видом поясной одежды, то в начале XX в. область ее бытования заметно сокращалась, понёву стали заменять сарафаном и юбкой. Уже в 1890 г. корреспонденты ОЛЕАЭ из некоторых северных селений Егорьевского, Рязанского, Спасского уездов, более других связанных с промышленной деятельностью и торговлей, считали понёву уходящей из быта крестьян. В одних селах ее плохо помнили, в других — она была одеждой бедняков и стариков или надевалась только в будни [29]. По воспоминаниям старожилов Круговской вол. Егорьевского у., понёву перестали носить в 1850-е гг.: ее запретил надевать помещик Г. Ганнибал. «Наши женщины очень жалели и даже плакали, бросая носить понёвы», — вспоминали старики [30].

Сравнительно долго понёва сохранялась в южных земледельческих уездах, особенно в Скопинском, Ряжском, Сапожковском. Еще в 1920-х и 1930-х гг. понёва во многих селах служила там повседневной и праздничной одеждой. По рассказам старожилов, зафиксированным в 1960–1963 гг., в одних селах она исчезала на памяти старшего поколения, в других (села Чернава и Боршевое Милославского р-на, Новое Еголдаево и Петрово Ряжского р-на, с. Пустотино Кораблинского р-на) — была рабочей и праздничной одеждой женщин среднего и пожилого возраста, а молодежь щеголяла в ней на свадьбах и в праздники еще в 1960-е гг. [31]. В наши дни заповедным местом сохранения традиционного костюма стала Чернава, где в 2002 г. этнографы зафиксировали и приобрели полный комплекс традиционного костюма с понёвой. Здесь понёвы не только бережно хранятся, пожилые женщины носят их в будни и в праздники, а те, кто помоложе, надевают на годовые праздники, на свадьбы.

С годами произошла модернизация традиционного костюма, и более модной стала шерстяная понёва без прошвы в крупную клетку, нередко сотканная из покупных ниток. Понёва без прошвы стала распространяться в начале XX в. Ее шили из пяти-семи прямых полотнищ понёвной клетчатой ткани, присборенных у пояса или заложенных складками типа гофре. По всей вероятности, это последняя стадия развития понёвы, когда она сближается с юбкой, но отличается от последней традиционной клетчатой тканью, при этом клетка

Молодая женщина в праздничном костюме: вид спереди, сзади, в полном костюме. Ряжский у., с. Ухолово. Начало XX в. (ЦЭКВ Ухоловского р-на). Фото С.А. Иниковой 2002 г.

Понёва с заложенными складками и прошвой. Ряжский р-н, с. Петрово. 1950–1960-е гг. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Фрагмент понёвной ткани сложной техники тканья. Конец XIX в.: Касимовский у. (Касимовский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2003 г.

в этих понёвах крупнее (12 × 15, 17 × 21 см) и менее заметна. Украшения обычно сосредоточены на подоле в виде узких нашивок из ярких тканей и лент [32]. В послевоенные десятилетия в некоторых селах Милославского р-на (Боршевое, Чернава, Кикино и др.) украшали не только подол, но и значительное поле понёвы крупными нашивками из красного или зеленого атласа, шелка, шерсти (в с. Боршевое их называли *кумаки*, в с. Чернава — *обложки*) [33].

В особую группу следует выделить своеобразные понёвы, бытовавшие на северо-востоке Рязанской губ. в Мещёрском крае (Касимовский и Спасский уезды), а также частично на севере Елатомского и Темниковского уездов Тамбовской губ. Здесь носили распашные и глухие понёвы, сходные по покрою с типичными южнорусскими понёвами, но отличавшиеся по характеру ткани и орнаментике. Мещёрские понёвы были разнообразны по технике тканья, расцветке и орнаменту ткани. Они хорошо изучены и классифицированы Б.А. Куфтиным [34]. Эти понёвы шились из толстой тяжелой ткани из шерстяных и посконных нитей сложной техники тканья, преимущественно на четырех подножках с бральницами. (см. с. 419–421) Расцветка браных понёв разнообразна: однотонная (синяя, красная, черная), полосатая (например, красная с синими поперечными полосами), шашечная (кубиками, фон красный с синими полосами в основе и утке), узорная (в виде ромбов, розеток, меандра, креста, свастики и т.п.).

В этих, как и во многих других, узорах линейно-геометрического орнамента, характерного для южнорусской браной и закладной техники тканья и вышивки, сохранялись древние сюжеты и композиции. По мнению исследователей, в своей древней основе многие элементы узоров были связаны с космической символикой: так, ромб, круг рассматривались как символ солнца, образ которого занимал важное место в верованиях восточных славян [35].

Появление тяжелой понёвы в Мещёрской стороне Б.А. Куфтин относит к древней эпохе славянской колонизации. Изоляция в глухих местах способствовала сохранению древних самобытных черт культуры [36]. Сходные черты в технике выработки ткани прослеживаются в понёвах калужского Полесья, в украинских полосатых запасках, в латышских юбках, а также в белостоцких и шведских коврах. Ученые объясняют это сходство более древней славянской общностью, а возможно, и древними культурными связями с другими народами Скандинавии и Прибалтики [37].

Понёва из тяжелой шерстяной ткани сложной техники тканья. Елатомский у., с. Полтевы Пеньки. Конец XIX в. (Школьный музей в с. Восход Кадомского р-на). Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Понёва (понька) из тонкой шерсти. Темниковский у., с. Кочемирово. Начало XX в. (НМРИ). Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Тяжелые понёвы в начале XX в. постепенно заменялись более легкими с клетчатым и шашечным рисунками, тканными на двух подножках. По рассказам старожилов из с. Черные Кадомского р-на (бывш. Темниковский у.), «тяжелые поньки бросили носить до германской войны, тогда их распускали и ткали из этих ниток легкие понёвы» [38].

Юбка. Юбка из домотканины как элемент традиционной одежды, хотя и не была широко распространена у русских, в Рязанском крае бытовала во многих селениях. Преобладали юбки одного покроя: их шили из четырех-семи прямых полотнищ, сшитых друг с другом по основе ткани, собранных сверху у пояса в сборку на узкой обшивке или на шнуре, продетом в запошивку ткани. Юбки различались по характеру ткани и расцветке. Их шили из домотканых шерстяных и холщовых тканей.

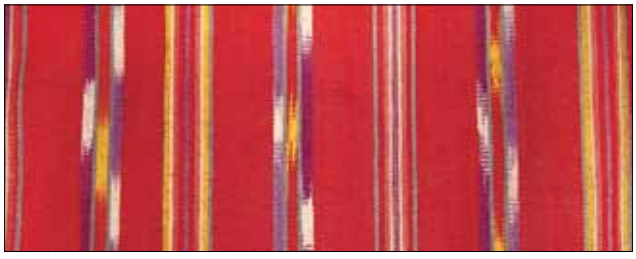
Шерстяные домотканые юбки были характерны для традиционных комплексов одежды однодворческого населения; преобладали полосатые и однотонные юбки. В Рязанской губ. наиболее значительный район бытования шерстяной полосатой юбки отмечается во всех однодворческих селах, расположенных между реками Вердой и Парой на юге Сапожковского у. (села Борец, Бычки, Ягодное, Напольное, Телятники, Кривское и др.). Многие из однодворческих селений ведут свое начало с XVII в., когда эти земли были пожалованы государством.

Юбки шили из шести полотнищ, преобладала красная тональность (в утке нити всегда были красными, а в основе — разноцветные), красные (*крась*) и бордовые (*полукрась*) полосы чередовались с желтыми, зелеными, белыми, голубыми, синими. В отдельных селах, а иногда и в пределах одного села, отмечалось разнообразие в сочетании и ширине цветовых полос. Про эти юбки говорили: «От поясницы до ног семьдесят семь дорог». Для тканья обычно использовали пряжу крученую в две нитки, мотки красили естественными, позднее анилиновыми красителями. Готовую ткань для праздничных юбок отдавали лощить в специальных печах, после чего юбки становились блестящими [39].

Шерстяные полосатые юбки бытовали также на юге Данковского у. в бассейне Дона в однодворческих слободах г. Данкова: Сторожевая, Стрельцы, Казаки, Пушкарская, Богословская и в селах Требунки, Сурки, Сугробы, Перехваль, Круглое, Ягодное, Кочуры, Долгое, Теплое, Малинки и Самодуровка. Полосатые юбки здесь, как и в Сапожковском у.,

Однодворческие шерстяные полосатые юбки. Конец XIX в.:
а) Ряжский у., с. Введеново (Ряжский краеведческий музей);
б) Данковский у. (Данковский краеведческий музей).
Фото С.А. Иниковой 2004 г.

Клетчатая юбка. Данковский у.
Конец XIX в. (Данковский
краеведческий музей).
Фото С.А. Иниковой 2004 г.



Фрагменты ткани однодворческих юбок. Данковский у. Конец XIX в. (Данковский краеведческий музей).
Фото С.А. Иниковой 2004 г.

долгое время составляли основу старинного женского костюма. Нередко их надевали и на девочек с 10, а где-то с 16 лет. В будни, во время работы юбку носили кульком. В Данковском у. полосатые юбки примерно с 1914 г. стали заменять домотканными одноцветными юбками голубовато-серого цвета (*сизовки*), скроенными в 12–13 полотнищ [40]. Полосатые юбки бытовали местами и в других однодворческих селах Рязанской обл. [41]. В начале XX в. более широко были распространены одноцветные домотканые шерстяные юбки — красного, бордового, оранжевого, зеленого цвета. Кое-где встречались и клетчатые юбки. Праздничные юбки украшали по подолу лентами, позументом, тесьмой. Одноцветные юбки иногда использовались в качестве нижних: их надевали под юбку, понёву или сарафан. В некоторых селах эти юбки еще в 1960-е гг. надевали в праздники, на свадьбы [42]; в наши дни они сохраняются в костюмах местных фольклорных коллективов.

В России полосатые шерстяные юбки известны были и на севере в центральных и западных районах Вологодской и примыкающих к ним районах Архангельской и Смоленской губерний. Однако, как свидетельствуют последние исследования И.С. Слепцовой, севернорусский тип полосатых юбок значительно отличался от южных однодворческих полосатых юбок по технологии изготовления ткани, покрою и цветовой гамме [43].

Полосатые и однотонные шерстяные юбки бытовали также среди однодворческого населения Тамбовской, Воронежской, Курской, Орловской губерний [44].

Ареал шерстяной полосатой юбки в прошлом занимал обширную территорию. Юбка, в качестве традиционной одежды, была характерна для белорусов, западных славян,

народов Прибалтики и зарубежной Европы. Юбки, близкие по покрою и расцветке к продольно-полосатым однодворческим, отмечались в некоторых районах Белоруссии, Украины, в Эстонии, Латвии и Литве [45]. Близость южнорусских юбок к некоторым образцам прибалтийских, белорусских и украинских юбок позволяет сделать справедливое предположение, что южнорусский однодворческий комплекс костюма с продольно-полосатой домотканой юбкой и рубахой с отложным воротником, с прямыми поликами был занесен на юг России, в том числе и в Рязанский край, служилыми людьми в XVI–XVII вв. из западных районов России.

Во многих рязанских селениях бытовали холщовые юбки из домотканого материала — *подол, подстава*. В XIX в. холщовую юбку чаще носили девушки до того момента, как на них надевали понёву. Позднее ее стали использовать девушки, иногда и женщины в качестве нижней юбки под сарафан или понёву. Подол шили из четырех-пяти полотнищ холста, сверху собирали на шнур (*гашник*), нижнюю часть обычно украшали узорным тканьем [46]. Подолы были известны во многих южнорусских губерниях, их также носили женщины на Севере [47].

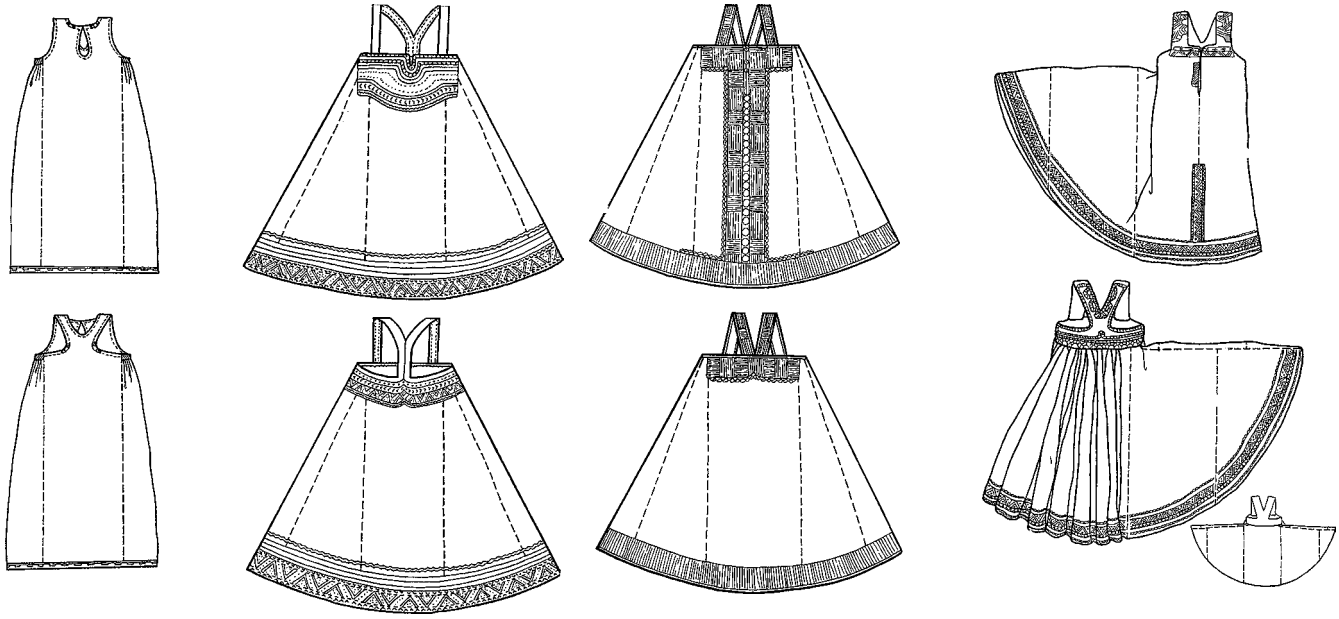
Юбка из фабричных тканей повсеместно распространилась в конце XIX — начале XX в. Постепенно она вытеснила традиционные виды одежды: понёву, домотканую юбку, сарафан. При этом в одних районах еще и в начале XX в. господствовала понёва, которая могла заменяться домотканой юбкой, в других районах, особенно там, где сильнее было выражено влияние городской моды, постепенно распространялся костюм, состоявший из юбки с кофтой, сшитых из фабричных тканей.

Сарафан. Во многих селах Рязанщины девушки и женщины в конце XIX — начале XX в. носили сарафан. Комплекс одежды с сарафаном был сравнительно поздним для Рязанской губ. Сарафан, характерный первоначально для северных и центральных губерний России, позднее распространился во многих южных и восточных районах расселения русских и стал общерусским национальным костюмом. В Рязанской губ. сарафан появился, по-видимому, вместе с переселенцами из служилых людей в XVI–XVIII вв., а также в результате помещичьей и стихийной крестьянской колонизации.

Сарафан бытовал у разных социальных групп крестьянства. В некоторых владельческих селах появлению сарафана иногда содействовали помещики, считавшие неприличным старинный обычай, предписывавший девушкам до замужества ходить в одних рубахах. В южных районах Касимовского и северных районах Спасского уездов помещики требовали от своих крестьян заменять устаревшую, по их мнению, понёву московским сарафаном с пуговицами [48]. В одних помещичьих селениях крестьяне носили косоклинные сарафаны, в других понёвы [49]. Однодворцы Данковского у. издавна носили сарафан и юбку, а однодворцы Сапожковского у. (вокруг г. Сапожка, а также села Песочня, Морозовы Борки, Самодуровка и др.), давно переняв местную старинную одежду — понёву и кичку, — сарафаны и юбки не носили [50].

На территории края сарафаны были распространены неравномерно. В северных районах, где сильнее была развита промышленная деятельность населения, сарафаны встречались чаще, они заменили понёву. Но и здесь, например в некоторых селах Егорьевского у., уже в конце XIX в. молодежь стремилась одеться по-городскому, поэтому сарафаны сохранялись лишь у пожилых женщин [51]. В южных же и центральных уездах, где сравнительно долго основной одеждой женщин была понёва, сарафан служил нередко девичьей выходной одеждой. По данным Б.А. Куфтина, жители многих деревень Мещёрского края, стойко сохранявшие понёвы, или совсем не знали сарафана, сменив понёву на юбку с кофтой, или пользовались сарафаном исключительно как девичьим костюмом [52]. В большинстве рязанских селений сарафан не вытеснил понёву, а бытовал наряду с ней, являясь праздничной одеждой молодых женщин и девушек, в то время как пожилые женщины продолжали носить понёву [53].

В Рязанском крае, как и в других южнорусских губерниях, бытовали сарафаны разных покроев, сшитые из холста, домотканой шерсти, сукна, фабричных тканей. Различалась и терминология сарафана. Более старинными считаются разнообразные по покрою косоклинные сарафаны.



Схемы покроя сарафанов разных типов (спереди и сзади). Конец XIX – начало XX в.: а) глухой туникообразный сарафан; б) косоклинный сарафан на лямках; спереди и сзади по одному прямому полотнищу, соединенных на боках клиньями; в) косоклинный сарафан на лямках с двумя полотнищами спереди; передние и заднее полотнища соединены клиньями; г) косоклинный сарафан, в котором к двум передним и одному заднему прямым полотнищам боковые клинья и подклинья пришиваются по прямой нитке, по бокам они сшиваются косым швом. (Из кн.: *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье. М., 1988. С. 170–173)

В качестве девичьей одежды известна древняя форма так называемого глухого *туникообразного* сарафана. Он сшит из перегнутого по утку на плечах шерстяного центрального полотнища, на сгибе сделаны вырезы для головы и для рук, по бокам вставлены один или два косых клина. Генетически этот сарафан восходит к старинной туникообразной одежде.

На северо-западе Касимовского у. (в Курше, в Колесниковской и Палищинской волостях), в восточном углу Егорьевского у., в северной части Елатомского и Темниковского уездов под термином *сарахван, сарафанчик* издавна известна туникообразная белая короткая полотняная, реже шерстяная, верхняя узорная рубашка без рукавов, реже — с рукавами, надеваемая с понёвой. В некоторых районах Мещёрского края эту рубашку называли *навершником, носовником* и др. В девичьем костюме короткий сарафан заменялся таким же по покрою, но более длинным и назывался также сарафаном, в других местах — *шушкой, шушпаном*[54]. Глухие сарафаны (под названием *сарахван-перышко*) бытовали в Раненбургском и Данковском уездах[55].

Более широко в Рязанском крае были распространены косоклинные сарафаны на лямках, которые различались по покрою. Во многих районах в косоклинном сарафане на лямках, как и в глухом, спереди и сзади было по одному прямому полотнищу, которые на боках были соединены клиньями, доходящими до верхней проймы. Их шили из шерсти и китайки. Подобные сарафаны отмечены Н.И. Лебедевой в Сапожковском (села Самодуровка, Кутловы Борки, Желобово), в Скопинском (села Вослебово, Липяги) и в Данковском (дер. Павловка, с. Орловка) уездах. В селах Липяги и Вослебово его называли *шубкой*, в дер. Павловка — *сукня*, в с. Орловка — *бадун*. В этих местах сарафан появился в конце XIX в. и частично заменил понёву, его носили и девушки, и женщины[56]. Нередко сарафан шили очень широким, вставляли с боков по три и более косых клиньев, длина подола в окружности могла быть до 2,5–3 м. Широкими и нарядными были свадебные сарафаны. В с. Хитрово Данковского у. свадебный *балахон* шили из белой домотканой шерсти, с боков у него вставлено по шесть косых клиньев. Широкими шили и сарафаны из покупной синей китайки, в Ряжском у. их называли *шубкой*, в других местах — *китайкой*[57].

Во многих местах Рязанского края бытовали косоклинные сарафаны на лямках с двумя прямыми полотнищами спереди. Переднее и заднее полотнища соединялись друг с другом

при помощи клиньев и подклинков. По шву, соединяющему два передних полотнища, иногда пришивали металлические пуговки с петельками, которые имитировали застежку распашной одежды. Подобные сарафаны могли быть в прошлом и распашными, не сшитыми спереди. По мнению исследователей, они были сходны с верхней одеждой XVII в. — *охабнем, опашнем, ферезью*. Покрой этого сарафана сходен и с верхней одеждой XIX в. — *армяком, понитком, свиткой*. Эти одежды в распластанном виде образуют полукруг, иногда почти круг со сходным, как у сарафана, расположением швов. Центром распространения подобного типа сарафана были северо-восточные губернии: Московская, Ярославская, Владимирская, Костромская[58].

Сарафаны такого покроя, известные в Раненбургском и Касимовском уездах, сшиты из домотканой тонкой шерстяной материи. В с. Салтыки Раненбургского у. этот сарафан называли *шугай*[59]. Девичий сарафан — *шубка* (с. Новое Еголдаево Ряжского у.) из фондов РЭМ отличается тем, что не только спереди, но и сзади имеются два прямых полотнища, с боков — по одному. В Новом Еголдаеве, в Попадьинской и Плахинской волостях Михайловского у. подобные сарафаны шили из китайки на холщовой подкладке и называли шубкой. Девушки носили их до конца 1930-х гг. [60]. Косоклинные сарафаны этого типа были известны также в Шацком, Елатомском, Темниковском уездах Тамбовской губ. [61].

В Рязанском крае бытовал также косоклинный сарафан более усложненного покроя, распространенный во многих русских губерниях. В нем к двум передним и одному заднему прямым полотнищам боковые клинья и подклинки пришивались по прямой нитке последовательно один за другим, по бокам они сшивались косым швом. Швы клиньев и подклинков по отношению к косому боковому шву образуют подобие елочки. Эти сарафаны были широкими и нарядными. На северо-востоке в районе Касимова и Елатьмы бытовал холщовый подсиненный сарафан на холщовой же подкладке. На месте сшива двух передних полотнищ пришит гарусный шнурок с пуговками и петлями, по подолу нашита кайма из лент. В южных районах Касимовского у. и прилегающих к нему селах Спасского у. сарафан такого покроя (*сукман*) шили из домотканой шерсти, окрашенной в черный или синий цвет. Сукман подпоясывали поясом. Здесь он считался праздничным костюмом. Поверх него надевали *запон* — передник с рукавами[62].

В конце XIX — начале XX в. распространяется *прямой* или *круглый* сарафан на лямках, сшитый из нескольких прямых (от 4 до 9) полотнищ, преимущественно фабричных тканей. Праздничные сарафаны были из дорогих тканей: шелка, штофа, атласа; по подолу их украшали лентами, бархатом, кружевом, тесьмой и пр. Эти сарафаны бытовали во многих рязанских селениях. Постепенно вытесняя понёву, косоклинный сарафан встречался и в девичьем, и в женском костюме. Их часто называли шубкой[63]. Сарафан прямого покроя известен во многих русских губерниях. Он распространялся вместе с миграциями русского населения в южнорусскую лесостепь, в Поволжье, в Сибирь[64].

Сравнительно редко на территории Рязанского края встречался прямой сарафан с лифом. Он состоял из юбки, скроен-

Косоклинный сарафан из сатина на холщовой подкладке с застежкой спереди, имитирующей распашную одежду: вид спереди и сзади. Касимовский у. Конец XIX в. (Касимовский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2003 г.

Сарафан круглый из сатина. Данковский у. Начало XX в. (Данковский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2004 г.

ной из нескольких прямых полотнищ, присборенных и пришитых к облегающему лифу без рукавов. Шили его чаще из фабричных тканей. В рязанских селах, как и в некоторых других южнорусских районах, его называли *платьем* или *полуплатьем*[65]. Появился он, по-видимому, в конце XIX — начале XX в. под влиянием одежды, более характерной для белорусов (*саян, андарак*). По предположению Б.А. Куфтина, белорусский андарак с лифом в свою очередь генетически связан с западноевропейским костюмом, утвердившимся там с XV в. и занесенным на территорию Белоруссии в период существования Великого княжества Литовского[66]. Вначале сарафан с лифом чаще встречался на западе России — в Смоленской, Псковской, в западных районах Калужской, Орловской, Курской губерний, позднее распространился в центральных и западных русских губерниях[67].

Передник. Передник — необходимая принадлежность русского женского традиционного костюма. Его носили поверх рубахи с понёвой, юбкой и сарафаном. Не всегда надевали передник с праздничным косоклинным сарафаном, особенно там, где бытовал старинный распашной сарафан с застежкой спереди.

Женщина в понёве и туникообразном переднике (запоне) с кокеткой. Кадомский р-н, дер. Сумерки. Рис. 1963 г. (АИЭА. РОКЭ)

По особенностям покроя выделяются два основных типа передника: высокий, укрепляемый на плечах, и короткий, повязываемый на талии. По способу укрепления высокого передника на плечах выделяются варианты, в которых последовательно отразились изменявшиеся формы старинного покроя.

Во многих рязанских селах в XIX — начале XX в. бытовал туникообразный передник с рукавами или без рукавов. Он скроен из одного полотнища домашнего холста, перегнутого по утку; в месте перегиба — вырез для головы и отверстие для рук; на спине — разрез вдоль полотнища. Сверху могли быть пришиты рукава, а с боков вставлены клинья. Передник, скроенный из одного полотнища, — наиболее древняя форма, генетически связанная с туникообразным нагрудником, отличавшимся от него длиной и наличием разреза на спине. Некоторые передники трудно отличить от нагрудника. Так, в селениях Карловской вол. Сапожковского у. женщины работали в доме или в поле в страдную пору в переднике (*запоне*), похожем по покрою на короткий нагрудник с рукавами и с круглым воротом. Его надевали через голову[68]. Более поздним был передник с кокеткой (*грудинкой*). Основой его служило перегнутое пополам по утку короткое полотнище, спереди к нему подшивали в сборку два полотнища. Передник с грудинкой часто шили из фабричных тканей.

Наиболее распространенными названиями для туникообразного передника (как, впрочем, и для многих других) были — *занавеска, завеска, завесы, запон, нагрудник*[69]. Причем в одних и тех же уездах нередко употребляли все эти термины. В селах Боршевое, Чернава и др. Скопинского у., Новое Еголдаево Ряжского у. короткий туникообразный передник типа нагрудника называли занавеской, поверх него надевали длинный передник — запон. В селах Чернава и Боршевое длинный туникообразный передник без рукавов называли также *голянкой*[70]. В Сапожковском, Касимовском, Темниковском уездах чаще употребляли термин «запон»[71]. В Данковском, Раненбургском, Михайловском, Рязанском уездах более известны термины «занавеска», «завесы»[72].

Схема покроя туникообразного передника с рукавами. Елатомский у., с. Котелино. Конец XIX в. (АИЭА. РОКЭ). Рис. 1963 г.

Туникообразный передник входил в комплекс одежды с понёвой, и сравнительно редко его надевали с сарафаном, преимущественно с косоклинным. Эти передники были характерны для южнорусских губерний, но встречались они и севернее.

В 1900-е гг. чаще встречался высокий передник, сшитый из двух полотнищ холста или фабричной ткани, присборенных сверху на обшивку. Укреплялся он на шее и плечах при помощи шнурков или лямок. Такой передник часто носили с сарафаном или юбкой, иногда с понёвой. Нередко к обшивке пришивали невысокий передок (грудинку) и в этом случае лямки укрепляли на грудинке. Этот передник обычно также называли запоном или занавеской. В конце XIX — начале XX в. он был широко распространен во всех южнорусских губерниях.

Передники были повседневные, праздничные и траурные. Их покрой и расцветка зависели от возраста владелицы. В старину девушки, ходившие летом в одной рубашке, поверх нее часто надевали высокий передник. В Чернаве передник носили поверх *шушки*, речь о которой пойдет ниже. Праздничные занавески и запоны девушек и молодых женщин богато украшались. Холщовые передники покрывались тканым многоцветными браными и закладными узорами, вышивками по выдерганному холсту, чередующимися с нашивками из лент, кумача, ситца, тесьмы, блесток и кружева. Высокий запон на шнурках, сшитый из шелка, шерсти, ситца, украшали аппликациями из лент, тесьмы, кумача, кружева и т. п. Материал и украшения занавески строго соответствовали ансамблю костюма. С белой холщовой рубахой носили белый полотняный передник, с красной рубахой — красную занавеску, с шелковым сарафаном — шелковый запон. В 1900-е гг., с распространением фабричных тканей, во многих селах полагалось, чтобы расцветка запона соответствовала цвету рукавов праздничной рубахи. По воспоминаниям пожилых женщин с. Романовы Дарки Шацкого р-на, на Пасху под колокольный звон шли женщины, разодетые в одежду красных, синих, зеленых, желтых ярких цветов[73]. В тех селах, где в наши дни частично используются элементы традиционного костюма в качестве праздничной и обрядовой одежды, сохраняется и высокий передник.

Второй тип — передник короткий, повязываемый на талии: *фартук, хвартук, напузник, подвязка, завеска*. В Рязанском крае, как и во многих других южнорусских губерниях, он являлся новой формой, постепенно вытеснявшей в начале XX в. традиционный высокий передник[74]. Его надевали чаще с юбкой из фабричных тканей. В последние десятилетия передник-фартук все чаще используется лишь в качестве рабочей будничной одежды, предохраняющей платье от загрязнения. В качестве праздничной одежды фартук частично сохраняется лишь в костюме женщин пожилого возраста.

а) б)

Туникообразные передники-запаны. Начало XX в.: а) Елатомский у., с. Полтевы Пеньки (Школьный музей в с. Восход Кадомского р-на); б) Елатомский у., с. Котелино (Кадомский краеведческий музей)

Праздничные наряды крестьянок Скопинского у.: с. Вязовёнка (слева) и с. Секирино (справа). Начало XX в. (Скопинский краеведческий музей)

Высокие передники на лямках. Касимовский у. Начало XX в. (Касимовский краеведческий музей)

Фото С.А. Иниковой 2003–2006 гг..

Молодая женщина (ученица школы вышивания) в нарядном высоком переднике на лямках. Михайловский у., с. Подлесное. Фото конца XIX — начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Нагрудная одежда. К нагрудной одежде относится сравнительно легкая одежда, надеваемая поверх рубахи (иногда сверху передника), прикрывающая верхнюю часть корпуса. Это нагрудник, душегрейка, жилет, корсетка, кофта.

Нагрудник — старинная туникообразная глухая или распашная одежда, распространенная в XIX — начале XX в. в Рязанской, Тамбовской, Тульской, Калужской губерниях. Местами она встречалась в Воронежской, Пензенской, Смоленской, Псковской губерниях [75]. Южнорусский нагрудник был составной частью понёвного комплекса одежды. Глухие туникообразные нагрудники имели много общего с аналогичной одеждой мордвы, мари, удмуртов и чувашей. Туникообразные нагрудники различались по покрою, материалу, расцветке, украшениям, имели разнообразные названия.

Шушпаны туникообразные, шерстяные. Конец XIX – начало XX в.: а) Ряжский у. (ЦЭКВ Уховского р-на); б) Данковский у. (Данковский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2002, 2004 гг.

Более древними считаются глухие нагрудники. Они были двух типов. Один тип сходен с мужской туникообразной рубахой: центральное полотнище перегнуто пополам по утку, в центре вырезан ворот, сверху пришиты рукава; под рукавами переднее и заднее полотнища соединены двумя прямыми боковыми полотнищами, перегнутыми по основе, либо косыми боковыми клиньями. В другом типе перегнуты по утку пополам два полотнища, швы проходят посредине спины, груди и по бокам, ворот вырезан посредине центрального соединительного шва, рукава пришиты к краю стана. Покрой этого нагрудника аналогичен рубахе *панар* мордвы эрзи. Распашной нагрудник отличался разрезом в центре. Нагрудники были с длинными и короткими рукавами, часто рукавов не имели, длина нагрудника — до пояса, до колен или ниже.

Нагрудники шили преимущественно из тонкой шерстяной или полушерстяной домотканой ткани — уток из шерсти, основа конопляная или льняная, на северо-востоке в Мещёрском крае и некоторых других районах преобладали нагрудники, сшитые из холста [76]. В Рязанском крае, как и в других южнорусских губерниях, наиболее распространены были нагрудники белого цвета. В верховьях Дона в Раненбургском и Данковском уездах, как и в соседних с ними селах Тульской губ., отмечены черные нагрудники, в некоторых селениях — красные [77]. Наличие черных и красных нагрудников, как и красных понёв, бытовавших в этих районах, позволило исследователям высказать предположение о связях жителей этих районов с какими-то очень древними группами аборигенного населения [78]. В Михайловском и Пронском уездах бытовал желтый шерстяной нагрудник (*желтик*), окрашенный растительной краской [79]. Крашение одежды в желтый цвет уже в XVII в. было известно мордве, а также эстонцам. Синие холщовые нагрудники встречались под названием *синяк* в Сапожковском у., *синюшка* — в с. Секирино Скопинского у. [80]

Особенно часто во многих уездах края нагрудник называли: *шушпан, шушун, шушка, сушун, нагрудник, навершник* [81]. В Касимовском и Темниковском уездах распространен был навершник [82]. Термин

Праздничный костюм пожилой женщины (понёва и навершник). Кадомский р-н, дер. Сумерки. Рис. 1963 г. (АИЭА. РОКЭ)

Молодая женщина в понёве и навершнике. Фото конца XIX — начала XX в. (Касимовский краеведческий музей)

«нагрудник» известен в Сапожковском, Касимовском, Зарайском, Данковском, Раненбургском, Ряжском уездах[83]. Как указывалось выше, в некоторых районах (Касимовском, Темниковском, Данковском, Раненбургском уездах) туникообразный нагрудник называли сарафаном-перышко, сарахваном, сарафанчиком, а *юпа, юпочка* известны в Раненбургском, Рязанском, Михайловском уездах[84], носовчик — в Мещёрском крае[85]. Термины «носовчик» и «сарахван» для нагрудной одежды отмечены также на западе Калужской губ., что, по-видимому, свидетельствует, наряду с другими деталями одежды, о древних связях населения западных районов с рязанской мещерой.

Навершник из черной шерсти, отделанный красным штапелем: вид спереди и сзади. Данковский у. Конец XIX – начало XX в. (Данковский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2004 г.

Однодворческий костюм с понёвой и нагрудником. Данковский у. Конец XIX – начало XX в. (Данковский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2004 г.

Нагрудники были будничные и праздничные и различались отделкой. Пожилые женщины в Касимовском у. носили белые нагрудники нередко с белыми вытканными узорами и белым кружевом, ворот обшивали красной бумагой. Такие нагрудники считались также и траурными. В зависимости от характера использования нагрудник нередко имел разные обозначения. Так, в дер. Сеитово Касимовского у. самым нарядным навершником для молодых женщин считался *трочной* — безрукавный, расшитый шелком и блестками. Его надевали на невесту после венца, а на второй день молодая выходила в *добром* навершнике. По праздникам молодые женщины и девушки надевали *посвятошный* навершник, в будни — *ходильный*, дома — *будневой*[86]. Праздничный нагрудник называли добрым и во многих других рязанских селах. В селениях Заулки, Сумерки, Чермные Темниковского у.(Кадомского р-на) будничный холщовый нагрудник называли навершником, а нарядный нагрудник молодых женщин — *кружавником*. В нем они щеголяли в большие праздники, а на невесту его надевали (вместе с понёвой) на девичнике[87].

Праздничный нагрудник богато украшался аппликациями из кумача, красной шерсти, позумента в сочетании с узорным браным тканьем, вышивкой, лентами, тесьмой, блестками, кружевом и пр. Повсюду доминировал красный цвет. Во многих нагрудниках, известных по коллекциям РЭМ, белой спереди оставалась лишь небольшая часть поля нагрудника[88].

В большинстве рязанских селений нагрудники давно уже вышли из употребления, но в селах Чернава и Озерки Милославского р-на еще в 1960–1970-е гг. сохранялась *шушка* — древний тип туникообразной глухой одежды, по покрою сходной с мужской туникообразной рубахой. Шерстяная домотканая шушка, длиной до щиколоток, внешне больше напоминает женскую рубаху, чем нагрудник[89].

Душегрейка — короткая до талии, расклешенная, на лямках, гладкая спереди, со сборками сзади и по бокам; широко была распространена в северных и центральных губерниях России. Ее носили с сарафаном. На южнорусской территории она бытовала в XIX —

а)

в)

г)

б)

д)

е)

Навершники праздничные. Конец XIX — начало XX в. :
а,б,в,г) Касимовский у. (Касимовский краеведческий музей);
д,е) Темниковский у., с. Кочемирово (НМРИ).
Фото С.А. Иниковой 2003, 2006 гг.

Шушка девичья, праздничная.: вид спереди и сзади. Милославский р-н, с. Чернава.
Фото А. Линденберга 1960 г. (АИЭА. Фототека)

Женщины в праздничных костюмах 1920-х гг. Темниковский у., с. Кочемирово. Фото С.А. Иниковой 2005 г.

начале XX в. преимущественно в однодворческих селах [90]. Появление ее здесь, по всей вероятности, связано с переселением служилого сословия из центральных районов России. Душегрейка под названием *бастрог* (*бастрок*) была известна в Раненбургском и Данковском уездах. В Данковском у. ее могли называть *сарафанка, коротай, епанечка*. Здесь душегрейку носили и с сарафаном, и с понёвой, шили из штофа, кумача, китайки на подкладке, украшали аппликациями из позумента и кумача, дополняя их вышивкой и блестками [91].

Жилетка — это также короткая (до талии), но облегающая лиф безрукавка с застежками спереди. Обычно ее шили из покупной ткани — сатина, плиса и др., однотонного темного цвета, на подкладке, иногда подбивали ватой. В Сапожковском, Спасском, Ряжском, Раненбургском уездах ее называли *подживотник, прижимка* [92]. Распространение ее в Рязанской, как и в других южнорусских губерниях, возможно, относится ко второй половине XIX в. Жилетку чаще носили с домотканой юбкой и юбкой из фабричной ткани.

Корсетка является сравнительно поздней безрукавной одеждой. Корсетка состоит из лифа, облегающего грудь, и пришитой к нему в сборку нижней части. Иногда ее расширяли вставленными клиньями, а спинка могла быть подрезной. Шили корсетку из покупных тканей — ситца, сатина, атласа, шерсти, сукна, плиса; подкладку делали из холста или ситца. Иногда ее делали стеганой на вате. Передние полы и низ часто украшали пуговицами, нашивками из тесьмы, шнурков, лент. Нарядную корсетку носили девушки и молодые женщины. Во второй половине XIX — начале XX в. она была распространена во многих уездах Рязанщины [93], как и в других южнорусских губерниях. Корсетка была характерна для традиционного женского костюма центральных и восточных районов Украины.

а)

б)

Душегрейки. Данковский у.
Конец XIX – начало XX в.: а) душегрейка из красной шерсти с черной отделкой: вид спереди и сзади; б) епанечка бархатная на вате с парчовой отделкой (Данковский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2004 г.

Кофта — более поздняя легкая одежда из фабричной ткани, надеваемая поверх рубахи. Кофта в комплексе с юбкой и коротким передником распространяется в конце XIX — начале XX в., когда постепенно происходила замена традиционного костюма новыми формами, связанными с влияниями города. Через мелких торговцев и скупщиков село наводняли дешевые ситцы и другие ткани фабричного производства. Кофты были разнообразных фасонов: прямого покроя, расклешенные, приталенные с выкройной спинкой и пришитой по талии косой баской, с отложным или стоячим воротником; они украшались множеством втачных и декоративных швов, складочек, а также оборками, кружевом, тесьмой и пр. В 1920-е гг. было модным носить юбку и кофту одинаковой расцветки, обычно называемые *парочкой*. Кофта прямого покроя с длинной присборенной в талии юбкой остается излюбленным костюмом пожилых женщин вплоть до настоящего времени.

По данным этнографических обследований начала 1960-х гг., в селах Чернава, Боршевое, Озерки Милославского р-на нарядной считалась кофта (*блюза*) длиной до талии, прямого

покроя, с крылышками на плечах, сшитая из блестящего, чаще красного, шелка с нашивками из лент и кружева [94]. Ее надевали с понёвой, а девушки с шушкой. В начале 2000-х гг. ее иногда на праздники или свадьбу надевают с понёвой или юбкой пожилые женщины.

Головные уборы. Как известно, головные уборы девушек издавна отличались от головных уборов замужних женщин, которые были обязаны полностью закрывать волосы. Форма головных уборов в значительной степени была связана с прической. Русские девушки обычно плели одну косу и выпускали ее на спину, реже укладывали вокруг головы. Более архаической прической были распущенные волосы; пережитки этой прически сохранялись на Рязанщине еще в начале XX в. в свадебном, похоронном и некоторых земледельческих магических обрядах. Поэтому для девушек были характерны головные уборы, охватывающие голову в виде перевязки или обруча с открытой макушкой и шеей. Головные венчики из золотой византийской ткани или пластинчатые металлические, завязывающиеся на затылке, зафиксированы археологами во многих курганах Волго-Окского междуречья [95].

В Рязанском крае в XIX — начале XX в. отмечались разнообразные девичьи уборы, известные и в других районах России. Широко распространены были налобные повязки из ткани — холста, кумача, парчи, шелка, позумента, часто на подкладке, нередко с подложенной твердой основой (картон, проклеенный или простеганный холст), шириной 4–15 см, с завязками сзади. Они имели разные названия: *ленка, перевязка, повязка, налобник* и др. Праздничную повязку украшали золотой и серебряной вышивкой, блестками, лентами, гарусной и бисерной бахромой. В косу вплетали ленты или *косники* из ткани, лент, сшитые в форме треугольника, сердечка, расшитые бисером, с гарусной бахромой, блестками, сзади по плечам нередко спускали несколько лент [96].

В качестве девичьей повязки в конце XIX — начале XX в. более широко использовался платок: сначала домотканый, позднее фабричный. Его складывали на угол по диагонали и завертывали полосой подобно обручу, шириной 15–18 см. Концы платка завязывали сзади, спуская по плечам и нередко дополняя их лентами. Для придания платку твердой формы под него подкладывали полосу бумаги, картона или палочку.

Свадебным головным убором чаще служило полотенце. До венца им покрывали невесту поверх повязки. После венца надевали кичку с сорокой, сверх нее — полотенце (илл. т. 2. с. 81.). Свадебное полотенце шили из тонкого льняного полотна, размером 2–3 м × 40–50 см, его украшали узорным тканьем, вышивкой, кружевом, лентами. С конца XIX в. распространилась венчальная фата из тюля, батиста, обшитая лентами, кружевом, блестками и пр.

В некоторых рязанских селах девушки носили венок из искусственных цветов, птичьих перьев, позумента, бисера, лент и других украшений. В фондах РЭМ хранится венок из с. Липяги Скопинского у. Он украшен пятью крупными розетками, составленными из красных, желтых, синих петушиных перьев [97]. Крашеные перья или искусственные цветы иногда затыкали за перевязку или платок. Нередко к праздничному головному убору прикреплялись височные украшения — *пушки* в виде помпонов из гусиного пуха или кисти из разноцветных бисерных и гарусных нитей.

Косники девичьи. Касимовский у. Конец XIX в. (Касимовский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2003 г.

Девушки в праздничных нарядах. Скопинский у. Фото 1920-х гг. (Скопинский краеведческий музей)

Девушка в праздничном костюме с налобной повязкой: вид спереди и сзади. Милославский р-н, с. Чернава. Фото А. Линденберга 1960 г. (АИЭА. Фототека)

Девушки в праздничных нарядах. Сапожковский у. Фото 1920–1930-х гг. (Сапожковский краеведческий музей)

Девичий старинный праздничный костюм. Скопинский у., с. Боршевое. Фото А. Линденберга 1960 г. (АИЭА. Фототека)

Обычным девичьим головным убором был платок, покрывающий всю голову. В теплое время года девушки ходили в повязках или без головного убора либо повязывались холщовыми, ситцевыми платками, в холодную погоду — более теплыми шалями. Платок завязывали под подбородком или сзади, как косынку, а теплыми шалями обматывали шею, завязывая концы сзади или спереди на темени. В начале XX в. фабричный платок стал основным головным убором как девушек, так и женщин. Постепенно различия в девичьих и женских головных уборах стирались.

Разнообразны в Рязанском крае женские головные уборы. Женщины, в отличие от девушек, заплетали волосы на висках в две косы, укладывая их чаще спереди, стараясь на темени или на висках делать из кос возвышения — *роги*.

В XIX в. наиболее широко были распространены старинные кичкообразные головные уборы. Они считаются общерусскими, но дольше всего сохранялись в южнорусских губерниях. Упоминание о кичке впервые встречается в письменных источниках XIV в.; археологические источники отмечают уборы, сходные с кичкой, в слоях XII–XIII вв. [98]. Основные составные компоненты кичкообразного головного убора это: собственно *кичка* (*волосник*, *роги*) — часть убора с твердой основой (из бересты, простеганного холста, дерева) с прикрепленной к ней тканью со шнурками, плотно стягивающими волосы; *сорока* — обычно мягкая, из ткани, иногда с твердой основой, надевавшаяся на кичку; *позатыльник* (*позатылень*) — мягкий, сделанный из ткани или с твердой основой, закрывающий затылок и шею; *налобник* — узкая полоса ткани с завязками, украшенный край которой выпускали на лоб из-под сороки. Этот сложный головной убор нередко дополняли ленты, шнуры, кисти из разноцветного шелка, гаруса, шарики из гусиного пуха, перышки селезня или павлина и многие другие красочные украшения.

В одном и том же уезде, в волости и даже в соседних селах отмечались разные варианты кичек. Об этом еще в середине XIX в. писал М. Баранович: «Каждый приход отличался один от другого кичками. В Михайловском и Пронском уездах на правой стороне

Девичий венец. Пронский у., с. Панкино

Кокошник. Раненбургский у.

Полотенечный женский головной убор. Касимовский у., с. Лубяники

Сорока, не скрывающая форму рогатой кички, позатылень, заушники. Михайловский у., с. Плахино

Сорока и позатылень (сзади). Сапожковский у., пригородная слобода Сапожковское Городище

Повойник. Рязанского у., с. Бусаево

Конец XIX – начало XX в. (РИАМЗ. Экспозиция). Фото С.А. Иниковой 2006 г.

Прони кички низкие — комолые, на левой стороне Прони — рогатые, в Спасском у. — остроконечные, близ Рязани — широкие, в Вышгороде (Рязанский у.) — троерогие, есть кички досчатые, наподобие старинных кокошников, круглые, четырехугольные, прямые, в Раненбургском у. перевязывают кички большим полотенцем и заботятся, чтобы концы его как можно длиннее висели. Кичка… начинает исчезать даже в степной стороне, в прочих местах выходит из моды и заменяется подвязками из платков» [99].

Старинный праздничный наряд. Михайловский у. Фото конца XIX – начала XX в. (РИАМЗ. Фототека)

Во многих рязанских уездах бытовали древние рогатые кички. По данным археологических раскопок, в XIII в. рогатые кички с золототканым очельем носили зажиточные горожанки в Старой Рязани [100]. Рогатые головные уборы в XIX в. наиболее ярко отражены в одежде южнорусского населения Окского и Донского бассейнов [101]. Во многих селах Рязанщины бытовали кички с высокими рогами (высотой от 12–15 до 20 см), стоявшими вертикально. Такие кички считаются наиболее древними. Основанием рогов часто служила твердая основа в форме подковы, облегающая лобную часть головы. Нередко твердая холщовая основа имела форму копыта с длинными концами, торчащими кверху, или она сооружалась из вертикально поставленной дощечки с высокими рогами на концах, обшитыми холстом [102]. Встречались кички с твердой основой в форме подковы или копыта, заканчивающиеся рогами, обращенными назад [103]. Бытовали и более примитивные кички с рогами, сделанными из изогнутой полуовалом деревянной палочки (или пластинки), к ней пришивали холщовый повойник. Такие кички чаще покрывали платком [104].

В Рязанской губ. бытовали и другие формы кичек: копытообразные в форме конского копыта, подковообразные, котелкообразные в виде полуовала или круга. Обычно их шили из холста, сложенного в несколько слоев и для твердости простеганного и пропитанного маслом или молочной сывороткой. Высокими были лопатообразные кички в форме вертикально поставленного на темени или надо лбом прямоугольника или трапеции, сделанные из холста, бересты, дощечки. Высота такой кички колебалась от 4 до 20 см [105]. «У женщин кички с высокою на макушке лопатою», — писал в середине XIX в. корреспондент из с. Кидусово Спасского у. [106]. Лопатообразные кички в форме трапеции иногда называли рогами, так как острые боковые концы верхнего края дощечки, направленные в противоположные стороны, напоминали рожки [107].

Кичку носили преимущественно в комплексе с понёвой, в отдельных местах с домотканой юбкой и сарафаном.

В конце XIX — начале XX в. кички стали постепенно исчезать. Против рогатых кичек выступали и помещики, и священники. Известны случаи, когда священники не пускали в церковь женщин в рогатых уборах, считая их «уподоблением дьяволу» [108]. В 1890 г. корреспондент ОЛЕАЭ из Сапожковского у. сообщал: «Лет 30 или 40 назад священник отец Петр Вознесенский запретил носить рогатую кичку, а непослушных лишал исповеди и святого причащения. Горько было крестьянкам расставаться со своим, освященным веками убором, и покрываться платком» [109].

Сорока — верхняя часть убора, надеваемая на кичку. Обычно ее шили из двух или трех кусков холста, покрытого кумачом, шелком, бархатом: заднюю часть сороки составлял прямоугольный холст (*хвост, задок*), спереди по лбу лежал удлиненный кусок холста (*очелье, чело, налобник, макушка*), с боков были *крылья.*

В Рязанской, как и в других южнорусских губерниях, бытовали разнообразные виды сороки, они, так же как понёвы и кички, служили маркером принадлежности женщин к определенной группе селений. Сороки варьировали по степени сшитости отдельных частей, по форме и способу украшений.

Наиболее примитивными и, видимо, более старинными были сороки, обнаруженные в Касимовском у. Сорока из с. Мелехово состояла из несшитых кусков холста: из квадрата, накладываемого на верхнюю часть головы, и продолговатого куска ткани, который повязывали по очелью и завязывали сзади. Еще более архаичный тип сороки бытовал в с. Чучково: это был прямоугольный кусок холста с пришитыми по бокам широкими завязками (*крылышками*) [110]. Наличие подобных экземпляров указывает на связь сороки с полотенчатыми головными уборами.

Во многих рязанских сороках, известных по музейным коллекциям конца XIX — начала XX в., отдельные их части сшиты лишь частично. Обычно задний кусок ткани или донышко были не до конца сшиты с передней частью, боковые крылья и нижняя часть хвоста оставались свободными. В числе таких сорок выделяется несколько форм: с верхом, вырезанным в виде рогов, с овальным верхом, с прямоугольным верхом. Обычно форма сороки связана с формой кички, но нередки сороки, скрывающие форму кички, например, форму рогатой кички.

Сороки с овальным верхом. Касимовский у. Конец XIX в. (Касимовский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2003 г.

Сороки, не скрывающие форму рогов, по-видимому, были более старинными. Ярко выраженные рогатые сороки отмечены в Богословщине Михайловского у. [111] и в дер. Александровка Сапожковского у. Изучив изменения сороки в с. Бояновичи Калужской губ., Н.И. Лебедева проследила превращение рогатой сороки в сороку с овальным верхом, скрывающую рогатость кички [112].

Сорока с овальным верхом обычно связана с рогатой, котелкообразной и копытообразной кичкой. Сорок этого типа из различных уездов Рязанской губ. много в коллекциях РЭМ [113]. Сороки с овальным верхом бытовали почти во всех южнорусских губерниях. Распространена была и сорока с прямоугольным верхом, связанная чаще с лопатообразной кичкой [114]. В с. Исады Спасского у. бытовала сорока с треугольным верхом и длинным хвостом [115]. Сороки с хвостом в виде длинной наспинной лопасти, украшенной лентами и позументом, встречались также в Воронежской и Тамбовской губерниях. Они были характерны для мордвы, марийцев, чувашей, что свидетельствует о давних культурных взаимосвязях между народами этих районов [116].

Известны и сороки в форме шапочки, крылья которой сшиты с донышком (макушкой) и задней частью (хвостом). Это, по-видимому,

последняя стадия развития сороки. Если такая сорока укреплялась на твердой основе, ее нередко называли *кокошником.* По материалам РЭМ, сороки в форме шапочки бытовали в Скопинском, Раненбургском, Спасском, Касимовском уездах [117].

Праздничные сороки украшались вышивкой, позументом, парчой, нашивками из шелка, бархата, блесток, бисера и т. п. Старинные малосшитые сороки покрывались вышивкой в настил разноцветными шелковыми, шерстяными, серебряными, золотыми нитями. На Рязанщине преобладали цветовые композиции из черных, коричневых, желтых, темно-красных нитей, орнамент — геометрический и стилизованный растительный [118]. Украшали налобную часть сороки, а нередко и хвост (илл. с. 495, 501).

Позатыльник (позатылень, *затыльник, задок*), надетый под сороку, свисал из- под нее, закрывая часть затылка, шею и плечи. Верхняя часть позатыльника (*колодочка*), сшитая из холста, обтянутого кумачом или шерстью, была прямоугольной или трапециевидной формы, сбоку к ней пришивали завязки. Часть колодки, выступающую из-под сороки, украшали позументом, блестками, лентами. К колодке прикрепляли нижнюю часть позатыльника, составленную преимущественно из спускающихся вниз нитей с нанизанным бисером (*подниз*ь), окаймленных рамками из плетеного разноцветного бисера. С боков колодочки около ушей нередко спускали длинные нити из бисера или гарусных шнурков, иногда полоски из узорного бисера, украшенного позументом, с кисточками из гаруса или бисера на концах [119]. Поверх сороки часто надевали платок или полотенце.

Кичкообразный убор дополняли и многие другие мелкие детали, обычно служившие украшениями. В Богословщине (Михайловский у.) к сороке пристегивали *увивку* — украшенную полоску ткани с прикрепленными к ней лентами, свисавшими около ушей. Из-под позатыльника по спине свешивался длинный шнур из бус, позумента и разноцветного бисера и гаруса [120]. Около ушей укрепляли шарики из гусиного пуха — пушки, распространенные во всех южнорусских и средневолжских губерниях. В Кадомском р-не пожилые женщины помнят *связку,* которая состояла из кумачового налобника, украшенного бисером, бахромой и лентами; сзади к нему прикреплялись две большие лопасти (30 × 31 см), украшенные гарусом и лентами. Связка, надеваемая поверх сороки, спускалась на спину. Еще ранее носили холщовую связку с вышивкой [121]. В Сапожковском у. связкой называли полосу из холста с вышитыми концами, ее повязывали по лбу, концы завязывали сзади и распускали по плечам [122]. Сложный кичкообразный головной убор состоял из четырехвосьми отдельных частей, а иногда их число доходило до 14. Он был тяжелым и неудобным. Термины «кичка», «сорока» могли относиться не только к отдельным компонентам, но и ко всему комплексу сложного убора. В с. Котелино Кадомского р-на головной убор, составленный из 13 частей, называли *нарастилкой.* Его надевали по большим праздникам, считая «годовоськой нарядой» [123]. В с. Чучково Сапожковского у. сложный кичкообразный убор, состоявший из девяти частей, называли *круза*, в селах Напольное и Мордово того же уезда подобный убор, составленный из пяти частей, назывался *чепец* [124].

Кокошник — нарядный на твердой основе головной убор, широко распространенный во многих русских губерниях, бытовал преимущественно на юге Рязанщины: в Данковском и Раненбургском уездах. Кокошники из парчи, позумента, бархата, шелка шили специальные мастера. На его нижнюю подкладку шел холст, сатин, ситец, а твердую основу делали из картона или холста, проклеенного тестом. Обычно кокошник служил праздничным головным убором молодых женщин.

В южнорусских районах кокошник, так же как и сарафан, появился, по-видимому, в результате массового переселения в XVI–XVII вв. из центральных и северных районов России русских служилых людей (а позднее и других сословных категорий). В южнорусских районах кокошник испытал влияние местных форм кичкообразных головных уборов, многие из которых развивались на древней местной основе. Бытовали также переходные формы головных уборов между сорокой, кокошником и *повойником*. В некоторых селениях Скопинского, Данковского и других уездов головные уборы в форме мягкой шапочки, больше похожие на повойник, называли кокошником [125].

Однодворческие праздничные костюмы. Липецкая обл., Чаплыгинский р-н (бывш. Раненбургский у.), с. Колыбельское. Фото А.К. Виноградова 2003 г.

а) б)

Кокошники: а) Ряжский у. Конец XIX в. (Ряжский краеведческий музей); б) Данковский у., с. Баловнево. Начало XX в. (Данковский краеведческий музей)

Кичка: вид снаружи и с изнанки. Данковский у. Начало XX в. (Данковский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2004 г.

Повойник. Данковский у. Конец XIX в. (Данковский краеведческий музей)

На юге Рязанской губ. бытовал кокошник в форме цилиндрической шапки со скошенной покатой задней частью [126]. Такие кокошники были распространены также в Воронежской и Тамбовской губерниях, они встречались чаще в однодворческих селах. В Рязанской губ. их носили обычно в комплексе с сарафаном или полосатой юбкой. Со временем подобные кокошники становились модной одеждой и в соседних селах государственных крестьян.

Повойник, *сборник*, *шлык* относятся к мягким головным уборам, сшитым в форме шапочки или чепца из легкой фабричной ткани с завязками сзади. Их обычно надевали на волосы под платок. Край повойника, выпускаемый из-под платка, иногда украшали лентой или полоской позумента с нашитыми на ней бусинами, бисером, блестками и др. Эти головные уборы повсеместно распространились в конце XIX — начале XX в., вытесняя во многих селах более сложные кичкообразные. Мягкие головные уборы часто использовались в качестве будничных, поэтому нередко бытовали одновременно с кичкой, сорокой или кокошником.

В некоторых рязанских селах повойник был переходным головным убором от кички или сороки. Так же как и в кичке, в повойник могли вшивать тугой валик в виде изогнутого жгута или палочки. Иногда повойник шили из шелка, бархата или парчи на подкладке с твердой основой, украшали бисером, блестками, лентами. В этом случае повойник выполнял функцию праздничного головного убора [127].

По традиции, во многих рязанских селах повойник обычно надевали на косы, из которых, как и прежде, на висках или на темени делали возвышения, или под платок, для придания ему более высокой формы, подкладывали матерчатый тугой валик, поверх валика укрепляли поднятые на макушку косы, имитируя небольшие рожки [128]. Традицию делать из кос рожки этнографы наблюдали в отдельных селениях даже во второй половине XX в., а в с. Чернава Милославского р-на и в с. Секирино Скопинского р-на она сохраняется и в наши дни [129].

Мужская одежда

Мужской костюм в Рязанском крае, как и повсюду у русских, был значительно однообразнее по сравнению с женским. Традиционная мужская одежда быстрее нивелировалась под воздействием городской моды. В XIX — начале XX в. носили туникообразные рубахи типичного русского покроя из домотканого холста. Основу составляло центральное полотнище, перегнутое по утку, на месте сгиба сделан разрез ворота, плечевые швы отсутствовали, сверху к полотнищам были пришиты рукава. Сбоку центральные полотнища соединялись полотнищами, перегнутыми по основе, нередко их скашивали. Разрез ворота расположен на левой стороне груди, воротник сделан в виде узкой стойки. Ворот, низ рукавов и подол праздничной рубахи украшали кружевом,

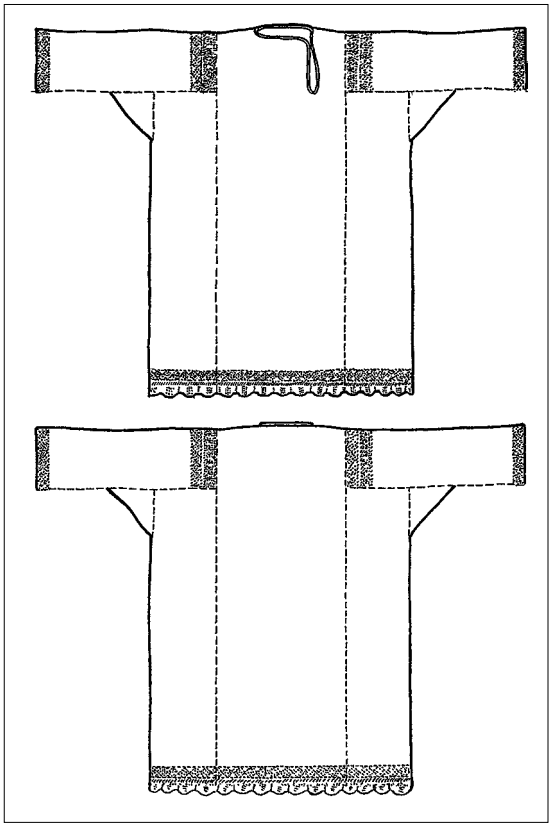


Схема покроя мужской венчальной рубахи. Скопинский у., с. Боршевое. Середина XIX в. Рис. 1960 г. (АИЭА. РОКЭ)

а)

б)

Мужская одежда: а) свадебная рубаха-косоворотка. Данковский у., дер. Щегловка; б) штаны (порты) из домотканого холста. Данковский у. Конец XIX – начало XX в. (Данковский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2004 г.

Парень в ситцевой рубахе и поярковой шляпе-гречневике и девушка. Рязанский у., с. Рыкова Слобода. Рис. Н. Ловцова 2-й половины XIX в. (АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 224)

вышивкой и узорным тканьем, преимущественно красного цвета. Холст для праздничных рубах и рубах молодых парней нередко окрашивали в красный цвет. В конце XIX и особенно в начале XX в. распространяется *косоворотка* из ситца или кумача, а домотканая туникообразная рубаха постепенно становится рабочей, будничной одеждой и одеждой стариков [130].

Штаны (*порты, портки*) в XIX в. шили из домотканого холста. Крой их был издавна распространен в большинстве русских губерний. Они имели неширокие штанины (*калоши*), суживающиеся книзу, каждая из которых кроилась из полотнища холста, перегнутого по основе. Калоши соединялись двумя трапециевидными клиньями такой же длины, как сами

калоши, и укреплялись вверху на *гашнике*. Холст окрашивали часто в синий цвет или набивали ткань полосками, обычно синими и белыми.

Уже в конце XIX — начале XX в. в деревнях появляются штаны и брюки из фабричной ткани. В значительной степени этому способствовал отход мужского населения на заработки, что особенно было распространено в северных уездах губернии. Домотканые порты во многих рязанских селениях стали служить рабочей, домашней или нижней одеждой. Часто их носили лишь старики и дети, но в некоторых южных земледельческих селениях еще в начале XX в. даже молодые мужики ходили в *свойском* и лишь к венцу надевали ситцевую косоворотку и брюки [131].

Зимой мужчины носили высокую цилиндрической формы суконную шапку с маленькими полями (*гречневик, черепенник*), круглую меховую шапку с суконным околышем, меховую высокую шапку, шапку-ушанку, летом — *шлык* из холстины, соломенную шляпу, картуз, позднее кепку [132].

Верхняя одежда

Верхняя одежда, надеваемая поверх комнатной, различалась по материалу, покрою, отделке и функциональному использованию: в качестве зимней, осенне-весенней, летней, будничной, рабочей, праздничной. Верхняя одежда русских Рязанского края существенно не отличалась от крестьянской одежды других районов. В ней, как и повсюду, сравнительно слабо были выражены половозрастные различия. Эта одежда шилась из домотканых сукна, шерсти, холста, из овчины, позднее из фабричных материалов. В некоторых местах шитьем и выделкой этих материалов занимались специалисты кустари, кое-где существовали и мелкие кустарные производства.

Старик в свите, поверх нее – овчинный тулуп, на голове – треух; мужчина в свите с поярковой шляпой-гречневиком в руке. Рязанский у., с. Рыкова Слобода. Рис. Н. Ловцова 2-й половины XIX в. (АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 224)

Сукно и шерстяная ткань обычно сохраняли цвет овечьей шерсти — коричневый, черный, серый, реже белый. Белая суконная верхняя одежда, известная в Данковском у., имела сходные черты с одеждой народов Поволжья. Следует иметь в виду, что белые зипуны были распространены также на западе, в Жиздринском у. Калужской губ., в Смоленской и Псковской губерниях, на значительной части Белоруссии и Восточной Украины, а также у литовцев, латышей, поляков, сербов, словаков [133].

В XIX — начале XX в. в Рязанском крае, как и в других русских губерниях, бытовала преимущественно распашная верхняя одежда. Широко была распространена так называемая халатообразная одежда, расширяющаяся внизу, однобортная, с запахом справа налево. Ее надевали в дорогу или в непогоду поверх другой верхней одежды, носили нараспашку или подпоясав кушаком. Она шилась из одного

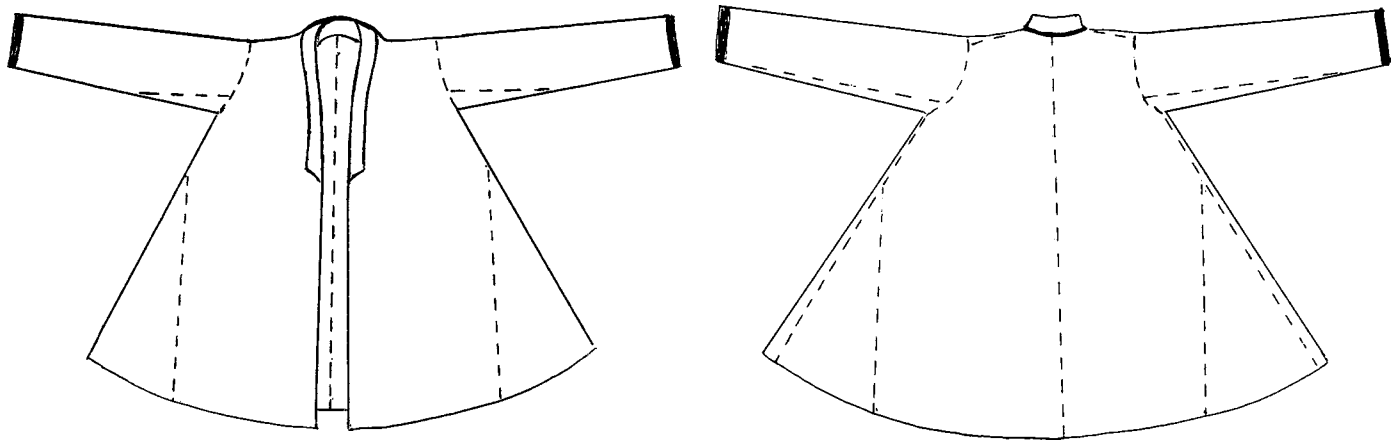
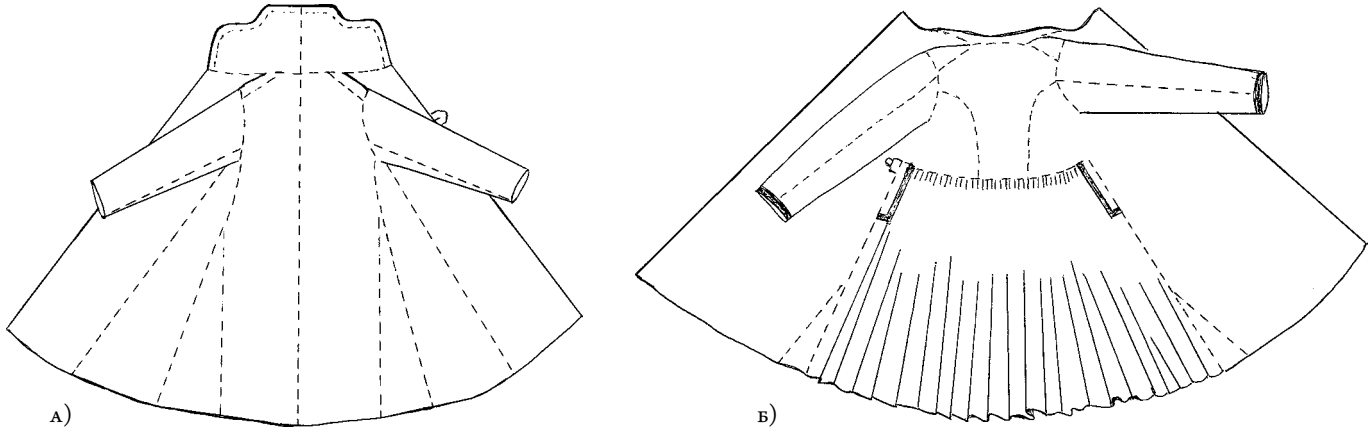


Схема покроя верхней распашной халатообразной одежды:
вид спереди и сзади. Милославский р-н, с. Чернава. Начало XX в. Рис. 1961 г. (АИЭА. РОКЭ)



а) б)

Схема покроя верхней распашной одежды. Елатомский у., с. Полтевы Пеньки (Кадомский р-н, с.Восход). Начало XX в.: а) свита или чуйка; б) армяк. Рис. 1963 г. (АИЭА. РОКЭ)

или двух задних и двух передних прямых полотнищ, соединенных между собой швом на плечах, а сбоку между полотнищами были вставлены косые клинья. Ранее, по-видимому, была известна и более старая форма: туникообразный покрой без швов на плечах. Халатообразная одежда имела в рязанских селениях разные названия: термин *халат* был известен в Касимовском, Егорьевском, Михайловском, Скопинском, Сапожковском уездах, *армяк* — в Касимовском, Спасском, Рязанском, Михайловском, Скопинском, Ряжском, Пронском уездах, *зипун* — в Касимовском, Михайловском, Сапожковском, Скопинском, Ряжском, Пронском, Спасском уездах, *свита* — в Спасском, Михайловском, Рязанском, Касимовском, Скопинском, Сапожковском, Шацком, Ряжском уездах, *серяк* — в с. Исады Спасского у., *пониток* — в Касимовском, Михайловском, Скопинском, Ряжском, Сапожковском уездах[134]. В некоторых селах Пронского, Спасского, Рязанского, Михайловского, Скопинского, Ряжского уездов халатообразную одежду называли *кафтаном, шушпаном,* в с. Чернава Скопинского у. — *чекменем*[135]. Такие термины, как «зипун», «чекмень», «кафтан», «пониток», были распространены и в других русских губерниях, но применительно к халатообразной одежде они были известны в основном в южнорусских губерниях, причем термин «пониток» чаще встречался в Рязанской губ.

Распространена была также и одежда, зауженная в талии, спинка которой выкроена по фигуре из цельного полотнища; ниже талии в нее вшиты клинья, образующие объемные сборки или складки (*фанты, фалды, клинья*). Эту одежду шили из домотканого сукна и полушерстяной ткани, а с конца XIX в. для нее нередко использовали фабричные

Рязанские девушки в халатообразных шушпанах. Фото Н.А. Кособрюхова 1916 г. (РИАМЗ. Фототека)

а)

б)

Домотканая шерстяная женская халатообразная одежда: а) чекмень: вид спереди и сзади; б) халат. Милославский р-н, с. Чернава. Фото А. Линденберга 1960 г. (АИЭА. Фототека)

ткани темного цвета. Названия ее различны, одним и тем же термином часто называли разную по покрою верхнюю одежду, что могло свидетельствовать о трансформации одного типа в другой. Зауженную в талии одежду чаще именовали зипун и кафтан, в Касимовском у. известен термин *бугай*[136].

В Скопинском и Данковском уездах бытовала верхняя женская одежда — *кодман*, сшитая из черной шерстяной ткани. По покрою кодман напоминал мужскую туникообразную рубаху, но в нем не было разреза для ворота, а рукава оставались несшитыми. Кодман носили на плечах, как накидку или плащ, перекидывая боковые полотнища через плечо наперед, надевали в большие праздники, когда шли в церковь, завертывали в него детей; изношенный кодман надевали на работу, во время ненастья накидывая на голову[137].

Сравнительно поздней была приталенная двубортная одежда, в которой задние полотнища, а иногда и передние, перерезаны по линии талии. Нижняя половина этой одежды присборена по талии или сшита из клиньев, образующих фалды. Эту одежду чаще шили из фабричных тканей на подкладке, а порой и на вате. Применительно к ней существовало много названий: широко использовали традиционный термин «зипун», во многих рязанских селениях ее называли *поддевкой*, в с. Романовы Дарки короткий зипун называли *коротышом*, в Кадомском р-не одежду с отрезной спинкой называли *ярмяком*, в с. Котелино того же района говорили *пониток*. Интересно, что в с. Романовы Дарки, а также в некоторых селах Михайловского, Спасского, Шиловского, Сасовского районов ярмяком именовали халатообразную одежду[138]. Возможно, это свидетельствует о том, что этот тип одежды был видоизменением двух предыдущих. В начале 1960-х гг. старожилы с. Чермные Кадомского р-на вспоминали, что в конце XIX в. в селе носили зипун *с фантами*, а позднее — зипун *со скобкой*, т.е. отрезной в талии, со сборами[139].

В зимнее время, как и повсюду, использовали тулуп, шубу, полушубок, сшитые из овечьих шкур общераспространенного покроя. Более зажиточные крестьяне нагольную шубу (мехом внутрь) покрывали тканью. Богатые женщины щеголяли в шубах на лисьем или заячьем меху, покрытых нанкой или шерстью.

В конце XIX — начале XX в. в сельской местности наряду с прежними появляются и новые формы верхней одежды прямого и приталенного покроя и с отрезной спинкой, сши-

тые из фабричной ткани. Распространяются распашные однобортные со скошенной спинкой, без застежек, или двубортные с застежкой, кофты на вате или только на подкладке — *холодайки, разлетайки, кохты*, прямоспинные *саки*, различного покроя пальто на вате или на меху, мужские пиджаки, сюртуки, жилеты и пр. Значительная часть традиционной одежды исчезла из употребления в 1930-е гг., но тулупы, шубы, полушубки, зипуны, поддевки и пр. в деревне еще продолжали носить и в послевоенные годы, особенно старшее поколение.

Навесные украшения

Пояс. Неотъемлемой принадлежностью русского, в том числе и рязанского традиционного (женского и мужского), костюма с давних времен был пояс. Подпоясывали мужскую и женскую рубаху, понёву, юбку, сарафан, верхнюю одежду. Пояс, помимо своего практического назначения, служил украшением одежды, а также выполнял функцию оберега, поэтому особенно большое значение ему придавалось в свадебных обрядах. По старинным поверьям, сохранявшимся во многих районах Рязанщины до конца XIX — начала XX в., ходить без пояса было так же грешно, как и без креста.

Пояса могли быть широкими (примерно от 15 и до 40 см): *кушак, покромка, опоясина, подпояска, подвязка* и пр., и узкими (примерно от 1 до 10 см): *покромка, опояска, подживотник*. Длина их была различной, иногда до 3–5 м. Женские пояса были более длинные, и их обертывали вокруг талии несколько раз. Пояса чаще завязывали сбоку, а также сзади или спереди.

На мужском поясе закреплялся кожаный мешочек, в котором носили деньги и прочие мелкие принадлежности. За поясом могли держать нож, гребень. К женскому поясу пришивали матерчатый карман для ключей, денег, лакомств и др.

Пояса-кушаки, домотканые шерстяные. Конец XIX – начало XX в.: а,б,в) Данковский у. (Данковский краеведческий музей); г) Ряжский у. (Ряжский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2004 г.

а)

б)

г)

в)

Концы поясов: а) Скопинский р-н. 1-я половина XX в. (Коллекция М.В. Бондаревой); б) Милославский р-н, с. Чернава. 1950-е гг.; в) Ухоловский р-н, с. Дегтяные Борки. 1920–1930-е гг.; г) Скопинский у. 1950-е гг. (Скопинский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2002, 2005 гг.

В Рязанском крае преобладали тканые пояса. Их ткали на стану, на дощечках, на нить (см. с. 406). Плетеные пояса отмечены в Ряжском и Скопинском уездах. Витой шнур из двух-трех прядей ниток бытовал в Спасском и Рязанском уездах[140]. Материалом служили разноцветные шерстяные, льняные и конопляные нитки. Мужскую рубаху и верхнюю одежду подпоясывали также кожаными поясами.

Карман, укрепленный на поясе, расшитый бисером. Спасский у., с. Тырновская Слобода. Конец XIX – начало XX в. (РИАМЗ. Экспозиция). Фото С.А. Иниковой 2006 г.

При изготовлении праздничного пояса ему стремились придать яркое эстетическое звучание. Он мог быть одноцветным и многоцветным, богато орнаментированным. Например, в селах Чернава, Секирино, Петрушино Скопинского у. девушки подпоясывали шушку двумя широкими длинными поясами — красным и зеленым. Обернув пояс дважды вокруг талии, завязывали и спускали длинные концы сзади и по бокам. В Сапожковском у. черной или синей покромкой девушки подпоясывали рубаху, а женщины юбку.

В Скопинском у. были известны широкие кушаки с узором из двенадцати разноцветных продольных полос. На концах у них были пришиты привески — полуовалы из картона, обшитые разноцветными лентами и бисером[141].

Концы праздничных поясов — широких и узких — отделывались нашивками из позумента, блесток, бисера, лент, а заканчивались они кистями, бахромой, помпонами из разноцветных шерстяных нитей. Более узкие тканые пояса украшались линейно-геометрическим орнаментом, мотивами ромба, усложненным гребенчатым рисунком, узорами из перекрещивающихся линий.

Кроме поясов, изготовленных местными жителями, в конце XIX — начале XX в. использовали и покупные пояса кустарного и фабричного производства. Пояс в качестве одного из старинных элементов праздничного костюма сохраняется в некоторых рязанских селах вплоть до последнего времени.

Украшения нагрудные и шейные, височные, ручные, наспинные. Особенно разнообразны были нагрудные и шейные украшения: ожерелья, бусы, цепочки, полоски ткани, ленты. Так же как и во многих других южнорусских губерниях, излюбленными были украшения из бисера. Повсюду бытовали цепочки, плетенные из разноцветного бисера, — *гайтан, чепка, цепочка, чётки, чопки, жерелки*. Они могли быть короткими и длинными (до 1,5 м), обычно шириной 2–3 см, внизу концы их соединялись вместе и заканчивались крестиком, бисерным прямоугольником, гарусной бахромой. Иногда такой же формы украшение состояло из бисера, нашитого на полоску ткани.

Нагрудное украшение из бисера. Милославский р-н. I-я половина XX в. Рис. 1960 г. (АИЭА. РОКЭ)

В Сапожковском у. женщины носили по шесть-семь ниток черного каруса. В иных селах это были черные плетенные из каруса шнуры, отделанные бисером с крестиком на конце. Во многих селах особенно нарядной

считалась сплетенная из крупного разноцветного бисера сетка, которая ложилась широким полукруглым воротником, закрывавшим часть груди и плеч (*жерелок, ожерелок, ожерелье, поджерелок*). В некоторых селах (Вослебово, Секирино, Ермолово и др.) Скопинского у. шею и ворот рубахи закрывал стоячий воротник в виде ленты, низанной из бисера (чётки)[142]. Иногда бисерные украшения в определенном порядке надевались одно на другое, образуя нечто вроде нагрудника. Так, в Секирине до сих пор на праздники отдельные женщины надевают чопки (несколько нитей черного бисера, с двух сторон концами присоединенные к полоскам ткани, верхние концы которых соединяются сзади на шее), сверху надевают *размётки* из белого и черного бисера (поперечные нити бисера крепятся к нескольким вертикальным, по форме напоминают веер), на шею надевают застегивающийся сзади плетеный воротник из разноцветного бисера на стойке из ткани.

Воротники из бисера в виде сетки, бисерные цепочки и вообще обилие украшений из бисера характерно для финно-угорских народов Поволжья, и такое пристрастие рязанских крестьянок к бисеру, на наш взгляд, свидетельствует о древних взаимосвязях славян с аборигенным финно-угорским населением, проживавшим на территории Рязанского края.

Повсеместно бытовали бусы из дутых или граненых стеклянных бусин типа елочных гирлянд (илл. с. 461). Встречались бусы из высушенных ягод и плодовых коробочек. Янтарные бусы были характерны для костюма бывших однодворок. Они отмечены в Сапожковском у., где проживало много однодворцев. Там янтарные бусы нередко покупали в приданое девушкам. В однодворческих селах Данковского у. женщины надевали по пять-шесть ниток янтаря, а бисерные украшения они считали принадлежностью помещичьих крестьянок[143].

Гарусные и шелковые шнуры, бисерные цепочки, а позже — ленты нередко украшали также плечи и спину. Они могли составлять часть головного убора, а могли надеваться и дополнительно к нему. По форме и назначению они схожи с длинными хвостами отмеченных выше рязанских и тамбовских сорок.

В понёвном комплексе Рязанской, а также Тульской и Воронежской губерний известны наспинные поясные украшения в виде свисающих от талии полос, обшитых кумачом и лентами. Их аналоги встречаются в одежде финно-угров Поволжья[144].

Височные и ушные украшения непосредственно связаны с головными уборами. Наиболее старинными были подвески из гусиного пуха (пушки), птичьих перьев и бисера. В XIX — начале XX в. распространяются шарики, шнурки или кисти из разноцветного гаруса (*пуклы, песы, пушки*).

Повсюду бытовали металлические серьги. На пальцах носили медные, оловянные, реже серебряные и золотые кольца и перстни.

Обувь

Наиболее распространенной мужской и женской обувью в XIX, а во многих, преимущественно южных районах и в начале XX в., летом и зимой были лапти, плетенные из липовых лык. В Пронском, Михайловском, Данковском, Раненбургском, Скопинском, Ряжском уездах преобладали *лапти московского типа*, выполненные техникой косого плетения, с круглой головкой, высоким задником и толстыми бортами. По бокам бортов укрепляли палочки, за которые зацепляли *оборы*. В праздничных лаптях характерно наличие *писаной* головки, т.е. плетенной из более тонких и хорошо очищенных лык. Основная область распространения московского лаптя — бассейны рек Москвы и Оки, верховья Волги. В прошлом это основная территория Рязанского княжества, частично Московского княжества, а также и верховья р. Оки, т.е. область, связанная по археологическим данным с вятичами. В ходе московской колонизации этот тип лаптя проник в более южные центрально-черноземные губернии, а также на север, юг и запад[145].

В северной части Рязанского у., в Касимовском, Спасском, Сапожковском, частично в Ряжском, а также в Елатомском, Темниковском уездах бытовал так называемый

а)

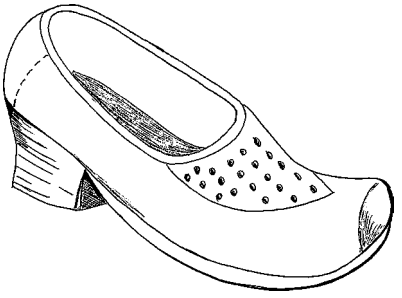
б)

Лапти московского типа. Скопинский у.: а) с. Ермолово, б) с. Вязовёнка. Начало XX в. (Скопинский краеведческий музей). Фото С.А. Иниковой 2005 г.

Лапоть мордовского типа. Клепиковский р-н, дер. Борисково. Середина XX в.
Фото С.А. Иниковой 2005 г.

Лапти для сырой погоды на деревянных подставках. Сасовский р-н (Сасовский краеведческий музей).
Фото Л.А. Тульцевой 2000 г.

Башмаки, сплетенные из лыка.
Новодеревенский р-н,
с. Благие. 1920–1930-е гг.
Фото С.А. Иниковой 2005 г.



Башмак женский из кожи. Милославский р-н, с. Чернава. I-я половина XX в. Рис. И.М. Семашко 1960 г. (АИЭА. РОКЭ)

Сапог женский с голенищем, собранным гармошкой, и с медной подковой на каблуке. [Из кн.:Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. (Середина XIX – начало XX века). М., 1967]

мордовский лапоть. Этот тип лаптей плели техникой косого плетения из липовых лык, но они имели головку трапециевидной формы и специальные петли из лыка с боков и сзади для продергивания обор. Такой лапоть был характерен для мордвы и потому получил свое название. У русских он бытовал также в Керенском у. Пензенской губ., в Муромском, Меленковском, Суздальском уездах Владимирской губ. [146]. Эта территория связана с древними финскими могильниками муромы и мещеры. Мордовский лапоть был одним из компонентов финно-угорской культуры, вошедших с состав материальной культуры русских в процессе и в результате их культурных взаимовлияний.

В сырую погоду лапти прикрепляли к деревянным подставкам, чтобы не промочить ноги. Их надевали с холщовыми, шерстяными и суконными обертками (*онучи, завои, повилы*), обычно белого цвета, длиной до 1,5–2 и более метров. В Касимовском, Сапожковском, Скопинском, Михайловском, Темниковском уездах встречались черные шерстяные онучи (*завои, повилы*), бытовавшие у угро-финнов Поволжья [147].

Онучи закреплялись на ноге длинными шнурками — оборами, их делали из кожи, пеньки, льна и шерсти. Наиболее употребительны были оборы, свитые из конопляных, льняных и хлопчатобумажных нитей. Шерстяные оборы черного цвета известны в Сапожковском у., красные оборы встречались в Касимовском у., в частности у этнографической группы куршаков. Красные и черные оборы носила мордва [148].

В конце XIX и особенно в начале XX в. во многих рязанских районах большой популярностью стала пользоваться кожаная обувь. В одних селениях она еще долго оставалась лишь праздничной выходной обувью, в других сапоги, туфли, башмаки вытесняют лапти, последние становятся только домашней и рабочей обувью либо обувью бедняков. Так, в 1890-е гг. в селах Егорьевского у. и Спас-Клепиковской вол. Рязанского у., в других районах с развитой ремесленной деятельностью и городским влиянием лапти надевали только в поле и то очень редко. Очень часто крестьяне не умели плести лапти и покупали их готовыми [149]. Мужчины носили летом и зимой сапоги с высокими голенищами, пришивной кожаной подошвой, с *набором*, т.е. длинное голенище набирали в сборку. Праздничной женской обувью были открытые туфли (*коты*, башмаки, *тухли*) из грубой кожи с небольшим каблуком и железными подковками на подошве, украшенные медными пистонами, строчкой из разноцветных ниток или аппликациями из цветного сафьяна. Такие туфли обычно носили с длинными вязаными шерстяными чулками, собранными на ногах гармошкой. Чулки были белыми, полосатыми, а в с. Новое Еголдаево Ряжского у. в праздник женщины щеголяли в красных и зеленых чулках. Во многих рязанских селах женщины считали красивыми толстые ноги, поэтому под чулки в любое время года они наматывали несколько онуч [150]. Под влиянием городской культуры постепенно распространялись женские башмаки на шнуровке, закрывавшие щиколотку, ботинки, полусапожки на резинке или шнуровке, мужские штиблеты и др. Кожаная обувь фабричного производства стала повседневной лишь в 1920–1930-е гг. Валенки, как и резиновые калоши, во многих земледельческих селениях носили лишь зажиточные крестьяне. Широкое распространение они получили в начале XX в.

Таким образом, анализ компонентов традиционной одежды Рязанского края показывает разнообразие форм, возникновение которых в значительной степени было обусловлено сложной историей формирования населения. Наряду с чертами, характерными для русских большинства регионов России (комплекс одежды с сарафаном, покрой мужской рубахи и штанов, верхней одежды и др.), в основе рязанского костюма прослеживаются старинные южнорусские традиции, которые и сами были многослойным продуктом предшествующего синтеза этнического субстрата. Наиболее древним для изучаемых районов был комплекс одежды с понёвой, связанный с южнорусской средой. Он включал женскую рубаху с косыми поликами, понёву, туникообразные нагрудник и передник, рогатую кичку, украшения из бисера, разноцветного каруса, из птичьих перьев и пуха, для него характерна своеобразная яркая, построенная на контрастных сочетаниях цветовая гамма. О древности многих компонентов этого костюма свидетельствуют исторические и археологические источники.

Некоторые детали этой одежды указывали на древние связи с аборигенами финно-угорского происхождения. Старинный покрой глухого туникообразного нагрудника был сходным с туникообразной одеждой мордвы и других поволжских народов. Поясные наспинные парные подвески из полосок ткани ярко представлены в одежде мордвы и чувашей. Лапоть мордовского типа бытовал к востоку от рек Пры и Рановы на территории, связанной с древними финскими могильниками муромы и мещеры. О связях с финно-уграми свидетельствуют и многие детали старинных головных уборов и украшений: высокие лопатообразные кички, сороки с длинным хвостом из шнуров, кистей, лопастей, обилие украшений из бисера, гусиного пуха, птичьих перьев и др. Сходные черты в одежде могли сложиться как по причине культурной общности древних насельников этой территории, так и позднее в результате контактов и взаимовлияний русских с финно-уграми.

Лапти и чулки черноножки. Милославский р-н, с. Чернава
Фото А. Линденберга 1960 г. (АИЭА. Фототека)

Более поздний пласт изучаемой рязанской одежды составляли компоненты, типичные в прошлом для средней полосы России и отчасти для ее западных районов: разные типы сарафанов, домотканая шерстяная юбка, головной убор с кокошником и др. Они появились вместе с переселенцами из центральных и западных районов России.

В то же время рязанская народная одежда, как мы видели выше, отличалась местным своеобразием, которое прослеживается и в сложном сочетании компонентов в общем облике костюма, и в украшениях одежды, в многообразии ее цветовых выражений, различавшихся не только в отдельных районах, но нередко и в соседних селениях. Все это придавало костюму местную индивидуальность, яркое эстетическое звучание, свидетельствующее о талантливой самобытности ее создателей.

Изменения в одежде сельских жителей в XX в.

Как было отмечено, во многих рязанских селениях уже во второй половине XIX в. происходили изменения в одежде, связанные с развитием в деревне товарно-денежных отношений. В конце XIX — начале XX в. все чаще домашние ткани заменяются фабричными, старинные покрои постепенно видоизменяются или под влиянием городских форм одежды сменяются новыми. Однако, как мы видели выше, эти процессы развивались в изучаемом крае неравномерно, и в силу разных причин степень сохранения традиций в одежде была неодинакова как в различных районах, так и в отдельных селах, а также и в среде разных социальных и возрастных групп населения.

В 1920-е — в первой половине 1930-х гг. в сельской одежде еще продолжали сохраняться черты, свойственные предыдущему периоду. В годы хозяйственной разрухи из-за недостатка промышленных товаров, нарушения торговых связей с городом во многих селах расширяется домашнее прядение и ткачество. Недостаток мануфактуры и отсутствие в продаже

Одежда женщин Сапожковского у. / р-на 1920–1930-х гг. (РИАМЗ. Фототека; Сапожковский краеведческий музей)

красок вынуждали крестьян вернуться к старым приемам изготовления и окрашивания тканей. В ход пошла вся старая одежда. В эти годы еще бытовали женские и мужские рубахи из домотканины, понёвы, сарафаны, домотканые юбки, лапти, поддевки, шубы и пр. Одежда 1920-х гг. отражала в известной степени сложные социальные процессы того времени, но она по-прежнему зависела от принадлежности ее владельцев к разным возрастным и социальным группам, от проживания их в тех или иных селениях.

Так, в с. Гришино Спас-Клепиковской вол. в 1924 г. женщины носили сарафаны, понёвы, поддевки, кафтаны, повойники, преобладала домотканина, холст красили ольховой и березовой корой, еловыми шишками [151]. В том же году в с. Хрипенки Спасского у. старые женщины одевались в понёвы, в холщовые рубахи с широкими рукавами, в передники с грудинкой, в повойники и лапти; на висках крутили рожки из кос, но молодые женщины и девушки носили широкие юбки, кофты с нашитыми на груди лентами и тесемками, передники, платки. Зимней одеждой служили кафтаны, поддевки, шубы. Мужчины еще носили широкие самотканые штаны, рубашки, лапти [152].

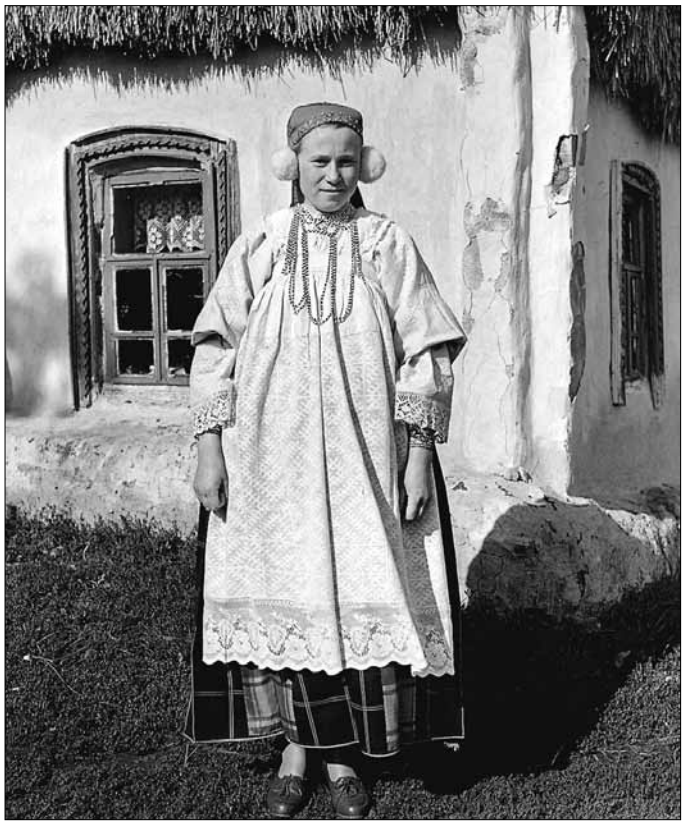
Н.И. Лебедева, изучая в 1920-е гг. одежду населения Пронского у., отмечала ее различия по трем возрастным группам: женщины старше 50 лет предпочитали в то время понёву, шушпан, на голове делали роги, женщины среднего возраста (от 25 лет и старше) носили сарафан, расклешенную кофту поверх сарафана, повойник, платок, при этом многие из них стремились заменить сарафан юбкой, молодые женщины и девушки ходили в юбке и кофте с коротким фартуком. В эти годы одежда быстро изменялась. Городскую моду приносили мужчины, уходившие на заработки в Москву, большое влияние оказывали и торговые ярмарки в крупных селах [153].

Проводником новых веяний в деревню была сельская молодежь. У мужчин популярностью пользовался военный костюм, оставшийся после Первой мировой и гражданской войн: военные гимнастерки, галифе, шинели, сапоги, фуражки, буденовки. В военном или преднамеренно военизированном костюме ходили бывшие солдаты, местные активисты, комсомольцы, считавшиеся передовыми людьми того времени. Многие мужчины носили пиджаки, жилеты, брюки, поддевки, пальто, шубы, цветные косоворотки и пр. Молодые женщины и девушки щеголяли в юбках и кофтах разных фасонов, подражая городским модам того времени [154]. В Спас-Клепиковском и Михайловском районах в эти годы, а возможно и раньше, большой популярностью пользовались длинные и широкие юбки в четыре-пять полотнищ из ситца и шелка, иногда на подкладке, которые по традиции называли сарафаном. С середины 1920-х гг. во многих местах распространился костюм (парочка), состоявший из кофты и юбки, сшитых из одной и той же ткани.

В 1930-е гг. наблюдается дальнейший отход от традиционной одежды, которая сохранялась преимущественно у пожилых людей. В большинстве сел исчезает домашнее изготовление тканей для одежды. Там, где оно частично сохранялось, использовали фабричные нитки. На ткацких станах продолжали ткать холсты (в основном для полотенец, рубах), но большей частью — подстилки, половики, мешковину. Молодое поколение стремилось одеться современно, нередко копируя одежду горожан, приезжавших в село. Как рассказывала учительница из с. Полтевы Пеньки Кадомского р-на, в 1933 г. она сшила себе из кашемировой ткани узкую короткую юбку и две белые кофточки с темно-синим бантиком. Вскоре у многих учениц появились похожие короткие юбки и белые кофточки с двумя бантиками — зеленым и розовым. Некоторые колхозники сеяли на усадьбах коноплю, но в небольшом количестве, для изготовления обор, веревок, а ткани для одежды покупали на рынках и в городе [155].

В послевоенные годы исчезло обязательное следование традиции, однако в некоторых селах девушки еще носили рубаху, сарафан, запон, а когда становились невестами,

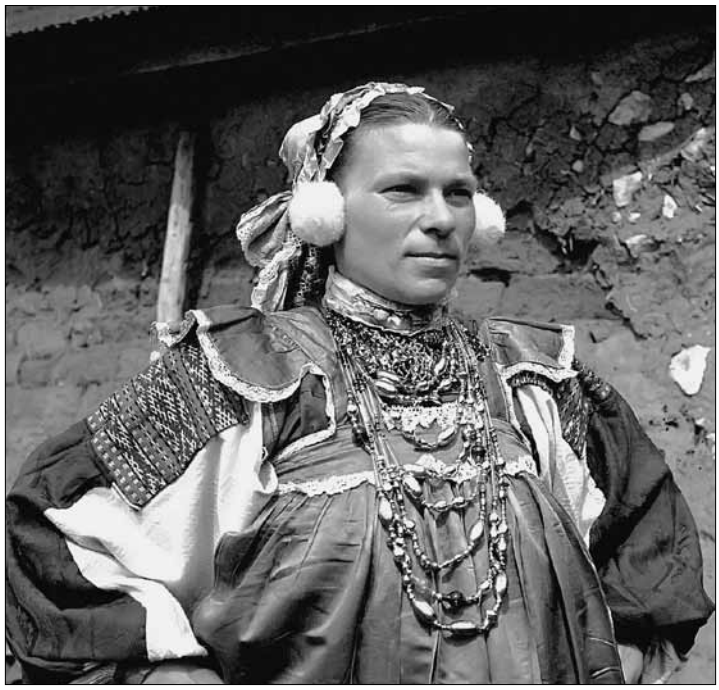
а)



б)

Праздничные костюмы молодых женщин: а) Сасовский р-н, с. Салтыково Буты. Фото 1949 г. (РИАМЗ. Фототека); б) Милославский р-н, с. Боршевое. Фото А. Линденберга 1960 г. (АИЭА. Фототека)

а)



б)

Женские традиционные костюмы 1950–1960-х гг.:
а) Милославский р-н, с. Чернава. Фото А. Линденберга 1960 г. (АИЭА. Фототека); б) Скопинский р-н, с. Секирино (справа) и с. Чулково (слева) (Скопинский краеведческий музей)

надевали юбку. Женщины во многих селениях области на большие праздники еще надевали традиционные костюмы. В куршацких селениях (Малахово, Ветчаны, Борисково и др.) Клепиковского р-на на праздники можно было увидеть на женщинах браные понёвы. В с. Чернава Милославского р-на традиционный костюм продолжал широко бытовать вплоть до 1970-х гг., но многие детали по мере изнашивания шили из современных материалов по старым образцам. В 1960-е гг. в шушках и передниках девушки ходили на посиделки, но в клубе появлялись в кофтах с юбками или в платьях [156].

В Секирине Скопинского р-на, как и в Чернаве, после войны женщины и девушки ходили в домотканых шушках, только девушки надевали на рубаху шушки белого цвета, а женщины стали носить, как они говорят, «для тепла» крашеные черные шушки поверх понёвы и рубахи. В 1960-е гг. многие носили на работу домотканые из конопли, крашенные в синий цвет традиционные *синюшки* старинного покроя, которые были вытеснены сатиновыми халатами.

Сравнительно долго сохранялся традиционный костюм в селениях Чермные, Полтевы Пеньки, Котелино, Сумерки, Заулки Кадомского р-на. По наблюдениям этнографов, в 1963 г. жительница с. Чермные 1893 г. рождения еще ходила в ситцевой рубахе с рукавами или с вырезом без рукавов, в домотканой красной юбке на *гашнике*, в навершнике и в повойнике. Понёву она надевала по праздникам, но к обедне в г. Кадом выезжать в ней стыдилась. Понёву она ткала «при колхозе», а навершник — «в войну» [157]. Другая жительница этого же села 1895 г. рождения носила ситцевую рубаху, скроенную по старинному фасону — с косыми поликами и длинными рукавами, темную длинную юбку, под которую надевала домотканую красную юбку. Понёву, материал для которой ткала в 1940-е гг., и запон она берегла на праздники, на поминки и похороны [158]. Многие женщины в других селениях Кадомского р-на в 1960-е гг. еще носили на работу в поле понёву, навершник, повойник, лапти, а также шубу со сборами, зипун и пониток [159].

В послевоенное время в селениях Клепиковского, Шиловского, Касимовского районов в качестве рабочей обуви продолжали использовать лапти. Это было связано не только с экономическими трудностями, но и с удобством этого вида обуви для работы в поле. В селениях куршаков на работу надевали лапти еще в 1960-е гг. Старейшая жительница (1906 г. рождения)

Девушка в праздничном костюме. Ухоловский р-н, с. Дегтяные Борки. 1920–1930-е гг.
Фото С.А. Иниковой 2002 г.

а) б)

Повседневный костюм пожилых женщин: а) понёва, блюза, занавеска: вид сбоку и сзади. Милославский р-н, с. Чернава. Фото А. Линденберга 1960 г. (АИЭА. Фототека); б) пожилая женщина в запоне и двух платках. Сапожковский р-н, дер. Ширино. Фото Е.Н. Каширина 1968 г.

дер. Борисково Клепиковского р-на рассказала, что в чулане у нее склад лаптей, которые когда-то наплел на всю семью ее муж. В наши дни ее правнуки надевают эти лапти на рыбалку, так как в них удобно ходить по илистому дну.

Постепенно традиционный костюм или его отдельные компоненты становились одеждой пожилых. Молодые люди и среднее поколение стремились подражать современной моде. Молодые женщины и девушки стали носить не только юбку и кофту, но и цельные платья. Широкое распространение у мужчин и у женщин получили костюмы из шерсти и других материалов. Большой популярностью среди женщин пользовались трикотажные кофты.

Разительные перемены в одежде начали происходить в конце 1950-х и в 1960-е гг. Это связано с преодолением послевоенных экономических трудностей, отменой некоторых непосильных налогов, переходом на денежную оплату труда колхозников, в результате чего у сельчан появилось больше возможностей следовать городской моде. Немаловажную роль играла и политика сближения города с деревней, которая начала активно проводиться государством и вела к популяризации в деревне городских ценностей, городского образа жизни, частью которого была городская одежда. Процесс этот в целом шел медленно, так как сельчанам было значительно сложнее «достать» модную готовую одежду, и еще в 1960–1970-е гг. во многих селах будничную, а нередко и праздничную одежду шили сами, у портных или в местных пошивочных мастерских. Если в прошлом рубаха была одновременно и нательной и верхней одеждой, то уже в 1960–1970-е гг. в быту сельской семьи прочно закрепилось использование шелкового, капронового, хлопчатобумажного белья. Верхнюю женскую и особенно мужскую одежду обычно покупали готовой.

В последние десятилетия XX в. в процессе общей урбанизации происходила нивелировка локальных особенностей в одежде, ее унификация и стандартизация. В результате распространения в селах фабрично-заводских изделий, под воздействием городской моды одежда стала одним из наиболее изменчивых элементов современной бытовой культуры. Одежда сельской молодежи и людей среднего возраста быстро сменялась и обновлялась в соответствии с современными потребностями, но все же часто отставала от моды жителей больших городов. Во второй половине 1990-х гг., в начале 2000-х гг. эти различия выравнивались за счет того, что у сельчан и горожан появились одинаковые возможности покупать одежду готовой на вещевых рынках и в магазинах.

Повседневная одежда сельских жителей. Сапожковский р-н, дер. Ширино. Фото Е.Н. Каширина 1964 г.

В этом отношении очень показательны изменения в детской одежде. Как известно, даже в начале XX в. нередко девочки и мальчики вплоть до 15–16 лет ходили в одной длинной рубашке. Младшие дети донашивали одежду своих старших братьев и сестер. Их начинали наряжать уже перед сватовством. В наше время в рязанских селах одежда детей всех возрастов мало чем отличается от одежды городских детей. Интересно, что даже валенки, казалось бы необходимая в сельской местности обувь, в некоторых селах вышли из детской моды. Так, в Новопанском Михайловского р-на валенки носят только старики, дети же отказываются ходить в них в школу, предпочитая им теплые сапожки.

По наблюдениям этнографов, излюбленной одеждой сельских женщин становятся брюки. В 2002 г. в селах Клепиковского р-на в брюках ходили женщины, работающие в администрации, в школе. Брюки считаются также удобной производственной одеждой животноводов и полеводов, особенно в холодное время года.

Вместе с тем в современной сельской одежде сохраняется и своя специфика, связанная с образом жизни и некоторой консервативностью деревенского быта. Как и прежде, более удобным женским головным убором считается платок — ситцевый, капроновый, шерстяной; самой распространенной и необходимой обувью остаются резиновые сапоги, галоши, легкие тапки, валенки и др. Предпочтение отдается более удобным укороченным формам верхней одежды: ватной телогрейке, получившей распространение в послевоенные десятилетия, и ныне почти вытеснившей ее куртке из синтетического материала. Из домашнего производства одежды кое-где сохраняется вязание из овечьей шерсти носков, чулок, шарфов, платков и пр. В сельской местности сильнее, чем в городе, выражены различия в одежде разных поколений, а также наблюдаются и некоторые локальные особенности в отношении к традиционным формам одежды.

Верхняя женская одежда 1960-х гг. Сапожковский р-н, с. Морозовы Борки. Фото Е.Н. Каширина 1967, 1968 гг.

Праздничный женский костюм 1950–1980-х гг. Скопинский р-н, с. Секирино. Фото А.Р. Григорян 2002 г.

Пожилые женщины в традиционной будничной одежде. Скопинский р-н, с. Секирино. Фото С.А. Иниковой 2005 г.

И в начале XXI в. интерес к традиционной одежде выражен не везде одинаково. В большинстве рязанских селений отдельные компоненты старинной одежды хранятся в сундуках старшего поколения. Они могут использоваться фольклорными коллективами, иногда их надевают на православные праздники, на свадьбы. В некоторых селах еще можно наблюдать частичное бытование местного традиционного костюма. По данным этнографических экспедиций 2002 и 2005 гг., в селах Чернава Милославского и Секирино Скопинского районов женщины (преимущественно старшего поколения) частично сохраняют традиционный костюм, но некоторые детали его трансформировались сообразно современным вкусам. Повседневно многие пожилые жительницы этих сел надевают лишь отдельные компоненты старого костюма: понёву или длинную широкую юбку, запон, ситцевую кофту прямого покроя, платок, фартук, вязаные чулки и некоторые другие детали, а полный костюм, как и некоторые женщины среднего возраста, носят по праздникам, на свадьбы и в церковь, хотя, по словам информаторов, такое случается все реже и реже. Пожилые покрывают голову повойником и платком, сохраняя традиционную прическу — рожки. В Чернаве некоторые старухи надевают на ноги старинные вязаные чулки-*черноножки*. В ансамбле с праздничной блюзой и занавеской изредка носят повойник с широкими завязками, сшитый из блестящего шелка и украшенный лентами и кружевом.

В Секирине, расположенном в 30 км от Чернавы, вплоть до последнего времени в праздники и на свадьбы женщины надевали несколько модернизированный, яркий народный костюм: красную рубаху, красную занавеску, красный платок из фабричной ткани и домотканую черную понёву, подпоясанную двумя поясами, красочные бисерные концы которых спускались сзади. Плечи рубахи украшали накладными *полетами*, по форме напоминающими эполеты военных. Их отделывали лентами, бисером, позументом, пуговицами и гарусом. Каждая женщина стремилась, чтобы ее полеты отличались от других, были красивы и оригинальны. Кроме того, на разные торжества полагались полеты определенного стиля: на первый день свадьбы надевали рубаху с широкими полетами, украшенными зелеными лентами, на второй день полагались узкие полеты с позументом.

Старинный костюм пожилые женщины хранят «на смерть». Интересно, что вплоть до наших дней в Чернаве женщинам, не выходившим замуж, считается неприличным

Кукла в народном костюме. Сапожковский р-н, с. Морозовы Борки. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

надевать понёву и под головной убор делать рожки, а в качестве похоронной одежды некоторые из них приготовляют себе шушки.

Особое отношение к традициям в Чернаве и Секирине проявляется и в том, что на капот машины свадебного поезда прикрепляют куклу, одетую в старинный костюм. Такие же куклы встречаются и в парадных комнатах жителей не только этих, но и других селений области.

В наше время во многих русских селах и городах наблюдается позитивное отношение к традиционной одежде, она рассматривается как один из источников сохранения национальной самобытности народа, как органическая часть русской народной культуры. С древнейшими истоками русской культуры связаны особенности многих компонентов народного рязанского костюма. Представленное выше красочное великолепие рязанских понёв, сарафанов, навершников, головных уборов, поясов и пр. — неоценимая художественная ценность русского народа, которую необходимо сохранять и пропагандировать. Отрадно, что отчасти это осуществляется и в особом отношении к старинной одежде в отдельных рязанских селах, и в бережном хранении коллекций одежды в рязанских музеях, и в активном использовании традиций в театрализованных костюмах фольклорных коллективов, а также в моделировании современной одежды.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 20. Л. 1 (с. Колычево Егорьевского у.); д. 111. Л. 97 (Круговская вол. Егорьевского у.); 23, 25 (Круговская и Старолетовская вол. Зарайского у.); 10, 12, 20 (села Екшур, Тюково, Кузьминское Рязанского у.).

2 АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 24. Л. 6 (Рязанскийу.); *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму Рязанской губернии // *Лебедева Н.И.* Научные труды. Рязань, 1996. Т. 1. С. 108 (РЭВ).

3 Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. (Середина XIX — начало XX века). Карты. М., 1967. Карта 47; *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас… С. 218.

4 РЭМ. Фонды. Колл. 200-70, 72 (Здесь и далее указаны номер коллекции и единицы хранения); Колл. 209-79; Колл. 438-121, 122, 123, 200; Колл. 1125-52, 129, 132, 135, 137, 140, 142, 149, 152, 156, 159; Колл. 3691-8, 20; РИАМЗ. Фонды. Колл. 2399, 2787, 2997, 3039, 3123, 7408, 9255; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 108, 117.

5 Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 47.

6 Там же.

7 АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 24 (Рязанский у.); *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 108.

8 *Рабинович М.Г.* Древнерусская одежда IX–XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 43; *он же.* Одежда русских в XIII–XVII вв. // Там же. С. 67.

9 РЭМ. Фонды. Колл. 209-79; 1125-129, 149, 150.

10 Там же. Колл. 1125-123, 127, 158, 159; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 105, 114.

11 Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 47.

12 *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. М., 1927. С. 16, 17; *она же.* Материалы по народному костюму… С. 108.

13 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360 б. Л. 8, 29; см. также Д. 2356а. Л. 42 (с. Пустотино Кораблинского р-на); д. 2356. Л. 74 (с. Чернава Милославского р-на).

14 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2326. Л. 100, 101.

15 Там же. Д. 2356а. Л. 98.

16 Там же. Д. 2360а. Л. 127, 161.

17 *Панкова Т.М.* Этнографический фонд Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника // Этнография и фольклор Рязанского края. Материалы Российской науч. конф. к 100-летию со дня рождения Н.И. Лебедевой. Рязань, 1996. С. 188–189 (РЭВ).

18 *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях… С. 33; *она же.* Изучение Рязанской области в этнографическом отношении после Октябрьской революции // Краеведческие записки. Рязань, 1959. С. 125.

19 Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 44.

20 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 213–214.

21 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 18 об. (с. Солотча Рязанского у.); 51 об. (Марчуковская вол. Ряжского у.); 99 об. (Попадьинская вол. Михайловского у.).

22 *Мерцалова М.Н.* Поэзия народного костюма. М., 1975. С. 76. Рис. 45.

23 АРГО. Р. 42. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–3; д. 48. Л. 17, 20, 22. Табл. IV, VI.; Белгородский областной краеведческий музей. Фонды. Колл. 3682-О (Грайворонский у. Курской губ.).

24 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 70–71; См. также: АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 19 (с. Кузьминское Рязанского у.); НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XI. № 274 (с. Богослов Рязанского у.).

25 *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 234.

26 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360 б. Л. 15; д. 2356а. Л. 44; д. 2356. Л. 33, 98.

27 Там же. Д. 2356. Л. 16, 20, 20 об, 98; д. 236б. Л. 8.

28 *Осипова Е.П.* Язык рязанского костюма. Наименования элементов народной одежды в рязанских говорах. Рязань, 2004. С. 33 (РЭВ. Вып. 34).

29 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 11, 12, 21 (села Ушмор и Кузьминское Рязанского у.), 85 об. (с. Сушки Спасского у.).

30 Там же. Л. 97 об.

31 АИЭА. Ф.47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356. Л. 20, 32–34, 74, 83; д. 2356 а. Л. 44; д. 2357. Л. 7.

32 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 107, 106; *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры. М., 1988. С. 158.

33 АИЭА. Ф.47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356. Л. 20, 20 об.

34 *Куфтин Б.А.* Материальная культура русской мещеры. М., 1926. С. 53–100.

35 *Рыбаков Б.А.* Древние элементы в русском народном творчестве // СЭ. 1948. № 1.

36 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 70, 73, 99.

37 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 215–217.

38 АИЭА. Ф.47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360а. Л. 127.

39 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 107–108; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 6. Л. 6 (с. Бычки Сапожковского у.).

40 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 114–115.

41 АИЭА. Ф.47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356. Л. 21 (Милославский р-н); Д. 2356а. Л. 39; Д. 2360 б. Л. 49 (села Караулово, Волковое, дер. Петино Путятинского р-на).

42 Там же. Д. 2356. Л. 17 (с. Боршевое Милославского р-на); д. 2356 а. Л. 39; д. 2360 а. Л. 161 (с. Полтевы Пеньки Кадомского р-на).

43 *Слепцова И.С.* Происхождение поясной одежды крестьянок Русского Севера // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века. М., 2001. С. 352–360.

44 Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 46.

45 Беларускае народнае адзенне. Мінск, 1975. С. 16–18; *Романюк М.* Беларускае народнае адзенне. Мінск, 1981. Рис. 4, 60, 67–69, 95, 176; Историко-этнографический атлас Прибалтики. Одежда. Рига, 1986. С. 15–18. Рис. 1 ц, 3 ц, 4 ц, 15 ц, 19 ц, 41 ц, 65 ц, 69 ц, 71 ц.

46 АИЭА. Ф.47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356. Л. 93 (с. Чернава Милославского р-на); Д. 2356а. Л. 46 (с. Пустотино Кораблинского р-н), Л. 98 (с. Новое Еголдаево Ряжского р-на); Д. 2360 б. Л. 239 (дер. Демидово Шацкого р-на); *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 105, 108 (Сапожковский у.).

47 Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 46.

48 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 119–124; РЭМ. Фонды. Колл. 1125–80; 8729-4; 9928-5.

49 *Лебедева Н.И.* Вопросы этнологического изучения южных уездов Рязанской и Тульской губерний (бассейн Дона) // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. М., 1929. С. 112.

50 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 117.

51 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 97 об. (Круговская вол. Егорьевского у.).

52 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 119.

53 АИЭА. Ф.ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 13, 21 (Рязанский у.); 52 (Ряжский у.); 53 об., 55 (Пронский у.); 66, 67 (Сапожковский у.); 85 об. (Спасский у.); 99 об., 104 об. (Михайловский у.).

54 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 101, 102, 124, 126; АИЭА. Ф.47. (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360 б. Л. 268, 281 (дер. Заулки, с. Котелино Кадомского р-на).

55 РЭМ. Фонды. Колл. 260-64; 267-18; 1125-59.

56 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 110, 113, 117; РЭМ. Фонды. Колл. 1125-79.

57 РЭМ. Фонды. Колл. 200-64; 1125-55, 79, 81, 10263–20.

58 *Тазихина Л.В.* Русский сарафан // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1955. Вып. XXП. С. 36; *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 207, 208.

59 РЭМ. Фонды. Колл. 439-164; 9928-5.

60 Там же. Колл. 10263-19; *Данилин А.Г.* Крестьянская одежда района «Богословщины» Рязанской губернии. Рязань, 1927. С. 14 (Труды ОИРК. Вып. IX).

61 РЭМ. Фонды. Колл. 342-377, 378; 628-4,6.

62 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 119–124; РЭМ. Фонды. Колл. 1125-80; 8729-4; 9928-5.

63 РЭМ. Фонды. Колл. 1125-77; 2136-Т. (Данковский у.); РИАМЗ. Фонды. Колл. 2567, 2958 (с. Борки Рязанского у.); 3012 (Тумский р-н); 5527 (с. Плахино Михайловского у.); НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XVIII. № 442 (Попадьинская вол. Михайловского у.)

64 Русские. Историко-этнографический атлас… Карты 41, 42.

65 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 97 об. (Круговская вол. Егорьевского у.).

66 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 116.

67 Русские. Историко-этнографический атлас… Карты 41, 42.

68 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 8 об.

69 Более подробно о терминологии разных вариантов передников см.: *Осипова Е.П.* Указ. соч. С. 36.

70 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356. Л. 18, 74, 77, 102; д. 2356а. Л. 56.

71 Там же. Д. 2360 б. Л. 265, 276, 284 (Темниковский у.); *Мансуроов А.А.* Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань. 1930. Вып. 3. С. 13, 49, 52 (Труды ОИРК. Вып. XXVI).

72 РЭМ. Фонды. Колл. 200-12; 209-74, 211, 214, 215; 438-170; АИЭА. Ф. ОЛЕЭА. Колл. 14. Д. 111. Л. 18 об. (Рязанский у.), 107 (Михайловский у.); *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 115.

73 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360. Л. 19.

74 Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 49.

75 Там же. 48.

76 РЭМ. Фонды. Колл. 1125-121, 122; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 5 об. (с. Шостье Касимовского у.); там же. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360б. Л. 257, 269, 275 (Кадомский р-н).

77 Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 51.

78 *Лебедева Н.И.* Вопросы этнологического изучения… С. 110–113.

79 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 104 об. (Глебовская вол. Михайловского у.); *Данилин А.Г.* Указ. соч. С. 12–13.

80 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 106, 113.

81 РЭМ. Фонды. Колл. 200-67; 209-13; 1125-12, 14 (Скопинский у.); 200-23; 438-166; 1125-17, 19 (Раненбургский у.); 209-7; 267-10; 438-204; 1125-1, 15, 18 (Данковский у.); 438-99 (Пронский у.); 438-124; 1125-5 (Рязанский у.); 1125-9 (Спасский у.); 1125-2 (Сапожковский у.); 1125-6 (Михайловский у.); 1121-121, 122; 1125-4, 122 (Касимовский у.) и др.

82 РИАМЗ. Фонды. Колл. 2257, 2373, 2374, 2679, 2899 и др.

83 РЭМ. Фонды. Колл. 1125-34, 35, 57, 132; РИАМЗ. Фонды. Колл. 500, 2679.

84 РЭМ. Фонды. Колл. 438-125; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 99 об., 104.

85 РИАМЗ. Фонды. Колл. 2354.

86 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Рязань, 1929. Вып. 2. С. 5 (Труды ОИРК. Вып. XXII).

87 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360 а. Л. 92, 115, 262, 265.

88 РЭМ. Фонды. Колл. 1125-57 (Сапожковский у.); 1125-58 (Раненбургский у.); 1125-59 (Данковский у.); РИАМЗ. Колл. 627, 2569, 2571 (Рязанский у.), 2265, 2373, 2899 (Касимовский у.); Русский народный костюм. Из собраний Государственного музея этнографии народов СССР. Л., 1984. Рис. 10, 17, 18, 24 (Рязанская губ.), 15, 55, 56, 60, 61 (Тамбовская губ.) О разнообразии украшений узорным тканьем см. гл. Ткачество.

89 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356. Л. 1, 3, 74.

90 Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 48.

91 РЭМ. Фонды. Колл. 267-36; 1125-31-33; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 115, 117.

92 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356. Л. 98; д. 2356 а. Л. 53–54.

93 РЭМ. Фонды. Колл. 267-37 (Данковский у.); АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 26, 39 (Рязанский у.), 51 (Ряжский у.), 66 об. (Сапожковский у.), 104, 105 (Михайловский у.).

94 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356. Л. 74, 77.

95 *Елизарова Н.А.* Шустинский курганный могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1950. Т. 13. С. 173–177.

96 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 19 (Рязанский у.); РЭМ. Фонды. Колл. 3359-Т, 3369-Т (Сапожковский у.); 3352-Т (Михайловский у.); Русский народный костюм... Илл. 32, 37.

97 РЭМ. Фонды. Колл. 1740-2, 3, 4; 2349-1.

98 *Маслова Г.С.* Народная одежда... С. 670.

99 [*Баранович М.*] Рязанская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб, 1860. Т. 19. С. 395.

100 *Даркевич В.П., Фролов В.П.* Старорязанский клад 1974 г. // Древняя Русь и Славяне. М., 1978. С. 351. Рис. 8.

101 Русские. Историко-этнографический атлас... Карта 52.

102 АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 11 (с. Кончаково Зарайского у.); РЭМ. Фонды. Колл. 104-106; 209-81 (Скопинский у.); 2351-2 (с. Асташево Пронского у.); 438-85 (дер. Лоша Пронского у.); 2354-2 (с. Кикино Ряжского у.); АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 109 (Плахинская вол. Михайловского у.), 23. (Кругловская вол. Зарайского у.).

103 РЭМ. Фонды. Колл. 200-11а (дер. Сухая Рожня Данковского у.); 2350-14 (с. Нармушадь Касимовского у.).

104 РЭМ. Фонды. Колл. 200-11а; 438-236, 248 (села Змиевка, Зверево Данковского у.).

105 Там же. Колл. 438-104 (Ряжский у.); 2349-38 (дер. Ольхи Данковского у.); РИАМЗ. Фонды. Колл. 2354 (с. Кикино Ряжского у.); АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 46, 48 (Пронский у.).

106 АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 22.

107 РЭМ. Фонды. Колл. 209-81 (с. Долгое Данковского у.); 2356-5 (с. Самодуровка Сапожковского у.).

108 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 68 (Сапожковский у.).

109 Там же. Д. 6. Л. 9 и 9 об. (с. Бычки Сапожковского у.).

110 *Маслова Г.С.* Народная одежда... С. 668.

111 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 109–110.

112 *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях... С. 76.

113 РЭМ. Фонды. Колл. 104-105, 200-53, 58, 60 (села Дегтярка, Марчуки 2, дер. Курбатово Скопинского у.); 438-103 (Ряжский у.); 438-241 (с. Воейково Данковского у.); 2350-9 (с. Большие Пекселы Касимовского у.); 2352-1 (дер. Лоша Пронского у.); 2355-6 (дер. Папушево Спасского у.).

114 Там же. Колл. 200-62 (Скопинский у.); 438-85а (дер. Лоша Пронского у.); 438-244 (с. Змиевка Данковского у.).

115 Там же. Колл. 2355-1.

116 *Белицер В.Н.* Народная одежда мордвы. М., 1973. С. 152, 159–167.

117 РЭМ. Фонды. Колл. 200-56,59, 1740-11 (с. Князево Займище Скопинского у.); 209-81, 2349-9 (села Долгое, Хитрово Данковского у.); 438-174, 175 (Раненбургский у.); НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XVIII. № 434 (Ижевская вол. Спасского у.).

118 РЭМ. Фонды. Колл. 2352-1 (дер. Лоша Пронского у.); 2355-1 (с. Исады Спасского у.).

119 Там же. Колл. 104-102 (Скопинский у.); 209-80, 81, 82; 438-248 (села Долгое, Астапово, Зверево Данковского у.); 267-40 (с. Карповка Раненбургского у.); 438-86 (дер. Лоша Пронского у.).

120 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 109–110 об.

121 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360а. Л. 146–147 об.

122 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму ... С. 114.

123 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360а. Л. 146–147 об.

124 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму ... С. 106, 114.

125 Там же. С. 114–116.

126 РЭМ. Фонды. Колл. 209-9; 438-249, 251; 2349-2, 3 (села Астапово, Долгое, Ягодное, г. Данков); 267-41 (с. Топки Раненбургского у.).

127 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356. Л. 69, 99; д. 2360б. Л. 250.

128 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 72 (Карловская вол. Сапожковского у.); *Мансуров А.А.* Указ. соч. Рязань, 1928. Вып. 1. С. 29; вып. 2. С. 16, 28.

129 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356. Л. 11, 69 (с. Чернава Милославского р-на, с. Новое Еголдаево Ряжского р-на); Д. 2356а. Л. 49 (с. Пустотино Кораблинского р-на).

130 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 3 (Касимовский у.), 69, 69 об. (Сапожковский у.), 93 (Ряжский у.), 97 (Егорьевский у.), 102, 104 (Михайловский у.).

131 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д.111. Л. 4 (Касимовский у.), 69 (Сапожковский у.); там же. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356. Л. 117 (Скопинский у.); д. 2360а, Л. 80 (дер. Сумерки, с. Чермные Кадомского р-на).

132 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 93 (Ряжский у.), 107 (Михайловский у.), 112 (Сапожковский у.); там же. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360а. Л. 125 (Кадомский р-н).

133 *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях… С. 129–130.

134 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 1, 2, 42, 50, 66, 69, 85, 89, 97, 102, 107; там же. Ф. 47 (РОКЭ). Оп.19. Д. 2360 б. Л. 307, 314; *Данилин А.Г.* Указ. соч. С. 5–7; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 113, 115; *Осипова Е.П.* Указ. соч. С. 141, 159, 209.

135 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 53, 60 об. (села Чернобаево, Гребнево Пронского у.); 89 (с. Дегтяное Спасского у.); там же. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356 (с. Чернава Скопинского у.).

136 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 45 (Пронский у.), 97 (Егорьевский у.); *Малинина Л.Д.* Очерки рязанской мещеры // Вестник рязанских краеведов. Рязань, 1925. № 3.

137 РЭМ. Фонды. Колл. 1125-29, 30; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 113, 115.

138 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360а. Л. 132, 308; д. 2360б. Л. 13; *Осипова Е.П.* Указ. соч. С. 154.

139 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360а. Л. 132.

140 Русские. Историко-этнографический атлас… Карта 61.

141 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 106, 113.

142 Там же. С. 107, 112, 114.

143 Там же. С. 115. *Панкова Т.М.* Рязанский традиционный народный костюм. Рязань, 1992. С. 43 (РЭВ).

144 Русский народный костюм… Рис. 38; *Чижикова Л.Н.* Указ. соч. С. 206.

145 Русские. Историко-этнографический атлас… С. 254. Карта 70; РЭМ. Колл. 438-140 (Рязанский у.); НА РИАМЗ ЭА ОИРК. Кн. Х. № 238 (Пронский у.).

146 Русские. Историко-этнографический атлас… С. 253. Карта 70; РЭМ. Фонды. Колл. 104-101, 3691-22 (Касимовский у.); 95-11; 628-183 (Темниковский у.); АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356. Л. 31 (Ряжский у.).

147 НА РИАМЗ ЭА ОИРК. Кн. XVIII. № 434 (Касимовский у.); АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360а. Л. 166 (Темниковский у.); там же. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 106 об. (Михайловский у.); *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму… С. 111, 113, 116.

148 НА РИАМЗ ЭА ОИРК. Кн. XVIII. № 434 (Касимовский у.).

149 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 11, 97 об.

150 Там же. Л. 2, 6 (Касимовский у.), 52, 94 (Ряжский у.), 65 (Пронский у.), 73 (Карловская вол. Сапожковского у.); там же. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2356. Л. 10 (с.Чернава Скопинского у.), 36 (с. Новое Еголдаево Ряжского у.).

151 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Рязань, 1933. Вып. 5. С. 22 (Труды РБК. Вып. 7).

152 Там же. С. 20.

153 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. Х. № 238. Л. 6.

154 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 2360 а. Л. 173 (Кадомский р-н).

155 Там же. Л. 201.

156 Там же. Д. 2356. Л. 2, 3, 83.

157 Там же. Д. 2360 а. Л. 131.

158 Там же. Л. 128.

159 Там же. Л. 102, 104, 110, 140, 144.

ГЛАВА 15

Вышивка Рязанского края

Предметы, орнаментированные вышивкой. — Материал и цвет вышивки. — Технические приемы. — Орнамент.

Мы рассмотрим вышивку Рязанского края на примере образцов XIX — первой четверти XX в., хранящихся в коллекциях Российского этнографического музея. Главное внимание будет уделено вышивке на предметах, которые крестьянки изготавливали для себя и своей семьи. Вышитые изделия мастерских и школ, организованных на рубеже XIX и XX в. в селах Рязанской губ., в данной главе не анализируются[1]. Они не могут дать точной картины бытования традиционной вышивки, так как вышивальщицы в выборе орнамента и декоративных швов полностью зависели от владельцев мастерских и спроса на их продукцию в городах России и Западной Европы.

Начало собранию рязанских вышитых изделий в РЭМ было положено О.П. Семеновой, уроженкой Рязанской губ., которая собирала их по заданию музея в период с 1902 по 1906 г. Работа была продолжена и в последующие годы. В настоящее время в музее хранится 317 предметов рязанского быта, украшенных вышивкой, датируемых серединой — второй половиной XIX в. Преобладающая часть вышитых изделий поступила из Данковского, Касимовского, Пронского, Раненбургского, Скопинского, Спасского уездов. Рязанский, Егорьевский, Михайловский, Ряжский, Сапожковский уезды представлены всего 23 вещами. Вышитых изделий из сел Зарайского у. в музее не имеется. Кроме того, в музее хранится около 60 вещей, приобретенных его сотрудниками в селах Елатомского и Темниковского уездов Тамбовской губ., ныне в основном входящих в состав Рязанской обл. В работе использованы также публикации о рязанской вышивке[2].

Предметы, орнаментированные вышивкой. В Рязанском крае вышивкой украшали полотенца, девичьи, женские, мужские рубахи, передники, женскую нагрудную одежду типа душегреек и нагрудников, женские головные уборы. На этих предметах вышитый орнамент располагался в строго определенных местах.

На полотенцах, использовавшихся для праздничного украшения интерьера дома, а также для обмена дарами в ходе свадебного обряда, вышивка размещалась только на концах по горизонтали, от одной боковой стороны до другой. Она могла быть здесь или единственным украшением, занимая до 30 см пространства ткани, или чередоваться со вставками красного и синего холста, кумача, полосами браного и закладного тканья, лентами. Концы полотенец, как правило, завершались кружевом.

На женских рубахах, изготавливавшихся из белого льняного или конопляного полотна, вышивкой украшалась верхняя часть рубахи: рукава, обшивка ворота и грудной разрез. Обшивка ворота была очень узкой, не более 1 см, поэтому какие-либо другие способы декорирования наряду с вышивкой употребить было довольно сложно, но иногда по верхнему и нижнему ее краю прокладывали узенькую тесемочку. Разрез ворота на груди декорировался довольно богато, потому что верхняя часть рубах была хорошо видна в женском костюме с понёвой, характерном для Рязанского края. Полосы вышивки шириной от 1 до 3 см, перемежаясь с красными *затканками*, кумачовыми нашивками или лентами, а иногда и тем и другим вместе,

организовывали вокруг грудного разреза сравнительно широкий прямоугольник — на рубахах из южных и западных уездов Рязанского края или трапецию — на рубахах из восточной ее части (Касимовский и Елатомский уезды)[3]. При этом доминирующими в декоре были нашивки из кумача, красные затканки, которые как бы разбавлялись одной-тремя полосами вышивки, шириной около 2–3 см. В декоре плеч и рукавов вышивка в большинстве случаев использовалась для окаймления *поликов* — плечевых вставок, а также для окаймления затканок или кумачовых нашивок вдоль плеча между косым поликом и швом, соединяющим полотнища стана с рукавом, или вокруг поперечных нашивок на рукаве. На многих рубахах вышивка как бы замыкала декор рукава. В этом случае она делалась сравнительно большого размера (до 15–20 см). На некоторых рубахах рукав декорирован от ворота до обшлага поперечными вышитыми или затканными полосами. Обшлага рукавов вышивкой украшались редко, так же как и подол рубахи. Такое расположение вышивок характерно для всех женских рубах Рязанского края. Локальные различия в расположении вышивок в декоре рубах выявить не удалось.

На передниках вышивка размещалась обычно на подоле. *Грудинка*, проймы или рукава украшались довольно редко. Если украшения все-таки наносились, то их местом было пространство вдоль шва, соединявшего грудинку с подолом или край рукава около запястья. На подоле вышивка ложилась горизонтальными рядами, перемежаясь с затканками, кумачовыми и ситцевыми прошивками, кружевом, лентами, тесьмой и блестками, нашитыми на тесьму. Декоративное убранство занимало на многих передниках две трети подола, а на некоторых доходило почти до грудинки. В декоре передников в отличие от декора рубах вышивка была равна по значимости другим украшениям, а зачастую доминировала.

На женской нагрудной одежде вышивка наносилась спереди. Она шла сравнительно широкой полосой вдоль грудного разреза, образуя вокруг него прямоугольник. На некоторых *коротайках* (женской нагрудной одежде) полоса вышивки располагалась вдоль боковых швов или узкими полосками по краю подола.

Сороки — женские головные уборы — обычно украшались вышивкой на *очелье* — передней части головного убора. Вышивкой могли орнаментировать и *позатылень* — заднюю часть сороки, прикрывавшую затылок. На некоторых сороках были украшены и боковые лопасти, к которым привязывались тесемки для укрепления их на голове. Вышивка на очелье и позатыльне была в большинстве своем прямоугольной формы и заключалась в кайму из цветных лент, тесьмы, полос кумача, позумента или блесток.

Головные полотенца (*покрывало, косинка, косяк*) в Рязанской губ. были разной конструкции и соответственно декор распределялся на них по-разному. Покрывала сшивались из двух полотнищ тонкого льняного полотна, между которыми иногда вставляли узкое кружево. Декор размещался на двух его концах и включал в себя вышивку и узкую полоску кумача или кружева, пришитых по краю. Некоторые покрывала декорировались несколько иначе: горизонтально положенные полоски вышивки чередовались с мережкой или красными полосами — *перетыками*. Такие покрывала были распространены, судя по материалам РЭМ, в Данковском у. В Касимовском у. головным покрывалом называлось полотнище ткани шириной от 39 до 42 см, которое декорировалось на концах и по одной боковой стороне. Концы были украшены горизонтально расположенными полосами ситца, кумача, затканками, шелковыми лентами, а узенькие полоски вышивки, располагавшиеся между ними, служили своего рода разделителями этих украшений. Боковая сторона покрывала вышивкой не орнаментировалась, к ней пришивались ленты и кружева. Наряду с покрывалами и головными полотенцами, вытянутыми в длину, в Рязанском крае бытовали и квадратные головные покрывала, которые носили поверх твердого проклеенного обруча из картона. Расположение декора на них зависело от манеры ношения. Если покрывало надевали на голову, не складывая его треугольником, то декор размещался на трех сторонах. Край покрывала, который укладывался спереди, обычно обшивался лентой или кружевом и узкой полоской вышивки, на боковых сторонах располагались неширокие полосы вышивки, чередовавшиеся с полосами тканья такой же ширины. Боковые стороны покрывала шли вдоль лица и соединялись на затылке лентой. Если покрывало перед тем как надеть на голову складывали по диагонали, то декор располагался на одном углу или на углу и противопо-

ложных ему двух сторонах. В этих головных покрывалах вышивка присутствовала чаще всего в виде узкой полоски, чередующейся с такой же ширины тканными полосками. Если вышитый узор располагался на углу покрывала, то он обычно был большого размера.

Материал и цвет вышивки. В Рязанском крае вышивка выполнялась на белом льняном или конопляном полотне и лишь изредка на кумачовых вставках, украшавших передники и рубахи. Даже на сороках, которые, как правило, покрывались сверху кумачом, красным кашемиром или крашенным в красный цвет холстом, вышивка выполнялась в большинстве случаев по белому холсту и только как исключение — по красному холсту [4]. Вышивальщицы использовали в своей работе белые льняные нитки, белые и красные хлопчатобумажные, цветной гарус (красный, зеленый, синий, желтый, оранжевый), а также цветной шелк (кирпично-красный, желтый, розовый, кремовый, голубой, черный) и серебряную нить. Цветовая гамма вышивки имела локальные особенности.

В вышивке центральной части Рязанской губ. ведущим цветом был красный, со вставками синего и зеленого цвета. В южной части Рязанской губ., т. е. в Данковском, Раненбургском, Скопинском уездах, были как чисто белые вышивки, так и вышивки, основным цветом которых был красный, с вкраплениями синего, желтого, зеленого, оранжевого, белого. На северо-востоке и востоке Рязанского края, т. е. в Касимовском, Спасском уездах и Елатомском, Темниковском уездах Тамбовской губ., наряду с красной и белой, бытовала вышивка, контур которой был выполнен черным шелком, а заполнение — цветными шелками нежных тонов с добавлением металлических нитей и блесток. Такая же цветовая гамма была характерна для вышивки полотенец и головных покрывал Пронского у. и нагрудной женской одежды Скопинского у. Использование при вышивании красного цвета с вкраплением зеленого, синего, желтого, иногда фиолетового цветов характерно вообще для русской вышивки, так же как и вышивание белыми льняными и хлопчатобумажными нитками. Вышивка же цветным шелком встречалась в основном за пределами Рязанского края в Кирсановском у. Тамбовской губ. и в Бирючинском, Воронежском, Землянском, Коротоякском, Нижнедевицком уездах Воронежской губ.

Технические приемы. Технические приемы вышивания в Рязанской губ. были аналогичны общерусским. Рязанские вышивальщицы работали по цельной и разреженной ткани, используя хорошо известные всем декоративные швы. Однако из общерусского фонда они отобрали для себя лишь некоторые, образовав свой местный, рязанский тип. Он включал в себя сравнительно небольшое количество вышивальных швов, но благодаря их умелому сочетанию в узоре рязанская вышивка выглядела в техническом отношении достаточно сложной. Следует также отметить, что существовала определенная зависимость между декоративными швами и назначением вышивки. Набор швов, использовавшихся при вышивании полотенец, отличался от набора швов, которыми декорировались, например, головные уборы или женские рубахи. Кроме того, обнаруживается некоторая связь между декоративным швом и цветом, материалом нитки, которой он выполнялся.

Рязанская вышивка по цельной ткани исполнялась обычно *счетными* и *свободными швами*. Счетными называются швы, которые накладываются по счету нитей на холсте, свободными — швы, укладывавшиеся вне зависимости от структуры холста по контуру нарисованного на ткани узора. Среди счетных швов в Рязанской губ. наиболее употребительными были *роспись, косой стежок, набор (брань, по-браному), крест, счетная гладь, косичка*, а среди свободных — *стебельчатый, тамбурный* шов. Характерной чертой технических приемов рязанских вышивальщиц было использование стебельчатого шва и шва роспись для обрисовки контура узора, внутреннее пространство которого было заполнено другими швами.

Стебельчатый шов, выполнявшийся короткими стежками, следовавшими один за другим так, что каждый следующий стежок начинался рядом с предыдущим, сочетался обычно с набором, счетной односторонней и двусторонней гладью. Набор выполнялся мелкими стежками, которые выкладывались по вертикали или горизонтали один за другим то поверх, то снизу ткани, благодаря чему на изнанке получалось негативное изображение. Счетная гладь представляла

а)

б)

Концы полотенец: а) Спасский у., с. Старая Рязань; б) Пронский у., дер. Лоша (РЭМ. Колл. 491-2, 438-1). Фото И.И. Шангиной 2006 г.

собой плотно прилегавшие друг к другу параллельные стежки, которые могли наноситься на ткань квадратиками, ромбиками, маленькими прямоугольниками. Вышивки стебельчатым швом в комбинации с набором и счетной гладью исполнялись, как правило, красными хлопчатобумажными нитками, иногда с вкраплениями синего, зеленого, желтого, редко фиолетового цвета. Этот технический прием использовался при орнаментации передников в Раненбургском и Данковском уездах [5], полотенец в Раненбургском, Спасском, Скопинском уездах [6]. Он был также хорошо известен в губерниях, расположенных к юго-западу от Рязанского края, в вышивке полотенец Белгородского, Льговского уездов Курской губ., Дмитровского, Мценского, Севского уездов Орловской губ. Там он был основным вышивальным швом в орнаментации полотенец. Кроме того, таким швом вышивали в Бирючинском, Воронежском, Коротоякском уездах Воронежской губ. Сочетание стебельчатого шва с набором и счетной гладью встречалось также и на Русском Севере. Там этот прием использовался в вышивке полотенец и подолов женских рубах в Каргопольском у. Олонецкой губ. и Ветлужском у. Костромской губ.

Роспись, выполнявшаяся короткими лицевыми и изнаночными стежками, укладывавшимися по вертикали, диагонали и горизонтали, образуя непрерывную ломаную линию, применялась для обрисовки контура узора с заполнением его косым стежком и счетной гладью. Косой стежок — это шов, при котором нитка выкладывалась на ткань косо, захватывая четыре нити основы холста и две нити утка, образуя с изнанки мелкие вертикальные стежки. Счетная гладь представляла собой плотно прилегавшие друг к другу параллельные стежки, которые могли образовывать на ткани квадратики, ромбики, прямоугольнички. В этом случае тонкая контурная полоска росписи выполнялась черным шелком, а заполнение — цветными шелками: розовым, кремовым, голубым, зеленоватым, кирпично-красным. Это особенно было характерно для вышивки полотенец и головных покрывал Касимовского и Пронского уездов [7], нагрудной женской одежды Скопинского у. [8]. Такой прием изредка встречался также в вышивке сорок Данковского, Раненбургского, Скопинского уездов [9]. Иногда в сочетании с росписью использовался набор [10], крест. Прием, при котором росписью делается контур узора, а его заполнение — косым стежком или гладью, по преимуществу шелком, довольно широко был распространен к юго-востоку от Рязанской губ. в Бирючинском, Воронежском, Землянском, Коротоякском, Нижнедевицком уездах Воронежской губ, а также в вышивке Кирсановского, Шацкого уездов Тамбовской губ. Встречался такой прием также в Дмитровском и Севском уездах Орловской губ.

Вышивка на сороке. Раненбургский у., с. Подгорное (РЭМ. Колл. 438-171). Фото И.И. Шангиной 2006 г.

Однако роспись, косой стежок, набор в рязанской вышивке применялись и как самостоятельные декоративные швы. Росписью обычно вышивали узкие полоски, которые служили каймами вокруг основного узора, выполненного в другой технике, или являлись своеобразными разделителями кумачовых вставок, лент, затканок, украшавших передники, рукава рубах и коротайки [11]. Роспись выполнялась в этом случае красной хлопчатобумажной нитью, иногда с добавлением синей, зеленой или желтой [12], а в восточных районах края еще и черным шелком. Такое использование росписи было характерно также для вышивальщиц Орловской губ.

Шов-набор как самостоятельный шов украшал обшивку ворота и разрез на груди рубах в Раненбургском, Михайловском, Сапожковском, Скопинском, Касимовском уездах. При этом узкие вертикальные полосы набора, расположенные справа и слева от грудного разреза, служили разделителем кумачовых вставок, его обрамлявших. Набор изредка использовался также для вышивания каймы к основному узору очелий сорок. В вышивке набором использовалась по преимуществу красная хлопчатобумажная нить. Шитье набором известно во многих местах России [13], в том числе и на Русском Севере. В Олонецкой губ. им вышивали оплечья рукавов женских рубах, в селах на Пинеге в Архангельской губ. — подолы свадебных рубах.

Косой стежок как самостоятельный шов употреблялся при вышивании очелий и позатыльней сорок, бытовавших в Данковском, Скопинском, Спасском, Раненбургском уездах. Орнамент, заключенный в прямоугольную рамку, сплошь зашивался мелким косым стежком кирпично-красного, черного шелка, с добавлением голубого, белого, желтого шелка, а также цветным гарусом, образуя плотную ковровую поверхность, иногда покрытую блестками [14]. Косой стежок был хорошо известен в вышивке Тамбовской губ., у русских Верхней Волги, а также у финно-угорского населения Волго-Камья. Он применялся также, хотя и в меньшей степени, русскими Олонецкой и Московской губерний.

Крестом, состоявшим из двух перекрещивающихся стежков на лицевой стороне ткани и параллельных вертикальных или горизонтальных стежков на ее изнанке, рязанские вышивальщицы обычно украшали обшивку ворота женских рубах, разрез ворота на груди, а

также обрамляли полики и швы, соединявшие рукав с передним и задним полотнищем рубахи. Геометрические, как правило, орнаменты, вышитые этим швом, в большинстве своем были не широкими — от 3 до 5–7 см. Кроме того, крестом часто вышивали и крупный узор, завершавший декор рукава. Этот декоративный шов доминировал в Михайловском у. На рукавах михайловских рубах встречался также крест в обводке стебельчатого шва, так называемые *денежки*. В других уездах Рязанской губ. шов крест использовался, но довольно редко, для вышивки передников, полотенец, головных уборов. В вышивке передников крестом изредка окаймляли шов, соединявший грудинку с подолом (Пронский у.). Иногда крестом вышивали одну из полос, составлявших декор подола [15]. На полотенцах этот шов встречается также в вышивке Данковского и Раненбургского уездов. Этот декоративный шов получил широкое распространение в вышивке Курской и Орловской губерний.

Косичка состояла из перекрещивающихся стежков на лицевой стороне ткани и мелких горизонтальных стежков на изнаночной стороне. Шов косичка употреблялся главным образом для окантовки основного узора, выполненного другими швами, и использовался фактически при орнаментации всех текстильных изделий.

Тамбур в вышивке Рязанского края использовался довольно редко. Он встречался на женских рубахах из Спасского у., где применялся для окантовки косых поликов, глубоко врезанных в поле рубахи. В собрании РЭМ имеется несколько вещей из Данковского и Скопинского уездов, выполненных тамбуром, при этом в двух случаях тамбур выступает как единственный шов в орнаменте, выполненном на красном и желтом фоне цветной шерстью, а в двух других случаях как контур узора с заполнением крестиком и гладью. Полихромная вышивка тамбуром с использованием шерстяных ниток и цветных фонов характерна для Верхнего Поволжья, особенно для Костромской и Ярославской губерний [16].

Конец полотенца. Раненбургский у., дер. Набережная (РЭМ. Колл. 200-28). Фото И.И. Шангиной 2006 г.

Вышивку по разреженной ткани обычно обозначают термином *строчка*. Ткань для строчевой вышивки разрежали, выдергивая по основе и утку три-четыре нитки, столько же оставляя невыдернутыми. Затем разреженную ткань начинали *строчить*. Строчение включало в себя, во-первых, перевивку оставшихся нитей по горизонтали и вертикали, в результате чего ткань превращалась в сетку с мелкими квадратными ячейками, а во-вторых, нанесение на сетку узора специальными разделочными швами. При этом работа шла по счету нитей, т.е. мастерица, ориентируясь на лежащий перед ней образец, отсчитывала на своей сетке нужное количество ячеек, предназначенных для заполнения той или иной разделкой. При работе в строчевой технике вышивальщицы могли пользоваться белыми и цветными нитками.

В Рязанском крае строчкой украшали полотенца и передники, а также (значительно реже) оплечья женских рубах и головные уборы. Из 136 полотенец, имеющихся в коллекции РЭМ, на 106 основной узор выполнен строчкой. Этот технический прием был распространен преимущественно в вышивке Раненбургского, Данковского и Скопинского уездов. Рязанские вышивальщицы знали *белую строчку, цветную перевить, шов по письму* и *дырчатку*.

Белая строчка предполагала перевивку сетки и разделку узора белыми льняными или хлопчатобумажными нитками. Этот технический прием был хорошо известен русским

вышивальщицам и встречался всюду, где было развито искусство орнаментации тканей с помощью иглы. Особенным богатством различного рода разделок отличалась белая строчка северных губерний Европейской России. Рязанская строчка, так же как и вообще южнорусская, выглядит в техническом отношении довольно бедно в связи с ограниченным количеством разделочных швов, в ней применявшихся. Этот технический прием в Рязанском крае разрабатывался в двух вариантах. В первом варианте перевивалась вся ткань, предназначенная для орнаментации. Контур узора вышивался стебельчатым швом, положенным в два-три ряда. Узор же заполнялся *панкой* — мелкими диагональными стежками, настилом, при котором нити накладывались на сетку близко друг к другу в определенном порядке: обычно квадратиками или прямоугольничками, а также воздушной петлей.

Во втором варианте перевивался только фон, прореженная в узоре ткань восстанавливалась *стланью* (штопкой), которая выполнялась путем переплетения ниток, настилаемых по клеткам в вертикальном и горизонтальном направлении. При вышивке полотенец отдавалось предпочтение первому варианту белой строчки, а передников — второму.

Разновидностью белой строчки является шов по письму, при котором ткань, предназначенная для орнамента, разреживается и перевивается только в его фоновой части, а в узоре остается цельной. В этом случае контур узора закрепляется тамбурным швом, а узор заполняется гладью — *атласником* или *тонкими мережками*. В Рязанском крае этот технический прием использовался очень редко. В коллекции имеется только два полотенца, орнаментированных таким образом. Внутри тамбурного контура узор заполнен тонкими мережками. Шов по письму в других южнорусских губерниях не встречался, зато он был характерен для вышивки Олонецкой губ., прежде всего Заонежья, и в Вологодской губ., а также встречался, хотя и реже, в других северных губерниях.

В вышивке Раненбургского и Скопинского уездов встречался также строчевой прием, при котором в белую строчку вводилась цветная нить, главным образом красная хлопчатобумажная, но иногда также желтая, зеленая, синяя гарусная или шелковая кремового, желтого, светло-голубого цвета. Цветная нить использовалась для обрисовки контура узора или для разделок внутри узора. В последнем случае цветным шелком или красной хлопчатобумажной нитью выполнялась стлань внутри узора. Белая строчка с включением в нее цветных ниток была известна в некоторых местах Архангельской, Ярославской, Костромской, Тверской губерний. При этом в Ярославской и Костромской губерниях, так же как и в Рязанском крае, в таких вышивках применялся кремовый шелк, а в Тверской — гарус.

Вторым по распространенности после белой строчки в южной части Рязанского края была цветная перевить. Продольные и поперечные столбики из оставшихся невыдернутыми нитей перевивались в ней несколько раз цветными нитками. Нитки для перевивки брали достаточно толстые, так что перевивка была очень плотной, отверстия ячеек сетки почти не были заметны. Оставшиеся неперевитыми участки восстанавливались стланью белой льняной или хлопчатобумажной нитью. Для перевивки употреблялась красная бумажная нить или несколько разноцветных нитей, образующих следующие комбинации: а) красная и синяя хлопчатобумажные, при этом доминирующей являлась красная; б) красная, синяя, желтая хлопчатобумажные. Вышивки цветной перевитью были распространены в Михайловском, Раненбургском, Скопинском уездах. Выделяется вышивка цветной перевитью из Пронского у.: ее фон перевит коричневым и желтым шелком, а ткань в узоре восстановлена белой льняной нитью. Примерно такая же вышивка встретилась в коллекции из Раненбургского у.: фон был перевит желтым шелком, а ткань в узоре восстановлена белой бумажной нитью.

Вышивка цветной перевитью была характерна для южнорусских губерний, но встречалась и в центральных. По мнению исследователей, цветная перевить южных уездов Рязанской губ. имеет много общего с цветной вышивкой Калужской, Тульской, Орловской, а также Тверской губерний[17]. Она встречалась на полотенцах, передниках и реже на рубахах.

На передниках и полотенцах юга Рязанской губ. встречается один из вариантов строчки, получивший в литературе название *дырчатка*. При его исполнении из ткани по вертикали и горизонтали выдергивались или вырезались ножницами от восьми до пятнадцати ниток; края получившихся квадратных отверстий обметывались цветными нитками, чаще

красными, а ячейка иногда заполнялась воздушной петлей. Квадратные ячейки размещались на ткани ровными рядами, в шахматном порядке или составляли крупный геометрический узор. Дырчатка, довольно поздний по времени происхождения шов, была распространена у русских повсюду, но не была популярна у вышивальщиц.

Орнамент. Для вышивки Рязанского края, и вообще для русской народной вышивки, был характерен как изобразительный, так и геометрический орнамент.

Изобразительным орнаментом принято называть орнамент, составленный из антропоморфных, зооморфных, орнитоморфных, тератологических и растительных мотивов, объединенных в определенные композиции.

В рязанской вышивке, судя по имеющимся материалам, изобразительный орнамент был весьма распространен: из 317 вышитых предметов, хранящихся в собрании РЭМ, он встречается на 114 вещах. Им украшали в основном полотенца и передники, иногда женские рубахи.

В этнографической науке принято считать, что изобразительный орнамент представляет собой сложный комплекс напластований различных исторических эпох. Обычно выделяют так называемый архаический пласт, один из самых древних, связанных с мифологией славян, затем пласт, состоящий из мотивов, вошедших в народную вышивку в эпоху средневековья из городской феодальной среды, и слой, который объединяет мотивы городского европейского искусства, принятые сельскими вышивальщицами в конце XIX — начале XX в.

Архаический пласт в рязанской вышивке выделяется довольно четко. Однако он не совсем соответствует тому образцу, который этнографы приняли как классический, ориентируясь на вышивку Русского Севера. Круг изобразительных мотивов здесь более узок, чем в северной вышивке, они выполнены в основном белой строчкой или контурным стебельчатым швом с заполнением набором и гладью и поэтому не столь строго геометричны, как мотивы северной вышивки. Для архаического пласта рязанской вышивки характерны главным образом птицы и растительные мотивы. Антропоморфные изображения, кони, олени встречаются здесь довольно редко.

Растительные мотивы занимают одно из первых мест в изобразительном орнаменте рязанской вышивки, так же как и в вышивке русского населения других губерний России. На полотенцах, передниках, женских рубахах обычно вышивались деревья. Однако их изображение настолько сильно стилизовано, как и вообще в русской вышивке, что можно только предполагать, что это лиственные деревья.

В вышивке полотенец и передников встречается всего один тип деревьев, который слегка варьируется на разных вещах. Дерево изображается с довольно широким стволом на треугольном, прямоугольном или трапециевидном основании, от которого вправо и влево отходят длинные, прямые или извивающиеся отростки, вероятно корни. Верхняя часть ствола всегда украшена крупной розеткой, цветком граната, ромашки или квадратом. Вправо и влево от ствола отходят вверх две пары ветвей, заканчивающиеся цветами или крупными листьями [18]. Это изображение может усложняться за счет большего количества ответвлений на ветках или большего количества цветов. Обычно дерево встречается или в композиции с птицами, всадниками, львами (барсами), или изображается как один крупный мотив на конце полотенца. Оно вышивается белой строчкой или стебельчатым швом с заполнением набором и двусторонней гладью красными нитками. Такой тип дерева особенно часто встречается в вышивке южнорусских Курской и Орловской губерний (в Севском и Мценском уездах). Также он характерен для вышивок Каргопольского у. Олонецкой губ., Сольвычегодского у. Вологодской губ. и вышивок Тверской губ. Однако дерево южнорусских вышивок имеет более мягкие очертания по сравнению с сильно геометризированным деревом северных вышивок.

На женских рубахах дерево обычно изображается не столь пышным. Оно имеет тонкий ствол с вершиной, украшенной розеткой или ромбиками, и два ряда отходящих от ствола ветвей, заканчивающихся так же, как и вершина. Деревья компонуются в бордюр и вышиваются крестом красными нитками с вкраплением синих и зеленых. Такой тип дерева довольно широко распространен вообще в русской вышивке.

а)

б)

в)

Концы полотенец: а) Данковский у., с. Раново; б) Данковский у., с. Остапово; в) Скопинский у., дер. Шелемишево (РЭМ. Колл. 267-9, 200-8, 438-11). Фото И.И. Шангиной 2006 г.

Конец полотенца с изображением павлина. Данковский у., дер. Гремячка (Музей-усадьба Семеновых-Тян-Шанских в дер. Гремячка Милославского р-на). Фото С.А. Иниковой 2002 г.

Конец полотенца. Данковский у., с. Баловнево (РЭМ. Колл. 438-39). Фото И.И. Шангиной 2006 г.

Мотив птицы в рязанской вышивке строится по схеме, типичной для изображения птиц и животных в русской народной вышивке. Птица расположена в профиль, вытянутой по горизонтали, в спокойной статичной позе. В рязанской вышивке имеется два варианта изображения птиц. В первом варианте, наиболее часто встречающемся, птица имеет треугольную или трапециевидную грудь, маленькую голову на длинной шее, хвост с большим пышным оперением, составляющий две трети от длины тела птицы, поднятое вверх крыло. Облик птицы на разных вышивках слегка варьируется, однако при этом всегда сохраняется исходная модель [19]. Этот вариант изображения птиц характерен для вышивки Данковского, Пронского, Раненбургского, Ряжского, Скопинского, Спасского уездов. Он хорошо известен в других губерниях Европейской России, а именно в Новгородской (Тихвинский, Белозерский, Кирилловский уезды), в Каргопольском у. Олонецкой губ., Тотемском у. Вологодской губ., Новоторжском и Старицком уездах Тверской губ., в Орловской и Курской губерниях. В литературе принято называть эту птицу «павой».

Второй вариант заметно отличается от первого. Птица имеет крупное тяжелое туловище, обычно приближающееся к квадрату или равнобедренному треугольнику, маленькую треугольную голову без украшений на короткой, почти слившейся с туловом шеей; иногда небольшое крыло птицы поднято вверх [20]. Г.С. Маслова считает эти фигурки изображением курочек и отмечает, что они особенно характерны для золотошвейной вышивки северных кокошников и рукавиц, строчевой вышивки полотенец и тамбурной вышивки подолов рубах и полотенец центральных губерний Европейской России и Орловской губ.

Рязанские женщины лишь изредка вышивали коня или всадников на коне — мотив, довольно хорошо известный в русской архаической вышивке. Из 114 рязанских вышивок с изобразительными мотивами конь встречается только на двух полотенцах из Данковского и Скопинского уездов и двух передниках из Раненбургского у. Он изображен в профиль, с опущенной вниз маленькой головкой, со всадниками на

спине или без них. На двух вышивках всадники составляют трехчастную композицию с розеткой в центре, на двух других — изображение всадниц чередуется в бордюре с изображением женской фигуры в классической позе: с опущенными вниз руками. С некоторой натяжкой к этой группе изобразительных мотивов можно отнести и сюжет из двух всадников с поднятыми вверх трехпалыми руками в трехчастной композиции с деревом на полотенцах из Данковского у. Животное, изображенное на них, несколько напоминает коня с маленькой опущенной вниз головой, от которой отходит то ли хобот, то ли поводья, и с загнутым вверх кольцом хвостом. На животном изображен человек с поднятыми вверх трехпалыми руками.

Антропоморфные фигуры также сравнительно большая редкость в рязанской вышивке: всего 13 таких изображений на полотенцах и передниках из Данковского, Раненбургского, Скопинского уездов и без указания уездов, не считая вышивок с мотивом всадника на коне, описанного выше, а также одна вышивка на очелье сороки из Данковского у. Эти изображения относятся к классическому типу женских фигур, неоднократно описанному этнографами и искусствоведами. Это женская, как принято считать, фигура с головой в виде ромба с прямым торсом, принимающим в своей нижней части форму колокола или трапеции, с руками, слегка согнутыми в локтях и опущенными вниз, с короткими ногами и развернутыми ступнями, иногда без ног. На одной из вышивок женщина изображена с четырьмя руками: две подняты вверх, а две опущены вниз.

Антропоморфные фигуры в рязанской вышивке составляют трехчастную композицию с деревом и птицами. При этом в композиции с деревом центральным мотивом является дерево, женские же фигуры — боковыми. В композиции с птицами женская фигура изображается в центре, а птицы по ее сторонам. Мотив женщины и птицы на некоторых вышивках выстраивается в бордюрную композицию, при которой идет их чередование. В сюжеты с женской фигурой на некоторых вышивках включены дополнительные мотивы: изображения, напоминающие колокольню, расположенные между центральным деревом и женскими фигурами по его сторонам, или две женские фигуры под деревом соседствуют с изображением льва (барса) около дерева.

Фигуры оленей были обнаружены на четырех очельях сорок из Раненбургского у. На трех вышивках изображение сильно геометризовано: туловище представляет собой прямоугольник, боковая сторона которого, образующая грудь, продолжаясь вверх, переходит в линию короткой шеи, поставленной перпендикулярно к туловищу и заканчивающейся маленькой головкой с длинными ветвистыми рогами, располагающимися параллельно ему. На двух вышивках олени располагаются около дерева, а на третьей — заключены в ромбы. Вышивки выполнены красно-коричневым и бежевым шелком с черной обводкой контура косым стежком. Эти вышивки имеют

Вышивка на сороке. Раненбургский у., дер. Набережная (РЭМ. Колл. 438-173). Фото И.И. Шангиной 2006 г.

Конец полотенца. Раненбургский у., с. Кабельша (РЭМ. Колл. 267-8). Фото И.И. Шангиной 2006 г.

полные аналоги в вышивке сорок карел и русских Тверской губ. Они встречаются также в строчевой белой вышивке на ширинках Сольвычегодского у. Вологодской губ. Изображение оленя на четвертой сороке, вышитое серебряной крученой нитью, является почти точной копией изображения оленей на северных ширинках XVII в., вышитых цветным шелком или металлической ниткой. На сороке хорошо видно слегка стилизованное изображение оленя с повернутой назад головой, украшенной маленькими рожками.

Мотивы, вошедшие в русскую вышивку в эпоху средневековья, представлены в вышивке Рязанского края двуглавыми орлами и львами (барсами). Эти мотивы встречаются в рязанской вышивке довольно редко, обычно на полотенцах и передниках Данковского, Раненбургского и Скопинского уездов, выполненных строчкой белыми нитками и стебельчатым швом с заполнением набором и гладью красными хлопчатобумажными нитками с добавлением синих.

Двуглавый орел — мотив, довольно широко распространенный в народной вышивке. Он представлен в двух вариантах: с крыльями, опущенными вниз и поднятыми вверх. По мнению исследователей, орел с опущенными вниз крыльями является копией изображения на гербе Московского государства периода с 1475 по 1645 г., а двуглавый орел с поднятыми вверх крыльями заимствован с герба, принятого Россией в 1645 г.[21]. Первый вариант характерен больше для вышивки населения северо-западных губерний, а второй распространен повсеместно.

В рязанской вышивке, преимущественно в Раненбургском и Данковском уездах, чаще встречается двуглавый орел с опущенными вниз крыльями. Он изображается с двумя головами, развернутыми в разные стороны, чаще без всяких украшений или с украшением в виде небольшой веточки, с ромбовидным или квадратным туловищем, длинными широко расставленными ногами, между которыми всегда изображен большой хвост. Такой орел обычно включен в трехчастную композицию с птицей или стилизованным деревом. Он может быть как центральной фигурой композиции, так и находиться по сторонам центральной фигуры, как правило дерева. Орел с поднятыми вверх крыльями на рязанской вышивке,

как и вообще на большинстве русских вышивок, традиционно помещается на полотенце как единственный мотив, а на подоле передников, сшитых из трех полотнищ, три раза — по одному на каждом.

Лев (барс) — изображается обычно в трехчастной композиции с деревом, при этом дерево является центральным мотивом композиции [22]. Львы, как и вообще все животные в сюжетах русской вышивки, показаны в профиль. Они имеют мощное тяжелое тело, крупную голову с гривой и короткими торчащими ушами, когтистые короткие лапы, причем одна поднята вверх, и длинный хвост, загнутый на спину. Этот мотив имеется в вышивках населения Вологодской (Сольвычегодский и Тотемский уезды), Ярославской, Костромской, Калужской губерний.

Среди мотивов, по предположению исследователей вошедших в народную вышивку из городской среды в конце XIX — начале XX в., в рязанской вышивке встречаются букеты цветов, цветочные гирлянды и жанровые сценки на темы народной жизни (илл. с. 299).

Принято считать, что в рязанской вышивке, как и вообще в южнорусской, геометрический орнамент является преобладающим. Геометрические мотивы встречались на всех изделиях из всех районов Рязанского края, где было распространено искусство вышивания, что подтверждается и собранием РЭМ. Однако господствующими они были в вышивке женских рубах, головных покрывал, сорок, а на полотенцах и передниках их несколько теснили изобразительные мотивы.

Геометрический орнамент выполнялся как строчевыми швами, так и швами, применявшимися для шитья по цельной ткани, как белыми, так и цветными нитками. Он не отличался большим разнообразием компонентов. Главным его мотивом был ромб. Эта геометрическая фигура тщательно разрабатывалась мастерицами. Ее внутреннее пространство заполнялось вписанными один в другой ромбами, частыми решетками с маленькими ромбиками внутри ячеек, косым крестом с ромбиком в центре, розеткой. Стороны ромба на многих вышивках удлинялись или заканчивались так называемыми *крючьями*, от сторон отходили короткие прямые отростки [23].

Кроме ромба и его производных, распространенным мотивом рязанской вышивки был косой крест с маленьким ромбом на пересечении линий или украшенный на концах розеткой, представлявшей геометризированный, как бы распластанный цветок, составленный из лопастей, а также равнобедренный треугольник, иногда с маленьким ромбиком на вершине. Наряду с целыми ромбами, розетками, крестами, самостоятельными элементами узора были также их части: половинки, четверти, углы.

Для рязанской вышивки характерны также такие геометрические фигуры, как квадраты и узкие длинные прямоугольники. Квадраты, как и ромбы, усложнялись за счет вписанных в них треугольников, ромбов, розеток, а кроме того, за счет дополнительных элементов на внешних углах: розеток, ромбов.

Геометрические фигуры, как правило, организовывались в бордюр, реже в сетку. Бордюр растягивался обычно от одного конца орнаментируемого пространства ткани до другого. Он встречался в двух вариантах. В первом варианте в бордюр объединялись два чередующихся мотива или один мотив, повторяющийся несколько раз. Они располагались вдоль невидимой глазу прямой линии, соединяясь друг с другом углами или слегка наплывая один на другой. Свободные между мотивами верхние и нижние участки фона заполнялись половинками основных мотивов, благодаря чему все пространство бордюра оказывалось сплошь покрыто узором. В каймах, обрамлявших основной узор вышивки полик, кумачовую вставку или затканку, свободные участки между мотивами не заполнялись. Небольшие фигурки, равнобедренные треугольники, маленькие ромбики, чередующиеся с крестами, шли один за другим, слегка соприкасаясь нижними углами или не соприкасаясь вовсе.

Значительно реже в вышивке Рязанского края встречается второй вариант бордюра, мотивы (треугольники, половинки розеток, мелкие ромбики) которого объединены вокруг зигзагообразной линии и направлены внутрь образованных ею треугольников.

Геометрические фигуры в рязанской вышивке могли образовывать также сетки с ромбической системой узлов. В ячейках сетки помещались ромбы, иногда довольно сложно

разработанные, а на узлах сетки небольшие ромбы или роговидные отростки. Однако такие композиции довольно редки.

Анализ имеющегося в фондах РЭМ материала показывает, что искусство вышивания было распространено в XIX — первой четверти XX в. фактически на всей территории Рязанского края. Цветовая гамма, декоративные швы, орнамент рязанской вышивки — все это являлось частью общерусского вышивального фонда, представляя собой один из его региональных вариантов. Характерной чертой рязанской вышивки как варианта общерусской является распространение в ней мотивов, декоративных швов, цветовой гаммы, характерной для вышивки как северо-западного, так и южно-русского региона, а также сохранение на этой территории вышивок, сложившихся, по мнению исследователей, еще в домонгольской Руси на территории Рязанского княжества. О северных компонентах рязанской вышивки говорит наличие в ней сравнительно большого количества сюжетных композиций, составленных из мотивов архаического типа, характерных для вышивального искусства Русского Севера. При этом отдельные мотивы, например дерево, птица, антропоморфные фигуры, по своему построению аналогичны мотивам северной вышивки. Сходство замечается также в технических приемах вышивки: использовании белой перевити. Вместе с тем, в вышивке Рязанского края существует много общих черт с вышивкой Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской губерний. При этом вышивка западных и южных уездов Рязанской губ. (Данковского, Михайловского, Раненбургского, Скопинского и Спасского уездов) тяготела к вышивке юго-западной части южнорусского региона (Орловская и Курская губернии). Их объединяло широкое распространение стебельчатого шва, использовавшегося в качестве контура с заполнением счетной гладью или набором, применение в вышивке креста, красный по преимуществу цвет с вкраплением синего, зеленого, фиолетового, мотив крупного дерева, сходство геометрических узоров.

Вышивка же мещёрских (северо-восточных и восточных) уездов Рязанского края, а также Пронского у., прежде всего та, которую относят к домонгольскому пласту, имела общие черты с вышивкой Кирсановского, Шацкого, Козловского уездов Тамбовской губ. и Бирючинского, Воронежского, Землянского, Коротоякского, Нижнедевицкого уездов Воронежской губ., а также с вышивкой финно-угорского населения Волго-Камья. Для нее был характерен геометрический орнамент, выполненный росписью в сочетании с набором и косым стежком черным и цветным шелком с применением серебряной крученой нитки и блесток.

Характерное для рязанской вышивки сочетание севернорусских и южнорусских черт, нетипичное для вышивки Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской губерний, приближает ее в какой-то степени к вышивке Калужской и Тверской губерний, также включавшей в свой вышивальный набор севернорусские и южнорусские компоненты.

Имеющиеся материалы дают также возможность говорить о вариантах вышивки на территории Рязанского края. В настоящее время принято выделять три ареала вышивки: Мещёрский край — северо-восточную и восточную его часть (Касимовский, Спасский, часть Елатомского и Шацкого уездов); Центральный или Среднеокский (Рязанский, Михайловский, Пронский уезды); Южный (Данковский, Раненбургский, Ряжский, Скопинский, Сапожковский уезды). Эти ареалы были выделены О.М. Сахаровой на примере памятников культуры Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника [24] и хорошо подтверждаются материалами РЭМ. Однако некоторые образцы вышивки в равной мере распространены по всей территории Рязанского края.

Такая картина вышивального искусства Рязанского края сложилась, вероятно, в результате передвижения русского народа на южные в земли XVI–XVII вв. Однако из-за слабой изученности переселенческих потоков этого времени соединить бытование той или иной техники вышивки с заселением определенной территории не представляется возможным. Что касается древности мещёрской вышивки, то этот вопрос пока остается открытым, так как требует более убедительных доказательств, чем те, которые имеются в настоящее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Симакова И.Л.* Традиции русской народной вышивки в художественных промыслах. М., 2000. С. 88–103.

2 *Солодовников Д.Д.* К материалам о русском шитье XIX в. // Рязанский государственный областной музей. Исследования и материалы. Рязань, 1928. Вып. 3; *Яковлева В.Я.* Рязанская народная вышивка. М., 1959; *Работнова И.П., Королева Н.А.* Народная вышивка РСФСР. М., 1959; *Работнова И.П.* Тамбовская вышивка. М., 1963; *Шмелева М.Н., Тазихина Л.В.* Украшения русской крестьянской одежды // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1970; *Маслова Г.С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978; *Сахарова О.М.* О традиционной рязанской вышивке XIX–XX вв. в контексте этнокультурного контакта // Традиции и обычаи народов России. Вторая российская конф. с международным участием, 16-18 мая 2000 г. СПб., 2000. Т. 2.

3 *Шмелева М.Н., Тазихина Л.В.* Указ. соч. С. 98.

4 РЭМ. Колл. 5500-117.

5 Там же. Колл. 209-78; 200-12.

6 Там же. Колл. 209-16; 307-9; 438-1; 1125-209; 200-50; 209-21; 307-13.

7 Там же. Колл. 438-41; 438-90; 2352-1; 5396 Т; 5397 Т.

8 Там же. Колл. 438-145; 438-148; 438-149.

9 Там же. Колл. 200-62, 438-171; 438-173; 438-182; 5500-119.

10 Там же. Колл. 5500-19.

11 Там же. Колл. 200-51; 438-192; 491-2; 491-8, 7572-1; 10263-8.

12 *Яковлева В.Я.* Указ. соч. Табл. 9; Рис.1, 2; табл. 11, 16, 17.

13 *Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 41.

14 РЭМ. Колл. 104-104; 200-24; 200-53; 200-60; 200-55; 438-9; 2357-19; 5500-119.

15 Там же. Колл. 1125-102 (Пронский у.); 1320-3 (уезд не указан); *Яковлева В.Я.* Указ. соч. Табл. 3.

16 *Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 54.

17 *Симакова И.Л.* Указ. соч. С. 54.

18 РЭМ. Колл. 200-25; 200-28; 203-12; 209-34; 267-1; 307-7; 1125-209; 1125-211.

19 Там же. Колл. 200-27; 200-47; 209-8; 267-7; 307-7; 438-11; 1125-204; 1125-209;1125-211; 4939 Т.

20 Там же. Колл. 200-2; 200-7; 200-13; 200-6; 200-7; 209-34; 267-1.

21 *Динцес Л.А.* Мотив московского герба в русском народном искусстве. Сообщение ГРМ. Л., 1947. Вып. 2.

22 РЭМ. Колл. 200-12; 267-8; 438-212.

23 Там же. Колл. 200-3; 200-14; 438-7; 438-235.

24 *Сахарова О.М.* Указ. соч. С. 110–112.

Раздел 5.

ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА

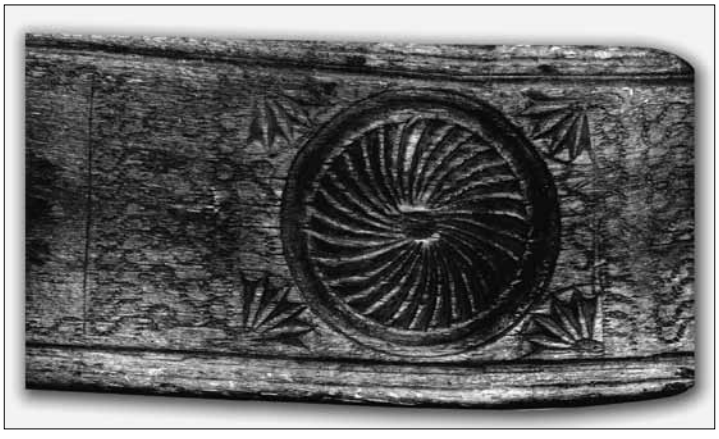
ГЛАВА 16

Календарно-праздничная культура: традиции и этнотрансформационные процессы

Праздники первозимья. — Праздники зимнего солнцестояния. — Святки. — Масленица. — Праздники встречи весны. — Страстная седмица и Пасхальное сорокадневье. — Семицко-троицкий цикл. — Летне-осенние праздники.

Условия социально-экономической жизни русских крестьян, их повседневный уклад, характер этносоциальных связей, а также особенности календарно-праздничной культуры в XIX — начале XX в. определялись самим характером крестьянского труда и сохранением общинного землевладения. Это тот базис, который и в XX в., вопреки всем социальным переменам, «подпитывал» мировосприятие нескольких поколений крестьян. После 1917 г. смена уклада жизни шла очень медленными темпами и растянулась более чем на полвека. Связь поколений еще не была прервана. Благодаря этому общественное сознание крестьянского мира еще хранило в своей коллективной памяти те культурно-бытовые и ритуально-праздничные модели поведения, что были приняты ранее жившими поколениями. Это значит, что даже в середине XX в. крестьянину были близки представления о том, что весь Божий свет: земля, вода, родники и святые озера, леса, поля и цветы, небо и звезды — вся Божья мироколица (картина мира) «включена» в годовой круг праздников и календарно-праздничных обычаев, фиксировавших смену природных циклов. Цикличность в круговороте природы закономерно нашла отражение в структуре аграрно-праздничного календаря, она зримо воспроизводилась на некоторых предметах крестьянского быта. Для традиционной картины мира Среднерусского Поочья, как и для любого другого региона России, характерны следующие календарно-праздничные циклы: праздники первозимья; праздники зимнего солнцеворота и Святки; Масленица; праздники встречи весны; Семик и троицко-русальский цикл; летние праздники; календарный цикл от августовских Спасов до Воздвиженья.

Конец полотенца с вышивкой, символизирующей календарный круговорот. Шиловский р-н, с. Тимошкино. I-я половина XX в. (ЦНТ Шиловского р-на). Фото Л.А. Тульцевой 1996 г.



Фрагмент донца с выемчатой резьбой, содержащей сюжет солнечного календаря. Шиловский р-н, с. Дубровка. Начало XX в. (Шиловский краеведческий музей)

Праздники первозимья. В аграрном календаре *первозимьем* считается время от Покрова до Рождества Христова. Начало первозимья отмечено широко почитаемым православным праздником Покрова Пресвятой Богородицы (1/14 октября). В традиционной картине мира этот праздник — своего рода календарный рубеж смены времен года. Считалось: «До Покрова — осень, а за Покровом зима идет». В приокских селениях в день Покрова женщины старших поколений и в настоящее время произносят заклинание: «Батюшка Покров! Землю-матушку накрой!»; «Батюшка Покров! Землю-матушку накрой, чтоб хлеб родился, чтоб снег выпал!»

В прошлом Покров был одним из календарных сроков возвращения в отчий дом работников, уходивших на заработки, «в отход», на промыслы. Особенно торопились вернуться домой те, в родном селении которых Покров Пресвятой Богородицы был приходским храмовым днем. В этом случае его отмечали широко и так разгульно, что вся многочисленная родня из окрестных селений перебывает в гостях друг у друга. Приглашали также близких знакомых и даже принимали, согласно традиции, вовсе неизвестных «сторонних» людей.

Праздник был и остается рубежом, завершавшим сельскохозяйственный год. И сейчас сельские жители говорят, что «до Покрова надо сделать все». Закрома должны быть наполнены новым урожаем. Поэтому Покров был временем сельских свадеб. По современным воспоминаниям, на Покров в с. Лопатино Скопинского р-на раньше играли по 16–20 свадеб. Особенно много их бывало в селениях, где Покров — престольный праздник. Вспоминая, как прежде справляли Покров, жители с. Кочемирово Кадомского р-на говорили: «Гуляли. Гармонь раньше ходила по селу».

Общерусская особенность празднования Покрова как девичьего праздника характерна и для рязанского Поочья. Однако в отличие от других областей здесь не столь широко известны девичьи приговоры-молитвы о женихах. Они чаще встречаются там, где жили или и сейчас еще живут староверы, а также в селениях по берегам Оки. Один из вариантов девичьей молитвы на Покров был записан в с. Гавриловское Спасского р-на. В молитве, в соответствии с особенностями традиционного мировосприятия, Покров Пресвятой Богородицы назван «батюшкой»: «Батюшка Покров! Головушку мою покрой! Землю беленьким снежком, меня хорошим женишком!» В Ермо-Николаевке и Высоких Полянах Пителинского р-на совсем недавно в этот день молились: «Покров-Покровушка! Покрой мою головушку!»

Покров был неотъемлемой частью молодежного праздничного календаря, поскольку для молодежной субкультуры Покров — это посиделочный праздник, открывавший сезон осенне-зимних посиделок. В этнодиалектной лексике восточной Рязанщины и северо-востока Тамбовской обл. его название — *Кочеты*, так как девушки для праздника непременно «рубили» петуха и собирали веселое застолье, к которому ждали и своих женихов[1]. В самом названии праздника прослеживается определенная соотнесенность между кочетами-петухами и женихами. По словам жительниц старшего поколения, в пос. Купальский Сапожковского р-на для покровской девичьей посиделки девушки воровали кур. Ночевать они оставались в том доме, где справлялись посиделки. Эта традиция праздника Покрова теперь осталась лишь в воспоминаниях знающих ритуалы женщин — хранительниц фольклорного наследия родного края. В Купальском именно такие женщины (теперь все они весьма преклонного возраста) объединились в фольклорную группу и стали желанными гостями на обрядово-праздничных мероприятиях своего района, в том числе и тогда, когда в каком-то селе справляют престольный праздник в честь Покрова Пресвятой Богородицы, как, например, в с. Морозовы Борки.

Новацией дня Покрова стали познавательно-развлекательные мероприятия для подрастающего поколения под названием «покровские посиделки». На них дети приобщаются к истокам русской духовности, в том числе и к истории, традициям и обычаям праздника Покрова Пресвятой Богородицы[2].

В праздничной и религиозной жизни населения Среднерусского Поочья с древних времен и вплоть до XX в. заметную роль играл культ Параскевы, нареченной Пятницей. Бытописатели XIX в. оставили сведения о том, что 28 октября (по ст. ст.), когда отмечается память вмц. Параскевы, поселяне клали под ее икону «разные плоды» и хранили их до

следующего года. В *обетные пятницы* они выносили к месту празднования образ Параскевы, увешанный платками и лентами [3]. Празднование дня Параскевы Пятницы сопровождалось крестными ходами и ярмарками. В течение года во все пятницы женщины строго соблюдали запрет прясть лен и коноплю.

В Рязанской обл., как и повсюду в регионе Среднерусского Поочья, праздник вмц. Параскевы Пятницы называют «Временна́я». Это название, по объяснению рассказчиц, указывает на то, что празднование приурочено к конкретному числу, в отличие от весенних 8-й, 9-й, 10-й, 12-й пятниц по Пасхе, которые также широко отмечались. В народном быту хрононим «Временная» кое-где был переиначен в «Ременну́ю». Благодаря названию «Временна́я», ярмарки, устраивавшиеся в селах, где праздновался храмовый праздник Параскевы Пятницы, также именовались «временны□ми». Почитание вмц. Параскевы, особенно среди женщин, относится к числу устойчивых традиций, и это несмотря на то, что в течение XX в. традиция трансформировалась от общесельского почитания — к индивидуальному, в область обыденного религиозного поведения.

Схожая судьба у некогда шумных, широко отмечавшихся Кузьминок (*Кузьмушки, Кузьма-Демьян, Кузьмин день, Кузьма, ссыпу́шки*) — дня памяти чудотворцев Космы и Дамиана (1/14 ноября), в народном восприятии почитавшихся не только как бессребреники, но и как «рукомесленники» — за покровительство ремеслам. Кузьминки были началом работ с пряжей. Поэтому в некоторых местах на Кузьминки девушки *посиделки засиживали,* т. е. устраивали первую посиделку для совместной работы с пряжей. В этом случае праздник, как и Покров, имел еще называние *Кочеты.* Среди женщин старшего поколения до сих пор принято молиться этим святым перед началом работы, требующей умелых, трудолюбивых рук.

В рязанском Поочье Кузьминки были в числе важнейших сельских праздников. Традиционная форма Кузьминок — девичий праздник со строгой возрастной стратификацией. Праздновали его отдельными возрастными компаниями в специально снятых избах. Одна из старейших жительниц с. Нармушадь Шиловского р-на подсчитала, что еще в конце 1930-х гг. в этом селе на Кузьму-Демьяна собиралось до 35 *артелей,* т. е. компаний сверстниц; и в каждой было не менее семи-восьми человек.

Продукты для праздничного угощения на Кузьминки собирали, согласно региональной лексике, по принципу *ссы□пок* (то же в Пензенской и Нижегородской областях). Девушки для приготовления совместного с парнями угощения делали складчину — *ссыпа́лись.* Поэтому праздник во многих местах назывался *ссыпу́шками, ссыпками.* Особенностью ссыпок на Кузьму-Демьяна было и то, что продукты для них девушка должна была взять из дома тайком, а курицу, кочета или даже гуся для непременной *кузьминской лапши* (как вспоминали в с. Ермо-Николаевка) следовало украсть. Курица, яйца, масло, пшено, мед — главные ритуальные продукты праздника, из которых готовились обрядовые кушанья. Соответственно и кража домашних птиц имела культово-ритуальное значение. В традиционном обществе такая кража воспринималась как должное. Узаконенное обычаем право на «воровство» продуктов к данному празднику и снисходительное отношение к этому позволяют говорить о древних корнях празднования осенних Кузьминок. Также было принято готовить молочную пшенную кашу. Этнографические материалы свидетельствуют и об особой ритуальной значимости их для молодежного календаря, реконструируемой на уровне посвятительных девичьих сборов, хотя и трансформировавшихся, но сохранивших статус девичьего праздника.

На кузьминских посиделках девушки готовили свои любимые лакомства. Из них самое распространенное — *ма́сленки* или *масленики.* О приготовлении ма́сленок говорили «толочь масленки», так как пшено для них толкли в ступах. Для масленок нужна тщательно просеянная пшенная мука, много меда и хорошего сливочного или топленого масла. Все это тщательно перемешивается, выставляется на холод — и лакомство готово! Оно получается очень сладким. В с. Котелино Кадомского р-на его называют *сыроёги.*

Готовилась и выпечка. В с. Нармушадь пекли *вилюшки* (в форме архаической S-образной фигуры) и *челноки* (три тонких жгутика из теста, защипанные с боков). К празднику из крутого теста, замешенного на пшенной муке и сметане, повсюду выпекались *орехи*

(заготовка в форме мелких сладких орешков подсушивалась на сковороде). Печеными орешками девушки особенно любили угощать парней. Традиционная праздничная выпечка в форме орешков как символе изобилия и плодородия в рязанских селениях готовилась на все большие праздники.

В семьях по случаю праздника затевали еще одну выпечку: с утра хозяйки пекли в раскаленном вольном духу русской печи сдобные, рассыпчатые *черепе́льники,* или *черепе́нники,* напоминающие коврижки (Пителинский, Шацкий, Спасский, Шиловский, Ряжский районы).

Кузьминскими ссыпками отмечался разгар осеннего свадебного сезона и соответственно время выбора женихов и невест. Брачные мотивы этого праздника в полной мере сохранялись еще в 1930-е гг. Например, в деревнях Сумерки и Заулки Кадомского р-на за неделю до Кузьминок девушки начинали собирать *харчи* и готовить угощение. Сборы сопровождались ряженьем. Рядились «кто во что»: кто «молодухой», кто «барыней», «старухой», «парнем», «сторожем» и т.п. За один-два дня до празднования девушки делали куклу-«маленького» и с пляской под гармошку заходили в каждый дом, собирая яйца и «кто что даст» для «маленького» — его «надо кормить». Утром в день Кузьмы-Демьяна, «как убярутся», пойдут «позывать» отцов и матерей — всех соберут и угощают. К 1950-м гг. Кузьмушки отмечались лишь тем, что «напекли блинов, погуляли и все» [4].

В каждом селе по случаю ссыпушек организовывалось много возрастных компаний, поэтому были разнообразны и разыгрываемые обрядовые сценки. Но все они отвечали одной теме — свадебному обряду. И если в описанном выше ряженье девушки разыгрывали молодушек с «маленьким», которого «надо кормить», то, по рассказу, записанному там же, но от другого информатора, девушки устраивали своего рода смотрины «жениха» и «невесты». Накануне «смотрин» кто-либо из девушек наряжался в *по́ньку* и *кружа́вник,* изображая невесту. «Невеста» садилась в передний угол под иконы и, как положено, «причитывала». Любой мог зайти в избу и посмотреть на зрелище. Подруги в это время плясали и веселились. Утром в день Кузьмы-Демьяна та же девушка наряжалась, как к венцу, другая «собиралась под жениха». В сопровождении подруг ряженые «жених» и «невеста» выходили из избы на улицу, пели, плясали («вроде бы свадьбу играют»). После игры на сельской улице каждая из девушек приглашала своих родителей на обед в избу, где отмечалась девичья ссыпушка. Вечером стряпали ужин с блинами, закуской и брагой, чтобы повеселиться со своими парнями [5]. В с. Кочемирово Кадомского р-на, когда девушки выходили на улицу с песнями и пляской, то наряжались или «по-бабьи», или «в мужское». Здесь знаком «бабьего» костюма, а точнее, просватанной девушки или молодой женщины, был головной убор *сборник* с *крыльями* (лентами). Его-то и надевали девушки.

Кузьминки, или ссыпушки, постепенно стали уходить из праздничной жизни после 1945 г. Из девичьей среды они переходят в женские компании — к знатокам старых праздничных традиций. В большинстве селений праздник продержался до 1950–1960-х гг. Например, по воспоминаниям, записанным в с. Высокие Поляны Пителинского р-на, там «и после войны ссыпались, но мало. Бывало, мужики с бабами ссыпались. Ходили тогда кое-как и кое в чем, и все были дружные, и было веселее». Кое-где, например в с. Восход (Полтевы Пеньки) Кадомского р-на, женщины отмечали Кузьминки еще в 1970-е — начале 1980-х гг. Жительницы этого села рассказывали: «На Кузьминки гуляли. Соберемся человек пять-шесть: „Ой! Нынче Кузьма! Бабы, давайте блинов печь!“».

Есть селения, где традиция трансформировалась, но не прервалась. Постоянно отмечают Кузьмушку в Котелине. Теперь это — женщины от 55 лет и старше. Как и прежде, они готовят на праздник сыроéги, «но уже старинный наряд не надевают». Еще один вариант перерождения веселого сельского обычая: от воспоминаний о былом празднике к приготовлению обрядового лакомства для внуков в день их рождения. Так поступают некоторые старые женщины, в хозяйстве которых сохранились *ступа* и *пехтель,* чтобы натолочь пшенной муки для приготовления масленков.

Изложенные материалы дают возможность проследить трансформацию праздника: сокращалось его ритуальное время — от одной недели до одного дня; исчезали игровые и риту-

альные образы ряженых; перестали готовиться обрядовые кушанья; а затем, с уходом из жизни людей, приобщенных к традиционному бытовому укладу, и вовсе не стали праздновать.

Этнографические материалы рисуют Кузьмушки как веселый девичий праздник с прочными этническими традициями. Межпоколенная передача информации об этом празднике не была прервана. Поэтому успехом пользуются восстановленные, разыгрываемые на клубных сценах по заранее написанному сценарию праздничные мероприятия в честь свв. Космы и Дамиана, которые, как и встарь, называются Кузьминками. В сценариях таких игровых мероприятий используется местный этнографический материал. Как правило, восстановленный клубный праздник начинается с рассказа ведущего об обычаях и традициях старого праздника. Любимая сценка клубных Кузьминок — импровизированная «ловля» петуха в «горнице» для приготовления кузьминского угощения. Самодеятельные артисты вместе с залом разыгрывают «поцелуйные» игры, сообща исполняют игровые песни. В соответствии с традицией в завершение клубного праздника все угощаются настоящей кузьминской кашей. Одна из новаций в развитии праздничных традиций Кузьминок — отмечать этот день как детский праздник встречи зимы с развлекательно-познавательной программой об истории и народных традициях старинных Кузьминок. Такой праздник для детей был проведен, например, в г. Кораблино в 2002 г.

Праздничные девичьи ссыпки устраивались еще в Михайлов день (8/21 ноября), который был сроком последних осенних ссыпок и последних осенних свадеб. В с. Собчаково Сапожковского р-на Михайлов день — один из *годовых* (престольных) праздников. В местной лексике название праздника — *Архангел*. Как и прежде, в этот день бывает *улица*, т. е. гулянье с пляской и гармошкой. Только теперь она не так многолюдна, весела и шумна, как раньше.

Праздник Введения Пресвятой Богородицы (21 ноября / 4 декабря), по крестьянским святцам, был календарной вехой, связанной с приходом зимы. Рязанские обычаи, приуроченные к этому празднику, соотносимы с общерусскими. Из них самый известный — традиция запекать монету в оладышек или блин «на счастье». В с. Красное Пронского у. в 1850-е гг. говорили, что монету запекают, чтобы деньги «завелись в хозяйстве». В с. Гулынки того же уезда в конце 1920-х гг. на Введение пекли «блинные пышки» наподобие оладий (вероятно, черепенники), в одну запекали монету. Пышки подавали к обеду, встряхнув в миске с постным маслом: кому достанется монета, тот «весь год будет с деньгами» [6]. В селениях по Кутуковской горе * женщины старшего возраста рассказывали: «На Введение в оладышки запекали денежку», а в Собчакове Сапожковского р-на вспоминали: «Все блины, бывало, переломаем — ищем копейку».

Особый день крестьянского месяцеслова — Егорий осенний, холодный (26 ноября / 9 декабря). В этнографической литературе встречаются единичные описания аграрных обрядов осеннего Егорьева дня. Поэтому весьма ценно примечание, сделанное Н.И. Лебедевой к описи обрядовых печений «кони» из с. Стафурлово Рязанского у., отправленных в дар Дашковскому музею в Москву. В нем сообщается, что на осенний Егорьев день молодежь села собирала по два «коня» с каждого двора. «Собранные кони, — по словам Н.И. Лебедевой, — уносятся в поле. Там обращаются к Георгию: „Егорий милостивый, не бей нашу скотину и не ешь. Вот мы тебе принесли коней!!!“» Затем принесенных «коней» зарывали в снежной яме. Таким образом, сакральное содержание осеннего Егорьева дня в Стафурлове составили ритуальный обход села молодежью, собиравшей обрядовое печенье, и шествие с ним на поля. Благодаря обходу села ни одна семья, ни один двор со скотом не оставались вне ритуала, вне его времени и пространства. Особую ритуально-магическую символику имело шествие молодежи на поля с молитвенным обращением к Егорию и «жертвой» — обрядовым печеньем в форме коней. «Коней» зарывали в снег, видимо посвящая их матушке-землице, озимой ржи и собственно зиме, чтобы она была снежной и спокойной, чтобы «кони», совершив свой бег по самому темному времени года, вернулись с весенним солнцем. В современном Стафурлове обычай печь «коней» на осеннего Егория забыт.

* Кутуковская гора — топоним от с. Кутуково, расположенного на крутом правобережье Оки. Кроме Кутукова, здесь находятся селения Аргамаково, Исады, Устрань, Бессоновка Спасского р-на и с. Муратово Шиловского р-на.

Праздники зимнего солнцестояния. Для людей, приобщенных к православию, в годовом круге праздников наступившей зимы важную роль играл день памяти вмц. Варвары (4/17 декабря). Современное значение праздника — в почитании великомученицы. На иконах святая изображается с алавастром для причастия в руках. Русская лексика сохранила отдельные слова и выражения, свидетельствующие о былых празднованиях Варварина дня и стоящих рядом с ним по календарю дней Саввы Сторожевского (3/16 декабря) и Саввы Освященного (5/18 декабря), например, «прова́рвариться» и «проса́ввиться», употреблявшиеся в значении прогулять, просудачить, упустив срок для выполнения какой-либо сезонной работы. Среди крестьян так чаще всего говорили о нерадивых пряхах. В современном русском языке эти слова встречаются крайне редко. Однако они еще сохраняются в живой разговорной речи старшего поколения рязанцев: «У нас все Саввы да Варвары!», т. е. ничего не делали (с. Дубровка Шиловского р-на); «Просав[в]илась, проварварилась, на тот свет телешом отправилась», т. е. прясть надо (села Лубонос и Илебники того же района). В с. Вослебово Скопинского р-на о тех, кто мало прял, говорили: «Просав[в]ила! Проварварила!» Когда же наступают дни памяти вмц. Варвары и прпп. Саввы Сторожевского (Звенигородского) и Саввы Освященного, то старшее поколение Вослебова обязательно вспоминает: «Сегодня Саввы!» или «Сегодня Варвары», придавая сказанному особо уважительный смысл.

Приметным днем декабря был день свт. Николая Чудотворца, или Николы зимнего (6/19 декабря). Как отголосок древней традиции, по которой Святки отсчитывались от дней зимнего солнцестояния, мы встречаемся с обычаем мещеряков Касимовского у. (Демидовская, Бутыльская, Прудковская волости) сватать невест с Николина дня[7]. Во многих местах на зимнего Николу устраивались посиделки. К ним, как и на осенние посиделки, девушки толкли масленки.

День Спиридона-солнцеворота (12/25 декабря) структурирует время смены календарно-солярного цикла в момент зимнего солнцестояния. Это астрономическое явление нашло отражение в известном присловье: «Солнце на лето, зима — на мороз». По этому поводу в селениях на юге Кадомского р-на говорят: «Медведь с боку на бок перевалил и день нам навалил!» Образ медведя типичен для календарной терминологии дня Спиридона-солнцеворота. Среди старшего поколения жителей Пителинского и Кадомского районов бытует старинное название этого дня — *По́вороты.*

Святки. Святки начинаются и завершаются двумя великими праздниками — Рождеством Христовым и Крещением Господним. Ритуальное время между этими праздниками четко делится на два периода: от Рождества до Нового года и от Нового года до Крещения или же, если вести счет времени по новому стилю, от Рождества до Старого Нового года и от Старого Нового года до Крещения. В древности Святки по времени совпадали с периодом зимнего солнцеворота. Это явление, связанное с особым астрономическим состоянием Солнца и Земли, называлось *коловратом.*

К встрече Рождества готовились (и готовятся) очень тщательно: в доме мыли потолки и стены, скоблили полы; обязательно топили баню. Стол в старые времена застилали соломой, а поверх нее — столешником (скатертью). Накануне Рождества старшие не ели «до звезды», с появлением первой вечерней звезды — строгий (постный) ужин. В ночь под Рождество, в иных местах под Новый год, иногда под Крещение было принято зажигать костры. Имеются свидетельства о святочных кострах и на Рязанщине. В с. Черная Слобода Шацкого р-на, вспоминая о рождественских кострах, поясняют: «Иисуса Христа надо обогреть и осветить». Светоносная символика святочных костров просматривается и в широко известном в западнорусских землях обычае к Рождеству украшать дома соломенными фонариками, которые называют *люстрами, пауками, фонарями* (Сапожковский, Скопинский, Шацкий районы), что соответствует новому свету, новым огням и новому счету времени. Люстры, фонари, «пауки» подвешивались к потолку и обязательно прикреплялись в переднем углу. Фонари, а также *соломенные куколки* изготавливали девочки, девушки и женщины. Соломенных куколок вешали на стену, возможно, не без намека на будущих детей. Обычай стал уходить с середины

1950-х гг., когда переставали жать серпами, так как для таких поделок нужна солома с недеформированными стеблями. В 1990-е гг. традиция еще поддерживалась пожилыми женщинами, владевшими серпом и соблюдавшими старые обычаи.

День накануне Рождества Христова, но чаще вечернее время с момента появления первой звезды, в старорязанской (и шире — Среднерусского Поочья) народной традиции называется к*олядой,* реже — *сочельником* и *кутьей.* В некоторых селениях (с. Тырново Шиловского р-на) колядой называли всю неделю перед Рождеством. С уходом стариков молодое поколение все больше воспринимает общерусские названия кануна Рождества — сочельник и кутья, а древнее название «коляда» постепенно забывается.

Для рязанской колядной традиции были типичными два варианта колядования. В одном случае среди колядующих был ряженый в вывороченную мехом наружу шубу *мехоноша* с палкой и с кошелем или сумой для продуктов через плечо; в другом — *бабка Коляда*, которая проверяла спряденное. Именно о последнем ритуальном персонаже сохранилось наибольшее число воспоминаний. Считалось, что бабка Коляда появляется накануне Рождества в домах нерадивых прях. В конце 1960-х гг. в с. Канино Сапожковского р-на рассказывали, что Коляда в «вывороченной» шубе под Рождество ходила по дворам со словами: «Я — Коляда, смотрю, кто сколько напрял». Если мало напряли, то Коляда безменом била по голове. Воспоминания, записанные в 1960-е гг., воспроизводят ситуацию примерно 1910-х гг. Сходные рассказы о бабке Коляде бытовали в селах Маково и Малинки Михайловского р-на. Представления о ней — в одних местах в форме преданий, в других в виде ряженья — сохранялись в течение всего XX в. Например, в с. Кочемирово Кадомского р-на некоторые старые жители лишь по рассказам знают, что здесь когда-то «бабкой Колядой рядились, но очень давно», соответственно забыты и подробности ряженья.

В 1990-е — начале 2000-х гг. отдельные сведения о бабке Коляде были собраны в Скопинском р-не. В с. Секирино вспоминали: «Маленьких заставляли сучить хлопья — остатки от конопляного прядева. Пугали: „На Рождество придет Коляда-то. Спрося! Сколько сделали?“» В с. Вослебово рядились Колядой: надевали вывороченную шубу, приделывали рога, мазали сажей лицо. Ватага детишек ходила и кричала: «Коляда пришла!»

В с. Тырново рассказывали: «До Коляды надо было все спрясть, даже на гребне нельзя было оставить кудель, иначе грех. Придет Коляда и заколяет веретеном (будет колоть веретеном). Это как бы пугали, чтобы соблюдали [срок работы]». В селах Лубонос и Илебники говорили: «Коляда напротив Рождества. Придут в дом: „Сколько напряла?“ — Клубок покажешь». В с. Инякино того же района рассказывали: «На Каляду нарядимся, бывало, что ни почудней, и играем: „Каледушка, Каледа, / Пришла вперед Рождества!“ Заходим в дом, сначала овес пустим (т. е. овес разбросают по избе. — *Л.Т.*); кто пляшет, кто поет, кто у хозяйки просит клубки: „Пряла или нету?“ Дед шумит: „Я лапти наплел“. А бабка: „Я напряла, напряла“». Хозяева могли, в свою очередь, у ряженых спросить, сколько те клубков напряли: «Бывало, и лапти, и клубки навешаем на себя, а хозяйка-то спросит: „А ты чем занималась?” Покажешь ей, что клубки-то висят на шее». Цитированная запись о ряженье в Инякине и разыгрывании здесь колядного действа уникальна. Она свидетельствует о том, что не только все женщины села, в том числе девочки и старухи, должны были отчитаться перед Колядой за количество спряденных нитей. Отчитывались и мужчины, также от малого до старого, но уже за количество сплетенных лаптей. Такого рода «отчет» о спряденном и сплетенном в сакрально значимый период говорит об особой роли образа Коляды в мифологизированной картине годового круговорота. Возможно, сам образ бабки Коляды — это рудимент некоего неизвестного нам календарного мифа, в котором Коляда определяла судьбу людей по количеству и качеству спряденного и сплетенного.

Значение образа бабки Коляды в традиционном календаре вполне согласуется с первой строфой известных фольклорных текстов, которые начинаются словами: «Пришла Коляда накануне Рождества…». Канун Рождества — это окончание Филиппова поста. *Филипповки* для крестьянских женщин — период самого напряженного прядения. Важно было завершить процесс прядения в соответствии с некогда установленным сроком, чтобы в новом году начать новый

Берестяная маска «Коляда». Шиловский р-н, с. Борок. 1990-е гг. (ЦНТ Шиловского р-на). Фото Л.А. Тульцевой 1996 г.

этап работы — ткачество. Таким образом, шествие бабки Коляды из дома в дом было наполнено особым смыслом: ее приход, символически закрывая цикл работ, связанных с прядением, одновременно закрывал старый годовой цикл. Коляда приходит к людям в образе ритуального персонажа накануне Рождества с клубками пряжи, нити которой соединяют старый и грядущий год, чтобы не был прерван космический порядок, не нарушена космическая цикличность и преемственность поколений. Примечателен в связи с этим вариант ритуала, бытовавший в с. Поплевино Ряжского р-на, где ряженая Коляда совершала обход с мешком, в который предварительно усаживали «маленького» (ребенка) [8]. Такого «маленького» в обрядовой лексике Шацкого р-на называли *коляденок* (*калиденык*) [9]. В Пителинском р-не некоторые хозяйки и сейчас выпекают обрядовое печенье *калёдки,* изображающее целую семью с малыми детьми.

Атрибуты ряженья Колядой или само чучело Коляды сжигали как воплощение старого годового цикла и ушедшего времени.

Колоритная фигура рождественской бабки Коляды типична для районов правобережья Оки и юга Рязанского края. Она представлена и в святочном ряженье Калужской, Смоленской, Брянской, Псковской областей.

Святки — время особых сакральных действ, цель которых — ритуально-магическая охрана границ селения и каждого двора, забота о грядущем благополучии, об урожае, плодовитости скота и рождаемости детей в данной общине в новом году. Поэтому вслед за рождественским обходом бабки Коляды со свитой ряженых на деревенских улицах появлялись *пастухи*. Их традиционное время — после рождественской полночи (в послевоенный период — с 3–4 часов утра Рождества Христова). Это сакральное время для пастушьих обходов в селениях, расположенных на Кутуковской горе, сохранялось до конца 1980-х гг., пока был жив старый пастух, знавший обряд. По современным записям, в некоторых селениях пастушьи обходы начинались с вечера накануне Рождества Христова. Каждый пастух шел к тем хозяевам, чью скотину он пас. Обычай был распространен повсеместно. Крестьянки старшего возраста охотно делятся воспоминаниями о рождественских обходах пастухов. Поскольку пастух вознаграждался снедью, то крестьянки, вспоминая былые нормы праздничного поведения, невольно сравнивают их с современными правилами. Например, в пос. Купальский Сапожковского р-на рассказывали: когда на Рождество «коровий» пастух ходил по дворам,

«Калёдки» – обрядовая выпечка на Старый Новый год (на переднем плане –«младенец» в люльке). Пителинский р-н, с. Ферма. Изготовлено в 2003 г. (Коллекция Л.А. Тульцевой). Фото С.А. Иниковой 2007 г.

разбрасывая зерна с благопожеланием «на бычицу, на тялицу, третье на здоровье!», то ему подавали «каравайцы», блины, хлеб, но водку никогда не давали.

От женщин старшего поколения еще можно записать разные варианты пастушьих приговоров, произносившихся во время разбрасывания зерна по избе. В данном случае традиция передается в форме устного рассказа, содержащего информацию об утраченном обычае от старшего поколения к заинтересованным слушателям.

Иная ситуация с *христославлением*. Воспоминаний об этом рождественском обычае довольно мало. Зачастую информаторы решительно заявляют, что в их селении такого обычая не было и от стариков они о нем не слышали. Тем не менее в 1910–1920-е гг. в больших рязанских селениях, особенно тех, откуда работоспособная часть крестьян уходила на заработки, дети славили Христа «со звездой». Например, интересные воспоминания о христославлении были записаны в 1996 г. от 100-летней жительницы большого приокского с. Ижевское Спасского р-на. Здесь Христа славили подростки — мальчики и девочки вместе. У кого была гармонь, тот с ней приходил в свою компанию *славильщиков*. Однако по воспоминаниям рассказчицы: «С гармонью-то они ходили, но в дом не заходили», т. е. играть можно было только на улице, но в доме, где читался рождественский тропарь, не разрешалось. Ижевские славильщики ходили по домам со звездой и елочкой небольшого размера, зажигая на ней время от времени свечки.

Обычай христославления стал уходить в 1930-е гг. В упрощенных формах он сохранялся до 1960-х гг., перейдя в самую младшую возрастную группу — к детям дошкольного возраста. Маленькие славильщики предпочитали прибегать с поздравлением «Христос рождается!» в дома к своим сельским родственникам и соседям. Этот вариант славления автору довелось наблюдать в конце 1960-х гг. в с. Канино Сапожковского р-на.

Современное Рождество имеет характерные приметы православного праздника: говенье «до звезды» людей верующих, разговенье постной пищей, посещение храма для встречи Рождества Христова. Родители озабочены рождественскими утренниками. Наметилась тенденция создания новых форм показа для детей сценок на темы евангельских историй о рождении Христа. Например, рождественский репертуар воспитанников воскресной школы г. Новомичуринска Пронского р-на включает не только сценки на библейские сюжеты, но и рождественские колядки, и кукольный театр.

Переход от старого года к новому в ритуальной жизни рязанских крестьян отмечался зажиганием костров. В 1910-е гг., например, под Новый год, по свидетельству современника, «клали огни» в Демидовской, Бутыльской и Прудковской волостях Касимовского у. Он же сообщал, что к кострам «часто, кроме холостой молодежи, выходят и женатые» [10]. Московские этнографы в 1961 г. в с. Чернава Милославского р-на записали рассказ о том, что в этом селе на Новый год жгли солому: «Каждый приносил по вязанке, клал на дорогу». Редкое для Рязанского края свидетельство о новогодних огнях мы записали в 1999 г. в дер. Ванчур Шиловского р-на: здесь под Старый Новый год устраивалось ритуальное шествие с черепом козла на палке, который потом сжигался. По-видимому, ритуал бытовал еще во второй половине XIX — начале XX в.

Традиция зажигать святочные огни многофункциональна. По современным объяснениям, новогодние костры символизируют сжигание старого года. Однако есть основания считать, что костры, разведенные в новогоднюю ночь на деревенской дороге, зажигались также с целью оберега. Одновременно с зажиганием костров появлялись ряженые и колядовщики. В Рязано-окских землях их называют *авсе́нюшки, авсе́ньки, авсеня□ры, тау́сеньки,* ватаги которых — по сути, свита некоего ритуально-мифологического персонажа, спускавшегося или прилетавшего (согласно текстам «Авсеней») на землю в канун Нового года. Для областей Среднерусского Поочья появление ряженых авсенюшек накануне Нового года так же важно, как приход бабки Коляды со своей свитой накануне Рождества. Присутствие этих ритуальных персонажей у крестьянской избы в канун сакрально отмеченного времени — залог грядущего благополучия. Этому же, согласно традиционным представлениям, способствовало и исполнение в данный момент ритуальных текстов — *Авсе́ней, Усеней, Тау́сеней, Виноградий*, призванных обеспечить богатый урожай и любой «прибыток» в доме.

Один из таких текстов-благопожеланий был записан в с. Кузьминское Рыбновского р-на. В нем рассказывается о том, что авсенюшки пришли к хозяину на двор, но хозяина дома нет:

Он уехал в поле
Пшеницу сеять!
Зароди ему, Господь,
Из полна зерна пирог!
Как из целого зерна
Тридцать три пирога!

В с. Кутуково Спасского р-на был записан фольклорный текст, в котором образ бора (соснового леса) контаминирован с образом поросенка (*бо́ри*), дарующего урожай:

Боря, боря!
Давай хлеба боле
Ой, вы, бори, бори!
Сосенка стояла
Зелена, кудрява.
Ехали бояре,
Сосенку срубили,
Мосточки мостили,
Сукном устилали,
Гвоздьми убивали!
Ой, вы, бори, бори!
Давай хлеба боле![11]

«Боря, боря!» — это распространенная кличка свиней. «Боря, боря! Давай хлеба боле!» — это уже заклинательная формула, связывавшая плодородие полей с зимним солнцем, с праздником солнцеворота, которые в «тау́сенях» представлены образами *сивой свинки* и *золотого поросенка*. Не случайно в с. Малеево Касимовского у. в 1920-е гг. женщины пекли 31 декабря особые пироги с кашей и картофельной начинкой. В них запекали и свиную ножку от маленького поросенка. Согласно лексике того времени, такие пироги могли быть «черными» (из ржаной муки) и «белыми» (из пшеничной муки), смотря по достатку. В некоторых селениях сохраняются традиционные названия новогодней выпечки: пироги с начинкой называют *чу́шками* и *свинками*, архаичностью формы отличаются *у́сеньки* и *авсеньки* .

«У□сенька» – обрядовая выпечка на Старый Новый год. Кадомский р-н, дер. Сумерки. Изготовлено в 2004 г. (Коллекция Л.А. Тульцевой). Фото С.А. Иниковой 2007 г.

В крестьянских семьях накануне Нового года было принято варить свиные ножки, а в Новый год — свиную голову. В некоторых селениях косточки от сваренных свиных ножек назывались «тау́сеньками». Их давали в награду мальчикам за исполнение «Тау́сеня». Кто набирал больше «тау́сенек», тот считался богаче остальных. С «тау́сеньками» играли, как в городки: составляли из них фигуры и сшибали. Из косточек от свиных ножек делали также *жужжалки* или *бурчалки*: косточку просверливали, продевали нитку и играли, извлекая жужжащие звуки. Из-за этого свиные косточки особенно ценились детьми.

Возвращаясь к теме исторической памяти, передаче фольклорных традиций от поколения к поколению, особо подчеркнем тот факт, что в рязанских селениях до сего дня сохраняются в числе новогодних поздравительные тексты с припевом «Виноградье красное, зеленое мое!» И сейчас от жителей сел Константиново, Кузьминское, Солотча, Шехмино и дер. Аксёново Рыбновского р-на можно записать тексты «Виноградий», «Бау́сеней», «Авсеней». Поведают они о том, что «Виноградье» должно исполняться молодежью под

Новый год, а «Бау́сень» — подростками утром в первый день наступившего года.

Окликания-величания с припевом «Виноградье красное, зеленое мое!» типичны только для северных районов Рязанского края. В Рыбновском и Касимовском районах, где зафиксированы эти величания, они исполняются одновременно с «Авсенями» и «Тау́сенями-Бау́сенями». Заокская часть рязанской Мещеры является одной из пограничных зон распространения «Виноградий» на европейской этнотерритории их бытования.

В мещерском Поочье наряду с новогодними текстами с припевом «Виноградье красное, зеленое мое!..» и призывом ритуального персонажа *Усеня-Тау́сеня-Бау́сеня-Овсеня-Авсеня* повсеместно были известны и новогодние тексты с ритуальным призывом «*Плуга*!» В этнографической литературе отмечено ограниченное число мест с бытованием традиции данного варианта новогодних призывов. Каждая возможность уточнить их ареал представляет научную ценность.

Когда *плугакали* (от призыва «Плуга!»), то «кричали» текст с известным вопросо-ответным сюжетом: «Плуга! Плуга! Ты где была? / Плуга! Плуга! Я коней стерегла / Плуга! Плуга! И где кони?» и т.д. Вопросо-ответная структура текста говорит об его архаичности и особой ритуальной значимости для новогодней обрядности.

Берестяная маска «Авсень». Шиловский р-н, с. Борок. 1990-е гг. (ЦНТ Шиловского р-на). Фото Л.А. Тульцевой 1996 г.

Традиция новогодних благопожеланий относится к числу устойчивых. Можно назвать немало рязанских селений, в которых новогодняя традиция хотя и трансформировалась, но не была прервана. И здесь в первую очередь назовем северо-восточные и восточные районы области — Кадомский, Шиловский, Касимовский. Там, где обычай новогодних обходов не был прерван, для его возрождения, хотя бы и в редуцированных формах, достаточно инициативы нескольких заинтересованных человек. Как правило, в этом случае особенно активными бывают женщины, которые еще после войны застали развитые формы ритуала. Именно они в течение последних десятилетий поддерживали традицию исполнения «Авсеней-Тау́сеней» под Старый Новый год. Как вспоминала одна из таких заводил из с. Веряево Пителинского р-на: «Нам подавали — выпить дадут и посадят; кто денег даст, кто чего. Нарядимся тоже». В последние годы в Веряеве в канун Старого Нового года ходили «кричать Авсень» от семи до десяти ватаг детей и женщин побойчее, так что даже, как говорят местные жители, «не поспеешь встречать». Аналогичная ситуация и в других местах. Например, в с. Восход Кадомского р-на в 2004 г. под Старый Новый год обход совершали свыше десяти ватаг поздравителей, но ватага взрослых была одна на все село. В основном же «авсенькали» дети и подростки, которые, не зная традиционных текстов «Авсеня», исполняли лишь концовку с просьбой о награде за поздравление. В 2005 г. одну из групп детей сопровождала школьная учительница, разучившая с ними местный вариант «Тау́сеня» (известный среди старших жителей села под названием «Кудри»).

В то же время в с. Кочемирово Кадомского р-на вот уже несколько лет собирается молодежная ватага с ряжеными, исполняющая традиционный текст с припевом «Та́-Усин! Та́-Усин!» В этом же районе жители Котелина к встрече компаний, поздравляющих со Старым Новым годом, готовятся, «как к празднику»: всех, кто приходит «авсенькать», приглашают к празднично накрытому столу с закуской, одаривают конфетами и деньгами.

Подростки, кликающие Авсень. Кадомский р-н, с. Кочемирово. Фото А.Н. Журавлева 2002 г.

Котелино — большое село, поэтому здесь под Старый Новый год бывает до двадцати партий поздравителей.

В тех местах, где в информационном поле сельского сообщества утрачена традиция святочных обходов с поздравлениями-величаниями, их заменяют клубные мероприятия. Устраиваемые под Старый Новый год, они бывают максимально насыщены традиционной святочной символикой в сочетании с современными новогодними новшествами. Чаще всего для такого мероприятия в стилизованной «горнице» наряжается елка, у накрытого стола с самоваром гостей встречает хозяйка праздника. Здесь же устраиваются розыгрыши ряженых, среди масок и костюмов которых предпочтение отдается так называемой «нечистой силе» и персонажам волшебных сказок [12].

Любимый способ *святочного ряженья* конца XIX в. — переодевание мужчин в женскую одежду, а женщин в мужскую: «Святками наряжаются: молодые бабы и девки — парнями, а парни — бабами, но масок не накладывают, почитая это за великий грех», — писала в 1890-е гг. корреспондентка ОЛЕАЭ из с. Вышетравино Рязанского у. Из с. Федякино того же уезда сообщалось: «На святках молодые ребята и женщины наряжаются: женщины наряжаются мужчинами, а ребята — женщинами; иногда наряжаются медведем или козлом; крестьянским девушкам наряжаться не принято» [13]. Травестийные формы ряжения сохранялись в течение всего XX в.

Особый тип ряженья связан со святочным ритуальным обходом селения *кобылкой* или *конем*. Обход так и назывался *коня водить, кобылку водить*. Его цель — магико-предохранительная, апотропейная. Не случайно «коня» или «кобылку» сопровождал мальчик с колокольчиком, звук которого защищал селение от пакостей «нечисти». В с. Красное Пронского р-на обряд разыгрывался вплоть до 1950-х гг. Здесь «кобылой» рядились мужики: сначала крепили лошадиный череп к прялке-рогульке, затем игроков накрывали *во́спищем* *. Верхом на «кобылу» сажали парнишку с колокольчиком. Кругом кричали: «Кобылу ведут! Кобылу ведут!» Процессия двигалась по селу с песнями «Сад», «Месяц чудный плывет». Один из участников игры рассказывал: «Я 18 лет подряд кобылой рядился и 18 лет, чтобы очиститься, в *Иордани* (ледяной проруби. — *Л.Т.*) купался после обедни с крестным ходом» [14].

Современные воспоминания о ряженье «конем» были записаны в Спасском, Ермишинском, Кадомском, Пителинском, Сасовском районах.

Образы «кобылки» («коня»), «медведя», «старика» в новогоднем ряженье — это сакральные персонажи архаичного ритуала, начинавшегося в день Спиридона-поворота и посвящавшегося солнцевороту.

У современного святочного ряженья значительно сократилось ритуальное время: оно ограничивается только Старым Новым годом. Упростились и его формы. Из традиционных персонажей, прежде выполнявших аграрно-магические функции, остались, преимущественно, ряженые в вывороченных мехом наружу шубах из овчины, а также женщины, переодетые мужчинами, и наоборот. Остальные участники праздника рядятся в соответствии со своей фантазией. При этом среди девушек и женщин особенно популярен костюм рязаночки — девушки или молодушки в яркой павловопосадской шали или старинной шали из бабушкиного сундука. В этом случае надеваются шушпаны или сукманы, шерстяные самотканые очень красивые понёвы, вышитые холщовые рубахи, ярко-красные запаны. Именно эти группы современных ряженых поддерживают традицию кликанья Авсеня-Таусеня-У□сеня на Старый Новый год.

Святочные гадания как сакрально-магическая форма загадывания о будущем или о судьбе на предстоящий год — это одновременно и способ некоего творения обновленной картины мира. В Рязанском крае, согласно материалам XX в., основная часть святочных гаданий совершалась вечером под Крещение. Их цель — структурирование новой картины мира. К XIX в. в гадательных практиках возобладал прагматический интерес — гадали с целью узнать об урожае в наступающем году, о жизни и смерти, а молодежь — о женихах и невестах. В годы советской власти, при обобществленном сельском хозяйстве, гадания об урожае практически были забыты. Если они и воспроизводились, то лишь незначительной горсткой ритуально грамотных

* Воспище — грубое полотно из конопли для просушки и провеивания зерна на току.

людей, по традиции заботившихся не только о грядущем благосостоянии общины, но и экологическом равновесии между природной средой и человеком.

В XX в. из всего многообразия гаданий сохранялись лишь гадания о суженых-ряженых. Как правило, такие гадания — и в шутку, и всерьез — устраивались и устраиваются девичьими компаниями. Поэтому от местных жительниц и сейчас можно записать множество вариантов святочных гаданий о женихах и замужестве. Такие гадания охотно вспоминаются в разговорах. Интерес к ним в немалой степени подогревается средствами массовой информации. Теперь нередко составной частью рождественского или новогоднего праздника, проводимого в клубе или сельской библиотеке, являются совместные гадания «на судьбу» участников вечера. Однако при этом почему-то никому не приходит в голову, что для человека отнюдь не безобидно бездумное копирование такого рода «забав». Ведь все они имели свое информационное поле, свои охранные знаки и границы!

Особыми *обережными* свойствами наделялась *крещенская обрядность*. Ее характеризуют разнообразие и устойчивость бытования. В рязанских селениях день накануне Крещения называют *свечи* или *свечки* в связи со старинным обычаем ставить свечи перед иконой Богоявления Господня во время освящения воды в храме. После вечерни свечи уносят с собой и берегут за домашними образами, используя в экстремальных случаях, например, зажигают во время грозы. В числе важнейших крещенских обычаев — охранно-магические обереги с помощью креста. В ночь накануне Крещения на всех дверях, окнах, воротах мелом ставятся кресты, чтобы, согласно верованиям, предохранить дом и двор от действия нечистой силы.

В религиозно-бытовой практике православных людей повсеместно большое значение придается *крещенской воде*. И хотя в годы советской власти большинство храмов было закрыто, ни одна православная семья не оставалась без целебной крещенской воды. Крещенское шествие в полночь за водой к природному источнику (реке, озеру, роднику) относится к числу самых устойчивых обычаев традиционного уклада жизни. Этот древний обычай поддерживался на протяжении всего XX в. Народная память в течение веков сохраняла и предписанные нормы поведения во время шествия к крещенскому источнику. В Среднерусском регионе в прошлом столетии соблюдались следующие правила: к крещенскому источнику отправлялись только вдовы и старые женщины; временем его посещения была крещенская полночь; шествие к источнику и от него к дому совершалось в полном молчании. Крещенскую воду набирали также молча, поэтому такая вода нередко называлась *молчальной*.

Считается, что крещенская вода обладает целебными и магическими свойствами: ею кропят в избе, на дворе, обрызгивают скотину, умываются, ее пьют при болезнях, хранят «от сглаза». В числе семейных преданий можно услышать рассказы о присущей крещенской воде способности сохранять весьма продолжительный срок свои целебные качества.

Обязательным элементом крещенской обрядности был обычай выпекать из ржаного теста *кресты*. Одновременно выпекались фигурки домашних животных — тех, которые велись в хозяйстве. Реже пеклись *хрестцы* — они воспроизводили кладку снопов в одонья и хранились до весеннего сева. В Касимовском у., когда пекли *кресты*, то один выпекали большой и, как например, в с. Терентеево, ставили в передний угол. На Крещенье этот «крест» крошили в воду, которой поили лошадей «от дурного глаза» и болезней. Печенье в форме *крестиков* выпекали и для каждого члена семьи.

В некоторых районах сохраняется традиция выпекать из ржаной муки пресные «кресты» величиной «в небольшую ладошку». Такие «кресты» предназначаются для домашних животных. Согласно традиции, их пекут накануне Крещения, «благословляют», т. е. брызгают святой водой, а утром, в день Крещения, смешав с рожью и овсом, дают скотине. В селениях Кутуково, Устрань, Бессоновка, Аргамаково Спасского р-на выпекают пшеничные «кресты» из дрожжевого теста. Для приготовления «креста» тесто раскатывают жгутами и, сделав две «перекладинки», складывают их крестом. «Крестами» называли и обычные пышки, на которых ножом прочерчивали равноконечный крест. Обережное назначение такой пышки очевидно.

Выпекают также фигурки всех животных, которые имеются в хозяйстве. Когда возвращаются с крещенской обедни со святой водой, то все эти фигурки крошат в корм

скотине. В с. Нармушадь Шиловского р-на перед Крещением пекут «кресты», а также фигурки *свинок* и других животных, а раньше здесь пекли еще *пичужек* (селезня с утками) и *клюжки* (в форме бороны). В с. Нарма Ермишинского р-на вместе с *хрястушками* («крестами») пекли *витушки* архаической восьмеркообразной формы.

Все фигурки из теста в форме домашних животных назывались *коровками*. На второй день Крещения хозяин брал выпечку, кутью, сваренную из зерен, которыми пастух «посевал» на Рождество, предварительно смочив их святой водой, шел на двор, кропил все святой водой и раздавал скоту и птицам все принесенное с собой. Аналогичные обычаи с крещенскими «коровками», смешанными с рожью, просом и пшеницей, были непременной частью крещенской обрядности в селениях на севере Кадомского р-на. Здесь Крещенье даже называли *коровьим праздником*.

Кормление скота выпечкой в форме животных и птиц с целью их сохранения и размножения — один из религиозно-бытовых вариантов магии типа «интичиума» (размножения). Эту цель имело и широко использовавшееся в домашних обрядах рязанских крестьян печенье в форме коня с одной или двумя головами по сторонам туловища. Крещенское печенье *кони* или *козички* (как в с. Пёт Пителинского р-на) с одной или двумя головами, с всадником или без него, теперь хотя и редко, но еще выпекается в некоторых селениях Рязанской обл.

«Коровка» – крещенская обрядовая выпечка. Шацкий р-н, с. Борки. Изготовлено в 1996 г. (Коллекция И.С. Слепцовой). Фото С.А. Иниковой 2007 г.

«Кони» – крещенская выпечка (ржаное тесто). Шиловский р-н, с. Тырново. Изготовлено в 1999 г. (ИЭА. Этнографический кабинет-музей им. Н.Н. Чебоксарова). Фото С.А. Иниковой 2007 г.

Обращает на себя внимание тот факт, что в меру, из которой *закармливали* (ритуальное кормление) домашних животных на Крещенье, вместе с обрядовыми хлебцами обязательно сыпали хлебные злаки. Например, Н.И. Лебедева в 1924 г. в материалах, касающихся обычаев дер. Нижнее Мальцево Касимовского у., специально подчеркивала, что здесь хозяин крошил в кузов (большую корзину) для домашней скотины окропленный святой водой пирог («колобашку»), а также овес, рожь, просо, чечевицу, вику («вообще всякие злаки, которые сеются в данном хозяйстве, отдают съесть скотине») [15]. Это важное продуцирующее действие, которое широко практиковалось в земледельческих областях, есть своего рода *магия всезерния*. К магии продуцирования можно отнести обычай шацких крестьян под Крещенье изображать над передним углом *звездное небо* в виде *круга*, внутри которого рисовали месяц, иногда солнце, и точками обозначали звезды. Согласно объяснениям, «пад Крищеньи, гаварять, звезды нараждаюцца, и вот эт круг делають» (села Черная Слобода, Казачья Слобода Шацкого р-на) [16]. В народных приметах обилие звезд на святочном небе сулило грибной год, в других случаях — приплод в овечьей отаре.

На Крещенье начинали заботиться и о засевальщике с «легкой» рукой. Таким считался тот член семьи, которому доставалась пышка или «крест» со специально запеченной монетой. В с. Шостье Касимовского у. в начале 1920-х гг., когда пекли «кресты» (или пышки), то в один из них, как и на Введение, запекали монету; с таким хлебцем засевали хлеб, чтобы лучше родился [17]. Пока до 1950–1960-х гг. рязанские крестьяне сеяли зерновые на своих усадьбах, обычай выбирать засевальщика по обрядовому хлебцу еще бытовал в некоторых семьях. Сама же выпечка хлебцев с монетой местами сохранялась вплоть до 1990-х гг. Мотивация ее: кому достанется хлебец с монетой — «тому счастье» (с. Дубровка Шиловского р-на).

В воспоминаниях о том, как прежде праздновалось Крещенье, большое место отводится *крещенской Иордани*: крестному ходу к реке, водосвятию и купанию в ледяной проруби тех, «кто обрекся аль по храбрости». Такие подробные воспоминания о крещенской Иордани были записаны местным краеведом в с. Свинчус Шиловского р-на. Они привлекают внимание описанием ваяния народными умельцами из льда креста и аналоя для водоосвящения. В самом рассказе ощущается атмосфера всеобщего ликования на крещенском празднике [18]. 1990-е гг. характеризуются повсеместным возрождением купаний в крещенской проруби.

Масленица. Среди традиционных праздников годового круга особым размахом, обилием еды, праздничными гостеваниями и весельем выделялась *Масленица*. Это явление — общерусское. Оно типично и для Рязанщины. У старшего поколения рязанцев более всего в употреблении следующие названия Масленой недели: *Масляная неделя, Маслина, Маслинская неделя, Масляная заговенья, Маслинца.*

Традиционная Масленица была многодневным празднеством и входила в круг важнейших годовых аграрно-календарных циклов. Она имела развитую ритуально-праздничную структуру, с четко номинированными днями, в ходе празднования которых реализовывалась основная идея аграрного круговорота — осуществление плодородия и движение коловрата (годовой спирали календаря). Значение празднования подчеркивалось уже тем, что, как и всем большим праздничным циклам, Масленице предшествует день особого поминовения умерших. Кроме того, в воскресенье накануне или в понедельник Масленой недели устраивалась особая *встреча* Масленицы. Традиции встречи Масленицы разнообразны. Среди них примечателен, например, обычай с. Секирино Скопинского р-на, называвшийся *сани обмерять*. Группа девушек-подружек устраивалась у саней, где они не переставая пели *маслинские песни*, считая, что этим призывается Масленица.

Угощение блинами на Масленицу. Сапожок. Фото 2002 г. (Архив газ. «Сапожковские вести»)

Во второй половине XX в. о встрече Масленицы еще помнили те, кто сам в детстве или молодости принимал в ней участие. Эта группа лиц в память о былом обычае с понедельника начинала печь первые блины. Например, в с. Ермо-Николаевка Пителинского р-на старушки в первый день Масленой недели пекли блины и будили внуков словами: «Вставайте, давайте Маслинцу встречать!»

Еще в 1960–1970-е гг., помолившись за упокой души умерших родителей, первый блин клали на «поличку» к иконам. Сохранились и воспоминания о том, что девушек на выданье посылали с первым блином на дорогу спрашивать имя у «первого встречного мужика». Выпечка блинов и угощение ими остаются характерной особенностью праздничного стола на Масленой. Но не только блинами была красна Масленица. Наряду с ними выпекалось много других разнообразных печений на масле, яйцах, сметане —

это блинцы, каравайцы, орешки, ржанки, черепенники, пироги. В былые времена перечисленные изделия считались лакомством, выпекались только в качестве праздничного угощения. Как прежде, так и теперь их пекут очень много, хотя в настоящее время ассортимент праздничной традиционной выпечки сократился: лишь по воспоминаниям можно восстановить рецепты ржанок, черепенников, орешков. Особенно много блюд готовится в дни *широкой* или, как говорят, например, в с. Котелино Кадомского р-на, *коренной Масляницы*.

Самым распространенным было и осталось представление о том, что широкая Масленица начинается с четверга. Однако еще в 1950–1960-е гг. о ее начале каждый судил по своему достатку: для кого-то широкая Масленица начиналась со среды, а для немалой части населения — с пятницы. В зависимости от этого наступали и дни праздничных соседских и семейно-родственных гостеваний. Этнографические материалы конца XIX в. по с. Новоселки Рязанского у. сохранили сведения об архаичном поло-возрастном принципе гостеваний в этом селе: в гости ходили не семьями, а «партиями» от трех до десяти человек, объединившись в соответствии с полом, возрастом или особым статусом, как, например, солдатки, которые объединялись в свою компанию [19]. Особенно устойчивой оказалась традиция девичьих гостеваний. Во многих селениях она сохранялась до 1960-х гг. Известная исполнительница народных песен с. Секирино К.С. Ларюшкина (1927–2000) вспоминала: «Каждая подруга должна свой карагод собрать и у каждой погостить. И так — до воскресенья». В чьей семье гостила компания девушек, на лошадях тех хозяев они и катались в тот день.

Свои традиции были в гостеваниях и времяпрепровождении сговоренных пар и молодоженов. Родители сосватанных женихов и невест торопились устроить запой. Как говорили в Секирине: «На Масляну запивались, а на Красную горку свадьбу играли». «Запивались», т. е. устраивали небольшое пиршество («запой») по случаю сговора или удачного сватовства (см. т. 2. с. 62–63). Молодожены также принимали гостей. В последние дни Масленой недели традиция предписывала молодым гостить «у тещи на блинах». Обычай назывался *позывы*. В этом случае молодому полагалось идти в гости к невестиной родне с лаптями собственного плетения, поскольку кататься с гор в лаптях было сподручнее, чем в иной обуви.

Символика масленичных обычаев с молодоженами — побуждать к весеннему возрождению силы природы. Поэтому любимое развлечение и в селах, и в городах — принудить молодоженов целоваться при всем честном народе. Как вспоминали в с. Орехово Спасского р-на, «если пройдут молодожены по улице, то обязательно их остановят и заставят целоваться». Над теми, кто в мясоед сватался, а им отказали, как и вообще над холостой молодежью, разыгрывались озорные шутки. Особенно доставалось девушкам. Широко бытовала масленичная забава *солить девок*. Наши рассказчицы из с. Гавриловское вспоминали: «Как Масляная, так ребята девок: „Ныне Масляна! Девок солить!“ Боимся. Сейчас вот девку-то повалит — и снегом, снегом!.. Девок в снегу закапывали. Еще в 70-е годы так делали».

В богатых селах было принято устраивать отдельные катания на лошадях для невест. Кое-где этот обычай стал уходить в прошлое уже в конце XIX в. Например, по информации этого времени из Раненбургского у. (с. Лебяжье, деревни Загрядчино, Кузьминка): «Во время Масляницы годов 10 тому назад имели обычай кататься на лошадях, женихи катали своих невест, но теперь этого нет» [20].

Выезд купцов на празднование Масленицы. Ряжский у., с. Уколово. Фото 1912 г. (Музей-усадьба Семеновых-Тян-Шанских в дер. Гремячка Милославского р-на)

Привилегия молодежи — кататься на санях всю Масленую неделю. Старики имели право кататься только в субботу и воскресенье. Было принято, чтобы *масленичный поезд* возглавляли

нарядные молодухи. Повсеместно выезд молодоженов на масленичное катанье приравнивался к свадебному (см. т. 2. с. 99–100): «Кто обвенчался мясоедом, катались на особенно разукрашенных лошадях, с колокольчиками, лентами, праздничной упряжью, дуга вся разукрашена». Молодожены, как и само катание по кругу или вдоль деревень, — были гарантом будущего плодородия. «Катались для урожая» — такое объяснение редко, но еще можно услышать от старых рязанцев.

Сакральный смысл имело и непрекращающееся пение, звучавшее на местных горках или во время гулянья вдоль улиц. Примечательно, что в Старожиловском и Сасовском районах во время гуляний исполнялись *масленичные песни* с сюжетом «сыром горку устилали», широко известные в Псковской, Смоленской, Брянской, Калужской областях.

Одно из любимых и распространенных среди девушек гуляний — *плетнями играть*. «Обнимемся, сколько нас есть, — вспоминают старожилы Секирина, — и идем вдоль улицы, поем».

Праздничная одежда для катания с горок на Масленицу. Милославский р-н, с. Чернава. Фото А. Линденберга 1961 г. (АИЭА. Фототека)

В с. Нармушадь Шиловского р-на во время гулянья на улицах и горках «кругом стоят карагоды женщин и девушек, и кто что поет». В с. Лубонос того же р-на «все стояли на горе и пели песни, и кругом села катались». Однако женщины и девушки не только пели, но и демонстрировали свои наряды, кушаки, «поясья с бисером», а особенно шали и платки: «В самую нарядную одежду наряжались. Шали красные, нарядные» (с. Нарма Ермишинского р-на). По традиции каждая женщина непременно имела большую нарядную шерстяную шаль и такие же нарядные шелковые платки для гуляний на Масленой неделе. Порой платки даже не надевали, а просто накидывали на руку для красоты. Такая «мода» в Нармушади сохранялась до конца 1960-х гг. Здесь за селом есть место (Кочина гора), где на Масленицу катались с гор. Девушки сюда приходили не только с гор покататься, но и продемонстрировать свои красивые шали (как залог будущего приданого): «Стоишь, шаль-накидка большая на руке, а платок шелковый, цветами на голове». Эти воспоминания удивительно схожи с записями о праздновании Масленицы в Московской, Рязанской, Тамбовской и Пензенской губерниях в первой половине XIX в. В Милославском р-не (например, в с. Чернава) молодежь (девушки и ребята) специально для катаний с гор опоясывались несколькими вышитыми холщовыми полотенцами и праздничными кушаками.

Любимым масленичным развлечением было катание по кругу на санках. По воспоминаниям жительницы с. Ермо-Николаевка Пителинского р-на, относящимся 1970-м гг., ее «отец делал… около дома карусель: вмораживал столб, к столбу — от телеги колесо, жердь, а на конце жерди — *скамья*. Скамья — это доска, как маленькие салазочки, но без полозьев. На доске устраивалось сиденье и перила с боков, чтобы держаться, иначе можно вылететь, так как крутишься быстро. Один человек раскручивал колесо с жердью. Летаешь со скоростью, очень быстро» [21]. Такое устройство действовало как центрифуга, так что, как правило, все, кто катался, вылетали из санок под ноги зрителей. В рязанских селениях его назвали *кружало, вертячка, карусель, ледяная карусель, круговая гора*. Эта масленичная забава имела широкое распространение по всему Поочью. Подобную карусель для детей можно было встретить по всей России еще в 1970-е гг.

Ни одно празднование Масленицы не обходилось без *кулачных боев*. Этот вид русских рукопашных состязаний был самой впечатляющей «забавой» на больших праздниках в течение всего года. К началу XX в. календарный круг обязательных рукопашных состязаний нарушается, они устраиваются лишь по случаю особо отмечаемого в приходе праздника. Часто таким праздником была Масленица. В Рязанской обл., как и повсюду в России, ма́сленичные рукопашные бои начинались с первого дня Масленой недели. По информации из с. Столпцы Пронского у., относящейся к 1932 г., до пятницы *кулачки* шли, главным образом, среди молодежи («вроде как бы подготовка и проба сил была»). Когда наступали дни широкой Масленицы и «разгул деревни входил в фазу наибольшего подъема», кулачные бои «достигали высшего своего напряжения, и в них участвовали уже все боевые силы деревни» [22]. С четверга Масленой недели начинались кулачные бои в селениях Киструс, Ужалье, Городец. Бились: село на село. На зрелище съезжались смотреть из соседних сел. В с. Можары Сараевского р-на «кулачки» длились три дня: бились Большие Можары на Меньшие Можары; начинали «стенка на стенку» ребятишки, а завершали «быки» — мужчины-тяжеловесы. На юге Рязанщины, где проходила засечная черта, разыгрывалась знаменитая казачья игра «Взятие снежного городка». Кулачные бои в качестве мужского праздничного развлечения стали уходить из жизни села к концу 1940-х гг.

Заключительные дни Масленицы были насыщены играми с участием ряженых. Традиционными были переодевания в вывороченные шубы и травестийные формы ряженья. В Милославском и Сараевском районах этих ряженых называли *русалками*. Классические фигуры ма́сленичных ряжений — карнавальные образы «старика» и «старухи» в роли жениха и невесты, сопровождаемых «свадебным поездом». Эта игра относится к числу архаичных. Она имеет глубокий ритуальный подтекст и, по некоторым этнографическим записям, разыгрывалась в Чернаве.

Еще один архаический ритуал, широко бытовавший на территории Рязанского края вплоть до 1920-х гг., — проводы Масленицы в форме ряженья *кобылой* (*маслинская кобыла*) и *вождения кобылки*. Другой вариант — ряженье *конем* («коня убирали») с «всадником» (Спасский, Кадомский, Шацкий, Елатомский районы). В с. Романовы Дарки Шацкого р-на (ныне Путятинский р-н)

Чучело Масленицы и ряженые (справа –«конем»). Пителино. Фото 2000 г.

чучело «кобылы» сжигали на дороге в последний день Масленицы. О таких формах «маслинской» ритуальной игры вспоминали в 1990-е гг. лишь некоторые старожилы преклонного возраста. Трансформированные варианты ряжения «конем» сохраняются и в наше время.

Как и все большие аграрные праздники, связанные с природными циклами, Масленицу встречали и провожали с кострами. По традиционным воззрениям, огонь очищает и животворит. Поэтому кострам, разжигавшимся в ходе празднования больших календарных циклов, придавалось особое значение. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что костер на Масленицу иногда зажигался от *живого огня,* т. е. огня, полученного от трения-сверления двух кусков дерева друг о друга. В конце XIX — начале XX в. таким способом зажигался ма́сленичный костер в с. Борок Спасского у.[23]. Наиболее часто в Рязанском крае костры устраивали из больших куч соломы. В некоторых местах сжигали чучело Масленицы. Костры раскладывали на перекрестках сельских улиц, реже в лугах, у рек, или же, как на севере Кадомского р-на, где много озер и типична круговая (вокруг озера) планировка селений, их жгли на берегу или льду озера. О кострах из соломы говорили: «Маслину жгут». Например, одна из рассказчиц вспоминала: когда «Маслину жгли, то солому выносили, пуками ее связывали, эту солому, и жгли по улице. Это — Маслину провожали» (с. Новоершово Шиловского р-на).

В Ермишинском р-не в знак завершения обработки конопли в костер непременно добавляли конопляные снопы и кострику. По воспоминаниям старожилов: «Конопли, бывало, возьмут сноп и на голове несут. Зажгут и несут по деревне, а старики ругаются, боятся пожара» (с. Турмодеево); «Костригу, коноплю наготовим, дрова, сено, и провожаем Масляницу. „Это, — говорили старики, — и нужду сжигаем, чтобы по-новому жить и богато“» (с. Нарма).

Современные записи об изготовлении и сожжении чучела Масленицы не дают достаточно полной картины для определения ареала традиционного (а не почерпнутого из средств массовой информации) обычая сжигать чучело. Судя по материалам, которыми мы располагаем, чучело Масленицы сжигалось в приокских селениях Рыбновского р-на; в некоторых селениях Касимовского, Кадомского, Шиловского районов; повсеместно в Ермишинском р-не; во многих селениях Пителинского р-на. Как правило, это происходило ближе к сумеркам в субботу или в Прощеное воскресенье.

Одна из особенностей современных костров Масляной недели — использование для них автомобильных покрышек. Вышедшие из употребления покрышки укладывают как можно выше друг на друга, чтобы и огонь горел высоко. Такие костры, как правило, жгут на льду озера.

Последний день Масленицы — Прощеное воскресенье — отличался разнообразием регламентированных традицией семейно-родственных визитов. Но как прежде, так и теперь день начинался с посещения кладбища. Вернувшись домой, наряжались и принимали гостей (зять со своей родней приезжал к теще на блины) или сами отправлялись в гости.

У русских было принято в Прощеное воскресенье посещать крестных родителей «для прощания», т. е. накануне Великого поста просить прощения за все нанесенные обиды. Малые дети приходили навестить крестных с родителями, а подросшие — самостоятельно. Навещая крестных родителей или принимая их у себя в доме, в старину в таких случаях «при поцелуях» обменивались кренделями, булками, разными лакомствами. Например, в приходе с. Лебяжье Раненбургского у. в конце XIX в. на Прощеный день крестники и крестницы вместе со своими родителями ездили *прощаться* к крестным отцу и матери, привозя им в гостинец кренделей. В свою очередь те одаривали крестников или деньгами, или «материей на платье» [24]. В селениях по Кутуковской горе вплоть до последних десятилетий XX в. на Прощеный день крестные матери пекли орешки для угощения крестников.

Предписанные нормами общинно-родственного поведения обычаи Прощеного дня способствовали упрочению связей семьи со всем кругом ее родства и свойства, что было важно для укрепления жизнестойкости общины и государства в целом. Сакрально-нравственный код «прощаний» не был утрачен, несмотря на социальные бури, пролетевшие над страной в XX в. Он сохраняется и в наши дни, хотя старинный ритуал упростился и стал демократичнее. Например, исчез обычай «при прощании» кланяться в ноги и падать на колени перед старшими.

В сельской местности в течение XX в. соблюдались и традиционные обычаи Чистого понедельника: особенно тщательно мылись полы, так как, по приметам, чем чище полы в доме на Чистый понедельник, тем чище, без сорняков, будет огород; как прежде, так и теперь непременно топится баня. До 1940-х гг. массовым явлением был такой характерный для Среднерусского Поочья обычай, как катание с гор на донцах прялок, чтобы «лен долгим уродился», а девушки скорее вышли замуж. Обычай постепенно уходил из жизни, начиная с послевоенного времени, когда деревня перешла на покупные ткани. Но некоторые старушки-рукодельницы на донцах катались еще в 1960–1970-е гг.

Масленица — одно из ярких явлений русской календарно-праздничной культуры. Ее бытование в общественной жизни русского народа в течение XX в. определялось социальной атмосферой того или иного этапа в жизни государства. Вплоть до 1940-х, а во многих местах даже до 1960-х гг., продолжали сохраняться традиции масленичных гуляний, хотя на страницах местной прессы с Масленицей как якобы религиозным праздником велась усиленная борьба. Послевоенные разруха и голод, подорванная демографическая структура деревни хотя и ослабили, но не заглушили привычку людей отмечать праздники традиционного календаря. Наметившееся в 1970-е — начале 1980-х гг. оживление общественной жизни деревни, а соответственно и традиций праздничного досуга, было прервано некомпетентной политикой в области сельского хозяйства. Тогда десятки тысяч русских деревень были объявлены «неперспективными» и была разрушена исторически сложившаяся на российских просторах поселенческая структура [*]. Разрушение деревни и сельского хозяйства углубилось в 1990-е гг. Рассказывая о том, как весело справлялась Масленица в колхозное время, сельские жители, как правило, с горечью констатируют беспрецедентное вымирание родной деревни в 1990-е гг. и соответственно угасание праздника. Процитируем одно из типичных наболевших высказываний жительницы с. Кочемирово: «На Масленицу ездили на лошадях, ставили печку, тесто и пекли блины на ходу. Угощали всех подряд. Все было́. А сейчас все заброшено. Разве у нас деревня такая была! У нас 300 домов было! А сейчас — тут пустой, тут пустой, тут сломали. Ничево нету! Какая наша деревня стала?! Мы и сами поглядим — джунгли!»

В настоящее время общественная часть Масленицы, как и других больших праздников, организуется работниками культуры на открытых сценических площадках или в читальных залах в качестве формы праздничного досуга. Надо сказать, что в проведении Масленицы как праздничного общественного мероприятия у работников культуры достаточно и опыта, и методических разработок, поскольку именно с освоения исторических форм Масленицы в советское время (примерно с начала 1960-х гг.) стали разрабатываться сценарии сезонных праздников. Между тем традиции досуга на Масленой неделе в сельской местности никогда не прерывались. Типичный для советского времени *Праздник проводов русской зимы*, устраивавшийся в качестве альтернативы старинному масленичному календарно-праздничному циклу, представлял собой контаминированный тип праздника, в котором сочеталась новая торжественная («производственная») часть праздника с характерными зрелищными чертами традиционной Масленицы, т. е. катаниями на лошадях, зимними играми и «потехами», массовыми гуляньями с «блинным угощением». Эта традиционная часть праздника «в достатке» представлена и в современной Масленице. В отличие от информационной или познавательно-развлекательной направленности сценариев современных праздников православного календаря (Рождество, Пасха, Спасы и другие), проводимых работниками культуры, у сценариев Масленицы нашего времени задачи досугово-зрелищные. По укоренившейся в советское время традиции она организуется как проводы Русской зимы. На празднике современной Масленицы нет «производственной» части с основательным смотром готовности сельской техники к весенне-полевому сезону, как в советские времена. Но зато широко представлен эмоционально-развлекательный спектр разнообразных зрелищ на фоне «по-масленичному» оформленной среды — площадей, улиц, домов культуры. Здесь и театрализованные представления, во время которых непременно разыгрываются

* Обещанный в итоге этой реформы подъем сельского хозяйства не состоялся. Социальной реакцией на эту реформу стал массовой отток молодых образованных трудоспособных сельчан из села в город.

Ма́сленичное гулянье. Кадомский р-н, с. Кочемирово. Фото А.Н. Журавлева 2008 г.

Ма́сленичная народная забава – перетягивание каната. Пителино. Фото 2003 г.

сценки проводов «Зимы» и встречи «Весны», и ряженые, и различные конкурсы, среди которых конкурс удальцов по залезанию на вершину гладкого столба за призом; соревнования команд по бегу в мешках и перетягиванию каната, поднятие гири, хождение на ходулях и многое другое, порой необычное, как, например, конкурс «Кто быстрее подоит корову», устроенный в с. Апушка Щацкого р-на, или соревнования «тещ» с «зятьями» в поедании блинов и нахваливании друг друга.

На современной Масленице в числе обязательных традиционные для нее торговые ряды с местными поделками, вкусной едой, продуктами питания и бытовыми товарами [*], а также катания на лошадях и сожжение чучела Масленицы. И разумеется, конкурсы на самые вкусные блины, как и угощение блинами, что теперь уже воспринимается в качестве этнического символа русской Масленицы, а сама она преподносится как *блинный праздник* [25].

По случаю Масленицы старожилы порой надевают вынутые из своих сундуков старинные наряды, за что получают специальные призы. Так было, например, на празднике в сельском клубе с. Красное Михайловского р-на в 2002 г. и в 2008 г. в с. Кочемирово Кадомского р-на. Это один из примеров того, что жителям Рязанской обл. вполне можно справлять Масленицу не только как блинный праздник, но и как парад несравненных рязанских понёв и вышитых холщовых рубах.

Праздники встречи весны. Праздничные обычаи встречи весны в областях Среднерусского Поочья характеризуются определенной устойчивостью вплоть до 1970-х гг. Длительность их бытования определялась целостностью историко-этнографического пространства исследуемого региона, календарной соотносимостью их с природно-астрономическими циклами, значимостью в аграрном и семейном круге аграрно-праздничных традиций.

9/22 марта в Среднерусском регионе — повсеместный срок *закличек весны*. В православии этот день посвящен 40 мученикам, и его народное название Со́роки. По древнему поверью, «на Сороки прилетают из заморья 40 птиц вешних». Образно-ассоциативный аналог данному поверью был записан в с. Ижевское Спасского р-на: «40 птиц прилетят и на хвосте воду принесут».

Наряду с названием дня «Со́роки», в Рязанской обл. известны и такие, как *Сорок сороков, 40 святых, Жаворонки*. Полевые материалы говорят о том, что в селениях, где 22 марта отмечается как «Жаворонки», название «Со́роки» не употребляется. Например, на соответствующий вопрос о 22 марта жители с. Ласицы Сасовского р-на отвечали: «Называли „Жаворонки“, „Сороки“ не говорили». Аналогичная картина в некоторых селениях Пителинского (Пеньки, Нестерово, Свищево, Пёт) и Кадомского (Восход, Котелино, Ивановка, Соловьяновка) районов. В Котелине до сих пор говорят: «Завтра праздник — „Жаворонки“».

Ожидая весны и прилета птиц, по всему среднерусскому простору 22 марта *закликали жаворонков*. На большей части Рязанщины олицетворением наступающей весны был жаворонок, символом которого стало печенье в форме птицы под названием *жаворонок*. В Пронском и Михайловском районах несколькими днями раньше, 4/17 марта, отмечали Герасима-грачевника и тогда выпекали *грачиков*. Обрядовая выпечка в форме птиц имела также названия *чувилки, чувильки, плыканки* (рязано-зарайский бассейн Оки), *птички, сороки* («Пекут жаворонки и сороки — кто чего наделает», с. Демушкино Сасовского р-на), *утки* (Пителинский р-н).

«Утки» – обрядовая выпечка на праздник Со́роки. Пителинский р-н, с. Ферма. Изготовлено в 2003 г. (Коллекция Л.А. Тульцевой)

Для «жаворонков» тесто готовилось с вечера, а выпекали их рано утром. Любопытная деталь: в

* Например по сообщению газеты «Новодеревенские вести» (2001, 2 марта), когда в этом районе провожали «Русскую зиму» и «Масленицу», то в торговых рядах шла бойкая продажа зерна, мяса, сметаны, яблок, яиц, круп, масла. Только зерна в день ярмарки было продано 8,5 т.

а) б) в)

г) д) е)

«Жаворонки» – обрядовая выпечка на праздник Сороки:
а, б) Ермишинский р-н, с. Некрасовка. Изготовлено в 1999 г.;
в) пгт. Пителино (ржаное тесто). Изготовлено в 2003 г.;
г) Шиловский р-н, с. Тырново (ржаное тесто) (Коллекция Л.А. Тульцевой); д) Шацкий р-н, с. Борки. Изготовлено в 1996 г.
«Жаворонки» с «детками»: е) Шацкий р-н, с. Черная Слобода. Изготовлено в 1996 г.; ж) Шацкий р-н, с. Борки. Изготовлено в 1996 г. (Коллекция И.С. Слепцовой). Фото С.А. Иниковой 2007 г.

ж)

с. Парышка Сапожковского р-на взрослые готовили тесто, а «жаворонков» дети лепили сами (здесь к каждому жаворонку-«матке» надо было слепить 40 деток). В этой деревне было принято выпекать «жаворонков» разной величины в соответствии с возрастом детей в семье: чем старше ребенок, тем большая «птичка» ему полагалась. Традиционно «жаворонки» выпекались из ржаной муки (в старое время в рязано-окском бассейне пшеницу не выращивали). Когда в 1950-е гг. в деревне появилась пшеничная мука, к праздничному столу стали печь пироги, которые потеснили традиционную выпечку. В некоторых местах «жаворонков» перестали выпекать, «когда колхоз начался», но в этот день пекли блины *толстые* и *тонкие,* что также было знаком праздника.

Повсеместно «жаворонок» выпекался с расправленными (как в полете) крылышками и развернутым хвостиком. В Пителинском р-не он имеет сложенные крылья, развернутый хвостик и приподнятую головку. В некоторых селениях Сапожковского, Сасовского, Шацкого районов выпекали «семейку жаворонков» — «матку» с «дитятами» или с «яичками»: «Гнездо сделаешь, яичек накатаешь, и наседку соберешь, сделаешь» (пос. Купальский Сапожковского р-на). Когда лепили «жаворонка», то, чтобы сделать «перышки», тесто крылышек «пестрили» с помощью соломки. Как говорили в с. Пеньки Пителинского р-на, фигурка получалась «подпестренной». Головка у «жаворонков» украшалась «венчиком» («как в капоре»). В Парышке головка «матки» украшалась двумя рядами «венчиков» из теста, а вокруг «матки» располагались «детеныши». «Венчик», т. е. венец (но не хохол) на головке «жаворонка» — не признание ли особой роли этой птицы в весенней обрядности? Традиционных «жаворонков» в среднеокском регионе лепили с глазами из конопляного семени, реже — из гороха или сушеной черники.

К числу архаичных и по сей день бытующих фигур выпечки следует отнести восьмеркообразную форму заготовки — *вилюшки, витулинки* (Шацкий, Скопинский районы) и восьмеркообразные фигуры с двумя головками по разным сторонам фигуры, смотрящими в прямо противоположные стороны (Ермишинский, Пителинский, Шацкий районы). Особую роль

в ритуале, вероятно, играла обрядовая выпечка из с. Борок Шиловского р-на (в виде женской фигуры с крыльями), на лоне которой прочерчен ромбовидный знак земли/пашни.

Цифра 40, присутствующая в названии церковного праздника, получила особое ритуальное переосмысление в обрядовой практике этого дня. Вошло в обычай выпекать фигуру птицы с 40 яичками или с 40 детками. Например, в Парышке каждый ребенок получал для закликания по жаворонку с 40 птенчиками. В Занинской вол. Касимовского у. в 1920-е гг. на «40 мучеников» пекли по 40 штук «жаворонков» на каждого члена семьи и ели их 40 дней перед завтраком. О традиции выпекать 40 птичек помнило старшее поколение. Так, одна из старейших жительниц г. Спасска рассказывала: «Бабушка говорила: „40 сороковых надо испечь“» (речь шла о 1910-х гг.). До последнего времени обычай печь «40 сороковых» сохранялся в селах Юшта и Дубровка Шиловского р-на.

Будучи заметной вехой традиционного весеннего календаря, праздник Жаворонки/Сороки имел свои *календарно-поминальные обычаи*[26] — это, в первую очередь, *кормление нищих* обрядовым печеньем. В деревнях Бетино и Волчкарь Касимовского у. «на 40 святых» делали из ржаной муки «птичек» и «жаворонков» и раздавали нищим. К числу поминальных относится и обычай кормить птиц, отламывая часть печенья или целиком кроша его. Много таких сообщений записано от современных рассказчиц. По воспоминаниям, от выпечки чаще всего отламывалось крылышко, которое крошилось для птиц. Но немало сведений и о том, что для птиц оставлялась целая фигурка печеного «жаворонка». Календарно-поминальное значение имела и традиция отсчитывать от дня «40 святых» 40 морозов.

Перечисленные обычаи известны на всей территории расселения восточных славян. К этому перечню этнография Среднерусского Поочья дает дополнительную информацию, раскрывающую тему смерти в весенней обрядности по традиционным представлениям. Например, *навьи* образы (от др.-рус. *навь, навий*) просматриваются в закличке, исполнявшейся детьми в дер. Шелковой Старожиловского р-на. По записям 1934–1935 гг., дети подбрасывали жаворонков вверх, «на дерево, крышу крылечка» с возгласом: «Чувиль, навиль — / Виль, виль, виль!» Если кто-нибудь подбирал подброшенного «жаворонка», «думали, что [он] умрет».

В некоторых селах Пителинского и Шиловского районов с помощью печенья в форме жаворонка загадывали «на судьбу». Его подбрасывали с приговором: «Жаворонок! Жаворонок! Жить или умереть?» Если «жаворонок» падал брюшком кверху, — значит, «умереть», если он не перевернется — «жить». В селах Пеньки и Пёт Пителинского р-на с аналогичными выкриками «жаворонка» подкидывали на соломе или бросали на стог сена в огороде и смотрели, как он упадет. В с. Синорма (ныне пригород пгт. Пителино) «жаворонка» кидали через себя и смотрели: если опрокинулся, то считали, что бросивший умрет («„Ну, опрокинулся! — умереть тебе“. А потом едим скорее»).

Если в цитированных выше обычаях теме смерти противопоставлена жизнь, то в том же этнографическом кусте практиковалось заклинание, призывавшее смерть «старым бабкам». «Пойдем в огород на стог соломы и кричим: „Жаворонок, жаворонок! Такой-то бабке помереть!“ Все равно какой, лишь бы старая была. Так было принято», — рассказывала одна из жительниц с. Нармушадь Шиловского р-на. Когда кричали заклички, в которых накликивали смерть «старым бабкам», то, вероятнее всего, таким способом заклинали отжившие неплодородящие силы природы, чтобы они не смогли повлиять на весеннее возрождение. По обычаю, печенье в форме жаворонка надо было поднять повыше, а закличку прокричать, как можно громче, огласив весеннее пространство. И сейчас в рязанских селах многие жители хорошо помнят весенний репертуар праздника Жаворонки/Сороки:

Ох, вы, жа́воронки-
Жаворо́нушки!
Прилетите к нам,
Принесите нам
Лето теплое,
Вя□сну красную!
Нам и так зима
Надоскучила,
И хлеб, и соль —
Все покушала!
Соха, борона —
Иди на поля!
А ржаная копна —
Иди на́ гу́мна!
(дер. Сумерки Кадомского р-на)

Цитированный текст является одним из образцов классических закличек жаворонков, в которых картина мира начинающейся весны показана через призму повседневной жизни крестьян. Для этнокультурной памяти современного села типичны те же самые заклички жаворонков, но с более короткими, редуцированными текстами. В них по-прежнему звучит все то же восприятие окружающего мира через образы голодной зимы и ожидания «весны красной»:

Жа́воронки, жа́воронки!
Прилятайте к нам
И с косой, бороной,
И с кобылой вороной!
Нам зима уж надоела,
Весь хлеб она поела
И солому побрала,
И овес весь пожрала.
(с. Котелино Кадомского р-на)

Жавороночки!
Солетитеся, соберитеся,
Понесите к нам
Весну красную!
Унесите от нас
Зиму холодную!
(с. Ласицы Сасовского р-на)

В современном селе, в котором детей осталось очень мало, от былой традиции также сохранилось немногое. Еще выпекаются «жаворонки». Это делают бабушки для внуков в качестве угощения к завтраку памятного дня. Для одиноких женщин старшего поколения, число которых весьма значительно в современной деревне, традиционный праздник по-прежнему наполнен особым смыслом. Например, в дер. Новоершово Шиловского р-на рассказывали: «„40 сороков, 40 мучеников“ — [надо] обязательно испечь „жаворонков“ и вынести на завалинку…».

Праздник Сороки, или Жаворонки, с советских времен принадлежит к числу удачно воссоздаваемых, поскольку традиция хотя и затухала, но не была прервана. До 1980-х гг. составной частью такого воссозданного праздника было символическое открытие весенне-полевых работ с участием механизаторов колхоза. В сценариях современного праздника действуют персонажи «Весна», «дед Мороз», девушки-«веснянки», дети в костюмах птиц и др. В ходе праздника устраивается шествие детей с хлебцами-«жаворонками» на палках, закликается весна на «завалинке», исполняются местные фольклорные тексты, в которых призываются весенние птицы; со сцены звучит множество других текстов, почерпнутых из репертуарных сборников для клубных работников или же из иных изданий.

Наряду с *Сороками* Средокрестье (среда на четвертой неделе Великого поста) также было в числе важнейших вех весеннего аграрно-православного календаря. Старые крестьяне этот день называют *Сердохрестие, Сердохрестье, Сердокрестье, Сердокрестная, Слыдахрестье, Сладохрестье*. Средокрестную неделю часто именуют *Крестовой*.

Обычаи Средокрестной недели, отмечая середину Великого поста, одновременно ритуально маркировали и перелом в смене сезонов — от зимы к весне, подготовку к весенним аграрным работам, что отразили соответствующие обрядовые печенья: *хрестцы/хрястцы, адонья/одонья*. Из разговора: «Завтра праздник. — Какой? — Слыдахрестье. Хрясты пякуть» (с. Собча́ково Сапожковского р-на).

Выпечка в форме *хрестцов* и *адоний* имела магико-продуцирующее значение, так как эти печенья имитировали настоящую кладку из снопов на жниве с аналогичными названиями. И каждое из этих печений принадлежало своему аграрному пространству и времени. «Хрестцы» или «крестцы» имели в основании круглую лепешку, на которую укладывались 13 «снопиков» (перекладин из теста). Такая выпечка — метафорическое изображение земли-нивы, с уложенными на ней снопами хлеба. В Шацком р-не одновременно с «хрестцами» выпекалась и фигурка «коня», которую хранили до засева и вместе с овсом скармливали лошади на пашне.

Один из испеченных на Средокрестье «хрестцов» сберегался до весенней пахоты. Когда пахарь из с. Красное Пронского у. выезжал в первый раз в поле с сохой, этот хлебец разламывался, и пахарь ел его сам и давал лошади. В других местах (Михайловский, Спасский, Рязанский уезды) один «хрестец» хранился до весеннего сева. Тогда часть «хрестца» разбрасывалась по полю вместе с семенами или запахивалась в пашню, а остальное пахарь съедал и давал лошади. Данная обрядовая выпечка исчезала из аграрного календаря по мере того, как

колхозы набирали силу, хлебные поля становились государственной собственностью. И все же в единичных случаях знающие традиции женщины в течение всего XX в. в положенный срок выходили с «хрестцом» к хлебному полю. Но от десятилетия к десятилетию таких женщин становилось все меньше, пока их совсем не стало.

В с. Новое Еголдаево Ряжского р-на средокрестные «хрестцы» хранились до медового Спаса и освящения посевного озимого зерна. На медовый Спас, когда разговлялись медом, первый мед пробовали, окуная в него средокрестный «хрестец». Уникальность информации — в свидетельстве о том, что средокрестное печенье предназначалось не только для засева яровых и озимых, но и для медовых первинок.

Ритуальное пространство обрядовой выпечки *адонья* (вар. *одонья*) отличается от ритуального пространства «хрестцов». Магико-сакральное назначение обрядовых хлебцев «адоний» — продуцировать настоящие адонья (хлебные снопы), которые на крестьянских полях появлялись после летней Казанской (8/21 июля). Поэтому с хлебцами-«адоньями» в среду на Средокрестной неделе *кликали лето*: «Лето, лето! Иди сюда! С сохой, бороной, с кобылой вороной…». Во время исполнения этого окликания выпечку в форме адоний нанизывали на вилы («на каждый рог»). Судя по воспоминаниям, весенние ритуальные действа с «адоньями» исполнялись детьми: нанизав на вилы или палки «адонья», их поднимали как можно выше и носили по деревне, призывая лето. Здесь под «летом» может подразумеваться не только сезон, но и *лето* как годовой круг, если учитывать праздновавшееся до XV в. весеннее новолетье (с начала марта).

Иная судьба оказалась у выпечки в форме крестов — *крясты, хрясты, хрястушки, крестики*. Так называется печенье в форме равноконечного креста (два жгутика из теста, сложенные крестом) или пышка, лепешка с выложенным на ней из теста или прочерченным крестом. Пока были единоличные хозяйства, «хрястушки» с запеченной внутри монетой или зернышком служили знаком, кому в семье засевать яровое (бросить первую горсть зерна на пашню), даже если это было малое дитя. С появлением колхозов «хрястушки» с запеченными мелкими предметами (монета, пуговица, «печина» и др.), как и в случае с *введенской* обрядовой выпечкой, стали служить шутливым поводом для гаданий «о судьбе». Современные рассказчицы, помня об этом обычае, часто не знают его смысла. Между тем как прежде, так и теперь средокрестная выпечка в форме креста воспринимается как знак перелома Великого поста, а также как этнический символ. Поэтому в православных семьях «кресты» выпекаются поныне.

В традиционном укладе жизни очередной вехой весеннего календаря было Благовещение (25 марта / 7 апреля). Это — один из особо почитаемых русскими людьми праздников. Для его характеристики и сейчас вспоминают присловье: «Благовещение такой большой праздник, что в этот день девица косы не плетет, а птица гнезда не вьет». Традиционное восприятие праздника сохраняется и в наши дни. В течение XX в. праздник Благовещения продолжал играть важную роль в религиозном самосознании и обрядовой практике русских людей. Неповторимое содержание ему придавали разнообразные благовещенские обычаи, отмечавшие наступление весны. Так, в приокских селениях было принято рано утром перед восходом выйти на крыльцо или берег Оки и посмотреть, как *солнышко играет*. С восходом выпекались обрядовые хлебцы в форме *просфор*. Одну благовещенскую просфору хранили до сева яровых, чтобы покрошить в семена и разговеться на ниве. Замечательное благовещенское печенье-«просвиры» выпекалось в селах Лубонос и Илебники Шиловского р-на, где оно украшалось рисунком в форме *процветшего креста*. С ним местные ребятишки ходили на растаявшие «плешинки» молиться Богу. Высокий сакральный статус благовещенских просфор, освященных в храме, сохраняется до настоящего времени (см. с. 246–247).

С Благовещения начинались первые весенние игры. Среди них предпочтение отдавалось *горелкам*. Местные варианты начала веснянки, сопровождавшей игру: «Гори, гори ясно…!», «Гори, гори, масло…!», «Горел, горел, совсем сгорел…!» Значение игры в том, что она была частью весеннего ритуала, связанного с зажиганием костров в честь весеннего солнца. Магико-продуцирующий смысл имело разыгрывание хоровода «А мы просо сеяли!» В с. Свинчус Шиловского р-на этот хоровод разыгрывался на Благовещение и Вербное воскресенье на берегу Оки.

Как и Благовещение, Вербное воскресенье в течение всего XX в. занимало заметное место в национальном самосознании русских людей. Этнообъединяющий символ этого дня — освященные ветки вербы с распустившимися почками. Значительная часть русских и теперь украшает ветками освященной вербы домашнюю «поличку» с иконами. Считается, что такая верба обладает оздоровительными свойствами и оберегает от порчи. Сохраняется обычай слегка стегать детей освященной вербой с пожеланиями ребенку здоровья. В рязанском Поочье в этом случае еще помнят следующие «вербные» присказки: «Вербин хрест, бей до слез!»; «Маслице коровье, бей на здоровье!» Длительное время сохранялась и обрядовая выпечка Вербного воскресенья. По всем рязанским селениям в этот день выпекались *кытьки, кыпышки, катушки, каточки, ярушки, хлебцы* и *пышки* с запеченными вербными сережками. Их давали овцам, чтобы те приносили больше ягнят.

Страстная седмица и Пасхальное сорокадневье. Вся Страстная неделя, как прежде, так и в настоящее время, занята подготовкой к встрече Воскресения Христова. Большая часть этих приготовлений по-прежнему приходится на *Великий четверг*. Все, что следовало сделать в Великий четверг, было наполнено особым сакральным значением и отмечено хрононимами «до свету», «до солнца», «до солнышка», «до ворона». «До солнца» или «до ворона» следовало искупаться в источнике или умыться «с яйца» [*]. «До солнца» надо красить яйца, готовить четверговую соль, взбивать масло, готовить творог для разговенья, резать и палить поросенка, а также выгребать из печи золу и посыпать сад и огород, обметать печную трубу, обметать или окуривать углы дома и двора. Все сделанное в данное ритуальное время наделялось особыми свойствами: купание и умывание очищали и оберегали от сглаза и болезней; четверговая зола защищала посевы от вредителей; приготовленные «до света» продукты считались целебными и долго не портились. Этих обычаев в настоящее время придерживаются представители разных возрастных групп.

В Великий четверг служба в храме совершается с зажженными свечами. По традиции и сейчас многие стараются *четверговую свечу* «от стояния» во время чтения 12 Евангелий донести до дома непотухшей. Считается, что эта свеча оберегает от пожара.

Важным обрядово-функциональным днем Страстной недели была *Великая суббота*. В досоветский период в течение Страстной седмицы крестьяне держали строгий пост. Три последних дня ее — четверг, пятницу и субботу — в память о страстях и крестной смерти Христа на Голгофе «вовсе не ели». Такого обычая придерживались и рязанские крестьяне. В Великую субботу продолжали красить яйца. Однако если в Чистый четверг яйца полагалось красить «до солнышка», то в Великую субботу это можно было делать в любое время. В этот день освящают куличи, пасхи, окрашенные яйца.

Как и четверговой свече, в конце XIX в. особая ритуальная роль приписывалась свече, принесенной в Великую субботу после утрени. В традиционном быту такая свеча зажигалась при предсмертной агонии «для скорейшего исхода души из тела и облегчения страданий умирающего» (Скопинский у.) [27].

Наряду с личными или семейными свечами в ритуальной практике рязанских землепашцев были и *братские свечи* — купленная обществом в складчину большая восковая свеча, которая один раз в году по очереди с соблюдением принятых обычаев передавалась из одного дома в другой. Ритуальная передача свечи следующему домохозяину начиналась в Великую субботу с того, что прежний хранитель этой свечи нес ее в храм и ставил во время обедни перед образом Воскресения Христова (дер. Марьино Рязанского у.). Надо ли говорить, сколь большую роль в общественной и семейной жизни данного крестьянского общества играла братская свеча и какое нравственное значение она имела!

Из народных оберегов Великой субботы привлекает внимание записанный в с. Устрань Спасского р-на совет за 40 дней до Великой субботы «откидывать» по одному полену; после чего скопившиеся дрова следовало сжечь в Великую субботу. Верили, что человек, который тебя «испортил», обязательно явится в твой дом.

* Умыться с «яйца», т. е. с водой, в которую предварительно положено яйцо.

Среди множества воспоминаний о приготовлениях к пасхальному празднику — устройство качелей для молодежи и детей. Эта традиция сохранилась в с. Малые Мочилы Пителинского р-на. Следует особо отметить, что в старину игр у качелей не устраивали до тех пор, пока селение не посетят «образа». Само раскачивание на качелях воспринималось как важный способ «раскачать» возрождение сил природы.

В ряде рязанских селений Страстная суббота завершалась разжиганием костров по случаю Воскресения Христова. Примеры данного обычая в современных этнографических записях немногочисленны. И это понятно, поскольку атеистическая пропаганда в советской России в течение XX в. не способствовала сохранению православно-народных традиций, да и сам обычай не соответствует церковным установлениям. Соответственно о пасхальных кострах, их типичности или нетипичности для изучаемой этнотерритории можно говорить лишь условно. Тем не менее интересны и те немногие сведения, которыми мы располагаем.

Пасхальные костры в одних селениях давно ушли в область местных преданий, в других — это реальность сегодняшнего дня. Основные сведения о пасхальных кострах были собраны

Освящение куличей в Великую субботу. Спасский р-н, с. Исады. Воскресенский храм. Фото С.А. Иниковой 2006 г.

в Шиловском р-не. По воспоминаниям, «под Пасху» разжигали костры в с. Тимошкино: «С вечеру папаня, бывало, прикатит бочку такую смоляную, и вот ее у церкви зажигали. Прямо у дверей. Тут ведь была ограда у нас. И она трещит, иной раз долго горит». Несколько больших пасхальных костров в 1930-е гг. жгли «ребята» около церкви, тогда еще не разрушенной, в с. Копаново. Традиция разжигать пасхальные костры не прерывалась в бывшем монастырском с. Терехово. Здесь костры жгут за кладбищенской оградой на валах древнего городища. До настоящего времени разжигают пасхальные костры в г. Кадоме. Здесь «огни кладут» на издавна принятых местах, т. е. на древних валах, где некогда над городом возвышалась Вознесенская церковь и рядом было кладбище. Надо быть свидетелем зрелища пасхального костра, чтобы по-настоящему оценить эмоционально-религиозное состояние души всех собравшихся у его огня и понять значение пасхальной ночи в сохранении этнокультурной непрерывности, с одной стороны, между поколениями живущих людей, а с другой — между миром предков и миром их потомков.

Встречая Пасху, раньше было принято ходить семьями смотреть восход солнца. Детей будили: «Солнышко наряжается, вставайте глядеть!» Заранее коптили осколок стеклышка и смотрели, как солнце на Пасху «играет разными кругами и разными цветами». Соблюдая древний обычай, старики и сейчас выходят смотреть на игру солнца: «Выходи раньше, прямо солнышко показывает ушки-то. Ты увидишь, как *ана* играить, *ана* весялица. Разные лучи, разные лучи. Вот заметь, заметь: на Светлое воскресенье, прямо *коньчаеца* абедня-то, и солнышко выходить, всходить, и мы прям все глаза лупим. Очень интересно. На Светлое воскресенье» (с. Новоершово Шиловского р-на). Обычай начал уходить с 1960–1970-х гг.

Представление о «солнышке», которое на восходе пасхального дня «наряжается в сарафан» *, сохранило мифопоэтическую идею обновления солнечного круговорота. В мифологии русских это весеннее время отмечено свадьбой солнца с месяцем. Солнце *меняет* свои одежды на новые, «веселится» и *играет* разноцветными кругами и цветами — все это знаки полноты весеннего обновления. С представлением о пасхальном обновлении связан сохранявшийся вплоть до начала 1970-х гг. обычай шить к Пасхе праздничные обновки и покупать новую обувь. Об этом хорошо помнят наши рассказчицы в возрасте от 60 лет и старше, которые говорили: «К Пасхе всегда шили обновку, покупали новую обувь».

Другой обычай, также связанный с весенним обновлением одежд, характерен для некоторых южнорусских областей. Его цель — через ритуал показать реальное обновление половозрастной структуры данного микромира. На Пасху совершался ритуал, в ходе которого подростковая одежда девочек заменялась девичьей. В кругу подруг, участниц обряда, девушка в своей первой понёве шла к пасхальной заутрене или обедне. По нормам обычного права, это было знаком того, что девушку-«понёвницу» можно сватать. Последние сведения об обряде надевания первой понёвы были собраны этнографом Г.С. Масловой в 1963 г. в с. Романовы Дарки Шацкого р-на.

Обычаи пасхальных поздравлений молодоженов отмечали изменения в социально-демографической структуре деревни. Как и на Масленой неделе, во время пасхальных гостеваний особенный почет оказывался молодоженам. Наши рассказчицы из с. Красный Холм Шиловского р-на помнят об обычае *проведывать молодых* детьми на Пасхальной неделе. Дети собирались «артелькой», приходили к двору, где были молодожены, и говорили хозяевам: «Мы пришли молодых ваших посмотреть, чтоб они нам покланялись!» Молодые выходили на крыльцо и трижды кланялись. С этим приветствием дети обходили все село. Согласно традиции, молодожены должны были им трижды поклониться. Именно так заканчивались *вьюнишники* — величания женщинами молодоженов в Волго-Окском междуречье. Не исключено, что обычай с. Красный Холм сохранил лишь его концовку — поклоны молодоженов детям, в среду которых перешло редуцированное завершение обряда.

В с. Юшта того же района на Пасху бытовал обычай *полоскать молодоженов,* т. е. окунать их в весенние воды Оки или обливать у колодца. Этот обычай принадлежит к повсеместно известным ритуально значимым весенним обливаниям молодоженов.

* В народе солнце сравнивали с невестой и обычно говорили о нем в женском роде.

Идея обновления весенней картины мира присутствует, хотя и в неявной форме, в пасхальных обходах церковным причтом сельских домохозяев. В мировосприятии крестьян «приход» запрестольной иконы Богоматери и других икон из сельского храма в деревенскую избу — это не только освящение (что тоже равно обновлению) приготовленного к посеву зерна, но и озарение святым светом всего пространства крестьянского дома-двора. Не случайно о пасхальных обходах старшее поколение образно говорит, что раньше на Пасху в селе «всю неделю Боги».

На протяжении XX в. празднование Воскресения Христова оставалось устойчивой традицией, крепившей этнические связи русских и игравшей важную роль в духовной жизни крестьянского мира. Благодаря этому поддерживались нравственные начала и заповеди, доставшиеся поколениям XX в. от своих предшественников. Покинувшая отчий дом молодежь стремилась к Пасхе навестить родителей и родственников, повидаться со сверстниками, оживить атмосферу деревенского празднества. К 1980-м гг. в деревне нарастают процессы запустения, но празднование Пасхи все еще воспринималось с ликованием. По этой причине современное поколение 60–70-летних вспоминает сельскую Пасху как время с праздничным мироощущением. Например, одна из жительниц дер. Крыловка Шиловского р-на рассказывала: «Все праздники тогда справляли, ни один праздник не пропускали. Бывало, Паска придет, козлы□ делали, катались на них, на качелях, наряжались, гуляли, плясали. А сейчас ничяво нету. Бывало, вяселесть какая была!»

Любимое развлечение на Пасху — игры с окрашенными в красный цвет яйцами. Самыми распространенными из них были: катание яиц с пригорков и донец и вышибание их тряпичным мячом (крашеные яйца укладывались в ряд на лужайке, и играющие по очереди их выбивали). Поскольку традиция красить яйца к Пасхе никогда не прерывалась, то в настоящее время игры с пасхальными яйцами успешно восстанавливаются среди детей. Желание приобщить детей к празднованию Воскресения Христова побудило, например, работников дома культуры г. Кораблино устроить детские «пасхальные посиделки» с рассказами о Христе и празднике Пасхи, песнями религиозного содержания, *вербными* хороводами.

На Красную горку продолжались игры с крашеными яйцами. Хрононим «Красная горка» имеет несколько значений: чаще всего Красной горкой называют или *Фомино воскресенье* (следующее после Пасхи), или первые три дня *Фоминой недели* (начиная с воскресенья). Реже название «Красная горка» распространяется на всю Фомину неделю. В старину Красная горка считалась временем молодежных гуляний и свадеб. В образно-ассоциативном восприятии русских Красная горка — это сакрально освященное начало весны и тепла. Местом празднования обычно выбирали высокий яр или пригорки, освободившиеся от снега, которые и получили название «красных горок». В пригородах Сапожка «опознавательным» праздничным знаком Красной горки был красного цвета наряд девушек и молодушек для гуляний в городском саду. Наряжались во все красное, даже платки были красного цвета. Парни для такого случая надевали красные рубахи.

Разыгрывавшиеся на Красной горке удивительные весенние хороводы (*круги*) и игры имели особое обрядово-магическое значение. Назовем, например, хоровод «Гоньба утушки», до середины XX в. исполнявшийся в ерахтурской этнографической зоне в течение всех весенних праздников, начиная с Красной горки. К числу древнейших относится хороводная игра «А мы просо сеяли», известная по всему Среднерусскому Поочью. В с. Лом Касимовского у. парни и девушки, в том числе недавно поженившиеся, собирались у воды и разыгрывали хороводные песни «Как по морю, морюшку, / По синему, по Хвалынскому / Плыло стадо лебединое», «Селезень мой, селезенька!/ Поплыви-ка вдоль по Дунаю» и др.

В течение многих веков празднующие сельчане собирались на одном и том же месте. Например, в Терехове до сих пор в субботу «под Красную горку» те, кто постарше, с утра идут на кладбище, которое расположено на древних валах. А после обеда сюда же, на валы, но уже выше, на Высокий Городок, отправляется молодежь, где начинает «играть песни». В с. Турмодеево Ермишинского р-на на Красную горку вся деревня собирается в одном месте, которое называют «Смола». Там рано тает, сухо, можно гулять.

Древностью веет от обрядовой игры, о которой нам рассказали в 1998 г. последние жители дер. Городище Шиловского р-на. Здесь, а также в соседнем с. Константиново (того же р-на) на Красную горку лепили из глины *двуногих бычков*, с каждой стороны в их бока втыкали по три гусиных пера, которые поджигали, после чего бычков бросали с крутого берега в Оку. Записи об аналогичном обряде в литературе по региону Волго-Окского междуречья неизвестны. Тем не менее обряд с глиняными бычками вписывается в общий контекст весенней обрядности Волго-Окского ареала. Он типологически схож с «проводами Ярилы», глиняную фигуру которого сбрасывали в реку во время празднования Петровского заговенья в Даниловском у. Ярославской губ. (начало XX в.) [28]. Можно предположить, что и обряд сбрасывания глиняных крылатых бычков в Оку также маркировал некий весенний период времени, а точнее — завершение одного и начало другого календарного цикла. Возможно, это было последнее прощание с зимой, ушедшей в нижний мир. Поэтому в честь нового весеннего света и поджигались перья у глиняных бычков. Не исключено также, что данный обряд был рудиментом архаического культа воды, частью которого было сбрасывание глиняных бычков в вешние воды Оки. Предположение основывается на отдельных славянских поверьях, согласно которым быки охраняют водные источники [29]. Любопытно и то, что двуногих (!) бычков из глины бросали в реку под песню с припевом «Алга! Алга!», напоминающим крик лебедей и диких гусей, что соотносится с «крылатостью» глиняных бычков [30]. Призывая лебедей и гусей, т. е. птиц, в народной поэтике символизировавших *свет*, а также *невест* (лебедушки) и *женихову родню* (серые гуси), исполнители обряда с глиняными бычками тем самым открывали календарный цикл от праздника Красной горки до Русальского заговенья.

Красная горка была первым весенним девичьим праздником. Но уходили из жизни женщины-хороводницы — песенницы с прекрасными голосами, хранительницы русского многоголосья, они же — сельские хореографы и знатоки сценариев традиционного праздника. Именно эти женщины-хороводницы обучали девушек, «как подлаживать» во время хорового исполнения старинных песен, в какой праздник «какие песни играть» и какие наряды надевать. Не стало таких женщин, и постепенно от прежнего разнообразия мелодий, игр и хороводов осталось лишь одно развлечение — качели. Теперь именно о качелях как любимом развлечении охотнее всего вспоминают сельские жители. Вспоминают они и о том, что гармонь и песни, но уже советских композиторов, не умолкая звучали по селу во время праздника. И в этом отличие былых времен от наших дней. Как говорят рассказчицы: «Село замерлó. Ничево не слыхать, ни песен, ни гуляний»; «Все отходит. Вот еще три-четыре года и никаких этих [воспоминаний] не будет. Вот еще наше поколение, а потом и некого будет спросить» (с. Восход Кадомского р-на).

Если Красная горка — это девичий праздник, то следующее воскресенье, в православии посвященное Женам Мироносицам, в народной традиции почиталось как *бабий праздник*. Например, в с. Вослебово Скопинского р-на в день Жен Мироносиц устраивалась *сметчина* (общая складчина женщин). В рязанской лексике отмечены следующие названия дня: *Миронисина, Мыраносица, Мыраносье*. Этнографические сведения о рязанских вариантах праздника скудны. Как и везде, он стал уходить из народной жизни с 1920-х гг.

В весеннем аграрно-праздничном календаре рязанских крестьян выделялся день Преполовения Пятидесятницы. В рязанской лексике он известен как *Плывенье, Половенье, Половинье, Препылывенья, Проплывенье, Прополывенье, Прыпалавенье* и др. Празднование Преполовения ритуально маркировало середину срока от Пасхи до Троицы. В народном счете времени данный факт соотносится с традиционными представлениями о сроках весны: ее начале, конце и середине. Старинное восприятие Преполовения как середины весны сохраняется среди жителей восточных районов Рязанской обл.: «На Преполовенье половина весны прошло» (дер. Сумерки Кадомского р-на); «Это половина весны. После Паски половина весны пройдет — значит Половинье. На это Половинье ходили вокруг села с иконами» (с. Восход того же р-на).

Типичная особенность картины мира дня Преполовения в Рязанской обл. — повсеместные крестные ходы к водному источнику: роднику, ручью, колодцу, реке, озеру. Повсюду совершались молебны с водосвятием всех водных источников, включенных в систему

жизнеобеспечения сельского общества. По народным представлениям, в освящении водной стихии может принять участие сама Матерь Божия Пресвятая Богородица. Во многих местах после водосвятия в реке купали лошадей. Было принято и обливаться освященной водой. В засушливое лето 2003 г. в с. Высокие Поляны Пителинского р-на, чтобы пошел дождь, ходили к родникам и всех обливали: «По всему селу много народу обливались, молились, и батюшка ходил, чтобы дождь был».

На Преполовение особое внимание уделялось колодцам. Например, рассказывая о «Проплынье» в дер. Крыловка, селах Лубонос и Илебники Шиловского р-на, информаторы отмечали: «Ходили по колодцам и пекли пышки».

Освящение стихии воды на Преполовенье было знаком, символизировавшим начало купания в природных источниках. В дер. Сумерки, раскинувшейся вокруг озера, рассказывали: «На Преполовенье Божья Мать проплывет по озеру — можно купаться». В с. Исады Спасского р-на купание на Преполовение считалось таким же обязательным и целительным, как в Великий четверг и на Иванов день, который здесь называют «Иван Купала».

Во многих рязанских селениях на Преполовение одновременно с крестным ходом к водным источникам совершался и крестный ход по полям.

На пасхальное сорокодневье (т. е. на период между Пасхой и Вознесением) приходятся два больших праздника: в честь весеннего Егория (вмч. Георгий Победоносец, 23 апреля/6 мая) и Николы вешнего (свт. Николай Чудотворец, 9/22 мая). В народном восприятии св. Георгий (или по духовным стихам Егорий Храбрый) — это земледелец. Он дает силу росам, травам, солнцу. Поскольку уже с конца апреля — начала мая самое горячее время для пахоты и сева, то, соответственно, Егорьев день крестьяне характеризовали присловьем «Егорий — резвая соха». Крестьянки в селениях по Кутуковской горе говорили: «Ягорий. Усадьбу надо пахать»; «До Ягорья не торопись, а с Ягорья не ленись»; «До Ягорья не спеши, а с Ягорья не лежи».

В некоторых местах на Егория освящали лошадей, а после обеда или на следующий день начинали пахать свои наделы. По случаю такого важного события во многих селениях выпекали фигурки коней со всадниками и коней с одной или двумя головами по разные стороны туловища, иногда даже с уздечкой (селения Борок, Красный Холм, Копаново, Терехово, Ванчур Шиловского р-на). На Егория, как и на Преполовение, во многих селениях Кадомского р-на выпекали, а кое-где и сейчас выпекают, *копытки*, которые скармливали скоту. В старину в день Егория вешнего первый раз выгоняли на пастбище скот.

О благополучии земледельческих работ повседневно молились и «скорому помощнику» Николаю Чудотворцу, поскольку, как сообщалось в конце XIX в. из с. Вышетравино Рязанского у., «из святых особенно почитается Николай Угодник как покровитель хлебопашества» [31]. Во многих селениях в день весеннего Николы устраивали крестные ходы вокруг селений и на поля с молитвами ко всем святым — покровителям урожая. В дер. Бармино Егорьевского у. в этот день парни и девушки вновь катали яйца.

По времени Никола вешний нередко совпадал с неделей, когда празднуют 40-й день после Пасхи — В о з н е с е н и е Г о с п о д н е. Этот праздник установлен христианской церковью в воспоминание о вознесении Спасителя на небеса. Типичные названия праздника для ритуальной лексики восточных районов — *Вознесенье, Знисинье, Взвесенье, Взнисинье,* а также *Лесенки* (дер. Авдотьино Шацкого р-на). В картине мира этого дня переплелись образы земли с колосящимися озимыми, Иисусом Христом, который 40 дней незримо странствовал по земле и в сороковой день должен уйти на небо, образ самого неба с Господом Вседержителем. Перечисленные образы символически отразила обрядовая еда праздника — *красное яйцо, Христовы онучики* и *лесенки.*

К дню Вознесения Господня еще раз красили яйца в красный цвет. Согласно традиции, «провожали Господа с красным яичком». Возобновлялись катания яиц «с пригорочков», «в лубочки» и другие весенние игры с крашенками.

Символика «Христовых онучиков» — снарядить Христа на небо, снабдить в дорогу онучами. В селениях по Кутуковской горе женщины старшего возраста еще продолжают печь на Вознесение очень тонкие блины, и, закручивая их, говорят: «Онучики Христу».

В других местах, в соответствии с поминальной традицией, также пекут тонкие пресные блины, которые чаще называют *каравайцами,* как, например, в Скопинском и Милославском районах, или *блинцами,* как в Пителинском р-не.

Выпекавшиеся повсюду обрядовые *лесенки, лестнички* должны были помочь Христу достичь небес. Они имели форму длинного пирога с перекладинками-«порожками» или «зарубочками», чтобы Христу было легче «взбираться» на небо. Таких порожков из теста или зарубок надо было сделать от трех до семи. В дер. Ванчур Шиловского р-на рассказывали: «Напекут лестницы длинненькие, и ступенечек пять ножом резали, а кто и перекладинки делал — кто как делал». В углубления между «порожками» клали традиционную начинку из каши, творога, яиц. В последнее десятилетие к перечисленному прибавилась начинка из варенья, яблок. В 1940–1950-е гг. случалось, что колхозники муку на трудодни не получали. Тогда крестьянки пекли «лестницы» из одной тертой картошки, но они разваливались. Однако и с такими «лестницами» тоже ходили «ко ржи».

«Лестница» – обрядовая выпечка на праздник Вознесение:
а) Кадомский р-н, дер. Сумерки. Изготовлено в 2004 г. (Коллекция Л.А. Тульцевой);
б) Шацкий р-н, с.Федосово. Изготовлено в 1996 г. (Коллекция И.С. Слепцовой).
Фото С.А. Иниковой 2007 г.

Главное место проводов Христа — озимое поле, куда приходили с «лестницами» и красным яйцом. «Лестницы» или кидали «в зеленя», или ставили в рожь, на землю. Яйцо также или подбрасывали кверху в рожь, или клали вместе с «лестничкой». В некоторых местах, прежде чем кинуть в рожь, с «лестничкой» обходили свое озимое поле. Эти обрядовые действия в конце XIX в., как правило, сопровождались возгласом: «Христос, иди на небеса, ржицу возьми за колоса!» (с. Константиново Рязанского у.) [32]. Пожелание — ржицу поднять за колосья, чтобы озимые быстрее наливались — в ритуале тесно переплетено с идеей проводов Иисуса Христа на небо. Поэтому брошенную или оставленную во ржи обрядовую еду надо было найти, часть ее раскрошить «для птиц», остальное съесть с молитвой. Эти действия с обрядовым хлебцем являются частью поминального культа сорокового дня.

В совокупности с аграрно-поминальными мотивами, звучавшими у озимого поля в день Вознесения Господня, крестьянский обряд сохранялся в глубинах народной памяти в течение всего XX в. Женщины, знающие традиции, и в настоящее время еще помнят мифопоэтическую информацию, некогда широко представленную в крестьянской картине мира. Это представление о том, что по «лесенкам» на Вознесение «Бог полезет на небеса и рожь за собой потащит, чтоб она колосилась. Во́ ржи ходили. Во ржа́х [«лесенки»] оставляли, птички клявали, сами ели» (с. Демушкино Сасовского р-на). С 1930-х гг., когда крестьяне лишились своих земельных наделов, аграрные сюжеты в космологии дня Вознесения Господня стали ослабевать. Все воспоминания, записанные в 1990-е гг., свидетельствуют о том, что местом исполнения ритуала к 1960–1970-м гг. наряду с колхозным полем ржи стали деревенская улица, горка, луг, берег реки, а в самом ритуале главное внимание уделялось образу Христа и «лестнице», по которой он уйдет на небеса. Рожь в соответствующих возгласах уже не вспоминается: «Христос, возвращайся на небеса!», «Христос! Христос! Лезь на мою лесенку!», «Христос! Христос! Лезь на небеса!», «Христос! Христос! Лезь на небо!» Однако сельские жительницы старшего возраста и сегодня помнят, что на Вознесение ходили в поле «рожь смотреть». Это значит, что традиционный вознесенский обряд совершался и у колхозного поля с пожеланием роста озими, так как крестьянская ментальность не могла

допустить, чтобы поле колосящихся хлебов осталось без обряда благословения. В некоторых местах вознесенский обычай как часть детского календаря дожил до 1990-х гг. Так было в с. Борок Шиловского р-на, где с «лесенками» в озимое поле ходили одни девочки: «лесенки» крошили и разбрасывали «по ржам».

Ритуально-праздничная картина дня Вознесения Христова в традиционной обрядности русских характеризуется началом *девичьих кумлений.* Рязанские варианты их можно частично восстановить по фрагментам записей Н.И. Лебедевой об обрядовом вознесенском печенье в с. Астромино Рязанского у. и с. Долгое Данковского у.

Привлекают внимание сопровождавшиеся веселой пирушкой вознесенские девичьи игры в приокских селениях Рыбновского, Рязанского и Спасского районов. Характерной особенностью их было то, что они проходили в риге, где устанавливалась специально украшенная елка. В риге она оставалась до Троицы. Разукрашенная («разбанченная») елка — это символ *девишников* традиционной свадьбы. Воспоминания о девичьем веселье в день Вознесения еще можно записать от старшего поколения жителей дер. Аксёново Рыбновского, с. Деревенского Спасского районов и других приокских селений. Одна из последних таких записей была сделана в 2006 г. в с. Льгово Рязанского р-на. Здесь девочки начиная с шести лет и более взрослые девушки собирались на Вознесение каждая в своей возрастной группе, чтобы покумиться. Приходили «в обновке», потому что к этому дню «мама обязательно новое платье сошьет». Шли со своими «узелочками» — в них лестницы-пирожки, сладости, бутылочка с морсом. Приносили и фантики от конфет. Их собирали в течение года для того, чтобы украсить угол сарая (в данном случае перед нами трансформированный вариант «разбанченной» елки; сам же угол сарая, благодаря разноцветным фантикам и совершавшемуся около него обряду, предстает как «древо» или «цветок жизни» [*]). Около разукрашенного угла подружки делились своими вкусностями. По объяснению рассказчицы, делиться угощением — значит кумиться: «И до самой старости эти люди зовутся кумами». Покумившись, девичьи компании отправлялись на луг собирать цветы. Обычай стал «отходить» с середины 1960-х гг.

Семицко-троицкий цикл. Се́мик или Семи́к — это четверг на Троицкой (или *Семицкой,* по И.М. Снегиреву и И.П. Сахарову [33]) неделе. На Руси в весеннем круговороте выделялась цепочка сакрально значимых весенних четвергов, игравших важную ритуально-функциональную роль в картине мира этого периода. Ритуальная роль весенних четвергов была соотнесена с весенним поминовением предков, отголоски которого с наибольшей полнотой сохранились в обычаях и поверьях Великого четверга. Поэтому не случайно Семик, приходясь по времени на момент колошения озимых, играл особенно заметную роль в весенней обрядности. Параллельно с поминальными обрядами, которые находились в компетенции старшего поколения, в семицкий четверг разворачивались молодежные обрядово-праздничные действа. Этнографические материалы XX в. свидетельствуют о том, что в рязанском Поочье в *семицкий четверг* совершались обряды с завиванием венков на березке, реже на другом местно почитаемом дереве. Деревце украшалось, под ним «кумились» и разыгрывали хороводные игры. В с. Лубонос Шиловского р-на старики еще в конце XX в. помнили, что на Семик березку завивали только там, где колосилось поле ржи.

Семицкий четверг отмечался как *девичий праздник* до 1950-х гг. В настоящее время эта традиция почти полностью утрачена. Воспоминания о ней сохраняются лишь в памяти отдельных старейших участниц былого праздника. Утрачено и его наименование — «Семик». На Рязанщине этот обрядовый термин стал уходить из областной лексики еще во второй половине XIX в. Например, в лексике жителей нынешней шиловской этнографической зоны тогда одновременно бытовали два наименования семицкого четверга — «Се́мик» и «Завивки». При этом хрононим «Се́мик» к концу XIX в., по-видимому, стал восприниматься

[*] Среди развлечений детей как довоенного, так и послевоенного времени (вплоть до конца 1950-х гг.) были распространены игры с фантиками от конфет. Их собирали («копили»), ими обменивались, их дарили, разыгрывали. Обычай с разукрашиванием сарая фантиками в с. Льгово сопоставим с обычаем на весенние праздники украшать дорожки и тропинки узорами из речного песка.

как более старинный и менее понятный по значению и постепенно был вытеснен названием «Завивки», отражающим молодежное ритуально-игровое содержание семицкого четверга первой половины XX в. Название «Завивки» в лексике данной этнотерритории окончательно утвердилось, вероятно, ко второй половине XX в., при этом локально сохранялся и календарный хрононим «Семик».

Иная судьба оказалась у хрононима *Диди□к*. Так необычно назывался семицкий четверг в с. Восход Кадомского р-на. Лишь благодаря тому, что в 1963 г. в этом селе работали этнографы московского Института этнографии Академии наук, с достоверностью можно утверждать, что название «Дидик» относится к семицкому четвергу. Информаторами экспедиции 1963 г. были местные жители 1903 и 1910 гг. рождения, которые вполне определенно говорили, что «Дидик был в четверг перед Троицей» и перестал отмечаться после Великой Отечественной войны. Этнографические исследования 2002 г. в с. Восход показали, что хрононим «Дидик» не утрачен, он живет, но уже применительно к следующему после Троицы воскресенью, когда раньше здесь *провожали Русалку*. В настоящее время в Восходе для детей устраивается фольклорно-этнографический праздник Дидик, в котором используются старинные фольклорно-игровые сюжеты праздников Семика и Русалки.

Венки и березки, завивавшиеся в семицкий четверг, развивались на *Троицу*. Во второй половине XX в. повсеместно изменяется ритуальное время «завивок». Венки завивают в Троицкое воскресенье, а развивают в понедельник (Духов день) или даже (но редко) на третий день Троицы, а иногда — в следующее (Всесвятское) воскресенье.

Троица в русском самосознании была и остается столь значительным праздником, что в течение XX столетия ритуальная структура его в основном оставалась неизменной. Уже в субботу, помянув усопших предков, жилище украшали «кустами». Вспомним у С.А. Есенина в стихах о троицыном утре: «На резных окошках ленты и кусты / Я пойду к обедне плакать на цветы…» В настоящее время традиция украшать дома ветками деревьев сохраняется. Обычай поддерживается и благодаря тому, что прихожане сельских и городских церквей вновь и вновь видят в Троицкие дни красивое зрелище убранного весенней зеленью приходского храма. Традиция украшать жилище троицкой зеленью как норма ритуально-праздничного поведения в большей степени присуща женской части населения. Однако пространство, маркировавшееся весенней зеленью, в последние десятилетия заметно сузилось. Это связано как с изменением демографической структуры села, так и с постепенным, хотя и очень медленным, угасанием самой традиции.

Сохраняется и правило, согласно которому в день Троицы к обедне идут с цветами и ветками березы, клена, рябины, черемухи, дуба. В некоторых селениях Михайловского р-на до 1990-х гг. соблюдался обычай собирать ландыши для такого букета на заре троицкого утра и, как в стихах С.А. Есенина, оплакивать цветы во время коленопреклоненной молитвы в храме. Освященный букет по-прежнему бережется и в дальнейшем используется в качестве оберега, с лечебной целью или как погребальная принадлежность. После праздничной обедни повсюду устраивались гулянья.

У троицких гуляний был свой ритуальный контекст, который определялся следующими обрядовыми и обрядово-игровыми действами, выливавшимися в народное весеннее ликование. Это — завивание венков и кумление; совместная обрядовая трапеза подруг, объединенных в «карагод» по возрастному признаку; вождение «карагода» или «кругов»; пускание в воду венков; катание яиц, окрашенных в красный и зеленый (березовыми листьями) цвета; качели и карусели; праздничный стол в каждом доме. Все перечисленные обрядовые и игровые действа Троицына дня — это этнически значимое сокровище, которое в разных формах сохранялось на протяжении всего XX в. Например, в 1920-е гг. в с. Вослебово Скопинского у. на Троицу девушки в нарядных праздничных сарафанах, украшенных позументом, завивали венки, пускали их по воде; подружки кумились, целовались через венок, водили хороводы. В 1950–1960-е гг. вся молодежь этого села после троицкой обедни собиралась на «Евтюшкиной поляне», где плели венки из листьев клена и липы, надевали их на голову, кумились. Здесь же трапезничали и водили хороводы. К 1980-м гг. еще продолжали сохраняться отдельные

фрагменты данной формы традиционного праздника — венки, завивание березки, трапеза под деревом, пляска, песни. Но в отличие от прежних лет утратилась его массовость, когда «гуляли» всем колхозом.

В с. Кузьминское Рыбновского р-на еще в начале 1990-х гг. жители старшего возраста Троицу называли *девичьим праздником*. К концу XX в. в отдельных селениях, сохранивших полноценную демографическую структуру, продолжали бытовать и некоторые фрагменты традиционных форм троицкой обрядности. Самые архаичные из них (например, кумление) переместились в среду девочек-подростков. Так, в с. Борок Шиловского р-на в 1990-е гг. «девки малые» кумились: «собирались кучкой», сообща трапезничали. Когда кумились, то целовались через березовый венок. И как итог праздника — венки с головы бросали в речку Тырницу.

Повсеместное завершение троицких ритуалов с березкой в основном приходилось на Духов день. Именно тогда развивали венки на березах и «раскумливались», если только это не было сделано на Троицу. При развивании венков в разных местах Рязанского края исполнялась поэтичная песня, один из вариантов которой в селениях по Кутуковской горе начинается словами «Широкий путь-дороженька, / Где ж батюшка шел…».

Во многих местах в Духов день топили в реке или ином источнике березку, наряженную красивыми лоскутками. Например, в р.п. Лашма (ныне пгт.) Касимовского р-на для этого праздника каждая компания выбирала березку высотой около 2 м, а после обеда, когда люди приходили с работы, по всему поселку начиналось гулянье: пировали в домах и на улице около домов, украшенных березовыми ветками; непрерывно из одного конца поселка в другой шло праздничное движение нарядных компаний с украшенными березками. Некоторые участники гуляний рядились: женщины в мужскую одежду и наоборот, а также «цыганками».

Хождение с березкой на Духов день. Касимовский р-н, пгт. Лашма. Фото С.А. Иниковой 2007 г.

Березки с песнями несли к озеру и там их топили. Вслед за этим в воду прыгали ряженые во всей своей одежде. Это народное торжество было неотъемлемой частью общественной жизни Лашмы до начала 1990-х гг., пока не закрылся местный чугунолитейный завод. Как только в поселке не стало работы — перестали праздновать. В настоящее время с березкой «ходят» только сотрудники местного дома культуры и участники самодеятельного коллектива.

Отвечая на вопрос, почему в национальном самосознании русских столь важное место занимала семицко-троицкая и духовская, как и предшествовавшая ей обрядность дня Вознесения Господня, нельзя не обратить внимания на то, что вся она теснейшим образом связана с землей и колосящейся рожью, цветами и травами, с почитанием леса и воды. Немаловажно и сохранение в сознании крестьян старшего возраста представления о Троице как календарном сроке, с которого лес, поля и луга «открываются» человеку для пользования. До Троицы запрещалось рвать траву и ломать «лес»: «Кустики до Троицы не ломали, за грех считали. Косить траву тоже нельзя было. Ничего не трогали» (с. Свинчус Шиловского р-на); «До Троицы грех траву рвать, березки ломать» (с. Дубровка того же р-на). В с. Савватьма Ермишинского р-на, когда с букетом из цветов, веток березы, липы и других деревьев идут к троицкой обедне, то говорят: «С лесом идут в церковь». Это представление о Троице соотносимо с восприятием данного праздника в качестве календарного срока начала лета. В местной автохтонной традиции троицкий календарный рубеж был отмечен праздником леса. Для русских — это *праздник березы*, во время которого девушки кумились/роднились с ней.

Что касается Духова дня, то в аграрных поверьях он отмечен почитанием таких жизненно важных стихий как земля и вода. Духов день считался одним из сроков *именин земли;* широко почиталась и *духовская вода.* Такое мировосприятие типично для крестьянской ментальности. По народным представлениям, записанным в приокских селениях и в богатом прекрасными водными источниками Пителинском р-не, на Духов день Святой Дух спускается с небес и освящает реки, озера, родники. Вода в них теплеет и можно купаться. Как говорят в Лашме, «Духов день с неба дает душку тепленького, и с этого времени начинают купаться и купаются до Ильина дня».

Таким образом, этнографические материалы приводят к выводу, что все варианты троицко-духовских ритуалов, разыгрывавшихся у ржаного поля, в рощах, у рек и прудов, с венками и «кустами» в руках, лентами из девичьих кос, крашеными яйцами для кумления и «раскумления» и другими обрядами, — по сути санкционировали природопользование в период пика весеннего ликования. Не случайно и то, что именно на этот весенний срок приходились «вхождения» девичьих *палаг* * в некие тайны породнения с семицой/троицкой березкой.

Обряды Троицы и Духова дня, как и всю весеннюю обрядность, венчало Петровское заговенье. В народном календаре оно посвящалось проводам весны. В Зарайском у. (села Ловцы, Любичи, Дединово, Белоомут) в этом случае справляли *ярилки*, и молодежь для ночного празднования отправлялась по реке к местности под названием Ярилина плешь [34]. На востоке области и в южных районах заговенье повсеместно называлось *Русальским*, а разыгрывавшиеся ритуальные игры-шествия — *проводами Русалки* или *Русалки-коня*, а также *проводами вёснушки*. Сам день *проводов* нередко назывался *Русалка*. Как след автохтонного мещерского населения можно рассматривать название обрядовой игры *проводы чамки* ** *в конопи* (коноплю), которая разыгрывалась в с. Тимошкино Шиловского р-на. В рязанской лексике известны и некоторые локальные названия заговенья, которые, наряду с лексемами *Русальский, Русалка*, еще живут в разговорной речи. Среди них *Дряменный день*, названный по розыгрышам с букетом цветов, в котором особая роль отводилась цветку *дрема* (с. Устрань и дер. Бессоновка Спасского р-на). В с. Восход Кадомского р-на заговенье называют *Махальным* — по последним весенним играм с яйцами: их подбрасывали («махали») вверх и смотрели, как они упадут на землю; в этом случае важно было, чтобы яйцо разбилось. Иногда пожилые женщины заговенье на Петров пост называют *Последнее*. Хрононим «Последнее»

* Палага, палаги — традициоое название компании сверстниц в с. Восход Кадомского р-на.

** Чамка — в переводе с мордовского «маска». В данном обряде «чамка» — русалка. Оба названия сосуществуют в с. Тимошкино.

отражает календарный счет времени и соответствует астрономическому положению Солнца на небе в период летнего солнцеворота, после которого день идет на убыль.

Характерной особенностью празднества, происходившего в Русальское заговенье на Рязанщине (а также на Тамбовщине и в прилегающих к ним районах других областей), было то, что основной ритуальный персонаж его (*Русалка-конь* или *Русалка*) действовал в качестве ряженого только в момент собственно ритуального времени празднества. Вне его образ русалки как архетип мифологического сознания, который, казалось бы, мог функционировать в качестве самостоятельного персонажа так же широко, как широко отмечалось Русальское заговенье, вне праздника бытует узколокально.

Другая характерная особенность Русальского заговенья — в празднество была вовлечена вся община. Если девичья семицко-троицкая обрядность — это тайна, закрытая для мужской части населения, то русальское празднество, в том числе и в форме «проводов вёснушки», — это общемирское торжество.

Не случайно до последнего времени еще можно было записать немало воспоминаний о проводах Русалки. В некоторых местах, например в Спасском и Касимовском районах, праздник, хотя и в трансформированных формах, сохранялся до начала XXI в. Значительно меньше воспоминаний встречается о проводах-шествиях в форме *Коня-русалки,* хотя во многих местах (возможно, даже повсеместно в исследуемом ареале) обе формы сосуществовали, воспроизводясь одновременно на одной и той же сельской «сценической» площадке. Праздничные шествия с Конем-русалкой стали уходить из быта примерно с 1920-х гг. Однако кое-где, как, например, в Сасовском р-не, такая архаическая форма ритуала еще сохранялась в 1950-е гг. Имеется и уникальное свидетельство о том, что в с. Алексеевка Сараевского р-на к проводам Коня-русалки голову «коня» предварительно лепили из глины и настоящего лошадиного черепа; туловище его, согласно традиции, составляли двое мужчин, один их которых держал на рогульке «голову». Вокруг «коня» собиралась веселая толпа. Проводы Коня-русалки сопровождались ритуальными бесчинствами (перегораживали дороги, ломали ограждения) [35].

В то же время проводы Русалки в форме розыгрышей сцен сватовства или проводов русалочьей «брачной пары» оставались популярными в течение всей второй половины XX в. На развитие и устойчивость бытования этого варианта проводов Русалки скорее всего повлияли перекосы в демографической ситуации послевоенного села. Роль «брачной пары» могли исполнять или переряженные женщины и мужчины, или же специально изготовленные чучела «жениха» и «невесты-русалки». В дер. Бессоновка Спасского р-на во время травестийных переряживаний говорили: «Замуж отдавать русалку». В селениях по Кутуковской горе любимым розыгрышем Русальской недели была шутовская «женитьба» одинокого холостяка. Например, в с. Устрань ее разыгрывали в первый понедельник после заговенья. Здесь женщины, возвращаясь с прополки, специально навешивали на мотыги «все белое» (рубашки, белье, простыни) и, исполняя свадебные песни, шли к вдовцам «навязывать невест»: «Мы сейчас тебе постель постелем, молодые будете». Сюжет с «навязыванием невест» представляет собой отзвук одной из архаичных традиций предсвадебного цикла Среднерусского Поочья (см. т. 2. с. 58–59).

В дер. Четаево Касимовского р-на «проводы» устраивались вплоть до 2006 г. Здесь традиционно разыгрывались сцены «выдачи замуж» Русалки. По обычаю один конец деревни изготавливал только чучело русалки-невесты, а другой — только чучело жениха. Иногда еще одну «невесту» приносили из соседней дер. Халымово. Приходили и из других селений, в том числе татарских. По воспоминаниям, на праздник собиралась «туча народу». В 1930–1960-е гг. это было народное ликование, когда к месту сожжения или потопления чучела люди шли массовой процессией — дружными рядами, с соблюдением принципа родства (каждую шеренгу составляли только родственники, которые шли, крепко сцепившись «под локотки»). Сожжение чучела сопровождалось хороводами и исполнением обрядовых песен. В последнее десятилетие в проводах Русалки слишком большое место стали занимать сюжеты фривольно-эротического содержания. В начале 2000-х гг. проводы хотя и устраивались, но были малолюдными. Примечательно и то, что в современном русальском розыгрыше в Четаеве была актуализирована злободневная для села

а)

б)

Приготовление чучел к празднику «Русалки»: а) чучело «Русалки», б) чучело «Жениха». Касимовский р-н, дер. Четаево. Фото С.А. Иниковой 2005 г.

тема — пьянство. Поэтому в сценах проводов и «невеста», и «жених» изображались пьяницами, которым участники праздника выносили общественное порицание и определяли «наказание» в форме традиционного сожжения чучела. Если стояла жара, чучело топили в болоте, «чтобы пожара не было». Один из вариантов проводов последних лет — ради развлечения в чучело заложили петарды, которые начали стрелять, когда его зажгли.

В с. Кочемирово Кадомского р-на не прерывалась традиция отмечать «проводы вёснушки». Эта поэтичная форма ритуально-праздничных проводов весны в корне отличается от шумных, вплоть до ритуальной необузданности, проводов Русалки. «Проводы вёснушки» принадлежат к владимирскому ареалу праздников проводов календарной весны, а с. Кочемирово является одним из западных пунктов этого ареала. «Проводы вёснушки» справляются ближе к сумеркам в заговенье на Петров пост. Основная структура проводов: многоголосое исполнение прощальной песни в честь *вёснушки-весны* у околицы села, сразу за которой начиналось поле ржи; обязательное кувыркание мужчин через

Фольклорная группа – участники «Проводов вёснушки». Кадомский р-н, с. Кочемирово.
Фото А.Н. Журавлева 2000 г.

голову здесь же, у околицы, после исполнения прощальной песни; моление старух («Просили у Бога лета хорошего»); около полуночи с песнями расходились по домам. После «проводов вёснушки» считалось, что наступило лето.

В течение прошедшего столетия трансформация праздника «проводов вёснушки» шла, как и в других случаях, прежде всего за счет изменения демографической структуры состава его участников. Постепенно основными участниками праздника становились пожилые женщины. По воспоминаниям, относящимся к концу 1930-х гг., именно они «водили большой хоровод… пели песни старинные какие-то, наряжались в сарафаны, юбки. Зрелище было очень красивое. Венки из березах вили себе на́ голову». В 1960–1970-е гг. праздник по-прежнему бытует: еще кувыркаются мужчины, потому что все верят, что так надо для урожая, еще молятся старушки, и по-прежнему — песни и пляски перед тем как разойтись. Однако год от года у околицы села собиралось все меньше и меньше празднично настроенных людей. По счастливому случаю, в 1990-е гг. в селе организовался подростковый фольклорный коллектив, который и перенял от старших традицию «проводов вёснушки», воспроизводя ее в той же последовательности, как это было принято раньше, с исполнением прощальной песни у околицы, кувырканиями (теперь кувыркаются все подряд), вождением хороводов, песнями, плясками и частушками. Таким образом, современный вариант праздника возрожден молодым поколением кочемировцев. В данном случае перед нами пример не стилизации «под старину», а проявление интереса сельской молодежи к традициям родного села. Этот пример говорит также о потребности молодежи села в этнически значимой информации.

Летне-осенние праздники. Петров пост, приходясь по времени на период *летнего солнцестояния*, потеснил соответствующие обряды, посвящавшиеся этому важному для жизни людей астрономическому явлению. В традиционном календаре летнее солнцестояние было отмечено разнообразной обрядностью. В православии — это день Рождества Иоанна Предтечи (24 июня / 7 июля). Народная перефразировка названия православного праздника Иван Купала отразила обычай ритуальных купаний в ночь со дня Аграфены-купальницы (23 июня /

6 июля) на *Иванов день*. По случаю летнего солнцеворота у разных народов принято по берегам рек или на возвышенностях зажигать костры. Под влиянием христианской проповеди у русских эта традиция постепенно изживалась. К началу XX в. она уже не была характерна для празднования русскими дня Ивана Купалы, хотя и сохранялась в отдельных местах. Рязанский край в этом случае не исключение. Имеются сведения о купальских кострах в Рязанском, Елатомском, Касимовском уездах. В 1900-е гг. в знаменитом своими понёвами со свастическим орнаментом с. Парахино Касимовского у. в ночь под Иванов день «всею деревнею» собирались к реке, раскладывали костры, прыгали через них и пели песню с припевом «Ой, Дид-Ладо!» [36]. Именно этот вариант купальской обрядности с кострами привлекает наибольшее внимание современных организаторов праздничного досуга. Подчас такие организаторы, в соответствии с широко навязываемой средствами массовой информации новой «мифологии», становятся пропагандистами не свойственных данной местности обычаев.

От старинных традиций Иванова дня у русских в XX в. в полной мере сохранялись лишь купания и сбор целебных трав. Например, было принято купаться и обливаться на Иванов день в дер. Салаур Шиловского р-на. Традиция купаний на Иванов день долго сохранялась у староверов с. Исады Спасского р-на. Сбор лекарственных трав в этот день считался столь важным, что повсюду на Руси в аграрных календарях день Иоанна Предтечи именуется как «Иван Травник», «Иван Травный», иногда «Иван Цветной». Аналогичная картина и на Рязанщине. Здесь самое распространенное название Иванова дня — *Иван Травник*. Но имеются места, сохраняющие древнее название *Иван Купала* (селения по Кутуковской горе и ниже по течению Оки). В лексике жителей с. Поляки Путятинского р-на бытуют оба названия праздника — *Иван Травный* и *Иван Купальский*. По рассказам местных жителей: «Старушки скажут: „Завтра Иван Купальский, а кто скажет — Иван Травный“». Данные формы обрядовой лексики свидетельствуют о двух основных потоках в истории формирования населения села. В их числе были и западнорусские переселенцы, которые принесли хрононим «Иван Купальский» и благодаря которым село получило название Поляки.

В каждой округе Иванов день имел свои, может быть, небольшие, но запоминающиеся особенности. «В этот день, — считали в с. Ветчаны Клепиковского р-на, — нужно собрать целебные травы до утрени». А в с. Ерахтур Шиловского р-на на Ивана Травника «мужики ходили на луг покосы делить, а женщины собирали 12 трав». В с. Красный Холм того же района вспоминали, что на Ивана Травника «везде плясали да играли, траву рвали всякую. Вот, бывало, принесешь травы, на пол настелешь, на лавки накладешь, садишься. Целую неделю эт-трава дома, а потом уж выметаешь скотине». В с. Котелино Кадомского р-на некоторые собирают лечебные травы между заутреней и обедней, а Иванов день здесь называют «Иван Травный». В Кадомском р-не говорят: «Иван Претец — всем травам отец!» Женщины селений Исады, Аргамаково, Устрань, Бессоновка Спасского р-на и Муратово, Ряссы Шиловского р-на в ночь на Иванов день ходят к Прощеному колодцу собирать светлячков, которых здесь называют *ивановыми мухови□цами, червачками* и используют для лечения.

Иванов день — зенит астрономического года и пик цветения лугов. Поэтому в некоторых местах в этот день мужчины отправлялись в луга делить покосы, иногда бывал и первый покос. Но массовый выезд в луга на сенокос начинался на Петров день (29 июня / 12 июля). В рязанских говорах его называют *Петр-Павел, Петры-и-Павлы*. Все, кто вспоминал о сенокосной поре во времена колхозной деревни, отмечают праздничную атмосферу сенокоса, особое, приподнятое настроение крестьян. В с. Орехово Спасского р-на рассказывали: «Как глянешь, после обеда — это видимо-невидимо едут лошадей. У всех на лошадях (подводах. — *Л.Т.*) грабли, вилы, стогометные вилы, косы, корзинки, сундучки. Все едут в беленьких платочках, гармошка играет, припевают. Колхозами ехали. Смотрели: это — вот этот колхоз поехал, а это — вот этот. Какое веселье! Радости! Радости видимо-невидимо!.. Сенокос — это радостная пора, это Петров день!» По некоторым воспоминаниям, когда женщины сгребали скошенную траву, рядом играла гармонь: «А некоторые боевые [женщины] и присвистнут, и притопнут, бабы-то молодые!» Под стать такому радостному настроению была и сенокосная одежда крестьян — нарядная, опрятная: «Чистенькое надевали на покос» (дер. Сумерки

Кадомского р-на). В сенокосном наряде 1950–1960-х гг. в Орехове и окрестных селениях преобладал белый цвет. Обязательными были несколько нарядных («выбивных») косынок, чтобы к работе каждый раз приступать в чистой. В цветовой гамме женской покосной одежды Скопинского р-на преобладал красный цвет.

По воспоминаниям рассказчиц старшего поколения, во время покоса непременно исполнялись особые (протяжные) покосные песни. Мелодичное звучание красивых женских голосов — не только помощь в работе, но и обращение к природе. К природе была обращена и традиция купать во время покоса молодух и девушек в реках и озерах. Повсеместно в Петров день и в покосную пору парни и девушки обливали друг друга водой, молодух затаскивали в воду. Как вспоминали в есенинском с. Константиново: «Всех купали, бросали в старицу или в озеро, особенно молодоженов — за руки, за ноги раскачивали и прямо в одежде бросали в озеро». К 1990-м гг. обычай обливаний на Петров день почти забылся, поскольку это — розыгрыш молодых людей, которых в селе оставалось все меньше. Ныне воссоздаваемый клубный праздник в память святых апостолов Петра и Павла имеет характерные приметы ознакомительно-просветительского мероприятия со сценарием, в котором в первую очередь обыгрываются фенологические приметы разных климатических зон России. Успех такого мероприятия зависит от таланта его организаторов, от их знания обрядов и обычаев родной стороны.

По-прежнему широко почитается день, посвящаемый в православии Казанской иконе Божией Матери (8/21 июля). В старину с *Казанской* начинали жать рожь. Вероятно, отсюда идет восприятие старыми крестьянками образа Казанской Божией Матушки как покровительницы хлебных полей. Начало жатвы всегда было большим событием. Даже в советское время соблюдались многие принятые в данном случае старинные традиции, вплоть до зажина колхозного поля жницей «с легкой рукой» и, разумеется, с хорошей репутацией. *Первые зажинки* были небольшими: всего один-три снопа, чтобы тут же их обмолотить и испечь хлеб из нового зерна. В Котелине после зажина пекли *каравай* и с первым караваем и иконами «на расшитом полотенце» ходили с крестным ходом по полям. Обычая первых зажинок в некоторых колхозных хозяйствах придерживались вплоть до 1980-х гг. В современном обыденном сознании Казанская, как и прежде, воспринимается в качестве «грозной», «сердитой». Так как в середине июля часто бывают грозы, то в день Казанской не советовали работать в поле (см. т. 2. с. 378–379).

Таким же «грозным» и «сердитым» считается Ильин день (20 июля/2 августа). И сейчас среди верующих старшего возраста популярны народные легенды о том, как Господь, чтобы уберечь людей от необузданного характера Ильи, скрывает от пророка день его празднования. Например, в Орехове рассказывали: «Илья сказал так: „Если бы я знал, когда мой праздник, ох, я бы натворил“». Представляет интерес и другое поверье рязанских крестьян о том, что после Ильина дня «другой пророк по небу катается»: «Когда Илья Пророк пройдет, святой Анохий-батюшка милосливый по небу ездит» (с. Тырново Шиловского р-на). Народные рассказы о том, что на смену Илье Пророку приходит «другой пророк» по имени Анохий или Онохрив, — это фольклорные перефразировки церковных святцев: в православии после Ильина дня отмечается память прп. Онуфрия-молчаливого (21 июля / 3 августа). Представление о святом Онуфрии, заместившем Илью Пророка, отражает народный взгляд на данное время как переходное к осени (в соответствии с аграрными святцами), рисуя картину природы в рамках народных космологических воззрений.

Смена сезонов символически отразилась в поверье крестьян с. Тимошкино Шиловского р-на о том, что на Ильин день «змеи на рябину лезут». Согласно русским поверьям, в этот день змеи лезут ближе к небесам в мифический «вырий». Туда же потом должны улететь и перелетные птицы [37]

На календарное порубежье Ильина дня приходится запрет на купания в реках и озерах. В настоящее время в обыденном религиозном сознании сохраняются старинные поверья с ярко выраженным мифопоэтическим контекстом, объясняющим корни запрета на купания после Ильина дня. Для рязанского Поочья наиболее типичны представления о том, что воду в земных

источниках «холодят» Илья Пророк или же олень. При этом считается, что Илья Пророк в воду бросает лед («На Ильин день Бог уже в озера, в реки кидает кусочек льда») или, согласно информации, записанной в дер. Салаур, Илья Пророк опускает в воду холодный камень. Последнее объяснение, в котором архетип камня соотнесен с грозной фигурой библейского пророка, отражает один из архаических пластов традиционной космологии.

На Ильин день советовали умываться ранним утром *непочатой водой* с приговором: «Куда вода — туда худоба, Илья спустил сто пудов льду, а мне — сто пудов здоровья» (с. Илебники Шиловского р-на).

По случаю Ильина дня праздновались или *первинки* — если это были зажинки, или же *пожинки*, — если заканчивали уборку озимых. Самая распространенная традиция пожинок в рязанском Поочье — оставлять на ниве несжатым последний пучок колосьев, который посвящался Богу, Николаю Угоднику, Илье Пророку с тем, чтобы и на следующее лето был урожай (см. с. 252). Другое ритуальное действо: катания жниц по ниве с такими типичными для данного ареала приговорами, как «Нивка, нивка, отдай мою силку!» или «Жнивка, жнивка, отдай мою силку, помогай моей сивке!» и др. (илл. с. 253). Отжавшись, из муки нового урожая пекли ржаной хлеб.

В Ильин день в честь нового урожая крестьяне не только сами угощались первыми ржаными пирогами из новой муки, но и закармливали хлебной новью домашних животных, скармливая им первую сжатую рожь. Было принято на Ильин день тщательно убрать скотный двор и пригласить священнослужителя для молебна: на дворе ставился стол с хлебом-солью, «батюшка послужит, покропит для скотины». В с. Нармушадь Шиловского р-на на Ильин день специально для пастуха к колодцу выносили стол, на который клали яйца и печеный хлеб («калабашки»).

Еще одна традиция Ильина дня — освящение первых огурцов: после обедни священник служил молебен у каждого дома («святили огурцы и хлебушек»).

Представляет интерес и этнографическая страница аграрно-православного календаря, посвященная культу свв. Б о р и с а и Г л е б а. Летний день их празднования 24 июля / 6 августа отмечался как *хлебный праздник*. В XIX в. в Михайловском, Рязанском, Зарайском районах существовала старинная традиция прекращать в этот день все полевые работы. Однако, согласно многочисленным сообщениям на страницах епархиальных ведомостей, церковь в день свв. Бориса и Глеба крестьянами не посещалась.

Освящение первой нови — повсеместный обычай П е р в о г о С п а с а (1/14 августа). Его рязанские названия: *мокрый, медовый, ржаной, хлебный, пшеничный, маковей, огурешный, картошный*. Перечисленные названия говорят о том, что Первый Спас крестьянами отмечался как праздник нового меда, нового хлеба и огородных культур, а также освящения водных источников. Согласно нормам традиционного мировосприятия все первинки, как и приготовленные к озимому севу семена ржи, должны быть освящены. Психология и сознание старшего поколения крестьянства, с его глубоко укоренившимся нравственным отношением к земле и хлебу, еще в 1950–1960-е гг., т. е. спустя почти полвека после установления советской власти, не могли допустить, чтобы зерно нового урожая не было освящено.

Общерусское название В т о р о г о С п а с а (Спас Преображение, 6/19 августа) — *яблочный*. Как и повсюду среди православных, в этот день в рязанских храмах освящаются яблоки и другие фрукты (илл. т. 2. с. 284), посещается кладбище. Т р е т и й С п а с (Спас Нерукотворный, 16/29 августа) старые жители Скопинского и Спасского районов называли *хлебным*, так как раньше в Рязанской обл. в этот день проходил засев озимой ржи. В местах, богатых орешником, третий Спас называют *ореховым*.

Августовские Спасы — любимые православные праздники русских людей. Поэтому популярны клубные варианты этих праздников, среди которых предпочтение отдается *яблочному Спасу*. Его непременная часть — конкурс на лучшее яблоко, выращенное в своем саду. Среди персонажей познавательно-развлекательных мероприятий для детей, рассказывающих о трех августовских Спасах, значится и «царь Августин» — олицетворение щедрот месяца августа.

Один из величайших праздников православной церкви Успение Пресвятой Богородицы (15/28 августа) современными верующими воспринимается с большим религиозным чувством. «Как по родителям печалишься, так и по Божьей Матери. Это Божья Мать наша, Небесная наша Царица умерла», — говорят женщины старшего поколения. В аграрном календаре Успение является сроком завершения уборки всех хлебов. Поэтому старые рязанцы до сих пор Успенский пост называют *Спожинка* (Рязанский р-н), *Сапожинка* (Спасский, Михайловский районы), т. е. время окончания жатвы. На крестьянском успенском столе в этот день обязательно бывали праздничная пшенная каша из обмолоченного проса нового урожая, а также пышки, пироги, блины, каравайцы из новой муки. О еде к столу на Успение говорили: «Готовили новильное». К «новильному» относится и молодая домашняя птица. Поэтому еще одна особенность еды на Успение — разговенье молодым куриным или гусиным мясом, с которым варилась домашняя лапша.

Своими аграрно-праздничными особенностями отмечен день памяти мчч. Флора и Лавра (18/31 августа). В рязанской лексике это — *Фролов,* иногда *Хролов день.* Фролов день на Руси — в числе любимых престольных праздников. День памяти мчч. Флора и Лавра приходится на время года, когда сельский мир Среднерусского региона завершает уборку овса и управляется с севом озимой ржи. Для традиционного мировосприятия характерно отношение к Фролову дню как к *лошадиному празднику.* В рязанском Поочье среди обязательных обычаев Фролова дня была выпечка обрядовых хлебцев, называвшихся *кони, копыта* или копытки.

Традиционный Фролов день в русской деревне всегда был заметным событием. В этот день лошадей с расчесанными гривами, украшенными разноцветными лентами и бантами, приводили к церкви или к реке, где после водосвятного молебна священник кропил их святой водой. Затем устраивались скачки. Молодцы в нарядных рубахах «равнялись», кто быстрее. Все эти обычаи ушли из быта с началом коллективизации. В настоящее время в селениях, где Фролов день является престольным праздником, работники сельских домов культуры проводят для местных жителей незатейливые концерты художественной самодеятельности с частушками, песнями, играми.

Из праздников начала осени старшие возрастные группы повсеместно выделяют дни Усекновения главы Иоанна Предтечи (29 августа / 11 сентября), Рождества Пресвятой Богородицы (8/21 сентября), Воздвижения Животворящего Креста Господня (14/27 сентября). Как и повсюду в России, в рязанском месяцеслове день Усекновения Главы Иоанна Предтечи больше известен как *Иван Постный.* 29 августа (по ст. ст.) было принято поститься и начинать уборку некоторых огородных культур. В день Рождества Богородицы в соответствии с нормами обыденного религиозного поведения по-прежнему ограничены работы по дому и на приусадебных участках.

Воздвиженье или *Сдвиженье* (*Здвиженье*) в традиционной картине мира ассоциируется с окончанием полевых работ, а сам праздник воспринимается как завершение аграрного года и круговорота в природе. Широко распространено представление о том, что на Воздвиженье все «гады» в землю прячутся. Даже в настоящее время среди сельских жителей бытует немало рассказов о «встречах» с клубком змей, катящихся к зимним норам. В рязанском месяцеслове тема завершения аграрного года на Воздвиженье просматривается в запретах, связанных с землей: ее нельзя тревожить. Раньше говорили: «Завтра Сдвиженье — землю Боже упаси трогать!» (дер. Городище Шиловского р-на); «Здвиженье — последний с поля воз. На Здвиженье землю не трогают. Постный день» (с. Кутуково Спасского р-на); на Сдвиженье «землю не трогают, ничего делать в этот день нельзя на земле» (с. Устрань того же района); даже нищие и те несли свой батожок в руке, а не упирались им в землю.

Все цитированные записи относятся к последнему десятилетию XX в. Это значит, что на протяжении прошедшего столетия сельский мир еще хранил в своей этноисторической памяти такой важнейший принцип земледельца как нравственное отношение к земле, восприятие ее как категории духовной. Данное социокультурное явление было одной из форм общественного сознания, являлось неотъемлемой частью этнической психологии русских. Именно на этой столетиями взращиваемой концепции традиционное сельское сообщество строило свои будни и праздники.

В XX столетии развитие рязанского варианта календарно-праздничной культуры определялось, в первую очередь, тем социокультурным «балансом» в соотношении традиционного и современного, который характеризовал черты повседневной и семейной жизни, коллективного и индивидуального (обыденного) самосознания русских в целом. Этнокультурные трансформации шли под влиянием социально-экономических бурь и потрясений, которыми была столь богата история России в XX в., и, как следствие их, под воздействием отрицательных этнодемографических процессов и гипертрофированной подвижности «мобильных» поколений русского народа. Снижение численности сельского населения в результате его массового оттока в города и на стройки века привело к тому, что перед обществом в 1970–1980-е гг. остро встала проблема молодых семей и демографического выравнивания структуры села. Численное сокращение населения в младших возрастных группах и нарушение механизма передачи этнически значимой информации вело к ее утрате. В 1970–1980-е гг. на государственном уровне решался вопрос о воссоздании традиционных образцов ритуально-праздничной культуры как одного из направлений, которое помогло бы улучшить социокультурные параметры в вымирающей деревне и, соответственно, удержать молодежь и молодые семьи в селе. Именно с того времени фольклорно-этнографические праздники на клубных сценах России стали неотъемлемой частью культурного досуга сельских жителей. В последние десятилетия такие воссозданные «клубные» праздники играют особенно заметную роль в поддержании некоего обобщенного варианта традиционного слоя культуры. Но, к сожалению, им присуща стилизация «под старину», смешение разных областных этнографических и фольклорных стилей и традиций, а сами восстановленные формы порой лишь отдаленно напоминают некий прототип, якобы восходящий к этнографическим истокам. Это явление «вторичности» в жизни этнографического праздника типично и отражает не только современную динамику функционирования традиционной культуры, но и отношение общества к своему наследию.

В свете изложенных проблем немаловажное значение для общества в целом имеет знание своих корней. И здесь многое могут поведать данные антропологии, археологии, диалектологии и собственно этнографии, т. е. история складывания и особенности функционирования материальной и духовной культуры в изучаемом ареале, фактор этнической и культурной непрерывности. Например, характер этнокультурных связей русского населения Рязанского края с восточнофинским населением прекрасно иллюстрируется фольклором с. Свинчус Шиловского р-на в записях 1875 г., сделанных местным уроженцем учителем Я.Г. Соколовым. Эти записи предваряются справкой: «В метриках нашей церкви на 1780-й г. наш Свинчус прямо назван Мещерским». Далее из публикации видно, что в с. Свинчус на Красную горку наряду с весенней хороводной «А мы просо сеяли! Дидо-ладо! Сеяли, сеяли!» исполнялась песня, в которой после каждой строки звучал призыв «Автё! Автё!» («Автё! Автё! Полая вода разливается! / Автё! Автё! Отец с Машей набивается! / Автё! Автё! Возьми, Сергей, доцку!..») [37]. Локальное *авте* — это финно-угорское *овта,* т. е. медведь. Аналогичная ситуация отмечена и в бывшем с. Шилово (ныне пгт. Шилово), где русальская песня, уходящая своими корнями в западнорусские земли (с мотивом подать русалке рубаху «Хоть худым-худеньку / Да белым-беленьку»), соседствовала с весенней егорьевской песней с припевом «Ахтёр-ахтёра!» Слова этого припева по сути являются инвариантом (словоизменением) упомянутого выше финно-угорского *авте-овта* («Ахтёр-ахтёра! Собираться пора / Ахтёр-ахтёра! Коровушкам-матушкам, / Ахтёр-ахтёра! Бычушкам-молодчикам…»). Появление «непонятного» припева как в строках егорьевской песни, приуроченной к первому выпасу скота, так и в цитированном выше призыве к медведю в качестве покровителя свадебных пар, объясняется распространенным в традиционных обществах приемом табуирования имени зверя, которого или опасались, или призывали в помощники. Медведь у русских — сакральное животное. Поэтому в своих обрядовых песнях русскоязычное население Мещёры употребило его финно-угорское название. Вспомним и устраивавшиеся в Русальское заговенье в некоторых селениях того же района «проводы чамки в конопи», во время которых участники календарного праздника рядятся

чамками-русалками. Чамки-русалки — это след взаимодействия мещерских и русских этнокультурных традиций, отложившихся на архаическом варианте праздника русского календарного цикла, который широко отмечался в форме проводов ритуального персонажа типа «Русалки», «Русалки-коня» или «кобылки», столь хорошо известного современным исследователям по многочисленным указам XVII в., исходившим от московского правительства, с запретом «бесовскую кобылку водить».

Среди многочисленных фактов календарных соответствий между западнорусской (а также белорусской) и рязанской традициями отметим такой редкий в русском аграрном календаре хрононим, как день прп. Онуфрия, о котором мы писали выше и которому народная традиция приписывала «громовые функции». Аналогичная этнокультурная реалия в других русских областях этнографами не была отмечена. Однако она зафиксирована этнолингвистами в Полесье и относится также к прп. Онуфрию, но с днем памяти 12/25 июня. В полесской календарной традиции «июньский» Онуфрий, как и Онуфрий на Рязанщине, также наделяется «грозовыми» функциями; обратим внимание и на созвучие одного из вариантов хрононима в том и другом регионах — *Онохрий* (белорусское и брянское) [39], *Онохрив* (рязанское).

Изложенные материалы говорят о вполне очевидном взаимодействии белорусско-западнорусского, средневеликорусского и восточнофинского этнокультурных субстратов в изучаемом ареале [40]. К тому же выводу в свое время пришел и сподвижник таких классиков русской этнографии, как Б.А. Куфтин, Н.И. Лебедева, Г.С. Маслова, прекрасный знаток этнографии Рязанского края, этнограф и в то время тайный священник Б.А. Васильев. Комментируя экспедиционные материалы типа изложенных выше с сюжетом проводов весны в Петровское заговенье, Б.А. Васильев писал: «Ряженье „белым конем“, вождение „коня“ по деревне, опрокидывание „конем“ бочек с водою. Этот обряд бытовал у русских в Пичкиряеве, Крутом, Кр. Дубраве и Кочетовке (Торбеевского р-на *), а у мордвы — в Темниковском и Кочкуровском р-нах Мордов[ской] АССР. Опрокидывание кадок с водой связывает „коня“ с „русалками“, посылавшими, по верованиям древней Руси, дождь на поля. Близкие обряды в честь Ярилы бытовали еще в XIX в. в Белоруссии. Ярилу изображала девица в белом покрывале на белом коне. Обряд проводов коня представляет отзвук древнего культа священного коня, известного на очень широкой территории… Отзвуки этого культа мы находим в русской, карельской и вост.-фин[ской] орнаментике — вышивке и скульптуре» [41].

Укажем и на следы рязано-черниговских связей, которые прослеживаются не только по древнерязанским культовым сооружениям и артефактам археологии, но и по некоторым архаическим вариантам календарной обрядности, в частности обрядовым игрищам с русальским букетом «дрямой», разыгрываемым в Дряменный день современными жителями с. Устрань (село расположено недалеко от старой столицы Рязанского княжества). Перспективным представляется сопоставление современного варианта устраньских розыгрышей с «дрямой» и соответствующего черниговского (Новгород-Северского) варианта «проводов Дремы».

Отметим и общие для населения бассейна Оки, Подонья, Хопра новогодние обходы с исполнением «Авсеней», что свидетельствует о сильно выраженном московском средневеликорусском слое в календарной обрядности этого региона. Примечательно наблюдение исследователей в Шацком р-не. Здесь область распространения угроз «архаического» типа, исходивших от «кликальщиков Авсеня», совпадала с ареалом подблюдных песен, гадания с которыми более известны в западных районах рязанского Поочья (Рязанский, Михайловский, Зарайский уезды). По мнению исследователей, в Шацком р-не они появились вместе с переселенцами либо из более северных губерний, либо из западнорусских, где широко бытовал образ «Коляды» [42]. Цитировавшийся выше знаток традиционной культуры русской мещеры Б.А. Васильев считал, что «с московским влиянием» (имеется в виду исторически вторичное освоение русскими Дикого поля начиная с середины XIV в. и особенно интенсивно — с XVI–XVII вв.) «шли также многие элементы северного свадебного обряда, овсеньки и др.» [43]. Добавим к перечисленному Б.А. Васильевым и такой яркий «северный» след в рязанской новогодней обрядности, как

* Села Пичкиряево и Крутое находятся в Сасовском р-не Рязанской обл.

окликания-величания с припевом «Виноградье красное-зеленое мое» (Рыбновский и Касимовский районы). Есть все основания связать рязанское «Виноградье» с обрядовым комплексом «виноградий» Верхневолжского бассейна, а также Русского Севера и Псковщины [44]. При решении вопроса об истоках «виноградий» в районе заокской Мещеры следует учитывать и историю миграционных потоков внутри собственно Мещерского края, который географически находится в пределах Московской, Владимирской и Рязанской областей [45].

Определяя место рязанской календарно-праздничной обрядности в системе общерусского аграрно-праздничного комплекса, можно с уверенностью говорить, что рязанский календарно-праздничный комплекс скорее всего относится к западно-средневеликорусскому культурно-географическому ареалу и является переходным к южнорусскому ритуально-праздничному комплексу [46]. С точки зрения сравнительного анализа этнокультурных традиций (в плане «привязки» их к определенным этническим территориям) рязанские календарные обряды и фольклор «накладываются» на территорию, занимаемую на антропологической карте Восточной Европы центрально-восточноевропейским антропологическим комплексом. По классификации академика Т.И. Алексеевой, этот комплекс имеет свою следующую географическую локализацию, которая охватывает несколько народов. География комплекса: бассейн Оки, верховья Дона, Клязьма, верхнее и среднее течение Волги, бассейны Цны, Ворксы, верховья Хопра и Медведицы. Народы: прибалтийское население, белорусы, мордва, удмурты, русские [47].

В целом структура рязанского комплекса календарных праздников и обрядов полностью совпадает с некоей проекцией общерусского календаря, поскольку его основу и основу локальных и региональных вариантов составляют календарные ритуалы и обычаи, связанные с летним и зимним солнцестояниями, весенним и осенним равноденствиями. Одновременно все календарно-праздничные циклы и обычаи строго соотнесены с православными церковными святцами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подробнее см.: *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Кочеты // ШЭС. С.229–233; *Тульцева Л.А.* Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. Рязань, 2001. С. 27 (РЭВ. Вып. 30).

2 Подробнее см.: Сапожковские вести (Сапожок). 2002. 18 октября; Новая искра. 2002, 25 октября; Колос. 2002. 6 ноября; Шиловский вестник (Шилово). 2001. 26 октября.

3 [*Макаров М.Н.*] Русские предания. Одна книжка, изданная М.Н. Макаровым. М., 1848. С. 18–19.

4 АИЭА. Ф. 47 (РОКЭ). Оп. 19. Д. 68. Л. 68, 110; д. 2360. Л. 98; д. 2361. Л. 424.

5 Там же. Д. 4379. Л. 337.

6 *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива ИРГО. Пг., 1916. Вып. 3. С. 1179; *Мансуров А.А.* Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1930. Вып. 3. С. 35 (Труды ОИРК. Вып. XXVI).

7 *Петров В.* Мещерский край. Этнографический очерк // Вестник РГЗ. 1915. № 1. С. 39.

8 *Ивлева Л.М.* Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994. С. 82–83.

9 *Слепцова И.С.* Колядой ходить // ШЭС. С. 219.

10 *Петров В.* Указ. соч. С. 36.

11 Записано от М.И. Свиркиной, 1927 г.рождения

12 Подробнее см., например: *Борисова Е.* Пришла Коляда — отворяй ворота // Сельская жизнь (Пителино). 2002. 25 января.

13 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 151. Л. 1, 5.

14 *Васильев Б.А.* Полевые этнографические карточки по исследованиям в 1952 г. в Пронском районе Рязанской области // НА РИАМЗ. Д. 1595.

15 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. X. № 237.

16 Подробнее см.: *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Крещение // ШЭС. С. 240.

17 *Мансуров А.А.* Указ. соч. Рязань, 1928. Вып. 1. С. 46 (Труды ОИРК. Вып. XV).

18 Запись сделана в 1998 г. С.В. Хаврониным в с. Свинчус Шиловского р-на.

19 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 148. Л. 2–2 об.

20 Там же. Д. 50. Л. 23.

21 Записано от И.В. Атмоньевой, 1960 г.рождения

22 *Шавыкин И.А.* Столпянские кулачные бои (историко-бытовой очерк) (1932 г.) // НА РИАМЗ. Д. 781. Л. 4. См. также: *Горбунов Б.В.* Традиционные рукопашные состязания в народной культуре восточных славян XIX — начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 1997 (сер. «Б-ка „Российского этнографа“»).

23 *Гаврилов А.Н.* Народный календарь Шиловского края. Шилово, 2004. С. 30.

24 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 50. Л. 23.

25 Подробнее см., например: *Грушина Н.* Пусть живет доброта // Родные истоки (Кадом). 2002. 5 апреля; Здравствуй, весна! // Михайловские вести (Михайлов). 2002, 4 апреля и др.

26 См. также: *Агапкина Т.А.* Этнографические связи календарных песен: Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. М., 2000. С. 255–257; *Тульцева Л.А.* Указ. соч. С. 101–102.

27 АРЭМ. Ф.7. Оп. 1. Д. 1456. Л. 32.

28 *Померанцева Э.В.* Ярилки // СЭ. 1975. № 3. С. 128.

29 *Толстой Н.И.* Бык // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 273; *Денисова И.М.* Мосты времен: космологические архетипы в традиционной культуре // Древнерусская космология. СПб., 2004. С. 404–407.

30 В связи с нашими материалами отметим, что поверья о «летучих быках» были известны в некоторых славянских традициях (Подробнее см.: *Толстой Н.И.* Указ. соч. С. 273).

31 *Тульцева Л.А.* Указ. соч. С. 133.

32 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 149. Л. 5.

33 *Снегирев И.М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1838. Вып. III. С. 100; *Сахаров И.П.* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. М., 1849. Т. II. Кн. VII. С. 83.

34 *Померанцева Э.В.* Указ. соч. С. 127.

35 *Моисеенкова С.И.* Люди и традиции Сараевской земли. Шацк, 2003. С. 30.

36 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XI. № 273.

37 Запись сделана в 1980 г. краеведом А.Н. Гавриловым от К.В. Маркешкиной 1880 г. рождения.

38 *Гильдебрандт М.* Село Свинчус (Рязанской губернии Касимовского уезда) // Известия РГО. СПб., 1875. Т. XI. Вып. 5. С. 355–357. Текст песни с припевом «Ахтер-ахтера» см.: *Тульцева Л.А.* Указ. соч. С. 123.

39 *Толстая С.М.* Полесский народный календарь. М., 2005. С. 161, 372.

40 См. также: *Ананичева Т.М.* Русские хороводные песни в полиэтнической среде Поволжья // Традиционная культура. М., 2000. № 2. С. 67–74; *Морозов И.А.* Языковые и этнографические особенности этнодиалектов Шацкого района // ШЭС. С. 34–39.

41 *Васильев Б.А.* Отчет археолого-этнографической экспедиции Рязанского обл[астного] краеведческого музея и Ряз[анского] педагогич[еского] института. 1951 г. // НА РИАМЗ. Д. 1524. Л. 22–23.

42 *Морозов И.А.* Указ. соч. С. 37.

43 *Васильев Б.А.* Отчет… Л. 12. Научное наследие Б.А. Васильева было огромным. Однако с большой долей вероятности и глубочайшим сожалением приходится констатировать, что его этнографические труды и бесценные «мещерские» этнографические коллекции безвозвратно утрачены.

44 Подробнее см.: *Бернштам Т.А., Лапин В.А.* Виноградье — песня и обряд // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 100–109.

45 О рязанском аграрно-праздничном календаре в свете этнической истории края подробнее см.: *Тульцева Л.А.* Рязанские таусеньки в свете проблемы «Что такое Авсень?» // Этнография и фольклор Рязанского края: Материалы Российской науч. конф. к 100-летию со дня рождения Н.И. Лебедевой. Рязань, 1996. С. 66–77 (РЭВ); *она же.* Рязанский месяцеслов… С. 242–247.

46 В данном случае автор уточняет свою точку зрения, высказанную в книге «Рязанский месяцеслов» (С. 247).

47 *Алексеева Т.И.* Место русских в антропологической карте Восточной Европы // Русские. М., 1997. С. 69–70 (сер. «Народы и культуры»).

ГЛАВА 17

Новые праздники XX – начала XXI в.

Альтернативные советские праздники

Советские государственные праздники

Становление советских праздников в 1920-е гг. — Советские праздники послевоенного периода.

Праздники новой России

Октябрьская революция 1917 г. круто изменила традиционный уклад жизни деревни и города. Изменение социально-политического устройства государства шло параллельно с борьбой за переделку общественного сознания. Насаждение новой идеологии, новых морально-нравственных норм было затруднено тем, что жизнь простого народа, его общественный и особенно домашний быт, регулировались не только и не столько государственными законами, как традицией и обычаем. Особенно это характерно для крестьянского общества, в котором все этапы жизни человека от рождения и до смерти были ритуализированы, и за соблюдением этих ритуалов следило само общество. С одной стороны, ритуализация являлась формой социального контроля, а с другой, — облегчала его. Для того чтобы новая власть в лице партийных и советских органов могла внедрить в сознание и жизнь людей новую идеологию, она должна была создать новые обряды, разрушить традицию, а главное, прежнюю, религиозную в своей основе идеологию. Советские праздники и ритуалы, создававшиеся искусственно в очень короткий срок, естественно, были идеологизированы и политизированы, поскольку праздник — это выражение господствующей в обществе идеологии, воплощенной в специфической форме.

Первые кирпичики новой праздничной культуры были заложены уже в пролетарских политических маевках 1890-х гг., но целенаправленная работа в этой сфере началась после Октябрьской революции. Прежде всего, новая власть отменила все старые государственные праздники. Иначе и быть не могло, так как они прославляли свергнутый режим. Государственные праздники Российской империи, главным образом связанные с событиями из жизни императорской фамилии, не праздновались в рабочей и крестьянской среде, поэтому их отмена прошла совершенно безболезненно. Им на смену пришли установленные Декретом Совета народных комиссаров от 2 декабря 1918 г. шесть государственных праздников: 1 января — Новый год, 22 января (9 января по ст. ст.) — расстрел 9 января 1905 г., 12 марта — Низвержение самодержавия, 18 марта — День Парижской Коммуны, 1 мая — День Интернационала, 7 ноября — День пролетарской революции[1]. Дни этих праздников были объявлены нерабочими. Постепенно «красный календарь» пополнялся новыми праздничными датами, и к 1928 г. их число выросло до 13.

Альтернативные советские праздники

После Октябрьской революции и принятия Декрета об отделении церкви от государства религия стала частным делом, но никаким декретом нельзя было отменить традиционные праздники, «торжественная часть» которых проходила в церкви, тем более что досуг крестьянства вообще невозможно было контролировать. Для населения, верующего и индифферентного к вере, посещение храма хотя бы в праздник, особенно на Рождество, Крещение, Пасху и Троицу, было

общепринятой традицией. И эта традиция обязательного посещения церкви в большие годовые и престольные праздники, связующая церковную и празднично-досуговую части, была настолько сильна, что в 1920-е гг. многие коммунисты и комсомольцы, особенно деревенские, не только праздновали эти праздники в кругу семьи, но даже посещали храм [2].

До коллективизации деревни государству приходилось мириться с таким положением дел в праздничной сфере. Более того, Кодексом законов ВЦИК о труде (1918) местным советам профсоюзов с согласия Народного комиссариата труда разрешалось кроме шести государственных праздников устанавливать особые дни отдыха сообразно местным условиям и народным праздникам, но чтобы число их не превышало десяти [3]. В 1925 г. в рязанской газете «Рабочий клич» был опубликован список нерабочих праздничных дней в наступившем году. Рязанский губернский профсоюзный совет установил восемь добавочных дней отдыха: канун Пасхи, второй день Пасхи, Вознесение, Духов день, Преображение, Успение, два дня Рождества [4].

Это была вынужденная и временная уступка. Традиционные праздники каждый раз воспроизводили и поддерживали в народе религиозное мировосприятие, с которым боролась новая власть и которое было несовместимо с идеологией классовой борьбы. В 1920-е гг. основным методом борьбы государства с церковью была ее дискредитация в глазах верующих. Одновременно на борьбу с религиозностью населения была направлена вся создаваемая советская система образования и просвещения. Атеизм становился государственной идеологией.

Непосредственно в сфере праздничной культуры эта политика вылилась в создание *альтернативных праздников*, причем слово «праздники» в данном случае можно употреблять весьма условно: это были агитационно-пропагандистские кампании, проходившие под руководством партийных и комсомольских органов. Такие альтернативные праздники, как *комсомольское «рождество»* и *комсомольская «пасха»*, были направлены на дискредитацию религии, церковных обрядов, священно- и церковнослужителей, которые выставлялись в самом неприглядном, карикатурном виде. Эти «праздники» носили откровенно деструктивный характер.

В Рязанской губ., как и везде по стране, первый альтернативный праздник — комсомольское «рождество» — был проведен зимой 1922 г. Общественное мнение было подготовлено к этой акции кампанией по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья. Первое комсомольское «рождество» в Рязанской губ. наделало много шума. В г. Раненбурге, например, был организован карнавал, участники которого прошли по улицам ряженными попами, дьячками и т.д. В 1922 г. комиссия политпросвета Рязанской губ., видимо опасаясь вызвать открытое недовольство крестьянства, постановила «в деревню проведение „святок“ не переносить, ограничась только городом» [5].

26 января 1923 г. бюро ЦК РКСМ решило принять постановление об объявлении 7 апреля «Днем свержения богов», однако антирелигиозная комиссия ЦК ВКП(б) пришла к выводу о необходимости воздержаться от шествий и карнавалов во время Пасхи [6]. Перед наступающим праздником Рязанский комитет РКСМ составил план проведения кампании — «Недели антирелигиозной пропаганды» — с 1 по 8 апреля. Уполномоченные, разосланные по уездам, должны были ежедневно проводить беседы, лекции, делать доклады на антирелигиозные темы. Кроме выпуска стенгазет и подготовки лозунгов, предполагалось провести в день Пасхи диспут с участием лекторов и духовенства. Но это все в городе, а «в деревне ограничиться проведением вечеров, бесед, чтений, так же, если имеется достаточно сил, можно проводить по примеру города» [7]. На другом заседании комитета РКСМ Рязанской губ. был поставлен вопрос о целесообразности проведения демонстрации в день Пасхи. Мнения присутствовавших разделились. Одни из участников заседания говорили, что «демонстрация является живой формой работы, которая больше даст результатов, чем сухая агитация»: «Пущай наша демонстрация для обывательщины будет смешной, а все же она подействует на рабочую молодежь». Другие высказывали сомнения в том, что демонстрация будет поддержана, так как «беспартийная рабочая молодежь еще религиозные предрассудки не изжила»;

говорили, что эта акция может отвратить молодежь от Союза воинствующих безбожников *. В конце концов, было решено демонстраций не устраивать, а ограничиться проведением антирелигиозных вечеров в клубах [8].

В отчете о проведении комсомольской «пасхи» в г. Ряжске в 1923 г. сообщалось, что вечером накануне Пасхи, «когда верующий человек шел к заутрене», пролетарская молодежь «шла делать штурм на религию в партклуб». В прессе тех лет эти кампании часто так и назывались — «штурм неба». «Штурм» заключался в показе очень популярной в те годы пьесы «Торговый дом: бог отец, бог сын и К» и комсомольского Петрушки, а затем следовали концерт и танцы. Здание клуба было освещено плошками и украшено плакатами [9].

Некоторые комсомольцы понимали безнравственность участия в подобных акциях, большинство испытывали к тому же сильное давление со стороны старших родственников, поэтому бывало и так, как в с. Гулынки Пронского у., когда на проведение комсомольской «пасхи» из 18 членов ячейки пришли только пять комсомольцев, а остальные пошли в церковь [10].

Первые годы у низовых комсомольских и партийных организаций возникали трудности с получением материалов для проведения кампаний, но Союз воинствующих безбожников активно взялся за издание разнообразных сценариев, стихов, пьес. За 14 дней кампании комсомольского «рождества» зимой 1923/24 г. в Рязани было проведено 224 лекции и беседы [11].

В 1925 г. в газете «Рабочий клич» появилась аналитическая статья под названием «Очередной штурм неба», подводившая итоги антирелигиозных кампаний прошлых лет и намечавшая новые задачи в связи с решениями XIII партсъезда. Автор статьи расценивал как ошибки «драки с попами», хулиганство в церкви, имевшие место в предыдущие годы в дни религиозных праздников, и ставшую уже обязательной «антипоповщину», «особенно в песнях, частушках и инсценировках». «В деревне, где все пропитано суеверием, темнотой, невежеством, пасха не должна принять формы крикливого, массового, антипоповского характера» [12], — писал автор статьи. Документы съезда нацеливали организаторов альтернативных праздников на проведение научно-популярных бесед, на материалистическое объяснение природы, на борьбу за новый быт.

Комсомольские «пасха» и «рождество» устраивались ночью, как раз в то время, когда в церквах шла праздничная служба. Пьесы, которые комсомольцы показывали в эти дни, носили глумливый характер. Кроме пьесы «Торговый дом: бог отец, бог сын и К», на клубных сценах ставили «Явленную икону», «7 дней творения» и др.

Селькор из с. Потапьево Сасовского у. в письме в «Крестьянскую газету» так описывал проведение комсомольского «рождества» в своем селе: «Проходя мимо комсомольского клуба (а шел автор в церковь к обедне. — *С.И.*), я увидел стоящего возле окна соседа — дядю Кузьму, который, внимательно прислушиваясь, глядел в окно, откуда падал яркий свет лампы, слышался шум и смех». Они зашли в клуб и сели послушать: «Вдруг выступил какой-то городской и начал говорить чего-то о Рождестве да о религии, что, мол, религия только дурманит народ, она существует для набивки поповских карманов. Долго, долго он говорил, что мой дядя Кузьма задремал. Потом смотрю, наши ребята стали какие-то стихи говорить, все про Христа да про Бога поминают, и так просидели мы до тех пор, как ударили „достойную“... Потом встал какой-то парняга да и говорит: „На нонешний вечер довольно, давайте закончим! Только вечером приходите, будет спектакль и танцы“». Дяде Кузьме, который успел и подремать, все это очень понравилось: «Вот так комсомольцы! Мне это и то понравилось, а поп что там — побрешет, побрешет, да и только. Вечером, Колька, пойдем на спектакль. Наверное, будут какие-нибудь комедии строить» [13].

Безусловно, для многих молодых людей танцы и «комедии» были более привлекательны, чем многочасовая служба в церкви, поэтому такие антирождественские и антипасхальные вечера даже в деревнях собирали народ, преимущественно молодежь. Внимание любопытствующих, а таких было немало, привлекало оформление антирелигиозных кампаний: плакаты,

* Союз воинствующих безбожников (1925–1947) — общественная организация, созданная при участии газеты «Безбожник»; с 1929 г. бессменным руководителем Союза был Е.М. Ярославский. Его целью стала борьба с религией и религиозностью, пропаганда атеизма.

которые развешивали по стенам в клубах и избах-читальнях, выставки антирелигиозной литературы, а в городах агитповозки, выставки, украшение витрин магазинов, световые лозунги. Наряду с этим ночью в канун религиозных праздников на улице стали устраивать «кинопоказы», чтобы привлечь молодежь, идущую в храм. «В 12-м часу стали звонить в колокол, антирелигиозная группа в это время у здания сельского совета поставила кино-аппарат и пустила картину, и шедшая религиозная молодежь в церковь останавливалась и в церковь не шла» [14], — сообщалось в обзоре Рязанского ОГПУ о настроениях в с. Борки Шацкого р-на.

В самом конце 1920-х гг. опять возобновились антирелигиозные карнавалы. Жительница с. Большая Алешня Ряжского р-на вспоминала, как в эти годы под Пасху школьники под руководством комсомольцев устраивали гуляние «вокруг церкви с гармошками, да песняки», хотя мать ругала ее за это. «Поэтому я и болею, наверное», — заключила она и тут же призналась, что на следующий день все они как ни в чем не бывало бегали по селу с яйцами и дома как всегда праздновали Пасху.

Взрослое население деревни заставить отказаться от празднования, скажем, Пасхи пытались другим способом: колхозы, которые в 1930 г. были уже по всей Рязанской обл., предлагали безлошадным единоличным хозяйствам взять у них на праздник, пришедшийся на 1 мая, лошадей для вспашки полей. Безлошадная беднота с. Красный Холм Шиловского р-на отказалась, заявив: «Дело ваше, безбожники, что хотите, то и делайте, но мы пахать на Пасху на ваших лошадях не будем». Аналогичные отказы крестьян были в Тумском и Пронском районах [15].

Предостережения от административного давления, закрытия церквей, «каких-либо оскорблений религиозных чувств верующих» звучали в 1920-е гг. перед каждым Рождеством и Пасхой, как будто исполнение антирелигиозных частушек и стихов, призванных «отобразить подлинное лицо религии» [16], постановка спектаклей, в которых пародировали святых и Бога, не были оскорблением чувств верующих. В рождественскую кампанию 1929/30 г. предписывалось передавать колокола в переплавку на трактора, а в пасхальную кампанию «содействовать отказу от приема попов на дому, отказу от церковных треб и религиозных праздников и обрядов», содействовать выходу из религиозных общин [17].

Кроме Рождества и Пасхи, которые вызывали наибольшее возмущение идеологов нового строя, власть боролась и с престольными праздниками, которые воспринимались жителями каждого села, каждой деревни как свои, данные им предками, которые они непременно должны почитать. Сельские партийцы и комсомольцы на сходах оказывали давление на крестьянское общество и добивались вынесения решений об отказе от престольных праздников. В прессе все чаще появлялись статьи о подобных решениях сходов. Но на страницы газет просачивались и сообщения о случаях недовольства крестьян отменой праздников [18].

Самые убежденные из комсомольцев демонстративно игнорировали церковные праздники. Комсомолия с. Поляны Рязанского у. распевала частушку, опубликованную в «Безбожном песеннике» в 1927 г.:

Сделай, батька, забастовку,
Перебей мамке горшки,
Чтоб на праздники Господни
Не месила пирожки [19].

В престольный праздник в с. Голенищево Сасовского у., когда все село гуляло, комсомольцы взялись за общественно полезное дело: по окрестным дорогам ставили вешки, чтобы зимой было видно, где проходит дорога [20].

Трудность в изживании народных праздников для новой власти заключалась еще и в том, что кроме религиозного содержания они имели важное хозяйственное значение в жизни крестьянства. К датам церковного календаря были привязаны те или другие сельскохозяйственные работы, их начало или окончание, подготовка к ним, а также целый комплекс примет и гаданий о будущем урожае хлебов, удоях коров и т.д. Каждый традиционный праздник, таким

образом, нес двойную эмоционально-смысловую нагрузку: религиозную и хозяйственную. Поэтому идеологи нового строя попытались создать альтернативные праздники, которые имели бы не только новое идейно-политическое звучание, но и взяли бы на себя функции сельскохозяйственного календаря. Проводившийся с 1923 г. *День урожая* призван был заменить, по мнению одних, Успенье Богородицы, по мнению других — Покров. Автор статьи «Вместо Успеньева дня — День урожая» писал: «Вместо поповского праздника Успенье новая советская деревня должна устраивать „праздник Урожая“ — праздник крестьянского труда и земледелия, как новый способ борьбы с суевериями и религиозными предрассудками» [21]. Во второй половине 1920-х гг. *Днем леса* попытались заменить Троицу, но сделать это не удалось.

В 1930-е гг. борьба с традиционными праздниками получила новое развитие. Если раньше религия объявлялась пособницей кулака и нэпмана, которые порицались, но были терпимы, то теперь, в связи с набиравшей темпы индустриализацией и начавшейся коллективизацией, были выдвинуты новые лозунги: «Ускорим индустриализацию, покончим с рождественскими традициями», «Религия — тормоз в коллективизации», «За активную борьбу с религией — помощницей кулака» [22].

Осенью 1929 г. все заводы и фабрики были переведены на пятидневку. Число выходных дней стало больше, но они часто не попадали на воскресенье. Это нанесло существенный удар по празднованию Пасхи и Троицы в среде рабочих. После коллективизации в колхозах и совхозах в праздничные и воскресные дни целенаправленно устраивали какие-нибудь срочные сельскохозяйственные работы, отложить которые было якобы невозможно. С закрытием большинства храмов в 1930-е гг. участие в «церковной» части празднования для большинства людей стало просто невозможным. Выполнение некоторых праздничных религиозных обрядов взяли на себя богомольные женщины, которые были в каждом селе и деревне (см. т. 2. с. 237–239), а досуговая часть продолжала сохраняться в сельской местности и в советское время.

Результаты альтернативных праздников оказались невелики, причем, если комсомольские «пасха» и «рождество» все-таки отвлекали часть молодежи от посещения храма, то День урожая не смог даже потеснить Успение или Покров. Только репрессивные меры, направленные против церкви и массовых проявлений религиозности, воспитание подрастающих поколений в духе атеизма, а главное — утрата традиционного крестьянского уклада существенным образом сказались на дальнейшем бытовании традиционной праздничной культуры.

Советские государственные праздники

Становление советских праздников в 1920-е гг. Создававшиеся после революции праздники советского государства, прежде всего, апеллировали к людям, принявшим и разделявшим идеалы революции и ее пафос, но поскольку в крестьянской стране таких людей было немного по сравнению с теми, кто продолжал держаться за традицию, то роль создателей новой праздничной культуры взяли на себя государство и партия. Эти праздники были изначально огосударствлены. В основе каждого из них лежало воспоминание о какой-то выдающейся вехе в истории революционного движения или политическая установка. Повторяясь из года в год, эти праздники должны были заставлять людей вновь и вновь эмоционально переживать события Октябрьских дней или возбуждать революционный энтузиазм, ненависть к угнетателям пролетариата в дни первомайских торжеств или Парижской Коммуны и тем самым направлять энергию масс на борьбу за создание нового идеального коммунистического общества.

До конца 1920-х гг. новые советские праздники были явлением в основном городским: рабочим предоставлялся выходной, в городах были специально отведенные для праздничных ритуалов места (клубы, площади, парки), были люди — служащие агитпропотделов партии, занимавшиеся по роду своей деятельности организацией «праздничных кампаний», как в печати называли советские праздники. «Праздником праздников» в советской России стал *День Октябрьской революции*. В нашем распоряжении нет сведений о

его проведении в Рязанской губ. в 1918 г., зато уже в 1919 г. в губернском центре в этот день было организовано шествие, а в клубах, народных домах и школах прошли митинги; в только что открытом театре показана пьеса Горького «Враги», вечером был устроен фейерверк. Собрания и митинги продолжились 8 и 9 ноября [23]. Если учесть, что в стране была разруха, полыхала гражданская война, то вторая годовщина революции в Рязани была отмечена даже с долей некоторой помпезности.

Сценарий проведения главного праздника сложился в первой половине 1920-х гг. Как и положено «большому» празднику — престольному, Пасхе или Троице, торжества по поводу Октябрьской революции продолжались три дня. С 1921 г. стало обязательным 6 ноября устраивать вечера воспоминаний, хотя со дня Октябрьской революции прошло всего четыре года. Эти вечера должны были снова и снова возвращать людей к событиям тех лет, напоминать о необходимости продолжать борьбу с классовым врагом. 7 ноября были заседания и шествия, 8 ноября — заседания, митинги. Обязательно все три дня по вечерам устраивали спектакли, концерты, декламации. Начиная с 3-й годовщины Октября вошло в новую советскую традицию выдавать в этот день усиленные пайки, устраивать бесплатные обеды, угощения для красноармейцев, рабочих и детей [24]. В условиях разрухи и голода это было немаловажно и, конечно же, поднимало авторитет новой власти и увеличивало число желающих примкнуть к празднованию. Делалось все для того, чтобы показать людям преимущества нового строя.

Обязательным было ознаменовать праздник чем-то материальным: открытием клуба, избы-читальни, школы или безвозмездным трудом. Комиссия по празднованию 5-й годовщины Октября постановила: «Эта годовщина должна носить характер торжественности. Торжество должно выявляться не только в речах, но главным образом в материальной стороне, доказывающей, что мы действительно сильны. Постараться открыть учреждения, как, например, в деревнях — школы и прочее. Это будет торжество победы над нищетой на экономическом фронте» [25]. Во второй половине 1920-х гг. появилась традиция коллективно и индивидуально брать социалистические обязательства что-то выполнить и перевыполнить к торжественной дате.

По примеру традиционных праздников, Октябрьские торжества состояли из официальной и карнавальной частей. Торжественные заседания открывались и закрывались пением «Интернационала», а в течение заседания зал или самодеятельные артисты исполняли революционные песни, так же присутствовавшие обычно чтили память погибших вставанием и пением похоронного марша. Коллективное пение революционных песен несомненно создавало атмосферу единения и торжественности. В сообщении из г. Раненбурга о праздновании Октября в 1920 г. говорилось, что оркестр исполнил «Интернационал» и все хором спели «Смело, товарищи, в ногу» и «Варшавянку». Автор заметки подчеркнул, что «всеми переживалось повышенное, праздничное настроение», «чувствовалась всеми торжественность» [26].

Во время проведения 5-й годовщины Октября в Рязани и уездных городах были проведены парады. В них принимали участие те, кого было легко организовать: милиция, части гарнизона, учащиеся и воспитанники детских домов. И позже местные гарнизоны, школы и детские дома были главными действующими лицами парадов. Тогда же в Зарайске «парад закончился церемониальным маршем всех частей и организаций и направился строем к братским могилам, изображая самим строем шествие истории Октябрьской революции». Около могил состоялся митинг, закончившийся пением похоронного марша и «Интернационала» [27].

Шествие к могилам — это еще одна находка организаторов советских праздников. В народных праздниках, таких как Пасха, Троица, обязательным элементом праздничного ритуала является посещение кладбища, могил предков, которых поминали и просили не оставлять без помощи живых. В ожидании помощи от предков в народной культуре широко был распространен обычай молиться на кладбищах о дожде. У могил павших героев пели похоронный марш или революционные песни, клялись на верность идеям революции и обещали продолжить «святое дело», в борьбе за которое погибли герои.

Очень популярными в эти годы стали спортивные показательные выступления и соревнования школьников, коллективные ритмические движения.

С каждым годом программа проведения Октябрьских торжеств в городах разрабатывалась губернской комиссией (на основе директив и циркуляров из Москвы) все более и более детально, и инициатива снизу на местах становилась просто неуместной. В конце 1920-х гг. появилась тенденция принудительного участия в них. Как раньше чиновники обязаны были участвовать в праздновании государственных праздников Российской империи, посещать богослужения по случаю торжеств, так и теперь советские служащие должны были участвовать в праздновании советских праздников. Это было обязательно также для членов партии и профсоюзов, учителей и учеников. В городах задействованной в мероприятиях была даже жилищная кооперация. Рязанский окружной жилсоюз перед празднованием 7 ноября 1929 г. обязал свои отделения добиться от их членов 100-процентной явки на демонстрацию и привлечения к участию домохозяек. Рекомендовалось проводить беседы с жильцами, организовать для них экскурсии в пригородные колхозы, а в красных уголках провести семейные вечера с художественной постановкой, посвященной празднику [28]. Книгоноши в праздничные дни ходили по дворам Рязани, распространяя литературу на тему праздника и о достижениях советской власти. Граждане не могли решать, праздновать им советский праздник или нет, так как он настигал их даже дома, вторгался в их частную жизнь.

К участию в праздновании обязательно привлекались дети. В школах это могло быть собеседование об Октябрьской революции, литературное утро на тему революции, праздничные утренники. С 1929 г. праздник стали проводить даже в детсадах и не только в городах, но и в селах. Дети должны были расти с сознанием того, как много для них сделали революция и советская власть. И постепенно к концу 1920-х гг. праздник начал приобретать тотальный характер.

В первые же годы были выработаны приемы оформления Октябрьских торжеств: доминировал красный цвет, широко использовали вечнозеленые растения и электроиллюминацию. 7 ноября 1921 г. Спас-Клепики, как писали авторы отчета о праздновании, «представлял собой чисто праздничный вид. Зелень и красные знамена украшали все общественные и частные дома. Особенно бросилось в глаза украшение Народного дома, на балконе которого, кроме гирлянд зелени, красных знамен и цветных флажков, были помещены два портрета вождей трудящихся» [29]. «В день празднества город был освещен электричеством, и здания украшены красными флагами, зеленью и некоторые — вырезанными лозунгами» [30], — сообщалось в отчете из Зарайска. Освещение города электричеством, безусловно, уже само по себе было событием. Особенно нарядно в дни пролетарских праздников выглядела Рязань. На 7 ноября 1925 г. в окнах учреждений и витринах магазинов были установлены световые портреты Ленина и лозунги. В вечернее время они вспыхивали ярким светом. В витрине книжного магазина «Серп и Молот» из книг был сделан макет Мавзолея. Над ним нарисованы два полушария и надпись: «Будущее ленинизма — весь мир». Гирлянды цветных лампочек были вывешены над губернским комитетом РКП(б) и губернским исполкомом [31]. Но это все в городе. А в деревне?

Впервые серьезное внимание на рязанскую деревню партийные органы обратили в 1920 г. На губернском совещании секретарей уездных и волостных комитетов и ячеек РКП(б) была поставлена задача вовлечь в предстоящее празднование Октября сельское население. Для этого предполагалось создать в волостях специальные комиссии по его празднованию. В Инструкции губкомиссии по проведению 3-й годовщины Октябрьской революции предписывалось бросить в деревню 7 ноября все агитсилы [32]. Митинги и собрания, посвященные Октябрьской революции, проходили, главным образом, в волостях и крупных селах. В отчете по Зарайскому у. сообщалось, что из-за непогоды народа приходило мало. Но в дер. Кареево, куда приехали представители Зарайского укомпарта (уездного комитета партии), празднование прошло по полной программе при большом стечении народа. Для молодежи были и танцы за полночь [33]. В Сапожковском у. в волостных селах были даны спектакли, а в прочих селах и деревнях проведены митинги. В Ряжском у. в сельскую местность были направлены 23 коммуниста, снабженные агитационными тезисами, инструкциями по проведению праздника и 25-ю экз. газет каждый для раздачи населению. Эти 23 человека сумели в дни праздника организовать 30 митингов, 15 спектаклей и 23 доклада [34].

Хотя в отчетах первой половины 1920-х гг. о проведении 7 ноября в сельской местности в основном бодрый тон, но, судя по некоторым попавшим в печать заметкам и, особенно,

неопубликованным письмам крестьян в редакцию «Крестьянской газеты», можно утверждать, что советский праздник не воспринимался ими как праздник в полном понимании этого слова. Селькор из Напольновской вол. Сапожковского у. в 1921 г. писал в «Известия Рязанского губернского совета», что у них в волости 7 ноября «ничем ознаменовано не было». В одной из школ состоялось маленькое вечернее собрание, организованное учителями, на котором из 15–20 присутствовавших было только трое—пятеро крестьян [35]. Корреспондент из дер. Ушмор Спас-Клепиковской вол. в 1925 г. сообщал в «Крестьянскую газету»: «В деревне Ушморе ни один крестьянин не праздновал день 7 ноября, День пролетарской революции, День восьмой годовщины Красной Армии. Каждый крестьянин работал, что ему нужно. А почему он не праздновал? Да потому, что он не знал. Бывало, в прошлые года приходила записка от волисполкома, чтобы в день 7 ноября не работали, и тогда некоторые крестьяне боялись, не работали, а к восьмой годовщине не прислалась никакая записка. Если бы прислали записку от волостного исполнительного комитета, что день 7 ноября — праздник, тогда бы крестьяне праздновали бы День восьмой годовщины Красной Армии» [36].

К сожалению, в письмах селькоров и крестьян не всегда указывалось впервые или нет в их селении праздновали 7 ноября. По косвенным данным можно судить, что приблизительно к 1927 г. этот праздник получил более-менее значительное распространение в рязанской деревне и стал относительно массовым. Селькор «Крестьянской газеты» из с. Потапьево Пителинской вол. Сасовского у. отмечал в 1927 г., что деревня изменилась, и это отразилось на праздновании Октября: «Когда мы праздновали те годы Октябрьскую революцию, очень было плохое отношение к этому празднику, а сейчас граждане очень с хорошими настроениями выступают на этих демонстрациях» [37]. Корреспондент из с. Напольное Ряжского у. сообщал в том же году, что на бесплатный спектакль, показанный вечером 7 ноября, пришли даже пожилые крестьяне, которые раньше не посещали спектакли [38]. Корреспондент из с. Павловское Скопинского у. писал в редакцию «Крестьянской газеты», что в его селе первый раз на 7 ноября было шествие [39]. Крестьяне с. Алексеевка Сапожковского у. около каждого двора вывесили красные флаги, причем у многих, по словам селькора, висели «рваные трачки» (лохмотья). «Не думайте, — писал он далее, — что крестьянин его повесил для смеха. Нет! Он повесил его от недостатка» [40].

В с. Выжелес Спасского у. на 10-ю годовщину Октября перед демонстрацией всем присутствовавшим выдали подарки, купленные на средства молокоартели. Пройдя по Выжелесу, демонстрация направилась в дер. Кучино и, затем, вернувшись в Выжелес, пошла в дер. Погори. Корреспондент сообщал интересную деталь: в Кучино на обеих сторонах деревенской улицы было поставлено по столу с хлебом-солью. Жители почти всего селения вышли встречать демонстрацию. Эта встреча демонстрантов происходила так же, как обычно в селениях губернии встречали крестные ходы с чудотворными иконами. В дер. Кучино было предложено пожертвовать на самолет ради праздника. «Присутствующие с радостью пошли навстречу этому…» [41].

Организованное шествие с красными флагами и пением революционных песен приковывало к себе внимание крестьян. Корреспондент «Крестьянской газеты» из дер. Шишкино Раненбургского у. отметил, что особенно сильное впечатление производили дети, идущие с красными цветами и лентами [42].

В сельской местности при самых скудных средствах организаторы празднеств пытались использовать простые подручные материалы, придавая им определенное символическое значение. В Напольном в 1927 г. во время празднования Октября трактор, возглавлявший шествие, тащил за собой две телеги: одна была украшена флагами и плакатами и символизировала многополье с сытой и довольной жизнью, а другая печально тащилась сзади, везя за собой соху, означавшую трехполье с бескормицей и вечной нуждой [43].

В дер. Алексеевка Ряжского у. в 1927 г. состоялась «тысячная демонстрация». Автор письма восторженно писал, что праздник прошел при участии «конной кавалерии»: крестьяне «проделывали разные штуки на лошадях, и у них очень все хорошо выходило» [44]. Скачки по селу были в традиции рязанских крестьян. По всей губернии после освящения лошадей на праздник Фрола и Лавра парни устраивали нечто вроде представления на лошадях. Эта народная праздничная традиция была использована и при проведении 7 ноября.

В деревнях, как и в городе, старались привлекать к празднованию советских праздников детей школьного и дошкольного возраста. В с. Петрово Ряжского у. в Октябрьские праздники 1927 г. на детском утреннике был сделан доклад «Вы — дети Октября», а кооперация выдала каждому ученику по одной тетради и по пять конфет, а бедняцким детям еще и по 22 пары лаптей [45]. Эта традиция — устраивать угощение и давать детям хотя бы маленькие подарки — продержалась в основном до конца 1940-х гг. Информатор из с. Большая Алешня Ряжского р-на вспоминала, сколько радости приносили несколько конфет-подушечек, завернутых в газету, которые «на Октябрьскую» обычно раздавали им в школе.

Как и в городе, в сельской местности к 7 ноября по мере сил пытались приурочить открытие социально и культурно значимых объектов: изб-читален, яслей, кооперативного магазина и т.д. После взятия курса на коллективизацию в 1929 г. в списке мероприятий, которые следовало провести к приближавшемуся празднику, появились такие, как организация колхоза, перевыполнение плана по хлебозаготовкам и т. д. В Плане подготовки 12-й годовщины Октябрьской революции в Южно-Рязанском р-не фракциям рика было предложено «с 26 октября 1929 г. начать на местах практически проводить коллективизацию и к 12-й годовщине Октябрьской революции иметь результаты в начинании данной коллективизации» [46]. С 26 октября начать проводить коллективизацию, а к 7 ноября уже иметь какие-то результаты!

По Шацкому р-ну, кроме открытия изб-читален и красных уголков, было предложено к 12-й годовщине организовать колхозы и производственные кооперативы, а целью постановки спектаклей, живых картин, организации кинопоказов и радиопрослушиваний, украшения зданий должна была стать «популяризация пятилетнего плана» [47]. К этой же дате по Сапожковскому р-ну планировалась организация «красных обозов» с целью выполнения хлебозаготовок, т. е. быстрого изъятия «излишков» продуктов у населения; реализация третьего займа индустриализации, сбор единого сельхозналога и т. д. [48]. Мы знаем, как и какими методами это все осуществлялось, и вряд ли у большей части населения эти предпраздничные мероприятия могли вызвать приподнятое настроение.

Впрочем, сообщений о проявлении народом какого-то неудовольствия очень мало. Есть несколько упоминаний о несознательных гражданах из Сасовского р-на. В Шацком р-не в праздник Октября рабочие устроили отдельную демонстрацию, на которой пели матерщинные песни. Неуместные в праздник публичные критические замечания по поводу неравного положения рабочих и крестьян позволила работница ватной фабрики в Спас-Клепиковском р-не [49]. Проявлений непраздничного поведения, возможно, было и больше, но составители отчетов старались выставить свой район перед партийными органами в лучшем свете, поэтому, видимо, не вся информация находила в них отражение.

Изначально советские праздники замышлялись как нечто совершенно новое, непохожее на старые праздники русского народа. Неизвестный автор, скорее всего из крестьян, следующим образом высказал свое видение отличий между новыми и старыми праздниками: «При старых праздниках все наряжаются, пекут праздничные обеды и делают пирушки. При новых все темные не празднуют. А кто понимает, празднует как нужно» [50], т. е. без нарядов и пирушек, которые в традиционной праздничной культуре создавали праздничное настроение.

Советские праздники были рассчитаны на людей, которые живут ради достижения идеальной цели, и каждый шаг, приближающий к этой цели, каждое достижение советской страны уже само по себе создавало у них праздничное мироощущение. В городах этот праздник прижился сравнительно быстро, и перед войной в среде наиболее политизированных рабочих, советской интеллигенции, советских служащих и партийных руководителей его праздновали не только публично, но и в кругу семьи. В сельской местности с домашним застольем и с гостями празднование «Октябрьской» проходило в 1920–1930-е гг. только в отдельных семьях советских учителей, работников сельсоветов и идейно подготовленных крестьян, которых в те годы было очень мало, причем зачастую они с одинаковым энтузиазмом праздновали и старые, и новые праздники, не всегда даже осознавая несовместимость стоящей за ними разной идеологии. С восторгом принимая новую жизнь, они пытались соединить ее со своими старыми привязанностями. Старейший житель Большой Алешни, вспоминая о своем отце, бывшем в 1920-е гг.

руководителем коммуны «Коминтерн» (в помещичьей усадьбе около с. Малая Алешня), рассказывал: «Он любил и советский праздник, и религиозный. „Мать, мать, завтра религиозный праздник, пироги печь, угощать семью“. Приходит советский, тоже: „Мать, а ныне Октябрьская революция, гостей из Киселевки [надо ждать]“». В соседних Киселевке и Малой Алешне престолом было Рождество Богородицы, и коммунары ездили к родным на престольный праздник, хотя в церковь никогда не ходили, а те приезжали в «Коминтерн» на Октябрьскую. «У нас был престол — Октябрьская. К нам со всех [селений], какие у нас есть родные, они все к нам съезжались на лошадях и гуляли два дня. Застолье, праздничное застолье. К каждой семье приезжали ихние гости. Как сейчас помню: на лошадях, на телегах, у двора стоят. Так хорошо! Потом выходили и плясали. Все как положено. Нарядные. Это у нас прямо престол был. Прямо невозможно какой! Мы 7 ноября праздновали», — рассказывала другая бывшая коммунарка. И в последующие годы многие сельские партийцы праздновали и те, и другие праздники, только одни — публично, выступая на митингах, а другие — за закрытыми дверями в тесном кругу семьи.

Вторым по масштабности празднования в 1920-е гг. в Рязанской губ., а затем и области, был *День международной солидарности трудящихся* — 1 Мая. В годы гражданской войны и интервенции празднование ограничивалось вывешиванием флагов на советских учреждениях и школах, в крупных селениях проводили митинги. Особое внимание проведению праздника стали уделять после публикации в «Правде» 9 апреля 1921 г. письма ЦК РКП(б) о праздновании Дня солидарности трудящихся. В свете идей мировой революции и надежд на ее осуществление в начале 1920-х гг., в связи с рядом революций в европейских странах этот праздник приобрел особо актуальное звучание. Рязанский губком партии принял решение на основе письма ЦК РКП(б) предложить всем укомам создать тройки для организации празднования 1 Мая [51]. «Известия Рязанского губернского совета» писали в 1921 г.: «Они свой праздник называют „Пасхой“, то есть Воскресением! Как жестоко они ошибаются! Капитал создал десятки пасх для внесения в ряды трудящихся смуты и раздора. Мы создали единую мировую Пасху, единый мировой праздник трудовых масс. И этим праздником будет наше 1-е Мая, когда мировая революция воскресит человечество к новой жизни, к жизни в обществе коммунизма. 1-е Мая — это красная Пасха пролетариата!» [52]. Такое сравнение Первомая с Пасхой возникло не случайно и не только потому, что коммунисты придавали этому празднику огромное значение, но и потому, что в 1921 г. он совпал с Пасхой.

Чтобы составить представление о том, как проходил праздник, обратимся к газетным публикациям тех лет. В Рязани 1 мая 1921 г. на центральной Советской площади в 3 часа дня состоялся митинг, и там же была поставлена самая популярная политическая пьеса тех лет — «Великий Коммунар». Во время спектакля воспроизводились живые картины из истории дореволюционной России, изображавшие тяжелое положение угнетенного народа. В тот момент спектакля, когда Коммунар призвал к себе народы, на площади начался парад войск, затем демонстрация [53]. Закончился праздник спортивными упражнениями. А вечером были митинги-спектакли, живые картины, фейерверки. В г. Сапожке парад открыл отряд коммунистов, затем шли отряды детей из детдомов и детсадов, за ними — рабочие предприятий, а замыкали парад прибывшие на маевку крестьяне. Потом были митинг и шествие к братской могиле, речи и многократное исполнение похоронного марша. Вечером в саду были показаны гимнастические упражнения [54]. Первомай 1922 г. отличался от предыдущих тем, что появился такой новый элемент праздника, как принятие «красной присяги» войсками местного гарнизона. Ее принимали на площади после парада там, где был гарнизон, например, в Рязани, Раненбурге, Сапожке. Этот элемент закрепился в празднике. Если воинских частей в городе не было, то присягу давали пионеры.

Конечно, в деревне все проходило значительно скромнее. 1 мая 1921 г. в центре Солотчинской вол. в с. Солотча собрались из окрестных деревень ученики школ с учителями и во главе с президиумом волисполкома прошли три раза по селу. Потом для детей был митинг, после которого они получили по фунту хлеба с медом [55]. В селениях Троицкой вол. День международной солидарности праздновали не 1-го, а 2-го мая, так как 1-го народ отмечал Пасху. Утром 2-го крестьяне, «правда, не густо», потянулись в с. Дягилево. В 3 часа началось шествие по селу. Силами детей был дан спектакль и дивертисмент, а вечером показан спектакль «Великий Коммунар» [56]. В с. Кузьминское Рязанского у. после митинга коммунисты ушли работать на шлюз. И через 4 часа

обмелевшая Ока начала пропускать пароходы. В Сапожковском р-не в демонстрации принимали участие дети железнодорожников, которые пошли за две версты в с. Чучково. Около села их встретили крестьянские дети, и они все вместе прошли по селу. Затем гости дали концерт[57].

Поскольку крестьянство было далеко от идей мировой пролетарской революции и мировой солидарности трудящихся, то волостным ячейкам предписывалось разъяснять им эти идеи. Празднование должно было выражаться днем в манифестациях, а по вечерам в докладах и показе революционных пьес[58].

Из года в год сценарий праздника повторялся с небольшими изменениями. Поскольку в нем присутствовали два антагонистических героя: труд и капитал, рабочий и угнетатель, то, как и в альтернативных комсомольских праздниках, на 1 Мая устраивали некое подобие карнавала: ряженые изображали пороки буржуазного общества; уродливые фигуры «капиталиста», «Чемберлена» высились на повозках и автомобилях; ряженые в карикатурном виде изображали старый быт. На празднике в Раненбурге в 1925 г. рабочие и работницы махорочной фабрики, одетые в арестантские халаты, показали инсценировку расправы в капиталистических государствах с трудящимися за их участие в демонстрациях. В заключение арестанты набросились на конвой и заковали его в цепи[59]. В праздновании Первомая позволялось участие «петрушек» и раешников.

Декоративное оформление 1 Мая почти не отличалось от 7 ноября: также преобладали красный цвет, световые лозунги и портреты вождей пролетариата, только рамки этих портретов и гирлянды делали не из хвойных, а из березовых веток.

Под теми же лозунгами борьбы с международным капиталом, что и 1 Мая, в 1920-е гг. проходили *День Парижской Коммуны* и *Международный юношеский день* (МЮД). Хотя День Парижской Коммуны (18 марта) был объявлен в 1918 г. выходным и агитпропотделы прилагали усилия, чтобы популяризировать праздник в народе, он не привился на российской почве и незаметно исчез из празднично-политической жизни страны. В городах Рязанской губ. в организациях и на

Празднование 1 Мая. Митинг. Рязанский у., с. Борки. Фото 1928 г. (ГАРО. Фототека)

предприятиях делали доклады о Парижской Коммуне, проводили вечера воспоминаний, правда, осталось неизвестным, кто и что должен был вспоминать на Рязанской земле о Парижской Коммуне 1871 г. В этот день проходила кампания по вербовке новых членов в ряды Международной организации помощи борцам революции (МОПР), местные отделения которой были открыты по всей стране, а сознательные рабочие и интеллигенция отчисляли однодневные заработки в ее пользу [60].

Некоторые государственные праздники не были отмечены выходным днем или были приурочены к воскресенью, однако партия и правительство отводили им важное место в «красном календаре» и пытались придать их празднованию общенародный характер. МЮД начали отмечать в Европе с 1915 г., а в России его первый раз праздновали в 1917 г. В 1920 г. было решено возобновить этот праздник и провести его 5 сентября. В 1924 г. его перенесли на первое воскресенье сентября. В Рязани в 1920 г. была выпущена страничка «Голос красной молодежи», посвященная этому событию, и был проведен субботник. К октябрю 1920 г. в рядах губернской организации РКСМ было всего 6655 комсомольцев. Именно они должны были стать организаторами и главными участниками праздника. Всем укомам (уездным комитетам) ежегодно рассылали циркуляр с планом проведения МЮДа. Конечно, это было мероприятие городское, хотя кое-где его пытались привить и на селе. Например, в с. Горлово Скопинского у. в 1920 г. допризывники прошли по селу под звуки духового оркестра и пение «Интернационала». Вечером были показаны два спектакля, а в антракте объявлена запись в члены Союза коммунистической молодежи [61]. Во время шествий было принято использовать автомобили, на которых восседали уродливо-карикатурные фигуры представителей «международного капитала». Иногда после шествия «чучело буржуя» расстреливали и сжигали [62]. В традиционной культуре известен такой ритуальный элемент как сожжение или потопление чучел мифических, не принадлежащих к миру людей, персонажей (Масленица, Русалка). В новой культуре уничтожение чучел было направлено на разжигание ненависти к олицетворяемым ими классовым врагам.

Поскольку переход к социализму мыслился через всеобъемлющее кооперативное движение, то вопросу кооперации придавалось очень большое значение, и Россия, естественно, присоединилась к празднованию *Международного дня кооперации*. В Рязанской губ., как и везде в стране, торжества сводились к митингам и собраниям, заканчивавшимся концертной программой. Сложился даже особый эстрадный жанр — кооперативные частушки, которые постепенно превратились в колхозные частушки. Проводился этот праздник в начале июля. Кооперативные магазины и лавки украшали зеленью и портретами виднейших деятелей международной кооперации, лозунгами и знаменами. В р. п. Мурмино Рязанского у., например, перед началом торжественного собрания на футбольной площадке девочки-пионерки показали гимнастические упражнения, а мальчики метали копья и прыгали через «кобылу». В ознаменование праздника правление рабкоопа подарило пионерам 50 костюмов [63]. В этот день в кооперативных магазинах делали скидки, открывали новые торговые объекты, дарили подарки детям, принимали новых членов кооперации.

День Красной Армии (23 февраля) обычно посвящался агитации в поддержку рабоче-крестьянской армии, за вступление в ее ряды. Там, где были военные гарнизоны или школы допризывников, проводили нечто вроде парада. Обычно военнослужащим выдавали пайки и подарки от разных организаций, устраивали для них концерты. Этот праздник очень долго оставался корпоративным праздником военнослужащих.

Тяжело и долго приживался в советской России праздник *8 Марта*. Его начали отмечать сразу после революции. Этот день не был выходным, но женщины на предприятиях и в учреждениях заканчивали работу на несколько часов раньше, чтобы иметь возможность принять участие в собраниях и торжественных заседаниях. Государство уравняло женщину в правах с мужчиной, но на деле в первой половине 1920-х гг. мало что изменилось в ее положении. Подавляющее большинство женщин из простого народа были безграмотными, полностью зависимыми от мужей, чуждыми интересов, выходящих за рамки семьи. Для вовлечения женщин в советское строительство были созданы женотделы, которые совместно с агитпропотделами и губпросветом занимались организацией праздника 8 Марта. Долгое время это был праздник работниц. Из ближайших к Рязани и уездным городам селений приглашали крестьянок-делегаток. В волостных селах собирали в этот день общеволостные конференции, но крестьянки были пассивны в общественно-политических делах, да и оторваться от дома, добраться куда-то им было трудно.

Похороны «старого быта» во время проведения одного из советских праздников. Рязань. Фото 1920-х гг. (Историко-архивный отдел Рязанской епархии)

В городах празднование проходило в форме торжественных заседаний и митингов, после которых обычно устраивали самодеятельные спектакли и концерты. На фабриках иногда кроме заседаний и концертов бывало угощение, чай для женщин. Вот как проходило празднование 8 Марта в 1921 г. в Сапожке: в 2 часа был проведен митинг, на который женщин пришло меньше, чем мужчин. После митинга собравшиеся обошли весь город, а потом была раздача бесплатных билетов на спектакль. «...итак, Международный день работниц был совершен со всех сторон, как со стороны пользы государственной, так и со стороны культурно-просветительной», — говорилось в отчете о проведении праздника [64].

Излюбленным агитприемом тех лет был устраивавшийся 8 Марта суд над «старой женщиной», «неорганизованной женщиной», суд над «новой женщиной, кисейной барышней, кулачкой и коммунисткой» [65]. Этот день, как и остальные советские праздники, организаторы старались ознаменовать каким-нибудь событием, которое должно было продемонстрировать заботу государства о женщине: открывали новые детские ясли и сады, детские дома, устраивали спектакли для детдомов, выдавали добавочные пайки по материнским карточкам (беременным на 8-м и 9-м месяце и кормящим матерям с детьми до года), собирали деньги и продукты для детских домов.

Вдохновителями праздника в 1920-е гг. обычно выступали учителя, комсомольцы, пионеры, шефы. В с. Березники Троицкой вол. Рязанского у. 7 марта прибыли шефы — 15-я пехотная школа. Они провели собрание, показали спектакль. «Вечер произвел хорошее впечатление на присутствующих, и, — как сообщал корреспондент газеты «Наша деревня», — деревенские бабы забыли о посте» [66]. На следующий день опять было многолюдное собрание.

Большая часть мужчин, особенно деревенских, относились к женскому празднику, к женским собраниям если и не враждебно, то несерьезно. В отчете Ряжского уездного женотдела в 1926 г. подчеркивалось, что на сей раз «мужики шли не как ранее посмеяться, но сознательно принять участие в праздновании. Были примеры, когда мужья оставались дома с детьми, чтобы отпустить жену на собрание» [67]. Но даже через девять лет после революции отношение мужчин к женскому празднику далеко не везде было благожелательным. Сасовский

уездный женотдел отмечал в отчете, что «в выступлениях выражалось большое сомнение в том, чтобы женщина смогла когда-либо управлять государством. Но были случаи, когда мужчины поддерживали женщин, приветствуя Соввласть, раскрепостившую их» [68].

Картина несколько изменилась в 1927 г. Это был юбилейный год — 10-летие Октябрьской революции, и все силы женотделов были брошены «на пробуждение классового сознания женщин». При сельских ячейках партии создавались комиссии по празднованию 8 Марта. По селам разослали отпечатанные в типографии лозунги (14 500 экз.), проводили собрания и конференции. В том году праздник прошел с бóльшим подъемом, чем в предыдущие годы. В конце 1920-х гг. и особенно в 1930-е гг. закрепилась традиция 8 Марта принимать женщин в партию, работницы включались в ударное соревнование, брали повышенные соцобязательства [69]. 8 Марта был таким же идеологизированным праздником, как и прочие новые праздники, поэтому он проводился и воспринимался как политическая акция.

Такие даты советского праздничного календаря, как 22 января — расстрел мирного шествия к царю 9 января 1905 г. («Кровавое воскресенье») и Низвержение самодержавия (12 марта), в городе обычно отмечались митингами на предприятиях и площадях, концертами, а в сельской местности проходили незамеченными.

В 1920-е гг. появились первые советские трудовые праздники. Вышеупомянутый День урожая должен был не только заменить религиозный праздник Успенье (или Покров), но и способствовать подъему сельского хозяйства страны, а в дальнейшем и коллективизации. Первые годы на местах не знали, как его проводить, и в основном ограничивались многочасовыми лекциями на тему сельского хозяйства. Корреспондент газеты «Рабочий клич» весьма критически оценил организацию Дня урожая в Рязанской губ. в 1924 г., отмечая, что это пока «худосочный плод мышления людей канцелярских», далекий от интересов самого крестьянина. Не уточняя, в какой волости, автор писал, что комсомольцы, член вика (волостного исполнительного комитета) и учитель составили программу праздника на 8 часов, но мужик не пришел, хотя и время было не страдное. Автор видел проблему в том, что организаторы стремятся говорить о международном положении, о сельском хозяйстве вообще, а не о своем, рязанском, что они не организуют выставки, экскурсии в показательные хозяйства [70]. Правда, в некоторых селах активисты пытались разнообразить программу и даже ставить спектакли и концерты на тему сельского хозяйства, как в с. Давыдово Тумской вол. в 1925 г. Там к вечеру праздничного дня приехали подводы со школьниками-артистами, струнным оркестром и пионерами. Праздник открыл представитель РКП(б). После отчета местной кооперации, а затем доклада о значении праздника и смычке города и деревни, была показана пьеса, главными героями которой были снопы, морковь и свекла. «Замирает зал и напряженно слушает пение снопов и овощей о их горе-трехполке и темноте деревни» [71], — писал о спектакле корреспондент «Рабочего клича». И, наконец, агроном рассказал, как поднять сельское хозяйство. Праздник завершился под звуки марша, который исполнил оркестр. В с. Богословское Раненбургского у. этот праздник прошел 15 октября «в деловой обстановке» в избе-читальне. Он был проведен как конференция беспартийной молодежи, на которой волостной агроном сделал доклад о положении в сельском хозяйстве. После доклада были показаны «живая газета» и пьеска, а потом концерт [72].

В 1929 г. 14 октября одновременно с Днем урожая в стране проводили *День коллективизации* [73]. В агитационных целях организаторы праздника в Рязанской обл. устроили «похороны сохи». Видимо, идея «похорон» исходила из Москвы, и существовал сценарий проведения этого мероприятия, поскольку в тот год оно проводилось во многих местах. В с. Новое Еголдаево Ряжского р-на новенький трактор прошел во главе шествия по улицам села, а потом на виду у всех пропахал борозду и вдавил соху в землю [74]. В Спасском у. в с. Собчаково в 1929 г. были организованы суд, а затем и похороны сохи и цепа. Это агитпредставление шло шесть часов [75]. Возможно, в эти годы появилась частушка, которая была записана в начале 1930-х гг. от молодежи Старожиловской МТС:

Между нивами во мху
Хоронили мы соху.
По другую сторону
Хоронили борону [76].

а)

б)

Празднование Дня урожая в с. Новое Еголдаево Ряжского р-на: а) первый трактор; б) демонстрация колхозников. Кадры из фильма 1929 г. (РГАКФД)

Но кому-то показалось мало замены традиционного осеннего праздника новым советским сельскохозяйственным праздником, и на страницах «Деревенской газеты» в 1927 г. разгорелась дискуссия о проведении *Дня подготовки к урожаю*. Начало ее положила статья редактора «Деревенской газеты», в которой он писал о приближении «языческого» праздника Масленицы: «В новой деревне не место Масленице! Советская деревня должна сейчас думать о подготовке будущего урожая, а не о пьяном разгуле на Масленицу». Он предложил вместо Масленицы устроить праздник подготовки к полевым работам [77].

Одни предлагали не день, а целую неделю посвятить подготовке к посевной. Другие считали, что слишком расточительно на одну цель дважды тратить деньги [78]. Голосов рядовых крестьян в этой полемике почти не прозвучало. Итогом всей дискуссии стало решение губкома комсомола с Благовещения 1927 г. начать проведение «Недели подготовки урожая». Членам деревенских ячеек было предложено начать работу с подготовки грядок под корнеплоды на собственном огороде. С целью приобретения некоторого опыта предполагалось, что «Неделя подготовки урожая» первоначально будет проведена в одной волости каждого уезда [79]. У нас нет сведений, была ли осуществлена эта идея, но маловероятно, чтобы в 1920-е гг. кто-то из крестьян решился бы работать на Благовещение. После коллективизации День урожая стал проводиться в обязательном порядке, как смотр достижений каждого колхоза и чествование передовиков.

С 1928 г. комсомольцы области начали проводить *Праздник первой борозды* [80], который тоже выполнял организационно-хозяйственную и политическую функции в деле преобразования деревни.

Единственным праздником, перешедшим в новый календарь из дореволюционного, был *Новый год*, поскольку вначале его посчитали не религиозным, а гражданским праздником. Декретом 1918 г. 1 января было объявлено выходным днем. До революции этот праздник приходился на Святки и по популярности уступал Рождеству. Он считался семейным и обычно отмечался горожанами в кругу семьи. Рязанская деревня отмечала Новый год колядованием, гаданием и приметами (см. с. 517–521). После перехода страны с юлианского на григорианский календарь (с разницей в 13 дней) Новый год попал на Филипповский пост, так как православная церковь не приняла «новый стиль». Таким образом, с 1919 г., когда в России первый раз отмечали 1 января по григорианскому календарю, появились два праздника: советский Новый год (1 января) и *Старый Новый год* (14 января), к которому были приурочены традиционные обряды и приметы. И тот и другой долгое время сосуществовали в городе, а в деревне, подавляющее большинство населения которой было верующим, отмечали только Старый Новый год. Устроители советского праздничного досуга в 1920-е гг. постарались придать празднованию Нового года в рабочей среде общественный характер, т. е. проводить его семьей, но не дома, а в клубе. Рабочий коллектив или коллектив партячейки мыслился как спаянная единой целью семья. Даже в прессе тех лет как шаблон повторяются из статьи в статью слова о «тесной семье»: «Тесной семьей собрались партийцы, комсомольцы, члены профессиональных организаций и беспартийные в здании клуба…», «Тесной семьей собрались они все, сколько их есть в Рязани…» и т. д. [81]. Клуб «с красовавшимися на стенах портретами вождей революции» должен был заменить родной дом. Автор, побывавший в рабочем клубе в новогоднюю ночь 1926/27 г., был возмущен тем, что организаторы праздника после показа пьесы предложили всем разойтись по домам и встретить Новый год по-семейному: «По-семейному… А мне думается, неправильно это, товарищи клубные работники. Вам представилась возможность встретить Новый год всем вместе дружной рабочей семьей, а вы предложили „по-семейному“. Знаем мы это „семейное“, и не к лицу вам было звать к нему» [82]. Это не столько мнение отдельного корреспондента, сколько партийная линия тех лет.

До революции было принято на Рождество устанавливать в домах горожан, в детских учреждениях, клубах елку и в продолжение Святок устраивать балы, вечера, утренники. После календарной реформы «рождественская» елка стала неотъемлемой частью новогоднего праздника. На рубеже 1920–1930-х гг. в ней заподозрили религиозное содержание, и до 1936 г. не только установка елки, но и празднование Нового года были запрещены. Вновь днем отдыха 1 января объявили в 1947 г. [83].

Мы так подробно остановились на 1920-х гг., потому что в это время закладывалась основа советской праздничной культуры, которая создавалась «сверху» путем декретов, директив и циркуляров и полностью контролировалась государством и коммунистической партией. И эти ее особенности просуществовали на протяжении всего советского периода.

Советские праздники послевоенного периода. Наряду с праздниками, созданными в 1920-е гг., в последующий период в соответствии с политическими установками в советском праздничном календаре систематически появлялись новые праздничные даты, хотя число нерабочих праздничных дней по сравнению с концом 1920-х гг. значительно сократилось, и в 1940–1980-е гг. оно колебалось от пяти до девяти. Рассмотреть в равной мере все революционные, производственно-трудовые, профессиональные, фольклорные, новые «календарные» (Проводы русской зимы, Русская березка) праздники в рамках данной работы не представляется возможным, поэтому мы остановимся на наиболее значительных из них и попытаемся выявить те изменения, которые произошли в праздничной культуре в послевоенный период.

Постепенно по мере упрочения советского строя революционные праздники утрачивали свою былую политическую агрессивность, направленную на борьбу с внутренним и внешним врагом. Пафос борьбы со старым миром сменился трудовым пафосом пятилеток, социалистического соревнования, построения развитого социализма, а «борьба с мировым империализмом» приняла более цивилизованные формы и шла параллельно с борьбой «за мир во всем мире».

За несколько десятилетий советской власти выросли поколения, которые с детсадовского возраста воспитывались на определенных идеологических установках. Советские праздники отмечали утренником в саду, школе, торжественным заседанием и концертом в вузах и ФЗУ, на производстве, и люди уже не мыслили свою жизнь без них.

Стимулом к созданию праздничного мироощущения в этот период стала победа страны в Великой Отечественной войне, которая воспринималась как победа передового советского строя. Люди гордились своей страной и с надеждой ждали светлого будущего. О политике, о революции особенно не думали, но все-таки, по отзывам информаторов, чувствовалось, что 7 ноября — это государственный праздник, годовщина великого события, а не просто гулянка, и первый тост поднимали за Октябрьскую революцию.

Структура советских праздников в городе все больше приобретала привычный для русской праздничной культуры характер: официальная часть (на площади, в клубе, на производстве), а потом домашнее застолье с гостями. В 1960-е гг. в городах и поселениях городского типа для «Октябрьской» и 1 Мая «домашняя часть» стала обычным явлением, особенно после того, как к ним был добавлен второй нерабочий день [84]. В сельской местности после войны у праздника Октября (редко — 1 Мая) тоже появилось праздничное застолье, но коллективное. Организаторами его выступали руководители колхозов и совхозов, которые выделяли продукты, деньги. Гуляли по производственному принципу: бригадами, фермами, иногда компании создавались по территориальному принципу: улицами. Такие застолья в теплое время года проходили где-нибудь в бывшем барском парке, на улице или за селом, а в холодное — в нескольких жилых домах. Как писали в конце 1960-х гг. исследователи истории и быта кадомского с. Восход (Полтевы Пеньки): «Жители села одобряют сложившуюся уже традицию праздновать советские праздники коллективно, всей бригадой. Особенно торжественно проводятся годовщины Великой Октябрьской революции. В клубе устраиваются торжественное заседание, концерт, а потом веселое застолье в бригадах, на фермах» [85]. Информаторы из разных мест вспоминают: «В ноябре на 7-е обед собирали. Колхоз обед варил, и все шли: и малый, и старый. Собирались у одной поварихи в доме» (с. Новопанское Михайловского р-на); «Советские праздники в колхозе праздновали. Колхоз резал на мясо, хлеб пекли. В дому был обед, гармошка, пляска» (дер. Ермоловка Милославского р-на); «Ой, здорово, здорово! Бригадами праздновали. При колхозе были обеды. В определенном доме обед готовили женщины… А выборы какие были, ой! Напекут, булочки привозили. Бесплатно угощали булочками и чаем» (с. Старый Киструс Спасского р-на). Семейно-родственного общения сельскому населению хватало во время празднования престольных праздников и Пасхи, Троицы, Рождества. В послевоенные годы и приблизительно до середины 1960-х гг. настоящими праздниками становились выборы в верховные органы власти.

После войны демонстрации в основном проходили в районных центрах, крупных селениях и, конечно, в городах области. Шли трудовыми коллективами, школами, демонстрируя свои достижения. Жительница Сапожка рассказывала: «Пройти в демонстрации на

советские праздники было радостью. А по молодости в школе, институте — песни, пляски. Демонстрация кончалась и плясали. А выборы — какой праздник был! Мы, школьники, концерты ставили. Кто первый приходил на избирательный пункт, ему давали буханку хлеба и писали в газете. Это после войны».

Интерес к революционным праздникам в городах начал падать приблизительно с начала 1970-х гг. Участие в них превращалось в «обязаловку», люди устали от лозунгов и праздничной болтовни по поводу достижений страны советов. Наша собеседница из Сапожка сказала: «Последние лет семь (имеются в виду последние годы советской власти. — *С.И.*) остыли. Бюрократия, показуха. Стали ходить [на демонстрации] за деньги. На заводе давали по 5 руб., чтобы пришел на демонстрацию, а кто знамя понесет, ему давали 10-ку. Партия требовала, а руководители разными путями добивались». Поскольку выходные дни 7–8 ноября и 1–2 мая сохранялись, то их стали использовать для межродственного общения. На «майские» горожане и сельчане ездили или ходили на природу («на пикник», «на шашлыки»), а многие занимались посадкой огородов.

В сельской местности жители вспоминают 1970-е — начало 1980-х гг. как самое хорошее время в жизни деревни, поэтому в воспоминаниях информаторов-крестьян нет такого разочарования в советских праздниках, как у горожан. В начале XXI в., после ревизии истории и переоценки ценностей, в размышлениях людей старшего возраста о тех праздниках звучит какая-то растерянность: «Октябрьская революция… Мы ж не знали, что такое хорошо, что плохо. Вроде власть наша, шахты, колхозы… Демонстрации, шли шахтеры…» (с. Секирино Скопинского р-на).

Очень хорошо старшее поколение вспоминает о трудовых праздниках[86]. После войны и вплоть до конца 1980-х гг. продолжали существовать День урожая и Праздник первой борозды. На эти праздники, а также по случаю начала посевной, окончания покоса, уборочной и т. д. колхозы тоже устраивали коллективное застолье: «В колхозе была „Березка“. Посевная вся отойдет, бригады праздновали окончание посевной, а осенью — окончание уборочной и 7 ноября. День сельхозработника праздновали, наготовят всего. Это уже в совхозе» (с. Старый Киструс Спасского р-на); «Резали телка, покупали вино. И осенью делали угощение. Тут вяз стоял, и под ним

Празднование 1 Мая. Демонстрация в г. Рязани. Фото 1946 г. (ГАРО. Фототека)

гуляли. Косцам по 2 кг мяса давали бесплатно, а гребчихам по 1 кг» (дер. Аверкиево Клепиковского р-на). «Во время колхозов» в с. Стублё Михайловского р-на наряжали первый сноп. Женщины надевали заново сшитую, но по старинной моде, одежду. Одна, особенно нарядно, по-старинному одетая женщина получала право первой прокосить крюком * (ср.: выборы первой зажинщицы). Потом обед. Сейчас кое-где это делают на районном уровне, т. е. собирают в районе от каждого села по два-три человека на праздник первого снопа. Там награждают за труд, устраивают обед. По воспоминаниям, людей радовала возможность поплясать, попеть, тем более что в селах еще было много гармонистов, любителей спеть частушки и старинные песни.

Сельским жителям, судя по этим воспоминаниям, особенно запомнились коллективные праздничные застолья и бесплатное угощение на выборах в 1940–1950-е гг. Безусловно, не последнюю роль сыграло то, что жили после войны не очень сыто. Но, видимо, большие коллективные застолья были притягательны и своим духом сопричастности всех присутствующих одному большому и важному делу, особой атмосферой единения. Прекратились они в одних местах в конце 1970-х, а в других — просуществовали до начала 1990-х гг.

К 1980-м гг. День урожая был вытеснен *Днем работников сельского хозяйства*, который начали отмечать в 1961 г. В Сапожковском р-не первый раз администрация решила организовать его в с. Канино, где к тому моменту только что провели свет на улицу и сделали освещение около клуба. Дорога, ведущая к клубу, и территория вокруг его были украшены срубленными березками. Это событие жители вспоминают и в начале 2000-х гг. Сейчас этот праздник в селах практически не отмечают. В лучшем случае представители сельскохозяйственных обществ собираются в клубе в райцентре.

8 Марта и 23 февраля из праздников, посвященных: первый — женщине-работнице и матери, а второй — мужчине-воину Красной Армии, во второй половине 1960-х гг. превратились в парные праздники с четко выраженным гендерным началом (женский и мужской праздники без различия возраста). Они носили публично-массовый характер: чествование, „голубые огоньки“, поздравления всех представителей того или иного пола в детсаду, школе, на работе и т. д., но дома их не праздновали, особенно в селах. В 1965 г. 8 марта было объявлено нерабочим днем и постепенно стало входить в число праздников, отмечаемых дома с гостями.

Практика встречи Нового года в клубах и домах культуры после войны получила дальнейшее развитие. Под влиянием телевидения с 1960-х гг. в городах и рабочих поселках повсеместно стали устраивать «огоньки» с застольем и концертом, после которых люди шли отмечать праздник дома с семьей. В сельской местности Новый год приблизительно до 1970-х гг. был в основном только клубным мероприятием, потом у него тоже появилась «семейная часть». И в начале нового столетия после концерта в доме культуры, в клубе люди расходятся по домам, чтобы после часа ночи вновь выйти на улицу и собраться в центре города, района, села у общественной елки. Однако там, где еще в начале 2000-х гг. придерживаются традиционных праздничных обычаев (колядуют, гадают), их приурочивают все же к Старому Новому году. По анкетным опросам 2002 г. Новый год является самым любимым праздником жителей Рязанского края.

В XX в. появился очень важный праздник — *День Победы* (9 мая). Победа в Великой Отечественной войне была воспринята всеми советскими людьми как величайшая радость, хотя и омраченная огромными потерями, которые понесла почти каждая семья. «Мы были на конюшне (9 мая 1945 г. — *С.И.*), — вспоминала жительница Новопанского, — а один идет и говорит: „Бабы, война кончилась“. У кого мужья живы, заплясали, а мы — заплакали». В с. Рыбное Рыбновского р-на после известия о капитуляции Германии в митингах приняли участие более 7 тыс. человек. Люди приходили нарядно одетые, поздравляли друг друга. В колхозах Истобниковского сельсовета того же района «женщины, разорвав красные платья, устраивали из них флаги с надписью „Победа“ и шли по селу» [87]. Это было действительно всенародное ликование, а рязанская газета «Сталинское знамя» за 10 мая 1945 г. пестрела сухими сообщениями о принятых в честь победы обязательствах рабочих и колхозников добиться трудовых успехов, выполнить и перевыполнить, снизить себестоимость…

* Крюк — коса с приделанными к ней грабельками.

Через год в Рязани на площади Ленина 9 мая состоялось народное гуляние, приехали артисты филармонии и самодеятельные артисты, три духовых оркестра. Площадь была иллюминирована, показывали кинофильмы[88], но, несмотря на огромную роль, которую сыграла победа СССР в Великой Отечественной войне в судьбе страны, ее граждан, два десятилетия праздник Победы был рабочим днем. Отмечали 9 мая сами бывшие воины, которые ходили друг к другу в гости или просто выпивали около своего трактора в поле по сто грамм за победу и за павших товарищей и односельчан, да вдовы и матери погибших, которые собирались в домах, служили панихиды по своим родным, а потом поминали их (см. т. 2. с. 212).

Общегосударственное звучание День Победы получил только в 1965 г., когда 9 мая объявили нерабочим днем[89]. Вслед за созданием памятника-могилы Неизвестного солдата у Кремлевской стены во многих селениях Рязанской обл. появились скромные памятники павшим воинам, около которых стала проходить торжественная часть праздника.

Победа в Великой Отечественной войне была самым ярким и значимым, после Октябрьской революции, событием в истории советского государства, да и вообще в истории XX в., причем причастным к ней оказалось все население страны, каждая семья, поэтому с середины 1960-х гг. этот праздник начинает приобретать все больший размах. Его центральным организационным стержнем стала поминальная обрядность, идейным — гордость за страну и ее героев, подтверждение приверженности советского государства политике мира.

К вахте памяти накануне праздника, митингам и возложению цветов в этот день в 1990-е гг. прибавились панихиды на кладбище у могил павших в боях и умерших в госпиталях воинов, у обелисков. В с. Меньшие Можары Сараевского р-на 9 мая 1998 г. сельчане первый раз крестным ходом ходили к памятнику павшим воинам. Жители села вспоминают: «Священник оделся очень нарядно, взяли иконы, так как хоругвей нет, и из церкви пошли к сельсовету. По дороге люди присоединялись к ходу. У сельсовета была торжественная часть, выступил священник, потом председатель сельсовета. Напротив сельсовета через дорогу у нас памятник, и около него была панихида. Всех помянули поименно. Это председатель сельсовета просил батюшку отслужить панихиду».

День Победы в г. Рязани. Фото Д. Осинина 2006 г.

В с. Новопанское Михайловского р-на за две недели начинается вахта памяти: встречи с ветеранами, уборка на кладбище и у памятника-мемориала, посадка березок. Утром 9 мая привозят еловый лапник, и школьники делают гирлянды. Одну гирлянду во время митинга кладут у памятника, а другую на кладбище, где находится могила воина, погибшего в войну при обстреле Московского Кремля. После митинга всех приглашают в школу на концерт, а затем администрация устраивает для ветеранов стол. Еще в конце 1990-х гг. приходило человек 30, но в 2002 г. из шести оставшихся ветеранов смогли прийти только трое. Организаторами праздника в рязанских селах обычно выступают администрация, дом культуры и школа.

День Победы в г. Рязани. Фото Д. Осинина 2006 г.

В Рязанской обл. сложились прочные военно-патриотические традиции. Это связано с тем, что она дала много Героев Советского Союза, к тому же в самой Рязани есть военное десантное училище, где учится немало рязанцев. Каждый год в городе 9 мая бывает парад, митинг и торжественное возложение цветов к мемориалу. Массовый характер праздника в начале 2000-х гг. сохранился, но существует тенденция к его формализации и превращению в праздник людей старшего и среднего возраста. Видимо, это, прежде всего, связано со сменой поколений, размыванием и постепенным исчезновением идейного стержня праздника, с изменением школьных программ, в результате чего представления подростков об Отечественной войне стали весьма туманными. В настоящее время происходит разрушение коммуникативной памяти, и младшее поколение перестает ощущать свою причастность к празднику. Если это произойдет, то Россия потеряет единственный оставшийся у нее действительно общенародный праздник.

Праздники новой России

С начала 1990-х гг., после распада СССР, начался пересмотр государственных праздников. Прежде всего, это коснулось революционных дат. Решить вопрос простым росчерком пера, как в 1918 г., было невозможно (время другое), поэтому в течение последнего десятилетия XX в. и в начале 2000-х гг. они формально существовали, хотя и под новыми названиями: 7 ноября стало *Днем согласия и примирения*, 1 мая — *Днем весны и труда*, 23 февраля — *Днем защитника Отечества*. Такое переименование ликвидировало изначальное идейное содержание этих праздников и их привязку к конкретным историческим событиям. «Октябрьская» и 1 Мая утратили свой публично-массовый характер. Старшее поколение тяжело восприняло эти изменения в праздничном календаре: «Сейчас нету праздников. Власть устраивает праздники для себя. Раньше был праздник 1 Мая, еще какие-то, Октябрьская революция, еще какие-то, много всяких праздников. А сейчас?!» (пгт. Сапожок).

Для большинства же населения вся эта реорганизация особого значения не имела. Люди использовали выходные дни для отдыха и уже не воспринимали их как праздники. В 2005 г. нерабочий день на 7 ноября был отменен, а в календаре появился новый праздник — 4 ноября — *День единения и народного согласия*, установленный в честь освобождения Москвы от поляков в 1613 г. Подавляющее большинство наших собеседников восприняли установление этого праздника с полным недоумением.

В постсоветское время появился новый государственный праздник, видимо призванный стать главным праздником новой России, — *День независимости* (12 июня), в 2004 г. переименованный в *День России*. В стране и в Рязанской обл. этот праздник утверждается с трудом, хотя это — нерабочий день. Предоставление выходного дня, как известно, вовсе не решает проблему праздничного мироощущения. Большинство опрошенного населения пока вообще не считает его праздником. Обычно в клубах, украсив зал новой государственной символикой, в этот день проводят дискотеки.

Появились такие праздники, как *День пожилых людей* (с 1992 г.) и *День матери* (с 1998 г.). Это клубные мероприятия, которые тоже нельзя назвать праздниками, хотя буквально в каждом сельском клубе и в домах культуры в поселках и малых городах области в эти дни организуется чествование тех, кому эти праздники посвящены, для них устраивается чаепитие и раздача небольших подарков. В некотором роде эти праздники являются знамением нашего времени, так как они стали откликом на особенности современных демографических процессов: на изменение возрастной структуры сел и малых городов, где из-за отъезда молодежи становится все больше пожилых людей, которые часто оказываются одни перед лицом старости; на падение рождаемости, ведущей к депопуляции русского населения (см. т. 2. с. 37–39).

Таким же откликом на злобу дня стал *Праздник малых деревень* (деревни с населением менее 100 чел.) в Касимовском р-не Рязанской обл. Только в одном этом районе 142 таких деревни, где нет никакой инфраструктуры, автобус приходит в лучшем случае раз-два раза в неделю. Этот праздник правильнее было бы назвать «Днем опустевших деревень», так как его появление — это тоже результат катастрофической демографической ситуации в русской деревне. Авторы программы организации и проведения праздника писали, что их целью является «возрождение и сохранение духовной жизни в малых деревнях, повышение роли культуры в жизни каждого человека, почитание людей труда старшего поколения…» Безусловно, старушки (старичков почти нет) рады, когда к ним приезжают сотрудники районного отдела культуры и самодеятельные артисты, когда для них устраивают чаепитие, концерт. Но вот артисты уехали, а малая деревня осталась со своими проблемами, ни одна из которых так и не решена. Все эти праздники можно скорее считать сигналом беды, чем нового праздничного мироощущения.

У подростков и молодежи приблизительно до 18–19 лет также появился свой новый, тоже *поколенный*, праздник — *День святого Валентина*. Впервые его начали праздновать в середине 1990-х гг., и очень быстро он распространился по всей области. Сейчас трудно найти школу, где бы в этот день не устраивали «Почту влюбленных» (собирают записочки с признанием в любви и разносят по классам), не дарили сердечек, покупных и сделанных собственными руками, и не устраивали дискотеку с «амурными» конкурсами. Организаторами его обычно выступает школа и очень часто — библиотека. Работники культурно-просветительных и образовательных учреждений приобщают подрастающее поколение к культуре другого народа, и эта культура быстро заполняет пустую нишу, удовлетворяя жгучую потребность молодежи в празднике.

В анкете, распространенной среди старшеклассников общеобразовательных школ и колледжей области в 2002 г., был вопрос об отношении к Дню св. Валентина. Только 7% ответили, что у них его не празднуют; 77% ребят считают этот праздник очень хорошим и веселым. Хотелось бы привести здравое, но, к сожалению, не часто встречающееся мнение руководителя районного дома культуры из г. Сасова: «Почему мы поклоняемся чужому святому?! Что же мы такой ажиотаж устроили. Мы вбиваем не свое родное, не свои источники, не свои корни, а какое-то наносное, откуда-то принесенное, ветром надутое. И зачем это нам надо?! Чем ни проще, тем лучше! Весело! Дети не думают! А почему взрослые не думают?»

Из постсоветских праздников, которые оказались более-менее успешными, можно назвать *День города*, *День села*. На следующий год после первого празднования Дня города в Москве (1987), в последнее воскресенье мая свой День города отмечала Рязань. «Это всех захватило, — рассказывал руководитель Научно-методического центра народного творчества Рязанской обл. В.В. Коростылев, являющийся одним из создателей этого праздника в Рязани.

а)

б)

Праздник малых деревень в Касимовском р-не: а) дер. Кочемары; б) дер. Чернышово-Починки. Фото 2001–2002 гг.

День города проходил тогда под эгидой горкома КПСС. В 1990-е гг. этот праздник шагнул в рязанскую глубинку. В Рязанской обл. ему попытались придать характер престольного и приурочить к датам местных престольных праздников или провести в ближайшее к ним воскресенье. Дни городов, поселков и сел проходят в зрелищно-досуговой форме, и хотя народу собирается обычно много (зависит от погоды), но в отличие от традиционных и даже советских праздников 1950-х — начала 1970-х гг., подавляющее большинство пришедших на новый праздник занимают позицию зрителей, а не участников: их надо организовывать и развлекать.

Для 1990-х и начала 2000-х гг. характерно замыкание людей в семейном или узком дружеском кругу: «Сейчас люди больше сидят по домам. У всех телевизоры, видики. Кинотеатр (кинозал. — *С.И.*) в клубе переоборудовали. На праздники все меньше людей приходит» (пгт. Ухолово); «У народа сейчас нет разудалости, русского раздолья. Наверное, такая сейчас жизнь сложилась. Сейчас едят что в будни, что в праздник. Раньше праздник выходил на улицу, а сейчас осуждают тех, кто выйдет и запоет. Запела — значит напилась. Таких считают легкомысленными. Сидят дома, телевизор смотрят» (пгт. Милославское).

Индивидуализация досуга городских и особенно сельских жителей связана с целым рядом причин: с изменением жизненного уклада, а в сельской местности — с разрушением демографической структуры села (преобладание людей старшего возраста, в основном — женщин, иногда полное отсутствие молодежи) и сокращением численности сельского населения, с разрушением инфраструктуры, а также с техническим прогрессом (появление телевизоров, видеоплееров) и созданием единого информационного пространства. Одних старых праздников уже нет, другие — утрачивают свой былой статус, а новые пока еще праздниками не стали. В условиях нарастающей стратификации общества (идеологической, экономической, культурной, политической и возрастной) маловероятно, что удастся создать новый общенародный праздник, так как в основу его нечего положить: нет ни идеологии, ни великого события, достойных праздника.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Декреты Советской власти. М., 1968. Т. IV. С. 190.

2 *Юфимов И.* Религия и коммунисты // Известия РГС. 1921. 21 мая.

3 Декреты Советской власти. С. 190. Это положение было подтверждено в 1922 г. См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 20 ноября 1922 г. М., 1922. № 70. С. 1561.

4 Рабочий клич (Рязань). 1925. 6 января.

5 ГАРО. П-1. Ф. 1. Оп. 1. К. 62. Д. 890. Л. 22.

6 *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999. С. 127.

7 ГАРО. П-1. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 83. Д. 1207. Л. 4–40б.

8 Там же. Ф. 478. Оп. 1. Колл. 24. Д. 395. Л. 7.

9 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 30. Д. 432. Л. 107.

10 *Гулынский С.* Держись и комсомолься, ребята// Клич молодежи (Рязань). 1923. 29 апреля.

11 ГАРО. П-1. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 82. Д. 1202. Л. 74.

12 Рабочий клич. 1925. 12 апреля.

13 РГАЭ. Ф. 396. Оп. 5. Д. 39. Л. 36 об. В ф. 396 хранятся письма крестьян в редакцию «Крестьянской газеты».

14 Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения. Документы и материалы. М., 1998. С. 40.

15 Рязанская деревня в 1929–1930 гг.... С. 567.

16 ГАРО. П-1. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 8. Д. 106. Л. 17, 18.

17 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Колл. 8. Д. 106. Л. 2, 17.

18 *Лаушкин С.* Николу в отставку // Рабочий клич. 1925. 7 января.

19 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. XII. № 294. Частушка, записанная корреспондентом ОИРК, незначительно отличается от опубликованной в кн.: Безбожный песенник. Б/м., 1927. С. 29.

20 *Перо.* Поставили вешки // Деревенская газета (Рязань). 1927. 9 января.

21 Рабочий клич. 1924. 1 августа.

22 ГАРО. П-1. Ф. 2. Оп. 1. Колл. 8. Д. 106. Л. 2.

23 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 5. Д. 64. Л. 148.

24 Инструкция губкомиссии по проведению 3-й годовщины Октябрьской революции // Известия РГС. 1920. 9 октября.

25 ГАРО. П-1. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 63. Д. 903. Л. 95.

26 *Веревкин П.* День 7 ноября (Раненбург) // Известия РГС. 1920. 18 ноября.

27 ГАРО. П-1. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 63. Д. 901. Л. 197.

28 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Колл. 8. Д. 103. Л. 14, 16

29 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 43. Д. 605. Л. 31.

30 Там же. К. 63. Д. 901. Л. 197.

31 *Брянский Л.* Праздник Октября в Рязани // Рабочий клич. 1925. 10 ноября.

32 Инструкция губкомиссии по проведению 3-й годовщины…

33 *Прохожий.* Празднование Октябрьской революции // Известия РГС. 1920. 14 ноября.

34 ГАРО. П-1. Ф. 1. Оп. 1. К. 43. Д. 605. Л. 37, 45, 49.

35 *Очевидец.* Не пора ли проснуться? // Известия РГС. 1921. 29 ноября.

36 РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 522. Л. 5. Частично опубликовано, см.: *Иникова С.А.* Советские праздники в русской деревне // Российский этнограф. М., 1993. Вып. 3. С. 126.

37 РГАЭ. Ф. 396. Оп. 5. Д. 4. Л. 614 об.

38 Там же. Л. 770 об.

39 Там же. Л. 225.

40 Там же. Л. 50 об.

41 Там же. Л. 622 об.

42 Там же. Л. 759 об.

43 Там же. Л. 770 об.

44 Там же. Л. 50–50 об.

45 Там же. Л. 291.

46 ГАРО. П-1. Ф. 2. Оп. 1. Колл. 8. Д. 103. Л. 40.

47 Там же. Л. 47 об.

48 Там же. Л. 66.

49 Там же. Л. 94, 106, 120.

50 НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. VI. № 134. 1928.

51 ГАРО. П-1. Ф. 1, Оп. 1. Колл. 24. Д. 348. Л. 18 об.

52 Красная пасха пролетариата // Известия РГС. 1921. 1 мая.

53 Первое мая в Рязани // Там же. 1921. 8 мая.

54 *Кострюков Е.* Первое мая в г. Сапожке // Там же. 1921. 11 мая.

55 Первое мая в деревне (Солотчинская вол.) // Там же. 1921. 10 мая.

56 Празднование 1-го мая в деревне (Троицкая вол.) // Там же. 1921. 11 мая.

57 *Трагов С.* 1-е мая в деревне (Чучково, Сапожковского у.) // Там же. 1921. 12 мая.

58 ГАРО. П-1. Ф. 1, Оп. 1. Колл. 62. Д. 888. Л. 22.

59 *Стукалов.* Укрепление союза города с деревней // Рабочий клич. 1925. 7 мая.

60 ГАРО. П-1. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 62. Д. 888. Л. 19; колл. 102. Д. 1547. Л. 93, 104.

61 Там же. Ф. 478. Оп. 1. Колл. 3. Д. 31. Л. 7–70б.

62 Как прошел МЮД // Рабочий клич. 1925. 15 сентября; *Н-ов В.* На празднике молодежи // Там же. 1925. 6 сентября.

63 *Маратов.* Праздник кооперации (Мурминская ф-ка) // Рабочий клич. 1924. 10 июля.

64 ГАРО. П-1. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 45. Д. 626. Л. 41.

65 Там же. Колл. 43. Д. 597. Л. 8 об.; Инструкция к Международному дню работницы // Известия РГС. 1921. 22 марта.

66 Праздник женщин в деревне. Поп встревожен // Наша деревня (Рязань). 1925. 16 марта.

67 ГАРО. П-1. Ф. 1, Оп. 1. Колл. 45. Д. 626. Л. 87.

68 Там же. Л. 88.

69 Там же. Ф. 2, Оп. 1. Колл. 14. Д. 184. Л. 64.

70 *Львов Ф.* Успенье и… урожай» // Рабочий клич. 1925. 9 сентября.

71 *Туман.* Праздник // Там же. 1925. 23 окт.

72 *Икс.* Как мы провели День урожая // Там же. 1925. 28 октября.

73 *Тульцева Л.А.* Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985. С. 42.

74 РГАКФД. Празднование Дня урожая и коллективизации в Еголдаево. Рязанский округ. 1929 г. Совкиножурнал. № 68/247.

75 НА РИАЗМ. ЭА ОИРК. Кн. XX. № 495.

76 РО ИРЛИ. ФА. Колл. 50. П. 2. Л. 8.

77 *Южный.* Подготовим будущий урожай // Деревенская газета. 1927. 27 февраля.

78 Деревенская газета. 1927. 16 марта.

79 *Ковалев Е.* На борьбу за урожай // Деревенская газета. 1927. 26 марта.

80 *Тульцева Л.А.* Трудовые обряды и праздники: поиски формы и практика проведения (из опыта Рязанской области) // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981. С. 84.

81 РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 527. Л. 7; *Изгнанник А.* Новый год в рабочих клубах // Рабочий клич. 1925. 3 января.

82 *Посетитель.* В Новогоднюю ночь по рабочим клубам // Рабочий клич. 1927. 5 января.

83 *Полищук Н.С.* Развитие русских праздников // Русские. М., 1997. С. 594; *Лебина Н.Б.* Указ. соч. С. 139–140.

84 *Полищук Н.С.* Указ. соч. С. 590.

85 *Жбанкова Т.С.* Семейные традиции, их влияние на личность // Быт и развитие личности / Уч. зап. РГПИ. Рязань, 1969. Т. 69. С. 144.

86 Мы не будем подробно все их рассматривать, так как существует работа, специально посвященная этой теме. См.: *Тульцева Л.А.* Трудовые обряды и праздники… С. 82–91.

87 ГАРО. П-1. Ф. 3. Оп. 2. Колл. 142. Д. 1109. Л. 55.

88 В эти дни // Сталинское знамя (Рязань). 1946. 9 мая.

89 *Полищук Н.С.* Указ. соч. С. 591.

Указатель населенных мест Рязанского края*. т. 1

* Указатель составлен по кн.: Рязанская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1862, а также на основе картотеки ГАРО по административно-территориальному делению Рязанской области. Он включает селения, входившие в Рязанскую губ. и современную Рязанскую обл.

В мае 1922 г. Егорьевский у. перешел к Московской губ. В 1923 г. бóльшая часть Елатомского, Шацкого и часть Темниковского, Спасского уездов из Тамбовской губ. были переданы в состав Рязанской губ. В 1929 г. от Рязанской губ. был отсоединен Зарайский у. В 1954 г. 10 районов области, в том числе Чаплыгинский (бывш. Раненбургский) и Данковский, были присоединены к созданной Липецкой обл. В нынешнем своем виде Рязанская обл. существует с 1977 г. Не всегда представляется возможным указать, в каком районе Московской или Липецкой области в настоящее время находится то или другое бывшее рязанское селение и существует ли оно вообще.

Название селения	Уезд	Район в настоящее время	Страницы в тексте	Упоминание в подписях к фото и рис.	Упоминание в примечаниях после текста
дер. Авдотьино	Шацкий	Шацкий	541		
дер. Аверкиево	Егорьевский	Клепиковский	143, 230, 234, 298, 300, 301, 389, 577		
с. Аграфенина Пустынь (Агро-Пустынь)	Рязанский	Рязанский	98, 99, 126, 127, 139–141, 143, 151, 196, 219		
дер. Айкановка	Сапожковский	Сараевский	96		
дер. Акатово	Егорьевский		176		
дер. Аксёново	Рязанский	Рыбновский	73, 518, 543		
дер. Акулово	Касимовский	Клепиковский	115, 142, 205, 421, 422	375	
дер. Акулово	Касимовский Дубровской вол.	Шиловский	273, 274, 289		256 (пр.57)
дер. Албушево	Пронский	ныне не существует	98		
с. Алеканово	Рязанский	Рязанский	33		
дер. Александровка	Сапожковский	Сапожковский	98, 340, 459		
дер. Александровские Выселки	Сапожковский	Путятинский	184, 203		
дер. Александро-Прасковинка (дер. Александровка и дер. Прасковьина)	Сапожковский	Сапожковский	105, 136, 157, 158, 204, 241, 306	204, 205, 366, 368	
дер. Алексеевка	Ряжский	Ряжский	566		
с. Алексеевка	Сапожковский	Сараевский	547, 566		
дер. Алексеево	Касимовский	Клепиковский	176, 179, 182, 184, 198		163 (пр.40)
с. Алешино (см. Алешня)	Рязанский	Рыбновский			

с. Алешино	Шацкий	Сасовский	49		
с. Алешня Большая	Ряжский	Ряжский	206, 233, 234, 240, 246, 250, 265, 275, 286, 289, 562, 567	365	
с. Алешня Малая			80, 568		
с. Алешня	Рязанский	Рыбновский	75, 282		
дер. Алпатьево	Зарайский	Луховицкий Московской обл.	98, 119		
дер. Алтухово	Рязанский	Клепиковский	233, 234, 278, 280, 288	281, 361	
с. Андреевка	Сапожковский	Сараевский	412		
дер. Андроново	Касимовский	Клепиковский	44, 115, 239, 273, 318, 388	157, 372, 373	
дер. Анникова (Аниково)	Касимовский	Касимовский		335	
дер. Аннинская	Раненбургский				166 (пр.200)
с. Апушка	Шацкий	Шацкий	531		
дер. Аргамаково (Аграмаково)	Спасский	Спасский	109, 121, 138, 140, 142, 146, 153, 158, 160, 219, 221, 231, 234–236, 242, 245–247, 267, 268, 272, 273, 275, 276, 287, 386, 387, 390–392, 395, 513, 522, 550		
с. Ардабьево (общее название для Большого и Малого Ардабьева)	Елатомский	Елатомский (1929–1962) Касимовский (1962–2008)	80, 81, 132, 136, 159, 235, 248, 279		
с. Ардабьево Большое			113, 116, 237, 243, 249, 252, 265, 289, 386		
с. Ардабьево Малое			113, 116, 233, 241, 249, 265, 287, 391		
дер. Арсеново	Пронский	Старожиловский	111		
с. Архангельское	Данковский	Милославский	286		
с. Астапово	Данковский				448 (пр.119, 126)
с. Асташево	Пронский	Старожиловский			488 (пр.102)
с. Астромино	Рязанский	Рязанский	543		
дер. Ахматово	Касимовский	Касимовский	340		
дер. Бабино	Раненбургский		95		
дер. Баграмово	Рязанский	Рыбновский	74		
с. Баловнево	Данковский	Данковский Липецкой обл.	315	462, 500	
с. Балушевы Починки	Елатомский	Касимовский	340		
дер. Бармино	Егорьевский	Московская обл.	313, 541		

дер. Барское	Рязанский	Клепиковский	206, 340		
с. Барснево	Касимовский	Клепиковский			381 (пр.111)
с. Барятино	Данковский	Липецкая обл.	333		
с. Бастаново	Елатомский	Сасовский	49		
дер. Батурино Новое	Зарайский	Рыбновский	142, 146, 154, 370	154, 371, 372	
дер. Батурино Старое			95, 142, 146, 154, 250, 370		
дер. Бахметьево	Раненбургский	Новодеревенский	231, 254, 264		
Белгород	Рязанское княжество XI–XIII вв.		35, 36, 38		
с. Белоомут (общее название для Верхнего и Нижнего Белоомута)	Зарайский	Луховицкий Московской обл.	123–125, 173, 196, 198, 199, 216, 232, 242, 272, 282, 283, 311, 332, 354, 398, 546	199	291 (пр. 39)
с. Белоомут Нижний			20, 177, 215		
с. Белоомут Верхний			177		
Беницы	древнерусское поселение	(ныне не существует)	341		
с. (дер.)Березники	Рязанский	Рязанский (ныне не существует)	571		
с. Берёзово	Пронский	Пронский	102		
с. Берёзово	Спасский	Шиловский	250, 340		
дер. Бессоновка	Спасский	Спасский	370, 513, 522, 546, 547, 550		
с. Бестужево	Пронский	Кораблинский	340		
с. Бетино	Касимовский	Касимовский	238, 242, 421, 533		
с. Бигильдино	Данковский	Данковский Липецкой обл.	101		
с. Благие	Раненбургский	Новодеревенский	120, 254	473	
Бобруеск	Рязанские земли XIV–XV вв.		37		
дер. Боголюбовка	Сапожковский	Сараевский	340		
с. Богослов (см. Пощупово)	Рязанский	Рыбновский			
Богословская слобода (пригородная слобода Данкова)	Данковский	Данковский Липецкой обл.	439		
с. Богословское	Раненбургский	Липецкая обл.	340, 572		
с. Бокино (общее название для сел Старого и Нового Бокина)	Ряжский	Сараевский	214		
с. Боковой Майдан	Спасский Тамбовской губ.	Сасовский	47		

с. Большая Алешня (см. Алешня Большая)	Ряжский	Ряжский			
сл. Большая Дорога (пригородная слобода г. Сапожка)	Сапожковский	Сапожковский	130		
с. Большая Карповка	Раненбургский	Липецкая обл.	176, 193, 197		
с. Большие Полянки (Большие Поляны)	Пронский	Старожиловский	132		
с. Большое Агишево	Шацкий	Шацкий	263, 271, 285		
с. Большое Коровино	Михайловский	Захаровский	215		
с. Большое Село	Пронский	Пронский	102		
дер Большой Студенец	Шацкий	Сасовский	49		
с. Борец	Сапожковский	Сараевский	46, 73, 216, 439		
дер. Борисково	Касимовский	Клепиковский	44, 239, 245, 275, 277, 280, 285, 287, 288, 388, 397, 398, 478, 480	473	
Борисов-Глебов (Глебов)	Рязанские земли XIV–XV вв.		33, 36, 37		
дер. Борисовка	Раненбургский	Новодеревенский	105		
с. Борки	Рязанский	(ныне не существует)	33, 569	569	487 (пр.63)
с. Борки	Шацкий	Шацкий	562	523, 532	
с. Боровое	Спасский	Шиловский	196		
с. Борок	Спасский	Шиловский	212, 297, 301, 528, 533, 541, 543, 545,	516, 519	
с. Боршевое	Скопинский	Милославский	437, 438, 445, 453	319, 357, 367, 406, 456, 463, 477	486 (пр.42)
дер. Бражкино	Зарайский	Рыбновский	73		
дер. Бруски	Егорьевский	Московская обл.	123		
с. Бусаево	Рязанский	Клепиковский	195, 237, 238, 251, 281, 410, 411	457	165 (пр. 159), 256 (пр.57) 399 (пр. 40)
дер. Бутылки	Касимовский	Гусь-Хрустальный, Владимирской обл.	115, 211	360	
дер. Бучнево	Касимовский	Касимовский	395, 405		
с. Бычки	Сапожковский	Сараевский	46, 95, 115, 137–143, 155, 205, 221, 244, 247, 250, 265, 266, 270, 274, 276, 385, 386, 394, 439	155	486 (пр.39), 488 (пр. 109)
дер. Ванчур	Сапожковский	Шиловский	98, 102, 517, 541, 542		

с. Васино	Сапожковский	Сараевский (1959–1977) Путятинский (1977–2008)	273		
с. Введеново (Введеновка)	Ряжский	Ряжский		440	
Венёв (Городенск)	Рязанские земли XIV–XV вв.		37, 38, 40		
дер. Вердерево (Вердерев)	Скопинский	Скопинский	37, 141, 154		
с. Верхнее Наследничье	Касимовский	Шиловский	126		
дер. Верхнее Салыково	Пронский	Пронский	125		
Верховенская слобода (пригородная слобода г. Сапожка)	Сапожковский	ныне не существует	130		
с. Веряево	Елатомский	Пителинский	421, 519		
с. Ветчаны	Касимовский	Клепиковский	44, 238, 239, 248, 249, 266, 277, 287, 384, 388, 391, 409, 410, 420, 478, 550	323, 369	
с. Виленка	Михайловский	Михайловский	364		
с. Воейково	Данковский	Милославский	47, 302		488 (пр.113)
дер. Вознесеновка (Вознесенская)	Елатомский	Кадомский	340		
Воино	Рязанское княжество XI–XIII вв.		35, 36, 37		
дер. Волково	Касимовский	Касимовский	418, 422		
с. Волковое	Сапожковский	Путятинский			486 (пр. 41)
дер. Волчкарь	Касимовский	Касимовский	533		256 (пр. 65)
дер. Волынь	Рязанский	Захаровский	232, 269, 308, 367	352, 366	
Воронеж	Рязанское княжество XI–XIII вв.		36		
дер. Воронка	Михайловский	Захаровский	47		
дер. Вороновка	Скопинский	Скопинский	306		
дер. Вороновские Выселки	Пронский	ныне не существует	96		
дер. Воронцово	Касимовский	Клепиковский	340		
с. Воршево	Сапожковский	Путятинский	333		
с. Вослебово	Скопинский	Скопинский	121, 132, 141, 159, 176, 244, 276, 442, 472, 514, 515, 540, 544	155, 159	
с. Восход (с. Полтевы Пеньки)	Елатомский	Кадомский	115, 141, 142, 146, 158, 195, 246, 252, 263, 265, 353, 359, 370, 387, 388, 394, 477, 478, 512, 519, 531, 540, 541, 544, 546, 575	161, 307, 313, 439, 446, 466	381 (пр.112) 486 (пр.42)

с. Выжелес	Спасский	Спасский	566		167 (пр. 242)
с. Выползово	Спасский	Спасский	25		
дер. Вырково	Касимовский	Касимовский	306		
с. Высокие Поляны	Елатомский	Пителинский	235, 245, 252, 261, 263, 297, 300, 386, 510, 512, 541		
с. Высокое	Михайловский	Рязанский	47		
с. Высокое	Сапожковский	Сараевский	46, 216		
с. Вышгород	Рязанский	Рязанский	36, 198, 354, 457		
с. Вышетравино	Рязанский	Рязанский	21, 521, 541	353	
с. Вязовенка	Скопинский	Скопинский		446, 473	
с. Гавриловское	Спасский	Спасский	187, 188, 510, 525		
с. Гиблицы	Касимовский	Касимовский	206	350	
с. Глебово	Рязанский	Рязанский	193		
дер. Глинищи	Михайловский	Рязанский (ныне не существует)	47		
дер. Глинище	Сапожковский	Сараевский	175		
с. Глядково	Елатомский	Сасовский	195		
с. Голенищево	Сапожковский	Сасовский (1924–1929) Чучковский (1965–2008)	562		
с. Голожехово	Раненбургский	Липецкая обл.	95, 96, 191		
дер. Голышово	Касимовский	Клепиковский	176		
с. Горетово	Зарайский	Московская обл.	119		
с. Горлово	Скопинский	Скопинский	570	344	
с. Горностаевка	Михайловский	Михайловский	340		
с. Городец	Спасский	Спасский	33, 527		
Городец Мещерский (см. Касимов)					
дер. Городецкое	Пронский	Старожиловский	407		
дер. Городецкие Выселки	Михайловский	Захаровский	47		
дер. (с.)Городище	Спасский	Шиловский	540, 553		
дер. Горохово	Пронский	Пронский	353		
дер. Горюшки	Раненбургский	Липецкая обл.	113		
с. Гостилово	Рязанский	Клепиковский (ныне не существует)	75		
дер. Грачевка	Михайловский	Захаровский	47		
с. Гребнево	Пронский	Старожиловский			489 (пр.135)

Гремячий	Рязанские земли XIV–XV вв.		38		
дер. Гремячка	Данковский	Милославский	16, 306	101, 435, 500, 525	380 (пр.55)
дер. Гремячка	Ряжский	Ряжский	96		
с. Гремячка	Скопинский	Скопинский		418	
с. Григорьевское	Зарайский	Московская обл.	237		
с. Гридино	Елатомский	Пителинский	421		
с. Гришино	Рязанский	Клепиковский	476		
с. Гулынки	Пронский	Старожиловский	513, 561		
с. Гусь (возможно, Гусь Железный или с. Гусевский Погост, с. Гусь-Парахино)	Касимовский	Касимовский	214		
с. Гуд (Гут)	Елатомский	Касимовский (ныне не существует)	79		
с. Давыдово	Касимовский	Касимовский	340, 572		
дер. Давыдовские Выселки	Пронский	Пронский (ныне не существует)			163 (пр. 45)
г. Данков	Данковский у.	Липецкая обл.	38, 39, 46, 332, 439		488 (пр.126)
дер. Дворики	Касимовский	Касимовский	340		
с. Дегтяное	Ряжский	Ряжский	306		
с. Дегтяное	Спасский	Спасский			489 (пр.135)
с. Дегтяные Борки	Сапожковский	Ухоловский	247, 248, 265, 269, 270, 390, 392	470, 479	
с. Дегтярка	Скопинский	Милославский			488 (пр113)
с. Дединово	Зарайский	Луховицкий Московской обл.	75, 79, 80, 94, 121, 123–125, 127, 177, 196, 198, 215, 216, 232, 311, 332, 354, 546		
с. Делехово	Раненбургский	Чаплыгинский Липецкой обл.	211		
с. Демидово	Шацкий	Шацкий	251, 306, 307, 388, 390		486 (пр.46)
с. Дёмкино	Раненбургский	Чаплыгинский Липецкой обл.	232, 236, 248, 254, 264, 267, 269, 276, 279, 288		
с. Дёмушкино	Елатомский	Сасовский	295, 297, 300, 531, 542		
дер. Дербень	Михайловский	Захаровский	47		
с. Деревенское	Спасский	Спасский	543		
дер. Дермелеево	Михайловский	Захаровский	47		
дер. Деулино	Спасский	Рязанский	24, 61, 66,		
дер. Дивилки	Данковский	Милославский	386		

с. (пос.)Дивово	Рязанский	Рыбновский	142, 216		
дер. Дмитриево	Касимовский	Клепиковский	265, 270, 273, 278, 288, 318, 387	346, 374, 375	
с. Дмитриево	Скопинский	Скопинский	73		
с. Дмитриевский Боровок	Раненбургский	Новодеревенский	95		
с. Добрая Надежда	Раненбургский				164 (пр. 118)
с.Добрые Пчелы	Михайловский	Захаровский	47		
с. Добрый Сот	Пронский	Спасский	36		
с. Долгое	Данковский	Липецкая обл.	47, 412, 439, 543		488 (пр.107, 117, 119, 126)
с. Домочи (Домачи)	Данковский	Липецкая обл.	47		
Дубечин	Рязанские земли XIV–XV вв.		37		
дер. Дубки	Данковский	Липецкая обл.	409		
с. Дубовое	Раненбургский	Чаплыгинский Липецкой обл.	214		
Дубок	Рязанские земли XIV–XV вв.		36, 37		
с. Дубровичи	Рязанский	Рязанский	33		
с. Дубровка	Касимовский	Шиловский	133, 174, 201, 240, 340, 514, 523, 533, 546	509	
дер. Дубровщина	Ряжский	Скопинский	96		
сл. Дунай (пригородная слобода г. Сапожка)	Сапожковский	(ныне не существует)	130		
дер. Дунино	Рязанский	Клепиковский	229, 254, 263, 267, 277–279, 286, 289, 389	376	
с. Дурное	Пронский	(под таким названием не существует)	188		
с. (пос.)Дягилево	Рязанский	(ныне в черте Рязани)	21, 51, 568		
г. Егорьевск	Егорьевский	Егорьевский, Московская обл.	58, 119, 121, 176, 311		
дер. Екатериновка	Сапожковский	Путятинский	98		
с. Екшур	Рязанский	Клепиковский		346	485 (пр.1)
г. (пгт.)Елатьма	Елатомский	Касимовский	50, 77, 79–81, 215, 414, 417, 443		
Елец	Рязанское княжество XI–XIII вв.		36		
Епифань	В числе рязанских городов с сер. XVI до сер. XVII в.		38, 39		

с. Ерахтур	Касимовский	Шиловский	50, 214, 236, 241, 264, 268, 269, 273, 282, 288, 295–297, 301, 320, 340, 384, 410, 414, 422, 550		399 (пр.40)
дер. Ерденево	Касимовский	Касимовский	421		
Ермишь (Ермишинский завод, ныне пгт.)	Темниковский	Ермишинский	50, 76, 203		
с. Ермо-Николаевка (дер. Ермо и дер. Николаевка)	Елатомский	Пителинский	510, 511, 524, 526		
дер. Ермоловка	Данковский	Милославский	576		
с. Ермолово	Скопинский	Скопинский	176, 472	473	
дер. Ефремово	Пронский	Старожиловский	96		
дер. Жабино	Раненбургский	Чаплыгинский Липецкой обл.	111		
дер. Жданово	Касимовский	Касимовский	308, 421, 422		
с. Желанное	Шацкий	Шацкий		308	
с. Жёлобово	Сапожковский	Сараевский	442		
с. Жокино	Михайловский	Захаровский	47		
с. Журавинка	Ряжский	Ряжский	125		
с. Журавинка	Раненбургский	Чаплыгинский Липецкой обл.	109		
дер. Забелино	Касимовский	Касимовский	142		
с. Заболотовское	Данковский	Милославский	333		
дер. Заболотье	Михайловский	Михайловский	333, 340		
с. Заборово (Спасское Заборово)	Ряжский	Новодеревенский	234, 264, 268, 320, 321		
с. Завидное	Шацкий	Шацкий	285		
с. Завидово	Сапожковский	Чучковский	98, 300		
дер. Загрядчино (Загрядино)	Раненбургский	Липецкая обл.	335, 525		
с. Залесье	Касимовский	Владимирская обл.	340, 410, 417, 418, 423		
г. Зарайск (Осётр)	Зарайский	Зарайский Московская обл.	20, 36, 38, 40, 214, 215, 564, 565		
Зареческ	Рязанские земли XIV–XV вв.		37		
с. Затишье	Рязанский	Рязанский	268	317, 321	
дер. Заулки	Темниковский	Кадомский	142, 254, 450, 478, 512		486 (пр.54)
с. Захарово	Михайловский	Захаровский	47, 247, 340		
с. Захарово 1	Рязанский	Захаровский	47		
Захарово 2			47		

дер.Захаровские Дворики	Михайловский	Захаровский	47		
слоб. Захупта	Ряжский	Ряжский (ныне не существует)	242		
с. Зачатье (Остров)	Егорьевский	Московская обл.	214		
с. Зверево	Данковский	Данковский Липецкой обл.			488 (пр.104, 119)
дер. Зеленая Поляна	Михайловский	Захаровский (ныне не существует)	47		
дер. Земская (Земское)	Касимовский	Касимовский	411		
с. Зенкино	Раненбургский	Липецкая обл.	102, 108, 109, 110, 194		166 (пр. 200)
дер. Зеркалы	Данковский	Милославский		414	
с. Зимарово	Раненбургский	Новодеревенский	205, 233, 251		
с. Змиевка (Змеевка)	Данковский	Милославский			488 (пр.104, 114)
с. Ибердус	Касимовский	Касимовский	50, 116, 119, 141, 142, 206, 340, 421, 422		
дер. Иванково	Касимовский	Клепиковский	44, 264, 394		
дер. Ивановка	Темниковский	Кадомский	398, 531		
с. Ижевское	Спасский	Спасский	16, 94, 96, 109, 112, 114, 115, 121, 123, 125–127, 132, 139–143, 187, 188, 191–194, 196, 198, 200, 203, 212, 215, 220, 245, 247, 273–275, 332, 339, 345, 354, 369, 397, 517, 531	118, 202	381 (пр.90)
с. Ижеславль	Михайловский	Михайловский	36, 74, 143, 207, 247		
дер. Измайлово	Рязанский	Клепиковский		185	
с. Илебники	Касимовский	Шиловский	514, 515, 535, 541, 552		
с. Ильинка	Скопинский	Скопинский	317, 340		
с. Ильинское (см. Ильинка)	Скопинский		317		
с. Инякино	Спасский	Шиловский	73, 126, 132, 133, 414, 421, 515		
с. Исады	Спасский	Спасский	36, 109, 120, 121, 138–140, 142, 146, 153, 160, 219, 221, 228, 231, 246, 282, 289, 294, 387, 391, 459, 466, 513, 541, 550	152, 537	488 (пр.118)
с. Истобное	Раненбургский	Чаплыгинский Липецкой обл.	96, 102, 123	299	
с. Истодники	Рязанский	Рыбновский	146, 154		
с. Истье	Пронский	Старожиловский	173		

с. Кабельша (Сухая Кабельша)	Раненбургский	Липецкая обл.		502	
дер. Каверино	Рязанский	Клепиковский	229		
с. Каверино	Шацкий	Шацкий	138		
г. (пгт.) Кадом	Темниковский	Кадомский	36, 215, 332, 478, 538		
Казаки (пригородная слобода Данкова)	Данковский	(ныне не существует)	439		
с. Казарь	Рязанский	Рязанский	36		
с. Казачий Дюк	Шацкий	Шацкий	340		
с. Казачья Слобода	Шацкий	Шацкий	340, 523		
дер. Каменец (см. Каменка)	Спасский Тамбовской губ.	Сасовский			
дер. Каменка	Пронский (до 1924) Ряжский (1924–1929)	Кораблинский	132		
дер. Каменка (Каменец)	Спасский Тамбовской губ.	Сасовский	47, 420		
Каменный Хутор 1	Михайловский	Михайловский	340		
с. Канино	Сапожковский	Сапожковский	116, 192, 230, 244, 262, 265, 272, 287, 515, 517, 577	365, 372	
с. Караулово	Сапожковский	Путятинский			486 (пр.41)
с. Каргашино	Елатомский	Сасовский	212		
дер. Кареево	Зарайский	Московская обл.	565		
дер. Кареево	Пронский	Пронский	111		
дер. Курмановы Починки	Темниковский	Кадомский	340		
с. Карповка	Раненбургский				488 (пр.119)
дер. Карпово	Рязанский	Клепиковский	248, 252, 386		
с. Карповское	Пронский	Пронский	183	334	
г. Касимов (Городец Мещерский)	Касимовский	Касимовский	48, 49, 58, 61–64, 66, 68, 73–76, 121, 142, 177, 203, 213, 215, 218, 340, 408, 414, 416–418, 420, 421, 423, 443		
с. Катагоща	Михайловский	Захаровский	47		
дер. Катино	Раненбургский	Новодеревенский	108		
с. Кельцы (общее название для сел Новые и Старые Кельцы)	Скопинский	Скопинский	73		
с. Кельцы Новые			306		
с. Кельцы Старые			306		
с. Кермись	Шацкий	Шацкий	50, 141, 143, 145, 147, 157, 160–162, 188, 211, 279, 340		

с. Кидусово	Спасский	Спасский	353, 458		380 (пр. 46)
с. Кикино	Ряжский	Кораблинский			488 (пр. 102, 105)
дер. Кикино	Скопинский	Милославский	438		225 (пр.171)
дер. Киселёвка	Ряжский	Ряжский	568		
с. Киструс (общее название для сел Старый и Новый Киструс)	Спасский	Спасский	50, 73, 203, 207, 527		
Киструс Старый			145, 146, 207, 208, 280, 386, 391, 393, 575, 576	158, 179, 343, 376	
Киструс Новый			207		
с. Китово	Касимовский	Касимовский	140, 157, 421, 422		
с. Климово	Раненбургский	Чаплыгинский Липецкой обл.	111		
дер. Княгиня	Сапожковский	Путятинский	340		
с. Княжое	Ряжский	Кораблинский	340		
с. Князево (Князево Займище)	Скопинский	Скопинский			488 (пр.117)
с. Кобяково	Елатомский	Сасовский	212		
с. Колесниково	Касимовский	Клепиковский	420–422		
с. Колесня	Михайловский	Захаровский	47		
Коломна	Рязанское княжество XI–XIII вв.		36, 38		
Колтеск	Рязанское княжество XI–XIII вв.		36		
с. Колыбельское	Раненбургский	Чаплыгинский Липецкой обл.	196, 238, 269	461	
с. Конобеево (общее название для почти соединившихся сел Польное и Лесное Конобеево)	Шацкий	Шацкий	205, 215, 345		
с. Константиново	Рязанский	Рыбновский	21, 60, 142, 237, 242, 282, 283, 518, 542, 551	362	380 (пр. 42, 75), 381 (пр.100)
с. Константиново	Спасский	Шиловский	250, 540		
с. Кончаково	Зарайский	Луховицкий Московской обл.	231, 253		
с. Копаново	Касимовский	Шиловский	538, 541		
г. (с.) Кораблино	Ряжский	Кораблинский	513		
с. Кораблино	Рязанский	Рязанский	24, 136, 233		
с. Корневое	Скопинский	Скопинский	176, 206, 244		
Корнике	Рязанские земли XIV–XV вв.		37		
с. Коровка	Сапожковский	Сапожковский	101, 404, 416		

с. Коростово	Рязанский	Рязанский	105		
с. Костино	Рязанский	Рязанский	101, 121		
с. Котелино (Котельня)	Елатомский	Кадомский	417, 460, 468, 478, 511, 512, 519, 521, 525, 531, 534, 550, 551	430, 445, 446	486 (пр.54)
дер. Которово	Елатомский	Касимовский	417, 418	296, 298	255 (пр. 15), 256 (пр. 65)
дер. Кочемары	Касимовский	Касимовский	203, 231, 234–236, 243, 245, 247, 254, 274, 278, 279, 393, 421	336, 581	
с. Кочемирово	Темниковский	Кадомский	16, 113, 144, 157, 159, 160, 230, 235, 240, 244, 251, 252, 254, 263, 265, 266, 276, 279, 280, 284, 285, 384, 386, 392, 393, 398, 403, 510, 512, 515, 519, 529, 531, 548	113, 117, 150, 172, 300, 307, 308, 322, 357, 364, 374, 408, 410, 439, 451, 452, 520, 530, 549	
с. Кочуры	Данковский	Милославский	47, 439		
с. Кошибеево	Елатомский	Сасовский	299		
пос. Красная Звезда		Михайловский	340		
с. Красное	Михайловский	Михайловский	531		
с. Красное	Пронский	Пронский	21, 245, 263, 264, 343, 361, 366, 513, 521, 534	338/339	380 (пр.41, 63, 73) 381 (пр. 88, 101)
с. Красное Знамя		Михайловский	340		
пос. Красный Городок	Скопинский	Скопинский	306		
пос. Красный Октябрь		Милославский	340		
с. Красный Угол	Сапожковский	Сапожковский	338, 409		
с. Красный Холм	Спасский	Шиловский	538, 541, 550, 562		
Красный Яр (Яр)		Спасский	153		
с. Кремлёво	Скопинский	Скопинский	306		
дер. Кресты	Михайловский	Захаровский	47		
с. Кривель	Сапожковский	Сапожковский	338		
с. Кривское	Сапожковский	Сараевский	46, 95, 439		
Крилатеск	Рязанские земли XIV–XV вв.		37		
с. Круглое	Данковский	Липецкая обл.	439		
дер. Крутое	Спасский Тамбовской губ.	Сасовский	555		
дер. Крыловка	Спасский	Шиловский	539, 541		
с. Кузёмкино	Касимовский	Шиловский	320		
с. Кузовлёво	Раненбургский	Липецкая	96		
дер. Кузьминка (Кузьминки)	Раненбургский	Ряжский	96, 335, 525		

с. Кузьминское	Рязанский	Рыбновский	21, 191, 198, 216, 354, 518, 545, 568	363	381 (пр.111) 485 (пр.1), 486 (пр. 24, 29)
Кукуевская слобода (пригородная слобода Сапожка)	Сапожковский	(ныне не существует)	130		
дер. Кулаевы Починки	Темниковский	Кадомский	340		
дер. Кулаково	Пронский	Пронский	183		
Кулатеск	Рязанские земли XIV–XV вв.		37		
с. Кулики	Шацкий	Шацкий	253		
дер. Култуки	Касимовский	Клепиковский	44, 239, 244, 249, 270, 277, 279, 288, 390, 409	348	
с. Кумино	Скопинский		115		
пос. Купальский	Ряжский	Сапожковский	393, 510, 516, 532		
с. Куплиям	Егорьевский	Московская обл.	119		
с. Купля	Шацкий	Шацкий	279, 345		
с. Курша	Касимовский	Клепиковский	44, 408, 410, 414, 415, 419, 420, 442		488 (пр. 113)
с. Кутлово (Кутловы Борки)	Сапожковский	Сараевский	442		
с. Кутуково	Спасский	Спасский	120, 138–140, 153, 154, 219, 221, 246, 250, 513, 518, 522, 553		
дер. Кучино	Спасский	Спасский	566		
с. Ламино	Сапожковский	Сараевский	46		
дер Ларино	Рязанский	Рыбновский	132		
с. Ласицы	Елатомский	Сасовский	295, 297, 298, 300, 531, 534		
пгт. (рп.) Лашма	Касимовский	Касимовский	50, 142, 206, 278, 395, 545, 546	545	
с. Лебяжье	Раненбургский	Ряжский (ныне не существует)	233, 237, 242, 316, 335, 525, 528		
пос. Ленино		Касимовский	340		
пос. Ленинский		Михайловский	340		
с. Летово	Рязанский	Рыбновский	103, 110		
с. Липки	Михайловский	Захаровский	47		
с. Липяги	Скопинский	Милославский	442		
с. Лихунино	Касимовский	Клепиковский	267		
с. Ловцы	Зарайский	Луховицкий Московской обл.	75, 173, 196, 232, 311, 546		
с. Лом	Касимовский	Касимовский	218, 421, 539		

Ломихвост	Рязанские земли XIV–XV вв.		37		
с. Ломовое	Раненбургский	Чаплыгинский Липецкой обл.	101, 110	299	
с. Лопатино	Скопинский	Скопинский	306, 510		167 (пр.250)
дер. Лосево	Егорьевский	Московская обл.		179	
дер. Лоша	Пронский	Кораблинский		494	488 (пр. 102, 113, 114, 118, 119)
дер. Лощинино	Касимовский	Касимовский	340		
с. Лубонос	Касимовский	Шиловский	514, 515, 526, 535, 541, 543		
с. Лубяники	Касимовский	Касимовский	194, 196, 251, 285	336, 457	
дер. Лужки	Рязанский	Рязанский	75		
дер. Луконетки	Скопинский	Кораблинский (ныне не существует)	333		
с Луховичи (Луховицы)	Зарайский	Луховицкий Московской обл.	101, 120, 177		
с. Льгово (Льгов, Ольгов)	Рязанский	Рязанский	35, 36, 138, 146, 188, 202, 205, 207, 208, 211, 386, 543	206	
с. Любичи	Зарайский	Луховицкий Московской обл.	119, 198, 232, 311, 354, 546		
с. Ляпуновка	Раненбургский	Липецкая обл.	133		
дер. Ляпуновка	Скопинский	Милославский		415	
дер. Макеенки	Касимовский	Касимовский	301		
с. Маклаково	Скопинский	Пронский	113, 115, 242, 271, 364, 388		291 (пр. 35) 380 (пр.55, 73) 381 (пр.107)
с. Маково	Михайловский	Михайловский	515		
с. Максы	Сапожковский	Сараевский	46		
с. Малахово	Касимовский	Клепиковский	44, 115, 191, 211, 221, 234, 236, 239, 242, 246, 247, 250, 253, 266, 269, 270, 273, 275, 277, 280, 282, 285, 286, 289, 318, 386, 390, 409, 410, 420, 478	203, 375	
с. Малая Алешня (см. Алешня)	Ряжский	Ряжский			
с. Малеево	Касимовский	Касимовский	73, 518		
с. Малива	Егорьевский	Московская обл.	175		
с. Малинки	Данковский	Липецкая обл.	47, 439		
с. Малинки	Михайловский	Михайловский	515		
дер. Малые Мочилы	Елатомский	Пителинский	537		
с. Малый Сапожок	Сапожковский	Сапожковский	323		

с. Мариновка	Моршанский Тамбовской губ.	Шацкий (ныне не существует)	274		
дер. Марково	Рязанский	Рыбновский	99		
с. Марчуки 2	Скопинский	Ряжский			488 (пр.113)
дер. Марьино	Касимовский	Касимовский	418, 422		
дер. Марьино	Рязанский	Рязанский	536		
дер. Масальщино	Скопинский	Милославский		349	
с. Маслово	Зарайский	Московская обл.	130		
с. Матвеевское	Спасский Тамбовской губ.	Сасовский	47		
пос. Маяк		Касимовский	340		
с. Мелехово	Касимовский	Чучковский	73, 272, 392, 405, 406, 409, 412, 418, 459		
с. Мервино	Рязанский	(в черте г. Рязани)	238, 241, 252, 396		
с. Мердушь (Мердушинский Завод)	Темниковский Тамбовской губ.	Ермишинский	340		
с. Мещерские Выселки (Гладкие Выселки)	Михайловский	Захаровский	47		
Микитин	Рязанские земли XIV–XV вв.		37		
с. (пгт.) Милославское	Скопинский	Милославский	340, 396, 582		
пос. Мирный		(в черте г. Рязани)	51	202	
г. Михайлов	Михайловский	Михайловский	20, 37, 38, 40, 142, 154, 332		
дер. Михалково	Ряжский	Новодеревенский	231, 232, 238, 247, 254, 263–265, 267, 269, 270, 275, 277, 396		
с. Михеи	Сапожковский	Сапожковский	195, 409		
с. Можары (общее название для сел Большие и Меньшие Можары)	Сапожковский	Сараевский	406, 416, 527	113	
с. Можары Большие			74, 96, 132, 152, 211, 229, 232, 241, 244, 247, 249, 263, 286, 386, 394, 527		
с. Можары Меньшие			74, 116, 144, 152, 202, 233, 244, 254, 270, 273, 394, 527, 578	114	
дер. Мордвино-Поливаново	Рязанский	Рязанский	50		
с. Мордвиновка	Ряжский	Ухоловский	50		
дер. Мордвиново	Касимовский	Клепиковский	50		

дер. Мордвиново	Елатомский	Сасовский	50		
с. Мордово	Сапожковский	Сараевский	46, 50, 460		
дер. Морозово	Егорьевский	Клепиковский (ныне не существует)	229		
с. Морозовы Борки	Сапожковский	Сапожковский	47, 98, 143, 157, 175, 195, 201, 204, 207, 247, 272, 286, 288, 306, 409, 441, 510	220, 337, 482, 484	
с. Мосолово	Спасский	Шиловский	180, 203	182,183, 186	
дер. Мотказино	Касимовский	Касимовский	218		
дер. Муняки (Муняково)	Спасский	Старожиловский	211, 236, 245		
с. Муравлянка	Сапожковский	Сараевский	46		
с. Муратово	Спасский	Шиловский	139, 513, 550		
рп. Мурмино	Рязанский	Рязанский	570		
дер. Мутор Большой		Касимовский	243, 252	350	
дер. Мутор Малый			206		
Муром	Столица Муромо-Рязанского княжества в XII в.		34, 36		
Мценск	Рязанское княжество XI–XIII вв.		36		
с. Мыс Доброй Надежды	Елатомский	Сасовский		367	
дер. Набережная	Раненбургский	Липецкая обл.		496, 501	
с. Нагайское	Ряжский	Ряжский (ныне не существует)	96		
с. Нагорное	Ряжский	Ряжский	133		
ст. Назарово (Назаровка)	Сапожковский	Чучковский	311		
с. Назарьево	Сапожковский (до 1924) Ряжский (1924–1929)	Сараевский	46		
с. Напольное	Сапожковский (до 1924) Ряжский (1924–1929)	Сараевский	46, 439, 460, 566		
с. Нарма	Елатомский	Ермишинский	250, 417, 419, 420, 421, 523, 526, 528		
с. Нармушадь	Касимовский	Шиловский	247, 254, 264, 265, 271, 275, 340, 511, 523, 526, 533, 552	345, 377	488 (пр. 103)
с. Нарышкино	Раненбургский	Чаплыгинский Липецкой обл.	99, 340		

с. Насилово	Пронский	Старожиловский (не существует)	21, 270, 361		381 (пр. 88)
дер. Неклюдово	Касимовский	Касимовский	175, 184		
с. Некрасовка	Темниковский	Ермишинский		532	
Нерине́ск	Рязанские земли XIV–XV вв.		37		
с. Нестерово	Елатомский	Пителинский	531		
дер. Нижнее Мальцево	Касимовский	Касимовский	523		381 (пр.111)
дер. Никито-Поляны (Никитино-Поляны)	Шацкий	Шацкий	251		
дер. Николаевка	Михайловский	Михайловский	207, 208		
с-цо Николаевское	Раненбургский	Липецкая обл.	103, 110		
Никольская слобода (пригородная слобода)	Пронский	(ныне не существует)	97		163 (пр. 45)
с. Никольское	Данковский	Данковский Липецкой обл.		101	
дер. Никольское (с-цо)	Сапожковский	Сапожковский	104		
с. Никуличи	Рязанский	Рязанский (ныне не существует)	114		
с. Новики	Спасский	Спасский	196		
дер. Новиково	Скопинский	Скопинский	306		
Новогородок	Рязанские земли XIV–XV вв.		37		
дер. Новое	Спасский Тамбовской губ.	Сасовский	47		
с. Новое Еголдаево	Ряжский	Ряжский	139, 221, 268, 306, 371, 434, 436, 437, 443, 445, 535, 572	357, 360, 573	381 (пр. 81), 486 (пр.46), 488 (пр. 129), 489 (пр. 150)
дер. Новоершово	Спасский	Шиловский	528, 534, 538		
с. Новокрасная Слобода (Новокрасное)	Сапожковский	Сапожковский	195		
г. Новомичуринск	Пронский	Пронский	517		
с. Новоникольское	Данковский	Липецкая обл.	101		
с. Новопанское	Михайловский	Михайловский	231, 246, 271, 276, 279, 297, 299, 300, 383–386, 391, 392, 396, 397, 482, 575, 577, 579		
с. Новосёлки	Рязанский	Рыбновский	121		
с. Новосёлки	Рязанский	Рязанский	21, 340, 361, 367, 525		380 (пр. 73, 75) 381 (пр. 88)
Новый Ольгов	Рязанские земли XIV–XV вв.		36, 37		

с. Ногино	Рязанский	Рыбновский	50		
дер. Норино	Касимовский	Клепиковский		375	
с. Огородниково	Спасский	Спасский	138, 139		
с. Одоевщина	Сапожковский	Сараевский	409, 411		
с. Озерицы	Зарайский	Московская обл.	121		
с. Озёрки	Скопинский	Милославский	144, 250, 268, 288, 340, 450, 453		
с. Окаёмово (см. Пощупово)	Рязанский	Рыбновский			
пос. Октябрь		Касимовский	340		
Опаков	Рязанское княжество XI–XIII вв.		36		
дер. Орельево	Михайловский	Захаровский	47		
с. Орехово	Спасский	Спасский	142, 158, 196, 385, 391, 525, 550, 551		
с. Орловка	Данковский	Липецкая обл.	442		
Осётр (см. Зарайск)					
дер. Остаповка	Михайловский	Захаровский (ныне не существует)	47		
с. Остапово	Данковский	Липецкая обл.		499	
дер. Отрада	Сапожковский	Путятинский	111, 238, 267, 268, 279	150, 433	
с .Павелец	Скопинский	Скопинский	306	344	
дер. Павловка	Данковский	Липецкая обл.			
дер. Павлово	Рязанский	Клепиковский	195		165 (пр. 159)
с. Павловское	Скопинский	Милославский	566		
с. Палищи	Касимовский	Гусь-Хрустальный Владимирской обл.	209, 215, 261	261	
с. Паники (Паника)	Сапожковский	Сараевский	46		
с. Панкино	Пронский	Пронский		457	
дер. Пансурово	Рязанский	Клепиковский	229		
дер. Папушево	Спасский	Спасский	409		488 (пр. 113)
с. Парахино	Касимовский	Гусь-Хрустальный Владимирской обл.	35, 44, 74, 410, 414, 415, 419, 550		
дер. Парахино	Касимовский	Гусь-Хрустальный Владимирской обл.	264	343	
дер. Парсаты	Шацкий	Шацкий	261, 275, 285		
с. Парышка	Ряжский	Сапожковский	532, 533		

Пекселы (общее название для с. Большие Пекселы и дер. Малые Пекселы)	Касимовский	Шиловский	242–244, 247, 264		
с. Большие Пекселы			231, 410, 417, 418, 421		488 (пр. 113)
дер. Малые Пекселы			231, 236, 252, 262, 263, 280		257 (пр. 76, 93)
с. Пеньки (Поганые Пеньки)	Елатомский	Пителинский	76, 159, 265, 271, 275, 280, 286, 289, 372, 376, 384, 531–533		
дер. Перевитск (Перевицкий Торжок)	Зарайский		37, 38		
с. Перевлес	Пронский	Старожиловский	173, 212		
Переславль Рязанский (см. Рязань)		Соврем. Рязань			
с. Перехваль	Данковский	Данковский Липецкой обл.	105, 111, 439		
с. Перкино	Спасский	Спасский	50, 138		
дер. Перово	Касимовский	Гусь-Хрустальный Владимирской обл.		210	
с. Песочня (Песочное) Песочинский крахмальный завод	Сапожковский	Путятинский	38, 47, 196, 204, 338, 409, 416, 441		
дер. Петино	Сапожковский	Путятинский			486 (пр. 41)
с. Петрово	Ряжский	Ряжский	133, 139, 140, 203, 206, 208, 234, 241, 246, 269, 272, 306, 340, 437, 567	160, 203, 438	
с. Петрушино	Скопинский	Скопинский	208, 471		
Печерники	В числе рязанских древних городов		38, 39		
с. Печины	Шацкий	Шацкий	188		
с. Пёт	Елатомский	Пителинский	421, 523, 531, 533		
Пиковы Рясы (Пиково)	Раненбургский	Чаплыгинский Липецкой обл.	95, 104, 107, 120, 200		
пос. Пионерский		Рыбновский	340		
пгт. (с.) Пителино	Елатомский	Пителинский	372, 533	527, 530, 532	
с. Пителино	Раненбургский	Липецкая обл.	103, 413	413	
с. Пичкиряево	Спасский Тамбовской губ.	Сасовский	47, 555		
с. Плахино	Михайловский	Захаровский	47	457	487 (пр. 63)
Плотницкая слобода (пригородная слоб. Пронска)	Пронский	(ныне не существует)	332		
пос. Побединка	Скопинский	Скопинский	73		

дер. Погореловка	Михайловский	Захаровский	47		
дер. Погори	Спасский	Спасский	566		
с. Погост	Касимовский	Касимовский	142, 340	180	
с. Погост Дощатый (Спас Дощатый)	Зарайский	Зарайский Московской обл.	75		
с. Подвязье	Рязанский	Рязанский	340, 343, 361	363	380 (пр. 42, 75) 381 (пр. 88)
с. Подгорное	Раненбургский	Ряжский (ныне не существует)		495	
с. Подлесное	Михайловский	Рязанский	47, 178	447	
с. Покровское	Ряжский	Ухоловский	195, 248, 340, 393		
с. Половское	Спасский	Спасский	316		
дер. Полтево	Рязанский	Рыбновский (ныне не существует)	74		
с. Полтевы Пеньки (см. с. Восход)	Елатомский	Кадомский			
с. Поляки	Сапожковский	Шиловский (1929–1935, 1963–1977) Путятинский (1935–1962, 1977–2008)	98, 297, 550		
с. Поляны	Рязанский	Рязанский	335, 339, 367, 562		380 (пр.42, 64) 381 (пр.88)
с. Попадьино	Михайловский	Захаровский	47		
с. Поплевино	Ряжский	Ряжский	142, 306, 516		
с. Потапьево	Елатомский Сасовский (1924–1929)	Сасовский (1962–1965) Пителинский (1965–2008)	417, 418, 421, 561, 566		
с. Починки	Егорьевский	Московская обл.	174		
с. Пощупово (Богослов, Окаёмово)	Рязанский	Рыбновский	119, 121, 283, 310, 313, 314, 316		486 (пр. 24)
дер. Поярково	Михайловский	Михайловский	141, 142, 157, 263		
с. Преображенка	Шацкий	Кадомский	340		
дер. Приютовка	Сапожковский	Сараевский	105		
пос. Пролетарский		Милославский	340		
г. Пронск	Пронский	Пронский	36, 37, 38, 40, 331, 332, 356, 357		
с. Просечное (Просечье)	Раненбургский	Новодеревенский	120		
с. Пупки	Скопинский	Скопинский	176		
дер. Пупкино	Михайловский	Захаровский	47		

с. Пустополье (Пустое Поле)	Спасский	Шиловский	221		
с. Пустотино	Ряжский	Кораблинский	396, 436, 437		485 (пр. 13), 486 (пр. 46), 488 (пр. 129)
с. Путятино	Раненбургский	Липецкая обл.	112		
с. Путятино	Сапожковский	Путятинский	21, 101, 205, 235, 311	363	380 (пр. 73) 381 (пр. 100)
дер. Путятинские Выселки	Раненбургский	Липецкая обл.	245		
с. Пушкари	Михайловский	Михайловский	340, 387, 390		
Пушкарская слобода (пригородная слобода Данкова)	Данковский	(ныне не существует)	439		
с. Пятаково	Шацкий	Сасовский	239, 242, 267		
с. Раки	Пронский	Пронский (ныне не существует)			381 (пр. 111)
дер. Раменки	Рязанский	Рыбновский	110		
г. Раненбург (г. Чаплыгин)	Раненбургский	Чаплыгинский	119, 183, 198, 207, 333, 560, 564, 568, 569	214	
с. Раново	Данковский	Липецкая обл.		499	
дер. Ремизовка (Ремизово)	Сапожковский	Сараевский	111		
с. Реткино	Рязанский	Рязанский		404	
дер. Рогачево	Касимовский	Тумский (до 1956) (ныне не существует)	180		
с-цо (с.) Роговое	Пронский	Михайловский	130, 132		
с. Рождествено	Скопинский	Скопинский	154, 340		
с. Романовы Дарки	Сапожковский	Шацкий (1962–1977) Путятинский (с 1977–2008)	130, 314, 320, 387, 390, 391, 394, 434, 436, 445, 468, 527, 538		
Рославль Польский	Рязанские земли XIV–XV вв.		37		
Ростиславль	Рязанское княжество XI–XIII вв.	Зарайский Московской обл.	36, 37, 331		
с. Рубецкое	Касимовский	Шиловский	73		
Рыбацкая (Выползова) слобода	Рязанский	(ныне не существует)	332		
с. Рыбное (г.)	Рязанский	Рыбновский	76, 577		
с. Рыкова Слобода	Рязанский	Рязанский (ныне не существует)	105, 202	431, 464, 465	

г. Ряжск	Ряжский	Ряжский	36, 38, 39, 47, 62, 66, 83, 119, 139, 195, 203, 205, 242, 306, 405, 561		
г. Рязань	Рязанский	Рязанский	16, 25, 35–39, 50, 51, 57, 58, 62, 66, 74, 78, 83, 102, 119, 121, 138–140, 146, 153, 162, 178, 201, 205–208, 214, 219, 301, 320, 331, 357, 457, 561, 564, 565, 568, 570, 574, 578, 579, 580	202, 206, 209, 215, 216, 221, 571, 576, 578, 579	256 (пр. 30)
пос. Ряньзя		Сасовский	420		
дер. Ряссы	Раненбургский	Новодеревенский	242, 268, 550		
с. Савватьма	Елатомский	Ермишинский	235, 340, 420, 546		
дер. Салаур (с.)	Касимовский	Шиловский	550, 552		
с. Салтыки	Раненбургский	Ряжский	443		
с. Салтыково (Спасские Буты, Салтыково-Буты)	Спасский Тамбовской губ.	Сасовский	47, 420	477	
дер. Самарино	Ряжский	Ряжский (ныне не существует)	229, 306		
дер. Самодуровка	Данковский	Липецкая обл.	47, 439		488 (пр. 107)
с. Самодуровка (Ухоловские Выселки)	Сапожковский	(не существует)	98, 415, 416, 441, 442		
дер. Самуиловка	Касимовский	Касимовский	231, 235, 244, 250, 254, 264, 274, 278, 279, 286, 390, 391, 392	349, 376	
дер. (с.)Самылово	Касимовский	Касимовский	213		
с. Санское	Спасский	Шиловский	142		
сл. Сапожковское Городище (пригородная слобода)	Сапожковский	(ныне не существует)		457	
г. Сапожок (пгт.)	Сапожковский	Сапожковский	38, 39, 47, 116, 119, 130, 140, 393, 411, 413, 416, 441, 568, 571, 575, 576, 579	524	
с. Сараи (пгт.)	Сапожковский	Сараевский	46, 95, 138, 204, 215		
г. Сасово (с.)	Елатомский	Сасовский	79, 138, 142, 215, 580		
дер. Свестур	Темниковский Тамбовской губ.	Ермишинский	340		
Свинеск	Рязанские земли XIV–XV вв.		37		
с. Свинчус	Касимовский	Шиловский	201, 524, 535, 546, 556		556 (пр.18)
с. Свищёво	Елатомский	Пителинский	531		

с. Секирино	Скопинский	Скопинский	73, 136, 142, 206, 231, 233, 240, 244, 249, 250, 252, 254, 259, 260, 268, 273, 275, 277, 278, 289, 386, 387, 408, 413, 448, 463, 471, 472, 478, 484, 485, 515, 524–526, 576	394, 411, 446, 478, 483, 484	
с. Селезнево	Рязанский	Клепиковский		181, 404	
с. Селезеново	Спасский	Спасский	74		
с. Селищи (Селище)	Касимовский	Касимовский	340		
с. Сельцы	Рязанский	Рыбновский	119, 142, 177, 183, 200, 216, 340		223 (пр.48)
пос. Семеновка	Касимовский	Касимовский (ныне не существует)	206		
с. Семенск	Пронский	Пронский	188		
с. Семион	Ряжский	Кораблинский	131		
дер. Сеитово	Касимовский	Касимовский	450		
дер. Сергеевка	Касимовский	Клепиковский	44		
дер. Сергеевка	Ряжский	Ряжский	97		
дер. Сергеевка (Сергиевка)	Сапожковский (до 1924) Спасский (1924–1929)	Шиловский	133, 134	363	
с. Сергеевский Боровок	Раненбургский	Новодеревенский	108		
Серебряные Пруды	Входил в состав Рязанских земель в XIV–XV вв.		38		
дер. Сидоровка	Рязанский	Рыбновский	74		
дер. Сидорово	Касимовский	Касимовский	73		
дер. Синорма	Елатомский	Пителинский (в черте Пителина)	533		
дер. Скобелево	Елатомский	Касимовский	80		
г. Скопин	Скопинский	Скопинский	38, 39, 73, 119, 154, 175, 178, 195, 203, 206, 218, 306, 334, 423	306	
с. Слемские Борки	Зарайский	Московская обл.	242		
дер. Слободка	Пронский	Кораблинский	340		
дер. Слободка	Михайловский	Михайловский	340		
с. Смыково	Сапожковский	Сапожковский	116, 195		
с. Сново-Здорово	Шацкий	Шацкий	275, 386, 390		
дер. Соболевая	Спасский	Спасский	282, 386		
с. Собчаково	Сапожковский	Сапожковский	338, 409, 416, 513, 534		

с. Собчаково	Спасский	Спасский	133, 240, 263, 265, 272, 572		
пос. Советский Мир		Милославский	340		
дер. Соколово	Зарайский	Московская обл.	130		
с. Солнечное (Самодуровка)	Михайловский	Михайловский	340		
дер. Соловачево	Ряжский	Ухоловский	127		
дер. Соловыя	Раненбургский	Липецкая обл.	81		
с. Соловьяновка	Темниковский	Кадомский	411, 531		
с. Солотча (пос.)	Рязанский	Рязанский	25, 119, 518, 568		486 (пр. 21)
с. Сосновка	Зарайский		354		
дер. Софиевка	Скопинский	Милославский	228, 252, 266, 268, 286		
дер. Соха	Пронский	Старожиловский	125		
с. Спас Дощатый (см. Погост Дощатый)	Зарайский	Московская обл.			
с. Спас-Клепики (г.)	Рязанский	Клепиковский	178, 193, 206, 306, 419, 565		
г. Спасск	Спасский	Спасский	533	213, 217, 345, 361, 368	
дер. Спасск	Шацкий	Шацкий	143	345,361,368	
с. Спасское	Скопинский	Милославский	270		
с. Спешнево	Данковский	Липецкая обл.			327 (пр. 38)
с. Спешнево	Ряжский	Новодеревенский	133		167 (пр. 242)
с. Срезнево	Спасский	Шиловский	246		
с. Старая Рязань	Спасский	Спасский	34, 36, 37, 74, 283, 331, 341, 357, 458	494	86 (пр.4)
дер. Старо-Васильевка	Егорьевский	Московская обл.		334	
с. Старочернеево	Шацкий	Шацкий	233, 247, 269, 285, 398		
с. Старый Кадом	Темниковский	Кадомский	203		
Старый Львов	Рязанские земли XIV–XV вв.		37		
с. Стафурлово	Рязанский	Рязанский	513		
дер. Степаново	Касимовский	Касимовский	272		291 (пр.37)
с. Столпцы	Пронский	Старожиловский	527		
Сторожевая слобода (пригородная сл. Данкова)	Данковский	(не существует)	439		
дер. Стрелецкая Дубрава	Скопинский	Скопинский (ныне не существует)	306		
с. Стрелецкие Выселки	Михайловский	Михайловский	340		

Стрельцы (пригородная слобода Данкова)	Данковский	(не существует)	439		
с. Строевское	Сапожковский	Путятинский	141, 153, 230, 241, 245, 251, 282, 285, 286, 386	151	
пос. Строитель		(в черте Рязани)	51		
с. Стублё (Стублёвские Выселки)	Михайловский	Михайловский	232, 243, 264, 271, 387, 577		
Стублёвские Выселки (см. с. Стублё)	Михайловский	Михайловский			
дер. Студенец	Спасский Тамбовской губ.	Сасовский	420		
с. Студёнки	Раненбургский	Новодеревенский	266, 268, 285, 287, 323, 384, 387, 394		
с. Сугробы	Данковский	Липецкая обл.	439		
дер. (с.) Сумерки	Темниковский	Кадомский	394, 450, 478, 512, 533, 540, 541, 550	444, 449, 518, 542	381 (пр. 107), 488 (пр. 131)
с. Сурки	Данковский	Липецкая обл.	412, 413, 439	411	
дер. Сухорожня	Данковский	Милославский			488 (пр. 103)
с. Сушки	Спасский	Спасский			486 (пр. 29)
с. Сысои	Сапожковский	Сараевский	46, 120, 138, 139		
Табачная слобода (пригородная слобода г. Сапожка)	Сапожковский		130		
с. Таптыково	Раненбургский	Липецкая обл.	125		
с. Таптыково	Сапожковский	Сараевский	46		
с. Тарадеи	Шацкий	Шацкий	390		
дер. Тараканово	Егорьевский	Московская обл.		175	
дер. Тархань	Шацкий	Шацкий	49, 340		
с. Телебукино	Касимовский	Касимовский	144, 421, 422	159	
с. Телятники	Сапожковский	Сараевский	46, 95, 115, 143, 218, 439		
с. Темгенево	Елатомский	Сасовский	133, 138, 195, 196, 231, 246, 247, 249, 254, 271, 275, 278, 280, 286, 289, 384, 391, 392, 393, 397	372	
с. Темирёво	Елатомский	Пителинский	74, 421		
дер. Теньсюпино	Шацкий	Сасовский	49		
с. Теплое	Данковский	Липецкая обл.	47, 439		
с. Терентеево	Елатомский Касимовский (1924–1925) Сасовский (1925–1929)	Пителинский	522		
с. Терехово	Спасский	Шиловский	73, 74, 142, 247, 249, 282, 287, 288, 538, 539, 541		

дер. Терновая Погореловка	Пронский	Пронский	125		
Тешилов	Рязанское княжество XI–XIII вв.		36, 37		
дер. Тимохино	Касимовский	Касимовский	206		
с. Тимошкино	Спасский	Шиловский	232, 233, 236, 243, 245, 253, 270, 272, 274, 277, 287, 288, 538, 546, 551	509	
с. Токарёво	Касимовский	Касимовский	73		
с. Токарево	Шацкий	Шацкий	252		
с. Токмаково	Темниковский	Ермишинский	420		
с. Толпино	Ряжский	(ныне не существует)	215		
с. Топки	Раненбургский	Липецкая обл.			488 (пр.126)
Торческ	Рязанские земли XIV–XV вв.		35, 37		
с. Требунки	Данковский	Липецкая обл.			
с. Троица (Троице-Пеленицы)	Спасский	Спасский	121, 138, 139, 154, 250, 340, 390		
с. Троицкое	Скопинский	Милославский (ныне не существует)	356, 358, 365, 366		380 (пр. 73, 75, 76) 381 (пр.89)
с. Тросна	Зарайский	Московская обл.	130		
Тула	Рязанские земли XIV–XV вв.		36		
с. (пгт.) Тума (Николаевская)	Касимовский	Клепиковский	140, 177, 191, 211, 214, 237, 242, 286	177, 217, 218	
с. Турмадеево	Темниковский Тамбовской губ.	Ермишинский	528, 539		
с. Тырново	Пронский	Пронский	183		
с. Тырново	Спасский	Шиловский	515, 551	333, 471, 523, 532	
с. Тырновская Слобода (см. Тырново)	Спасский				
с. Тюково	Рязанский	Клепиковский	267, 278, 297, 298, 300, 398	307	485 (пр. 1)
с. Увяз	Касимовский	Шиловский	175, 232, 236, 241, 242, 250, 262, 274, 275, 396, 421	124, 275, 312	281 (пр.35, 41)
с. Уда	Сапожковский	Сапожковский	415		
дер. Ужалье	Спасский	Спасский	203, 527		
Ужеск	Рязанские земли XIV–XV вв.		36		
дер. Уляхино	Касимовский	Гусь-Хрустальный Владимирской обл.	206, 211, 264, 289		

дер. Урдово	Елатомский	Касимовский	340		
дер. Урусово	Раненбургский	Новодеревенский	108		
г. Урюпеск	Входил в состав Рязанских земель в XIV–XV вв.		37		
дер. Урядино	Касимовский	Касимовский	120, 137, 139, 140, 142, 143, 145, 148, 157, 160, 229, 231, 239, 246, 260, 266, 269, 278–280, 282, 287, 385, 391–393, 421	156	
дер. Усково	Елатомский		420, 421		
дер. Успеновка	Шацкий (до 1924) Сасовский (1924–1929)	Шацкий	133		
с. Устрань	Спасский	Спасский	138, 139, 221, 238, 246–248, 288, 289, 370, 391, 513, 522, 536, 546, 547, 550, 553, 555		
с. Ухолово (пгт.)	Ряжский	Ухоловский	184, 204, 215, 216, 398, 582	437, 525	
дер. Ухорские Выселки	Пронский	Кораблинский	340		
дер. Уша	Сапожковский	Шиловский	196		
дер. Ушмор	Рязанский	Клепиковский	75, 340, 387, 566		
с. Ушмор	Рязанский	Клепиковский			486 (пр. 29)
с. Фатьяновка	Спасский	Спасский	221		
дер. Федоровка	Сапожковский	Сапожковский	340		
с. Федосово	Шацкий	Шацкий		542	
с. Федотьево	Спасский		196		
с. Федякино	Рязанский	Рыбновский	21, 521		
с. Ферма		Пителинский		516, 531	
дер. Филино	Рязанский	Клепиковский	397		
дер. Фомино	Рязанский	Клепиковский	298, 383, 384, 389	157	
дер. Фролово	Рязанский	Клепиковский	203, 206, 211, 221		
с. Хавертово	Михайловский	Михайловский	47		
дер. Халымово	Касимовский	Касимовский	547		
с. Хитрово	Данковский	Липецкая обл.	409, 442		488 (пр. 117)
с. Ходынино	Рязанский	Рыбновский	74		
дер. Холопово	Елатомский	Касимовский	340		
дер. Храповка	Ряжский	Ряжский (ныне не существует)	97		
дер. Хрипенки	Спасский	Спасский	476		

с. Хрущево-Подлесное	Данковский	Липецкая обл.		299	
с. Царёво	Елатомский	Ермишинский	230, 235, 245, 248, 265, 273, 288, 394	322, 367	
г. Чаплыгин (см. г. Раненбург)	Раненбургский	Чаплыгинский Липецкой обл.			
дер. Чарсуль	Рязанский	Клепиковский	340		
с. Чарус	Касимовский	Касимовский	340, 422		
дер. Часлицы	Касимовский	Гусь-Хрустальный Владимирской	210, 248, 285	174, 210, 285	
дер. Чаур	Касимовский	Касимовский	340		
дер. Чевкино	Спасский	Спасский	145		
с. Чермные	Темниковский	Кадомский	359, 388, 394, 439, 450, 468, 478		381 (пр. 107), 488 (пр. 131)
с. Чернава	Скопинский	Милославский	74, 115, 126, 141, 208, 211, 221, 230, 231, 233, 235, 241, 247, 260, 261, 271, 275, 288, 289, 306, 370, 372, 386, 391, 392, 395, 397, 434, 437, 438, 445, 450, 453, 463, 466, 470, 471, 478, 484, 485, 517, 526, 527	451, 455, 466, 468, 470, 473, 475, 478, 480, 526	256 (пр.19), 485 (пр. 13), 486 (пр. 46), 488 (пр. 129), 489 (пр. 135, 150)
с. Черная Речка	Сапожковский	Сапожковский	404, 415		
с. Чёрная Слобода	Шацкий	Шацкий	231, 235, 268, 269, 272, 274, 316, 340, 385, 514, 523, 532	532	
с. Чернобаево	Пронский	Старожиловский			489 (пр. 135)
дер. Чернышовка	Данковский	Милославский	269, 393, 395		
дер. Чернышово-Починки	Касимовский	Касимовский		581	
дер. Четаево	Касимовский	Касимовский	230, 235, 254, 270, 278, 280, 282, 288, 391, 393, 547	325, 548	
дер. Чечево	Касимовский	Клепиковский	180		
с. Чешуево	Рязанский	Рыбновский	103,108		
дер. Чинур	Касимовский	Касимовский	261, 340		
дер. Чичкино	Рязанский	Рязанский	105		
с. Чулково	Пронский	Пронский	183		
с. Чулково	Скопинский	Скопинский	408	478	
с. Чучково (пгт.)	Сапожковский	Чучковский	116, 125, 196, 306, 409, 459, 460, 569		
дер. Шакино	Рязанский	Клепиковский	239, 244, 248, 274, 386, 387		
с. Шаморга	Шацкий	Шацкий	189, 205, 207, 279, 345		

с. Шарик	Шацкий	Шацкий	99, 140, 142, 145, 174, 199		
с. Шатрище	Спасский	Спасский	31, 139, 141, 142, 221		
дер. Шафторка	Спасский Тамбовской губ.	Сасовский	48, 420		
г. Шацк	Шацкий	Шацкий	38, 39, 40, 61, 215, 332		
дер. Шебаево	Рязанский	(ныне не существует)		178	
с. Шевали-Майданы	Елатомский	Сасовский	47		
дер. Шевертни	Касимовский	Гусь-Хрустальный Владимирской обл.		371	
с. Шевырляй	Шацкий	Шацкий	340		
дер. Шелемишево	Скопинский	Скопинский		499	
дер. Шелковая	Пронский	Старожиловский	231, 234, 533		256 (пр. 65)
дер. Шемякино	Касимовский	Шиловский	243, 275	243, 253, 276, 283	
с. Шереметьево	Раненбургский	Ряжский	340		
с. Шехмино	Рязанский	Рыбновский	216, 518		
с. Шилово (пгт.)	Спасский	Шиловский	37, 140, 177, 203, 212, 300, 554		
Шипино	Рязанские земли XIV–XV вв.		37		
дер. Ширино	Сапожковский	Сапожковский		480, 481	
дер. Шишкино	Раненбургский	Чаплыгинский Липецкой обл.	566		
дер. Шишкино	Рязанский	Рыбновский	74, 108, 110		
с. Шостье	Касимовский	Касимовский	172, 238, 408, 421, 422, 523		256 (пр.57), 487 (пр. 76)
с. Шумашь	Рязанский	Рязанский	33, 51, 110		
дер. Щегловка	Данковский	Липецкая обл.		463	
с. Эммануиловка	Шацкий	Шацкий	282, 285		
с. Юшта	Спасский	Шиловский	533, 538		
с. Ягодное	Данковский	Данковский Липецкой обл.	439	417	488 (пр. 126)
с. Ягодное	Сапожковский	Сараевский	47, 413, 416, 439		
с. Якимец (общее название для сел Нижний и Верхний Якимец)	Раненбургский	Новодеревенский	214		
с. Якимец Верхний					164 (пр. 118)
с. Ялмонть	Егорьевский	Клепиковский (ныне не существует)	142	334	

с. Ялтуново Лесное	Шацкий	Шацкий	386
с. Ялтуново Польное	Шацкий	Шацкий	31, 345
дер. Ясаково	Спасский	Спасский	31

Научное издание

Русские Рязанского края
том 1

Издательство «Индрик»

Оригинал-макет и оформление *А.С. Старчеус*

Корректор *Т.И. Томашевская*

Редакторы *О.В. Белова, Н.С. Полищук*

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938·01·00
indric@mail.ru

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) —
95 3800 5

Формат 60×90 $^{1}/_{8}$. Печать офсетная.
77 п. л. Тираж 1000 экз.